This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

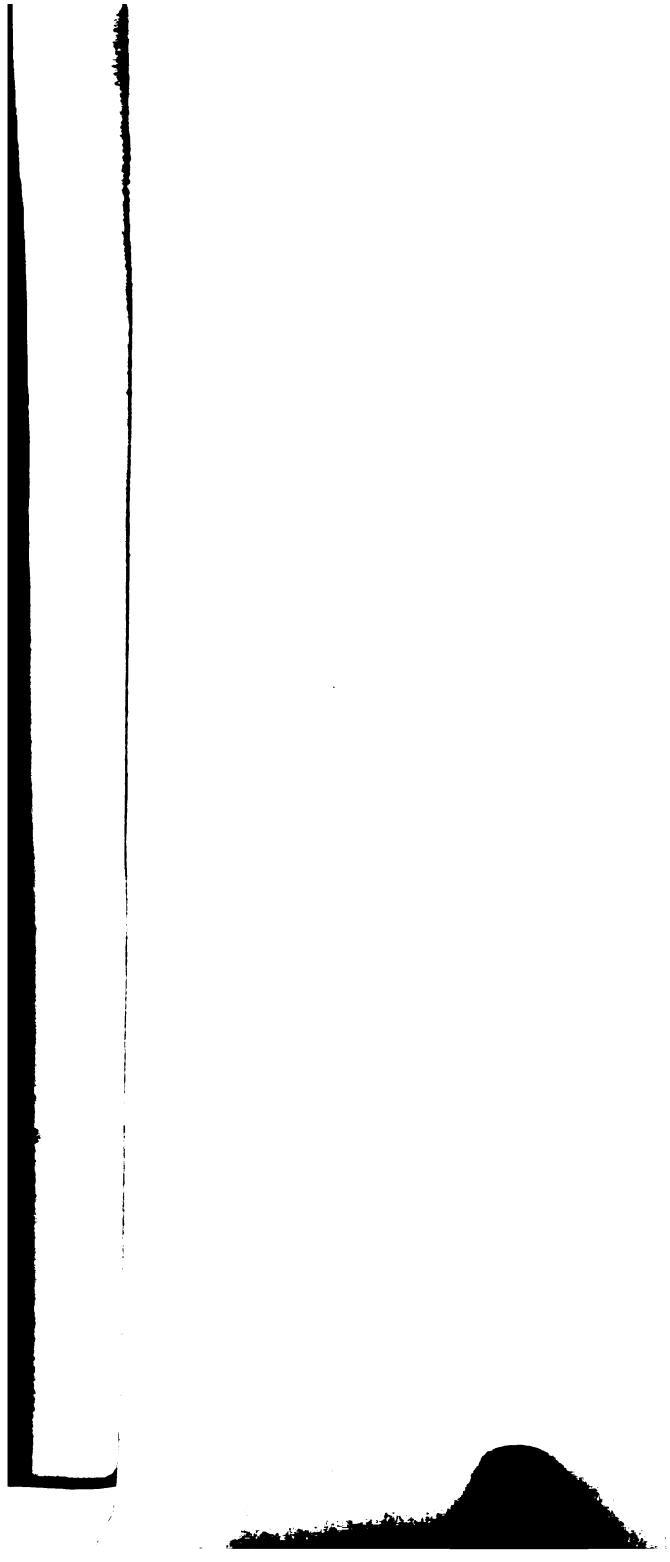
- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

B 859,397

PROPERTY OF
University of Michigan Libraries
1817
ARTES SCIENTIA VERITAS



ПОЛНАЯ

РУССКАЯ ХРИСТОМАТІЯ.

ПОЛНАЯ
РУССКАЯ ХРЕСТОМАТІЯ.

Составилъ

А. ГАЛАХОВЪ.

Изданіе шестое, съ перемѣнами.

ВЪ ТРЕХЪ ЧАСТЯХЪ.

ЧАСТЬ II.

ПОЭЗІЯ.

МОСКВА.
Въ Университетской Типографіи.
1853.

891.708
G146
v.2

Dr. J. V. Becelaere
qf.
5-2-1923

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комите узаконенное число экземпляровъ. Москва, 1853 года, Іюня 10-го дня.

Цензоръ, Дѣйствит. Статскій Совѣтникъ и Кавалеръ И. Снегиревъ.

1952
3а
2V

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

ЭПИЧЕСКАЯ ПОЭЗІЯ.

1. Героическая поэма.

. Изъ Иліады. — *Гнѣдичъ.*
а) Прощаніе Гектора и Андромахи 1
б) Борьба рѣки Ксанѳа съ Ахиллесомъ. 3
в) Пріамъ въ ставкѣ Ахиллеса 7
. Изъ Одиссеи.—*Жуковскій.* 9
. Изъ Наля и Дамаянти. — *Жуковскій.* 19
. Изъ Энеиды. — *Жуковскій.*
а) Лаокоонъ и змѣи. 23
б) Смерть Пріама. 24
в) Охота — *Мерзляковъ* . 26
г) Меркурій возвѣщаетъ Энею волю Юпитера. . . 27
д) Отплытіе Энея. 28
. Изъ Освобожденнаго Іерусалима — *Мерзляковъ*. . 30
. Изъ Мессіады. — *Жуковскій*. 38
. Изъ Россіады.—*Херасковъ.*
а) Характеръ Адашева. . . 41
б) Лѣсъ. 42
в) Зима . . . . . —

=

. Романтическая поэма.

. Изъ Неистоваго Орланда.— *Раичъ*. 43
. Изъ Фритіофа. — *Гротъ.*
а) Фритіофъ у Ангантира. 48
б) Уставъ Викинга 50
в) Искушеніе Фритіофа. . . 51
г) Избраніе конунга. 52

=

3. Лироэпическая поэма.

10. Изъ поэмы *Лалла-Рукъ.* — *Жуковскій.*
а) Пери и Ангелъ 54
б) Слезы покаянья . . . . . —
11. Шильонскій узникъ.
а) Братья узники. 57
б) Смерть младшаго брата. 58
в) Видъ природы. 59
12. Кавказскій плѣнникъ. — *А. Пушкинъ.*
а) Кавказскія горы. 60
б) Горцы . . . . . —
13. Бахчисарайскій фонтанъ.—
а) Гирей 62
б) Фонтанъ слезъ. . . . . —
14. Цыганы.
а) Кочевой таборъ. 63
б) Переходъ на другое кочевье . . . . . —
в) Разсказъ Цыгана объ Овидіи. . . . . —
г) Эпилогъ. 64
15. Полтава.
а) Кочубей въ темницѣ. . . —
б) Полтавскій бой. 65
16. Чернецъ.—*И. Козловъ.*
а) Чернецъ 67
б) Смерть Чернеца . . . . . —
17. Наталья Долгорукая. 68
18. Мцыри. — *Лермонтовъ*. . . 71

=

123399

Стр.

4. Современная эпопея.

19. Изъ Евгенія Онѣгина. — *А. Пушкинъ.*
    а) Деревня Онѣгина. 75
    б) Гаданье на святкахъ. . —
    в) Сонъ Татьяны. . . . . —
    г) Москва 76

=

5. Романъ и повѣсть.

20. Юрій Милославскій — *Загоскинъ.* 77
21. Басурманъ.—*Лажечниковъ.* 83
22. Мертвыя души.—*Гоголь.*
    а) Помѣстье Плюшкина. . . 87
    б) Русь. 90
    в) Два писателя. 91
23. Герой нашего времени.—*Лермонтовъ.* 92
24. Бедуинъ.—*Бенитцкій.* . . . 96
25. Мѣдный Всадникъ. — *А. Пушкинъ.*
    а) Петръ Великій и Петербургъ. 98
    б) Наводненіе. . . . . —
26. Капитанская дочка. 99
27. Дубровскій. 101
28. Арапъ Петра Великаго. —
    а) Свиданіе съ Петромъ I. 103
    б) Петръ на обѣдѣ. 104
29. Козьма Рощинъ. — *Загоскинъ* 105
30. Старосвѣтскіе помѣщики.—*Гоголь.* 112
31. Тарасъ Бульба. . . . .
    а) Тарасъ Бульба. 116
    б) Степь. 117
    в) Осада. 119
32. Импровизаторъ. — *Кн. В. Одоевскій.* 120
33. Послѣдній квартетъ Бетховена. 122
34. Что легко наживается, то еще легче проживается. — *Даль.* 126
35. Изъ повѣсти: хмѣль, сонъ и *явь.* 128
36. Антаръ. — *Сенковскій.* . .
37. Нѣчто о Василіи Ивановичѣ. — *Гр. Сологубъ.* . . . . .

=

6. Сказка.

38. Война мышей и лягушекъ.—*Жуковскій.* . . . . .
39. Ундина. . . . .
    а) Разсказъ рыбака. . . . .
    б) Разсказъ Ундины рыцарю. . . . .
    в) Преходимость горя. . . .
40. Сказка о мудрецѣ Керимѣ. . .
41. О рыбакѣ и рыбкѣ. — *А. Пушкинъ* . . . . .
42. О мертвой царевнѣ и о семи богатыряхъ. . . . .
43. Илья Муромецъ и Соловей разбойникъ. — *Казакъ Луганскій* (*Даль*). . . . .
44. Кощей безсмертный. — *Вельтманъ* . . . . .
45. Конекъ Горбунокъ.-*Ершовъ.*

ЛИРИЧЕСКАЯ ПОЭЗІЯ.

1. Ода.

46. Подражаніе Іову. — *Ломоносовъ* . . . . .
47. Утреннее размышленіе о Божіемъ величествѣ . . . . .
48. Вечернее размышленіе о Божіемъ величествѣ . . . . .
49. На день восшествія на престолъ Императрицы Елисаветы Петровны.. . . . .
50. Богъ.—*Державинъ.* . . . . .
51. На смерть Кн. Мещерскаго.
52. Изъ Водопада. . . . .
53. На взятіе Измаила. . . . .
54. Видѣніе Мурзы. . . . .
55. Изображеніе Фелицы. . . . .
56. На рожденіе въ сѣверѣ Порфиророднаго Отрока . . . . .

Стр.

щеніе Императора Ни-
Павловича. 191
никъ. 192
ь. . . . . —
шеніе къ обѣду. . 193
дніе стихи Державина. —
шленіе по случаю гро-
И. Дмитріевъ . . . . . —
Богу. — *Жуковскій*. 194
. 196
ъ въ станѣ Русскихъ
ъ. 197
Моисеева при пре-
ніи Чермнаго моря. —
яковъ. 205
зрушеніе Вавилона. . . 206
да. — *Батюшковъ*. . 207
одъ чрезъ Рейнъ. . . —
никъ. — *А. Пушкинъ*. 209
тникамъ Россіи. . . . —
инская годовщина. . . 210
. 211
обу Кутузова. . . . . —
окъ. 212
мерть Гете. — *Бара-
кій*. . . . . —
. . . . . —
. — *Н. Языковъ*. . . . 213
ажаніе псалму 136. . . —
трясенье . . . . . —
ь. — *Ѳ. Глинка*. 214
огущество . . . . . —
ь къ Господу. . . . . —
и благодать. 215
ніе Бога. 216
еспонтъ. — *Козловъ*. . . —
огребеніе Сира Джона-
. 217
окъ. — *Лермонтовъ*. . —
ъ . . . . . —
редѣльность. — *С. Ше-
въ*. 218
е. — *Ознобишинъ*. . . . 219
ла. — *Бенедиктовъ*. . . —
ицы человѣчества. —
труговщиковъ. 220
. . . . . —
надъ. 221

=

Стр.

2. Дума.

96. Туча. — *А. Пушкинъ*. . . . 221
97. Молитва. — *Лермонтовъ*. . —
98. Вѣтка Палестины. 222
99. Великая тайна. — *Кольцовъ*. —
100. Послѣдняя борьба . . . . . —
101. Молитва. 223
102. Могила. . . . . —
103. Желаніе — *А. Хомяковъ*. . —
104. Жизнь. — *Ѳ*—. 224

=

3. Пѣсни и романсы.

105. Пѣснь Русскому Царю. — *Жуковскій*. . . . . —
106. Путешественникъ . . . . . —
107. Пловецъ. 225
108. Пѣсня бѣдняка. . . . . —
109. Романсъ. . . . . —
110. Велисарій. — *Мерзляковъ*. . 226
111. Тоска въ одиночествѣ. . . —
112. Черкесская пѣсня.-*А. Пушкинъ*. 227
113. Беззаботность птички. . . . . —
114. *Я пережилъ свои желанья*. —
115. Пловецъ. — *Н. Языковъ*. . . —
116. *Море воетъ, море стонетъ*. *Д. Давыдовъ* 228
117. *Пѣла, пѣла пташечка*. — *Дельвигъ*. . . . . —
118. *Ахъ, ты ночь-ли, ноченька*. . . . . —
119. Пѣсня Дездемоны. — *И. Козловъ*. . . . . —
120. *Сладко пѣлъ душа соловушко*. — *Лажечниковъ*. . . 229
121. Козачья колыбельная пѣсня. — *Лермонтовъ* . . . . . —
122. Лѣсъ. — *А. Кольцовъ*. . . . 230
123. *Сяду я за столъ*. . . . . —
124. *Что ты спишь, мужичекъ*. 231
125. Пѣсня пахаря. . . . . —
126. *По полю, полю чистому*.— *Цыгановъ*. 232
127. *Полетай соловеюшко*. . . . —

Стр.

128. Романсъ. 233
129. Образцы простонародныхъ пѣсенъ. . . . . —

=

4. Элегія.

130. Сельское кладбище.—*Жуковскій*. 235
131. Та-же элегія въ другомъ переводѣ. 237
132. *Опять ты здѣсь, мой благодатный Геній*. 240
133. Теонъ и Эсхинъ. . . . . —
134. Ночь. 242
135. Жалоба Цереры . . . . . —
136. Тѣнь друга.— *Батюшковъ*. 244
137. Умирающій Тассъ. . . . . —
138. На развалинахъ замка въ Швеціи. 247
139. *Есть наслажденіе и въ дикости лѣсовъ* 249
140. *Смерть жатву жизни коситъ*. — *Кн. Вяземскій*. . —
141. Опять на родинѣ.—*А. Пушкинъ*. 250
142. Лицейская годовщина. . . . —
143. Лицейская годовщина. . . . 251
144. *Брожу-ли я вдоль улицъ шумныхъ*. 252
145. *Рѣдѣетъ облаковъ летучая гряда*. . . . . —
146. Уединеніе. . . . . —
147. Осень. 253
148. Скоротечность жизни. . . . 254
149. Истина. — *Баратынскій*. . —
150. Сельская элегія. 255
151. Финляндія. 256
152. Къ радости. — *И. Козловъ*. 257
153. *Есть наслажденіе и въ дикости лѣсовъ*. . . . . —
154. Земная грусть.—*Ѳ. Глинка*. —
155. Бородинское поле. — *Д. Давыдовъ*. 258
156. Вѣточка. — *Веневитиновъ*. 259
157. Поэтъ и другъ. . . . . —
158. Ночь. — *Плетневъ*. 260
159. Ангелъ. — *Лермонтовъ*. . . 261

С

160. Парусъ. 2
161. *Когда волнуется желтѣющая нива*. . . . . .
162. *Выхожу одинъ я на дорогу*. . . . . .
163. *Вхожу съ смущеніемъ въ забытыя палаты*. — *А. Майковъ*. . . . . .
164. Зимній вечеръ. — *Гр. Растопчина*. 2

=

5. Баллады.

165. Лѣсной царь.—*Жуковскій*. 2
166. Ночной смотръ . . . . . .
167. Ахиллъ. 2
168. Сраженіе съ змѣемъ. 2
169. Графъ Габсбургскій. 2
170. Торжество побѣдителей. — 2
171. Пѣснь о вѣщемъ Олегѣ. — *А. Пушкинъ*. 2
172. Бѣсы 2
173. Воздушный корабль.—*Лермонтовъ*. . . . . .

=

6. Идиллiи и эклоги.

174. Деревенскій сторожъ въ полночь. *Жуковскій*. 2
175. Путешественникъ и поселянка. 2
176. Овсяный кисель. 2
177. Утренняя звѣзда 2
178. Лѣтній вечеръ. . . . . .
179. Гезіодъ и Омиръ соперники. — *Батюшковъ* 2
180. Рыбаки. — *Мерзляковъ*. . . 2
181. Рыбаки. — *Гнѣдичъ* 2
182. Изъ Идиллiи: Сиракузянки. . 2
183. Отставной солдатъ.—*Дельвигъ*. 2
184. Червячекъ. *Дѣдушка Иринѣй* (*Кн. Одоевскій*). 2

=

Стр.

7. Сонеты.

185. Н. М. Языкову.—*Дельвигъ.* 298
186. Гора Кикинеисъ.—*И. Козловъ.* . . . . . —
187. Видъ горъ изъ степей Козловскихъ. . . . . —
188. Алушта днемъ 299
189. *Спокойно дни мои цвѣли въ долинѣ жизни.* — *Веневитиновъ.* . . . . . —
190. *Къ тебѣ, о чистый Духъ.* —
191. Цвѣтокъ. — *Бенедиктовъ.* . —

=

8. Мелкія лирическія стихотворенія.

А. ЭПИГРАММЫ.

192. *Мнѣ лѣкарь говорилъ.* — *И. Дмитріевъ.* 300
193. Сожалѣніе . . . . . —
194. Къ слезливому стихотворцу. . . . . —
195. Живописецъ . . . . . —
196. Бригадиру. . . . . —
197. Пятнадцатилѣтній стихотворецъ. — *В. Пушкинъ.* . . . . . —
198. Совѣтъ эпическому стихотворцу. — *Батюшковъ.* . . . 301
199. Совѣтъ . . . . . —
200. Крезу. — *Кн. Вяземскій.* . —
201. Объясненное сомнѣніе.—*В.* —
202. Къ портрету выспренняго поэта. — *В.* . . . . . —
203. Исторія стихотворца. — *А. Пушкинъ.* . . . . . —
204. Пріятелямъ. . . . . —
205. Ex ungue leonem. . . . . —
206. Идилликъ.—*Баратынскій.* . 302
207. *Въ своихъ стихахъ онъ скукой дышитъ.* . . . . . —
208. Различіе. — *Е. Б—й.* . . . . —
209. Къ портрету Н. Н. — *Д. Давыдовъ.* . . . . . —
210. *Нѣтъ, кажется тебѣ не суждено* . . . . . —
211. *Остра твоя, конечно, шутка* 30

=

Б. НАДПИСИ.

212. Эпитафіямъ.-*И. Дмитріевъ.* —
213. Къ бюсту Александра Перваго. . . . . —
214. Къ портрету Гете. — *Жуковскій* 30
215. Къ портрету Жуковскаго.— *Батюшковъ.* . . . . . —
216. Къ Александровской колоннѣ.—*К. П. Ш. Шихматовъ.* —
217. Къ монументу Петра Великаго. — *Рубанъ.* . . . . . —
218. Къ портрету Александра Перваго. — *Кн. Вяземскій.* —
219. Къ портрету Жуковскаго.- *А. Пушкинъ.* . . . . . —
220. Къ портрету ** . . . . . —
221. Къ Портрету Петра Великаго. . . . . —

=

В. ЭПИТАФІИ.

222. Гробу Суворова.—*Гнѣдичъ.* 304
223. Дельвигу. . . . . —
224. *** . . . . . —
225. *Что жизнь его была?* — *Дельвигъ.* . . . . . —
226. *Жизнью земною играла она.* —
227. *Не нужны надписи для камня моего.* . . . . . —
228. *Какъ утромъ на цвѣтахъ весенняя роса.* — *Крыловъ.* —

=

9. Антологическія піесы.

229. Листокъ.- *Жуковскій* . . . . —
230. Близость весны . . . . . —
231. Дружба. . . . . —
232. Воспоминаніе. . . . . —

Стр.

233. Яворъ къ прохожему.- *Батюшковъ*. 305
234. Жизнь и смерть. — *Кн. Вяземскій*. . . . . —
235. Эхо. — *А. Пушкинъ*. . . . —
236. Трудъ . . . . . —
237. Послѣдніе цвѣты. 306
238. Листокъ.— *Д. Давыдовъ*. . —
239. Утѣшеніе. — *Дельвигъ*. . . . —
240. Изъ Гете. — *Лермонтовъ*. . —
241. Искуство. — *А. Майковъ*. . —
242. *Муза, богиня Олимпа*. . . —
243. Аполлонъ и Гермесъ. — *А. Струговщиковъ*. 307

=

10. Дидактическая поэзія.

А. ОПИСАНІЕ.

244. Кавказъ. — *А. Пушкинъ*. . —
245. Осень и зима . . . . . —
246. Ночь на Кавказѣ. 308
247. Появленіе весны. . . . . —
248. Появленіе зимы. . . . . —
249. Утро. — *Н. Языковъ* . . . . —
250. Полдень. 309
251. Утро. . . . . —
252. Конь. . . . . —
253. Гроза. 310
254. Къ Альпамъ. — *И. Козловъ*. —
255. Вечеръ въ іюнѣ.—*Д. Давыдовъ* . . . . . —
256. Кавказъ. — *Лермонтовъ*. . 311
257. Зимнее утро.—*А. Майковъ*. —
258. Картина вечера. . . . . —
259. Призывъ. 312

=

Б. ДИДАКТИЧЕСКАЯ ПОЭМА.

260. Изъ науки о стихотворствѣ. *Мерзляковъ*. . . . . —
261. Изъ Делилевой поэмы: Сады. *Воейковъ* 315
262. Изъ IV пѣсни Виргиліевыхъ Георгикъ. — *Раичъ*. 316
263. Изъ Делилевой поэмы: Сельскій житель. *М. Дмитріевъ*. 320

Стр.

В. ПОСЛАНІЕ.

264. Къ друзьямъ. *И. Дмитріевъ*. 321
265. Праматерь внукѣ.—*Жуковскій*. 323
266. Ея Императорскому Высочеству Великой Княжнѣ Александрѣ Николаевнѣ 323
267. Князю Вяземскому. 324
268. Къ Вяземскому и Пушкину. 325
269. Д. В. Дашкову. *Батюшковъ*. 327
270. Къ И. М. М. А.. . . . . —
271. Къ П. А. Пл-ву—*Гнѣдичъ*. 329
272. И. А. Крылову. 331
273. Стансы. — *А. Пушкинъ*. . . —
274. Жуковскому. 332
275. Козлову. . . . . —
276. *Въ часы забавъ или праздной скуки*. . . . . —
277. Анониму . . . . . —
278. Императрицѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ. — *И. Козловъ*. . . 333
279. Женѣ. 334
280. А. Пушкину. — *Дельвигъ*. . 335
281. Р—ну. — *Веневитиновъ*. . —
282. Любителю музыки. . . . . —
283. А. С. Пушкину.—*Плетневъ*. —

=

Г. САТИРА.

284. Чужой толкъ. — *И. Дмитріевъ*. 337
285. Посланіе къ Н. И. Дмитріеву, приславшему мнѣ свои сочиненія.—*Кн. Вяземскій*. 340
286. Къ перу моему. 342
287. Богдановичу. *Баратынскій*. 344

=

Д. БАСНЯ.

288. Конь верховой.—*Хемницеръ*. 346
289. Богачъ и Бѣднякъ. 347
290. Соловей и Чижъ. . . . . —
291. Метафизикъ 348
292. Дубъ и трость.—*И. Дмитріевъ*. . . . . —

Стр.

13. Пѣтухъ, котъ и мышенокъ. 349
14. Чижикъ и Зяблица. 350
15. Орелъ и змѣя . . . . . —
16. Муха. . . . . —
17. Слѣпецъ и разслабленный. . 351
18. Рысь и кротъ. . . . . —
19. Полевой цвѣтокъ. 352
20. Прохожій и пчела. . . . . —
21. Чужеземное растеніе. . . . . —
22. Ворона и лисица.—*Крыловъ.* —
23. Зеркало и обезьяна. . . . . —
24. Тришкинъ кафтанъ 353
25. Любопытный . . . . . —
26. Гуси. . . . . —
27. Котъ и поваръ. 354
28. Обезьяна. . . . . —
29. Слонъ и моська 355
30. Лебедь, щука и ракъ . . . . . —
31. Оселъ и соловей. . . . . —
32. Демьянова уха. 356
33. Щука и котъ. . . . . —
34. Лжецъ. 357
35. Лягушка и волъ 358
36. Ларчикъ. . . . . —
37. Мартышка и очки. . . . . —
38. Квартетъ. 359
39. Волки и овцы . . . . . —
40. Лисица и виноградъ. 360
41. Василекъ . . . . . —
42. Пустынникъ и медвѣдь. . . . —
43. Два мальчика. 362
44. Вельможа. . . . . —
45. Орелъ и голубка.—*Жуковскій.* . . . . . —
46. Человѣкъ и мотылекъ. *Кн. Вяземскій.* 363
47. Круговая порука . . . . . —

=

ДРАМАТИЧЕСКАЯ ПОЭЗІЯ.

1. Трагедія.

48. Изъ Эдипа. — *Озеровъ.* . . . 364
49. Сцены изъ Еврипидовой трагедіи: Ифигенія въ Тавридѣ. *Мерзляковъ.* 366

Стр.

330. Изъ Орлеанской Дѣвы.–*Жуковскій* 376
331. Изъ Бориса Годунова — *А. Пушкинъ.* 380
332. Изъ Макбета (Шекспира).— *Пер. Кронебергъ.* 384

=

2. Драма.

333. Изъ Фауста. *Веневитиновъ.* 389
334. Изъ Драмы: Рука Всевышняго отечество спасла.. — *Н. Куколникъ* 390
335. Торквато Тассо. 395

=

3. Комедія.

336. Изъ Недоросля. — *Фонъ-Визинъ.* 398
337. Изъ Мольеровой комедіи:— Les femmes savantes. *И. Дмитріевъ* 401
338. Изъ комедіи: Пустодомы.— *Кн. А. Шаховской* 402
339. Изъ комедіи: Аристофанъ или Всадники. 405
340 Изъ комедіи: Воспитаніе или вотъ приданое.—*О. Кокошкинъ* 406
341. Изъ комедіи: Горе отъ ума. *Грибоѣдовъ* 407
342. Изъ комедіи: Г-нъ Богатоновъ, или провинціалъ въ столицѣ.— *Загоскинъ.* 10
343. Изъ комедіи: [illegible] стымъ, или [illegible]
344. Изъ Воздушны[illegible] *Хмельницкій.*
345. Изъ коме[illegible] *Гоголь.*
346. Утро д[illegible]

ЭПИЧЕСКАЯ ПОЭЗІЯ.

I. ГЕРОИЧЕСКАЯ ПОЭМА.

1. ИЗЪ ИЛІАДЫ.

РОЩАНІЕ ГЕКТОРА И АНДРОМАХИ.

. Гекторъ стремительно изъ до-
му вышелъ,
ней дорогой назадъ, по красно-
устроеннымъ стогнамъ.
приближался уже, протекая обшир-
ную Трою,
кейскимъ воротамъ (чрезъ нихъ
лъ выходъ изъ города въ поле);
Андромаха супруга, бѣгущая въ
встрѣчу, предстала,
ль богатаго дома, прекрасная дочь
Гетіона:
'етіонъ обиталъ при подошвахъ лѣ-
систаго Плака,
ивахъ Плакійскихъ мужей Кили-
кіянъ властитель державный;
) дочь сочеталась съ Гекторомъ
мѣднодоспѣшнымъ.
предстала супруга; за нею одна
изъ прислужницъ
у персей держала безсловнаго во-
все младенца,
ь ихъ единый, прелестный, подоб-
ный звѣздѣ лучезарной.
ръ его называлъ Скамандріемъ;
граждане Трояне
наксомъ: единый бо Гекторъ защи-
той былъ Трои.
отецъ улыбнулся, взглянувши на
сына безмолвный.
ь него Андромаха стояла, ліющая
, слезы;
Руку пожала ему, и такія слова гово-
рила:
«Мужъ удивительный, губитъ тебя
твоя храбрость! ни сына
«Ты не жалѣешь младенца, ни бѣдной
матери; скоро
«Буду вдовой я, несчастная! скоро тебя
Аргивяне,
«Вмѣстѣ напавъ, умертвятъ! а тобою
покинутой, Гекторъ,
«Лучше мнѣ въ землю сойти; никакой
мнѣ не будетъ отрады,
«Если, постигнутый рокомъ, меня ты
оставишь: удѣлъ мой
«Горести! Нѣтъ у меня ни отца, ни ма-
тери нѣжной!
«Старца отца моего умертвилъ Ахиллесъ
быстроногій,
«Въ день, какъ и градъ разорилъ Кили-
кійскихъ народовъ цвѣтущій,
«Ѳивы высоковоротныя. Самъ онъ убилъ
Гетіона,
«Но не смѣлъ обнажить: устрашался не-
честія сердцемъ;
«Старца онъ предалъ сожженію вмѣстѣ
съ оружіемъ пышнымъ,
«Создалъ надъ прахомъ могилу; и
окрестъ могилы той ульмы
«Нимфы холмовъ насадили, Зевеса ве-
ликаго дщери.
«Братья мои однородные — семь оста-
валось ихъ въ домѣ —
«Всѣ, и въ единый день, преселились
въ обитель Аида:
«Всѣхъ злополучныхъ избилъ Ахиллесъ,
быстроногій ристатель,

«Въ стадѣ застигнувъ тяжелыхъ тельцовъ и овецъ бѣлорунныхъ.
«Матерь мою, при долинахъ дубравнаго Плака царицу,
«Плѣнницей въ станъ свой привлекъ онъ, съ другими добычами брани;
«Но даровалъ ей свободу, принявъ несчислимый выкупъ;
«Феба-жъ и матерь мою поразила въ отеческомъ домѣ!
«Гекторъ, ты все мнѣ теперь, и отецъ и любезная матерь,
«Ты и братъ мой единственный, ты и супругъ мой прекрасный!
«Сжалься-же ты надо мною, и съ нами останься на башнѣ,
«Сына не сдѣлай ты сиротою, супруги не сдѣлай вдовою.
«Воинство наше поставь у смоковницы; тамъ наипаче
«Городъ приступенъ врагамъ, и восходъ на твердыню удобенъ.
«Трижды туда приступая, на градъ покушались герои:
«Оба Аяксы могучіе, Идоменей знаменитый,
«Оба Атрея сыны и Тидидъ, дерзновеннѣйшій воинъ:
«Вѣрно о томъ имъ сказалъ прорицатель какой-либо мудрый,
«Или, быть можетъ, самихъ устремляло ихъ вѣщее сердце.»
Ей отвѣчалъ знаменитый, шеломомъ сверкающій Гекторъ:
«Все и меня то, супруга, не меньше тревожитъ; но страшный
«Стыдъ мнѣ предъ каждымъ Троянцемъ и длиннооджежной Троянкой,
«Если, какъ робкій, останусь я здѣсь, удаляясь отъ боя.
«Сердце мнѣ то запретитъ; научился быть я безстрашнымъ,
«Храбро всегда, межъ Троянами первыми, биться на битвахъ,
«[redacted] славы отцу и себѣ самому добывая.
[redacted] вѣдаю самъ, убѣждаясь и мыслью и сердцемъ,
«Будетъ нѣкогда день, и погибнетъ священная Троя,
«Съ нею погибнетъ Пріамъ и народъ копьеносца Пріама.
«Но не столько меня сокрушаетъ грядущее горе
«Трои, Пріама родителя, матери дряхлой Гекубы,
«Горе тѣхъ братьевъ возлюбленныхъ юношей многихъ и храбрыхъ,
«Кои полягутъ во прахъ подъ руками враговъ разъяренныхъ,
«Сколько твое! какъ тебя Аргивянинъ мѣдью покрытый,
«Слезы ліющую, въ плѣнъ повлечетъ и похититъ свободу:
«И невольница, въ Аргосѣ будешь ткать чужеземкѣ,
«Воду носить отъ ключей Месеиса или Гипперея,
«Съ ропотомъ горькимъ въ душѣ; но заставитъ жестокая нужда!
«Льющую слезы—тебя кто-нибудь увидитъ и скажетъ:
«Гектора это жена, превышавшаго храбростью въ битвахъ
«Всѣхъ конеборцевъ Троянъ, какъ сражался вкругъ Иліона!
«Скажетъ—и въ сердцѣ твоемъ пробудится новая горесть:
«Вспомнишь ты мужа, который тебя защищалъ-бы отъ рабства!
«Но да погибну и буду засыпанъ перстью земною,
«Прежде, чѣмъ плѣнъ твой увижу и лобный вопль твой услышу!
Рекъ — и сына обнять устремился блистательный Гекторъ;
Но младенецъ назадъ, пышноризой кормилицы къ лону
Съ крикомъ припалъ, устрашася любимаго отчаго вида,
Яркою мѣдью испуганъ, и гребень увидѣвъ косматый,
Грозно надъ шлемомъ отца всколебавшійся конскою гривой.
Сладко любезный родитель и нѣжная мать улыбнулись.

›съ головы не медля снимаетъ божественный Гекторъ,
› кладетъ его пышноблестящій; и, на руки взявши
› сына, цѣлуетъ, качаетъ его, и, поднявши,
говоритъ, умоляя и Зевса и прочихъ безсмертныхъ:
всъ и безсмертные боги! о, сотворите, да будетъ
ой возлюбленный сынъ, какъ и я, знаменитъ среди гражданъ,
же и силою крѣпокъ, и въ Трои да царствуетъ мощно.
›о немъ нѣкогда скажутъ, изъ боя идущаго видя:
отца превосходитъ! И пусть онъ съ кровавой корыстью
итъ, враговъ сокрушитель, и радуетъ матери сердце!
ь—и супругѣ любезной на руки онъ полагаетъ
› сына; его къ благовонному лону прижала
улыбаясь сквозь слезы. Супругъ умилился душевно,
ь ее, и, рукою ласкающій, такъ говорилъ ей:
брая! сердца себѣ не круши неумѣренной скорбью.
ивъ судьбы меня человѣкъ не пошлетъ къ Аидесу:
дьбы, какъ я мню, не избѣгъ ни одинъ земнородный,
› ни отважный, ни робкій, какъ скоро на свѣтъ онъ родится.
вуй, любезная, въ домъ; озаботься своими дѣлами;
емъ, пряжей займися, приказывай женамъ домашнимъ
свос исправлять; а война—мужей озаботитъ
ь, наболѣ-жъ меня, въ Иліонѣ священномъ рожденныхъ.»
и окончивши, поднялъ съ земли бронеблещущій Гекторъ
тый шлемъ, и пошла Андромаха безмолвная къ дому,
Часто назадъ озираяся, слезы ручьемъ проливая.
Скоро достигла она устроеніемъ славнаго дома
Гектора мужегубителя; въ оном служительницъ многихъ,
Собранныхъ вмѣстѣ, нашла, и къ плачу ихъ всѣхъ возбудила:
Всѣ, о живомъ еще Гекторѣ, плакали въ Гектора домѣ.
Нѣтъ, онѣ помышляли, ему изъ погибельной брани
Въ домъ не прійти, не избѣгнуть отъ рукъ и свирѣпства Данаевъ.

в) БОРЬБА РѢКИ КСАНѲА СЪ АХИЛЛЕСОМЪ.

Многихъ еще-бы Пеонянъ сразилъ Ахиллесъ быстроногій,
Если-бы голоса въ гнѣвѣ Скамандръ пучинный не поднялъ.
Въ образѣ смертнаго богъ возгласилъ изъ глубокой пучины:
«О Ахиллесъ! и могуществомъ силъ и грозою дѣяній
«Выше ты смертнаго! Боги всегда по тебѣ побораютъ.
«Если Кроніонъ Троянъ на погибель всѣхъ тебѣ предалъ,
«Выгони ихъ изъ меня, и надъ ними ты въ полѣ свирѣпствуй.
«Трупами мертвыхъ полны у меня свѣтлоструйныя воды;
«Болѣе въ море священное волнъ проливать не могу я,
«Трупами спертый троянскими: ты истребляешь, какъ гибель!
«О воздержись! и меня изумляешь ты, пастырь народа!
Ксанѳу не медля отвѣтствовалъ царь Ахиллесъ быстроногій:
«Будетъ, какъ ты заповѣдуешь, Ксанѳъ, громовержцевъ питомецъ!
«Я перестану Троянъ истреблять; но не прежде, какъ гордыхъ
«Въ стѣны вобью, и не прежде, какъ Гектора мощь испытаю,

«Онъ-ли меня укротитъ, иль надменнаго
самъ укрощу я.
Такъ говоря, на Троянъ устремился
ужасный, какъ демонъ.
Къ Фебу тогда возопила Рѣка изъ пу-
чины глубокой:
«Богъ сребролукій, Кроніона сынъ,
не блюдешь ты завѣтовъ
«Зевса Кронида! не онъ-ли тебѣ пове-
лѣлъ, Олимпіецъ,
«Трои сыновъ защищать неотступно,
пока не прострется
«Сумракъ вечерній, и тѣнью холмис-
тыхъ полей не покроетъ?»
Такъ говорила; Пелидъ-же безстраш-
ный въ средину пучины
Прянулъ съ крутизны. Рѣка поднялася,
волнами бушуя,
Вся, всклокотавши, до дна взволнова-
лась, и мертвыхъ погнала,
Коими волны ея Ахиллесъ истребитель
наполнилъ:
Мертвыхъ, какъ волъ ревущая, вонъ
извергала на берегъ;
Но живыхъ укрывая въ пучинныхъ пе-
щерахъ широкихъ,
Ихъ защитила своими катящимись пы-
шно водами.
Страшное вкругъ Ахиллеса волненіе
бурное встало;
Зыблютъ героя валы, упадая на щитъ;
на ногахъ онъ
Болѣ не могъ удержаться; руками за
вязъ ухватился
Толстый, раскидисто-росшій, и вязъ,
опрокинувшись съ корнемъ,
Берегъ обрушилъ съ собой, заградилъ
быстротечныя воды
Вѣтвей своихъ густотой, и какъ мостъ
по рѣкѣ протянулся,
Весь на нее опрокинясь. Герой, изскоча
изъ пучины,
Бросился въ страхѣ долиной летѣть на
ногахъ своихъ быстрыхъ.
Яростный богъ не отсталъ; но, подняв-
шись, за нимъ онъ ударилъ
Валомъ черноголовымъ, горя обуздать
Ахиллеса
Въ подвигахъ бранныхъ, и Трои
защитить отъ убій
Онъ-же, герой, проскакалъ на про
. ство копейнаго.
Быстро, какъ мощный орелъ, че
рый ловецъ поднебес
Самый сильнѣйшій и самый быст
изъ рода пернат
Равный орлу онъ стремился; бле
мѣдь всеор
Страшно вкругъ персей звучала
отъ Рѣки, онъ брос
Въ бокъ; а Рѣка по слѣдамъ его
вомъ ужаснымъ крути
Словно, когда водоводъ отъ клю
бильнаго вл
Въ садъ, на кусты и растенія р
дотечный провод
Заступъ острый держа и копь от
понъ очи
Рвомъ устремляется влага; по
всѣ мелкіе к
Съ шумомъ катятся; источникъ
и журчитъ, убыстре
Мѣстомъ покатистымъ; онъ и во
леко упрежд
Такъ непрестанно преслѣдова
черноглавый Пе
Сколько ногами ни быстраго: б
гучѣе смерти
Нѣсколько разъ покушался ге
хиллесъ быстро
Противостать и увидѣть, не всѣ
уже
Гонятъ, не все-ль на него опо
великое п
Нѣсколько разъ его валъ, изл
Зевсомъ Скама
Сверху обрушася, въ плечи хл
негодуя, вы
Прядалъ Пелидъ; но Рѣка у
могучія
Бурная подъ ноги била, и пра
подъ стопъ выры
Крикнулъ Пелидъ наконецъ, на
небо вз
«Зевсъ! такъ никто изъ боговъ
сердый меня не предст

изъ рѣки злополучнаго? Послѣ
я все претерпѣлъ-бы....
о осуждаю я, кто изъ Небесныхъ
виновенъ?
ь единая, матерь меня обольща-
ла мечтами,
ь твердила, что здѣсь подъ стѣ-
нами Трояиъ броненосныхъ
тъ однихъ Аполлоновыхъ стрѣлъ
быстролетныхъ погибнуть.
ь убитъ я Гекторомъ! Сынъ Илі-
она славнѣйшій,
ого онъ-бы сразилъ, и корыстью
гордился-бы храбрый!
-жъ безславною смертью судьбой
принужденъ я погибнуть;
ъ пучинахъ рѣки, какъ младый
свинопасъ, поглощенный,
мъ потокомъ осеннимъ, который
хотѣлъ перебресть онъ!»
говорилъ; и незапно ему Посиі-
донъ и Аѳина
явились, приближились, образъ
принявъ человѣковъ;
у взяли рукой, и словами его
увѣряли.
къ нему провѣщалъ Посидонъ
потрясающій землю:
брый Пелидъ! ничего не страши-
ся, ничѣмъ не смущайся.
ъ безсмертныхъ боговъ, изволя-
ющу Зевсу Кроніду,
ои покровители, я и Паллада
Аѳина.
ь тебѣ не назначено быть побѣж-
деннымъ Рѣкою;
она успокоится бурная, самъ ты
увидишь.
е, когда ты послушаешь, мудрый
совѣтъ предлагаемъ:
е удерживай ты отъ убійства и
общаго боя
е, доколѣ Троянъ не вобьешь въ
Иліонскія стѣны
, кто спасется; и послѣ ты, Гек-
тора душу исторгнувъ,
нъ возвратися; дадимъ мы тебѣ
вожделѣнную славу.

Такъ возгласивши, безсмертные вновь
удалились къ безсмертнымъ.
Онъ полетѣлъ, безпредѣльно глаголомъ
боговъ ободренный,
Въ полѣ; а поле водою разлившееся все
понималось.
Множество пышныхъ оружій, множество
юношей красныхъ
Плавало мертвыхъ. Высоко скакалъ онъ,
бѣжа отъ стремленья
Прямо гонящихся волнъ разъяренныхъ;
не могъ его больше
Бурный потокъ удержать, облеченнаго
въ крѣпость Аѳиной.
Но и Скамандръ не обуздывалъ гнѣва;
противъ Ахиллеса
Пуще свирѣпствовалъ богъ; захолмивши
валы на потокѣ,
Онъ воздымался высоко, и съ ревомъ
вопилъ къ Симоису:
«Братъ мой, воздвигнися! Мужа сего
совокупно съ тобою
«Мощь обуздаемъ; или скоро обитель
владыки Пріама
«Онъ разгромитъ; устоять передъ грозз-
нымъ Трояне не могутъ!
«Помощь скорѣе подай мнѣ; потокъ свой
наполни водами
«Быстрыхъ источниковъ горныхъ, и всѣ
ты воздвигни потоки!
«Страшныя волны поставь, закрути съ
треволненіемъ шумнымъ
«Бревна и камни, чтобы обуздать намъ
ужаснаго мужа!
«Онъ побѣждаетъ теперь, и господ-
ствуетъ въ брани, какъ боги!
«Но не помогутъ, надѣюсь, ему никра-
са, ни могучесть,
«Ни оружія пышныя, кои въ болотѣ
глубокомъ
«Лягутъ и черной покроются тиною; ля-
жетъ и самъ онъ;
«Я и его подъ пескомъ погребу, и гро-
мадою камней
«Страшной кругомъ замечу; не сберутъ
и костей Ахиллеса
«Чада Ахеянъ; такой самого его тиной
покрою!

«Тамъ и могила его; и не нужно Ахеянамъ будетъ
«Холма надъ нимъ насыпать, воздавая надгробную почесть!
Рекъ—и напалъ на него, клокоча и высоко бушуя,
Съ ревомъ бросая и пѣной, и кровью, и трупами мертвыхъ.
Быстро багровыя волны рѣки, изліявшейся съ неба,
Стали стѣной, обхватили кругомъ Пеліона героя.
Крикнула Гера богиня, страшась, чтобъ Пелеева сына
Въ хляби свои не умчала рѣка изліянная Зевсомъ;
Быстро къ Гефесту, любезному сыну, она возгласила:
«Въ бой, Хромоногій! воздвигнись, о сынъ мой; съ тобою сразиться
«Мы почитаемъ достойнымъ глубокопучиннаго Ксанѳа.
«Противустань, и скорѣе открой пожирающій пламень!
«Я-же иду, чтобы Зе́фира вѣтра и хладнаго Нота
«Быстро отъ брега морскаго жестокую бурю воздвигнуть;
«Буря сожжетъ и главы и доспѣхи Троянъ ненавистныхъ,
«Страшный пожаръ разносящая. Ты по брегамъ у Скамандра
«Жги дерева, и на воду огонь устреми; не смягчайся
«Ласковой рѣчью его, не смущайся угрозами бога,
«И не смиряй ты пламенной силы, пока не подамъ я
«Знаменья крикомъ; тогда укротишь ты огонь неугасный.»
Такъ повелѣла, и сынъ устремилъ пожирающій пламень.
Въ полѣ сперва разгарался огонь, и тѣла пожигалъ онъ
Многихъ, толпами лежащихъ Троянъ, Ахиллесомъ убитыхъ.
Поле изсохло, и стали въ теченіи свѣтлыя воды.

Словно какъ въ осень Борей верто
усыренный дожд
Скоро сушитъ, и его удобрите.
дуетъ сер
Такъ изсушилося цѣлое поле, тѣ
гор
Богъ на рѣку обратилъ разли
зарево пла
Вспыхнули окрестъ зеленыя ив
рики и в
Вспыхнули влажныя трости, и
и киперъ душис
Кои росли изобильно у Ксанѳовы
свѣтлоструйны
Рыбы въ рѣкѣ затомились, и тѣ
бокимъ пучи
Тѣ по прозрачнымъ струямъ и
туда заны
Въ пламенномъ духѣ томясь ми
наго Амфи
Вспыхнулъ и самый Потокъ, и,
щій, такъ возопилъ
«Нѣтъ, о Гефестъ, ни едины
смертный тебя не осил
«Нѣтъ, никогда не вступлю я съ
огнедышащимъ, въ би
«Кончи ты брань! а Троянъ хо
града Пелидъ быстро
«Пусть изженетъ; отрекаюсь ихъ
не хочу поборать и
Такъ говорилъ и горѣлъ; кл
прекрасныя во
Словно клокочетъ котелъ, огне
гнетенный велик
Если онъ, вепря огромнаго тукъ
пляя блестя
Полный ключемъ закипитъ, раска
пылкою су
Такъ отъ огня раскалялися волн
клоко
Стала рѣка, протекать не могла
ренная зно
Силою бога Гефеста. Скамандръ
жествующей
Голосъ простеръ умоляющій, б
рѣчи вѣ
«Гера! за что твой сынъ, на
мой свирѣпо обруш

меня одного? Предъ тобою не
столько виновенъ
другіе безсмертные, кои Тро-
янъ защищаютъ.
щуся, Гера владычица, если
велишь ты;
і Гефестъ укротится! Клянуся
я клятвой безсмертныхъ,
ыновъ никогда не спасать отъ
суровой годины;
гда и Троя губительнымъ пла-
менемъ бурнымъ
ылаетъ, зажженная свѣточьми
храбрыхъ Данаевъ!»
такія услышавъ лилейнораменная Гера,
богиня къ Гефесту, любезному
сыну, вѣщала:
ю, Гефестъ, укротися, мой сынъ
знаменитый! Не должно
зпощадно за смертныхъ карать
безсмертнаго бога!
повелѣла, и богъ угасилъ по-
жирающій пламень.
покатились къ потоку прекрас-
но струящіяся воды.
уздана Ксанѳова мощь; успо-
коились оба,
и Гефестъ: укротила ихъ Гера,
сама негодуя.

АМЪ ВЪ СТАВКѢ АХИЛЛЕСА.

..Пріамъ, съ колесницы стреми-
тельно прянувъ на землю,
тавляетъ Идея, дабы онъ сто-
ялъ, охраняя
месковъ; а самъ устремляется
прямо въ обитель,
иллесъ находился божественный.
Тамъ Пеліона
увидѣлъ; друзья въ отдаленьи
сидѣли; но двое,
Арея Алкимъ и смиритель ко-
ней Автомедонъ,
стоя, служили; недавно онъ ве-
черю кончилъ,
кусивъ и питья, и предъ нимъ
еще столъ оставался.

Старецъ, никѣмъ не примѣченный, вхо-
дитъ въ покой, и, Пелиду
Въ ноги упавъ, обымаетъ колѣна и ру-
ки цѣлуетъ,
Страшныя руки, дѣтей у него погубив-
шія многихъ!
Такъ если мужъ, преступленіемъ тяж-
кимъ покрытый въ отчизнѣ,
Мужа убившій, бѣжитъ, къ другому
народу приходитъ,
Къ сильному въ домъ—съ изумленіемъ
всѣ на пришельца взираютъ:
Такъ изумился Пелидъ, боговиднаго
старца увидѣвъ;
Такъ изумились всѣ, и одинъ на другаго
смотрѣли.
Старецъ-же рѣчи такія вѣщалъ, умоляя
героя:
«Вспомни отца своего, Ахиллесъ, без-
смертнымъ подобный,
«Старца такого-жъ, какъ я, на порогѣ
старости скорбной!
«Можетъ быть, въ самый сей мигъ, него,
окруживши сосѣды,
«Ратью тѣснятъ, и нѣкому старца отъ
горя избавить.
«Но по крайней онъ мѣрѣ, что живъ ты
и зная и слыша,
«Сердце тобой веселитъ, и вседневно
льстится надеждой
«Милаго сына узрѣть, возвратившагось
въ домъ изъ-подъ Трои.
«Я-же, несчастнѣйшій смертный, сыновъ
возрастилъ брановосныхъ
«Въ Троѣ святой, и изъ нихъ ни единаго
мнѣ не осталось!
«МногимъАрей истребитель сломилъ имъ
несчастнымъ колѣна.
«Сынъ оставался одинъ, защищалъ онъ
градъ нашъ и гражданъ;
«Ты умертвилъ и его, за отчизну сра-
жавшагось храбро,
«Гектора! Я для него прихожу къ ко-
раблямъ Мирмидонскимъ;
«Выкупить тѣло его приношу драго-
цѣнный я выкупъ.
«Храбрый, почти ты боговъ! надъ моимъ
злополучіемъ сжалься,

«Вспомнивъ Пелея родителя! я еще болѣе жалокъ!
«Я испытую, чего на землѣ не испытывалъ смертный:
«Мужа, убійцы дѣтей моихъ, руки къ устамъ прижимаю!»
Такъ говоря, возбудилъ объ отцѣ въ немъ плачевныя думы;
За руку старца онъ взялъ, отъ себя отклонилъ его тихо;
Оба они вспоминая: Пріамъ знаменитаго сына,
Горестно плакалъ, у ногъ Ахиллесовыхъ въ прахѣ простертый;
Царь Ахиллесъ, то отца вспоминая, то друга Патрокла,
Плакалъ, и горестный стонъ ихъ кругомъ раздавался по дому.
Но когда насладился Пелидъ благородный слезами,
И желаніе плакать отъ сердца его отступило,—
Быстро возсталъ онъ, и за руку старца простертаго поднялъ,
Тронутъ глубоко и бѣлой главой и бородой его бѣлой;
Началъ къ нему говорить, устремляя крылатыя рѣчи:
«Ахъ, злополучный! много ты горестей сердцемъ извѣдалъ!
«Какъ ты рѣшился, одинъ, при судахъ Мирмидонскихъ, явиться
«Мужу предъ очи, который сыновъ у тебя знаменитыхъ
«Многихъ повергнулъ? Въ груди твоей, старецъ, желѣзное сердце;
«Но успокойся, возсядь Дарданіонъ; и какъ мы ни грустны,
«Скроемъ въ сердца и заставимъ безмолвствовать горести наши.
«Сердцу крушительный плачъ никъ чему человѣку не служитъ:
«Боги судили всесильные намъ человѣкамъ несчастнымъ
«Жить на землѣ въ огорченіяхъ: боги одни безпечальны.
«Двѣ глубокія урны стоятъ передъ прагомъ Зевеса,
«Полны даровъ: счастливыхъ несчастныхъ д
«Смертный, которому ихъ п смѣсивъ Громове
«Въ жизни своей перемѣнно находитъ и ра
«Тотъ-же, кому онъ несчасти плетъ, поношенію пр
«Нужда, грызущая сердце, везд лѣ его г
«Бродитъ несчастный, отрин смертными, смертными пре
«Такъ и Пелея—дарами осып лы
«Съ юности нѣжной; украшен сыновъ земнорс
«Счастьемъ, богатствомъ, вла гучій мужей Мирмидон
«Смертный, супругой богаю п руки онъ безсмер
«Богъ и ему ниспослалъ злопол не
«Въ домѣ своемъ поколѣнія, с слѣдника ц
«Сынъ у Пелея одинъ, кратков я и д
«Старца его не покою; а здѣс чизны
«Здѣсь я въ Троадѣ сижу, и т ихъ о
«Самъ ты, о старецъ, мы слыш благоденствовалъ п
«Сколько- народовъ вмѣщали Макарова, Л
«Фригія, край плодоносный, а з леспонтъ безкон
«Ты, среди всѣхъ, говорятъ ствомъ блисталъ и с
«Но, какъ бѣду на тебя ниспо бесны
«Около Трои твоей неумолкна уб
«Будь терпѣливъ и печалью круши безпре
«Ты ничего неуспѣешь о сын ся; п
«Мертваго ты не подымешь, но лишь умн

.....
ой тебѣ возвращенъ, какъ жегы, божественный старецъ;
лежитъ на одрѣ. Съ восходомъ зари возвращаясь,
увидишь его; но теперь мы о пищѣ воспомнимъ,
ыбыть не могла и несчастная матерь Ніоба,
, которая разомъ двѣнадцать дѣтей потеряла,
шесть дочерей и шесть сыновей расцвѣтавшихъ.
ебѣ остается оплакать любезнаго сына,
привезши; тамъ для тебя многослезенъ онъ будетъ.
.....
зѣ златистой Заря простиралась надъ всею землею;
Пріамъ, и стенящій и плачущій, гналъ къ Иліону
ı мески везли мертвеца. И никто въ Иліонѣ
узналъ отъ мужей и отъ женъ благородныхъ Троянскихъ,
Кассандры прекрасной, златой Аѳродитѣ подобной.
замокъ восшедъ, издали въ колесницѣ узнала
тца своего и глашатая громкаго Трои;
рѣла на мескахъ, на смертномъ простертое ложѣ;
горестный плачъ, и вопила по цѣлому граду:
гвуйте, жены и мужи! Смотрите на Гектора нынѣ,
живаго, изъ битвъ приходившаго, прежде встрѣчали
остью: радостью свѣтлой и граду онъ былъ и народу!

Гнѣдичъ.

іада Гомера, пер. Гнѣдича.

2. ИЗЪ ОДИССЕИ.

Далѣе поплыли мы, сокрушенные сердцемъ, и въ землю
Прибыли сильныхъ, свирѣпыхъ, не знающихъ правды Циклоповъ.
Тамъ беззаботно они, подъ защитой безсмертныхъ имѣя
Все, ни руками не сѣютъ, ни плугомъ не пашутъ: земля тамъ
Тучная щедро сама безъ паханья и сѣва дастъ имъ
Рожь и пшено и ячмень и роскошныхъ кистей винограда
Полныя лозы, и самъ ихъ Кроніонъ дождемъ оплождаетъ.
Нѣтъ между ними ни сходбищъ народныхъ, ни общихъ совѣтовъ;
Въ темныхъ пещерахъ они иль на горныхъ вершинахъ высокихъ
Вольно живутъ; надъ женой и дѣтьми безотчетно тамъ каждый
Властвуетъ, зная себя одного, о другихъ не заботясь.
Есть островокъ тамъ-пустынный и дикій; лежитъ онъ на темномъ
Лонѣ морскомъ, ни далеко ни близко отъ брега Циклоповъ,
Лѣсомъ покрытый; въ великомъ тамъ множествѣ дикія козы
Водятся; ихъ никогда не тревожилъ шаговъ человѣка
Шумъ; никогда незаглядывалъ къ нимъ звѣроловецъ, за дичью
Съ тяжкимъ трудомъ по горамъ крутобокимъ со псами бродящій;
Тамъ не пасутся стада и земли не касаются плуги;
Тамъ ни въ какіе дни года ни сѣютъ, ни пашутъ; людей тамъ
Нѣтъ; безъ боязни тамъ ходятъ однѣ тонконогія козы,
Ибо Циклопы еще кораблей красногрудыхъ не знаютъ;
Нѣтъ между ними искусниковъ, опытныхъ въ хитромъ строеньи
Крѣпкихъ судовъ, изъ которыхъ бы каждый, моря обтекая,

Разныхъ народовъ страны посѣщалъ,
какъ бываетъ, что ходятъ
По морю люди, съ другими людьми дру-
желюбно знакомясь.
Дикій тотъ островъ могли обратить бы
въ цвѣтущій Циклопы;
Онъ не безплоденъ; тамъ все бы рос-
кошно раждалося къ сроку;
Сходятъ широкой отлогостью къ морю
луга тамъ густые,
Влажные, мягкіе; много бъ вездѣ раз-
рослось винограда;
Плугу легко покоряся, поля бы покры-
лись высокой
Рожью и жатва была бы на тучной зем-
лѣ изобильна.
Есть тамъ надежная пристань, въ кото-
рой не нужно ни тяжкій
Якорь бросать, ни канатомъ привязы-
вать шаткое судно;
Можетъ оно простоять безопасно тамъ,
сколько захочетъ
Плаватель самъ, иль пока не подымет-
ся вѣтеръ попутный.
Въ самой вершинѣ залива прозрачно
ввергается въ море
Ключъ изъ пещеры бѣгущій подъ сѣ-
нію тополей черныхъ.
Въ эту мы пристань вошли съ кораб-
лями; въ ночной темнотѣ намъ
Путь указалъ благодѣтельный Демонъ:
былъ островъ невидимъ;
Влажный туманъ окружалъ корабли; не
свѣтила Селена
Съ неба высокаго; тучи его покрывали
густыя,
Острова было нельзя различить намъ
глазами во мракѣ;
Видѣть и длинныхъ, широко на берегъ
отлогій бѣгущихъ
Волнъ не могли мы, пока корабли не
коснулися брега.
Но лишь коснулися брега они, паруса
мы свернули:
Сами же, вышедъ на брегъ, поражаемый
шумно волнами,
Сну предались въ ожиданьи восхода на
небо денницы.

Вышла изъ мрака младая съ пе
пурпурными Э
Весь обошли съ удивленьемъ ве.
мы островъ пустын
Нимфы же, дочери Зевса эгидод
ца, приг
Козъ съ обвѣваемыхъ вѣтрами го
богатой намъ пи
Гибкіе луки, охотничьи легкія
неме
Взяли съ своихъ кораблей мы и,
толпы раздѣл
Начали битву; и богъ благос
великой добы
Насъ наградилъ: всѣ двѣнадцать
кораблей запасли
Девять на каждый досталось п
ребью козъ; для себя
Выбралъ я десять. И цѣлый м
до вечерняго м
Ѣли прекрасное мясо и сладки
номъ утѣшал
Ибо еще на моихъ корабляхъ зо
довол
Было вина: мы наполнили много
дельныхъ сосуд
Сладкимъ напиткомъ, разрушивш
родъ священный Киконо
Съ острова жъ въ области близко
клоповъ намъ ясно былъ вид
Дымъ; голоса ихъ, блеянье ихъ
барановъ могли
Слышать. Тѣмъ временемъ солнц
меркло и тьма наступи
Всѣ мы заснули подъ говоромъ
ударяющихъ въ бере
Вышла изъ мрака младая съ пер
пурпурными Эо
Вѣрныхъ товарищей я на совѣт
гласилъ и сказалъ м
Всѣ вы, товарищи вѣрные, здѣс
меня оставайте
Я же, съ моимъ кораблемъ и
людьми удаля
Свѣдать о томъ попытаюсь, какой
народъ обитае
Дикій ли, нравомъ свирѣпый, не
щій правд

вѣтливый, богобоязненный, го-
степріимный?
казалъ я, вступивъ на корабль,
повелѣлъ, чтобъ за мною
и на него всѣ взошли и канатъ
отвязали;
шли на корабль и, сѣвши на
лавкахъ у веселъ,
гучими веслами вспѣнили тем-
ныя воды.
у близкому скоро приставъ съ
кораблемъ, мы открыли
емъ, у самаго моря стоявшемъ
утесѣ пещеру,
ѣтую лавромъ, пространную,
гдѣ собирался
о множествѣ скотъ; тамъ вы-
ой стѣной изъ огромныхъ,
бросанныхъ камней былъ дворъ
обведенъ, и стояли
абором вокругъ черноглавые
дубы и сосны.
ликанскаго роста въ пещерѣ
той жилъ; одиноко
барановъ и козъ, и ни съ кѣмъ
изъ другихъ не водился;
юдимъ онъ, свирѣпъ, никакого
не вѣдалъ закона;
и ростомъ чудовищнымъ въ
ъ приволя, онъ несходенъ
человѣкомъ, вкушающимъ
лѣбъ, и казался лѣсистой,
шиной горы, надъ другими
воздвигшейся грозно.
ъ вѣрнымъ моимъ повелѣлъ
я остаться на брегѣ
абля и его сторожить не-
усыпно; съ собой же
вѣнадцать надежныхъ и са-
ыхъ отважныхъ, пошелъ я
и мы запаслися вина драго-
цѣннаго полнымъ
Маронъ, Аполлона великаго
жрецъ, Эвантеевъ
тавшій въ разрушенномъ Из-
марѣ, имъ надѣлилъ насъ
агодарный за то, что его мы
съ женою и съ сыномъ —
Санъ уважая жреца—пощадили во гра-
дѣ, гдѣ жилъ онъ
Въ рощѣ густой Аполлона; меня жъ
одарилъ онъ особо:
Золота лучшей доброты онъ далъ мнѣ
семь полныхъ талантовъ;
Далъ сребролитную дивной работы кра-
теру, и налилъ
Цѣлыхъ двѣнадцать большихъ мнѣ ску-
делей виномъ, драгоцѣннымъ,
Крѣпкимъ, божественно-сладкимъ на-
питкомъ; о немъ же не вѣдалъ
Въ домѣ никто изъ рабовъ и рабынь,
и никто изъ домашнихъ,
Кромѣ хозяина, умной хозяйки и ключ-
ницы вѣрной.
Если когда тѣмъ пурпурно-медвянымъ
виномъ насладиться
Въ комъ пробуждалось желанье, то, въ
чашу его нацѣдивши,
Въ двадцать разъ болѣ воды подбав-
ляли, и запахъ изъ чаши
Былъ несказанный: не могъ тутъ никто
отъ питья воздержаться.
Взялъ я съ собой тѣмъ напиткомъ на-
полненный мѣхъ и съѣстнаго
Полный кошель: говорило мнѣ вѣщее
сердце, что встрѣчу
Страшнаго мужа чудовищной силы, сви-
рѣпаго нравомъ,
Чуждаго добрымъ обычаямъ, чуждаго
вѣрѣ и правдѣ.
Шагомъ поспѣшнымъ къ пещерѣ при-
близились мы, но его въ ней
Не было; козъ и барановъ онъ пасъ на
лугу недалекомъ.
Начали все мы въ пещерѣ пространной
осматривать; много
Было сыровъ въ тростниковыхъ корзи-
нахъ: въ отдѣльныхъ закутахъ
Заперты были козлята, барашки, по воз-
растамъ разнымъ въ порядкѣ
Тамъ размѣщенные: старшіе съ старг-
шими, средніе подлѣ
Среднихъ и съ младшими младшіе; вед-
ра и чаши
Были до самыхъ краевъ налиты про-
стоквашей густою.

Спутники стали меня убѣждать, чтобъ,
запасшись сырами,
Болѣя въ страшной пещерѣ не медлилъ,
чтобъ всѣ мы скорѣе,
Взявши въ закутахъ отборныхъ козлятъ
и барашковъ, съ добычей
Нашей на быстрой корабль убѣжали и
въ море пустились.
Я на бѣду отказался полезный совѣтъ
ихъ исполнить:
Видѣть его мнѣ хотѣлось въ надеждѣ,
что, насъ угостивши,
Дастъ намъ подарокъ: но встрѣтиться
съ нимъ не на радость намъ было.
Яркій огонь разложивъ, совершили мы
жертву; добывши
Сыру потомъ и насытивъ свой голодъ,
остались въ пещерѣ
Ждать, чтобъ со стадомъ въ нее возвратился хозяинъ. И скоро
Съ ношею дровъ, для варенья вечернія
пищи, явился
Онъ и со стукомъ на землю дрова передъ входомъ пещеры
Бросилъ; объятые страхомъ, мы спрятались въ уголъ; пригнавши
Стадо откормленныхъ козъ и волнистыхъ
барановъ къ пещерѣ,
Маткомъ въ нее онъ впустилъ, а самцевъ,
и козловъ и барановъ,
Прежде отъ нихъ отдѣливъ, на дворѣ
передъ входомъ оставилъ.
Кончивъ, чтобъ входъ заградить, несказанно великій съ земли онъ
Камень, который и двадцать два воза
четыре-колесныхъ
Съ мѣста-бъ не сдвинули, поднялъ: подобенъ скалѣ необъятной
Былъ онъ; его подхвативши и входъ
имъ пещеры задвинувъ,
Сѣлъ онъ и маткомъ доить принялся надлежащимъ порядкомъ,
Козъ и овецъ; подоивъ же, подъ каждую матку ея онъ
Клалъ сосуна. Половину отливъ молока
въ плетеницы,
Въ нихъ онъ оставилъ его, чтобъ оно
огустѣло для сыра;
Всежъ молоко остальное разлилъ
сосудамъ, чтобъ послѣ
Пить по утрамъ иль за ужиномъ, съ
жити стадо пригнавши.
Кончивъ съ заботливымъ спѣхомъ
боту свою, наконецъ онъ
Яркій огонь разложилъ, насъ увидѣ
и грубо сказалъ намъ:
Странники, кто вы? Откуда пришли
дяною дорогой?
Дѣло ль какое у васъ? Иль безъ дѣ
скитаетесь всюду,
Взадъ и впередъ по морямъ, какъ
бычники вольные, мчася,
Жизнью играя своей и бѣды приклю
народамъ?
Такъ онъ сказалъ намъ; у каждаго
мерло милое сердце:
Голосъ гремящій и образъ чудовищ
трепетъ привелъ насъ.
Но, ободрясь, напослѣдокъ отвѣтом
валъ такъ я Циклопу:
Всѣ мы Ахейцы; плывемъ отъ дал
Трои; сюда же
Бурею насъ принесло по волнамъ
предѣльнаго моря.
Въ милую землю отцевъ возвраща
съ прямаго пути мы
Сбились; такъ было конечно уго
могучему Зевсу.
Служимъ мы въ войскѣ Атрида
Агамемнона: онъ же
Всѣхъ земнородныхъ людей превзо
несказанною славой,
Городъ великій разрушивъ и много
говъ истребивши.
Нынѣ къ колѣнамъ припавши тво
мы тебя умоляемъ
Насъ безпріютныхъ къ себѣ дружел
но принять и подарок
Дать намъ, какимъ завсегда на
щаньи гостей надѣляютъ.
Ты же убойся боговъ; мы пришель
мы ищемъ покрова;
Мститъ за пришельцевъ отверженн
строго небесный Кроніонъ,
Богъ гостелюбецъ, священнаго стр
ника вождь и заступникъ.

:казалъ; съ неописанной злостью
Циклопъ отвѣчалъ мнѣ:
что ты издалека, иль вовсе безуменъ, пришелецъ,
ігъ вздумать, что я побоюсь иль уважу безсмертныхъ.
иклопамъ нѣтъ нужды ни въ богѣ Зевесѣ, ни въ прочихъ
блаженныхъ богахъ; мы породой ихъ всѣхъ знаменитѣй;
громовержца Зевеса разгнѣвать меня не принудитъ
ощадить; поступлю я, какъ мнѣ самому то угодно.
теперь мнѣ скажи, гдѣ корабль, на которомъ пришли вы
ь? Далеко ли иль близко отсюда стоитъ онъ? То вѣдать
ъ я. Такъ, искушая, онъ хитро спросилъ. Остерегшись,
ни самъ я словами отвѣтствовалъ злому Циклопу:
Іосидонъ, колебатель земли, мой корабль уничтожилъ,
ъ его недалеко отъ здѣшняго брега на камни
крутаго, и бурное море обломки умчало.
ь и со мною немногимъ отъ смерти спастись удалося.
сказалъ и, отвѣта не давъ никакого, онъ быстро
ъ, какъ бѣшеный звѣрь, и, огромныя вытянувъ руки,
межъ нами двоихъ, какъ щенятъ подхватилъ и ударилъ
; ихъ черепъ разбился; обрызгало мозгомъ пещеру.
, обоихъ разсѣкши на части, изъ нихъ свой ужасный
состряпалъ и жадно, какъ левъ, разъяренный гладомъ,
ихъ, ни кости, ни мяса куска, ни утробъ не оставивъ.
ятотатнаго дѣла свидѣтели, руки со стономъ
о отцу подымали; нашъ умъ помутился отъ скорби.

Чрево наполнивъ свое человѣческимъ мясомъ и свѣжимъ
Страшную пищу запивъ молокомъ, людоѣдъ беззаботно
Между козловъ и барановъ на голой землѣ растянулся.
Тутъ подошелъ я къ нему съ дерзновеннымъ намѣреньемъ сердца,
Острый свой мечъ обнаживши, чудовищу мстящею мѣдью
Тѣло въ томъ мѣстѣ пронзить, гдѣ подъ грудью находится печень.
Мечъ мой ужъ былъ занесенъ; но иное на мысли пришло мнѣ;
Съ нимъ неизбѣжно и насъ бы постигнула вѣрная гибель:
Всѣ совокупно мы были бъ не въ силахъ отъ входа пещеры
Слабою нашей рукою тяжелой скалы отодвинуть.
Съ трепетомъ сердца мы ждали явленья божественной Эосъ:
Вышла изъ мрака младая съ перстами пурпурными Эосъ.
Всталъ онъ, огонь разложилъ и доить принялся по порядку
Козъ и овецъ; подоивъ же, подъ каждую матку ея онъ
Клалъ сосуна; окончивши съ заботливымъ спѣхомъ работу,
Снова изъ насъ онъ похитилъ двоихъ на ужасную пищу.
Съѣвъ ихъ, онъ выгналъ шумящее стадо изъ темной пещеры.
Мощной рукой оттолкнувши утесъ приворотный, имъ двери
Снова онъ заперъ, какъ легкою кровлей колчанъ запираютъ.
Съ свистомъ погналъ онъ на горное пастбище тучное стадо.
Я-жъ, въ заключеньѣ оставленный, началъ выдумывать средство,
Какъ бы врагу отомстить, и молилъ о защитѣ Палладу.
Вотъ что, размысливъ, нашелъ наконецъ я удобнымъ и вѣрнымъ:
Въ козьей закутѣ стояла дубина Циклопова, свѣжій

Стволъ имъ обрубленной маслины ди-
кой; его онъ, очистивъ,
Сохнуть поставилъ въ закуту, чтобъ
послѣ гулять съ нимъ; подобенъ
Намъ показался онъ мачтѣ, какая на
многовесельномъ,
Съ грузомъ товаровъ моря обтекаю-
щемъ суднѣ бываетъ;
Былъ онъ конечно какъ мачта длиной,
толщиною и вѣсомъ.
Взявши тотъ стволъ и мечемъ отъ него
отрубивши три локтя,
Выгладить чисто отрубокъ велѣлъ я то-
варищамъ; скоро
Выглаженъ былъ онъ; своею рукою его
заострилъ я;
Послѣ, обжегши на угольяхъ острый
конецъ, мы поспѣшно
Колъ, приготовленный къ дѣлу, зарыли
въ навозѣ, который
Кучей огромной набросанъ былъ въ
смрадной пещерѣ Циклопа.
Кончивъ, своихъ пригласилъ я сопут-
никовъ жеребій кинуть,
Кто межъ ними коломъ обожженнымъ
поможетъ пронзить мнѣ
Глазъ людоѣду, какъ скоро глубокому
сну онъ предастся.
Жеребій далъ четырехъ мнѣ и самыхъ
надежныхъ, которыхъ
Самъ бы я выбралъ, и къ нимъ я при-
сталъ не по жеребью пятый.
Вечеромъ жирное стадо гоня, людоѣдъ
возвратился;
Но, отворивши пещеру, въ нее онъ ужъ
полное стадо
Ввелъ, не оставивъ на внѣшнемъ дворѣ
ни козла, ни барана
(Было ли въ немъ подозрѣнье, иль Де-
монъ его надоумилъ).
Снова пещеру задвинувъ скалой необъ-
ятно тяжелой,
Сѣлъ онъ и маткокъ доить принялся над-
лежащимъ порядкомъ,
Коз и овецъ; подоивъ же, подъ каж-
дую матку ея онъ
Клалъ сосуна. И окончивъ работу, ру-
кой безпощадной
Снова двоихъ онъ изъ насъ по
и попрежнему съѣл
Тутъ подошелъ я отважно и р
тилъ къ лю
Полную чашу вина златаго е
Выпей, Циклопъ, золотаго ви
вѣчнымъ на
Мясомъ; узнаешь, какой дра
напитокъ на н
Былъ кораблѣ; для тебя я е
нилъ,
Милость въ тебѣ обрѣсти: но
ствуешь ты несте
Кто же впередъ, безпощадный,
сѣтитъ изъ живу
Многихъ людей, о твоихъ безза
поступкахъ услы
Такъ говорилъ я; взявъ чашу,
шилъ онъ и вку
Крѣпкій напитокъ ему показал
гой попросил
Чаши: налей мнѣ, сказалъ онъ
свое назови
Имя, чтобъ могъ приготовить
приличный под
Есть и у насъ, у Циклоповъ,
ныхъ кистей вино
Полныя лозы, и самъ ихъ Кроніс
демъ оплож
Твой-же напитокъ—амврозія ч
нектаромъ слад
Такъ онъ сказалъ, и другую я ч
номъ искромет
Налилъ. Еще попросилъ онъ,
безумцу я по
Стало шумѣть огневое вино в
люд
Я обратился къ нему съ оболь
но-сладкою р
Славное имя мое ты, Циклопъ
пытствуешь свѣ
Съ тѣмъ, чтобъ, меня угостивъ,
ный мнѣ сдѣлать пода
Я называюсь *Никто*; мнѣ такое
ніе
Мать и отецъ, и товарищи та
меня велича

злобной насмѣшкою мнѣ отвѣчалъ
людоѣдъ звѣронравный:
ій же, Никто, мой любезный, что будешь ты самый послѣдній
ѣденъ, когда я раздѣлаюсь съ прочими; вотъ мой подарокъ.
гъ повалился онъ навзничь, совсѣмъ опьянѣлый; и на бокъ
ісла могучая шея и всепобѣждающей силой
гъ овладѣлъ имъ; вино и куски человѣчьяго мяса
бросилъ онъ изъ разинутой пасти, не въ мѣру напившись.
мъ свой доставъ, мы его остріемъ на огонь положили;
часъ зардѣлъ онъ; тогда я, товарищей выбранныхъ кликнувъ,
ь ободрилъ, чтобъ со мною рѣшительны были въ опасномъ
кѣ. Уже начиналъ положенный на уголья колъ нашъ
мя давать, разгорѣвшись, хотя и сырой былъ; поспѣшно
нувъ его изъ огня, я и товарищи смѣло съ обоихъ
ли боковъ — божество въ нихъ конечно вложило отважность;
гъ обхватили они и его остріемъ раскаленнымъ
кнули спящему въ глазъ: и, съ конца приподнявши, его я
лъ вертѣть, какъ вертитъ буравомъ корабельный строитель,
стую доску пронзая; другіе жъ ему помогаютъ, ремнями
рый буравъ обращая, и, въ доску вгрызаясь, визжитъ онъ.
гъ мы, его съ двухъ боковъ обхвативши руками, проворно
мъ свой вертѣли въ пронзенномъ глазу: облился онъ горячей
вью; истлѣли рѣсницы; шершавыя вспыхнули брови;
боко лопнуло; выбрызгнулъ глазъ,
е на огнѣ зашипѣвши.
гъ расторопный ковачъ, изготовивъ
топоръ иль сѣкиру,
Въ воду металлъ (на огнѣ раскаливши его, чтобъ двойную
Крѣпость имѣлъ) погружаетъ и звонко шипитъ онъ въ холодной
Влагѣ: такъ глазъ зашипѣлъ, остріемъ раскаленнымъ пронзенный.
Дико завылъ людоѣдъ—застонала отъ воя пещера.
Въ страхѣ мы кинулись прочь; съ несказанной свирѣпостью вырвавъ
Колъ изъ пронзеннаго глаза, облитый кипучею кровью,
Сильной рукой отъ себя онъ его отшвырнулъ; въ изступленьи
Началъ онъ крикомъ Циклоповъ сзывать, обитавшихъ въ глубокихъ
Гротахъ окрестъ и на горныхъ, лобзаемыхъ вѣтромъ вершинахъ.
Громкіе вопли услышавъ, отвсюду сбѣжались Циклопы;
Входъ обступили пещеры они и спросили: за чѣмъ ты
Созвалъ насъ всѣхъ, Полифемъ? Что случилось? на что ты
Сладкій нашъ сонъ и спокойствіе ночи божественной прервалъ?
Козъ ли твоихъ и барановъ кто дерзко похитилъ? Иль самъ ты
Гибнешь? Но кто же тебя здѣсь обманомъ иль силою губитъ?
Имъ отвѣчалъ онъ изъ темной пещеры отчаянно дикимъ
Ревомъ: *Никто!* Но своей я оплошностью гибну; *Никто* бы
Силой не могъ повредить мнѣ. Въ сердцахъ закричали Циклопы:
Если никто, для чего же одинъ такъ ревешь ты? Но если
Боленъ, то воля на это Зевеса, ея не избѣгнешь.
Въ помощь отца своего призови Посидона владыку.
Такъ говорили они удаляясь. Во мнѣ же смѣялось
Сердце, что вымысломъ имени всѣхъ мнѣ спасти удалося.
Охая тяжко, съ кряхтѣньемъ и стономъ ощаривъ руками

Стѣны, Циклопъ отодвинулъ отъ входа
скалу, передъ нею
Сѣлъ и огромныя вытянулъ руки, на-
дѣясь, что въ стадѣ,
Мимо его проходящемъ, насъ всѣхъ
переловитъ конечно;
Думалъ свирѣпый глупецъ, что и я былъ,
какъ онъ, безъ разсудка.
Я жъ осторожнымъ умомъ выдышлялъ и
обдумывалъ средство,
Какъ бы себя и товарищей бодрыхъ из-
бавить отъ вѣрной
Гибели; многія хитрости, разные способы
тщетно
Мыслямъ моимъ представлялись, а бѣд-
ствіе было ужъ близко.
Вотъ что, по думаньи долгомъ, удобнѣй-
шимъ мнѣ показалось:
Были бараны большіе, покрытые длин-
ною шерстью,
Жирные, мощные, въ стадѣ; руно ихъ
какъ шелкъ волновалось.
Я потихоньку сплетенными крѣпкими
лыками, вырвавъ
Ихъ изъ рогожи, служившей постелею
злому Циклопу,
По три барана связалъ; человѣкъ былъ
подвязанъ подъ каждымъ
Среднимъ, другими двумя по бокамъ
защищенный; на каждыхъ
Трехъ былъ одинъ изъ товарищей на-
шихъ; а самъ я?... Дебелый,
Рослый, съ роскошною шерстью былъ
въ стадѣ баранъ; обхвативши
Мягкую спину его, я повисъ на рукахъ
подъ шершавымъ
Брюхомъ; а руки (въ руно несказанно-
густое впустивъ ихъ)
Длинною шерстью обвилъ и на ней тер-
пѣливо держался.
Съ трепетомъ сердца мы ждали явленья
божественной Эосъ:
Встала изъ мрака младая съ перстами
пурпурными Эосъ.
Къ выходу всѣ побѣжали самцы, и коз-
лы и бараны;
Матки жъ, еще недоеныя, жалко блеяли
въ закутахъ,
Брызжа изъ длинныхъ сосцев
комъ; господинъ ихъ отъ
Охая, щупалъ руками у всѣхъ,
гающихъ
Пышныя спины; но, глупый, о
угадать неспосо
Что у иныхъ подъ волнистой скр
грудью; посл
Шелъ мой баранъ; и медлитель
гомъ онъ шелъ, отягч
Длинною шерстью и мной, раз
шимъ въ то время о мн
Спину ощупавъ его, съ нимъ
разговаривать на
Ты-ль, мой прекрасный любим
чѣмъ же пещеру пос
Нынѣ покинулъ? Ты прежде
медлителенъ не
Первый всегда, величаво сту
лугъ выходи
Сладкоцвѣтущей травою питат
въ полдень къ
Первый бѣжалъ; и у всѣхъ
возвращался въ п
Вечеромъ. Нынѣ жъ идешь ты
ній; знать чувствуешь са
Бѣдный, что око мое за тобо
смотритъ; лиш
Свѣтлаго зрѣнья гнуснымъ бр
здѣсь онъ вино
Умъ отуманилъ; его называют
но сп
Власти моей не избѣгнулъ! К
мой другъ, говор
Могъ, ты сказалъ бы, гдѣ с
врагъ ненавистный; я
Вмигъ раздробилъ бы ему и
галъ бы мозгъ по пе
О земь ударивъ его и на част
нувъ; отмст
Я за обиду, какую Никто, зло
разбой
Здѣсь мнѣ нанесъ. Такъ сказ
барана пустилъ на св
Я жъ, недалеко отъ входа п
внѣшней
Первый ставъ на ноги, путник
отвязалъ, и не

стадо козловъ тонконогихъ
и жирныхъ барановъ
бходами многими ихъ мы по-
гнали на взморье
судну. И сладко товари-
мъ было насъ встрѣтить,
ой избѣгшихъ; хотѣли о ми-
лыхъ погибшихъ
, но, мигнувъ имъ глазами,
чтобъ плачъ удержали,
овъ и барановъ взвести на
корабль нашъ немедля
: отойти мнѣ отъ берега въ
море хотѣлось.
обрался и, сѣвши на лав-
кахъ у веселъ,
чими веслами вспѣнили тем-
ныя воды;
е отплывъ разстоянье, въ
какомъ человѣчій
оловъ доходитъ до насъ, за-
кричалъ я Циклопу:
иклопъ безпощадный, впе-
беззащитныхъ гостей ты
убокомъ своемъ не губи и
не ѣшь; святотатнымъ
гда на себя навлекаемъ мы
вѣрную гибель;
тивецъ, дерзнулъ иноземъ
твой домъ посѣтившихъ,
крать—наказали тебя и Зе-
весъ и другіе
ные. Такъ я сказалъ; онъ,
ужасно взбѣшенный,
съ отъ вершины горы отло-
милъ и съ размаха
кинулъ; утесъ, пролетѣвши
адъ судномъ, въ пучину
къ близко къ нему, что его
черноостраго носа
шибъ; всколыхалося море
отъ падшей громады;
большая волна побѣжала
стремительно къ брегу;
ею обратно къ землѣ и ко-
рабль нашъ помчался.
ердью я въ берегъ песчаный
уперся и судно
илъ; а товарищамъ, молча,
кивнулъ головою,
Ихъ побуждая всей силой на весла на-
лечь, чтобъ избѣгнуть
Близкой бѣды; всѣ, нагнувшися, разомъ
ударили въ весла.
Бывъ на двойномъ разстояньи отъ страш-
наго брега, опять я
Началъ кричать, вызывая Циклопа. То-
варищи въ страхѣ
Всѣ убѣждали меня замолчать и его не
тревожить.
Дерзкій, они говорили, зачѣмъ ты чу-
довище дразнишь?
Въ море швырнувши утесъ, онъ едва съ
кораблемъ насъ не бросилъ
На берегъ снова; едва не постигла насъ
вѣрная гибель.
Если теперь онъ чей голосъ иль слово
какое услышитъ,
Голову намъ раздробитъ и корабль нашъ
въ куски изломаетъ,
Бросивъ утесъ остробокій: до насъ же
онъ вѣрно доброситъ.
Такъ говорили они; но, упорствуя дер-
зостнымъ сердцемъ,
Я продолжалъ раздражать оскорби-
тельной рѣчью Циклопа:
Если, Циклопъ, у тебя изъ людей зем-
нородныхъ кто спроситъ,
Какъ истребленъ твой единственный
глазъ, ты на это отвѣтствуй:
Царь Одиссей, городовъ сокрушитель,
героя Лаэрта
Сынъ, знаменитый властитель Итаки,
мнѣ выкололъ глазъ мой.
Такъ я сказалъ. Заревѣлъ онъ отъ зло-
сти и громко воскликнулъ:
Горе! пророчество древнее нынѣ сбы-
лось надо мною;
Нѣкогда былъ здѣсь одинъ предсказа-
тель великій и мудрый
Телемъ, Евритіевъ сынъ, знаменитѣйшій
въ людяхъ всевидецъ;
Жилъ и состарѣлся онъ, пророчая, въ
землѣ у Циклоповъ.
Вѣдая все, что должно совершиться въ
грядущемъ, предрекъ онъ
Мнѣ, что рука Одиссеева зрѣнье мое
уничтожитъ.
Я же все думалъ, что явится мужъ бла-
говидный, высокій

Ростомъ, божественной силою мышцъ
обладающій смертный....
Что же? Меня малорослый уродъ, че-
ловѣчишко хилый
Зрѣнья лишилъ, напередъ вѣроломно
виномъ опьянивши.
Если-жъ ты впрямь Одиссей, возвра-
тись; я, тебя одаривши,
Стану молить Посидона, чтобъ путь со-
вершилъ ты безбѣдно
По морю; сынъ я ему; онъ отцемъ мнѣ
слыветъ; и одинъ онъ,
Если захочетъ, погибшее зрѣнье мое
возвратить мнѣ
Можетъ—одинъ онъ, никто изъ людей,
и никто изъ безсмертныхъ.
Такъ говорилъ Полифемъ. Я, отвѣтствуя,
громко воскликнулъ:
О, когда бы я такъ-же могъ вѣрно и
гнусную вырвать
Душу твою изъ тебя и къ Аиду низ-
вергнуть, какъ вѣрно
То, что тебѣ колебатель земли не воро-
титъ ужъ глаза!
Такъ отвѣчалъ я; тутъ началъ онъ, къ
звѣздному небу поднявши
Руки, молиться отцу своему Посидону
владыкѣ:
Царь Посидонъ земледержецъ, могучій,
лазурно-кудрявый,
Если я сынъ твой и ты мнѣ отецъ, то
не дай, чтобъ достигнулъ
Въ землю свою Одиссей, городовъ со-
крушитель, Лаэртовъ
Сынъ, обладатель Итаки, меня ослѣпив-
шій. Когда же
Воля судьбы, чтобъ увидѣлъ родныхъ
мой губитель, чтобъ въ домъ свой
Царскій достигнулъ, чтобъ въ милую
землю отцевъ возвратился,
Дай, чтобъ по многихъ напастяхъ, у тра-
тивъ сопутниковъ, поздно
Прибылъ туда на чужокъ кораблѣ онъ
и встрѣтилъ тамъ горе.
Такъ говорилъ онъ, моляся, и былъ
Посидономъ услышанъ.
Тутъ онъ огромнѣйшій перваго камень
схватилъ и съ размаху
Въ море его съ непомѣрною силой
швырнулъ; загудѣвши,
Онъ позади корабля темноноса
момъ вел
Грянулся въ воду такъ близко
что едва не расплю
Нашей кормы; всколыхалося
падшей гро
Судно жъ волною помчало вп
недалекому
Острова Козъ; и вошли мы об
ту пристань, гдѣ
Въ мѣстѣ защитномъ оставле
суда, гдѣ пе
Спутники въ скукѣ сидѣли
чтобъ мы вороти
Къ брегу приставъ, быстрохо
рабль на песокъ мы вста
Сами же вышли на брегъ, пор
шумно во
Тучныхъ Циклоповыхъ козъ и
собравши, д
Стали дѣлить мы, чтобъ каждо
ный достался учас
Мнѣ же отъ свѣтлообутыхъ
ковъ въ даръ былъ
Главный назначенъ баранъ и
несли мы на
Въ жертву Кроніону, тучъ соби
Зевсу вла
Тучныя бедра предъ нимъ мы
Но, отвергнувъ онъ же
Сталъ замышлять, чтобъ, бѣды
пѣвъ, напослѣдокъ и вс
Спутниковъ вѣрныхъ и всѣхъ к
крѣпкозданныхъ лип
Жертву принесши, мы цѣлый т
до вечерняго
Ѣли прекрасное мясо и сладким
утѣша
Тою порою померкнуло солнце
сту
Всѣ мы заснули подъ говором
ударяющихъ въ бе
Вышла изъ мрака младая съ п
пурпурными
Спутниковъ вѣрныхъ созвавъ, я
чтобъ они на провор
Всѣ кораблях собралися и вс
зали ка
Спутники всѣ собралися и, с
лавкахъ у ве

могучими веслами вспѣнили
темныя воды.
юплыли мы въ сокрушеньи ве-
ликомъ о милыхъ
къ; но радуясь въ сердцѣ, что
сами спаслися отъ смерти.

Жуковскій.

Ь НАЛЯ И ДАМАЯНТИ.

, столь жестоко покинувъ свою
Дамаянти, прискорбенъ,
енъ, шелъ по пустынѣ и, самъ
пустыня, съ собою
разстаться желалъ. Когда рас-
каленное солнце
ронзало его, онъ ему говорилъ:
не за то-ли,
такъ жжешь ты жестоко меня,
что я Дамаянти
? Онъ горько плакалъ, когда на
похищенный лоскутъ
ея глаза обращалъ. Изнуряемый
жаждой,
дошелъ онъ къ ручью; но, въ
водахъ увидя свой образъ,
омъ кинулся прочь. О еслибъ
я могъ разлучиться
ь лицемъ, чтобъ быть и себѣ и
другимъ незнакомымъ!
кликнулъ и въ лѣсъ побѣжалъ;
и вдругъ тамъ увидѣлъ
-не пламя въ лѣсу, а въ пла-
мени лѣсъ — и оттуда
ій голосъ къ нему вопіялъ:
«Придешь-ли, придешь-ли
ой твоею къ мукѣ моей, о Наль
благодатный?
ой спаситель и будешь мною
спасенъ.»—Изумленный
просилъ: откуда твой голосъ?
чего ты желаешь?
і кто ты? —«Я здѣсь, въ огнѣ,
благородный, могучій
ы будешь-ли столько безстра-
шенъ, чтобъ твердой ногою
ія вступить и дойти до меня?»—
Ничего не страшусь я,—
Кромѣ себя самого съ той минуты, ког-
да я невѣренъ
Сталъ моей Дамаянти. Съ сими слова-
ми онъ прямо
Въ пламя пошелъ: оно подымалось, ли-
лось изъ глубокихъ
Трещинъ земли, выростая въ видѣ вѣт-
вистыхъ деревьевъ,
Копхъ огнистые сучья сплетались, и
черно-багровый
Дымъ вѣнчалъ ихъ вершины. Въ семъ
огненномъ лѣсѣ
Наль очутился одинъ,—со всѣхъ сто-
ронъ устремлялись
Жаркія вѣтви на встрѣчу ему, и всюду,
гдѣ шелъ онъ,
Частой травой изъ земли пробивалося
острое пламя.
Вдругъ онъ увидѣлъ въ самомъ пылу,
на огромномъ горячемъ
Камнѣ змѣю: склубяся, дымяся, рази-
нутой пастью
Знойно дышала она подъ своей чешуей
раскаленной.
Голову, свѣтлой короной вѣнчанную,
тяжко поднявши,
Такъ простонало чудовище: «Я Керко-
та, змѣиный
«Царь; мнѣ подвластны всѣ змѣи зем-
ныя; смиренный пустынникъ
«Старецъ Нерада проклялъ меня и об-
рекъ на такую
«Муку за то, что его я хотѣлъ обма-
нуть. Ты, разсказъ мой
«Слушая, стой здѣсь покойно: стой по-
койно подъ страшнымъ
«Пламенемъ, жарко объявшимъ тебя,
чтобъ оно затушило
«Бурю души, чтобъ душой овладѣвшій
Кали былъ наказанъ,
«Чтобъ наконецъ ты, очищенный, снова
нашелъ, что утратилъ.»
Слушай-же повѣсть мою, продол-
жалъ, задыхаясь отъ жару,
Царь змѣиный, и Наль, терпѣливо сно-
ся нестерпимый
Пламень, внимательно слушалъ.—«Не-
рада, смиренный пустынникъ,
Чудный садъ насадилъ вкругъ кельи
своей, и въ саду томъ

Были всѣ земныя деревья и травы, и было
Много тамъ свѣтлыхъ ручьевъ и сѣней прохладно-тѣнистыхъ:
Въ этотъ садъ пригласилъ онъ всѣхъ незловредныхъ животныхъ:
Всѣхъ ходящихъ, летающихъ, скачущихъ, плавать иль ползать
Созданныхъ; всѣхъ-же зловредныхъ, терзающихъ зубомъ, когтями
Рвущихъ, иль жаломъ пронзающихъ, проклялъ и входъ запретилъ имъ
Въ садъ свой. Изъ змѣй, мнѣ подвластныхъ, въ него проникать онъ дозволилъ
Только одинъ не имѣющимъ жала, безвредно по травкѣ
Вьющимся, росу сбирая съ цвѣтовъ, иль изъ ягодъ сосущимъ
Сокъ благовонный. Изъ этихъ красивыхъ, незлобно-веселыхъ
Змѣекъ одна, любопытно-отважная, рѣзвая змѣйка
Разъ, безъ всякаго умысла злаго, въ саду по деревьямъ
Ползала, ярко блестя чешуею на солнцѣ; вдругъ видитъ
Домикъ воздушный, сплетенный изъ тонкихъ былинокъ и моха:
Онъ на вѣтви висѣлъ и качался, какъ люлька; то было
Гнѣздышко маленькой птички; самой-же крылатой хозяйки
Не было въ немъ; она улетѣла за пищей; яички,
Легкимъ покрытыя пухомъ, лежали въ гнѣздѣ. Перегнувши
Тонкую шейку свою черезъ вѣтку, въ гнѣздо опустила
Голову змѣйка и видитъ яйцо лазурнаго цвѣта;
Капель росы оно показалось, и змѣйкѣ напиться
Вдругъ захотѣлось; лизнула яйцо; яйцо раскололось;
Въ эту минуту птичка въ гнѣздо прилетѣла; увидя,
Что тамъ надѣлала змѣйка, бросилась съ жалобнымъ крикомъ
Прямо къ Нерадѣ она. Нерада во гнѣвѣ ужасенъ.
Тутъ-же погибла-бы змѣйка, к
не успѣла про
Изъ саду скрыться. Она спас.
мнѣ. Но блаже
Старецъ потребовалъ строго, преступницу вы.
Я не посмѣлъ отказать; я спроси
го ты жела
Какъ повелишь ее мнѣ казнить?
самому
Должно виновныхъ наказывать
ныхъ. Видѣть хо
Завтра-жъ ее на заборѣ сада ви
с
Мнѣ отвѣчалъ Нерада; потомъ, шествіи трехъ
Самъ я ее передъ всѣми сожгу
впередъ опас
Кто-бы то ни было садъ мой тр
зломышленнымъ дѣ.
Былъ мнѣ прискорбенъ такой воръ; какъ родную люби
Эту милую змѣйку; поспѣшнѣй,
и вѣ
Вѣсти она приносила ко мнѣ.
мной изви
Въ страхѣ, съ молитвой она ко
дымала гол
Я ей сказалъ: проворнѣй, выл
кожи. Не н
Было того повторять: въ минуту
вой од
Змѣйка явилась моя, на земл
мною ост
Старую. Тотчасъ, двухъ сильны вовъ призвавъ, я велѣлъ
Кожу пустую съ приличнымъ об
повѣсить на
Сада. Когда черезъ три дня о
метъ ее, то ко
Станетъ думать, что солнце ее
ло, такъ мы
Я, уповая, что мой удастся об
дов
Былъ Нерада моимъ послуш
увидя на
Кожу висящую; вѣтеръ ее ко
Какъ ж
Молвилъ Нерада, она гибка и ве
но к

ускли: блѣдная смерть ее об-
хватила. —
и кончилось все, когда-бъ на
бѣду не пропѣла
Она недовольна была законною казнью:
нымъ мщеньемъ себя ей хотѣлось потѣшить; къ висящей
на подлетѣла, чтобъ оба глаза
у мертвой
ать—что же? ихъ нѣтъ; сквозь
пустыя скважины такъ-же
, она, что и внутренность кожи
пуста. И къ Нерадѣ
ъ она полетѣла. Тебя обманули;
змѣиный
ие змѣйку, а змѣйкину кожу повѣсилъ, пропѣла
ı. Страшно Нерада разгнѣвался;
вдругъ онъ явился
гдѣ тогда я на этомъ камнѣ лежалъ и на солнцѣ
я одинъ — при мнѣ ни ужа, ни
змѣя, ни дракона,
ей монхъ, тогда не случилось; я
спалъ. На громовый
ь Нерады, проснувшись, хотѣлъ
я вскочить, но, могучимъ
ıъ его обезсиленъ, не могъ шевельнуться. Предатель,
дъ сказалъ мнѣ, меня обмануть
тебѣ удалося:
акъ за сущность я принялъ; змѣиную кожу пустую
о змѣя я предалъ огню, и виновную спасъ ты.
за нее наказанье прими. Не сойдешь ты отнынѣ
ого камня; но будешь здѣсь не на
солнечномъ свѣтѣ
ся — я пламя иное зажгу вкругъ
тебя; не сгарая
ıь горѣть въ немъ, шипя и свистя
отъ тоски, и мѣняя
за кожей въ напрасной надеждѣ,
что жаръ утолится.
ıтся-жъ муки твои лишь тогда,
какъ къ тебѣ издалека
) придетъ, самому себѣ ненавистный и образъ
Свой утратить желающій. Если его изъ
средины
Пламени ты позовешь и онъ безстрашной стопою
Въ пламень войдетъ, чтобъ избавить себя отъ мученій, сильнѣе
Муки твоей его раздирающихъ; если
достанетъ
Твердости въ немъ, чтобъ средь нестерпимаго жара спокойно
Выслушать повѣсть твою — тогда ты
спасенъ, прекратится
Въ ту-же минуту твое наказанье, и самъ,
по исходѣ
Года со днемъ, онъ все возвратитъ, о
чемъ сокрушается сердцемъ.
Но чтобъ въ страданьи своемъ ты могъ
къ себѣ издалека
Звать своего искупителя, имя его открою;
Онъ называется Налемъ. Съ сими словами Нерада
Скрылся, и муки мои начались. Окружала мой камень
Голая степь; вдругъ услышалъ я шорохъ и трескъ; озираюсь,—
Всюду изъ трещинъ земли, какъ острыя
иглы, выходитъ
Пламя, все гуще и гуще растетъ, все
выше и выше
Вьется, все ярче и ярче пылаетъ; прикованный къ камню,
Чувствую я, какъ все подо мною, какъ
все надо мною,
Камень, на коемъ лежалъ я, и воздухъ
коимъ дышалъ я,
Мало по малу въ пронзительный жаръ
обращалось; съ начала
Было то пламя какъ тонкая, гибкая
травка; слилося
Скоро оно въ кустарникъ густой; напослѣдокъ воздвиглось
Лѣсомъ широкимъ, въ которомъ каждое
дерево было
Все изъ огня; языками горящими листья
шумѣли;
Вѣтви со всѣхъ сторонъ вилися какъ
молніи; въ вихорь
Огненный слившись, качались вершины;
и дымъ громовою

Тучей надъ ними клубился. Теперь на
себѣ испыталъ ты,
Наль безстрашный, муку мою. Напрасно
я жался,
Пламень вытягивалъ тѣло мое до тѣхъ
поръ, покуда
Кожа на немъ не лопалась; снова по-
томъ на минуту
Я сжимался, чтобъ снова вытерпѣть то-
же мученье.
Цѣлыхъ семь лѣтъ протекло съ той по-
ры, какъ лежу я на этомъ
Камнѣ въ огнѣ; а времени медленный
ходъ замѣчалъ я,
Каждый часъ повторяя однажды: *при-
дешь-ли, придешь-ли
Съ мукой твоею къ мукѣ моей, о Наль
благодатный?*
Вотъ наконецъ и пришелъ ты. Но знай,
что здѣсь о тебѣ я
Частые слухи имѣлъ; мнѣ подвластные
змѣи, которымъ
Всѣ на землѣ дороги извѣстны, ко мнѣ
ежедневно
Змѣекъ-гонцевъ присылали, и каждая,
вѣрно исполнивъ
Долгъ свой и вѣсть передавъ мнѣ, въ
огнѣ предо мной умирала;
Видишь, какъ много лежитъ здѣсь кожъ
ихъ истлѣвшихъ. Отъ нихъ-то
Могъ я провѣдать о томъ, какъ ты по-
любилъ Дамаянти;
Какъ цари и царевичи созваны были въ
Видарбу;
Какъ мой гонитель Нерада, пресытясь
земными плодами,
Садъ небесный боговъ посѣтилъ, какъ
тамъ онъ посѣлъ
Сладостныхъ словъ сѣмена, отъ кото-
рыхъ мгновенно желанье
Выросло въ сердцѣ боговъ на землю
сойти, какъ богами
Былъ ты посланъ въ Видарбу. Я знаю,
о Наль благородный,
Такъ-же и то, что тебѣ самому досель
неизвѣстно:
Какъ закрался Кали въ твое непороч-
ное сердце.
Свѣдавъ, что царство свое ты утра-
тилъ, что вмѣстѣ съ супругой
Бродишь нагой по горамъ и степям
что ее наконецъ ты
Самъ покинулъ, я былъ утѣшенъ на
деждой, что скоро
Сбудется то, что теперь и сбылос
Благословляю,
Наль, и тебя и приходъ твой; уже му
чительный пламень,
Жегшій донынѣ меня, уступаетъ сх
дящей отъ неба
Сладостной свѣжести. Наль, не стр
шись, приступи и, на палецъ
Взявши меня, изъ пламени выдь.»—Ке
кота умолкнулъ,
Свился проворно легкимъ кольцомъ
повиснулъ на пальцѣ
Наля; и съ нимъ побѣжалъ изъ плам
ни царь, и при каждомъ
Шагѣ его оно слабѣло и гасло,
скоро
Все исчезло, какъ будто его никог
не бывало.
Свѣжій почувствовавъ воздухъ, тр
петомъ сладкимъ спасенья
Весь проникнутый, быстро отвивши
отъ Налева пальца,
Змѣй безконечный, чешуйчатой лент
вдругъ растянулся;
Съ радостнымъ свистомъ поползъ
тому онъ ручью, гдѣ, увидѣвъ
Образъ свой, Наль самого себя ис
гался, глубоко
Всунулъ голову въ воду и съ жа
ностью долгую жажду
Послѣ толь долгаго жара сталъ у
лять — истощились
Воды ручья, а змѣй по прежнему с
лался полонъ.
Силы свои возвративъ, онъ, блестя
шуею на солнцѣ,
Налю сказалъ: подойди, передъ нам
разлукой ты долженъ
Зубы мои перечесть; въ такомъ дол
лѣтнемъ отъ муки
Скрежетъ, много зубовъ я могъ по
рять иль испортить.
Наль подошелъ; передъ нимъ оска
лись зубы; считать он
Началъ: первой, другой, четверт
Ошибся, ошибся,

вомъ царь-змѣй зашипѣлъ, ты
не назвалъ третьяго зуба.
мъ словомъ кольнулъ онъ третьимъ, неназваннымъ зубомъ
ъ палецъ, и тутъ-же почувствовалъ Наль, что съ собою
къ будто разстался: сперва свой собственный образъ
кально-свѣтломъ щитѣ, на царевой шеѣ висѣвшемъ,
видѣлъ; потомъ тотъ образъ мало по малу
ъ блѣднѣть и скоро пропалъ; и малу по малу
его заступилъ другой некрасивый, и Налю
ясно, что это былъ образъ его же, и болѣ
лъ онъ страшенъ себѣ самому въ такомъ превращеньи.
ь, Керкота сказалъ, что желанье твое совершилось;
вращенъ, ты разстался съ собой, и отнынѣ никѣмъ ты,
своею женою, не можешь быть узнанъ. Простимся;
ъ свой съ богами иди, и не мы-
ли, чтобъ могъ быть опасенъ
й тебѣ! не въ твое онъ чистое сердце проникулъ,
а въ того, кто сердцемъ твоимъ обладаетъ: отнынѣ
отъ жить тамъ и мучиться. Ты жъ,
превращенный, съ надеждой
родолжай; ищи въ чужихъ странахъ пропитанье;
абудь о стихійныхъ дарахъ, отъ боговъ полученныхъ
чный день; они для тебя не потеряны, помни,
объ этомъ; и такъ-же твое искусство конями
ъ тебѣ сохранилось. Въ царство Айодское прямо
вой теперь обрати; тамъ увидишь царя Рituперна;
на землѣ никого, кто съ нимъ-бы сравнился въ искуствѣ
и такъ-бы въ кости игралъ. Я
Вагука, правитель
Коней, скажи ты ему про себя, и если онъ спроситъ,
Много-ли можешь въ день проскакать? сто миль, отвѣчай ты.
Онъ твоему научиться искуству захочетъ; за это
Самъ научитъ тебя искуству считать: безъ него ты
Въ кости все царство свое проигралъ. И какъ скоро искуство
Это получишь, страданья твои прекратятся, слѣда не оставивъ;
Въ ту-же минуту, когда и жену и дѣтей отыскавши,
Прежній свой видъ возвратить ты захочешь, лишь только объ этомъ
Часѣ вспомни и въ этомъ щитокъ поглядись: кто владѣетъ
Этимъ щиткомъ, того на землѣ всѣ змѣи боятся.
Такъ говоря, Керкота одну изъ зеркально-свѣтлыхъ
Шею его украшавшихъ чешуекъ снялъ и, подавши
Налю, примолвилъ: носи ее на груди; въ роковое
Время эта чешуйка тебѣ пригодится. Потомъ онъ
Скрылся, а Наль остался въ лѣсу одинъ превращенный.

Жуковскій.

---

4. ИЗЪ ЭНЕИДЫ.

а) Лаокоонъ и змѣи.

Тутъ явилось другое неслыханно-страшное чудо
Нашимъ очамъ и вселило въ сердца неописанный трепетъ!
Лаокоонъ, Нептунова избранный жрецъ, всенародно
Тучнаго богу вола приносилъ передъ храмомъ на жертву....
Вдругъ, четой отъ страны Тенедоса по тихому морю
(Вспомнивъ о томъ, трепещу!) два змѣя, возлегши на воды,

Рядомъ плывутъ и медленно тянутся
къ нашему брегу:
Груди изъ волнъ поднялись; надъ водами кровавые гребни
Дыбомъ; глубокій, излучистый слѣдъ
за собой покидая,
Вьются хвосты; разгибаясь, сгибаясь,
вздымаются спины.
Пѣняся, влага подъ ними шумитъ;
всползаютъ на берегъ;
Ярко налитые кровью глаза и рдѣютъ
и блещутъ,
Съ свистомъ проворными жалами лижутъ разинуты пасти.
Мы, поблѣднѣвъ, разбѣжались! Чудовища прянули дружно
Къ Лаокоону, и, двухъ сыновъ его малолѣтныхъ
Разомъ настигнувъ, скрутили ихъ тѣло
и, жадныя втиснувъ
Зубы имъ въ члены, загрызли мгновенно обоихъ; на помощь
Къ дѣтямъ отецъ со стрѣлами бѣжитъ;
но змѣи, напавши
Вдругъ на него и запутавшись крѣпкими кольцами, дважды
Чрево и грудь и дважды выю ему
окружили
Тѣломъ чешуйнымъ и грозно надъ нимъ
поднялись головами.
Тщетно узлы разорвать напрягаетъ онъ
слабыя руки —
Черный ядъ и пѣна текутъ по священнымъ повязкамъ;
Тщетно, терзаемъ, пронзительный стонъ
ко звѣздамъ онъ подъемлетъ:
Такъ, отряхая топоръ, невѣрно въ шею
вонзенный,
Бѣсится волъ и ревetъ, оторвавшись
отъ жертвенной цѣпи.
Быстро віясь, побѣжали ко храму высокому змѣи;
Тамъ, достигши святилища гнѣвной
Тритоны, припали
Мирно къ стопамъ божества и подъ
щитъ улеглися огромный.

Б) СМЕРТЬ ПРІАМА.

Всѣхъ опредя, напиралъ на преддверіе
Пирръ бѣдоносный,
Грозенъ, какъ пламенный, мѣдной бронёй и стрѣлами сіяя.
Такъ на солнцѣ змія, напитавшися ядомъ
растеній,
Долго лежавъ неподвижна подъ тягостнымъ холодомъ снѣга,
Вдругъ, чешуи обновивъ, расправляетъ
красы молодыя,
Скользкій волнуетъ хребетъ, золотую грудь надуваетъ,
Вьется въ лучахъ и жаломъ тройнымъ
разыгравшися, блещетъ.
Съ нимъ великанъ Перифрасъ и правитель Ахилловыхъ коней
Оруженосецъ Автомедонъ и дружина
Скиріянъ
Шумно къ чертогамъ тѣснятся и пламень бросаютъ на кровли.
Самъ-же, у всѣхъ впереди, онъ огромной, двуострой сѣкирой
Рушитъ затворы, съ притолокъ тяжкихъ, окованныхъ мѣдью,
Петли сбиваетъ, брусья дробитъ,
плотныя доски
Вдругъ прорубилъ — широкою щелью
разинулись двери:
Видимы стали и внутренній дворъ,
ряды переходовъ,
Видима древняя храмина прежнихъ царей и Пріама,
Видимы въ сѣняхъ и стражи, хранители царскаго прага.
Въ самомъ-же домѣ и жалобный крикъ
и шумъ, и волненье;
Звонкіе своды чертоговъ наполнилъ
пронзительнымъ стономъ,
Жены рыдаютъ; къ звѣздамъ подымаетъ
отчаянье голосъ.
Блѣдныя матери, бѣгая въ мутномъ безуміи страха,
Праги объемлютъ дверей и къ нимъ
прилипаютъ устами.
Вдругъ вторгается Пирръ, какъ отецъ
неизбѣжно-ужасный.
Тщетны заграды; низринута стража,
таранъ стѣнобойный
Сшибъ ворота; расколовшись, огромны
рухнули створы;
Силѣ прочистился путь, и въ проломъ
опрокинувъ переднихъ,

Грекъ, и врагами обители всѣ
закипѣли.
грозенъ, плотину прорвавъ и
разрушивши стѣну,
ъ и съ пѣной стремится по-
окъ изъ береговъ и, равнину
ъ разливомъ окрестъ потопивъ,
стада и заграды
о полямъ. Я видѣлъ убійствомъ
яримаго Пирра;
обоихъ Атридовъ, дымящихся
ровью въ обители царской;
Гекубу и сто невѣстокъ ея и
Пріама,
воею воздвигнутый имъ алтарь
обагривших.
ятьдесятъ сыновнихъ брачныхъ
чертоговъ, надежда
толикихъ, и стѣны, добычъ
многочисленныхъ златомъ
али—пожаромъ забытое схва-
чено Грекомъ.
желаешь, быть можетъ, цари-
ца, что было съ Пріамомъ.
ѣніе града, видя пылающій за-
мокъ,
га, захватившаго внутренность
царскаго дома,
давно-позабытую броню на
трепетны плечи,
ны тягостью лѣтъ, чрезъ силу
надѣлъ, безполезный
ясалъ и въ сонмы враговъ по-
шелъ на погибель.
і срединѣ царскихъ чертоговъ
подъ небомъ открытымъ
мкій алтарь; надъ нимъ мно-
голѣтняго лавра
лонялась и лики домашнихъ
боговъ обнимала.
дочерями сидѣла Гекуба. Вот-
ще—пріютившись
къ жертвенникъ, словно какъ
стая пугливая горлицъ
подъ вѣтви — кумиры без-
смертныхъ онѣ обнимали.
арица одѣтаго бронею младо-
сти бранной
Пріама. «Куда ты, бѣдный су-
пругъ (возгласила)?

«Что ополчило тебя? Къ чему безраз-
судная бодрость?
»Нынѣ такая-ли помощь, такой-ли за-
щитникъ Пергаму
«Нужны? Пергама не спасъ-бы теперь
и великій мой Гекторъ.
«Съ нами останься, Пріамъ: сей алтарь
защититъ насъ,
«Или умремъ неразлучны.» Сказала и,
руку супругу
Давши, старца съ собой посадила на
мѣстѣ священномъ.
Вдругъ изъ убійственныхъ Пирровыхъ
рукъ убѣжавшій Политосъ,
Сынъ послѣдній Пріама, сквозь копья,
сквозь сонмища вражьи,
Вдоль переходовъ, пустыми чертогами,
раненый мчится;
Быстро за нимъ сверкающій Пирръ съ
неизбѣжнымъ убійствомъ
Гонится.... близко; нагналъ, достиг-
нулъ желѣзомъ;
Къ лону родителей кинулся юноша въ
страхѣ, предъ ними
Палъ, содрогнулся.... и жизнь проли-
лася потоками крови.
Тутъ закипѣло Пріамово сердце. Самъ
погибая,
Онъ не стерпѣлъ толикаго горя и гнѣв-
но воскликнулъ:
«О чудовище! Боги тебѣ, святотатный
убійца,
«Боги—если живетъ въ небесахъ пра-
восудная жалость—
«Мзду ниспошлютъ: по заслугѣ полу-
чишь награду, губитель,
«Ты, предо мной моего растерзавшій
послѣдняго сына!
«То-ли Ахиллъ, отъ тебя названьемъ
отца поносимый,
«Сдѣлалъ съ Пріамомъ врагомъ? Онъ
краснѣя, почтилъ униженье
«Старца молящаго; далъ схоронить
мнѣ бездушное тѣло
«Гектора сына и въ Трою меня отпу-
стилъ безобидно.»
Такъ онъ сказалъ и копье безсильное
слабой рукою
Бросилъ; оно, ударяся въ медь, зазве-
нѣвшую глухо,

Тронуло выгибъ щита и на немъ безъ движенья повисло.
Яростно Пирръ возопилъ: «иди-же съ поносной отселѣ
«Вѣстью къ Пелиду отцу; не забудь о безславныхъ дѣяньяхъ
«Пирра повѣдать ему; теперь-же умри!» Безпощадно
Онъ передъ жертвенникъ дрогнувшій старца повлекъ; сѣдинами
Шуйцу, облитую кровью сыновней, опуталъ, десницей
Мечъ замахнулъ и въ ребра до самой вонзилъ рукояти.
Такъ совершилася участь Пріама: такъ онъ покинулъ
Землю, зрѣвши добычей пожара Пергамъ и паденье
Трои, нѣкогда сильный властитель народовъ, державный
Азіи царь.... и великое тѣло на брегѣ пустынномъ
Нынѣ безъ чести лежитъ, обезглавлено, трупъ безъимянный.

Жуковскій.

в) Охота.

Аврора вставъ, течетъ отъ лона свѣтлыхъ водъ;
Отверзлися врата, явился пышный ходъ.
Сидонскія брони въ лучахъ зари играютъ;
Избранны юноши по чину выступаютъ.
Тенета, сѣти тамъ, дреколія ловцовъ,
Массильски всадники и рати чуткихъ псовъ.
У прага сонмъ вельможъ: въ очахъ благоговѣнье;
Ждутъ радости—почтить царицы изхожденье!
Стоитъ ретивый конь подъ златомъ, багрецомъ,
Бьетъ землю, рветъ бразды, вьетъ пѣну вверхъ съ огнемъ.
Явилась наконецъ, властями окруженна;
Хламида тирская, цвѣтами обложенна
Златый на рамѣ тулъ, въ златомъ узлѣ власы;
Связуетъ злато ризъ блистательныхъ красы.
За ней соборъ Троянъ и радостный Асканій.
Впреди—прелестнѣй всѣхъ, при звукахъ восклицаній,
Грядетъ Венеры сынъ, и сонмъ вождей за нимъ.
Каковъ, оставя Ксантъ, Ликію, царство зимъ,
Провидецъ, свѣтлый богъ, парнасскихъ горъ правитель,
Приходитъ матери делійскія въ обитель,
И лики красные сбираетъ вкругъ себя
Повсюду алтари, куреніе, мольба!
Критянинъ и Дріоѳъ, Агатирсъ испещренный,
Всѣ движутся, шумятъ, весельемъ упоенны!
Самъ богъ течетъ, гордясь, по Цинта высотамъ;
Власы, падущіе въ волнахъ по раменамъ,
Изъ вѣтвей миртовыхъ вѣнецъ приосѣняетъ,
И злато ленъ кудрей, струясь, переплетаетъ;
Стрѣлами грозными тулъ сребренный гремитъ:
Въ величіи красотъ таковъ Энея видъ!
Уже ловцы въ горахъ исходища объемлютъ,
И дебри, пробудясь, позывны роги внемлютъ.
Какъ воды прядаютъ по скаламъ въ глубь долинъ,
Низринувшись, летятъ вкругъ серны со стремнинъ;
Тамъ лани быстрыя, какъ вихрь, бѣгутъ полями,
Повсюду зря враговъ, сливаются стадами,
И мещутъ горькой взоръ къ оставленнымъ горамъ;
Окрестъ ихъ дымный столпъ встаетъ ко облакамъ.

й, радуясь, конемъ неутомимымъ
реждаетъ всѣхъ во слѣдъ звѣ-
рямъ гонимымъ;
ертвы робкія не тратитъ онъ
стрѣлы;
вепря, или льва съ дубравныя
скалы.
шумомъ въ небесахъ вдругъ ви-
хорь тучи сдвинулъ;
надъ міромъ нощь, — и дождь
со градомъ хлынулъ!
, Тиряне, Венеры внукъ младой,
ри всякъ стремясь особенной
тропой,
кѣ трепетны убѣжища искали;
ыя моря съ высокихъ горъ упали;
ъ Дидоною въ ближайшій гротъ
текутъ;
и матерь женъ, Юнона, знакъ да-
ютъ:
грянулъ.... воспылалъ Эевръ,
свидѣтель брачный.
ъ горныхъ Нимфъ ликъ таин-
ственно-мрачный!

ЕРКУРІЙ ВОЗВѢЩАЕТЪ ЭНЕЮ
ВОЛЮ ЮПИТЕРА.

ря всемощну длань, Эрмію рекъ
Зевесъ:
и, пари, несись, вей вихря отъ
небесъ!
вождю Дарданъ, которой въ Тир-
скомъ градѣ
ъ обѣтъ судьбы, не помнитъ объ
отрадѣ
ь, о тѣхъ странахъ, которыя ихъ
ждутъ!...
... мои слова не мимо ввѣкъ и-
дутъ!
ъ объ немъ его мнѣ матерь про-
вѣщала,
тѣмъ отъ смертныхъ стрѣлъ дву-
кратно ограждала.
удетъ, прорекла, глава и честь
царей;
оздираему раздорами властей,
ну скиптрами, Италію прослa-
витъ,
Погасшій Тевкровъ родъ изъ пепела
возставитъ
И, побѣдитель, дастъ концамъ земли
законъ!
Когда закрылъ свой взоръ въ столь
свѣтлой славѣ онъ,
Когда, небрежный вождь, правамъ сво-
имъ не внемлетъ:
Отецъ, почто у чадъ наслѣдіе отъемлетъ?
Что пользы? Ждетъ чего онъ въ
чуждыхъ племенахъ?
Гдѣ мысль о счастливыхъ Авзоніи сы-
нахъ?
Гдѣ радость—обозрѣть Лавинскія рав-
нины?
Да идетъ! Такъ хощу! Таковъ уставъ
судьбины!»
Изрекъ. Эрмій крѣпитъ, покорствуя
словамъ,
Златокрылатыя сандаліи къ стопамъ.
Ширяяся на нихъ верхъ суши и верхъ
бездны,
Перелетаетъ онъ пустыни свѣтлозвѣздны;
Потомъ пріемлетъ жезлъ божественной
рукой
По манью коего соборъ тѣней грядой,
Изъ мрака Оркова влечется убѣленный;
Подвигнетъ — вспять беретъ нихъ тар-
таръ разъяренный, —
Жезлъ, коимъ сонъ даритъ, уноситъ
сонъ отъ насъ,
И очи томныя смыкаетъ въ смертный
часъ.
Опершись на него, Меркурій гонитъ
бури,
И роетъ нѣдра тучъ. Се, въ синевѣ
лазури
Зритъ ребра и чело, — кудрей дре-
мучій лѣсъ
Атланта, взнесшаго на рамо сводъ не-
бесъ:
Глава, увитая тумана пеленами,
Древоносящая, пылаетъ подъ громами;
Снѣгъ вѣчный на плечахъ, льютъ рѣки
со власовъ;
Всклокоченна брада сребрится въ глы-
бахъ льдовъ.

Здѣсь крылья расширя, богъ сталъ среди тумана.
Отсель стремглавъ падетъ на лоно Океана.
Какъ птица ловчая, окрестъ дубравныхъ скалъ,
Въ тѣни береговъ крутыхъ, куда суровый валъ
Не входитъ возмущать селенья рыбъ бездонны —
Несется и рябитъ полетомъ воды сонны:
Таковъ, низринувшись съ праотческихъ раменъ,
Сынъ Маинъ облакомъ, какъ ризой осѣненъ,
Межъ тверди и небесъ въ блистаніяхъ стремится
И Ливія подъ нимъ въ пескахъ своихъ дымится!
Слетѣлъ — на хижинѣ постановилъ стопы.
О срамъ! Энея зритъ средь зиждущихъ толпы!
Тамъ перстомъ назначалъ бойницамъ основанья,
Тамъ строилъ новыя, во славу града, зданья!
Подъ персями кинжалъ, въ каменьяхъ весь, какъ жаръ;
Хламида тирская, Дидоны трудъ и даръ,
Златошвейная, искуства плодъ чудесный!
Къ Энею приступя, изрекъ посолъ небесный:
«Троянскій зиждетъ князь здѣсь гордый Карѳагенъ!
Крѣпитъ чужую власть на собственный свой плѣнъ,
Ничтожной страсти рабъ, женою ополощенной!
А царствіе, а сынъ, а все свое забвенно!...
Внемли: самъ богъ боговъ съ блистательныхъ высотъ,
Кто движетъ маніемъ адъ, землю, неба сводъ,
Самъ Юпитеръ рочетъ грозящія велѣнья:
Что строишь? что вина, что плодъ сего медленья?
Когда ты подвиговъ достойнѣйшихъ не зришь,
Когда хвалой, царямъ любезной, не горишь:
Отецъ! склонись душей на зрѣлы лѣта сына,
Въ которомъ Иліи надѣянье, судьбина,
И къ трепету владыкъ ростетъ великій Римъ!»
Не кончивъ словъ, призракъ разсыпался, какъ дымъ.
Эней оцѣпенѣлъ, взираетъ вкругъ, блѣднѣетъ,
Подъемлются власы, и гласъ въ устахъ мертвѣетъ.
Велѣньемъ и грозой всесильныхъ пораженъ,
Спѣшитъ устроить бѣгъ, разрушить милый плѣнъ.

д) ОТПЛЫТІЕ ЭНЕЯ.

Царь Тевкровъ между тѣмъ въ совѣтахъ непремѣнный,
На палубѣ почилъ, трудами изнуренный.
Назначенъ часъ пути. И море въ тишинѣ.
Се! зримый прежде богъ предсталъ ему во снѣ.
Меркурія красы, величіе, сіянье,
Его небесный взоръ и важное вѣщанье
«Эней, Эней! ты спишь! теперь ли часъ отрадъ?
Воззри: проснулась месть! кипитъ враждебный градъ!
Призывныхъ Зефировъ дыханью не внимаешь!
Безпечный! самъ себѣ погибель устрояешь! —
Здѣсь все тебѣ — соблазнъ, здѣсь все противъ тебя, —
Страшись Дидоны, царь; страшись ты самъ себя!
Неистовую грудь волнуютъ бури страсти;
Есть способы, а ты спокойно ждешь напасти!...

-весла восхолмятъ равнину синихъ водъ,
свѣтятъ нощь, и пламя брегъ прольетъ.
і для тебя грядущая аврора!...
лети, стремись, оставь страну позора!
ѣнъ, скоръ на месть кипящій духъ жены!»
— и свился съ тьмой ночныя тишины.
иный ужасомъ чудеснаго видѣнья,
нулся Эней, какъ левъ, отъ усыпленья:
удамъ, сподвижники! Скорѣй, гласитъ, къ трудамъ!
а распростремъ, помчимся по волнамъ!
паки богъ; велитъ отсѣчь канаты,
стремиться въ путь. О въ милостяхъ богатый,
вѣдомый! уставъ твой совершимъ;
твуй намъ всегда могуществомъ своимъ!
ѣтила намъ съ небесъ благопривѣтны!»
, исторгнулъ мечъ широкой, огнецвѣтный,
гся на корму, булатомъ бьетъ канатъ.
хъ единый духъ; всѣ рвутся, всѣ горятъ.
синій побѣжалъ съ холмами и лѣсами,
ось лоно водъ парящими судами,
ъ волнъ лазурь, какъ горы серебра.

возставшая съ багрянаго одра
первый свѣтъ на землю разливаетъ,
въ радужны одежды облекаетъ.
, съ высоты блестящихъ теремовъ
ъ, узрѣла флотъ на крылахъ парусовъ.

Пустъ берегъ, гавань спитъ! Спокойство неотрадно!
Біетъ себя во грудь прекрасную трекратно,
Стеняща, внѣ себя, власы златые рветъ.
О Юпитеръ! гласитъ, и такъ пришлецъ уйдетъ!
И царство, и престолъ позоромъ омрачится!
И рать моя молчитъ? и градъ не устремится?
И въ пристани мой флотъ?... Скорѣй, на парусахъ,
На веслахъ! лейте огнь; несите смерть и страхъ!
Но гдѣ я? что рекла? безплодно изступленье!
Дидона! Ахъ, насталъ твой часъ, твое рѣшенье!
Тогда бы мыслить такъ, когда вручала тронъ!
Се, вѣрность! правота!... Се сынъ нѣжнѣйшій, онъ,
Который спасъ боговъ, который раменами
Подъялъ родителя, ослабшаго лѣтами!
И я не возмогла рвать тѣло по частямъ,
И члены раскидать кровавы по волнамъ,
Убить друзей, предать Асканія желѣзу,
И предложить во снѣдь на отческу трапезу!
Но жребій ярыхъ битвъ невѣренъ — такъ и быть!
Рѣшилась умереть: что можетъ устрашить?
Взнеслася бы на флотъ со свѣточами злобы,
Наполнила бъ огнемъ всѣхъ кораблей утробы,
И сына бъ, и отца, и родъ бы весь сожгла,
И сладостную смерть на пеплѣ ихъ нашла!
Фебъ, зрящій на дѣла всѣхъ пламени очами,
Юнона, правяща сей страстью и скорбями,
Геката грозная, которой страшный вой

Стеналь въ распутіяхъ съ полунощною тьмой,
И вы о мщенія хранящіе законы,
Всѣ боги умереть готовыя Дидоны!
Возстаньте, двигнитесь и въ карахъ, и громахъ!
Да злоба васъ узритъ, поникшая во прахъ!
Внемлите слабый гласъ послѣдняго томленья:
Когда увидѣть брегъ и дальнія селенья,
Коварному врагу назначено судьбой....
(Пусть хощетъ такъ Зевссъ, пусть рокъ льстеца такой!)
Молю, да бранями отъ варваровъ томимый,
Изъ собственныхъ земель, какъ язвы духъ, гонимый,
Объятій сладостныхъ Асканія лишенъ,
Да встрѣтитъ не друзей, не помощь— брань и плѣнъ!
Да зритъ сопутниковъ позорное паденье!
Да кровью ихъ купивъ неволи посрамленье,
Себѣ и царству врагъ, забытъ отъ всѣхъ, въ тоскѣ,
Падетъ, сгніетъ въ чужомъ, непогребенъ, пескѣ...
Сего прошу, завѣтъ сей съ кровью изливаю!
Тирійцы, васъ, и васъ, потомки, заклинаю:
Дорданцамъ брань и брань! Противу чадъ ихъ чадъ
Въ васъ ненависть расти изъ вѣка въ вѣкъ стократъ!
Ни мира, ни любви между племенъ строптивыхъ!
Се, тѣни даръ моей отъ вашихъ душъ правдивыхъ!
Да встанетъ мести мужъ на пепелѣ моемъ!
Да гонитъ злобный родъ желѣзомъ и огнемъ!
Теперь, всегда, вездѣ, съ дружинами дружины,
Съ брегами берега, съ пучинами пучины,
Мечи противъ мечей ведите вѣчн
И внуки поздніе изсякните вра

Мерз

---

5. ИЗЪ ОСВОБОЖДЕНІ ІЕРУСАЛИМА.

Едва грозящая оплотамъ кр
Изчезла въ пепелѣ ужасная г
Ко новымъ таинствамъ ст
волхвъ Ис
Да жителей покой пребудетъ у
Онъ хощетъ воспретить дубрав
тіа
Запасъ и колыбель губительнь
ран
Чтобъ паки приступахъ Сіона не
Рушитель страшный стѣнъ — к
ся кол
Близь стана христіанъ, среди
д
Угрюмъ, уединенъ взносился л
л
Дубовыхъ чаща древъ, соврем
з
Грозила тѣнями тоскливыми в
Какъ солнце пламенемъ зажж
нитъ кристал
Тамъ зримы сумраки безцвѣтн
ча.
Какъ своды неба тмитъ густая

Тамъ трудно распознать: что въ
ночь иль
Когда же свѣта царь въ вечери
нисхо
Унылый нѣкій мракъ и ужасъ в
бро
И пренсподняя внѣдряется въ
Трепещетъ слухъ, взоръ слѣп
сердцѣ хладный ст
Ни пастырь робкихъ стадъ, ни
сел
Не смѣютъ скрыться въ зной по
домъ адской сѣн

ъ странники дремучій боръ с-
крестъ,
ь издали его дрожащій перстъ.
ь часъ полночи волшебницъ –
дѣвъ собранье
ь къ возлюбленнымъ на тайное
свиданье.
а каждая на облакѣ летитъ,
мъ звѣвъ иль ксзлищъ грозный видъ.
а сонмище подъ древними тѣ-
нями,
ь тщетныхъ благъ позорными
мечтами,
нечестивыя свершастъ торже-
ства,
гнусные, и крови пиршества. —
рилъ весь народъ тогда обво-
роженней,
ую тамъ вѣтвь чтилъ неприкос-
новенной.
ю мнимую презрѣла вѣрныхъ
рать:
ужный для бойницъ сей боръ
ей могъ давать.
ъ безмолвіи глубокой ночи мра-
чной,
Исменъ, гордясь той кознію
удачной,
я вчера раздула злой пожаръ;
буквы пишетъ онъ и тайныхъ
знаки чаръ.
ъ кругъ нагой пятой, снявъ
поясъ одѣянья,
потомъ гласитъ гееннѣ закли-
нанья.
гно солнечнымъ вращается пу-
темъ,
гно на востокъ отъ запада ли-
цемъ;
гно онъ трясетъ лозою всемо-
гущей,
хъ изъ гробовъ въ жизнь вре-
менну зовущей;
гно въ землю бьетъ босою онъ
стопой;
лъ наконецъ ужасный голосъ
свой:
те, духи, мнѣ, внемлите гнѣва
чада,
Въ громахъ отъ звѣзднаго низринутыя
града!
Вы, перелетные въ мглѣ облачныхъ
зыбей,
Творцы свирѣпыхъ бурь, волненій, мя-
тежей!
И вы, во пропастяхъ мученія бездон-
ныхъ,
Карателисердецъ преступныхъ, без-
законныхъ!
Вы всѣ, недремные проклятія сыны!
И ты, свирѣпый царь огнистой глу-
бины!
Примите въ свой покровъ сей боръ,
вамъ посвященный:
Въ немъ древо каждое и вѣтви мной
сочтенны!
Какъ тѣло духа храмъ, его же онъ
господь:
Такъ каждому изъ васъ да будетъ древо
плоть!
Да дрогнетъ дерзкихъ длань, сѣкиры
съ первымъ взмахомъ!
Да Франкъ отсель бѣжитъ, гонимый
казни страхомъ!»
Исменъ еще вѣщалъ... Но грозныхъ
тѣхъ словесъ
Не можно повторить, не оскорбивъ
Небесъ.
И сезатмилось вдругъ полунощи сіянье,
Блистательныхъ свѣтилъ сребристое
соткапье.
Сталъ мѣсяцъ смутенъ, блѣденъ, и, роб-
кій кинувъ зракъ,
Скрылъ облакомъ рога и самъ погрязъ
во мракъ.
Свирѣпый паки волхвъ отверзъ уста
укора:
«О духи, васъ зову! — васъ, темныхъ
чадъ раздора!.....
Отколь медленіе? иль вамъ потре-
бенъ зовъ
Еще тайнѣйшихъ чаръ, еще сильнѣй-
шихъ словъ?
Хоть рѣдко дѣйствовалъ наукъ моихъ
дарами,
Но я ихъ не забылъ — и обладаю
вами....
Въ сей часъ, — дымящуся отъ крови
языку,

Я имя страшное, великою реку,
Предъ коимъ ада слухъ не смѣетъ быть затворенъ,
Предъ коимъ тартаръ весь и царь его покоренъ.....
Что если..... если я?....» Хотѣлъ гласить еще,
Но въ тотъ же мигъ позналъ, что чары не вотще:
Стеклись окрестъ его въ толпахъ неисчислимыхъ
Въ пустыняхъ воздуха живущіе незримыхъ,
И тѣ, которые на гласъ его изшли
Изъ хладныхъ, чуждыхъ дня, обителей земли.
Влечется медленно притрепетная стая,
Запретъ Предвѣчнаго могущій вспоминая
Во брани не вступать.... но имъ запрету нѣтъ
Вселяться въ дерева, и въ листвія, и цвѣтъ.
Исменъ, удачею волшебства гордели-вой,
Склоняется къ царю съ сей рѣчью злочестивой:
«Утѣшься, государь! Теперь, воскликнулъ онъ,
Сомнѣнья отложи: теперь твой крѣпокъ тронъ;
Всѣ помыслы враговъ ничтожны и напрасны!
Уже не встанутъ вновь бойницы ихъ ужасны!»
Съ симъ словомъ, злобный волхвъ подробно изложилъ
Успѣхи дивные чаротворящихъ силъ.
«Но въ томъ не весь мой трудъ, рекъ общникъ адской бездны:
Есть виды новые, не менѣе полезны.
Познай, что скоро Марсъ и солнце, звѣздъ глава,
Сліютъ свои огни въ селеньи рдяномъ Льва.
Ни росы, ни дожди, ни вихри вѣтровъ горныхъ,
Не могутъ утолить дыханій ихъ тлетворныхъ.
Всѣ знаменія мнѣ небесныя рекутъ
Грядущій вскорѣ зной — болѣ-вы, т
Такого ужаса не видѣли предѣ
Твои, о Гарамантъ безсильны р
Но намъ, во градѣ семъ, под свѣжей
Въ прохладѣ быстрыхъ водъ, Божій
Чтожъ варварамъ въ степи пе безво
Онъ муки къ нимъ несетъ и неисхо
Предпобѣжденные превыспрен
Потомъ они падутъ египетск
Безъ битвъ вѣнчаемся побѣдо за
Почто испытывать фортуны ва
Но ежели Черкесъ въ пылу от
Сей мира всякаго и выгоднаг
Обычною стужать начнетъ теб бо
Умѣй смиритьего властительско
Межъ тѣмъ святой пророкъ на склонитъ
Тебя вѣнчаетъ миръ; врага б
Сіе внимая, царь надеждѣ вѣри
И силу христіанъ чтитъ слаб что
Уже исправлена огромная стѣ
Рогами сбитая враждебнаго
Въ неусыпающихъ порывахъ по
Застроены опять проломы, повре
Рать, граждане, рабы къ оплот те
Въ работахъ день и ночь.
враждебный т

Межъ тѣмъ готовитъ вождь благочес
Рѣшительный ударъ Солимѣ
Но, прежде восхотѣвъ поста ст

грозную, иль ей подобный страхъ,
осѣковъ шлетъ къ дубравѣ мракородной,
оныя дающей лѣсъ пригодной.
ніемъ зари они явились тамъ;
ная боязнь — препона ихъ стопамъ.
окъ въ простотѣ взоръ робкій отвращаетъ
ъ, гдѣ призраки увидѣть онъ мечтаетъ,
тъ съ трепетомъ, покрытый нощи мглой,
ъ, тигровъ, змѣй — несчастной вымыслъ свой:
оялися посланныя дружины,
воея не вѣдая причины;
бственная имъ ихъ робость создала
ьчу и Химеръ, и Сфинксовъ безъ числа!
ы, трепетны всѣ въ путь текутъ обратный.
е, скрытый стыдъ, сказаній смыслъ превратный,
ть, разность словъ — воздвигли общій смѣхъ.
ни мечтамъ, преткнувшимъ ихъ успѣхъ.
ъ вспять робкихъ шлетъ своею строгой властью;
ыхъ подкрѣпивъ избранной рати частью,
етъ, чтобъ они съ защитой вѣрной сей
ли его велѣніе скорѣй.
ближилось къ дубравѣ ополченье,
оны свое устроили селенье.
ѣни мрачныя представились очамъ,
хладная боязнь пробѣгла по костямъ;
гнуютъ впередъ съ отвагою наружной,
і низкій страхъ въ груди своей недужной.
па стонъ, дрожа, бросая взоръ окрестъ,

Уже достигнули очарованныхъ мѣстъ.
И се.... внезапный шумъ возсталъ среди дубровы;
Казалось, потряслись всея земли основы!....
Раздался вѣтровъ ревъ, со скрыпомъ въ мглѣ древесъ;
Несутся стоны волнъ, дробимыхъ объ утесъ;
Грохочетъ рокотъ львовъ, змѣины слышны свисты;
Тамъ воетъ ярый волкъ, медвѣдь рычитъ дебристый,
И раздались кругомъ звукъ трубный, трескъ громовъ,
И вмѣстѣ все слилось въ единый гулъ лѣсовъ!
Окаменѣли всѣ, — покрыла блѣдность зраки;
Въ движеньи, въ поступи боязни смертной знаки.
Забыли стройность, чинъ.... ни глазъ, ни слуха нѣтъ;
Не смѣютъ стать они, ни шествовать впередъ;
Ни запрещенія не тронутъ, ни совѣты.
Столь страшны демоновъ невидимыхъ навѣты!
Бѣгутъ несчастные. Единъ предсталъ изъ всѣхъ
Къ Бульону оправдать постыдный свой побѣгъ.
«Властитель! онъ вѣщалъ: нѣтъ воина межъ нами,
Могущаго вступить въ лѣсъ, дивный чудесами.
Я вѣрю, я клянусь, что въ сей ужасной боръ
Вселился самъ Плутонъ и съ нимъ его весь дворъ.
То сердце тройственнымъ одѣто кровомъ лала,
Котораго бы здѣсь боязнь не обуяла.
Безумецъ лишь одинъ пойдетъ противъ громовъ,
На свистъ свирѣпыхъ змѣй, на рокотъ рьяныхъ львовъ!»...
Такъ воинъ говорилъ средь ратнаго собранья.

Алкастъ, по случаю, внималъ сіи сказанья,
Алкастъ, отваги мужъ и дикой, и слѣпой,
Презритель смертныхъ всѣхъ и чтущій смерть мечтой.
Ни лютый звѣрь, ни всѣ чудовища вселенной
Не сильны возмутить души окаменѣнной:
Трусъ, бури, самые перуны въ небесахъ,
Не страшно все ему, въ чемъ міръ сей видитъ страхъ.
Потрясъ главою онъ съ улыбкой горделивой:
«Гряду одинъ туда, отколь краснорѣчивой
Сей вѣстникъ къ намъ притекъ. Пріявъ сѣкиру въ длань,
Одинъ я понесу призракамъ рощи брань.
Прочь дремы низкихъ думъ! Ни вопль, ни ревъ, ни стоны,
Для храбрости прямой не могутъ быть препоны.
Пойду, хотя бъ, лѣсовъ въ пустынной глубинѣ,
И въ преисподнюю стезя открылась мнѣ.»
Такъ гордый возносилъ себя въ кругу совѣта;
Готфредъ благоволилъ къ свершенію обѣта.
Идетъ, дубраву зритъ; уже неробкій слухъ
Внимаетъ гулъ и шумъ и завыванья вкругъ.
Стопою смѣлою течетъ впередъ воитель —
Вся таже твердость, жаръ, все тотъ же духъ презритель;
Уже нога его волшебный топчетъ прахъ, —
Но вдругъ возникъ пожаръ героя при стопахъ;
Растетъ свирѣпый огнь и пламя съ вихремъ мглою,
Крутясь, встаетъ предъ нимъ высокою стѣною,

Багряный сей оплотъ круго
лет
Да не коснется сталь вражде

Огни, всходящіе огромными
Казали строй твердынь и баш

Окопы, махины, охранный б
р
Все зрѣлось; все имѣлъ сей
зданн
О сколь ужасныя чудовища
Являлись сквозь зубцовъ, н
опол
Несчетны виды ихъ и каждый

Сей мещетъ ярый взоръ, т
тряся, г
И вспять течетъ герой! Х
ленъ бѣгъ и ст
Какимъ отходитъ левъ, лови
пс
Но все позорный бѣгъ... В
петнук
Безвѣстная досель боязнь

Онъ слышитъ хладъ ея, онъ чу
самъ п
Что прежде былъ не тотъ, чт
сталъ же
Чудится самъ себѣ, въ досадѣ

И сердце лютый червь отчая

Разстроенный въ умѣ, стыд
пламен
Безмолвный, ищетъ онъ дорог
в
Уединенъ, теперь не смѣетъ

И высившій чело не вступит
в
Готфредъ его воззвалъ..... (
му
Что дѣлать? что сказать себ
вн
Идетъ.... стремится вспять....
жился.... и
Вѣщалъ, какъ человѣкъ, объят
комъ

ступь, взоры, гласъ, столь
странная стыдливость —
все вождю побѣгъ и боязли-
вость.
въ, рекъ Готфредъ: «почтожъ
сіи лѣса?
ство ли они, природы ль чудеса?
здѣсь кого духъ прямо бла-
городный
открыть намъ путь доселѣ не-
проходный:
вуетъ принять успѣховъ хваль-
ныхъ честь
правдой сходную хотя доста-
вить вѣсть!»
... Славнѣйшіе изъ витязей мо-
гучихъ
блуждали вкругъ вертеповъ
сихъ дремучихъ;
боролися со страхомъ и собой,
ій вспять бѣжалъ предъ демон-
ской грозой.

время князь Танкредъ, незри-
мый въ ратномъ кругѣ,
ій долгъ свершилъ возлюблен-
ной подругѣ.
ь же цвѣтъ ланитъ, все тотъ же
мертвый взглядъ;
на, мнилося, не выдержитъ, ни
латъ.
ю грянулъ гласъ на подвигъ
общей нужды,
язя болѣзнь, опасность, горе
чужды.
ой трудъ готовъ! Живой, вы-
сокой духъ
амень тѣлу далъ и потушилъ
недугъ.
юлій, силы всѣ въ душѣ со-
бравъ чудесной,
инъ, твердъ, грядетъ на под-
вигъ сей безвѣстной.
встрѣтилъ онъ грозящій лѣ-
са видъ:
она, трусъ земли, героя не
страшитъ;
кое смущенія движенье
ъ грудь его: въ тотъ мигъ
успокоенье.

Течетъ... уже вступилъ подъ мрачный
тѣней сводъ.
И се вдругъ пламенный возникъ предъ
нимъ оплотъ.
Остановился онъ.. Стоитъ, мглой думъ
объятый!
«Къ чему здѣсь, мыслитъ вождь, мой
мечъ, и щитъ, и латы?
Низринуться ли мнѣ сихъ въ челюсти
звѣрей,
Иль въ бездну ярую всегубящихъ ог-
ней?
Я радъ отважить жизнь на подвигъ бла-
городной,
Когда велитъ мнѣ честь и пользы гласъ
народной;
Но истинный герой безъ нужды кровь
не льетъ;
Предавъ себя на смерть, я Богу дамъ
отвѣтъ.
И такъ пойду я вспять? Ахъ, что
рекутъ во станѣ?
И гдѣ еще древа обрящутъ христіане?
Готфреда вѣдаю: не кинетъ замыслъ
свой,
Не испытавъ всѣхъ силъ.... а есть ли
кто другой?
Но, можетъ быть, оплотъ, возставшій
среди праха,
Горящій замокъ сей — тѣнь замка, об-
разъ страха?
Что будетъ, то случись»... Съ симъ
словомъ въ пламя вдругъ —
О дерзость дивная! о мужественный
духъ!.
Но что-же? Чудо вновь! Вступив-
шій въ глубь пожара,
Не чувствуетъ герой ни пламени, ни
жара;
Не разгорѣлася сребристая броня;
Не знаетъ: огнь сіе, иль призракъ
лишь огня
Грозилъ его очамъ; и какъ рѣшить?
Въ мгновенье,
При первомъ шагѣ, все изчезнуло ви-
дѣнье;
Простерлась ночь кругомъ, насталъ
ужасный мразъ;
И мразъ, и ночи мгла изчезли въ тотъ
же часъ.

Смущенъ, но трепета слѣпаго отчужденный,
Когда пріяло все вкругъ ходъ обыкновенный,
Ногою твердою, спокойною Танкредъ
Въ обители сіи проклятыя течетъ;
Испытываетъ всѣ исходы дебрей тайныхъ.
Нѣтъ болѣе чудесъ, явленій чрезвычайныхъ,
Не видитъ ничего, ничто не держитъ стопъ,
Кромѣ сгущенныхъ древъ и преплетенныхъ тропъ.
Достигнулъ наконецъ пространнѣйшаго луга,
Который, возносясь, образовалъ полкруга.
И ската посредѣ, какъ пирамиды видъ,
Надменный кипарисъ, уединенъ, стоитъ.
Къ нему направилъ путь и взоры испытанья.
Се видитъ на корѣ различныя писанья,
Какими нѣкогда скрывали свѣтъ средь тьмы
Египта древняго высокіе умы.
Между безвѣстными на деревѣ чертами
Онъ зритъ знакомыя. Сирійскими словами
Герой, дивяся, чтетъ: »О ты, который смѣлъ
Внести свои стопы въ сей гибельный предѣлъ!
Коль мужество въ тебѣ не гаситъ сожалѣнья,
Не возмущай сего волшебнаго селенья.
Уже-ль лишенныхъ дня не хощешь пощадить?
Живые не должны брань съ мертвыми творить.»
Гласила надпись такъ. Танкреда умъ сомнѣнный
Стремился вникнуть въ смыслъ, въ строкахъ сихъ сокровенный.
Межъ тѣмъ внимаетъ онъ вкругъ шорохъ вѣтерковъ,
Лепещущихъ въ вѣтвяхъ и въ листвіяхъ кустовъ,
Сей томный, тихій гласъ, могучи
ровані
Казался вздохами страдальца
данъ
И сердце путника въ невѣдомы
Крушили жалость, грусть и
нѣкій ст
Герой исторгнулъ мечъ, и всек
гря
На гордый кипарисъ. О чудес
пря
Изъ раненой коры токъ алой
вд
Дымяся, злакъ земли багровѣ
к
Оцѣпенѣлъ Танкредъ! диви
знать жел
И вновь вознесъ ударъ, и тр
вним
Какъ бы изъ глубины изникшій г
Стенаній тяжкихъ звукъ неявс
гл
Потомъ услышалъ гласъ: «Ост
жест
Ты духъ мой оскорбилъ сей язв
(
Твой мечъ меня изгналъ изъ т
Гдѣ я цвѣла, краса подлуннаго
Теперь ты сталъ терзать и
домъ злосчастн
То древо, съ коимъ рокъ сопр
уж
Свирѣпый! хочешь ли ты гнат
вр
И въ хладной глубинѣ мучит
гр
Клоринда я была.... Подъ се
тв
Не мнѣ одной сужденъ сей п
милос
Всѣ здѣсь: срацинъ и франкъ
при ст
Отдавшіе землѣ враждующе
вр
Всѣхъ здѣсь собрала насъ
выхъ, дивныхъ
Не знаю что вокругъ: иль
и

кивлено здѣсь: древо, вѣтвь, листы.
убить лѣса, убійцей будешь ты!»
ертный, одержимъ недугомъ огневицы,
о дремахъ злыхъ чудовищей станицы —
драконовъ, змѣй,—хоть помнитъ, что во снѣ,
ѣжденъ, что зритъ мечтанія однѣ;
ся бѣжать, но ищетъ онъ спасенья:
льно дѣйствіе ужаснаго явленья!
асти робкой рабъ, отчаянный Танкредъ
итъ призраку, но въ страхѣ вспять течетъ.
ихъ буря чувствъ во груди свирѣпѣетъ;
ердце обложилъ; безстрашный каменѣетъ,
ой потрясенъ и тягостной борьбой;
ъ подъятый мечъ — и ослабѣлъ душой.
ѣдставилась Клоринда предъ очами
ная вновь, съ молящими слезами.
, не можетъ зрѣть безцѣнной крови сей,
пать жалобъ сихъ возлюбленной своей.
ухъ великій тотъ, противу смерти смѣлый,
устрашалъ въ пожарѣ тартаръ цѣлый —
ухъ противъ любви безъ оборонъ, безъ силъ,
ньямъ вѣтерка и тѣни уступилъ.
ани выпалъ мечъ; сей другъ— споспѣшникъ славы,
ѣтромъ унесенъ далеко изъ дубравы.
итъ побѣжденъ! Оставивъ злой предѣлъ,
Въ обратномъ шествіи онъ свой булатъ обрѣлъ.
Но возвратиться вспять, и, возвратившись, паки
Испытывать не смѣлъ онъ адскіе призраки.
Течетъ во станъ, предсталъ предъ главнаго вождя,
И, мысли смутныя собравъ и учредя,
Такъ началъ: «Государь! я утверждаю смѣло
Невѣроятное, но истинное дѣло:
Видѣнія лѣсовъ, шумъ слышный въ глубинѣ,
Все то, что намъ рекли — не суть мечты однѣ.
Сперва явился огнь чудесный предо мною;
Огнь невещественный, возженный самъ собою,
Возникнувъ, разліясь, составилъ цѣлый градъ,
Который охранялъ чудовищъ грозныхъ рядъ.
Я въ пламень ринулся — протекъ, не тронутъ жаромъ;
Огнь скрылся.... нощь сошла зимы во мразѣ яромъ....
Потомъ и нощь и мразъ изчезли вкругъ меня
И воцарилася златаго ясность дня.
Я болѣе реку: древа сіи живыя,
Душъчеловѣческихъ темницы гробовыя,
И мыслятъ, и гласятъ. Я слышалъ самъ не разъ....
Еще въ груди моей сей томный стонетъ гласъ.
На каждый мой ударъ изъ древа кровь алѣла,
Какъ бы изъ нѣжнаго чувствительнаго тѣла....
Я побѣжденъ; руки не вознесу моей
Противъ сея коры, противу сихъ вѣтвей.» —

Мерзляковъ.

6. ИЗЪ МЕССІАДЫ.

АББАДОНА.

Сумраченъ, тихъ, одинокъ на ступеняхъ подземнаго трона
Зрѣлся отъ всѣхъ удаленъ Серафимъ Аббадона. Печальной
Мыслью бродилъ онъ въ минувшемъ: грозно вдали передъ взоромъ,
Смутнымъ, потухшимъ отъ тяжкія, тайныя скорби, являлись
Мука на мукѣ, темная вѣчности бездна. Онъ вспомнилъ
Прежнее время, когда онъ, невинный, былъ другъ Абдіила,
Свѣтлое дѣло свершившаго въ день возмущенья предъ Богомъ:
Къ трону Владыки одинъ Абдіилъ, непрельщенъ, возвратился.
Другомъ влекомъ, ужъ почти улеталъ отъ враговъ Аббадона;
Вдругъ Сатана ихъ настигъ, въ колесницѣ, гремя и блистая;
Звучно торжественнымъ кликомъ зовущихъ грянуло небо;
Съ шумомъ помчалися рати мечтой божества упоенныхъ—
Ахъ, Аббадона, бурей безумцевъ отъ друга оторванъ,
Мчится, не внемля прискорбной, грозящей любви Абдіила;
Тьмой божества отуманенъ, взоровъ молящихъ не видитъ;
Другъ позабытъ: въ торжествѣ къ полкамъ Сатаны онъ примчался.
Мраченъ, въ себя погруженъ, пробѣгалъ онъ въ мысляхъ всю повѣсть
Прежней, невинныя младости; мыслилъ объ утрѣ созданья.
Вкупѣ и вдругъ сотворилъ ихъ Создатель. Въ восторгѣ рожденья
Всѣ вопрошали другъ друга: скажи, Серафимъ, братъ небесный,
Кто ты? Откуда, прекрасный? Давно-ль существуешь, и зрѣлъ-ли
Прежде меня? О, повѣдай, что мыслишь? Намъ вмѣстѣ безсмертье!
Вдругъ изъ дали свѣтоозарной на нихъ *благодатью* слетѣла
Божія слава; узрѣли все небо, шумящее сонмомъ
Новосозданныхъ для жизни; къ Вѣчному облако свѣта
Ихъ вознесло, и, завидѣвъ Творца, возгласили: Создатель!
Мысли о прошломъ тѣснились въ душѣ Аббадоны, и слезы,
Горькія слезы бѣжали потокомъ по впалымъ ланитамъ.
Съ трепетомъ внялъ онъ хулы Сатаны и воздвигся, нахмуренъ;
Тяжко вздохнулъ онъ трикраты—такъ въ битвѣ кровавой друга друга
Братья сразившіе тяжко въ томленьи кончины вздыхаютъ. —
Мрачнымъ взоромъ окинувъ совѣтъ Сатаны, онъ воскликнулъ:
Будь на меня вся неистовыхъ злоба— вѣщать вамъ дерзаю!
Такъ, я дерзаю вѣщать вамъ, чтобъ Вѣчнаго судъ не сразилъ насъ
Равною казнію! Горе тебѣ, Сатана-возмутитель!
Я ненавижу тебя, ненавижу, убійца! Вовѣки
Требуй Онъ, нашъ Судія, отъ тебя развращенныхъ тобою,
Нѣкогда чистыхъ наслѣдниковъ славы! Да вѣчное: *горе!*
Грозно гремитъ на тебя въ семъ совѣтѣ духовъ погубленныхъ!
Горе тебѣ, Сатана! Я въ безумствѣ твоемъ не участникъ!
Нѣтъ, не участникъ въ твоихъ замышленьяхъ возстать на Мессію!
Бога-Мессію сразить!... О ничтожный, о комъ ты вѣщаешь?
Онъ Всемогущій, а ты пресмыкаешься въ прахѣ, безсильный,
Гордый невольникъ... Пошлетъ-ли смертному Богъ искупленье,
Тлѣна-ль оковы расторгнуть помыслитъ — тебѣ-ль съ Нимъ бороться!
Ты-ль растерзаешь безсмертное тѣло Мессіи? Забылъ-ли,
Кто Онъ? Не ты-ль опаленъ всемогущими громами гнѣва?
Иль на челѣ твоемъ мало ужасныхъ слѣдовъ отверженья?

едержитель добычею будетъ безумства безсильныхъ?
нашившіе въ смерть человѣка.... о горе мнѣ, горе!
ь сообщникъ!... Дерзнемъ-ли возстать на Подателя жизни?
его, Громовержца, хотимъ умертвить — о безумство!
хотимъ въ слѣпотѣ истребить ко спасенью дорогу!
да духи блаженные, сами навѣки надежду
ного счастія, мукъ утоленія мчимся разрушить!
же, сколь вѣрно, что мы ощущаемъ съ сугубымъ страданьемъ
паденья, когда ты въ сей безднѣ изгнанья и ночи
о славѣ твердишь намъ,—столь вѣрно и то, что, сраженный,
стыдомъ на челѣ отъ Мессіи въ свой адъ возвратишься.
ъ, кипя нетерпѣньемъ, внималъ Сатана Аббадонѣ;
ъ съ престола въ него онъ ударить огромной скалою—
обезсилилъ грозно подъятую съ камнемъ десницу.
лъ, яряся, ногой и трикраты отъ бѣшенства вздрогнулъ;
воздвигшись, трикраты сверкнулъ онъ на Аббадону
нымъ взоромъ, и взоръ былъ отъ бѣшенства ярокъ и мраченъ:
зирать былъ не властенъ. Ему предстоялъ Аббадона,
безстрашный, съ унылымъ лиць. Вдругъ воспрянулъ свирѣпый
елехъ, Божества, Сатаны и людей ненавистникъ.
кряхъ и буряхъ хочу отвѣчать тебѣ, робкій! вѣщалъ онъ.
грозою отвѣтъ мой безумцу. Ты ли ругаться
ь богами? Ты-ли, презрѣннѣйшій въ сонмѣ безплотныхъ,
хѣ своемъ Сатану и меня оскорблять замышляешь?
себѣ казни; казнь твоя: мыслей безсильныхъ ничтожность.
Рабъ, удались; удались, малодушный; прочь отъ могущихъ;
Прочь отъ жилища царей; исчезай, непримѣтный, въ пучинѣ;
Тамъ да создастъ тебѣ царство мученія твой Вседержитель;
Тамъ проклинай безконечность, или, ничтожности алчный,
Въ низкомъ безсиліи рабски предъ небомъ глухимъ пресмыкайся.
Ты-же, отважный, средь самаго неба нарекшійся богомъ,
Грозно въ кипѣніи гнѣва на брань полетѣвшій съ Могущимъ,
Ты, обреченный въ грядущемъ несмѣтныхъ міровъ повелитель,
О Сатана, полетимъ; да узрятъ насъ въ могуществѣ духи;
Да поразятъ ихъ, какъ буря, помысловъ нашихъ отважность!
Се лавиринеы коварства: всѣ намъ пути ихъ отверсты;
Въ мракѣ ихъ смерть; не найдетъ Онъ изъ бѣдственной тьмы ихъ исхода.
Если-жъ, наставленный небомъ, разрушитъ Онъ хитрые ковы—
Пламенны бури пошлемъ, и Его не минуетъ погибель.
Горе, земля, мы грядемъ, ополченные смертью и адомъ!
Горе безумнымъ, кто насъ отразить на землѣ возмечтаетъ!»
Адрамелехъ замолчалъ, и смутилось, какъ буря, собранье.
Страшно отъ топота ногъ ихъ вся бездна дрожала; какъ будто
Съ громомъ утесъ за утесомъ валился; съ кликомъ и воемъ,
Гордые славой грядущихъ побѣдъ, всѣ воздвиглися, дикій
Шумъ голосовъ поднялся и отгрянулъ съ востока на западъ;
Всѣ заревѣли: погибни, Мессія! Отвѣка созданье
Столь ненавистнаго дѣла не зрѣло. Съ Адрамелехомъ
Съ трона потекъ Сатана, и ступени, какъ мѣдныя горы,
Тяжко подъ ними звенѣли; съ крикомъ, зовущимъ къ побѣдѣ,

Рынулись смутной толпой во врата растворенныя ада.
Издали, медленно, слѣдомъ за ними летѣлъ Аббадона;
Видѣть хотѣлъ онъ конецъ необузданно-страшнаго дѣла.
Вдругъ, нерѣшимой стопою онъ къ Ангеламъ, стражамъ Эдема,
Робко подходитъ.... Кто-же тебѣ предстоитъ, Аббадона?
Онъ, Абдіилъ, непреклонный, нѣкогда другъ твой.... а нынѣ?....
Взоры потупивъ, вздохнулъ Аббадона. То удалиться,
То подойти онъ желаетъ; то въ сиротствѣ, безнадежный,
Онъ въ безпредѣльное броситься хочетъ. Долго стоялъ онъ,
Трепетенъ, грустенъ; вдругъ, ободрясь, приступилъ къ Абдіилу;
Сильно билось въ немъ сердце, тихія слезы катились,
Ангеламъ токмо знакомыя слезы, по блѣднымъ ланитамъ;
Тяжкими вздохами грудь воздымалась; медленный трепетъ,
Смертнымъ и въ самомъ бореньи съ концемъ неиспытанный, мучилъ
Въ робкомъ его приближеньи.... Но, ахъ, Абдіиловы взоры,
Ясны и тихи, неотвратимо смотрѣли на славу
Вѣчнаго Бога; его-жъ Абдіилъ не замѣтилъ. Какъ прелесть
Перваго утра, какъ младость первой весны мірозданья,
Такъ Серафимъ блисталъ, но блисталъ онъ не для Аббадоны.
Онъ отлетѣлъ, и одинъ посреди опустѣвшаго неба,
Такъ невнимаемымъ гласомъ взывалъ издали къ Абдіилу:
«О Абдіилъ, мой братъ, иль навѣки меня ты отринулъ?
Такъ, навѣки я розно съ возлюбленнымъ.... страшная вѣчность!
Плачь обо мнѣ, все твореніе; плачьте вы, первенцы свѣта;
Онъ не возлюбитъ уже никогда Аббадоны.... о, плачьте!
Вѣчно не быть мнѣ любимымъ; ув
вы, тайныя сѣ
Гдѣ мы бесѣдой о Богѣ, о дружбѣ
но сливали
Свѣтлы небесны потоки, близь к
сладко объемля
Мы воспѣвали чистою пѣснію
сла
Ахъ, замолчите, изсякните: нѣт
меня Абдіи
Нѣтъ, и навѣки не булетъ. Адъ
жилище мучен
Вѣчная ночь, унывайте вмѣстѣ со
нав
Нѣтъ Абдіила; вѣчно мнѣ милаго
не будет
Такъ тосковалъ Аббадона, стоя
всходомъ въ созда
Строемъ катилися звѣзды. Бле
крылатые гр
Встрѣчу ему Оріоновъ летящих
устраш
Цѣлые вѣки не зрѣлъ онъ, тоско
нокой томи
Свѣтлыхъ міровъ; погруженъ въ
цанье, печально сказалъ
Сладостный входъ во блаженст
что загражденъ Аббад
О, для чего не могу я опять за
на отчи
Къ свѣтлымъ мірамъ Вседержи
вѣчно поки
Область изгнанья? Вы, солнцы, пр
ныя чада созда
Въ оный торжественный часъ, ка
стая, изъ мощной дес
Вы полетѣли по юному небу—
васъ прекрас
Нынѣ стою, помраченный, отверя
сирый изгнан
Грустный, среди красоты мірозд
небо ро
Видя тебя, содрогаюсь: тамъ п
я блажен
Тамъ, ополчившись на Бога, стал
никъ. О миръ непоро
Милый товарищъ мой въ свѣтло
нѣ спокойствія, гд
Тщетно! одно лишь смятенье п
небесныя с

дія отъ блаженства оставилъ—
печальный остатокъ!
я чего я къ нему не дерзну возгласить: мой Создатель!
о-бъ нѣжное имя отца уступилъ
непорочнымъ;
евзгнанные въ чистомъ восторгѣ: Отецъ! восклицаютъ.
непреклонный, преступникъ молить не дерзаетъ,
оть единымъ Ты взоромъ его
посѣтилъ въ сей пучинѣ.
я, полныя ужаса, мысли, и ты,
безнадежность,
мучитель, свирѣпствуй!....Почто я живу? О ничтожность!
ія не узнать?... Проклинаю сей
день ненавистный,
Создателя въ шествіи свѣтломъ
съ предѣловъ востока,
шій слово Создателя: буди!
слышавшій голосъ
безсмертныхъ, вѣщавшихъ: и
нашъ возлюбленный созданъ.
ъ, почто родила ты сей день?
Почто онъ былъ ясенъ,
стью не былъ той ночи подобенъ,
которою Вѣчный,
розой ополченный, Себя облекаетъ? Почто онъ
проклятіемъ Бога гнетомъ, обнаженъ отъ созданій?...
рекъ?...О хулитель, кого предъ
очами созданья
щаешь? Вы, солнцы, меня опалите; вы, звѣзды,
сь ко мнѣ на главу и укройте
меня отъ престола
правды и мщенья; о Ты, Судія
непреклонный,
ежды вѣчность Твоя для меня
не скрываетъ?
, Ты Создатель, Отецъ.... что
вѣщаю, безумецъ!
призывать Іегову, Его нарицать
именами,
ими грѣшнику? Ихъ лишь даруетъ одинъ Примиритель;
летимъ; ужъ воздвиглись Его
всемогущіе громы
Страшно ударить въ меня.... улетимъ...
но куда?... гдѣ отрада?»
Рекъ, и ударился быстро во глубь безпредѣльныя бездны....
Горько взывалъ онъ: сожги, уничтожь
меня, огнь разрушитель!
Вопли исчезли въ пустынѣ! и огонь не
притекъ разрушитель.
Смутный, онъ снова помчался къ міramъ
и приникъ утомленный
Къ нѣкому пышноблестящему солнцу.
Оттолѣ на бездны
Скорбно смотрѣлъ онъ. Тамъ звѣзды
кипѣли, какъ свѣтлое море;
Вдругъ налетѣла на солнце заблудшая
въ безднѣ планета;
Часъ ей насталъ разрушенья.... уже
задымилась и рдѣла....
Къ ней полетѣлъ Аббадона, надѣясь
разрушиться вкупѣ....
Дымомъ она разлетѣлась, но ахъ.... не
погибъ Аббадона!

Жуковскій.

7. ИЗЪ РОССІЯДЫ.

а) ХАРАКТЕРЪ АДАШЕВА.

Сей мужъ, разумный мужъ, въ его цвѣтущи лѣта
Являлся при Дворѣ какъ нѣкая планета,
Вступающа въ круги отъ неизвѣстныхъ
мѣстъ,
И рѣдко зримая среди высокихъ звѣздъ;
Придворные его съ досадой угнетали,
Но внутренно его сердцами почитали.
Адашевъ счастія степени презиралъ,
Мирскія пышности ногами попиралъ;
Обмановъ былъ врагомъ, ласкательствомъ гнушался,
Величествомъ души, не саномъ украшался;
Превыше былъ страстей и честностію
полнъ.
Какъ камень посредѣ кипящихъ бурныхъ волнъ,
Борея не боясь, стоитъ неколебимо,

И волны, о него бія́ся, идутъ мимо:
Адашевъ тако твердъ между пороковъ былъ,
Отъ міра удаленъ, отечество любилъ;
Спокойно въ домъ пришелъ, гдѣ грозный жилъ владѣтель.
Страшится ли чего прямая добродѣтель?
Храняща лесть еще подъ стражей царскій дворъ,
Увидя правду въ немъ, потупила свой взоръ;
Отчаянна, блѣдна и завистью грызома,
Повсюду клонитъ слухъ, ждетъ солнца, тучъ и грома.

Б. лѣсъ.

Подъ тѣнію горы казанской видѣнъ лѣсъ,
Въ который входу нѣтъ сіянію небесъ;
На вѣтвяхъ вѣчные лежатъ густые мраки,
Прохожимъ дивные являющи призраки;
Тамъ, кажется, простеръ покровы томный сонъ;
Трепещущи листы даютъ печальный стонъ;
Зефиры нѣжные средп весны не вѣютъ;
Тамъ вянутъ вкругъ цвѣты, кустарники желтѣютъ;
Когда усыплетъ нощь звѣздами небеса,
Тамъ кажутся въ огнѣ ходящи древеса;
Изъ мрачныхъ нѣдръ земныхъ исходитъ бурный пламень;
Тамъ камни падаютъ, біющися о камень;
Не молкнетъ шумъ и стукъ, тамъ вѣчно страхъ не спитъ,
И молнія древа колеблетъ, жжетъ, разитъ;
Пылаетъ гордый дубъ и тополы мастисты,
Повсюду слышатся взыванія и свисты;
Источникъ со холма кремнистаго течетъ,
Онъ шумомъ ужасу пустынѣ придаетъ;
Непостижимый страхъ входящаго встрѣчаетъ:
Лѣсъ воетъ, адъ ему стенаньемъ отвѣчаетъ.

Вѣщаютъ, что духовъ въ печалы
ств
Безъ казни отъ Небесъ не смѣл
пать ни
Издревле для прохладъ пр
основ
Но послѣ оный лѣсъ волхвами
в

в) зима.

Въ пещерахъ внутреннихъ кавка
снѣжныхъ
Куда не досягалъ отважный сме
в
Гдѣ мразы вѣчный сводъ крист
составля
И солнечныхъ лучей паденье
ля
Гдѣ молнія мертва, гдѣ цѣ
гр
Изсѣченъ изо льда стоитъ прох
д
Тамъ бури, тамо хладъ, тамъ
непо
Тамъ царствуетъ зима, снѣ
и
Сія жестокая другихъ временъ
Покрыта сѣдиной, является б
Соперница весны, и осени, и л
Бѣлѣйшею снѣговъ порфирою
Виссономъ служатъ ей замерзл
Престолъ имѣетъ видъ алмазны
Огромные столпы, изъ льда
ж
Сребристый мещутъ блескъ,
озар
По сводамъ солнечно сіяніе ск
И кажется тогда громада льд

Стихія каждая бездушный видъ
Ни воздухъ двигаться, ни огнь
не см
Тамъ пестрыхъ нѣтъ полей, н
между ль
Одни замерзлые испарины цвѣ
Вода, растопленна въ ущелина

Окаменѣвъ, виситъ на воздухѣ
Тамъ зримы кажутся вѣщаемы

мерщвлено, натура вся мертва;
ли что ни есть имѣетъ жизни
свойство,
репетъ то единъ, дрожь, блѣд-
ность, безпокойство.
мразы тамъ сѣдыхъ рождаютъ
чадъ,
ы инін, мятели, томный гладъ.
ины градовъ снѣга изображаютъ,
ъ видомъ кровь которы застуу-
жаютъ;
ци снѣга подобятся горамъ;
ымъ воздухомъ пещеры дышутъ
тамъ.
къ намъ Зима державу простп-
раетъ,
Въ лугахъ траву, цвѣты въ долинахъ
пожираетъ,
И соки жизненны древесные сосетъ;
На мерзлыхъ крыліяхъ студеность къ
намъ несетъ;
День гонитъ прочь отъ насъ, печаль-
ныя длитъ почи,
И солнцу отвращать велитъ чело и очи;
Ее со-трепетомъ лѣса и рощи ждутъ,
И стужи ей ковры изъ бѣлыхъ волнъ
прядутъ;
На всю натуру сонъ и страхъ она на-
водитъ.

Хемницеръ.

II. РОМАНТИЧЕСКАЯ ПОЭМА.

ИЗЪ НЕИСТОВАГО ОРЛАНДА.

другъ поднялась тревога,
щѣ и крикъ и гвалъ;
кажите, ради Бога,
ъ такое? говоритъ
расавица младая,
онъ же мигъ на шумъ бѣжитъ,
твѣтъ предупреждая.

ъ, дѣти и жена
о всей огромной дворней,
мѣстятся у окна,
то вонъ, какъ могъ проворнѣй,
ерхъ глядятъ, какъ бы слѣдятъ
омету иль затменье;
аманта, бросивъ взглядъ,
удесное явленье,
ь, открыла: въ вышинѣ,
очти подъ облаками,
я рыцарь—на конѣ
ь широкими крылами;
И крылья тѣ со всѣхъ сторонъ,
Какъ радуга, сіяли,
А рыцарь самъ вооруженъ
Въ доспѣхахъ чистой стали.
Онъ къ западу полетъ склонилъ
И скрылся за горами.
«Вотъ онъ, хозяинъ говорилъ
Предъ шумными толпами,
Вотъ тотъ волшебникъ, что всегда
Летаетъ сей страною,
Порою далѣ, иногда
Близехонько къ постою.

»То долетаетъ онъ до звѣздъ,
То вьется надъ землею,
И всѣхъ красавицъ здѣшнихъ мѣстъ
Уноситъ вдаль съ собою;
Вотъ почему, денной порой
Явяся къ намъ, прохожій
Не видитъ вовсе ни одной
Здѣсь дѣвушки пригожей:
Боясь встрѣтиться съ волхвомъ
И стать его добычей,
Онѣ съ двора не ходятъ днемъ,—
Таковъ у насъ обычай.

На Пиринеяхъ, силой чаръ,
Изъ чистой слитый стали,
Есть замокъ: онъ горитъ какъ жаръ,
И въ свѣтѣ не видали
Такого чуда никогда
И не увидятъ вѣрно.
Тамъ чародѣй живетъ, туда
Съ отвагой безпримѣрной
Ходили рыцари гурьбой,
Да тамъ и оставались;
Знать брались въ плѣнъ, вступая въ бой,
Иль смерти предавались.»

Прислушавшися къ симъ словамъ,
Красавица младая
Отраднымъ предалась мечтамъ,
Заранѣ помышляя,
Волшебнымъ овладѣвъ кольцомъ,
Взять съ замкомъ чародѣя,
И вслухъ промолвила потомъ,
Отъ радости краснѣя:
»Когдабъ, хозяинъ, ты послалъ
Проводника со мною
Къ волхву до Пиринейскихъ скалъ!
Какъ жажду я съ нимъ бою!»

Ты требуешь проводника?
За нимъ не станетъ дѣло,
Прервалъ Брунель, и вотъ рука!
Я въ путь съ тобою смѣло;
Онъ у меня на чертежѣ;
Есть нѣчто и другое....
И про кольцо почти уже
Сказалъ ей роковое,
Но смолкъ. «Я радъ идти съ тобой!»
Красавица сказала,
И между тѣмъ кольцо мечтой
Заранѣе ласкала,

И, на другое рѣчь склоня,
Съ Брунелемъ говорила.
Она немедленно коня
Въ гостинницѣ купила,
Въ которомъ нужда ей была
Для битвъ и для дороги.
И вотъ, едва лишь ночь прошла,
Безъ шума, безъ тревоги,
Она отправилась въ походъ.
Путь шелъ долиной тѣсной;
Вожатый ѣхалъ то впередъ,
То позади прелестной.

Съ холма на холмъ, изъ лѣса въ
Они переступали
И, Божьихъ зрители чудесъ,
На Пиринеяхъ стали,
Откуда видишь въ свѣтлый часъ
Испанію далеко
И Францію—отраду глазъ —
И океанъ широкой
Въ безбрежной западной дали,
И на полудни море.
Оттуда внизъ они сошли,
Извѣдавъ трудъ и горе.

Внизу долина, а на той
Долинѣ углубленной
Утесъ крутой, вверху стальной
Оградой обнесенной;
Крутой утесъ едва небесъ
Главой не досягаетъ,
И недоступенъ сей утесъ
Тому, кто не летаетъ.
«Вотъ—гдѣ въ плѣну, Брунель ска
И рыцари и дамы,
Которыхъ силой чаръ забралъ
Къ себѣ Атлантъ упрямый.

И тотъ утесъ со всѣхъ сторонъ,
Какъ будто по отвѣсу,
Обсѣченъ вгладь и вгладь сведе
Ни лѣстницы къ утесу
И ни уступа не видать
И никакого слѣду,
И можно лишь на немъ витать
Орлу—небесъ сосѣду.
Настало время совершить
Свой замыслъ дѣвѣ грустно
Пора ей спутника лишить
Кольца и жизни гнусной.

Но мечь побѣдный обагрить
Въ крови неблагородной, —
Но безоружнаго убить
Для ней неблагородно.
Кольцо ей нужно,—овладѣть
И безъ того имъ можно;
И въ первый разъ попался въ сѣ
Бездѣльникъ осторожной.

а схватила хитреца
И, что всего несносней,
шила силою кольца
И привязала къ сосне.

ъ просить, молить, слезы лить, —
Она не преклонилась,
все идетъ впередъ,—и вотъ
Пришла, остановилась.
едъ нею замокъ роковой;
Она, чтобъ чародѣя
орѣй изъ замка вызвать въ бой,
Въ рогъ трубитъ не робѣя;
отразившись объ утесъ,
Отъ рога гулъ несется
езъ долъ, чрезъ горы, черезъ лѣсъ,
И въ замкѣ отдается.

ie замедлилъ чародѣй,
Послышавъ вызовъ къ бою;
ь разсѣкаетъ эмпирей,
И горнею стезею,
ванѣ радуясь войнѣ,
Въ доспѣхѣ небогатомъ
сется на своемъ конѣ,
На бѣгунѣ крылатомъ.
итоже? Брадамантѣ онъ,
Столь страшный всѣмъ, не страшенъ;
ъ былъ почти не воруженъ,
Явяся изъ-за башень.

ъ только щитъ въ рукѣ держалъ,
Подъ шелковымъ покровомъ,
книгу, и ее читалъ;
И тутъ-то въ блескѣ новомъ
десъ являлся длинный рядъ:
То, чудилось, средь бою
ъ грозно заносилъ булатъ
Надъ вражьей головою;
булавою, то копьемъ
Махалъ, разилъ жестоко,
къ тѣмъ какъ онъ сидѣлъ тишкомъ
Отъ поля битвъ далеко.

конь не сверхъ-естественъ,—онъ
Отъ кобылицы съ грифомъ
атъ, рожденъ и воздоенъ,
И названъ Гиппогрифомъ.
переду онъ схожъ съ отцомъ
Когтистымъ и крылатымъ;
По заду—это мать, съ хребтомъ
Крутымъ, съ хвостомъ косматымъ.
Сей родъ ужъ рѣдокъ, и теперь
Остался позабытымъ;
Живетъ же эта птица-звѣрь
За моремъ Ледовитымъ.

Оттуда волхвъ его досталъ
Волшебства силой чудной,
И цѣлый мѣсяцъ объѣзжалъ;
Окончивъ подвигъ трудный,
Онъ приучилъ его къ уздѣ,
И Гиппогрифъ послушной
Летаетъ, рыщетъ съ нимъ вездѣ
По высотѣ воздушной.
Лишь Гиппогрифъ, одинъ лишь онъ
Не чародѣйной силой
Атлантовой произведенъ,
Какъ все другое было.

Другое все-игра одна
Волшебнаго искуства;
Непостижимая-она
Обманывала чувства.
Но дочь Амонова кольцомъ
Разрушила всѣ чары,
И сѣтъ, между тѣмъ, мечемъ
По воздуху удары;
И конь уже усталъ подъ ней,
За чародѣемъ рѣя;
Она въ отпоръ быстрѣй, живѣй,
Какъ завѣщала Фея.

Но вотъ, остановивъ коня,
На землю прыгъ проворно,
Волхва и тѣша и маня
Усталостью притворной.
Рѣшившись положить конецъ
Таинственнымъ ударамъ,
Атлантъ лукавый наконецъ
Прибѣгъ къ послѣднимъ чарамъ:
Онъ щитъ открылъ,—онъ полагалъ,
Что свѣтъ его чудесной
Сразилъ врага, что дерзкій палъ
Съ отвагой неумѣстной.

Онъ могъ бы, выходя на рать,
Свой щитъ вскрывать сначала,
Чѣмъ долго рыцарей держать;

Но старца утѣшала
Ихъ суетливость, удаль, нравъ
И вспыльчивость смѣшная.
Такъ часто кошка, мышь поймавъ,
И тѣшась и играя,
Бѣдняжку въ лапахъ жметъ, а тамъ,
Какъ ей играть наскучитъ,
Она изъ лапъ ее-къ зубамъ—
Да тутъ же и замучитъ.

Бывало прежде роль мышей
Всѣ витязи играли,
А волхвъ-роль кошки; прошлыхъ дней
Потѣхи миновали,
Какъ Брадаманта въ бой съ кольцомъ
Таинственнымъ предстала.
Она лукаво за волхвомъ
Лукавымъ наблюдала;
Едва покровъ съ щита слетѣлъ,—
Она закрыла очи
И пала, будто тяготѣлъ
На нихъ мракъ долгой ночи.

Не то, чтобъ щитъ ей могъ вредить,
Огнисты искры сѣя,—
Нѣтъ, ей хотѣлося сманить
На землю чародѣя;
И эта хитрость удалась,
Сбылись ея надежды:
Она лишь только улеглась
И опустила вѣжды,
Какъ, очертя широкій кругъ,
И радостью объятый,
На землю опустился вдругъ
Атлантовъ конь крылатый.

Атлантъ съ копя, покрытый щитъ
Оставивъ надъ лукою;
Атлантъ къ красавицѣ спѣшитъ
Дрожащею стопою,—
Она, какъ волкъ козленка, ждетъ
Украдкой лиходѣя.
Онъ подошелъ; она встаетъ
И сжала чародѣя.
Несчастный книгу позабылъ
На этотъ разъ далече,
А ею-то онъ и творилъ
Всѣ чудеса на сѣчѣ.

Заблаговременно слѣпой
Предавшися надеждѣ,
Онъ цѣпь было принесъ съ собой,
Какъ важивалось прежде,—
Онъ прежде цѣпи налагалъ
На плѣнниковъ несчастныхъ,
Теперь самъ плѣнникомъ онъ сталъ
Въ часы надеждъ напрасныхъ
Я не дивлюсь, что онъ отъ ней
Не сталъ обороняться:
Не старику подъ вечеръ дней
Съ могучею сражаться.

И голову уже она
Отнесть ему хотѣла;
Но вдругъ рука опущена —
И месть охолодѣла;
Постыдной мести не могла
Предаться Брадаманта.
Всмотрѣвшися въ черты чела
Печальнаго Атланта,
Она смутилася; онъ сѣдъ,
Морщинамъ нѣтъ и счету,
Ему подъ семьдесятъ ужъ лѣтъ,
Онъ жить терялъ охоту.

«Убей меня, скорѣй убей!
Волшебникъ, негодуя
И задыхаясь, молвилъ ей:
Чужой ужъ вѣкъ живу я.»
Но дѣва ратная совсѣмъ
О томъ не помышляла
И, любопытствуя, межъ тѣмъ
Подробно знать желала,
Зачѣмъ построилъ замокъ онъ
Въ странѣ пустынной, дальной
За чѣмъ людей беретъ въ полонъ
Въ окрестности печальной.

«Знай, отвѣчалъ ей чародѣй,
Залившися слезами,
Что я построилъ замокъ сей
Межъ дикими скалами,
Не изъ желанья зла другимъ,
Не изъ корысти гнусной,—
Нѣтъ! знаньемъ я открылъ моимъ
Конецъ героя грустной....
Онъ мой питомецъ.... Онъ законъ
Оставитъ Магометовъ
И на погибель обреченъ
Отъ вражескихъ навѣтовъ...

чше юноши на всей
олнечной планетѣ;
прелестный рыцарь сей —
еръ мнѣ все на свѣтѣ;
колыбельныхъ дней
ѣлъ я какъ сына,
пылкое честей-
розная судьбина
грамантомъ вслѣдъ
Францію умчали,
спасти отъ бѣдъ,
есть изъ чуждой дали.

мѣстѣ замокъ для того
строилъ я прекрасный,
обимца своего
ыть въ немъ безопасно;
ѣлъ имъ, какъ тобой
ь завладѣть желалось,
уводить съ собой
ь въ замокъ удавалось
ныхъ рыцарей и дамъ,
бъ юному герою
не сгрустнулось тамъ
веселою толпою.

одной свободы нѣтъ—
и имъ не позволю—
хъ благъ, которыхъ свѣтъ
ъ жаждетъ-въ волю;
захотятъ—все есть:
яды, пляски, пѣнье;
къ есть что попить, поѣсть;
нѣжитъ слухъ и зрѣнье.
лъ уже плоды
рать моей заботы;
ришелъ,—и въ прахъ труды,
ъ прахъ мои расчеты!

прекраснаго лица
ъ знакъ души прекрасной,
тебя, — и за птенца
лю я не напрасно.
ой щитъ, передъ тобой
тотъ конь воздушной,
двухъ-трехъ друзей съ собой,
рой великодушной,
ихъ всѣхъ до одного—
заберя съ собою,

Но не Рожера моего:
Его оставь со мною.

»Но если силой у меня
Рожера взять рѣшишься,
Молю, и плача и стеня,
Пока не возвратишься
Во Францію,–освободить
Мой духъ отъ плоти хилой.«
Рожера-то и возвратить
Хочу свободѣ милой,
Она въ отвѣтъ: мольбы твои—
Все вздоръ; плачь сколько хочешь..
А конь и щитъ и такъ мои,
Ты о пустомъ хлопочешь.

Они мои по праву сѣчь,
Ты въ нихъ не властенъ болѣ;
Странна мнѣ о размѣнѣ рѣчь,—
Ты самъ теперь въ неволѣ...
Ты говоришь: тебѣ твоей
Наукою открыто,
Что близокъ къ гибели своей
Рожеръ мой знаменитой;
Ты предузналъ чужой конецъ;
А что тебѣ грозило,
Не предузналъ?... Ты лжецъ и лжецъ,
Какихъ немного было.

Не умоляй о смерти, нѣтъ!
Напрасное моленье!
Когдажъ покинуть хочешь свѣтъ,
И жизнь тебѣ—мученье,—
Самъ мужествомъ вооружась,
Сбрось грустной жизни бремя....
Пока не наступилъ твой часъ,
Зачѣмъ терять намъ время?
Скорѣе плѣнниковъ спасемъ
Отъ пышной цхъ темницы. —
Сказала и впередъ съ волхвомъ,
Опутаннымъ въ плѣницы.

Атлантъ въ своихъ цѣпяхъ за ней
Идетъ, и Брадаманта
Не на мгновеніе очей
Не хочетъ свесть съ Атланта,
Какъ онъ тогда ни присмирѣлъ
Отъ тягостной печали.
Идутъ; вотъ ихъ пути предѣлъ,
Вотъ подъ утесомъ стали,

Какъ бы нежданно очутясь
Предъ тѣсною калиткой;
Утесомъ лѣстница вилась
И къ замку шла улиткой.

Атлантъ съ порога камень снялъ,
Весь въ письменахъ, символахъ;
Подъ нимъ фіаловъ рядъ стоялъ;
Надъ ними дымъ, какъ пологъ,
Висѣлъ, едва струясь, и въ нихъ
Таился пламень алой.
Атлантъ ихъ въ дребезги—и въ мигъ
Все степью дикой стало:
Сокрылся отъ очей утесъ,
Нѣтъ болѣ грозныхъ башенъ,
И замокъ блещущій изчезъ,
Что былъ для многихъ страшенъ.

И чародѣй изъ подъ цѣпей
Въ тожъ время ускользаетъ:
Такъ часто муха изъ сѣтей
Арахны улетаетъ.
Изчесло все, подобно снамъ,
И вотъ предъ дѣвой бранной
Толпы и рыцарей и дамъ
Надъ чистою поляной;
И всѣ свободны, но не всѣхъ
Свобода обольщала.
Она обманчивыхъ утѣхъ
Невольниковъ лишала.

Рапчъ.

---

9. ИЗЪ ФРИТІОФА.

А) ФРИТІОФЪ У АНГАНТИРА.

Теперь мы скажемъ слово
О томъ, какъ Ангантиръ
Во храминѣ сосновой
Давалъ дружинѣ пиръ.
Онъ съ радостью во взорѣ
Смотрѣлъ на путь морской;
Склонялось солнце въ море,
Какъ лебедь золотой.

На стражѣ Гальваръ вѣрный
Подъ окнами стоялъ;
Старикъ былъ стражъ примѣрный,
Но медъ не забывалъ.
Водилось у сѣдаго:
До дна всегда пить рогъ
И, не сказавъ ни слова,
Бросать его въ чертогъ.

И вдругъ онъ рогъ бросаетъ
Въ палату, и поетъ:
«Ладья къ намъ подплываетъ,
Невесело идетъ.
Блѣдна на ней дружина;
Вотъ, вотъ ужъ пристаютъ;
Два сильныхъ исполина
Полу-живыхъ несутъ.»

И ярлъ въ окнѣ приникнулъ
Надъ зеркаломъ зыбей.
«Эллида!» онъ воскликнулъ:
«И, мнится, Фритьофъ съ ней.
По стану, взору явно,
Что Торстена то сынъ;
Такъ смотритъ Фритьофъ славной
На сѣверѣ одинъ.»

И отъ стола проворно
Кровавый Атлій всталъ,
Берсеркъ съ брадою черной,
Онъ дико закричалъ:
«Пусть Фритьофъ голосъ міра
На дѣлѣ подтвердитъ,
Что онъ не проситъ мира,
Что онъ мечи тупитъ.»

И вспрыгнулъ съ нимъ мгновенно
Свирѣпыхъ воевъ строй,
Махая изступленно
Мечемъ и булавой;
И ринулся грозою
На берегъ, гдѣ лежалъ
Герой съ своей толпою
И бодрость ей внушалъ.

«Сразить тебя легко-бы....»
Завылъ берсеркъ лихой:
«Но я даю, безъ злобы,
Избрать побѣгъ иль бой.
Когда-жъ попросишь мира,

ь, какъ друга, я
гогу Ангантира
вести тебя.

ученъ я!» сурово
твовалъ герой:
но–бы мнѣ ново
ь о мирѣ — въ бой!» —
ь словомъ заблистали
ь рукахъ мужей:
ьофа на стали
рядъ огней.

ылаетъ ярый,
ются, какъ градъ,
льные удары:
ки щиты летятъ!
етные въ спорѣ,
еще стоятъ;
урвадель вскорѣ
ъ врага булатъ.

то безоруженъ,
», сказалъ герой:
ечъ уже не нуженъ,
съ грудью вступимъ въ бой!»
олны понеслися
на друга они,
о–бы срослися
ыя ихъ брони.

ва медвѣдя бьются
нѣжною скалой;
два орла дерутся
бурной глубиной;
ощными бойцами
–бы задрожалъ;
енъ ихъ руками,
ь–бы крѣпкій палъ.

съ потъ течетъ струями;
ь груди ихъ хладъ;
ыми стопами
камень, кустъ измятъ.
идѣ битвы страшной
натниковъ дрожитъ;
бой тотъ рукопашный
ду знаменитъ.

итьофъ повергаетъ
рка наконецъ;

Колѣно нажимаетъ
На грудь его боецъ.
«Будь только мечъ со мною,»
Онъ гнѣвно возопилъ:
«Я–бъ сталью огневою
Тотчасъ тебя пронзилъ!»

— «Рази! въ твоей то волѣ!»
Отвѣтилъ гордый врагъ.
«Возьми булатъ свой въ полѣ,
Не тронусь я никакъ.
Мы оба по кончинѣ
Въ Валгаллѣ будемъ жить:
Къ богамъ пойду я нынѣ,
Ты завтра, можетъ быть.»

И Фритьофъ поспѣшаетъ
Прервать потѣху съ нимъ:
Онъ мечъ ужъ подымаетъ,
Но Атлій недвижимъ.
Предъ доблестью такою
Забылъ воитель брань,
И, бросивъ мечъ, герою
Простеръ привѣтно длань.

Тутъ Гальваръ, тростью бѣлой
Махай, закричалъ:
«Пора! за вами дѣло,
За дракой пиръ нашъ сталъ.
Серебряныя блюда
Давно ужъ на столахъ,
Все стынетъ здѣсь покуда,
Отъ жажды я зачахъ.»

Въ чертогъ бойцы лихіе
Вошли рука съ рукой;
Здѣсь многое впервые
Увидѣлъ гость младой.
Не доски онъ нагія
Увидѣлъ на стѣнахъ,
Но кожи золотыя
Въ узорахъ и цвѣтахъ.

И пламя не горѣло
Въ срединѣ на полу;
Изъ мрамора тамъ бѣлой
Каминъ стоялъ въ углу.
И не было ни пыли,
Ни сажи на стѣнахъ:

Тамъ въ окнахъ стекла были,
Замки на всѣхъ дверяхъ.

Рядъ свѣщниковъ вѣтвистыхъ
Тамъ пирный столъ вѣнчалъ,
И факеловъ смолистыхъ
Взоръ гостя не встрѣчалъ.
И вотъ стоитъ жаркое —
Олень на всѣхъ ногахъ;
Копыто золотое
И зелень на рогахъ.

Вотъ ярлъ сидитъ, возвышенъ;
Изъ серебра весь тронъ;
Шеломъ, какъ солнце, пышенъ,
И панцырь позлащенъ.
Звѣздами плащъ сіяетъ,
И бѣлый горностай
Богато опушаетъ
Его пурпурный край.

Впередъ, съ привѣтнымъ взглядомъ
Онъ три шага ступилъ,
И руку далъ, и рядомъ
Съ собою сѣсть просилъ.
«Нерѣдко здѣсь, бывало,
Я съ Торстеномъ пилъ медъ:
Пусть сынъ его удалой
Ближайшій стулъ займетъ.»

Онъ кубокъ налилъ полный
Сицилін виномъ;
Кипитъ оно какъ волны
И искрится огнемъ.
«Мнѣ зрѣть тебя пріятно,
Сынъ друга моего!
Я пью съ дружиной ратной
Въ честь памяти его!»

Морвены скальдъ искусный
Взялъ арфу и запѣлъ:
Въ валлійскихъ звукахъ грустный
Напѣвъ его гремѣлъ.
За нимъ, какъ пѣли дѣды,
Нордландін пѣвецъ
Пѣлъ Торстена побѣды,
И взялъ хвалы вѣнецъ.

Въ распросы ярлъ вступаетъ
О сѣверныхъ друзьяхъ,
И Фритьофъ отвѣчаетъ
Въ отборнѣйшихъ словахъ.
Всѣмъ правдой воздавая,
Спокойно судитъ онъ,
Какъ сага, возсѣдая
Въ святилищѣ временъ.

Потомъ онъ велъ бесѣду
О плаваньи своемъ,
Описывалъ побѣду
Эллиды надъ китомъ.
Герои потѣшались,
Съ улыбкой ярлъ внималъ,
И стѣны оглашались
Немолчнымъ гуломъ хвалъ.

в) УСТАВЪ ВИКИНГА.

Онъ скитался вокругъ по пусті
мор
онъ носился какъ соколъ ло
И дружинѣ своей начерталъ онъ
разсказать-ли законы пло

«Ни шатровъ на судахъ, ни ноч
дом
супостатъ за дверьми стер
Спать на ратномъ щитѣ, мечъ
ный въ р
и шатромъ — голубой неб

«Какъ у Фрея, лишь въ локот
мечъ у т
малъ у Тора громящаго мл
Есть отвага въ груди, — ко вр
дойд
и не будетъ коротокъ бул

«Какъ взыграетъ гроза, подыми п
подъ грозою душѣ веселѣй.
Пусть гремитъ, пусть реветъ: т
кто парусъ совь
чѣмъ быть трусомъ, погибни с

«Самъ Одинъ пьетъ вино, и по
не
лишь храни надъ собою ты

ıдъ землею упавъ, ты подымешься здравъ;
здѣсь-же къ Ранѣ страшися упасть.

ы купца на пути повстрѣчавъ, защити;
но возьми съ него должную дань.
ı владыка морей; онъ-же прибыли рабъ:
благороднѣйшій промыселъ—брань.

ы по жребью добро на помостѣ дѣли,
и на жребій не жалуйся свой;
ıмъ-же конунгъ морской не вступаетъ въ дѣлежъ:
онъ доволенъ и честью одной.

Но вотъ викингъ плыветъ: нападай и рубись;
подъ щитами потѣха бойцамъ;
го отстанетъ на шагъ, тотъ не нашъ:
вотъ законъ;
поступай какъ ты вѣдаешь самъ.

обѣдивъ, укротись: кто о мирѣ просилъ,
тотъ не врагъ уже болѣ тебѣ.
очь Валгалы мольба; ты дрожащей внимай:
тотъ презрѣнъ, кто откажетъ мольбѣ.

Рана—прибыль твоя: на груди, на челѣ
то прямая украса мужамъ:
Ічрезъ сутки, не прежде, ее повяжи,
если хочешь собратомъ быть намъ.»

в) ИСКУШЕНІЕ ФРІТІОФА.

ъ весна: щебечутъ птицы,
блещетъ день, луга цвѣтутъ;
ки, сбросивъ цѣпи, пляшутъ,
къ морю съ пѣснями бѣгутъ.
ва, алая какъ Фрея,
ужъ изъ почки смотритъ вновь;
смертнымъ радость пробудилась
и отвага и любовь.

Старый конунгъ съ Ингеборгой
собрался на ловлю въ боръ,
И въ нарядахъ разноцвѣтныхъ
вкругъ него толпится дворъ.
Шумъ: гремятъ колчаны, луки;
кони ржутъ, вздымая прахъ;
Соколы кричатъ и рвутся
съ колпачками на глазахъ.

Вотъ сама царица лова!
бѣдный Фритьофъ, не гляди!
Какъ звѣзда, она сіяетъ
на богатой лошади.
Это Фрея, это Рота,
но еще прекраснѣй ихъ:
На главѣ уборъ пурпурный
съ связкой перьевъ голубыхъ.

Собралась ватага: дружно!
черезъ горы, черезъ долъ!
Рогъ трубитъ; къ стѣнамъ Одина
подымается соколъ.
Встрепенулись дѣти лѣса;
звѣрь бѣжитъ въ свое жилье,
А Валкирія за звѣремъ,
потрясаючи копье.

Старый Рингъ не поспѣваетъ
за толпою удалыхъ;
На конѣ, съ нимъ рядомъ, Фритьофъ
ѣдетъ сумраченъ и тихъ.
Въ удалой груди тѣснится
много грустныхъ, черныхъ думъ:
Ихъ веселье не разгонитъ,
заглушить не можетъ шумъ.

«О, зачѣмъ я бросилъ море?
слѣпо шелъ на встрѣчу бѣдъ?
Море черныхъ думъ не терпитъ:
дунетъ вѣтръ, и ихъ ужъ нѣтъ.
Грустно-ль викингу,—опасность
подастъ къ тревогѣ знакъ,
И оружія сверканье
прогоняетъ сердца мракъ.

Здѣсь не то: увы! какъ сонный
я блуждаю, и крылѣ
Несказаннаго желанья
на моемъ лежатъ челѣ.
Все храмъ Бальдера я вижу,
все обѣтомъ я смущенъ,

Даннымъ дѣвой; онъ не ею,
онъ богами нарушенъ.

Боги родъ нашъ ненавидятъ,
счастьемъ гнѣвъ ихъ будимъ мы;
Боги цвѣтъ мой посадили
въ лоно мрачное зимы.
Что зимѣ въ прекрасной розѣ?
для зимы-ль она цвѣтетъ?
Хлада мертвое дыханье
одѣваетъ розу въ ледъ!»

Такъ ропталъ онъ. Вотъ дорога
ихъ приводитъ въ долъ глухой,
Мрачный, стиснутый горами,
осѣненными сосной.
Рингъ сошелъ съ коня и молвилъ:
«вотъ пріютный уголокъ!
Я усталъ, мнѣ нуженъ отдыхъ;
дай, приляжемъ на часокъ.» —

«Не уснуть тебѣ здѣсь, конунгъ,
здѣсь жестка сыра постель;
Возвратимся: до чертога
недалеко намъ отсель.» —
«Боги сходятъ къ намъ нежданно!
такъ и сонъ,» прервалъ старикъ:
«Иль хозяинъ передъ гостемъ
не дерзнетъ уснуть на мигъ?»

Фритьофъ плащъ свой тутъ снимаетъ,
разстилаетъ на траву,
И къ его колѣну конунгъ
клонитъ бѣлую главу.
Тихо спитъ онъ, какъ по битвѣ
спятъ герои на щитахъ,
Безмятежно, какъ младенецъ
у родимой на рукахъ.

Чу! вотъ пѣсня черной птицы
раздалась изъ-за вѣтвей:
«Фритьофъ, кончи споръ давнишній,
старца спящаго убей.
Ты возьмешь вдову; невѣста
вновь обниметъ жениха;
Люди здѣсь тебя не видятъ,
а могилы сѣнь тиха.»

Фритьофъ слушаетъ: чу! пѣсня
бѣлой птицы раздалась:
«Люди здѣсь тебя не видятъ,
но вездѣ Одина глазъ.
Ты-бы спящаго зарѣзалъ?
безоружнаго-бъ убилъ?
Что ни взялъ-бы ты злодѣйствомъ
только-бъ славы не добылъ

Смолкло въ чащѣ; вотъ подъемлетъ
Фритьофъ мечъ свой боевой
И его въ сиятеньи мещетъ
далеко во мракъ лѣсной.
Птица черная безмолвно
въ грозный Настрандъ унесла
А другая съ громкой пѣснью —
къ солнцу, будто арфы гла

И не спитъ ужъ старый конунгъ
«какъ прекрасенъ былъ мой
Сладко дремлетъ, кто оружьемъ
богатырскимъ охраненъ.
Но скажи, о незнакомецъ,
гдѣ-же мечъ твой, молній
Кто разрознилъ неразлучныхъ?
кто похитилъ твой булатъ?

«Что нужды?» сказалъ воитель:
«тьма на сѣверѣ мечей;
Золъ языкъ меча, не знаетъ
онъ мирительныхъ рѣчей.
Духи водятся въ булатѣ,
духи сумрачныхъ краевъ:
Сна не чтутъ они, ихъ манитъ
блескъ серебряныхъ власовъ

«Знай-же, юноша, не спалъ я,
испытаньемъ было то;
Неиспытаннымъ ни мужу,
ни мечу не вѣръ никто.
Фритьофъ — ты; тебя узналъ я
лишь ты въ дверь мою вступ
Старый Рингъ давно ужъ вѣдалъ
то, что хитрый гость таилъ

г) ИЗБРАНІЕ КОНУНГА.

На тингъ! призывный жезлъ нес
Изъ дола въ долъ,
Чтобъ вновь вождя себѣ народъ
Избрать пошелъ.

ъ свой мечъ състѣны беретъ,
ı сборъ;
: онъ перстъ кладетъ:
стеръ.

жимъ тѣмъ мечемъ
грать;
гараются вдвоемъ
ить.

ежду тѣмъ стальной
пеломъ,
краснѣетъ, образъ свой
въ немъ.

свой щитъ, луну въ крови,
ѣтъ мужъ;
ироды сынъ, живи,
й мужъ!

ты носишь честь своей
дной;
ира ты — совѣтомъ ей,
итвъ — стѣной.

ирается народъ,
нъ щитовъ,
открытый; неба сводъ —
ь кровъ.

итьофъ камень занималъ;
блестя,
нга близь него стоялъ,
я.

пумъ въ толпѣ: «Ребенокъ онъ;
збрать?
въ судѣ хранить законъ,
битвы рать!»

итѣ вознесъ герой
: «Вотъ,
ы, вождь вамъ! край родной
процвѣтетъ!

ровь узнайте въ немъ,
ь его;

Какъ рыбѣ въ морѣ, надъ щитомъ
Ему легко.

Даю обѣтъ — его страну
Хранить мечемъ,
И послѣ власть отдать ему
Съ златымъ вѣнцомъ.

Богъ правды слышалъ рѣчь мою;
Свидѣтель онъ:
Когда ту клятву преступлю,
Будь я сраженъ!

Дитя сидѣло на щитѣ,
Какъ надъ скалой
Стремящій взоры къ высотѣ
Орелъ младой.

Но вдругъ, соскучась долго ждать,
Онъ всталъ — и вмигъ
Спрыгнулъ, и къ камню сталъ опять —
Державный прыгъ;

Тогда воскликнулъ громко тингъ:
«Вотъ конунгъ нашъ!
Мы вѣримъ, отрокъ: ты, какъ Рингъ,
Намъ счастье дашь!

Ярлъ Фритьофъ будетъ управлять
Пока страной;
Пусть наречетъ твою онъ мать
Своей женой» —

Но Фритьофъ молвилъ: «Мы вождя
Пришли избрать,
Не сватать: самъ невѣсту я
Могу сыскать.

Пойду туда, гдѣ сжегъ я храмъ;
Тамъ Норны мнѣ
На зовъ мой явятся; ужъ тамъ
Стоятъ онѣ.

Мнѣ щитоносицы совѣтъ
Благой дадутъ:
Онѣ живутъ подъ древомъ лѣтъ,
Надъ нимъ живутъ.

Богъ Бальдеръ, мною оскорбленъ,
Еще сердитъ;
Онъ взялъ невѣсту, — только онъ
И возвратитъ.» —

Тогда поздравилъ онъ дитя,
Поцѣловалъ,
И, тихо по лугу идя,
Вдали пропалъ.

Я. Гротъ.

(*Фритіофъ, скандинавскій богатырь.*)

III. ЛИРОЭПИЧЕСКАЯ ПОЭМА.

10. ПЕРИ и АНГЕЛЪ.

(изъ поэмы: *лалла-рукъ*).

а) ПЕРИ И АНГЕЛЪ.

Однажды Пери молодая
У вратъ потеряннаго рая
Стояла въ грустной тишинѣ;
Ей слышалось: въ той сторонѣ,
За неприступными вратами,
Журчали звонкими струями
Живые райскіе ключи,
И неба райскаго лучи
Лились въ полуотверсты двери
На крылья одинокой Пери;
И тихо плакала она
О томъ, что рая лишена:
«Тамъ духи свѣта обитаютъ;
«Для нихъ цвѣты благоухаютъ
«Въ неувядаемыхъ садахъ.
«И на землѣ, и на водахъ,
«И на свѣтилахъ поднебесныхъ
«Есть много мнѣ цвѣтовъ прелестныхъ:
«Но я чужда ихъ красоты —
«Они не райскіе цвѣты.
«Обитель роскоши и мира,
«Свѣжа долина Кашемира;
«Тамъ свѣтлы озера струи,
«Тамъ сладкогласные ручьи —
«Но что ихъ блескъ передъ блистаньемъ,
«Что сладкій гласъ ихъ предъ журчаньемъ
«Эдемскихъ, жизни полныхъ водъ?
«Направь стремительный полетъ
«Къ безчисленнымъ звѣздамъ созданья
«Среди ихъ пышнаго блистанья
«Неизмѣримость пролети,
«Всѣ ихъ блаженства изочти,
«И каждое пусть вѣчность длится...
«И вся ихъ вѣчность не сравнится
«Съ одной минутою небесъ.»
И быстрые потоки слезъ
Бѣжали по ланитамъ Пери.
Но Ангелъ, стражъ эдемской двери,
Ее прискорбную узрѣлъ:
Онъ къ ней съ утѣхой подлетѣлъ;
Онъ вслушался въ ея стенанья,
И ангельскаго состраданья
Слезой блеснули очеса....
Такъ чистой каплею роса,
Въ сіяньи райскаго востока,
Такъ капля райскаго потока
Блеститъ на цвѣтѣ голубомъ,
Который дышитъ лишь въ одномъ
Саду небесъ (гласитъ преданье).
И онъ сказалъ ей: «упованье!
«Узнай, что небомъ рѣшено:
«Той Пери будетъ прощено,
«Которая ко входу рая
«Изъ дальняго земнаго края
«Съ достойнымъ даромъ прилетитъ.
«Лети—найди—судьба проститъ;
«Впускать утѣшно примиренныхъ.

б) СЛЕЗЫ ПОКАЯНЬЯ.

Сіяла вечера сіяньемъ
Отчизна розы, Суристанъ,
И солнце, неба великанъ,

і западъ, какъ корона,
ачало Ливанона,
олѣпія снѣговъ
аго изъ облаковъ,
къ рдѣющее лѣто
ѣ, зноемъ разогрѣтой,
го роскошно спитъ.
разнообразный видъ
виженья и блистанья
ей край очарованья,
ой зримый высоты!
дрявые кусты;
воды голубыя;
и дыни золотыя,
ныхъ рдѣющи лучахъ
удныхъ берегахъ;
храмы и гробницы,
веретеницы,
стѣнъ ихъ бѣлизнѣ
юмъ вечера огнѣ
шуями;
голуби стадами
е съ вышины
ны крутизны;
ье, ихъ трепетанье,
ливное сіянье,
сотканное для нихъ
ъ пламенно-живыхъ
аго Персистана;
ды Іордана;
шумъ волны, листовъ
мъ пѣньемъ пастуховъ,
икой Палестины,
среди долины,
ѣздами на цвѣтахъ —
дительный.. Но, ахъ!
й Пери нѣтъ услады.
склонила взгляды,
ши утомлена,
солнцевъ храмъ она,
солнцемъ озаренный;
уединенны
стояли тамъ,
ющимъ полямъ
простираясь тѣнью —
о время разрушенью
запретило къ нимъ,
олѣніямъ земнымъ
себѣ преданье.
тайномъ упованьѣ

Къ святымъ развалинамъ летитъ:
«Быть можетъ, талисманъ сокрытъ,
«Изъ злата вылитый духами,
«Подъ сими древними столпами,
«Иль Соломонова печать,
«Могущая намъ отверзать
«И бездны океана темны,
«И всѣ сокровища подземны,
«И сверженнымъ съ небесъ духамъ
«Опять къ желаннымъ небесамъ
«Являть желанную дорогу.»
И съ трепетомъ она къ порогу
Жилища солнцева идетъ.
Еще багряный вечеръ льетъ
Свое сіянье съ небосклона,
И ярко пальмы Ливанона
Въ роскошныхъ свѣтятся лучахъ....
Но чтоже-же вдругъ въ ея очахъ?
Долиною Балбека ясной,
Какъ роза, свѣжій и прекрасной,
Бѣжитъ младенецъ; озаренъ
Огнемъ заката, гнался онъ
За легкокрылой стрекозою,
Напрасно жадною рукою
Стараясь дотянуться къ ней;
Среди ясминовъ и лилей
Она кружится непослушно,
И блещетъ, какъ цвѣтокъ воздушной,
Иль какъ порхающій рубинъ.
Уставъ, младенецъ подъ ясминъ
Прилегъ и въ листьяхъ угнѣздился.
Тогда вблизи остановился
На жарко дышущемъ конѣ
Ѣздокъ, съ лицемъ, какъ на огнѣ,
Отъ зноя дневнаго горѣвшимъ;
Надъ мелкимъ ручейкомъ, шумѣвшимъ
Близь имарета, онъ съ коня
Спрыгнулъ, и, на воды склоня
Лице, студеныхъ струй напился.
Тутъ взоръ его оборотился,
Изъ-подъ густыхъ бровей блестя,
На безмятежное дитя,
Которое въ цвѣтахъ сидѣло,
И улыбалось, и глядѣло
Безъ робости на пришлеца,
Хотя толь страшнаго лица
Дотолѣ солнце не палило.
Свирѣпо-сумрачное, было
Подобно тучѣ громовой
Оно своей ужасной мглой,

И яркими чертами совѣсть
На немъ изобразила повѣсть
Страстей жестокихъ и злодѣйствъ:
Разбой, насильство, плачъ семействъ,
Грабежъ, святыни осквернѣнье,
Предательство, богохуленье —
Всю написало жизнь на немъ,
Какъ обвинительнымъ перомъ
Неумолимый Ангелъ мщенья
Записываетъ преступленья
Земныя въ книгѣ роковой,
Чтобъ послѣ милость ихъ слезой
Съ погибельной страницы смыла.
Краса-ли вечера смирила
Въ немъ душу — но злодѣй стоялъ
Задумчивъ, и предъ нимъ игралъ
Малютка тихо межъ цвѣтами;
И съ яркими его очами,
Глубоко впадшими, порой
Встрѣчались полныя душой
Младенца голубыя очи:
Такъ дымный факелъ, въ мракѣ ночи
Разврата освѣщавшій домъ,
Порой встрѣчается съ лучемъ
Всевоскрешающей денницы.
Но солнце тихо за границы
Земли зашло.... и въ этотъ часъ
Вечерній минаретовъ гласъ,
Къ мольбѣ скликающій, раздался..
Младенецъ набожно поднялся
Съ цвѣтовъ, колѣна преклонилъ,
На югъ лице оборотилъ,
И съ тихостью предъ небесами
Самой невинности устами
Промолвилъ имя Божества.
Его лице, его слова,
Его смиренно-сжаты руки....
Казалось, о концѣ разлуки
Съ Эдемомъ радостнымъ своимъ
Молился чистый Херувимъ,
Земли на время поселенецъ.
О видъ прелестный!...Сей младенецъ....
Сіи святыя небеса....
И гордый Эвлисъ очеса
(Такимъ растроганный явленьемъ)
Склонилъ-бы, вспомнивъ съ умиленьемъ
О свѣтлой рая красотѣ
И о погибшей чистотѣ.
А онъ?.. Отверженный, несчастный!..
Передъ невинностью прекрасной,
Какъ осужденный онъ стоялъ....
Увы, онъ памятью леталъ
Надъ темной прошлаго пучиной:
Тамъ не встрѣчался ни единой
Веселый брегъ, куда-бъ пристать
И гдѣ-бъ отрадную сорвать
Надеждѣ вѣтку примиренья;
Одни лишь грозныя видѣнья
Носились въ темной безднѣ той....
И грудь смягчилася тоской;
И онъ подумалъ: «время было,
«И я, какъ ты, младенецъ милой,
«Былъ чистъ, на небеса смотрѣлъ,
«Какъ ты молиться имъ умѣлъ,
«И къ мирной алтаря святынѣ
«Спокойно подходилъ.... а нынѣ?....»
И голову потупилъ онъ;
И все, что съ давнихъ тѣхъ временъ
Въ душѣ ожесточенной спало,
Чѣмъ сердце юное живало
Во дни минувшей чистоты,
Надежды, радости, мечты —
Все вдругъ предъ нимъ возобновило
И въ душу свѣжее втѣснилось;
И онъ заплакалъ.... онъ во прахъ
Предъ Богомъ палъ въ своихъ слезахъ!
О слезы покаянья! вами
Душа дружится съ небесами.
И въ тайный угрызенья часъ
Виновный знаетъ только въ васъ
Невинности святое счастье.
И Пери въ жалости, въ участьѣ,
Забывъ себя и жребій свой,
Съ покорною о немъ мольбой
Глаза на небо—свѣтомъ ровнымъ
Надъ непорочнымъ и виновнымъ
Сіяющее—возвела;
Ея душа полна была
Неизъяснимымъ ожиданьемъ....
На хладномъ прахѣ съ покаяньемъ
Предъ Богомъ плачущій злодѣй
Лежалъ недвижимъ передъ ней,
Къ землѣ приникнувъ головою;
И сострадательной рукою,
Къ несчастному преклонена,
Какъ нѣжная сестра, она
Поддерживала съ умиленьемъ
Главу, нагбенную смиреньемъ;
И быстро изъ его очей
Въ мирительную руку ей

орячихъ слезъ бѣжала;
бѣ она искала
милости слезамъ....
рекрасно было тамъ!
вечера свѣтилы,
кія паникадилы,
сномъ храмѣ зажжены;
сь ей: изъ глубины
зримаго чертога,
тымъ покаяньемъ Бога
сердце обрѣтать,
ѣ сходила благодать;
казалось, ликовали;
дто Ангелы летали
лой вѣстью по звѣздамъ;
дто праздновали тамъ
радость примиренья....
ъ, внезапнаго стремленья
ствомъ увлечена,
высотѣ она;
дъ ней почти пропала
Пери.... угадала!
комъ благодарныхъ слезъ,
ѣдній разъ съ полунебесъ
земной она воззрѣла....
, земля!....» и улетѣла.

кій. (*Соч. Жуковскаго.*)

ЗЪ ШИЛЬОНСКАГО УЗНИКА.

А) БРАТЬЯ УЗНИКИ.

нѣ водъ стоитъ Шильонъ;
подземельѣ семь колоннъ
влажнымъ мохомъ лѣтъ.
печальный брежжетъ свѣтъ,
нароконъ съ вышины
въ трещину стѣны
вшійся во мглу.
омъ тюрьмы полу
титъ тускло – одинокъ,
ъ болотомъ огонекъ,
вѣющій ночномъ.
каждая съ кольцомъ;
ъ кольцахъ тѣхъ висятъ,
пей желѣзо — ядъ;

Мнѣ въ члены вгрызлося оно;
Не будетъ въ-вѣкъ истреблено
Клеймо, надавленное имъ;
И день тяжелъ глазамъ моимъ,
Отвыкнувшимъ съ столь давнихъ лѣтъ
Глядѣть на радующій свѣтъ;
И къ волѣ я душей остылъ
Съ тѣхъ поръ, какъ братъ послѣдній
былъ
Убитъ неволей предо мной,
И рядомъ съ мертвымъ я живой
Терзался на полу тюрьмы.

Цѣпями тѣми были мы
Къ колоннамъ тѣмъ пригвождены,
Хоть вмѣстѣ, но разлучены;
Мы шагу не могли ступить;
Въ глаза другъ друга различить
Намъ блѣдный мракъ тюрьмы мѣшалъ;
Онъ намъ лице чужое далъ, —
И братъ сталъ брату незнакомъ.
Была услада намъ въ одномъ:
Другъ другу голосъ подавать,
Другъ другу сердце пробуждать
Иль былью славной старины,
Иль звучной пѣснію войны —
Но скоро тоже и одно
Во мглѣ тюрьмы истощено;
Нашъ голосъ страшно одичалъ;
Онъ хриплымъ отголоскомъ сталъ
Глухой тюремныя стѣны;
Онъ не былъ звукомъ старины,
Въ тѣ дни, подобно намъ самимъ,
Могучимъ, вольнымъ и живымъ.
Мечта-ль?.... но голосъ ихъ и мой
Всегда звучалъ мнѣ какъ чужой.

Изъ насъ троихъ я старшій былъ;
Я жребій собственный забылъ,
Дыша заботою одной,
Чтобъ имъ не дать упасть душой.
Нашъ младшій братъ, любовь отца....
Увы, черты его лица
И глазъ умильная краса,
Лазоревыхъ какъ небеса,
Напоминали нашу мать.
Онъ былъ мнѣ все, и увядать
При мнѣ былъ долженъ милый цвѣтъ,
Прекрасный, какъ тотъ дневный свѣтъ,
Который съ неба мнѣ свѣтилъ,

Въ которомъ я на волѣ жилъ.
Какъ утро, былъ онъ чистъ и живъ:
Умомъ младенчески – игривъ,
Безпечно – веселъ самъ съ собой....
Но передъ горестью чужой
Изъ голубыхъ его очей
Бѣжали слезы какъ ручей.

Другой былъ столь-же чистъ душой;
Но духъ имѣлъ онъ боевой:
Могучъ и крѣпокъ въ цвѣтѣ лѣтъ,
Радъ вызвать къ битвѣ цѣлый свѣтъ,
И въ первый рядъ на смерть готовъ...
Но безъ терпѣнья для оковъ.
И онъ отъ звука ихъ завялъ.
Я чувствовалъ, какъ погибалъ,
Какъ медленно въ печали гасъ
Нашъ братъ, незримый намъ, близъ насъ.
Онъ былъ стрѣлокъ, жилецъ холмовъ,
Гонитель вепрей и волковъ —
И гробъ тюрьма ему была:
Неволи сила не снесла.

б) смерть младшаго брата.

Но онъ—нашъ милый, лучшій цвѣтъ,
Нашъ ангелъ съ колыбельныхъ лѣтъ,
Сокровище семьи родной,
Онъ—образъ матери душой
И чистой прелестью лица,
Мечта любимая отца,
Онъ—для кого я жизнь щадилъ,
Чтобъ онъ бодрѣй въ неволѣ былъ,
Чтобъ послѣ могъ и воленъ быть....
Увы! онъ долго могъ сносить
Съ младенческою тишиной,
Съ терпѣньемъ яснымъ жребій свой;
Не я ему — онъ для меня
Подпорой былъ.... вдругъ день отъ дня
Сталъ упадать, ослабѣвалъ,
Грустилъ, молчалъ и молча вялъ.
О Боже! Боже! страшно зрѣть,
Какъ силится преодолѣть
Смерть человѣка.... я видалъ,
Какъ ратникъ въ битвѣ погибалъ;
Я видѣлъ, какъ пловецъ тонулъ
Съ доской, къ которой онъ прильнулъ
Съ надеждой гибнущей своей;
Я зрѣлъ, какъ издыхалъ злодѣй
Съ свирѣпой дикостью въ чертахъ,
Съ богохуленьемъ на устахъ,
Пока ихъ смерть не заперла.
Но тамъ былъ страхъ — здѣсь скор
была,
Болѣзнь глубокая души.
Смиреннымъ ангеломъ въ тиши,
Онъ гасъ, столь кротко-молчаливъ,
Столь безнадежно-терпѣливъ,
Столь грустно-томенъ нѣжно-тих
Безъ слезъ, лишь помня о своихъ
И обо мнѣ.... увы, онъ гасъ,
Какъ радуга, плѣняя насъ,
Прекрасно гаснетъ въ небесахъ.
Ни вздоха скорби на устахъ,
Ни ропота на жребій свой;
Лишь слово изрѣдка со мной
О нашихъ прошлыхъ временахъ,
О лучшихъ будущаго дняхъ,
О упованьи.... но, объятъ
Сей тратой, горшею изъ тратъ,
Я былъ въ свирѣпомъ забытьи.
Вотще, кончаясь, онъ свои
Терзанья смертныя скрывалъ....
Вдругъ рѣже, трепетнѣе сталъ
Дышать, и вдругъ умолкнулъ онъ...
Молчаньемъ страшнымъ пробужден
Я вслушиваюсь.... тишина!
Кричу, какъ бѣшеный.... стѣна
Откликнулась.... и умеръ гулъ!
Я цѣпь отчаянно рванулъ
И вырвалъ.... къ брату.... брата нѣ
Онъ на столбѣ, какъ вешній цвѣтъ,
Убитый хладомъ — предо мной
Висѣлъ съ поникшей головой.
Я руку тихую поднялъ;
Я чувствовалъ, какъ исчезалъ
Въ ней слѣдъ послѣдней теплоты;
И, мнилось, были отняты
Всѣ силы у души моей;
Все страшно вдругъ сперлося въ н
Я дико по тюрьмѣ бродилъ,
Но въ ней покой ужасный былъ;
Лишь вѣялъ отъ стѣны сырой
Какой-то холодъ гробовой;
И, взоръ на мертваго вперивъ,
Я зналъ лишь смутно, что я живъ.
О, сколько муки въ знаньи томъ,
Когда мы тутъ-же узнаемъ,
Что милому уже не быть!
И мигъ сей могъ я пережить!

о—вѣра-ль то была,
адность къ жизни жизнь спасла?

потомъ сбылось со мной,
ню.... свѣтъ казался тьмой,
ѣтомъ; воздухъ исчезалъ;
ленѣнія стоялъ,
мяти, безъ бытія,
амней хладнымъ камнемъ я;
лось, какъ въ тяжкомъ снѣ,
дымъ, темнымъ, тусклымъ мнѣ;
мутную слилося тѣнь;
ыло ни ночь, ни день,
кій свѣтъ тюрьмы моей,
енавистный для очей;
о тьма безъ темноты;
о бездна пустоты
ютяженья и границъ;
и образы безъ лицъ;
шный міръ какой-то былъ,
ба, свѣта и свѣтилъ,
емени, безъ дней и лѣтъ,
юмысла, безъ благъ и бѣдъ,
ь, ни смерть — какъ сонъ гро-
бовъ,
еанъ безъ береговъ,
нный тяжелой мглой,
ный, темный и нѣмой.

гъ лучъ незапный посѣтилъ
ъ.... то голосъ птички былъ.
олкалъ; онъ снова пѣлъ;
лось, съ неба онъ летѣлъ;
утѣшно сладокъ онъ.
рованъ, оживленъ,
авшись, забылся я;
адолго.... мысль моя
привычною пошла;
улся... и была
ередо мной тюрьма;
ье тоже, таже тьма;
ежде, блѣдною струей
дывался лучъ дневной
ную скважину ко мнѣ....
ь-же, въ свѣтѣ, на стѣнѣ
ѣвецъ воздушный былъ;
пѣталъ, онъ шевелилъ
лазоревымъ крыломъ;
ренъ былъ яснымъ днемъ;
гъ привѣтно надо мной....

Какъ много было въ пѣсни той!
И все то было про меня!
Ни разу до того я дня
Ему подобнаго не зрѣлъ;
Какъ я, казалось, онъ скорбѣлъ
О братѣ, и покинутъ былъ;
И онъ съ любовью навѣстилъ
Меня тогда, какъ ни однимъ
Ужъ сердцемъ не былъ я любимъ;
И въ сладость пѣснь его была:
Душа невольно ожила.
Но кто-жъ онъ самъ былъ, мой пѣвецъ?
Свободный-ли небесъ жилецъ?
Или, недавно изъ цѣпей,
По случаю къ тюрьмѣ моей,
Играя въ небѣ, залетѣлъ
И о свободѣ мнѣ пропѣлъ?
Скажу-ль.... Мнѣ думалось порой,
Что у меня былъ не земной,
А райскій гость; что братній духъ
Порадовать мой взоръ и слухъ
Примчался птичкою съ небесъ....
Но утѣшитель вдругъ исчезъ;
Онъ улетѣлъ въ сіянье дня....
Нѣтъ, нѣтъ, то не былъ братъ.... меня
Покинуть такъ не могъ-бы онъ,
Чтобъ я, съ нимъ дважды разлученъ,
Остался вдвое одинокъ,
Какъ трупъ межъ гробовыхъ досокъ.

в) видъ природы.

Но мнѣ хотѣлось бросить взоръ
На красоту знакомыхъ горъ,
На ихъ утесы, ихъ лѣса,
На слиты съ ними небеса.
Я ихъ увидѣлъ — и онѣ
Все были тѣ-жъ: на вышинѣ
Вѣками созданны снѣга,
Подъ ними Альпы и луга,
И бездна озера у ногъ,
И Роны блещущій потокъ
Между зеленыхъ береговъ;
И слышенъ былъ мнѣ шумъ ручьевъ,
Бѣгущихъ, бьющихъ по скаламъ;
И по лазоревымъ водамъ
Сверкали ясны облака;
И быстрый парусъ челнока
Между небесъ и водъ летѣлъ;
И хижины веселыхъ селъ,

И кровы свѣтлыхъ городовъ
Сквозь паръ мелькали вдоль береговъ....
И я примѣтилъ островокъ:
Прекрасенъ, свѣжъ, но одинокъ
Въ пространствѣ былъ онъ голубомъ;
Цвѣли три дерева на немъ;
И горный воздухъ вѣялъ тамъ
По муравѣ и по цвѣтамъ,
И воды были тамъ живѣй,
И обвивалися нѣжнѣй
Кругомъ родныхъ береговъ онѣ.
И видѣлъ я: къ моей стѣнѣ
Челнокъ съ пловцами приставалъ,
Гостилъ у брега, отплывалъ,
И при свободномъ вѣткѣ,
Летя, скрывался вдалекѣ;
И въ облакахъ орелъ игралъ,
И никогда я не видалъ
Его столь быстрымъ — то къ окну
Спускался онъ, то въ вышину
Взлеталъ — за нимъ душа рвалась;
И слезы новыя изъ глазъ
Пошли, и новая печаль
Мнѣ сжала грудь.... мнѣ стало жаль
Моихъ покинутыхъ цѣпей.
Когда-жъ на дно тюрьмы моей
Опять сойти я долженъ былъ —
Меня, казалось, обхватилъ
Холодный гробъ; казалось, вновь
Моя послѣдняя любовь,
Мой милый братъ передо мной
Былъ взятъ несытою землей;
Но какъ ни тяжко ныла грудь —
Чтобъ отъ страданья отдохнуть,
Мнѣ мракъ тюрьмы отрадой былъ.

Жуковскій.

(*Тоже сочиненіе*).

---

12. ИЗЪ КАВКАЗСКАГО ПЛѢННИКА.

а) КАВКАЗСКІЯ ГОРЫ.

Казалось, плѣнникъ безнадежный
Къ унылой жизни привыкалъ;
Тоску неволи, жаръ мятежный,
Въ душѣ глубоко онъ скрывалъ.
Влачася межъ угрюмыхъ скалъ,
Въ часъ ранней утренней прохлады,
Вперялъ онъ неподвижный взоръ
На отдаленныя громады
Сѣдыхъ, румяныхъ, синихъ горъ.
Великолѣпныя картины!
Престолы вѣчные снѣговъ,
Очамъ казались ихъ вершины
Недвижной цѣпью облаковъ,
И въ ихъ кругу колоссъ двуглавый,
Въ вѣнцѣ блистая ледяномъ,
Эльбрусъ огромный, величавый,
Бѣлѣлъ на небѣ голубомъ.
Когда, съ глухимъ сливаясь гуломъ,
Предтеча бури, громъ гремѣлъ,
Какъ часто плѣнникъ надъ ауломъ
Недвижимъ на горѣ сидѣлъ!
У ногъ его дымились тучи,
Въ степи взвивался прахъ летучій;
Уже пріюта между скалъ
Елень испуганный искалъ;
Орлы съ утесовъ подымались
И въ небесахъ перекликались;
Шумъ табуновъ, мычанье стадъ
Ужъ гласомъ бури заглушались....
И вдругъ на долы дождь и градъ
Изъ тучъ сквозь молній извергались
Волнами роя крутизны,
Сдвигая камни вѣковые,
Текли потоки дождевые.
А плѣнникъ, съ горной вышины,
Одинъ, за тучей громовою,
Возврата солнечнаго ждалъ,
Недосягаемый грозою;
И бури немощному вою
Съ какой-то радостью внималъ.

б) ГОРЦЫ.

.... Европейца все вниманье
Народъ сей чудный привлекалъ.
Межъ Горцевъ плѣнникъ наблюдалъ
Ихъ вѣру, нравы, воспитанье;
Любилъ ихъ жизни простоту,
Гостепріимство, жажду брани,
Движеній вольныхъ быстроту,
И легкость ногъ, и силу длани;
Смотрѣлъ по цѣлымъ онъ часамъ,
Какъ иногда Черкесъ проворной,
Широкой степью, по горамъ,
Въ косматой шапкѣ, въ буркѣ чер

ѣ склонясь, на стремена
стройной опираясь,
по волѣ скакуна,
нѣ заранѣ пріучаясь.
бовался красотой
ı бранной и простой.
ъ оружіемъ обвѣшенъ;
ъ гордится, имъ утѣшенъ.
ъ броня, пищаль, колчанъ,
кій лукъ, кинжалъ, арканъ,
ка, вѣчная подруга
удовъ, его досуга.
его не тяготитъ,
не брякнетъ: пѣшій, конный —
гъ-же онъ; все тотъ-же видъ
ѣдный, непреклонный.
безпечныхъ козаковъ,
гатство — конь ретивый,
ещъ горскихъ табуновъ
щъ вѣрный, терпѣливый.
церѣ иль травѣ глухой
ный хищникъ съ нимъ таится,
гъ, внезапною стрѣлой,
путника, стремится;
но мгновенье вѣрный бой
ъ ударъ его могучій,
анника въ ущелья горъ
лечетъ арканъ летучій.
ится конь во весь опоръ,
ненъ огненной отваги;
ть ему: болото, боръ,
, утесы и овраги;
вый слѣдъ за нимъ бѣжитъ,
стынѣ топотъ раздается;
потокъ предъ нимъ шумитъ —
ъ глубь кипящую несется;
никъ, брошенный ко дну,
етъ мутную волну,
огая, смерти проситъ
гъ ее передъ собой....
щный конь его — стрѣлой
регъ пѣнистый выноситъ.
ь, ухвативъ рогатый пень,
ку низверженный грозою,
на холмахъ пеленою
гъ безлунной ночи тѣнь,
съ на корни вѣковые,
тви вѣшаетъ кругомъ
доспѣхи боевые,
бурку, панцырь и шеломъ,
Колчанъ и лукъ — и въ быстры волны
За нимъ бросается потомъ
Неутомимый и безмолвный.
Глухая ночь. Рѣка реветъ;
Могучій токъ его несетъ.
Вдоль береговъ уединенныхъ,
Гдѣ на курганахъ возвышенныхъ,
Склонясь на копья, козаки
Глядятъ на темный бѣгъ рѣки —
И мимо ихъ, во мглѣ чернѣя,
Плыветъ оружіе злодѣя....
О чемъ ты думаешь, козакъ?
Воспоминаешь прежни битвы,
На смертномъ полѣ свой бивакъ,
Полковъ хвалебныя молитвы
И родину?.... Коварный сонъ!
Простите, вольныя станицы,
И домъ отцовъ, и тихій Донъ,
Война и красныя дѣвицы!
Къ брегамъ причалилъ тайный врагъ,
Стрѣла выходитъ изъ колчана —
Взвилась — и падаетъ козакъ
Съ окровавленнаго кургана.
Когда-же съ мирною семьей
Черкесъ въ отеческомъ жилищѣ
Сидитъ ненастною порой,
И тлѣютъ угли въ пепелищѣ;
И, спрянувъ съ вѣрнаго коня,
Въ горахъ пустынныхъ запоздалый,
Къ нему войдетъ пришлецъ усталый
И робко сядетъ у огня:
Тогда хозяинъ благосклонной
Съ привѣтомъ, ласково, встаетъ,
И гостю въ чашѣ благовонной
Чихирь отрадный подаетъ.
Подъ влажной буркой, въ саклѣ дымной,
Вкушаетъ путникъ мирный сонъ,
И утромъ оставляетъ онъ
Ночлега кровъ гостепріимной.
Бывало, въ свѣтлый байранъ
Сберутся юноши толпою;
Игра смѣняется игрою:
То, полный разобравъ колчанъ,
Они крылатыми стрѣлами
Пронзаютъ въ облакахъ орловъ;
То съ высоты крутыхъ холмовъ,
Нетерпѣливыми рядами,
При дикомъ знакѣ, вдругъ падутъ,
Какъ лани землю поражаютъ,
Равнину пылью покрываютъ

И съ дружнымъ топотомъ бѣгутъ.
Но скученъ миръ однообразной
Сердцамъ, рожденныхъ для войны,
И часто игры воли праздной
Игрой жестокой смущены.
Нерѣдко шашки грозно блещутъ
Въ безумной рѣзвости пировъ,
И въ прахъ летятъ главы рабовъ,
И въ радости младенцы плещутъ.

---

13. ИЗЪ БАХЧИСАРАЙСКАГО ФОНТАНА.

А) ГИРЕЙ.

Гирей сидѣлъ, потупя взоръ;
Янтарь въ устахъ его дымился;
Безмолвно раболѣпный дворъ
Вкругъ хана грознаго тѣснился.
Все было тихо во дворцѣ;
Благоговѣя, всѣ читали
Примѣты гнѣва и печали
На сумрачномъ его лицѣ.
Но повелитель горделивой
Махнулъ рукой нетерпѣливой —
И всѣ, склонившись, идутъ вонъ.
Одинъ въ своихъ чертогахъ онъ;
Свободнѣй грудь его вздыхаетъ;
Живѣе строгое чело
Волненье сердца выражаетъ.
Такъ бурны тучи отражаетъ
Залива зыбкое стекло. —
Что движетъ гордою душою?
Какою мыслью занятъ онъ?
На Русь-ли вновь идетъ войною,
Несетъ-ли Польшѣ свой законъ,
Горитъ-ли местію кровавой,
Открылъ-ли въ войскѣ заговоръ,
Страшится-ли народовъ горъ,
Иль козней Генуи лукавой?....
Нѣтъ, онъ скучаетъ бранной славой.
Устала грозная рука;
Война отъ мыслей далека.

Б) ФОНТАНЪ СЛЕЗЪ.

Промчались дни — Маріи нѣтъ;
Мгновенно сирота почила;
Она давно-желанный свѣтъ,
Какъ новый ангелъ, озарила.
Но что-же въ гробъ ее свело?
Тоска-ль неволи безнадежной,
Болѣзнь или другое зло....
Кто знаетъ? Нѣтъ Маріи нѣжной!....
Дворецъ угрюмый опустѣлъ;
Его герой опять оставилъ;
Съ толпой Татаръ въ чужой предѣлъ
Онъ злой набѣгъ опять направилъ;
Онъ снова въ буряхъ боевыхъ
Несется мрачный, кровожадный;
Но въ сердцѣ хана чувствъ иныхъ
Таптся пламень безотрадный.
Онъ часто въ сѣчахъ роковыхъ
Подъемлетъ саблю, и съ размаха
Недвижнымъ остается вдругъ,
Глядитъ съ безумiемъ вокругъ,
Блѣднѣетъ, будто полный страха,
И что-то шепчетъ—и порой
Горючи слезы льетъ рѣкой
Опустошивъ огнемъ войны
Кавказу близкія страны
И села мирныя Россіи,
Въ Тавриду возвратился ханъ;
И, въ память горестной Маріи,
Воздвигнулъ мраморный фонтанъ
Въ углу дворца уединенный.
Надъ нимъ крестомъ осѣнена
Могометанская луна
(Символъ, конечно, дерзновенный,
Незнанья жалкая вина).
Есть надпись: ѣдкими годами
Еще не сгладилась она;
За чуждыми ея чертами
Журчитъ во мраморѣ вода
И каплетъ хладными слезами,
Не умолкая никогда.
Такъ плачетъ мать во дни печали
О сынѣ, падшемъ на войнѣ.
Младыя дѣвы въ той странѣ
Преданье старины узнали,
И мрачный памятникъ онѣ
Фонтаномъ слезъ именовали.

А. Пушкинъ.
(*Бахчисарайскій фонтанъ*).

---

4. ИЗЪ ЦЫГАНЪ.

а) КОЧЕВОЙ ТАБОРЪ.

шумною толпой
арабіи кочуютъ.
дня надъ рѣкой
ахъ изодранныхъ ночуютъ.
колесами телѣгъ,
ѣшанныхъ коврами,
огонь; семья кругомъ
ь ужинъ; въ чистомъ полѣ
кони; за шатромъ
медвѣдь лежитъ на волѣ.
о посреди степей:
мирныя семей,
ъ съ утромъ въ путь недальній,
женъ, и крикъ дѣтей,
походной наковальни.
на таборъ кочевой
итъ сонное молчанье,
но въ тишинѣ степной
й собакъ, да коней ржанье.
здѣ погашены,
о все, луна сіяетъ
небесной вышины
таборъ озаряетъ.
ѣ одномъ старикъ не спитъ;
едъ углями сидитъ,
й ихъ послѣднимъ жаромъ,
ле дальнее глядитъ,
ь подернутое паромъ.

ЕХОДЪ НА ДРУГОЕ КОЧЕВЬЕ.

момъ высыпалъ народъ:
разобраны; телѣги
двинуться въ походъ;
стѣ тронулось: и вотъ
алитъ въ пустыхъ равнинахъ.
перекидныхъ корзинахъ
грающихъ несутъ;
и братья, жены, дѣвы,
и младъ во-слѣдъ идутъ;
шумъ, цыганскіе припѣвы,
ревъ, его цѣпей
ливое бряцанье,
евъ яркихъ пестрота,
Дѣтей и старцевъ нагота,
Собакъ и лай и завыванье,
Волынки говоръ, скрипъ телѣгъ,
Все скудно, дико, все нестройно;
Но все такъ живо, непокойно,
Такъ чуждо мертвыхъ нашихъ нѣгъ,
Такъ чуждо этой жизни праздной....

в) РАЗСКАЗЪ ЦЫГАНА ОБЪ ОВИДІИ.

СТАРИКЪ.

Межъ нами есть одно преданье:
Царемъ когда-то сосланъ былъ
Полудня житель къ намъ въ изгнанье.
Я прежде зналъ, но позабылъ
(Его мудреное прозванье).
Онъ былъ уже лѣтами старъ,
Но младъ и живъ душой незлобной:
Имѣлъ онъ пѣсенъ дивный даръ
И голосъ шуму водъ подобный.
И полюбили всѣ его,
И жилъ онъ на брегахъ Дуная,
Не обижая никого,
Людей разсказами плѣняя.
Не разумѣлъ онъ ничего,
И слабъ и робокъ былъ какъ дѣти;
Чужіе люди за него
Звѣрей и рыбъ ловили въ сѣти;
Какъ мерзла быстрая рѣка
И зимни вихри бушевали,
Пушистой кожей покрывали
Они святаго старика;
Но онъ къ заботамъ жизни бѣдной
Привыкнуть никогда не могъ;
Скитался онъ изсохшій, блѣдной;
Онъ говорилъ, что гнѣвный Богъ
Его каралъ за преступленье;
Онъ ждалъ: придетъ-ли избавленье,
И все несчастный тосковалъ,
Бродя по берегамъ Дуная,
Да горьки слезы проливалъ,
Свой дальній градъ воспоминая;
И завѣщалъ онъ, умирая,
Чтобы на югъ перенесли
Его тоскующія кости,
И смертью — чуждой сей земли
Неуспокоенные гости.

АЛЕКО.

Такъ вотъ судьба твоихъ сыновъ,
О Римъ, о громкая держава!
Пѣвецъ любви, пѣвецъ боговъ,
Скажи мнѣ: что такое слава?
Могильный гулъ, хвалебный гласъ,
Изъ рода въ роды звукъ бѣгущій,
Или подъ сѣнью дымной кущи
Цыгана дикаго разсказъ?

г) ЭПИЛОГЪ.

Волшебной силой пѣснопѣнья
Въ туманной памяти моей
Такъ оживляются видѣнья
То свѣтлыхъ, то печальныхъ дней.
Въ странѣ, гдѣ долго, долго брани
Ужасный гулъ не умолкалъ,
Гдѣ повелительныя грани
Стамбулу Русскій указалъ,
Гдѣ старый нашъ орелъ двуглавой
Еще шумитъ минувшей славой,
Встрѣчалъ я посреди степей
Надъ рубежами древнихъ становъ
Телѣги мирныя цыгановъ,
Смиренной вольности дѣтей.
Но счастья нѣтъ и между вами,
Природы бѣдные сыны!
И подъ изодранными шатрами
Живутъ мучительные сны,
И ваши сѣни кочевыя
Въ пустыняхъ не спаслись отъ бѣдъ,
И всюду страсти роковыя,
И отъ судебъ защиты нѣтъ.

А. Пушкинъ.

(*Цыганы.*)

---

15. ИЗЪ ПОЛТАВЫ.

а) КОЧУБЕЙ ВЪ ТЕМНИЦѢ.

Тиха украинская ночь.
Прозрачно небо. Звѣзды блещутъ.
Своей дремоты превозмочь
Не хочетъ воздухъ. Чуть трепещутъ
Сребристыхъ тополей листы.
Луна спокойно съ высоты
Надъ Бѣлой-Церковью сіяетъ
И пышныхъ гетмановъ сады
И старый замокъ озаряетъ.
И тихо, тихо все кругомъ;
Но въ замкѣ шопотъ и смятенье.
Въ одной изъ башенъ, подъ окномъ,
Въ глубокомъ, тяжкомъ размышленьи
Окованъ Кочубей сидитъ
И мрачно на небо глядитъ.
Заутра казнь. Но безъ боязни
Онъ мыслитъ объ ужасной казни;
О жизни не жалѣетъ онъ.
Что смерть ему? желанный сонъ.
Готовъ онъ лечь во гробъ кровавый.
Дрема долитъ. Но, Боже правый!
Къ ногамъ злодѣя, молча, пасть,
Какъ безсловесное созданье,
Царемъ быть отдану во власть
Врагу Царя на поруганье,
Утратить жизнь — и съ нею честь,
Друзей съ собой на плаху весть,
Надъ гробомъ слышать ихъ проклятья
Ложась безвиннымъ подъ топоръ,
Врага веселый встрѣтить взоръ;
И смерти кинуться въ объятья,
Не завѣщая никому
Вражды къ злодѣю своему!...

И вспомнилъ онъ свою Полтаву,
Обычный кругъ семьи, друзей,
Минувшихъ дней богатство, славу,
И пѣсни дочери своей,
И старый домъ, гдѣ онъ родился,
Гдѣ зналъ и трудъ и мирный сонъ,
И все, чѣмъ въ жизни наслаждался,
Что добровольно бросилъ онъ,
И для чего? —
Но ключъ въ заржавомъ
Замкѣ гремитъ — и, пробужденъ,
Несчастный думаетъ: вотъ онъ!
Вотъ на пути моемъ кровавомъ
Мой вождь подъ знаменемъ креста,
Грѣховъ могучій разрѣшитель,
Духовной скорби врачъ, служитель
За насъ распятаго Христа,
Его святую кровь и тѣло

й мнѣ, да укрѣплюсь,
уплю ко смерти смѣло
вѣчной пріобщусь.

рушеніемъ сердечныхъ
счастный Кочубей
сесильнымъ, Безконечнымъ
ску мольбы своей.
пельника святаго,
узнаетъ иного:
Орликъ передъ нимъ.
сніемъ томнымъ,
ъ горько вопрошаетъ:
жестокій человѣкъ?
слѣдній мой ночлегъ
ена возмущаетъ?

ипская ночь.
небо. Звѣзды блещутъ.
моты превозмочь
воздухъ. Чуть трепещутъ
ихъ тополей листы.
странныя мечты
Мазепы: звѣзды ночи,
нительныя очи,
асмѣшливо глядятъ.
стѣснившись въ рядъ,
о головою,
и, шепчутъ межъ собою.
теплой ночи тьма
къ черная тюрьма.

полтавскій бой.

стокъ зарею новой.
вняѣ, по холмамъ
пушки. Дымъ багровой
сходитъ къ небесамъ
у утреннимъ лучамъ.
ы свои сомкнули,
ъ разсыпались стрѣлки,
ра, свищутъ пули,
ладные штыки.
имые побѣды,
ь окоповъ рвутся Шведы;
конница летитъ;
жется за нею
твердостью своею
сніи крѣпитъ.

И битвы поле роковое
Гремитъ, пылаетъ здѣсь и тамъ:
Но явно счастье боевое
Служить ужъ начинаетъ намъ.
Пальбой отбитыя дружины,
Мѣшаясь, падаютъ во прахъ;
Уходитъ Розенъ сквозь тѣснины;
Сдается пылкій Шлипенбахъ.
Тѣснимъ мы Шведовъ рать за ратью;
Темнѣетъ слава ихъ знаменъ,
И Бога браней благодатью
Нашъ каждый шагъ запечатлѣнъ.
Тогда-то свыше вдохновенный
Раздался звучный гласъ Петра:
«За дѣло, съ Богомъ!» Изъ шатра,
Толпой любимцевъ окруженный,
Выходитъ Петръ. Его глаза
Сіяютъ. Ликъ его ужасенъ,
Движенья быстры. Онъ прекрасенъ,
Онъ весь, какъ Божія гроза.
Идетъ. Ему коня подводятъ.
Ретивъ и смиренъ вѣрный конь.
Почуя роковой огонь,
Дрожитъ. Глазами косо водитъ
И мчится въ прахѣ боевомъ,
Гордясь могущимъ сѣдокомъ.
Ужъ близко полдень. Жаръ пылаетъ.
Какъ пахарь, битва отдыхаетъ.
Кой-гдѣ гарцуютъ козаки.
Ровняясь, строятся полки.
Молчитъ музыка боевая.
На холмахъ пушки, присмирѣвъ,
Прервали свой голодный ревъ.
И се — равнину оглашая —
Далече грянуло *ура:*
Полки увидѣли Петра.
И онъ промчался предъ полками,
Могущъ и радостенъ какъ бой.
Онъ поле пожиралъ очами.
За нимъ во слѣдъ неслись толпой
Сіи птенцы гнѣзда Петрова —
Въ премѣнахъ жребія земнаго,
Въ трудахъ державства и войны
Его товарищи, сыны:
И Шереметевъ благородный,
И Брюсъ, и Боуръ, и Рѣпнинъ,
И, счастья баловень безродный,
Полудержавный властелинъ.

И передъ синими рядами
Своихъ воинственныхъ дружинъ,
Несомый вѣрными слугами,
Въ качалкѣ, блѣденъ, недвижимъ,
Страдая раной, Карлъ явился.
Вожди героя шли за нимъ.
Онъ въ думу тихо погрузился.
Смущенный взоръ изобразилъ
Необычайное волненье.
Казалось, Карла приводилъ
Желанный бой въ недоумѣнье....
Вдругъ слабымъ манісмъ руки
На Русскихъ двинулъ онъ полки.

И съ ними царскія дружины
Сошлись въ дыму среди равнины:
И грянулъ бой, Полтавскій бой!
Въ огнѣ, подъ градомъ раскаленнымъ,
Стѣной живою отраженнымъ,
Надъ падшимъ строемъ свѣжій строй
Штыки смыкаетъ. Тяжкой тучей
Отряды конницы летучей,
Браздами, саблями звуча,
Спшбаясь, рубятся сплеча.
Бросая груды тѣлъ на груду,
Шары чугунные повсюду
Межъ ними прыгаютъ, разятъ,
Прахъ роютъ и въ крови шипятъ.
Шведъ,Русскій—колетъ,рубитъ,рѣжетъ
Бой барабанный, клики, скрежетъ,
Громъ пушекъ, топотъ, ржанье, стонъ,
И смерть и адъ со всѣхъ сторонъ.

Среди тревоги и волненья,
На битву взоромъ вдохновенья
Вожди спокойные глядятъ,
Движенья ратныя слѣдятъ,
Предвидятъ гибель и побѣду,
И въ тишинѣ ведутъ бесѣду.
Но близь Московскаго Царя
Кто воинъ сей подъ сѣдинами?
Двумя поддержанъ козаками,
Сердечной ревностью горя,
Онъ окомъ опытнымъ героя
Взираетъ на волненья боя.
Ужъ на коня не вскочитъ онъ,
Одряхъ, въ изгнаньѣ сиротѣя,
И козаки на кличъ Палѣя
Не налетятъ со всѣхъ сторонъ!

Но что-жъ его сверкнули очи,
И гнѣвомъ, будто мглою ночи,
Покрылось старое чело?
Что возмутить его могло
Иль онъ сквозь бранный дымъ увид
Врага Мазепу, и въ сей мигъ
Свои лѣта возненавидѣлъ
Обезоруженный старикъ?
Мазепа, въ думу погруженный,
Взиралъ на битву, окруженный
Толпой мятежныхъ козаковъ,
Родныхъ, старшинъ и сердюковъ.
Вдругъ выстрѣлъ. Старецъ обратил
У Войнаровскаго въ рукахъ
Мушкетный стволъ еще дымился.
Сраженный въ нѣсколькихъ шагахъ,
Младой козакъ въ крови валялся,
А конь, весь въ пѣнѣ и пыли,
Почуя волю, дико мчался,
Скрываясь въ огненной дали.
Козакъ на гетмана стремился
Сквозь битву съ саблею въ рукахъ,
Съ безумной яростью въ очахъ.
Старикъ, подъѣхавъ, обратился
Къ нему съ вопросомъ. Но козакъ
Ужъ умиралъ. Потухшій зракъ
Еще грозилъ врагу Россіи;
Былъ мраченъ помертвѣлый ликъ,
И имя нѣжное Маріи
Чуть лепеталъ еще языкъ.
Но близокъ, близокъ мигъ побѣды.
Ура! мы ломимъ: гнутся Шведы..
О славный часъ! о славный видъ!
Еще напоръ—и врагъ бѣжитъ;
И слѣдомъ конница пустилась,
Убійствомъ тупятся мечи,
И падшими вся степь покрылась,
Какъ роемъ черной саранчи.

Пируетъ Петръ. И гордъ, и ясенъ,
И славы полонъ взоръ его,
И царскій пиръ его прекрасенъ.
При кликахъ войска своего,
Въ шатрѣ своемъ онъ угощаетъ
Своихъ вождей, вождей чужихъ,
И славныхъ плѣнниковъ ласкаетъ,
И за учителей своихъ
Заздравный кубокъ поднимаетъ.

-же первый, званый гость?
рвый, грозный нашъ учитель,
лговременную злость
ъ полтавскій побѣдитель?
жъ Мазепа? гдѣ злодѣй?
ѣжалъ Іуда въ страхѣ?
король не межъ гостей?
изѣнникъ не на плахѣ?

ъ, въ глуши степей нагихъ,
и гетманъ мчатся оба.
. Судьба связала ихъ.
сть близкая и злоба
ъ силу королю.
ну тяжкую свою
. Поникнувъ головою,
четъ, Русскими гонимъ,
и вѣрные голпою
огутъ слѣдовать за нимъ.

А. Пушкинъ.
(*Полтава*).

---

16. ЧЕРНЕЦЪ.

а) чернецъ.

онъ, гдѣ Днѣпръ широкой
ыхъ брегахъ кипитъ, шумитъ,
на горѣ высокой
, иноковъ стоитъ;
ь нея стѣна съ зубцами,
башни по угламъ,
единѣ Божій храмъ
лоченными главами;
лій, темный переходъ,
у святыхъ воротъ
творящею иконой,
ь ключъ воды студеной
ь цѣлительной струей
нью липы вѣковой.
ній мракъ въ туманномъ полѣ;
ъ гаснетъ въ небесахъ;
ино пѣсенъ на лугахъ;
нахъ стадъ не видно болѣ;
въ лѣсу не затрубитъ,
е пройдетъ, — лишь порою
Чуть колокольчикъ прозвенитъ
Вдали дорогой столбовою;
И на Днѣпрѣ у рыбаковъ
Ужъ нѣтъ на лодкахъ огоньковъ;
Взошелъ и мѣсяцъ полуночный,
И звѣзды яркія горятъ;
Поляны, рощи, воды спятъ;
Пробилъ на башнѣ часъ урочный;
Обитель въ сонъ погружена;
Повсюду миръ и тишина.
Въ далекой кельѣ лучъ лампадный
Едва блеститъ; и въ кельѣ той
Кончаетъ вѣкъ свой безотрадный
Чернецъ, страдалецъ молодой.
Утраты, страсти и печали
Свой знакъ ужасный начертали
На пасмурномъ его челѣ;
Гроза въ сердечной глубинѣ,
Судьба его покрыта тьмою:
Откуда онъ, и кто такой?
Не знаютъ. Но въ враждѣ съ собой,
Онъ мучимъ тайной роковою.
Разъ ночью, въ бурю онъ пришелъ;
Съ тѣхъ поръ въ обители остался,
Жизнь иноковъ печально велъ,
Дичился всѣхъ, отъ всѣхъ скрывался;
Его видъ чудный всѣхъ страшилъ;
Чернецъ ни съ кѣмъ не говорилъ:
Но въ глубинѣ души унылой
Ужасное замѣтно было,
Въ торжественный молитвы часъ
И онъ пѣвалъ хвалебный гласъ ..
Но часто вопли тяжкой муки
Святые прерывали звуки!
Бывало, онъ, во тьмѣ ночей,
Покоя въ кельѣ не находитъ,
И въ длинной мантіи своей
Между могилъ, какъ призракъ, бродитъ;
Теперь недвижимъ, ждетъ конца:
Недугъ терзаетъ чернеца.

б) смерть чернеца.

Два дни, двѣ ночи онъ томился,
И горько плакалъ, и молился;
На третью ночь отецъ святой
Обитель мирную сзываетъ;
Послѣдній часъ уже летаетъ

Надъ юной, грѣшною главой.
И въ келью брата со свѣчами
Соборомъ иноки вошли,
И бѣлый саванъ принесли....
И гробъ досчатый за дверями.
Печаленъ былъ ихъ томный гласъ,
За упокой души молящихъ;
Печаленъ видъ ихъ черныхъ рясъ,
При тускломъ блескѣ свѣчъ горящихъ
Прочитана святымъ отцемъ
Отходная надъ чернецомъ.
Когда-жъ минута роковая
Пресѣкла горестный удѣлъ,
Онъ тлѣнный прахъ благословляя,
Ударить въ колоколъ велѣлъ....
И звонъ трикратно раздается
Надъ полуночною волной,
И объ усопшемъ вѣсть несется
Далеко зыбкою рѣкой.
Въ пещеру вѣщій звонъ домчался,
Гдѣ схимникъ праведный спасался:
«Покойникъ!» старецъ прошепталъ,
Открылъ налой и четки взялъ.
У рыбаковъ сонъ безмятежной
Имъ прерванъ въ хижинѣ прибрежной.
Грудной младенецъ сталъ кричать;
Его крестить съ просонья мать,
Творить молитву начинаетъ,
И тихо колыбель качаетъ,
И передъ тлѣющимъ огнемъ
Опять уснула крѣпкимъ сномъ.
И чрезъ поле той порою
Шелъ путникъ съ милою женою;
Они свой ужасъ въ темну ночь
Веселой пѣснью гнали прочь:
Они, лишь звоны раздалися,
Перекрестились, обнялися,
Пошли грустнѣй рука съ рукой....
И звукъ утихъ во тьмѣ ночной.

И. Козловъ.

(*Стихотв. И. Козлова*).

---

17. НАТАЛЬЯ ДОЛГОРУКА

НАТАЛЬЯ ДОЛГОРУКАЯ И СВЯЩЕННИКЪ.

Большой владимірской дорогой,
Въ одеждѣ сельской и убогой,
Съ грудным младенцем на рукахъ
Шла тихо путница младая;
Въ усталомъ взорѣ тайный страхъ.
«Какъ быть? Москва въ семи верстах
Дорога межъ холмовъ лѣсная;
А въ полѣ дымномъ тѣнь ночная
Ужъ скоро ляжетъ; и луна
Лишь въ полночь на небѣ видна.»
Она идетъ, и сердце бьется;
Поляна съ рощей передъ ней,
И вотъ въ село тропинка вьется:
Она туда дойдетъ скорѣй;
Ночлегъ радушный тамъ найдется.
Уже, пылая между тучъ,
Зари багровой гаснетъ лучъ;
Уже предъ ночью, къ бурѣ склонной,
Поднялся вѣтеръ, боръ шумитъ;
Ея младенецъ полусонной
Озябъ, и плачетъ, и дрожитъ.
Она спѣшитъ въ пріютъ укромной,
Подходитъ скоро къ рощѣ темной,
Но, чѣмъ-то вдругъ поражена,
Стоитъ уныла и блѣдна.
Въ ея очахъ недоумѣнье,
Ей будто страшно то селенье;
Нейдетъ въ него, нейдетъ назадъ,
Кругомъ обводитъ робкій взглядъ.
«О, если тамъ!.... А мнѣ таиться
«Велитъ судьба.... быть можетъ.... нѣтъ
«Кому узнать!.... и сколько лѣтъ!
«Забыто все; но вечеръ тихтся,
«Пора!» И къ рощѣ съ быстротой
Приблизилась, остановилась,
Подумала, перекрестилась,
Потомъ пошла, махнувъ рукой,
И скрылася въ тѣни густой.
За рощей темною въ долинѣ,
При зеркальной пруда равнинѣ,
Вельможи знатнаго село
Красой привѣтною цвѣло;

ь липъ въ тѣни зеленой
барскія стоятъ;
ь древности хранятъ;
, подъ графскою короной,
асный въ полѣ золотомъ
мъ окруженъ вѣнкомъ
и блестящими крестами,
гѣ свѣтломъ мечъ съ копьемъ,
Ѣсяцъ вверхъ рогами;
и воды, и мосты,
ушистые кусты,
ньи долгомъ сиротѣли.
, честь страны родной,
жить въ землѣ сырой;
мы опустѣли,
дворъ заросъ травой.
, съ родимою Москвою,
щѣ пышной надъ Невою
наслѣдникъ молодой;
одни воспоминанья
ь сельской тишины
натнаго преданья....
ый отзывъ старины.

и сельской за оградой,
онъ домикѣ своемъ,
г семьи, предъ тихимъ сномъ,
чернею прохладой,
икъ у окна сидѣлъ;
умѣ набожной смотрѣлъ,
закатѣ догорая,
й блескъ сиѣнялся тьмой:
ю жизнь его святая
сь къ сѣни гробовой.
крашенъ сѣдинами,
й житель на землѣ,
петева въ селѣ,
щемъ, словомъ и дѣлами
и ближнему служилъ;
вый съ дѣтской простотою
ѣтелъ праведной душою;
й графъ его любилъ,
владѣльца незабвенной
тъ душѣ его смиренной;
ца графъ не умиралъ.
го, часто поминалъ
тство, знатность рода,
ь со Шведомъ воевалъ,

И, послѣ шумнаго похода,
Въ тиши села у нихъ живалъ.

Но, полонъ важности старинной,
Святаго старца кротокъ видъ;
На немъ подрясникъ объяринной,
И катауръ широкій шитъ
Узорно яркими шелками,
И на груди его виситъ
Изъ кипариса крестъ съ мощами,
Хранитель вѣрный съ давнихъ поръ;
Одинъ монахъ, съ Аѳонскихъ горъ,
Тотъ крестъ принесъ. Его обитель
Была убога и скромна
И, какъ ея радушный житель,
Какой-то святости полна:
Въ углу, въ серебряномъ окладѣ
Икона Спасова блеститъ,
И передъ ней огонь горитъ
Въ хрустальной на цѣпяхъ лампадѣ;
На полкѣ рядъ церковныхъ книгъ,
Бумага, перья подлѣ нихъ;
У зеркала часы стѣнные,
Портретъ, задернутый тафтой,
Двѣ канарейки выписныя,
И полотенцо съ бахрамой
Виситъ на вербѣ восковой.

Уже готовъ идти молиться,
Да снидетъ тихъ грядущій сонъ,
Бесѣды Златоуста онъ
Хотѣлъ закрыть; но вдругъ стучится
Легонько кто-то у воротъ,
И кто-то на крыльцо идетъ;
И дверь шатнулась: у порога
Съ младенцемъ путница стоитъ,
И голосъ жалобный дрожитъ,
Прося ночлега ради Бога.
«Войди подъ мой убогій кровъ
«(Сказалъ онъ ей): «пора ночная,
«Кругомъ все лѣсъ, ночлегъ готовъ,
«И есть у насъ хлѣбъ-соль простая;
«Переночуй, ты съ новымъ днемъ
«Пойдешь опять своимъ путемъ.»
И старецъ мать благословляетъ,
Младенца соннаго креститъ,
И къ огоньку ее сажаетъ,
И съ ней привѣтно говоритъ;

Но — и блѣдна, и боязлива —
Она сидѣла молчалива;
На рѣчь привѣтную его
Полусловами отвѣчала,
И лишь младенца своего
Со вздохомъ къ сердцу прижимала;
Украдкою бросая взглядъ
На барскій домъ, на темный садъ,
Какъ будто узнавала что-то,
Какъ-бы искала тамъ кого-то;
И вдругъ, то пламень на щекахъ,
То слезы крупныя въ очахъ.
Души встревоженной волненье,
Порывы томные страстей,
Ея печаль, ея смятенье
Замѣтилъ онъ: и старца въ ней
Дивило все. «Не та осанка,
«Не тѣ ухватки въ деревняхъ;
«Видна не грубая крестьянка
«Въ ея застѣнчивыхъ рѣчахъ;
«Въ ней горесть тихая пріятна,
«И хоть бѣдна, но какъ опрятна
«Одежда путницы простой!
«На пальцѣ перстень золотой....
«Куда-жъ теперь не въ часъ урочный
«Одна дорогою большой?....
«Ахъ, нѣтъ, какъ ангелъ непорочный
«Она глядитъ, и за нее
«Порукой сердце мнѣ мое!»

И чувствамъ тяжкимъ и мятежнымъ
Онъ мнилъ преграду положить,
И съ горемъ, въ жизни неизбѣжнымъ,
Ее невольно помирить!
Онъ, какъ родной, ее ласкаетъ,
И веселитъ, и начинаетъ
Разсказъ любимый старины;
Но сердце, полное волненій,
Чуждалось новыхъ впечатлѣній,
И думы, грустью стѣснены,
Далеко мрачныя летали
И межъ сомнѣній замирали.
Священникъ рѣчь свою прервалъ,
И вдругъ, съ душой отца во взорѣ,
Вздохнувши самъ, онъ ей сказалъ:
«Что такъ задумалась? Ты въ горѣ?»

Путница.

Мой отецъ?....

Священникъ.

Твоя тос
Повѣрь, къ душѣ моей близка;
Въ томъ нужды нѣтъ, что я не зн
Кто ты; мой долгъ того любить,
Кто въ горѣ.

Путница.

Ахъ, мнѣ тяжко жи
Я день безъ радости встрѣчаю,
Я плачу ночь.

Священникъ.

Лукавый свѣтъ
Обманчивъ, другъ!

Путница.

И сколько бѣдъ
Уже сбылось, и сколькихъ снова
Должна я ждать, и какъ сурова...

Священникъ.

Такъ Богъ велѣлъ; предъ нимъ сми
Прими съ любовью крестъ тяжелы
Терпи, надѣйся и молись;
Онъ Самъ носилъ вѣнецъ терновы
Не унывай, не смѣй роптать,
Терпи — въ страданьи благодать

Путница.

Отецъ ты мой! Въ ужасной долѣ
Кто ропотъ слышалъ отъ меня?
Теперь дрожу не за себя,
И слезы льются по неволѣ.

Священникъ.

Не бойся воли дать слезамъ;
Но только, слезы проливая,
Стреми взоръ грустный къ небесам
Кто плачетъ здѣсь, утѣшенъ тамъ
Сказалъ Господь.

Путница.

О, рѣчь святая!
Отрадна ты.

Священникъ.

И гдѣ-же тотъ,
Кто жизнь безъ горя проживетъ!
Твои, мой другъ, младые годы
Не разцвѣли отъ непогоды;

ікъ видно, рождена
безвѣстной; ты бѣдна:
ьба не баловала,
ой участи она
ебя не пріучала.
ибельный ударъ
знатныхъ разрушаетъ....
ь графѣ кто не знаетъ?
ь боярин межъ бояръ,
правою рукою,
— русскою душою
и царя любилъ;
венъ, въ золотѣ ходилъ:
? Дочь его родная
ь радости земной,
ь въ бурѣ роковой,
иетъ травка полевая....
дивна-ль судьба твоя?
не ты.

Путница.

Не я!

Священникъ.

ь насъ она ужъ скрылась,
иветъ въ душѣ моей.
ку тебѣ о ней:
и мнѣ она родилась,
ихъ ее носилъ,
ь грамотѣ училъ,
уда, мой другъ, ни взглянешь,
ей, вездѣ помянешь.
ь, въ тѣни густыхъ березъ,
ь кустъ махровыхъ розъ:
его садила;
утъ.... ее одну
къ рано сокрушила;
свою весну
далеко погубила.
вижу, есть у насъ
въ сердцѣ вѣщій гласъ:
вы убѣгая,
роскошнаго села,
умчива росла,
го горя ожидая,
будущей судьбѣ.
и выразить тебѣ
усердія святаго
Сыскать, утѣшить нищету?
Въ слезахъ-ли видитъ сироту:
Родная бѣдствія чужаго,
Она отдать готова ей
Свои сережки изъ ушей,
И, сверхъ подарка дорогаго,
Бывало, плачетъ вмѣстѣ съ ней.
Съ невинной, нѣжною тоскою
Въ ея плѣнительныхъ чертахъ
Сливался непонятный страхъ,
И что-то схожее съ тобою
Въ ней было: такъ, лице твое
Напоминаетъ мнѣ ее;
Рѣсницы, какъ у ней, густыя,
И очи темно-голубыя,
И цвѣтъ каштановыхъ волосъ;
Она была тебя стройнѣе
И воска яраго бѣлѣе;
Не диво: солнце и морозъ
Ея въ поляхъ не заставали,
Полоть и жать не посылали,
И одѣвалъ красивый станъ
Не твой кумачный сарафанъ.

И. Козловъ.

(*Тоже сочиненіе.*)

---

18. МЦЫРИ.

РАЗСКАЗЪ МЦЫРИ.

«Ты хочешь знать, что видѣлъ я
На волѣ? — Пышныя поля,
Холмы, покрытые вѣнцомъ
Деревъ разросшихся кругомъ,
Щумящихъ свѣжею толпой,
Какъ братья въ пляскѣ круговой.
Я видѣлъ груды темныхъ скалъ,
Когда потокъ ихъ раздѣлялъ,
И думы ихъ я угадалъ:
Мнѣ было свыше то дано!
Простерты въ воздухѣ давно
Объятья каменныя ихъ,
И жаждутъ встрѣчи каждый мигъ;
Но дни бѣгутъ, бѣгутъ года,
Имъ не сойтиться никогда!
Я видѣлъ горные хребты,
Причудливые, какъ мечты,

Когда въ часъ утренней зари
Курилися, какъ алтари,
Ихъ выси въ небѣ голубомъ,
И облачко за облачкомъ,
Покинувъ тайный свой ночлегъ,
Къ востоку направляло бѣгъ —
Какъ-будто бѣлый караванъ
Залетныхъ птицъ изъ дальнихъ странъ!
Вдали я видѣлъ сквозь туманъ,
Въ снѣгахъ, горящихъ какъ алмазъ,
Сѣдой, незыблемый Кавказъ:
И было сердцу моему
Легко, не знаю почему.
Мнѣ тайный голосъ говорилъ, —
Что нѣкогда и я тамъ жилъ,
И стало въ памяти моей
Прошедшее яснѣй, яснѣй....

«И вспомнилъ я отцовскій домъ,
Ущелье наше и кругомъ
Въ тѣни разсыпанный аулъ;
Мнѣ слышался вечерній гулъ
Домой бѣгущихъ табуновъ
И дальній лай знакомыхъ псовъ.
Я помнилъ смуглыхъ стариковъ,
При свѣтѣ лунныхъ вечеровъ
Противъ отцовскаго крыльца
Сидѣвшихъ съ важностью лица,
И блескъ оправленныхъ ноженъ
Кинжаловъ длинныхъ.... и какъ сонъ
Все это смутной чередой
Вдругъ пробѣгало предъ мной.
А мой отецъ! Онъ какъ живой
Въ своей одеждѣ боевой
Являлся мнѣ, и помнилъ я:
Кольчуги звонъ, и блескъ ружья,
И гордый непреклонный взоръ,
И молодыхъ моихъ сестеръ...
Лучи ихъ сладостныхъ очей
И звукъ ихъ пѣсенъ и рѣчей
Надъ колыбелію моей....
Въ ущельи тамъ бѣжалъ потокъ,
Онъ шуменъ былъ, но не глубокъ;
Къ нему, на золотой песокъ,
Играть я въ полдень уходилъ,
И взоромъ ласточекъ слѣдилъ,
Когда онѣ передъ дождемъ
Волны касалися крыломъ;
И вспомнилъ я нашъ мирный домъ
И предъ вечернимъ очагомъ
Разсказы долгіе о томъ,
Какъ жили люди прежнихъ дней,
Когда былъ міръ еще пышнѣй.

«Ты хочешь знать, что дѣлалъ я
На волѣ? Жилъ — и жизнь моя
Безъ этихъ трехъ блаженныхъ дней
Была-бъ печальнѣй и мрачнѣй
Безсильной старости твоей.
Давнымъ-давно задумалъ я
Взглянуть на дальнія поля,
Узнать, прекрасна-ли земля, —
И въ часъ ночной, ужасный часъ,
Когда гроза пугала васъ,
Когда, столпясь при алтарѣ,
Вы ницъ лежали на землѣ,
Я убѣжалъ. О! я, какъ братъ,
Обняться съ бурей былъ-бы радъ!
Глазами тучи я слѣдилъ,
Рукою молнію ловилъ....
Скажи мнѣ, что средь этихъ стѣнъ
Могли-бы дать вы мнѣ взамѣнъ
Той дружбы краткой, но живой,
Межъ бурнымъ сердцемъ и грозой!

«Бѣжалъ я долго — гдѣ, куда,
Не знаю! ни одна звѣзда
Не озаряла трудный путь.
Мнѣ было весело вдохнуть
Въ мою измученную грудь
Ночную свѣжесть тѣхъ лѣсовъ,
И только. Много я часовъ
Бѣжалъ, и наконецъ, уставъ,
Прилегъ между высокихъ травъ;
Прислушался: погони нѣтъ.
Гроза утихла. Блѣдный свѣтъ
Тянулся длинной полосой
Межъ темнымъ небомъ и землей,
И различалъ я, какъ узоръ
На ней зубцы далекихъ горъ:
Недвижимъ, молча я лежалъ.
Порой въ ущеліи шакалъ
Кричалъ и плакалъ какъ дитя,
И гладкой чешуей блестя
Змѣя скользила межъ камней;
Но страхъ не сжалъ души моей:
Я самъ, какъ звѣрь, былъ чуждъ лю
И ползъ и прятался какъ змѣй.

у глубоко надо мной
усиленной грозой,
, и шумъ его глухой
хъ сотнѣ голосовъ
ся. Хотя безъ словъ,
генъ былъ тотъ разговоръ,
ный ропотъ, вѣчный споръ
мой грудою камней.
гъ стихалъ онъ, то сильнѣй
давался въ тишинѣ;
въ туманной вышинѣ
птички, и востокъ
лся; вѣтерокъ
певельнулъ листы;
сонные цвѣты,
они, на встрѣчу дню
лъ голову мою....
рѣлся; не таю:
ло страшно; на краю
ей бездны я лежалъ,
ъ, крутясь, сердитый валъ;
ли ступени скалъ;
ь злой духъ по нимъ шагалъ,
низверженный съ небесъ,
емной пропасти исчезъ.

омъ меня цвѣлъ божій садъ;
радужный нарядъ
ь слѣды небесныхъ слезъ,
виноградныхъ лозъ
красуясь межъ деревъ
ной зеленью листовъ;
ы полные на нихъ,
подобье дорогихъ;
пышно, и порой
ь птицъ леталъ пугливый рой.
я къ землѣ припалъ,
вслушиваться сталъ
небнымъ страннымъ голосамъ;
пталисъ по кустамъ,
дто рѣчь свою вели
ихъ неба и земли;
природы голоса
ись тутъ; не раздался
кественный хваленья часъ
еловѣка гордый гласъ.
о я чувствовалъ тогда,
ы, — нимъ ужъ нѣтъ слѣда;
ъ желалъ ихъ разсказать,
кить, хоть мысленно, онять.

Въ то утро былъ небесный сводъ
Такъ чистъ, что ангела полетъ
Прилежный взоръ слѣдить-бы могъ;
Онъ такъ прозрачно былъ глубокъ,
Такъ полонъ ровной синевой!
Я въ немъ глазами и душой
Тонулъ, пока полдневный зной
Мои мечты не разогналъ,
И жаждой я томиться сталъ.

«Напрасно въ бѣшенствѣ, порой,
Я рвалъ отчаянной рукой
Терновникъ, спутанный плющомъ:
Все лѣсъ былъ, вѣчный лѣсъ кругомъ,
Страшнѣй и гуще каждый часъ,
И милліономъ черныхъ глазъ
Смотрѣла ночи темнота
Сквозь вѣтви каждаго куста....
Моя кружилась голова;
Я сталъ влѣзать на дерева;
Но даже на краю небесъ
Все тотъ-же былъ зубчатый лѣсъ.
Тогда на землю я упалъ
И въ изступленіи рыдалъ,
И грызъ сырую грудь земли,
И слезы, слезы потекли
Въ нее горячею росой....
Но, вѣрь мнѣ, помощи людской
Я не желалъ.... я былъ чужой
Для нихъ на-вѣкъ, какъ звѣрь степной,
И если-бъ хоть минутный крикъ
Мнѣ измѣнилъ — клянусь, старикъ,
Я-бъ вырвалъ слабый мой языкъ.

«Ты помнишь дѣтскіе года:
Слезы не зналъ я никогда;
Но тутъ я плакалъ безъ стыда.
Кто видѣть могъ? Лишь темный лѣсъ,
Да мѣсяцъ, плывшій средь небесъ!
Озарена его лучемъ,
Покрыта мохомъ и пескомъ,
Непроницаемой стѣной
Окружена передо мной
Была поляна. Вдругъ по ней
Мелькнула тѣнь, и двухъ огней
Промчались искры... и потомъ
Какой-то звѣрь однимъ прыжкомъ
Изъ чащи выскочилъ и легъ

Играя, навзничь на песокъ.
То былъ пустыни вѣчный гость —
Могучій барсъ. Сырую кость
Онъ грызъ и весело визжалъ;
То взоръ кровавый устремлялъ,
Мотая ласково хвостомъ,
На полный мѣсяцъ, — и на немъ
Шерсть отливалась серебромъ.
Я ждалъ, схвативъ рогатый сукъ,
Минуту битвы; сердце вдругъ
Зажглося жаждою борьбы
И крови.. да, рука судьбы
Меня вела инымъ путемъ...
Но нынче я увѣренъ въ томъ,
Что быть-бы могъ въ краю отцовъ
Не изъ послѣднихъ удальцовъ.

«Я ждалъ. И вотъ въ тѣни ночной
Врага почуялъ онъ, и вой
Протяжный, жалобный какъ стонъ,
Раздался вдругъ.... и началъ онъ
Сердито лапой рыть песокъ,
Всталъ на дыбы, потомъ прилегъ,
И первый бѣшеный скачокъ
Мнѣ страшной смертію грозилъ...
Но я его предупредилъ.
Ударъ мой вѣренъ былъ и скоръ.
Надежный сукъ мой, какъ топоръ,
Широкій лобъ его разсѣкъ....
Онъ застоналъ, какъ человѣкъ,
И опрокинулся. Но вновь, —
Хотя лила изъ раны кровь
Густой, широкою волной, —
Бой закипѣлъ, смертельный бой;
Ко мнѣ онъ кинулся на грудь;
Но въ горло я успѣлъ воткнуть
И тамъ два раза повернуть
Мое оружье.... Онъ завылъ,
Рванулся изъ послѣднихъ силъ,
И мы, сплетясь какъ пара змѣй,
Обнявшись крѣпче двухъ друзей,
Упали разомъ, и во мглѣ
Бой продолжали на землѣ.
И я былъ страшенъ въ этотъ мигъ;
Какъ барсъ пустынный, золъ и дикъ
Я пламенѣлъ, визжалъ, какъ онъ;
Какъ будто самъ я былъ рожденъ
Въ семействѣ барсовъ и волковъ,
Подъ свѣжимъ пологомъ лѣсовъ.
Казалось, что слова людей
Забылъ я — и въ груди моей
Родился тотъ ужасный крикъ,
Какъ будто съ дѣтства мой языкъ
Къ иному звуку не привыкъ....
Но врагъ мой сталъ изнемогать,
Метаться, медленнѣй дышать,
Сдавивъ меня въ послѣдній разъ....
Зрачки его недвижныхъ глазъ
Блеснули грозно — и потомъ
Закрылись тихо вѣчнымъ сномъ;
Но съ торжествующимъ врагомъ
Онъ встрѣтилъ смерть лицемъ къ лицу
Какъ въ битвѣ слѣдуетъ бойцу!

Лермонтовъ.

(*Стихотворенія Лермонтова*).

IV. СОВРЕМЕННАЯ ЭПОПЕЯ.

. ЕВГЕНІЙ ОНѢГИНЪ.

А) ДЕРЕВНЯ ОНѢГИНА.

звня, гдѣ скучалъ Евгеній,
релестный уголокъ;
ругъ невинныхъ наслажденій
ловить-бы небо могъ.
ский домъ, уединенный,
отъ вѣтровъ огражденный,
надъ рѣчкою; вдали
нимъ пестрѣли и цвѣли
нивы золотыя,
ли села здѣсь и тамъ,
бродили по лугамъ,
расширялъ густыя
ый запущенный садъ,
задумчивыхъ Дріадъ.
енный замокъ былъ построенъ,
мки строиться должны:
о проченъ и спокоевъ,
ѣ умной старины.
ысокіе покои,
инной штофные обои,
ты дѣдовъ на стѣнахъ,
въ пестрыхъ изразцахъ.
нынѣ обветшало,
о право почему:
чемъ другу моему
нужды было очень мало,
что онъ равно зѣвалъ
одныхъ и старинныхъ залъ.
ъ томъ покоѣ поселился,
евенскій старожилъ
рокъ съ ключницей бранился,
смотрѣлъ и мухъ давилъ.
о просто: полъ дубовый,
и пятнышка чернилъ.
шкафы отворилъ:
мъ нашелъ тетрадь расхода,
омъ наливокъ цѣлый строй,
ы съ яблочной водой,
дарь осьмаго года:

Старикъ, имѣя много дѣлъ,
Въ иныя книги не глядѣлъ.

Б) ГАДАНЬЕ НА СВЯТКАХЪ.

Настали святки. То-то радость!
Гадаетъ вѣтреная младость,
Которой ничего не жаль,
Передъ которой жизни даль
Лежитъ свѣтла, необозрима;
Гадаетъ старость сквозь очки
У гробовой своей доски,
Все потерявъ невозвратимо;
И все равно: надежда имъ
Лжетъ дѣтскимъ лепетомъ своимъ.
Морозна ночь; все небо ясно;
Свѣтилъ небесныхъ дивный хоръ
Течетъ такъ тихо, такъ согласно....
Татьяна на широкій дворъ
Въ открытомъ платьицѣ выходитъ,
На мѣсяцъ зеркало наводитъ;
Но въ темномъ зеркалѣ одна
Дрожитъ печальная луна....
Чу.... снѣгъ хруститъ.... прохожій; дѣва
Къ нему на цыпочкахъ летитъ,
И голосокъ ея звучитъ
Нѣжнѣй свирѣльнаго напѣва:
Какъ ваше имя? Смотритъ онъ—
И отвѣчаетъ: Агаѳонъ.

В) СОНЪ ТАТЬЯНЫ.

И снится чудный сонъ Татьянѣ:
Ей снится, будто-бы она
Идетъ по снѣговой полянѣ,
Печальной мглой окружена;
Въ сугробахъ снѣжныхъ передъ нею
Шумитъ, клубитъ волной своею
Кипучій, темный и сѣдой
Потокъ нескованный зимой;
Двѣ жердочки, склеенны льдиной,
Дрожащій гибельный мостокъ,
Положены черезъ потокъ;

И предъ шумящею пучиной,
Недоумѣнія полна,
Остановилася она.
Какъ на досадную разлуку,
Татьяна ропщетъ на ручей;
Не видитъ никого, кто руку
Съ той стороны подастъ-бы ей;
Но вдругъ сугробъ зашевелился,
И кто-жъ изъ подъ него явился?
Большой взъерошенный медвѣдь:
Татьяна: *ахъ!* а онъ ревѣть —
И лапу съ острыми когтями
Ей протянулъ; она, скрѣпясь,
Дрожащей ручкой оперлась,
И боязливыми шагами
Перебралась черезъ ручей;
Пошла—и что-жъ? медвѣдь за ней.
Она, взглянуть назадъ не смѣя,
Поспѣшный ускоряетъ шагъ;
Но отъ косматаго лакея
Не можетъ убѣжать никакъ.
Кряхтя, валитъ медвѣдь несносный;
Предъ ними лѣсъ; недвижны сосны
Въ своей нахмуренной красѣ;
Отягчены ихъ вѣтви всѣ
Клоками снѣга; сквозь вершины
Осинъ, березъ и липъ нагихъ;
Сіяетъ лучъ свѣтилъ ночныхъ
Дороги нѣтъ; кусты, стремнины
Метелью всѣ занесены,
Глубоко въ снѣгъ погружены.
Татьяна въ лѣсъ—медвѣдь за нею;
Снѣгъ рыхлый по-колѣно ей;
То длинный сукъ ее за шею
Зацѣпитъ вдругъ; то изъ ушей
Златыя серги вырветъ силой;
То въ хрупкомъ снѣгѣ съ ножки милой
Увязнетъ мокрый башмачекъ;
То выронитъ она платокъ;
Поднять ей некогда; боится,
Медвѣдя слышитъ за собой,
И даже трепетной рукой
Одежды край поднять стыдится;
Она бѣжитъ, онъ все вослѣдъ;
И силъ уже бѣжать ей нѣтъ.
Упала въ снѣгъ; медвѣдь проворно
Ее хватаетъ и несетъ;
Она безчувственно покорна;
Не шевелится, не дохнетъ;
Онъ мчитъ ее лѣсной дорогой....

Вдругъ межъ деревъ шалашъ убог
Кругомъ все глушь; отвсюду онъ
Пустынным снѣгомъ занесенъ;
И ярко свѣтится окошко,
И въ шалашѣ и крикъ и шумъ;
Медвѣдь промолвилъ: *здѣсь мой кум*
Покрѣпся у него немножко.
И въ сѣни прямо онъ идетъ.
И на порогъ ее кладетъ.
Опомнилась, глядитъ Татьяна:
Медвѣдя нѣтъ; она въ сѣняхъ;
За дверью крикъ и звонъ стакана,
Какъ на большихъ похоронахъ;
Не видя тутъ ни капли толку,
Глядитъ она тихонько въ щелку,
И что-же? видитъ, за столомъ
Сидятъ чудовища кругомъ:
Одинъ въ рогахъ съ собачьей мордо
Другой съ пѣтушьей головой;
Здѣсь вѣдьма съ козьей бородой,
Тутъ остовъ чопорный и гордой,
Тамъ карла съ хвостикомъ, а вотъ
Полу-журавль и полу-котъ.
Еще страшнѣй, еще чуднѣе:
Вотъ ракъ верхомъ на паукѣ,
Вотъ черепъ на гусиной шеѣ
Вертится въ красномъ колпакѣ,
Вотъ мельница въ присядку пляшетъ
И крыльями трещитъ и машетъ;
Лай, хохотъ, пѣнье, свистъ и хлопъ
Людская молвь и конскій топъ!

г) МОСКВА.

Но вотъ ужъ близко. Передъ ни
Ужъ бѣлокаменной Москвы,
Какъ жаръ, крестами золотыми
Горятъ старинныя главы.
Ахъ, братцы! какъ я былъ доволенъ
Когда церквей и колоколенъ,
Садовъ, чертоговъ полукругъ
Открылся предо мною вдругъ!
Какъ часто въ горестной разлукѣ,
Въ моей блуждающей судьбѣ,
Москва, я думалъ о тебѣ!
Москва... какъ много въ этомъ звукѣ
Для сердца Русскаго слилось!
Какъ много въ немъ отозвалось!
Вотъ, окруженъ своей дубравой,
Петровскій замокъ. Мрачно онъ

нею гордится славой.
сно ждалъ Наполеонъ,
днимъ счастьемъ упоенный,
ы колѣнопреклоненной
очами стараго Кремля:
не пошла Москва моя
му съ повинной головою.
ездникъ, не пріемный даръ,
отовила пожаръ
пѣливому герою.
ѣ, въ думу погруженъ,
лъ на грозный пламень онъ.
щай, свидѣтель падшей славы,
зскій замокъ. Ну! не стой,
ъ! Уже столпы заставы
тъ; вотъ ужъ по Тверской

Возокъ несется чрезъ ухабы;
Мелькаютъ мимо будки, бабы,
Мальчишки, лавки, фонари,
Дворцы, сады, монастыри,
Бухарцы, сани, огороды,
Купцы, лачужки, мужики,
Бульвары, башни, козаки,
Аптеки, магазины моды,
Балконы, львы на воротахъ
И стан галокъ на крестахъ.

А. Пушкинъ.

(*Сочиненія А. Пушкина.*)

V. РОМАНЪ И ПОВѢСТЬ.

ЮРІЙ МИЛОСЛАВСКІЙ.

КОЗЬМА МИНИНЪ.

олубыя небеса становились часъ
у прозрачнѣе и бѣлѣе; величе-
ая Волга подернулась туманомъ;
ь запылалъ и первый лучъ вос-
аго солнца, осыпавъ искрами по-
ныя главы соборныхъ храмовъ,
гилъ наступленіе незабвеннаго
дня, въ который раздался и про-
ъ по всей землѣ русской первый
клик: «умремъ за вѣру право-
ю и святую Русь!»
ще взошло, но тишина и молча-
ствовали еще повсюду. Вдругъ
чалъ на соборной колокольнѣ
ударъ колокола, за нимъ дру-
гъ третій.... все чаще, все силь-
призывный гулъ промчался по
крестности и — все ожило въ
ъ-Новѣгородѣ.

— Ахти, никакъ пожаръ! вскричалъ Алексѣй, вскочивъ съ своей постели. Онъ подбѣжалъ къ окну, подлѣ котораго стоялъ уже его господинъ. Чтобъ это значило? продолжалъ онъ; къ заутренѣ что-ль?... Нѣтъ! это не благовѣстъ!.... Точно.... Бьютъ въ набатъ... Ну, вотъ и народъ зашевелился! Гляди-ка, бояринъ!.. всѣ бѣгутъ сюда..Экъ ихъ высыпало!.... Да этакъ скоро и на улицу не продерешься!

— Одѣвайся, Юрій Дмитричъ, сказалъ Истома-Туренинъ, войдя въ ихъ покой; пойдемъ посмотрѣть, что тамъ еще этотъ глупый народъ затѣвастъ?

Въ двѣ минуты Милославской и слуга его были уже совсѣмъ одѣты. Они съ трудомъ могли выйти за ворота дома; вся ихъ улица, ведущая на городскую площадь, кипѣла народомъ.

— Тише, дѣтушки, тише! говорилъ, запыхавшись, одинъ сѣдой старикъ, котораго двое взрослыхъ внучатъ вели подъ руки: дайте духъ перевести!

— Ну, отдохни, дѣдушка! сказалъ одинъ изъ внучатъ; да только поскорѣе, а то какъ опоздаемъ, такъ не продеремся къ Лобному мѣсту.

— И не услышимъ, что будетъ говорить Козьма Миничъ, подхватилъ другой внукъ. Ну, что, отдохнулъ-ли, родимый?

— Ухъ, батюшки.. Погодите... вовсе уморился.

— Напрасно, дѣдушка, ты не оставался дома.

— Что ты, дитятко!.. Побойся Бога! остаться дома, когда дѣло идетъ о томъ, чтобъ животъ свой положить за матушку святую Русь!... Да, если-бы и васъ у меня не было, такъ я ползкомъ-бы приполз на городскую площадь.

— Постой-ка!.. Да, вотъ и батюшка! сказалъ первый внукъ. Втроемъ-то мы тебя и на рукахъ донесемъ.

Сынъ и двое внучатъ, подхватя на руки старика, пустились почти бѣгомъ по улицѣ.

— Да что-жъ ты отстаешь, жена! сказалъ пріостановясь, небольшаго роста, но плотный посадскій, оборотясь къ толстой горожанкѣ, которая, спотыкаясь и едва дыша отъ усталости, бѣжала въ слѣдъ за ними.

—Задохнулась, Терентій Никитичъ!.. Видитъ Богъ задохнулась!

— Вотъ то-то-же! и за чѣмъ тебя нелегкая понесла! сидѣла-бы дома на печи...

— И, батюшка! да развѣ я не хочу также послушать, о чемъ вы на площади толковать будете?

— Вѣстимо о чемъ: когда идти на супостатовъ.

— И ты пойдешь, Терентій Никитичъ?

— А какъ-же! развѣ я не такой-же православный, какъ и всѣ?....

— А ребятишки-то наши! На кого ихъ покинешь?.. вѣдь малъ-мала меньше!

— Да, жаль, что маленьки! Правда, старшему двѣнадцать годк онъ отъ меня не отстанетъ.

— Какъ, батюшка?... Ты

— А чтожъ? не подыметъ такъ съ ножемъ пойдетъ. А одного супостата на тотъ св витъ; и то-бы, слава Богу!

Тутъ новая толпа, хлыну изъ поперечной улицы, увле бою посадскаго и жену его.

Какъ бурное море, шумѣл вался народъ на городской Бояре и простолюдины, имени дане и люди ратные — всѣ вокругъ Лобнаго мѣста; на цахъ изображалось нетерпѣл ланіе. Вдругъ народъ зашум прежняго, раздались громкія нія: «вотъ онъ!... вотъ Козьм Глядите! вотъ онъ!» и челов нихъ лѣтъ, весьма просто о осанистый и видный собою, в Лобное мѣсто. Оборотясь къ с храмамъ, онъ трижды сотвори ное знаменіе, поклонился на ре стороны и, по мановенію утихло все вокругъ Лобнаго ло по малу молчаніе стало ра няться по всей площади; ш лялся; глухой говоръ безч народа становился все тише.. чрезъ нѣсколько минутъ лише нія могъ-бы подумать, что площадь совершенно опустѣ.

— Граждане нижегородскі такъ безсмертный Мининъ. васъ не вѣдаетъ всѣхъ бѣдс ства Русскаго? Мы всѣ видим бель и разореніе, а помощи н ни откуда не чаемъ. Доколѣ и супостатамъ напоять землю кровію нашихъ братьевъ? Дол вославнымъ стонать подъ позо момъ иновѣрцевъ? Отвѣтству дане нижегородскіе. Потерпи чтобъ царствующій градъ по воеводѣ иноплеменному? Пре на поруганіе пречистый обра мірскія Божія Матери и чист гоцѣлебныя мощи: Петра, Але

осковскихъ чудотворцевъ? ивъ рукахъ иновѣрцевъ сию Москву?.. Отвѣтствуйте, ижегородскіе!

нѣтъ! загремѣли тысячи гоемъ къ Москвѣ! Не выдаю Русь!..

ъ, во имя Божіе, къ Москгобъ не безплодно положить ы и смертію нашей искупить мы должны избрать достойу. Я былъ въ пурецкой воязя Димитрія Михайловича : едва изцѣлившійся отъглуь, сей неустрашимый военаотовъ снова обнажить мечъ Божіею грозой на супостата. ижегородскіе! Хотите-ли его ю? Любъ-ли вамъ стольникъ ый воевода, князь Димитрій чъ Пожарской!

ъ! хотимъ! Онъ любъ намъ! ъ народъ, волнуясь часъ отъ .

дане и братіи! продолжалъ ружели, умирая за вѣру хри и желая стяжать нетлѣнное ъ небесахъ, мы пожалѣемъ емнаго? Нѣтъ, православные! ванія людей ратныхъ отдаше злато и серебро, а если , продадимъ всѣ имущества, кенъ и дѣтей нашихъ.... Вотъ имею! продолжалъ онъ, бробное мѣсто большой мѣненныйсеребряной монетою; иступитъ желающій купить -съ сего часа онъ принадлеѣ, а Нижнему-Новгороду; и всѣ, вся кровь наша—зему и всей землѣ Русской!

емъ всѣ наши имущества! вѣру православную и связагремѣли безчисленные гокаемъ тебя выборнымъ отъ человѣкомъ! Храни казну ни-ю! воскликнулъ весь народъ. ту общаго восторга разверзныя двери соборнаго храма ія Господня, и печерскій архимандритъ, Ѳеодосій, въ провожаніи многочисленнаго духовенства, во всемъ облаченіи, со святыми иконами и церковными хоругвями, вышелъ на городскую площадь. Народъ разступился, весь духовный синклитъ взошелъ на Лобное мѣсто, раздался громкій благовѣстъ, іереи запѣли соборомъ: «Царю небесный! Утѣшителю, душе истинный!» и Мининъ, а въ слѣдъ за нимъ всѣ граждане преклонили колѣна. Когда-жъ, благословляя оружіе христолюбиваго войска, благочестивый архимандритъ Ѳеодосій, возведя къ небесамъ взоръ, исполненный чистѣйшей вѣры, возгласилъ молитву: «Господи Боже нашъ! Боже силъ! Сильный въ крѣпости и крѣпкій во бранѣхъ!....» народъ палъ ницъ, зарыдалъ и всѣ мольбы слились въ одну общую, единственную молитву: «Да спасетъ Господь царство Русское!» По окончаніи молебствія, Ѳеодосій, осѣнивъ животворящимъ крестомъ и окропивъ святой водою усердно молящійся народъ, произнесъ вдохновеннымъ голосомъ: «Сънами Богъ! разумѣйте, языцы, и покоряйтеся, яко съ нами Богъ! Спѣшите, избранные Господомъ, на спасеніе страждущей Россіи! Какъ огнь палящій, предъидетъ сила Господня предъ вами и посрамится врагъ нечестивый и возрадуются сердца православныхъ! Воины Христовы! Не жалѣйте благъ земныхъ; слава нетлѣнная ожидаетъ васъ на землѣ и вѣчное блаженство на небесахъ. Грядите, вѣрные сыны Россіи! Грядите, во имя Господне! На васъ благословеніе всѣхъ пастырей духовныхъ! За васъ святыя молитвы страдальца Гермогена: Кто противъ васъ, кто противъ Господа силъ?»

О! какъ недостаточенъ, какъ безсиленъ языкъ человѣческій для выраженія высокихъ чувствъ души, пробудившейся отъ своего земнаго усыпленія! Сколько жизней можно отдать за одно мгновеніе небеснаго, чистаго восторга, который наполнялъ въ сію торжественную минуту сердца всѣхъ Русскихъ! Нѣтъ, любовь къ отечеству не земное

чувство! Оно слабый, но вѣрный отголосокъ непреодолимой любви къ тому безвѣстному отечеству, о которомъ, не постигая сами тоски своей, мы скорбимъ и тоскуемъ почти со дня рожденія нашего!

Всѣ спѣшили по домамъ, чтобъ сносить свои имущества на площадь, и не прошло получа́са, какъ вокругъ Лобнаго мѣста возвышались уже горы серебряныхъ денегъ, сосудовъ и различныхъ товаровъ: простой холстъ лежалъ подлѣ куска дорогой парчи; мѣшокъ мѣдной монеты подлѣ кошелька, наполненнаго золотыми деньгами. Гражданинъ Мининъ принималъ все съ равною ласкою, благодарилъ всѣхъ именемъ Нижнаго-Новгорода и всей земли Русской, и хотя нѣсколько сотъ рабочихъ людей переносили безпрестанно сіи дары въ приготовленныя для сего кладовыя на берегу Волги, но число ихъ, казалось, ни мало не уменьшалось.

Старинный нашъ знакомецъ, Алексѣй, находился также въ толпѣ гражданъ, которые тѣснились съ приношеніемъ вокругъ Лобнаго мѣста. Обшаривъ свои карманы и не найдя въ нихъ ничего, кромѣ нѣсколькихъ монетъ, онъ снимаетъ уже съ себя серебряный крестъ, какъ вдругъ кто-то, ударивъ его по плечу, сказалъ: нѣтъ, братъ! не разставайся съ отцовскимъ благословеніемъ; я положу и за себя и за тебя.

— А, это ты, Кирша! сказалъ Алексѣй. Какъ! и ты хочешь класть?

— Да, товарищъ! вотъ въ этомъ мѣшечкѣ все, что я накопилъ; да Богъ съ нимъ! жаль только, что мало! Эге, любезный! ты все еще ревешь! Полно, братъ; что ты расхныкался, словно малый ребенокъ!

— А ты самъ развѣ не плачешь? отвѣчалъ Алексѣй.

— Кто? я! вотъ вздоръ какой! вскричалъ Запорожецъ, утирая рукавомъ свои глаза. А что ты думаешь! продолжалъ онъ: никакъ въ самомъ дѣлѣ? кой прахъ! что это, братъ Алексѣй? Мнѣ часто случалось у насъ въ Запорожской Сѣчѣ гулять и веселиться; пь вало безъ просыну цѣлую не хоть не льзя сказать, чтобъ бы весело, а пляшешь и поешь съ вечера. Теперь-же, ну, вѣрни гу! такъ сердце отъ радости ви и хочетъ, а вовсе не до пѣсе бы плакалъ.... да и всѣ такіе, ни посмотришь.... что за диво

Въ самомъ дѣлѣ, все мног собраніе народа составляло въ нуту одно благочестивое семе слышно былогромкихъвосклица ливая слезы радости и умилен въ свѣтлый день Христовъ, братскою любовію обнимали др га.... Но кто этотъ отверженны стоитъ, поодаль отъ всей толп меркшимъ взоромъ, съ отчая челѣ, блѣдный, полумертвый, к ступникъ, идущій на казнь, как ный сынъ, взирающій издалека ющихъ своихъ братьевъ?.... А Юрій Милославской! это тотъ, далъ-бы тысячу жизней за т воскликнуть вмѣстѣ съ другими: за вѣру православную и святу Не смотря на приглашеніе боя томы, который, заливаясь слез чалъ громче всѣхъ: «идемъ къ Москвѣ!» Юрій не хотѣлъ подо стѣ съ нимъ къ Лобному мѣсту видѣлъ Минина, не слышалъ сл но видѣлъ общій восторгъ нар дѣлъ радостныя слезы, у сердц бы всѣхъ Рускихъ и, какъ отс отъ вѣры отцевъ своихъ, не сл литься вмѣстѣ съ ними. Ему к что каждый гражданинъ нижего проходя мимо его, готовъ былъ «презрѣнный рабъ Владислава! хочешь отъ свободныхъ сын сіи?.... бѣги! не оскверняй сво сутствіемъ сіе священное торже ры и любви къ отечеству! ты ской, ты не сынъ Милославскаг вспомнилъ Юрій послѣднія сло рающаго своего родителя; бла ляя его охладѣвшею уже рук сказалъ: «Юрій! держись вѣр

і; не своди дружбы съ врагами
отечества и не забывай, что
авскіе всегда стояли грудью за
и святую Русь!» Такъ! вскри-
ечастный юноша, присутствіе
и семъ торжествѣ есть осквер-
вятыни; я не могу, я не долженъ
ться здѣсь долѣе!
поспѣшилъ оставить площадь; но
омъ шагу встрѣчались ему тол-
данъ, несущихъ свои имуще-
вездѣ раздавались поздравленія,
ъ лицахъ сіяла радость. Пробѣ-
сколько улицъ, онъ очутился
ъ въ одномъ отдаленномъ пред-
и, не видя никого вокругъ себя,
дохнуть на скамьѣ, подлѣ во-
большой хижины. Не прошло
нутъ, какъ нѣсколько женщинъ
столѣтній старикъ подошли къ
, на которой сидѣлъ Юрій. Ста-
лъ возлѣ него. Какъ это, госпо-
стной, сказалъ онъ, ты здѣсь,
площади?
І сей-часъ оттуда, отвѣчалъ

я на старости лѣтъ ходилъ; сла-
, кой-какъ дотащился! теперь
умеретъ хоть завтра! да и пора
, на покой!
и, я думаю, очень старъ, дѣ-
спросилъ Юрій, стараясь пере-
разговоръ.
, молодецъ! Безъ малаго годовъ
рожилъ, а на всемъ вѣку не бы-
къ радостенъ, какъ сегодня.
реніе Творцу Небесному, очну-
конецъ православные!.... Эхъ
абы Господь продлилъ дни быв-
еводы нашего, Димитрія Юрье-
лославскаго: то-то былъ-бы для
аздникъ!.... Дай Богъ ему цар-
ество! Столбовой былъ русскій
!.... ну да если не здѣсь, такъ
онъ вмѣстѣ съ нами радуется!
слышала, дѣдушка, сказала од-
женщинъ, что у него есть сынъ.
акъ-же! помнится, Юрій Дми-
ь; если онъ пошелъ по батюш-
ѣрно будетъ нашимъ гостемъ,
и въ Москвѣ съ Поляками не останется.
Нѣтъ, дѣтушки! *Милославскіе всегда стояли грудью за правду и за святую Русь!*

— Ахти! вскричала одна изъ жен-
щинъ; что это съ молодцомъ сдѣлалось?
никакъ онъ полоумный?.... смотри-ка,
дѣдушка, какъ онъ пустился отъ насъ
бѣжать! прямехонько къ Волгѣ.... ахъ,
Господи Боже мой! долго-ли до грѣха!
какъ съ дуру-то нырнетъ въ воду, такъ
и поминай какъ звали!

Какъ громомъ пораженный послѣд-
ними словами старика, Юрій, не видя
ничего передъ собою, не зная самъ, что
дѣлаетъ, пустился бѣжать по узкой ули-
цѣ, ведущей къ Волгѣ; въ ушахъ его
раздавались слова умирающаго отца;
ему казалось, что его преслѣдуютъ, что
кто-то называетъ его по имени, что
множество голосовъ повторяютъ: «вотъ
онъ! вотъ Милославской!» Вся кровь
застыла въ его жилахъ. Вдругъ ему по-
слышалось, что въ-слѣдъ за нимъ про-
гремѣлъ ужасный голосъ: «да взыдетъ
вѣчная клятва на главу измѣнника!«
Волосы его стали дыбомъ: смертный
холодъ пробѣжалъ по всѣмъ членамъ,
въ глазахъ потемнѣло, и онъ упалъ
безъ чувствъ въ двухъ шагахъ отъ
Волги, на краю утесистаго берега, за-
строеннаго обширными сараями.

Юрій, при помощи Алексѣя, приподнялся на ноги и только что хотѣлъ идти, какъ вдругъ позади его кто-то сказалъ: здравствуй, бояринъ! Милости просимъ! добро пожаловать къ намъ въ Нижній-Новгородъ!

Милославской невольно вздрогнулъ, бросивъ быстрый взглядъ на того, кто его привѣтствовалъ, узналъ въ немъ тотчасъ таинственнаго незнакомца, съ которымъ ночевалъ на постояломъ дворѣ.

— Ну вотъ, не отгадалъ-ли я? продолжалъ незнакомецъ: Богъ привелъ намъ опять увидѣться.

Такъ это ты! вскричалъ Алексѣй. Я

было и на площади призналъ тебя, да боялся вклепаться. Ну, Козма Миничъ, дай Богъ тебѣ здоровья! Красно ты говоришь.

— Какъ? сказалъ Юрій, ты тотъ знаменитый гражданинъ....

— И, бояринъ! я просто гражданинъ нижегородскій и ничѣмъ другихъ не лучше. Развѣ ты не видѣлъ, какъ всѣ граждане, наперерывъ другъ передъ другомъ, отдавали свои имущества? На мнѣ хоть это платье осталось, а другой послѣднюю одежонку притащилъ на площадь: такъ мнѣ-ли хвастаться, бояринъ?

— Но развѣ не ты первый....

— Ну да.... я первый заговорилъ— такъ чтожъ?.... велико дѣло!.... нельзяжъ всѣмъ разомъ говорить; не я такъ заговорилъ-бы другой, не другой, такъ третій.... а скажи-ка, бояринъ, ужъ не хочешь-ли и ты пристать къ намъ? ты цѣловалъ крестъ королевичу Владиславу; а душа-то въ тебѣ все-таки русская.

—Къ несчастію, ты говоришь правду! сказалъ со вздохомъ Юрій.

— А почему-жъ къ несчастію? Скажи мнѣ, легко-ль тебѣ было присягать польскому королевичу?

— Ахъ!.... видитъ Богъ, нѣтъ!

— А для чего-жъ ты это сдѣлалъ?

— Для того, что былъ увѣренъ, и теперь еще.... да, и теперь еще надѣюсь, что сей жертвой мы спасемъ отъ гибели наше отечество!

— Вотъ видишь-ли: все-таки у тебя отечество на умѣ. Послушай, я скажу тебѣ побасенку, бояринъ. Одинъ мужичекъ, переплывая черезъ рѣку, сталъ тонуть. У него были три сына: меньшой, думая, что онъ одинъ не спасетъ его, принялся кричать, рвать на себѣ волосы и призывать на помощь всѣхъ проходящихъ: между тѣмъ мужикъ выбился изъ силъ, и когда старшій сынъ бросился спасать его, то насилу вытащилъ изъ воды, и чуть было самъ не утонулъ съ нимъ вмѣстѣ. На берегу стоялъ третій сынъ, или лучше сказать, пасынокъ: онъ не просилъ п
и самъ не думалъ спасать ут
отца, а расчитывалъ, стоя
мѣстѣ, какая придется ему
отцовскаго наслѣдія. Какъ ты
бояринъ? хоть меньшому сын
что сказать спасибо, а по мн
честнѣе быть имъ, чѣмъ пас

Юрій молча пожалъ руку
который продолжалъ:

— Чему дивиться, что ты
себя клятвеннымъ обѣщаніем
вся Москва сдѣлала тоже с
вотъ хоть на примѣръ, князь
Мамстрюковичъ Черкасской
мнѣ сказывать, что сегодня у
дому сберутся здѣшніе бояр
шины, чтобъ выслушать гонца
присланъ къ намъ съ предложе
пана Гонсѣвскаго. И какъ ты
кто этотъ довѣренный человѣ
шаго врага нашего?.... Сынъ
воеводы нижегородскаго, боя
лославскаго.

— Да, это господинъ мой! в
Алексѣй.

— Какъ? такъ это ты, Ю
тричъ? сказалъ Мининъ, снявъ
тельно свою шапку и устреми
лославскаго взоръ, исполненны
наго состраданія. Ну, жаль
кому другому, а тебѣ куда до
тяжело, бояринъ!

— Я исполню долгъ свой
Миничъ, отвѣчалъ Юрій; я не
нять оружія на того, кому к
вѣрности; но никогда руки мо
грятся кровію единовѣрцевъ.
междоусобная война неизбѣж
тутъ Милославской остановил
его заблистали.... — Да! пр
онъ, я далъ обѣтъ служить вѣр
дой Владиславу; но есть еще
предъ которой ничто всѣ об
клятвы земныя! Такъ, самъ
ниспослалъ мнѣ эту мысль! он
ла мою душу!...

Заг

(*Юрій Милославскій*).

21. БАСУРМАНЪ.

гій іоанновичъ, внукъ іоанна III.

(прологъ).

ло 27 октября 1505 года. Буд-ичанію царя, Москва снаряди-украсилась. Соборъ Успенскій, Благовѣщенія, грановитая па-ремный дворецъ, кремль съ сво-ѣльницами, множество камен-ркней и домовъ, разсыпанныхъ ду—все это только что вышед-подъ рукъ искусныхъ зодчихъ, на себѣ печать свѣжести и но-акъ-бы возникло въ одинъ день семогущею. Дѣйствительно, все о сотворено въ короткое время Іоанна III. Кто оставилъ-бы за тридцать лѣтъ назадъ бѣд-чтожною, похожею на большое ороженное дѣтинцемъ, не узналъ увидавъ теперь. Также скоро и ь поднялась на ноги по одному кому окрику этого генія. Взявъ ка-младенца подъ свою царскую онъ сорвалъ съ него пелены, и одалъ, а по часамъ, воспиталъ огатырство. Новгородъ и Псковъ, авшіе ни передъ кѣмъ шапки, е передъ нимъ, да еще принес-ей свою волю и золото; иго хан-ержено и переброшено за рубежъ русской; Казань, хотя отыгры-еще отъ великаго ловчаго, но валась, какъ волчица, которой утечь; удѣлы сплавлены и выко-одинъ могучій особнякъ, и тотъ, это сотворилъ, первый изъ рус-ластителей воплотилъ въ себѣ ря.

ожъ 27 октября 1505 года изу-ная имъ Москва готовилась не тному, а печальному торжеству: изнемогая и духомъ и тѣломъ, на смертномъ одрѣ. Онъ забы-валъ свои подвиги, онъ помнилъ только грѣхи свои и каялся въ нихъ.

Было время къ вечеру. Въ храмахъ горѣли одинокія лампады, сквозь слюду и пузыри оконъ свѣтились въ домахъ огни, зажженные вѣрою или нуждою. Нигдѣ народная любовь не теплила ихъ, потому что народъ не понималъ заслугъ великаго и не любилъ его за нововведенія. Въ одномъ углу казеннаго двора, черная изба позднѣе другихъ домовъ освѣтилась слабымъ огонькомъ. На пузырную оболочку окна желѣзная рѣшетка съ ершами отбросила клѣтчатую тѣнь, которую однакожъ пестрила точка, то блестящая какъ искра, то вьющая струю пара. Знать узникъ провертѣлъ отверстіе въ пузырѣ, чтобы, украдкою отъ своего сторожа, глядѣть на свѣтъ Божій.

Это была тюрьма и въ ней на этотъ разъ томился молодой узникъ. Ему казалось не больше 20 лѣтъ. Такъ молодъ! Какія-же раннія преступленія могли привести его сюда? По лицу его не вѣришь этимъ преступленіямъ, не вѣришь, чтобы Богъ создалъ такую обманчивую наружность. Такъ пригожъ и благовиденъ, что кажется, ни одинъ черный помыселъ не пробѣжитъ по спокойному челу, ни одна страсть не заиграетъ въ его глазахъ, исполненныхъ любви къ ближнему и безмятежной грусти. И между тѣмъ статенъ, величавъ; какъ встрепенется изъ дремоты своей; какъ тряхнетъ черными кудрями, видѣнъ забывшійся господинъ, а не рабъ. Руки его бѣлы, нѣжны, словно женскія. На косомъ воротѣ рубашки горитъ изумрудная запонка; въ сырой, закопченной избѣ, на широкомъ прилавкѣ пуховикъ съ изголовьемъ изъ мисюрской камки и съ шелковымъ одѣяломъ, а подлѣ постели ларецъ изъ бѣлой кости филиграновой работы. Видно, не простой узникъ!

Не простой, да еще вѣнчанный.... И чистъ дѣлами и помыслами, какъ житель неземной. Всѣ его преступленія въ вѣнцѣ, котораго онъ не искалъ и который надѣла на него прихоть властителя; ни-

какой крамолѣ, никакому злу не причастный, онъ виноватъ за чужія вины, за честолюбіе двухъ женщинъ, за коварство царедворцевъ, за гнѣвъ дѣда настороннихъ, не на него-жъ. Ему назначили царство, и отвели въ тюрьму. Онъ не понималъ, почему вѣнчаютъ его, и теперь не понимаетъ, за что его лишили свободы, свѣта Божьяго, всего, въ чѣмъ не отказываютъ и смерду. За него ближніе и молиться не смѣютъ вслухъ.

Это внукъ Іоанна III, единственное дитя любимаго сына его, злополучный Димитрій Іоанновичъ.

То сидѣлъ онъ въ грустномъ раздумьи, облокотясь на колѣна и утопивъ пальцы въ чернокудрой головѣ, то вставалъ, то ложился. Онъ метался, какъ будто далиему отраву. Никого съ нимъ не бѣло. Одинокій огонекъ освѣщалъ его бѣдное, несчастное жилище. Тишину избы нарушали капель съ потолка, или мышь, подбиравшая крохи отъ трапезы узника. Огонекъ то замиралъ, то вспыхивалъ, и въ эти переливы свѣта, казалось, ползли по стѣнѣ ряды огромныхъ пауковъ. Въ самомъ-же дѣлѣ это были каракульки на разныхъ языкахъ, начертанныя углемъ или гвоздемъ. Едва можно было разобрать въ нихъ: «Matheas,» «Марѳа, посадница Великаго Ноугорода,» «будь проклятъ,» «liebe Mutter, liebe M....» и еще, еще какія-то слова, разорванныя струями, которыя текли по стѣнѣ или стертыя негодованіемъ и невѣжествомъ сторожей.

Дверь темницы тихонько отворилась; Димитрій Іоанновичъ встрепенулся. — «Аѳоня, это ты?» радостно спросилъ, онъ; но, увидѣвъ, что принялъ вошедшаго за другаго, присовокупилъ съ грустью: «ахъ, это ты, Небогатый!.... Что-жъ нейдетъ Аѳоня?.... Мнѣ скучно, мнѣ тошнехонько, меня тоска гложетъ, будто змѣя подколодная лежитъ у сердца. Вѣдь ты сказалъ, что будетъ Аѳоня, когда огни зажгутъ въ домахъ?»

Аѳанасій Никитичъ никогда не кривитъ словомъ, не то, что глазомъ — сказалъ дьякъ Димитрія, Небогатый, приставникъ добрый, услужливый ду тѣмъ строгій въ исполненіи леній, данныхъ великимъ князе стеречи внука. (Надо знать, что время онъ-же, за болѣзнію Д казначея и постельничаго, ис ихъ должность. Честь-честью хотя и заключенному!...)

— Успокойся, Димитрій Ива голубчикъ мой: ужъ, конечно придетъ нашъ краснобай. Ты с даешь, хилъ становится, худо такъ бредетъ себѣ ощупью. А т да, милое дитятко мое, поигр тѣшься своими игрушками. При бѣ хорошенько на постелюшкѣ; я тебѣ твой ларецъ.

И Димитрій Ивановичъ, дитя рому было за 20 лѣтъ, отъ ск томившей, исполнилъ тотчасъ женіе своего дьяка, сѣлъ съ не постель, взялъ костяной ларец бѣ на колѣна и отперъ его к который висѣлъ у него на поя немногу, одна за другою, выхо свѣтъ божій дорогія вещицы, ченныя въ этомъ ларцѣ. Княжи носилъ къ огню то цѣпь золо медвѣжьими головками или чещ золотой поясъ, то жуковины (п яхонтовыя и изумрудныя, то к монисты, запястья, запонки др ныя: любовался ими, надѣвалъ о себѣ на шею и спрашивалъ дьяка ли они къ нему; бралъ зерна кія и лалы въ горсть, пускалъ и то дождь, сквозь пальцы, тѣши игрою, какъ настоящее дитя — и послышавъ голосъ въ ближней тѣ, бросилъ все кое-какъ въ Лице его просіяло.

— Это Аѳоня! молвилъ онъ, ларецъ дьяку, и слѣзъ съ пос

— Запри, Димитрій Иванови залъ съ твердостью Небогаты того не приму.

Проворно щелкнулъ ключъ в дверь отворилась, и вошелъ тюремную старичекъ небольша сгорбившійся подъ ношею лѣтъ

ось уже серебро волосъ его. Отъ
ки головы до конца вѣкъ лѣваго
врѣзался глубокой шрамъ, опус-
ій такимъ образомъ надъ этимъ гла-
вѣчную занавѣску; за то другой
ь вправленъ былъ въ свое мѣсто,
драгоцѣнный камень чудной воды,
му что блисталъ огнемъ необыкно-
нымъ и, казалось, смотрѣлъ за себя
воего бѣднаго собрата. Сынъ не
ѣчаетъ ласковѣе отца нѣжно-лю-
ого, какъ встрѣтилъ старика Дмит-
Ивановичъ. Радость горѣла въ о-
ь царевича, въ каждомъ движеніи
Онъ принималъ отъ гостя посохъ,
халъ съ него порошинки снѣга, об-
алъ его, усаживалъ на почетное
то своей постели. А гость былъ не
й кто, какъ тверской купецъ Аѳа-
ій Никитинъ, купецъ безъ торговли,
ь денегъ, убогій, но богатый свѣ-
ніями, собранными имъ на отваж-
ъ пути въ Индію, богатый опытами
мыслами, которые онъ сверхъ то-
умѣлъ украшать сладкою, вкрад-
ою рѣчью. Онъ жилъ пособіями дру-
ъ и не былъ ни у кого въ долгу:
атымъ платилъ своими сказками, а
ыхъ дарилъ ими. Ему позволено
ю посѣщать великаго князя Дмит-
Ивановича (котораго однакожъ за-
щено было называть великимъ кня-
ъ). Можно судить, какъ онъ на-
ялъ ужасную пустоту его заклю-
ія и какъ поэтому былъ дорогъ для
о. Что-жъ давалъ ему за труды
трій? Много, очень много для доб-
о сердца: свои радости, единствен-
, какія оставались у него въ свѣ-
— и эту награду Тверитянинъ не
нѣнялъ-бы на золото. Какъ-то разъ
ѣлъ царевичъ подарить ему доро-
вещицу изъ своего костянаго ларч-
но дьякъ съ бережью напомнилъ
ику, что всѣ вещи въ ларцѣ его,
онъ можетъ играть ими, сколько
ѣ угодно, да располагать ими не
онъ.

чера Аѳанасій Никитичъ началъ со-
енную ему повѣсть о *Нѣмчинѣ*,
прозванномъ *басурманомъ*, Нынѣ усѣв-
шись, продолжалъ ее. Рѣчь его текла,
какъ пѣснь соловушки, котораго мож-
но заслушаться отъ зари вечерней до
утренней, не смыкая глазъ. Жадно
внималъ царевичъ разскащику; рдѣли
щеки его, и не рѣдко струились по
нимъ слезы. Далеко, очень далеко у-
носился онъ изъ тюрьмы своей, и толь-
ко по временамъ грубая брань сторо-
жей за перегородкою напоминала ему
горькую существенность. Между тѣмъ
дьякъ Небогатый бѣгло поскрипывалъ
перышкомъ; листы, склеенные вдоль
одинъ за другимъ, уписывались чуд-
ными знаками и свивались въ огромный
столбецъ. Онъ писалъ со словъ Аѳа-
насія Никитина *Сказаніе о нѣкоемъ Нѣм-
чинѣ, иже прозванъ бѣ бесерменомъ.*

Вдругъ среди разсказа вбѣжалъ въ
тюрьму дворецкій великаго князя. —
«Иванъ Васильевичъ готовится отдать
Богу душу,» сказалъ онъ торопливо:
«онъ сильно воспечалился о тебѣ и по-
слалъ за тобой. Поспѣшай.»

Судорожно затрепеталъ княжичъ. По
лицу его, которое сдѣлалось подобно
бѣлому плату, пробѣжала какая-то
дума; она вспыхнула во взорахъ его.
О, это была дума раздольная! вѣ-
нецъ.... народъ.... милости.... можетъ
быть и казнь.... чего не было въ ней?
Узникъ, дитя, только что игравшій цвѣт-
ными камушками, сталъ великимъ кня-
земъ всея Руси.

Іоаннъ, еще земной властитель, на
смертномъ одрѣ; еще смерть не скова-
ла устъ его, и эти уста могутъ назна-
чить ему преемника. Мысль о будущей
жизни, раскаяніе, свиданіе со внукомъ,
котораго онъ самъ добровольно вѣн-
чалъ на царство и котораго привели
изъ тюрьмы, какую силу должны имѣть
надъ волею умирающаго!

Княжичу подали шапку, и онъ, въ
чемъ былъ, сопровождаемый дьякомъ и
приставами, поспѣшилъ въ палаты ве-
ликокняжескія. Въ сѣняхъ встрѣтили
его рыданія ближнихъ и слугъ велика-
го князя. — «Сталось.... дѣдъ умеръ!»

подумалъ онъ, и сердце его упало, шаги запнулись.

Появленіе Дмитрія Ивановича во дворѣ великокняжескомъ остановило на время общую скорбь, настоящую и мнимую. Неожиданность, новость предмета, чудная судьба княжича, сострадание, мысль о томъ, что онъ, можетъ статься, будетъ властителемъ Руси, сковали на мигъ умы и сердца дворчанъ. Но и въ это время между бородками были умныя головы; тонкіе, дальновидные расчеты, называемые нынѣ политикою, также какъ и нынѣ, часто били навѣрное вмѣстѣ съ судьбою, хотя иногда, также какъ и въ наши дни, подшибались могучею рукою Провидѣнія.

Расчеты эти восторжествовали надъ минутнымъ недоумѣніемъ; плачъ и рыданія опять начались и сообщились толпѣ. Только одинъ голосъ, посреди причитаній изученной скорби, осмѣлился возвыситься надъ ними: «Поспѣшай, батюшка, родимый нашъ.... за тобой послано ужъ немалое время.... Иванъ Васильевичъ еще живъ.... Благослови тебя Господь на великокняженіе!»

Этотъ голосъ одушевилъ княжича; но когда ему надо было вступить въ постельную хоромину, гдѣ лежалъ умирающій, силы его начали упадать. Дверь отворилась; онъ приросъ къ порогу....

Іоанну оставалось жить нѣсколько минутъ. Казалось, смерть ждала только прихода внука его, чтобы дать ему отходную. У постели его стояли сыновья, митрополитъ, любимые бояре, близкіе люди.

— Сюда.... ко мнѣ, Дмитрій.... милый внукъ мой.... сказалъ великій князь, увидавъ его сквозь смертный туманъ.

Дмитрій Ивановичъ бросился къ одру, припалъ на колѣна, лобызалъ хладѣющую руку дѣда, орошалъ ее слезами. Умирающій, будто силою гальванизма, приподнялъ голову, положилъ одну руку на голову внука, другою благословилъ его, потомъ произнесъ дыхающимся голосомъ:—Я согрѣшилъ передъ Богомъ и тобою.. Прости меня, прости.. Господь и я вѣнчали тебя будь.... мо....имъ....

Лице Василія Іоанновича исказилось завистью и страхомъ.

Еще одно слово....

Но смерть стояла тутъ на стражѣ сильнаго, и это слово не было произнесено на этомъ свѣтѣ. Великій князь Іоаннъ Васильевичъ испустилъ послѣднее дыханіе, припавъ холодными устами къ челу своего внука. Сынъ назначенный имъ заранѣе въ наслѣдники, тотчасъ вступилъ во всѣ права свои.

Дмитрія оттащили отъ смертнаго одра, вывели изъ палатъ великокняжескихъ и отвели.... опять въ темницу.

Тамъ, на его постели, отданной Аѳоня крѣпкимъ сномъ праведныхъ. Выплакавъ свое горе, прилегъ къ изголовью подъ бокъ и злополучный Дмитрій Царевичъ и убогій тутъ уравнялись. Одному снились въ эту ночь столь великокняжескіе и пышный вѣнецъ горящій, какъ жаръ, на головѣ его, пріемы пословъ чужеземныхъ и многочисленной рати; другому степріимная пальма и ручей въ пяхъ Аравіи. Убогій проснулся первый, и какъ изумился онъ, увидѣвъ подлѣ себя царевича! Грустно качалъ онъ сѣдою головой, просыпался, и только что началъ благословлять его, какъ послышалъ веселый и важный возгласъ во снѣ Дмитрія Ивановича: «молодцы!.... на Татаръ и Литву!....»

И вслѣдъ за тѣмъ пробудился Дмитричъ. Долго протиралъ онъ себѣ глаза, озирался вокругъ себя, и потомъ, припавъ на грудь Аѳони, залился слезами: «дѣдушка, дѣдушка! мнѣ снилось....»

Голосъ его заглушили рыданія.

Скоро и все, что онъ видѣлъ и слышалъ въ палатахъ великокняжескихъ стало казаться ему сонными видѣніями.

ипоминая себѣ этотъ тяжкій
ь чувствовалъ на челѣ своемъ
печать, которую наложили на
а вѣнценоснаго мертвеца.
ла зима; все было въ черной
прежнему. Перемѣнились однѣ
іи: утихъ однообразный шумъ
исчезла и свѣтлая точка на пу-
инокого окна; вмѣсто ихъ сере-
:ора облѣпила углы стѣнъ и па-
ка, а свѣтлую точку, сквозь ко-
зникъ видѣлъ небо съ его сол-
ь и вольныхъ птичекъ, покрыла
заплатка. Но Аѳоня по преж-
вѣщалъ тюрьму. Онъ досказалъ
вѣсть о Нѣмцѣ, котораго назы-
:урманомъ, и дописецъ Не-
, передавъ ее исправно бумагѣ,
ъ свитокъ въ кованый сун-
внукамъ на потѣшеніе.
ло года три съ небольшимъ.
инаго узника не стало въ тюрь-
Аѳаньсья Никитина не видать
о въ ней. Знать Димитрія Іоан-
выпустили на свободу?.... Да,
освободилъ его отъ всѣхъ зем-
ъ. Вотъ что пишетъ лѣтопи-
509 года, 14 февраля, престa-
ликій Князь Димитрій Іоанно-
нуждѣ, въ тюрьмѣ.» Герберш-
прибавляетъ: «Думаютъ, что онъ
ъ холода, или отъ голода, или
лся отъ дыма.»

Лажечниковъ.

(*Басурманъ.*)

МЕРТВЫЯ ДУШИ.

ПОМѢСТЬЕ ПЛЮШКИНА.

де, давно въ лѣта моей юности,
невозвратно мелькнувшаго мо-
:тва, мнѣ было весело подъѣз-
первый разъ къ незнакомому
:се равно, была-ли то деревуш-
ый, уѣздный городишка, село-
бодка; любопытнаго много от-
въ немъ дѣтскій любопытный
взглядъ. Всякое строеніе, все, что но-
сило только на себѣ напечатлѣнье ка-
кой нибудь замѣтной особенности, все
останавливало меня и поражало. Ка-
менный-ли, казенный домъ, извѣстной
архитектуры, съ половиною фальши-
выхъ оконъ, одинъ одинешенекъ тор-
чавшій среди бревенчатой тесаной ку-
чи одноэтажныхъ мѣщанскихъ, обы-
вательскихъ домиковъ, круглый-ли,
правильный куполъ, весь обитый ли-
стовымъ бѣлымъ желѣзомъ, вознесен-
ный надъ выбѣленною, какъ снѣгъ,
новою церковью, рынокъ-ли, франтъ-
ли уѣздный, попавшійся среди горо-
да,—ничто не ускользало отъ свѣжа-
го тонкаго вниманья, и, высунувши
носъ изъ походной телѣги своей, я
глядѣлъ и на невиданный дотолѣ по-
кройкакого нибудь сюртука, и на де-
ревянные ящики съ гвоздями, съ сѣ-
рой, желтѣвшей вдали, съ изюмомъ и
мыломъ, мелькавшіе изъ дверей овощ-
ной лавки вмѣстѣ съ банками высох-
шихъ московскихъ конфектъ, глядѣлъ
и на шедшаго въ сторонѣ пѣхотнаго
офицера, занесеннаго Богъ знаетъ изъ
какой губерніи на уѣздную скуку, и
на купца, мелькнувшаго въ сибиркѣ на
бѣговыхъ дрожкахъ, и уносился мы-
сленно за ними въ бѣдную жизнь ихъ.
Уѣздный чиновникъ пройди мимо — я
уже и задумывался: Куда онъ идетъ?,...
на вечеръ-ли къ какому нибудь свое-
му брату, или прямо къ себѣ домой,
чтобы, посидѣвши съ полчаса на крыль-
цѣ, пока не совсѣмъ еще сгустились
сумерки, сѣсть за ранній ужинъ, съ
матушкой, съ женой, съ сестрой же-
ны и всей семьей, и о чемъ будетъ ве-
денъ разговоръ у нихъ, въ то время,
когда дворовая дѣвка въ монистахъ,
или мальчикъ въ толстой курткѣ, при-
несетъ уже послѣ супа сальную свѣ-
чу въ долговѣчномъ, домашнемъ под-
свѣчникѣ? Подъѣзжая въ деревнѣ ка-
кого нибудь помѣщика, я любопытно
смотрѣлъ на высокую узкую деревян-
ную колокольню, или широкую, тем-
ную, деревянную старую церковь. За-

манчиво мелькали мнѣ издали, сквозь древесную зелень, красная крыша и бѣлыя трубы помѣщичьяго дома, и я ждалъ нетерпѣливо, пока разойдутся на обѣ стороны заступавшіе его сады, и онъ покажется весь съ своею, тогда, увы! вовсе не пошлою наружностью, и по немъ старался я угадать, кто таковъ самъ помѣщикъ, толстъ-ли онъ, и сыновья-ли у него, или цѣлыхъ шестеро дочерей съ звонкимъ дѣвическимъ смѣхомъ, играми и вѣчною красавицей меньшою сестрицей, и черноглазы-ли онѣ, и весельчакъ-ли онъ самъ, или хмуренъ, какъ сентябрь въ послѣднихъ числахъ, глядитъ въ календарь, да говоритъ про скучную для юности рожь и пшеницу.

Теперь равнодушно подъѣзжаю ко всякой незнакомой деревнѣ, и равнодушно гляжу на ея пошлую наружность; моему охлажденному взору непріятно, мнѣ не смѣшно, и то, что пробудило-бы въ прежніе годы живое движеніе въ лицѣ, смѣхъ и немолчныя рѣчи, то скользитъ теперь мимо, и безучастное молчаніе хранятъ мои недвижныя уста. О моя юность! о моя свѣжесть!

Покамѣсть Чичиковъ думалъ и внутренно посмѣивался надъ прозвищемъ, отпущеннымъ мужиками Плюшкину, онъ не замѣтилъ, какъ въѣхалъ въ средину обширнаго села со множествомъ избъ и улицъ. Скоро однако-жъ далъ замѣтить ему это препорядочный толчекъ, произведенный бревенчатою мостовою, предъ которою городская каменная была ничто. Эти бревна, какъ фортепьянныя клавиши, подымались то вверхъ, то внизъ, и необеregшійся ѣздокъ пріобрѣталъ или шишку на затылокъ или синее пятно на лобъ, или же случалось своими собственными зубами откусить пребольно хвостикъ собственнаго-же языка. Какую-то особенную ветхость замѣтилъ онъ на всѣхъ деревенскихъ строеніяхъ: бревно на избахъ было темно и старо; многія крыши сквозили какъ рѣшето; на иныхъ оставался толь некъ вверху, да жерди по сто въ видѣ ребръ. Кажется, сами х снесли съ нихъ дранье и тесъ суждая, и конечно справедли въ дождь избы не кроютъ, а вѣ и сама не каплетъ. Окна въ изб были безъ стеколъ, иныя были з ты тряпкой или зипуномъ; бал подъ крышами съ перилами, не но для какихъ причинъ дѣлае иныхъ русскихъ избахъ, покос почернѣли даже не живописно. избъ тянулись во многихъ мѣст дами огромныя клади хлѣба, з шіяся какъ видно долго; цвѣто ходили онѣ на старый, плохо в ный кирпичъ, на верхушкѣ ихъ всякая дрянь, и даже прицѣпи боку кустарникъ. Хлѣбъ, какъ былъ господскій. Изъ-за хлѣбны дей и ветхихъ крышъ, возноси мелькали на чистомъ воздухѣ, т ва, то слѣва, по мѣрѣ того, как ка дѣлала повороты, двѣ сельс кви, одна возлѣ другой: опус деревянная, и каменная, съ ж кими стѣнами, испятнанная, ист шаяся. Частями, сталъ выказ господскій домъ, и наконецъ в весь въ томъ мѣстѣ, гдѣ цѣп прервалась, и на мѣсто ихъ пустыремъ огородъ, или кану обнесенный низкою, мѣстами и ною городьбою. Какимъ-то др инвалидомъ глядѣлъ сей стран мокъ, длинный, длинный неп Мѣстами былъ онъ въ одинъ мѣстами въ два; на темной кры вездѣ надежно защищавшей е рость, торчали два бельведера противъ другаго, оба уже пов шіеся, лишенные когда-то по шей ихъ краски. Стѣны дома вали мѣстами нагую штукатур шетку, и какъ видно много по отъ всякихъ непогодъ, дождей, и осеннихъ перемѣнъ. Изъ окон ко два были открыты; прочія б ставлены ставнями, или даже

осками. Эти два окна съ своей стороны были тоже подслѣповаты; на одномъ изъ нихъ темнѣлъ наклеенный трегольникъ изъ синей, сахарной бумаги.

Старый, обширный, тянувшійся позади дома садъ, выходившій за село потомъ пропадавшій въ полѣ, заросій и заглохлый, казалось, одинъ обѣжалъ эту обширную деревню и одинъ лъ вполнѣ живописенъ въ своемъ ртинномъ опустѣніи. Зелеными облаами и неправильными, трепетолистны-и куполами лежали на небесномъ гоизонтѣ соединенныя вершины разросшихся на свободѣ деревъ. Бѣлый коссальный стволъ березы, лишенный ерхушки, отломленной бурею или озою, подымался изъ этой зеленой ущи и круглился на воздухѣ, какъ равильная мраморная, сверкающая олонна; косой остроконечный изломъ о, которымъ онъ оканчивался къ верзместо капители, темнѣлъ на снѣжбѣлизнѣ его, какъ шапка или чертица. Хмѣль, глушившій внизу ты бузины, рябины и лѣснаго орѣшна и пробѣжавшій потомъ по верхнѣ всего частокола, взбѣгалъ наверхъ и обвивалъ до половиломленную березу. Достигнувъ сеины ея, онъ оттуда свѣшивался ъ и начиналъ уже цѣплять верпи-другихъ деревъ, или-же висѣлъ на духѣ, завязавши кольцами свои тонкіе крючья, легко колеблемые духомъ. Мѣстами расходились зеныя чащи, озаренныя солнцемъ, и азывали неосвѣщенное между нихъ убленіе, зіявшее какъ темная пасть; было все окинуто тѣнью и чутьмелькали въ черной глубинѣ его: авшая, узкая дорожка, обрушенерилы, пошатнувшаяся бесѣдка, истый дряхлый стволъ ивы, сѣчапыжникъ, густой щетиною выдвшій изъ-за ивы изсохшіе отъ ной глушины, перепутавшіеся и ставшіеся листья и сучья, и нако-молодая вѣтвь клена, протянувъ съ боку свои зеленые лапы-листы, подъ одинъ изъ которыхъ забравшись, Богъ вѣсть какимъ образомъ, солнце превращало его вдругъ въ прозрачный и огненный, чудно сіявшій въ этой густой темнотѣ. Въ сторонѣ, у самаго края сада, нѣсколько высокорослыхъ, не вровень другимъ осинъ, подымали огромныя вороньи гнѣзда на трепетныя свои вершины. У иныхъ изъ нихъ, отдернутыя и невполнѣ отдѣленныя вѣтви висѣли внизъ вмѣстѣ съ изсохшими листьями. Словомъ, все было хорошо, какъ не выдумать ни природѣ, ни искуству, но какъ бываетъ только тогда, когда они соединятся вмѣстѣ, когда по нагроможденному часто безъ толку труду человѣка пройдетъ окончательнымъ рѣзцомъ своимъ природа, облегчитъ тяжелыя массы, уничтожитъ грубоощутительную правильность и нищенскія прорѣхи, сквозь которыя проглядываетъ нескрытый, нагой планъ, и дастъ чудную теплоту всему, что создалось въ хладѣ размѣренной чистоты и опрятности.

Сдѣлавъ одинъ или два поворота, герой нашъ очутился наконецъ передъ самымъ домомъ, который показался теперь еще печальнѣе. Зеленая плесень уже покрыла ветхое дерево на оградѣ и воротахъ. Толпа строеній: людскихъ, амбаровъ, погребовъ, видимо ветшавшихъ, наполняла дворъ; возлѣ нихъ направо и налѣво видны были ворота въ другіе дворы. Все говорило, что здѣсь когда-то хозяйство текло въ обширномъ размѣрѣ, и все глядѣло нынѣ пасмурно. Ничего незамѣтно было оживляющаго картину: ни отворявшихся дверей, ни выходившихъ откуда нибудь людей, никакихъ живыхъ хлопотъ и заботъ дома! Только одни главныя вороты были растворены, и то потому, что въѣхалъ мужикъ съ нагруженною телѣгою, покрытою рогожею, показавшійся какъ-бы нарочно для оживленія сего вымершаго мѣста: въ другое время и они были заперты наглухо, ибо въ желѣзной петлѣ висѣлъ замокъ-исполинъ.

Онъ (Чичиковъ) вступилъ въ темныя, широкія сѣни, отъ которыхъ подуло холодомъ, какъ изъ погреба. Изъ сѣней онъ попалъ въ комнату, тоже темную, чуть-чуть озаренную свѣтомъ, выходившимъ изъ-подъ широкой щели, находившейся внизу двери. Отворивши эту дверь, онъ наконецъ очутился въ свѣту и былъ пораженъ представшимъ безпорядкомъ. Казалось, какъ будто въ домѣ происходило мытье половъ, и сюда на время нагромоздили всю мебель. На одномъ столѣ стоялъ даже сломанный стулъ и, рядомъ съ нимъ, часы съ остановившимся маятникомъ, къ которому паукъ уже приладилъ паутину. Тутъ-же стоялъ прислоненный бокомъ къ стѣнѣ шкапъ, съ старинным серебромъ, графинчиками и китайскимъ фарфоромъ. На бюрѣ, выложенномъ перламутною мозаикою, которая мѣстами уже выпала и оставила послѣ себя одни желтенькіе желобки, наполненные клеемъ, лежало множество всякой всячины: куча исписанныхъ мелко бумажекъ, накрытыхъ мраморнымъ позеленѣвшимъ прессомъ съ яичкомъ на верху, какая-то старинная книга въ кожаномъ переплетѣ съ краснымъ обрѣзомъ, лимонъ весь высохшій, ростомъ не болѣе лѣснаго орѣха, отломленная ручка креселъ, рюмка съ какою-то жидкостью и тремя мухами, накрытая письмомъ, кусочикъ сургучика, кусочикъ гдѣ-то поднятой тряпки, два пера, запачканныя чернилами, высохшія какъ въ чахоткѣ, зубочистка, совершенно пожелтѣвшая, которою хозяинъ, можетъ быть, ковырялъ въ зубахъ своихъ еще до нашествія на Москву Французовъ.

По стѣнамъ навѣшано было весьма тѣсно и безтолково нѣсколько картинъ: длинный, пожелтѣвшій гравюръ какого-то сраженія, съ огромными барабанами, кричащими солдатами въ трехъ-угольныхъ шляпахъ, и тонущими конями, безъ стекла, вставленный въ раму краснаго дерева съ тоненькими бронзовыми полосками и бронзовыми-же кружками по угламъ. Врядъ съ ними занимала полстѣны огромная почернѣ тина, писанная масляными изображавшая цвѣты, фрукт занный арбузъ, кабанью мо сѣвшую головою внизъ утку. дины потолка висѣла люстра тинномъ мѣшкѣ, отъ пыли сдѣ похожею на шелковый кокон торомъ сидитъ червякъ. Въ у наты была навалена на полу к что погрубѣе и что недостойн на столахъ. Что именно нахо кучѣ, рѣшить было трудно, на ней было въ такомъ изобили ки всякаго касавшагося станов хожими на перчатки: замѣтнѣе высовывался оттуда отломле сокъ деревянной лопаты и ста шва сапога. Никакъ-бы нел сказать, чтобы въ комнатѣ сей живое существо, если-бы не в его пребыванье старый, пон колпакъ, лежавшій на столѣ.

б) РУСЬ.

Бричка между тѣмъ повор болѣе пустынныя улицы; ско нулись одни длинные, деревя боры, предвѣщавшіе конецъ Вотъ уже и мостовая кончилась баумъ, и городъ назади, и ниче и опять въ дорогѣ. И опять по сторонамъ столбоваго пути пош писать версты, станціонные смо колодцы, обозы, сѣрыя деревн моварами, бабами и бойкимъ бор хозяиномъ, бѣгущимъ изъ пос двора съ овсомъ въ рукѣ, пѣше протертыхъ лаптяхъ, плетущійс верстъ, городишки, выстроенны емъ, съ деревянными лавчонка ными бочками, лаптями, калача чей мелюзгой, рябые шлагбаум мые мосты, поля неоглядныя сторону и по другую, помѣщичі ваны, солдатъ верхомъ на лош зущій зеленый ящикъ съ свин горохомъ и подписью: такой-то лерійской батареи, зеленыя, ж

ізрытыя черныя полосы, мель-
по степямъ, затянутая вдали
сосновыя верхушки въ туманѣ,
ающійдалечеколокольныйзвонъ,
і какъ мухи и горизонтъ безъ
... Русь! Русь! вижу тебя, изъ
чуднаго, прекраснаго далека те-
ку: бѣдна природа въ тебѣ; не
елятъ, не испугаютъ взоровъ
я ея дива, вѣнчанныя дерзкими
искуства, города съ многооконъ-
высокими дворцами, вросшими
есы, картинныя дерева и плющи,
іе въ домы, въ шумѣ и въ вѣчной
водопадовъ; не опрокинется на-
голова посмотрѣть на громоздя-
безъ конца надъ нею и въ вы-
каменныя глыбы; не блеснутъ
наброшенныя одна на другую
я арки, опутанныя виноградными
ми, плющами и несмѣтными мил-
ми дикихъ розъ, не блеснутъ сквозь
дали вѣчныя линіи сіяющихъ горъ,
ихся въ серебряныя, ясныя небеса.
ито-пустынно и ровно все въ тебѣ;
гочки, какъ значки, непримѣтно
тъ среди равнинъ невысокіе твои
а; ничто не обольститъ и не оча-
взора. Но какая-же непостижи-
айная сила влечетъ къ тебѣ? По-
слышится и раздается немолчно
ахъ твоя тоскливая, несущаяся по
линѣ и ширинѣ твоей, отъ моря до
пѣсня? Что въ ней, въ этой пѣс-
го зоветъ, и рыдаетъ, и хватаетъ
рдце? Какіе звуки болѣзненно
ютъ и стремятся въ душу и вьют-
ло моего сердца? Русь! чего-же
чешь отъ меня? какая непостижи-
вязь тается между нами? Что гля-
ты такъ, и зачѣмъ все, что ни
ъ тебѣ, обратило на меня полныя
нія очи?.... И еще полный недо-
, неподвижно стою я, а уже главу
ло грозное облако, тяжелое гря-
ми дождями, и онѣмѣла мысль
твоимъ пространствомъ. Что про-
сей необъятный просторъ?
ли, въ тебѣ-ли не родиться без-
ьной мысли, когда ты сама безъ
конца? Здѣсь-ли не быть богатырю, когда есть мѣсто, гдѣ развернуться и пройтись ему? И грозно объемлетъ меня могучее пространство, страшною силою отразясь во глубинѣ моей; неестественной властью освѣтились мои очи: у! какая сверкающая, чудная, незнакомая землѣ даль! Русь!....

в) ДВА ПИСАТЕЛЯ.

Счастливъ писатель, который мимо характеровъ скучныхъ, противныхъ, поражающихъ печальною своею дѣйствительностью приближается къ характерамъ, являющимъ высокое достоинство человѣка,—который изъ великаго омута ежедневно вращающихся образовъ избралъ однѣ немногія исключенія,—который не измѣнялъ ни разу возвышеннаго строя своей лиры, не ниспускался съ вершины своей къ бѣднымъ, ничтожнымъ своимъ собратьямъ, и, не касаясь земли, весь повергался въ свои далеко отторгнутые отъ нея и возвеличенные образы. Вдвойнѣ завиденъ прекрасный удѣлъ его: онъ среди ихъ, какъ въ родной семьѣ; а между тѣмъ далеко и громко разносится его слава. Онъ окурилъ упоительнымъ куревомъ людскія очи; онъ чудно польстилъ имъ, сокрывъ печальное въ жизни, показавъ имъ прекраснаго человѣка. Все, рукоплеща, несется за нимъ и мчится вслѣдъ за торжественной его колесницей. Великимъ всемірнымъ поэтомъ именуютъ его, парящимъ высоко надъ всѣми геніями міра, какъ паритъ орелъ надъ другими высоколетающими. При одномъ имени его уже объемлются трепетомъ молодыя пылкія сердца, отвѣтныя слезы ему блещутъ во всѣхъ очахъ.... Нѣтъ равнаго ему въ силѣ!

Но не таковъ удѣлъ и другая судьба писателя, дерзнувшаго вызвать наружу все, что ежеминутно предъ очами, и чего не зрятъ равнодушныя очи, — всю страшную, потрясающую тину мелочей, опутавшихъ нашу жизнь, всю

глубину холодныхъ, раздробленныхъ, повседневныхъ характеровъ, которыми кишитъ наша земная, подъ часъ горькая и скучная дорога, и крѣпкою силою неумолимаго рѣзца дерзнувшаго выставить ихъ выпукло и ярко на всенародныя очи! Ему не собрать народныхъ рукоплесканій, ему не зрѣть признательныхъ слезъ и единодушнаго восторга взволнованныхъ имъ душъ; ему не позабыться въ сладкомъ обаяньи имъ-же исторгнутыхъ звуковъ; ему не избѣжать наконецъ отъ современнаго суда, который назоветъ ничтожными и низкими имъ лелѣянныя созданья, отведетъ ему презрѣнный уголъ въ ряду писателей, оскорбляющихъ человѣчество, придастъ ему качество имъ же изображенныхъ героевъ, отниметъ отъ него и сердце, и душу, и божественное пламя таланта. Ибо не признаетъ современный судъ, что равно чудны стекла, озирающія солнцы, и передающія движенья незамѣченныхъ насѣкомыхъ; ибо не признаетъ современный судъ, что много нужно глубины душевной, дабы озарить картину, взятую изъ презрѣнной жизни, и возвести ее въ перлъ созданья; ибо не признаетъ современный судъ, что высокій восторженный смѣхъ достоинъ стать рядомъ съ высокимъ лирическимъ движеньемъ, и что цѣлая пропасть между нимъ и кривляньемъ балаганнаго скомороха! Не признаетъ сего современный судъ, и все обратитъ въ упрекъ и поношенье непризнанному писателю; безъ раздѣленья, безъ отвѣта, безъ участья, какъ безсемейный путникъ, останется онъ одинъ посреди дороги. Сурово его поприще, и горько почувствуетъ онъ свое одиночество.

И долго еще опредѣлено мнѣ чудной властью идти объ руку съ моими странными героями, озирать всю громадно-несущуюся жизнь, озирать ее сквозь видный міру смѣхъ и незримыя, невѣдомыя ему слезы! И далеко еще то время, когда инымъ ключемъ грозная вьюга вдохновенья подымется изъ облеченной въ святый ужасъ и въ блистанье главы, и почуютъ въ смущенномъ величавый громъ другихъ рѣчей

Г

(*Мертвыя души*).

---

23. ГЕРОЙ НАШЕГО В МЕНИ.

ЗНАКОМСТВО СЪ МАКСИМО МАКСИМЫЧЕМЪ.

Я ѣхалъ на перекладныхъ из лиса. Вся поклажа моей телѣж стояла изъ одного небольшаго че на, который до половины былъ путевыми записками о Грузіи. Бо часть изъ нихъ, къ-счастію для потеряна, а чемоданъ съ оста вещами, къ счастію для меня, о цѣлъ.

Ужъ солнце начинало прятат снѣговой хребетъ, когда я въѣх Койшаурскую Долину. Осетинъ щикъ неутомимо погонялъ ло чтобъ успѣть до ночи взобрат Койшаурскую Гору, ибо все гор пѣвалъ пѣсни. Славное мѣсто з лина! Со всѣхъ сторонъ горы ступныя, красноватыя скалы, об ныя зеленымъ плющемъ и увѣн купами чинаръ, желтые обрывы, ченные промоинами, а тамъ, высо соко, золотая бахрама снѣговъ, Арагва, обнявшись съ другой без ной рѣчкой, шумно вырывающей чернаго, полнаго мглою ущелья, ся серебряною нитью и сверкает змѣя своею чешуею.

Подъѣхавъ къ подошвѣ Койша Горы, мы остановились возлѣ Тутъ толпилось шумно десятка зинъ и Горцевъ: по близости ка верблюдовъ остановился для ноч долженъ былъ нанять быковъ, втащить мою телѣжку на эту про гору, потому что была уже осен

ледница, — а эта гора имѣетъ около
ухъ верстъ длины.
Нечего дѣлать, я нанялъ шесть бы-
въ и нѣсколькихъ Осетинъ. Одинъ
ь нихъ взвалилъ себѣ на плечи мой
оданъ, другіе стали помогать бы-
ъ почти однимъ крикомъ.
За моею тележкою четверка быковъ
ила другую, какъ ни въ чемъ не
ало, не смотря на то, что она была
верху накладена. Это обстоятель-
во меня удивило. За нею шелъ ея хо-
инъ, покуривая изъ маленькой кабар-
инской трубочки, обдѣланной съ се-
бро. На немъ былъ офицерскій сюр-
къ безъ эполетъ и черкесская мохна-
я шапка. Онъ казался лѣтъ пятидс-
ти; смуглый цвѣтъ лица его показы-
алъ, что оно давно знакомо съ за-
инаказскимъ солнцемъ, и преждевре-
енно посѣдѣвшіе усы не соотвѣтст-
овали его твердой походкѣ и бодрому
иду. Я подошелъ къ нему и поклонил-
ся: онъ молча отвѣчалъ мнѣ на по-
лонъ и пустилъ огромный клубъ дыма.

«Мы съ вами попутчики кажется?»

Онъ, молча, опять поклонился.

»Вы вѣрно ѣдете въ Ставрополь?»

— Такъ-съ точно.... съ казенными
вещами

«Скажите, пожалуйста, отъ чего это
ашу тяжелую телѣжку четыре быка
ащатъ шутя, а мою, пустую, шесть
отовъ едва подвигаютъ съ помощію
этихъ Осетинъ!»

Онъ лукаво улыбнулся и значитель-
о взглянулъ на меня. — Вы вѣрно не-
авно на Кавказѣ?

«Съ-годъ,» отвѣчалъ я.

Онъ улыбнулся вторично.

«А что-жъ?»

— Да такъ-съ! Ужасные бестіи эти
ханты! Вы думаете, они помогаютъ,
то кричатъ? А чортъ ихъ разберетъ,
то они кричатъ? Быки-то ихъ пони-
аютъ; запрягите хоть двадцать, такъ
ни они крикнутъ по своему, быки все
съ мѣста.... Ужасные плуты! А что
ихъ возьмешь.... Любятъ деньги
ать съ проѣзжающихъ.... Избаловали
мошенниковъ! Увидите, они еще съ васъ
возьмутъ на водку. Ужъ я ихъ знаю,
меня не проведутъ!

«А вы давно здѣсь служите?»

— Да, я ужъ здѣсь служилъ при Алексѣѣ Петровичѣ (*), отвѣчалъ онъ пріосанившись. Когда онъ пріѣхалъ на Линію, я былъ подпоручикомъ—прибавилъ онъ — и при немъ получилъ два чина за дѣла противъ Горцевъ.

«А теперь вы?»

— Теперь считаюсь въ третьемъ линейномъ батальйонѣ. А вы, смѣю спросить?....

Я сказалъ ему.

Разговоръ этимъ кончился, и мы продолжали молча идти другъ подлѣ друга. На вершинѣ горы нашли мы снѣгъ. Солнце закатилось и ночь послѣдовала за днемъ безъ промежутка, какъ это обыкновенно бываетъ на югѣ; но, благодаря отливу снѣговъ, мы легко могли различать дорогу, которая все еще шла на гору, хотя уже не такъ круто. Я велѣлъ положить чемоданъ свой въ телѣжку, замѣнить быковъ лошадьми, и въ послѣдній разъ оглянулся внизъ на долину; но густой туманъ, нахлынувшій волнами изъ ущелій, покрывалъ ее совершенно, и ни единый звукъ не долеталъ уже оттуда до нашего слуха. Осетины шумно обступили меня и требовали на водку; но штабсъ-капитанъ такъ грозно на нихъ прикрикнулъ, что они вмигъ разбѣжались.—«Вѣдь этакій народъ!» сказалъ онъ: «и хлѣба по-русски назвать не умѣетъ, а выучилъ: «офицеръ, дай на водку!» Ужъ Татары по мнѣ лучше: тѣ хоть непьющіе....»

До станціи оставалось еще съ версту. Кругомъ было тихо, такъ тихо, что по жужжанію комара можно было слѣдить за его полетомъ. На-лѣво чернѣло глубокое ущелье; за нимъ и впереди насъ темносиніе вершины горъ, изрытыя морщинами, покрытыя слоями снѣга, рисовались на блѣдномъ небоскло-

(*) Ермоловѣ.

нѣ, еще сохранявшемъ послѣдній отблескъ зари. На темномъ небѣ начинали мелькать звѣзды, и странно, мнѣ показалось, что онѣ гораздо выше, чѣмъ у насъ на сѣверѣ. По обѣимъ сторонамъ дороги торчали голые, черные камни; кой-гдѣ изъ-подъ снѣга выглядывали кустарники, но ни одинъ сухой листокъ не шевелился, и весело было слышать, среди этого мертваго сна природы, фырканье усталой почтовой тройки и неровное побрякиванье русскаго колокольчика.

«Завтра будетъ славная погода!» сказалъ я. Штабсъ-капитанъ не отвѣчалъ ни слова, и указалъ мнѣ пальцемъ на высокую гору, поднимавшуюся прямо противъ насъ.

«Что-жъ это?» спросилъ я.

— Гутъ-гора.

«Ну такъ что-жъ?»

— Посмотрите, какъ курится.

И въ самомъ дѣлѣ, Гутъ-гора курилась; по бокамъ ея ползали легкія струйки облаковъ, а на вершинѣ лежала черная туча, такая черная, что на темномъ небѣ она казалась пятномъ.

Ужъ мы различали почтовую станцію, кровли окружающихъ ее саклей, и передъ нами мелькали привѣтные огоньки, когда пахнулъ сырой, холодный вѣтеръ, ущелье загудѣло, и пошелъ мелкій дождь. Едва успѣлъ я накинуть бурку, какъ повалилъ снѣгъ. Я съ благоговѣніемъ посмотрѣлъ на штабсъ-капитана....

— Намъ придется здѣсь ночевать, сказалъ онъ съ досадою: въ такую мятель черезъ горы не переѣдешь. Что, были-ль обвалы на Крестовой? спросилъ онъ извощика.

— «Не было, господинъ» отвѣчалъ Осетинъ-извощикъ: «а виситъ много, много.»

За неимѣніемъ комнаты для проѣзжающихъ на станціи, намъ отвели ночлегъ въ дымной саклѣ. Я пригласилъ своего спутника выпить вмѣстѣ стаканъ чаю, ибо со мною былъ чугунный чайникъ — единственная отрада моя въ путешествіяхъ по Кавказу.

Сакля была прилѣплена однимъ бокомъ къ скалѣ; три скользкія, мокрыя ступени вели къ ея двери. Ощупью вошелъ я и наткнулся на корову (хлѣвъ у этихъ людей замѣняетъ лакейскую). Я не зналъ куда дѣваться: тутъ блеятъ овцы, тамъ ворчитъ собака. Къ счастію, въ сторонѣ блеснулъ тусклый свѣтъ и помогъ мнѣ найти другое отверстіе наподобіе двери. Тутъ открылась картина довольно занимательная: широкая сакля, которой крыша опиралась на два закопченные столба, была полна народа. По срединѣ трещалъ огонекъ, разложенный на землѣ, и дымъ, выталкиваемый обратно вѣтромъ изъ отверстія въ крышѣ, разстилался вокругъ такой густой пеленой, что я долго не могъ осмотрѣться; у огня сидѣли двѣ старухи, множество дѣтей и одинъ худощавый Грузинъ, всѣ въ лохмотьяхъ. Нечего было дѣлать, мы пріютились у огня, закурили трубки, и скоро чайникъ зашипѣлъ привѣтливо.

«Жалкіе люди!» сказалъ я штабсъ-капитану, указывая на нашихъ грязныхъ хозяевъ, которые молча на насъ смотрѣли въ какомъ-то остолбенѣніи.

— Преглупый народъ! отвѣчалъ онъ. Повѣрите-ли? ничего не умѣютъ, и способны ни къ какому образованію. Ужъ по крайней мѣрѣ наши Кабардинцы или Чеченцы, хотя разбойники, голыши, за то отчаянныя башки, а у этихъ и къ оружію никакой охоты нѣтъ: порядочнаго кинжала ни на одномъ не увидишь. Ужъ подлинно Осетины!

«А вы долго были въ Чечнѣ?»

Да, я лѣтъ десять стоялъ тамъ въ крѣпости съ ротою, у Каменнаго Брода, — знаете?

«Слыхалъ.»

— Вотъ, батюшка, надоѣли намъ эти головорѣзы! Нынче, слава Богу, спокойнѣе; а бывало, на сто шаговъ отойдешь за валъ, ужъ гдѣ-нибудь косматый дьяволъ сидитъ и карауллитъ: что

зазѣвался, того и гляди—либо арканъ на шеѣ, либо пуля въ затылкѣ. А молодцы!....

«А, чай, много съ вами бывало приключеній?» сказалъ я, подстрекаемый любопытствомъ.

— Какъ не бывать! бывало....

Тутъ онъ началъ щипать лѣвый усъ, повѣсилъ голову и призадумался. Мнѣ страхъ хотѣлось вытянуть изъ него какую-нибудь исторійку, — желаніе, свойственное всѣмъ путешествующимъ и записывающимъ людямъ. Между тѣмъ чай поспѣлъ; я вытащилъ изъ чемодана два походные стаканчика, налилъ и поставилъ одинъ передъ нимъ. Онъ отхлебнулъ и сказалъ какъ-будто про себя: «да, бывало!» Это восклицаніе подало мнѣ большія надежды. Я знаю, старые Кавказцы любятъ поговорить, поразсказать; имъ такъ рѣдко это удается; другой лѣтъ пять стоитъ гдѣ нибудь въ захолустьѣ съ ротой, и цѣлые пять лѣтъ ему никто не скажетъ *здравствуйте*, потому что фельдфебель говоритъ: *здравія желаю*. А поболтать было-бы о чемъ: кругомъ народъ дикій, любопытный; каждый день опасность; случаи бываютъ чудные, и тутъ по неволѣ пожалѣешь о томъ, что у насъ такъ мало записываютъ.

«Не хотите-ли подбавить рому?» — сказалъ я моему собесѣднику: «у меня есть бѣлый изъ Тифлиса; теперь холодно.»

— Нѣтъ-съ, благодарствуйте, не пью.

«Что такъ?»

— Да такъ. Я далъ себѣ заклятье. Когда я былъ еще подпоручикомъ, разъ, знаете, мы подгуляли между собою, а ночью сдѣлалась тревога; вотъ мы и вышли передъ фрунтъ на-веселѣ, а ужъ и досталось намъ, какъ Алексѣй Петровичъ узналъ; не дай Господи, какъ онъ разсердился! чуть-чуть не отдалъ подъ судъ. Оно и точно: другой разъ цѣлый годъ живешь, ни-кого не видишь, да какъ тутъ еще водка — пропадшій человѣкъ!

Услышавъ это, я почти потерялъ надежду.

— Да вотъ хоть Черкесы, продолжалъ онъ: какъ напьются бузы на свадьбѣ или на похоронахъ, такъ и пошла рубка. Я разъ на-силу ноги унесъ, а еще у мирнаго князя былъ въ гостяхъ.

«Какъ-же это случилось?»

— Вотъ (онъ набилъ трубку, затянулся и началъ разсказывать), вотъ изволите видѣть, я тогда стоялъ въ крѣпости за Терекомъ съ ротой — этому скоро пять лѣтъ. Разъ осенью, пришелъ транспортъ съ провіантомъ; въ транспортѣ былъ офицеръ, молодой человѣкъ лѣтъ двадцати-пяти. Онъ явился ко мнѣ въ полной формѣ и объявилъ, что ему велѣно остаться у меня въ крѣпости. Онъ былъ такой тоненькій, бѣленькій, на немъ мундиръ былъ такой новенькій, что я тотчасъ догадался, что онъ на Кавказѣ у насъ недавно. «Вы вѣрно,» спросилъ я его, »переведены сюда изъ Россіи?»—Точно такъ, господинъ штабсъ-капитанъ, отвѣчалъ онъ. — Я взялъ его за руку и сказалъ: «Очень радъ, очень радъ. Вамъ будетъ немножко скучно.... ну, да мы съ вами будемъ жить по-пріятельски. Да, пожалуйста, зовите меня просто Максимъ Максимычъ, и пожалуйста — къ чему эта полная форма? — приходите ко мнѣ всегда въ фуражкѣ.» Ему отвели квартиру, и онъ поселился въ крѣпости.

«А какъ его звали?» спросилъ я Максима Максимыча.

— Его звали.... Григорьемъ Александровичемъ *Печоринымъ*. Славный былъ малый, смѣю васъ увѣрить; только немножко страненъ. Вѣдь, напримѣръ, въ дождикъ, въ холодъ, цѣлый день на охотѣ; всѣ иззябнутъ, устанутъ, — а ему ничего. А другой разъ сидитъ у себя въ комнатѣ, вѣтеръ пахнетъ — увѣряетъ, что простудился; ставнемъ стукнетъ — онъ вздрогнетъ и поблѣднѣетъ: а при мнѣ ходилъ на *кабана* одинъ на-одинъ; бывало, по цѣ-

лымъ часамъ слова не добьешься, за то ужъ иногда какъ начнетъ разсказывать, такъ животики надорвешь со смѣха.... Да-съ, съ большими странностями, и должно быть богатый человѣкъ: сколько у него было разныхъ дорогихъ вещицъ!....

«А долго онъ съ вами жилъ?» спросилъ я опять.

— Да съ годъ. Ну да ужъ за то памятенъ мнѣ этотъ годъ; надѣлалъ онъ мнѣ хлопотъ, не тѣмъ будь помянутъ! Вѣдь есть, право, этакіе люди, у которыхъ на роду написано, что съ ними должны случаться разныя необыкновенныя вещи!

Лермонтовъ.

(*Герой нашего времени*).

---

24. БЕДУИНЪ.

Караванъ молельщиковъ выступалъ изъ вратъ Діарбека. Впереди его ѣхалъ Османъ и бросалъ въ народъ деньги; иманы благословляли отходящихъ странниковъ; жители усыпали цвѣтами путь ихъ.

Въ шестой разъ отправлялся Османъ съ караваномъ въ Мекку и начальствовалъ надъ охраннымъ войскомъ. Всѣ были увѣрены въ благополучномъ окончаніи своего путешествія; ибо ни однажды еще не случалось съ Османомъ никакого несчастія: бури не засыпали въ степяхъ Аравіи ни одного человѣка изъ шествовавшихъ съ Османомъ; ни однажды Аравитяне не нападали на него. Такая благоуспѣшность въ предпріятіяхъ его почиталась плодомъ Османовой набожности, щедрости и мужества. Спустя нѣсколько недѣль послѣ отбытія изъ Діарбека, приблизился караванъ къ славному въ древности Евфрату, рѣкѣ современной міру. При пѣніи стиховъ изъ алкорана, переправились черезъ нее молельщики, и вступили на песчаныя равнины Аравіи. Тутъ присоединился къ каравану Бедуин красной вороной лошади; онъ образомъ ѣхалъ на поклонені тымъ мѣстамъ, колыбели и г гонета.

Османъ вступилъ съ нимъ в воръ, коснувшійся до преимущ народовъ. Бедуинъ отвѣчалъ но благоразумно; хвалилъ д похвалы въ своемъ народѣ, но то, что казалось ему дурнымъ мѣтнымъ образомъ отдалились каравана. Османъ съ жаромъ выхвалять Оттомановъ.

«Турки,» говорилъ онъ Беду давна славятся по всему вост бростію, добродушіемъ и ми емъ; издавна рѣдкія сіи качес кали намъ уваженіе цѣлаго св дѣ, ежели хотятъ изобразить не мость воина, то говорятъ: *он как Турокъ!* купцы, желая чье-нибудь безкорыстіе въ пр ной степени, говорятъ: *он сп как Турокъ!* Чѣмъ, напротивъ личился твой бѣдный народъ, по степямъ каменистой и пуст віи? какая молва идетъ о васъ вы не имѣете ни чести, ни сов исповѣдуете одну вѣру съ в вамъ платитъ султанъ ежегод ную сумму, дабы спасти отъ хищничества главный караванъ щиковъ: грабительство сдѣла презрѣнными бродягами въ глаз каго истиннаго мусульманина. П ся, товарищъ, въ справедливо ихъ словъ; признайся, что ваш не что иное, какъ шайка разбой

Мы послѣ окончимъ нашъ ра сказалъ ему Бедуинъ, указыва скользнувшагося верблюда, упалъ и придавилъ собою свое таго — послѣ; наперед пособ счастному.

«Поди и пособляй ты!» отвѣч манъ; я не хочу оказать никако ги этому бездѣльнику: онъ пер у меня верблюда, четыре года т задъ; теперь я очень радъ, что

юблюдъ отмстилъ ему за меня. а негодяй издыхалъ, и одно о могло возвратить ему жизнь, простить мое согрѣшеніе Алла ликій пророкъ! то я зашилъ-бы ъ.»

у тѣмъ Бедуинъ высвободилъ ь верблюда вожатаго и возвра- ъ своему спутнику; онъ уже не- отъ него находился, какъ вдругъ ій тигръ выскочилъ изъ-за ку- лѣ котораго ѣхалъ неосторож- анъ, отдалясь отъ каравана; шелъ въ смятеніе, ужаснулся безъ чувствъ на землю.

анъ опрометью поскакалъ—и ъ отъ него, но прямо къ нему; пистолетъ, и въ ту самую ми- къ кровожадный звѣрь прыг- свою добычу, выстрѣлилъ по ертвый тигръ растянулся подлѣ ртваго Османа.

нецъ Османъ открылъ глаза; е его казалось ему сверхъ-есте- мъ, онъ обнялъ Бедуина, и въ ъ жару благодарности своей галъ ему со слезами, какъ зна- знакъ должной признательности, къ со ста секинами.

инъ, къ немалому удивленію , отказался. Въ сіе время по- къ нимъ нищій на деревянной покрытый рубищемъ и ранами; ратился къ Осману, державшему къ съ секинами, и говорилъ: ердіе должно быть тебѣ знакомо, й странникъ: утоли голодъ и твоего одноземца! удѣли нему- дну рупію изъ толстаго кошель- го; одна рупія избавитъ меня чительнаго зноя; къ вечеру на- съ этою помощію добрести до ; безъ нея лишусь силъ, и при- ъ буду погибнуть отъ лютости животныхъ.»

поможетъ тебѣ Алла!» отвѣчалъ , спрятавъ въ карманъ толстый къ съ секинами; «у меня-же ія тебя ни одной рупіи, я иду молье въ Мекку и Медину изъ Діарбека; и болѣе денегъ, сколько мнѣ нужно для пути туда и обратно, не имѣю. Всѣ лишнія роздалъ я народу при выѣздѣ изъ отечества; жалѣю о тебѣ, но пособить не могу.

Бедуинъ вынулъ мѣшокъ съ сорочинскимъ пшеномъ и мѣхъ съ водою, и подалъ убогому. На! утоли твой голодъ и жажду; подкрѣпи ослабѣвшія силы, и пойдемъ вмѣстѣ. Городъ, куда ты идешь, лежитъ на дорогѣ, по которой идетъ караванъ: я провожу тебя.

«Но я иду медленно, часто отдыхаю,» говорилъ нищій. —Такъ сядь на мою лошадь! отвѣчалъ Бедуинъ; соскочивъ съ нея, посадилъ бѣднаго, взялъ за узду и повелъ потихоньку.

«Брось его! сказалъ Османъ Бедуину; кончимъ нашъ разговоръ, *докажемъ* другъ другу».... Разговоръ нашъ, отвѣчалъ Бедуинъ, давно уже кончился; мы ясно доказали другъ другу превосходство нашихъ народовъ въ храбрости, добродушіи и щедрости. Замѣть себѣ, Османъ, что вездѣ есть добродѣтельные люди, вездѣ есть и злые!

Османъ выразумѣлъ всю колкость сего отвѣта, и поклялся бородою своего прадѣда отомстить Бедуину за его дерзость. Скоро случай къ исполненію намѣренія открылся. Бедуинъ заснулъ весьма крѣпко; караванъ поднялся, и Османъ оставилъ своего благодѣтеля среди пустыни, оставилъ на жертву всѣмъ бѣдствіямъ, и дабы онъ не могъ настичь каравана, то укралъ у него прекрасную вороную лошадь, все имущество Бедуина.

И судьба не наказала его? Нѣтъ! онъ въ полномъ удовольствіи жилъ и, окруженъ радостями, умеръ.

Діарбекирцы воспоминаютъ объ немъ съ сожалѣніемъ; отцы и матери ставятъ его въ примѣръ дѣтямъ своимъ.

Увы! какъ много потребно знать, какъ долго надобно изслѣдовать человѣка, дабы не ошибиться и въ самой его добродѣтели! *Бешпцкій.*

(*Образцовыя сочиненія*).

---

25. МѢДНЫЙ ВСАДНИКЪ.

А) ПЕТРЪ ВЕЛИКІЙ И ПЕТЕРБУРГЪ.

На берегу пустынныхъ волнъ
Стоялъ онъ, думъ великихъ полнъ,
И вдаль глядѣлъ. Предъ нимъ широко
Рѣка неслася; бѣдный челнъ
По ней стремился одиноко.
По мшистымъ, топкимъ берегамъ,
Чернѣли избы здѣсь и тамъ,
Пріютъ убогаго Чухонца;
И лѣсъ, невѣдомый лучамъ
Въ туманѣ спрятаннаго солнца,
Кругомъ шумѣлъ.
И думалъ онъ:
«Отсель грозить мы будемъ Шведу;
Здѣсь будетъ городъ заложенъ,
На-зло надменному сосѣду;
Природой здѣсь намъ суждено
Въ Европу прорубить окно,
Ногою твердой стать при морѣ;
Сюда по новымъ имъ волнамъ,
Всѣ флаги въ гости будутъ къ намъ
И запируемъ на просторѣ.»
Прошло сто лѣтъ—и оный градъ,
Полнощныхъ странъ краса и диво,
Изъ тьмы лѣсовъ, изъ топи блатъ
Вознесся пышно, горделиво.
Гдѣ прежде финскій рыболовъ,
Печальный пасынокъ природы,
Одинъ у низкихъ береговъ
Бросалъ въ невѣдомыя воды
Свой ветхій неводъ,—нынѣ тамъ
По оживленнымъ берегамъ
Громады стройныя тѣснятся
Дворцевъ и башенъ; корабли
Толпой со всѣхъ концевъ земли
Къ богатымъ пристанямъ стремятся;
Въ гранитъ одѣлася Нева;
Мосты повисли надъ водами;
Темнозелеными садами
Ея покрылись острова —
И передъ младшею столицей
Главой склонилася Москва,
Какъ передъ новою царицей
Порфироносная вдова.
Люблю тебя, Петра творенье!
Люблю твой строгій, стройный видъ,
Невы державное теченье,
Береговой ея гранитъ,
Твоихъ оградъ узоръ чугунный,
Твоихъ задумчивыхъ ночей
Прозрачный сумракъ, блескъ безлунный,
Когда я въ комнатѣ моей
Пишу, читаю безъ лампады,
И ясны спящія громады
Пустынныхъ улицъ, и свѣтла
Адмиралтейская игла,
И, не пуская тьму ночную
На золотыя небеса,
Одна заря смѣнить другую
Спѣшитъ, давъ ночи полчаса;
Люблю зимы твоей жестокой
Недвижный воздухъ и морозъ,
Бѣгъ санокъ вдоль Невы широкой,
Дѣвичьи лица ярче розъ,
И блескъ и шумъ и говоръ баловъ.
. . . . . .
. . . . . .
Люблю воинственную живость
Потѣшныхъ Марсовыхъ полей,
Пѣхотныхъ ратей и коней
Однообразную красивость,
Въ ихъ стройно-зыблемомъ строю
Лоскутья сихъ знаменъ побѣдныхъ,
Сіянье шапокъ этихъ мѣдныхъ,
Насквозь пострѣленныхъ въ бою;
Люблю, военная столица,
Твоей твердыни дымъ и громъ,
Когда полнощная царица
Даруетъ сына въ царскій домъ,
Или побѣду надъ врагомъ
Россія снова торжествуетъ,
Или, взломавъ свой синій ледъ,
Нева къ морямъ его несетъ
И, чуя вешни дни, ликуетъ.
Красуйся, градъ Петровъ, и стой
Неколебимо, какъ Россія!
Да умирится-же съ тобой
И побѣжденная стихія;
Вражду и плѣнъ старинный свой
Пусть волны финскія забудутъ
И тщетной злобою не будутъ
Тревожить вѣчный сонъ Петра!

Б) НАВОДНЕНІЕ.

Рѣдѣетъ мгла ненастной ночи,
И блѣдный день ужъ настаетъ....

ій день!
Нева всю ночь
я къ морю противъ бури,
ивъ ихъ буйной дури....
рить стало ей не въ-мочь.....
у надъ ея брегами
лся кучами народъ,
ись брызгами, горами
ой разъяренныхъ водъ.
лой вѣтра отъ залива
раженная Нева
но шла гнѣвна, бурлива
ыняла острова;
а пуще свирѣпѣла;
здувалась и ревѣла,
къ клокоча и клубясь—
угъ, какъ звѣрь остервенясь,
родъ кинулась. Предъ нею
бѣжало, все вокругъ
ъ опустѣло.... Воды вдругъ
и въ подземные подвалы;
шеткамъ хлынули каналы—
лылъ Петрополь, какъ Тритонъ,
ясъ въ воду погруженъ.
да! приступъ! злыя волны,
воры, лѣзутъ въ окна; челны
збѣга стекла бьютъ кормой;
подъ мокрой пеленой,
ки хижинъ, бревна, кровли,
ъ запасливой торговли,
ки блѣдной нищеты,
й снесенные мосты,
съ размытаго кладбища
ть по улицамъ!
Народъ
Божій гнѣвъ и казни ждетъ.
Все гибнетъ: кровъ и пища.
удетъ взять?
Въ тотъ грозный годъ
ный Царь еще Россіей
авой правилъ. На балконъ
енъ, смутенъ вышелъ онъ
зилъ: «съ Божіей стихіей
ъ не совладать.» Онъ сѣлъ
умѣ скорбными очами
е бѣдствіе глядѣлъ:
стогны озерами,
ихъ широкими рѣками
ись улицы. Дворецъ
я островомъ печальнымъ.
Царь молвилъ—изъ конца въ конецъ,
По ближнимъ улицамъ и дальнимъ,
Въ опасный путь средь бурныхъ водъ
Его пустились генералы
Спасать и страхомъ обуялый
И дома тонущій народъ.

А. Пушкинъ.

---

26. КАПИТАНСКАЯ ДОЧКА.

ВСТРѢЧА СЪ ЕКАТЕРИНОЙ II.

Марья Ивановна (*) благополучно прибыла въ Софію и узнавъ, что дворъ находится въ то время въ Царскомъ Селѣ, рѣшилась тутъ остановиться. Ей отвели уголокъ за перегородкой. Жена смотрителя тотчасъ съ нею разговорилась: объявила, что она племянница придворнаго истопника и посвятила ее во всѣ таинства придворной жизни. Она разсказала, въ которомъ часу Государыня обыкновенно просыпалась, кушала кофе, прогуливалась; какіе вельможи находились въ то время при ней; что изволила она вчерашній день говорить у себя за столомъ; кого принимала вечеромъ, — словомъ, разговоръ Анны Власьевны стоилъ нѣсколькихъ страницъ историческихъ записокъ и былъ бы драгоцѣненъ для потомства. Марья Ивановна слушала ее со вниманіемъ. Онѣ пошли въ садъ. Анна Власьевна разсказала исторію каждой аллеи и каждаго мостика, и, нагулявшись, онѣ возвратились на станцію очень довольныя другъ другомъ.

На другой день, рано утромъ, Марья Ивановна проснулась, одѣлась и тихонько пошла въ садъ. Утро было прекрасное, солнце освѣщало вершины липъ, пожелтѣвшихъ уже подъ свѣжимъ дыханіемъ осени. Широкое озеро сіяло неподвижно. Проснувшіеся лебеди важно выплывали изъ-подъ кустовъ, осѣняющихъ берегъ. Марья Ивановна по-

(*) Капитанская дочка.

шла около прекраснаго луга, гдѣ только-что поставленъ былъ памятникъ въ честь недавнихъ побѣдъ графа Петра Александровича Румянцова. Вдругъ бѣлая собачка англійской породы залаяла и побѣжала ей на встрѣчу; Марья Ивановна испугалась и остановилась. Въ эту самую минуту раздался пріятный женскій голосъ: «Не бойтесь; она не укуситъ.» И Марья Ивановна увидѣла даму, сидѣвшую на скамейкѣ противу памятника. Марья Ивановна сѣла на другомъ концѣ скамейки. Дама пристально на нее смотрѣла; Марья Ивановна, съ своей стороны бросивъ нѣсколько косвенныхъ взглядовъ, успѣла разсмотрѣть ее съ ногъ до головы. Она была въ бѣломъ утреннемъ платьѣ, въ ночномъ чепцѣ и въ душегрѣйкѣ. Ей казалось лѣтъ сорокъ. Лице ея, полное и румяное, выражало важность и спокойствіе, а голубые глаза и легкая улыбка имѣли прелесть неизъяснимую. Дама первая прервала молчаніе.

«Вы вѣрно не здѣшнія?» сказала она.

— Точно такъ-съ: я вчера только пріѣхала изъ провинціи.

«Вы пріѣхали съ вашими родными?»

— Никакъ нѣтъ-съ. Я пріѣхала одна.

«Одна! Но вы такъ еще молоды.»

— У меня нѣтъ ни отца, ни матери.

«Вы здѣсь конечно по какимъ нибудь дѣламъ?»

— Точно такъ-съ. Я пріѣхала подать просьбу Государынѣ.

«Вы спрота: вѣроятно, вы жалуетесь на несправедливость и обиду?»

— Никакъ нѣтъ-съ. Я пріѣхала просить милости, а не правосудія.

«Позвольте спросить, кто вы такова?»

— Я дочь капитана Миронова.

«Капитана Миронова! того самаго, что былъ комендантомъ въ одной изъ оренбургскихъ крѣпостей?»

Точно такъ-съ.

Дама, казалось, была тронута. «Извините меня, сказала она голосомъ еще болѣе ласковымъ, «если я вмѣшиваюсь въ ваши дѣла; но я бываю при дворѣ; изъясните мнѣ, въ чемъ состоитъ ваша просьба, и, можетъ быть, мнѣ уд вамъ помочь.» .

Марья Ивановна встала и почти но ее благодарила. Все въ мила ной дамѣ невольно привлекало сер внушало довѣренность. Марья Ива вынула изъ кармана сложенную бу и подала ее незнакомой своей б вительницѣ, которая стала чита про себя.

Сначала она читала съ видомъ в тельнымъ и благосклоннымъ; но в лице ея перемѣнилось, и Марья Ив на, слѣдовавшая глазами за всѣ движеніями, испугалась строгому женію этого лица, за минуту стол ятному и спокойному.

«Вы просите за Гринева?» ск дама съ холоднымъ видомъ. «Импер ца не можетъ его простить. Онъ сталъ къ самозванцу не изъ невѣж и легковѣрія, но какъ безнравств и вредный негодяй.«

— Ахъ, неправда! вскрикнула Ивановна.

«Какъ неправда!» возразила вся вспыхнувъ.

— Неправда, ей Богу, неправ знаю все, я все вамъ разскажу. Он одной меня подвергся всему, чт стигло его. И если онъ не оправ предъ судомъ, то развѣ потому то что не хотѣлъ запутать меня. — она съ жаромъ разсказала все, чт извѣстно моему читателю.

Дама выслушала ее со вниман «Гдѣ вы остановились?» спросил потомъ; и услыша, что у Анны Вла ны, примолвила съ улыбкою: А! Прощайте, не говорите никому о в встрѣчѣ. Я надѣюсь, что вы не будете ждать отвѣта на ваше пис

Съ этимъ словомъ она встала шла въ крытую аллею, а Марья Ив на возвратилась къ Аннѣ Влась исполненная радостной надежды.

Хозяйка побранила ее за ра прогулку, вредную, по ея словам здоровья молодой дѣвушки. Она п сла самоваръ, и за чашкою чая т

нялась за безконечные разска-
ѣ, какъ вдругъ придворная
становилась у крыльца, и ка-
кей вошелъ съ объявленіемъ,
дарыня изволитъ къ себѣ при-
дѣвицу Миронову.

Власьевна изумилась и расхло-
. «Ахъ, Господи,» закричала
ударыня требуетъ васъ ко дво-
—же это она про васъ узнала?
же бы, матушка, представитесь
ратрицѣ? Вы, я чай, и ступить
орному не умѣете.... Не прово-
минѣ васъ? Все-таки я васъ хоть
нибудь да могу предостеречь.
же вамъ ѣхать въ дорожномъ
Не послать-ли къ повивальной
ея желтымъ роброномъ?» Ка-
кей объявилъ, что государынѣ
было, чтобъ Марья Ивановна
дна и въ томъ, въ чемъ ее за-
. Дѣлать было нечего: Марья
а сѣла въ карету и поѣхала во
, сопровождаемая совѣтами и
овѣніями Анны Власьевны.

Ивановна предчувствовала
нашей судьбы; сердце ея сильно
и замирало. Чрезъ нѣсколько
карета остановилась у дворца.
Ивановна съ трепетомъ пошла
ницѣ. Двери передъ нею отво-
настежъ. Она прошла длинный
стыхъ великолѣпныхъ комнатъ;
лакей указывалъ дорогу. Нако-
дошедъ къ запертымъ дверямъ,
явилъ, что сей-часъ объ ней до-
и оставилъ ее одну.

ь увидѣть Императрицу лицемъ
такъ устрашила ее, что она съ
могла держаться на ногахъ.
минуту двери отворились, и она
съ уборную Государыни.

ратрица сидѣла за своимъ ту-
Нѣсколько придворныхъ окру-
почтительно пропустили Марью
у. Государыня ласково къ ней
ась, и Марья Ивановна узнала
ту даму, съ которой такъ от-
визъяснилась она нѣсколько ми-
у назадъ. Государыня подозва-
ла ее и сказала съ улыбкою: «Я рада, что могла сдержать вамъ свое слово и исполнить вашу просьбу. Дѣло ваше кончено. Я убѣждена въ невинности вашего жениха. Вотъ письмо, которое сами потрудитесь отвезти къ будущему свекру.»

Марья Ивановна приняла письмо дрожащею рукою, и, заплакавъ, упала къ ногамъ Императрицы, которая подняла ее и поцѣловала. Государыня разговорилась съ нею. «Знаю, что вы не богаты» сказала она; «но я въ долгу передъ дочерью капитана Миронова. Не безпокойтесь о будущемъ. Я беру на себя устроить ваше состояніе.»

Обласкавъ бѣдную сироту, Государыня ее отпустила. Марья Ивановна уѣхала въ той-же придворной каретѣ. Анна Власьевна, нетерпѣливо ожидавшая ея возвращенія, осыпала ее вопросами, на которые Марья Ивановна отвѣчала кое-какъ. Анна Власьевна хотя и была недовольна ея безпамятствомъ, но приписала оное провинціальной застѣнчивости и извинила великодушно. Въ тотъ-же день Марья Ивановна, не полюбопытствовавъ взглянуть на Петербургъ, обратно поѣхала въ деревню.

А. Пушкинъ.

---

27. ДУБРОВСКІЙ.

СМЕРТЬ АНДРЕЯ ГАВРИЛОВИЧА ДУБРОВСКАГО.

Нѣсколько дней спустя послѣ своего пріѣзда, молодой Дубровскій хотѣлъ заняться дѣлами, но отецъ его былъ не въ состояніи дать ему нужныхъ объясненій; не было повѣреннаго у Андрея Гавриловича. Разбирая его бумаги, нашелъ онъ только первое письмо засѣдателя и черновой отвѣтъ на оное. Изъ этого не могъ онъ получить ясное понятіе о тяжбѣ, и рѣшился ожидать по-

слѣдствій, надѣясь на правоту самаго дѣла.

Между тѣмъ здоровье Андрея Гавриловича часъ отъ часу становилось хуже. Владиміръ предвидѣлъ его скорое разрушеніе и не отходилъ отъ старика, впадшаго въ совершенное дѣтство.

Между тѣмъ срокъ положенный прошелъ, и аппеляція не была подана. Кистенево принадлежало Троекурову. Шабашкинъ явился къ нему съ поклонами и поздравленіями и просьбою назначить: когда угодно будетъ Троекурову вступить во владѣніе новоприобрѣтеннымъ имѣніемъ—самому или кому изволитъ онъ дать на то довѣренность? Кирила Петровичъ смутился. Отъ природы не былъ онъ корыстолюбивъ: желаніе мести завлекло его слишкомъ далеко, совѣсть его роптала. Онъ зналъ, въ какомъ состояніи находился его противникъ, старый товарищъ его молодости—и побѣда не радовала его сердца. Онъ грозно взглянулъ на Шабашкина, ища къ чему привязаться, чтобъ его выбранить, но, не нашедъ достаточнаго къ тому предлога, сказалъ ему сердито: «Пошелъ вонъ; не до тебя!» Шабашкинъ, видя, что онъ не въ духѣ, поклонился и спѣшилъ удалиться, а Кирила Петровичъ, оставшись на-единѣ, сталъ расхаживать взадъ и впередъ, насвистывая: «Громъ побѣды раздавайся,» что всегда означало въ немъ необыкновенное волненіе мыслей.

Наконецъ онъ велѣлъ запрячь себѣ бѣговыя дрожки, одѣлся потеплѣе (это было уже въ концѣ сентября) и, самъ правя, выѣхалъ со двора.

Вскорѣ завидѣлъ онъ домикъ Андрея Гавриловича. Противоположныя чувства наполнили душу его. Удовлетворенное мщеніе и властолюбіе заглушали до нѣкоторой степени чувства болѣе благородныя, но послѣднія наконецъ восторжествовали. Онъ рѣшился помириться съ старымъ своимъ сосѣдомъ, уничтожить и слѣды ссоры, возвратить ему его достояніе. Облегчивъ душу симъ благимъ намѣреніемъ, Кирила Петровичъ пустился рысью къ усадьб его сосѣда—и выѣхалъ прямо на

Въ это время больной сид спальной у окна. Онъ узналъ К Петровича — и ужасное смятені бразилось на лицѣ его: багровый нецъ заступилъ мѣсто обыкно блѣдности, глаза засверкали, он изнесъ невнятные звуки. Сынъ е дѣвшій тутъ за хозяйственными ми, поднялъ голову и пораженъ его состояніемъ. Больной указ пальцемъ на дворъ, съ видомъ и гнѣва. Онъ торопился подбира лы своего халата; собираясь вст креселъ, приподнялся и вдругъ у Сынъ бросился къ нему, стари жалъ безъ чувствъ, безъ дыхані раличъ его ударилъ. «Скорѣй, с въ городъ за лекаремъ!» кричалъ диміръ. Кирила Петровичъ спраши васъ, сказалъ вошедшій слуга. В міръ бросилъ на него ужасный вз Скажи Кирилу Петровичу, чтоб скорѣе убирался, пока я не велѣл выгнать со двора—пошелъ!—(радостно побѣжалъ исполнить при ніе своего барина. Егоровна всплес руками. «Батюшка ты нашъ—сказа. пискливымъ голосомъ — погуби свою головушку! Кирила Петр съѣстъ насъ.» Молчи, няня, сказа сердцемъ Владиміръ. Сей часъ п Антона въ городъ за лекаремъ.» ровна вышла. Въ передней нико было, всѣ люди сбѣжались на смотрѣть на Кирилу Петровича. вышли на крыльцо и услышали о слуги отъ имени молодаго барина рила Петровичъ выслушалъ его, на дрожкахъ; лицо его стало мра ночи; онъ съ презрѣніемъ улыбн грозно взглянулъ на дворню и пош шагомъ около двора. Онъ взглян въ окошко, гдѣ за минуту передъ спдѣлъ Андрей Гавриловичъ, н ужъ его не было. Няня стояла на кр цѣ, забывъ о приказаніи барина. А ня съ шумомъ толковала о семъ пр шествіи. Вдругъ Владиміръ я

у людьми и отрывисто сказалъ: не
но лекаря, батюшка скончался.
лось смятеніе. Люди бросились
ивату стараго барина. Онъ ле-
въ креслахъ, на которыя пере-
его Владиміръ; правая рука ви-
до полу, голова спущена была
гдь, не было уже и признака жизни
ихъ тѣлѣ, еще не охладѣломъ, но
безображенномъ кончиною. Его-
взвыла, слуги окружили трупъ,
ленный на нхъ попеченіе, обмыли
дѣли въ мундиръ, шитый еще въ
году, и положили на тотъ столъ,
орымъ столько лѣтъ они служили
у господину.

А. Пушкинъ.

АРАПЪ ПЕТРА ВЕЛИКАГО.

СВИДАНІЕ СЪ ПЕТРОМЪ I.

ту-же ночь онъ (*) отправился въ
о.

ествіе не показалось ему столь
ю, какъ онъ того ожидалъ. Вообо-
іе его восторжествовало надъ су-
ственностію. Чѣмъ болѣе удалялся
тъ Парижа, тѣмъ живѣе, тѣмъ
представлялъ онъ себѣ предме-
ъ покидаемые на-вѣкъ.

чувствительнымъ образомъ очу-
она на русской границѣ. Осень
аступала; но ямщики, не смотря
рную погоду, везли его съ бы-
ою вѣтра, и въ 17 дней своего
ествія прибылъ онъ утромъ въ
ое Село, чрезъ которое шла тог-
я большая дорога.

алось 28 верстъ до Петербурга.
закладывали лошадей, Ибрагимъ
ъ въ ямскую избу. Въ углу чело-
высокаго роста, въ зеленомъ каф-
ъ глиняною трубкою во рту, об-
ись на столъ, читалъ гамбургскія
. Услышавъ, что кто-то вошелъ,

рагимъ, арапъ Петра Великаго.

онъ поднялъ голову. «Ба, Ибрагимъ!» закричалъ онъ, вставая съ лавки: «здорово, крестникъ!» Ибрагимъ узналъ Петра, въ радости къ нему бросился, но почтительно остановился. Государь приблизился, обнялъ его и поцѣловалъ въ голову. «Я былъ предувѣдомленъ о твоемъ пріѣздѣ,» сказалъ Петръ, «и поѣхалъ тебѣ на встрѣчу. Жду тебя здѣсь со вчерашняго дня.» Ибрагимъ не находилъ словъ для изъясненія своей благодарности. «Вели-же,» продолжалъ Государь, «твою повозку везти за нами, а самъ садись со мною и поѣдемъ ко мнѣ.« Подали государеву коляску; онъ сѣлъ съ Ибрагимомъ и они поскакали. Черезъ полтора часа они пріѣхали въ Петербургъ. Ибрагимъ съ любопытствомъ смотрѣлъ на новорожденную столицу, которая подымалась изъ болота по манію своего Государя. Обнаженныя плотины, каналы безъ набережной, деревянные мосты повсюду являли недавнюю побѣду человѣческой воли надъ сопротивленіемъ стихій. Дома, казалось, наскоро построены. Во всемъ городѣ не было ничего великолѣпнаго, кромѣ Невы, не украшенной еще гранитною рамою, но уже покрытой военными и торговыми судами. Государева коляска остановилась у дворца, т. е. Царицына сада. На крыльцѣ встрѣтила Петра женщина лѣтъ 35-ти, прекрасная собою, одѣтая по послѣдней парижской модѣ. Петръ поцѣловалъ ее, и, взявъ Ибрагима за руку, сказалъ: «узнала-ли ты, Катенька, моего крестника? Прошу любить и жаловать его по прежнему.» Екатерина устремила на него черные, проницательные глаза и благосклонно протянула ему руку. Двѣ юныя красавицы, высокія, стройныя, свѣжія какъ розы, стояли за нею и почтительно приблизились къ Петру. «Лиза», сказалъ онъ одной изъ нихъ, «помнишь-ли ты маленькаго арапа, который для тебя кралъ у меня яблоки въ Ораніенбаумѣ? Вотъ онъ: представляю тебѣ его.» Великая Княжна засмѣялась и покраснѣла. Пошли въ столовую. Въ ожиданіи Государя,

столъ былъ накрытъ. Петръ со всѣмъ семействомъ сѣлъ обѣдать, пригласивъ и Ибрагима. Во время обѣда Государь съ нимъ разговаривалъ о разныхъ предметахъ, распрашивалъ его объ Испанской войнѣ, о внутреннихъ дѣлахъ Франціи, о Регентѣ, котораго онъ любилъ, хотя и осуждалъ въ немъ многое. Ибрагимъ отличался умомъ точнымъ и наблюдательнымъ. Петръ былъ очень доволенъ его отвѣтами; онъ вспомнилъ нѣкоторыя черты Ибрагимова младенчества и разсказывалъ ихъ съ такимъ добродушіемъ и веселостью, что никто въ ласковомъ и гостепріимномъ хозяинѣ не могъ-бы подозрѣвать героя Полтавскаго, могучаго и грознаго преобразователя Россіи.

Послѣ обѣда Государь, по русскому обыкновенію, пошелъ отдохнуть. Ибрагимъ остался съ Императрицей и Великими Княжнами. Онъ старался удовлетворить ихъ любопытству, описалъ образъ парижской жизни, тамошніе праздники и своенравныя моды. Между тѣмъ нѣкоторыя изъ особъ, приближенныхъ къ Государю, собрались во дворецъ. Ибрагимъ узналъ великолѣпнаго князя Меншикова, который, увидя арапа, разговаривающаго съ Екатериной, гордо на него покосился; князя Якова Долгорукаго, крутаго совѣтника Петра; ученаго Брюса, прослывшаго въ народѣ русскимъ Фаустомъ; молодаго Рагузинскаго, бывшаго своего товарища—и другихъ, пришедшихъ къ Государю съ докладами и за приказаніями.

Государь вышелъ часа черезъ два. «Посмотримъ,» сказалъ онъ Ибрагиму, «не позабылъ-ли ты своей старой должности. Возьми-ка аспидную доску, да ступай за мною.» Петръ заперся въ токарнѣ и занялся государственными дѣлами. Онъ по очереди работалъ съ Брюсомъ, съ княземъ Долгорукимъ, съ генералъ-полицмейстеромъ Девіеромъ, и продиктовалъ Ибрагиму нѣсколько указовъ и рѣшеній. Ибрагимъ не могъ надивиться быстрому и твердому его разуму, силѣ и гибкости вниманія и разнообразію дѣятельности. По око трудовъ, Петръ вынулъ кари книжку, дабы справиться, все-л предполагаемое на сей день испо

Потомъ, выходя изъ токарни, с Ибрагиму: «ужъ поздно; ты, усталъ: ночуй здѣсь, какъ быв старину; завтра я тебя разбужу.

б) Петръ на обѣдѣ.

Гаврила Аѳанасьевичъ (*) поспѣшно изъ за-стола; всѣ бро къ окнамъ—и въ самомъ дѣлѣ у Государя, который всходилъ на цо, опираясь на плечо своего ден Сдѣлалась суматоха. Хозяинъ бр на встрѣчу Петра; слуги разбѣ какъ одурѣлые; гости перетрус иные даже думали, какъ-бы уб поскорѣе домой.

Вдругъ въ передней раздался звучный голосъ Петра; все ути Царь вошелъ въ сопровожденіи на, оторопѣлаго отъ радости. «Зд господа!» сказалъ Петръ съ вес лицемъ. Всѣ низко поклонились. Бы взоры Царя отыскали въ толпѣ дую хозяйскую дочь; онъ подозв Наталья Гавриловна приблизила вольно смѣло, но покраснѣвъ не по уши, а даже по плеча. «Ты ч часу хорошѣешь,» сказалъ ей дарь и, по своему обыкновенію, ловалъ ее въ голову; потомъ, об къ гостямъ: «что-же? я вамъ пом вы обѣдали; прошу садиться о мнѣ, Гаврила Аѳанасьевичъ, анисовой водки.» Хозяинъ броси величавому дворецкому, выхват рукъ у него подносъ, самъ нал лотую чарочку и подалъ ее съ номъ Государю. Петръ выпилъ силъ кренделемъ и вторично приг гостей продолжать обѣдъ. Всѣ свои прежнія мѣста, кромѣ кар барской барыни, которыя не смѣл

(*) Рагузинскій.

:м за столомъ, удостоеннымъ цар-
ъ присутствіемъ. Петръ сѣлъ подлѣ
ина и спросилъ себѣ щей. Государь-
денщикъ подалъ ему деревянную
ку, оправленную слоновою костью,
акъ и вилку съ зелеными костяны-
ренками, ибо Петръ никогда не
гребллялъ другаго прибора, кромѣ
го. Обѣдъ, за минуту передъ симъ
но оживленный веселіемъ и говор-
остію, продолжался въ тишинѣ и
нужденности. Хозяинъ, изъ почте-
и радости, ничего не ѣлъ; гости
ке чинились и съ благоговѣніемъ
шали, какъ Государь по-нѣмецки
оваривалъ съ плѣннымъ Шведомъ
ходѣ 1701 года. Дура Екимовна,
колько разъ вопрошаемая Государь-
, отвѣчала съ какою-то робкой хо-
остію, что (замѣчу мимоходомъ)
:е не доказывало природной ея глу-
ги; наконецъ обѣдъ кончился. Го-
рь всталъ, за нимъ и всѣ гости.
врила Аѳанасьевичъ!» сказалъ онъ
ину: «мнѣ нужно съ тобою пого-
ить наединѣ — и, взявъ его подъ
у, увелъ въ гостинную и заперъ за
ою дверь. Гости остались въ сто-
ой, шопотомъ толкуя объ этомъ
жиданномъ посѣщеніи, и, опасаясь
ъ нескромными, вскорѣ разъѣхались
въ за другимъ, не поблагодаривъ
ина за его хлѣбъ-соль.

А. Пушкинъ.

---

29. КОЗЬМА РОЩИНЪ.

МОСКОВСКАЯ ЧУМА.

Тысяча-семь-сотъ-семьдесятъ пер-
й годъ памятенъ для московскихъ жи-
ей: онъ былъ однимъ изъ самыхъ
кихъ годовъ для нашей древней
ицы; и теперь еще старики, разска-
ая про былое, говорятъ: «это случи-
ь года два до Московской чумы; это
о въ самый чумный годъ.»—Выра-
сь такимъ образомъ, они увѣрены,
что опредѣляютъ съ большею точностью
время происшествія. До сихъ поръ мо-
сковскіе старожилы вспоминаютъ съ у-
жасомъ объ этой «годинѣ бѣдствія,» съ
которой, по словамъ ихъ, едва-ли мо-
жетъ сравниться французскій «погромъ»
1812 года. Я почти согласенъ съ этимъ:
въ 1812 году, смотря на необъятное
пепелище Москвы, на тысячи разру-
шенныхъ и сгорѣвшихъ домовъ, вы мо-
ли думать, что тѣ, которые въ нихъ
жили, зажгли ихъ собственной своей
рукою; что они утратили часть своего
достоянія, но спаслись сами, и, можетъ
быть, спасли симъ пожертвованіемъ сла-
ву, могущество и самобытность своей
родины. Эта утѣшительная мысль, эта
мысль, возвышающая душу, накидыва-
ла какой-то очаровательный покровъ на
развалины Москвы; вы смотрѣли не съ
горемъ, но съ благоговѣніемъ и гор-
достью на эти священныя груды ка-
менъ, на эту обширную могилу враговъ
Россіи. Пусть скажетъ тотъ, кто вскорѣ
по изгнаніи Французовъ былъ въ
Москвѣ, не была ли эта мысль для него
ангеломъ-утѣшителемъ даже и тогда,
когда онъ сидѣлъ на развалинахъ соб-
ственнаго своего дома.

Въ 1771 году Москва не горѣла, по
улицамъ не дымились остовы домовъ:
дома стояли по-прежнему на своихъ мѣ-
стахъ; но эти заколоченныя двери, за-
битыя досками окна, эти вывѣски смер-
ти — красные кресты на воротахъ за-
чумленныхъ домовъ — которые, какъ
два ряда огромныхъ гробовъ, тянулись
по обѣимъ сторонамъ улицы,—не во сто-
ли разъ ужаснѣе всякаго пожара? При-
бавьте къ тому почти совершенное без-
началіе, безмолвіе могильное въ пред-
мѣстіяхъ, неистовые крики бунтующей
черни въ срединѣ города,—этой безум-
ной толпы, которая, упившись кровію
тѣхъ, кои заботились о ея-же спасеніи,
грабила, разбивала кабаки и устилала
своими зараженными трупами опустѣ-
лыя улицы Москвы. Представьте себѣ
все это, и вы вѣрно согласитесь, что
бѣдствіе 1771-го года было гораздо ти-

желѣе для московскихъ жителей, чѣмъ то, которое въ 1812 году сдѣлалось началомъ, а, можетъ быть, и главной причиною спасенія всей Европы.

Восточная чума, которую простой народъ такъ выразительно называетъ *моромъ*, показалась въ Москвѣ еще въ 1770 году; она свирѣпствовала тогда въ Молдавіи и Валахіи, гдѣ въ то время расположены были наши войска. Частыя сообщенія московскихъ жителей съ дѣйствующею арміею, вѣроятно, были причиною появленія язвы сначала въ Малороссіи, а потомъ и въ самой Москвѣ. Мѣры, принятыя начальствомъ, казалось, прекратили ее совершенно; но въ слѣдующемъ, то есть въ 1771 году, въ мартѣ мѣсяцѣ она открылась снова и усилилась до того, что въ сентябрѣ число ежедневно умиравшихъ доходило до тысячи человѣкъ. Всѣ старанія для прекращенія моровой язвы были безуспѣшны.

Чернь негодовала на учрежденіе карантинныхъ домовъ, запечатаніе бань, а болѣе всего на запрещеніе погребать умирающихъ при городскихъ церквахъ. Въ смутныя времена обманщики и плуты всегда пользуются легковѣріемъ народнымъ. Одинъ фабричный изъ суконнаго двора началъ разглашать, будтобы видѣлъ во снѣ, что это бѣдствіе постигло Москву за то, что никто не только не пѣлъ молебна, но даже и свѣчи не хотѣлъ поставить образу Божіей Матери, находящемуся у Варварскихъ воротъ. Не смотря на нелѣпость этой сказки, или, лучше сказать, потому именно, что въ ней все противорѣчило истинной вѣрѣ и здравому смыслу, безумная чернь кинулась толпою къ Варварскимъ воротамъ, начались безпрерывные молебны, здоровые и больные стекались со всѣхъ концевъ Москвы, заражали другъ друга, и, разнося смерть по домамъ своимъ, гибли цѣлыми семействами.

Въ это-то бѣдственное время, рано по утру, 15 сентября, тащилась шагомъ по большой ярославской дорогѣ телѣга, запряженная тройною лошад
ней сидѣлъ купецъ въ синемъ
нѣ тонкаго сукна, сверхъ котор
брошена была дорогая лисья ш
перваго взгляда на его бѣлу
снѣгъ бороду и высокій лобъ,
тый морщинами, можно было под
что онъ доживаетъ осьмой дес
но жизнь, которая горѣла въ ег
захъ, по временамъ грустныхъ и
чивыхъ, его прямой и видный
не совсѣмъ поблекшія щеки, все
зывало, что не лѣта, а горе прове
глубокія морщины на лицѣ и по
преждевременной сѣдиною его г

— Вотъ ужъ солнышко и приг
стало, сказалъ проѣзжій, спус
плечъ свою шубу.—Эй другъ с
ный! продолжалъ онъ, обраща
ямщику: ты ужъ версты четыре
шагомъ. Не пора-ли рысцой!

— Постой, хозяинъ, отвѣчал
щикъ: выберемся на горку, такъ и
поѣдемъ. Да что ты больно торо
Теперь всѣ наровятъ изъ Москв
Москву охотниковъ мало.

— А ты давно-ли былъ въ М
спросилъ купецъ.

— Да вотъ ономнясь, дней
назадъ, возилъ ростовскаго куп

— Ну, что, полегче-ли тамъ

— Куда легче! Такой моръ,
сказать нельзя! Такъ, слышь ты,
и варитъ. Гробовъ не успѣваю
лать.

— Боже мой! Боже мой! прош
купецъ, не накажи меня по гр
моимъ!

— Прогнѣвали мы Господа, п
жалъ ямщикъ. А слышалъ-ли т
зяинъ: на Варварскихъ воротахъ
ся образъ Боголюбской Божіей М

— Нѣтъ, не слышалъ.

— Я въ прошлый разъ ходил
ему свѣчу поставить. Господи Бо
народу-то, народу!.... Такъ друг
га и давятъ! А, говорятъ, стало
пуще прежняго.

— И не диво, любезный! Вѣ
болѣзнь пристаетъ.—Ну, теперь,

ъ горку, продолжалъ купецъ.
ка, голубчикъ!
ди, хозяинъ. Выберемся изъ
а, такъ поѣдемъ; вишь, по
грязь какая; вовсе дороги

іе въѣхали въ село Пушкино.
аяли тощія собаки и замо-
одомъ телята бродили по у-
игдѣ не слышно было голоса
каго, ни одна труба не дыми-
было мертво и тихо, какъ въ
полночь.
это, любезный? спросилъ ку-
еще по домамъ всѣ спятъ?
лышко высоко.
ой спятъ! отвѣчалъ ямщикъ,
головою. Все Пушкино вы-

ожно ли! Не ужели всѣ до од-

отъ мала до велика; во всемъ
й души не осталось.
до одного! повторилъ купецъ
оса. Быть можетъ, въ этой
ри тому назадъ отецъ любо-
й семьею.... мать нянчила дѣ-
ь....
еперь, перервалъ ямщикъ, и
притворить некому: тутъ
кумъ Ѳаддей, мужикъ бога-
нья-то какая была! Шестеро
олодецъ къ молодцу. Недѣли
азадъ всѣ были здоровехонь-
въ послѣдній разъ я проѣз-
, гляжу, горемычный старикъ
ь перстъ сидитъ на завалинкѣ.
о хотѣлъ мнѣ сказать въ до-
вдругъ покатился, застоналъ
при мнѣ Богу душу отдалъ.
въ длинный порядокъ кресть-
воровъ, проѣзжіе стали при-
къ деревенской околицѣ. Изъ
бы, высунувшись до полови-
, смотрѣла на улицу кресть-
а, повязанная бѣлымъ плат-

ва тебѣ, Господи! сказалъ
насилу-то увидѣли живаго

Ямщикъ покачалъ головою.

— Да развѣ ты ослѣпъ? продолжалъ купецъ: вонъ, въ крайней-то избѣ!

— Вижу, хозяинъ; да ужъ она пятые сутки смотритъ изъ окна. Видно, голубушка, хотѣла передъ смертью взглянуть на свѣтъ божій. Сердечная!... и прибрать-то ее некому.

Купецъ невольно содрогнулся, когда они поровнялись съ избою, изъ которой выглядывала эта ужасная хозяйка. Онъ закрылъ руками глаза, чтобъ не видѣть ея обезображеннаго и покрытаго черными пятнами лица, на которомъ замерло выраженіе нестерпимой муки и адскаго страданія.

Когда проѣзжіе выѣхали изъ села, ямщикъ тронулъ лошадей и поѣхалъ небольшой рысцою.

— Да прибавь немного ходу! сказалъ купецъ: этакъ мы цѣлый день протащимся.

— Какъ еще ѣхать-то, пробормоталъ извощикъ, пошевеливая возжами. И куда спѣшить, хозяинъ? Вѣдь не на радость ѣдешь.

— Почему ты это знаешь? спросилъ торопливо купецъ.

— Да что теперь веселаго-то въ Москвѣ?

— У меня тамъ жена и дѣти.

— Вотъ что! — Да постой-ка, продолжалъ ямщикъ, оборачиваясь къ своему сѣдоку, никакъ ты московскій гость Ѳедотъ Абрамычъ Сибиряковъ?

— Да, это я.

— То-то, я слышу, голосъ знакомъ. Ахъ, ты Господи, Боже мой, на-силу призналъ!

— Да почему ты меня знаешь?

— Какъ не знать! Я прошлую осень возилъ тебя со всей семьею въ Ростовъ. Вѣдь у тебя свой домъ на Варваркѣ, въ приходѣ Максима Исповѣдника! Такія знатныя каменныя палаты.

— Постой, постой! сказалъ купецъ: а тебя не Андреемъ-ли зовутъ?

— Андреемъ, батюшка. Я и сожительницу и дѣтокъ твоихъ знаю. Ну, ужъ хозяюшка у тебя, что за добрый чело-

вѣкъ! Дай Богъ ей много лѣтъ здравствовать! И двѣ дочки, нечего сказать, такія ласковыя, пригожія.... Вотъ сынокъ-то у тебя....

— У меня нѣтъ сына.

— А кто-жъ это былъ съ вами? Такъ, парнишка рыженькій, некашный собою. Терешой зовутъ?

— Это мой пріемышъ.

— Да на что-жъ тебѣ пріемышъ, коли у тебя свои родныя дочки есть?

— Я взялъ его тогда, когда еще у меня дѣтей не было.

— Вотъ что! Ну, не погнѣвайся, хозяинъ: навязалъ ты на себя лихую болѣсть! Вѣдь этотъ пострѣлъ Тереша всѣ озарникъ. Да какой злющій!.... Помнишь въ Большихъ Мытищахъ мы остановились дать вздохнуть лошадямъ. Вы пошли чайку напиться, а я забѣжалъ на царское кружало винца хлѣбнуть. Что-жъ, ты думаешь, этотъ рыжій безъ меня надѣлалъ? Возьми, да и разнуздай потихоньку лошадей! Еще хорошо, что я спохватился, а то бѣда, да и только. Кони у меня лихіе, косточки-бы живой не оставили. Вотъ я сталъ на него браниться, такъ онъ-же, чертенокъ, лукнулъ въ меня камнемъ, да чуть-чуть глазъ не вышибъ.

— Да, сказалъ со вздохомъ купецъ, видно, по грѣхамъ наказалъ меня Господь.

— И, хозяинъ! Да что онъ, родной что-ль тебѣ? На порогъ, да и въ шею!

— Нѣтъ, другъ сердечный; когда Господь Богъ и отъ меня, окаяннаго грѣшника, не всѣ еще отступился, такъ мнѣ-ли покинуть безъ призрѣнья этого круглаго сироту! Придется терпѣть отъ него горе: что дѣлать, любезный! Видно, на это была воля Божія; и если-бы только Господь помиловалъ жену мою и дѣтей....

— Небойсь, хозяинъ, перервалъ ямщикъ; авось все ладно будетъ; Богъ милостивъ.... Ну, вотъ теперь дорога пойдетъ скатертью, потѣшить что-ль твою милость?

—Пожалуйста, любезный! Поспѣешь въ Москву къ обѣднямъ, такъ я рубль на водку дамъ.

— Спасибо, хозяинъ! Да крѣпки у тебя повозка-то? сказалъ ямщи подбирая вожжи. Эй вы, други! С три, Ѳедотъ Абрамычъ, держись! должалъ онъ, вытаскивая изъ-за по свой ременный кнутъ. Ну что стали Ударю! Эй ты, сѣрко, замялся!.... ножки болятъ?

Удалой ямщикъ свистнулъ, гаркну и телѣга вихремъ помчалась по ни кой дорогѣ. Тарасовка, Большія Мы щи, Ростокино, село Алексѣевское, своимъ царскимъ домомъ и зеркальн прудами, замелькали мимо проѣзж и благовѣстъ еще не начинался въ родѣ, когда ямщикъ, осадивъ съ т домъ свою лихую тройку, останови близь креста у Троицкой заставы. нимъ подошелъ, какъ будто не-хо старый инвалидъ, и, узнавъ, что куп ѣдетъ изъ «благополучнаго» города Я славля, безъ дальнихъ распросовъ от рилъ рогатку. «Ну, счастливъ ты хо инъ!» сказалъ ямщикъ, тронувъ ло дей: «меня въ прошлый разъ отъ мыхъ полуденъ продержали за ро кою почитай вплоть до вечерень; р просовъ-то сколько было....»

— А вотъ обозъ, что передъ н идетъ, сказалъ купецъ; его всѣ останавливали.

— Да, да! подхватилъ ямщикъ. за притча такая?

— Видно, любезный, и караулить ужъ некому нашу матушку Москву

— Что-ты, хозяинъ! Мало-ли за всякихъ командъ? Однихъ выборн да десятскихъ тма тмущая. Нѣтъ, зн въ Москвѣ-то полегче стало.

— Дай-то Господи! произнесъ глубокимъ вздохомъ купецъ.

Обозъ, который ѣхалъ передъ н ѣзжими, вдругъ сталъ торопливо сво чивать въ сторону, и впереди разда отвратительный, сиповатый голо «сворачивай проворнѣй! господа ѣду Въ одну минуту вся середина ул опустѣла, и купецъ увидѣлъ передъ

кой страшный поѣздъ, что серд-
оледенѣло отъ ужаса. Къ застa-
улся длинный рядъ роспусковъ,
кенныхъ гробами; нѣкоторые изъ
были такъ плохо сколочены, что,
ось, при каждомъ потрясеніи гото-
ли развалиться; иные были даже
безъ крышъ, и безобразные, едва
ытые цыновками, трупы выгляды-
изъ нихъ на проходящихъ. Живые
которые окружали эту похорон-
роцессію, показались проѣзжему
каснѣе самихъ мертвецовъ не по-
что они были одѣты какими-то
ами, въ вощаные балахоны и кол-
но ихъ пьяныя, развратныя физіо-
ихъ звѣрскія лица, ихъ безум-
охотъ при видѣ проѣзжихъ, ко-
торопились сворачивать съ доро-
е придавало имъ видъ настоящихъ
овъ. Нѣсколько поодаль шли гар-
ные солдаты съ ружьями и ѣхалъ
ейской чиновникъ верхомъ.

О, Господи! сказалъ купецъ, что
люди!.... Въ нихъ нѣтъ и образа
ѣческаго.

Развѣ не видишь, хозяинъ, что
кандалахъ? перервалъ ямщикъ.
збойники.

Разбойники? повторилъ робкимъ
мъ купецъ.

Ну, да. Сначала вывозили покой-
ъ за городъ казенные погонщики;
ьно стали мереть, такъ теперь на-
ъ изъ острога колодниковъ.

Эй, ты хозяинъ! закричалъ одинъ
ный, почин кубышку-то, дай что
ь! нечемъ помянуть покойниковъ.

Да полно, не скупись промолвилъ
і. Вѣдь завтра, можетъ статься,
туда-же потащимъ.

ецъ бросилъ имъ горсть мелкихъ
; всѣ разбойники, какъ голодныя
, кинулись подбирать мѣдные
; одинъ только колодникъ, ар-
грехъ росту, не подражалъ ихъ
ру. Онъ стоялъ неподвижно на
мѣстѣ и пристально смотрѣлъ на

Ну, что ты, Каланча, глаза-то
выпучилъ! закричалъ одинъ изъ его то-
варищей. Иль захотѣлъ плети отвѣдать?
Ступай!

— Проѣзжай скорѣй, любезный, шепнулъ купецъ, на этихъ людей и глядѣть-то страшно!

— Поживешь здѣсь денька два, такъ привыкнешь, пробормоталъ ямщикъ, погоняя лошадей.

Они проѣхали отъ заставы до самой Сухаревой Башни, не встрѣтивъ ни одного прохожаго. Мертвая тишина, изрѣдка прерываемая глухими воплями, которые проникали сквозь стѣны домовъ; кой-гдѣ на церковныхъ погостахъ окостенѣлые трупы нищихъ, заколоченныя двери, окна съ выбитыми стеклами, и вездѣ, почти на каждомъ шагу, красные кресты на воротахъ. За Сухаревой Башней проѣзжіе стали обгонять сначала людей, идущихъ поодиначкѣ, потомъ цѣлыя толпы мужчинъ и женщинъ, и когда, выѣхавъ къ Никольскимъ воротамъ, поворотили налѣво, мимо городской стѣны, то должны были безпрестанно останавливаться, чтобъ не передавить народа.

— Смотри-ка, хозяинъ, сказалъ ямщикъ, какъ всѣ православные бѣгутъ молиться Боголюбской Божіей Матери! Глядь-ка, глядь! вонъ тамъ, у Варварскихъ воротъ!.... Ахъ ты, Господи! Эва народу-то! Словно въ котлѣ кипятъ!

— Да что это? сказалъ купецъ, прислушиваясь къ какимъ-то невнятнымъ звукамъ, которые, какъ отдаленные перекаты грома, раздавались посреди безчисленной толпы народа; это не походитъ на обыкновенный людской говоръ.... Слышишь, какъ кричатъ?

— Слышу, Ѳедотъ Абрамычъ. Въ прошлый разъ народу не меньше было, а такъ не шумѣли.... Ужъ не фабричные-ли?....

— Избави, Господи!

— А вотъ постой, хозяинъ; подъѣдемъ ближе, такъ увидимъ.

Не доѣзжая шаговъ триста до Варварскихъ воротъ, проѣзжіе должны были остановиться. Все пространство меж-

ду городской стѣны и приходской церви Всѣхъ Святыхъ было усыпано народомъ.

— Ну, дѣлать нечего, сказалъ купецъ, вылѣзая изъ телѣги. Ступай назадъ; авось Ильинскими воротами проѣдешь на Варварку, а я ужъ какъ-нибуть добреду пѣшкомъ до дому.

Ямщикъ поворотилъ лошадей, а купецъ смѣшался съ народомъ, и попеременно, то продираясь медленно впередъ, то быстро увлекаемый бѣгущими толпами, очутился въ нѣсколько минутъ у самыхъ Варварскихъ воротъ. Прежде всего кинулся ему въ глаза стоящій на высокой скамьѣ небольшаго роста человѣкъ, съ растрепанными волосами, запачканный, оборванный; однимъ словомъ, похожій на убѣжавшаго изъ тюрьмы колодника; онъ кричалъ отъ времени до времени охриплымъ и протяжнымъ голосомъ: «порадѣйте, православные, Богоматери на всемірную свѣчу!» Къ образу Боголюбской Божіей Матери, вдѣланному саженяхъ въ двухъ отъ земли въ стѣну башни, приставлена была лѣстница; народъ лѣзъ по ней безпрерывно вверхъ; одни прикладывались, другіе ставили свѣчи; нижніе цѣплялись за верхнихъ, сталкивали ихъ внизъ, падали сами; ихъ топтали въ ногахъ, давили; клятвы, крики, женскій визгъ, стоны умирающихъ — все заглушалось общимъ ропотомъ народа, который волновался и шумѣлъ, какъ бурное море. Прислушиваясь къ разговорамъ нѣкоторыхъ лицъ, пріѣзжій купецъ былъ пораженъ именемъ преосвященнаго Амвросія и намеками на опасность, угрожающую добродѣтельному пастырю. Онъ хотѣлъ узнать подробнѣе, въ чемъ дѣло; распрашивалъ многихъ; отвѣты были темны или заключались въ общихъ угрозахъ; и онъ не сталъ обращать на нихъ вниманія.

Когда толпа начала рѣдѣть, купецъ снова пошелъ впередъ. Миновавъ церковь Георгія Побѣдоносца, онъ выбрался на просторъ; позади его кипѣли толпы народа, но впереди вся улица была пуста и только кой-гдѣ изъ оконъ домовъ выглядывали украдкою жены богатыхъ купцовъ, которыя жили въ заперти и не смѣли выходить на улицу. Вдругъ купецъ, который шелъ скорыми шагами, остановился; онъ увидѣлъ вдали кровлю своего дома; сердце его сжалось, холодный потъ выступилъ на блѣдномъ лицѣ. До этой рѣшительной минуты онъ не вовсе былъ несчастливъ: онъ могъ надѣяться, могъ думать: «у меня есть жена, у меня есть дѣти!» Но теперь.... еще нѣсколько шаговъ, еще полминуты—и, быть можетъ, онъ давно уже одинъ въ цѣломъ мірѣ; горькій сирота, съ сѣдыми волосами, быть можетъ, онъ станетъ искать и не найдетъ могилы, надъ которою могъ-бы поплакать. «Милосердый Боже!» прошепталъ бѣдный старикъ: «не мнѣ просить Тебя о милости; но чтобъ искупить ихъ жизнь, нашли на меня болѣзни, страданія, дозволь мнѣ живому лечь въ могилу, и я стану прославлять Твое милосердіе!»

Въ эту самую минуту оборванный и безобразный собою мальчишка, который бѣжалъ, оглядываясь безпрестанно назадъ, наткнулся на купца.

— Тереша! вскричалъ онъ, схвативъ его за руку, ты-ли это?

— Вѣстимо я, пробормоталъ мальчишка, стараясь вырваться.

— Да постой! Куда ты бѣжишь?... Ну что, скажи: все-ли у насъ здорово? Что моя жена?.... что дочери?

— А что имъ дѣлается! сказалъ мальчикъ, поглядывая съ нетерпѣніемъ впередъ.

— Такъ онѣ живы?

— А кто ихъ знаетъ!

— Да развѣ ты живешь не съ ними?

— Вѣстимо нѣтъ! Мнѣ колотушки-то надоѣли.... Да пусти меня!

— Возможно-ли! вскричалъ купецъ; ты покинулъ мой домъ? Да какъ ты смѣлъ....

— А вотъ какъ! сказалъ мальчикъ, высвободивъ свою руку и пускаясь бѣгомъ къ Варварскимъ воротамъ.

Онъ живъ! прошепталъ купецъ, въ слѣдъ за своимъ пріемышемъ. ь можетъ, этотъ ангелъ во плоти, оя, мои дѣти.... О, скорѣй, ско- родолжалъ онъ, торопясь идти ъ; что будетъ, то будетъ, а луч- ній конецъ!

отъ ужъ онъ подлѣ своего дома; ъ: ставни заперты, двери съ ули- олочены досками; онъ спѣшитъ отамъ...Праведный Боже! На нихъ ій крестъ!.... Но кажется?.. Такъ на дворѣ залаяла собака. Такъ, е совсѣмъ еще покинутъ! Купецъ ъ въкалитку—отвѣту нѣтъ; одна собака, почуявъ хозяина, лаетъ прежняго. Проходитъ нѣсколько ь — все таже мертвая тишина. въ сосѣднемъ домѣ медленно от- ось окно, и человѣкъ съ блѣд- больнымъ лицемъ, сказалъ купцу: Не стучи, любезный; въ этомъ икого нѣтъ.

Никого? повторилъ бѣдный ста- прерывающимся голосомъ; а хо- дома?

Третій день, какъ умерла.

А ея дочери?

Вчера послѣднюю отвезли на ще.

Послѣднюю !.. прошепталъ ку-

прислонился къ стѣнѣ своего Несчастный не лишился памяти: вствовалъ, онъ понималъ, что у ѣтъ ни жены, ни дѣтей. Есть го- горое мы, Богъ знаетъ по чему, емъ горемъ: оно не имѣетъ и не ь имѣть имени на языкѣ человѣ- къ. Это чувство непродолжитель- съ послѣдній вздохъ умирающа- полжизни безпрерывныхъ болѣз- ный вѣкъ страданій тѣлесныхъ предъ этой минутной смертію Старикъ-сирота молчалъ; въ ъ его не было слезъ, въ груди ого вздоха; онъ взглянулъ на ; они были ясны, чисты, но так- отвѣтны, также мертвы, какъ его. Ему казалось, что кто-то шепталъ надъ его ухомъ: «не стучись и тамъ, старикъ; и тамъ тебѣ никто не откликнется.» Безжизненные взоры купца остановились на притворѣ церкви, противъ которой онъ находился. Вдругъ они вспыхнули. «И такъ,» вскричалъ онъ, заскрежетавъ зубами, »ни раская- ніе, ни теплыя молитвы, ни кровавыя слезы мои, ничто не могло смягчить Тебя!» Въ эту минуту кто-то вышелъ изъ церкви; въ ней служили молебенъ, и черезъ растворенныя двери послы- шались тихіе голоса; на клиросѣ пѣ- ли: «Царю Небесный, утѣшителю, ду- ше истины!» Слова отчаянія замерли на устахъ купца, кроткое смиреніе, какъ благотворный дождь, пролилось въ его душу, слезы брызнули изъ глазъ и онъ упалъ во прахъ предъ карающей дес- ницею своего Господа.

Усердная молитва облегчила сердце несчастнаго. Онъ чувствовалъ всю ве- ликость своей потери; онъ могъ ска- зать: «Прискорбна есть душа моя да- же до смерти,» но не ропталъ уже на Того, Кто даетъ и отнимаетъ. «Да бу- детъ Твоя святая воля!» сказалъ онъ, устремивъ глаза на икону Спасителя, которая вносѣла надъ притворомъ церк- ви. «Твой праведный судъ совершился надо мною, Ты видишь мои страданія— Господи, Господи! Примирился-ль я съ Тобою?»

Скоро нагрянула толпа людей, шед- шихъ отъ Варварскихъ воротъ, и онъ услышалъ снова имя Амвросія. Ку- пецъ задрожалъ; онъ сталъ страшить- ся за безопасность почитаемаго архи- пастыря, котораго зналъ лично.

Съ горестью въ сердцѣ должны мы упомянуть здѣсь о происшествіи, ко- тораго ужасъ не позволяетъ намъ рас- крыть всѣ подробности.

Кромѣ бѣдствій, которыя претерпѣ- ла Москва въ это время, ей суждено было еще прибавить черную страницу къ своимъ лѣтописямъ. Ужасное зло- дѣяніе совершилось въ ея стѣнахъ: ар- хіепископъ Амвросій палъ, какъ изве- стно, подъ ножемъ шайки гнусныхъ

злоумышленниковъ. Накинемъ скорѣе завѣсу на это святотатственное событіе, о которомъ московскіе старожилы доселѣ не могутъ вспомнить безъ содроганія, и скажемъ только, какое участіе принималъ въ немъ нашъ пріѣзжій купецъ панскаго ряда, Ѳедотъ Абрамовичъ Сибиряковъ.

Удостовѣрившись въ дѣйствительности замысла злодѣевъ, этотъ несчастный человѣкъ рѣшился спасти Амвросія. На другой день, 16 сентября, рано по-утру онъ поскакалъ въ Донской монастырь, гдѣ тогда жилъ архіерей. Онъ засталъ у воротъ обители одного молодаго послушника и келейника Амвросіева, и требовалъ отъ нихъ настоятельно, чтобы они убѣдили достойнаго пастыря тотчасъ уѣхать подальше отъ Москвы. Преосвященный не успѣлъ еще выполнить его совѣта, какъ уже убійцы были у воротъ монастыря. Они искали убѣжища въ церкви. Злодѣи вломились въ храмъ, и тотъ самый пріемышъ Сибирякова, змѣя, воплощенная въ человѣческомъ тѣлѣ, открылъ его на хорахъ и указалъ разъяреннымъ изувѣрамъ. Разбойники стащили преосвященнаго съ хоръ. Одинъ изъ нихъ, въ которомъ Сибиряковъ узналъ фабричнаго, собиравшаго у Варварскихъ воротъ деньги «на всемірную свѣчу», бѣснovался болѣе другихъ. Истощивъ всѣ бранныя слова, онъ заносилъ уже широкій ножъ надъ грудью жертвы. Сибиряковъ схватилъ его за руку и остановилъ ударъ. «А этотъ что вступается?» заревѣли кругомъ голоса разбойниковъ; «бейте его!» — «Чтовы, братцы?» принужденъ былъ сказать купецъ, вѣдь я съ вами! Пригожее-ли дѣло осквернять храмъ Господень! Выведемъ его изъ монастыря, а тамъ допросимъ, увидимъ....»—«Правда, правда!» вскричали разбойники: «вѣдь онъ не уйдетъ!» Сибиряковъ надѣялся, что онъ между тѣмъ успѣетъ усовѣстить изверговъ; но всѣ его усилія были тщетны. Амвросій погибъ. Злоумышленники не избѣгли заслуженнаго наказанія. Петръ Дмитріевичъ Еропкинъ, единственный тогда начальникъ въ Москвѣ успѣлъ собрать нѣсколько ротъ Великолуцкаго полка, который стоялъ верстахъ въ тридцати отъ города, и, при помощи этой горсти солдатъ, разсѣялъ скопище и переловилъ зачинщиковъ. Вслѣдъ за этимъ прибылъ въ Москву главнокомандующій, графъ Петръ Семеновичъ Салтыковъ, гражданскій губернаторъ Юшковъ и оберъ-полицеймейстеръ Бахметьевъ. Вскорѣ спокойствіе было совершенно возстановлено и учреждена особая коммиссія для производства слѣдствія объ убіеніи архіепископа Амвросія.

Загоскинъ.

(Повѣсти Загоскина.)

---

30. СТАРОСВѢТСКІЕ ПОМѢЩИКИ.

АѲАНАСІЙ ИВАНОВИЧЪ И ПУЛЬХЕРІЯ ИВАНОВНА.

Я очень люблю скромную жизнь тѣхъ уединенныхъ владѣтелей отдаленныхъ деревень, которыхъ въ Малороссіи обыкновенно называютъ старосвѣтскими, которые, какъ дряхлые живописные домики, хороши своею простотою и совершенною противоположностью съ новымъ гладенькимъ строеніемъ, котораго стѣнъ не промылъ еще дождь, крыши не покрыла зеленая плесень, и лишенное щекатурки крыльцо не показываетъ своихъ красныхъ кирпичей. Я иногда люблю сойти на минуту въ сферу этой необыкновенно уединенной жизни, гдѣ ни одно желаніе не перелетаетъ за частоколъ, окружающій небольшой дворикъ, за плетень сада, наполненнаго яблонями и сливами, за деревенскія избы, его окружающія, пошатнувшіяся на сторону, осѣненныя вербами, бузиною

рушами. Жизнь ихъ скромныхъ вла
телей такъ тиха, такъ тиха, что на
куту забываешься и думаешь, что
асти, желанія и тѣ неспокойныя по-
жденія злаго духа, возмущающія
ръ, вовсе не существуютъ, и ты ихъ
дѣлъ только въ блестящемъ сверкаю-
емъ сновидѣніи. Я отсюда вижу ни-
кій домикъ съ галлереею изъ ма-
ькихъ почернѣлыхъ деревянныхъ
олбиковъ, идущею вокругъ всего до-
а, чтобы можно было, во время грома
града, затворить ставни оконъ, не за-
очась дождемъ. За нимъ душистая че-
емуха, цѣлые ряды низенькихъ фрук-
ыхъ деревъ, потопленныхъ багря-
емъ вишенъ и яхонтовымъ моремъ
ивъ, покрытыхъ свинцовымъ матомъ,
извѣстый клинъ, въ тѣни котораго
остланъ для отдыха коверъ; передъ
окомъ просторный дворъ съ низень-
ою свѣжею травкою, съ протоптанною
орожкою отъ амбара до кухни и отъ
ухни до барскихъ покоевъ; длинноше-
ый гусь, пьющій воду съ молодыми и
ѣжими, какъ пухъ, гусятами; часто-
олъ, обвѣшанный связками сушеныхъ
рушъ и яблокъ и провѣтривающимися
ожаки, возъ съ дынями, стоящій воз-
ѣ амбара, отпряженный волъ, лѣниво
ежащій возлѣ него, — все это для меня
мѣетъ неизъяснимую прелесть, можетъ
ыть отъ того, что я уже не вижу ихъ
и что намъ мило все то, съ чѣмъ мы въ
малукѣ. Какъ-бы то ни было, но даже
огда, когда бричка моя подъѣзжала къ
рыльцу этого домика, душа принимала
удительно пріятное и спокойное со-
тояніе; лошади весело подкачивали
одъ крыльцо; кучеръ преспокойно слѣ-
алъ съ козелъ и набивалъ трубку, какъ
удто-бы онъ пріѣзжалъ въ собствен-
ый домъ свой; самый лай, который
одымали флегматическіе барбосы,
ронки и жучки, былъ пріятенъ моимъ
шамъ. Но болѣе всего мнѣ нравились
ивые владѣтели этихъ скромныхъ
оловъ, старички, старушки, заботли-
во выходившіе на встрѣчу. Ихъ лица
мнѣ представляются и теперь, иногда
въ шумѣ и толпѣ среди модныхъ фра-
ковъ, и тогда вдругъ на меня находитъ
полусонъ и мерещится былое. На ли-
цахъ у нихъ всегда написана такая до-
брота, такое радушіе и чистосердечіе,
что невольно отказываешься, хотя по
крайней мѣрѣ на короткое время, отъ
всѣхъ дерзкихъ мечтаній и незамѣтно
переходишь всѣми чувствами въ изме-
нную буколическую жизнь.

Я до сихъ поръ не могу позабыть двухъ старичковъ прошедшаго вѣка, которыхъ, увы! теперь уже нѣтъ, но душа моя полна еще до сихъ поръ жалости, и чувства мои странно сжимаются, когда воображу себѣ, что пріѣду со временемъ опять на ихъ прежнее, нынѣ опустѣлое жилище, и увижу кучу развалившихся хатъ, заглохшій прудъ, заросшій ровъ на томъ мѣстѣ, гдѣ стоялъ низенькій домикъ — и ничего болѣе. Грустно, мнѣ заранѣе грустно! Но обратимся къ разсказу. Аѳанасій Ивановичъ Товстогубъ и жена его Пульхерія Ивановна Товстогубиха, по выраженію окружныхъ мужиковъ, были тѣ старики, о которыхъ я началъ разсказывать. Если-бы я былъ живописецъ и хотѣлъ изобразить на полотнѣ Филемона и Бавкиду, я-бы никогда не избралъ другаго оригинала, кромѣ ихъ. Аѳанасію Ивановичу было шестьдесятъ лѣтъ, Пульхеріи Ивановнѣ пятьдесятъ пять. Аѳанасій Ивановичъ былъ высокаго роста, ходилъ всегда въ бараньемъ тулупчикѣ, покрытомъ камлотомъ, сидѣлъ согнувшись и всегда почти улыбался, хотя-бы разсказывалъ или просто слушалъ. Пульхерія Ивановна были нѣсколько серьезна, почти никогда не смѣялась; но на лицѣ и въ глазахъ ея было написано столько доброты, столько готовности угостить васъ всѣмъ, что было у нихъ лучшаго, что вы вѣрно нашли-бы улыбку уже черезъ чуръ приторною для ея добраго лица. Легкія морщины на ихъ лицахъ

были расположены съ такою пріятностію, что художникъ вѣрно-бы укралъ ихъ. Понимъ можно было, казалось, читать всю жизнь ихъ, ясную, спокойную, жизнь, которую вели старыя національныя, простосердечныя и вмѣстѣ богатыя фамиліи, всегда составляющія противоположность тѣмъ низкимъ Малороссіянамъ, которые выдираются изъ дегтярей, торгашей, наполняютъ, какъ саранча, палаты и присутственныя мѣста, дерутъ послѣднюю копѣйку съ своихъже земляковъ, наводняютъ Петербургъ ябедниками, наживаютъ наконецъ капиталъ и торжественно прибавляютъ къ фамиліи своей, оканчивающейся на *о*, слогъ *въ*. Нѣтъ, они не были похожи на этихъ презрѣнныхъ и жалкихъ твореній, также какъ и всѣ малороссійскія старинныя и коренныя фамиліи. Нельзя было глядѣть безъ участія на ихъ взаимную любовь. Они никогда не говорили другъ другу ты, но всегда вы: вы, Аѳанасій Ивановичъ; вы, Пульхерія Ивановна. «Это вы продавили стулъ, Аѳанасій Ивановичъ?» — «Ничего, не сердитесь, Пульхерія Ивановна: это я.»

Полъ почти во всѣхъ комнатахъ былъ глиняной, но такъ чисто вымазанный и содержался съ такою опрятностію, съ какою вѣрно не содержался ни одинъ паркетъ въ богатомъ домѣ, лѣниво подметаемый невыспавшимся господиномъ въ ливреѣ. Комната Пульхеріи Ивановны была вся уставлена сундуками, ящиками, ящичками и сундучечками. Множество узелковъ и мѣшковъ съ сѣменами, цвѣточными, огородными, арбузными висѣли по стѣнамъ. Множество клубковъ съ разноцвѣтною шерстью, лоскутковъ старинныхъ платьевъ, шитыхъ за полстолѣтія прежде, были укладены по угламъ въ сундучьахъ и между сундучками. Пульхерія Ивановна была большая хозяйка и собирала все, хотя иногда сама не знала, на что оно потомъ употребится. Но самое замѣчательное въ домѣ было поющія двери. Какъ только наставало утро, пѣніе дверей раздавалось по всему дому. Я не могу сказать, отъ чего онѣ пѣли: перержавѣвшія-ли петли были тому виною, или самъ механикъ, дѣлавшій ихъ, скрылъ въ нихъ какой нибудь секретъ; но замѣчательно то, что каждая дверь имѣла свой особенный голосъ: дверь, ведущая въ спальню, пѣла самымъ тоненькимъ дискантомъ; дверь, ведшая въ столовую, хрипѣла басомъ; но та, которая была въ сѣняхъ, издавала какой-то странный дребезжащій и вмѣстѣ стонущій звукъ, такъ что, вслушиваясь въ него, очень ясно наконецъ слышалось: батюшки, я зябну! Я знаю, что многимъ очень не нравится сей звукъ; но я его очень люблю, и если мнѣ случится иногда здѣсь услышать скрипъ дверей, тогда мнѣ вдругъ такъ и запахнетъ деревнею, низенькой комнаткой, озаренной свѣчкой въ старинномъ подсвѣчникѣ, ужиномъ, уже стоящимъ на столѣ, майскою темною ночью, глядящею изъ сада сквозь растворенное окно на столъ уставленный приборами, соловьемъ обдающимъ садъ, домъ и дальнюю рѣку своими раскатами, страхомъ и шорохомъ вѣтвей... и, Боже, какая длинная навѣвается мнѣ тогда вереница воспоминаній! Стулья въ комнатѣ были деревянные, массивные, какими обыкновенно отличается старина; они были всѣ съ высокими выточенными спинками въ натуральномъ видѣ безъ всякаго лака и краски; они не были даже обиты матеріею и были нѣсколько похожи на тѣ стулья, на которые и донынѣ садятся архіереи. Трехъ-угольные столики по угламъ, четырехъ-угольные передъ диваномъ и зеркаломъ въ тоненькихъ золотыхъ рамахъ, выточенныхъ листьями, коверъ передъ диваномъ съ птицами, похожими на цвѣты, и цвѣтами, похожи-

ми на птицы - вотъ все почти убранство невзыскательнаго домика, гдѣ жили мои старики.

Иногда, если было ясное время и въ комнатахъ довольно тепло натоплено, Аѳанасій Ивановичъ, развеселившись, любилъ пошутить надъ Пульхеріею Ивановною и поговорить о чемъ нибудь постороннемъ. «А что, Пульхерія Ивановна,» говорилъ онъ: «если-бы вдругъ загорѣлся домъ нашъ, куда-бы мы дѣлись?»—«Вотъ это Боже сохрани,» говорила Пульхерія Ивановна крестясь.—«Ну, да положимъ, что домъ нашъ сгорѣлъ, куда-бы мы перешли тогда?» —«Богъ знаетъ, что вы говорите, Аѳанасій Ивановичъ! какъ можно, чтобы домъ могъ сгорѣть: Богъ этого не попуститъ.»—«Ну, а если-бы сгорѣлъ?»—«Ну, тогда-бы мы перешли въ кухню. Вы-бы заняли на время ту комнату, которую занимаетъ ключница.» — «А если-бы и кухня сгорѣла?»—«Вотъ пусть Богъ сохранитъ отъ такого попущенія, чтобы вдругъ и домъ и кухня сгорѣли! Ну, тогда-бы въ кладовую, покамѣстъ выстроился-бы новый домъ.»—«А если-бы и кладовая сгорѣла?»—«Богъ знаетъ, что вы говорите! я и слушать васъ не хочу! Грѣхъ это говорить, и Богъ наказываетъ за такія рѣчи.» Но Аѳанасій Ивановичъ, довольный тѣмъ, что пошутилъ надъ Пульхеріею Ивановною, улыбался, сидя на своемъ стулѣ.

Но интереснѣе всего казались для насъ старички въ то время, когда бывали у нихъ гости. Тогда все въ ихъ домѣ принимало другой видъ. Эти добрые люди, можно сказать, жили для гостей. Все, что у нихъ ни было лучшаго, все это выносилось. Они наперерывъ старались угостить васъ всѣмъ, что только производило ихъ хозяйство. Но болѣе всего пріятно мнѣ было то, что во всей ихъ услужливости не было никакой принужденности. Это радушіе и готовность такъ кротко выражались на ихъ лицахъ, такъ шли къ нимъ, что по неволѣ я соглашался на ихъ просьбы. Они были слѣдствіе чистой, ясной простоты ихъ добрыхъ, безхитростныхъ душъ. Это радушіе вовсе не то, съ какимъ угощаетъ васъ чиновникъ казенной палаты, вышедшій въ люди вашими стараніями, называющій васъ благодѣтелемъ и ползающій у ногъ вашихъ. Гость никакимъ образомъ не былъ отпускаемъ того-же дня: онъ долженъ былъ непремѣнно переночевать. «Какъ можно такою позднею порою отправляться въ такую дальнюю дорогу!» всегда говорила Пульхерія Ивановна (гость обыкновенно жилъ въ 3-хъ или въ 4-хъ отъ нихъ верстахъ). «Конечно,» говорилъ Аѳанасій Ивановичъ,» не равно всякаго случая: нападутъ разбойники или другой недобрый человѣкъ.»—«Пусть Богъ милуетъ отъ разбойниковъ!»говорила Пульхерія Ивановна. «И къ чему разсказывать эдакое на ночь. Разбойники не разбойники, а время темное, негодится совсѣмъ ѣхать.»

И гость долженъ былъ непремѣнно остаться; но впрочемъ вечеръ въ низенькой теплой комнатѣ, радушный, грѣющій и усыпляющій разсказъ, несущійся паръ отъ поданнаго на столъ кушанья, всегда питательнаго и мастерски сготовленнаго, бываетъ для него наградою. Я вижу какъ теперь, какъ Аѳанасій Ивановичъ, согнувшись, сидитъ на стулѣ со всегдашнею своею улыбкой и слушаетъ со вниманіемъ и даже наслажденіемъ гостя! Часто рѣчь заходила и о политикѣ. Гость, тоже весьма рѣдко выѣзжавшій изъ своей деревни, часто съ значительнымъ видомъ и таинственнымъ выраженіемъ лица выводилъ свои догадки и разсказывалъ, что Французъ тайно согласился съ Англичаниномъ выпустить опять на Россію Бонапарта, или

просто разсказывалъ о предстоящей войнѣ, и тогда Аѳанасій Ивановичъ часто говорилъ, какъ будто не глядя на Пульхерію Ивановну: «Я самъ думаю пойти на войну; почему-жъ я не могу идти на войну?» — «Вотъ уже и пошелъ!» прерывала Пульхерія Ивановна. «Вы не вѣрьте ему,» говорила она, обращаясь къ гостю. «Гдѣ уже ему старому идти на войну! Его первый солдатъ застрѣлитъ! Ей Богу застрѣлитъ! Вотъ такъ таки прицѣлится и застрѣлитъ.»— Что-жъ,» говорилъ Аѳанасій Ивановичъ: «и я его застрѣлю.» — «Вотъ слушайте только, что онъ говоритъ!» подхватывала Пульхерія Ивановна. «Куда ему идти на войну! И пистоли его давно уже заржавѣли и лежатъ въ каморѣ. Если-бъ вы ихъ видѣли: такъ такіе, что прежде еще нежели выстрѣлитъ, разорветъ ихъ порохомъ. И руки себѣ поотбиваетъ и лице искалѣчитъ и навѣки несчастнымъ останется!»—«Что-жъ,» говоритъ Аѳанасій Ивановичъ: я куплю новое вооруженіе. Я возьму саблю или козацкую пику.» — «Это все выдумки. Такъ вотъ вдругъ придетъ въ голову и начнетъ разсказывать,» подхватывала Пульхерія Ивановна съ досадою. «Я и знаю, что онъ шутитъ, но все таки непріятно слушать. Вотъ эдакое онъ всегда говоритъ, иной разъ слушаешь, слушаешь, да и страшно станетъ.» Но Аѳанасій Ивановичъ, довольный тѣмъ, что нѣсколько напугалъ Пульхерію Ивановну, смѣялся, сидя согнувшись на своемъ стулѣ.

Гоголь. (*Сочиненія Н. Гоголя.*)

---

31. ТАРАСЪ БУЛЬБА.

а) ТАРАСЪ БУЛЬБА.

Бульба былъ упрямъ страшно. былъ одинъ изъ тѣхъ характеров торые могли только возникнуть въ бый XV вѣкъ и при томъ на по чующемъ востокѣ Европы, во праваго и неправаго понятія о зем сдѣлавшихся какимъ-то спорным рѣшеннымъ владѣніемъ, къ какимъ надлежала тогда Украйна. Вѣчна обходимость пограничной защиты тивъ трехъ разнохарактерныхъ на все это придавало какой-то вол широкій размѣръ подвигамъ сыно и воспитало упрямство духа. Это у ство духа отпечаталось во всей с Тарасѣ Бульбѣ. Когда Баторій у илъ полки въ Малороссіи и обл въ ту воинственную аматуру, ко сперва означены были одни обит пороговъ, онъ былъ изъ числа пе полковниковъ. Но при первомъ с перессорился со всѣми другими: что добыча, пріобрѣтенная отъ соединенными польскими и коза войсками, была раздѣлена межд не поравну и польскія войска пол болѣе преимущества. Онъ къ со всѣхъ сложилъ съ себя достоин сказалъ; «Когда вы, господа пол ки, сами не знате правъ своих пусть-же васъ чортъ водитъ за н я наберу себѣ собственный полкъ у меня вырветъ мое, тому я буду какъ утереть губы.» Дѣйствитель въ непродолжительное время изъ с же отцовскаго имѣнія составилъ д но значительный отрядъ, котор стоялъ вмѣстѣ изъ хлѣбопашцев иновъ и совершенно покорствовал желанію. Вообще онъ былъ боль хотникъ до набѣговъ и бунтов носомъ слышалъ, гдѣ и въ како стѣ вспыхивало возмущеніе, и уж

ыгъ на голову являлся на конѣ свой. «Ну, дѣти! что и какъ? кого и за что нужно бить?» обыкновенно говорилъ онъ и вмѣшивался въ дѣло. Однако-же прежде всего онъ строго разбиралъ обстоятельства, и въ такомъ только случаѣ приставалъ, когда видѣлъ, что подвластное оружіе дѣйствительно имѣло право поднять его, хотя это право было, по его мнѣнію, только въ слѣдующихъ случаяхъ: если сосѣдняя нація угоняла скотъ, или отрѣзывала часть земли, или комиссары налагали большую повинность, или не уважали старшинъ и говорили передъ ними въ шапкахъ, или посмѣялись надъ Православною вѣрою. Въ этихъ случаяхъ непремѣнно нужно было браться за саблю; противъ басурмановъ-же, Татаръ и Турокъ, онъ почиталъ во всякое время справедливымъ принять оружіе во славу Божію, христіанства и козачества. Тогдашнее положеніе Малороссіи, еще не сведенной ни въ какую систему, даже не приведенное въ извѣстность, способствовало существованію многихъ совершенно вольныхъ партизановъ. Жизнь велъ онъ самую простую и его нельзя-бы было вовсе отличить отъ рядоваго козака, если-бы лице его не сохраняло какого-то повелительности и даже величія, обличавшаго когда онъ рѣшался защищать кого-нибудь. Бульба заранѣе утѣшалъ себя мыслію о томъ, какъ онъ явится теперь съ двумя сыновьями и скажетъ: вотъ посмотрите, какихъ я къ вамъ молодцевъ привелъ!» Онъ думалъ о томъ, какъ повезетъ ихъ на Запорожье—въ военную школу тогдашней Украйны, представитъ своимъ сотоварищамъ поглядитъ, какъ при его глазахъ они будутъ подвизаться въ ратной наукѣ и молодечествѣ, которыя онъ почиталъ не однимъ изъ первыхъ достоинствъ казака. Онъ въ началѣ хотѣлъ отправить ихъ однихъ, потому что считалъ необходимостію заняться новою сформированною волна, требовавшей его присутствія. Но при видѣ своихъ сыновей, рослыхъ и здоровыхъ, въ немъ вдругъ вспыхнулъ весь воинскій духъ его и онъ рѣшился самъ съ ними ѣхать на другой-же день, хотя необходимость этого была одна только упрямая воля.

Не теряя ни минуты, онъ уже началъ отдавать приказанія своему есаулу, котораго называлъ Товкачемъ, потому что тотъ дѣйствительно похожъ былъ на какую-то хладнокровную машину; во время битвы онъ равнодушно шелъ по непріятельскимъ рядамъ, расчищая своею саблею, какъ будто-бы мѣсилъ тѣсто, какъ кулачный боецъ, прочищающій себѣ дорогу. Приказанія состояли въ томъ, чтобы оставаться ему въ хуторѣ, покамѣстъ онъ дастъ знать ему выступить въ походъ. Послѣ этого пошелъ онъ самъ по куренямъ своимъ, раздавая приказанія нѣкоторымъ ѣхать съ собою, напоить лошадей, накормить ихъ пшеницею и подать себя коня, котораго онъ обыкновенно называлъ чортомъ.

«Ну, дѣти, теперь надобно спать, а завтра будемъ дѣлать то, что Богъ дастъ. Да не стели намъ постель! Намъ не нужна постель. Мы будемъ спать на дворѣ.

б) степь.

Солнце выглянуло давно на расчищенномъ небѣ и живительнымъ теплотворнымъ свѣтомъ своимъ обляло степь. Все, что смутно и сонно было на душѣ у козаковъ, вмигъ слетѣло, сердца ихъ встрепенулись, какъ птицы.

Степь чѣмъ далѣе, тѣмъ становилась прекраснѣй. Тогда весь югъ, все то пространство, которое составляетъ нынѣшнюю Новороссію, до самаго Чернаго моря, было зеленою дѣвственною пустынею. Никогда плугъ не проходилъ по неизмѣримымъ волнамъ дикихъ растеній. Одни только кони, скрывавшіеся въ нихъ, какъ въ лѣсу, вытаптывали ихъ. Ничто въ природѣ не могло быть

лучше ихъ. Вся поверхность земли представлялася зелено-золотымъ океаномъ, по которому брызнули милліоны разныхъ цвѣтовъ. Сквозь тонкіе, высокіе стебли травы сквозили голубые, синіе и лиловые волоники; желтый дрокъ выскакивалъ вверхъ своею пирамидальною верхушкою; бѣлая кашка зонтикообразными шапками пестрѣла на поверхности; занесенный Богъ знаетъ откуда колосъ пшеницы наливался въ гущѣ. Подъ тонкими ихъ корнями шныряли куропатки, вытянувъ свою шею. Воздухъ былъ наполненъ тысячью разныхъ птичьихъ свистовъ. Въ небѣ неподвижно стояли цѣлою тучею ястребы, распластавъ свои крылья и неподвижно устремивъ глаза свои въ траву. Крикъ двигавшейся въ сторонѣ тучи дикихъ голубей отдавался Богъ знаетъ въ какомъ дальнемъ озерѣ. Изъ травы подымалась мѣрными взмахами чайка и роскошно купалась въ синихъ волнахъ воздуха. Вонъ она пропала въ вышинѣ и только мелькаетъ одною черною точкою. Вонъ она перевернулась крылами и блеснула передъ солнцемъ. Чортъ васъ возьми степи, какъ вы хороши! Наши путешественники нѣсколько минутъ только останавливались для обѣда; при чемъ ѣхавшій съ ними отрядъ изъ 10 козаковъ слѣзалъ съ лошадей, отвязывалъ деревянныя баклажки съ горѣлкою и тыквы, употребляемыя вмѣсто сосудовъ. Ѣли только хлѣбъ съ саломъ, или коржи, пили только по одной чаркѣ, единственно для подкрѣпленія, потому что Тарасъ Бульба не позволялъ никогда напиваться въ дорогу, и продолжали путь до вечера. Вечеромъ вся степь совершенно перемѣнялась. Все пестрое пространство ея охватывалось послѣднимъ яркимъ отблескомъ солнца и постепенно темнѣло, такъ что видно было, какъ тѣнь перебѣгала по нимъ и они становились темно-зелеными; испаренія подымалися гуще; каждый цвѣтокъ, каждая травка испускала амбру, и вся степь курилась благовоніемъ. По небу изголуба-темному, какъ будто исполинскою кистью наляпаны были широкія полосы изъ розоваго золота; изрѣдка бѣлѣли клоками легкія и прозрачныя облака. Самый свѣжій, обольстительный, как морскія волны, вѣтерокъ едва колыхался по верхушкамъ травы и чуть дотрогивался къ щекамъ. Вся музыка, напоявшая день, утихала и смѣнялась другою. Пестрые овражки выползали изъ норъ своихъ, становились на заднія лапки и оглашали степь свистомъ. Треніе кузнечиковъ становилось слышнѣе. Иногда слышался изъ какого нибудь уединеннаго озера крикъ лебедя, и все серебро отдавался въ воздухѣ. Путешественники, остановившись среди полей, избирали ночлегъ, раскладывали огонь и ставили на него котелъ, въ которомъ варили себѣ кулишъ; паръ дѣлялся и косвенно дымился на воздухѣ. Поужинавъ, козаки ложились спать, пустивши по травѣ спутанныхъ коней своихъ. Они раскидывались на свиткахъ. На нихъ прямо глядѣли ночныя звѣзды. Они слышали своимъ ухомъ весь бесчисленный міръ насѣкомыхъ, наполнявшихъ траву, весь ихъ трескъ, свистъ, краканье, все это звучно раздавалось среди ночи, очищалось въ свѣжемъ ночномъ воздухѣ и доходило до слуха гармоническимъ. Если-же кто нибудь изъ нихъ подымался и вставалъ на время, то ему представлялась степь усѣянная блестящими искрами свѣтящихся червей. Иногда ночное небо въ разныхъ мѣстахъ освѣщалось дальнимъ зарево отъ выжигаемаго по лугамъ и рѣкамъ сухаго тростника, и темная вереница лебедей, летѣвшихъ на сѣверъ, вдругъ освѣщалась серебряно-розовымъ свѣтомъ, и тогда казалось, что красные платки летали по темному небу.

Путешественники ѣхали безъ всякихъ приключеній. Нигдѣ не попадались имъ деревья; все та-же безконечная, волнистая, прекрасная степь. По временамъ только въ сторонѣ синѣли верхушки отдаленнаго лѣса, тянувшагося по берегамъ Днѣпра. Одинъ только разъ Тарасъ указалъ сыновьямъ на маленькій

ѣвшую въ дальней травѣ точку, авши: «смотрите, дѣтки, вонъ ска- ь Татаринъ!» Маленькая головка съ ни устивила издали прямо на нихъ ькіе глаза свои, понюхала воздухъ, ь гончая собака, и какъ серна про- , увидѣвши, что козаковъ было три- цать человѣкъ. «А ну, дѣти, попро- те догнать Татарина? И не пробуй- во—вѣки не поймаете: у него конь трѣе моего чорта.» Однакожъ Буль- взялъ предосторожность, опасаясь -нибудь скрывшейся засады. Они скакали къ небольшой рѣчкѣ, назы- шейся Татаркою, впадающею въ пръ, кинулись въ воду съ конями ими и долго плыли по ней, чтобы ть слѣдъ свой, и тогда уже, вы- вшись на берегъ, они продолжали ѣе путь. Чрезъ три дни послѣ этого были уже недалеко отъ мѣста, слу- шаго предметомъ ихъ поѣздки. Въ духѣ вдругъ захолодѣло; они по- ствовали близость Днѣпра. Вотъ онъ кается вдали и темною полосою от- лся отъ горизонта. Онъ вѣялъ хо- ными волнами и разстилался ближе, ке, и наконецъ обхватилъ половину поверхности земли. Это было то го Днѣпра, гдѣ онъ, дотолѣ спертый ѣгами, бралъ наконецъ свое и шу- ъ, какъ море, разлившись по волѣ, брошенные въ средину его острова сняли его еще далѣе изъ береговъ лны его стлались по самой землѣ, стрѣчая ни утесовъ, ни возвышеній. аки сошли съ коней своихъ, взошли паромъ и чрезъ три часа плаванія были у береговъ острова Хортицы, была тогда Сѣча, такъ часто пере- лявшая свое жилище. Куча народа милась на берегу съ перевощиками. аки оправили коней; Тарасъ пріоса- ся, стянулъ на себѣ покрѣпче поясъ рдо провелъ по усамъ. Молодые ы его тоже осмотрѣли себя съ ногъ оловы съ какимъ-то страхомъ и не- ѣдѣленнымъ удовольствіемъ, и всѣ тѣ въѣхали въ предмѣстье, нахо- ееся за полверсты отъ Сѣчи.

в) осада.

Скоро весь польскій юго-западъ сдѣлался добычею страха; вездѣ только и слышно было про Запорожцевъ. Скудельные южные города и села были совершенно стираемы съ лица земли. Арендаторы-жиды были вѣшаны кучами, вмѣстѣ съ католическимъ духовенствомъ. Запорожцы, какъ-бы пируя, протекали путь свой, оставляя за собою пустыя пространства. Нигдѣ не смѣлъ остановить ихъ отрядъ польскихъ войскъ: они были разсѣваемы при первой схваткѣ. Ничто не могло противиться азіатской атакѣ ихъ. Прелатъ, находившійся тогда въ Радзивиловскомъ монастырѣ, прислалъ отъ себя двухъ монаховъ съ представленіемъ, что между Запорожцами и правительствомъ существуетъ согласіе, и что они явно нарушаютъ свою обязанность къ королю, а вмѣстѣ съ тѣмъ и народныя права. «Скажи епископу отъ лица всѣхъ Запорожцевъ», сказалъ Кошевой, «чтобы онъ ничего не боялся: это козаки еще только люльки раскуриваютъ.» И скоро величественное аббатство обхватилось сокрушительнымъ пламенемъ, и колоссальныя готическія окна его сурово глядѣли сквозь раздѣлявшіяся волны огня. Бѣгущія толпы монаховъ, солдатъ, жидовъ, наводнили многолюдные города и деревни, почти оставленные на произволъ непріятеля. Одинъ только городъ Дубно не сдавался. Этимъ были раздражены всѣ чины, въ числѣ которыхъ занималъ не послѣднее мѣсто Тарасъ Бульба. Они положили взять его голодомъ. Толпы вольныхъ наѣзниковъ облегли со всѣхъ сторонъ его стѣны, расположились вмѣстѣ съ своими обозами, которые всегда почти за ними слѣдовали. Жители съ небольшимъ числомъ войскъ рѣшились вытерпѣть возможную степень бѣдствія и не сдаваться ни въ какомъ случаѣ. Запорожцы удвоили наблюденіе, чтобы никакое вспомоществованіе не могло придти въ городъ, играли въ четъ и не-четъ, курили люльки

съ убійственнымъ хладнокровіемъ смотрѣли на городскія стѣны. Прошло двѣ недѣли, и не смотря на то, что они свои вольные набѣги гораздо болѣе предпочитали осадамъ городовъ, однакожъ ничто не могло преодолѣть ихъ терпѣнія.—Молодые, попробовавшіе битвъ и опасностей, сгарали нетерпѣніемъ, и въ числѣ ихъ были наши герои Остапъ и Андрій, вдругъ пріобрѣтшіе опытность въ военномъ дѣлѣ, пылкіе, исполненные отваги, желавшіе новыхъ встрѣчъ, жадные узнать новыя эволюціи и варіаціи войны и показать свое умѣніе играть опасностями. Остапъ, казалось, только на то и созданъ былъ, чтобы гулять въ вѣчномъ пирѣ войны. Онъ теперь уже казался чѣмъ-то атлетическимъ, колоссальнымъ. Его движенія пріобрѣли крѣпкую увѣренность, и всѣ качества его, прежде незамѣтныя, получили размѣръ шире и казались качествами мощнаго льва. Андрей также погрузился весь въ очаровательную музыку мечей и пуль, потому что нигдѣ воля, забвеніе, смерть, наслажденіе не соединяются въ такой обольстительной, страшной прелести, какъ въ битвѣ.

Этотъ долгій роздыхъ, который они имѣли подъ стѣнами города, имъ не нравился. Андрей сидѣлъ долго возлѣ обоза своего, тогда какъ уже всѣ спали, кромѣ нѣкоторыхъ стоявшихъ на сторожѣ. Ночь, іюньская, прекрасная ночь съ безчисленными звѣздами, обнимала опустошенную землю. Вся окрестность представлялавеличественное зрѣлище: вблизи и вдали были видны зарева горѣвшихъ деревень. Въ одномъ мѣстѣ пламя спокойно и величественно стлалось по небу; въ другомъ мѣстѣ оно, встрѣтивъ что-то горючее, вдругъ вырвавшись вихремъ, свистѣло и летѣло вверхъ подъ самыя звѣзды и оторванные охлопья его гаснули подъ самыми дальними небесами. Въ одномъ мѣстѣ обгорѣлый, черный монастырь, какъсуровый картезіанскій монахъ, стоялъ грозно, выказывая при каждомъ отблескѣ мрачное свое величіе. Въ другомъ мѣстѣ горѣло новое зданіе, ленное въ садахъ. Деревья ш покрывалисьдымомъ; иногда скво просвѣчивалась лава огня, и грушъ, обвѣсившихъ вѣтви, пр цвѣтъ червоннаго золота; даже были издали сливы, получившія рическій, лилово-огненный цвѣтъ ди этого иногда чернѣло висѣв стѣнѣ зданія тѣло бѣднаго жи монаха, погибавшее вмѣстѣ съ ніемъ въ огнѣ. Надъ нимъ вилис ли птицы, казавшіяся кучею те мелкихъ крапинокъ въ видѣ е лѣтныхъ крестиковъ на огненно лѣ. Среди тишины одни только с ные кони производили шумъ, и з ихъ ржаніе отдавалось съ раск нѣсколько разъ повторявшимис безжащимъ эхомъ.

I

---

32. ИМПРОВИЗАТОР

По залѣ раздавались громкія плесканія. Успѣхъ Импровизато взошелъ ожиданія слушателей ственныя его ожиданія. Едва на ему предметъ,—и высокія мысл гательныя чувства, въ одеждѣ звучныхъ метровъ, вырывались и его, какъ фантасмагорическія изъ волшебнаго жертвенника. Х никъ не задумывался ни на мин одно мгновеніе мысль и зараж въ головѣ его и проходила всѣ п своего возрастанія и претворял выраженія. Разомъ являлись и за ватая форма піесы, и поэтическіе зы, и щегольской эпитетъ, и пос риема. Этого мало: въ одно в время ему задавали два и три пр совершенно различные: онъ дик одно стихотвореніе, писалъ друг провизировалъ третье, и каждо прекрасно въ своемъ родѣ: од изводило восторгъ, другое тро слезъ, третье морило со смѣху;

тѣмъ онъ, казалось, совсѣмъ не занялся своею работою, безпрестанно шутилъ и разговаривалъ съ присутствующими. Всѣ стихіи поэтическаго созданія были у него подъ руками, какъ будто шашки на шахматной доскѣ, которыя онъ небрежно передвигалъ, смотря по надобности.

Наконецъ утомилось и вниманіе и изумленіе слушателей; они страдали за импровизатора; но художникъ былъ спокоенъ и холоденъ,—въ немъ не замѣтно было ни малѣйшей усталости,—но на лицѣ его не видно было и высокаго наслажденія поэта, довольнаго своимъ твореніемъ, а лишь простое самодовольство фокусника, проворствомъ удивляющаго толпу. Съ насмѣшкою смотрѣлъ онъ на слезы, на смѣхъ, имъ производимые; одинъ, изъ всѣхъ присутствующихъ, не плакалъ, не смѣялся, одинъ не вѣрилъ словамъ своимъ и съ вдохновеніемъ обращался, какъ холодный жрецъ, давно уже привыкшій къ таинствамъ храма.

Еще послѣдній слушатель не вышелъ изъ залы, какъ Импровизаторъ бросилъ въ собиравшему деньги при входѣ, и съ жадностію Гарпагона принялся считать ихъ. Сборъ былъ весьма значителенъ. Импровизаторъ еще отъ роду не видывалъ столько монеты и былъ самъ себя отъ радости.

Востеръ его былъ простителенъ. Съ ранныхъ юныхъ лѣтъ жестокая бѣдность стала сжимать его въ своихъ ледяныхъ объятіяхъ, какъ статую спартанскаго ребенка. Не пѣсни, а болѣзненный стонъ матери убаюкивалъ младенческій сонъ его. Въ минуту разсвѣта его понятій, не въ радужной одеждѣ жизнь явилась ему, но хладный остовъ нужды непостижимою улыбкой привѣтствовалъ его развивающуюся фантазію. Природа была къ нему немного щедрѣе судьбы. Она, правда, надѣлила его творческимъ даромъ, но осудила его въ потѣ лица отыскивать выраженія для его поэтическихъ замысловъ. Книгопродавцы и журналисты давали ему нѣкоторую плату за его стихотворенія, которая могла бы доставить ему достаточное содержаніе, если-бы для каждаго изъ нихъ Кипріяно не былъ принужденъ употреблять безконечнаго времени. Рѣдко тусклая мысль, какъ едва примѣтная звѣздочка, зараждалась въ его фантазіи; но когда и зараждалась, то яснѣла медленно и долго терялась въ туманѣ; уже послѣ трудовъ неимовѣрныхъ, достигла она до какого-то неяснаго образа; здѣсь начиналась новая работа: выраженіе отлетало отъ поэта за міріады міровъ, онъ не находилъ словъ, а если и находилъ, то они не клеились; метръ не гнулся; привязчивое мѣстоименіе хваталось за каждое слово; долговязый глаголъ путался между именами, проклятая рифма пряталась между несозвучными словами. Каждый стихъ стоилъ бѣдному поэту нѣсколькихъ изгрызенныхъ перьевъ, нѣсколькихъ вырванныхъ волосъ и обломанныхъ ногтей. Тщетны были его усилія! Часто хотѣлъ онъ бросить ремесло поэта и промѣнять его на самое низкое изъ ремеслъ; но насмѣшливая природа, вмѣстѣ съ творческимъ даромъ, дала ему и всѣ причуды поэта: и эту врожденную страсть къ независимости, и это непреоборимое отвращеніе отъ всякаго механическаго занятія, и эту привычку дожидаться минуты вдохновенія, и эту беззаботную неспособность расчитывать время. Прибавьте къ этому всю раздражительность поэта, его природную наклонность къ роскоши, къ этому англійскому привѣсію, къ этому маленькому тщеславству, которыми, наперекоръ обществу, природа любитъ отличать своего собственнаго аристократа! Онъ не могъ ни переводить, ни работать на срокъ или по заказу, и между тѣмъ какъ его собратія собирали съ публики хорошія деньги за какое нибудь сочиненіе, случайно возбуждавшее ея любопытство, онъ еще не могъ приняться за работу. Книгопродавцы перестали ему заказывать; ни одинъ изъ журналистовъ не хотѣлъ брать его въ сотрудники. Деньги, изрѣдка

получаемыя имъ за какое нибудь стихотвореніе, стоившее ему полугодовой работы, обыкновенно расхватывали заимодавцы, и онъ снова нуждался въ самомъ необходимомъ.

Кн. В. Одоевскій.

---

33. ПОСЛѢДНІЙ КВАРТЕТЪ БЕТХОВЕНА.

1827 года, весною, въ одномъ изъ домовъ вѣнскаго предмѣстія, нѣсколько любителей музыки разыгрывали новый квартетъ Бетховена, только что вышедшій изъ печати. Съ изумленіемъ и досадою слѣдовали они за безобразными порывами ослабѣвшаго генія: такъ измѣнилось перо его! Исчезла прелесть оригинальной мелодіи, полной поэтическихъ замысловъ; художническая отдѣлка превратилась въ кропотливый педантизмъ бездарнаго контрапунктиста; огонь, который прежде пылалъ въ его быстрыхъ аллегро и, постепенно усиливаясь, кипучею лавою разливался въ полныхъ огромныхъ созвучіяхъ, погасъ средн непонятныхъ диссонансовъ; а оригинальныя, шутливыя темы веселыхъ менуетовъ превратились въ скачки и трели, невозможныя ни на какомъ инструментѣ. Вездѣ ученическое, недостигающее стремленіе къ эффектамъ, несуществующимъ въ музыкѣ; вездѣ какое-то темное, непонимающее себя чувство. И это былъ все тотъ же Бетховенъ, тотъ же, котораго имя, вмѣстѣ съ именами Гайдна, и Моцарта, Тевтонецъ произноситъ съ восторгомъ и гордостію!—Часто, приведенные въ отчаяніе безмыслицею сочиненія, музыканты бросали смычки и готовы были спросить: не насмѣшка ли это надъ твореніями безсмертнаго? Одни приписывали упадокъ его глухотѣ, поразившей Бетховена въ послѣдніе годы его жизни; другіе—сумасшествію, также иногда омрачавшему его творческое дарованіе; у кого вырывалось суетное сожалѣніе; иной насмѣшникъ вспоминалъ, какъ Бетховенъ въ концертѣ, гдѣ разыгрывали его послѣднюю симфонію, совсѣмъ не въ тактъ размахивалъ руками, думая управлять оркестромъ и не замѣчая того, что позади его стоялъ настоящій капельмейстеръ;—но оникоро снова принимались за смычки, и изъ почтенія къ прежней славѣ знаменитаго симфониста, какъ-бы противъ воли продолжали играть его непонятное произведеніе.

Вдругъ дверь отворилась и вошелъ человѣкъ въ черномъ сюртукѣ, безъ галстуха, съ растрепанными волосами; глаза его горѣли, но то былъ огонь не дарованія: лишь нависшія, рѣзко обрѣзанныя оконечности лба являли необыкновенное развитіе музыкальнаго органа, которымъ такъ восхищался Галль, разсматривая голову Моцарта. «Извините, господа», сказалъ нежданный гость: «позвольте посмотрѣть вашу квартиру — она отдается въ наймы...» Потомъ онъ заложилъ руки на спину и приблизился къ играющимъ. Присутствующіе съ почтеніемъ уступили ему мѣсто; онъ наклонялъ голову то на ту, то на другую сторону, стараясь вслушаться къ музыку; но тщетно: слезы градомъ покатились изъ глазъ его. Тихо отошелъ онъ отъ играющихъ и сѣлъ въ отдаленный уголъ комнаты, закрывъ лице свое руками; но едва смычекъ перваго скрипача завизжалъ возлѣ подставки на случайной нотѣ, прибавленной къ септимаккорду, и дикое созвучіе отдалось въ удвоенныхъ нотахъ другихъ инструментовъ, какъ несчастный встрепенулся, закричалъ: «слышу! слышу!» въ буйной радости захлопалъ въ ладоши и затопалъ ногами.

— Лидвигъ! сказала ему молодая дѣвушка, вслѣдъ за нимъ вошедшая: Лидвигъ! пора домой. Мы здѣсь мѣшаемъ!

Онъ взглянулъ на дѣвушку, понялъ ее и, не говоря ни слова, побрелъ за нею, какъ ребенокъ.

На концѣ города, въ четвертомъ этажѣ стараго каменнаго дома, есть маленькая душная комната, раздѣленная перегородкою. Постель съ разодраннымъ одѣяломъ, нѣсколько пуковъ нотной бумаги, остатокъ фортепьяно—вотъ все ея украшеніе. Это было жилище, это былъ міръ безсмертнаго Бетховена. Всю дорогу онъ не говорилъ ни слова; но когда они пришли, Лудвигъ сѣлъ на кровать, взялъ за руку дѣвушку и сказалъ ей: «Добрая Луиза! ты одна меня понимаешь; ты одна меня не боишься; тебѣ одной я не мѣшаю.... Ты думаешь, что всѣ эти господа, которые разыгрываютъ мою музыку, понимаютъ меня: ничего не бывало! Ни одинъ изъ здѣшнихъ господъ капельмейстеровъ не умѣетъ даже управлять ею; лишь только бы оркестръ игралъ въ мѣру, а до музыки ни-какое дѣло! Они думаютъ, что я ослабѣваю; я даже замѣтилъ, что нѣкоторые изъ нихъ какъ-будто улыбались, разыгрывая мой квартетъ:—вотъ вѣрный признакъ, что они меня никогда не понимали; напротивъ, и теперь только сталъ истиннымъ, великимъ музыкантомъ. Идучи, я придумалъ симфонію, которая увѣковѣчитъ мое имя; напишу ее и сожгу всѣ прежнія. Въ ней я превращу всѣ законы гармоніи, найду эффекты, которыхъ до сихъ поръ никто еще не подозрѣвалъ; я построю ее на хроматической мелодіи двадцати литавръ; я введу въ нее аккорды сотни колоколовъ, настроенныхъ по различнымъ камертонамъ, ибо»—прибавилъ онъ шопотомъ — «я скажу тебѣ по секрету: когда ты меня водила на колокольню, я открылъ,—чего прежде никому въ голову не приходило,—я открылъ, что колокола.... самый гармоническій инструментъ, который съ успѣхомъ можетъ быть употребленъ въ такомъ адажіо. Въ финалъ я введу барабанный бой и ружейные выстрѣлы,—и я услышу эту симфонію, Луиза,» восклицалъ онъ внѣ себя отъ восхищенія: «надѣюсь, что услышу, прибавилъ онъ улыбаясь, по нѣкоторомъ размышленіи. — «Помнишь ли ты, когда въ Вѣнѣ, въ присутствіи всѣхъ вѣнчанныхъ главъ свѣта, я управлялъ оркестромъ моей ватерлооской баталіи? Тысячи музыкантовъ, покорные моему взмаху, двѣнадцать капельмейстеровъ, а кругомъ батальный огонь, пушечные выстрѣлы.... О! это до сихъ поръ лучшее мое произведеніе, не смотря на этого педанта Вебера (*).—Но то, что я теперь произведу, затмитъ и это произведеніе. Я не могу удержаться, чтобъ не дать тебѣ о немъ понятія.»

Съ сими словами, Бетховенъ подошелъ къ фортепьяно, на которомъ не было ни одной цѣлой струны, и съ важнымъ видомъ ударилъ по пустымъ клавишамъ. Однообразно стучали онѣ по сухому дереву разбитаго инструмента, а между тѣмъ самыя трудныя фуги въ 5 и 6 голосовъ проходили чрезъ всѣ таинства контрапункта, сами собою ложились подъ пальцы творца «Эгмонта», и онъ старался придать какъ можно болѣе выраженія своей музыкѣ.... Вдругъ сильно, цѣлою рукою покрылъ онъ клавиши и остановился.

Слышишь ли? сказалъ онъ Луизѣ: вотъ аккордъ, котораго до сихъ поръ никто еще не осмѣливался употребить... Такъ! я соединю всѣ тоны хроматической гаммы въ одно созвучіе и докажу педантамъ, что этотъ аккордъ правиленъ.. Но я его не слышу, Луиза, я его не слышу! Понимаешь-ли ты, что значитъ не слыхать своей музыки?... Однакожъ, мнѣ кажется, что когда я соберу дикіе звуки въ одно созвучіе, то оно какъ будто отдается въ моемъ ухѣ. И чѣмъ мнѣ грустнѣе, Луиза, тѣмъ больше нотъ мнѣ хочется прибавить къ септимаккорду, котораго истинныхъ свойствъ никто не понималъ до меня.... Но полно!

(*) Готфридъ Веберъ, извѣстный контрапунктистъ нашего времени, котораго не должно смѣшивать съ сочинителемъ *Фрейшюца*, сильно и справедливо критиковалъ въ своемъ любопытномъ и ученомъ журналѣ: Цецилія — Wellington's Sieg, слабѣйшее изъ произведеній Бетховена.

можетъ быть, я наскучилъ тебѣ, какъ всѣмъ теперь наскучилъ.... Только знаешь что! за такую чудную выдумку мнѣ можно наградить себя сегодня ромкой вина. Какъ ты думаешь объ этомъ, Луиза?

Слезы навернулись на глазахъ бѣдной дѣвушки, которая одна изъ всѣхъ ученицъ Бетховена не оставляла его, и, подъ видомъ уроковъ, содержала его трудами рукъ своихъ: она дополняла ими скудный доходъ, полученный Бетховеномъ отъ его сочиненій и большею частію издержанный безъ толку на безпрестанную перемѣну квартиръ, на раздачу встрѣчному и поперечному. Вина не было; едва оставалось нѣсколько грошей на покупку хлѣба..... Но она скоро отвернулась отъ Лудвига, чтобъ скрыть свое смущеніе, налила въ стаканъ воды и поднесла его Бетховену.

— Славный рейнвейнъ! говорилъ онъ, отпивая понемногу съ видомъ знатока. Королевскій рейнвейнъ! онъ точно изъ погреба моего батюшки, блаженной памяти Фридерика. Я это вино очень помню! оно день отъ дня становится лучше — это признакъ хорошаго вина! И съ этими словами, охриплымъ, но вѣрнымъ голосомъ онъ запѣлъ свою музыку на извѣстную пѣсню Гётева Мефистофеля:

Es war einmal ein König,
Der hatt' einen grossen Floh.

— но, противъ воли, часто сводилъ ее на таинственную мелодію, которою Бетховенъ объяснилъ Миньйону (*)

— Слушай, Луиза, сказалъ онъ наконецъ, отдавая ей стаканъ: вино подкрѣпило меня, и я намѣренъ тебѣ сообщить нѣчто такое, что мнѣ уже давно хотѣлось и не хотѣлось тебѣ сказать. Знаешь-ли, мнѣ кажется, что я ужъ долго не проживу — да и что за жизнь моя! — это цѣпь безконечныхъ терзаній. Отъ самыхъ юныхъ лѣтъ я увидѣлъ бездну, раздѣляющую мысль отъ выраженія. Увы, никогда я не могъ выразить души своей: никогда того, что представляло мнѣ воображеніе, я не могъ передать бумагѣ; напишу ли?—играютъ?—не то!.... не только не то, что я чувствовалъ, даже не то, что я написалъ. Тамъ пропала мелодія отъ того, что низкій ремесленникъ не придумалъ поставить лишняго клапана; тамъ посносный фаготистъ заставляетъ меня передѣлывать цѣлую симфонію отъ того, что его фаготъ не выдѣлываетъ нѣры басовыхъ нотъ; то скрипачъ убавляетъ необходимый звукъ въ аккорд отъ того, что ему трудно брать двойныя ноты.... А голосъ, а пѣніе, а репетиціи ораторій, оперъ?.... О, этотъ адъ до сихъ поръ въ моемъ слухѣ! Но я тогда еще былъ счастливъ: иногда я замѣчалъ, на безсмысленныхъ исполнителей находило какое-то вдохновеніе; я слышалъ въ ихъ звукахъ что-то похожее на темную мысль, западавшую въ мое воображеніе: тогда я былъ внѣ себя, я исчезалъ въ гармоніи, мною созданной. Но пришло время, мало помалу тонкое ухо мое стало грубѣть: еще въ немъ оставалось столько чувствительности, что оно могло слышать ошибки музыкантовъ, но оно закрылось для красоты; мрачное облако его объяло—и я не слышу болѣе своихъ произведеній, — не слышу, Луиза!.... Въ моемъ воображеніи носятся цѣлые ряды гармоническихъ созвучій; оригинальныя мелодіи пересѣкаютъ одна другую, сливаясь въ таинственномъ единствѣ; хочу выразить—все исчезло: упорное вещество не выдаетъ мнѣ ни единаго звука, грубыя чувства уничтожаютъ всю дѣятельность души. О, что можетъ быть ужаснѣе этого раздора души съ чувствами, души съ душою! Зарождать въ головѣ своей творческое произведеніе и ежечасно умирать въ мукахъ рожденія!.... Смерть души!—какъ страшна, какъ жива эта смерть!

— А еще этотъ безмысленный Готфридъ вводитъ меня въ пустыя музы-

(*) Kennst du das Land, etc. Ты знаешь-ли край, и проч.

ьныя тяжбы, заставляетъ меня объ-
ять, почему я въ томъ или другомъ
тѣ употребилъ такое и такое со-
ненiе мелодiй, такое и такое соче-
iе инструментовъ, когда я самому
ѣ этого объяснить не могу! Эти лю-
будто знаютъ, что такое душа му-
анта, что такое душа человѣка? Они
аютъ, ее можно обкроить по выдум-
ъ ремесленниковъ, работающихъ ин-
ументы, по правиламъ, которыя на
угѣ изобрѣтаетъ засушенный мозгъ
ретика.... Нѣтъ, когда на меня при-
итъ минута восторга, тогда я увѣ-
ось, что такое превратное состоянiе
уства продлиться не можетъ; что
ыми, свѣжими формами замѣнятся
етшалыя; что всѣ нынѣшнiе инстру-
ты будутъ оставлены, и мѣсто ихъ
тупятъ другiе, которые въ совер-
нствѣ будутъ исполнять произведе-
генiевъ; что исчезнетъ наконецъ
ѣпое различiе между музыкою пи-
мою и слышимою. Я говорилъ гг.
фессорамъ объ этомъ; но они меня
поняли, какъ не поняли силы сопри-
ствующей художническому востор-
какъ не поняли того, что тогда я
дупреждаю время и дѣйствую по
утреннимъ законамъ природы, еще
замѣченнымъ простолюдинами и мнѣ
ому въ другую минуту непонят-
мъ.... Глупцы! въ ихъ холодномъ вос-
ргѣ, они, въ свободное отъ занятiя
мя, выберутъ тему, обдѣлаютъ ее,
одолжатъ и не преминутъ потомъ по-
рить ее въ другомъ тонѣ; здѣсь по
казу прибавятъ духовые инструмен-
, или странный аккордъ, надъ кото-
мъ думаютъ, думаютъ, и все это такъ
агоразумно обточатъ, оближутъ;—
го хотятъ они? я не могу такъ рабо-
ть.... Сравниваютъ меня съ Микель-
джеломъ—но какъ работалъ творецъ
онсея»? въ гнѣвѣ, въ ярости, онъ
льными ударами молота ударялъ по
движному мрамору и по неволѣ за-
влялъ его выдавать живую мысль,
ывавшуюся подъ каменною оболоч-
о. Такъ и я! Я холоднаго восторга
не понимаю! Я понимаю тотъ восторгъ,
когда цѣлый мiръ для меня превращает-
ся въ гармонiю, всякое чувство, всякая
мысль звучитъ во мнѣ, всѣ силы при-
роды дѣлаются моими орудiями, кровь
моя кипитъ въ жилахъ, дрожь прохо-
дитъ по тѣлу и волосы на головѣ ше-
велятся.... И все это тщетно! Да и къ
чему это все? Зачѣмъ? живешь, терза-
ешься, думаешь; написалъ и конецъ!
къ бумагѣ приковались сладкiя муки
созданiя—не воротить ихъ! унижены,
въ темницу заперты мысли гордаго ду-
ха—создателя; высокое усилiе творца
земнаго, вызывающаго на споръ силу
природы, становится дѣломъ рукъ че-
ловѣческихъ.—А люди? люди? они при-
дутъ, слушаютъ, судятъ—какъ будто
они судьи, какъ будто для нихъ со-
здаешь! Какое имъ дѣло, что мысль,
принявшая на себя понятный имъ об-
разъ, есть звено въ безконечной цѣпи
мыслей и страданiй; что минута, когда
художникъ нисходилъ до степени че-
ловѣка, есть отрывокъ изъ долгой бо-
лѣзненной жизни неизмѣримаго чувства?
А между тѣмъ приходитъ время—вотъ
какъ теперь—чувствуешь: перегорѣла
душа, силы слабѣютъ, голова больна:
все, что ни думаешь, все смѣшивается
одно съ другимъ, все покрыто какою-
то завѣсою.... Ахъ, я бы хотѣлъ, Луиза,
передать тебѣ послѣднiя мысли и чувст-
ва, которыя хранятся въ сокровищницѣ
души моей, чтобы онѣ не пропали.... Но
что я слышу?....

Съ этими словами Бетховенъ вско-
чилъ и сильнымъ ударомъ руки раство-
рилъ окно, въ которое изъ ближняго
дома неслись гармоническiе звуки.—» Я
слышу!» воскликнулъ Бетховенъ, бро-
сившись на колѣни и съ умиленiемъ
протянувъ руки къ раскрытому окну;»—
это симфонiя Эгмонта:—такъ, узнаю ее:
вотъ дикiе крики битвы; вотъ буря стра-
стей; она разгорается, кипитъ; вотъ ея
полное развитiе—и все утихло; остает-
ся лишь лампада, которая гаснетъ,—
потухаетъ—но не на вѣки.... Снова—
раздались трубные звуки: цѣлый мiръ

ними наполняется, и никто заглушить ихъ не можетъ....»

На блистательномъ балѣ одного изъ вѣнскихъ министровъ, толпы людей сходились и расходились.

— Какъ жаль! сказалъ кто-то: театральный капельмейстеръ Бетховенъ умеръ и, говорятъ, не на что похоронить его.

Но этотъ голосъ потерялся въ толпѣ: всѣ прислушивались къ словамъ двухъ дипломатовъ, которые толковали о какомъ-то спорѣ, случившемся между кѣмъ-то, во дворѣ какого-то нѣмецкаго князя.

(*Сочиненія кн. В. Одоевскаго. 1844*).

34. ЧТО ЛЕГКО НАЖИВАЕТСЯ, ТО ЕЩЕ ЛЕГЧЕ ПРОЖИВАЕТСЯ.

Въ небольшомъ городѣ, на Окѣ, жилъ бѣдный мѣщанинъ, занимавшійся уже лѣтъ десятокъ перевозомъ черезъ рѣку. Сколько ни перемѣнилось во все время это откупщиковъ или хозяевъ парома, а Тимофеичъ все переходилъ изъ рукъ въ руки, отъ одного хозяина къ другому и всегда былъ старшимъ паромщикомъ. Эта работа кормила его, онъ къ ней привыкъ, а какъ онъ былъ человѣкъ богобоязливый и никогда не обманывалъ хозяина въ сборѣ, то ему и вѣрили и хорошо его держали. Дядю Тимофеича знали всѣ, отъ мала до велика, а у многихъ былъ онъ въ домѣ и кумомъ. Наживнаго добра было за нимъ немного; въ десять лѣтъ сколотилъ онъ себѣ одинъ праздничный кафтанъ, да дубленый тулупъ, а плисовую шапку другой годъ все только еще купить собирался, и когда приходилъ къ берегу въ городъ, на рынокъ, чтобы запастись дня на три, на четыре хлѣбомъ, то, бывало, зайдетъ въ ряды, поглядит ки и прицѣнится къ нимъ. Въ же ходилъ онъ въ старой, изн ной сермягѣ.

Хоть и привыкъ Тимофеичъ к сноей, однако, не безъ того, б что покрякивалъ, да глядя на д и завидовалъ имъ подъ часъ. «В за что Богъ далъ такому-то и т то, а мнѣ не даетъ! такая види моя безталанная.» И частень сталъ онъ жаловаться людямъ н ность свою и просить у Бога ства. «То-то,» думалъ онъ, « бы я! И нищую братію не покину а призрѣлъ бы всякаго убогаго

Ни съ того, ни съ сего, вдру буетъ къ себѣ Тимофеича горо, а городовой, который прин нимъ, кланяется ему и поздра его и несетъ такую чуху, слов нулся. «Пришло,» говоритъ, «из что ты разбогатѣлъ, дядя Тимо дядя, что-ли, какой-то у тебя в товѣ умеръ, и былъ приписанъ к цы, и деньги нажилъ видно-боль дѣтей, стало быть, у него нѣтъ, вишь достается тебѣ!»

Подумалъ Тимофеичъ, почеса тылокъ, что за притча? Поглядѣ городоваго, — видитъ, — тот шапки передъ нимъ стоитъ и вс няется и поздравляетъ; стал ужъ не обманываетъ, не сталъ б покоиться эдакъ изъ пустяков шелъ Тимофеичъ и дорогой все минаетъ, да и вспомнилъ: былъ го точно дядя и торговалъ гдѣ-ужъ годовъ больше десятка ни объ немъ слуховъ не было.

И сталъ Тимофеичъ богачем канунѣ только прицѣнялся къ н вой шапкѣ, да подумалъ: доро рубля, гдѣ ихъ возмешь? А вдругъ говорятъ ему: поѣзжай стовъ, оттуда начальство пишет буетъ тебя; померъ дядя и зав тебѣ домъ и двѣ лавки к тысяч денегъ. Сто тысячъ — тутъ не придумаешь, какъ насчитать ст

му говорятъ: все твое, да еще и
ъ и двѣ лавки.
На силу собрался Тимофеичъ въ
ь: люди не вѣрятъ, никто взаймы
даетъ, а своихъ и пяти рублей
ъ, не на что ѣхать. Однако хозяинъ
ибылъ, Тимофеичъ пріѣхалъ, и гла-
ъ не вѣритъ; не видалъ и во снѣ
ого богатства и какъ съ чѣмъ у-
ниться, не знаетъ; столько-то де-
ъ, говорятъ ему, по заемному пись-
ма такомъ-то купцѣ, а столько-то
другомъ; такой-то товаръ отправ-
ъ съ прикащикомъ туда-то, а съ
ого-то слѣдуетъ получить столь-
то.... Тимофеичъ грамоты не знаетъ,
лся съ толку совсѣмъ, не знаетъ,
и дѣлать. А тутъ еще совѣтни-
ъ да пріятелей новыхъ нашлось
го, обнимаютъ его кругомъ, свелъ
съ ума совсѣмъ. Кто зоветъ, да
чуетъ, да угощаетъ; кто самъ въ
ти напрашивается, на новоселье;
какіе-то старые дядины счеты сво-
ъ, въ которыхъ Тимофеичъ ника-
о толку не смыслитъ и только си-
ь слушаетъ, да глазами хлопаетъ;
го на новые обороты, на торговлю
биваетъ, да обѣщаетъ большіе ба-
ши; словомъ, не знаетъ бѣдный Ти-
ичъ, своя ли голова у него на
ахъ; бѣда да и только, отроду не
лъ такой бѣды!
Какъ ни бился Тимофеичъ, а видитъ,
самому ему не управиться, съ бо-
ствомъ своимъ не совладать. Ужъ
и въ судъ таскали, заставляя пла-
ь по какимъ-то заемнымъ письмамъ
нымъ, которыхъ онъ и прочитать
умѣетъ; тутъ не доплачиваютъ ему
ому, а онъ не дастъ толку, что ему
дуетъ, да того гляди срокъ про-
титъ и поминай какъ звали денеж-
тамъ требуютъ по какой-то тор-
й сдѣлкѣ дядиной пять тысячъ; а
четъ, говорятъ, будетъ черезъ годъ
шемъ: на все, говорятъ, торговые
ги положены; а тамъ, гляди, прика-
ъ пропалъ, сбѣжалъ, спустивши
ръ на всѣ четыре стороны, да и
деньги съ собою снесъ; — словомъ,
пошла бѣда, растворяй ворота.

Какъ запьетъ мой Тимофеичъ съ го-
ря, да мертвую чашу, ударивъ свою
плисовую шапку объ земь, такъ у него
все кругомъ пошло, ровно на ниточкѣ,
и горе отлегло отъ сердца и тужить
позабылъ. Однако это плохое средство
сбывать заботу, потому что сбудешь
ее не надолго, а развѣ только нако-
пишь, да еще и въ ростъ пустишь, и
съ легкой руки разживешься, разбога-
тѣешь горемъ, тугой и нужей пуще
прежняго.

Сталась такая притча и надъ Тимо-
феичемъ. И не винокуръ, говорили въ
насмѣхъ Ростовцы, а прокурилъ всѣ!
сколько растащили, сколько безъ сче-
ту пропало, сколько отъ недогляду, а
сколько и самъ пропустилъ въ ненасыт-
ную утробу свою, да распотчивалъ,
угощая весь міръ—не знаемъ мы этого,
да, чай, и никто не знаетъ, потому что
никто, ниже самъ Тимофеичъ, счетовъ
этихъ не сводилъ. Знаемъ только, что
когда бѣднякъ воротился разъ мерт-
вецки пьяный въ хоромы свои, уснулъ
гдѣ-то на полу, покинувъ свѣчу, и за-
жегъ свой домъ, и когда домъ этотъ
сгорѣлъ благополучно, то вытащили
изъ него одного только хозяина, и то въ
оборванномъ кафтанѣ, а болѣе у него
за душой не осталось ничего. Все про-
жилъ, а остатки сиѣлъ до копѣйки.

Горько было похмѣлье бѣдному Ти-
мофеичу, это правда; но какъ ни горько,
а все таки онъ вздохнулъ вольнѣе, чѣмъ
вздыхалъ съ самаго пріѣзда въ Ростовъ;
горько, а на душѣ легко! «Не станутъ
теребить теперь,» подумалъ Тимофеичъ,
«не станутъ обкрадывать кругомъ, не
стану и я уплачивать Богъ вѣсть чьи
заемныя письма, — да и не стану пить
больше; кончено все, ровно сонъ тя-
желый съ плечъ свалился. Эти деньги
пришли какія-то шальныя, «подумалъ
онъ,» не нами нажито, такъ не намъ и
досталось. Плюнулъ Тимофеичъ, да и
пошелъ.

А пошедши, нанялся онъ въ работ-

ники къ блинщику, жилъ у него хорошо и честно годовъ пять; заработалъ небольшія деньги — да трудовыя, а потому и сберегъ ихъ; воротился подъ старость на родину и самъ сталъ промышлять тамъ тѣмъ же ремесломъ. Какъ утро, бывало, такъ Тимофеичъ идетъ по гостинному ряду въ пестромъ ситцевомъ фартукѣ, съ лоткомъ на головѣ, и припѣваетъ: «у насъ блины, у насъ горячи — и денежки были, да въ Ростовѣ сплыли; — блины горячи!»

Всѣ знали Тимофеича, всѣ любили его, какъ стараго друга, разбирая у него блины, и слушали поговорки; — тамъ онъ живетъ и попинѣ и богатства у Бога не проситъ.

Даль.

---

35. ИЗЪ ПОВѢСТИ: ХМѢЛЬ, СОПЪ и ЯВЬ.

Въ малоземельныхъ губерніяхъ нашихъ значительная часть населенія заработываетъ хлѣбъ свой на чужбинѣ и возвращается домой только временно, почти на побывку, принося съ собою деньги на хлѣбъ, на подушное и на другія нужды. Въ близкихъ отъ столицы губерніяхъ, крестіяне уходятъ только на лѣто, а зимою или бываютъ въ извозѣ, или занимаются ремесломъ, или же наконецъ лежатъ на печи; но изъ дальнихъ губерній работники уходятъ на два, на три и болѣе года, не только въ столицы, но и во всѣ концы царства; Сибирцы, Владимірцы, Ярославцы строятъ дома въ Уральскѣ, Оренбургѣ, Омскѣ и Тобольскѣ. Во многихъ малоземельныхъ губерніяхъ большая часть господскихъ имѣній на оброкѣ, мужики ходятъ по всей Россіи и одни только старики, бабы и дѣти сидятъ дома. Тысячи плотниковъ, столяровъ, половщиковъ, каменщиковъ, штукатуровъ, печниковъ, кровельщиковъ, разсыпаются оттуда ежегодно по всей Россіи; крестьяне, цѣлыми селеніями, держатся слѣдству промысловъ, къ коим выкли уже дѣды ихъ. Цѣлыя д Тверитянъ или Новгородцевъ б лѣтомъ въ Питерѣ штукатурани мою сапожниками; привозятъ свой каждую весну, когда идутъ боту, обозами въ сѣверную с нашу, отдаютъ сапоги ни по лишь бы выручить зимніе харчи, то обозы наполняютъ знаменит ки Щукина двора, гдѣ готовы видъ порядочные сапоги можно за цѣлковой, т. е. дешевле чѣм тербургѣ обходится самый това

Бурлаки и музуры — судо и катросы, идутъ внизъ по Вол ромными толпами, съ сермягою томкою за плечомъ, съ парою ныхъ лаптей на поясѣ, съ дере лолкой, заткнутою на шляпѣ кень, лычко или бичевку; за п грязью на этихъ людяхъ боли го не видать. Бурлаки подыкаю на лямкахъ, бичевою, вверхъ п нѣ, отправляясь сперва за этим внизъ, и при всемъ томъ народ дится здѣсь судохозяевамъ въ дешевле быковъ и лошадей. В бота и хлѣбъ для самыхъ груб искусныхъ ни въ какихъ ремес колодковъ, и вотъ тотъ народъ рый работаетъ эту конскую р въ поту лица, мѣсяцъ сряду, с чтобы, отбывъ одну путину, в все въ три дня. Не стану по промышленниковъ и дармоѣдов ныхъ родовъ, кулаковъ, котор няютъ по деревнямъ разные при кошатниковъ, которые собираю лотковые мѣха, вымѣнивая у б шекъ на деревянную посуду — щиковъ и ходебщиковъ, а гово ственно о ремесленникахъ, дол помянуть и о крестьянскихъ по которые ходятъ зимою по селам стукивая въ окно, спрашиваютъ ли шитва? потомъ рядятся съ и съ овчины и берутъ копѣйки съ уговоромъ, не пускать уже

вию другихъ портныхъ — за что ...ваютъ волостное начальство без...жно—а обшивъ все село, идутъ ...е и опять стучатъ посохомъ въ ...і. Нижегородскіе Татары, возвра...сь домой, подъ предводитель...мъ одного довольно статнаго мур...называемаго всюду по пути кня...ь, покупаютъ на заработанныя день...Башкирскихъ (саратовскихъ), кир...скихъ и калмыцкихъ лошадей, от...ливаютъ ихъ путемъ по ночамъ ...овски у стоговъ и скирдъ, и пере...даютъ по дорогѣ съ барышомъ из...щикамъ и ямщикамъ.

Въ этихъ малоземельныхъ селеніяхъ ...едено большею частію, что моло...й парень долженъ заработать напе...ъ извѣстную сумму на отца и се...йство свое, потомъ уже, уплативъ ...а три-четыре подушное за отца или ...а и за малыхъ братьевъ, идетъ онъ ...отать годъ или два на себя, и же...ся. Тутъ не найдете вы мужика до...ѣда, мужика, который не видалъ бы ...ту; только развѣ въ большихъ се...йствахъ, пятерикахъ, семерикахъ, ...мъ постоянно остается дома. Мо...гъ быть это обстоятельство объ...няетъ сильную наклонность, всегдаш...ю готовность крестьянъ нашихъ къ ...ереселенію; едва ли проходитъ спо...но два-три года сряду, чтобы какой ...будь пустой, нелѣпый слухъ, без...ковая молва, безсмысленная сказ...—приплетенная самымъ дикимъ обо...мъ ни къ селу ни къ городу къ но...му узаконенію или постановленію— ...обы говорю какая нибудь дикообраз...я сказка не подняла вдругъ цѣлыя ...ленія на ноги—Богъ вѣсть куда, въ ...кой-то баснословный край, гдѣ нѣтъ ...подушнаго, ни рекрутства. Тамбов...іе, воронежскіе, орловскіе, пензен...іе, калужскіе и другихъ губерній ...реселенцы поводняютъ цѣлыми ор...ми восточные предѣлы государства, ...чуютъ какъ Цыгане, по нѣскол...лѣтъ сряду, то не получая от...ду новыхъ земель, то не соглашаясь селиться тамъ, гдѣ указываютъ, то из...бирая по произволу чужія частныя или войсковыя земли, поселяясь на нихъ силою и возвращаясь по нѣскольку разъ опять на тоже мѣсто, съ котораго сводятъ ихъ посредствомъ исправника или даже воинской команды. Господскіе крестьяне уходятъ бурлаками до Астрахани, нанимаются тамъ въ бурлаки, въ музуры, въ тюленщики, въ рыбаки, ходятъ въ море, пропадаютъ нѣсколько лѣтъ безъ вѣсти, не заботясь о давно просроченныхъ паспортахъ и нерѣдко попадаются въ плѣнъ и рабство къ Адайцамъ или Туркменамъ — рабство, коему правительство наше наконецъ нынѣ положило предѣлъ.

Кочеванье это безспорно бываетъ поводомъ порчи нравовъ; мужикъ балуется и многіе обвиняютъ за это шатающихся крестьянъ; но на все есть свои причины, и намъ кажется, что, объѣхавъ напримѣръ владимірскую губернію, не станешъ дивиться, для чего тысячи рабочихъ рукъ ежегодно ее покидаютъ. Тутъ почва большею частію такъ дурна, что, глядя на этотъ сыпучій песокъ, перемѣшанный съ какою то мертвою, сѣрою пылью, на болото, мшину и кочкарникъ, обгорѣлые пни и коряги — пожалѣешь о потовомъ трудѣ мужика, поднявшаго лемехомъ каждый клочокъ и уголокъ, гдѣ только можно протащить одноконную соху. Если нѣмецъ или англичанинъ съумѣли бы извлечь изъ этой неблагодарной почвы десятерицею болѣе нашего, то это еще ничего не доказываетъ; чего мы не знаемъ, тому не вѣримъ, а что-бы разувѣрить человѣка, у котораго все основано на опытѣ, на завѣтѣ отцовъ—должно убѣдить его и переучить дѣломъ, а не словами. Есть безъ сомнѣнія и другія причины этой страсти къ переселенію — но ихъ оставимъ въ покоѣ. Вездѣ хорошо, гдѣ насъ нѣтъ.

Во владимірской губерніи на большой дорогѣ есть село, извѣстное по

мастерству и прилежанію своихъ крестьянъ, плотниковъ и столяровъ, въ числѣ коихъ наберется и десятокъ другой краснодеревцевъ. Село это извѣстно подъ названіемъ Глухаго озера и почти поголовно уходитъ въ заволжскій край на работу. Тутъ жила большая семья Воропаевыхъ; дѣдъ сидѣлъ уже дома на печи, а отецъ и четверо сыновей ходили постоянно, по вызову подрядчиковъ, куда только путь-дорога лежитъ, и кормили и оплачивали всего не менѣе 17-ти душъ. Въ числѣ подрядчиковъ этихъ былъ и родной братъ отца Воропаева, а дядя четырехъ сыновей; ему посчастливилось въ работѣ, хозяинъ былъ онъ хорошій, мужикъ смышленый, сшилъ себѣ синюю сибирку, взялъ саженъ въ руки и сталъ держать артель.

На этотъ разъ плотникамъ нашимъ случилось проработать лѣто всѣмъ вмѣстѣ, или по близости одному отъ другаго; отецъ собралъ ихъ къ зимѣ и велѣлъ собираться также, какъ обыкновенно хаживали они и поочередно, на общій счетъ, чтобы не больно издержаться. Разсудивъ, что степную лошадку можно продать безъ убытку на какомъ нибудь яму, Воропаевы купили пару коней и около Рождества старикъ нашъ съ сыновьями прибылъ домой. Онъ не былъ на родинѣ уже два года, и подкатилъ на саняхъ подъ ворота съ рѣзной стрѣхою—какъ снѣгъ на голову; никто его не видалъ. Вошедъ не торопясь въ избу, онъ отсунулъ отъ себя лѣвою рукою старуху свою, которая закричавъ отъ радости: охъ, ты родимый мой! бросила было веретено свое и кинулась сдуру обнимать мужа. Онъ помолился преспокойно иконамъ, между тѣмъ какъ жена заливалась слезами, потомъ уже вымолвилъ: здравствуйте, поцѣловалъ старуху свою, дочерей, малыхъ сыновей и внуковъ. Вошли и пріѣзжіе четыре сына; семья жила нераздѣльно, въ большой просторной избѣ, на двѣ половины съ комнатками. Вскорѣ сбѣжались и замужнія дочери и кто на селѣ изъ зятьевъ; тутъ шурья, свояки, свояченицы, тет вѣстки, кумы, куновья — русск ловѣкъ безъ сродниковъ не живе набралась полна изба. Отцу Воропаевъ – отецъ поклонъ вт жена ему поклонъ въ ноги; сло все пошло своимъ порядкомъ и яники кланялись низко отцу, д плотнику, цѣловались съ сын его, говорили приличныя рѣчи слѣдуетъ по закону, напримѣръ васъ Богъ миловалъ? по добру здорову? соскучились мы по ва всѣмъ—и прочее, а за тѣмъ пр раздѣлись, то есть распоясались нули тулупы и кафтаны, усѣли кругъ стола, занявъ красный избы, а бабы подавали ѣсть и толпились около печи, за загор шарили въ рѣзномъ поставцѣ, няли изъ подъ лавокъ куръ, к думали воспользоваться празд и суматохой и втерлись подъ у посѣтителей въ избу. Между ребятишки, растянувшись на кр латей пичкомъ и потряхивая гол глядѣли на все это мигая и другъ друга. Кромѣ корчаги горшка каши, плотники наши оп нили вскорѣ два огромные ку квасу и отрѣзали себѣ, на закус сукрою хлѣбца, четверти въ тр сыпавъ его крупною какъ солью.

«Добрались таки опять до хлѣбушка» сказалъ отецъ, «а б ѣсть его разучились.»

— Нешто — отвѣчалъ сынъ вымъ нарѣчіемъ, къ которому пр на работахъ своихъ — нешто, лись; а и бѣлые калачи ихъ ладн зубъ ложатся, батюшка, что у вотъ пирогами зовутъ. Тамъ хлѣб не знаютъ — прибавилъ онъ обо шись къ своему, человѣку нево му, который сидѣлъ дома на ствѣ, — все калачъ, что по н пирогъ.

То—то вѣдь мы и ходимъ къ нимъ ачи—тѣ ѣсть» — замѣтилъ отецъ, оливъ еще разъ изъ солонницы ло-ъ свой и стряхивая надъ нимъ паль-, «что у нихъ калачей-то много, что и они съ ними не управятся.»

— А рыбы-то у нихъ, рыбы — на-ъ другой сынъ, хоть круглый годъ тись; и свиней рыбой кормятъ, и акъ рыбой, да и коровы, братъ, ъ рыбу ѣдятъ; ей Богу ѣдятъ! вотъ ля!

«Разумѣется такъ», сказалъ одинъ ъ сродниковъ, «что городъ, то но-ъ.»

— Какъ такъ коровы? — спросилъ якъ, которому понятливость или ворчивость сродника не пояснила ла.

«Да такъ братъ, ѣдятъ, да и только; алуй хоть отца-батюшку спроси и тьевъ, чай не дадутъ соврать; вотъ ъ и въ самой Астрахани: за мѣсто о что у насъ дадутъ коровѣ мѣсиво кое, что-ли, а тамъ вяленой рыбки еной подкинутъ ей, она и жуетъ ее вно хлѣбъ.»

— А народу что тамъ некрещенаго — алъ другой — такъ Господи воля я! ровно въ собачье царство какое бредешь, такъ вотъ вокругъ тебя не-ть покаковски и лаютъ.

«Вишь ты братъ!»

— Калмыкъ про маханъ толкуетъ, рсанъ (Кайсакъ) про свое тамъ что будь, Татаринъ киль-мунда, Кизыл-ъ молчатъ сидитъ себѣ такъ вотъ ть не води ушами, не про тебѣ писано.

Гости, и въ особенности бабы, диви-сь всѣмъ чудесамъ этимъ; вскорѣ накожъ посторонніе всѣ разошлись ъ поклонами и остались одни хозяева. ерклось; подали свѣтецъ и лучинъ; ецъ позвалъ дѣда на совѣтъ, запер-дверь на крючокъ, выславъ напе-дъ бабъ—достали и сосчитали при-сенныя съ собою деньги, рублей по ѣсти на брата, кромѣ того, что пе-слали уже домой на оброкъ; расчи-ли сколько и куда изъ нихъ пойдетъ; потомъ убрали деньги, позвали бабъ, и отецъ роздалъ женѣ, дочерямъ и невѣсткамъ по платку; и мужья вытащили гостинцы свои; отецъ съ дѣдомъ потолковали о томъ, гдѣ кто работалъ, почему бралъ, что прохарчилъ и заработалъ и сколько принесъ. Наконецъ старикъ Воропаевъ подозвалъ къ дѣду третьяго сына своего, Степана, принесъ на него горькую жалобу, что онъ-де сталъ ни съ того, ни съ сего погуливать и не мало денегъ пропилъ.

Гнѣвно вскинулся дѣдъ на робкаго Степана, который кланялся ему въ ноги, божился и заклинался, что впредь не станетъ никогда, даже въ ротъ ничего не возметъ—но у дѣда глаза горѣли, сѣдой волосъ придавалъ суровому, красному лицу его грозный видъ; бѣлая борода, пожелтѣвшая уже мѣстами, какъ поблеклый листъ, дрожала. Степанъ горько плакалъ и самъ отецъ, отступившійся отъ него въ началѣ жалобы своей и предавшій его гнѣву дѣдовскому, началъ по маленьку задобривать дѣда, ручаясь за сына на будущее время. Степану объявили, что онъ съ будущей весны пойдетъ работать на свое хозяйство, что пора его женить. «Да гляди ты у меня,» прибавилъ дѣдъ, постукивая костылемъ своимъ въ половицу и потряхивая выразительно по поясъ разостлавшеюся бородою, «гляди, Степанъ, коли ты у меня пить не бросишь съ сегоднишняго дня, то Господь попутаетъ тебя, покараетъ и наживешь ты себѣ неизбѣжное горе.»

Даль.

---

36. АНТАРЪ.

Прекрасна Шамская пустыня; прекрасны въ Шамской пустынѣ развалины волшебнаго Тедмора. Кто жилъ въ этихъ огромныхъ чертогахъ? Кому воздвигнуты эти храмы? Кѣмъ построены эти длинныя улицы столбовъ?....

То знаютъ книжники Дамаска и Іерусалима: Антару то неизвѣстно. Антаръ— краса степей, мечъ побѣды, роса дружбы, тѣнистый кипарисъ гостепріимства. Онъ знаетъ, гдѣ отыскать тѣхъ, кои осмѣлились нанести обиду ему, или его поколѣнію; онъ покажетъ вамъ всѣ, далеко разбросанныя и почти истертыя вѣтромъ, могилы враговъ своихъ; онъ защититъ васъ въ пустынѣ отъ жадности и вѣроломства ста арабскихъ всадниковъ и раздѣлитъ съ вами послѣднюю горсть жаренаго проса, но онъ не знаетъ того, что написано въ книгахъ. Старцы сосѣдственныхъ улусовъ сказывали ему, что это остатки города, построеннаго въ старину зловредными духами, и совѣтовали не приближаться къ этому мѣсту; но Антаръ не страшится ни людей, ни духовъ, и гордо смотритъ на великолѣпныя развалины Тедмора.

Онъ стоитъ и смотритъ. Копье его, кровавое — какъ мщеніе, быстрое — какъ ударъ грома, стоитъ возлѣ него, водруженное въ безплодную почву. Балька (*) стоитъ у копья и, устремивъ на него глаза свои черные, огненные, проницательные, хочетъ, кажется, узнать, что происходитъ въ пылкой его душѣ. Она печальна, потому что онъ печаленъ. Балька отгадала, что люди огорчили ея господина, и сильно бьетъ ногою, негодуя на ихъ неблагодарность. Антаръ постигнулъ мысль Бальки, обнялъ ее за шею и поцѣловалъ въ чело, украшенное бѣлою звѣздочкою, блестящею издали подобно лунѣ въ первую ночь мѣсяца.

Антаръ оставилъ людей навсегда. Онъ проливалъ за нихъ свою кровь, жертвовалъ имуществомъ, расточалъ для нихъ свою любовь и дружбу: они ему измѣнили!.... Доколѣ вѣтеръ въ пустынѣ будетъ переносить песчаныя холмы съ одного мѣста на другое, доколѣ облака будутъ бросать сѣрую тѣнь на землю, доколѣ мечи будутъ утолять свою жажду краснымъ в комъ, текущимъ въ жилахъ с Адама—до тѣхъ поръ онъ не ув съ людьми. На сто выстрѣловъ н ка нога его не пойдетъ къ жили ловѣка; на всю длину копья его изъ смертныхъ да не дерзнетъ п къ нему. Антаръ произнесъ к онъ никогда вотще не давалъ об

Онъ стоитъ. Голодъ рветъ ег тренность; но онъ умѣетъ преодо голодъ. Зажженный палящимъ со воздухъ, среди совершеннаго б рія, дрожитъ, трясется, мелькае кимъ пламенемъ, подобнымъ то кой вьется по раскаленному же знойныя блестки, въ видѣ часты ненныхъ иголокъ, быстро пляш воздухѣ предъ его глазами; ужасы пустыннаго зноя не за его тронуться съ мѣста. Земля подъ его стопами: онъ терпѣл реноситъ и это, и стоитъ непо дожидаясь, пока пробѣжитъ пу строусъ или серна, чтобы мигом чить на коня, догнать добычу и ее копьемъ.

Вотъ что-то шевелится меж ками песку, наваленнаго посл вѣтромъ у подножія ближней Это навѣрное газель. Антаръ конѣ, и держитъ копье надъ св ловою. Онъ не ошибся: это газ лая, легкая, прелестная. Балы увидѣла ее, и понеслась стр ту сторону: она не требуетъ узда указывала ей направленіе; витъ мысль всадника, и она быстрѣе мысли.

Антаръ уже настигалъ газе отъ нея не далѣе, какъ на о стрѣлъ. Вдругъ раздался надъ ловою ужасный шумъ, и возд мрачился черною тѣнію. Онъ пр голову, и увидѣлъ огромную птицу, которая, подобно весенн закрывала собою большую ч беснаго свода. Глаза ея сверк молніи; распростертые когти, величинѣ и силѣ, могли-бъ об

(*) Лошадь Антара.

тесъ, образующій грозную вер-
ь—Аксы. Антаръ примѣтилъ, что
ія, исполинская птица тоже пре-
ъ газель, которая, при видѣ но-
ности, понеслась еще быстрѣе.
аръ всегда былъ защитникомъ
ь: онъ немедленно забылъ, что
нится за газельюсъ намѣреніемъ
ее жизни, и думалъ только о
и ея отъ ярости воздушнаго вра-
а, Антаръ и газель долго и бы-
емнлись въ одну и ту-же сто-
олѣе и болѣе сближались другъ
омъ; и когда взаимное ихъ раз-
уменьшилось почти до двадцати
, храбрый всадникъ повертѣлъ
ь надъ головою и метнулъ имъ
. Оно полетѣло, свистя какъ влаж-
геръ между столбами Тедмора, и
ось въ грудь крылатому велика-
ща испустила ужасный стонъ съ
, заставившимъ вздрогнуть. са-
нтара. Она поколебалась: каза-
го она упадетъ и своимъ паде-
здавитъ дерзкаго сына пустыни;
принудила ее быстро подняться
духъ, тогда какъ уже конецъ од-
рыла коснулся-было земли. Отъ
ея перьевъ по сухой, раскален-
чѣ, густой туманъ пыли напол-
се пространство и песокъ засы-
лаза Антару. Онъ тотчасъ слѣзъ
я, и нѣсколько минутъ простоялъ
гѣ во мракѣ; но когда пыль нача-
дать, онъ съ удивленіемъ уви-
своихъ ногъ ту самую газель,
я незадолго уходила отъ его ко-
огтей хищной птицы. Она умиль-
лядывала на своего спасителя:
сныя глаза ея выражали нѣжную
арность. Антаръ хотѣлъ пола-
ее рукою, но, едва онъ пошеве-
она порхнула и исчезла въ пыль-
епи.

Сенковскій.

(*Новоселье*).

---

37. НѢЧТО О ВАСИЛІИ ИВАНОВИЧѢ.

Василій Ивановичъ родился въ казанской губерніи, въ деревнѣ Мордасахъ, въ которой родился и жилъ его отецъ, въ которой и ему было суждено и жить и умереть. Родился онъ въ восьмидесятыхъ годахъ и мирно развился подъ сѣнью отеческаго крова. Ребенку было привольно расти. Бѣгалъ онъ весело по господскому двору, погоняя прутикомъ трехъ мальчишекъ, изображающихъ тройку лошадей, и постегивая весьма порядочно пристяжныхъ, когда онѣ недостаточно закидывали головы на сторону. Любилъ онъ также тѣшить вѣчный свой досугъ чуркомъ, бабками, свайкой и городками, но главное основаніе системы его воспитанія заключалось въ голубятнѣ. Василій Ивановичъ провелъ лучшія минуты своего дѣтства на голубятнѣ, сманивалъ и ловилъ крестьянскихъ чистыхъ голубей и пріобрѣлъ весьма обширныя свѣдѣнія касательно козырныхъ и турмановъ.

Отецъ Василія Ивановича, Иванъ Федотовичъ, имѣлъ какъ-то несчастье испортить себѣ въ молодости желудокъ. Такъ какъ по близости доктора не обрѣталось, то какой-то сосѣдъ присовѣтовалъ ему прибѣгнуть для поправленія здоровья къ постоянному употребленію травинчка. Иванъ Федотовичъ до того пристрастился къ своему способу леченія, до того усиливалъ пріемы, что скоро пріобрѣлъ въ околодкѣ весьма недиковинную славу человѣка пьющаго запоемъ. Со временемъ барскій запой сдѣлался постояннымъ, такъ-что каждый день утромъ, акуратно въ десять часовъ, Иванъ Федотовичъ съ хозяйской точностью былъ уже немножко подшефе, а въ одиннадцать совершенно пьянъ. А какъ пьяному человѣку скучно одному, то Иванъ Федотовичъ окружилъ себя ау-

рами и дураками, которые и услаждали его досуги. Торговалъ онъ, правда, себѣ и карлу, но карла пришелся слишкомъ дорого, и былъ тогда же отправленъ въ Петербургъ къ какому-то вельможѣ. Надлежало, слѣдовательно, довольствоваться взрослыми глупцами и уродами, которыхъ одѣвали въ затрапезныя платья съ красными фигурами и заплатами на спинѣ, съ рогами, хвостами и прочими смѣшными украшеніями. Въ такихъ удовольствіяхъ проходилъ цѣлый день, а когда Иванъ Федотовичъ ложился почивать, пьяная старуха должна была разсказывать ему сказки, оборванные козачки щекотали ему легонько пятки и отгоняли кругомъ его мухъ. Дураки должны были ссориться въ уголку, и отнюдь не спать или утомляться, потому что кучеръ вдругъ прогонялъ дремоту и оживлялъ ихъ бесѣду звонкимъ прикосновеніемъ арапника.

Мать Василія Ивановича, Арина Аникимовна, имѣла тоже свою дуру, но ужъ больше для приличія и такъ сказать для штата. Она была женщина серьезная и скупая, не любила заниматься пустяками. Она сама смотрѣла за работами, знала кого поучить и кому водки поднести, присутствовала при молотьбѣ, свидѣтельствовала на мельницѣ закормы, надсматривала ткацкую. Само собой разумѣется, что кругомъ ея образовалась цѣлая куча разностепенной дворни, приживалокъ, наушницъ, кумушекъ, нянекъ, дѣвокъ, которыя, какъ водится, цѣловали у Василія Ивановича ручку, кормили его тайкомъ медомъ, поили бражкой и угождали ему всячески, въ ожиданіи будущихъ благъ.

Василій Ивановичъ былъ и безъ того пухлый ребенокъ, рѣдко вымытый, никогда нечесаный, жадный, своевольный, безъ присмотра и наблюденія. Онъ росъ-себѣ по однимъ простымъ законамъ природы, какъ ростетъ капуста или горохъ. Никто не заботился о его нравственномъ направленіи, о его умственномъ и душевномъ развитіи. кто не объяснялъ ему прекрас символовъ вѣры, никто не гово ему, что одного наружнаго благо тія недостаточно и что каждый ч вѣкъ долженъ созидать невиди храмъ въ душѣ своей, долженъ славлять Всевышняго не одними вами, а чувствами и жизнью.

На одиннадцатомъ году, Вас Ивановичъ началъ курсъ своего уч подъ руководствомъ приходскаго д ка и складывалъ съ большимъ от щеніемъ года два сряду всякому мятныя буки азъ ба, вѣди азъ са. слѣ чего онъ началъ и писать, каллиграфіи и правописанія не б упомянуто вовсе, такъ что и пон Василій Ивановичъ такія иногда дреныя чертитъ кавыки, такія ин подъ перомъ его рождаются дикія ва, что глазамъ не вѣрится. Потом чили его катихизису по вопроса ответамъ и ариѳметикѣ по тому способу. Но тутъ всѣ усилія оста кается, тщетны, потому-что ни ему рѣшительно не далась. Впроч къ совершенному оправданію его дителей, надо сказать, что они н для воспитанія сына и домашняго теля. Оный учитель былъ малорос нинъ, кажется, отставной унтеръ церъ, именемъ Вухтичъ. Получалъ жалованья шестьдесятъ рублей годъ, да отсыпной муки по два в въ мѣсяцъ, да изношенное платье барскаго плеча и нѣчто изъ обуви. мѣ того, такъ какъ платья было не го, потому-то Иванъ Федотовичъ но ходилъ въ халатѣ, то Вухтичу ло еще предоставлено въ утѣшеніе жать свою корову на господскомъ мѣ. Василій Ивановичъ мало оказы почтенія учителю, ѣздилъ верхом его спинѣ, дразнилъ его языком нерѣдко швырялъ ему книгой пря носъ. Если же терпѣливый Вухти выйдетъ, бывало, наконецъ изъ те нія и схватится за линейку, Вас Ивановичъ кувыркомъ побѣжитъ ж

ькѣ, что учитель его та-
ой, бьетъ-де его палкой и
ятенька съ-пьяна раскри-
ухтича: «Ахъ, ты, сѣдой
ь, я тебя кормлю и одѣваю,
я въ дому шумѣть задумалъ.
.... смотри, по шеямъ велю
ъ. Не давать коровѣ его сѣ-
мушки и приживалки окру-
ія Ивановича и начнутъ его
Ненаглядное ты наше крас-
шко; свѣтъ наша радость,
нашъ, позвольте ручку по-
Не слушайтесь, ягода, зо-
ашъ, хохла поганаго. Онъ
шъ братъ.... Гдѣ ему знать,
атными господами обиходъ

къ, въ самомъ дѣлѣ, думалъ
не ходить же по міру.... —
мъ всего этого было то, что
рнился на дворовой дѣвкѣ,
ъ награжденіе двѣ десяти-
воспитаніе Василія Ивано-
окончено.
же, надо сказать правду,
ановичъ имѣлъ отъ приро-
доброе, нравъ тихій и ми-
Доказательствомъ тому
, что даже и воспитаніе его
ло. Я говорю «воспитаніе»
мъ слова, выражающаго по-
ршенно противоположное
. И странно, какъ подума-
ги всѣ наши дѣды учились
еньги, воспитывались какъ-
удачу, то-есть не воспи-
овсе, а росли-себѣ по волѣ
дѣды наши были точно лю-
отные; рѣдкій умѣлъ пра-
писывать свое имя, и не
го, они всѣ почти были лю-
ыми нравами, съ сильною
ѣпко хранили, не по логиче-
дѣнію, а по какому-то ста-
шевію, любовь ко всѣмъ на-
ственнымъ постановленіямъ.
ринная грубость изчезаетъ,
духомъ колебанія и сомнѣ-
успѣхъ, но, можетъ-быть,
необходимый, чтобъ надежнѣе и вѣр-
нѣе дойти до истины.

Когда Василію Ивановичу наступилъ шестнадцатый годъ, онъ отправился въ Казань на службу.... Тогда недавно только образовались новые штаты по указу о губернскихъ учрежденіяхъ. Василій Ивановичъ служилъ нѣсколько времени въ канцеляріи намѣстника, но, какъ еще понынѣ говорится въ губерніяхъ, для одной только pour le proforme Въ самомъ дѣлѣ, не оставаться же столбовому дворянину, хоть и безграмотному, недорослемъ. Къ военной службѣ Василій Ивановичъ имѣлъ мало наклонности, тогда какъ совершенная праздность вполнѣ согласовалась съ его способностями и привычками. Въ тоже время, вкусилъ онъ удовольствія свѣтской жизни и сталъ удивительно отличаться на балахъ. Никто ловче его не прохаживался въ матрадурѣ, монимаскѣ, курантѣ или Данилѣ Куперѣ. Иногда, въ небольшомъ кругу, отхватывалъ онъ, по просьбѣ дамъ, и козачка, что всегда сопровождалось громкими изъявленіями удовольствія. Подобный случай рѣшилъ даже участь его навсегда. Какъ-то, на именинахъ у прокурора, просили его пройти любимый обществомъ танецъ вмѣстѣ съ молодой дочерью отставнаго секундъ-маіора Крючкина. Дѣвушка долго жеманилась, но, какъ водится, по долгимъ убѣжденіямъ согласилась. Скромно опустивъ очи, зардѣвшись какъ маковъ цвѣтъ, она такъ мило подбоченилась, такъ легко начала подпрыгивать и въ лѣво и въ право, что сердце Василія Ивановича вздрогнуло и ноги едва не отказались. Но вдругъ онъ оправился, и съ такимъ неистовымъ вдохновеніемъ пустился въ присядку, такія началъ выдѣлывать ногами штуки, что комната потряслась отъ рукоплесканій, и нѣкоторые подгулявшіе собесѣдники начали даже притопывать и припѣвать, улыбаясь другъ передъ другомъ.

Василій Ивановичъ, задыхаясь, по-

дошелъ къ пристыженной отъ общаго восторга красавицѣ.

«Ахъ!» сказалъ онъ: «лихо изволите...»

Молодая дѣвушка еще болѣе зардѣлась.

— Помилуйте-съ, — отвѣчала она шопотомъ.

Новый случай вдругъ перемѣнилъ жизнь Василія Ивановича. Однажды получилъ онъ странное письмо церковнаго слога и почерка. Письмо было отъ сельскаго священника и увѣдомляло Василія Ивановича, что Иванъ Федотовичъ при смерти боленъ. Василій Ивановичъ въ ту же минуту послалъ за лошадьми и поскакалъ въ Мордасы. Жалкую перемѣну, печальную картину нашелъ онъ въ отцовскомъ жилищѣ. Приживалки и кумушки ревѣли по разнымъ комнатамъ. Дураки вдругъ сдѣлались разумными и сбросили уродливые наряды. Умирающій, жертва необузданной наклонности, лежалъ уже на смертномъ одрѣ, и жалобно стоналъ и тихо каялся. Святая таинственность страшнаго предсмертнаго часа разбудила наконецъ голосъ совѣсти и направляла душу къ настоящей стезѣ, отъ которой невѣжество, тупеядство, привычка и примѣръ отклоняли грѣшника въ теченіе цѣлой его жизни. «Вася», говорилъ онъ, «Вася, во мнѣ горитъ что-то.... Мнѣ душно, мнѣ больно, Вася.... Виноватъ я передъ тобой! Прости меня, Вася, не проклинай моей памяти. Не воспиталъ я тебя, какъ долженъ былъ Богу и Государю.... Будутъ у тебя дѣти, Вася,—воспитывай ихъ въ страхѣ Божіемъ, обучай наукамъ, служить заставь.... Тяжкій мой грѣхъ.... Не позволяй, Вася, дѣтямъ ругаться надъ людьми бѣдными и слабыми; не обращай братьевъ твоихъ въ позорище, не тяни изъ нихъ крови христіанской.... Все припомнится въ послѣднюю минуту. Вѣрь мнѣ, Вася. Тяжело умирать съ нечистой совѣстью. Душно мнѣ, Ва Вася, Вася, прости меня....» И стоя на колѣнахъ, тихо рыдалъ у ловья умирающаго, и священникъ рилъ молитву надъ ложемъ стра средиоцѣпенѣвшей дворни. Долго должалась борьба жизни съ сме Долго мучился и томился больной конецъ онъ умеръ. Домъ напол крикомъ и стенаніемъ. Все селеніе вожало покойника до послѣдне обители. Приживалки и кумушки ли страшными голосами, пригова затверженныя рѣчи: «Батюшка, к лецъ, Иванъ ты нашъ Федотычъ, го ты насъ покинулъ!.... Какъ б намъ жить безъ тебя!.... Кто б поитъ, кормитъ насъ круглыхъ с кто хлѣбъ доставать! Вѣкъ намъ тобой плакаться, вѣкъ не утѣшит Пропала наша головушка!....» В сопровождалось визгомъ и притвор весьма отвратительнымъ изступ емъ.. Но при послѣднемъ прощан многихъ лицахъ изобразилось ист горе. Любовь мужика къ барину бовь врожденная и почти непзъяс пробудилась во всей силѣ. По мн крестьянскимъ бородамъ пока крупныя слезы, и, по едва поня чувству великодушнаго самоотв нія; даже бѣдныя дураки, вѣчно ос ные, вѣчно мучимые покойникомъ тѣшно плакали надъ свѣжей его мо

И надо ему (*) отдать спра вость. Онъ хотя не уничтожилъ существовавшій при отцѣ порядо покрайней мѣрѣ, измѣнилъ его в гомъ: шутовъ отослалъ въ сто кучера посадилъ на козлы, а са пивалъ не болѣе двухъ рюмокъ ничка въ день, одну передъ об другую передъ ужиномъ. Не слѣ однако, думать, чтобъ онъ воор ся правилами грозной нравствен

(*) Василію Ивановичу.

нилъ громкими словами. Совсѣмъ
То, что занимало и тѣшило Ива-
дотовича, не казалось ему отвра-
ьнымъ, а только не занимало и не
ю его вовсе. Онъ понималъ, что
быть пьяницей, только самъ на-
ься не любилъ. Онъ понималъ, что
забавляться дураками, только
не находилъ въ нихъ ничего смѣш-
Словомъ, онъ сдѣлался добрымъ
ѣкомъ, не по убѣжденію, а такъ-
потому-что иначе было бы ему
-то неловко и непріятно. Съ одной
ны, онъ помнилъ живо послѣднее,
ное поученіе умирающаго отца, а
угой стороны просвѣщеніе, кото-
езамѣтнымъ образомъ распростра-
ся повсюду, заглядывая въ села и
ни, не миновало Мордасъ и стало
ковольподкрадываться къ Василію
овичу, заговаривая съ нимъ не ев-
йскими пустыми изреченіями, а по-
имъ ему языкомъ. Такимъ обра-
, понялъ онъ, что собственное его
осостояніе зависитъ отъ благосо-
нія его крестьянъ, и тогда занялся
всѣми силами добрымъ дѣломъ, и
того милымъ его мягкосердому
ству. Онъ началъ, правда, управ-
по русской методѣ, по опыту ста-
ловъ, безъ агрономическихъ фоку-
, безъ филантропическихъ усовер-
ствованій; но помѣщикъ понималъ
ка, мужикъ понималъ помѣщика,
а стремились, безъ насильствен-
толчковъ, а правильно и посте-
о, къ цѣли усовершенствованія.
лій Ивановичъ былъ человѣколю-
и правосуденъ. Крестьяне стали
ать его, уже не по долгу, имъ при-
ому, но изъ святой благодарно-
У Василія Ивановича родились
. Онъ началъ ихъ воспитывать не
о, но ужъ не такъ, какъ самъ былъ
итанъ. Для нихъ выписанъ былъ
ентъ изъ семинаріи, который обу-
ихъ и исторіи и географіи, нимно-
, о чемъ Василій Ивановичъ и по-
не имѣлъ. Старшій сынъ, по на-
ленію одиннадцати лѣтъ, былъ от-
мъ II.

правленъ сперва въ губернскую гим-
назію, а потомъ въ Московскій Уни-
верситетъ. Василій Ивановичъ поним-
малъ, самъ не зная почему, что въ хо-
рошемъ воспитаніи таится не только
нравственный зародышъ жизни каж-
даго человѣка, но и тайное начало
благоденствія и жизни всякаго госу-
дарства.

Со всѣмъ тѣмъ, Василій Ивановичъ
былъ изъ числа самыхъ прозаическихъ
помѣщиковъ. Старые сосѣди говорили о
немъ, что онъ продувная шельма, а мо-
лодые, что онъ пошлый дуракъ. Въ са-
момъ же дѣлѣ, онъ просто и попнѣ,
что называется, человѣкъ стараго по-
кроя. На дворянскихъ сходбищахъ, ку-
да онъ является только въ необыкно-
венные случаи, говоритъ онъ весьма
неостроумно, но говоритъ дѣльно, со-
гласно понятію большинства. Предла-
гали ему служить по выборамъ, но онъ
отклонилъ подобное предложеніе, во-
первыхъ, какъ говорилъ онъ, по поводу
физики, черезъ-чуръ неповоротливой, а
во-вторыхъ потому, что въ низшихъ
должностяхъ боялся отвѣтственности, а
высшихъ не почиталъ себя достойнымъ.
Живетъ онъ себѣ лѣтъ тридцать въ де-
ревнѣ почти безотлучно, толстѣетъ съ
каждымъ годомъ, чрезвычайно любитъ
ѣздить на рыбную ловлю, гдѣ онъ мо-
жетъ лежать на берегу, пока рыбаки
забрасываютъ неводъ на его счастье
или на счастье всѣхъ дѣтей его поочe-
редно. Кушаетъ онъ удивительно много
и охотно, и Авдотья Петровна каждый
день придумываетъ ему какой-нибудь
сюрпризъ: то кулебяку съ визигой, то
окорокъ на славу, то рыбу огромной
величины, на каковой случай сзываются
и нѣсколько сосѣдей. «Василій Ива-
новичъ проситъ-де откушать рыбки, что
поймалъ у него рыбакъ.» И сосѣди вос-
хищаются рыбкой, мѣрятъ ее, сравни-
ваютъ съ другими извѣстными рыбами,
и Василій Ивановичъ улыбается почень
доволенъ и собой и рыбкой и жизнью.
Послѣ обѣда ѣдятъ варенье общей ло-
жечкой, выпиваютъ иногда по рюмкѣ

наливочки, потомъ ложатся отдохнуть, потомъ ѣздятъ на длинныхъ дрогахъ посмотрѣть на озими или на яровинку, потомъ снова ложатся спать уже на цѣлую ночь. Въ карты Василій Ивановичъ не играетъ. Утромъ повѣряетъ онъ работы, дѣлаетъ разводку, ѣздитъ на мельницу или на молотильню; но ходить пѣшкомъ не любитъ и рѣшается на такой подвигъ только въ чрезвычайныхъ случаяхъ, во время крестнаго хода, напримѣръ, или когда плотину прорветъ.

Арина Аникимовна давно уже скончалась въ поздней старости. За нѣсколько лѣтъ до смерти, она ослѣпла и тихо сошла въ могилу, гдѣ схоронили ее рядомъ съ Иваномъ Федотовичемъ.

Авдотья Петровна давно уже сдѣлалась толстой и довольно крикливой барыней. Впрочемъ, она любитъ и уважаетъ Василія Ивановича, хотя не съ прежнею безусловною покорностью. Она то-же имѣетъ вѣсъ и голосъ въ управленіи и хозяйствѣ, и, чтобъ всю высказать истину, надо сознаться, что Василій Ивановичъ ея немного даже побаивается. Ей вполнѣ предоставлены, для пріятнаго разсѣянія, всѣ заботы о сво[illegible] номъ дворѣ, птичникѣ и рукодѣль[illegible] промышленности дворовыхъ женщ[illegible] Авдотья Петровна любитъ гадать въ к[illegible] ты, слушать сплетни дворовыхъ с[illegible] рухъ, и пріобрѣла къ околодкѣ неиал[illegible] славу особымъ искуствомъ, съ котор[illegible] она солитъ огурцы, перекладывая [illegible] какими-то листьями.

Впрочемъ, ни она, ни мирный ея с[illegible] пругъ ни одного раза, въ теченіе тр[illegible] цатилѣтняго супружества, не пожа[illegible] ли о своемъ выборѣ, и ни одна непр[illegible] ненная мысль, ни одно ядовитое сл[illegible] ни разу не коснулись ихъ непреры[illegible] го согласія.

Такъ текла, такъ течетъ безстр[illegible] ная, тихая жизнь толстаго помѣщ[illegible] Въ продолженіе тридцатилѣтняго п[illegible] быванія въ деревнѣ, раза два былъ[illegible] въ Москвѣ, разъ пять въ губернс[illegible] городѣ, да каждый годъ, около ив[illegible] ва дня, отправляется онъ на бли[illegible] ярмарку.

(*Тарантасъ*). *Гр. Сологуб[illegible]*

V. СКАЗКИ.

38. ВОЙНА МЫШЕЙ И ЛЯГУШЕКЪ.

Слушайте, я разскажу вамъ, друзья,
про мышей и лягушекъ.
Сказка ложь, а пѣсня быль, говорятъ
намъ, но въ этой
Сказкѣ моей найдется и правда. Милости-жъ просимъ
Тѣхъ, кто охотникъ въ досужный часокъ пошутить, посмѣяться,
Сказки послушать, а тѣхъ, кто любитъ
смотрѣть изъ подлобья,
Всякую шутку считая за грѣхъ, мы
просимъ покорно
Къ намъ не ходить, и дома сидѣть,
высиживать скуку.
Было прекрасное майское утро. К[illegible]
кунъ двадесятый,
Царь знаменитой породы, властит[illegible]
ближней трясины,
Вышелъ изъ мокрой столицы свое[illegible]
окруженный блестящей
Свитой придворныхъ. Въ припры[illegible]
они взобрались на пригорокъ,
Сочной травою покрытый, и тамъ,
кочкѣ усѣвшись,
Царь приказалъ изъ толпы его окр[illegible]
жавшихъ почетныхъ
Стражей, вызвать бойцевъ, чтобъ е[illegible]
царя, забавляли

кулачными. Вышли бойцы; на-
чалося, ужъ много
лягушечьихъ мордъ царю въ у-
гожденье разбито;
кохоталъ, отъ смѣха придворная
квакала свита
ѣдъ за его величествомъ; солнце
взошло ужъ на полдень.
ъ изъ кустовъ молодецъ въ пре-
красной бѣленькой шубкѣ,
ленькимъ хвостикомъ, острымъ
стрѣлка, на тоненькихъ ножкахъ
чалъ; слѣдомъ за нимъ четыре
такихъ-же, но въ шубахъ
го цвѣта. Рысцей они подбѣжали
къ болоту.
шубка, носикъ въ болото уткнувъ,
и поднявши
ю ножку, началъ воду тянуть, и,
казалось,
для него тотъ напитокъ пріятнѣе
меда; головку
онъ вверхъ подымалъ, и вода съ
усастаго рыльца
изъ бисеромъ падала; вдоволь на-
пившись и лапкой
е обтерши, сказалъ онъ: какое
раздолье студеной
ы воды, утомившись отъ зноя! Те-
перь понимаю
о чувствовалъ Дарій, когда онъ
въ бѣгствѣ, изъ мутной
напившись, сказалъ: я не знаю
вкуснѣе напитка!
ова одна изъ лягушекъ подслу-
шала, тотчасъ
гъ она съ донесеньемъ къ царю:
изъ лѣса-де вышли
акихъ-то звѣрковъ, съ усами ту-
рецкими, уши
ля, хвостики острые, лапки какъ
руки, въ осоку
ли побѣжали и царскую воду въ
болотѣ
. А кто и откуда они, неизвѣстно.
Съ десяткомъ
ей Квакунъ посылаетъ хорунжа-
го, Пышку, провѣдать
званые гости: когда непріятели,
взять ихъ,
Если дадутся; когда-же сосѣди, при-
шедшіе съ миромъ,
Дружески ихъ пригласить къ царю на
бесѣду. Сошедши
Пышка съ холма и увидя гостей, въ
минуту узналъ ихъ:
Это мыши, неважное дѣло! Но мнѣ не
случалось
Бѣлыхъ межъ ними видать, и это мнѣ
чудно. Смотрите-жъ,
Спутникамъ тутъ онъ сказалъ, никого
не обидѣть. Я съ ними
Самъ на словахъ объяснюся. Увидимъ,
что скажетъ мнѣ бѣлый.
Бѣлый межъ тѣмъ съ удивленьемъ ве-
ликимъ смотрѣлъ, приподнявши
Уши, на скачущихъ прямо къ нему съ
пригорка лягушекъ;
Слуги его хотѣли бѣжать, но онъ удер-
жалъ ихъ,
Выступилъ бодро впередъ и ждалъ ска-
куновъ, и какъ скоро
Пышка съ своими къ болоту приблизился: здравствуй, почтенный
Воинъ, сказалъ онъ ему, прошу не взыскать, что безъ спросу
Вашей воды напился я; мы всѣ отъ
охоты устали;
Въ это-же время здѣсь никого не на-
шлось; благодарны
Очень мы вамъ за прекрасный напитокъ, и сами готовы
Равнымъ добромъ за ваше добро запла-
тить: благодарность
Есть добродѣтель возвышенныхъ душъ.
Удивленный такою
Умною рѣчью, отвѣтствовалъ Пышка:
милости просимъ
Къ намъ, благородные гости: нашъ
царь, о прибытіи вашемъ
Свѣдавъ, весьма любопытенъ узнать:
откуда вы родомъ,
Кто вы, и какъ васъ зовутъ. Я посланъ
сюда пригласить васъ
Съ нимъ на бесѣду. Рады мы очень, что
вамъ показалась
Наша по вкусу вода; а платы не тре-
буемъ, воду
Создалъ Господь для всѣхъ на потребу,
какъ воздухъ и солнце.

Бѣлая шубка учтиво отвѣтствовалъ: царская воля
Будетъ исполнена, радъ я къ его величеству съ вами
Вмѣстѣ пойти, но только сухимъ путемъ, не водою;
Плавать я не умѣю; я царскій сынъ и наслѣдникъ
Царства пышнаго. Въ это мгновенье, спустившись съ пригорка,
Царь Квакунъ со свитойсвоей приближался. Царевичъ
Бѣлая шубка, увидя царя съ такою толпою,
Нѣсколько струсилъ: ибо не вѣдалъ, доброе-ль, злое-ль
Было у нихъ на умѣ. Квакунъ отличался зеленымъ
Платьемъ, глаза на выкатъ сверкали какъ звѣзды, и пузомъ
Громко онъ, прядая, шлепалъ. Царевичъ бѣлая шубка,
Вспомнивши кто онъ, робость свою побѣдилъ. Величаво
Онъ поклонился царю Квакуну. А царь, благосклонно
Лапку подавши ему, сказалъ: любезному гостю
Очень мы рады; садись, отдохни, ты изъ дальняго, вѣрно,
Края, ибо до сихъ поръ тебя намъ видать не случалось.
Бѣлая шубка, царю поклоняся опять, на зеленой
Травкѣ усѣлся съ нимъ рядомъ; а царь продолжалъ: разскажи намъ,
Кто ты? кто твой отецъ? кто мать? и откуда пришелъ къ намъ?
Здѣсь мы тебя угостимъ дружелюбно, когда не таяся
Правду всю скажешь: я царь и много имѣю богатства;
Будетъ намъ сладко почтить дорогаго гостя дарами.
«Нѣтъ никакой мнѣ причины, отвѣтствовалъ бѣлая шубка,
Царь-государь, утаивать истину. Самъ я породы
Царской, весьма на землѣ знаменитой; отецъ мой, изъ дома
Древнихъ воинственныхъ Бубликов[ых]
царь Долгохвостъ Ериварій
Третій; владѣетъ пятью чердаками, [и]
слѣдіемъ славныхъ
Предковъ, но область свою онъ [с]
расширилъ войнами:
Три подполья, одинъ амбаръ, и двѣ[н]
ти ветчины
Онъ покорилъ, побѣдивши сосѣдн[ихъ]
царей; а въ супруги
Взявши царевну Прасковью-Пискун[ью]
бѣлую шкурку,
Цѣлый овинъ получилъ онъ за нее[ю]
приданое. Въ свѣтѣ
Нѣтъ подобнаго царства. Я сынъ [и]
Долгохвоста,
Петръ Долгохвостъ, по прозва[нью]
Хватъ. Былъ я воспитанъ
Въ нашемъ столичномъ подпольѣ [и]
мудрымъ Онуфріемъ крысой.
Мастеръ я рыться въ мукѣ, таскать о[т]
хи, вскребаясь
Въ сыръ, и множество книгъ ужъ [я]
грызъ, любя просвѣщенье.
Хватомъ-же прозванъ я вотъ за [на]
смѣлое дѣло.
Разъ случилось, что множество [на]
молодыхъ мышенятокъ
Бѣгало по полю въ запускѣ; я, [на]
шальной, раззадорясь,
Вспрыгнулъ съ разбѣгу на льва, от[ды]
хавшаго въ полѣ, и въ пышной
Гривѣ запутался; левъ проснулся[я]
пой огромной
Стиснулъ меня; я подумалъ, что бу[ду]
раздавленъ какъ мошка:
Съ духомъ собравшись, я, высунув[ши]
носъ изъ подъ лапы,
Левъ-государь, ему я сказалъ, мнѣ
въ мысль не входило
Милость твою оскорбить; пощади, [и]
губи; не ровенъ часъ,
Самъ я тебѣ пригожуся. Левъ улыбну[лся]
ся (конечно
Онъ ужъ покушать успѣлъ) и сказа[лъ]
мнѣ: ты, вижу, забавникъ.
Льву услужить ты задумалъ; добро; [мы]
посмотримъ, какую
Милость окажешь ты намъ. Ступ[ай]
Тогда онъ раздвинулъ

а я давай Богъ ноги, но вотъ что случилось:
е прошло, какъ всѣ мы испуганы были въ подпольяхъ
хъ львинымъ рыканьемъ: смутилась, какъ будто отъ бури,
торона; я не струсилъ, выбѣжалъ въ поле, и что-же
лѣ увидѣлъ! Царь Левъ, запутавшись въ крѣпкихъ тенетахъ,
тся, бьется, какъ бѣшеный; кровью глаза налились;
ки рветъ онъ веревки, зубами грызетъ ихъ; и было
о напрасно: лишь только себя онъ запутывалъ. Видишь,
–Государь, сказалъ я ему, что и я пригодился.
спокоенъ; въ минуту тебя мы избавимъ. И тотчасъ
алъ я дюжину ловкихъ мышатъ; принялись мы работать
ихъ; узлы перегрызли тенетъ, и Левъ распутлялся.
ю кивнувъ головою косматой и насъ допустивши
арской лапѣ своей, онъ гриву расправилъ, ударилъ
ымъ хвостомъ по бедрамъ и въ три прыжка очутился
лижнемъ лѣсу, гдѣ въ-мигъ и пропалъ. По этому дѣлу
ванъ я *Хватомъ*, и славу свою поддержать я стараюсь.
шнаго нѣтъ для меня ничего; я знаю, что смѣлымъ
владѣетъ. Но должно однако признаться, что всюду
ъ мы встрѣчаемъ опасность, такъ Богъ ужъ землю устроилъ.
здѣсь воюетъ: съ травою Овца; съ Овцею голодный
съ; Собака съ Волкомъ; съ Собакой Медвѣдь, а съ Медвѣдемъ
ь; Человѣкъ-же и Льва, и Медвѣдя, и всѣхъ побѣждаетъ.
ь и у насъ, отважныхъ Мышей, есть много опасныхъ,
ыхъ гонителей: Совы, Ласточки, Кошки, а всѣхъ ихъ
Злѣе козни людскія. И тяжко подъ часъ намъ приходитъ.
Я однако спокоенъ: я помню, что мнѣ мой наставникъ
Мудрый, крыса Онуфрій, твердилъ: бѣды насъ смиренью
Учатъ. Съ вѣрой такою ничто не бѣда. Я доволенъ
Тѣмъ, что имѣю: счастію радъ, а въ несчастьи не хмурюсь.»
Царь Квакунъ со вниманіемъ слушалъ Петра Долгохвоста.
Гость дорогой, сказалъ онъ ему, признаюсь откровенно:
Столь разумныя рѣчи меня въ изумленье приводятъ.
Мудрость такая, въ такія цвѣтущія лѣта! Мнѣ сладко
Слушать тебя: и пріятность, и польза! Теперь, опиши мнѣ
То, что случалось когда съ мышинымъ вашимъ народомъ,
Что отъ враговъ вы терпѣли, и съ кѣмъ когда воевали. —
Долженъ я прежде о томъ разсказать, какія намъ козни
Строитъ нашъ хитрый, двуногій злодѣй Человѣкъ. Онъ ужасно
Жаденъ: онъ хочетъ всю землю загрябить одинъ, и съ мышами
Въ вѣчной враждѣ. Не исчислить всѣхъ выдумокъ хитрыхъ, какими
Наше онъ племя избыть замышляетъ. Вотъ, на примѣръ, онъ
Домикъ затѣялъ построить: два входа, широкій и узкій;
Узкій задѣланъ рѣшеткой, широкій съ подъемною дверью.
Домикъ онъ этотъ поставилъ у самаго входа въ подполье.
Намъ-же съ дуру на мысли взбрело, что, поладить
Съ нами желая, для насъ учредилъ онъ гостинницу. Жирный
Кусъ ветчины тамъ висѣлъ и манилъ насъ; вотъ цѣлый десятокъ
Смѣлыхъ охотниковъ вызвались: въ домикъ забраться, безъ платы
Въ немъ отобѣдать и вѣрныя вѣсти принесть намъ.

Входятъ они, но только что начали
дружно висячій
Кусъ ветчины тормошить, какъ подъем-
ная дверь съ превеликимъ
Стукомъ упала и всѣхъ ихъ захлопну-
ла. Тутъ поразило
Страшное зрѣлище насъ: увидѣли мы,
какъ злодѣи
Нашихъ героевъ таскали за хвостъ и
въ воду бросали.
Всѣ они пали жертвой любви къ ветчи-
нѣ и къ отчизнѣ.
Было нѣчто и хуже. Двуногій злодѣй
наготовилъ
Множество вкусныхъ для насъ пирож-
ковъ, и расклалъ ихъ,
Словно какъ добрый, по всѣмъ закоул-
камъ: народъ нашъ
Очень довѣрчивъ и вѣтренъ, мы лакомки,
бросилась жадно
Вся молодежь на добычу. Но что-же
случилось? Объ этомъ
Вспомнить, морозъ подираетъ по кожѣ!
Открылся въ подполѣ
Моръ: отравой злодѣй угостилъ насъ.
Какъ будто шальные
Съ пиру пришли удальцы: глаза на вы-
катъ, разинувъ
Рты, умирая отъ жажды, взадъ и впе-
редъ по подполью
Бѣгали съ пискомъ они, родныхъ, дру-
зей и знакомыхъ
Болѣ не зная въ лицe: наконецъ утo-
мясь, обезсилѣвъ,
Всѣ попадали мертвые лапками вверхъ;
запустѣла
Цѣлая область отъ этой бѣды, отъ
ужаснаго сирада
Труповъ ушли мы въ другое подполье,
и край нашъ родимый
Надолго былъ обезмышенъ. Но главное
бѣдствіе наше
Нынѣ въ томъ, что губитель двуногій
крѣпко сдружился
Намъ ковреду съ сибирскимъ Котомъ,
Ѳедотомъ Мурлыкой.
Кошачій родъ давно враждуетъ съ мы-
шинымъ. Но этотъ
Хитрый котище Ѳедотъ Мурлыка для
насъ наказанье
Божіе. Вотъ какъ я съ нимъ познако-
мился. Глупымъ мышенкомъ
Былъ я еще и не зналъ ничего. И мн
захотѣлось
Высунуть носъ изъ подполья. Но мам
царица Прасковья
Съ крысой Онуфріемъ крѣпко-на-
крѣпко мнѣ запретили
Норку мою покидать; но я не послу-
шался, въ щелку
Выглянулъ, вижу камнемъ выстланный
дворъ, освѣщало
Солнце его, и окна огромнаго дом
свѣтили,
Птицы летали и пѣли. Глаза у нем
разбѣжались.
Выдти не смѣя, смотрю я изъ щелки, и
вижу: на дальнемъ
Краѣ двора звѣрокъ усатый, сво
шкурка,
Розовый носъ, зеленые глазки, пуш
стыя уши,
Тихо сидитъ и за птичками смотритъ,
а хвостикъ, какъ змѣйка,
Такъ и виляетъ. Потомъ онъ свое
бархатной лапкой
Началъ усастое рыльце себѣ умывать
Облилося
Радостью сердце мое, и я ужъ сбирал
ся покинуть
Щелку, чтобъ съ милымъ звѣркомъ по
знакомиться. Вдругъ зашумѣло
Что-то вблизи; оглянувшись, такъ я и
обмеръ. Какой-то
Страшный уродъ ко мнѣ подходил
широко шагая,
Черныя ноги свои подымалъ онъ и вот
ти кривые
Съ острыми шпорами были на нихъ; и
уродливой шеѣ
Длинныя косы висѣли змѣями, нос
крючковатый,
Подъ носомъ трясся какой-то мохнатый
мѣшокъ и какъ будто
Красный съ зубчатой верхушкой кол-
пакъ, съ головы перегнувшись,
По носу бился, а сзади какіе-то длин
ные крючья
Разнаго цвѣта торчали снопомъ. Н
успѣлъ я отъ страха

імять придти, какъ съ обоихъ бо-
ковъ поднялись у урода
но какъ парусы, начали хлопать, и
онъ, раздвоивши
ый носъ свой, такъ заоралъ, что
меня какъ дубиной
ауло. Какъ прибѣжалъ я назадъ
въ подполье, не помню.
а Онуфрій, услышавъ о томъ, что
случилось со мною,
и ахнулъ. Тебя помиловалъ Богъ,
онъ сказалъ мнѣ;
ту ты долженъ поставить уроду,
который такъ кстати
омъ своимъ тебя испугалъ; вѣдь
это нашъ добрый
жъ пѣтухъ: онъ горланъ, и съ сво-
ими большой забіяка;
-же мышамъ онъ приноситъ и
пользу: когда закричитъ онъ,
ъ мы всѣ, что проснулись наши
враги; а пріятель,
обольстившій тебя своей лице-
мѣрною харей,
не иной кто, какъ нашъ злодѣй
записной, объѣдало
Мурлыка: хорошъ-бы ты былъ,
когда-бы съ знакомствомъ
ому плуту подъѣхалъ; тебя-бъ
онъ порядкомъ погладилъ
атной лапкой своею: будь-же впе-
редъ остороженъ.
) разсказывать мнѣ объ этомъ про-
клятомъ Мурлыкѣ;
ый день отъ него у насъ недо-
четъ. Разскажу я
ю-то, что случилось недавно. Раз-
несся въ подпольѣ
ь, что Мурлыку повѣсили. Наши
лазутчики сами
ли это глазами своими. Вскружи-
лось подполье;
ь, бѣготня, пискотня, скаканье, ку-
вырканье, пляска,
мъ, мы всѣ одурѣли, и самъ мой
Онуфрій премудрый
дости такъ напился, что подрался
съ царицей, и въ дракѣ
ъ у нея откусилъ, за что былъ и
высѣченъ больно,

Что-же случилось потомъ? Не разве-
давши дѣла порядкомъ,
Вздумали мы кота погребать, и над-
гробное слово
Тотчасъ поспѣло. Его сочинилъ попъ
нашъ подпольный,
Климъ, по прозванію Бѣшеный Хвостъ:
такое прозванье
Дали ему за то, что, стихи читая, всег-
да онъ
Въ мѣру вилялъ хвостомъ, и хвостъ
какъ маятникъ стукалъ;
Все изготовивъ, отправились мы на по-
минки къ Мурлыкѣ.
Вылѣзло множество насъ изъ подполья;
глядимъ мы и правду —
Котъ Мурлыка въ ветчинѣ виситъ на
бревнѣ и повѣшенъ
За ноги, мордою внизъ, оскалены зубы,
какъ палка
Вытянутъ весь, и спина и хвостъ, и пе-
реднія лапы
Словно какъ мерзлыя, оба глаза глядятъ
не моргая.
Всѣ запищали мы хоромъ: повѣшенъ
Мурлыка, повѣшенъ
Котъ окаянный; довольно ты, котъ, по-
гулялъ, погуляемъ
Нынче и мы. И шесть смѣльчаковъ тот-
часъ взобрались
Вверхъ по бревну, чтобъ Мурлыкины
лапы распутать; но лапы
Сами держались, когтями вцѣпившись
въ бревно, а веревки
Не было тамъ никакой, и лишь только
къ нимъ прикоснулись
Наши ребята, какъ вдругъ распусти-
лися когти, и на полъ
Хлопнулся котъ какъ мѣшокъ. Мы всѣ
по угламъ разбѣжались
Въ страхѣ, и смотримъ, что будетъ.
Мурлыка лежитъ и не дышитъ,
Усъ не тронется, глазъ не моргнетъ,
мертвецъ да и только.
Вотъ ободрясь, изъ угловъ мы къ нему
подступать понемногу
Начали; кто посмѣлѣе, тотъ дернетъ за
хвостъ, да и тягу
Дастъ отъ него; тотъ лапкой ему по-
грозитъ; тотъ подразнитъ

Сзади его языкомъ; а кто еще посмѣлѣе,
Тотъ, подкравшись, хвостомъ въ носу у него пощекочетъ.
Котъ ни съ мѣста, какъ пень. Берегитесь, тогда намъ сказала
Старая мышь Степанида, которой Мурлыкины когти
Были знакомы (у ней весь онъ задъ ободралъ и насилу
Какъ-то она отъ него уплела), берегитесь: Мурлыка
Старый мошенникъ; вѣдь онъ висѣлъ безъ веревки, а это
Знакъ не добрый, и шкурка цѣла у него. То услыша,
Громко мы всѣ засмѣялись. Смѣйтесь, чтобъ послѣ не плакать,
Мышъ Степанида сказала опять, а я не товарищъ
Вамъ. И поспѣшно, созвавъ мышенятокъ своихъ, убралася
Съ ними въ подполье она. А мы принялись какъ шальные
Прыгать, скакать и кота тормошить. Наконецъ, поуставши,
Всѣ мы усѣлись въ кружокъ передъ мордой его и поэтъ нашъ
Климъ, по прозванію Бѣшеный Хвостъ, на Мурлыкино пузо
Взлѣзши, началъ оттуда читать намъ надгробное слово;
Мы-жъ при каждомъ стихѣ хохотать, и вотъ что прочелъ онъ:
«Жилъ Мурлыка, былъ Мурлыка котъ сибирской,
«Ростъ богатырской, сизая шкурка, усы какъ у Турка,
«Былъ онъ бѣшенъ, на кражѣ помѣшанъ, за то и повѣшенъ.
«Радуйся, наше подполье!».. Но только успѣлъ проповѣдникъ
Это слово промолвить, какъ вдругъ нашъ покойникъ очнулся.
Мы бѣжать... Куда ты! пошла ужасная травля.
Двадцать изъ насъ остались на мѣстѣ, а раненыхъ втрое
Болѣе было. Тотъ воротился съ ободраннымъ пузомъ,
Тотъ безъ уха, другой съ отъѣденной мордой, иному
Хвостъ былъ оторванъ, у многихъ такъ страшно искусаны были
Спины, что шкурки мотались какъ тряпки; царицу Прасковью
Чуть успѣли въ нору уволочь задавши лапки;
Царь Иринарій спасся съ рубцемъ на носу, но премудрый
Крыса Онуфрій съ Климомъ поэтомъ достались Мурлыкѣ
Прежде другихъ на обѣдъ. Такъ кончался пиръ нашъ бѣдою.

Жуковскій.

---

39. УНДИНА.

а) РАЗСКАЗЪ РЫБАКА.

Разскажи мнѣ, сказалъ напослѣдокъ
Рыцарь, какъ вамъ случилось найти
Ундину! — А вотъ какъ
Это случилось, рыбакъ отвѣчалъ: тому
Ужъ двѣнадцать
Будетъ лѣтъ, какъ я съ товаромъ моимъ
Черезъ этотъ
Лѣсъ былъ долженъ отправиться въ
Городъ; жену я оставилъ
Дома, какъ то бывало всегда, а въ
Время и нужно
Было ей дома остаться. За чѣмъ? ты
Спросишь. Господь намъ
Въ позднія наши лѣта даровалъ прекрасную дочку;
Какъ-же было покинуть ее? Товаръ
Мой продавши
Я возвращался домой, и, солгать не
Хочу, не случилось
Мнѣ ничего, какъ и прежде, въ лѣсу
Недобраго встрѣтить;
Богъ мнѣ сопутствовалъ всякій разъ,
Когда черезъ этотъ
Страшный лѣсъ мнѣ идти удавалось
А съ нимъ и опасный
Путь неопасенъ. При этомъ словѣ старикъ съ умиленнымъ

Седомъ шапочку снялъ съ головы и, руки сложивши,
Въ набожныхъ мысляхъ минуты на двѣ умолкнулъ; потомъ онъ
Шапочку снова надѣлъ, и такъ продолжалъ: я съ веселымъ
Сердцемъ домой возвращался, а дома ждало несчастье:
Вся въ слезахъ навстрѣчу ко мнѣ жена прибѣжала.
Царь небесный! что случилось? я воскликнулъ. Гдѣ наша
Дочка? — Она у Того, чье имя ты въ эту минуту,
Бѣдный мой мужъ, призываешь, жена отвѣчала. И молча,
Горько заплакавъ, пошелъ я за нею въ хижину; тѣла
Милой малютки моей я глазами искалъ тамъ, но тѣла
Не было. Вотъ какъ это случилось съ нашимъ младенцемъ.
Подлѣ воды на травѣ жена спокойно сидѣла;
Съ нимъ въ беззаботномъ весельи играла она; вдругъ малютка
Сильно къ водѣ протянулась, какъ будто чудесное что-то
Въ свѣтлыхъ примѣтя струяхъ; и видитъ жена, что нашъ милый
Ангелъ смѣется, ручонками что-то хватая; но въ этотъ
Мигъ какъ-будто какой невидимой силой швырнуло
Въ волны дитя, и въ ихъ глубинѣ бѣдняжка пропала.
Долго я тѣла искалъ, но напрасно: нигдѣ и примѣты
Не было. Вотъ мы, на старости двѣ сироты, въ безотрадномъ
Горѣ сидѣли въ тотъ вечеръ вдвоемъ у огня и молчали:
Если-бъ и можно было отъ слезъ говорить, то не стало-бъ
Духу, и такъ мы оба молчали, глаза устремивши
Въ тусклый огонь, какъ вдругъ въ дверяхъ послышался легкій
Шорохъ; онѣ растворились и—что-же видимъ мы? Чудной
Прелести дѣвочка, лѣтъ шести, въ богатомъ уборѣ,
Намъ улыбаясь какъ ангелъ, стоитъ на порогѣ. Сначала
Мы въ изумленьѣ не знали, живой-ли то былъ человѣчикъ,
Или обманчивый призракъ какой; но скоро примѣтилъ
Я, что вода съ золотыхъ кудрей и съ платья малютки
Капала: я подумалъ, что вѣрно младенецъ недавно
Былъ въ водѣ, и что скорая помощь нужна. И, вздохнувши,
Такъ сказалъ я женѣ: никто не подумалъ спасти намъ
Милое наше дитя; по крайней мѣрѣ мы сами
Сдѣлаемъ то для другихъ, чего не могли намъ другіе
Сдѣлать, и что на землѣ блаженствомъ было-бы нашимъ.
Мы раздѣли малютку, ее положили въ постель, и напиться
Дали горячаго ей, а она все молчала и только,
Свѣтлонебесными глазками глядя на насъ, улыбалась.
Скоро заснула она, и свѣжа, какъ цвѣточикъ весенній,
Утромъ проснулась; когда-жъ мы распрашивать стали, откуда
Родомъ она и какъ попала къ намъ въ хижину, толку
Не было въ странныхъ отвѣтахъ ея никакого; и вотъ ужъ
Ровно двѣнадцать лѣтъ какъ съ нами живетъ, а добиться
Путнаго мы не могли отъ нея ничего; по разсказамъ
Вздорнымъ ея подумать легко, что она къ намъ упала
Прямо съ луны: о какихъ-то замкахъ прозрачныхъ, жемчужныхъ
Гротахъ, коралловыхъ рощахъ и разныхъ другихъ небылицахъ
Все твердитъ и теперь, какъ твердила тогда; удалося
Вывѣдать только одно, что, катаяся по морю въ лодкѣ

Съ матерью, въ воду упала она, и что
волны на здѣшній
Берегъ ее принесли, гдѣ она и очну-
лась... Въ сомнѣньѣ
Тяжкомъ остался мы: хотя и было не
трудно
Намъ рѣшиться, на мѣсто родной поте-
рянной дочки
Взять чужую намъ данную Богомъ са-
миимъ, но не знали
Мы, крещена-ли она иль нѣтъ! Ска-
зать-же объ этомъ
Намъ ничего не умѣла бѣдняжка, хотя
и понятно
Было ей, что она жила по волѣ Господ-
ней
Въ здѣшнемъ свѣтѣ, хотя и была сми-
ренно готова
Все то исполнить, что съ волей Гос-
подней согласно. И вотъ что
Мы въ такомъ затрудненьѣ придумали
вмѣстѣ съ женою:
Если она еще не была крещена, то не
должно
Медлить минуты; а если уже крещена,
то и дважды
Долгъ святой совершить не будетъ грѣ-
ха. Но какое
Дать ей имя? И въ умъ намъ пришло,
что ее Доротеей
Было-бъ всего приличнѣй назвать: мы
слыхали, что значитъ
Это имя *даръ Божій*, она-же была ми-
лосердымъ
Господомъ Богомъ дарована горести
нашей въ отраду.
Но объ имени этомъ она и знать не хо-
тѣла. «Ундиной
Звали меня отецъ и мать; хочу и ос-
таться
Вѣчно Ундиной!»—Но было-ли то хри-
стіанское имя,
Мы не знали. И вотъ я пошелъ за свя-
щенникомъ въ городъ;
Онъ согласился придти къ намъ; сна-
чала имя Ундины
Было противно ему какъ и намъ; но
наша малютка,
Въ платьицѣ странномъ своемъ, была
такъ чудесно красива,
Такъ ласкалась къ нему и въ то-м
время такъ мило,
Такъ забавно спорила съ нимъ, ч
самъ онъ не въ силахъ
Былъ противиться ей—и ее окрести
Ундиной.
Сладостно было смотрѣть на нее и
продолженье святаго
Таинства: дикая рѣзвость исчезла,
тихимъ смиреннымъ
Агнцемъ стояла она, какъ будто б
чувствуя, что съ ней
Въ это время творилось....

Б) РАЗСКАЗЪ УНДИНЫ РЫЦАРЮ.

..... Слушай. Ты долже
Знать, ужъ на дѣлѣ узналъ ты, ч
есть на свѣтѣ созданья,
Вамъ подобныя видомъ, но съ ни
различнаго свойства.
Рѣдко ихъ видите вы. Въ огнѣ живу
Саламандры,
Чудныя, рѣзвыя, легкія; въ нѣдра
земли, неприступныхъ
Свѣту, водятся хитрые Гномы; въ во
духѣ вѣютъ
Сильфы; лоно морей, озеръ и ручье
населяютъ
Духи веселые водъ. Прекрасно и воль
но живется
Тамъ, подъ звонкокристальными сво
дами; небо и солнце
Свѣтятъ сквозь нихъ, и небесныя зве
ды туда проницаютъ;
Тамъ на высокихъ деревьяхъ корале
выхъ пурпуромъ яркимъ,
Темнымъ сапфиромъ блистаютъ плоди
тамъ гуляешь по мягкимъ
Свѣжимъ песочнымъ коврамъ, узорам
раковинъ пестрыхъ
Хитро украшеннымъ; многое, бывше
чудомъ минувшихъ
Лѣтъ, облеченное тайнымъ серебряных
водъ покрываломъ,
Видится тамъ въ величавыхъ развали
нахъ: влага съ любовью
Ихъ объемлетъ, въ мохъ и цвѣты во
дяные ихъ рядитъ,

имъ вѣнцемъ тростника ихъ сѣдыя главы обвиваетъ.
и странъ водяныхъ обольстительно-милы, прекраснѣй
ъ людей. . . . . .
. . . . . Ундинами чудныя эти
слывутъ у людей. И, другъ, ты теперь предъ собою
моимъ дѣлѣ видишь Ундину. — Гульбрандъ содрогнулся;
ъ по членамъ его пробѣжалъ; неподвиженъ, какъ камень,
и дико смотрѣлъ онъ въ лице разскащицы милой,
не имѣя очей отвести. Покачавъ головою,
но замолкла она, вздохнула, потомъ продолжала:
ъ наружнымъ мы то-же что люди, быть можетъ и лучше,
ли люди; но съ нами не то, что съ людьми; покидая
, мы вдругъ пропадаемъ какъ призракъ, и тѣломъ и духомъ
изъ вполнѣ, и самый нашъ слѣдъ исчезаетъ; изъ праха
чшую жизнь переходите вы; а мы остаемся
гдѣ жили, въ воздухѣ, искрѣ, волнѣ и пылинкѣ.
души не дано; пока продолжается наше
бытіе, намъ стихіи покорны; когда-жъ умираемъ,
ъ переходимъ мы власть,- и онѣ насъ въ-мигъ истребляютъ;
ы мы и насъ ничто не тревожитъ, какъ птичекъ
щѣ, рыбокъ въ водѣ, мотыльковъ на лугу благовонномъ.
)днако стремится возвыситься: такъ и отецъ мой,
ый царь въ голубой глубинѣ Средиземнаго моря,
любимой, единственной дочери, душу живую
южелалъ, хотя онъ и вѣдалъ, что съ нею горе,
, одаренныхъ душею удѣлъ, меня не минуетъ.

в) преходимость горя.

Какъ намъ, добрый читатель, сказать: къ сожалѣнью иль къ счастью, что наше
Горе земное не надолго? Здѣсь разумѣю я горе
Сердца, глубокое, нашу всю жизнь губящее горе,
Горе, которое съ милымъ, потерянным благомъ сливаетъ
Насъ во-едино, которымъ утрата для насъ не утрата,
Смерть вдвоемъ бытіе, а жизнь порывъ непрестанный
Къ той чертѣ, за которую милое наше изъ міра
Прежде насъ перешло. Есть правда много избранныхъ
Душъ на свѣтѣ, въ которыхъ святая печаль, какъ свѣча предъ иконой,
Ярко горитъ пока догоритъ; но она и для нихъ ужъ
Все не та подъ конецъ, какою была при началѣ,
Полная, чистая; много, много иного, чужаго
Между утратою нашей и нами уже протѣснилось:
Вотъ наконецъ и всю измѣняемость здѣшняго въ самой
Нашей печали мы видимъ.... и такъ скажу къ сожалѣнью,
Наше горе земное не надолго.

Жуковскій.

---

40. СКАЗКА О МУДРЕЦѢ КЕРИМѢ.

Жилъ на востокѣ царь, а у царя
Жилъ во дворцѣ мудрецъ: онъ назывался
Керимъ, и царь его любилъ, и съ нимъ
Бесѣдовалъ охотно. Разъ случилось,
Что задалъ царь ему такой вопросъ:
Съ чѣмъ можемъ мы сравнить земную жизнь

И свѣтъ? Но на вопросъ мудрецъ не вдругъ
Отвѣтствовалъ; онъ попросилъ отсрочки,
Сначала на день, послѣ на два, послѣ
На цѣлую недѣлю; наконецъ
Пришелъ къ царю и такъ ему сказалъ:
Вопросъ твой, государь, неразрѣшимъ;
Мой слабый умъ обнять его не можетъ;
Позволь людей мудрѣйшихъ мнѣ спросить.
И въ путь Керимъ отправился—искать
Отвѣта на вопросъ царя. Сначала
Онъ посѣтилъ одинъ богатый городъ,
Гдѣ, говорили, находился славный
Философъ, но философъ тотъ имѣлъ
Великолѣпный домъ, былъ другъ сердечный
Царя, жилъ самъ какъ царь, и упивался
Изъ полной чаши сладостію жизни.
Ему Керимъ вопросъ свой предложилъ.
Онъ отвѣчалъ: свѣтъ уподобить можно
Великолѣпной пировой палатѣ,
Гдѣ всякій часъ открытый столъ — садись,
Кто хочетъ, и пируй. Надъ головою
Гостей горятъ и ходятъ звѣзды неба;
Ихъ слухъ плѣняютъ звонкимъ хоромъ птицы;
Для нихъ цвѣты благоуханно дышатъ;
А на столахъ предъ ними, безъ числа
Стоятъ съ ѣдою блюда золотыя;
И янтаремъ кипящимъ въ чашахъ блещетъ
Вино; и все кругомъ ласкаетъ чувства,
И гости весело сидятъ другъ съ другомъ,
Бесѣдуютъ, смѣются, шутятъ, спорятъ;
И новые подходятъ безпрестанно,
И каждому есть мѣсто; ктожъ довольно
Насытился, встаетъ, и, распрощавшись
Съ ближайшимъ къ нему, уходитъ спать
Домой, хозяину сказавъ спасибо
За угощенье. Вотъ и свѣтъ и жизнь.
Доволенъ ли ты повѣстью моею?—
Керимъ философу не отвѣчалъ
Ни слова; онъ печально съ нимъ простился
И далѣе поѣхалъ; про себя же
Такъ разсуждалъ: твоя картина, другъ
Философъ, невѣрна; не всѣ мы здѣсь
Съ гостями пьемъ, ѣдимъ и веселимся;
Не мало есть голодныхъ, одинокихъ
И плачущихъ. Кериму тутъ сказали,
Что не далеко жилъ въ густомъ лѣ
Отшельникъ набожный, смиреннодушный:
Ему убѣжищемъ была пещера;
Онъ спалъ на голомъ камнѣ; ѣлъ од
Коренья, пилъ лишь воду; дни к
Всѣ проводилъ въ молитвѣ. И не
Къ нему отправился Керимъ. Отшель
ник
Ему сказалъ: послушай, черезъ сте
Однажды велъ верблюда путникъ; вдру
Верблюдъ озлился, началъ стра
фырнать,
Храпѣть, бросаться; путникъ испугал
И побѣжалъ; верблюдъ за нимъ. Ку
Укрыться? Степь пуста. Но вотъ увидѣ
У самой онъ дороги водоемъ
Ужасной глубины, но безъ воды:
Изъ нѣдра темнаго его торчали
Вѣтвями длинными кусты малины,
Разросшейся межъ трещинами стѣн
Полуразрушенныхъ отъ лѣтъ. Въ
Гонимый бѣшенымъ верблюдомъ, пу
ник
Въ испугѣ прянулъ: онъ за гибкій су
Малины ухватился и повисъ
Надъ темной бездной. Голову подня
Увидѣлъ онъ разинутую пасть
Верблюда надъ собой: его схватить
Рвался ужасный звѣрь. Онъ опустил
Глаза ко дну пустаго водоема:
Тамъ змѣй ворочался, и на него
Зіялъ голоднымъ зѣвомъ, ожидая,
Что онъ, съ куста сорвавшись, упадет
Такъ онъ висѣлъ на гибкой тонк
вѣткѣ
Межъ двухъ погибелей. И чтожъ е
Ему представилось? Въ томъ самом
мѣстѣ,
Гдѣ кустъ малины (за которой онъ
Держался) корнемъ въ землю сквоз
проломъ
Стѣны разрушеннаго водоема
Входилъ, двѣ мыши, бѣлая одна,
Другая черная, сидѣли рядомъ
На корнѣ, и его поочередно
Съ большою жадностію грызли, зем
Со всѣхъ сторонъ скребли, и обнажа

гви корня; а когда земля
ia, падая на дно,—оттуда
ывалъ проворно змѣй, какъ будто
провѣдать: скоро ль мыши корень
ызутъ, и скоро ль съ ношей кустъ
уна дно обрушится?—Но что же?
адъ этимъ дномъ безъ всякой
ды на спасенье, вдругъ увидѣлъ
жней вѣткѣ путникъ много ягодъ
ы, зрѣлыхъ, крупныхъ;—сильно
ie полакомиться ими
ося въ немъ, и все онъ позабылъ:
наго верблюда надъ собою,
ь собой на днѣ далекомъ змѣя,
хъ мышей коварную работу:
илъ онъ вверху храпѣть верблюда,
зіять голодной пастью змѣя,
сторонѣ грызть корень и копаться
илѣ мышей,—а самъ, рукой до-
бравшись
одъ, началъ онъ спокойно рвать
ь; и страхъ его пропалъ. Ты спро-
сишь:
готъ жалкій путникъ?—Человѣкъ.
ня жъ съ водоемомъ—свѣтъ; а
путь
ъ пустыню—наша жизнь земная.
ійся за путникомъ верблюдъ —
врагъ души, тревогъ создатель,
грѣхъ:
гибелью грозитъ онъ; мы жъ без-
печно
ткѣ трепетной висимъ надъ безд-
ной,
въ темнотѣ могильной скрыта
смерть—
змѣй, который, пасть разинувъ,
ждетъ,
ь вѣтка тонкая переломилась.
ши? Ихъ названье: день и ночь;
отдыха, смѣняяся, онѣ
таютъ, чтобъ сукъ твой, вѣтку
жизни,
рая межъ смертію и свѣтомъ
невѣрно держитъ, перегрызть:
ежно черная грызетъ всю ночь,
ежно бѣлая грызетъ весь день;
, прельщенный ягодой душистой—
дой чувствъ, желаній утомлень-
емъ,—

Забылъ и грѣхъ—верблюда въ вышинѣ,
И смерть—внизу зіяющаго змѣя,
И быструю работу дня и ночи—
Мышей, грызущихъ тонкій корень жизни:
Ты все забылъ, — тебя манитъ одно
Невѣрное минуты наслажденье.
Вотъ свѣтъ и жизнь и смертный челo-
вѣкъ.
Доволенъ ли ты повѣстью моею?
Керимъ отшельнику не отвѣчалъ
Ни слова; онъ печально съ нимъ про-
стился
И далѣе поѣхалъ; про себя же
Такъ разсуждалъ: святой отшельникъ!
твой
Разсказъ замысловатъ, но моего
Вопроса онъ еще не разрѣшилъ;
Не такъ печальна наша жизнь, какъ
степь,
Ведущая къ одной лишь безднѣ смерти,
И не однимъ минутнымъ наслажденьемъ
Плѣняется безпечно человѣкъ.
И ѣхалъ онъ, куда глаза глядятъ.
Вотъ повстрѣчался съ нимъ какой-то
странный,
Убогимъ рубищемъ покрытый путникъ.
Онъ шелъ босой: черезъ плечо висѣла
Котомка; въ ней же было много хлѣба,
Плодовъ и всякаго добра; онъ самъ,
Казалось, былъ веселаго ума,
Глаза его сверкали остротою
И на лицѣ пріятно выражалось
Простосердечіе. Керимъ подумалъ:
Задамъ ему, на всякій случай, мой
Вопросъ! Быть можетъ, дѣло скажетъ
этотъ
Чудакъ. И онъ у нищаго спросилъ:
Съ чѣмъ можно намъ сравнить земную
жизнь
И свѣтъ?—На это у меня въ запасѣ
Есть повѣсть, нищій отвѣчалъ. По-
слушай:
Одинъ нѣмой сказалъ слѣпому: если
Увидишь ты арфиста, попроси
Его ко мнѣ, чтобъ сына моего,
Въ унылость впадшаго, своей игрою
Развеселилъ. На то сказалъ слѣпой:
Такого мнѣ арфиста ужъ случилось
Здѣсь видѣть; я безногаго за нимъ
Отправлю сына; онъ его въ минуту

Найдетъ. Безногій побѣжалъ и скоро
Нашелъ арфиста; былъ арфистъ безъ рукъ,
Но онъ упрямиться не сталъ, и такъ
Прекрасно началъ на безструнной арфѣ
Играть, что меланхоликъ безъ ума
Расхохотался. То слѣпой увидя,
Всплеснулъ руками, вслухъ нѣмой хвалить
Сталъ музыканта, а безногій началъ
Плясать, и такъ распрыгался, что много
Сбѣжалося людей и изъ толпы
Ихъ выскочилъ дуракъ: онъ изъявилъ
Арфисту, прыгуну и всѣмъ другимъ
Свое благоволенье.—Мимо ихъ
Прошла тихонько Мудрость и увидя,
Что дѣлалось, шепнула про себя:
Таковъ смѣшной, безумный, жалкій свѣтъ,
И такова на свѣтѣ наша жизнь.
Доволенъ ли ты повѣстью моею!
Керимъ прохожему не отвѣчалъ
Ни слова; онъ печально съ нимъ простился
И далѣе поѣхалъ; про себя же
Такъ разсуждалъ: затѣйливъ твой разсказъ,
Но моего вопроса не рѣшилъ онъ.
Хотя мы въ жизни много пустоты,
Дурачества и лжи встрѣчаемъ; но
И высшая значительность и правда
Святая въ ней заключены благимъ
Создателемъ.
Подумавъ такъ, рѣшился
Керимъ отправиться въ обратный путь,
Чтобъ донести царю, что никакого
Не удалось ему найти отвѣта
На заданный вопросъ. Дорогой онъ
Молился Богу, чтобъ своею правдой
Богъ просвѣтилъ его разсудокъ темный
И жизни таинство ему открылъ.
И предъ царя явился онъ съ веселымъ
Лицомъ и все, что на дорогѣ съ нимъ
Случилось, разсказалъ.
А царь спросилъ:
Чтожъ напослѣдокъ самъ теперь, Керимъ,
Ты думаешь?
Сперва благоволи,
Сказалъ Керимъ, услышать, что со мною
Самимъ случилось на пути. Извѣстно
Тебѣ, что я лишь только по твоей
Высокой волѣ въ этотъ трудный путь
Отправился, то, милостію царской
Хранимый, я вездѣ проводниковъ
Имѣлъ, и пищу находилъ дневную,
И никакихъ не испыталъ тревогъ.
Чтожъ на дорогѣ, добраго, худаго,
Мнѣ повстрѣчалося, о томъ нѣтъ нужды
Упоминать: оно ничто въ сравненьи
Съ той бездной благъ, какими ты такъ щедро,
Мой царь, меня осыпалъ. И мое
Одно желанье было: угодить
Тебѣ, съ усердіемъ старяясь правду
Найти между людьми, чтобъ, возвратившись,
Тебѣ отчетъ принесть въ моихъ дѣлахъ.
Теперь ты самъ рѣши по царской правдѣ
Достоинъ ли я милости твоей?
Царь, не сказавъ ни слова, подалъ руку
Въ знакъ милости Кериму. Умиленно
Керимъ ее поцѣловалъ, потомъ
Примолвилъ: Такъ я думалъ про себя
Во время странствія. Но подходя
Къ твоимъ палатамъ царскимъ и печалясь,
Что безъ малѣйшія передъ тобой
Заслуги нынѣ я къ тебѣ, мой царь,
Былъ долженъ возвратиться,—вдругъ
У самой
Обители твоей какъ скорлупа
Съ моихъ упала глазъ, и я постигнулъ,
Что наша жизнь есть странствіе по свѣту
Такое жъ, какъ мое, во исполненье
Верховной воли Высшаго Царя.
Мудрецъ умолкъ, а Царь ему сказалъ:
Другъ вѣрный, будь моимъ отцемъ отнынѣ.

Жуковскій.

---

41. О РЫБАКѢ И РЫБКѢ.

Жилъ старикъ со своею старухой
У самаго синяго моря;
Они жили въ ветхой землянкѣ

ридцать лѣтъ и три года.
ь ловилъ неводомъ рыбу,
а пряла свою пряжу.
ъ въ море закинулъ неводъ,
ъ неводъ съ одною тиной;
другой разъ закинулъ неводъ,
ъ неводъ съ травой морской.
гій разъ закинулъ онъ неводъ,
ъ неводъ съ золотой рыбкою,
ростою рыбкой, золотою.
молится золотая рыбка,
ъ молвитъ человѣчьимъ:
ги ты, старче, меня въ море,
ой за себя дамъ откупъ:
юсь чѣмъ только пожелаешь.»
ся старикъ, испугался:
бачилъ тридцать лѣтъ и три года,
ыхивалъ, чтобъ рыба говорила.
илъ онъ рыбку золотую,
лъ ей ласковое слово:
ь тобою, золотая рыбка!
мнѣ откупа не надо;
себѣ въ синее море,
гамъ себѣ на просторѣ.
ся старикъ ко старухѣ,
алъ ей великое чудо:
ня поймалъ было рыбку,
о рыбку, не простую;
ему говорила рыбка,
въ море синее просилась,
ю цѣною откупалась:
лась чѣмъ только пожелаю.
лъ я взять съ нея выкупъ,
стилъ ее въ синее море.
старуха забранила:
на ты, простофиля!
лъ ты взять выкупа съ рыбки!
ы взялъ ты съ нея корыто:
о совсѣмъ раскололось.
шелъ онъ къ синему морю.
море слегка разыгралось.
нъ кликать золотую рыбку;
ла къ нему рыбка и спросила:
бѣ надобно, старче?
оклономъ старикъ отвѣчаетъ:
ся, государыня рыбка!
ила меня моя старуха,
ъ старику мнѣ покою:
ей новое корыто;
совсѣмъ раскололось.

Отвѣчаетъ золотая рыбка:
Не печалься, ступай себѣ съ Богомъ!
Будетъ вамъ новое корыто.
Воротился старикъ ко старухѣ:
У старухи новое корыто.
Еще пуще старуха бранится:
Дурачина ты, простофиля!
Выпросилъ, дурачина, корыто!
Въ корытѣ много-ли корысти?
Воротись, дурачина, ты къ рыбкѣ;
Поклонись ей, выпроси ужъ избу.
Вотъ пошелъ онъ къ синему морю
(Помутилося синее море);
Сталъ онъ кликать золотую рыбку;
Приплыла къ нему рыбка, спросила:
Что тебѣ надобно, старче?
Ей старикъ съ поклономъ отвѣчаетъ:
Смилуйся, государыня рыбка!
Еще пуще старуха бранится,
Не даетъ старику мнѣ покою:
Избу проситъ сварливая баба.
Отвѣчаетъ золотая рыбка:
Не печалься, ступай себѣ съ Богомъ!
Такъ и быть: изба вамъ ужъ будетъ.
Пошелъ онъ ко своей землянкѣ,
А землянки нѣтъ ужъ и слѣда;
Передъ нимъ изба со свѣтелкой,
Съ кирпичною, бѣленою трубою,
Съ дубовыми тесовыми вороты.
Старуха сидитъ подъ окошкомъ;
На чемъ свѣтъ стоитъ мужа ругаетъ:
Дурачина ты, прямой простофиля!
Выпросилъ, простофиля, избу!
Воротись, поклонися рыбкѣ:
Не хочу быть черною крестьянкой,
Хочу быть столбовою дворянкой.
Пошелъ старикъ къ синему морю
(Не спокойно синее море),
Сталъ онъ кликать золотую рыбку;
Приплыла къ нему рыбка, спросила:
Чего тебѣ надобно, старче?
Ей съ поклономъ старикъ отвѣчаетъ:
Смилуйся, государыня рыбка!
Пуще прежняго старуха вздурилась,
Не даетъ старику мнѣ покою;
Ужъ не хочетъ быть крестьянкой,
Хочетъ быть столбовою дворянкой.
Отвѣчаетъ золотая рыбка:
Не печалься, ступай себѣ съ Богомъ!
Воротился старикъ ко старухѣ:

Чтожъ онъ видитъ? Высокій теремъ,
На крыльцѣ стоитъ его старуха
Въ дорогой собольей душегрѣйкѣ,
Парчевая на маковкѣ кичка,
Жемчуги окружили шею,
На рукахъ золотые перстни,
На ногахъ красные сапожки.
Передъ нею усердные слуги;
Она бьетъ ихъ, за чупрунъ таскаетъ.
Говоритъ старикъ своей старухѣ:
Здравствуй, барыня сударыня дворянка!
Чай теперь твоя душенька довольна.
На него прикрикнула старуха,
На конюшню служить его послала.
Вотъ недѣля-другая проходитъ;
Еще пуще старуха вздурилась;
Опять къ рыбкѣ старика посылаетъ.
Воротись, поклонися рыбкѣ:
Не хочу быть столбовою дворянкой,
А хочу быть вольною царицей.
Испугался старикъ, взмолился:
Что ты, баба, бѣлены объѣлась?
Ни ступить, ни молвить не умѣешь.
Насмѣшишь ты цѣлое царство.
Осердилася пуще старуха,
По щекѣ ударила мужа.
Какъ ты смѣешь, мужикъ, спорить со мною,
Со мною, дворянкой столбовою?
Ступай къ морю, говорятъ тебѣ честью,
Не пойдешь, поведутъ по-неволѣ.
Старикъ отправился къ морю
(Почернѣло синее море).
Сталъ онъ кликать золотую рыбку;
Приплыла къ нему рыбка, спросила:
Чего тебѣ надобно, старче?
Ей съ поклономъ старикъ отвѣчаетъ:
Смилуйся, государыня рыбка!
Опять моя старуха бунтуетъ:
Ужъ не хочетъ быть она дворянкой,
Хочетъ быть вольною царицей.
Отвѣчаетъ золотая рыбка:
Не печалься, ступай себѣ съ Богомъ!
Добро! будетъ старуха царицей!
Старичокъ къ старухѣ воротился.
Чтожъ? Передъ нимъ царскія палаты,
Въ палатахъ видитъ свою старуху,
За столомъ сидитъ она царицей,
Служатъ ей бояре, да дворяне,
Наливаютъ ей заморскія вины,
Заѣдаетъ она пряникомъ печатнымъ;
Вкругъ стоитъ ея грозная стража,
На плечахъ топорики держатъ.
Какъ увидѣлъ старикъ, испугался;
Въ ноги онъ старухѣ поклонился,
Молвилъ: здравствуй, грозная царица!
Ну, теперь твоя душенька довольна.
На него старуха не взглянула,
Лишь съ очей прогнать его велѣла.
Подбѣжали бояре и дворяне,
Старика въ зашеи затолкали.
А въ дверяхъ-то стража подбѣжала,
Топорами чуть не изрубила;
А народъ-то надъ нимъ насмѣялся:
По дѣломъ тебѣ, старый невѣжа!
Впредь тебѣ, невѣжа, наука:
Не садися не въ свои сани!
Вотъ недѣля-другая проходитъ,
Еще пуще старуха вздурилась:
Царедворцевъ за мужемъ посылаетъ,
Отыскали старика, привели къ ней.
Говоритъ старику старуха:
Воротись, поклонися рыбкѣ:
Не хочу быть вольною царицей,
Хочу быть владычицей морскою;
Чтобъ жить мнѣ въ окіанѣ-морѣ,
Чтобъ служила мнѣ рыбка золотая
И была-бъ у меня на посылкахъ.
Старикъ не осмѣлился перечить,
Не дерзнулъ поперекъ слова молвить.
Вотъ идетъ онъ къ синему морю;
Видитъ, на морѣ черная буря —
Такъ и вздулись сердитыя волны,
Такъ и ходятъ, такъ воемъ и воютъ.
Сталъ онъ кликать золотую рыбку,
Приплыла къ нему рыбка, спросила:
Чего тебѣ надобно, старче?
Ей старикъ съ поклономъ отвѣчаетъ:
Смилуйся, государыня рыбка!
Что мнѣ дѣлать съ проклятою бабой?
Ужъ не хочетъ быть она царицей,
Хочетъ быть владычицей морской,
Чтобъ жить ей въ окіанѣ-морѣ,
Чтобы ты сама ей служила
И была-бы у нея на посылкахъ.
Ничего не сказала рыбка,
Лишь хвостомъ по водѣ плеснула
И ушла въ глубокое море.
Долго у моря ждалъ онъ отвѣта,
Не дождался, къ старухѣ воротился

опять передъ нимъ земляника,
огѣ сидитъ его старуха,
ъ нею разбитое корыто.

А. Пушкинъ.

МЕРТВОЙ ЦАРЕВНѢ И СЕМИ БОГАТЫРЯХЪ.

ыста молодая,
и въ лѣсу блуждая,
тѣмъ все шла да шла,
ремъ набрела.
встрѣчу песъ, залая,
алъ и смолкъ, играя;
ота вошла она.
ворьѣ тишина.
ѣжитъ за ней, ласкаясь,
вна, подбираясь,
ася на крыльцо
ися за кольцо:
тихонько отворилась,
вна очутилась
глой горницѣ; кругомъ
крытыя ковромъ,
вятыми столъ дубовой,
ь лежанкой изразцовой.
дѣвица, что тутъ
обрые живутъ;
е будетъ ей обидно.
межъ тѣмъ не видно.
аревна обошла,
рядкомъ убрала,
ла Богу свѣчку,
ла жарко печку,
ати взобралась
нько улеглась.
Ъда приближался.
по двору раздался.
ь семь богатырей,
мяныхъ усачей.
молвилъ: Что за диво!
ъ чисто и красиво.
теремъ прибиралъ,
евъ поджидалъ.
? выдь и покажися,
честно подружися.
старый человѣкъ,

Дядей будешь намъ навѣкъ;
Коли парень ты румяный,
Братецъ будешь намъ названный;
Коль старушка, будь намъ мать,
Такъ и станемъ величать;
Коли красная дѣвица,
Будь намъ милая сестрица.
И царевна къ нимъ сошла,
Честь хозяямъ отдала,
Въ поясъ низко поклонилась,
Закраснѣвшись, извинилась,
Что-де въ гости къ нимъ зашла,
Хоть звана и не была.
Вмигъ по рѣчи тѣ спознали,
Что царевну принимали;
Усадили въ уголокъ,
Подносили пирожокъ,
Рюмку полну наливали,
На подносѣ подавали.
Отъ зеленаго вина
Отрекалася она,
Пирожокъ лишь разломила,
Да кусочикъ прикусила,
И съ дороги отдыхать
Отпросилась на кровать.
Отвели они дѣвицу
Вверхъ во свѣтлую свѣтлицу,
И оставили одну
Отходящую ко сну.
День за днемъ идетъ мелькая,
А царевна молодая
Все въ лѣсу; не скучно ей
У семи богатырей.
Передъ утренней зарею
Братья дружною толпою
Выѣзжаютъ погулять,
Сѣрыхъ утокъ пострѣлять,
Руку правую потѣшить,
Сорочина въ полѣ спѣшить,
Иль башку съ широкихъ плечъ
У Татарина отсѣчь,
Или вытравить изъ лѣса
Пятигорскаго Черкеса.
А хозяюшкой она
Въ терему межъ тѣмъ одна,
Приберетъ и приготовитъ:
Имъ она не прекословитъ,
Не перечатъ ей они.

Между тѣмъ царица злая,
Про царевну вспоминая,
Не могла простить ее;
А на зеркальце свое
Долго дулась и сердилась,
Наконецъ объ немъ хватилась,
И пошла за нимъ, и, сѣвъ
Передъ нимъ, забыла гнѣвъ,
Красоваться снова стала,
И съ улыбкою сказала:
Здравствуй, зеркальце, скажи,
Да всю правду доложи:
Я-ль на свѣтѣ всѣхъ милѣе,
Всѣхъ румянѣй и бѣлѣе?
И ей зеркальце въ отвѣтъ:
«Ты прекрасна, спору нѣтъ,
Но живетъ безъ всякой славы,
Средь зеленыя дубравы,
У семи богатырей
Та, что все-жъ тебя милѣй.»
И царица налетѣла
На Чернавку: «Какъ ты смѣла
Обмануть меня! и въ чемъ!....»
Та призналася во всѣмъ,
Такъ и такъ. Царица злая,
Ей рогаткой угрожая,
Положила иль не жить,
Иль царевну погубить.
Разъ царевна молодая,
Милыхъ братьевъ поджидая,
Пряла, сидя подъ окномъ.
Вдругъ сердито подъ крыльцомъ
Песъ залаялъ, и дѣвица
Видитъ: нищая черница
Ходитъ по двору, клюкой
Отгоняя пса. «Постой,
Бабушка, постой немножко,»
Ей кричитъ она въ окошко,
«Пригрожу сама я псу
И кой-что тебѣ снесу.»
Отвѣчаетъ ей черница:
«Охъ ты, дитятко дѣвица!
Песъ проклятый одолѣлъ,
Чуть до смерти не заѣлъ.
Посмотри, какъ онъ хлопочетъ!
Выдь ко мнѣ.» Царевна хочетъ
Выйти къ ней и хлѣбъ взяла,
Но съ крылечка лишь сошла,
Песъ ей подъ ноги и лаетъ,
И къ старухѣ не пускаетъ;
Лишь пойдетъ старуха къ ней,
Онъ, лѣснаго звѣря злѣй,
На старуху. «Что за чудо!
«Видно выспался онъ худо,»
Ей царевна говоритъ;
«На-жъ, лови!» и хлѣбъ летитъ.
Старушонка хлѣбъ поймала;
«Благодарствую, сказала,
Богъ тебя благослови,
Вотъ за то тебѣ, лови!»
И къ царевнѣ наливное,
Молодое, золотое,
Прямо яблочко летитъ....
Песъ какъ прыгнетъ, завизжитъ....
Но царевна въ обѣ руки
Хвать—поймала. «Ради скуки,
Кушай яблочко, мой свѣтъ,
Благодарствуй за обѣдъ,»
Старушоночка сказала,
Поклонилась и пропала.
И съ царевной на крыльцо
Песъ бѣжитъ, и ей въ лицо
Жалко смотритъ, грозно воетъ,
Словно сердце песье ноетъ,
Словно хочетъ ей сказать:
Брось! Она его ласкать,
Треплетъ нѣжною рукою;
Что, Соколка, что съ тобою?
Лягъ! и въ комнату вошла,
Дверь тихонько заперла,
Подъ окно за пряжу сѣла
Ждать хозяевъ, а глядѣла
Все на яблоко. Оно,
Соку спѣлаго полно,
Такъ свѣжо и такъ душисто,
Такъ румяно, золотисто,
Будто медомъ налилось!
Видны сѣмечки насквозь.
Подождать она хотѣла
До обѣда, не стерпѣла,
Въ руки яблочко взяла,
Къ алымъ губкамъ поднесла,
Потихоньку прокусила,
И кусочикъ проглотила....
Вдругъ она, моя душа,
Пошатнулась не дыша,
Бѣлы руки опустила,
Плодъ румяный уронила,
Закатилися глаза,
И она подъ образа

ой на лавку пала,
а, недвижна стала....
я въ ту пору домой
ащался толпой
лодецкаго разбоя.
навстрѣчу, громко воя,
бѣжитъ, и ко двору
имъ кажетъ. Не къ добру!
я молвили, печали
инуемъ. Прискакали,
итъ, ахнули. Вбѣжавъ,
на яблоко стремглавъ
емъ кинулся, озлился,
отивъ его, свалился
охъ. Напоено
ядомъ знать оно.
ъ мертвою царевной
я въ горести душевной
оникли головой,
молитвою святой
вки подняли, одѣли,
нить ее хотѣли
думали. Она,
подъ крылышкомъ у сна,
тиха, свѣжа лежала,
ишь только не дышала.
и три дня, но она
стала ото сна.
ривъ обрядъ печальный,
они во гробъ хрустальный
ь царевны молодой
кили, и толпой
ли въ пустую гору,
полуночную пору
ь ея къ шести столбамъ
пяхъ чугунныхъ тамъ
ожно привинтили
шеткой оградили.

А. Пушкинъ.

ИЛЬЯ МУРОМЕЦЪ И СОЛОВЕЙ РАЗБОЙНИКЪ.

вопріѣзжаго богатыря позвали:
Муромецъ вошелъ, онъ Спасову
у молится, князю кіевскому по-
ется.

Празднику честному злат вѣнецъ, а хозяину свѣтлому многія лѣта! Бьетъ челомъ тебѣ, великому князю кіевскому, сынъ твой Глѣбъ, князь на Мурсмѣ; бьетъ челомъ тебѣ, Равноапостольному (*), Святая Церковь наша и весь православный людъ: бьетъ челомъ поземно рабъ твой Илья; пришелъ онъ изъ Мурома изъ далекаго, Святому Кіеву помолитися, князю земли Русской поклонитися, хочетъ видѣть свѣтлыя твои очи царскія: кланяется пресвѣтлости твоей Соловьемъ разбойникомъ, заживо полоненымъ!

И всѣ богатыри княжіе возговорили во-единъ гласъ: что-де пріѣзжій тотъ дѣтина крѣпко завирается, коли Соловьемъ въ торокахъ похваляется....

И пошли всѣ они, и самъ великій князь, съ душою княгинею Апраксѣевной, на широкій княжій дворъ; подъ крыльцемъ бѣлокаменнымъ, у столба рѣзнаго, бляхами разукрашеннаго, стоитъ привязанъ за кольцо серебряное, на чембурѣ шелковомъ, богатырскій конь; на немъ арчакъ орѣху косожскаго; на немъ подушка дорогой сафьянъ, подъ серебромъ, подъ златомъ кованнымъ; въ торокахъ, при задней лукѣ, виситъ, перекинутъ на лѣвую сторону, приземистый мужичина дюжій: голова у него широкая подъ русской стрижкой, глаза врозь глядятъ, одинъ на Кіевъ, другой на Черниговъ смот-

---

(*) Потомство признало таковымъ Владиміра; но современники могли уже равнять перваго крестителя нашего съ Апостолами. Впрочемъ, такъ-ли не такъ-ли, кто не увидитъ явныхъ и умышленныхъ несообразностей лѣтосчислительныхъ, черезъ каждыя три строки на четвертой сказки нашей? Развѣ Владиміръ могъ говорить этимъ языкомъ? Развѣ.... словомъ, сказку эту сказываетъ намъ разскащикъ въ такомъ видѣ, въ каковомъ она перешла къ нему словесно, изустно, отъ временъ—какъ мочь темныхъ; вѣрное количіе тогдашняго быта сохраняется—не знаю гдѣ, только не въ памяти народной. Можетъ быть замѣчаніе это и лишнее; дѣло ясно само по себѣ—да вѣдь—почемъ знать, чего не знаешь; послѣ, на всякое чиханье не поздравствуешься, по пляскѣ на погудку не напасешься.

рить; рыжая борода ежемъ стоитъ; вмѣсто рукъ, да ногъ, лапы коротеньки, да рысьи когти на нихъ; и всѣ четыре лапища у него въ кучу собраны, сыромятныя запястья, словно путлища, наложены, тугона-тугокъ задней лукѣ притянуты. А и самъ мужичина виситъ травянымъ мѣшкомъ, въ три дуги согнутъ, корчагою.... на немъ армякъ тонкой, верблюжій, косой воротникъ сухимъ златомъ шитъ по червлену бархату; полы отворочены, за поясъ заткнуты шелковый; рубаха александрейки, красная; чеботы сафьянные, шапка соболья, круглая, татарская, да руковицы за поясомъ; а верхняя губа на кляпышкѣ, бичевой скручена, какъ злымъ жеребцамъ коновалы ярославскіе храпъ завертываютъ.

Не хорони ыло-то, молвилъ ему Илья, небось, не трону; аль боишься духу православнаго, какъ чортъ ладону? оберись сюда, косой, покажи царской свѣтлости лѣвое око свое!

А государь ласковый тогда спросилъ Илью: ты скажись, молодецъ, какъ именемъ зовутъ; и по имени можно тебѣ мѣсто дать, по отечеству пожаловати!

Зовутъ Ильей меня, сынъ я Ивана Тимоееева,
Муромскаго, села Корочарова. А я сиднемъ сидѣлъ
Сидячимъ тридцать лѣтъ; не во снѣ, на яву сталъ видѣть я
Соловья разбойника; ни спать, ни ѣсть не даетъ,
Ниже молитвы прочесть: въ очью диво совершается,
Соловей передомной, что свѣча горитъ; и куда, куда
Ни поведу очами, крестъ сотворивъ,— а онъ тутъ какъ тутъ.
Ужъ я-ль къ лѣву оку не приглядѣлся его, я-ль къ посвисту его
Соловьиному не прислушался; всталъ да пошелъ,
Въ путь снарядился, къ матери къ отцу, благословенія для,
Въ ноги пошелъ поклонитися; не бывать пути,
Не бывать добру и въ добрыхъ дѣлахъ коли нѣтъ на то,
Святой воли, воли родительской!
Положили на меня они великъ зарокъ не ѣздить прямо
На Кіевъ градъ, на Черниговъ градъ и поѣхалъ я
Околицею; гдѣ, гдѣ ни бывалъ, а Соловья не миновалъ:
Съѣхалъ его, что медвѣдя на берлогѣ на гнѣздищѣ дубовомъ....

— Соловей разбойникъ сталъ въ теремахъ храпѣть, да покачиваться..Сидно, ты! травяной мѣшокъ! я тебя такъ скручу, самого въ аркань сомну я тебя, волчья снѣдь, всего на ремни сыромятные изрѣжу; ты у меня, косой губанъ, мірякомъ не прикидывайся!—

За Черниговымъ наѣхалъ я поприщи богатырскіе:
По нимъ пустился я во лѣса брянскіе на грязи тонкія,
Ко твердымъ мостамъ калиновымъ, к зарослямъ
Малиновымъ, на тое на рѣку, на Смородинку.
Соловей не допустилъ меня двадцати верстъ—свистнулъ онъ
По соловьиному.... а другожды, не дошли подъѣхать
Десятка верстъ, заревѣлъ, не своимъ онъ голосомъ,
По турьему, не то, слышь, взвылъ звѣриному.
Конь было мой, богатырской конь, окрачился,
Да я плеточку на него припасъ, плетку шелкову
Погонялочку. Соловей свистнулъ да въ третій разъ:
А за первымъ разомъ, листъ со сыраг бору посыпался;
За другимъ разомъ, клубомъ всталъ съ сырой землей
Въ очи бьетъ; а за третьимъ разом снова стелется,
На него, что на перину мягкую, дуб съ соснами
Макушками приклоняются, а сырой зе той

ть сыру землю упираются... либо кряжъ угломъ,
съ корнемъ вонъ.... и не стало мочи у коня моего
ярскаго, то ушами прядетъ, то на вѣтеръ фыркаетъ,
ается, словно вкопаный, самъ какъ листъ дрожитъ.
ивается Соловей сбить меня посвистомъ—
присѣлъ въ гнѣздѣ, на девяти дубахъ лѣвымъ окомъ своимъ
юдъ шапки черезъ край гнѣзда поглядываетъ,
отъ солнышка его краснаго отворачиваетъ.
нулъ, взялъ стрѣлу третію, завѣтную,
юдъ златомъ самороднымъ словно горитъ—подъ гнѣздо Соловьиное
ья прибралъ(*), и пустилъ я, противъ солнца заѣхавъ,
дѣльщинку, пустилъ на полтретья вершка съ осьмухою,
ядъ мѣстомъ причиннымъ, но надъ лѣвымъ глазомъ его:
пило жаромъ золотымъ причинный,
ый глазъ; Соловей разбойникъ
ѣлъ совсѣмъ: поднялъ голову, сидитъ на дубу,
лухой тетеревъ, сидитъ ошалѣлъ,
волчья снѣдь,
иной мѣшокъ, что болванъ обтяжной, что набито чучело,
и тогда наскакалъ на него, да и съ дуба сбилъ,
нѣзда плетью его; свалился онъ, что овсяный снопъ;
апъ скрутилъ ему, чтобы не шалилъ, не посвистывалъ;
ы-бы, говорю, волчья сыть, травяной мѣшокъ,
и жохъ выкинулъ: отсидѣться-ль нѣтъ-ли тебѣ
меня на тѣхъ на девяти дубахъ?
самъ въ сѣдло его
Въ торока второчилъ, да свѣтлому князю кіевскому,
Тебѣ, ласкову солнышку, высокому, пришелъ Соловьемъ
Разбойникомъ поклонитися, да ударить челомъ.

Обернись сюда, губанъ косой, покажи царской свѣтлости лѣвое око свое? вишь, дубовина, бородой оросъ, не слышитъ! обернись, говорятъ, рыломъ-то сюда! Э, да ты видно въ кучерахъ не бывалъ еще, и руки не знаешь! тебѣ говорятъ, лѣвое око покажи!

Еще разорилъ я, по пути становища, притоны разбойничьи, палаты Соловья и весь родъ его: какъ сталъ подъѣзжать къ тѣмъ палатамъ я, а дворъ весь обнесенъ у него, замѣсть тына, копьями, а на копьяхъ тѣхъ головы натыканы люду православнаго — сталъ подъѣзжать, завидѣла меня дочь Соловья меньшая: свинья хрю, поросята хрю; вонъ, говоритъ, ѣдетъ батюшка нашъ, мужика-олуха въ торокахъ везетъ.... А и средняя, взглянувъ, молвила: никакъ-де ѣдетъ онъ да двоихъ везетъ!.... Тогда старшая, подошедъ къ окну, заплакала: дуры, дуры вы, сестрицы мои, то-то молодо, молодо, зелено; это ѣдетъ богатырь чужой, да отца нашего, батюшку, дорогаго родителя, безчестно полонилъ, въ торока ввязалъ....

Тогда мужья ихъ снарядилися въ доспѣхи богатырскіе, шли на встрѣчу пріѣзжаго молодца, на выручку дорогаго тестя своего.. но, увидѣвъ ихъ, Соловей возговорилъ: Ой, вы, любезные зятья, не ходите вы, не безчестите роду нашего племени, не позорьте сами себя; просите-ка лучше могучаго богатыря къ намъ, во палаты каменны, сажайте его въ красный кутъ, чествуйте всѣмъ, что Богъ послалъ, клоните буйны головы передъ нимъ ниже могучихъ плечъ, клоните ниже пояса, бейте поземно челомъ,—выносите, что любова, дорогова у васъ есть, да просите, кланяйтесь, чтобы миловалъ! Зятья повиновались приказанію сему, и Илья, молча, ѣхалъ за ними вслѣдъ. На воротахъ ограды

ловей—Dietrich—ключъ, подходящій всякому замку.

внутренней Соловьинаго двора сидѣли три дочери Соловья разбойника: у двухъ, вмѣсто самопрялки, по самострѣлу; а третья подняла на цѣпяхъ подворотню желѣзную и ждала проѣзда Ильи Муромца.

Увидѣвъ это, Илья спросилъ Соловья: который у него любимый зять?—Вотъ этотъ, сказадъ Соловей, что на меньшой дочери женатъ!—Вели-жъ ты ему припасти по мѣшку на брата! А который у тебя ледащей всѣхъ?—Вотъ этотъ, что на старшей женатъ.—Илья ухватилъ ледащаго зятя того за ноги, и сказавъ: послать-же чорта за сатаной, да: вашу сестру вѣдьму на отмашь бьютъ, махнулъ его чрезъ ворота, сбилъ долой трехъ дочерей разбойничьихъ, а объ немъ, объ зятѣ, и помина простылъ! Самъ-же Илья приговаривалъ: ваше дѣло избы мести; знали-бы свое кривое веретено! Самъ взялъ разсажалъ ихъ, двое по двое, каждую съ мужемъ своимъ, въ три мѣшка, и закинулъ, какъ ледащихъ щенятъ, въ рѣку Смородинку.

Тогда уже вышла сама жена Соловья разбойника, и высылала девять сыновъ своихъ съ дорогими подарками; а сыны, своимъ разумомъ, изъ воды да въ огонь сунулись; они оборотились въ девять вороновъ съ носами желѣзными, раскле-вать хотѣли Илью по волоску, по жил-кѣ; на мнѣ, молвилъ имъ Илья, шкура и не чернаго соболя, да своя; ни шер-стинки, ни волоска съ нея не отдамъ; самъ свистнулъ, и ушелъ отъ нихъ на конѣ своемъ, не оглядывался, а отвелъ да заманилъ ихъ за тридевять земель, да тамъ ихъ и покинулъ. Тамъ-то они, въ-чужѣ, ребятами перекинуться боят-ся, а домой пути-дороги не найдутъ, и живутъ каждый по сту лѣтъ—а всего девять сотъ лѣтъ—во лѣсахъ дрему-чихъ, тѣми-же воронами черными.

Великій князь пожелалъ услышать Соловьинаго свисту. Илья отпустилъ разбойнику немного губу, взялъ князя и княгиню влѣво и вправо подъ мышки, подъ шубу свою, и велѣлъ Соловью свистнуть въ малую долю свиста. Соло-вей свистнулъ въ полсвиста: огл всѣхъ, да съ ногъ посшибалъ. Не народъ, да челядь домовая, всѣ тыри торчмя головою попадали, самъ князь со княгинею едва, только подспорьицемъ Ильи усто

За такое ослушаніе Илья взялъ зываютъ, Соловья за ноги, да уд головой о поторчину дубовую, долбу приворотную. Нѣкоторые и вѣствуютъ, что Илья наказалъ Со на этотъ разъ только пощечин отъ которой рыло его поверн цѣликомъ, подъ правое ухо—чт дилъ, въ послѣдствіи, привязанна стремени, за раскаты городскіе разная поганая сволочь и нечес басурманщина собиралась оса первопрестольный градъ русскій, ставлялъ тамъ Соловья свистать и мочь, чѣмъ и побилъ и разогналъ пища враговъ несмѣтныя; а потом за другое ослушаніе, наказалъ ловья смертію, взявъ за ноги и уд головой о надолбу приворотную; бы то ни было, но смерть и ко разбойнику была именно такова, вою мы ее описали.

Казакъ Луганскій (А

---

44. КОЩЕЙ БЕЗСМЕРТН

Въ лѣто 5953-е отъ созданія жило на земли племя Руса, Яф внука, по теплому морю; и были ди его: отъ востока поганые Аг Ахазыры; съ полночи и съ вечер личные Нѣмцы, именуемые Готѳ запада Войники Ромыне; отъ юга рые мудрецы Греки, въ земли елли

И были вѣтви племени Руса: Анты, Бассарины, Росланы, С Хорваты, Невры; а отъ сихъ: Сѣверяне, Кривичи, Поляне, Бу Тиверцы, и иные многіе....

«То все богатыри?» спросилъ

— Богатыри—отвѣчалъ честный іей Симонъ, и продолжалъ:

И были между Росланами четыре юши краснаго владычняго рода: Сло-ъ, Волхъ, Кощей и Хоревъ. Жили у князя Осмомысла жильцами. Горь-сталимимъ чужіе хлѣбы и жизнь безъ ли, безъ битвы. Задумали они повое-ть славы, погулять, походить по зем-мъ краямъ, и поискать себѣ чести власти и мѣста по сердцу.

«Что дѣемъ здѣсь?» сказалъ старшій ъ нихъ, Волхъ. «Или жильцами намъ къ вѣковать? или безъ милости намъ житье въ бѣломъ свѣтѣ? или на млѣ только и мѣста, что наши станы, рги и вежи?

«На то-ль говорили намъ добрые юди про дальнія земли, чтобъ мы по-нились рѣчамъ ихъ какъ сидни?

«Про дальнія земли, гдѣ все дышитъ здухомъ сладкимъ, гдѣ молятся небу, гдѣ чудны древа, гдѣ дивныя зелья ро-утъ безъ посѣва, гдѣ звѣри велики, въ рыбахъ течетъ кровь златая? И сть тамъ рогатые люди Сатиры, и ви-ни съ конскимъ хребтомъ и ногами....

«Ѣдемъ, братья, за Окіянъ?» вскри-ли прочіе. «Позримъ на чужое злато сребро, на столы и одры!.... Отвѣ-емъ брашны заморской, добудемъ оней виноземныхъ!»

Закрутивъ торченые усы, Волхъ про-олжалъ:

«Всему есть время: мудрости умале-ѣе, мужеству неможеніе, существу ѣніе, свѣту тма! Погинемъ-ли жизнью ъ пустынѣ? утратимъ-ли младость въ езславьѣ? или дождемся, покуда без-ременье всѣхъ насъ потопитъ въ глу-окую полночь! Раднѣе мнѣ прахомъ сеяться по бѣлому свѣту, чѣмъ жить къ невеголось сидѣнь! Раднѣе пи-аться младачіемъ дубнымъ, чѣмъ слад-имъ кускомъ и медвянымъ питьемъ ъ чужой сѣни!

«Ѣдемъ, братья, за Окіянъ!» вскри-ли всѣ: «ѣдемъ себя показать и лю-ей посмотрѣть!»

И вотъ добрые молодцы, четыре удатные побрата, въ знакъ любовнаго братства и вѣчной пріязни поклявшись жить неразлучно и нераздѣльно, тайно оставили дворъ княжескій, взвалили на плеча перваго быка, который попался на встрѣчу, и понесли его въ Даждьбуговъ лѣсъ, находившійся близь Рени (*) на мысѣ, между впаденіемъ въ теплое море святыхъ рѣкъ Буга и Данапра.

Тамъ было великое капище Даждьбуга, изгнавшаго изъ сихъ мѣстъ іонійскую Цереру и завладѣвшаго ея храмомъ.

Взбросивъ на обѣтъ вола, они вонзили мечи свои въ землю; а жрецъ, въ бѣлой власяницѣ, обратился къ нимъ и произнесъ:

«Речите слово, духа завѣтъ, цѣлымъ умомъ; живите за-одинъ; держите другъ друга въ братствѣ и любви и во чти; и держите общину: и ты старый Волху, и ты постаршій Словенъ, и ты младшій Хоривъ, и ты помладшій Кощей, вездѣ и во всемъ до живота....»

Послѣ сихъ словъ, жрецъ Даждьбуга взялъ съ нихъ роту (**) жить безъ раздѣла и держать слово твердо.

Послѣ сего каждый порубилъ свою руку мечемъ, истекшую кровь жрецъ влилъ въ чашу вина, и они испили изъ оной; потомъ посыпали на главы себѣ земли, и, кончивъ обѣтъ мечнымъ цѣлованіемъ, Волхъ, Словенъ, Хоревъ и Кощей искупались въ священномъ Бугѣ, пошли въ княжескій табунъ, накинули петли на четырехъ коней, вскочили на нихъ и пустились оленьимъ скокомъ, какъ татъ отъ погони.

Имъ нужна дорога за море Окіянъ, да спросить некого.

Потрясся сырой боръ. Какъ орлы, распустивъ долгія крылья, летятъ въ высоту, такъ Словенъ, Волхъ, Кощей и Хоревъ несутся отъ моря въ пространныя степи, скачутъ чрезъ русскія власти, скачутъ полемъ, высокою травою,

(*) Рень-пристань.
(**) Клятву.

разсыпными песками, скачутъ отъ дола къ долу, отъ горы къ горѣ, отъ лѣса къ лѣсу.

Вотъ закурилась даль раннимъ туманомъ, благодѣйное утро разлилось по небу.

Вотъ солнце пробѣжало полудень, и отъ полудня склонилось на вечеръ; удатные молодцы скачутъ.

Такимъ образомъ ѣхали они скоро-ли долго-ли, а пріѣхали въ великую дебрь, на ростань (*). Дорога раздѣлялась на три пути.

При началѣ каждаго пути были три высокія могилы, и на каждой могилѣ стоялъ камень, и были вырѣзаны на камняхъ слова; но братаничи не умѣли читать.

Куда путь держать? на право-ли, на лѣво-ли, прямо-ли?

Призадумались добрые молодцы; стали совѣтъ держать и рѣшили: тремъ ѣхать врозь, провѣдать дорогу, а четвертому ждать возврата прочихъ на ростани.

Бросили жеребьи, и досталось сидѣть на ростани Волху; Кощею ѣхать по лѣвому пути на вечеръ, Словену по среднему на полдень, а Хореву на солнечный восходъ.

И условились они воротиться на другой день къ вечеру.—А сроку положили ждать каждаго три дни и три ночи.

«Чуръ, братья, не медлить; на три дни есть у меня запасу, а терпѣнія на три лѣта. Долѣе ждать не буду, а мстить до конечнаго дня!

Словенъ, Хоревъ и Кощей поклялись ему воротиться къ дореченному дню, пріѣхать на третье солнце на чекъ.

Условились, простились, разъѣхались.

Проходитъ день, другой, настаетъ третье солнце; сидитъ Волхъ на ростани, ждетъ возврата братьевъ своихъ; да братья не ѣдутъ.

(*) Раздѣленіе пути.

Вотъ свѣтъ ужъ подернулся
вѣтры, Стрибоговы внуки, взбур
печальную пѣсню гудятъ по ду
Въ чистомъ полѣ не видно ни
пролетной, ни звѣря прыскучаго;
подождетъ Волхъ побратовъ сво
не ѣдутъ.

Вотъ и тма на свѣтъ налегла,
хоть настала, соловей проще
послѣднюю пѣсню; ласточка про
тала привѣтъ темной ночи; прово
ла горлица, и вотъ уже только
и то изрѣдка, кукуетъ о дѣтяхъ
кая, горемычная, бездомная ку

Не ѣдутъ.

«Чтобъ вы горькой и бѣдной
предали души свои!» сказалъ Во
досады; зѣвнулъ, приклонилъ
свою на кочку, и заснулъ кр
сномъ.

На утро, вдали раздался конс
потъ: конь Волха почуялъ вѣрн
комыхъ; приподнялъ голову, огл
на право и заржалъ.

Вскочилъ Волхъ, очнулся,
раетъ глаза.

«Ну, другъ, заждался!» сказа
проѣзжающему мимо его всадни
вмѣсто отвѣта, коснулись до ч
его слуха дикіе звуки пѣсни:

Маштанэ кюбэнь уластыгэ
Малтыгэ джигэ....

Э, гэ, гэ! да это не Хоревъ
Кощей, и не Словенъ! въ ушато
кѣ, въ волчьемъ кожухѣ!....

Не успѣлъ Волхъ разглядѣть
ника, какъ тотъ, увидѣвъ лиха
ня, который пасся въ сторонѣ н
подскакалъ къ нему, накинулъ
петлю, и понесся по правому п

Вздрогнуло сердце у Волха;
за конным не погоня. Но Волхъ
ливъ; скоро схватилъ онъ лукъ
свой, тетива звякнула, стрѣла
нула и понеслась въ погоню.

Другая, третья, четвертая за
вслѣдъ за первой, и вотъ одна и
перерѣзала волосяной арканъ, и
ромъ всадникъ влекъ за собой
коня, а прочія три вились въ

внаго вора, какъ осы, и прососали до крови; но онъ скакалъ безъ ядки; оставшійся на мѣстѣ конь ядѣлся, заржалъ и понесся къ сво- господину. Волхъ гладитъ, нѣжитъ, уетъ своего коня.

«Сова! неясыть! поганый Команъ! ъ или бѣсъ, отколѣ взялся! Лечь-бы ѣ, кабы не дрогнуло сердце отъ жа- сти, что конь въ чужихъ рукахъ!

Конь какъ будто понялъ слова Вол- , заржалъ снова, затопалъ ногами.

Волхъ успокоился. Но утоленіе од- о горя напоминаетъ о другомъ.

Братаны не ѣдутъ, и пищи мало.

Проходитъ третій день, терпѣніе об- щается въ досаду; проходитъ еще ь, еще день и еще день, досада ащается въ тоску; проходитъ еще ь, другой, третій, четвертый, тоска ащается въ изступленіе, потомъ въ сть, потомъ въ проклятія, потомъ кажду мщенія. И вотъ Волхъ даетъ ѣ клятву—ждать братьевъ на ро- ни три года и три дни, а мстить имъ конечный день.

'олодъ погубилъ-бы его въ продол- іе столь долгаго ожиданія; но судь- помогаетъ Волху, хоть съ горемъ оламъ.

Натягиваетъ Волхъ съ досады тугой ъ свой, накладываетъ на шелковую ву завѣтную отцовскую стрѣлу; гудѣла тетива, стрѣла запѣла, по- лась подъ небо.

Летитъ подъ облаками какъ зелень ная птица.

трѣла вонзилась въ крыло ей и упа- ъ добычею къ ногамъ Волха.

Здорово-ста дурень, безтолковый нь!» говоритъ птица человѣчьимъ сомъ. «Не щипли мнѣ перьевъ, не усь я въ пищу, продолжаетъ она; усти на волю, дамъ богатый вы- ь!»

— Хорошо—отвѣчаетъ Волхъ.

Возьми хвостъ мой длинный, возьми бѣ руки; я взмахну крылами, а ты тъ зажмурься и тяни смѣлѣе.

— Ну? —

«Ну, прощай-же дурень, безтолко- вый бабень, береги хвостъ птичій ты себѣ на память!»

Волхъ оглянулся: въ рукахъ его остались зеленыя перья изъ хвоста, какъ зелень зеленой птицы, а ея ужъ и духу не стало.

«Добро!» сказалъ Волхъ, «два раза обманутъ, въ третій не проведутъ!»

На осьмой день показался на пути обозъ торговецкій.

Взмолился Волхъ барышникамъ о милостынѣ.

«Стыдно тебѣ, доброму молодцу, про- сить милостыню!» отвѣчали они. «Есть у тебя добрый конь, въ налучнѣ лукъ разрывчатый, въ тулѣ каленыя стрѣлы, на плечахъ кованые доспѣхи, при бед- рѣ булатный мечъ, на головѣ желѣзный шлемъ; было-бы у тебя все, чѣмъ до- бываютъ почесть и богатство, да вѣр- но нѣтъ у тебя богатырской силы, да рускаго духа! Нѣтъ-же тебѣ ничего! Если хочешь пить и ѣсть, продавай коня!»

Горьки были упреки Волху; вздох- нулъ онъ и разстался съ конемъ, про- мѣнявъ его на хлѣбъ и соль.

Поѣхали купцы своимъ путемъ до- рогою, а Волхъ опять сидитъ на роста- ни. «Что-жъ,» думаетъ онъ, «сидѣть бездомнымъ хозяиномъ? Выстрою себѣ балаганъ изъ хворосту.» И выстроилъ на средней могилѣ балаганъ изъ хво- росту.

Проходятъ новые дни, проходятъ не- дѣли, мѣсяцы. Братья не ѣдутъ. И сталъ Волхъ отъ скуки приманивать птицъ перелетныхъ, черныхъ вороновъ и со- рокъ трещетокъ.

Слетаются къ нему въ гости, на по- кормку, черные вороны, сизыя галицы, трескучія сороки, и простокрыльные, и великокрыльные, и аэропарные, борзые на летаніе въ ширинахъ воздушныхъ, и сыроядцы; и птицы пѣвчія малы пе- ріемъ и худы тѣлесы, различно возгла- шающіе соловьи, брегоріи, синицы, и дрозды, и коростели.

«Говорятъ-же птицы по людскому,

для чего-жъ не учиться мнѣ языку птичьему?» думаетъ Волхъ; садится у входа балагана, и вслушивается въ свистъ, въ трескъ, въ карканье.

Всѣхъ болѣе нравится ему нарѣчіе вороновъ: гордо, важно, какъ арабскій языкъ; сильно, разумно, какъ людская рѣчь; и вотъ разлагаетъ Волхъ тоническіе, основные звуки: кры, кру! кра, кро, кро! и сокращенные кгъ, кгъ, кго! и сліяніе и смѣшеніе звуковъ кыр-у-у! кга, крр! и начинаетъ понимать птичьи рѣчи, разсказы про полетъ туда-сюда, похвальбу про острые когти, про быстрыя крылья, про крѣпкіе клювы.

Только и радости у Волха, что послушать птичьихъ разсказовъ; любопытнѣе они рѣчей людскихъ.

Вотъ чего однажды наслушался Волхъ.

— Здорово, пріятели!—сказалъ старый тутошный воронъ.—Давно не видались! Чай солнце разъ триста слетало въ крамны мірскія, съ тѣхъ поръ какъ разстались?—«Здорово!» ему отвѣчали всѣ прочіе. «Старъ сталъ, пріятель! изъ чернаго сдѣлался бѣлъ, словно лунь (*)!»

— Что дѣлать, и житье отъ людей, и житья нѣтъ? Вѣрите-ли, сизые братцы, въ нихъ вѣрно злой духъ поселился: ходятъ стадами, да бьются на кровь, гоняютъ другъ друга по свѣту! Оно-бы для насъ и раздолье, да и намъ не даютъ они спуску: лишь только присядешь на трупъ, да носъ порасчистишь, чтобъ черепъ проклюнуть, да сладкаго мозгу отвѣдать, глядишь, а стрѣла и шипитъ надъ тобою! Хуже всѣхъ бѣлые! Отъ черныхъ житья нѣтъ звѣрямъ, а отъ бѣлыхъ ни звѣрю, ни нашему брату, ни тлѣ поганой, все бьютъ на повалъ! За то ужъ теперь и на нихъ черный день!—

«Корру! послушаемъ!» сказали всѣ прочіе вороны.

— Между ними завелся Аттила, кажись, не велика птица, да ноготь востеръ. И прозвалъ онъ себя посланникомъ Бога, Создателя міра, и невѣрныхъ, поклонниковъ зем небу. Караетъ онъ всѣхъ, кто людямъ, дереву, камнямъ, скот нашему брату....

«Злодѣй!» вскричала вся ста новъ. «Ядовитое жало стрѣлы! битель! онъ поселитъ въ люд уваженіе и къ орламъ, и къ бѣл ронамъ!»

— Тоже говорятъ и люди, не знаютъ его, и они называютъ чемъ и молотомъ небеснымъ; мало объ этомъ заботится; го кто узнаетъ меня, тотъ полюбит говоритъ онъ, не нужно мірск гатства; мой столъ тамъ гдѣ св рецъ мой пространенъ: входъ тамъ, гдѣ солнце восходитъ; и ночнаго окна видно Студеное м вечерней стороны Океанъ; съ во Тавръ; съ полуденной Эмосъ; и строю его, говоритъ, чтобъ вс всѣхъ четырехъ сторонъ конецъ

Всѣ вороны захлопали отъ у крыльями.

Бѣлый воронъ продолжалъ:

«Я летѣлъ вслѣдъ за нимъ, м у

«Шутка-ли облетѣть всю зе

«Передовые его уже близко ведетъ ихъ Хоревъ, полководе тилы....

—Хоревъ!—сказалъ про себ и слушалъ что дальше.

Но вороны заговорили всѣ Волхъ не понялъ; скоро утихли, пришелъ разсказывать свои похо другому.

«А я,» сказалъ воронъ съ ногой, «до сей поры жилъ я в бенъ-Урютѣ, на горѣ Богдѣ, гд и два святые мужа: Акунъ и Когда Элеты, разбитые Хинам нуждены были оставить свою два святые мужа также оставили и пустились въ отдаленную Ко но на дорогѣ стало жаль имъ г которой прожили они болѣе ста воротясь ночью, они похитили е лили на плеча и бѣжали; но Хи

(*) Бѣлая лунь—птица.

ись горы, послали погоню.
азый, уставъ бѣжать съ огром-
дой, принуждены были бро-
осреди Рифейской степи. Во
ищенія я спалъ на гнѣздѣ
мѣстѣ съ горой они унесли и
нулся въ то время, какъ бро-
ра грохнулась о степь. Тутъ-
лся правой ноги, и теперь,
рузья, я мечуся по бѣлому
у костыля, да не знаю, най-

закаркали въ изъявленіе со-
товарищѣ, лишенномъ ноги.
еди началъ разсказывать свои
я третій воронъ.
и вещи дѣлаютъ люди! Я жилъ
ойска(*), на высокомъ холмѣ,
емъ дубу; при мнѣ онъ и
думалось мнѣ на бѣду, прош-
**), пролетѣться въ Рифейскія
лониться бѣлому беркуту.
олнилъ свой долгъ, и при-
гри колоса пшенныхъ на по-
омъ пустился назадъ. Приле-
мъ свой.... что-жъ, братцы!
у поютъ наши птицы: оста-
о, не пожалуйся послѣ! Какъ
лъ на мой дубъ, такъ крылья
и! Какой-то Словенъ при-
Іойску отъ Теплаго моря, да
удрить, и срубилъ тамъ го-
холмѣ моемъ строитъ сѣнь;
дному дубу обрубилъ всѣ
двухъ, да и сдѣлалъ изъ
ана Перуна, какого случа-
видѣть не разъ по лѣсамъ и
высокимъ. На вершину нат-
ную изъ серебра голову, зо-
оду и усъ-златъ; въ двѣ не-
ыя вѣтви натыкали стрѣлъ
мѣсто глазъ вставили два
ния; обвѣсили всего чешуею
завѣсами изъ синеты, чер-
багра. Теперь надъ нимъ
роятъ; ставятъ запону двер-

—

сна.

ную изъ литаго серебра; а стѣны, затворы, столбы изъ чернаго древа, и жертвенникъ мѣдью обложенъ; стоялы изъ пестраго камня.

«Теперь я, друзья, лечу поискать себѣ новаго дуба по сердцу, съ сѣнью густою, чтобъ свить мнѣ гнѣздо, да своей завестися вороной. Посовѣтуйте, гдѣ бы найти мнѣ мѣстечко получше?

«Богъ вѣсть,» сказалъ одинъ воронъ. «Есть чудное дерево близъ Днѣпра; да въ страшномъ мѣстѣ ростетъ, близь жилья людской пугалы Бабы-Яги....»

— Э, ничего! я пугалъ не слишкомъ боюся! Скажи-же, другъ, гдѣ это мѣсто?—

«Да вотъ ужъ я кстати про диво вамъ всѣмъ разскажу.

«Видали-ли вы, встрѣчали-ли, братцы, вы Чудо-Юду, который скитается по свѣту, вотъ ужъ ровно теперь четыре столѣтья съ десятками лѣтъ, и смерти все ищетъ себѣ! Ну, подлинно бѣдный! Хоть онъ и породы людской, но жалокъ ужасно! Однажды сижу я на деревѣ, во сто размаховъ крыла отъ земли подлѣ Днѣпра, близь Неясыти порога, гдѣ на каменномъ островѣ, подъ скалою подводной, есть ходы подъ земное царство, откуда выходитъ Баба-Яга. Вотъ сижу я; вдругъ вижу-идетъ что-то страшное, точно какъ пугало въ княжескомъ саду! длинный шестъ съ перекладиной, на перекладинѣ развѣшена изсохшая кожа! Я было тронулся съ мѣста, да вижу, что пугало очень смиренно завело такую рѣчь:

«Истлѣлъ я! изсохъ я! усталъ я скитаться и жить утомился! Присѣлъ-бы, прилягъ-бы, да нѣтъ на землѣ мнѣ ни отдыха, нѣтъ мнѣ ни сна, ни могилы! Въ чужую могилу забрался-бы я—не пускаютъ! сѣсть—ноги не гнутся, изсохли составы и жилы! прилечь — не могу; словно дубъ остарѣвшій не гнусь я къ землѣ?

«Проходятъ столѣтія, ищу себѣ гроба, прошу я у добрыхъ людей себѣ смерти.... такъ жаль, не даютъ! У хищныхъ звѣрей и у птицъ— я тѣ не да-

ютъ мнѣ, а сами летятъ и бѣгутъ отъ меня какъ отъ смерти!

«Чувствую голодъ и холодъ и жажду.... что-жъ? мнѣ ни поѣсть, ни испить, ни погрѣться порядкомъ?

«Въ огромномъ моемъ кошелькѣ одинъ только сребренникъ вѣчный; а что въ немъ!.. Вотъ двѣсти ужъ лѣтъ, какъ не ходитъ нигдѣ: не берутъ за денарій у Римлянъ, а здѣсь не берутъ за долге.о; что въ томъ, что въ кошель онъ обратно приходитъ!... О! скоро-ль настанетъ то время, когда пришлется на смѣну мнѣ новый проклятый? Я слышалъ, что здѣсь, на днѣпровскихъ порогахъ, живетъ Яга-Баба, колдунья! Погадаю у ней! Вотъ и пороги! Кого-бы спросить про нее?»

«Такъ говорилъ Чудо-Юда. Лишь кончилъ онъ рѣчь, вдругъ изъ Неясытской скалы показалася Баба-Яга, въ ступѣ огромной, съ пестомъ, съ помеломъ, вся въ лохмотьяхъ?— Ага, вотъ она, сказалъ Юда, и вдругъ обернулся въ русскаго витязя; доспѣхи такъ и гремятъ на костяхъ!

Подходитъ къ Ягѣ. «Фу!» закричала она: «не русскимъ здѣсь духомъ запахло!» И прямо къ нему:

«Эй! кто ты, скиталецъ? отколѣ? зачѣмъ? гдѣ твой конь? Не хочешь-ли сѣсть въ мою ступу, со мною прокатиться?»

— Эхъ, бабушка, я богатырь Чудо-Юда — отвѣчаетъ онъ ей. — Къ тебѣ я пришелъ на поклонъ, хочу погадать, да провѣдать судьбину; вотъ, бабушка, пенязь впередъ....

«Голубчикъ, у насъ этой дряни довольно; давай, если хочешь, мнѣ золота—даромъ гадать не умѣю!»

— Старая вѣдьма! гадай, или голову къ чорту!—

— Эге, расхрабрился!—вскричала Яга, и давай Юду бить желѣзнымъ пестомъ.

А Юда выхватилъ мечъ, да и рубитъ старуху.

Что-жъ, братцы! ни тотъ, ни другая ни охнутъ! лишь кости объ кост чатъ, да оружье звучитъ!

«Тьфу ты, проклятый! я вѣрно ная! дерусь съ сновидѣньемъ!» чала Яга и пустилася въ ступѣ поле и горы!

— Увы мнѣ!—возопилъ Чуд и бросился въ Данапръ, а вихрь ни взялся, вынесъ его изъ рѣки поставилъ на берегъ!

А я со страху летѣть, да лишь въ Кіевѣ градѣ едва отдо

«Чудо!» вскричали всѣ вор голосъ.

«А Кіевъ-то гдѣ?»

«Да вы чай слыхали про горо вать (*)? ну, онъ-же и Кіевъ! К сидитъ тамъ Кощей.... раздолье у него ни по чемъ! то-то крови

— Кощей!—вскричалъ Волхъ

Вороны испугались, вспорх разлетѣлись по деревьямъ.

Волхъ радъ былъ, что узналъ ихъ братьяхъ, нетерпѣливо жда времени, въ которое можно ему отправиться къ нимъ, и напомнит хѣ, забытомъ на ростани.

А. Вельт.

(*Кощей безсмертный.*)

45. КОНЕКЪ ГОРБУНО

ПОѢЗДКА ИВАНА.

Ну-съ, такъ ѣдетъ нашъ Ив
За кольцомъ на Окіянъ;
Горбунокъ летитъ какъ вѣтеръ,
И еще на первый вечеръ
Верстъ сто тысячъ отмахалъ
И нигдѣ не отдыхалъ.

Подъѣзжая къ Окіяну,
Говорилъ конекъ Ивану:
«Ну, Иванушка, смотри,
«Вотъ минутки черезъ три
«Мы пріѣдемъ на поляну —
«Прямо къ морю-Окіяну;

(*) Константинъ Багранородный.

гъ его лежитъ
до рыба-китъ.
лѣтъ ужъ онъ страдаетъ,
лева не знаетъ,
рощенье получитъ.
нетъ тебя просить,
ты въ солнцевомъ селеньѣ —
нилъ ему прощенье;
олнить обѣщай,
три-жъ, не забывай!«
въѣзжаютъ на поляну
съ морю-Окіяну;
ъ его лежитъ
до рыба-китъ.
а его изрыты,
лы въ ребра вбиты,
тѣ сыръ-боръ шумитъ,
ѣ село стоитъ,
и на губѣ пашутъ,
глазъ мальчишки пляшутъ,
бровѣ межъ усовъ
дѣвушки грибовъ.
конекъ бѣжитъ по киту,
ямъ стучитъ копытомъ.
до рыба-китъ
оѣзжимъ говоритъ,
рокій отворяя,
горько воздыхая:
орога, господа!
уда и куда?»
посланники царицы,
оба изъ столицы,
ъ киту конекъ),
нцу прямо на востокъ
омы золотые.«
» не льзя-ль, отцы родные,
Солнышка спросить:
ль мнѣ въ опалѣ быть,
е повелѣнье
полнить для прощенья?»
ю, ладно, рыба-китъ!»—
ванъ ему кричитъ.
» отецъ мой милосердый!
акъ мучуся я—бѣдный;
лѣтъ ужъ здѣсь лежу....
ъ-те услужу....
ана умоляетъ,
е тяжко воздыхаетъ).
ладно, рыба-китъ!«
ванъ ему кричитъ.

Тутъ конекъ подъ нимъ забился,
И по берегу пустился;
Только видно какъ песокъ
Бьется вихоремъ у ногъ,
Будто сдѣлалась погодка.
Ѣдутъ долго-ли, коротко,
И увидѣли-ль кого —
Я не знаю ничего.
Скоро сказка говорится,
Дѣло мѣшкотно творится.
Только, братцы, я узналъ,
Что конекъ туда вбѣжалъ,
Гдѣ (я слышалъ стороною)
Небо сходится съ землею,
Гдѣ крестьянки ленъ прядутъ,
Прялки на небо кладутъ.
Тутъ Иванъ на небо въѣхалъ,
Да по небу и поѣхалъ,
Избоченясь, будто князь,
Шапку на бокъ, подбодрясь:
«Эко диво! эко диво!
«Наше царство хоть красиво,
(Говоритъ коньку Иванъ
Средь лазуревыхъ полянъ),
«А какъ съ небомъ-то сравнится,
«Такъ подъ стельку не годится.
«Вѣдь у насъ земля черна,
«И темна-то, и грязна;
«Здѣсь земля-то голубая,
«А ужъ свѣтлая какая!..
«Посмотри-ка, горбунокъ,
«Видишь, вонъ-гдѣ, на востокъ,
«Словно свѣтится гнилушка....
«Чай крестьянская избушка!
«Что-то больно высока!»
(Такъ спросилъ Иванъ конька).
—«Это теремъ Царь-Дѣвицы,
«Нашей будущей Царицы,
«(Горбунокъ ему кричитъ),
«По ночамъ здѣсь солнце спитъ;
«А какъ день денской приходитъ,
«То сюда и мѣсяцъ входитъ.»
Подъѣзжаютъ къ воротамъ —
Сто столбовъ по сторонамъ;
Всѣ столбы тѣ голубые,
А верхушки золотыя;
На верхушкахъ три звѣзды.
Вокругъ терема сады;
На серебряныхъ тамъ вѣткахъ,
Въ раззолоченныхъ во клѣткахъ,

Птицы райскія живутъ,
Пѣсни царскія поютъ.
А вѣдь теремъ съ теремами,
Будто городъ съ деревнями;
А на теремѣ изъ звѣздъ —
Православный русскій крестъ.
Вотъ конекъ во дворъ въѣзжаетъ;
Нашъ Иванъ съ него слѣзаетъ,
Въ теремъ къ мѣсяцу идетъ,
И такую рѣчь ведетъ:
«Здравствуй, Мѣсяцъ Мѣсяцовичъ!
«Я — Иванушка Петровичъ....
«Изъ далекихъ я сторонъ
«И привезъ тебѣ поклонъ»
—«Сядь, Иванушка Петровичъ!
(Молвилъ Мѣсяцъ Мѣсяцовичъ),
«И повѣдай мнѣ вину —
«Въ нашу свѣтлую страну
«Твоего съ земли прихода;
«Изъ какого ты народа,
«Какъ явился въ сей странѣ, —
«Все вполнѣ повѣдай мнѣ.»
—«Я съ земли пришелъ землянской,
«Изъ страны вѣдь христіанской,
(Говоритъ ему Иванъ),
«Переѣхалъ Окіянъ —
«Съ порученьемъ отъ Дѣвицы,
«Нашей будущей Царицы,
«Чтобъ тебя отъ ней спрошать,
«Послѣ ей пересказать:
«Для чего дескать три ночи
«Не показывалъ ты очи,
«И зачѣмъ-де три ужъ дня
«Солнце скрылось отъ меня?«
—«А какая то Царица?»—
—«Это, знаешь, Царь-Дѣвица....» —
—«Царь-Дѣвица?.... Такъ она —
«Что-ль тобой увезена?»
Вскрикнулъ Мѣсяцъ Мѣсяцовичъ.
Тутъ Иванушка Петровичъ
Говоритъ: «извѣстно, мной!
«Вишь, я царской стремянной.

Тутъ Иванушка поднялся,
Въ путь дороженьку собрался....
Вдругъ онъ дважды привскочилъ:
«Ахъ! немножко не забылъ!
«Есть къ тебѣ, родной, прошенье -
«То о китовомъ прощеньѣ....
«Есть, вишь, море: чудо-китъ
«Поперегъ его лежитъ;
«Всѣ бока его изрыты,
«Частоколы въ ребра вбиты.
«Онъ, бѣднякъ, меня прошалъ,
«Чтобы я тебѣ сказалъ:
«Скоро-ль кончится мученье?
«Чѣмъ сыскать ему прощенье?
«И за что онъ тутъ лежитъ?«
Мѣсяцъ ясный говоритъ:
«Онъ за то несетъ мученье,
«Что безъ Божія велѣнья
«Проглотилъ онъ средь морей
«Три десятка кораблей.
«Если дастъ онъ имъ свободу,
«То сниму съ него невзгоду.«
Поклонившись, какъ умѣлъ,
На конька Иванъ тутъ сѣлъ,
Свистнулъ, будто витязь знатной
И пустился въ путь обратной.
На другой день нашъ Иванъ
Вновь пришелъ на Окіянъ.
Вотъ конекъ бѣжитъ по киту,
По костямъ стучитъ копытомъ.
Чудо-юдо рыба-китъ
Такъ, вздохнувши, говоритъ:
«Что, отецъ мой? въ небѣ былъ-ли?
«Мнѣ прощенье испросилъ-ли?«
Тутъ конекъ ему кричитъ:
«Погоди ты, рыба-китъ!«
Вотъ въ селенье прибѣгаетъ,
Мужичковъ къ себѣ сзываетъ,
Черной гривкою трясетъ,
И такую рѣчь ведетъ:
«Эй! послушайте, міряне!
«Православны христіане!
«Коль не хочетъ кто изъ васъ
«Къ водяному сѣсть въ приказъ,
«Убирайся вмигъ отсюда!
«Здѣсь тотчасъ случится чудо:
«Море сильно закипитъ,
«Повернется рыба-китъ....«
Тутъ крестьяне и міряне,
Православны христіане,
Закричали: «быть бѣдамъ!«
И пустились по домамъ.
Всѣ телѣги собирали;
Въ нихъ, не мѣшкая, покидали

то было живота,
авили кита.
на небѣ засмеркалось,
китѣ не осталось
ной души живой,
шелъ Мамай войной!
ъ конекъ на хвостъ вбѣгаетъ,
рьямъ скоро прилегаетъ,
мочи есть кричитъ:
—юдо рыба-китъ!
гого твое мученье,
безъ Божія велѣнья
лотилъ ты средь морей
десятка кораблей.
дашь ты имъ свободу,
отерпишь ужъ невзгоду.«
ичивъ это, вмигъ
нокъ на берегъ прыгъ,
немъ остановился.
ю-китъ поворотился,
ъ море волновать,
челюстей бросать
ли за кораблями,
русами и гребцами....
ъ поднялся шумъ такой,
росилася царь морской:
шки мѣдныя палили,
убы кованы трубили,
парусъ поднялся,
на мачтѣ развился,
съ причетомъ всѣмъ служебнымъ
на палубѣ молебны,
бцовъ веселый рядъ
лъ пѣсню на подхватъ:
по моречку по морю,
прокому раздолью,
даленьи отъ земли,
гаютъ корабли....«
ны моря заклубились,
ли изъ глазъ сокрылись!
юдо рыба-китъ
имъ голосомъ кричитъ,
широкій отворяя,
изъ волны разбивая:
тебѣ мнѣ услужить?
за службу наградить?
-ль раковинъ цвѣтистыхъ?
-ль рыбокъ золотистыхъ?
-ль крупныхъ жемчуговъ? —
остать тебѣ готовъ!»

—«Нѣтъ, китъ-рыба, мнѣ не надо
«Крупныхъ жемчуговъ въ награду,
(Говоритъ ему Иванъ);
«Лучше перстень мнѣ достань,
«Перстень красной Царь-Дѣвицы,
«Нашей будущей царицы.»—
—«Ладно, ладно!» (рыба-китъ
Стремянному говоритъ):
«Отыщу я до зарницы
«Перстень красной Царь-Дѣвицы.«
Такъ китъ-чудо отвѣчалъ,
И, всплеснувъ, на дно упалъ.
Вотъ онъ плесомъ ударяетъ,
Громкимъ голосомъ сзываетъ
Осетриный весь народъ,
И такую рѣчь ведетъ:
«Вы достаньте до зарницы
«Перстень красной Царь-Дѣвицы,
«Скрытый въ ящичкѣ на днѣ.
«Кто его доставитъ мнѣ,
«Награжу того я чиномъ:—
«Будетъ думнымъ дворяниномъ.
«Если-жъ умный мой приказъ
«Не исполните.... я васъ!«
Осетры тутъ поклонились
И въ порядкѣ удалились.
Черезъ нѣсколько часовъ,
Двое бѣлыхъ осетровъ
Къ киту медленно подплыли,
И смиренно говорили:
«Царь великій! не гнѣвись!
«Мы все море ужъ, кажись,
«Ваша милость, обыскали,
«А все перстня не видали.
«Только ершъ одинъ изъ насъ
«Могъ исполнить твой приказъ:
«Онъ по всѣмъ морямъ гуляетъ,
«Такъ ужъ вѣрно перстень знаетъ;
«Но его, какъ-бы на зло,
«Ужъ куда-то унесло.«
—«Отыскать его въ минуту,
«И послать въ мою каюту!«
Китъ во гнѣвѣ закричалъ
И усами закачалъ.
Осетры тутъ поклонились,
Въ земской судъ потомъ пустились,
И велѣли въ тотъ-же часъ
Отъ кита писать указъ,
Чтобъ гонцевъ скорѣй послали
И ерша скорѣй поймали.

Лещъ, услыша сей приказъ,
Именной писалъ указъ;
Сомъ (исправникомъ онъ звался)
Подъ указомъ подписался;
Черный ракъ указъ сложилъ,
И печати приложилъ;
Двухъ дельфиновъ тутъ призвали
И, отдавъ указъ, сказали,
Чтобъ отъ имени царя
Всѣ объѣхали моря,
И того ерша гуляку,
Крикуна и забіяку,
Гдѣ-бы ни было нашли,
Къ государю привели.
Тутъ дельфины поклонились
И ерша искать пустились.
Ищутъ часъ они въ моряхъ,
Ищутъ часъ они въ рѣкахъ,
Всѣ озера исходили
Всѣ проливы переплыли—
Не могли ерша сыскать,
И вернулися назадъ,
Чуть не плача отъ печали.
Вдругъ дельфины услыхали
Недалеко на прудѣ
Крикъ неслыханный въ водѣ....
Въ прудъ дельфины завернули
И на дно его нырнули, —
Глядь: въ прудѣ подъ камышемъ
Ершъ дерется съ карасемъ!
«Смирно! черти-бъ васъ побрали!
«Вишь, содомъ какой подняли,
«Словно важные бойцы!«
Закричали имъ гонцы.
—Ну, а вамъ какое дѣло!
(Ершъ кричитъ дельфинамъ смѣло).
«Я шутить вѣдь не люблю,
«Разомъ всѣхъ переколю!«
—«Охъ, ты, вѣчная гуляка,
«И крикунъ и забіяка?
«Все-бы, дрянь, тебѣ гулять,
«Все-бы драться, да кричать!
«Дома нѣтъ вѣдь не сидится....
«Ну, да что съ тобой рядиться?
«Вотъ тебѣ царевъ указъ,
«Чтобъ ты плылъ къ нему тотчасъ.»
Тутъ проказника дельфины
Подхватили за щетины
И отправились назадъ.
Ершъ ну рваться и кричать:
«Будьте милостивы, братцы!
«Дайте чуточку подраться.
«Распроклятой тотъ карась
«Поносилъ меня вчерась,
«При честномъ при всемъ собраньѣ,
«Бесурманской разной бранью....«
Долго ершъ еще кричалъ,
Наконецъ и замолчалъ;
А проказника дельфины
Все тащили за щетины,
Ничего не говоря, —
И явились предъ Царя.
«Что ты долго не являлся?
«Гдѣ ты, вражій сынъ, шатался!«
(Китъ со гнѣвомъ закричалъ).
На колѣни ершъ упалъ
И, признавшись въ преступленьѣ,
Онъ испрашивалъ прощенья.
«Ну, ужъ Богъ тебя проститъ!»
(Китъ державный говоритъ):
«Но за это преступленье
«Ты исполни повелѣнье.
— «Все исполню, славный китъ!»—
(На колѣняхъ ершъ пищитъ).
—«Ты по всѣмъ морямъ гуляешь,
Такъ ужъ вѣрно перстень знаешь
«Царь-Дѣвицы?....»—«Какъ не знать?
«Можемъ разомъ отыскать.» —
— «Такъ ступай-же поскорѣе,
«Да неси его живѣе.»
Тутъ, отдавъ Царю поклонъ,
Ершъ пошелъ оттуда вонъ:
Съ полминуты порѣзвился,
Въ черный омутъ опустился
И, разрывъ на днѣ песокъ,
Вырылъ красный сундучекъ —
Пудъ по крайней мѣрѣ во сто.
«Здѣсь, братъ, дѣло-то не просто!«
И давай изъ всѣхъ морей
Ершъ скликать къ себѣ сельдей.
Сельди разомъ собрались,
Сундучекъ тащить взялися,
Только слышно и всего,
Что у-у! да о-о-о!
Но сколь сильно ни кричали,
Сундучка все не подняли.
Ершъ, не тратя много словъ,
Кликнулъ десять осетровъ.
Вотъ десятокъ приплываетъ
И безъ крика поднимаетъ,

ввязнувшій въ песокъ,
:тнемъ красный сундучекъ.
бятушки, смотрите,
Царю теперь плывите;
у теперь ко дну,
иножко отдохну:
сонъ одолѣваетъ,
лаза вотъ и смыкаетъ»....
къ Царю плывутъ;
уляка прямо въ прудъ,
тораго дельфины
и за щетины)
раться съ карасемъ,
даю о томъ.
рь мы съ нимъ простимся,
ану возвратимся.
море-Окіянъ.
ѣ сидитъ Иванъ,
ита изъ синя моря,
ькаетъ отъ горя;
шись на песокъ,
ъ вѣрный горбунокъ.
ъ вечеру клонилось;
ъ солнышко спустилось;
пламенемъ горя,
улася заря.

А кита не тутъ-то было.
«Чтобъ-те вора задавило!
«Вишь, какой морской шайтанъ!
(Говоритъ себѣ Иванъ);
«Обѣщался до зарницы
«Вынесть перстень Царь-Дѣвицы.
«А доселѣ не сыскалъ,
«Окаянный зубоскалъ!
«А ужъ солнышко-то сѣло,
«И....» Тутъ море закипѣло:
Появился чудо-китъ
И къ Ивану говоритъ:
«За твое благодѣянье,
«Я исполнилъ обѣщанье.»
Съ этимъ словомъ сундучекъ
Брякнулъ крѣпко на песокъ,
Только берегъ закачался.
«Если-жъ нуженъ буду я,
«Позови опять меня;
«Твоего благодѣянья
«Не забыть мнѣ.... До свиданья!»
Тутъ китъ-чудо замолчалъ
И, всплеснувъ, на дно упалъ.

Ершовъ.

ЛИРИЧЕСКАЯ ПОЭЗІЯ.

I. ОДА.

46. ПОДРАЖАНІЕ ІОВУ.

О ты, что въ горести напрасно
На Бога ропщешь, человѣкъ!
Внимай, коль въ ревности ужасно
Онъ къ Іову изъ тучи рекъ!
Сквозь дождь, сквозь вихрь, сквозь градъ блистая
И гласомъ громы прерывая,
Словами небо колебалъ,
И такъ его на распрю звалъ:
«Сбери свои всѣ силы нынѣ,
Мужайся, стой и дай отвѣтъ:
Гдѣ былъ ты, какъ Я въ стройномъ чинѣ
Прекрасный сей устроилъ свѣтъ;
Когда Я твердь земли поставилъ,
И сонмъ небесныхъ силъ прославилъ
Величество и власть мою?
Яви премудрость ты свою!
Гдѣ былъ ты, какъ передо Мною
Безчисленны тьмы новыхъ звѣздъ,
Моей возженныхъ вдругъ рукою
Въ обширности безмѣрныхъ мѣстъ,
Мое величество вѣщали;
Когда отъ солнца возсіяли
Повсюду новые лучи,
Когда взошла луна въ ночи?
Кто море удержалъ брегами
И безднѣ положилъ предѣлъ,
И ей свирѣпыми волнами
Стремиться далѣ не велѣлъ?
Покрытую пучину мглою
Не Я-ли сильною рукою
Открылъ, и разогналъ туманъ,
И съ суши сдвинулъ океанъ?
Возмогъ-ли ты хотя однажды
Велѣть ранѣе утру быть,
И нивы, въ день томящей жажды,
Дождемъ прохладнымъ напоить,
Пловцу способный вѣтръ направи
Чтобъ въ пристани его поставит
И тяготу земли тряхнуть,
Дабы безбожныхъ съ ней сопхну
Стезинами путей ты разныхъ
Прошелъ-ли моря глубину,
И счелъ-ли чудъ многообразн
Стада ходящія по дну?
Отверзлись-ли передъ тобою
Всегдашнею покрыты тьмою
Со страхомъ смертныя врата?
Ты стеръ-ли адовы уста?
Стѣсняя вихремъ облакъ мрачный,
Ты солнце можешь-ли закрыть,
И воздухъ огустить прозрачный,
И молнію въ дождѣ родить,
И вдругъ—быстротекущимъ бл
ком
И горъ сердца трясущимъ треск
Концы вселенной колебать
И смертнымъ гнѣвъ свой воз
щать

Твоей-ли хитростью взлетаетъ
Орелъ, на высоту паря,
По вѣтру крила простираетъ
И смотритъ въ рѣки и моря;
Отъ облакъ видитъ онъ высокихъ,
Въ водахъ и пропастяхъ глубокихъ,
Что Я ему на пищу далъ:
Толь быстро око ты-ль создалъ?
Воззря въ лѣса на бегемота,
Что Мною сотворенъ съ тобой:
Колючій тернъ его охота
Безвредно попирать ногой;
Какъ верви, сплетены въ немъ жилы;
Отвѣдай ты своей съ нимъ силы!
Въ немъ ребра какъ литая мѣдь:
Кто можетъ рогъ его сотрѣть?
Ты можешь-ли Левіаѳана
На удѣ вытянуть на брегъ?
Въ срединѣ самой океана
Онъ быстрый простираетъ бѣгъ;
Свѣтящимися чешуями
Покрытъ какъ мѣдными щитами,
Копье и мечъ и молотъ твой
Считаетъ за тростникъ гнилой.
Какъ жерновъ сердце онъ имѣетъ,
И зубы—страшный рядъ серповъ:
Кто руку въ нихъ вложить посмѣетъ?
Всегда къ сраженью онъ готовъ;
На острыхъ камняхъ возлегаетъ,
И твердость оныхъ презираетъ:
Для крѣпости великихъ силъ,
Считаетъ ихъ за мягкій илъ.
Когда ко брани устремится,
То море какъ котелъ кипитъ;
Какъ печь, гортань его дымится;
Въ пучинѣ слѣдъ его горитъ;
Сверкаютъ очи раздраженны,
Какъ уголь, въ горнилѣ раскаленный;
Всѣхъ сильныхъ онъ страшитъ, гоня:
Кто можетъ стать противъ Меня?
Обширнаго громаду свѣта
Когда устроить Я хотѣлъ,
Просилъ-ли твоего совѣта
Для множества толикихъ дѣлъ?
Какъ персть Я взялъ въ началѣ вѣка,
Дабы создати человѣка,
Зачѣмъ тогда ты не сказалъ,
Чтобъ видъ иной тебѣ Я далъ?»
Сіе, о смертный, разсуждая,
Представь Зиждителеву власть!
Святую волю почитая,
Имѣй свою въ терпѣньи часть.
Онъ все на пользу нашу строитъ,
Казнитъ кого или покоитъ;
Въ надеждѣ тяготу сноси,
И безъ роптанія проси.

Ломоносовъ.

(*Соч. Ломоносова.*)

---

47. УТРЕННЕЕ РАЗМЫШЛЕНІЕ О БОЖІЕМЪ ВЕЛИЧЕСТВѢ.

Уже прекрасное свѣтило
Простерло блескъ свой по земли,
И Божія дѣла открыло;
Мой духъ, съ веселіемъ внемли!
Чудяся яснымъ толь лучамъ,
Представь, каковъ Зиждитель самъ!
Когда-бы смертнымъ толь высоко
Возможно было возлетѣть,
Чтобъ къ солнцу бренно наше око
Могло приближившись воззрѣть:
Тогда-бъ со всѣхъ открылся стран
Горящій вѣчно океанъ.
Тамъ огненны валы стремятся
И не находятъ береговъ;
Тамъ вихри пламенны крутятся,
Борющись множество вѣковъ;
Тамъ камни, какъ вода, кипятъ;
Горящи тамъ дожди шумятъ.
Сія ужасная громада
Какъ искра предъ Тобой одна;
О, коль пресвѣтлая лампада
Тобою, Боже, возжена
Для нашихъ повседневныхъ дѣлъ,
Что Ты творить намъ повелѣлъ!
Отъ мрачной нощи свободились
Поля, бугры, моря и лѣсъ,
И взору нашему открылись
Исполненны Твоихъ чудесъ.
Тамъ всякая взываетъ плоть:
Великъ Зиждитель нашъ Господь!
Свѣтило дневное блистаетъ
Лишь только на поверхность тѣх

Но взоръ Твой въ бездну проницаетъ,
Не зная никакихъ предѣлъ.
Отъ свѣтлости Твоихъ очей
Лѣется радость твари всей.
Творецъ! покрытому мнѣ тьмою
Простри премудрости лучи,
И, что угодно предъ Тобою,
Всегда творити научи, —
И, на Твою взирая тварь,
Хвалить Тебя безсмертный Царь!

Ломоносовъ.

---

48. ВЕЧЕРНЕЕ РАЗМЫШЛЕНІЕ О БОЖІЕМЪ ВЕЛИЧЕСТВѢ, ПРИ СЛУЧАѢ ВЕЛИКАГО СѢВЕРНАГО СІЯНІЯ.

Лице свое скрываетъ день;
Поля покрыла мрачна ночь;
Взошла на горы черна тѣнь;
Лучи отъ насъ склонились прочь;
Открылась бездна звѣздъ полна;
Звѣздамъ числа нѣтъ, безднѣ дна.
Песчинка какъ въ морскихъ волнахъ,
Какъ мала искра въ вѣчномъ льдѣ,
Какъ въ сильномъ вихрѣ тонкій прахъ,
Въ свирѣпомъ какъ перо огнѣ:
Такъ я, въ сей безднѣ углубленъ,
Теряюсь, мысльми утомленъ!
Уста премудрыхъ намъ гласятъ:
Тамъ разныхъ множество свѣтовъ;
Несчетны солнцы тамъ горятъ,
Народы тамъ и кругъ вѣковъ;
Для общей славы Божества,
Тамъ равна сила естества.
Но гдѣ-жъ, натура, твой законъ?
Съ полночныхъ странъ встаетъ заря!
Не солнце-ль ставитъ тамъ свой тронъ?
Не льдисты-ль мещутъ огнь моря?
Се хладный пламень насъ покрылъ!
Се въ ночь на землю день вступилъ!
О вы, которыхъ быстрый зракъ
Пронзаетъ въ книгу вѣчныхъ правъ,
Которымъ малый вещи знакъ
Являетъ естества уставъ,—
Вамъ путь извѣстенъ всѣхъ планетъ:
Скажите, что насъ такъ мятетъ?
Что зыблетъ ясный ночью лучъ?
Что тонкій пламень въ твердь разитъ?
Какъ молнія безъ грозныхъ тучъ
Стремится отъ земли въ зенитъ!
Какъ можетъ быть, чтобъ мерзлый паръ
Среди зимы рождалъ пожаръ!
Тамъ споритъ жирна мгла съ водой,
Иль солнечны лучи блестятъ,
Склонясь сквозь воздухъ къ намъ густой;
Иль тучныхъ водъ верхи горятъ;
Иль въ морѣ дуть престалъ зефиръ,
И гладки волны бьютъ въ эфиръ.
Сомнѣній полонъ вашъ отвѣтъ
О томъ, что окрестъ ближнихъ мѣстъ:
Скажите-жъ, коль пространенъ свѣтъ?
И что малѣйшихъ далѣ звѣздъ?
Несвѣдомъ тварей вамъ конецъ:
Скажите-жъ, коль великъ Творецъ?

Ломоносовъ.

---

49. НА ДЕНЬ ВОСШЕСТВІЯ НА ПРЕСТОЛЪ ИМПЕРАТРИЦЫ ЕЛИСАВЕТЫ ПЕТРОВНЫ.

Царей и царствъ земныхъ отрада,
Возлюбленная тишина,
Блаженство селъ, градовъ ограда,
Коль ты полезна и красна!
Вокругъ тебя цвѣты пестрѣютъ
И класы на поляхъ желтѣютъ;
Сокровищъ полны корабли
Дерзаютъ въ море за тобою;
Ты сыплешь щедрою рукою
Свое богатство по земли.
Великое свѣтило міру,
Блистая съ вѣчной высоты
На бисеръ, злато и порфиру,
На всѣ земныя красоты,

граны свой взоръ возводитъ;
е въ свѣтѣ не находитъ
ы и тебя.
ь той всего превыше,
зефира тише,
прекраснѣе рая.
на тронъ Она вступила,
шній подалъ Ей вѣнецъ:
Россію возвратила,
ставила конецъ;
явъ облобызала:
ю тѣхъ побѣдъ, сказала,
ъ крови льется токъ.
ъ счастьемъ услаждаюсь,
окойствомъ не мѣняюсь
й западъ и востокъ.
гвеннымъ устамъ приличенъ,
ня, сей кроткій гласъ:
остойно возвеличенъ
и тотъ блаженный часъ,
ъ радостной премѣны
возвышали стѣны
ъ плесканіе и кликъ!
крестъ несла рукою
столъ взвела съ собою
Твоихъ прекрасный ликъ!
слову съ оными сравняться,
ъ силы нашей малъ;
можемъ удержаться
я Твоихъ похвалъ.
роты ободряютъ
хъ и къ бѣгу устремляютъ,
понтъ пловца способный вѣтръ
ы волны порываетъ:
ъ съ весельемъ оставляетъ;
орма межъ водныхъ нѣдръ.
те, пламенные звуки,
ть престаньте свѣтъ:
мирѣ расширять науки
Елисаветъ.
ы вихри, не дерзайте
ю кротко разглашайте
ы наши времена.
лвіи внимай, вселенна:
ъ лира восхищенна
велики имена.
ый чудными дѣлами
ь міра искони
оложилъ судьбами
славить въ наши дни:

Послалъ въ Россію человѣка,
Каковъ не слыханъ былъ отъ вѣка.
Сквозь всѣ препятства онъ вознесъ
Главу побѣдами вѣнчанну,
Россію варварствомъ попранну
Съ собой возвыслилъ до небесъ.
Въ поляхъ кровавыхъ Марсъ страшился,
Свой мечь въ Петровыхъ зря рукахъ,
И съ трепетомъ Нептунъ чудился,
Взирая на россійскій флагъ.
Въ стѣнахъ внезапно укрѣпленна
И зданіями окруженна
Сомнѣнная Нева рекла:
Или я нынѣ позабылась
И съ онаго пути склонилась,
Которымъ прежде я текла?
Тогда божественны науки
Чрезъ горы, рѣки и моря,
Въ Россію простирали руки,
Къ сему Монарху говоря:
Мы съ крайнимъ тщаніемъ готовы
Подать въ россійскомъ родѣ новы
Чистѣйшаго ума плоды.
Монархъ къ себѣ ихъ призываетъ,
Уже Россія ожидаетъ
Полезны видѣть ихъ труды.
Но ахъ, жестокая судьбина!
Безсмертія достойный мужъ,
Блаженства нашего причина,
Къ несносной скорби нашихъ душъ,
Завистливымъ отторженъ рокомъ,
Насъ въ плачѣ погрузилъ глубокомъ!
Внушивъ рыданій нашихъ слухъ,
Верхи парнасски возстенали,
И музы воплемъ провождали
Въ небесну дверь пресвѣтлый духъ.
Въ толикой праведной печали
Сомнѣнный ихъ смущался путь;
И токмо шествуя желали
На гробъ и на дѣла взглянуть.
Но кроткая Екатерина,
Отрада по Петрѣ едина,
Пріемлетъ щедрой ихъ рукой.
Ахъ, еслибъ жизнь ея продлилась,
Давнобъ Севана постыдилась
Съ своимъ искуствомъ предъ Невой!
Какая свѣтлость окружаетъ
Въ толикой горести Парнассъ?
О коль согласно тамъ бряцаетъ

Пріятныхъ струнъ сладчайшій гласъ!
Всѣ холмы покрываютъ лики;
Въ долинахъ раздаются клики:
Великая Петрова дщерь,
Щедроты отчи превышаетъ,
Довольство музъ усугубляетъ,
И къ счастью отверзаетъ дверь.
Великой похвалы достоинъ,
Когда число своихъ побѣдъ
Сравнить сраженьямъ можетъ воинъ,
И въ полѣ весь свой вѣкъ живетъ:
Но ратники, ему подвластны,
Всегда хвалы его причастны,
И шумъ въ полкахъ со всѣхъ сторонъ
Звучащу славу заглушаетъ,
И грому трубъ ея мѣшаетъ
Плачевный побѣжденныхъ стонъ.
Сія тебѣ единой слава,
Монархиня принадлежитъ,
Пространная твоя держава
О какъ тебѣ благодаритъ!
Воззри на горы превысоки!
Воззри въ поля свои широки,
Гдѣ Волга, Днѣпръ, гдѣ Обь течетъ:
Богатство въ оныхъ потаенно
Наукой будетъ откровенно,
Что щедростью твоей цвѣтетъ.
Толикое земель пространство
Когда Всевышній поручилъ
Тебѣ въ счастливое подданство,
Тогда сокровища открылъ,
Какими хвалится Индія:
Но требуетъ къ тому Россія
Искуствомъ утвержденныхъ рукъ,
Сіе злату очистить жилу,
Почувствуютъ и камни силу
Тобой возставленныхъ наукъ.
Хотя всегдашними снѣгами
Покрыта сѣверна страна,
Гдѣ мерзлыми Борей крылами
Твои взвѣваетъ знамена;
Но Богъ межъ льдистыми горами
Великъ своими чудесами:
Тамъ Лена чистой быстриной,
Какъ Нилъ, народы напояетъ
И брегъ наконецъ теряетъ,
Сравнившись морю шириной.
Коль многи смертнымъ неизвѣстны
Творитъ натура чудеса,
Гдѣ густостью животныхъ тѣсны
Стоятъ глубокіе лѣса,
Гдѣ въ роскоши прохладныхъ тѣней
На паствѣ скачущихъ еленей
Ловящихъ крикъ не разгонялъ;
Охотникъ гдѣ не мѣтилъ луконъ;
Сѣкирнымъ земледѣлецъ стуконъ
Поющихъ птицъ не устрашалъ.
Широкое открыто поле,
Гдѣ музамъ путь свой простирать!
Твоей великодушной волѣ
Что можемъ за сіе воздать?
Мы даръ твой до небесъ прославимъ
И знакъ щедротъ твоихъ поставимъ,
Гдѣ солнца всходъ и гдѣ Амуръ
Въ зеленыхъ берегахъ крутится,
Желая паки возвратиться
Въ твою державу отъ Манжуръ.
Се врачной вѣчности закону
Надежда отверзаетъ намъ!
Гдѣ нѣтъ ни правилъ, ни закону,
Премудрость тамо зиждетъ храмъ;
Невѣжество предъ ней блѣднѣетъ.
Тамъ влажный флота путь бѣлѣетъ
И море тщится уступить:
Колумбъ россійскій черезъ воды
Спѣшитъ въ невѣдомы народы
Твои щедроты возвѣстить.
Тамъ тьмою острововъ посѣянъ,
Рѣкѣ подобенъ океанъ;
Небесной синевой одѣянъ,
Павлина посрамляетъ вранъ.
Тамъ тучи разныхъ птицъ летаютъ,
Что пестротою превышаютъ
Одежду нѣжныя весны;
Питаясь въ рощахъ ароматныхъ,
И плавая въ струяхъ пріятныхъ,
Не знаютъ строгія зимы.
И се Минерва ударяетъ
Въ верьхи рифейски копіемъ,
Сребро и злато истекаетъ
Во всемъ наслѣдіи твоемъ.
Плутонъ въ разсѣлинахъ мятется,
Что Россамъ въ руки предается
Драгой его металлъ изъ горъ,
Который тамъ натура скрыла;
Отъ блеску дневнаго свѣтила
Онъ мрачный отвращаетъ взоръ.
О вы, которыхъ ожидаетъ
Отечество отъ нѣдръ своихъ,
И видѣть таковыхъ желаетъ,

зовет отъ странъ чужихъ,
и дни благословенны!
те нынѣ ободренны
емъ вашимъ показать,
жетъ собственныхъ Платоновъ
рыхъ разумомъ Невтоновъ
ская земля раждать.
ки юношей питаютъ,
старымъ подаютъ,
стлivой жизни украшаютъ,
частный случай берегутъ;
ашнихъ трудностяхъ утѣха,
альнихъ странствахъ не помѣха,
пользуютъ вездѣ:
народовъ и въ пустынѣ,
дскомъ шуму и на единѣ;
оѣ сладки и въ трудѣ.
ь, о милости источникъ,
елъ мирныхъ нашихъ лѣтъ!
пній на того помощникъ,
рдостью своей дерзнетъ,
нашему покою
ъ тебя возстать войною.
иждитель сохранитъ
хъ путяхъ безпретковенну,
ь твою благословенну
ломъ щедротъ твоихъ сравнитъ.

Ломоносовъ.

---

50. БОГЪ.

ы, пространствомъ безконечный,
въ движеньи вещества,
емъ времени превѣчный,
ицъ въ трехъ лицахъ Божества!
всюду сущій и единый,
нѣтъ мѣста и причины,
никто постичь не могъ,
е собою наполняетъ,
иетъ, зиждетъ, сохраняетъ,
ы называемъ: Богъ!
ѣрить океанъ глубокій,
ь пески, лучи планетъ,
могъ-бы умъ высокій, —
исла и мѣры нѣтъ!

Не могутъ духи просвѣщенны,
Отъ свѣта Твоего рожденны,
Изслѣдовать судебъ Твоихъ:
Лишь мысль къ Тебѣ взнестись дерзаетъ,
Въ Твоемъ величьи исчезаетъ,
Какъ въ вѣчности прошедшій мигъ.
Хаоса бытность довременну
Изъ безднъ Ты вѣчности воззвалъ;
А вѣчность, прежде вѣкъ рожденну,
Въ себѣ самомъ Ты основалъ.
Себя собою составляя,
Собою изъ себя сіяя,
Ты свѣтъ, откуда свѣтъ истекъ;
Создавый все единымъ словомъ,
Въ твореньи простираясь новомъ,
Ты былъ, Ты есь, Ты будешь ввѣкъ!
Ты цѣпь существъ въ себѣ вмѣщаешь,
Ее содержишь и живишь,
Конецъ съ началомъ сопрягаешь,
И смертію животъ даришь.
Какъ искры сыплются, стремятся,
Такъ солнцы отъ Тебя родятся;
Какъ въ мрачный ясный день зимой
Пылинки инея сверкаютъ,
Вратятся, зыблются, сіяютъ:
Такъ звѣзды въ безднахъ подъ Тобой.
Свѣтилъ возженныхъ милліоны
Въ неизмѣримости текутъ;
Твои они творятъ законы,
Лучи животворящи льютъ.
Но огненны сіи лампады,
Иль рдяныхъ кристалей громады,
Иль волнъ златыхъ кипящій сонмъ,
Или горящіе эѳиры,
Иль вкупѣ всѣ свѣтящи міры —
Передъ Тобой, какъ нощь предъ днемъ.
Какъ капля въ море опущенна,
Вся твердь передъ Тобой сія.
Но что мной зримая вселенна?
И что передъ Тобою я?
Въ воздушномъ океанѣ ономъ,
Міры умножа милліономъ
Стократъ другихъ міровъ — и то,
Когда дерзну сравнить съ Тобою,
Лишь будетъ точкою одною:
А я передъ Тобой — ничто.
Ничто! — Но Ты во мнѣ сіяешь
Величествомъ Твоихъ добротъ;
Во мнѣ себя изображаешь,

Какъ солнце въ малой каплѣ водъ.
Ничто! — Но жизнь я ощущаю;
Несытымъ нѣкакимъ летаю
Всегда пареньемъ въ высоты;
Тебя душа моя быть чаетъ,
Вникаетъ, мыслитъ, разсуждаетъ:
Я есмь, — конечно есь и Ты.
Ты есь! природы чинъ вѣщаетъ,
Гласитъ мое мнѣ сердце то,
Меня мой разумъ увѣряетъ:
Ты есь — и я ужъ не ничто!
Частица цѣлой я вселенной,
Поставленъ, мнится мнѣ, въ почтенной
Срединѣ естества я той,
Гдѣ кончилъ тварей Ты тѣлесныхъ,
Гдѣ началъ Ты духовъ небесныхъ,
И цѣпь существъ связалъ всѣхъ мной.
Я связь міровъ повсюду сущихъ,
Я крайня степень вещества,
Я средоточіе живущихъ,
Черта начальна Божества;
Я тѣломъ въ прахѣ истлѣваю;
Умомъ громамъ повелѣваю:
Я царь — я рабъ, я червь — я богъ!
Но будучи я столь чудесенъ,
Отколѣ происшелъ? — безвѣстенъ;
А самъ собой я быть не могъ.
Твое созданье я, Создатель!
Твоей премудрости я тварь,
Источникъ жизни, благъ податель,
Душа души моей и Царь!
Твоей то правдѣ нужно было,
Чтобъ смертну бездну преходило
Мое безсмертно бытіе,
Чтобъ духъ мой въ смертность облачился,
И чтобъ чрезъ смерть я возвратился,
Отецъ! въ безсмертіе Твое.
Неизъяснимый, Непостижный!
Я знаю, что души моей
Воображенія безсильны
И тѣни начертать твоей!
Но если славословить должно,
То слабымъ смертнымъ невозможно
Тебя ничѣмъ инымъ почтить,
Какъ имъ къ Тебѣ лишь возвышаться
Въ безмѣрной разности теряться
И благодарны слезы лить.

Державинъ.

---

51. НА СМЕРТЬ КН. МЕЩЕРСКАГО.

Глаголъ временъ! металла звонъ!
Твой страшный гласъ меня смущаетъ;
Зоветъ меня, зоветъ твой стонъ,
Зоветъ, и къ гробу приближаетъ.
Едва увидѣлъ я сей свѣтъ,
Уже зубами смерть скрежещетъ,
Какъ молніей, косою блещетъ,
И дни мои, какъ злакъ, сѣчетъ.
Ничто отъ роковыхъ когтей,
Никая тварь не убѣгаетъ;
Монархъ и узникъ—снѣдь червей,
Гробницы злость стихій снѣдаетъ;
Зіяетъ время славу стерть.
Какъ въ море льются быстры воды,
Такъ въ вѣчность льются дни и годы;
Глотаетъ царства алчна смерть.
Скользимъ мы бездны на краю,
Въ которую стремглавъ свалимся;
Пріемлемъ съ жизнью смерть свою;
На то, чтобъ умереть, родимся.
Безъ жалости все смерть разитъ:
И звѣзды ею сокрушатся,
И солнцы ею потушатся,
И всѣмъ мірамъ она грозитъ.
Не мнитъ лишь смертный умирать
И быть себя онъ вѣчнымъ чаетъ;
Приходитъ смерть къ нему, какъ тать,
И жизнь внезапу похищаетъ.
Увы! гдѣ меньше страха намъ,
Тамъ можетъ смерть постичь скорѣе;
Ея и громы не быстрѣе
Слетаютъ къ горнымъ вышинамъ.
Сынъ роскоши, прохладъ и нѣгъ,
Куда, Мещерскій, ты сокрылся!
Оставилъ ты сей жизни брегъ,
Къ брегамъ ты мертвыхъ удалился;
Здѣсь персть твоя, а духа нѣтъ.
Гдѣ-жъ онъ?—Онъ тамъ.—Гдѣ тамъ?—
Не знаемъ.
Мы только плачемъ и взываемъ:
О горе намъ, рожденнымъ въ свѣтъ!
Утѣхи, радость и любовь
Гдѣ купно съ здравіемъ блистали,
У всѣхъ тамъ цѣпенѣетъ кровь
И духъ мятется отъ печали.

былъ яствъ, тамъ гробъ сто-
итъ;
ествъ раздавались клики,
ые тамъ воютъ лики,
смерть на всѣхъ глядитъ.
ъ на всѣхъ — и на царей,
державу тѣсны міры;
на пышныхъ богачей,
атѣ и сребрѣ кумиры;
на прелесть и красы;
на разумъ возвышенный;
на силы дерзновенны,
лезвее косы.
, трепетъ естества и страхъ!
ость, съ бѣдностью совмѣстна:
богъ, а завтра прахъ;
льститъ надежда лестна,
— гдѣ ты, человѣкъ?
ы протечь успѣли,
ь бездну улетѣли,
какъ сонъ, прошелъ твой вѣкъ.
сонъ, какъ сладкая мечта,
и моя ужъ младость;
ю нѣжитъ красота,
ько восхищаетъ радость;
ько легкомысленъ умъ,
ько я благополученъ;
мъ честей размученъ....
я слышу, славы шумъ!
къ и мужество пройдетъ
ѣ къ славѣ съ нимъ стремленье;
въ стяжаніе минетъ,
рдцѣ всѣхъ страстей волненье
ъ, прейдетъ въ чреду свою.
счастья прочь возможны!
премѣнны здѣсь и ложны:
еряхъ вѣчности стою.
день, иль завтра умереть,
евъ! должно намъ конечно:
ь терзаться и скорбѣть,
ртный другъ твой жилъ не вѣч-
но?
есть Небесъ мгновенный даръ:
ее себѣ къ покою,
истою твоей душою
овляй судебъ ударъ.

Державинъ.

---

52. ИЗЪ ВОДОПАДА.

Алмазна сыплется гора
Съ высотъ четыремя скалами;
Жемчугу бездна и сребра
Кипитъ внизу, бьетъ вверхъ буграми:
Отъ брызговъ синій холмъ стоитъ,
Далече ревъ въ лѣсу гремитъ.
Шумитъ, — и средь густаго бора
Теряется въ глуши потомъ;
Лучъ чрезъ потокъ сверкаетъ скоро;
Подъ зыбкимъ сводомъ древъ, какъ
сномъ
Покрыты волны, тихо льются,
Рѣкою млечною влекутся.
Сѣдая пѣна по брегамъ
Лежитъ клубами въ дебряхъ темныхъ;
Стукъ слышанъ млатовъ по вѣтрамъ,
Визгъ пилъ и стонъ мѣховъ подъем-
ныхъ:
О водопадъ! въ твоемъ жерлѣ
Все утопаетъ въ безднѣ, въ мглѣ!
Вѣтрами ль сосны пораженны?
Ломаются въ тебѣ въ куски.
Громами ль камни отторженны?
Стираются тобой въ пески.
Сковать ли воду льды дерзаютъ? —
Какъ пыль стеклянна ниспадаютъ.
Волкъ рыщетъ вкругъ тебя, и, страхъ
Въ ничто вмѣняя, становится:
Огонь горитъ въ его глазахъ,
И шерсть на немъ щетиной зрится;
Рожденный на кровавый бой,
Онъ воетъ, согласясь съ тобой.
Лань идетъ робко, чуть ступаетъ,
Внявъ водъ твоихъ падущихъ ревъ;
Рога на спину преклоняетъ
И быстро мчится межъ деревъ;
Ее страшитъ вкругъ шумъ, бурь свистъ
И хрупкій подъ ногами листъ.
Ретивый конь, осанку горду
Храня, къ тебѣ порой идетъ;
Крутую гриву, жарку морду
Поднявъ, храпитъ, ушми прядетъ;
И, подстрекаемъ бывъ, бодрится,
Отважно въ хлябь твою стремится.

Но кто тамъ идетъ по холмамъ,
Глядясь, какъ мѣсяцъ, въ воды черны?
Чья тѣнь спѣшитъ по облакамъ
Въ воздушныя жилища, горны?
На темномъ взорѣ и челѣ
Сидитъ глубока дума въ мглѣ!
Какой чудесный духъ крылами
Отъ сѣвера паритъ на югъ?
Вѣтръ медленъ течь его стезями:
Обозрѣваетъ царства вдругъ;
Шумитъ, и какъ звѣзда блистаетъ,
И искры въ слѣдъ свой разсыпаетъ.
Чей трупъ, какъ на распутьи мгла,
Лежитъ на темномъ лонѣ ночи?
Простое рубище чресла,
Двѣ лепты покрываютъ очи,
Прижаты къ хладной груди персты,
Уста безмолвствуютъ отверсты!
Чей одръ—земля, кровъ—воздухъ синь;
Чертоги—вкругъ пустынны виды?
Не ты ли счастья, славы сынъ,
Великолѣпный князь Тавриды?
Не ты ли съ высоты честей
Незапно палъ среди степей?
Не ты ль наперсникомъ близь трона
У сѣверной Минервы былъ;
Во храмѣ музъ, другъ Аполлона;
На полѣ Марса вождемъ слылъ;
Рѣшитель думъ въ войнѣ и мирѣ,
Могущъ — хотя и не въ порфирѣ?
Не ты ль, который взвѣсить смѣлъ
Мощь Росса, духъ Екатерины,
И, опершись на нихъ, хотѣлъ
Вознесть твой громъ на тѣ стремнины,
На коихъ древній Римъ стоялъ,
И всей вселенной колебалъ?
Не ты ль, который орды сильны
Сосѣдей хищныхъ истребилъ,
Пространны области пустынны
Во грады, въ нивы обратилъ,
Покрылъ понтъ черный кораблями,
Потрясъ среду земли громами?
Не ты ль, который зналъ избрать
Достойный подвигъ Русской силѣ,
Стихіи самыя попрать
Въ Очаковѣ и въ Измаилѣ,
И твердой дерзостью такой
Быть дивомъ храбрости самой?
Се ты, отважнѣйшій изъ смертныхъ
Парящій замыслами умъ!
Не шелъ ты средь путей извѣстныхъ
Но проложилъ ихъ самъ, — и шумъ
Оставилъ по себѣ въ потомки;
Се ты, о чудный вождь Потемкинъ!
Се ты, которому врата
Торжественныя созидали;
Искуство, разумъ, красота
Недавно лавръ и миртъ сплетали;
Забавы, роскошь вкругъ цвѣли,
И счастье съ славой слѣдомъ шли.
Се ты, небеснаго плодъ дара
Кому едва я посвятилъ;
Въ созвучность громкаго Пиндара
Мою настроить лиру мнилъ;
Воспѣлъ побѣду Измаила,
Воспѣлъ.... Но смерть тебя скосила!
Увы! и хоровъ сладкій звукъ
Моихъ въ стенанье превратился;
Свалилась лира съ слабыхъ рукъ,
И я тамъ въ слезы погрузился,
Гдѣ бездна разноцвѣтныхъ звѣздъ
Чертогъ являли райскихъ мѣстъ.
Увы! и громы онѣмѣли,
Ревущіе тебя вокругъ;
Полки твои осиротѣли,
Наполнили рыданьемъ слухъ;
И все, что близь тебя блистало,
Уныло и печально стало.
Потухъ лавровый твой вѣнокъ,
Гранена булава упала,
Мечъ въ полножны войти чуть могъ,—
Екатерина возрыдала!
Полсвѣта потряслось за Ней
Незапной смертію твоей!
Оливы свѣжи и зелены
Принесъ и бросилъ Миръ изъ рукъ;
Родства и дружбы вопли, стоны,
И музъ ахейскихъ жалкій звукъ
Вокругъ Перикла раздается,
Маронъ по Меценатѣ рвется,
Который почестей въ лучахъ,
Какъ нѣкій царь, какъ бы на тронѣ,
На сребророзовыхъ коняхъ,
На златозарномъ фаэтонѣ,
Во сонмѣ всадникомъ блисталъ,
И въ смертный, черный одръ упалъ!
Гдѣ слава? гдѣ великолѣпье?
Гдѣ ты, о сильный человѣкъ?

і долголѣтье
› бъ сонъ, лишь тѣнь нашъ
вѣкъ;
жизнь не что иное,
› мечтаніе пустое.
гъ!—тяжелый нѣкій шаръ
ъ волоскѣ висящій,
й бурь, громовъ ударъ
небесъ ярящи
›езпрестанно бьютъ,
фиры легки рвутъ.
часъ, одно мгновенье
ірства поразить,
іевъ дуновенье
въ прахъ преобразить;
ъ мѣста — и не знаютъ!
ероевъ попираютъ!
ь? — Нѣтъ! но ихъ дѣла
і и вѣковъ блистаютъ;
память, похвала
валишъ вылетаютъ;
ы, гробы ихъ цвѣтутъ.
я Потемкинъ трудъ.
его былъ край Эвксина,
язанныя — храмъ;
ѣнкомъ — Екатерина,
слава — ѳиміамъ;
ртвенникъ торжествъ и крови,
— ужаса, любови.
агровая луна
ну блистаетъ темной нощи,
ічная волна
› кровью, и сквозь рощи
вмаила вѣтръ шумитъ,
ъ стонъ: что Турокъ мнитъ?
ъ, — и во очахъ сокрытыхъ
птыки блестятъ,
ъ тысячъ вдругъ убитыхъ
оба Вейсмана лежатъ;
і ему ихъ тѣни,
ъ крови ихъ по колѣни!
ь, — и обращаетъ взглядъ
на окрестны виды:
небесахъ горятъ
по морямъ Тавриды!
ъ Очаковѣ, что вновь
› и мерзнетъ кровь.
сный день, средь свѣтлой
влаги,
тъ рыбы въ небесахъ,
И вьются полосаты флаги,
Нашъ флотъ на вздутыхъ парусахъ
Въ дали бѣлѣетъ на Лиманахъ:
Какое чувство въ Россіянахъ?
Восторгъ, восторгъ они, а страхъ
И ужасъ Турки ощущаютъ;
Имъ мохъ и терны во очахъ,
Намъ лавръ и розы расцвѣтаютъ
На мавзолеяхъ у вождей,
Властителей земель, морей.
По утру солнечнымъ лучемъ
Какъ монументъ златый зажжется,
Лежатъ объяты серны сномъ,
И паръ вокругъ холмовъ віется,
Притедши, старецъ надпись зритъ:
«Здѣсь трупъ Потемкина сокрытъ!»
Альцибіадовъ прахъ! — И смѣетъ
Червь ползать вкругъ его главы?
Взять шлемъ Ахилловъ не робѣетъ,
Нашедши въ полѣ, Ѳирсъ? — Увы!
И плоть, и трудъ коль истлѣваетъ:
Что-жъ нашу славу составляетъ?
Лишь истина даетъ вѣнцы
Заслугамъ, кои не увянутъ;
Лишь истину поютъ пѣвцы,
Которыхъ вѣчно не престанутъ
Гремѣть перуны сладкихъ лиръ;
Лишь праведника святъ кумиръ.
Услышьте жъ, водопады міра!
О славой шумныя главы!
Вашъ свѣтелъ мечъ, цвѣтна порфира,
Коль правду возлюбили вы;
Когда имѣли только мѣту,
Чтобъ счастіе доставить свѣту.
Шуми, шуми, о водопадъ!
Касаяся странамъ воздушнымъ,
Увесляй и слухъ и взглядъ
Твоимъ стремленьемъ свѣтлымъ, звуч-
нымъ,
И въ поздней памяти людей
Живи лишь красотой твоей!
Живи! — и тучи пробѣгали
Чтобъ рѣдко по водамъ твоимъ,
Въ умахъ тебя не затмѣвали
Разженный громъ и черный дымъ;
Чтобъ былъ въ близи, въ дали любезенъ
Ты всѣмъ, сколь дивенъ, столь полезенъ.
И ты, о водопадовъ мать!
Рѣка на сѣверѣ гремяща,
О Суна! коль съ высотъ блистать

Ты можешь, — и отъ зарь горяща,
Кипишь и сѣешься дождемъ,
Сапфирнымъ пурпурнымъ огнемъ:
То тихое твое теченье,
Гдѣ ты сама себѣ равна,
Мила, быстра и не въ стремленьѣ,
И въ глубинѣ твоей ясна,
Важна безъ пѣны, безъ порыву,
Полна, велика безъ разливу;
И безъ примѣса чуждыхъ водъ
Поишь златые въ нивахъ браги;
Великолѣпный свой ты ходъ
Вливаешь въ свѣтлый сонмъ Онеги:
Какое зрѣлище очамъ!
Ты тутъ подобна небесамъ.

Державинъ.

---

53. НА ВЗЯТІЕ ИЗМАИЛА.

О коль Монархъ благополученъ,
Кто знаетъ Россами владѣть!
Онъ будетъ въ свѣтѣ славой звученъ,
И всѣ сердца въ рукѣ имѣть.

Ода Ломоносова.

Везувій пламя изрыгаетъ;
Столпъ огненный во тмѣ стоитъ;
Багрово зарево сіяетъ;
Дымъ черный клубомъ вверхъ летитъ;
Краснѣетъ понтъ, реветъ громъ ярый,
Ударамъ въ слѣдъ звучатъ удары;
Дрожитъ земля, дождь искръ течетъ;
Клокочутъ рѣки рдяной лавы:
О Россъ! таковъ твой образъ славы,
Что зрѣлъ подъ Измаиломъ свѣтъ!
О Россъ! о родъ великодушный!
О твердокаменная грудь!
О исполинъ, Царю послушный!
Когда и гдѣ ты досягнуть
Не могъ тебя достойной славы?
Твои труды — тебѣ забавы;
Твои вѣнцы — вкругъ блескъ громовъ:
Въ поляхъ ли брань? ты тишь сво
звѣздный;
Въ моряхъ ли бой? ты пѣнишь безды
Вездѣ ты страхъ твоихъ враговъ!
На подвигъ твой, вождя велѣньем
Ты идешь, какъ женихъ на бракъ.
Марсъ видитъ часто съ изумленьем
Что и въ бѣдахъ твой веселъ зракъ:
Гдѣ вкругъ драконы мѣдны ржали,
Изъ трехъ сотъ жерлъ огнемъ дыша
Ты тамъ прославился днесь вновь.
Вождь рекъ: «Се стѣны Измаила!
Да сокрушитъ твоя ихъ сила!»....
И воскипѣла бранна кровь.
Какъ воды съ горъ весной въ доли
Низвержась, пѣнятся, ревутъ;
Волнами, льдомъ трясутъ плотину:
Къ твердынямъ Россы такъ текутъ.
Ничто имъ путь не воспящаетъ;
Смертей ли блѣдныхъ полкъ встрѣчает
Иль адъ скрежещетъ зѣвомъ къ ним
Идутъ—какъ въ тучахъ скрыты гро
Какъ двигнуты безмолвны холмы;
Подъ ними стонъ,—за ними дымъ.
Идутъ въ молчаніи глубокомъ,
Во мрачной, страшной тишинѣ;
Собой пренебрегаютъ, рокомъ;
Зарница только въ вышинѣ
По ихъ оружію играетъ,
И только ихъ душа сіяетъ,
Когда на бой, на смерть идетъ.
Ужъ блещутъ молніи крылами,
Ужъ осыпаются громами;
Они молчатъ, идутъ впередъ.
Не бардъ ли древній, изступленны
Волшебнымъ ихъ ведетъ жезломъ?
Нѣтъ! свыше пастырь вдохновенны
Предъ ними идетъ со крестомъ;
Вѣнцы нетлѣнны обѣщаетъ,
И кровь пролить благословляетъ
За честь, за вѣру, за царя;
За нимъ вождей рядъ предъ полка
Какъ бурныхъ дней предъ облаками
Идетъ огнистая заря.
Идутъ.—Искуство зрить заслугу
И сколь ихъ духъ былъ тутъ велик
Вѣщаетъ слухъ земному кругу;
Но мнѣ ихъ раздается крикъ:
По лѣствицамъ на градъ, на стогны
Какъ шумны волны черезъ волны,

ются челомъ;
ль, ихъ взоры раскаленны,
вы на тигровъ устремленны,
стѣснясь, на огнь, на громъ.
о за зрѣлище предстало?
ный, о страшный часъ!
тво что ни вымышляло,
ось, Россы, все на васъ!
ни, ядра, варъ и бревны.
ь герои устрашенны?
жетъ отраженъ быть Россъ?—
зетъ по бревну на стѣну;
летитъ съ стѣны въ геенну;
урцій, Децій, Буарозъ!
ь помнитъ должность, честь и
вѣру,
ушу и животъ кладетъ.
ы! нѣтъ вамъ, нѣтъ примѣру,
ть сама вамъ лавръ даетъ.
грудь, въ сердца лежатъ пронзенны,
лъ, безъ чувствъ, полмертвы,
блѣдны;
гъ еще стерть вражій рогъ:
виженьемъ ободряетъ,
съ побѣдой восклицаетъ:
ина! съ нами Богъ!
я въ войскахъ храбрость рьяна!
великій духъ въ вождяхъ!
ихъ душа разсудкомъ льдяна;
пылаетъ огнь въ сердцахъ.
ѣ рожденны подъ снѣгами,
олніями, подъ громами,
ихъ съ самыхъ юныхъ дней
слава, вѣрность, вѣра:
жно вамъ сыскать примѣра?
реди ль стихійныхъ прей?
доставь: по свѣтлости лазуря,
лоненію небесъ,
а чернобагрова буря
но возлегла на лѣсъ;
страшна нощь, надулась чревомъ,
ла съ свистомъ, воемъ, ревомъ,
ла воздухъ, прахъ и листъ;
гяжкими ея крылами
кедры вверхъ корнями,
реплалъ Ливанъ кремнистъ.
доставь послѣдній день природы,
ролилася звѣздъ рѣка;
ль пошли стѣною воды,

Бугры взвились за облака;
Что вихри тучи къ тучамъ гнали,
Что мракъ лишь молньи освѣщали,
Что громъ потрясъ всемірну ось,
Что солнце, иглою покровенно,
Ядро казалось раскаленно:
Се видъ, какъ вшелъ въ Измаилъ Россъ!
Вошелъ!—не бойся, рекъ,—и всюды
Простеръ свой троегранный штыкъ:
Поверглись тѣлъ кровавы груды;
Напрасно слышанъ жалобъ крикъ;
Напрасно, бранны человѣки,
Вы льете крови вашей рѣки,
Котору должно бы беречь.
Но съ самаго вѣковъ начала
Война народы пожирала;
Священъ сталъ долгъ: рубить и жечь!
Тотъ мыслитъ овладѣть всѣмъ міромъ;
Тотъ не принять его оковъ:
Вселенной царь сталъ врану пиромъ,
Герои — снѣдію волковъ.
Увы! палъ кринъ, и пали терны.
Почто жъ?—Судьбы небесны темны.—
Я здѣсь пою лишь браней честь.
Насъ горсть,—но полкъ лежитъ предъ нами;
Насъ полкъ,—но съ тысячьми и тмами
Мы низложили городъ въ персть.
И се уже, шумя, стремится
Кровавой пѣны полнъ Дунай;
Пучина черная багрится,
Спершись отъ труповъ, съ края въ край;
Уже блѣднѣюща Мармора
Дрожитъ пловуща къ ней позора,
Костры тѣлъ видя за костромъ!
Луна полна на башняхъ крови;
Поникли гордой Мекки брови;
Стамбулъ склонился внизъ челомъ.
О! ежели издревле міру
Побѣдъ славнѣйшихъ звукъ гремитъ,
И если приступъ славенъ къ Тиру:
Къ Измаилу больше знаменитъ.
Тамъ былъ вселенной покоритель,
Машинъ и башенъ самъ строитель:
Горой онъ море запрудилъ;
А здѣсь вождя одно велѣнье
Свершило храбрыхъ Россовъ рвенье;
Великій духъ былъ вмѣсто крылъ.
Услышь, услышь, о ты, вселенна!
Побѣду смертныхъ выше силъ,

Внимай, Европа удивленна,
Каковъ сей Россовъ подвигъ былъ.
Языки знайте, вразумляйтесь,
Въ надменныхъ мысляхъ содрогайтесь;
Увѣрьтесь симъ, что съ нами Богъ;
Увѣрьтесь, что Его рукою
Одинъ попретъ васъ Россъ войною,
Коль встать изъ бездны золъ возмогъ!
Я вижу страшную годину:
Его три вѣка держитъ сонъ;
Простертую подъ нимъ долину
Покрылъ вездѣ колючій тернъ;
Лице туманъ подернулъ блѣдный;
Ослабли мышцы удрученны;
Скатилась въ мракъ глава его;
Разбойники вокругъ суровы
Взложили тяжкія оковы;
Змѣя на сердцѣ у него.
Онъ спитъ! — и насѣкомы, гады
Румяный потемняютъ зракъ!
Войны опустошаютъ грады,
Раздоры пожираютъ злакъ;
Чуть зрится блескъ его короны;
Страдаетъ вѣра и законы,
И ты, къ отечеству любовь!
Какъ звѣрь, его Батый рветъ гладный;
Какъ змѣй, сосетъ лжецарь коварный:
Повсюду пролилася кровь!
Лежалъ онъ во своей печали,
Какъ темная въ пустынѣ ночь;
Враги его рукоплескали,
Друзья не мыслили помочь,
Сосѣди грабежемъ алкали;
Князья, бояре въ нѣгѣ спали
И ползали въ пыли, какъ червь:
Но Богъ, но духъ его великій
Сотрясъ съ него бѣды толики:
Расторгнулъ левъ желѣзну вервь!
Возсталъ!—какъ утромъ холмъ высокій
Встаетъ, подъемляся челомъ
Изъ мглы широкой и глубокой,
Разлитой вкругъ его, и громъ
Поверхъ главы въ ничто вмѣняя,
Ногами волны попирая,
Пошелъ: — и кто возмогъ противъ?—
Отъ шлема молніи скользнули,
И окіаны уступили,
Стопамъ его пути открывъ.
Онъ сильны орды пхнулъ ногою:
Края азійски потряслись;
Упали царства подъ рукою,
Цари, царицы въ плѣнъ влеклись;
И побѣдителей разитель,
Монархій свѣта разрушитель
Простерся подъ его пятой:
Въ Европѣ грады бралъ, трясъ троны,
Свергалъ царей, давалъ короны
Могущею своей душой.
Гдѣ есть народъ въ краяхъ вселенны,
Кто бъ столько силъ въ себѣ имѣлъ?
Безъ помощи, отъ всѣхъ стѣсненный,
Яремъ съ себя низвергнуть смѣлъ,
И, вырвавъ бы вѣнцы лавровы,
Возвергъ на тѣхъ самихъ оковы,
Кто столько свѣту страшенъ былъ?
О Россъ! твоя лишь добродѣтель
Такихъ великихъ дѣлъ содѣтель;
Лишь твой орелъ луну затмилъ.
Лишь ты, простря твои побѣды,
Умѣлъ щедроты расточать;
Полякъ, Туркъ, Персъ, Пруссъ, Хинъ и Шведы
Тому примѣры могутъ дать.
На тѣхъ ты зришь спокойно стѣны,
Тѣмъ паки отдалъ грады плѣнны;
Тамъ унялъ прю, тутъ бунтъ смирилъ;
И сколь ты былъ ихъ побѣдитель,
Не меньше другъ, благотворитель:
Свое лишь только возвратилъ.
О кровь Славянъ! сынъ предковъ славныхъ,
Несокрушаемый колоссъ!
Кому въ величествѣ нѣтъ равныхъ,
Возросшій на полсвѣтѣ Россъ!
Твои коль славны древни слѣды!
Громчай суть нынѣшни побѣды.
Зрю вкругъ тебя лавровый лѣсъ;
Кавказъ и Тавръ ты преклоняешь,
Вселенной на среду ступаешь
И досягаешь до небесъ.
Уже въ Эвксинѣ съ полунощи
Межъ водъ и звѣздъ лежитъ туманъ;
Подъ нимъ плывутъ дремучи рощи:
Средь нихъ, какъ горъ отломокъ льдянъ,
Иль мужа нѣка тѣнь сѣдая
Сидитъ, очами озирая:
Какъ полный мѣсяцъ щитъ его,
Какъ сосна рында, обожженна,

до облакъ вознесенна, —
надъ шлемомъ у него.
имъ златая колесница
овымъ летитъ зарямъ;
ая на ней Царица,
мъ равная мужамъ,
держитъ крестъ одною,
ный пламенникъ другою,
летъ блески на Босфоръ;
гъ сѣвернаго свѣта
лѣдитъ Магомета,
ный отвратилъ онъ взоръ.
вновь ли то Олегъ къ востоку
парусами флотъ ведетъ,
а къ древнему потоку
й ею свѣтъ лiетъ?
ссовъ идетъ духъ военный,
вой вѣрой провожденный,
ь спасть, Агарянъ стерть?
ду — громы ударяютъ,
ли, камни возглашаютъ:
етъ нынѣ, или впредь!
ы, что въ мысляхъ суетитесь
славный Россу путь претить,
врагу Христову тщитесь
вашей измѣнить!
только поступать неправо,
изслѣдуйте вы здраво
уть, цѣль Росса, судъ небесъ:
уйте, и заключите:
сѣмъ и на кого хотите?
вашъ року перевѣсъ?
о, коль Россъ рожденъ судьбою
рварскихъ хранить васъ узъ,
въ попирать ногою,
вашихъ отъ Омаровъ музъ,
ть крестовые походы,
ть iорданскiи воды,
ный гробъ освободить,
ъ возвратитъ Аѳину,
Константиновъ Константину
Аѳету водворить.
у миръ? — О трудъ избранный,
нѣйшiй его дѣтей,
ни людьми желанный!
шься льты средь нашихъ дней?..
Европа просвѣщенна,
гномъ будешь устремленна
ныхъ братiевъ своихъ?

Не лучше ль внутрь раздоръ оставить,
И съ Россомъ грудь одну составить
На общихъ сопостатъ твоихъ!
Дай руку и — пожди спокойно:
Сiе и Россъ одинъ свершитъ;
За безпрепятствiе достойно
Тебя трофеемъ наградитъ.
Дай руку, дай залогъ любови,
Не лей твоей и нашей крови,
Да месть всѣмъ въ грудь намъ не взойдетъ.
Пусть только умъ Екатерины,
Какъ Архимедъ, создастъ машины;
А Россъ вселенной потрясетъ.
Чего не можетъ родъ сей славный,
Любя царей своихъ свершить?
Умѣйте лишь, главы вѣнчанны,
Его безцѣнну кровь щадить;
Умѣйте дать ему вы льготу,
Къ дѣламъ великимъ духъ, охоту,
И правотой сердца плѣнить.
Вы можете его рукою
Всегда, войной и не войною,
Весь миръ себя заставить чтить.
Война, какъ сѣверно сiянье,
Лишь удивляетъ чернь одну:
Какъ свѣтлой радуги блистанье,
Всякъ мудрый любитъ тишину.
Что благовоннѣй аромата?
Что слаще меда, краще злата
И драгоцѣннѣе порфиръ?
Не ты ль, котораго всѣмъ взгляды
Лiютъ обилiе прохлады,
Прекрасный и полезный миръ?
Приди, о кроткiй житель неба,
Эдемской гражданинъ страны!
Приди и, какъ сопутникъ Феба,
Духъ теплотворный, богъ весны,
Дохни вездѣ твоей душою!
Дохни, да расцвѣтетъ тобою
Рай сладости въ домахъ, въ сердцахъ!
Подъ сѣнiю Екатерины
Вѣнчанны лавромъ исполины
Возлягутъ на своихъ громахъ.
Премудрость царства управляетъ;
Крѣпитъ ихъ: вѣра, правый судъ;
Ихъ трудъ и миръ обогащаетъ;
Любовiю они цвѣтутъ.
О полъ прекрасный и почтенный,
Кѣмъ Россы рождены, кѣмъ плѣнны!

И вамъ днесь предлежатъ вѣнцы.
Плоды побѣдъ суть звуки славы,
Побѣдъ основа тверды нравы,
А добрыхъ нравовъ вы творцы!
Когда на брани вы предметовъ
Лишилися любви своей,
И если безъ войны, навѣтовъ,
Полна жизнь наша слезъ, скорбей:
Утѣшьтесь! — вѣтры въ вѣтры дуютъ,
Стихіи межъ собой воюютъ;
Сей свѣтъ — училище терпѣть;
И брань коль возстаетъ судьбою,
Сынъ Россіянки среди бою
Со славой долженъ умереть.
А слава тѣхъ не умираетъ,
Кто за отечество умретъ:
Она такъ въ вѣчности сіяетъ,
Какъ въ морѣ ночью лунный свѣтъ.
Временъ въ глубокомъ отдаленьи
Потомство тѣхъ увидитъ тѣни,
Которыхъ мужественъ былъ духъ.
Съ гробовъ ихъ въ души огнь польется,
Когда по рощамъ разнесется,
Безсмертной лирой дѣлъ ихъ звукъ.

Державинъ.

---

54. ВИДѢНІЕ МУРЗЫ.

На темноголубомъ эенрѣ
Златая плавала луна:
Въ серебряной своей порфирѣ
Блистаючи съ высотъ, она
Сквозь окна домъ мой освѣщала,
И палевымъ своимъ лучемъ
Златыя стекла рисовала
На лаковомъ полу моемъ.
Сонъ томною своей рукою
Мечты различны разсыпалъ;
Кропя забвенія росою,
Моихъ домашнихъ усыплялъ;
Вокругъ вся область почивала,
Петрополь съ башнями дремалъ,
Нева изъ урны чуть мелькала,
Чуть Бельтъ въ брегахъ своихъ сверкалъ.
Природа въ тишину глубоку
И въ крѣпкомъ погруженна снѣ,
Мертва казалась слуху, оку
На высотѣ и въ глубинѣ;
Лишь вѣяли одни зефиры,
Прохладу чувствамъ принося.
Я не спалъ, — и, со звономъ лиры
Мой тихій голосъ соглася,
«Блаженъ,» воспѣлъ я: «кто доволенъ
Въ семъ свѣтѣ жребіемъ своимъ,
Обиленъ, здравъ, покоенъ, воленъ
И счастливъ лишь собой самимъ;
Кто сердце чисто, совѣсть праву
И твердый нравъ хранитъ въ свой вѣк
И всю свою въ томъ ставитъ славу,
Что онъ лишь добрый человѣкъ;
Что карлой онъ и великаномъ,
И дивомъ свѣта не рожденъ,
И что не созданъ истуканомъ,
И оныхъ чтить не принужденъ;
Что всѣ сего блаженства міра
Находитъ онъ въ семьѣ своей;
Что нѣжная его Плѣнира
И вѣрныхъ нѣсколько друзей
Съ нимъ могутъ въ часъ уединенный
Дѣлить и скуку и труды! —
Блаженъ и тотъ, кому царевны
Какой бы ни было орды,
Изъ теремовъ своихъ янтарныхъ
И сребророзовыхъ свѣтлицъ,
Какъ будто изъ улусовъ дальнихъ,
Украдкой отъ придворныхъ лицъ,
За розсказни, за ростабары,
За вирши, иль за что нибудь,
Исподтишка драгіе дары
И въ досканцахъ червонцы шлютъ;
Блаженъ....» Но съ рѣчью сей незап
Мое все зданье потряслось:
Раздвиглись стѣны, и стократно
Ярчѣе молній пролилось
Сіянье вкругъ меня небесно;
Сокрылась, поблѣднѣвъ, луна.
Видѣнье я узрѣлъ чудесно:
Сошла со облаковъ жена,
Сошла, — и жрицей очутилась,
Или богиней предо мной.
Одежда бѣлая струилась
На ней серебряной волной;
Градская на главѣ корона,
Сіялъ при персяхъ поясъ златъ;
Изъ черноогненна виссона,
Подобный радугѣ, нарядъ

на деснаго полосою
на лѣвую бедру;
ртой на алтарь рукою
твенномъ она жару,
маки благовонны,
на вышню Божеству.
полунощный, огромный,
никъ молній торжеству,
кой провозвѣстникъ славы,
редъ ней на грудѣ книгъ,
нны блюлъ ея уставы;
шій громъ въ когтяхъ своихъ
ръ съ оливными вѣтвями
лъ, какъ будто бы уснувъ.
освѣтлыми очами,
ъ гнѣвѣ, иль въ жару, блеснувъ,
на меня воззрѣла.
детъ образъ въ-вѣкъ во мнѣ,
торый впечатлѣла! —
а!» она вѣщала мнѣ:
ить себя счастливымъ чаешь,
по днямъ и по ночамъ
рѣ ты своей играешь
ни лишь поешь царямъ.
епещи, Мурза несчастный!
ашны истины внемли,
ымъ стихотворцы страстны
ни вѣрятъ на земли;
къ тебѣ лишь доброхотство
хъ открыть велитъ. Когда
не сумазбродство,
сшій даръ боговъ: тогда
аръ боговъ кромѣ лишь къ чести
поученью ихъ путей
долженъ обращенъ, не къ лести
нной похвалѣ людей.
ки свѣта люди тѣ же,
хъ страсти, хоть на нихъ вѣнцы;
ести имъ вредитъ не рѣже:
поэты не льстецы?
ширенъ поющихъ грому,
ядъ добродѣтели не строй,
творителю прямому
алѣ нѣтъ нужды никакой.
щій мужъ честные нравы,
й свой долгъ, свои дѣла,
приноситъ больше славы,
всѣхъ піитовъ похвала. —
ъ нектаромъ наполненну
у чашу, гдѣ скрытъ ядъ.» —

Кого я зрю столь дерзновенну,
И чьи уста меня разятъ!
Кто ты? Богиня, или жрица?
Мечту стоящу я спросилъ.
Она рекла мнѣ: — «Я Фелица!»
Рекла и—свѣтлый облакъ скрылъ
Отъ глазъ моихъ ненасыщенныхъ
Божественны ея черты;
Куреніе мастикъ безцѣнныхъ
Мой домъ и мѣсто то цвѣты
Покрыли, гдѣ она явилась.
Мой Богъ! мой Ангелъ во плоти!...
Душа моя за ней стремилась,
Но я за ней не могъ идти:
Подобно громомъ оглушенный,
Безчувственъ я, безгласенъ былъ;
Но, токомъ слезнымъ орошенный,
Пришелъ въ себя и возгласилъ:
— «Возможно-ль, кроткая Царевна!
И ты къ Мурзѣ чтобъ своему
Была сурова и столь гнѣвна,
И стрѣлы къ сердцу моему
И Ты, и Ты чтобы бросала,
И пламени души моей
Къ себѣ и Ты не одобряла?
Довольно безъ тебя людей,
Довольно безъ Тебя поэту,
За кажду мысль, за каждый стихъ,
Отвѣтствовать лихому свѣту,
И отъ сатиръ щититься злыхъ!
Довольно золотыхъ кумировъ,
Безъ чувствъ мои что пѣсни чли;
Довольно кадіевъ, факировъ,
Которы въ зависти сочли
Тебѣ ихъ неприличной лестью;
Довольно нажилъ я враговъ!
Иной отнесъ себѣ къ безчестью,
Что не дерутъ его усовъ;
Иному показалось больно,
Что онъ насѣдкой не сидитъ;
Иному — очень своевольно
Съ Тобой Мурза твой говоритъ;
Иной вмѣнялъ мнѣ въ преступленье,
Что я посланницей съ небесъ
Тебя быть мыслилъ въ восхищеньѣ
И лилъ въ восторгѣ токи слезъ;
И словомъ: тотъ хотѣлъ арбуза,
А тотъ соленыхъ огурцовъ;
Но пусть имъ здѣсь докажетъ муза,
Что я не изъ числа льстецовъ;

Что сердца моего товаровъ
За деньги я не продаю,
И что не изъ чужихъ анбаровъ
Тебѣ наряды я крою;
Но, вѣнценосна добродѣтель!
Не лесть я пѣлъ и не мечты,
А то, чему весь міръ свидѣтель;
Твои дѣла суть красоты. —
Я пѣлъ, пою и пѣть ихъ буду,
И въ шуткахъ правду возвѣщу;
Татарски пѣсни изъ подъ спуду,
Какъ лучъ, потомству сообщу;
Какъ солнце, какъ луну, поставлю
Твой образъ будущимъ вѣкамъ;
Превознесу Тебя, прославлю;
Тобой безсмертенъ буду самъ.

Державинъ.

---

55. ИЗОБРАЖЕНІЕ ФЕЛИЦЫ.

Рафаэль! живописецъ славный,
Творецъ искуствомъ естества!
Рафаэль чудный, безприкладный,
Изобразитель Божества!
Умѣлъ ты кистію свободной
Непостижимость написать:
Умѣй моей богоподобной
Царевны образъ начертать.
Изобрази Ея мнѣ точно
Осанку, возрастъ и черты,
Чтобъ въ нихъ я видѣлъ и заочно
Ея и сердца красоты,
И духа чувства возвышенны,
И разума Ея дѣла;
Фелица, ангелъ воплощенный,
Въ твоей картинѣ бы жила!
Небесно-голубые взоры
И по ланитамъ нѣжна тѣнь,
Сквозь мракъ временъ, стихіевъ споры,
Блистали бы, какъ ясный день;
Какъ утрення заря весення,
Такъ улыбалась бы Она;
Какъ пальма, въ раѣ насажденна,
Такъ возвышалась бы стройна.
Какъ пальма клонитъ благовонну
Вершину и лице свое,
Такъ тиху, важну, благородну
Ты поступь напиши Ея. —
Коричными чело власами,
А перлами перси осѣни;
Премудрость и любовь устами,
Какъ розы дышатъ, изъясни.
Представь въ лицѣ Ея геройство,
Въ очахъ величіе души;
Премилосердо, нѣжно свойство
И снисхожденье напиши;
Не позабудь пріятность въ нравѣ
И кроткій гласъ Ея рѣчей;
Во всей изобрази ты славѣ
Владычицу души моей.
Одѣнь въ доспѣхи, въ брони златы,
И въ мужество Ея красы,
Чтобъ шлемъ блисталъ на Ней пернатый,
Зефиры вѣяли власы;
Чтобъ конь подъ Ней главой крутился,
И бурно брозды опѣнялъ;
Чтобъ нордъ сѣдый Ей удивился,
И обладать собой избралъ.
Престолъ Ея на Скандинавскихъ,
Камчатскихъ и Златыхъ горахъ,
Отъ странъ Таймурскихъ до Кубанскихъ
Поставь на сорокъ двухъ столпахъ.
Какъ восемь бы зерцалъ стояли
Ея великія моря;
Съ полнеба звѣзды освѣщали,
Вокругъ багряная заря.
Средь дивнаго сего чертога
И велелѣпной высоты
Въ величествѣ, въ сіяньи Бога,
Ее изобрази мнѣ ты,
Чтобъ, сшедъ съ престола, подавала
Скрижаль заповѣдей святыхъ;
Чтобы вселенна признавала
Гласъ Божій, гласъ природы, въ нихъ;
Чтобъ дики люди, отдаленны,
Покрыты шерстью, чешуей,
Пернатыхъ перьемъ испещренны,
Одѣты листьемъ и корой,
Сошедшися къ ея престолу
И, кроткихъ внявъ законовъ гласъ,
По желтосмуглымъ лицамъ долу
Струили токи слезъ изъ глазъ;
Струили бъ слезы и, блаженство
Своихъ проразумѣя дней,
Забыли бы свое равенство
И были всѣ подвластны Ей:
Финнъ въ морѣ, блѣдный, рыжевласый,
Не разбивалъ бы кораблей,

›глазый Гуннъ жалъ класы
сѣдыхъ, сухихъ зыбей.
помни, чтобъ Она вѣщала
ленным Ея ордамъ:
стья вашего искала
асъ его нашла Я вамъ:
сами вы себѣ послушны,
, славьтеся въ Мой вѣкъ,
›те столь благополучны,
› можетъ человѣкъ.
›мъ право безъ препоны
›ши нужды представлять,
и знать Мои законы,
ихъ ошибки замѣчать.
› вамъ право собираться,
умахъ золото копить,
› послами отправляться
›егда Меня хвалить;
мъ право безпристрастно
ьи другъ друга выбирать,
› дѣла свои всевластно
нать и окончать.
воспрещу Я стихотворцамъ
и чепуху и лесть,
мъ, новымъ чудотворцамъ,
съ духами, пить и ѣсть;
› всемъ, что лишь незлобно,
›я равнодушной быть;
нѣпно и спокойно
агодѣянья лить.»
а, — и взоръ бы озарялся
›твомъ Ея души,
›а сферы бъ раздѣлялся
ію, — напиши;
олнцы въ путь свой покатились,
ци вкругъ ихъ планетъ;
›ха грады возносились,
›и царства, — и былъ свѣтъ.
рази мнѣ міръ сей новый
› младаго лѣтня дня;
›щи, холмы, башни, кровы,
›няго златясь огня,
›ка возстаютъ, блистаютъ
›ятся въ зерцало водъ;
ы чувства получаютъ
ется всѣхъ смертныхъ родъ.
ставь мнѣ лучезарны храмы
›овъ поющихъ ликъ,
›вонны ѳиміамы
›лака бъ носились въ нихъ;

И чтобъ Царевна умиленна,
Вперя свой взоръ на небеса,
Слезами зрѣлась окропленна,
Блистающими какъ роса.
Какъ съ синей крутизны эѳира
Лучамъ случится ниспадать:
Отъ Вседержителя такъ міра
Чтобъ къ Ней сходила благодать,
И въ видѣ счастія земнаго
Чтобъ сыпала предъ Ней цвѣты,
И купно вѣка бы драгаго
Катилися часы златы;
Чтобъ видѣлъ я въ рога зовущихъ
Тамъ пастуховъ стада на лугъ;
На рощахъ липовыхъ, цвѣтущихъ,
Рои жужжащихъ пчелъ вокругъ;
Шумя, младыхъ бы класовъ волны
Переливались вѣтеркомъ,
Граненыхъ бриліантовъ холмы
Въ слѣдъ сыпались за кораблемъ;
Чтобы съ ристалища мнѣ громы
И плески доходили въ слухъ,
И вихремъ всадники несомы
Поспѣшно бъ натягали лукъ,
И стрѣлу, къ облакамъ пущенну,
Пересѣкали бы другой;
И всю въ стязаньѣ бы вселенну
Я предъ Фелицей зрѣлъ младой;
И зрѣлъ бы я Ее на тронѣ
Сѣдящу въ утваряхъ царей,
Въ порфирѣ, бармахъ и коронѣ,
И взглядомъ вдругъ однимъ очей
Объемлющу моря и сушу,
Во всемъ владычествѣ своемъ,
Всему дающу жизнь и душу,
И управляющую всѣмъ;
Чтобъ свыше Ею вдохновенны
Мурзы, паши и визири,
Сѣдиной мудрости почтенны,
Въ диванѣ зрѣлись какъ цари;
Законъ бы свято сохраняли,
И по стезямъ бы правды шли,
Носить ей скипетръ пособляли,
И пользу общую блюли;
Она бъ предъ ними предсѣдала,
Какъ всемогущій Царь Царей,
Свои наказы подтверждала
Для благоденствія людей;
Рекла бъ: «Почто писать уставы,
Коль ихъ въ диванахъ не творятъ?

Развратные вельможей нравы —
Народа цѣлаго разврат.

«Вашъ долгъ Монарху, Богу, царству
Служить, и клятвой не играть;
Неправдѣ, злобѣ, мздѣ, коварству
Пути повсюду пресѣкать:
Пристрастный судъ разбоя злѣе;
Судьи враги, гдѣ спитъ законъ:
Предъ вами гражданина шея
Протянута безъ оборонъ».

Представь, чтобъ гласъ сей, свѣтозарный
Какъ лучъ съ небесъ, проникъ сердца,
Извлекъ бы слезы благодарны,
И всѣ монарха и отца
И Бога бы въ Фелицѣ зрѣли,
Который праведенъ и благъ;
Изъ устъ бы громы лишь гремѣли,
Которы у Нея въ рукахъ.

Содѣлай, чтобъ судебны храмы
Ея лугами обросли,
Вѣсы бы въ нихъ стояли прямы,
И рѣдко къ нимъ бы люди шли;
Чтобъ совѣсть всюду предсѣдала
И обнималася съ ней законъ;
Чтобъ милость истину лобзала,
И миру поставляла тронъ.

Представь, чтобъ всѣ Царевна средства
Въ пособіе себѣ брала,
Предупреждать народа бѣдства
И сохранять его отъ зла;
Чтобъ отворила всѣмъ дороги
Чрезъ почту письма къ ней писать;
Велѣла бы въ свои чертоги
Для объясненья допускать;

Какъ молнія, Ея бы взоры
Сверкали быстро въ небесахъ,
Проникнуть мысли были скоры
И въ самыхъ скрытнѣйшихъ сердцахъ;
Чтобъ издалече познавала
Она невиннаго ни въ чемъ;
Какъ ангелъ бы къ нему блистала
Благоволенія лицемъ.

Дерзни мнѣ кистію волшебной
Святилище изобразить,
Гдѣ взора смертныхъ удаленной
Благоволитъ Фелица быть;
Гдѣ тайна перстомъ помаваетъ
И на уста кладетъ печать;
Гдѣ благочестье предсѣдаетъ
И долгъ велитъ страстямъ молчать.

Представь Ее сблокоченну
На Зероастровъ истуканъ,
Смотрящу тамъ на всю вселенну,
На огнезвѣздный океанъ,
Вѣщающу: «О Ты, Превѣчный,
Который волею Своей
Колеса двигаешь быстротечны
Вратящейся природы всей!

«Когда Ты есть душа единна
Движенью сихъ огромныхъ тѣлъ:
То Ты жъ, конечно, и причина
И нравственныхъ народныхъ дѣлъ;
Тобою царства возрастаютъ,
Твое орудіе цари;
Тобой они и померцаютъ —
Какъ блескъ вечерніи зари.

«Наставь меня, міровъ Содѣтель!
Да, волѣ слѣдуя Твоей,
Тебя люблю и добродѣтель,
И зижду счастіе людей;
Да вѣкъ мой на дѣла полезны
И славу ихъ Я посвящу,
Самодержавства скипетръ желѣзный
Моей щедротой позлащу;

«Да удостоенна любови,
Надзрѣнія Твоихъ очесъ,
Чтобъ я за кажду каплю крови,
За всякую бы каплю слезъ
Народа моего пролитыхъ,
Тебѣ отвѣтствовать могла,
И чувствъ души моей сокрытыхъ
Тебя свидѣтелемъ звала.»

Представь, чтобъ тутъ кидала взо[р]
Со отвращеніемъ Она
На тѣ ужасны приговоры,
Гдѣ смерть написана, война,
Свинцова грифеля чертами,
И медленно съ трепета ихъ, —
И тутъ же горькими слезами
Смывала бы слова всѣ съ нихъ;

По милости бъ опредѣляла
Она съ сіяющимся лицемъ,
Златая бы струя сѣяла
За скоропишущимъ перомъ,
И проливала бы съ престолу
Въ несчетныхъ тысящахъ прохладъ

ъ ясный день съ крутыхъ горъ
долу,
тый съ шумомъ водопадъ;
бъ сей рѣкой благодѣяній
лась вся Ея страна;
ъ бы цѣпь пространныхъ зданій,
ользуетъ больныхъ Она,
ѣдныхъ пищей насыщаетъ,
рошенныхъ беретъ сиротъ,
къ лелѣетъ, возращаетъ,
росвѣщаетъ свой народъ.
дставь мнѣ, въ мысли восхищен-
ной,
ла бы съ небесъ Она;
солнце грудь, въ ткани зеленой,
метала сѣмена;
искры огненны, дождились
я бъ зерна въ снѣдь птенцамъ;
младые разбудились
крылялись бы къ лучамъ.
искуствомъ чудотворнымъ,
льды пріяли видъ лилей;
дыханьемъ теплотворнымъ
бы съ моря лебедей,
и бъ съ крикомъ вереницы,
ли бъ трубы съ облаковъ:
въ царство бы текли Фелицы
цы изъ чужихъ краевъ.
позабудь Ее представить,
вмѣсто алтарей, себѣ
великаго поставить
а на мольбу ордѣ;
всюду раздался клики
мы свѣта по конецъ:
сталъ намъ Зароастръ великій,
есъ отечества отецъ!»
образи и то въ картинѣ,
ь сей подобный грому кликъ,
змѣрной времени долинѣ,
будто бы катясь, затихъ:
цы къ славою удвоенъ,
чай въ потомствѣ возгласилъ:
икъ, кто алтарей достоинъ,
къ другому посвятилъ!»
едставь, сей славой возбужденны
ь зрѣть Ее царя пришли,
къ бы древле, удивленны,
ей Соломона вновь нашли;
дъ счастливый и блаженный
кой бы Ее нарекъ,
Поднесъ бы титлы Ей священны;
Она бъ рекла: «Я человѣкъ.»
Возвысь до облакъ лавръ зеленый,
И чтобъ онъ на поляхъ стоялъ;
Подъ нимъ бы, тѣнью прохлажден-
ный,
Спокойно исполинъ дремалъ;
Какъ мраморъ бѣла бъ грудь блистала,
Ланиты бы цвѣли зарей:
Фелица такъ бы услаждала
Полсвѣта подъ своей рукой;
И, здравіе его спасая,
Безъ ужаса пила бы ядъ;
Отъ твердости Ея смерть злая
Свой отвратила бъ смутный взглядъ;
Коса ея дала бы звуки,
Преткнувшись о великій духъ;
На небеса воздѣли бъ руки
Младенцевъ милліоны вдругъ;
Супруговъ чувства благодарны,
За оживленье ихъ дѣтей,
Какъ бы пылинки лучезарны
Огнистой отъ стекла струей
Отпрянувъ въ воздухѣ сверкали,
Являли пламень ихъ сердецъ:
«Мы зримъ въ Фелицѣ,» восклицали:
«Твое подобіе, Творецъ!»
Изобрази ты мнѣ Царевну
Еще и въ подвигахъ другихъ:
Стоглаву гидру разъяренну
И фуріевъ съ земель своихъ
Чтобы гнала Она геройски;
Какъ мать, своихъ спасала бъ чадъ;
Какъ Царь, на гордость двигла войски;
Какъ Богъ, свергала злобу въ адъ.
На сребролунно государство
Простри крылатый, сизый громъ;
Въ желѣзно-каменное царство
Брось молньи, — и поставь вверхъ
дномъ;
Орелъ царевнинъ бы ногою
Вверху рога луны сгибалъ,
Тогда лъ бы на землѣ другою
У гладна льва онъ зѣвъ сжималъ;
Чтобы Ея безстрашны войски,
Отъ колыбели до сѣдинъ,
Носили духъ въ себѣ геройскій,
И отрокъ, будто бъ исполинъ,
Врагамъ въ сраженіяхъ казался;
Ихъ плѣнникъ бы сказалъ о нихъ:

«Никто въ бою имъ не равнялся,
Кромѣ души великой ихъ.»
Чтобы вселенныя владыки
И всякъ ту истину узналъ:
Гдѣ войски Зороастръ великій
Образовалъ и учреждалъ,
И гдѣ великую въ нихъ душу
Великая Фелица льетъ, —
Тѣ войски горы, море, сушу
Пройдутъ,—и имъ препоны нѣтъ;
Чтобъ грозный полкъ ихъ представлялся
Какъ страшна буря въ-далекѣ,
И миръ въ порфирѣ приближался
Тогда бъ къ царевниной рукѣ;
Она бъ его облобызала
И вѣтвь его къ себѣ взяла;
«Да будетъ тишина!» сказала, —
И къ намъ бы тишина пришла;
Какъ ангелъ въ синевѣ эѳира
И милосердія въ лицѣ,
Со кротостью въ душѣ зефира,
Съ сіяньемъ тихимъ звѣздъ въ вѣнцѣ,
Благолюбивая бъ Царевна
Въ день зрѣлась мирна торжества;
Душа моя бы восхищенна
Была дѣлами Божества;
Изъ устъ Ея текла бы сладость
И утишала стонъ вдовицъ;
Изъ глазъ Ея блистала бъ радость
И освѣщала мракъ темницъ;
Рука Ея бы награждала
Прямыхъ отечества сыновъ;
Душа Ея въ себѣ прощала
Неблагодарныхъ и враговъ;
Пріятность бы сопровождала
Ея бесѣду, дружбу, власть;
Привѣтливость Ея равняла
Съ Монархомъ подданнаго часть;
Повсюду музы, въ восхищеньѣ,
Ей сыпали бъ цвѣты сердецъ,
И самое недоумѣнье
Ей плесковъ поднесло бъ вѣнецъ.
Черты одной красотъ Ей ложно
Блюдися приписать въ твой вѣкъ;
Представь, каковъ, коль только можно,
Богоподобный человѣкъ!
Исполнь Ее величествъ, власти,
Безсмертныхъ мудрости даровъ,
Вдохни, вдохни ей также страсти:
Щедроту, славу и любовь.
И славу моему ты взору
Ея представь, какъ бы въ ночи
Возженну бриллiантовъ гору,
Отъ коей бы лились лучи
И живо въ вѣчности играли:
На свѣтлу оной крутизну
Калифы многіе желали,
Ползли, скользили,—пали въ тину;
Какъ огненъ столпъ на понтѣ, в
ран
Къ горѣ сей колебался бъ путь;
Фелица бы внушала Хлорамъ:
«Тамъ розы безъ шиповъ растутъ;»
Мурза бъ въ восторгѣ, въ удивлен
Подъ золотымъ Ея щитомъ,
Въ татарскомъ упражнялся пѣньѣ
И восклицалъ открытымъ ртомъ:
«Бросай, кто хочетъ: остры стр
Отъ чистой совѣсти скользятъ;
Имѣя сердце, руки бѣлы,
Мнѣ стыдно льстить, стыднѣе лга
Того стыднѣе—въ дни блаженны
За истину страшиться зла:
Моей Царевной восхищенный,
Я лишь Ея пою дѣла.»
Но что, Рафаэль? что ты пишеш
Кого ты, гдѣ изобразилъ?
Не на холстѣ, не въ краскахъ дыш
И не металлъ ты оживилъ:
Я въ сердцѣ зрю алмазну гору:
На немъ божественны черты
Сіяютъ изступленну взору;
На немъ въ лучахъ—Фелица, Ты!

Державин

---

56. НА РОЖДЕНІЕ ВЪ СѢВЕ ПОРФИРОРОДНАГО ОТРОК

Съ бѣлыми Борей власами
И съ сѣдою бородой,
Потрясая небесами,
Облака сжималъ рукой;
Сыпалъ инеи пушисты
И мятели воздымалъ;
Налагая цѣпи льдисты,

: воды оковалъ.
ıрода содрогала
каго старика,
въ камень претворяла
ıя его рука.
ıи звѣри въ норы,
ıрылись въ глубинахъ,
е смѣли птичекъ хоры,
прятались въ дуплахъ.
ıли Нимфы съ скуки
пещеръ и камышей;
ıать Сатиры руки
ıлись вкругъ огней.
время, столь холодно,
ıорей былъ разъяренъ,
ı порфирородно
ıствѣ сѣверномъ рожденъ.
:я—и въ ту минуту
галъ ревѣть Борей;
ıхнулъ—и зиму люту
ıъ Зефиръ съ полей;
ıззрѣлъ—и солнце красно
ıлося къ веснѣ;
:кричалъ—и лиръ согласной
разнесся въ сей странѣ.
ıостеръ лишь дѣтски руки,
орфиру въ руки бралъ;
ıись громовы звуки,
сѣверъ возсіялъ.
ıѣлъ въ восхищеньи:
ренъ судебъ чертогъ;
малъ въ изумленьи:
родился нѣкій богъ!
къ нему слетѣли
тломъ облакѣ съ небесъ:
й геній къ колыбели
ıожденному принесъ:
ринесъ ему громъ въ руки
ıедбудущихъ побѣдъ;
:удожества, науки,
ающія свѣтъ;
ıбиліе, богатство;
іяніе порфиръ;
тѣхи и пріятство;
покойствіе и миръ;
ринесъ ему тѣлесну,
ушевну красоту;
ıливость тотъ небесну,
ь, духа высоту;
ıъ, всѣ ему блаженства
И таланты подаря,
Всѣ вліяли совершенства,
Составляющи царя;
Но послѣдній, добродѣтель
Зараждаючи въ немъ, рекъ;
Будь страстей твоихъ владѣтель,
Будь на тронѣ человѣкъ!
Всѣ крылами восплескали,
Каждый геній восклицалъ:
Се божественный, вѣщали,
Даръ младенцу онъ избралъ!
Даръ, всему полезный міру!
Даръ, добротамъ всѣмъ вѣнецъ!
Кто пріемлетъ съ нимъ порфиру,
Будетъ подданнымъ отецъ!
Будетъ—и судьбы гласили:
Онъ монархамъ образецъ!
Лѣсъ и горы повторили:
Утѣшеніемъ сердецъ!
Симъ Россія восхищенна,
Токи слезны пролила,
На колѣна преклоненна,
Въ руки отрока взяла;
Воспріявъ его, лобзаетъ
Въ перси, очи и уста,
Въ немъ геройство возрастаетъ,
Возрастаетъ красота;
Всѣ его ужъ любятъ страстно,
Всѣхъ сердца ужъ онъ возжегъ,
Возрастай, дитя прекрасно,
Возрастай, нашъ полубогъ!
Возрастай, уподобляясь
Ты Родителямъ во всемъ;
Съ ихъ ты Матерью сравняясь,
Соравняйся съ Божествомъ!

Державинъ.

---

57. НА КРЕЩЕНІЕ ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ ПАВЛОВИЧА.

Блаженная Россія!
Среди твоихъ чудесъ
Отъ высоты святыя
Еще залогъ Небесъ
Прими и веселися,
Сугубымъ блескомъ освѣтися!

Се нынѣ Духъ Господень
На отрока сошелъ;
Прекраснъ, благороденъ,
И какъ заря разцвѣлъ
Онъ въ пеленахъ лучами.
Дитя равняется съ Царями!
Родителямъ по крови,
По сану—неполинъ;
По благости, любови,
Полсвѣта Властелинъ:
Онъ будетъ, будетъ славенъ,
Душей Екатеринѣ равенъ!

Державинъ.

58. ПАМЯТНИКЪ.

Я памятникъ себѣ воздвигъ чудесный, вѣчный!
Металловъ тверже онъ и выше пирамидъ;
Ни вихрь его, ни громъ не сломитъ быстротечный,
И времени полетъ его не сокрушитъ.
Такъ! весь я не умру, но часть меня большая,
Отъ тлѣна убѣжавъ, но смерти станетъ жить,
И слава возрастетъ моя, не увядая,
Доколь Славяновъ родъ вселенна будетъ чтить.
Слухъ пройдетъ обо мнѣ отъ Бѣлыхъ водъ до Черныхъ,
Гдѣ Волга, Донъ, Нева, съ Рифея льетъ Уралъ;
Всякъ будетъ помнить то въ народахъ пересчетныхъ,
Какъ изъ безвѣстности я тѣмъ извѣстенъ сталъ,
Что первый я дерзнулъ въ забавномъ русскомъ слогѣ
О добродѣтеляхъ Фелицы возгласить;
Въ сердечной простотѣ бесѣдовать о Богѣ,
И истину Царямъ съ улыбкой говорить.
О Муза! возгордись заслугой справедливой,
И презритъ кто тебя, сама тѣхъ презирай;
Непринужденною рукой, не торопливой,
Чело свое зарей безсмертія вѣнчай.

Державинъ.

59. ЛЕБЕДЬ.

Необычайнымъ я пареньемъ
Отъ тлѣнна міра отдѣлюсь,
Съ душей безсмертною и пѣньемъ,
Какъ лебедь, въ воздухъ поднимусь.
Въ двоякомъ образѣ нетлѣнный,
Не задержусь въ вратахъ мытарствъ;
Надъ завистью превознесенный,
Оставлю подъ собой блескъ царствъ.
Да, такъ! Хоть родомъ я не славенъ;
Но, будучи любимецъ музъ,
Другимъ вельможамъ я не равенъ,
И самой смертью предпочтусь.
Не заключитъ меня гробница,
Средь звѣздъ не превращусь я въ прахъ,
Но, будто нѣкая цѣвница,
Съ небесъ раздамся въ голосахъ.
И се ужъ кожа, зрю, перната
Вкругъ стана обтягиваетъ мой;
Пухъ на груди, спина крылата;
Лебяжьей лоснюсь бѣлизной.
Лечу, парю—и подъ собою
Моря, лѣса, міръ вижу весь;
Какъ холмъ, онъ высится главою,
Чтобы услышать Богу пѣснь.
Съ Курильскихъ острововъ до Буга,
Отъ Бѣлыхъ до Каспійскихъ водъ,
Народы, свѣта съ полукруга,
Составившіе Россовъ родъ,
Со временемъ о мнѣ узнаютъ;
Славяне, Гунны, Скиѳы, Чудь,
И всѣ, что бранью днесь пылаютъ,
Покажутъ перстомъ, — и рекутъ:
«Вотъ тотъ летитъ, что, строя лиру,
Языкомъ сердца говорилъ,
И, проповѣдуя міръ міру,
Себя всѣхъ счастьемъ веселилъ.»
Прочь съ пышнымъ, славнымъ погребеньемъ.
Друзья мои! хоръ музъ, не пой!—
Супруга! облекись терпѣньемъ!
Надъ мнимымъ мертвецомъ не вой.

Державинъ.

ПРИГЛАШЕНІЕ КЪ ОБѢДУ.

ска стерлядь золотая,
ь и борщъ уже стоятъ,
инахъ вина, пуншъ, блистая
мъ, то искрами, манятъ;
льницъ благовонья льются,
среди корзинъ смѣются,
отъ слуги и дохнуть;
тола вкругъ ожидая,
а статная, младая,
руку протянуть.
ди, мой благодѣтель давный,
ъ чрезъ двадцать лѣтъ добра!
,—и домъ, хоть непарядный,
ѣзьбы, злата и сребра,
осѣти: его богатство—
ный только вкусъ, опрятство,
рдый мой, нельстивый нравъ.
отъ дѣлъ попрохладиться,
ъ, попить, повеселиться,
вредныхъ здравію приправъ.
чинъ, не случай и не знатность,—
сскій мой простой обѣдъ
лъ,—одну благопріятность;
ъ, кто дѣлаетъ мнѣ вредъ,
шки сей не будетъ зритель.
пгелъ мой, благотворитель!
и, и наслади́ся благъ;
жій духъ да отженется,
ъ пороговъ не коснется
й недоброхотный шагъ!
узьямъ моимъ я посвящаю,
ьямъ и красотѣ сей день;
омнствамъ я цѣну знаю,
аю то, что вѣкъ нашъ—тѣнь;
лишь младенчество проводимъ,
ко старости приходимъ,
ерть къ намъ смотритъ чрезъ заборъ:

! то какъ не умудриться,
, разъ цвѣтами не увиться
оставить мрачный взоръ?
ыхалъ, слыхалъ я тайну эту,
иногда груститъ и Царь;
очь, ни день покоя нѣту,
мъ вся покойна тварь.
онъ громкой славой знатенъ,
омъ II.

Но, ахъ! и тронъ всегда ль пріятенъ
Тому, кто вѣкъ свой въ хлопотахъ?
Тутъ зритъ обманъ, тамъ зритъ упадокъ:
Какъ бѣдный часовой тотъ жалокъ,
Который вѣчно на часахъ!
И такъ доколь еще ненастье
Не помрачитъ красныхъ дней,
И приголубливаетъ счастье
И гладитъ насъ рукой своей;
Доколѣ не пришли морозы,
Въ саду благоухаютъ розы,—
Мы поспѣшимъ ихъ обонять.
Такъ! будемъ жизнью наслаждаться;
И тѣмъ, чѣмъ можемъ, утѣшаться,—
По платью ноги протягать.
А если ты, иль кто другіе
Изъ званыхъ милыхъ мнѣ гостей,
Чертоги предпочтя златые
И яства сахарны царей,
Ко мнѣ не сряднтесь откушать,—
Извольте мой вы толкъ прослушать:
Блаженство не въ лучахъ порфиръ,
Не въ вкусѣ яствъ, не въ пѣгѣ слуха,
Но въ здравьи и спокойствѣ духа.
Умѣренность есть лучшій пиръ.

Державинъ.

---

61. ПОСЛѢДНІЕ СТИХИ ДЕРЖАВИНА.

Рѣка временъ въ своемъ стремленьи
Уноситъ всѣ дѣла людей,
И топитъ въ пропасти забвенья
Народы, царства и царей.
И если что и остается
Чрезъ звуки лиры и трубы,
То вѣчности жерломъ пожрется—
И общей не уйдетъ судьбы.

---

62. РАЗМЫШЛЕНІЕ ПО СЛУЧАЮ ГРОМА.

Гремитъ!.... благоговѣй, сынъ персти!
Се Ветхій деньми съ небеси
Изъ кроткой, благотворной длани
Перуны сѣетъ по земли!—

Всесильный! съ трепетомъ младенца
Цѣлую я священный край
Твоей молніецвѣтной ризы,
И—исчезаю предъ Тобой!
Что человѣкъ? паритъ-ликъ солнцу,
Смиренно-ль идетъ по земли:
Увы! тамъ умъ его блуждаетъ,
А здѣсь стопы его скользятъ.
Подъ мракомъ въ океанѣ жизни
Пловецъ на утлой ладіѣ,
Отдавши руль слѣпому року,
Онъ спитъ—и мчится на скалу!
Ты дхнешь—и двигнешь океаны!
Речешь—и вспять они текутъ:
А мы!.... одной волной подъяты,
Одной волной поглощены!
Вся наша жизнь, о Безначальный!
Предъ тайной вѣчностью Твоей
Едва минутное мечтанье,
Лучъ блѣдный утренней зари.

И. Дмитріевъ.

---

63. ГИМНЪ БОГУ.

Не видъ-ли Божества временъ круговращенье?
Творецъ! Тебя гласитъ Тобою полный годъ!
Въ веснѣ Твоя любовь, краса, возобновленье:
Воскреснули поля, цвѣтетъ лазурный сводъ,
Звучащіе холмы одѣты красотою,
И сердце растворилъ любови тихій жаръ!
Ты въ лѣтѣ, окруженъ и зноемъ и грозою,
Грядешь, Блистательный, неся намъ зрѣлость въ даръ!
Изъ тучей гласъ даешь стозвучными громами!
Съ денницей, въ ярый зной, въ вечерній тихій часъ,
Съ дыханіемъ дубравъ, съ шумящими ручьями,
Не Твой-ли къ намъ летитъ любови полный гласъ?
Ты въ осень общій пиръ готовишь для творенья!
И въ зиму, грозный Богъ, на бурныя облакахъ,
Во ужасъ облеченъ, съ бичемъ опустошенья,
Паришь, погибельный — какъ долы гонишь прахъ,
И вьюгу, и мятель, и вихорь предъ собою!
Въ развалинахъ земля! Природы страшенъ видъ!
И міръ, оцѣпенѣвъ предъ Сильною рукою,
Хвалебнымъ трепетомъ Творца благо вѣститъ!
Таинственная цѣпь! какая дивна сила
Сплела въ ней красоту съ чудесною простотой,
Великолѣпіемъ созданье озарила,
Слила со тьмою свѣтъ, съ движеніемъ покой,
Съ неизмѣняемымъ единствомъ измѣненье!
Почто-жъ ты, человѣкъ, слѣпецъ среди чудесъ?
Признай окрестъ себя Руки напечатлѣнье,
Отъ вѣка правящей теченіемъ небесъ,
И ликомъ мирныхъ сферъ изъ тьмы недостижимой!
Они весной красу низводятъ на поля!
Предъ Нею дымъ скалы, перунами дробимой!
Предъ Нею въ трепетѣ веселія земля!
Воздвигнись, спящій міръ! внуши мой гласъ, созданье!
Да грянетъ наша пѣснь Чудеснаго дѣлавъ!
Сліянные въ хвалу, сліяны въ обожанье,
Да гимнъ вашъ потрясетъ небесъ огромный храмъ!
Журчи къ Нему любовь подъ тихой сѣнью лѣса,
Порхая полистамъ, душистый вѣтерокъ!
Вы, ели, наклонясь съ сѣдой главы утеса
На свѣтлый, о скалу біющійся потокъ,
Бесѣдуйте о Немъ таинственною мглою!
О Немъ благовѣсти, крылатыхъ бурей свистъ,

і гремятъ брега, дробимые волною,
ованный съ лѣсовъ крутится клу-
бомъ листъ!
й, невидимо журчащій подъ ду-
бравой,
ьсистой крутизны ревущій водо-
падъ,
блестящая средь дебри величаво,
талломъ отразивъ на брегѣ пыш-
ный градъ,
, обитель чудъ, бездонная пучина,
мте пѣснь Тому, чей бурь звуч-
нѣйшій гласъ
гъ—и зыбь горъ! велитъ—и зыбь
равнина!
лаки, вы, цвѣты, лети къ Нему отъ
васъ
ебное съ полей, съ луговъ благо-
уханье!
алъ вамъ ароматъ, Онъ васъ кро-
пилъ росой!
радужныхъ лучей соткалъ вамъ
одѣянье!
ъ нимъ утихни, долъ! поникни,
боръ, главой!
сатва, трепещи на нивѣ ожив-
ленной,
ая шорохомъ мечтателя своимъ,
а онъ, при лунѣ, вдоль рощи ос-
ребренной,
ь задумчивый, и тѣнь во слѣдъ за
нимъ!
, по облакамъ разлей струи златыя,
и дебрь, и холмъ, и лѣсъ въ ту-
манѣ спятъ!
здій ликъ, сіяй средь тверди го-
лубыя,
і струнами лиръ таинственныхъ
звучатъ
іаменные мольбою Серафимы!
свѣтило дня, смиритель бурныхъ
тучъ,
щедростію ликъ Творца боготво-
римый!
живописуй хвалу твой каждый
лучъ!
имъ....Владыки гласъ!....Безмолв-
ствуй, міръ смятенный!
і.... изъ края въ край, по тучамъ
гулъ гремитъ,
Скала раздроблена, дымится дубъ сра-
женный,
И гимнъ торжественный чрезъ дебри
вдаль паритъ!
Утихъ.... красуйся, лугъ! привѣтствен-
ное пѣнье,
Изникни изъ лѣсовъ! и ты, любовь ве-
сны—
Лишь полночь принесетъ пернатымъ
усыпленье,
И тихій отъ холма возстанетъ рогъ
луны—
Воркуй подъ сѣнію дубравной, Фило-
мела!
А ты, глава земли, творенія краса,
Наслѣдникъ Ангеловъ превыспреннихъ
удѣла!
Сочти, восторженный, созданій чу-
деса,
И въ гимнѣ вознесись горѣ, воспламе-
ненный!
Сердца, сліянны въ пѣснь, летите къ
небесамъ!
Да грады восшумятъ, мольбами огла-
шенны!
Да въ храмахъ съ алтарей возстанетъ
ѳиміамъ!
Да грянутъ съ звономъ лиръ и съ ли-
ками органы!
Да въ селахъ, по горамъ, и въ сумракѣ
лѣсовъ,
И пастыря свирѣль, и юныхъ дѣвъ
тимпаны,
И звучные рога, и шумный гласъ пѣв-
цовъ
Единъ составятъ хоръ, и гулъ отгря-
нетъ: слава!
Будь каждый звукъ хвала, будь каж-
дый холмъ алтарь!
Будь храмомъ каждая сѣнистая дубрава,
Гдѣ, мнится, въ тайной мглѣ, сокрытъ
природы царь,
И вѣютъ въ вѣтеркахъ душистыхъ Се-
рафимы,
И гдѣ, возведши взоръ на свѣтлый не-
ба сводъ,
Сквозь зыблемую сѣть древесныхъ сѣ-
ней зримый,
Пѣвецъ въ задумчивомъ восторгѣ слезы льетъ!

А я, животворимъ созданья красотою,
Забуду-ли когда хвалебный гласъ мольбы?
О Неиспытанный! мой пламень предъ Тобою!
Куда-бъ ни привела рука Твоей Судьбы,
Найду-ли тишину подъ отческою сѣнью,
Безпечный другъ полей, возлюбленныхъ въ кругу,
Тебя—и въ знойной день, покрытый рощи тѣнью,
И въ ночь, задумчивый, потока на брегу,
И въ обиталищахъ страданія забвенныхъ,
Гдѣ бѣдность и недугъ, гдѣ рокъ напечатлѣлъ
Отчаянья клеймо на лицахъ искаженныхъ,
Куда-бъ, влекомъ Тобой, съ отрадой я летѣлъ,
И въ часъ торжественный полночнаго видѣнья,
Какъ струны, пробудясь, отвѣтствуютъ перстамъ,
И духъ воспламененъ восторгомъ пѣснопѣнья —
Тебя велю искать и сердцу и очамъ!
Постигнешь-ли меня гоненія рукою —
Тебя-жъ благословитъ тоски молящій гласъ,
Тебя-же обрѣту подъ грозной жизни мглою!
Ахъ! скоро-ль прилетитъ послѣдній, скорбный часъ,
Конца и тишины желанный возвѣститель?
Промчись, печальная невѣдѣнія тѣнь!
Откройся, тайный брегъ, утраченныхъ обитель!
Откройся, мирная, отеческая сѣнь!

Жуковскій.

64. БИБЛІЯ.

Кто сердца не питалъ, кто не былъ восхищенъ
Сей книгой, отъ небесъ Евреямъ вдохновенной!
Ея божественнымъ огнемъ воспламененъ,
Полночный нашъ Давидъ на лирѣ обновленной
Пророческую пѣснь псалтыри пробуждалъ—
И сѣверъ дивному пѣвцу рукоплескалъ.
Тамъ, тамъ, гдѣ цвѣлъ Эдемъ, на брегѣ Іордана,
На гордыхъ высотахъ сѣнистаго Ливана,
Живетъ восторгъ; туда, туда спѣшитъ, пѣвецъ;
Тамъ міръ въ младенчествѣ предстанетъ предъ тобою,
Помощный, мыслію сопутствуемъ одною,
Въ чудесномъ торжествѣ творенія Творецъ....
И слова дивнаго прекрасное рожденье,
Се первый человѣкъ; вкусилъ минутный сонъ—
Подругу сладкое даруетъ пробужденье.
Уже съ невинностью блаженство тратитъ онъ.
Поверженъ праведникъ — о грозный Богъ! о мщенье!
Се воды хлынули.... земли преступной нѣтъ,
Одинъ, путеводимъ Предвѣчнаго очами,
Возносится ковчегъ надъ бурными валами,
И въ ней съ надеждою таится юный свѣтъ.
Вы, пастыри, вожди племенъ благословенныхъ,
Іаковъ, Авраамъ, восторженный всѣ взглядъ
Васъ любитъ обрѣтать, могущихъ и смиренныхъ,
Въ родительскихъ патрахъ, среди пушмящихъ стадъ:
Сколь вашей простоты величіе плѣняетъ!
Сколь на востокѣ намъ вашъ славный слѣдъ сіяетъ!....
Не ты-ли, тихій гробъ Рахили, предмной?....
По сынъ ея зоветъ меня ко брегу Нил
Напрасно злобы сѣть невинному грозила;
Живъ Богъ—и онъ спасенъ. О! сладкія съ тобой,

Прелестный юноша, мы слезы проливали.
И нѣтъ тебя... увы, на чуждыхъ берегахъ
Сыны Израиля въ гоненіи, въ цѣпяхъ
Скорбятъ.... но небеса склонились къ ихъ печали.
Кто ты, спокойное дитя, средь шумныхъ волнъ?
Онъ, онъ, Евреевъ щитъ, ихъ плѣна разрушитель!
Спѣши, о дщерь царей, спасай чудесный челнъ,
Да не дерзнетъ къ нему приблизиться губитель—
Въ сей колыбели скрытъ Израиля предѣлъ.
Раздвинься, море.. пой, Израиль, искупленье!
Синай, не ты-ли день завѣта въ страхѣ зрѣлъ?
Не на-твою-ль главу, дрожащую въ смятеньѣ,
Гремящимъ облакомъ Егова низлетѣлъ?
Реку-ль — и дивный столпъ, въ день мрачный, въ ночь горящій,
И изумленную пустыню отъ чудесъ,
И солнце, ставшее незапно средь небесъ,
И Руѳь, и отъ руки Самсона храмъ дрожащій,
И дѣву юную, которая въ слезахъ,
Среди младыхъ подругъ, на отческихъ горахъ,
О жизни сѣтуя, два мѣсяца бродила?....
Но что? рука Судей Израиль утомила!
.....
Саулъ помазанъ—палъ и пастырю вѣнецъ;
Отъ племени его народовъ Искупитель;
И воину-царю наслѣдникъ царь-мудрецъ.
Гдѣ вы, Левиты? Ждетъ божественный строитель!
Стеклись.... о торжество! храмъ вѣчный заложенъ.
Но что? ужъ десяти во градѣ нѣтъ колѣнъ!....
Падите, идолы! разсыпьтесь въ прахъ, *божницы:*
Се въ блескѣ Илія на небо воспарилъ:..
Иду подъ вашу сѣнь, Товія, Рагуилъ..
Се мужи Промысла, Предвѣчнаго зѣницы;
Грядущія лѣта какъ прошлыя для нихъ —
И въ часъ показанный народы исчезаютъ.
Увы, Сидонъ! на вѣкъ подъ пепломъ ты утихъ!....
Какія вопли токъ Эвфрата возмущаютъ?
Ты, плакавшій въ плѣну, на вражескихъ брегахъ,
Іуда, ободрись; восходитъ день спасенья!
Смотри: сія рука, разитель преступленья,
Несетъ тирану казнь, другимъ тиранамъ въ страхъ.
Сіонъ, восторжествуй свиданье съ племенами;
Се Эздра Маккавей съ могущими сынами;
И се Младенецъ—Богъ, Мессія въ пеленахъ.

Жуковскій.

---

65. ПѢВЕЦЪ ВО СТАНѢ РУССКИХЪ ВОИНОВЪ

ПѢВЕЦЪ.

На полѣ бранномъ тишина,
Огни между шатрами;
Друзья, здѣсь свѣтитъ намъ луна,
Здѣсь кровъ небесъ надъ нами.
Наполнимъ кубокъ круговой!
Дружнѣе! руку въ руку!
Запьемъ виномъ кровавый бой
И съ падшими разлуку.
Кто любитъ видѣть въ чашахъ дно,
Тотъ бодро ищетъ боя....
О всемогущее вино,
Веселіе героя!

ВОИНЫ.

Кто любитъ видѣть въ чашахъ дно,
Тотъ бодро ищетъ боя....

О всемогущее вино,
Веселіе героя!

ПѢВЕЦЪ.

Сей кубокъ чадамъ древнихъ лѣтъ!
Вамъ слава, наши дѣды!
Друзья, уже могущихъ нѣтъ;
Ужъ нѣтъ вождей побѣды;
Ихъ домы вихорь разметалъ;
Ихъ гробы срыли плуги;
И пламень ржавчины сожралъ
Ихъ шлемы и кольчуги.
Но духъ отцевъ воскресъ въ сынахъ;
Ихъ поприще предъ нами....
Мы тамъ найдемъ ихъ славный прахъ
Съ ихъ славными дѣлами.
Смотрите, въ грозной красотѣ,
Воздушными полками,
Ихъ тѣни мчатся въ высотѣ
Надъ нашими шатрами....
О Святославъ, бичъ древнихъ лѣтъ,
Се твой полетъ орлиной.
«Погибнемъ! мертвымъ срама нѣтъ!»
Гремитъ передъ дружиной.
И ты, невѣрныхъ страхъ, Донской,
Съ четой двухъ сопленныхъ,
Летишь погибельной грозой
На рать иноплеменныхъ.
И ты, нашъ Петръ, въ толпѣ вождей.
Внимайте кличъ: Полтава!
Орды пришельца снѣдь мечей,
И міръ взываетъ: слава!
Давно ль, о хищникъ, пожралъ
Ты взоромъ наши грады?
Бѣги! твой конь и всадникъ палъ;
Твой слѣдъ—костей громады;
Бѣги! и стыдъ и страхъ сокрой
Въ лѣсу съ твоимъ Сарматомъ;
Отчизны врагъ сопутникъ твой;
Злодѣй владыкѣ братомъ.
Но кто сей рьяный великанъ,
Сей витязь полуночи?
Друзья, на спящій вражій станъ
Вперилъ онъ страшны очи;
Его завидя въ облакахъ,
Шумящимъ, смутнымъ роемъ
На снѣжныхъ Альповъ высотахъ
Взлетѣли тѣни съ воемъ;
Блѣднѣетъ Галлъ, дрожитъ Сарматъ
Въ шатрахъ отъ гнѣвныхъ взоровъ....
О горе! горе, сопостатъ!
То грозный нашъ Суворовъ.
Хвала вамъ, чада прежнихъ лѣтъ,
Хвала вамъ, чада славы!
Дружиной смѣлой вамъ во слѣдъ
Бѣжимъ на пиръ кровавый;
Да мчится вашъ побѣдный строй
Предъ нашими орлами;
Да сѣчетъ, нанъ предтеча въ бой,
Погибель надъ врагами;
Наполнимъ кубокъ! мечъ во длань!
Внимай намъ, вѣчный Мститель!
За гибель—гибель, брань—за брань,
И казнь тебѣ, губитель!

ВОИНЫ.

Наполнимъ кубокъ, мечъ во длань!
Внимай намъ, вѣчный Мститель!
За гибель—гибель, брань—за брань,
И казнь тебѣ, губитель!

ПѢВЕЦЪ.

Отчизнѣ кубокъ сей, друзья,
Страна, гдѣ мы впервые
Вкусили сладость бытія,
Поля, холмы родные,
Роднаго неба милый свѣтъ,
Знакомые потоки,
Златыя игры первыхъ лѣтъ
И первыхъ лѣтъ уроки,
Что вашу прелесть замѣнитъ?
О родина святая,
Какое сердце не дрожитъ,
Тебя благословляя?
Тамъ все—тамъ родныхъ милый домъ;
Тамъ наши жены, чада;
О насъ ихъ слезы предъ Творцомъ;
Мы жизни ихъ ограда;
Тамъ дѣвы—прелесть нашихъ дней,
И сонмъ друзей безцѣнный,
И Царскій тронъ, и прахъ Царей,
И предковъ прахъ священный.
За нихъ, друзья, всю нашу кровь!
На вражьи грянемъ силы:
Да въ чадахъ къ родинѣ любовь
Зажгутъ отцевъ могилы.

ВОИНЫ.

За нихъ, за нихъ всю нашу кровь!
На вражьи грянемъ силы:

(а въ чадахъ къ родинѣ любовь
Зажгутъ отцевъ могилы.

ПѢВЕЦЪ.

'ебѣ сей кубокъ, Русскій Царь!
Цвѣти Твоя держава;
вященный тронъ Твой намъ алтарь;
Предъ нимъ обѣтъ нашъ: слава.
(е измѣнимъ; мы отъ отцевъ
Пріяли вѣрность съ кровью:
Царь, здѣсь сонмъ Твоихъ сыновъ;
Къ Тебѣ горимъ любовью;
ашъ каждый ратникъ Славянинъ;
Всѣ долгу здѣсь послушны;
ѣжитъ предатель сихъ дружинъ
И чуждъ имъ малодушный.

ВОИНЫ.

е измѣнимъ; мы отъ отцевъ
Пріяли вѣрность съ кровью;
Царь, здѣсь сонмъ твоихъ сыновъ,
Къ тебѣ горимъ любовью.

ПѢВЕЦЪ.

ей кубокъ ратнымъ и вождямъ!
Въ шатрахъ, на полѣ чести,
жизнь, и смерть — все пополамъ;
Тамъ дружество безъ лести,
ышмость, правда, простота,
И нравовъ непритворство,
смѣлость — бранныхъ красота,
И твердость и покорство.
рузья, мы чужды низкихъ узъ;
Къ вѣнцамъ стезею правой!
ласность — твердый нашъ союзъ;
Одной пылаемъ славой.
отъ нашъ, кто первый въ бой летитъ,
На гибель сопостата,
го слабость падшаго щадитъ,
И грозно мститъ за брата;
ъ взоромъ жизнь даетъ полкамъ;
Онъ махомъ мощной длани
съ мчитъ во срѣтенье врагамъ,
Въ средину шумной брани;
у веселье битвы гласъ;
Спокоенъ подъ громами;
ъ свой послѣдній видитъ часъ
Безстрашными очами.
ала тебѣ, нашъ добрый вождь,
Герой подъ сѣдинами!
Какъ юный ратникъ, вихрь, и дождь,
И трудъ онъ дѣлитъ съ нами.
О, сколь съ израненнымъ челомъ
Предъ строемъ онъ прекрасенъ!
И сколь онъ хладенъ предъ врагомъ,
И сколь врагу ужасенъ!
О диво! се орелъ пронзилъ
Надъ нимъ небесъ равнины....
Могущій вождь главу склонилъ;
Ура! кричатъ дружины.
Лети ко прадѣдамъ, орелъ,
Пророкомъ славной мести!
Мы тверды: вождь нашъ перешелъ
Путь гибели и чести;
Съ нимъ опытъ, сынъ труда и лѣтъ;
Онъ бодръ и съ сѣдиною;
Ему знакомъ побѣды слѣдъ....
Довѣренность къ герою!
Нѣтъ, други, нѣтъ! не предана
Москва на расхищенье;
Тамъ стѣны.... въ Россахъ вся она;
Мы здѣсь—и Богъ нашъ мщенье.
Хвала сподвижникамъ—вождямъ!
Ермоловъ, витязь юный,
Ты ратнымъ братъ, ты жизнь полкамъ,
И страхъ твои перуны.
Раевскій, слава нашихъ дней,
Хвала! передъ рядами
Онъ первый грудь противъ мечей
Съ отважными сынами.
Нашъ Милорадовичъ, хвала!
Гдѣ онъ промчался съ бранью,
Тамъ, мнится, смерть сама прошла
Съ губительною дланью.
Нашъ Витгенштейнъ, вождь-герой,
Петрополя спаситель,
Хвала!... Онъ щитъ странѣ родной,
Онъ хищныхъ истребитель.
О сколь величественный видъ,
Когда передъ рядами,
Одинъ, склонясь на твердый щитъ,
Онъ грозными очами
Блюдетъ противниковъ полки,
Имъ гибель устрояетъ,
И вдругъ.... движеніемъ руки
Ихъ сонмы разсыпаетъ.
Хвала тебѣ, Славянъ любовь,
Нашъ Коновницынъ смѣлый!....
Ничто ему толпы враговъ,
Ничто мечи и стрѣлы;

Предъ нимъ, за нимъ перунъ гремитъ,
И пышетъ пламень боя....
Онъ веселъ, онъ на гибель зритъ
Съ спокойствіемъ героя;
Себя забылъ.... однимъ врагамъ
Готовитъ истребленье;
Примѣръ и ратнымъ и вождямъ
И смѣлымъ удивленье.
Хвала нашъ вихорь—атаманъ!
Вождь невредимыхъ, Платовъ!
Твой очарованный арканъ
Гроза для сопостатовъ.
Орломъ шумишь по облакамъ,
По полю волкомъ рыщешь,
Летаешь страхомъ въ тылъ врагамъ,
Бѣдой имъ въ уши свищешь;
Они лишь къ лѣсу—ожилъ лѣсъ,
Деревья сыплютъ стрѣлы;
Они лишь къ мосту—мостъ исчезъ;
Лишь къ селамъ—пышутъ селы.
Хвала, нашъ Несторъ—Бенингсонъ!
И вождь и мужъ совѣта,
Блюдетъ враговъ не дремля онъ,
Какъ змій орелъ съ полета.
Хвала нашъ Остерманъ—герой,
Въ часъ битвы ратникъ смѣлый!
И Тормасовъ, летящій въ бой,
Какъ юнона веселый!
И Багговутъ, среди громовъ,
Средь копій безмятежный!
И Дохтуровъ, гроза враговъ,
Къ побѣдѣ вождь надежный!
Нашъ твердый Воронцовъ, хвала!
О други, сколь смутилась
Вся рать Славянъ, когда стрѣла
Въ безстрашнаго вонзилась;
Когда полмертвъ, окровавленъ,
Съ потухшими очами,
Онъ на щитѣ былъ изнесенъ
За ратный строй друзьями.
Смотрите.... язвой роковой
Къ постелѣ пригвожденный,
Онъ страждетъ, братскою толпой
Увѣчныхъ окруженный.
Ему возглавье бранный щитъ;
Незыблемый въ мученьѣ,
Онъ съ яснымъ взоромъ говоритъ:
«Друзья, бѣдамъ презрѣнье!»
И въ ихъ сердцахъ героя рѣчь
Веселье пробуждаетъ,
И, оживясь, до полы мечъ
Рука ихъ обнажаетъ.
Спѣши жъ, о витязь нашъ! воспрянь;
Ужъ ангелъ истребленья
Горѣ подъялъ ужасну длань,
И близокъ часъ отмщенья.
Хвала, Щербатовъ, вождь младой!
Среди грозы военной,
Друзья, онъ сѣтуетъ душой
О тратѣ незабвенной.
О витязь, ободрись.... она
Твой спутникъ невидимый,
И ею свыше знамена
Дружинъ твоихъ хранимы.
Любви и скорби оживить
Твои для мщенья силы:
Рази дерзнувшихъ возмутить
Покой ея могилы.
Хвала, нашъ Палепъ, чести сынъ!
Какъ бурею носимый,
Вездѣ впреди своихъ дружинъ
Разитъ, неотразимый.
Нашъ смѣлый Строгоновъ, хвала!
Онъ жаждетъ чистой славы;
Она изъ мира увлекла
Его на путь кровавый....
О храбрыхъ сонмъ, хвала и честь!
Свершайте истребленье,
Отчизна къ вамъ взываетъ: месть!
Вселенная: спасенье!
Хвала безтрепетнымъ вождямъ!
На коняхъ окрыленныхъ
По доламъ скачутъ, по горамъ
Во слѣдъ враговъ смятенныхъ;
Днемъ мчатся строй на строй; въ ночи
Страшатъ какъ привидѣнья;
Блистаютъ смертью ихъ мечи;
Отъ стрѣлъ ихъ нѣтъ спасенья;
По всѣмъ разсыпаны путямъ;
Невидимы и зримы;
Сломили здѣсь, сражаютъ тамъ;
И всюду невредимы.
Нашъ Фигнеръ старцемъ въ станъ враговъ
Идетъ во мракѣ ночи;
Какъ тѣнь прокрался вкругъ шатровъ,
Все зрѣли быстры очи....
И станъ еще въ глубокомъ снѣ,
День свѣтлый не проглянулъ—
А онъ ужь витязь на конѣ,

ке съ дружиной грянулъ.
инъ—гдѣ ни пролетитъ
ъ крылатыми полками:
рошенъ въ прахъ и мечъ, и щитъ,
устланъ путь врагами.
ивъ, пламенный боецъ!
нъ вихремъ въ бой кровавый;
мирѣ счастливый пѣвецъ
ина, любви и славы.
евъ скокомъ черезъ ровъ
летомъ на стремнину;
тъ взглядомъ Чернышовъ
а мечъ и громъ дружину;
ъ отважностью орелъ;
мчитъ грозу ударовъ,
дымъ и огнь, по грудамъ тѣлъ,
ь среду враговъ Кайсаровъ.

ВОИНЫ.

Славянъ, хвала и честь!
вершайте истребленье;
а къ вамъ взываетъ: месть!
селенная: спасенье!

ПѢВЕЦЪ.

, кипящій кубокъ сей
ождямъ, сраженнымъ въ боѣ.
е придутъ въ сонмъ друзей;
е станутъ въ ратномъ строѣ;
ія врага ихъ грозный ликъ
е будетъ вѣстникъ мщенья;
омчитъ ихъ мощный кликъ
ружину въ пылъ сраженья;
разденъ мечъ; безмолвенъ щитъ;
хъ ратники унылы;
ъ могучихъ конь стоитъ
изъ тихой ихъ могилы.
льневъ нашъ, рушитель силъ,
вирѣпый пламень брани?
лъ—главу на щитъ склонилъ,
стиснулъ мечъ во длани.
изнь судьба ему дала,
имъ брань его сразила;
ыбель его была,
имъ днесь его могила.
его послѣдній часъ:
ь молитвою священной
й матери, угасъ
ерой нашъ незабвенной.
Кутайсовъ, вождь младой....

Гдѣ прелести? гдѣ младость!
Увы! онъ видомъ и душой
Прекрасенъ былъ какъ радость.
Въ бронѣ ли, грозный, выступалъ—
Бросали смерть перуны;
Во струны ль арфы ударялъ—
Одушевлялись струны....
О горе! вѣрный конь бѣжитъ
Окровавленъ изъ боя;
На немъ его разбитый щитъ....
И нѣтъ на немъ героя.
И гдѣ же твой, о витязь, прахъ?
Какою взятъ могилой?....
Пойдетъ прекрасная въ слезахъ
Искать, гдѣ пепелъ милой....
Тамъ чище ранняя роса,
Тамъ зелень ароматнѣй,
И сладостнѣй цвѣтовъ краса,
И свѣтлый день пріятнѣй;
И тихій духъ твой прилетитъ
Изъ таинственной сѣни;
И трепетъ сердца возвѣститъ
Ей близость дружней тѣни.
И ты.... и ты, Багратіонъ?....
Вотще друзей молитвы,
Вотще ихъ плачъ.... во гробѣ онъ,
Добыча лютой битвы.
Еще дружинъ надежда въ немъ;
Все минятъ: съ одра возстанетъ;
И робко шепчетъ врагъ съ врагомъ:
«Увы, намъ! скоро грянетъ.»
А онъ.... на вѣки взоръ смежилъ,
Рѣшитель бранныхъ споровъ;
Онъ въ область храбрыхъ воспарилъ,
Къ тебѣ, отецъ-Суворовъ.
И честь вамъ, падшіе друзья!
Ликуйте въ горней сѣни;
Тамъ ваша вѣрная семья —
Вождей минувшихъ тѣни.
Хвала вамъ будетъ оживлять
И позднихъ лѣтъ бесѣды.
«Отъ нихъ учитесь умирать!»
Такъ скажутъ внукамъ дѣды.
При вашемъ имени вскипитъ
Въ вождѣ ретивомъ пламя;
Онъ на твердыню съ нимъ взлетитъ,
И водрузитъ тамъ знамя.

ВОИНЫ.

При вашемъ имени вскипитъ

Въ вождѣ ретивомъ пламя;
Онъ на твердыню съ нимъ взлетитъ,
И водрузитъ тамъ знамя.

ПѢВЕЦЪ.

Сей кубокъ мщенью! други, въ строй!
И къ небу грозны длани!
Сразить иль пасть! нашъ роковой
Обѣтъ предъ Богомъ брани.
Вотще, о врагъ, изъ тьмы племенъ
Ты зиждешь ополченья:
Они бѣгутъ твоихъ знаменъ,
И жаждутъ низложенья.
Сокровищъ нѣтъ у насъ въ домахъ;
Тамъ стрѣлы и кольчуги;
Мы села въ пепелъ, грады въ прахъ,
Въ мечи — серпы и плуги.
Злодѣй! онъ лестью приманилъ
Къ Москвѣ свои дружины;
Онъ низкимъ миромъ намъ грозилъ
Съ кремлевскія вершины.
«Пойду по стогнамъ съ торжествомъ!
Пойду.... и все восплещетъ!
И въ прахъ падутъ съ своимъ Царемъ!»....
Притекъ.... и самъ трепещетъ;
Подвигло мщеніе Москву:
Вспылала предъ врагами,
И грянулась на ихъ главу
Губящими стѣнами.
Веди жъ своихъ царей-рабовъ
Съ ихъ стаей въ область хлада;
Пробей тропу среди снѣговъ
Во срѣтеніе глада....
Зима, союзникъ нашъ, гряди!
Имъ запертъ путь возвратный;
Пустыни въ пеплѣ позади;
Предъ ними сонмы ратны.
Отвѣдай, хищникъ, что сильнѣй:
Духъ алчности, иль мщенье?
Пришлецъ, мы въ родинѣ своей;
За правыхъ Провидѣнье!

ВОИНЫ.

Отвѣдай, хищникъ, что сильнѣй:
Духъ алчности, иль мщенье?
Пришлецъ, мы въ родинѣ своей;
За правыхъ Провидѣнье!

ПѢВЕЦЪ.

Святому братству сей фіалъ
Отъ вѣрныхъ братій круга!
Блаженъ, кому Создатель далъ
Усладу жизни, друга;
Съ нимъ счастье вдвое; въ скорби часъ
Онъ сердцу утѣшенье;
Онъ наша совѣсть; онъ для насъ
Второе Провидѣнье.
О! будь же, други, святость узъ
Законъ нашъ подъ шатрами;
Написанъ кровью нашъ союзъ:
И жить, и пасть друзьями.

ВОИНЫ.

О! будь же, други, святость узъ
Законъ нашъ подъ шатрами;
Написанъ кровью нашъ союзъ:
И жить, и пасть друзьями.

ПѢВЕЦЪ.

Любви сей полный кубокъ въ даръ!
Среди борьбы кровавой,
Друзья, святый питайте жаръ;
Любовь одно со славой.
Кому здѣсь жребій удѣленъ
Знать тайну страсти милой,
Кто сердцемъ сердцу обрученъ:
Тотъ смѣло, съ бодрой силой
На все великое летитъ;
Нѣтъ страха; нѣтъ преграды;
Чего, чего не совершитъ
Для сладостной награды?
Ахъ! мысль о той, кто все для насъ
Намъ спутникъ неизмѣнный;
Вездѣ знакомый слышимъ гласъ,
Зримъ образъ незабвенный;
Она на бранныхъ знаменахъ,
Она въ пылу сраженья;
И въ шумѣ стана, и въ мечтахъ
Веселыхъ сновидѣнья.
Отвѣдай, врагъ, исторгнуть щитъ,
Рукою данный милой;
Святой обѣтъ на немъ горитъ:
Твоя и за могилой!
О сладость тайныя мечты;
Тамъ, тамъ за синей далью
Твой ангелъ, дѣва красоты,
Одна съ своей печалью,
Груститъ, о другѣ слезы льетъ;
Душа ея въ молитвѣ,

вѣсти, вѣсти ждетъ:
Увы! не палъ ли въ битвѣ?»
шетъ: «скоро ль, дружній гласъ,
'вои мнѣ слышать звуки?
ети, свиданья часъ,
мѣнить тоску разлуки.»
! блаженнѣйшая часть:
любезныхъ быть спасеньемъ.
къ предѣлъ нашъ въ битвѣ пасть —
погибнемъ съ наслажденьемъ;
имя призовемъ
ъ минуту смертной муки;
ы дышали въ мірѣ семъ,
ъ той нѣтъ и тамъ разлуки:
уша перенесетъ
юбовь и образъ милой....
и, смерть не все возметъ:
сть жизнь и за могилой.

ВОИНЫ.

ъ міръ душа перенесетъ
юбовь и образъ милой....
и, смерть не все возметъ:
сть жизнь и за могилой.

ПѢВЕЦЪ.

Бокъ чистымъ музамъ въ даръ!
рузья, онѣ въ героя
гъ бодрость, славы жаръ,
месть, и жажду боя.
ь ихъ лиры—старъ и младъ
дѣлись въ брашны латы:
имъ стрѣлъ свистящихъ градъ,
ничто твердынь раскаты.
— сотрудники вождямъ;
хъ пѣсни — жизнь побѣдамъ,
, внемля ихъ струнамъ,
ь слезахъ дивятся дѣдамъ.
сть древнихъ лѣтъ, Боянъ!
, арфой ополченный,
предъ строями Славянъ
гимнъ гремѣлъ священный.
возникъ среди снѣговъ
ѣвецъ податель славы;
одунайскому Петровъ;
камскія дубравы,
сь, вашъ Державинъ сынъ!
отовь свои перуны,
ъ, чудо-исполинъ —
ржавинъ грянетъ въ струны.

О старецъ! да услышимъ твой
Днесь голосъ лебединый:
Не тщетной славы предъ тобой,
Но мщенія дружины;
Простерли не къ добычамъ длань,
Бѣгутъ не за вѣнками —
Ихъ подвигъ святъ: то правыхъ брань
Съ злодѣйскими ордами.
Пришло разрушить ихъ мечамъ
Племенъ порабощенье;
Самимъ губителя рабамъ
Побѣды ихъ спасенье.
Такъ, братья, чадамъ музъ хвала!....
Но я, пѣвецъ вашъ юный....
Увы! начто судьба дала
Незвучныя мнѣ струны?
Доселѣ тихимъ лишь полямъ
Моя играла лира....
Вдругъ жребій выпалъ: къ знаменамъ!
Прости, и сладость мира,
И отчій край, и кругъ друзей,
И трудъ уединенный,
И все.... я тамъ, гдѣ стукъ мечей,
Гдѣ ужасы военны.
Но буду ль ваши пѣть дѣла
И хищныхъ истребленье?
Быть можетъ, ждетъ меня стрѣла,
И мнѣ удѣлъ — паденье.
Но что жъ.... на вѣкиль смертный часъ
Мой слѣдъ изгладитъ въ мірѣ?
Останется привычный гласъ
Въ оспротѣвшей лирѣ.
Пускай губителя во прахъ
Низринетъ месть кровава —
Родится жизнь въ ея струнахъ,
И звучно грянутъ: слава!

ВОИНЫ.

Хвала возвышеннымъ пѣвцамъ!
Ихъ пѣсни жизнь побѣдамъ;
И внуки, внемля ихъ струнамъ,
Въ слезахъ дивятся дѣдамъ.

ПѢВЕЦЪ.

Подымемъ чашу!.... Богу силъ!
О братья, на колѣна!
Онъ искони благословилъ
Славянскія знамена.
Безсильнымъ щитъ Его законъ,
И гибнущимъ спаситель;

Всегда союзникъ правыхъ Онъ
И гордыхъ истребитель.
О братья, взоры къ небесамъ!
Тамъ жизни сей награда!
Оттоль Отецъ незримый намъ
Гласитъ: мужайтесь, чада!
Безсмертье, тихій, свѣтлый брегъ;
Нашъ путь—къ нему стремленье,
Покойся, кто свой кончилъ бѣгъ;
Вы, странники, терпѣнье!
Блаженъ, кого постигнулъ бой!
Пусть долго, съ жизнью хилой,
Старикъ трепещущей ногой
Влачится надъ могилой;
Сынъ брани мигомъ ношу въ прахъ
Съ могучихъ плечъ свергаетъ,
И, бодръ, на молнійныхъ крылахъ
Въ міръ лучшій улетаетъ.
А мы?.... Довѣренность къ Творцу!
Чтобъ ни было — Незримой
Ведетъ насъ къ лучшему концу
Стезей непостижимой.
Ему, друзья, отважно въ слѣдъ!
Прочь, низкое! прочь, злоба!
Духъ бодрый на дорогѣ бѣдъ,
До самой двери гроба;
Въ высокой долѣ — простота;
Нежадность — въ наслажденьѣ;
Въ союзѣ съ равнымъ — правота;
Въ могуществѣ — смиренье;
Обѣтамъ — вѣчность; чести — честь;
Покорность — правой власти;
Для дружбы — все, что въ мірѣ есть;
Любви — весь пламень страсти;
Утѣха — скорби; просьбѣ — дань;
Погибели — спасенье;
Могущему пороку — брань,
Безсильному — презрѣнье;
Неправдѣ — грозный правды гласъ;
Заслугѣ — воздаянье;
Спокойствіе — въ послѣдній часъ;
При гробѣ — упованье.
О! будь же, Русскій Богъ, намъ щитъ!
Прострешь Твою десницу —
И мститель — громъ Твой раздробитъ
Коня и колесницу.
Какъ воскъ передъ лицемъ огня,
Растаетъ врагъ предъ нами.....
О страхъ карающаго дня!
Бродя окрестъ очами,
Речетъ пришлецъ: «враговъ я зрѣл
«И мнилъ: земли имъ мало;
«И взоръ ихъ гибелью горѣлъ;
«Протекъ — враговъ не стало

воины.

Речетъ пришлецъ: «враговъ я зрѣл
«И мнилъ: земли имъ мало;
«И взоръ ихъ гибелью горѣлъ;
«Протекъ — враговъ не стало

певецъ.

Но свѣтлыхъ облаковъ гряда
Ужъ утро возвѣщаетъ;
Уже восточная звѣзда
Надъ холмами играетъ;
Рѣдѣетъ сумракъ; сквозь туманъ
Проглянули равнины,
И дальній лѣсъ, и тихій станъ,
И спящія дружины.
О други, скоро!.... день грядетъ....
Недвижны рати бурны....
Но.... Рокъ ужъ жребій беретъ
Изъ таинственной урны.
О новый день, когда твой свѣтъ
Исчезнетъ за холмами,
Сколь многихъ взоръ нашъ не н
дет
Межъ нашими рядами!....
И се блеснулъ!.... Чу!.... вѣстовой
Перунъ по холмамъ грянулъ
Внимайте: въ полѣ шумъ глухой!
Смотрите: станъ воспрянулъ
И кони ржутъ, грызя бразды;
И строй сомкнулся съ строе
И вождь летитъ передъ ряды;
И пышетъ ратникъ боемъ.
Друзья, прощанью кубокъ сей!
И смѣло въ бой кровавой
Подъ вихорь стрѣлъ, на рядъ мече
За смертью, иль за славой...
О вы, которыхъ и вдали
Боготворимъ сердцами!
Вамъ, вамъ всѣ блага на земли:
Щитъ Промысла надъ вами!
Всевышній Царь, благослови!
А вы, друзья, лобзанье
Въ завѣтъ: здѣсь вѣрныя любви,
Тамъ сладкаго свиданья!

домы.

пній Царь, благослови!
А вы, друзья, лобзанье
ѣтъ: здѣсь вѣрныя любви,
Гамъ сладкаго свиданья!

Жуковскій.

ПѢСНЬ МОИСЕЕВА ПРИ ХОЖДЕНІИ ЧЕРМНАГО МОРЯ.

Исх. гл. 15. *ст.* 1 — 22).

о Всесильнаго!—Онъ славойвозсіялъ!
екъ.... и въ бездну водъ и конь и всадникъ палъ!
дь, Владыка мой предвѣчный,
дь мнѣ былъ покровъ! —
сердца моего! прими хвалы сердечны!
и мои хвалы, хвала моихъ отцовъ!
грозный браней сокрушитель?
ильный сильныхъ усмиритель?
непреложный Царь побѣдъ?
рекъ—и злобныхъ нѣтъ!
оинства твои, тиранъ ожесточенный!
Гдѣ колесницы воскриленны?
Гдѣ сонмы избранныхъ твоихъ?...
камень, бурей съ горъ низринутый крутыхъ,
грязли въ безднѣ волнъ сѣдыхъ.
я рука, Твоя—неистовыхъ карала!
ія, Господи, рука Твоя на насъ
ной правотой и силой возблистала:
Смутилъ враговъ Твой гласъ;
воспаленный вихрь плоды полей цвѣтущихъ,
Твой гнѣвъ пожралъ бѣгущихъ!
яростью дохнулъ на море съ облаковъ,
И воды разступились,
И, въ стѣны ставъ, скрѣпились;
Уснуло мертвымъ сномъ стремленіе валовъ!
Врагъ рекъ: пойдемъ, постигнемъ, поженемъ,
Корысти раздѣлимъ! — се жатва намъ обильна!
Упейся, мечъ, въ крови противника безсильна!
Господствуй, отягчись рука моя на немъ!..
Врагъ рекъ;—но Ты воззрѣлъ: на воды небо пало,
Пучина вздулася, и хлынетъ съ ревомъ вдругъ;
Какъ олово погрязъ строитель нашихъ мукъ!
Слѣда его не стало!....
Гдѣ боги варваровъ? — гдѣ боги чужеземны?
Кумиры гордые, въ своемъ величьѣ темны,
Да станутъ предъ Тобой, всемощный Богъ боговъ!
Тираны мертвые слѣпыхъ своихъ рабовъ,
Да явятся еще предъ нашими очами!
Богъ велій — Богъ единъ! Кто равный постоитъ!....
Ты страшенъ славою, Ты дивенъ чудесами,
Твое величіе смущаетъ и живитъ!....
Ты руку простираешь —
Пожрали воды злыхъ!
Ты кротко провождаешь
Любимыхъ чадъ своихъ!
Ты шествуешь предъ нами
Съ любовью и громами! —
Промчался всюду слухъ о имени Твоемъ;
Народы сильные со ужасомъ внимаютъ;
Блѣднѣетъ Филистимъ въ сіяніи своемъ;
Владыки Моавитъ на тронахъ воздыхаютъ;
Эдомлянъ горду спѣсь вдругъ трепетъ оковалъ
И тучей мрачною на Ханаанъ упалъ.
Посли на нихъ Твой страхъ;
Простри десницу разъяренну
На всю строптивую вселенну,

И ужасъ насади въ сердцахъ! —
Какъ скалы, къ сердцу горъ отъ вѣка
пригвожденны, —
Безъ силы, безъ движенья, блѣдны,
Да стануть злобные вдали! —
Да ноютъ отъ досады тщетной,
Когда спокойно, ненавѣтно
Пойдетъ народъ Твой въ ихъ земли;
Народъ, искупленный Тобою,
Веди, покрой Своей рукою?
Да возрастетъ,
Да процвѣтетъ
Онъ на горѣ Твоей блаженной!
Да царствуетъ съ Тобой
Въ обители святой,
Твоей десницей сотворенной! —
О Боже! о святый Израиля оплотъ!
Пребуди славенъ въ родъ и родъ!....

Мерзляковъ.

---

67. НА РАЗРУШЕНІЕ ВАВИЛОНА.

(*Пророка Исаіи гл. 14*).

Свершилось! нѣтъ его!—сей градъ,
Гроза и трепетъ для вселенной,
Величья памятникъ надменной,
Упалъ!.... еще вдали горятъ
Остатки роскоши полмертвой!
Тиранъ погибъ тиранства жертвой,
Замолкъ торжествъ и славы кличъ!
Яремъ позорный прекратился,
Желѣзный скиптръ переломился,
И сокрушенъ народовъ бичъ!
Таковъ Егова, Царь побѣдъ,
Таковъ предвѣчный правды мститель!
Скончался въ мукахъ нашъ мучитель,
Изсякло море нашихъ бѣдъ!
Воскресла радость, миръ блаженный,
Подвигнулся Ливанъ священный,
Главу подъемлетъ къ небесамъ,
Въ восторгѣ кедры встрепетали:
«Ты умеръ наконецъ! вѣщали,
Теперь чего страшиться намъ?....»
Трясется адъ, сомнѣнья полнъ,
Тебя срѣтая въ мрачны сѣни,
Бѣгутъ испуганныя тѣни,
Какъ въ бурю сонмы бѣлыхъ волнъ!
Цари, герои царствъ прошедшихъ
Встаютъ съ престоловъ потемнѣвшихъ
Чудовище земли узрѣть:
«Какъ! ты, равнявшійся съ богами,
И ты теперь сравнялся съ нами,
Не думавъ вѣчно умереть!
Почто теперь тебѣ во слѣдъ
Величье, пышность не дерзаетъ?
Почто теперь не услаждаетъ
Твою надменность звукъ побѣдъ?
Ты не взялъ ничего съ собою:
Какъ тѣнь, исчезло предъ тобою
Волшебство льстивыхъ, свѣтлыхъ дней.
Ты въ жизнь копилъ себѣ мученье;
Твой домъ есть ночь, твой одръ —
гніенье,
Покровъ — кипящій рой червей!
Высоко на горахъ небесъ
Свѣтило гордое блистало;
Вчера всѣхъ взоры ослѣпляло;
Сегодня смотрятъ — блескъ исчезъ.
Вчера смирялъ народы въ страхѣ;
Смиренъ сегодня, тлѣешь въ прахѣ.
Вчера мечталъ съ собою ты:
«Взнесусь, пойду надъ облаками!
«Поставлю тронъ между звѣздами,
«Попру Сіона высоты!
«Простру повсюду гнѣвъ и страхъ,
«Устрою небеса чертогомъ
«И буду въ немъ Всесильнымъ Богомъ!»
Изрекъ — и превратился въ прахъ.
Идетъ сегодня путникъ бѣдный,
И зритъ въ пустынѣ трупъ твой блѣдный,
На пищу брошенный звѣрямъ:
Стоитъ, не вѣритъ въ изумленьи;
Потомъ въ сердечномъ сокрушеньи
Возводитъ взоръ свой къ небесамъ.
Не се-ли ужасъ нашихъ дней?
Не сей-ли варварской десницей
Содѣлалъ цѣлый міръ темницей,
Жилищемъ глада, бѣдъ, скорбей?
Никто предъ смертію не станетъ!
Но память добрыхъ не увянетъ;
Ихъ прахъ святится отъ сыновъ;
Благою вѣрой огражденный,
Слезами бѣдныхъ оживленный,
Онъ спитъ въ обители отцовъ!
Единъ твой трупъ въ позоръ и срамъ,

тъ на грозномъ полѣ брани!
я послѣдней бѣдной дани
очетъ дать твоимъ костямъ;
й земли опустошитель,
да своего гонитель,
тъ межъ трупами враговъ,
нный чести погребенья;
мъ—летитъ духъ бурный мщенья
ивъ сыновъ твоихъ сыновъ!
зи, губи, карай злой родъ,
ляты вѣтви корня злова!
ихъ скрыта язва, гибель нова,
ихъ новый плѣнъ для насъ растетъ.
льный рекъ: Я самъ возстану,
у, одѣнусь въ бури, гряну,
гребло все племя злыхъ!
радахъ ихъ звѣри поселятся,
земли моремъ поглотятся,
бнетъ съ шумомъ память ихъ.
рекъ — и святъ Его обѣтъ,
чно нерушимо слово!
къ — событіе готово!
ль! лести въ Богѣ нѣтъ,...
имѣтъ руку надъ вселенной —
ромъ удержитъ разъяренной?
съ Богомъ брани въ брань пойдетъ?

Мерзляковъ.

---

68. НАДЕЖДА.

ой духъ! довѣренность къ Творцу!
айся, будь въ терпѣньи камень.
нъ-ли къ лучшему концу
провелъ сквозь бранный пламень?
олѣ смерти чья рука
таинственно спасала,
дный крови мечъ врага,
дъ свинцовый отражала?
кто мнѣ силу далъ сносить
ы, и гладъ, и непогоду,
у въ бѣдствѣ сохранить —
возвышенной свободу?
елъ меня отъ юныхъ дней
бру стезею потаенной,
бурѣ пламенныхъ страстей
былъ вожатый неизмѣнной?
ь! Онъ! Его все даръ благой!
Онъ есть источникъ чувствъ высокихъ,
Любви къ изящному прямой,
И мыслей чистыхъ и глубокихъ!
Все даръ Его: и краше всѣхъ
Даровъ Надежда лучшей жизни!
Когда-жъ узрю спокойный брегъ,
Страну желанную отчизны?
Когда струей небесныхъ благъ
Я утолю любви желанье,
Земную ризу брошу въ прахъ
И обновлю существованье?

Батюшковъ.

---

69. ПЕРЕХОДЪ ЧРЕЗЪ РЕЙНЪ.

Межъ тѣмъ, какъ воины вдоль идутъ по полямъ,
Завидя вдалекѣ твои, о Рейнъ, волны,
Мой конь, веселья полный,
Отъ строя отдѣлясь, стремится къ берегамъ,
На крыльяхъ жажды прилетаетъ,
Глотаетъ хладную струю,
И грудь усталую въ бою
Желанной влагой оживляетъ....
О радость! я стою при рейнскихъ водахъ!
И, жадные въ холмовъ въ окрестность брося взоры,
Привѣтствую поля и горы,
И замки рыцарей въ туманныхъ облакахъ,
И всю страну, обильну славой,
Воспоминаньемъ древнихъ дней,
Гдѣ съ Альповъ, вѣчною струей
Ты льешся, Рейнъ величавой!
Свидѣтель древности, событій всѣхъ временъ,
О Рейнъ, ты поялъ несчетны легіоны,
Мечемъ писавшіе законы
Для гордыхъ Германа кочующихъ племенъ;
Любимецъ счастья, бичъ свободы,
Здѣсь Кесарь бился, побѣждалъ,
И конь его переплывалъ
Твои священны, Рейнъ, воды.
Вѣка мелькнули: міръ крестомъ преображенъ;

Любовь и честь въ душахъ суровыхъ
пробудились;
Здѣсь витязи вооружились
Копьемъ за жизнь сиротъ, за честь прелестныхъ женъ;
Тутъ совершались ихъ турниры,
Тутъ бились храбрые — и здѣсь
Не умеръ, мнится, и поднесь
Звукъ сладкой трубадуровъ лиры.
Такъ! здѣсь подъ тѣнію сиковинцъ и дубовъ,
При шумѣ сладостномъ нагорныхъ водопадовъ,
Въ тѣни цвѣтущихъ селъ и градовъ,
Восторгъ живетъ еще средь избранныхъ сыновъ.
Здѣсь все питаетъ вдохновенье:
Простые нравы праотцовъ,
Святая къ родинѣ любовь
И праздной роскоши презрѣнье.
Все, все, и видъ полей, и видъ священныхъ водъ,
Туманной древности и бардамъ современныхъ,
Для чувствъ и мыслей дерзновенныхъ
И силу новую и крылья придаетъ.
Свободны, горды, полудики,
Природы вѣрные жрецы,
Тевтонски пѣли здѣсь пѣвцы....
И смолкли ихъ волшебны лики.
Ты самъ, родитель водъ, свидѣтель всѣхъ временъ,
Ты самъ до нашихъ дней спокойный, величавый,
Съ паденіемъ народной славы,
Склонилъ чело, увы! познавъ и стыдъ и плѣнъ....
Давно-ли брегъ твой подъ орлами
Аттилы новаго стенялъ,
И ты уныло протекалъ
Между враждебными полками?
Давно-ли земледѣлъ, вдоль красныхъ береговъ,
Средь виноградниковъ завѣтныхъ и священныхъ,
Полки встрѣчалъ иноплеменныхъ
И ненавистный взоръ зареинскихъ сыновъ?
Давно-ль они, кичася, пили
Вино изъ синихъ хрусталей,
И кони ихъ среди полей
И зрѣлыхъ нивъ твоихъ бродили?
И часъ судьбы насталъ! мы здѣсь.... сыны снѣговъ,
Подъ знаменемъ Москвы, съ свободой и съ громами!...
Стеклись съ морей покрытыхъ льдами,
Отъ струй полуденныхъ, отъ Каспія валовъ,
Отъ волнъ Улеи и Байкала,
Отъ Волги, Дона и Днѣпра,
Отъ града нашего Петра,
Съ вершинъ Кавказа и Урала!....
Стеклись, нагрянули за честь твоихъ гражданъ,
За честь твердынь и селъ и нивъ опустошенныхъ
И береговъ благословенныхъ,
Гдѣ расцвѣло въ тиши блаженство Россіянъ,
Гдѣ Ангелъ мирный, свѣтозарной
Для странъ Полуночи рожденъ
И Провидѣньемъ обреченъ
Царю, отчизнѣ благодарной.
Мы здѣсь, о Рейнъ, здѣсь! ты видишь блескъ мечей;
Ты слышишь шумъ полковъ, и новыхъ коней ржанье,
Ура побѣды и взыванье
Идущихъ, скачущихъ къ тебѣ богатырей.
Взвивая къ небу прахъ летучій,
По трупамъ вражескимъ летятъ,
И вотъ—коней лихихъ поятъ,
Кругомъ заставя долъ зыбучій.
Какой чудесный пиръ для слуха и очей!
Здѣсь пушекъ свѣтла мѣдь сіяетъ за конями,
И ружья длинными рядами,
И стяги древніе средь копій и мечей:
Тамъ шлемы воевъ оперенны,
Тяжелой конницы строи,
И легкихъ всадниковъ рои —
Въ текущей влагѣ отраженны;
Тамъ слышенъ стукъ сѣкиръ, и палъ угрюмый лѣсъ —

ры надъ Реннонъ дымятся и пылаютъ,
И чаши радости сверкаютъ,
ники воиновъ восходятъ до небесъ!
Тамъ ратникъ ратника объемлетъ;
Тамъ точитъ пѣшій штыкъ стальной,
И конный грозною рукой
Крылатый дротикъ свой колеблетъ.
ъ всадникъ, опершись на свѣтлу сталь копья,
умчивъ и одинъ на берегѣ высокомъ
Стоитъ, и жаднымъ ловитъ окомъ
и излучистой послѣдніе края.
Быть можетъ, онъ воспоминаетъ
Рѣку своихъ родимыхъ мѣстъ
И на груди свой мѣдный крестъ
Невольно къ сердцу прижимаетъ.
тамъ готовится, по манію вождей,
закровный жертвенникъ средь гибельныхъ трофеевъ,
И Богу сильныхъ Маккавеевъ
лѣнопреклоненъ служитель алтарей:
Его, шумя, пріосѣняетъ
Знаменъ отчизны грозный лѣсъ;
И солнце юное съ небесъ
Алтарь сіяньемъ осыпаетъ.
сѣ крики бранные умолкли, и въ рядахъ
лагоговѣніе внезапу воцарилось;
Оружье долу преклонилось,
вождь и ратники чело склонили въ прахъ:
Поютъ Владыкѣ вышней силы;
Тебѣ, подателю побѣдъ,
Тебѣ, незаходимый Свѣтъ!
Дымятся мирныя кадилы.
Все подвигнулись—валитъза строемъ строй,
Какъ море шумное волнуется все войско;
И эхо вторитъ кликъ геройской,
Доселѣ неслышанный, о Реннъ, надъ тобой!
Твой стонетъ брегъ гостепріимной,
И мостъ подъ воями дрожитъ!
И врагъ, завидя ихъ, бѣжитъ,
Отъ глазъ въ дали теряясь дымной!

Батюшковъ.

---

70. ПАМЯТНИКЪ.

Я памятникъ себѣ воздвигъ нерукотворной;
Къ нему не заростетъ народная тропа;
Вознесся выше онъ главою непокорной
Наполеонова столпа.
Нѣтъ! весь я не умру; душа въ завѣтной лирѣ
Мой прахъ переживетъ и тлѣнья убѣжитъ —
И славенъ буду я, доколь въ подлунномъ мірѣ
Живъ будетъ хоть одинъ піитъ.
Слухъ обо мнѣ пройдетъ по всей Руси великой,
И назоветъ меня всякъ сущій въ ней языкъ —
И гордый внукъ Славянъ, и Финнъ, и нынѣ дикой
Тунгусъ, и другъ степей Калмыкъ.
И долго буду тѣмъ народу я любезенъ,
Что чувства добрыя я лирой пробуждалъ,
Что прелестью живой стиховъ я былъ полезенъ,
И милость къ падшимъ призывалъ.
Велѣнью Божію, о Муза! будь послушна:
Обиды не страшись, не требуй и вѣнца;
Хвалу и клевету пріемли равнодушно
И не оспоривай глупца.

А. Пушкинъ.

---

71. КЛЕВЕТНИКАМЪ РОССІИ.

О чемъ шумите вы, народные витіи?
Зачѣмъ анаѳемой грозите вы Россіи?
Что возмутило васъ? волненія Литвы?
Оставьте: это споръ Славянъ между собою,
Домашній, старый споръ, ужъ взвѣшенный судьбою,
Вопросъ, котораго не разрѣшите вы.
Уже давно между собою
Враждуютъ эти племена;
Не разъ клонилась подъ грозою

То ихъ, то наша сторона.
Кто устоитъ въ неравномъ спорѣ:
Кичливый Ляхъ, иль вѣрный Россъ?
Славянскіе-ль ручьи сольются въ Русскомъ морѣ?
Оно-ль изсякнетъ? вотъ вопросъ.
Оставьте насъ: вы не читали
Сіи кровавые скрижали;
Вамъ непонятна, вамъ чужда
Сія семейная вражда!
Для васъ безмолвны Кремль и Прага,
Безсмысленно прельщаетъ васъ
Борьбы отчаянной отвага —
И ненавидите вы насъ....
За что-жъ? отвѣтствуйте: зато-ли,
Что на развалинахъ пылающей Москвы
Мы не признали наглой воли
Того, подъ кѣмъ дрожали вы?
За то-ль, что въ бездну повалили
Мы тяготѣющій надъ царствами кумиръ,
И нашей кровью искупили
Европы вольность, честь и миръ?
Вы грозны на словахъ—попробуйте на дѣлѣ!
Иль старый богатырь, покойный на постелѣ,
Не въ силахъ завинтить свой измаильскій штыкъ?
Иль Русскаго Царя уже безсильно слово?
Иль намъ съ Европой спорить ново?
Иль Русскій отъ побѣдъ отвыкъ?
Иль мало насъ? Или отъ Перми до Тавриды,
Отъ финскихъ хладныхъ скалъ до пламенной Колхиды,
Отъ потрясеннаго Кремля
До стѣнъ недвижнаго Китая,
Стальной щетиною сверкая,
Не встанетъ Русская земля?
Такъ высылайте-жъ намъ, витіи,
Своихъ озлобленныхъ сыновъ:
Есть мѣсто имъ въ поляхъ Россіи
Среди нечуждыхъ имъ гробовъ.

А. Пушкинъ.

---

72. БОРОДИНСКАЯ ГОДОВЩИНА.

Великій день Бородина
Мы братской тризной поминая,
Тверди ли: «Шли-же племена,
«Бѣдой Россіи угрожая;
«Не вся-ль Европа тутъ была?
«А чья звѣзда ее вела!....
«Но стали-жъ мы пятою твердой,
«И грудью приняли напоръ
«Племенъ, послушныхъ волѣ гордой,
«И равенъ былъ неравный споръ.
«И чтожъ? свой бѣдственный набѣгъ,
«Кичась, они забыли нынѣ;
«Забыли русскій штыкъ и снѣгъ,
«Погребшій славу ихъ въ пустынѣ.
«Знакомый пиръ ихъ манитъ вновь —
«Хмѣльна для нихъ Славяновъ кровь:
«Но тяжко будетъ имъ похмѣлье;
«Но дологъ будетъ сонъ гостей
«На тѣсномъ, хладномъ новосельѣ,
«Подъ злакомъ сѣверныхъ полей!
«Ступайте-жъ къ намъ: васъ Русь зоветъ.
«Но знайте, прошеные гости!
«Ужъ Польша васъ не поведетъ:
«Черезъ ея шагнете кости!....»
Сбылось — и, въ день Бородина,
Вновь наши вторглись знамена
Въ проломы падшей вновь Варшавы;
И Польша, какъ бѣгущій полкъ,
Во-прахъ бросаетъ стягъ кровавый —
И бунтъ раздавленный умолкъ.
Въ боренье падшій невредимъ;
Враговъ мы въ прахѣ не топтали;
Мы не напомнимъ нынѣ имъ
Того, что старыя скрижали
Хранятъ въ преданіяхъ нѣмыхъ;
Мы не сожжемъ Варшавы ихъ;
Они народной немезиды
Не узрятъ гнѣвнаго лица,
И не услышатъ пѣснь обиды
Отъ лиры русскаго пѣвца.
Но вы, мутители палатъ,
Легкоязычные витіи,
Вы, черни бѣдственный набатъ,
Клеветники, враги Россіи!
Что взяли вы?... Еще-ли Россъ —

ій, разслабленный колоссъ?
и сѣверная слава
я притча, лживый сонъ?
те: скоро-ль намъ Варшава
ишетъ гордый свой законъ?
а отдвинемъ строй твердынь?
гъ, до Ворсклы, до Лимана?
ъ останется Волынь?
ъ наслѣдіе Богдана?
авъ мятежныя права,
асъ отторгнется-ль Литва?
Кіевъ дряхлый, златоглавый,
ращуръ Русскихъ городовъ,
итъ-ли съ буйною Варшавой
ню всѣхъ своихъ гробовъ?
ъ бурный шумъ и хриплый крикъ
ли-ль Русскаго Владыку?
те, кто главой поникъ?
вѣнецъ: мечу иль крику?
а-ли Русь? Война и моръ,
тъ, и внѣшнихъ бурь напоръ
ьснуясь, потрясали —
нте-жъ: все стоитъ она!
угъ нея волненья пали —
ьши участь рѣшена...
бѣда! сердцу сладкій часъ!
ь, встань и возвышайся!
ь, восторговъ общій гласъ!
ше, тише раздавайся
гъ одра, гдѣ онъ лежитъ,
ній мститель злыхъ обидъ,
окорилъ вершины Тавра,
ь кѣмъ смирилась Эривань,
Суворовскаго лавра
ъ сплела тройная брань.
ставъ изъ гроба своего,
овъ видитъ плѣнъ Варшавы:
епетала тѣнь его
блеска имъ начатой славы!
словляетъ онъ, герой,
страданье, твой покой,
ъ сподвижниковъ отвагу,
ть тріумфа твоего,
ней летящаго за Прагу
аго внука своего.

А. Пушкинъ.

---

73. ПОЭТЪ.

Пока не требуетъ поэта
Къ священной жертвѣ Аполлонъ,
Въ заботахъ суетнаго свѣта
Онъ малодушно погруженъ;
Молчитъ его святая лира,
Душа вкушаетъ хладный сонъ,
И межъ дѣтей ничтожныхъ міра
Быть можетъ всѣхъ ничтожнѣй онъ.
Но лишь божественный глаголъ
До слуха чуткаго коснется —
Душа поэта встрепенется,
Какъ пробудившійся орелъ.
Тоскуетъ онъ въ забавахъ міра,
Людской чуждается молвы,
Къ погамъ народнаго кумира
Не клонитъ гордой головы.
Бѣжитъ онъ, дикій и суровый,
И звуковъ, и смятенья полнъ,
На берега пустынныхъ волнъ,
Въ широкошумныя дубровы.

А. Пушкинъ.

---

74. КО ГРОБУ КУТУЗОВА.

Передъ гробницею святой
Стою съ поникшею главой...
Все спитъ кругомъ, однѣ лампады
Во мракѣ храма золотятъ
Столбовъ гранитныя громады
И ихъ знаменъ нависшій рядъ.
Подъ ними спитъ сей властелинъ,
Сей идолъ сѣверныхъ дружинъ,
Маститый страдъ страны державной,
Смиритель всѣхъ ея враговъ,
Сей остальной изъ стаи славной
Екатерининскихъ орловъ.
Въ твоемъ гробу восторгъ живетъ!
Онъ русскій гласъ намъ издаетъ;
Онъ намъ твердитъ о той годинѣ,
Когда народной вѣры гласъ
Воззвалъ къ святой твоей сѣдинѣ:
«Иди, спасай!» Ты всталъ и спасъ.

А. Пушкинъ.

---

75. ПРОРОКЪ.

Духовной жаждою томимъ,
Въ пустынѣ мрачной я влачился,
И шестикрылый серафимъ
На перепутьи мнѣ явился.
Перстами легкими какъ сонъ
Моихъ зѣницъ коснулся онъ:
Отверзлись вѣщія зѣницы,
Какъ у испуганной орлицы.
Моихъ ушей коснулся онъ,
И ихъ наполнилъ шумъ и звонъ:
И внялъ я неба содроганье,
И горній ангеловъ полетъ,
И гадъ морскихъ подводный ходъ,
И дольней лозы прозябанье.
И онъ къ устамъ моимъ приникъ,
И вырвалъ грѣшный мой языкъ,
И празднословный и лукавой,
И жало мудрыя змѣи
Въ уста замершія мои
Вложилъ десницею кровавой.
И онъ мнѣ грудь разсѣкъ мечемъ,
И сердце трепетное вынулъ,
И уголь, пылающій огнемъ,
Во грудь отверстую водвинулъ.
Какъ трупъ въ пустынѣ я лежалъ,
И Бога гласъ ко мнѣ воззвалъ:
«Возстань, пророкъ, и виждь, и внемли,
Исполнись волею Моей,
И, обходя моря и земли,
Глаголомъ жги сердца людей.»

А. Пушкинъ.

---

76. НА СМЕРТЬ ГЕТЕ.

Предстала—и старецъ великій смежилъ
Орлиныя очи въ покоѣ;
Почилъ безмятежно, земное совершилъ
Въ предѣлѣ земномъ все земное!
Надъ дивной могилой не плачь, не жалѣй,
Что генія черепъ наслѣдье червей.—
Погасъ! но ничто не оставлено имъ
Подъ солнцемъ живыхъ безъ привѣта;
На все отозвался онъ сердцемъ своимъ,
Что проситъ у сердца отвѣта:
Крылатою мыслью онъ міръ облетѣлъ,
Въ одномъ безпредѣльномъ нашелъ ей предѣлъ.—
Все духъ въ немъ питало: труды мудрецовъ,
Искуствъ вдохновенныхъ созданья,
Преданья, завѣты минувшихъ вѣковъ,
Цвѣтущихъ временъ упованья.
Мечтою по волѣ проникнуть онъ могъ
И въ нищую хату, и въ царскій чертогъ.—
Съ природой одною онъ жизнью дышалъ,
Ручья разумѣлъ лепетанье,
И говоръ древесныхъ листовъ понималъ,
И чувствовалъ травъ прозябанье;
Была ему звѣздная книга ясна
И съ нимъ говорила морская волна.—
Извѣданъ, испытанъ имъ весь человѣкъ!
И ежели жизнью земною
Творецъ ограничилъ летучій нашъ вѣкъ,
И насъ за могильной доскою,
За міромъ явленій не ждетъ ничего:
Творца оправдаетъ могила его.—
И если загробная жизнь намъ дана,
Онъ, здѣшней вполнѣ отдышавшій,
И въ звучныхъ глубокихъ отзывахъ сполна
Все дольное долу отдавшій,
Къ Предвѣчному легкой душей возлетитъ
И въ небѣ земное его не смутитъ.

Баратынскій.

---

77. РИМЪ.

Ты былъ-ли, гордый Римъ, земли самовластитель,
Ты былъ-ли, о свободный Римъ?
Къ нѣмымъ развалинамъ твоимъ
Подходитъ съ грустію ихъ чуждый наслѣдитель.—
За что утратилъ ты величье прежнихъ дней?
За что, державный Римъ, тебя забыли боги?
Градъ пышный, гдѣ твои чертоги
Гдѣ сильные твои, о родина мужей?-
Тебѣ-ли низмѣнилъ побѣды мощный геній
Ты-ль на распутіи временъ
Стоишь въ позорище племенъ,
Какъ пышный саркофагъ погибшихъ поколѣній!—

ще грозишь съ твоихъ семи холмовъ?
ы—ли всѣхъ державъ ты грозный возвѣститель?
ли, какъ призракъ-обвинитель,
ьный предстоишь очамъ твоихъ сыновъ?

Баратынскій.

78. ПОЭТУ.

съ тобой сродилось вдохновенье
ьно нимъ твоя трепещетъ грудь,
ишь ты свое предназначенье,
ешь свой благословенный путь;
тебѣ на подвигъ все готово,
мъ наземлѣ небесный явенъ даръ:
Могучей мысли свѣтъ и жаръ
И огнедышащее слово—
ты въ міръ, — да слышитъ онъ пророка;
ь мірѣ будь величественъ и святъ!
обызай сахарныхъ устъ порока,
проси и не бери наградъ.
ѣтно ли сіяніе денницы,
енъ ли судьбины произволъ?
Невиненъ будь какъ голубица,
Смѣлъ и отваженъ какъ орелъ!
ройные и сладостные звуки
имутся съ гремящихъ струнъ твоихъ:
ѣхъ звукахъ рабъ свои забудетъ муки,
рь Саулъ заслушается ихъ;
ізнію торжественно-высокой
процвѣтешь—и будетъ вѣкъ свѣтло
Твое открытое чело
И зорко пламенное око!
если ты похвалъ и наслажденій
олнился желаніемъ земнымъ,
обирай богатыхъ приношеній
жертвенникъ предъ Господомъ твоимъ:
на тебя немилосердо взглянетъ,
приметъ жертвъ лукавыхъ; дымъ и громъ
Разнесутъ ихъ—и жрецъ отпрянетъ
Дрожащій страхомъ и стыдомъ!

Н. Языковъ.

79. ПОДРАЖАНІЕ ПСАЛМУ 136.

Въ дни плѣна, полные печали,
На вавилонскихъ берегахъ,
Среди враговъ, мы возсѣдали
Въ молчаньи горькомъ и слезахъ;
Тамъ вопрошали насъ тираны,
Почто мы плачемъ и грустимъ.
«Возьмите гусли и тимпаны,
И пойте вашъ Ерусалимъ.»
Нѣтъ! Свято намъ воспоминанье
О славной родинѣ своей:
Мы не дадимъ на посмѣянье
Высокихъ пѣсенъ прошлыхъ дней!
Твои Сіонъ! онѣ прекрасны!
Въ нихъ умъ и звукъ любимыхъ странъ!
Порвитесь струны сладкогласны,
Разбейся звонкій мой тимпанъ!
Окаменѣй языкъ лукавый,
Когда забуду грусть мою,
И пѣснь отечественной славы
Ея губителямъ спою.
А ты, среди огней и грома
Намъ даровавшій свой законъ,
Напомяни сынамъ Эдома
День, опозорившій Сіонъ,
Когда они въ весельи дикомъ,
Убійства шумные виномъ,
Насъ оглушали грознымъ кликомъ:
«Все истребимъ, всѣхъ поженемъ!»
Блаженъ, кто смѣлою десницей
Оковы плѣна сокрушитъ,
Кто плачъ Израиля сторицей
На притѣснителяхъ отмститъ!
Кто въ домъ тирана мечъ и пламень
И смерть ужасную внесетъ,
И съ яркимъ хохотомъ о камень
Его младенцевъ разобьетъ!

Н. Языковъ.

80. ЗЕМЛЕТРЯСЕНЬЕ.

Всевышній граду Константина
Землетрясенье посылалъ,
И Геллеспонтская пучина,
И берегъ съ грудой горъ и скалъ
Дрожали, и царей палаты,

И храмъ, и циркъ, и гиподромъ,
И стѣнъ градскихъ верхи зубчаты,
И все поморіе кругомъ.
По всей пространной Византіи,
Въ отверстыхъ храмахъ, Богу силъ
Обильно пѣлися литіи,
И дымъ молитвенныхъ кадилъ
Клубился; люди, страхомъ полны,
Текли передъ Христовъ алтарь:
Сенатъ, синклитъ, народа волны
И самъ благочестивый царь.
Вотще. Ихъ вопли и моленья
Господь во гнѣвѣ отвергалъ:
И гулъ и громъ землетрясенья
Не умолкалъ, не умолкалъ.
Тогда невидимая сила
Съ небесъ на землю низошла,
И быстро отрока схватила,
И выше облакъ унесла.
И внялъ онъ горнему глаголу
Небесныхъ ликовъ: Святъ, Святъ, Святъ!
И пѣсню ту принесъ онъ долу,
Священнымъ трепетомъ объятъ;
И церковь тѣ слова святыя
Въ свою молитву приняла,
И той молитвой Византія
Себя отъ гибели спасла.
Такъ ты, поэтъ, въ годину страха
И колебанія земли,
Носись душей превыше праха
И ликамъ ангельскимъ внемли,
И приноси дрожащимъ людямъ
Молитвы съ горней вышины,
Да въ сердце примемъ ихъ и будемъ
Мы нашей вѣрой спасены.

И. Языковъ.

81. ГЛАСЪ.

(*Изъ Псал.* 50: *Слуху моему даси радость и веселіе: возрадуются кости смиренныя*).

Чей шопотъ въ душу проникаетъ?
Кто говоритъ мнѣ: «веселись?
«Година счастья наступаетъ,
Ужъ годы скорби пронеслись.
Уже грѣховъ истерлись цѣпи
И расклепались кандалы:
Одѣнутся дубравой степи
И жатвы взыдутъ на скалы.
Настанетъ новыхъ думъ порядокъ;
Свершится рядъ завѣтныхъ чиселъ;
И тайны вѣковыхъ загадокъ,
И прорицаній темныхъ смыслъ
Постигнутъ люди,—и мгновенно
Воспрянетъ всякъ, какъ пробужденный
Отъ тяжкихъ, воспаленныхъ сновъ.
Пройдетъ піянство шумной злобы,
И въ пяти-чувственные гробы
Войдетъ вторая жизнь—любовь!
Повѣетъ сладкое прощенье
Надъ осужденною землей,
И потечетъ благословенье
На широту земныхъ полей;
И люди встрѣтятся какъ братья,
И—дѣти предъ лицемъ Отца—
Другъ другу кинутся въ объятья
И сложатъ въ длань Его сердца.»

Ѳ. Глинка.

82. ВСЕМОГУЩЕСТВО.

Ты можешь вдругъ меня сравнить съ
презрѣннымъ прахомъ—
И вдругъ опять изъ праха воскресить
Смутить мой духъ, наполнить душу
страхомъ—
И вновь ее развеселить!
Ты ложе скорбное умѣлъ убрать цвѣ
тами!
Ты пролилъ ароматъ изъ золотыхъ ка
дилъ,
И томную главу страдальца . освѣтил
Во снѣ прекрасными мечтами,
И свѣялъ слезы съ глазъ дыханіем
любви!
Мнѣ снилось разъ, я былъ надъ гро
ною рѣкою—
Упалъ.... и, вопія, хваталъ Тебя рукою
И ты извлекъ меня и мнѣ сказалъ
«живи.»

Ѳ. Глинка.

83. ГЛАСЪ КЪ ГОСПОДУ.

(*Псал. 76*).

Я мучился.... я исчезалъ,
Я ложе обливалъ слезами;

ко Бога призывалъ,
я искалъ руками!
ялъ мольбѣ, Онъ близокъ былъ,
елъ, Онъ небо преклонилъ;
ь, убитаго тоскою,
гъ святой Своей рукою,
нымъ и земнымъ очамъ
красы и тайны неба....
авъ власть моимъ мечтамъ,
теньи, ангельскаго хлѣба
нялъ я изъ Отчихъ рукъ:
хъ боялся новыхъ мукъ.
ь явилъ святую милость,
нѣ слова любви вѣщалъ,
ъ съ души моей унылость,
едъ Нимъ какъ новый сталъ!
вный Богъ! о Богъ великій!
міры и чудеса!
еловъ парящихъ лики,
предѣльны небеса
не совмѣщаютъ славы!
ебя, кипятъ моря!
ора мощнаго Царя
гъ вселенныя составы....
ъ тревоги бурный часъ,
ны бездны дали гласъ
ка отозвался;
умомъ стрѣлы пронеслися;
ло молніи Твои
нѣрныхъ вышинахъ сіяли,
ъ вертящихся міровъ,
ча, небеса внимали,
стъ имъ Правда и Любовь!
ы великъ въ Своей святынѣ,
! Ты жизнь душѣ и свѣтъ!
забытому въ пустынѣ,
ъ и крылья и полетъ!

Ѳ. Глинка.

ГОРЕ И БЛАГОДАТЬ.

(*Псал. 77*).

юдь какъ будто почивалъ,
емлѣ грѣхи кипѣли!
и мечи звенѣли
ный слабаго терзалъ!
ло дѣлъ, ни правъ священныхъ,
ъ обиженный законъ;
И востекалъ отъ притѣсненныхъ
Глухой, протяжный, тяжкій стонъ.
Какъ дымъ, прошло сіянье славы,
Сокрылась кроткая любовь;
И человѣка родъ лукавый
Былъ видъ повапленныхъ гробовъ!
Простились люди съ тишиною,
Вездѣ мятежъ и грустный мракъ,
И гладъ съ кровавою войною
На трупахъ пировалъ свой бракъ;
Стихіи грозно свирѣпѣли
И міръ чего-то ожидалъ....
Господь какъ будто почивалъ,
А на землѣ грѣхи кипѣли!
Какая всходитъ тамъ заря?
Кто раскалилъ небесны своды?
Почто блѣднѣете, народы?
Куда бѣжите вы, моря?
Златое солнце покраснѣло
И не даетъ своихъ лучей,
И для земли осиротѣлой
Не стало утра, ни ночей;
И грады падаютъ, какъ класы,
Когда ихъ дождь и бури бьютъ,
И раздались незримыхъ гласы:
«Господь, Господь идетъ на судъ!»
Но Онъ пришелъ, Неизреченный,
И только грѣшныхъ поразилъ!
Онъ, свѣтомъ молній, по вселенной
Всѣ тайны злобы обнажилъ.
Не устояли грѣхъ и сила
Отъ блеска Божіихъ очесъ:
Ихъ съѣла вѣчная могила!
И новый вѣкъ насталъ чудесъ!
Неправда — тяжкая обида
Была и людямъ и Творцу:
Богъ избралъ кроткаго Давида,
И далъ Онъ юному борцу
Свой духъ, Свое благословенье,
И повелѣлъ престать бѣдѣ;
И скрылось смутное волненье;
Хвалилась милость на судѣ;
Не смѣлъ коварствовать лукавый,
И не страдалъ отъ сильныхъ правый.
Законъ, какъ крѣпкая стѣна,
Облегъ израильскіе грады;
Цвѣли спокойно вертограды,
Лобзались миръ и тишина.
Господь какъ будто почивалъ,
Но на землѣ дѣла свѣтлѣли:

Звучалъ тимпанъ, и дѣвы пѣли,
И всякій Бога величалъ!

Ѳ. Глинка.

---

85. ИСКАНІЕ БОГА.

(*3 Кн. Царствъ, гл. 19, ст. 11—13*).

Я видѣлъ: смерклись небеса;
Земля дала глухіе стоны;
Возсталъ духъ бурь, сломилъ препоны,
Стопой, какъ жатву, смялъ лѣса;
И горы съ мѣстъ, и горъ обломки
Онъ, мощный, въ дебряхъ разметалъ!
Воззвалъ я Бога гласомъ громкимъ —
Но Бога въ буряхъ не видалъ!
Я видѣлъ: ровныя поля
То гнулись въ долы, то холмились,
И волновалася земля,
И камни градомъ съ горъ катились,
И грозно небеса дымились....
И, трепетный звалъ Бога я —
Но въ бурныхъ мятежахъ земныхъ
Не зрѣлъ слѣдовъ Его святыхъ!
Свидѣтель новыхъ я чудесъ:
Отъ молній рдѣетъ сводъ небесъ,
И пышутъ огненные токи,
И на лицѣ полей широкихъ
Все стало пыломъ, все огнемъ —
Но Бога я не видѣлъ въ немъ!
И въ слѣдъ за бурей—тишина;
Душа предчувствіемъ полна;
Какъ молодой зари мерцанье,
Въ дыму серебряномъ горитъ
Святое алое сіянье.
На тайный зовъ душа летитъ
И дышитъ жизнью не земною.....
Все стало сладкой тишиною,
И я вдали, какъ въ дивномъ снѣ,
Услышалъ Бога—въ тишинѣ!

Ѳ. Глинка.

---

86. ГЕЛЛЕСПОНТЪ.

Надъ Геллеспонтомъ вѣтръ шумитъ;
Онъ, волны черныя вздымая,
Ихъ въ море бурное клубитъ;
И, разстилаясь, тѣнь ночная
На полѣ томъ уже легла,
Гдѣ такъ напрасно кровь текла.
Скрываютъ мрачные туманы
Ту степь, гдѣ царствовалъ Пріамъ;
На ней замѣтны, здѣсь и тамъ,
Одни могильные курганы.
Ни ужасъ битвъ, ни блескъ вѣнца,
Ничто-бъ отъ мрака не спаслося,
Безъ пѣсенъ нищаго слѣпца
Съ холмовъ кремнистаго Хіоса.
И я былъ тамъ! и видѣлъ я
Тотъ брегъ, мечты священной полный;
И я былъ тамъ!.... тамъ и меня
Кипучія носили волны.
Пѣвецъ! когда-жъ удастся мнѣ,
Въ твоей минувшаго странѣ,
Томинy думою высокой,
Бродить опять по тѣмъ полямъ,
Гдѣ дивное понятно намъ,
Гдѣ каждый холмикъ одинокій
Останки славные хранитъ,
И гдѣ, какъ прежде, все шумитъ,
Шумитъ твой Геллеспонтъ широкій.
И бѣденъ, бѣденъ тотъ душой,
Кто предъ завѣтной ихъ красою,
Пѣвецъ, разсказъ чудесный твой
Считаетъ выдумкой одною!
Одѣлись волны черной мглой,
И съ мракомъ ужасъ ночь наводитъ;
А надъ туманною горой
Желанный мѣсяцъ не восходитъ.
О Ида! онъ съ твоихъ высотъ,
Бывало, свѣтъ дрожащій льетъ
На поле битвъ; но смолкло поле —
И нѣтъ на немъ тѣхъ ратныхъ болѣ,
Которымъ часто въ тиѣ ночей
Былъ въ гибель блескъ его лучей.
Лишь пастухи, въ ихъ мирной долѣ,
Когда онъ свѣтитъ веселѣй,
Пасутъ стада вокругъ могилы
Того, кто, славный и младой,
Сраженъ Дарданскою стрѣлой.
Здѣсь возвышался холмъ унылый,
Здѣсь сынъ Аммона горделивый,
Свершая тризну, пировалъ.
Сей холмъ народы воздвигали,
Цари могучіе вѣнчали;
Но самъ курганъ надменный палъ,
И въ безъименной здѣсь пустынѣ
Почти отъ взоровъ скрылся нынѣ.
О ты, жилецъ его былой!
Какъ тѣсенъ домъ подземный твой!

шлецъ одинъ на немъ мечтаетъ
гомъ, кого и въ гробѣ нѣтъ,
свой задумчивый привѣтъ
стыннымъ вѣтрамъ повѣрятъ.
шъ прахъ какъ бы живетъ въ гробахъ;
твой исчезъ и самый прахъ.

Козловъ.

(*Абидосская Невѣста*).

---

7. НА ПОГРЕБЕНІЕ АНГЛІЙСКАГО ГЕНЕРАЛА СИРА ДЖОНА-МУРА.

билъ барабанъ передъ смутнымъ полкомъ,
Когда мы вождя хоронили,
трупъ не съ ружейнымъ прощальнымъ огнемъ
Мы въ нѣдра земли опустили.—
бѣдная почесть въ ночи отдана;
Штыками могилу копали;
мъ тускло свѣтила въ туманѣ луна,
И факелы дымно сверкали.—
немъ не усопшихъ покровъ гробовой,
Лежитъ не въ досчатой неволѣ:
ернутъ въширокій свой плащъ боевой,
Уснулъ онъ, какъ ратники въ полѣ.—
долго, но жарко молилась Творцу
Дружина его удалая,
молча смотрѣла въ лицо мертвецу,
О завтрашнемъ днѣ помышляя.—
ть можетъ, на утро внезапно явясь,
Врагъ дерзкій, надменности полный,
бя не уважитъ, товарищъ, а насъ
Умчатъ невозвратныя волны.—
нѣтъ, не коснется въ таинственномъ снѣ
До храбраго духа печали!
ой одръ одинокій въ чужой сторонѣ
Родимыя руки постлали.—
ле не свершенъ былъ обрядъ роковой,
И часъ наступилъ разлученья,
съ валу ударилъ перунъ вѣстовой,
И намъ онъ не вѣстникъ сраженья.—
ости-же, товарищъ! Здѣсь нѣтъ ничего
На память могилы кровавой;
И мы оставляемъ тебя одного
Съ твоею безсмертною славой.

И. Козловъ.

---

88. ПРОРОКЪ.

Съ тѣхъ поръ, какъ Вѣчный Судія
Мнѣ далъ всевѣдѣнье пророка,
Въ очахъ людей читаю я
Страницы злобы и порока.
Провозглашать я сталъ любви
И правды чистыя ученья:
Въ меня всѣ ближніе мои
Бросали бѣшено каменья.
Посыпалъ пепломъ я главу,
Изъ городовъ бѣжалъ я нищій, —
И вотъ, въ пустынѣ я живу,
Какъ птицы, даромъ Божьей пищи.
Завѣтъ Предвѣчнаго храня,
Мнѣ тварь покорна тамъ земная,
И звѣзды слушаютъ меня,
Лучами радостно играя.
Когда же черезъ шумный градъ
Я пробираюсь торопливо,
Тамъ старцы дѣтямъ говорятъ
Съ улыбкою самолюбивой:
«Смотрите: вотъ примѣръ для васъ!
Онъ гордъ былъ, не ужился съ нами;
Слѣпецъ хотѣлъ увѣрить насъ,
Что Богъ гласитъ его устами!
«Смотрите-жъ, дѣти, на него,
Какъ онъ угрюмъ, и худъ, и блѣденъ!
Смотрите, какъ онъ нагъ и бѣденъ,
Какъ презираютъ всѣ его!

Лермонтовъ.

---

89. СПОРЪ.

Какъ-то разъ передъ толпою
Соплеменныхъ горъ,
У Казбека съ Шатъ-горою (*)
Былъ великій споръ.
«Берегись, сказалъ Казбеку
Сѣдовласый Шатъ:
Покорился человѣку
Ты не даромъ, братъ!
Онъ настроитъ дымныхъ келій

(*) Шатъ-Эльбрусъ.

По уступамъ горъ;
Въ глубинѣ твоихъ ущелій
Загремитъ топоръ;
И желѣзная лопата
Въ каменную грудь,
Добывая мѣдь и злато,
Врѣжетъ страшный путь.
Ужъ проходятъ караваны
Черезъ тѣ скалы,
Гдѣ носились лишь туманы,
Да цари-орлы.
Люди хитры! Хоть и труденъ
Первый былъ скачекъ....
Берегитесь! многолюденъ
И могучъ востокъ!»
— Не боюся я востока!
Отвѣчалъ Казбекъ:
Родъ людской тамъ спитъ глубоко
Ужъ девятый вѣкъ.
Посмотри: въ тѣни чинары,
Пѣну сладкихъ винъ
На узорные шальвары
Сонный льетъ Грузинъ;
И, склонясь въ дыму кальяна
На цвѣтной диванъ,
У жемчужнаго фонтана
Дремлетъ Тегеранъ.
Вотъ у ногъ Ерусалима,
Богомъ созжена,
Безглагольна, недвижима
Мертвая страна;
Дальше, вѣчно чуждый тѣни,
Моетъ желтый Нилъ
Раскаленныя ступени
Царственныхъ могилъ.
Бедуинъ забылъ наѣзды
Для цвѣтныхъ шатровъ
И поетъ, считая звѣзды,
Про дѣла отцовъ.
Все, что здѣсь доступно оку,
Спитъ, покой цѣня.
Нѣтъ! не дряхлому востоку
Покорить меня! —
— Не хвались еще заранѣ,
Молвилъ старый Шатъ:
Вотъ на сѣверѣ въ туманѣ
Что-то видно, братъ! —
Гайно былъ Казбекъ огромный
Вѣстью той смущенъ;
И, смутясь, на сѣверъ темный
Взоры кинулъ онъ;
И туда въ недоумѣньѣ
Смотритъ, полный думъ:
Видитъ странное движенье,
Слышитъ звонъ и шумъ.
Отъ Урала до Дуная,
До большой рѣки,
Колыхаясь и сверкая
Движутся полки;
Вѣютъ бѣлые султаны,
Какъ степной ковыль;
Мчатся пестрые уланы,
Подымая пыль;
Боевые батальоны
Тѣсно врядъ идутъ;
Впереди несутъ знамены,
Въ барабаны бьютъ;
Батареи мѣднымъ строемъ
Скачутъ и гремятъ,
И дымяся, какъ передъ боемъ,
Фитили горятъ.
И испытанный трудами
Буря боевой,
Ихъ ведетъ, грозя очами,
Генералъ сѣдой.
Идутъ всѣ полки могучи,
Шумны какъ потокъ,
Страшно-медленны какъ тучи,
Прямо на востокъ.
И томимъ зловѣщей думой,
Полный черныхъ сновъ,
Сталъ считать Казбекъ угрюмой,
И не счелъ враговъ.
Грустнымъ взоромъ онъ окинулъ
Племя горъ своихъ,
Шапку на брови надвинулъ (*)
И навѣкъ затихъ.

Лермонтовъ

90. БЕЗПРЕДѢЛЬНОСТЬ.

(Изъ Шиллера).

По морю вселенной направилъ я бѣг
Тамъ якорь мнилъ бросить, гдѣ види
ся брегъ
Пучины созданья,

(*) Горцы называютъ шапкою облака, п
стоянно лежащія на вершинѣ Казбека.

Гдѣ жизни дыханья
Не слышно — гдѣ смолкла стихійная брань —
Гдѣ Богомъ творенью поставлена грань.
Я видѣлъ, какъ юныя звѣзды встаютъ,
Путемъ вѣковѣчнымъ по тверди текутъ,
Какъ дружно летѣли
Къ божественной цѣли....
Я далѣ — и взоръ оглянулся окрестъ,
И видѣлъ пространство, но не было звѣздъ. —
И вѣтра быстрѣе, быстрѣе лучей
Я въ бездну ничто жества мчался бодрѣй.
И небо за мною
Одѣлося мглою....
Какъ волны потока, такъ сонмы планетъ
За странникомъ міра кипѣли во слѣдъ.—
И путникъ со мной повстрѣчался тогда,
И вотъ вопрошаетъ: «Товарищъ, куда?»
— Къ предѣламъ вселенной
Мой путь неизмѣнной:
Туда, гдѣ умолкла стихійная брань,
Отъ вѣка созданьямъ поставлена грань!
—«Кинь якорь! предѣловъ имъ нѣтъ предъ тобой.»
—Ихъ нѣтъ и за мною! путь конченъ и твой! —
Свивай-же, вѣтрило,
О духъ мой унылой,
И далѣе, смѣлый, летѣть, не дерзай,
И здѣсь-же съ отчаянья якорь бросай!

С. Шевыревъ.

---

91. КЮВЬЕ.

Таинственный, безмолвный и великій
Былъ край, куда онъ, смѣлый, дисходилъ:
На зовъ его являлись мертвыхъ лики,
И съ ними онъ, безстрашный, говорилъ.
Въ скупой землѣ онъ не искалъ стяжаній:
Онъ жизнь искалъ, гдѣ жизни слѣдъ погасъ,
И дивный міръ предъ силой обаяній
Затрепеталъ, услыша вѣщій гласъ.
Раскрылися предвѣчныя скрижали:
Вотще потопъ горами ихъ облекъ;
Предъ мыслію во прахъ граниты пали:
Минувшее разоблачилъ пророкъ....
Онъ міръ прозрѣлъ, но чуждый намъ и дальный,
Гдѣ мамонтъ жилъ, драконъ и кракенъ злой;
Въ столѣтьяхъ бурь, гдѣ каменѣли пальмы,
И человѣкъ надъ всѣмъ парилъ главой,
Созданій всѣхъ предъ нимъ мелькнули тѣни,
Забытыя въ преданьяхъ на землѣ,
И онъ прошелъ подземныя ступени,
Не утомясь и съ думой на челѣ.
Былъ кротокъ путь его отъ колыбели;
Но въ этотъ путь какъ много онъ вмѣстилъ!
Вѣка предъ нимъ въ хаосѣ пролетѣли,
И мрачность ихъ онъ свѣтомъ озарилъ.
Какъ Прометей, обнявши всѣ сказанья,
Онъ древній міръ въ обломкахъ разгадалъ;
И чудныя, погибшія созданья
Изъ персти взялъ и къ жизни возсоздалъ.

Одоевскій.

---

92. МОГИЛА.

Я въ мірѣ боецъ; да, я биться хочу—
Смотрите: я бросилъ ужъ лиру;
Я мечъ захватилъ и открыто лечу
На встрѣчу нечистому міру.
И Богъ да поможетъ мнѣ зло поразить,
И въ битвѣ глубоко, глубоко,
Могучей рукою сталь правды вонзить
Въ шипучее сердце порока!
Не бойтесь, друзья: не падетъ вашъ пѣвецъ!
Пусть грозно враговъ ополченье!
Какъ левъ я дерусь; какъ разумный боецъ,
Упрочилъ себѣ отступленье.
Могила за мною, какъ геній, стоитъ
И въ сердце вливаетъ отвагу;
Когда же боренье меня истомитъ,
Туда—и подъ холмикомъ лягу.
И пламенный духъ изъ темницы своей
Торжественнымъ крыльевъ размахомъ
Къ Отцу возлетитъ, а ползучихъ гостей
Земля угоститъ моимъ прахомъ.

Но съ міромъ не конченъ кровавый
расчетъ!
Нѣтъ—въ бурныя силы природы
Вражда моя въ новой красѣ перейдетъ
И въ воздухъ, и въ пламя, и въ
воды.
На хладныхъ людей я вулканомъ
дохну,
Кипящею лавой нахлыну;
Средь водной равнины волною плесну—
Злодѣя дадью опрокину!
Порою злымъ вихремъ прорвусь на
просторъ,
И вихрей—собратій накличу,
И прахомъ засыплю я хищника взоръ,
Коварно слѣдящій добычу!
Чрезъ горы преградъ путь свободный
найду—
Сквозь каменьстѣны безпредѣльной
Къ сатрапу въ чертоги заразой войду
И язвою лягу смертельной!

Бенедиктовъ.

---

93. ГРАНИЦЫ ЧЕЛОВѢЧЕСТВА.

(Изъ Геге).

Древле-владычный,
Міродержавный Зевесъ!
Когда на грѣховную землю
Шлешь громы и молніи
Суда правосуднаго, —
Я въ ужасѣ вѣщемъ,
Съ покорностью дѣтской,
Цѣлую трикраты
Послѣднюю складку
Одежды твоей!
Безсмертные всесильны,
Ничтоженъ человѣкъ!
Коснешься-ль челомъ своимъ
Надзвѣздной высоты, —
Въ пространствѣ, безъ подножія,
Ты немощно повисъ:
Тобой играетъ буйный вѣтръ,
Ненастье и гроза.
Ногами-ли ты твердо сталъ
На твердой сей землѣ,—
Ты съ кедромъ не помѣришься:
Приземному кустарнику
Ты еле по плечу.
Безсмертные всесильны,
Ничтоженъ человѣкъ!
Къ ихъ вѣчному подножію,
Чредою неизмѣнною,
Несетъ свои сокровища
Житейская волна;
Тебя волна подниметъ разъ,
Поглотитъ—и съ собою въ даль
Навѣки унесетъ.
Жизнь наша ограничена,
Кольцо едва замѣтное!
Но связью неразрывною
Съ ней слиты поколѣнія
Безчисленныхъ существъ;
Но всѣ они, и каждое,—
Звено необходимое
Въ цѣпи во-вѣки сущаго
Живаго естества.

А. Струговщиковъ.

---

94. МОРЕ.

Я видѣлъ море—я измѣрилъ
Очами жадными его:
Я силы духа моего
Передъ лицемъ его повѣрилъ.
О море, море,—я мечталъ,
Въ раздумьи грустномъ и глубокомъ:
Кто первый мыслилъ и стоялъ
На берегу твоемъ высокомъ?
Кто, неразгаданный въ вѣкахъ,
Замѣтилъ первый блескъ лазури,
Войну громовъ и ярость бури
Въ твоихъ младенческихъ волнахъ?
Куда исчезли другъ за другомъ
Твоихъ владѣльцевъ племена,
О коихъ вѣсть намъ предана
Однимъ злопамятнымъ досугомъ?....
Всегда-ли, море, ты почило
Въ скалахъ, висящихъ надо мной?
Или невѣдомая сила,
Враждуя съ мирной тишиной,
Не разъ твой образъ измѣнила?
Что ты? откуда? изъ чего?
Надолго-ль влажная порфира
Твоей безстрашной красоты—
Осуждена блистать для міра
Изъ нѣдръ бездонной пустоты?....

гайный плодъ воображенья
олнуемой тоской,
невольный восхищенья
пучиною морской!....
шалъее....Но море,
ойнымъ солнечнымъ лучемъ,
ь въ узорчатомъ уборѣ,
имъ лелѣялось кругомъ
ъ покоѣ роковомъ.
разсыпанныя волны
ь груды новыхъ волнъ,
нихъ отваги полный
предъ бурей утлый челнъ.
вецъ, знаешь-ли ты цѣну
го счастья твоего?
на челнъ—ужъ нѣтъ его:
гѣ онъ нашелъ измѣну!....
ое время на брегахъ
ихъ водъ, въ моей отчизнѣ,
ь цвѣтомъ юной жизни,
я нѣкогда въ мечтахъ;
ечты мнѣ сладки были:
вѣтно сквозь туманъ,
волной волну, манили
житейскій океанъ.
лылъ.... О море, море!
Когда увижу берегъ твой?
Или, какъ челнъ залетный, вскорѣ
Сокроюсь въ безднѣ гробовой?

95. ВОДОПАДЪ.

Между стремнинъ съ горы высокой
Ручьи прозрачные журчатъ
И, вдругъ сливаясь въ токъ широкой,
Являютъ грозный водопадъ;
Громады волнъ буграми хлещутъ
Въ паденьи быстромъ и крутомъ,
И разлетѣвшись ярко блещутъ
Вокругъ серебрянымъ дожденъ;
Реветъ и стонетъ гулъ протяжной
По разорвавшейся рѣкѣ
И, исчезая съ пѣной влажной,
Смолкаетъ глухо влалекѣ.
Вотъ наша жизнь! Вотъ образъ вѣрной
Погибшей юности моей!
Она въ красѣ нелицемѣрной
Сперва катилась, какъ ручей;
Потомъ въ пылу страстей безумныхъ
Быстра, какъ горный водопадъ,
Исчезла вдругъ при плескахъ шумныхъ,
Какъ эха дальняго раскатъ.

II. ДУМА.

96. ТУЧА.

ѣдняя туча разсѣянной бури!
несешься по ясной лазури,
наводишь унылую тѣнь,
печалишь ликующій день.
ебо недавно кругомъ облегала
ія грозно тебя обвивала,
давала таинственный громъ,
ую землю поила дождемъ.
льно, сокройся! Пора минова-
лась,
освѣжилась и буря промчалась,
ъ, лаская листочки древесъ,
ь успокоенныхъ гонитъ небесъ.

А. Пушкинъ.

97. МОЛИТВА.

Въ минуту жизни трудную,
Тѣснится-ль въ сердце грусть:
Одну молитву чудную
Твержу я наизусть.
Есть сила благодатная
Въ созвучьи словъ живыхъ;
И дышитъ непонятная,
Святая прелесть въ нихъ.
Съ души какъ бремя скатится,
Сомнѣнье далеко —
И вѣрится, и плачется,
И такъ легко, легко.

Лермонтовъ.

98. ВѢТКА ПАЛЕСТИНЫ.

Скажи мнѣ, вѣтка Палестины:
Гдѣ ты росла, гдѣ ты цвѣла?
Какихъ холмовъ, какой долины
Ты украшеніемъ была?
У водъ-ли чистыхъ Іордана
Востока лучъ тебя ласкалъ,
Ночной-ли вѣтръ въ горахъ Ливана
Тебя сердито колыхалъ?
Молитву-ль тихую читали,
Иль пѣли пѣсни старины,
Когда листы твои сплетали
Солима бѣдные сыны?
И пальма та жива-ль понынѣ?
Все также-ль манитъ въ лѣтній зной
Она прохожаго въ пустынѣ
Широколиственной главой?
Или въ разлукѣ безотрадной
Она увяла, какъ и ты,
И дольній прахъ ложится жадно
На пожелтѣвшіе листы?....
Повѣдай: набожной рукою
Кто въ этотъ край тебя занесъ?
Грустилъ онъ часто надъ тобою?
Хранишь ты слѣдъ горючихъ слезъ?
Иль Божьей рати лучшій воинъ,
Онъ былъ, съ безоблачнымъ челомъ,
Какъ ты, всегда небесъ достоинъ
Передъ людьми и Божествомъ?....
Заботой тайною хранима,
Передъ иконою святой
Стоишь ты, вѣтвь Ерусалима,
Святыни вѣрный часовой!
Прозрачный сумракъ, лучъ лампады,
Кивотъ и крестъ, символъ святой....
Все полно мира и отрады
Вокругъ тебя и надъ тобой

Лермонтовъ.

---

99. ВЕЛИКАЯ ТАЙНА.

Тучи носятъ воду,
Вода поитъ землю,
Земля плодъ приноситъ;
Бездна звѣздъ на небѣ,
Бездна жизни въ мірѣ;
То мрачна, то свѣтла
Чудная природа.....
Старѣясь въ сомнѣньяхъ
О великихъ тайнахъ,
Идутъ невозвратно
Вѣки за вѣками;
У каждаго вѣка
Вѣчность вопрошаетъ:
Чѣмъ кончилось дѣло?
Вопроси другаго, —
Каждый отвѣчаетъ.
Смѣлый умъ съ мольбою
Мчится къ Провидѣнью:
Ты повѣдай мыслямъ
Тайну сихъ созданій!
Шлютъ отвѣтъ, вновь тайный,
Чудеса природы,
Тишиной и бурей
Мысли изумляя.....
Что-же совершится
Въ будущемъ съ природой?....
О, гори лампада,
Ярче предъ Распятьемъ!
Тяжелы мнѣ думы,
Сладостна молитва.

Кольцовъ.

---

100. ПОСЛѢДНЯЯ БОРЬБА

Надо мною буря выла,
Громъ на небѣ грохоталъ;
Слабый умъ судьба страшила,
Холодъ въ душу проникалъ.
Но не палъ я отъ страданья,
Гордо выдержалъ ударъ,
Сохранилъ въ душѣ желанья,
Въ тѣлѣ силу, въ сердцѣ жаръ.
Что погибель! Что спасенье!
Будь что будетъ—все равно!
На святое Провидѣнье
Положился я давно.
Въ этой вѣрѣ нѣтъ сомнѣнья,
Ею жизнь моя полна;
Безконечно къ ней стремленье,
Въ ней покой и тишина!
Не грози-жъ ты мнѣ бѣдою,
Не зови, судьба, на бой!
Биться я готовъ съ тобою, —
Но не сладишь ты со мной!
У меня въ душѣ есть сила;
У меня есть въ сердцѣ кровь;

крестомъ моя могила,
рестѣ моя любовь!

А. Кольцовъ.

101. МОЛИТВА.

аситель, Спаситель!
а моя вѣра,
пламя молитвы;
Боже, и вѣрѣ
ла темна!
слухъ мой замѣнитъ?
хшія очи?
окое чувство
вшаго сердца?
будетъ жизнь духа
этого сердца?....
крестъ, на могилу,
ебо и землю,
очку начала
ли твореній,
ецъ всемогущій
нулъ завѣсу,
гь наложилъ....
гь та навѣки.
расторгнутъ
разрушаясь,
не растопитъ,
оетъ вода.
ости-жъ мнѣ, Спаситель,
моей грустной
ней молитвы:
мѣ она свѣтитъ
вью къ тебѣ.

А. Кольцовъ.

102. МОГИЛА.

Чья это могила?—
Тиха, одинока,
И крестъ тростниковый,
И насыпь свѣжа,
И чистое поле
Кругомъ безъ дорогъ?
Чья жизнь отжилася?
Чей кончился путь?
Татаринъ-ли дикій
Свершилъ здѣсь убійство
Въ ночной темнотѣ,
И свѣжею кровью
Горячею брызнулъ
На Русскую быль?
Или молодая
Жница—поселянка,
Ангела младенца
На рукахъ лелѣя,
Оплакала горько
Кончину его,—
И подъ яснымъ небомъ,
Въ полѣ на просторѣ,
Въ цвѣтахъ васильковыхъ
Положенъ дитя.
Вѣетъ надъ могилой,
Вѣетъ буйный вѣтеръ,
Катитъ черезъ ниву,
Мимо той могилы,
Сухую былинку—
Перекати-поле;
Будитъ вольный вѣтеръ,
Будитъ, не пробудитъ
Дикую пустыню,
Тихій сонъ могилы!
И встаютъ видѣнья
Въ душѣ одинокой....

А. Кольцовъ.

103. ЖЕЛАНІЕ.

Хотѣлъ бы я разлиться въ мірѣ:
Хотѣлъ бы съ солнцемъ въ небѣ течь,
Звѣздою въ сумрачномъ эфирѣ
Ночной свѣтильникъ свой зажечь.
Хотѣлъ-бы зыбію стеклянной
Играть въ бездонной глубинѣ,
Или лучемъ зари румяной
Скользить по плещущей волнѣ.
Хотѣлъ-бы съ тучами скитаться,
Туманомъ виться вкругъ холмовъ,
Иль буйнымъ вѣтромъ разыграться
Въ сѣдыхъ изгибахъ облаковъ;
Жить ласточкой подъ небесами,
Къ цвѣтамъ ласкаться мотылькомъ,
Или надъ дикими скалами
Носиться дерзостнымъ орломъ.
Какъ сладко было-бы въ природѣ
То жизнь и радость разливать,
То въ громахъ, вихряхъ, непогодѣ
Пространство неба обтекать!

А. Хомяковъ.

104. ЖИЗНЬ.

Даръ мгновенный, даръ прекрасный,
Жизнь, за чѣмъ ты мнѣ дана?
Умъ молчитъ, а сердцу ясно:
Жизнь для жизни мнѣ дана.
Все прекрасно въ Божьемъ мірѣ:
Сотворивый міръ въ немъ скрытъ;
Но Онъ въ чувствѣ, но Онъ въ лир
Но Онъ въ разумѣ открытъ.
Познавать его въ твореньѣ,
Видѣть духомъ, сердцемъ чтить—
Вотъ въ чемъ жизни назначенье,
Вотъ что значитъ въ Богѣ жить!

—θ—

III. ПѢСНИ И РОМАНСЫ.

105. ПѢСНЬ РУССКОМУ ЦАРЮ.

Боже! Царя храни!
Славному долгіе дни
Дай на земли!
Гордыхъ смирителю,
Слабыхъ хранителю,
Всѣхъ утѣшителю,
Все ниспошли!
Перводержавную
Русь православную,
Боже, храни!
Царство ей стройное,
Въ силѣ спокойное!
Все-жъ недостойное
Прочь отжени!
Воинство бранное,
Славой избранное,
Боже храни!
Воинамъ мстителямъ,
Чести спасителямъ,
Миротворителямъ
Долгіе дни!
Мирныхъ воителей,
Правды блюстителей,
Боже, храни!
Жизнь ихъ примѣрную,
Нелицемѣрную,
Доблестямъ вѣрную
Ты помяни!
О Провидѣніе!
Благословеніе
Намъ ниспошли!
Къ благу стремленіе,
Въ счастьи смиреніе,
Въ скорби терпѣніе
Дай на земли!
Будь намъ заступникомъ,
Вѣрнымъ сопутникомъ,
Насъ провожай!
Свѣтлопрелестная
Жизнь поднебесная,
Сердцу извѣстная,
Сердцу сіяй!

Жуковскій

106. ПУТЕШЕСТВЕННИКЪ

Дней моихъ еще весною
Отчій домъ покинулъ я!
Все забыто было мною —
И семейство и друзья!
Въ ризѣ странника убогой,
Съ дѣтской въ сердцѣ простотой,
Я пошелъ путемъ-дорогой —
Вѣра былъ вожатый мой.
И въ надеждѣ, въ увѣреньѣ
Путь казался недалекъ.
Странникъ—слышалось—терпѣнье!
Прямо, прямо на востокъ!
Ты увидишь храмъ чудесной,
Ты въ святилище войдешь;
Тамъ въ нетлѣнности небесной
Все земное обрѣтешь!
Утро вечеромъ смѣнялось,
Вечеръ утру уступалъ;
Неизвѣстное скрывалось,
Я искалъ—не обрѣталъ.
Тамъ встрѣчались водъ пучины,
Тамъ высокихъ горъ хребты —
Я взбирался на стремнины,
Чрезъ потоки стлалъ мосты.
Вдругъ рѣка передо мною:
Водъ склоненье на востокъ!
Вижу зыблемый струею
Подлѣ берега челнокъ.

въ надеждѣ, я въ смятеньѣ
аю себя волнамъ —
тье вижу въ отдаленьѣ!
что мило, мнится, тамъ!
къ! въ безвѣстномъ океанѣ
нился мой челнокъ!
по прежнему въ туманѣ!
ъ невидимъ и далекъ!
во-вѣки надо мною
ольется, какъ поднесь,
свѣтлое съ землею!
не будетъ вѣчно здѣсь.

Жуковскій.

107. ПЛОВЕЦЪ.

сремъ бѣдствія гонимый,
кормила и весла,
еанъ неисходимый,
челнъ мой занесла!
чахъ звѣздочка свѣтилась!
рывайся! я взывалъ:
клонная сокрылась,
былъ — и тотъ пропалъ!
одѣлось черной мглою;
хался валы;
въ мракѣ предо мною;
ужасныя скалы!
надежды на спасенье!»
алъ, унывъ душой:
мецъ! Провидѣнье
айный кормщикъ твой!
димою рукою,
ревущіе валы,
одѣты бездны мглою
щія скалы
й велъ меня хранитель!
.... все тихо! мракъ исчезъ!
айскую обитель, —
трехъ Ангеловъ небесъ.
аситель — Провидѣнье!
ый ропотъ мой утихъ;
ѣняхъ, въ восхищеньѣ,
ю на образъ нхъ.
прелесть ихъ опишетъ?
силу надъ душой?
естъ ихъ небомъ дышитъ
ностью святой.
пытанная радость —
ть, для нихъ дышать;

Ихъ рѣчей, ихъ взоровъ сладость
Въ душу, въ сердце принимать!
О судьба! одно желанье:
Дай всѣ блага имъ вкусить!
Пусть имъ радость, мнѣ страданье!
Но.... не дай ихъ пережить!

Жуковскій.

108. ПѢСНЯ БѢДНЯКА.

Куда мнѣ голову склонить?
Покинутъ я и сиръ;
Хотѣлъ-бы весело хоть разъ
Взглянуть на Божій міръ.
И я въ семьѣ моихъ родныхъ
Когда-то счастливъ былъ;
Но горе спутникъ мой съ тѣхъ поръ,
Какъ я ихъ схоронилъ.
Сады веселыхъ богачей
И нивы ихъ кругомъ....
Моя-жъ дорога мимо ихъ
Съ заботой и трудомъ.
Но я счастливыхъ не дичусь;
Моя печаль въ тиши;
Я всѣмъ веселымъ радъ сказать:
Богъ помочь! отъ души.
О щедрый Богъ, не вовсе жъ я
Тобою позабытъ;
Источникъ милости Твоей
Для всѣхъ равно открытъ.
Въ селеньи каждомъ есть Твой храмъ
Съ сіяющимъ крестомъ,
Съ молитвой сладкой и съ Твоимъ
Доступнымъ алтаремъ.
Мнѣ свѣтитъ солнце и луна;
Любуюсь на зарю;
И, слыша благовѣстъ, съ Тобой,
Создатель, говорю.
И знаю: будетъ добрымъ пиръ
Въ небесной сторонѣ;
Тамъ буду праздновать и я;
Тамъ мѣсто есть и мнѣ.

Жуковскій.

109. РОМАНСЪ.

Минувшихъ дней очарованье,
За чѣмъ опять воскресло ты?
Кто разбудилъ воспоминанье

И замолчавшія мечты?
Шепнулъ душѣ привѣтъ бывалый,
Душѣ блеснулъ знакомый свѣтъ, —
И зримо ей минуту стало
Незримое съ давнишнихъ лѣтъ.
О милый гость, святое «прежде»,
Зачѣмъ въ мою тѣснишься грудь!
Могу-ль сказать: «живи»! надеждѣ?
Скажу-ль тому, что было: «будь»?
Могу-ль узрѣть во блескѣ новомъ
Мечты увядшей красоту!
Могу-ль опять одѣть покровомъ
Знакомой жизни наготу!
За чѣмъ душа въ тотъ край стремится,
Гдѣ были дни, какихъ ужъ нѣтъ!
Пустынный край не населится,
Не узритъ онъ минувшихъ лѣтъ!
Тамъ есть одинъ жилецъ безгласный,
Свидѣтель милой старины;
Тамъ вмѣстѣ съ нимъ всѣ дни прекрасны
Въ единый гробъ положены.

Жуковскій.

110. ВЕЛИСАРІЙ.

(романсъ).

Малютка, шлемъ нося, просилъ,
Для Бога, пищи лишь дневныя
Слѣпцу, котораго водилъ, —
Кѣмъ славны Римъ и Византія.
«Тронитесь жертвою судебъ!
(Онъ такъ прохожихъ умоляетъ)
Подайте мальчику на хлѣбъ:
Онъ Велисарія питаетъ!
Вотъ шлемъ того, который былъ
Для Готѳовъ, Вандаловъ грозою;
Враговъ отечества сразилъ,
Но самъ сраженъ былъ клеветою.
Тиранъ лишилъ его очей, —
И міръ хранителя лишился.
Увы! свѣтъ солнечныхъ лучей
Для Велисарія закрылся!
Несчастный, — за кого въ слезахъ
Одинъ вознесъ я гласъ смиренной, —
Водилъ царей земныхъ въ цѣпяхъ,
Законы подавалъ вселенной!
Но въ счастіи своемъ равно
Онъ не былъ гордымъ, лютымъ, ди
кимъ;
И нынѣ мнѣ твердитъ одно:
Не называй меня великимъ!
Не видя свѣта и людей,
Паритъ онъ мыслью въ царствѣ слав
И видитъ въ памяти своей
Народы, вѣки и державы.
Вотъ постоянство здѣшнихъ благъ!
Сколь чуденъ Промыслъ твой, Содѣтел
И я сиротка, въ юныхъ дняхъ
Сталъ Велисарью благодѣтель!....»

Мерзляковъ.

111. ТОСКА ВЪ ОДИНОЧЕ
СТВѢ.

Среди долины ровныя, на гладк
высотѣ,
Цвѣтетъ, растетъ высокій дубъ въ м
гучей красотѣ.
Высокій дубъ развѣсистый, одинъ
всѣхъ въ глазахъ;
Одинъ, одинъ, бѣдняжечка, какъ р
крутъ на часахъ.
Взойдетъ-ли красно солнышко: —
подъ тѣнь принять?
Ударитъ-ли погодушка: — кто буд
защищать?
Ни сосенки кудрявыя, ни ивки бли
него,
Ни кустики зеленые не вьются вкру
него.
Ахъ скучно одинокому и дереву расти
Ахъ, горько, горько молодцу безъ дру
жизнь вести!
Есть много сребра, золота: — кого им
подарить?
Есть много славы, почестей: — но с
кѣмъ имъ раздѣлить? —
Встрѣчаюсь-лисъ знакомыми: поклон
да былъ таковъ.
Встрѣчаюсь-ли съ пригожими: — по
клонъ, да пара словъ. —
Однихъ я самъ пугаюся, другой бѣжит
меня;
Всѣ вѣрны, всѣ пріятели до черни
лишь дня!
Гдѣ съ сердцемъ отдохнуть могу, когд
гроза взойдетъ?

ный спитъ въ сырой землѣ,
на помощь не придетъ!
ѣтъ, ни племени въ чужой
мнѣ сторонѣ,
я любезная подруженька ко
мнѣ!
я отъ радости старикъ, смо-
тря на насъ!
вкругъ малюточки, тихо-
хонько рѣзвясь! —
ке все золото, всѣ почести
назадъ;
у, мнѣ милую, мнѣ милой
дайте взглядъ!

Мерзляковъ.

ЕРКЕССКАЯ ПѢСНЯ.

бѣжитъ гремучій валъ;
безмолвіе ночное;
алый задремалъ,
а копіе стальное.
вакъ: во тиѣ ночной
ходитъ за рѣкой.
лыветъ на челнокѣ,
ну рѣчному сѣти.
онешь ты въ рѣкѣ,
ъ маленькія дѣти,
аркою порой:
ходитъ за рѣкой.
гу завѣтныхъ водъ
огатыя станицы,
яшетъ хороводъ.
ѣскія пѣвицы;
расныя, домой:
ходитъ за рѣкой.

А. Пушкинъ.

ЗАБОТНОСТЬ ПТИЧКИ.

Божія не знаетъ
ни труда;
о не свиваетъ
ого гнѣзда;
очь на вѣткѣ дремлетъ:
ское взойдетъ —
су Бога внемлетъ,
ся и поетъ.
За весной, красой природы,
Лѣто знойное пройдетъ —
И туманъ и непогоды
Осень поздняя несетъ:
Людямъ скучно, людямъ горе;
Птичка въ дальнія страны,
Въ теплый край, за сине море
Улетаетъ до весны.

А. Пушкинъ.

114. Я пережилъ свои желанья.

Я пережилъ свои желанья,
Я разлюбилъ свои мечты!
Остались мнѣ одни страданья,
Плоды сердечной пустоты.
Подъ бурями судьбы жестокой
Увялъ цвѣтущій мой вѣнецъ!....
Живу печальный, одинокой
И жду — придетъ-ли мой конецъ?
Такъ позднимъ хладомъ пораженной,
Какъ бури слышенъ зимній свистъ,
Одинъ на вѣткѣ обнаженной
Трепещетъ запоздалый листъ.

А. Пушкинъ.

115. ПЛОВЕЦЪ.

Нелюдимо наше море,
День и ночь шумитъ оно;
Въ роковомъ его просторѣ
Много бѣдъ погребено.
Смѣло, братья! Вѣтромъ полный
Парусъ мой направилъ я:
Полетитъ на скользки волны
Быстрокрылая ладья!
Облака бѣгутъ надъ моремъ,
Крѣпнетъ вѣтеръ, зыбь чернѣй,
Будетъ буря: мы поспоримъ
И помужествуемъ съ ней.
Смѣло, братья! Туча грянетъ,
Закипитъ громада водъ,
Выше валъ сердитый встанетъ,
Глубже бездна упадетъ!
Тамъ, за далью непогоды,
Есть блаженная страна;
Не темнѣютъ неба своды,
Не проходитъ тишина.
Но туда выносятъ волны
Только сильнаго душой!....

Смѣло, братья, бурей полный
Прямъ и крѣпокъ парусъ мой.

Н. Языковъ.

---

116. Море воетъ, море стонетъ.

Море воетъ, море стонетъ,
И во мракѣ, одинокъ,
Поглощенъ волною, тонетъ
Мой заносчивый челнокъ.
Но, счастливецъ, предъ собою
Вижу звѣздочку мою, —
И спокоенъ я душою,
И безпечно я пою.
Молодая, золотая
Предвѣщательница дня!
При тебѣ бѣда земная
Недоступна до меня.
Но сокрой за бурной мглою
Ты сіяніе свое
И сокроется съ тобою
Провидѣніе мое.

Д. Давыдовъ.

---

117. Пѣла, пѣла пташечка.

Пѣла, пѣла пташечка —
И затихла,
Знало сердце радости —
И забыло.
Что, пѣвунья – пташечка,
Замолчала?
Какъ ты, сердце, свѣдалось
Съ чернымъ горемъ?
Ахъ! убили пташечку
Злые вьюги;
Погубили молодца
Злые тодки
Полетѣть-бы пташечкѣ
Къ синю морю!
Убѣжать-бы молодцу
Въ лѣсъ дремучій!
На морѣ валы шумятъ,
А не вьюги —
Въ лѣсѣ звѣри лютые,
Да не люди!

Дельвигъ.

---

118. Ахъ, ты ночь-ли, ночен

Ахъ ты ночь-ли,
Ноченька!
Ахъ ты ночь-ли
Бурная!
Отъ чего ты
Съ вечера
До глубокой
Полночи
Не блистаешь
Звѣздами,
Не сіяешь
Мѣсяцемъ,
Все темнѣешь
Тучами?
И съ тобой, знать,
Ноченька,
Какъ со мною
Молодцемъ,
Грусть-злодѣйка
Свѣдалась!
Какъ заляжетъ
Лютая
Тамъ глубоко
На сердцѣ:
Позабудешь
Съ вечера
До глубокой
Полночи,
Припѣвая,
Тѣшиться
Хороводной
Пляскою!
Нѣтъ, взрыдаешь,
Всплачешься,
И, безродной
Молодецъ,
На постелю
Жесткую,
Какъ въ могилу
Кинешься.

Дел

---

119. ПѢСНЯ ДЕЗДЕМО

Бѣдняжка въ раздумьи подъ
гу
Сидѣла, вздыхая, крушима тоск
«Вы пойте мнѣ иву, зеленую ив

свою руку на грудь положила,
ву тихо къ колѣнямъ склонила.
еныя волны, шумя, тамъ бѣжали,
ь ея жалкій тѣ волны роптали:
ты ива, зеленая ива!»
очія слезы катились ручьями
з камни сиягчались слезами.
ва, ты ива, зеленая ива!»
я ива мнѣ будетъ вѣнкомъ.
ты ива, зеленая ива!»

И. Козловъ.

Сладко пѣлъ душа соловушко.

цко пѣлъ душа соловушко
еленомъ моемъ саду:
много зналъ онъ пѣсенокъ,
не было одной.
! та пѣснь была завѣтная,
бѣлу грудь тоской;
слушать-бы хотѣлося,
сталась-бы ввѣкъ съ ней.
угъ подула со полуночи,
на сердце легла,
ая непогодушка,
садикъ занесла.
ого-ли со безвременья,
лъ зеленый садъ:
пташекъ, много пѣсенъ въ немъ,
милой не слыхать.
шите-ль, мои подруженьки!
еномъ моемъ саду
тъ-ли мой соловушко
завѣтную свою?
ь ужъ помнить перелетному,»
одружки говорятъ,
, можетъ быть, постылую
го въ чужомъ краю?»
ь! — запѣлъ душа соловушко:
седальней сторонѣ
е горькій сиротинушка, —
е тотъ-же, что и былъ.
абылъ онъ пѣснь завѣтную;
о край родной поетъ,
етъ въ тоскѣ про милую;
й пѣснью и умретъ.

Лажечниковъ.

---

121. КОЗАЧЬЯ КОЛЫБЕЛЬНАЯ ПѢСНЯ.

Спи, младенецъ мой прекрасный,
Баюшки-баю.
Тихо смотритъ мѣсяцъ ясный
Въ колыбель твою.
Стану сказывать я сказки,
Пѣсенку спою;
Ты-жъ дремли, закрывши глазки,
Баюшки-баю.
По камнямъ струится Терекъ,
Плещетъ мутный валъ;
Злой Чеченъ ползетъ на берегъ,
Точитъ свой кинжалъ;
Но отецъ твой старый воинъ,
Закаленъ въ бою:
Спи, малютка, будь спокоенъ,
Баюшки-баю.
Самъ узнаешь, будетъ время,
Бранное житье;
Смѣло вдѣнешь ногу въ стремя,
И возьмешь ружье.
Я сѣдельце боевое
Шелкомъ разошью....
Спи, дитя мое родное,
Баюшки-баю.
Богатырь ты будешь съ виду
И козакъ душой;
Провожать тебя я выду —
Ты махнешь рукой....
Сколько горькихъ слезъ украдкой
Я въ ту ночь пролью!
Спи, мой ангелъ, тихо, сладко,
Баюшки-баю.
Стану я тоской томиться,
Безутѣшно ждать;
Стану цѣлый день молиться,
По ночамъ гадать;
Стану думать, что скучаешь
Ты въ чужомъ краю....
Спи-жъ, пока заботъ не знаешь,
Баюшки-баю.
Дамъ тебѣ я на дорогу
Образокъ святой:
Ты его, моляся Богу,
Ставь передъ собой;
Да, готовясь въ бой опасный,
Помни мать свою....

Спи, младенецъ мой прекрасный,
Баюшки-баю.

Лермонтовъ.

122. ЛѢСЪ.

Что, дремучій лѣсъ,
Призадумался,
Грустью темною
Затуманился?
Что Бова-силачъ,
Заколдованный,
Съ непокрытою
Головой въ бою,
Ты стоишь, поникъ,
И не ратуешь
Съ мимолетною
Тучей-бурею?
Густолиственный,
Твой зеленый шлемъ
Буйный вихрь сорвалъ
И разсѣялъ въ прахъ.
Плащъ упалъ къ ногамъ
И разсыпался....
Ты стоишь, поникъ
И не ратуешь.
Гдѣ-жъ дѣвалася
Рѣчь высокая,
Сила гордая,
Доблесть царская?
У тебя-ль было —
Въ ночь безмолвную,
Заливная пѣснь
Соловьиная...
У тебя-ль было —
Въ дни роскошества,
Другъ и недругъ твой
Прохлаждаются....
У тебя-ль было
Поздно вечеромъ,
Грозно съ бурею
Разговоръ пойдетъ.
Распахнетъ она
Тучу черную,
Обоймет тебя
Вѣтромъ — холодомъ.
И ты молвишь ей
Шумнымъ голосомъ:
«Вороти назадъ,
Держи около!...»
Закружитъ она,
Разыграется....
Дрогнетъ грудь твоя,
Зашатается....
Встрепенувшися,
Разбушуешься —
Только свистъ кругомъ,
Голоса и гулъ.
Буря всплачется
Лѣшимъ-вѣдьмою,
И несетъ свои
Тучи за море...,
Гдѣ-жъ теперь твоя
Мочь зеленая?
Почернѣлъ ты весь,
Затуманился....
Одичалъ, замолкъ —
Только въ непогодь
Воешь жалобу
На безвременье.
Такъ-то темный лѣсъ,
Богатырь Бова!
Всю ты жизнь свою
Маялъ битвами.
Не осилили
Тебя сильные —
Такъ подрѣзала
Осень черная.
Знать, во время сна,
Къ безоружному
Понахлынули
Силы вражія...
Съ богатырскихъ плечъ
Сняли голову —
Не большой горой,
А соломенкой....

А. Кольцовъ

123. Сяду я за столъ.....

Сяду я за столъ,
Да подумаю —
Какъ на свѣтѣ жить
Одинокому.
Нѣтъ у молодца
Молодой жены;
Нѣтъ у молодца
Друга вѣрнова,
Золотой казны,
Угла теплова,

Бороны, сохи,
Коня-пахаря....
Вмѣстѣ съ бѣдностью,
Далъ мнѣ батюшка
Лишь одинъ таланъ —
Силу крѣпкую.
Да и ту какъ разъ
Нужда горькая
По чужимъ людямъ
Всю размыкала.
Сяду я за столъ,
Да подумаю —
Какъ мнѣ вѣкъ дожить
Одинокому.

А. Кольцовъ.

---

24. *Что ты спишь, мужичекъ?*

Что ты спишь, мужичекъ?
дь весна на дворѣ,
дь сосѣди твои
ботаютъ давно.
Встань, проснись, подымись;
і себя погляди:
о ты былъ, и что сталъ,
что есть у тебя?
На гумнѣ — ни снопа;
, закромахъ — ни зерна;
і дворѣ — по травѣ
ть шаромъ покатись.
Изъ клѣтей — домовой
ръ метлою посмелъ,
лошадокъ за долгъ
) сосѣдямъ развелъ.
И подъ лавкой сундукъ
рокинутъ лежитъ,
погнувшись, изба
къ старушка стоитъ.
Вспомни время свое:
къ катилось оно
) полямъ и лугамъ
лотою рѣкой.
Со двора и гумна
) дорожкѣ большой,
) селамъ, городамъ,
) торговымъ людямъ!
И какъ двери ему
створиливездѣ,
въ почетномъ углу
ло мѣсто твое!
А теперь, подъ окномъ,
Ты съ бѣдою сидишь,
И весь день на печи
Безъ просыпу лежишь;
А въ поляхъ сиротой
Хлѣбъ некошенъ стоитъ:
Вѣтеръ точитъ зерно,
Птица клюетъ его!
Что ты спишь, мужичекъ?
Вѣдь ужъ лѣто прошло,
Вѣдь ужъ осень на дворъ
Черезъ прясло глядитъ;
Вслѣдъ за нею зима
Въ теплой шубѣ идетъ,
Путь снѣжкомъ порошитъ,
Подъ санями хруститъ.
Всѣ сосѣди на нихъ
Хлѣбъ везутъ, продаютъ,
Собираютъ казну —
Бражку ковшикомъ пьютъ.

А. Кольцовъ.

---

125. ПѢСНЯ ПАХАРЯ.

Ну, тащися, сивка,
Пашней, десятиной,
Выблѣщимъ желѣзо
О сырую землю.
Красавица зорька
Въ небѣ загорѣлась,
Изъ большова лѣса
Солнышко выходитъ!
Весело на пашнѣ;
Ну! тащися сивка!
Я самъ, другъ, съ тобою,
Слуга и хозяинъ.
Весело я лажу
Борону и соху,
Телѣгу готовлю,
Зерна насыпаю.
Весело гляжу я
На гумно, на скирды,
Молочу и вѣю; —
Ну! тащися, сивка!
Пашенку мы рано
Съ сивкою распашемъ,
Зернышку сготовимъ
Колыбель святую.
Его вспоитъ, вскормитъ
Мать земля сырая;

Выйдетъ въ полѣ травка—
Ну! тащися, сивка!
Выйдетъ въ полѣ травка—
Выростетъ и колосъ,
Станетъ спѣть, рядиться
Въ золотыя ткани:
Заблеститъ нашъ серпъ здѣсь,
Зазвенятъ здѣсь косы:
Сладокъ будетъ отдыхъ
На снопахъ тяжелыхъ.
Ну! тащися, сивка!
Накормлю до сыта,
Напою водою,
Водой ключевою.
Съ тихою молитвой
Я вспашу, посѣю:
Уроди мнѣ, Боже,
Хлѣбъ—мое богатство!

А. Кольцовъ.

---

126. По полю, полю чистому.

По полю, полю чистому,
По бархатнымъ лужкамъ,
Течетъ, струится рѣченька
Къ безвѣстнымъ бережкамъ.
Взойдетъ гроза, пройдетъ гроза—
Всегда свѣтла она!
Отъ бури лишь поморщится,
Не зная, что волна....
Не рощи, не дубравушки
По бережку ростутъ;
Кусты цвѣтовъ лазоревыхъ,
Любуясь въ ней, цвѣтутъ!
А рѣчка извивается,
По травушкѣ скользитъ....
То въ ямкѣ потеряется,
То снова заблеститъ!
Ей убыли невѣдомы,
Всегда въ одной красѣ!
За прибыль благодарствуетъ
Небесной лишь росѣ!
Но долго-ль, долго-ль рѣченькѣ
Катиться по цвѣтамъ!
Ждутъ бездны моря, свѣтлую,
Въ дали туманной, тамъ!
О поле, поле чистое!
Осиротѣешь ты....
И вы, и вы посохнете,
Лазоревы цвѣты!
Ахъ, рѣчка, рѣчка свѣтлая,
Измѣнчивъ нашъ удѣлъ!....
На рѣзвый бѣгъ твой по полю
Сквозь слезы я глядѣлъ;
И я жилъ рѣзво, весело,
Пѣвалъ въ былые дни,
И радости сердечныя
Лишь чувствовалъ одни!
Но все перемѣняется,
Проходитъ все, какъ сонъ,
И я грустить, печалиться
До гроба осужденъ.

Цыганов

---

127. Полетай, соловеюшко.

Полетай, соловеюшко,
На родиму сторонушку,
На родимой сторонушкѣ,
Тамъ живала сироточка
Сирота горемычная,
Моя матушка родимая!
Подъ ея подъ окошечкомъ
Есть кудрявое деревцо:
Оно мною посажено,
Ею часто поливано,
Не водицей ключевою,
А слезами, да горючими.
Сядь на немъ, соловеюшко!
Свей на немъ тепло гнѣздышк
Заведи малыхъ дѣтушекъ,
Распѣвай съ утра до ночи:
Потѣшай сиротинушку,
Мою матушку родимую!
Пусть родная не плачется,
Подъ окошечкомъ сидючи,
На проѣзжаго глядючи,
Обо мнѣ вспоминаючи!....
Еще я на бѣломъ свѣту,
Пуще прежняго люблю ее.
Есть вѣдь дни, въ кои солнышко
Съ яснымъ мѣсяцемъ видится
Такъ настанетъ и намъ денекъ—
И мы съ ней повидаемся:
Наглядимся, насмотримся,
Насмѣемся.... наплачемся...
Крѣпко, крѣпко обнимемся
И до-сыта нацѣлуемся!

Цыганов

---

128. РОМАНСЪ.

(Изъ Мура).

гъ тихая роща въ родной сторонѣ —
сонные лавры цвѣтутъ въ тишинѣ;
ткахъ зеленыхъ поютъ соловьи;
ы, сверкаютъ жемчужны струи;
розы душистѣй, тамъ лугъ зеленѣй,
красное солнце горитъ веселѣй!
роща надъ моремъ въ горахъ вознеслась,
іютномъ раздольѣ она разрослась;
ней, пролетая, гроза не шумитъ,
на громовая вѣтвей не палитъ;
ихо, все дышитъ прохладой живой,
олно, все вѣетъ нетлѣнной весной.

ОБРАЗЦЫ ПРОСТОНАРОДНЫХЪ ПѢСЕНЪ.

шуми, мати зеленая дубровушка,
ышай мнѣ, доброму молодцу, думу думати,
заутра мнѣ, доброму молодцу во допросъ идти,
къ грознаго судью, самого Царя.
станетъ меня Царь Государь спрашивати:
кажи, скажи, дѣтинушка, крестьянской сынъ,
какъ съ кѣмъ ты воровалъ, съ кѣмъ разбой держалъ?
много-ли съ тобой было товарищей!
ажу тебѣ, надежа, православный Царь,
правду я скажу тебѣ, всю истину:
говарищей у меня было четверо,
какъ первой мой товарищъ — темная ночь,
торой мой товарищъ — булатный ножъ,
къ третій товарищъ — мой добрый конь,
А четвертый мой товарищъ — тугой лукъ;
Что разсыльщики мои — калены стрѣлы.
Что возговоритъ надежа, православный Царь:
Исполать тебѣ, дѣтинушка, крестьянской сынъ,
Что умѣлъ ты воровать, умѣлъ отвѣтъ держать;
Я за то тебя, дѣтинушку, пожалую
Среди поля хоромами высокими,
Что двумя-ли столбами съ перекладиною.

Ужъ какъ палъ туманъ на синее море,
А злодѣй-тоска въ ретиво сердце;
Не сходитъ туману съ синя моря,
Ужъ не выдти кручинѣ изъ сердца вонъ.
Не звѣзда блеститъ далече во чистомъ полѣ,
Курится огонечекъ маленекъ;
У огонечка разостланъ шелковой коверъ,
На коврикѣ лежитъ удалъ добрый молодецъ,
Прижимаетъ платкомъ рану смертную,
Унимаетъ молодецку кровь, горючую;
Подлѣ молодца стоитъ тутъ его добрый конь,
И онъ бьетъ своимъ копытомъ въ мать сыру землю,
Будто слово хочетъ вымолвить своему хозяину:
Ты вставай, вставай, удалъ добрый молодецъ,
Ты садись на меня, своего слугу.
Отвезу я добра молодца на родиму сторону,
Къ отцу матери родимой, къ роду племени,
Къ малымъ дѣтушкамъ, къ молодой женѣ!
Какъ вздохнетъ тутъ удалъ добрый молодецъ:
Подымалась у удалова его крѣпка грудь,
Опустилась у молодова бѣлы руки,
Растворилась его рана смертельная,
Пролилась ручьемъ кровь горючая.
Тутъ промолвилъ добрый молодецъ своему коню:
Ахъ ты, конь мой, конь, лошадь вѣрная!

Ты товарищъ въ полѣ ратномъ,
Добрый пайщикъ службы царской!
Ты скажи моей молодой вдовѣ,
Что женился я на другой женѣ,
Что за ней я взялъ поле чистое;
Насъ сосватала сабля острая,
Положила спать калена стрѣла.

Ахъ, ты батюшка свѣтелъ мѣсяцъ!
Что ты свѣтишь не по старому,
Не по старому и не по прежнему?
Что со вечера не до полуночи,
Со полуночи не до бѣла свѣта,
Все ты прячешься за облаки,
Укрываешься тучею темною.
Что у насъ было, на святой Руси,
Въ Петербургѣ, въ славномъ городѣ,
Во соборѣ Петропавловскомъ,
Что у праваго у клироса,
У гробницы Государевой,
У гробницы Петра Перваго,
Петра Перваго, Великаго,
Молодой сержантъ Богу молится,
Самъ онъ плачетъ какъ рѣка льется;
По кончинѣ вскорѣ Государевой
Государя Петра Перваго,
Въ возрыданье слово вымолвилъ:
Разступись ты, мать сыра земля,
Что на всѣ на четыре стороны!
Ты раскройся гробова доска;
Развернися золота парча!
И ты встань пробудись, Государь,
Пробудись батюшка, православный Царь,
Погляди ты на свое войско милое,
Что на милое и на храброе;
Безъ тебя мы осиротѣли,
Осиротѣвъ, обезсилѣли.

Какъ ты батюшка, славный тихій Донъ,
Ты кормилецъ нашъ Донъ Ивановичъ:
Про тебя лежитъ слава добрая,
Слава добрая, рѣчь хорошая.
Какъ бывало ты все быстеръ бѣжишь,
Ты быстеръ бѣжишь все чистехонекъ;
А теперь ты, кормилецъ, все мутенъ течешь,
Помутился ты, Донъ, съверху д
Рѣчь возговоритъ славный тихій
Ужъ какъ-то мнѣ все мутну не
Распустилъ я своихъ ясныхъ сок
Ясныхъ соколовъ, Донскихъ коз
Размываются безъ нихъ мои кру
ре
Высыпаются безъ нихъ косы же
песк

Баю, баюшки, баю,
Баю, Сашеньку, баю!
Приди котикъ ночевать,
Моего Сашеньку качать.
Баю, баюшки, баю!
Баю, Сашеньку, баю!
Моего Сашеньку, качать,
Качать, прибаюкивати.
Баю, баюшки, баю,
Баю, Сашеньку, баю!
Спи, усни, угомонъ
Тебя возьми.
Баю, баюшки, баю,
Баю, Сашеньку, баю!
У котушки кота
Колыбель хороша.
Баю, баюшки, баю,
Баю, Сашеньку, баю!
У моего Сашеньки
Лучше его.
Баю, баюшки, баю,
Баю, Сашеньку, баю!
У кота, кота
Перинушка мягка.
Баю, баюшки, баю,
Баю, Сашеньку, баю!
У моего Сашеньки
Мягче его.
Баю, баюшки, баю,
Баю, Сашеньку, баю!
У кота, кота
И подушечка бѣла;
Баю, баюшки, баю,
Баю, Сашеньку, баю!
У моего Сашеньки
Лучше его.
Баю, баюшки, баю,
Баю, Сашеньку, баю!
У кота, кота

...альцо тепло.
Баю, баюшки, баю,
Баю, Сашеньку, баю!
...моего Сашеньки
...оболиное лежитъ.
Баю, баюшки, баю,
Баю, Сашеньку, баю!
...котушки, кота
...летка подъ подушечкой лежитъ.
Баю, баюшки, баю,
Баю, Сашеньку, баю!
У моего Сашеньки
На стѣночкѣ виситъ.
Баю, баюшки, баю,
Баю, Сашеньку, баю!
Спи, усни, угомонъ
Тебя возьми.
Баю, баюшки, баю,
Баю, Сашеньку, баю!

IV. ЭЛЕГІЯ.

130. СЕЛЬСКОЕ КЛАДБИЩЕ.

Уже блѣднѣетъ день, скрываясь за горою;
Шумящія стада толпятся надъ рѣкой;
Усталый селянинъ медлительной стопою
Идетъ задумавшись въ шалашъ покойный свой.
Въ туманномъ сумракѣ окрестность исчезаетъ;
Повсюду тишина! повсюду мертвый сонъ!
Лишь изрѣдка, жужжа, вечерній жукъ мелькаетъ,
Лишь слышится въ дали роговъ унылый звонъ.
Лишь дикая сова, таясь подъ древнимъ сводомъ
Сей башни, сѣтуетъ, внимаема луной,
На возмутившаго полуночнымъ приходомъ
Ея безмолвнаго владычества покой.
Подъ кровомъ черныхъ сосенъ и вязовъ наклоненныхъ,
Которые окрестъ, развѣсившись, шумятъ,
Здѣсь праотцы села, въ гробахъ уединенныхъ
Навѣки затворясь, сномъ непробуднымъ спятъ.
Денницы тихій гласъ, дня юнаго дыханье,
Ни крики пѣтуха, низвучный гулъ роговъ,
Ни ранней ласточки на кровлѣ щебетанье,
Ничто не возвозветъ почившихъ изъ гробовъ.
На дымномъ очагѣ трескучій огнь сверкая,
Ихъ въ зимни вечера не будетъ веселить,
И чада нѣжныя, приходъ ихъ упреждая,
Не будутъ съ жадностью лобзанья ихъ ловить.
Какъ часто ихъ серпы златую ниву жали,
И плугъ ихъ побѣждалъ упорныя поля!
Какъ часто ихъ сѣкиръ дубравы трепетали,
И потомъ ихъ лица кропилася земля!
Пускай рабы суетъ ихъ жребій унижаютъ,
Смѣяся въ слѣпотѣ полезнымъ ихъ трудамъ;
Пускай съ холодностью презрѣнія внимаютъ
Таящимся во тьмѣ убогаго дѣламъ!
На всѣхъ ярится смерть—царя, любимца славы,
Всѣхъ ищетъ грозная.... и нѣкогда найдетъ!
Всемощныя судьбы незыблемы уставы:
И путь величія ко гробу насъ ведетъ!

А вы, наперсники фортуны ослѣпленны!
Напрасно спящихъ здѣсь спѣшите презирать
За то, что гробы ихъ не пышны и забвенны,
Что лесть имъ алтарей не мыслитъ воздвигать!
Вотще надъ мертвыми, истлѣвшими костями
Трофеи зиждутся, надгробія блестятъ,
Вотще гласъ почестей гремитъ передъ гробами:
Угасшій пепелъ нашъ они не воспалятъ.
Уже-ль смягчится смерть сплетаемой хвалою,
И невозвратную добычу возвратитъ?
Не слаще мертвыхъ сонъ подъ мраморною доскою:
Надменный мавзолей лишь персть ихъ бременитъ!
Ахъ! можетъ быть, подъ сей могилою таится
Прахъ сердца нѣжнаго, умѣвшаго любить,
И гробожитель-червь въ сухой главѣ гнѣздится,
Рожденной быть въ вѣнцѣ, иль мыслями парить!
Но просвѣщенья храмъ, воздвигнутый вѣками,
Угрюмою судьбой для нихъ былъ затворенъ;
Ихъ рокъ обременилъ убожества цѣпями,
Ихъ геній строгою нуждою умерщвленъ.
Какъ часто рѣдкій перлъ, волнами сокровенной,
Въ бездонной пропасти сіяетъ красотой!
Какъ часто лилія цвѣтетъ уединенно,
Въ пустынномъ воздухѣ теряя запахъ свой!
Быть можетъ, пылью сей покрытъ Гампденъ надменный,
Защитникъ сельскихъ правъ, тиранства смѣлый врагъ;
Иль кровію гражданъ Кромвель не обагренный;
Или Мильтонъ нѣмой, безъ славы скр
тый въ прахъ.
Отечество хранить державною рук
Сражаться съ бурей бѣдъ, фортуну пр
зирать,
Дары обилія на смертныхъ лить рѣк
Въ слезахъ признательныхъ дѣла с
читать—
Сего имъ не далъ рокъ! но вмѣс
преступленьямъ
Онъ съ доблестями ихъ кругъ тѣс
положилъ!
Бѣжать стезей убійствъ ко славѣ, н
слажденьямъ,
И быть жестокими къ страдальцамъ
претилъ;
Таить въ душѣ своей гласъ совѣс
и чести,
Румянецъ робкія стыдливости терят
И, раболѣпствуя, на жертвенник
лести
Дары небесныхъ Музъ гордынѣ пос
щать!
Скрываясь отъ мірскихъ погибел
ныхъ смятеній,
Безъ страха и надеждъ, въ дол
жизни сей,
Не зная горести, не зная наслажден
Они безпечно шли тропинкою своей.
И днесь спокойно спятъ подъ сѣн
гробовою—
И скромный памятникъ, въ пріют
соснъ густыхъ,
Съ непышной надписью и рѣзьбою про
стою—
Прохожаго зоветъ вздохнуть надъ пр
хомъ ихъ.
Любовь на камнѣ семъ ихъ памя
сохранила,
Ихъ лѣта, имена потщившись наче
тать;
Окрестъ библейскую мораль изобр
зила,
По коей мы должны учиться умира
И кто съ сей жизнію безъ горя ра
ставался?
Кто прахъ свой по себѣ забвенью пр
давалъ?
Кто въ часъ послѣдній свой симъ
ромъ не плѣнялся,

а томнаго назадъ не обращалъ?
! нѣжная душа, природу по-
кидая,
тся друзьямъ оставить пламень
свой;
ы тусклые, навѣки угасая,
тремятся къ нимъ съ послѣднею
слезой;
сердце милый гласъ въ могилѣ
нашей слышитъ;
камень гробовой для нихъ оду-
шевленъ;
ихъ нашъ мертвый прахъ въ хо-
лодной урнѣ дышитъ,
гнемъ любви для нихъ воспла-
мененъ!
ы, почившихъ другъ, пѣвецъ уеди-
ненный!
ударитъ часъ послѣдній, роковой!
гробу твоему, мечтой сопровож-
денный,
вительный придетъ услышать жре-
бій твой.
ть можетъ, селянинъ съ почтенной
сѣдиною
будетъ о тебѣ пришельцу гово-
рить:
часто по утрамъ встрѣчался здѣсь
со мною,
и спѣшилъ на холмъ зарю преду-
предить!
имъ въ полдень онъ сидѣлъ подъ
дремлющею ивой,
явшей изъ земли косматый корень
свой;
часто въ горести безпечной, мол-
чаливой,
лъ, задумавшись, надъ свѣтлою
рѣкой;
е рѣдко въ вечеру, скитаясь межъ
кустами,
а мы съ поля шли, и въ рощѣ со-
ловей
талъ вечернюю пѣснь—онъ томными
очами
ю слѣдовалъ за тихою зарей!
грискорбный, сумрачный, съ главою
преклоненной,
часто уходилъ въ дубраву слезы
лить,
Какъ странникъ, родины, друзей, всего
лишенной,
Которому ничѣмъ души не усладить!
»Взошла заря—увы! съ зарей онъ не
являлся,
Ни къ ивѣ, ни на холмъ, ни въ лѣсъ
не приходилъ,
Взошла заря опять — нигдѣ онъ не
встрѣчался,
Мой взоръ его искалъ—искалъ—не на-
ходилъ.
«На утро пѣніе мы слышимъ гробо-
вое....
Несчастнаго несутъ въ могилу поло-
жить!
Приближься, прочитай надгробіе про-
стое,
Чтобъ память добраго слезой благо-
словить!

Эпитафія.

Здѣсь пепелъ юноши безвременно
сокрыли;
Что слава, счастіе, не зналъ онъ въ
мірѣ семъ!
Но музы отъ него лица не отвратили,
И меланхоліи печать была на немъ.
Онъ кротокъ сердцемъ былъ, чувст-
вителенъ душою—
Чувствительнымъ Творецъ награду по-
ложилъ!
Дарилъ несчастныхъ онъ—чѣмъ только
могъ—слезою!
Въ награду отъ Творца онъ друга по-
лучилъ!
Прохожій, удались! во гробѣ сонъ
священный!
Судьба почившихъ въ немъ покрыта
грозной мглой!
Надежда робкая живитъ ихъ пепелъ
тлѣнный!...
Кто знаетъ, что насъ ждетъ за гробо-
вой доской!

Жуковскій.

---

131. ТА-ЖЕ ЭЛЕГІЯ, ВЪ ДРУГОМЪ ПЕРЕВОДѢ.

Колоколъ поздній кончину отшедша-
го дня возвѣщаетъ;

Съ тихимъ блеяньемъ бредетъ черезъ поле усталое стадо;
Медленнымъ шагомъ домой возвращается пахарь, уснувшій
Міръ уступая молчанью и мнѣ. Ужъ блѣднѣетъ окрестность,
Мало по малу теряясь во мракѣ, и воздухъ наполненъ
Весь тишиною торжественной; изрѣдка только промчится
Жукъ съ усыпительно-тяжкимъ жужжаньемъ, да рогъ отдаленный,
Сонъ наводя на стада, порою невнятно раздастся;
Только съ вершины той пышно плющемъ украшенной башни
Жалобнымъ крикомъ сова предъ тихой луной обвиняетъ
Тѣхъ, кто, случайно зашедши къ ея гробовому жилищу,
Миръ нарушаютъ ея безмолвнаго, древняго царства.
Здѣсь подъ навѣсомъ нагнувшихся вязовъ, подъ свѣжею тѣнью
Ивъ, гдѣ зеленымъ дерномъ могильные холмы покрыты,
Каждый навѣкъ затворяся въ свою одинокую келью,
Спятъ непробудно смиренные предки села. Ни веселый
Голосъ прохладно-душистаго утра, ни ласточки ранней
Съ кровли соломенной трель, ни труба пѣтуха, ни отзывный
Рогъ, ничто не подыметъ ихъ болѣ съ ихъ бѣдной постели.
Яркій огонь очага ужъ для нихъ не зажжется; не будетъ
Ихъ вечеровъ услаждать хлопотливость хозяйки; не будутъ
Дѣти тайкомъ къ дверямъ подбѣгать, чтобъ подслушать, нейдутъ ли
Съ поля отцы, и къ нимъ на колѣна тянуться, чтобъ первый
Прежде другихъ схватить поцѣлуй. Какъ часто серпамъ ихъ
Нива богатство свое отдавала; какъ часто ихъ острый
Плугъ побѣждалъ упорную глыбу; какъ весело въ поле
Къ трудной работѣ они выходили; какъ звучно топоръ ихъ
Въ лѣсѣ густомъ раздавался, рубя вѣковыя деревья!
Пусть издѣвается гордость надъ ихъ полезною жизнью,
Низкій удѣлъ и семейственный миръ поселянъ презирая;
Пусть величіе съ хладной насмѣшкой читаетъ простую
Лѣтопись бѣднаго; — знатность породы, могущества пышность,
Все, чѣмъ блеститъ красота, чѣмъ богатство плѣняетъ, все будетъ
Жертвой послѣдняго часа: путь славы ведетъ лишь ко гробу.
Кто обвинитъ ихъ за то, что надъ прахомъ смиреннымъ ихъ память
Пышныхъ гробницъ не воздвигла; что въ храмахъ, по сводамъ высокимъ,
Въ блескѣ торжественномъ свѣчъ, въ благовонномъ дыму ѳиміама,
Имъ похвала не гремитъ, повторенная звучнымъ органомъ?
Надпись на урнѣ, иль дышащій въ мраморѣ ликъ не воротятъ
Въ прежнюю область ея отлетѣвшую жизнь, и хвалебный
Голосъ не тронетъ безмолвнаго праха, и въ хладно – нѣмое
Ухо смерти не вкрадется сладкій ласкательства лепетъ.
Можетъ быть, здѣсь въ могилѣ, ничѣмъ незамѣтной, истлѣло
Сердце, огнемъ небеснымъ нѣкогда полное; стала
Прахомъ рука, рожденная скипетръ носить иль восторга
Пламень въ живыя струны вливать; но наука предъ ними
Свитковъ своихъ, богатыхъ добычей вѣковъ, не раскрыла,
Холодъ нужды умертвилъ благородный ихъ пламень и сила
Геніемъ полной души ихъ безплодно погибла на вѣки.
О! какъ много чистыхъ, прекрасныхъ жемчужинъ сокрыто
Въ темныхъ, невѣдомыхъ намъ глубинахъ океана! Какъ часто

Цвѣтъ родится на то, чтобъ цвѣсти невидимо и сладкій
Запахъ терять въ безпредѣльной пустынѣ! Быть можетъ,
Здѣсь погребенъ какой-нибудь Гампденъ незнаемый, грозный
Мелкимъ тиранамъ села, иль Мильтонъ нѣмой и не славный,
Иль Кромвель неповинный въ крови сограждан. Всемогущимъ
Словомъ сенатъ покорять, бороться съ судьбою, обилье
Щедрою сыпать рукой на цвѣтущую область, и въ громкихъ
Плескахъ отечества жизнь свою слышать—то рокъ запретилъ имъ;
Но, ограничивъ въ добрѣ ихъ, равно и во злѣ ограничилъ:
Не далъ имъ воли — стремиться къ престолу стезею убійства,
Иль затворять милосердія двери предъ страждущимъ братомъ,
Или, коварствуя, правду таить, иль стыда на ланитахъ
Чистую краску терять, иль срамить вдохновенье святое,
Гласомъ поэзіи славя могучій развратъ и фортуну.
Чуждые смутъ и волненій безумной толпы, изъ-за тѣсной
Грани желаній своихъ не пуская, вдоль свѣжей,
Сладко безшумной долины жизни, они тихомолкомъ
Шли по тропинкѣ своей, и здѣсь ихъ пріютъ безмятеженъ.
Кажется, слышишь, какъ дышитъ кругомъ ихъ спокойствіе неба,
Всѣ тревоги земныя смиряя, и мнится, какой-то
Сердце объемлющій голосъ, изъ тихихъ могилъ подымаясь,
Здѣсь разливаетъ предчувствіе вѣчнаго мира; чтобъ праха
Мертвыхъ никто не обидѣлъ, надгробные камни съ простою
Надписью, съ грубой рѣзьбою, прохожаго молятъ почтить ихъ
Вздохомъ минутнымъ; на камняхъ рука неграмотной музы
Ихъ имена и лѣта написала, кругомъ начертавши,
Вмѣсто надгробій, слова изъ Святаго Писанья, чтобъ скромный
Сельскій мудрецъ по нимъ умирать научился. И кто же,
Кто въ добычу нѣмому забвенью эту земную,
Милую, смутную жизнь предавалъ и съ цвѣтущимъ предѣломъ
Радостно-свѣтлаго дня разставался, назадъ не бросая
Долгаго, томнаго, грустнаго взгляда? Душа, удаляясь,
Хочетъ на нѣжной груди отдохнуть, и очи, темнѣя,
Ищутъ прощальной слезы. Изъ могилы намъ слышенъ знакомый
Голосъ, и въ нашемъ прахѣ живетъ бывалое пламя.
Тыжъ, погребенныхъ безъ славы заботливый другъ, безъискусно
Повѣсть объ нихъ разсказавшій, быть можетъ кто-нибудь, сердцемъ
Близкій тебѣ, одинокой мечтою сюда приведенный,
Знать пожелаетъ о томъ, что случилось съ тобой, и быть можетъ,
Вотъ что разскажетъ ему о тебѣ старожилъ посѣдѣлый:
«Часто видали его мы, какъ онъ на разсвѣтѣ поспѣшнымъ
Шагомъ, росу отряхая съ травы, входилъ на пригорокъ
Встрѣтить солнце; тамъ на мшистомъ, изгибистомъ корнѣ
Стараго вяза, къ землѣ приклонившаго вѣтви, лежалъ онъ
Въ полдень, и слушалъ, какъ ближній ручей журчитъ извиваясь;
Вечеромъ часто, окончивъ дневную работу, случалось
Намъ видать, какъ у входа въ долину стоялъ онъ, за солнцемъ
Слѣдуя взоромъ и слушая зяблицы позднюю пѣсню!
Тамъ же не разъ мы видали, какъ шелъ онъ вдоль лѣса, съ какой-то
Грустной улыбкой, и что-то шенталъ про себя, наклонивши

Голову, блѣдный лицемъ, какъ будто оставленный цѣлымъ
Свѣтомъ и мучимый тяжкою думой или безнадежнымъ
Горемъ любви. Но однажды по утру его я не встрѣтилъ,
Какъ то бывало, на холмѣ, и въ полдень его не нашелъ я
Подлѣ ручья, ни послѣ въ долинѣ; прошло и другое
Утро и третье, но онъ не встрѣчался нигдѣ, ни на холмѣ
Рано, ни въ полдень подлѣ ручья, ни въ долинѣ
Вечеромъ. Вотъ мы однажды поутру печальное пѣнье
Слышимъ: его на кладбище несли. Подойди: здѣсь на камнѣ,
Если умѣешь, прочтешь, что о немъ тогда написали:
«Юноша здѣсь погребенъ, невѣдомый счастью и славѣ;
«Но при рожденьѣ онъ былъ небесною музой присвоенъ,
«И меланхолія знаки свои на него наложила.
«Былъ онъ душой откровененъ и добръ, его наградило
«Небо: несчастнымъ давалъ, что имѣлъ онъ — слезу; и въ награду
«Онъ получилъ отъ неба самое лучшее: друга.
«Путникъ! не трогай покоя могилы: здѣсь все, что въ немъ было
«Нѣкогда добраго, всѣ его слабости робкой надеждой
«Преданы въ лоно благаго Отца, правосуднаго Бога.

Жуковскій.

---

132. Опять ты здѣсь, мой благодатный Геній.

Опять ты здѣсь, мой благодатный Геній,
Воздушная подруга юныхъ дней;
Опять съ толпой знакомыхъ привидѣній
Тѣснишься ты, Мечта, къ душѣ моей....
Приди-жъ, о другъ! дай прежнихъ вдохновеній,
Минувшею мнѣ жизнію повѣй,
Побудь со мной, продли очарованья,
Дай сладкаго вкусить воспоминанья.
Ты образы веселыхъ лѣтъ примчала—
И много милыхъ тѣней возстаетъ;
И то, чѣмъ жизнь столь нѣкогда плѣняла,
Что рокъ, отнявъ, назадъ не отдаетъ,
То все опять душа моя узнала;
Проснулась Скорбь, и жалоба зоветъ
Сопутниковъ, съ пути сошедшихъ прежде,
И здѣсь вотще повѣрившихъ надеждѣ.
Къ нимъ не дойдутъ послѣдней пѣсни звуки;
Разсѣянъ кругъ, гдѣ первую я пѣлъ;
Не встрѣтятъ ихъ простертыя къ нимъ руки;
Прекрасный сонъ ихъ жизни улетѣлъ.
Другихъ умчалъ могущій Духъ разлуки;
Счастливый край, ихъ знавшій, опустѣлъ;
Разбросаны по всѣмъ дорогамъ міра—
Не имъ поетъ задумчивая лира.
И снова въ томномъ сердцѣ воскресаетъ
Стремленье въ оный таинственный свѣтъ;
Давнишній гласъ на лирѣ оживаетъ,
Чуть слышимый, какъ геній полетъ;
И душу хладную разогрѣваетъ
Опять тоска по благамъ прежнихъ лѣтъ;
Все близкое мнѣ зрится отдаленнымъ,
Отжившее, какъ прежде, оживленнымъ.

Жуковскій.

---

133. ТЕОНЪ И ЭСХИНЪ.

Эсхинъ возвращался къ Пенатамъ своимъ,
Къ брегамъ благовоннымъ Алфея;
Онъ долго по свѣту за счастьемъ бродилъ —
Но счастье, какъ тѣнь, убѣгало.
И роскошь, и слава, и Вакхъ, и Эротъ—
Лишь сердце они изнурили:
Цвѣтъ жизни былъ сорванъ; увяла душа
Въ ней скука сѣнила надежду.

ь взорамъ его тихоструйный Алфей
Въ цвѣтущихъ брегахъ открывался;
ѣдъ нимъ оживились минувшіе дни,
Давно улетѣвшая младость....
ъ тѣ-жъ берега и поля и холмы,
И то-же прекрасное небо;
гдѣ-жъ озарявшая нѣкогда ихъ
Волшебнымъ сіяньемъ Надежда?
лища Теонова ищетъ Эсхинъ.
Теонъ, при домашнихъ Пенатахъ,
желаніяхъ скромный, безъ пышныхъ надеждъ,
Остался на брегѣ Алфея.
изъ мѣста, гдѣ въ море втекаетъ Алфей,
Подъ сѣнью оливъ и платановъ,
вренную хижину видитъ Эсхинъ —
То было жилище Теона.
безоблачныхъ солнцесходилонебесъ
И тихое море горѣло;
хижину сыпался розовый блескъ,
И мирты окрестны алѣли.
ъ бѣлаго мрамора гробъ не вдали,
Обсаженный миртами, зрѣлся;
шистыя розы и гибкій ясминъ
Вѣтвями надъ нимъ сплетались.
прагѣ сидѣлъ въ размышленьи Теонъ,
Смотря на багряное море —
другъ видитъ Эсхина, и вмигъ узнаетъ
Сопутника юныя жизни.
а благостно взглянетъ хранитель-Зевесъ
На мирный возвратъ твой къ Пенатамъ!»
блистающимъ радостью взоромъ Теонъ
Сказалъ, обнимая Эсхина.
взглядъ на него любопытный вперилъ —
Лице его скорбно и мрачно.
друга внимательно смотритъ Эсхинъ —
Взоръ друга прискорбенъ, но ясенъ.
«Когда я съ тобой разлучился, Теонъ,
Надежда сулила мнѣ счастье;
опытъ иное мнѣ въ жизни явилъ:
Надежда лукавый предатель.
жи, О Теонъ, твой задумчивый взглядъ
Не туже-ль судьбу возвѣщаетъ?
Уже-ль и тебя посѣтила печаль
При мирныхъ домашнихъ Пенатахъ? —
Теонъ указалъ, воздыхая, на гробъ....
«Эсхинъ, вотъ безмолвный свидѣтель,
Что боги для счастья послали намъ жизнь —
Но съ нею печаль неразлучна.
«О, нѣтъ, не ропщу на Зевесовъ законъ,
И жизнь и вселенна прекрасны.
Не въ радостяхъ быстрыхъ, не въ ложныхъ мечтахъ
Я видѣлъ земное блаженство.
«Что можетъ разрушить въ минуту судьба,
Эсхинъ, то на свѣтѣ не наше;
Но сердца нетлѣнныя блага: любовь
И сладость возвышенныхъ мыслей —
«Вотъ счастье; о другъ мой, оно не мечта.
Эсхинъ, я любилъ и былъ счастливъ;
Любовью моя освятилась душа,
И жизнь въ красотѣ мнѣ предстала.
«При блескѣ возвышенныхъ мыслей я зрѣлъ
Яснѣе великость творенья;
Я вѣрилъ, что путь мой лежитъ по землѣ
Къ прекрасной, возвышенной цѣли.
«Увы, я любилъ.... и ея уже нѣтъ!
Но счастье, вдвоемъ столь живое,
На вѣки-ль исчезло? И прежніе дни
Вотще-ли столь были прелестны?
«О, нѣтъ: никогда не погибнетъ ихъ слѣдъ;
Для сердца прошедшее вѣчно.
Страданье въ разлукѣ есть та-же любовь;
Надъ сердцемъ утрата безсильна.
«И скорбь о погибшемъ не есть-ли, Эсхинъ,
Обѣтъ неизмѣнной надежды:
Что гдѣ-то въ знакомой, но тайной странѣ,

Погибшее намъ возвратится?
«Кто разъ полюбилъ, тотъ на свѣтѣ, мой другъ,
Уже одинокимъ не будетъ....
Ахъ, свѣтъ, гдѣ она предо мною цвѣла—
Онъ тотъ-же; все ею онъ полонъ.
«По той-же дорогѣ стремлюся одинъ
И къ тойже возвышенной цѣли,
Къ которой такъ бодро стремился вдвоемъ —
Сихъ узъ не разрушитъ могила.
«Сей мыслью высокой украшена жизнь:
Я взоромъ смотрю благодарнымъ
На землю, гдѣ столько разсыпано благъ,
На полное славы творенье.
«Спокойно смотрю я съ земли рубежа
На сторону лучшія жизни;
Сей сладкой надеждою міръ озаренъ,
Какъ небо сіяньемъ Авроры.
«Съ сей сладкой надеждой я выше судьбы,
И жизнь мнѣ земная священна;
При мысли великой, что я человѣкъ,
Всегда возвышаюсь душею.
«А этотъ безмолвный, таинственный гробъ....
О другъ мой, онъ вѣрный свидѣтель,
Что лучшее въ жизни еще впереди,
Что вѣрно желанное будетъ.
«Сей гробъ затворенная къ счастію дверь;
Отворится.... жду и надѣюсь!
За нимъ ожидаетъ сопутникъ меня,
На мигъ мнѣ явившійся въ жизни.
«О другъ мой, искавъ измѣняющихъ благъ,
Искавъ наслажденій минутныхъ,
Ты вѣрныя блага утратилъ свои —
Ты жизнь презирать научился.
«Съ симъ гибельнымъ чувствомъ ужасенъ и свѣтъ;
Дай руку: близь вѣрнаго друга,
Съ природой и жизнью опять примирись;
О, вѣрь мнѣ, прекрасна вселенна.
«Все небо намъ дало, мой другъ, съ бытіемъ:
Все въ жизни къ великому средство;
И горесть и радость — все къ цѣлой
Хвала жизнодавцу — Зевесу!

Жуковскій

---

134. НОЧЬ.

Уже утомившійся день
Склонился въ багряныя воды,
Темнѣютъ лазурныя своды,
Прохладная стелется тѣнь;
И ночь молчаливая мирно
Пошла по дорогѣ эфирной,
И Весперъ летитъ передъ ней
Съ прекрасной звѣздою своей.
Сойди, о небесная, къ намъ
Съ волшебнымъ твоимъ покрываломъ
Съ цѣлебнымъ забвенья фіаломъ,
Дай мира усталымъ сердцамъ.
Своимъ миротворнымъ явленьемъ,
Своимъ усыпительнымъ пѣньемъ,
Томимую душу тоской,
Какъ матерь дитя, успокой.

Жуковскій

---

135. ЖАЛОБА ЦЕРЕРЫ.

Снова геній жизни вѣетъ;
Возвратилася весна;
Холмъ на солнцѣ зеленѣетъ;
Ледъ разрушила волна;
Распустившійся дымится
Благовоніями лѣсъ,
И безоблаченъ глядится
Въ воды зеркальны Зевесъ;
Все цвѣтетъ—лишь мой единый
Не взойдетъ прекрасный цвѣтъ:
Прозерпины, Прозерпины
На землѣ моей ужъ нѣтъ.
Я вездѣ ее искала,
Въ дневномъ свѣтѣ и въ ночи;
Всѣ за ней я посылала
Аполлоновы лучи;
Но ее подъ сводомъ неба
Не нашелъ всезрящій богъ;
А подземной тьмы Эреба
Лучъ его пронзить не могъ:
Тѣ брега недостижимы,
И богамъ ихъ страшенъ видъ....

і! неумолимый
вуетъ Аидъ.
ь мое во мракъ Плутона
ней перенесетъ?
дитъ челнъ Харона,
тѣни онъ беретъ;
дземнаго страшится;
ленъ адъ и тихъ;
ъ поръ какъ онъ стремится,
е видывалъ живыхъ;
огъ туда низводитъ;
оттуда нѣтъ;
ній не приходитъ
уже на свѣтъ.
завидна мнѣ, печальной,
мертвыхъ матерей!
амень погребальной
етъ имъ дѣтей;
съ, боговъ нетлѣнныхъ,
дою утратъ?
радостно - блаженныхъ,
рогія щадятъ.....
арки, поспѣшите
ъ адъ меня послать;
тини не щадите:
уете мать.
ь предѣлъ—гдѣ, утѣшенью
чужда,
етъ—свободной тѣнью
-бъ я тогда;
ругa, на престолѣ
стала бы она,
думою о волѣ
ои полна;
бы взоръ склонился,
налъ бы онъ,
ами-бъ прослезился
калостный Плутонъ.
ій призракъ! стонъ напрасный!
ъ путемъ небесъ
еліосъ прекрасный,
къ рѣшилъ Зевесъ;
рнею доволенъ,
адску ночь,
ъ отдать неволенъ
ченную дочь.
ыть, доколь Аида
итъ Аполлонъ,
гой Ирида
гъ на Ахеронъ!

Нѣтъ-ли-жъ мнѣ чего отъ милой,
Въ сладкопамятный завѣтъ:
Что осталось все, какъ было,
Что для насъ разлуки нѣтъ?
Нѣтъ ли тайныхъ узъ, чтобъ ими
Снова сблизить мать и дочь,
Мертвыхъ съ милыми живыми
Съ свѣтлымъ днемъ подземну ночь?...
Такъ, не всѣ слѣды пропали!
Къ ней дойдетъ мой нѣжный кликъ:
Намъ святые боги дали
Усладительный языкъ.
Въ тѣ часы, какъ хладъ Борея
Губитъ нѣжныхъ чадъ весны,
Листья падаютъ желтѣя,
И лѣса обнажены, —
Изъ руки Вертумна щедрой
Сѣмя жизни взять спѣшу,
И, въ земное бросивъ нѣдро,
Стиксу въ жертву приношу;
Сердцу дочери ввѣряю
Тайный даръ моей руки,
И скорбя въ немъ посылаю
Вѣсть любви, залогъ тоски.
Но когда съ небесъ слетаетъ
Вслѣдъ за бурями весна:
Въ мертвомъ снова жизнь играетъ,
Солнце грѣетъ сѣмена;
И умершіе для взора,
Вдавъ они весны привѣтъ,
Изъ подземнаго затвора
Рвутся радостно на свѣтъ:
Листъ выходитъ въ область неба,
Корень ищетъ тьмы ночной,
Листъ живетъ лучами Феба,
Корень стиксовой струей.
Ими таинственно слита
Область тьмы съ страною дня,
И приходитъ отъ Коцита
Милой вѣстью для меня;
И ко мнѣ въ живомъ дыханьѣ
Молодыхъ цвѣтовъ весны
Подымается признанье,
Глазъ родной изъ глубины:
Онъ разлуку услаждаетъ,
Онъ душѣ моей твердитъ,
Что любовь не умираетъ
И въ отшедшихъ за Коцитъ.
О, привѣтствую васъ, чада,
Расцвѣтающихъ полей!

Вы тоски моей услада,
Образъ дочери моей:
Васъ налью благоуханьемъ,
Напою живой росой,
И съ Авроринымъ сіяньемъ
Поравняю красотой;
Пусть весной природы младость,
Пусть осенній мракъ полей
И мою вѣщаютъ радость,
И печаль души моей.

Жуковскій.

---

136 ТѢНЬ ДРУГА.

Я берегъ покидалъ туманный Альбіона:
Казалось, онъ въ волнахъ свинцовыхъ утопалъ,
За кораблемъ вилася гальціона,
И тихій гласъ ея пловцевъ увеселялъ.
Вечерній вѣтръ, валовъ плесканье,
Однообразный шумъ и трепетъ парусовъ,
И кормчаго на палубѣ взыванье
Ко стражѣ, дремлющей подъ говоромъ валовъ —
Все сладкую задумчивость питало.
Какъ очарованный, у мачты я стоялъ,
И сквозь туманъ и ночи покрывало
Свѣтила сѣвера любезнаго искалъ.
Вся мысль моя была въ воспоминаньѣ,
Подъ небомъ сладостнымъ отеческой земли,
Но вѣтровъ шумъ и моря колебанье
На вѣжды томное забвенье навели.
Мечты смѣнялися мечтами —
И вдругъ.... то былъ-ли сонъ?.. предсталъ товарищъ мнѣ,
Погибшій къ роковомъ огнѣ
Завидной смертію, надъ Плейскими струями.
Но видъ не страшенъ былъ: чело
Глубокихъ ранъ не сохраняло,
Какъ утро майское, веселіемъ цвѣло,
И все небесное душѣ напоминало.
«Ты-ль это! милый другъ, товарищъ лучшихъ дней!
Ты-ль это?» я вскричалъ, «о воинъ вѣчно милой!
Не я-ли надъ твоей безвременной могилой,
При страшномъ заревѣ Беллониныхъ огней,
Не я-ли съ вѣрными друзьями
Мечемъ на деревѣ твой подвигъ начерталъ,
И тѣнь въ небесную отчизну провожалъ
Съ мольбой, рыданьемъ и слезами?
Тѣнь незабвеннаго! отвѣтствуй, милый братъ,
Или протекшее все было сонъ, мечтанье:
Все, все, и блѣдный трупъ, могила и обрядъ,
Свершенный дружбою втвое воспоминанье?
О, молви слово мнѣ! пускай знакомый звукъ
Еще мой жадный слухъ ласкаетъ,
Пускай рука моя, о незабвенный другъ!
Твою съ любовію сжимаетъ.»—
И я летѣлъ къ нему.... Но горній духъ исчезъ
Въ бездонной синевѣ безоблачныхъ небесъ,
Какъ дымъ, какъ метеоръ огнистой полуночи,
Исчезъ—и сонъ покинулъ очи.
Все спало вкругъ меня подъ кровомъ тишины,
Стихіи грозныя казалися безмолвны.
При свѣтѣ облакомъ подернутой луны
Чуть вѣялъ вѣтерокъ, едва сверкала волны;
Но сладостный покой бѣжалъ моихъ очей,
И все душа за призракомъ летѣла
Все гостя горняго остановить хотѣла—
Тебя, о милый братъ! о лучшій изъ друзей!

Батюшковъ.

---

137. УМИРАЮЩІЙ ТАССЪ.

Какое торжество готовитъ древнимъ Римъ?
Куда текутъ народа шумны волны?

чему сихъ ароматъ и мирры сладкій дымъ,
Душистыхъ травъ кругомъ кошницы полны?
Капитолія отъ Тибровыхъ валовъ,
Надъ стогнами всемірныя столицы,
чему раскинуты средь лавровъ и цвѣтовъ
Безцѣнные ковры и багряницы?
чему сей шумъ? къ чему тимпановъ звукъ и громъ?
Веселья онъ, или побѣды вѣстникъ?
что съ хоругвіей течетъ въ молитвы домъ
Подъ митрою Апостоловъ намѣстникъ?
ну въ рукѣ его сей зыблется вѣнецъ,
Безцѣнный даръ признательнаго Рима?
му тріумфъ? Тебѣ, божественный пѣвецъ!
Тебѣ сей даръ... пѣвецъ Ерусалима!
шумъ веселія достигъ до кельи той,
Гдѣ борется съ кончиною Торквато;
ѣ надъ божественной страдальца головой
Духъ смерти носится крылатой.
і слезы дружества, ни иноковъ мольбы,
Ни почестей столь поздняя награды,
что не укротитъ желѣзныя судьбы,
Незнающей къ великому пощады.
луразрушенный, онъ видитъ грозный часъ,
Съ веселіемъ его благословляетъ,
лебедь сладостный, еще въ послѣдній разъ
Онъ, съ жизнію прощаясь, восклицаетъ:
рузья, о! дайте мнѣ взглянуть на пышный Римъ,
Гдѣ ждетъ пѣвца безвременно кладбище,
і встрѣчу взорами холмы твои и дымъ,
О древнее Квиритовъ пепелище!
мля священная героевъ и чудесъ!
Развалины и прахъ краснорѣчивый!
Лазурь и пурпуры безоблачныхъ небесъ,
Вы, тополи, вы, древнія оливы,
И ты, о вѣчный Тибръ, поитель всѣхъ племенъ,
Засѣянный костьми гражданъ вселенной:
Васъ, васъ привѣтствуетъ изъ сихъ унылыхъ стѣнъ
Безвременной кончины обреченной!
Свершилось! Я стою надъ бездной роковой
И не вступлю при плескахъ въ Капитолій,
И лавры славные надъ дряхлой головой
Не усладятъ пѣвца свирѣпой доли.
Отъ самой юности игралище людей,
Младенцемъ былъ уже изгнанникъ;
Подъ небомъ сладостнымъ Италіи моей
Скитаяся, какъ бѣдный странникъ,
Какихъ не испыталъ превратностей судебъ?
Гдѣ мой челнокъ волнами не носился?
Гдѣ успокоился? гдѣ мой насущный хлѣбъ
Слезами скорби не кропился?
Соренто! колыбель моихъ несчастныхъ дней,
Гдѣ я въ ночи, какъ трепетный Асканій,
Отторженъ былъ судьбой отъ матери моей,
Отъ сладостныхъ объятій и лобзаній:
Ты помнишь, сколько слезъ младенцемъ пролилъ я!
Увы! съ тѣхъ поръ, добыча злой судьбины,
Всѣ горести узналъ, всю бѣдность бытія.
Фортуною изрытыя пучины
Разверзлись подо мной и громъ не умолкалъ!
Изъ веси въ весь, изъ странъ въ страну гонимый,
Я тщетно на земли пристанища искалъ:
Повсюду перстъ ея неотразимый!
Повсюду молніи, карающей пѣвца!

Ни въ хижинѣ оратая простаго,
Ни подъ защитою Альфонсова дворца,
Ни въ тишинѣ безвѣстнѣйшаго крова,
Ни въ дебряхъ, ни въ горахъ, не спасъ главы моей,
Безславіемъ и славой удрученной,
Главы изгнанника, отъ колыбельныхъ дней
Карающей богинѣ обреченной....
Друзья! но что мою стѣсняетъ страшно грудь?
Что сердце такъ ноетъ и трепещетъ?
Откуда я? какой прошелъ ужасный путь,
И что за мной еще во мракѣ блещетъ?
Феррара.... фурія.... и зависти змія!....
Куда, куда, убійцы дарованья!
Я въ пристани. Здѣсь Римъ. Здѣсь братья и семья!
Вотъ слезы ихъ и сладки лобызанья....
И въ Капитоліи—Виргиліевъ вѣнецъ!
Такъ, я свершилъ назначенное Фебомъ.
Отъ первой юности его усердный жрецъ,
Подъ молніей, подъ разъятымъ небомъ,
Я пѣлъ величіе и славу прежнихъ дней,
И въ узахъ я душей не измѣнился.
Музъ сладостный восторгъ не гасъ въ душѣ моей,
И геній мой въ страданьяхъ укрѣпился.
Онъ жилъ въ странѣ чудесъ, у стѣнъ твоихъ Сіонъ,
На берегахъ цвѣтущихъ Іордана;
Онъ вопрошалъ тебя, мутящійся Кедронъ,
Васъ, мирныя убѣжища Ливана!
Предъ нимъ воскресли вы, герои древнихъ дней,
Въ величіи и въ блескѣ грозной славы.
Онъ зрѣлъ тебя, Готфредъ, владыко, вождь царей,
Подъ свистомъ стрѣлъ спокойный величавый;
Тебя, младый Ринальдъ, кипящій какъ Ахиллъ,
Въ любви, въ войнѣ счастливый побѣдитель:
Онъ зрѣлъ, какъ ты леталъ по трупамъ вражьихъ силъ,
Какъ огнь, какъ смерть, какъ ангелъ-истребитель....
И тартаръ низложенъ сіяющимъ крестомъ!
О доблести неслыханной примѣры!
О нашихъ праотцевъ давно почившихъ сномъ
Тріумфъ святой! побѣда чистой вѣры!
Торквато васъ исторгъ изъ пропасти временъ:
Онъ пѣлъ—и вы не будете забвенны —
Онъ пѣлъ: ему вѣнецъ безсмертья обреченъ,
Рукою Музъ и славы сплетенный.
Но поздно! я стою надъ бездной роковой
И не вступлю при плескахъ въ Капитолій,
И лавры славные надъ дряхлой головой
Не усладятъ пѣвца свирѣпой доли!» —
Умолкъ. Унылый огнь въ очахъ его горѣлъ,
Послѣдній лучъ таланта предъ кончиной;
И умирающій, казалося, хотѣлъ
У Парки взять тріумфа день единой.
Онъ взоромъ всепскалъ капитолійскихъ стѣнъ,
Съ усиліемъ еще приподнимался
Но, мукой страшною кончины изнуренъ
Недвижимый на ложѣ оставался
Свѣтило дневное ужъ къ западу текло
И въ заревѣ багряномъ утопало
Часъ смерти близился.... и мрачное чело
Въ послѣдній разъ страдальца просіяло:
Съ улыбкой тихою на западъ онъ глядѣлъ....

И, оживленъ вечернею прохладой,
Десницу къ небесамъ внимающимъ воздѣлъ,
Какъ праведникъ, съ надеждой и отрадой.
— «Смотрите, онъ сказалъ рыдающимъ друзьямъ,
Какъ царь свѣтилъ на западѣ пылаетъ!
Онъ, онъ зоветъ меня къ безоблачнымъ странамъ,
Гдѣ вѣчное свѣтило засіяетъ....
Ужъ Ангелъ предо мной, вожатый оныхъ мѣстъ;
Онъ осѣнилъ меня лазурными крылами....
Приближьте знакъ любви, сей таинственный крестъ....
Молитеся съ надеждой и слезами...
Земное гибнетъ все.... и слава и вѣнецъ....
Искуствъ и Музъ творенья величавы:
Но тамъ—все вѣчное, какъ вѣченъ самъ Творецъ,
Податель намъ вѣнца небренной славы!
Тамъ все великое, чѣмъ духъ питался мой,
Чѣмъ я дышалъ отъ самой колыбели.
О братья! о друзья! не плачьте надо мной:
Вашъ другъ достигъ давно желанной цѣли.
Отыдетъ съ миромъ онъ, и, Вѣрой укрѣпленъ,
Мучительной кончины не примѣтитъ:
Тамъ, тамъ.... о счастіе!.... средь непорочныхъ женъ,
Средь Ангеловъ, Елеонора встрѣтитъ!»
И съ именемъ любви божественный погасъ;
Друзья надъ нимъ въ безмолвіи рыдали;
День тихо догоралъ.... и колокола гласъ
Разнесъ кругомъ по стогнамъ вѣсть печали.
Погибъ Торкватo нашъ! воскликнулъ съ плачемъ Римъ,
Погибъ пѣвецъ, достойный лучшей доли!....
На утро факеловъ узрѣлъ мрачный дымъ
И трауромъ покрылся Капитолій.

Батюшковъ.

---

138 НА РАЗВАЛИНАХЪ ЗАМКА ВЪ ШВЕЦІИ.

Уже свѣтило дня на западѣ горитъ,
И тихо погрузилось въ волны!...
Задумчиво луна сквозь тонкій паръ глядитъ
На хляби и брега безмолвны.
И все въ глубокомъ снѣгоморіе кругомъ.
Лишь изрѣдка рыбарь къ товарищамъ взываетъ;
Лишь эхо гласъ его протяжно повторяетъ
Въ безмолвіи ночномъ. —
Я здѣсь, на сихъ скалахъ, висящихъ надъ водой,
Въ священномъ сумракѣ дубравы,
Задумчиво брожу, и вижу предъ собой
Слѣды протекшихъ лѣтъ и славы:
Обломки, грозный валъ, поросшій злакомъ ровъ,
Столбы — и ветхій мостъ съ чугунными цѣпями,
Твердыни мшистыя съ гранитными зубцами
И длинный рядъ гробовъ. —
Все тихо: мертвый сонъ въ обители глухой;
Но здѣсь живетъ воспоминанье:
И путникъ, опершись на камень гробовой,
Вкушаетъ сладкое мечтанье.
Тамъ, тамъ, гдѣ вьется плющъ по лѣстницѣ крутой,
И вѣтръ колышетъ стебль изсохшія полыни,
Гдѣ мѣсяцъ осребрилъ угрюмыя твердыни
Надъ спящею водой: —
Тамъ воинъ нѣкогда, Одена храбрый внукъ,

Въ бояхъ приморскихъ посѣдѣлый,
Готовилъ сына въ брань, и стрѣлъ пернатыхъ пукъ,
Броню завѣтну, мечъ тяжелый,
Онъ юношѣ вручалъ израненной рукой,
И громко восклицалъ, подъявъ дрожащи длани:
Тебѣ онъ обреченъ, о Богъ, властитель брани,
Всегда, и всюду твой! —
А ты, мой сынъ, клянись мечемъ своихъ отцовъ,
И Гелы клятвою кровавой,
На западныхъ струяхъ быть ужасомъ враговъ,
Иль пасть какъ предки пали съ славой!
И пылкій юноша мечъ прадѣдовъ лобзалъ,
И къ персямъ прижималъ родительскія длани,
И въ радости, какъ конь, при звукѣ новой брани,
Кипѣлъ и трепеталъ. —
Война, война врагамъ отеческой земли! —
Суда на утро восшумѣли,
Запѣнились моря, и быстры корабли
На крыльяхъ бури полетѣли!
Въ долинахъ Нейстріи раздался браней громъ,
Туманный Альбіонъ изъ края въ край пылаетъ,
И Гела день и ночь въ Валгалу провождаетъ
Погибшихъ блѣдный сонмъ. —
Ахъ, юноша! спѣши къ отеческимъ брегамъ,
Назадъ лети съ добычей бранной;
Ужъ вѣетъ кроткій вѣтръ во слѣдъ твоимъ судамъ,
Герой, побѣдою избранной!
Ужъ скальды пиршество готовятъ на холмахъ,
Ужъ дубы въ пламени, въ сосудахъ медъ сверкаетъ,
И вѣстникъ радости отцамъ провозглашаетъ
Побѣды на моряхъ. —
Здѣсь въ мирной пристани, съ денницей золотой,
Тебя невѣста ожидаетъ,
Къ тебѣ, о юноша, слезами и мольбой,
Боговъ на милость преклоняетъ...
Но вонъ въ туманѣ тамъ, какъ стая лебедей,
Бѣлѣютъ корабли, несомые волнами;
О, вѣй, попутный вѣтръ! вѣй тихими устами
Въ вѣтрила кораблей! —
Суда у береговъ, на нихъ уже герой
Съ добычей женъ иноплеменныхъ;
Къ нему спѣшитъ отецъ съ невѣстою младой
И лики скальдовъ вдохновенныхъ.
Красавица стоитъ, безмолвствуя, въ слезахъ,
Едва на жениха взглянуть украдкой смѣетъ,
Потупя ясный взоръ, краснѣетъ и блѣднѣетъ,
Какъ мѣсяцъ въ небесахъ.... —
И тамъ, гдѣ каждый рядъ, сѣдымъ одѣтый мхомъ
Помостъ обрушенный являетъ,
Повременно сова въ безмолвіи ночномъ
Пустыню крикомъ оглашаетъ —
Тамъ чаши радости стучали по столамъ,
Тамъ храбрые кругомъ съ друзьями ликовали,
Тамъ скальды пѣли брань, и персты ихъ летали
По пламеннымъ струнамъ. —
Тамъ пѣли звукъ мечей и свистъ пернатыхъ стрѣлъ,
И трескъ щитовъ и громъ ударовъ,
Кипящу брань среди опустошенныхъ селъ,
И грады въ заревѣ пожаровъ;
Тамъ старцы жадный слухъ склоняли къ пѣсни сей,
Сосуды полные въ десницахъ ихъ дрожали,
И гордыя сердца съ восторгомъ вспоминали
О славѣ юныхъ дней. —
Но все покрыто здѣсь угрюмой ночи мглой,

Все время въ прахъ преобратило!
ѣ прежде скальдъ гремѣлъ на арфѣ
золотой,
Тамъ вѣтеръ свищетъ лишь уны-
ло!
ѣ храбрый ликовалъ съ дружиною
своей,
ѣ жертвовалъ виномъ отцу и богу
брани, —
мъ дремлютъ притаясь двѣ трепетныя
лани,
Иль слышенъ вой звѣрей. —
ѣ-жъ вы, о сильные, вы, Галловъ
бичъ и страхъ,
Земель полночныхъ исполины,
альда спутники, на бренныхъ челно-
какъ
Протекши дальнія пучины?
ѣ вы, отважныя толпы богатырей,
, дикіе сыны и брани и свободы,
зникшіе въ снѣгахъ, средь ужасовъ
природы,
Средь копій, средь мечей? —
гибли сильные! — но странникъ въ
сихъ мѣстахъ
Но тщетно камни вопрошаетъ,
руны тайныя, останки на скалахъ
Угрюмой древности, читаетъ.
ратай ближнихъ селъ, склонясь на по-
сохъ свой,
яситъ ему: смотри, о сынъ иноплe-
менный,
цѣсь тлѣютъ праотцевъ останки дра-
гоцѣнны,
Почти ихъ гробъ святой!

Батюшковъ.

---

139. Есть наслажденіе и въ дикости лѣсовъ.

сть наслажденіе и въ дикости лѣсовъ,
Есть радость на приморскомъ
брегѣ,
есть гармонія въ семъ говорѣ валовъ,
Дробящихся въ пустынномъ бѣгѣ.
ближняго люблю—но ты, природа-мать,
Для сердца ты всего дороже!
ь тобой, владычица, привыкъ я забы-
вать
И то, чѣмъ былъ, какъ былъ по-
ложе,
И то, чѣмъ нынѣ сталъ подъ холодомъ
годовъ;
Тобою въ чувствахъ оживаю:
Ихъ выразить, душа не знаетъ строй-
ныхъ словъ,
И какъ молчать объ нихъ—не знаю.

Батюшковъ.

---

140. Смерть жатву жизни коситъ....

Смерть жатву жизни коситъ, коситъ;
И каждый день, и каждый часъ
Добычи новой жизни проситъ
И грозно разрываетъ насъ.
Какъ много ужъ именъ прекрас-
ныхъ
Она отторгла у живыхъ,
И сколько лиръ виситъ безгласныхъ
На кипарисахъ молодыхъ.
Какъ много сверстниковъ не стало,
Какъ много младшихъ ужъ сошло,
Которыхъ утро разсвѣтало,
Когда насъ знойнымъ полднемъ жгло.
А мы остались, уцѣлѣли
Изъ этой сѣчи роковой,
По смерти ближнихъ оскудѣли
И ужъ не рвемся въ жизнь, какъ въ бой.
Печально вѣкъ свой доживая,
Мы запоздавшей смѣны ждемъ,
Съ днемъ каждымъ сами умирая,
Пока не вовсе мы умремъ.
Сыны другаго поколѣнья,
Мы въ новомъ—прошлогодній цвѣтъ:
Живыхъ намъ чужды впечатлѣнья,
А нашимъ въ нихъ сочувствій нѣтъ.
Они, что любимъ, разлюбили,
Страстямъ ихъ—насъ не волновать!
Ихъ не было тамъ, гдѣ мы были,
Гдѣ будутъ—намъ ужъ не бывать!
Нашъ міръ—имъ храмъ опустошен-
ный,
Имъ баснословье—наша быль,
И то, что пепелъ намъ священный—
Для нихъ одна нѣмая пыль.
Такъ мы развалинамъ подобны,
И на распутіи живыхъ

Стоимъ какъ памятникъ надгробный
Среди обителей людскихъ.

Кн. Вяземскій.

141. ОПЯТЬ НА РОДИНѢ.

Опять на родинѣ! я посѣтилъ
Тотъ уголокъ земли, гдѣ я провелъ
Отшельникомъ два года незамѣтныхъ,
Ужъ десять лѣтъ ушло съ тѣхъ поръ, и много
Перемѣнилось въ жизни для меня,
И самъ, покорный общему закону,
Перемѣнился я; но здѣсь опять
Минувшее меня объемлетъ живо,
И кажется вчера еще бродилъ
Я въ этихъ рощахъ.
Вотъ смиренный домикъ,
Гдѣ жилъ я съ бѣдной нянею моей.
Уже старушки нѣтъ, ужъ за стѣною
Не слышу я шаговъ ея тяжелыхъ,
Ни утреннихъ ея дозоровъ. Вотъ
И холмъ лѣсистый, надъ которымъ часто
Я сиживалъ недвижимъ, и глядѣлъ
На озеро, воспоминая съ грустью
Иные берега, иныя волны....
Межъ нивъ златыхъ и пажитей зеленыхъ
Оно, синѣя, стелется широко:
Черезъ его невѣдомыя воды
Плыветъ рыбакъ и тянетъ за собой
Убогой неводъ. По брегамъ отлогимъ
Разсѣяны деревни; тамъ за ними
Скрывалась мельница, на-силу крылья
Ворочая при вѣтрѣ....
На границѣ
Владѣній дѣдовскихъ, на мѣстѣ томъ,
Гдѣ въ гору подымается дорога,
Изрытая дождями, три сосны
Стоятъ, по-одаль двѣ другія
Другъ къ дружкѣ близко. Здѣсь, когда ихъ мимо
Я проѣзжалъ верхомъ при свѣтѣ лунной ночи,
Знакомымъ шумомъ вѣтеръ съ ихъ вершинъ
Меня привѣтствовалъ. По той дорогѣ
Теперь поѣхалъ я, и предъ собою
Увидѣлъ ихъ опять; онѣ все тѣ-же;
Все тотъ-же ихъ знакомый слуху шорохъ,
Но около корней ихъ устарѣлыхъ,
Гдѣ нѣкогда все было пусто, голо,
Теперь младая роща разрослась:
Зеленою семьей кусты тѣснятся
Подъ сѣнью ихъ, какъ дѣти.
Стоитъ одинъ угрюмый ихъ товарищъ,
Какъ старый холостякъ, и вкругъ него
По прежнему все пусто.
Здравствуй, племя
Младое, незнакомое! Не я
Увижу твой могучій поздній возрастъ,
Когда перерастешь моихъ знакомцевъ
И старую главу ихъ заслонишь
Отъ глазъ прохожаго. Но пусть мой внукъ
Услышитъ вашъ привѣтный шумъ, когда
Съ пріятельской бесѣды возвращаясь,
Веселыхъ и пріятныхъ мыслей полонъ,
Пройдетъ онъ мимо васъ во мракѣ ночи
И обо мнѣ вспомянетъ....

А. Пушкинъ.

142. ЛИЦЕЙСКАЯ ГОДОВЩИНА.

Была пора: нашъ праздникъ молодой
Сіялъ, шумѣлъ и розами вѣнчался,
Исъ пѣснями бокаловъ звонъ мѣшался,
И тѣсною сидѣли мы толпой.
Тогда, душей безпечные невѣжды,
Мы жили всѣ и легче и смѣлѣй,
Мы пили всѣ за здравіе надежды,
И юности, и всѣхъ ея затѣй.
Теперь не то: разгульный праздникъ нашъ
Съ приходомъ лѣтъ, какъ мы, перебѣсился;
Онъ присмирѣлъ, утихъ, остепенился;
Сталъ гуще звонъ его заздравныхъ чашъ;
Межъ нами рѣчь не такъ игриво льется;
Просторнѣе, грустнѣе мы сидимъ;
И рѣже смѣхъ средь пѣсенъ раздается;
И чаще мы вздыхаемъ и молчимъ.
Всему пора: ужъ двадцать пятый разъ
Мы празднуемъ Лицея день завѣтный;
Прошли года чредою незамѣтной;
И какъ они перемѣнили насъ!

ронъ, нѣтъ! промчалась четверть вѣка;
туйте: таковъ судьбы законъ;
ется весь міръ вкругъ человѣка,—
ль одинъ недвижимъ будетъ онъ?
помните, о други! съ той поры,
нашъ кругъ судьбы соединили,
чему свидѣтели мы были!....
ища таинственной игры,
ися смущенные народы,
лись и падали цари,
вь людей то славы, то свободы,
радости багрила алтари.
помните, когда возникъ Лицей,
Царь для насъ открылъ чертогъ Царицынъ—
пришли, и встрѣтилъ насъ Куницынъ
тствіемъ межъ царственныхъ гостей.
гроза двѣнадцатаго года
пала; еще Наполеонъ
пыталъ великаго народа—
розилъ и колебался онъ.
помните: текла за ратью рать;
ршими мы братьями прощались,
сѣнь наукъ съ досадой возвращались,
уя тому, кто умирать
мимо насъ.... И племена сразились,
обняла кичливаго врага,
евомъ московскимъ озарились
олкамъ готовые снѣга.
помните, какъ нашъ Агамемнонъ
лѣннаго Парижа къ намъ примчался:
восторгъ тогда предъ нимъ раздался!
былъ великъ, какъ былъ прекрасенъ Онъ,
овъ другъ, спаситель ихъ свободы!
мните, какъ оживились вдругъ
ды, сіи живыя воды,
роводилъ Онъ главный свой досугъ!
ь Его—и Русь оставилъ Онъ,
нну Имъ надъ міромъ изумленнымъ,
скалѣ, изгнанникомъ забвеннымъ,
Всему чужой, угасъ Наполеонъ.
И новый Царь безстрашный и могучій
На рубежѣ Европы бодро сталъ.

А. Пушкинъ.

143. ЛИЦЕЙСКАЯ ГОДОВЩИНА.

Чѣмъ чаще празднуетъ Лицей
Свою святую годовщину,
Тѣмъ робче старый кругъ друзей
Въ семью стѣсняется едину,
Тѣмъ рѣже онъ, тѣмъ праздникъ нашъ
Въ своемъ веселіи мрачнѣе,
Тѣмъ глуше звонъ заздравныхъ чашъ
И наши пѣсни тѣмъ грустнѣе.
Давно-ль, друзья... Но двадцать лѣтъ
Тому прошло — и что-же вижу?
Того Царя въ живыхъ ужъ нѣтъ;
Мы жгли Москву, былъ плѣнъ Парижу,
Угасъ въ тюрьмѣ Наполеонъ,
Воскресла Грековъ древнихъ слава,
Съ престола палъ другой Бурбонъ,
Отбунтовала вновь Варшава.
Такъ дуновенья бурь земныхъ
И насъ нечаянно касались;
И мы средь пиршествъ молодыхъ
Душею часто омрачались;
Мы возмужали; рокъ судилъ
И намъ житейски испытанья;
И смерти духъ средь насъ ходилъ,
И назначалъ свои закланья.
Шесть мѣстъ упраздненныхъ стоятъ;
Шести друзей не узримъ болѣ;
Они, разбросанные, спятъ
Кто здѣсь, кто тамъ на ратномъ полѣ,
Кто дома, кто въ землѣ чужой,
Кого недугъ, кого печали
Свели во мракъ земли сырой;
И всѣхъ мы братски поминали.
И, мнится, очередь за мной....
Зоветъ меня мой Дельвигъ милый,
Товарищъ юности живой,
Товарищъ юности унылой,
Товарищъ пѣсенъ молодыхъ,
Пировъ и чистыхъ помышленій,
Туда, въ толпу тѣней родныхъ
На-вѣкъ отъ насъ ушедшій геній.

А. Пушкинъ.

144. Брожу-ли я вдоль улицъ шумныхъ.

Брожу-ли я вдоль улицъ шумныхъ,
Вхожу-ль во многолюдный храмъ,
Сижу-ль межъ юношей безумныхъ,
Я предаюсь моимъ мечтамъ.
Я говорю: промчатся годы,
И, сколько здѣсь ни видно насъ,
Мы всѣ сойдемъ подъ вѣчны своды
И чей нибудь ужъ близокъ часъ.
Гляжу-ль на дубъ уединенный,
Я мыслю: патріархъ лѣсовъ
Переживетъ мой вѣкъ забвенный,
Какъ пережилъ онъ вѣкъ отцевъ.
Младенца-ль милаго ласкаю,
Уже я думаю: прости!
Тебѣ я мѣсто уступаю:
Мнѣ время тлѣть, тебѣ цвѣсти.
День каждый, каждую годину
Привыкъ я думой провождать,
Грядущей смерти годовщину
Межъ нихъ стараясь угадать.
И гдѣ мнѣ смерть пошлетъ судьбина?
Въ бою-ли, въ странствіи, въ волнахъ?
Или сосѣдняя долина
Мой приметъ охладѣлый прахъ?
И хоть безчувственному тѣлу
Равно повсюду истлѣвать;
Но ближе къ милому предѣлу
Мнѣ-бъ все хотѣлось почивать.
И пусть у гробоваго входа
Младая будетъ жизнь играть,
И равнодушная природа
Красою вѣчною сіять.

А. Пушкинъ.

---

145. Рѣдѣетъ облаковъ летучая гряда.

Рѣдѣетъ облаковъ летучая гряда.
Звѣзда печальная, вечерняя звѣзда!
Твой лучъ осеребрилъ увядшія равнины,
И дремлющій заливъ, и черныхъ скалъ вершины.
Люблю твой слабый свѣтъ въ небесной вышинѣ:
Онъ думы разбудилъ, уснувшія во мнѣ.
Я помню твой восходъ, знакомое свѣтило!
Надъ мирною страной, гдѣ все для сердца мило,
Гдѣ стройны тополи въ долинахъ возвеслись,
Гдѣ дремлетъ нѣжный миртъ и темный кипарисъ
И сладостно шумятъ полуденные волны.
Тамъ нѣкогда, въ горахъ, сердечной думы полный,
Надъ моремъ я влачилъ задумчивую лѣнь.

А. Пушкинъ.

---

146. УЕДИНЕНІЕ.

Привѣтствую тебя, пустынный уголокъ,
Пріютъ спокойствія, трудовъ и вдохновенья,
Гдѣ льется дней моихъ невидимый потокъ
На лонѣ счастья и забвенья!
Я твой: я промѣнялъ порочный дворъ цирцей,
Роскошные пиры, забавы, заблужденья,
На мирный шумъ дубравъ, на тишину полей,
На праздность вольную, подругу размышленья.
Я твой: люблю сей темный садъ
Съ его прохладой и цвѣтами,
Сей лугъ, уставленный душистыми скирдами,
Гдѣ свѣтлые ручьи въ кустарникахъ шумятъ.
Вездѣ передо мной подвижныя картины:
Здѣсь вижу двухъ озеръ лазурныя равнины,
Гдѣ парусъ рыбаря бѣлѣетъ иногда,
За ними рядъ холмовъ и нивы полосаты,
Вдали разсыпанныя хаты,
На влажныхъ берегахъ бродящія стада,
Овины длинные и мельницы крылаты,
Вездѣ слѣды довольства и труда.
Я здѣсь, отъ суетныхъ оковъ освобожденный,
Учуся въ истинѣ блаженство находить,

Свободною душей законъ боготворить,
Роптанью не внимать толпы непросвѣщенной,
Участьемъ отвѣчать застѣнчивой мольбѣ,
И не завидовать судьбѣ
Злодѣя иль глупца въ величіи неправомъ.
Оракулы вѣковъ, здѣсь вопрошаю васъ!
Въ уединеньи величавомъ
Слышнѣе вашъ отрадный гласъ;
Онъ гонитъ лѣни сонъ угрюмый,
Къ трудамъ раждаетъ жаръ во мнѣ
И ваши творческія думы
Въ душевной зрѣютъ глубинѣ.

А. Пушкинъ.

---

147. ОСЕНЬ.

Октябрь ужъ насту пилъ, ужъ роща отряхаетъ
Послѣдніе листы съ нагихъ своихъ вѣтвей;
Дохнулъ осенній хладъ, дорога промерзаетъ;
Журча еще бѣжитъ за мельницу ручей,
Но прудъ уже застылъ; сосѣдъ мой поспѣшаетъ
Въ отъѣзжія поля съ охотою своей —
И страждутъ озими отъ бѣшеной забавы—
И будитъ лай собакъ уснувшія дубравы.
Унылая пора! очей очарованье!
Пріятна мнѣ твоя прощальная краса;
Люблю я пышное природы увяданье,
Въ багрецъ и въ золото одѣтые лѣса,
Въ ихъ сѣняхъ вѣтра шумъ и свѣжее дыханье,
И мглой волнистою покрыты небеса,
И рѣдкій солнца лучъ, и первые морозы,
И отдаленныя сѣдой зимы угрозы.
И съ каждой осенью я расцвѣгаю вновь;
Здоровью моему полезенъ русскій холодъ;
Къ привычкамъ бытія вновь чувствую любовь;
Чредой слетаетъ сонъ, чредой находитъ голодъ;
Легко и радостно играетъ въ сердцѣ кровь,
Желанія кипятъ — я снова счастливъ, молодъ,
Я снова жизни полнъ—таковъ мой организмъ.
(Извольте мнѣ простить ненужный прозаизмъ).
Ведутъ ко мнѣ коня; въ раздолiи открытомъ,
Махая гривою, онъ всадника несетъ—
И звонко подъ его блистающимъ копытомъ
Звенитъ промерзлый долъ и трескается ледъ.
Но гаснетъ краткій день, и въ комелькѣ забытомъ
Огонь опять горитъ, то яркій свѣтъ лiетъ,
То тлѣетъ медленно, а я надъ нимъ читаю,
Иль думы долгія въ душѣ моей питаю.
И забываю міръ—и въ сладкой тишинѣ
Я сладко усыпленъ моимъ воображеньемъ,
И пробуждается поэзія во мнѣ:
Душа стѣсняется лирическимъ волненьемъ,
Трепещетъ и звучитъ и ищетъ, какъ во снѣ,
Излиться наконецъ свободнымъ проявленьемъ. —
И тутъ ко мнѣ идетъ незримый рой гостей,
Знакомцы давніе, плоды мечты моей.
И мысли въ головѣ.....
И рiемы легкія на встрѣчу имъ бѣгутъ,
И пальцы просятся къ перу, перо къ бумагѣ,
Минута—и стихи свободно потекутъ.
Такъ дремлетъ недвижимъ корабль въ недвижной влагѣ;
Но чу! матросы вдругъ кидаются, ползутъ
Вверхъ, внизъ—и паруса надулись вѣтра полны;
Громада двинулась и разсѣкаетъ волны.

А. Пушкинъ.

148. СКОРОТЕЧНОСТЬ ЖИЗНИ.

Увы! на жизненныхъ браздахъ
Мгновенной жатвой поколѣнья,
По тайной волѣ Провидѣнья,
Восходятъ, зрѣютъ и падутъ;
Другія имъ во слѣдъ идутъ....
Такъ наше вѣтренное племя
Растетъ, волнуется, кипитъ
И къ гробу прадѣдовъ тѣснитъ.
Придетъ, придетъ и наше время,
И наши внуки въ добрый часъ
Изъ міра вытѣснятъ и насъ.
Покамѣстъ упивайтесь ею,
Сей легкой жизнію, друзья!
Ея ничтожность разумѣю
И мало къ ней привязанъ я.
Для призраковъ закрылъ я вѣжды;
Но отдаленныя надежды
Тревожатъ сердце иногда:
Безъ непримѣтнаго слѣда
Мнѣ было-бъ грустно міръ оставить.
Живу, пишу не для похвалъ;
Но я-бы, кажется, желалъ
Печальный жребій свой прославить,
Чтобъ обо мнѣ, какъ вѣрный другъ,
Напомнилъ хоть единый звукъ.

А. Пушкинъ.

---

149. ИСТИНА.

О счастіи съ младенчества тоскуя,
Все счастьемъ бѣденъ я,
Или во вѣкъ его не обрѣту я
Въ пустынѣ бытія?
Младые сны отъ сердца отлетѣли,
Не узнаю я свѣтъ:
Надеждъ своихъ лишенъ я прежней цѣли,
А новой цѣли нѣтъ.
Безуменъ ты и всѣ твои желанья:
Мнѣ тайный голосъ рекъ;
И лучшія мечты моей созданья
Отвергнулъ я на-вѣкъ.
Но для чего души разувѣренье
Свершилось не вполнѣ?
За чѣмъ-же въ ней слѣпое сожалѣнье
Живетъ о старинѣ?
Такъ нѣкогда обдумывалъ съ роптаньемъ
Я тяжкій жребій свой,
Вдругъ Истину (то не было мечтаньемъ)
Узрѣлъ передъ собой.
«Свѣтильникъ мой укажетъ путь къ счастью!
(Вѣщала): захочу —
И страстнаго отраднаго безстрастью
Тебя я научу.
«Пускай со мной ты сердца жаръ погубишь;
Пускай, узнавъ людей,
Ты, можетъ быть, испуганный, разлюбишь
И ближнихъ и друзей.
«Я бытія всѣ прелести разрушу,
Но умъ наставлю твой;
Я оболью суровымъ хладомъ душу,
Но дамъ душѣ покой.»
Я трепеталъ, словамъ ея внимая,
И горестно въ отвѣтъ
Промолвилъ ей: о гостья неземная!
Печаленъ твой привѣтъ.
Свѣтильникъ твой—свѣтильникъ погребальный
Послѣднихъ благъ моихъ!
Твой міръ, увы! могилы міръ печальный,
И страшенъ для живыхъ.
Нѣтъ, я не твой! въ твоей наукѣ строгой
Я счастья не найду;
Покинь меня: кой-какъ моей дорогой
Одинъ я побреду.
Прости! иль нѣтъ: когда мое свѣтило
Во звѣздной вышинѣ
Начнетъ блѣднѣть, и все, что сердцу мило,
Забыть придется мнѣ,
Явись тогда! раскрой тогда мнѣ очи,
Мой разумъ просвѣти:
Что-бъ, жизнь презрѣвъ, я могъ въ обитель ночи
Безропотно сойти.

Барятынскій.

О. СЕЛЬСКАЯ ЭЛЕГІЯ.

вращуся къ вамъ, поля моихъ отцовъ,
авы мирныя, священный сердцу кровъ!
ращуся къ вамъ, домашнія иконы!
ій другіе чтутъ ревнивый судъ невѣждъ:
дный наконецъ отъ вѣтреныхъ надеждъ,
езпокойныхъ сновъ, отъ суетныхъ желаній, —
ъ безвременно всю чашу испытаній, —
изракъ счастія, но счастье нужно мнѣ.
ый труженикъ, спѣшу къ родной странѣ
ть желаннымъ сномъ подъ кровлею родимой.
ъ отеческій! о край всегда любимой!
ія небеса! незвучный голосъ мой
ихахъ задумчивыхъ васъ пѣлъ въ странѣ чужой.
ь повѣете спокойствіемъ и счастьемъ.
въ пристани пловецъ, испытанный ненастьемъ,
ыбкой слушаетъ, надъ бездною возсѣвъ,
ои грозный свистъ, и волнъ мятежный ревъ:
небо не моля о почестяхъ и златѣ,
йный домосѣдъ въ отечественной хатѣ,
вшись отъ толпы взыскательныхъ судей,
угу друзей моихъ, въ кругу семьи моей
у издали глядѣть на бури свѣта.
нѣтъ, не премѣню священнаго обѣта.
й летитъ къ шатрамъ безтрепетный герой;
й кровавыхъ битвъ любитель молодой
яненьемъ учится, губя часы златые,
Наукѣ созидать твердыни боевыя:
Я съ дѣтства полюбилъ сладчайшіе труды.
Прилежный, мирный плугъ, взрывающій бразды,
Почтеннѣе меча: полезный въ скромной долѣ,
Хочу воздѣлывать отеческое поле.
Оратай, ветхихъ дней достигшій надъ сохой,
Въ заботахъ сладостныхъ наставникъ будетъ мой.
Мнѣ дряхлаго отца сыны трудолюбивы
Помогутъ утучнять наслѣдственныя нивы.
А ты, мой старый другъ, мой вѣрный доброхотъ,
Прилежный Яковъ мой! ты, первый огородъ
На отческихъ поляхъ разведшій въ дни былые,
Ты поведешь меня въ сады свои густые,
Деревьевъ и цвѣтовъ разскажешь имена.
Я самъ, когда съ небесъ роскошная весна
Повѣетъ нѣгою воскреснувшей природѣ,
Съ тяжелымъ заступомъ явлюся въ огородѣ,
Приду съ тобой садить капусту и цвѣты.
О подвигъ благостный! не тщетенъ будешь ты.
Богиня пажитей признательнѣй фортуны.
Для нихъ безвѣстный вѣкъ, для нихъ свирѣль и струны.
Онѣ доступны всѣмъ, и мнѣ за тяжкій трудъ
Плодами сочными обильно воздадутъ.
Отъ грядъ и заступа спѣшу къ полямъ и плугу.
А тамъ, гдѣ ручеекъ по бархатному лугу
Катитъ задумчиво пустынныя струи,
Въ весенній ясный день я самъ, друзья мои,
У брега насажу лѣсокъ уединенный,
И липу свѣжую, и тополь осребренный, —

Въ тѣни ихъ отдохнетъ мой правнукъ молодой;
Тамъ дружба нѣкогда сокроетъ пепелъ мой,
И вмѣсто мрамора положитъ надъ гробницей
Мой заступъ и топоръ межъ лирой и цѣвницей.

Баратынскій.

---

151. ФИНЛЯНДІЯ.

Въ свои разсѣлины вы приняли пѣвца,
Граниты финскіе, граниты вѣковые,
Земли ледянаго вѣнца
Богатыри сторожевые.
Онъ съ лирой между васъ. Поклонъ его, поклонъ
Громадамъ, міру современнымъ:
Подобно имъ да будетъ онъ
Во всѣ годины неизмѣннымъ!
Какъ все вокругъ меня плѣняетъ чудно взоръ!
Тамъ, необъятными водами,
Слилося море съ небесами;
Тутъ, съ каменной горы, къ нему дремучій боръ
Сошелъ тяжелыми стопами,
Сошелъ—и смотрится въ зерцалѣ гладкихъ водъ!
Ужъ поздно, день погасъ, но ясенъ неба сводъ,
На скалы финскія безъ мрака ночь нисходитъ
И только что себѣ въ уборъ
Алмазныхъ звѣздъ ненужный хоръ
На небосклонъ она выводитъ!
Такъ вотъ отечество Одиновыхъ дѣтей,
Грозы народовъ отдаленныхъ!
Такъ это колыбель ихъ безпокойныхъ дней,
Разбоямъ громкимъ посвященныхъ!
Умолкъ призывный щитъ, не слышенъ Скальда гласъ,
[redacted]ламененный дубъ угасъ,
[redacted]уйный вѣтръ торжественные клики;
[redacted]даютъ о подвигахъ отцовъ,
И въ дальнемъ прахѣ ихъ богов
Лежатъ низверженные лики!
И все вокругъ меня въ глубокой т
шинѣ!
О вы, носившіе отъ брега къ брег
бои,
Куда вы скрылися, полночные геро
Вашъ слѣдъ исчезъ въ родно
странѣ.
Вы-ль, на скалы ея вперивъ скорбны
очи,
Плывете въ облакахъ туманною толп
Вы-ль? дайте мнѣ отвѣтъ, услышь
голосъ мой,
Зовущій къ вамъ среди молчан
ночи.
Сыны могучіе сихъ грозныхъ, вѣчны
скалъ!
Какъ отдалились вы отъ каменной от
чизны?
Зачѣмъ печальны вы? зачѣмъ я прочи
талъ
На лицахъ сумрачныхъ улыбку укор
ны?
И вы сокрылися въ обители тѣней!
И ваши имена не пощадило время!
Что-жъ наши подвиги, что слава ва
шихъ дней,
Что наше вѣтреное племя?
О, все своей чредой исчезнетъ въ безд
нѣ лѣтъ!
Для всѣхъ одинъ законъ, законъ уни
чтоженья,
Во всемъ мнѣ слышится таинственны
привѣтъ
Обѣтованнаго забвенья!
Но я, въ безвѣстности, для жизни жи
любя,
Я беззаботливой душою
Вострепещу-ль передъ судьбо
Не вѣчный для временъ, я вѣченъ д
себя:
Не одному-ль воображенью
Гроза ихъ что-то говоритъ?
Мгновенье мнѣ принадлежитъ,
Какъ я принадлежу мгновенью!
Что нужды до былыхъ, иль будущи
племенъ?
Я не для нихъ бренчу незвонкими стр
нами;

нимаемый, довольно награжденъ
ки звуками, а за мечты мечтами.

Баратынскій.

---

152. КЪ РАДОСТИ.

адость, радость, что-же ты
скоро измѣняешь,
ща милыя мечты
ано отнимаешь!
ымъ, небесная, летишь
гою стрѣлою,
ракѣ бѣдствія горишь
ою звѣздою!
ымъ-же прелестью своей
нь очарованье,
вляешь.... свѣтлыхъ дней
оспоминанье!
увшее съ твоей мечтой
ъ душу ни тѣснится—
валой красотой
не оживится.
ъ пылкій ею увлеченъ,
астья вспоминая;
итъ сердца тяжкій сонъ,
не услаждая.
мѣсяцъ свѣтитъ надъ рѣкой,
яхъ ея играетъ,
къ сребристо-золотой
ными разсыпаетъ:
въ сіяньѣ пламя льетъ,
его лучами—
оре темное течетъ
ыми волнами.

И. Козловъ.

Есть наслажденіе и въ дикости лѣсовъ.

да есть во тьмѣ лѣсовъ дремучихъ,
ъ живетъ на дикихъ берегахъ,
ія слышна въ волнахъ кипучихъ,
ремъ есть бесѣда на скалахъ.
ижній милъ; но тамъ въ моихъ мечтахъ,
еперь, что былъ — позабываю;
Природу я душею обнимаю;
Она милѣй; постичь стремлюся я
Все то, чему нѣтъ словъ, но что тапть не льзя.

И. Козловъ.

---

154. ЗЕМНАЯ ГРУСТЬ.

Ты мнѣ твердишь, что я скучаю жизнью:
Земная жизнь — не жизнь!
О, дай мнѣ, другъ, дай крылья Серафима!
Мнѣ грустно на землѣ!
Я полечу туда, гдѣ всходитъ солнце,
Гдѣ теплится заря;
Туда, гдѣ даль, какъ океанъ, синѣетъ—
За горы, за моря!
Я подымусь, съ алмазною росою,
Высоко отъ земли:
Увижу я, что тамъ, за облаками,
Въ бездонныхъ небесахъ.
О, дай мнѣ, другъ, дай крылья Серафима!
Мнѣ грустно на землѣ!
Я полечу за солнцемъ отъ востока
На гаснущій закатъ.
Увижу тамъ, куда отходитъ солнце?
Отколь къ намъ сходитъ ночь?
О другъ, я погружусь въ разливѣ аломъ
Вечернія зари.
Ужъ не земнымъ я мчуся въ поднебесной,
Быстрѣй, чѣмъ лучъ, чѣмъ мысль;
Но, увлеченъ опять къ землѣ родимой,
Стою на темѣ горъ.
Какъ милъ онъ мнѣ, сей грозный видъ природы!
Я зрю — кипятъ моря!
И въ темной вышинѣ рокочутъ громы
Надъ трепетной землей.
Я весь восторгъ! Ты славенъ, Царь природы,
Въ пылающей грозѣ!
Пускай предъ ней дрожатъ порочныхъ души,
Будь трепетъ ихъ удѣлъ!
Какъ Ты великъ посланникъ грозный Бога!
Ты, отъ безвѣстныхъ странъ,
Идешь въ своемъ могуществѣ высокомъ:

Все ницъ передъ Тобой!
О вихрь! съ тобой шумятъ кипящи бури,
Ты гонишь облака;
Бѣгутъ моря и стелятся дубравы,
Гдѣ, грозный, ты дохнулъ.
Передъ тобой блѣднѣетъ жизнь смятенна
И гордый человѣкъ;
Трепещетъ градъ — питомецъ вялой нѣги:
Но Ты не страшенъ мнѣ.
О вихрь! сорви меня, какъ листъ, и въ буряхъ
Умчи подъ небеса!
Туда, туда, отъ сей земли мятежной,
Къ надзвѣздной тишинѣ.
Туда давно душа моя просилась,
Какъ просится дитя
Изъ чуждыхъ рукъ въ объятія къ родимой.
Тамъ родина моя!
О, дай мнѣ, другъ, дай крылья Серафима!
Мнѣ грустно на землѣ!
А тамъ, вверху, сіяетъ, какъ надежда,
Веселая луна.
Я полечу, пылая жаждой неба,
До утренней звѣзды;
О, какъ свѣтло горятъ они въ эфирѣ,
Небесные міры!
Они съ моей бесѣдуютъ душею
Языкомъ неземнымъ:
Отъ нихъ, о другъ, услышу дивны вѣсти
О новыхъ небесахъ!
Тамъ ясны всѣ судьбы здѣсь темной тайны:
Тамъ будущность прочту;
И жизнь людей не будетъ мнѣ загадкой:
Я вѣки обниму!
Онъ утомилъ Всевышняго терпѣнье —
Преступный смертныхъ родъ!
Земля, дрожа, пила и кровь и слезы,
И двигалъ небо стонъ!
Я вижу часъ, когда ты запустѣешь,
Веселая земля!
Какъ тѣнь прейдутъ твои отцвѣтши царства,
Какъ дымъ твои красы!
И день взойдетъ, не для людей сіяя:
Ихъ солнце не найдетъ,
И улетитъ съ развалинъ жизни радость,
И стихнетъ все, какъ гробъ.
Но по мѣстамъ запали искры жизни
И теплятся въ тиши;
И новые встаютъ отъ нихъ народы
И новыхъ родъ людей!
О, дай мнѣ, другъ, дай крылья Серафима!
Ужъ близокъ часъ.... пора
Летѣть отъ сей дряхлѣющей вселенной
Туда, гдѣ тлѣнья нѣтъ.
Что въ мірѣ мнѣ, гдѣ все на мигъ?
Что въ мірѣ,
Гдѣ всюду зло и смерть?
Душа горитъ желаніемъ инаго;
Дай крылья улетѣть!
Но я безъ крылъ! и связанный страстями,
Стеня подъ гнетомъ нуждъ,
Въ толпѣ одинъ, какъ изгнанникъ скитаюсь:
Въ земномъ земнаго чуждъ.
Коль опалитъ перунъ орлины крылья,
Пернатыхъ царь груститъ,
И, по землѣ уныло пресмыкаясь,
Глядитъ на небеса!
О, милый другъ, вотъ образъ человѣка
Въ изгнаніи земномъ!
За чѣмъ-же мнѣ твердишь, что я скучаю?
Мнѣ грустно на землѣ!
Ношу яремъ, наложенный судьбою,
Но вѣрой крѣпокъ я;
Моя душа полна священнымъ глаголомъ
И жаждою небесъ.
Не весь я персть: въ родствѣ по духу съ небомъ,
По тѣлу — рабъ земли:
Но придетъ часъ — я оторвусь отъ персти —
И весь на небеса!

Ѳ. Глинка.

---

155. БОРОДИНСКОЕ ПОЛЕ.

Умолкшіе холмы, долъ, нѣкогда кровавый!
Отдайте мнѣ вашъ день, день вѣковѣчной славы,
И шумъ оружія, и сѣчи, и борьбу.

Мой мечъ изъ рукъ моихъ упалъ. Мою судьбу
Попрали сильные. Счастливцы горделивы
Невольнымъ пахаремъ влекутъ меня на нивы....
О, рвинь меня на бой, ты, опытный въ бояхъ,
Ты, голосомъ своимъ раждающій въ полкахъ
Погибели враговъ предчувственные клики,
Вождь гомерическій, Багратіонъ великій!
Простри мнѣ длань свою, Раевскій, мой герой!
Ермоловъ! я лечу—веди меня, я твой—
О, обреченный быть побѣдъ любимымъ сыномъ,
Покрой меня, покрой твоихъ перуновъ дымомъ!
Но гдѣ вы!... Слушаю... Нѣтъ отзыва! Съ полей
Умчался бранидымъ, не слышенъ стукъ мечей,
И я, питомецъ вашъ, склонясь главой у плуга,
Завидую костямъ соратника иль друга.

Д. Давыдовъ.

---

156. ВѢТОЧКА.

Въ безцѣнный часъ уединенья,
Когда пустынною тропой
Съ живымъ восторгомъ упоенья
Ты бродишь съ милою мечтой
Въ тѣни дубравы молчаливой,—
Видалъ-ли ты, какъ вѣтръ игривой
Младую вѣточку сорветъ?
Родной кустарникъ оставляя,
Она вiется, упадая
На зеркало ручейныхъ водъ,
И, новый житель влаги чистой,
Съ потокомъ плыть принуждена.
То надъ струею серебристой
Спокойно носится она,
То вдругъ предъ взоромъ исчезаетъ
И кроется на днѣ ручья;
Плыветъ—все новое встрѣчаетъ,
Все незнакомые края:
Усѣянъ нѣжными цвѣтами
Здѣсь улыбающійся брегъ,
А тамъ пустыни, вѣчный снѣгъ
Иль горы съ грозными скалами.
Такъ далѣ вѣточка плыветъ
И путь невѣрный свой свершаетъ,
Пока она не утопаетъ
Въ пучинѣ безпредѣльныхъ водъ.
Вотъ наша жизнь! — такъ къ вѣрно цѣли,
Необозримою волной,
Потокъ насъ всѣхъ отъ колыбели
Влечетъ до двери гробовой.

Веневитиновъ.

---

157. ПОЭТЪ И ДРУГЪ.

Другъ.

Ты въ жизни только расцвѣтаешь,
И ясенъ міръ передъ тобой:
За тѣмъ же ты въ душѣ младой
Мечту коварную питаешь?
Кто близокъ къ двери гробовой,
Того уста не пламенѣютъ,
Не такъ душа его пылка,
Въ привѣтахъ взоры не свѣтлѣютъ,
И такъ ли жметъ его рука?

Поэтъ.

Мой другъ! слова твои напрасны.
Не лгутъ мнѣ чувства: ихъ языкъ
Я понимать давно привыкъ,
И ихъ пророчества мнѣ ясны.
Душа сказала мнѣ давно:
Ты въ мірѣ молніей промчишься!
Тебѣ все чувствовать дано,
Но жизнью ты не насладишься.

Другъ.

Не такъ природы строгъ завѣтъ.
Не презирай ея дарами:
Она на радость юныхъ лѣтъ
Даетъ надежды намъ съ мечтами.
Ты гордо слышалъ ихъ привѣтъ:
Она желаніе святое

Сама зажгла въ твоей крови
И въ грудь для пламенной любви
Вложила сердце молодое.

Поэтъ.

Природа не для всѣхъ очей
Покровъ свой тайный подымаетъ:
Мы всѣ равно читаемъ въ ней,
Но кто, читая, понимаетъ?
Лишь тотъ, кто съ юношескихъ дней
Былъ пламеннымъ жрецомъ искуства,
Кто жизни не щадилъ для чувства,
Вѣнецъ мученьями купилъ,
Надъ суетой вознесся духомъ,
И сердца трепетъ жаднымъ слухомъ,
Какъ вѣщій голосъ, изловилъ!
Тому, кто жребій довершилъ,
Потеря жизни не утрата —
Безъ страха міръ покинетъ онъ.
Судьба въ дарахъ своихъ богата,
И не одинъ у ней законъ:
Тому — процвѣсть съ развитой силой
И смертью жизни слѣдъ стереть;
Другому — рано умереть,
Но жить за сумрачной могилой!

Другъ.

Мой другъ! зачѣмъ обманъ питать?
Нѣтъ, дважды жизнь насъ не лелѣетъ.
Я то люблю, что сердце грѣетъ,
Что я своимъ могу назвать,
Что наслажденье въ полной чашѣ
Намъ предлагаетъ каждый день....
Пусть величаютъ нашу тѣнь,
Нашъ голый остовъ отрываютъ,
По волѣ вѣтреной мечты
Даютъ ему лице, черты
И призракъ славой называютъ!

Поэтъ.

Нѣтъ, другъ мой! славы не брани:
Душа сродилася съ мечтою;
Она надеждою благою
Печали озаряла дни.
Мнѣ сладко вѣрить, что со мною
Не все, не все погибнетъ вдругъ,
И что уста мои вѣщали —
Веселья мимолетный звукъ,
Напѣвъ задумчивой печали —
Еще напомнитъ обо мнѣ,
И сильный стихъ не разъ встревожитъ
Умъ пылкій юноши во снѣ,
И старецъ со слезой, быть можетъ,
Труды не лживые прочтетъ;
Онъ въ нихъ души печать найдетъ
И молвитъ слово состраданья:
«Какъ я люблю его созданья!
Онъ дышитъ жаромъ красоты,
Въ немъ умъ и сердце согласились,
И мысли полныя носились
На легкихъ крыліяхъ мечты.
Какъ зналъ онъ жизнь, какъ мало жилъ!

Сбылись пророчества поэта,
И другъ въ слезахъ съ началомъ лѣта
Его могилу посѣтилъ.
Какъ зналъ онъ жизнь, какъ мало жилъ!

Веневитиновъ.

---

158. НОЧЬ.

Задумчивая ночь, смѣнивъ мятежный день,
На все набросила таинственную тѣнь.
Какъ опустѣлая, забвенная громада,
Весь городъ предо мной. Съ высотъ надъ нимъ лампада
Безъ блеска, безъ лучей унылая виситъ
И только для небесъ не дремлющихъ горитъ.
Ихъ безпредѣльныя, лазурныя равнины
Во тмѣ освѣщены. Люблю твои картины,
Мерцанье звѣздъ твоихъ, поэзіи страна,
Когда въ полночный часъ межъ нихъ стоитъ луна.
Съ какою жаждою, насытивъ ими очи,
Впиваю въ душу я покой священной ночи!
Весь міръ души моей, созданіе мечты,
Исполненъ въ этотъ мигъ небесной красоты.
Туда въ забвеніи несусь, покинувъ землю,
И здѣсь я не живу, не вижу и не внемлю.

Пастневъ.

---

159. АНГЕЛЪ.

По небу полуночи Ангелъ летѣлъ,
И тихую пѣсню онъ пѣлъ;
И мѣсяцъ, и звѣзды, и тучи толпой
Внимали той пѣснѣ святой.—
Онъ пѣлъ о блаженствѣ безгрѣшныхъ духовъ,
Подъ кущами райскихъ садовъ,
О Богѣ великомъ онъ пѣлъ, и хвала
Его непритворна была.—
Онъ душу младую въ объятіяхъ несъ
Для міра печали и слезъ,
И звукъ его пѣсни въ душѣ молодой
Остался безъ словъ, но живой.—
И долго на свѣтѣ томилась она,
Желаніемъ чуднымъ полна,
И звуковъ небесъ замѣнить не могли
Ей скучныя пѣсни земли.

Лермонтовъ.

160. ПАРУСЪ.

Бѣлѣетъ парусъ одинокой
Въ туманѣ моря голубомъ....
Что ищетъ онъ въ странѣ далекой?
Что кинулъ онъ въ краю родномъ?
Играютъ волны, вѣтеръ свищетъ,
И мачта гнется и скрипитъ....
Увы, онъ счастія не ищетъ,
И не отъ счастія бѣжитъ!
Подъ нимъ струя свѣтлѣй лазури,
Надъ нимъ лучъ солнца золотой;
А онъ, мятежный, проситъ бури,
Какъ будто въ буряхъ есть покой!

Лермонтовъ.

161. Когда волнуется желтѣющая нива.

Когда волнуется желтѣющая нива,
И свѣжій лѣсъ шумитъ при звукѣ вѣтерка,
И прячется въ саду малиновая слива
Подъ тѣнью сладостной зеленаго листка;
Когда росой обрызганный душистой,
Румянымъ вечеромъ, иль утра въ часъ златой,
Изъ-подъ куста мнѣ ландышъ серебристой
Привѣтливо киваетъ головой;
Когда студеный ключъ играетъ по оврагу
И, погружая мысль въ какой-то смутный сонъ,
Лепечетъ мнѣ таинственную сагу
Про мирный край, откуда мчится онъ—
Тогда смиряется души моей тревога,
Тогда расходятся морщины на челѣ,
И счастье я могу постигнуть на землѣ,
И въ небесахъ я вижу Бога.

Лермонтовъ.

162. Выхожу одинъ я на дорогу.

Выхожу одинъ я на дорогу:
Сквозь туманъ кремнистый путь блеститъ;
Ночь тиха, пустыня внемлетъ Богу,
И звѣзда съ звѣздою говоритъ.
Въ небесахъ торжественно и чудно
Спитъ земля въ сіяньи голубомъ....
Что же мнѣ такъ больно и такъ трудно
Жду-ль чего? жалѣю-ли о чемъ?
Ужъ не жду отъ жизни ничего я,
И не жаль мнѣ прошлаго ничуть,
И ищу свободы и покоя,
Я-бъ хотѣлъ забыться и заснуть....
Но не тѣмъ холоднымъ сномъ могилы
Я-бъ желалъ навѣки тамъ заснуть,—
Чтобъ въ груди дрожали жизни силы,
Чтобъ вздымалась тихо грудь.
Чтобъ всю ночь, весь день мой слухъ лелѣя,
Про любовь мнѣ сладкій голосъ пѣлъ
Надо мной, чтобъ вѣчно зеленѣя,
Темный дубъ склонялся и шумѣлъ.

Лермонтовъ.

163. Вхожу съ смущеніемъ в забытыя палаты.

Вхожу съ смущеніемъ въ забыты палаты,
Блестящій нѣкогда, но нынѣ сно объятый
Пріютъ державныхъ думъ и царстве ныхъ забавъ.

Все пусто! Времени губительный уставъ
Во всемъ величіи здѣсь блещетъ: все мертвѣетъ!
Въ аркадахъ мраморныхъ молчанье цѣпенѣетъ!
Вкругъ гордыхъ колоннадъ съ старинною рѣзьбой
Ель пышно разрослась, и взъелени густой,
Подъ сѣнью древнихъ липъ и золотыхъ акацій,
Бѣлѣютъ кое-гдѣ статуи нимфъ и граній.
Гремѣвшій водометъ изъ пасти мѣдныхъ львовъ
Замолкъ; широкій листъ виситъ съ нагихъ столбовъ
Качаясь по-вѣтру.... О! гдѣ въ аллеяхъ спящихъ
Красавицъ легкій рой, звонъ колесницъ блестящихъ?
Не слышно ужъ литавръ бряцанья; пирный звукъ
Умолкъ, и стихъ давно оружья бранный стукъ;
Но миръ, волшебный сонъ въ забытые чертоги
Вселились.... новые, невѣдомые боги!

А. Майковъ.

---

164. ЗИМНІЙ ВЕЧЕРЪ.

Когда порой зимы такъ рано вечеръетъ,
И солнце безъ лучей на западѣ тускнѣетъ,
Зачѣмъ, зачѣмъ такъ грустно мнѣ?
Когда природы день такъ молодъ умираетъ,
И день подложный нашъ его переживаетъ,
Зачѣмъ печаль встаетъ въ душѣ?
Смотрю, какъ стелются туманы черной мглою,
Внимаю птицъ ночныхъ пронзительному вою—
И, мысли грезой замѣня,
Видѣнья мрачныя, тоскующія думы,
Чернѣе внѣшней мглы, станицею угрюмой,
Унынъемъ вѣютъ на меня.
Зачѣмъ?.... Какая связь межъ сердцемъ безпокойнымъ,
Кипящимъ жизнію, мятежнымъ дивно стройнымъ,
Но хладнымъ, мертвымъ естествомъ?
Зачѣмъ мечты мои цвѣтъ неба отражаютъ?
Зачѣмъ сочувствія міръ видимый сдружаютъ
Съ неосязаемымъ умомъ?
Иль перстъ зиждительный всему даетъ значенье?
Иль все окрестное есть притча и сравненье,
Прообразъ нашего житья?
Иль это таинство созвучій сокровенныхъ,
Въ мигъ посвященія, въ часъ сумерекъ вдохновенныхъ,
Чутьемъ души постигла я?
И можетъ быть затѣмъ такъ сердце пріуныло,
Что есть и у него закатное свѣтило,
И безотрадная зима....
Что полдень радости и утро упованья
Недолго рдѣютъ намъ.... что всякое сіянье
Невѣрно, бѣгло, какъ мечта.
Неразъ младую жизнь страданья облекали
Могильнымъ саваномъ; нерѣдко ночь печали
Смѣняетъ счастья красный день....
И жертвы тайныя скорбей неизлечимыхъ
Живутъ, живутъ свой вѣкъ, и въ ихъ сердцахъ томимыхъ
Все холодъ, пустота и тѣнь.
Когда порой зимы такъ рано вечеръетъ,
И солнце безъ лучей на западѣ тускнѣетъ,
Мнѣ жаль, мнѣ жаль младаго дня...
Когда съ отцвѣтшею душею я встрѣчаюсь,
Я за нее грущу, участьемъ съ ней сливаюсь,
Мнѣ страшно.. страшно за себя!..

Гр. Растопчина.

V. БАЛЛАДЫ.

5. ЛѢСНОЙ ЦАРЬ.

качетъ, кто мчится подъ хлад-
ною мглой?
запоздалый, съ нимъ сынъ мо-
лодой.
, весь издрогнувъ, малютка
приникъ;
его держитъ и грѣетъ старикъ.
что ко мнѣ ты такъ робко при-
льнулъ?
ный, лѣсной Царь въ глазамнѣ
сверкнулъ:
емной коронѣ, съ густой бо-
родой. —
го бѣлѣетъ туманъ надъ водой.
, оглянися, младенецъ, ко мнѣ.
о много въ моей сторонѣ:
бирюзовы, жемчужны струи,
ота слиты чертоги мои.»
димый, лѣсной Царь съ мной
говоритъ:
ото, перлы и радость сулитъ.—
мой младенецъ, ослышался ты:
ръ, проснувшись, колыхнулъ
листы.
нѣ, мой младенецъ; въ дубравѣ
моей
ь прекрасныхъ моихъ дочерей:
сяцѣ будутъ играть и летать,
летая, тебя усыплять.»
димый, лѣсной Царь созвалъ
дочерей:
ку, кивають изъ темныхъ вѣт-
вей. —
се спокойно въ ночной глубинѣ:
ы сѣдыя стоятъ въ сторонѣ.
, я плѣнился твоей красотой:
й иль волей, а будешь ты мой.»
мый, лѣсной Царь насъ хочетъ
догнать;
ъ онъ: мнѣ душно, мнѣ тяжко
дышать. —
съ оробѣлый не скачетъ, летитъ;
ецъ тоскуетъ, младенецъ кри-
читъ;
Ѣздокъ погоняетъ, ѣздокъ доскакалъ....
Въ рукахъ его мертвый младенецъ ле-
жалъ.

Жуковскій.

---

166. НОЧНОЙ СМОТРЪ.

Въ двѣнадцать часовъ по ночамъ
Изъ гроба встаетъ барабанщикъ:
И ходитъ онъ взадъ и впередъ,
И бьетъ онъ проворно тревогу.
И въ темныхъ гробахъ барабанъ
Могучую будитъ пѣхоту:
Встаютъ молодцы егеря,
Встаютъ старики гренадеры;
Встаютъ изъ-подъ русскихъ снѣговъ,
Съ роскошныхъ полей италійскихъ,
Встаютъ съ африканскихъ степей,
Съ горючихъ песковъ Палестины.
Въ двѣнадцать часовъ по ночамъ
Выходитъ трубачъ изъ могилы;
И скачетъ онъ взадъ и впередъ,
И громко трубитъ онъ тревогу;
И въ темныхъ могилахъ труба
Могучую конницу будитъ:
Сѣдые гусары встаютъ,
Встаютъ усачи карасиры;
И съ сѣвера, съ юга летятъ,
Съ востока и съ запада мчатся
На легкихъ воздушныхъ коняхъ
Одинъ за другимъ эскадроны.
Въ двѣнадцать часовъ по ночамъ
Изъ гроба встаетъ полководецъ;
На немъ сверхъ мундира сюртукъ;
Онъ съ маленькой шляпой и шпагой;
На старомъ конѣ боевомъ,
Онъ медленно ѣдетъ по фронту,
И маршалы ѣдутъ за нимъ,
И ѣдутъ за нимъ адъютанты;
И армія честь отдаетъ.
Становится онъ передъ нею;
И съ музыкой мимо его
Проходятъ полки за полками.
И всѣхъ генераловъ своихъ
Потомъ онъ въ кружокъ собираетъ,

И ближнему на ухо самъ
Онъ шепчетъ пароль свой и лозунгъ;
И арміи всей отдаютъ
Они тотъ пароль и тотъ лозунгъ:
И Франція тотъ ихъ пароль,
Тотъ лозунгъ Святая Елена.
Такъ къ старымъ солдатамъ своимъ
На смотръ генеральный изъ гроба
Въ двѣнадцать часовъ по ночамъ
Встаетъ Императоръ усопшій.

Жуковскій.

---

167. АХИЛЛЪ.

Отуманился Ида;
Омрачился Иліонъ;
Спитъ во мракѣ станъ Атрида;
На равнинѣ битвы сонъ.
Тихо все.... курясь, сверкаетъ
Пламень гаснущихъ костровъ,
И протяжно окликаетъ
Стражу стража близь шатровъ.

Надъ Эгейскихъ водъ равниной
Свѣтелъ всходитъ рогъ луны;
Звѣзды спящею пучиной
И брега отражены:
Видѣнъ въ поятѣ опустѣломъ
Съ колесницею Пріамъ:
Онъ за Гекторовымъ тѣломъ
Отъ шатровъ идетъ къ стѣнамъ.

И на брегѣ близъ кургана
Зрится сумрачный Ахиллъ;
Онъ одинъ, далекъ отъ стана;
Онъ главу на длань склонилъ.
Смотритъ въ даль — тамъ съ колесницей
На пути Пріама зритъ:
Отираетъ багряницей
Слезы бѣдный царь съ ланитъ.

Лиру взялъ, ударилъ въ струны;
Тихъ его печальный гласъ:
«Старецъ, палъ твой Гекторъ юный;
Свѣтъ души твоей угасъ;
И Гекуба, Андромаха
Ждутъ тебя у градскихъ вратъ
Съ ношей милаго имъ праха....
Жизнь и смерть имъ твой возвратъ.

«И съ денницею печальной
Воскурятся ениіамъ,
Огласятся погребальной
Пѣснью каждый домъ и храмъ;
Мать, отецъ, вдова съ мольбою
Пепелъ въ урну соберутъ,
И молитвы ихъ герою
Миръ въ странѣ тѣней дадутъ.

«О Пріамъ, ты предъ Ахилломъ
Здѣсь во прахъ главу склонялъ
Здѣсь молилъ о сынѣ миломъ,
Здѣсь, несчастный, ты лобзалъ
Руку, слезъ твоихъ причину....
Ахъ, не сѣтуй; гласъ небесъ
Намъ одну изрекъ судьбину:
И меня постигъ Зевесъ.

«Близокъ часъ мой; роковая
Приготовлена стрѣла;
Парка, жребію внимая,
Дни мои ужъ отвила;
И скрипятъ врата Аида,
И вѣщаетъ грозный гласъ:
Все свершилось для Пелида;
Факелъ дней его угасъ.

«Вѣрный другъ мой взятъ могилой;
Брата бой меня лишилъ —
Въ слѣдъ за нимъ съ земли унылой
Удалится и Ахиллъ.
Такъ судилъ мнѣ Рокъ жестокой:
Я паду въ веснѣ моей
На чужомъ брегу, далеко
Отъ Пелеевыхъ очей.

«Ахъ, и сердце запрещаетъ
Долѣ жить въ земномъ краю,
Гдѣ ужъ другъ не услаждаетъ
Душу сирую мою.
Гекторъ палъ — его паденьемъ
Тѣнь Патрокла я смирилъ,
Но себѣ за друга мщеньемъ
Путь къ Тенару проложилъ.

«Ты не жди, Менетій, сына;
Не придетъ онъ въ отчій домъ..
Здѣсь Эгейская пучина
Предъ его шумитъ холмомъ;
Спитъ онъ.... смерть сковала длани,

Позабылъ ко славѣ путь;
И призывный голосъ брани
Не вздымаетъ хладну грудь.

«И Ахиллъ не возвратится!
Въ домѣ отчемъ пустота
Скоро, скоро водворится....
О Пелей, ты сирота.
Пронесется буря брани —
Ты Ахилла будешь ждать,
И чертогъ свой въ новы ткани
Для пріема убирать;

«Будешь съ берега уныло
Ты смотрѣть — въ пустой дали
Не бѣлѣетъ-ли вѣтрило,
Не плывутъ-ли корабли?
Корабли придутъ отъ Трои —
А меня ни на одномъ.
Тамъ, гдѣ бились герои,
Буду спать — и вѣчнымъ сномъ.

«Тщетно, смертною борьбою
Мучимъ, будешь сына звать,
И хладѣющей рукою
Вкругъ себя его искать —
Съ милымъ свѣтомъ разлученья
Гласъ его не усладитъ,
И на брегъ воды забвенья
Зовъ отца не долетитъ.

«Край отчизны, свѣтлы воды,
Очарованны мѣста,
Миртъ, оливъ пріютны своды,
Пышныхъ доловъ красота,
Расцвѣтайте, украшайтесь,
Какъ и прежде, тишиной;
Какъ и прежде оглашайтесь
Кликомъ радости одной!

«Но Патрокла и Ахилла
Никогда вамъ не видать!
Воды Сперхія, сулила
Вамъ рука моя отдать
Кудри съ юныя, отъ брани
Уцѣлѣвшія главы...
Всѣ Патроклу въ даръ, и дани
Ужъ моей не ждите вы.

Кони быстрые, изъ боя
(Тайный Рокъ васъ удержалъ)
Вы не вынесли героя —
И на щитъ онъ мертвый палъ;
Кони бодрые, ретивы,
Что-жъ теперь тамъ мрачны вы?
По землѣ влачатся гривы;
Наклонилися главы;

«Позабыта пища вами;
Груди мощныя дрожатъ;
Слышу стонъ вашъ, и слезами
Очи гордыя блестятъ.
Знать Ахилловъ предъ собою
Зрите вы послѣдній часъ;
Знать внушенъ былъ вамъ судьбою
Мнѣ конецъ вѣщавшій гласъ....

«Скоро!.... лукъ свой напрягаетъ
Неизбѣжный Аполлонъ,
И пришельца ожидаетъ
Къ Стиксу черному Харонъ.
И Патроклъ съ береговъ забвенья
Въ полуночной тишинѣ
Легкой тѣнью сновидѣнья
Прилеталъ уже ко мнѣ.

«Какъ Зефирово дыханье,
Онъ провѣялъ надо мной;
Мнѣ послышалось призванье,
Сладкій гласъ души родной;
Въ нѣжномъ взорѣ скорбь разлуки,
И слѣды минувшихъ слезъ....
Я простеръ ко брату руки....
Онъ во мглѣ пустой исчезъ!....

»Отъ Скироса вдаль влекомый,
Поплыветъ Неоптолемъ:
Брегъ увидитъ незнакомый,
И зеленый холмъ на немъ;
Кормщикъ юношѣ укажетъ,
Полный думы, на курганъ —
«Вотъ Ахилловъ гробъ! (онъ скажетъ):
«Тамъ вблизи былъ Грековъ станъ.

«Тамъ, ужасный, на оградѣ
«Намъ явился онъ въ ночи —
«Нестерпимый блескъ во взглядѣ,
«Съ шлема грозные лучи —
«И трикраты звучнымъ крикомъ
»На врага онъ грянулъ страхъ,
«И Троянецъ съ блѣднымъ ликомъ
Бросилъ щитъ и мечъ во прахъ

«Тамъ, Атриду давъ десницу,
«Съ нимъ союзъ запечатлѣлъ;
«Тамъ, гремящій, въ колесницу
«Прянувъ, къ Троѣ полетѣлъ;
«Тамъ по праху за собою
«Тѣло Гекторово мчалъ,
«И на трепетную Трою
«Взглядомъ мщенія сверкалъ!»

«И сойдетъ на брегъ священный
Съ корабля Неоптолемъ,
Чтобъ на холмъ уединенный
Положить и мечъ и шлемъ!
Вкругъ ужъ пусто.... смолкли бои,
Тихи Ксантъ и Симоисъ,
И уже на грудахъ Трои
Плющъ и терніе свились.

«Обойдешь равнину брани....
Тамъ, гдѣ ратовалъ Ахиллъ,
Ужъ стадятся робки лани
Вкругъ оставленныхъ могилъ;
И услышишь надъ собою
Двухъ невидимыхъ полетъ...
Это мы.... рука съ рукою....
Мы, друзья минувшихъ лѣтъ.

«Вспомяни тогда Ахилла:
Быстро въ мірѣ онъ протекъ;
Здѣсь судьба ему судила
Долгій, но безславный вѣкъ;
Онъ мгновеніе со славой,
Хладну жизнь презрѣвъ, избралъ,
И на друга трупъ кровавой,
До могилы вѣрный, палъ.»

Онъ умолкъ.... въ туманѣ Ида;
Отуманенъ Иліонъ;
Спитъ во мракѣ станъ Атрида;
На равнинѣ битвы сонъ;
И курясь, едва сверкаетъ
Пламень гаснущихъ костровъ;
И протяжно окликаетъ
Стража стражу близь шатровъ.

Жуковскій.

---

168. СРАЖЕНІЕ СЪ ЗМѢЕМЪ.

Что за тревога въ Родосѣ? Всѣ улицы полны народомъ;
Мчатся толпами, вопятъ, шумятъ. На конѣ величавомъ
Ѣдетъ по улицѣ рыцарь красивый; за рыцаремъ тащатъ
Мертваго змѣя съ кровавой, разинутой пастью; всѣ смотрятъ
Съ радостнымъ чувствомъ на рыцаря, съ страхомъ невольнымъ на змѣя.
«Вотъ!» говорятъ: «посмотрите, тотъ врагъ, отъ котораго столько
Времени не было здѣсь ни стадамъ, ни людямъ проходу.
Много рыцарей храбрыхъ пыталось съ чудовищемъ выйти
Въ бой.... всѣ погибли. Но Богъ насъ помиловалъ: вотъ нашъ спаситель:
Слава ему!»—И въ слѣдъ за младымъ побѣдителемъ идутъ
Всѣ въ монастырь Іоанна Крестителя, гдѣ Іоанитовъ
Былъ знаменитый капитулъ собранъ въ то время. Смиренно
Рыцарь подходитъ къ престолу магистера; шумной толпою
Ломится слѣдомъ за нимъ въ палату народъ. Преклонивши
Главу, юноша такъ говорить начинаетъ: «Владыка!
Рыцарскій долгъ я исполнилъ: змѣй, разоритель Родоса,
Мною убитъ; безопасны дороги для путниковъ; смѣло
Могутъ стада выгонять пастухи; на молитву
Можетъ безъ страха теперь пилигримъ къ чудотворному лику
Дѣвы Пречистой ходить.»—Но съ суровымъ отвѣтствовалъ взглядомъ
Строгій магистеръ: «Сынъ мой, подвигъ отважный съ успѣхомъ
Ты совершилъ: отважность рыцарю честь. Но отвѣтствуй:
Въ чемъ обязанность рыцарей, вѣрныхъ Христовыхъ
Слугъ, христіанства защитниковъ, въ знакъ смиренья носящихъ
Крестъ Іисуса Христа на плечахъ?» То зрители внемля,
Всѣ оробѣли. Но рыцарь, краснѣя, отвѣтствовалъ: первый

ій долгъ есть покорность.—«И
рыцарскій долгъ сей
, сынъ мой, нарушилъ: ты мной
запрещенный
ь дерзнулъ совершить.»—«Вла-
дыка, сперва благосклонно
ай слово мое, потомъ осуди.
Не съ слѣпою
ью я на опасное дѣло рѣшился,
но вѣрно
кона исполнить хотѣлъ: одной
осторожной
тью мнилъ одержать я побѣду.
Пять благородныхъ
і нашего ордена, честь хрис-
тіанства, погибли
ь съ чудовищемъ. Ты запретилъ
намъ сей подвигъ;
рились. Но душу мою нестер-
пимо терзали
і гибнущихъ братій; стремленьемъ
спасти ихъ томимый,
покоя не зналъ, и сны ужас-
ные ночью
душу мою, представляя мнѣ
призракъ сраженья
ъ; и все какъ будто-бы чуди-
лось мнѣ, что небесный
меня возбуждалъ и твердилъ
мнѣ: *дерзай!* и дерзнулъ я.
) я мыслилъ: «ты рыцарь; од-
хъ-ли враговъ христіанства
ъ твой мечъ поражать? Твое
назначенье святое:
щитникомъ слабыхъ, спасать
отъ гоненья гонимыхъ,
къ чудовищъ разить; но дерз-
кою силой искуство,
вомъ мудрость должны управ-
ь.» И въ такомъ убѣжденьѣ
ебя я готовилъ къ опасному
бою, и часто
у, гдѣ змѣй обиталъ, я тай-
ъ подходилъ, чтобъ заранѣ
нымъ врагомъ ознакомиться;
олго обдумывалъ средства,
ѣ врага побѣдить; наконецъ
вдохновеніе свыше
ою просвѣтило: найдено сред-
ство! сказалъ я

Въ радости сердца. Тогда у тебя поз-
воленья, владыка,
Я испросилъ посѣтить отеческій домъ
мой: угодно
Было тебѣ меня отпустить. Переплывъ
безопасно
Море и на берегъ вышедъ, въ отечес-
комъ домѣ не медля
Все къ предпринятому подвигу сталъ я
готовить. Искуствомъ
Сдѣланъ былъ змѣй, подобный тому,
котораго образъ
Врѣзался въ память мою: на короткихъ
лапахъ громадой
Тяжкое чрево лежало; хребетъ, чешу-
ею покрытый,
Круто вздымался; на длинной, гривис-
той шеѣ торчала,
Пастью зіяя, зубами грозя, голова, изъ
отверстыхъ
Челюстей острымъ копьемъ выставля-
лся языкъ, и змѣиный
Хвостъ сгибался въ огромныя кольца,
какъ будто готовый,
Вдругъ обхвативъ ѣздока и коня, за-
душить ихъ обоихъ.
Все учредивши, двухъ собакъ, могу-
чихъ и къ бою
Съ дикимъ быкомъ пріученныхъ, я вы-
бралъ, и мнимаго змѣя
Ими травилъ, чтобъ привыкли онѣ по
единому клику
Зубы вонзать въ непокрытое броней
чешуйчатой чрево.
Самъ же, сидя на конѣ благородной
арабской породы,
Я устремлялся на змѣя, и руку мою
безпрестанно
Въ вѣрномъ метаньи копья упражнялъ.
Сначала отъ страха
Конь мой, храпя, на дыбы становился,
и выли собаки;
Но наконецъ побѣдило мое постоянство
ихъ робость.
Такъ совершилось три мѣсяца. Я воз-
вращаюсь. Вотъ третій
День, какъ присталъ я къ Родосу. О
новыхъ бѣдствіяхъ вѣсти
Душу мою возмутили. Горя нетерпѣ-
ніемъ кончить

Дѣло начатое, слугъ моихъ я зову, и, ученыхъ
Взявши собакъ, на вѣрномъ конѣ, никому не сказавшись,
Ѣду отыскивать змѣя. Ты знаешь, владыка, часовню,
Къ коей отвсюду приходитъ молиться народъ: на утесѣ
Въ дикомъ мѣстѣ она возвышается; образъ Пречистой
Матери Божіей, видимый тамъ, знаменитъ чудесами;
Трудно всходить на утесъ, и доселѣ сей путь былъ опасенъ.
Тамъ у подошвы утеса, въ норѣ, недоступной сіянью
Дня, гнѣздился чудовищный змѣй, сторожа проходящихъ;
Горе тому, кто дорогу терялъ! изъ темной пещеры
Врагъ исторгался, добычу ловилъ, и ее въ свой глубокій
Логъ увлекалъ на пожранье. Въ ту часовню Пречистой
Дѣвы пошелъ я, тамъ палъ на колѣна, усердной мольбою
Въ помощь призвалъ Богоматерь, въ грѣхахъ принесъ покаянье,
Таинъ святыхъ причастился; потомъ, сошедши съ утеса,
Латы надѣлъ, взялъ мечъ и копье, и раздавъ приказанья
Спутникамъ (коимъ велѣлъ дожидаться меня близь часовни),
Сѣлъ на коня, поручилъ Вездѣсущему Господу Богу
Душу мою, и поѣхалъ. Едва я увидѣлъ на ровномъ
Мѣстѣ себя, какъ собаки мои, почуявши змѣя,
Подняли ноздри, а конь захрапѣлъ и пятиться началъ:
Блещущимъ свившись клубомъ, вблизи онъ грѣлся на солнцѣ.
Дружно и смѣло помчалися въ бой съ нимъ собаки; но съ воемъ
Кинулись обѣ назадъ, когда, развернувшися быстро,
Вдругъ онъ разинулъ огромныя челюсти, ихъ ядовитымъ
Обдалъ дыханьемъ, и съ страшнымъ шипѣньемъ поднялся на лапы.
Крикъ мой собакъ ободрилъ: онѣ вцѣпилися въ змѣя.
Сильной рукой я бросаю копье; но, ударясь въ чешуйный,
Крѣпкій хребетъ, оно, какъ тонкая трость, отлетѣло.
Новый ударъ я спѣшу нанести; но испуганный конь мой
Бѣшено сталъ на дыбы; раскаленныя очи, зіянье
Пасти зубастой, и свистъ, и дыханье палящее змѣя
Въ ужасъ его привели, и онъ опрокинулся. Видя
Близкую гибель, проворно спрыгнулъ я съ сѣдла и въ сраженье
Пѣшій вступилъ съ обнаженнымъ мечемъ; но мечъ мой напрасно
Колетъ и рубитъ: какъ сталь чешуя. Вдругъ змѣй, разъярившись,
Сильнымъ ударомъ хвоста меня повалилъ и поднялся
Дыбомъ, какъ столбъ, надо мной и уже растворилъ онъ огромный
Зѣвъ, чтобъ зубами стиснуть меня: но въ это мгновенье
Въ чрево его, чешуей непокрытое, вгрызлись собаки:
Взвылъ онъ отъ боли, и бѣшено началъ кидаться.... напрасно!
Стиснувши зубы, собаки повисли на немъ; я поспѣшно
На ноги сталъ, и бросился къ нимъ, и мечъ мой вонзился
Весь во чрево чудовища: хлынула чернымъ потокомъ
Кровь; согнувшись въ дугу, онъ грянулся о земь, и тяжкимъ
Тѣломъ меня задавивши, издохъ надо мною. Не помню,
Долго-ль безчувственъ подъ нимъ я лежалъ; глаза открываю:
Слуги мои предо мною, а змѣй въ крови неподвиженъ.»
Рыцарь, докончивши повѣсть свою, замолчалъ. Раздалися
Громкіе клики; дрогнули своды палаты отъ гула

іесканій, и самые рыцари ордена вмѣстѣ
гмной толпой возгласили: «хвала!» Но магистеръ,
о нахмуривъ чело, повелѣлъ,
чтобъ всѣ замолчали —
амолчали. Тогда онъ сказалъ побѣдителю: «змѣя,
Родосъ ужасавшаго, ты поразилъ, благородный
ь; но, богомъ явяся народу, врагомъ ты явился
ну ордену: въ сердцѣ твоемъ поселился отнынѣ
ужаснѣй тобою сраженнаго, змѣй,
отравитель
сѣятель смутъ и раздоровъ, презритель смиренья,
угъ порядка, древній губитель
земли. Быть отважнымъ
тъ и врагъ ненавистный Христа,
Мамелюкъ; но покорность
однихъ христіанъ достоянье. Гдѣ
Самъ Искупитель,
Всемогущій, смиренно стерпѣлъ
поношенье и муку,
встарину основали отцы нашъ орденъ священный;
, облачася крестомъ, на себя они
возложили
ь, труднѣйшій изъ всѣхъ: *свою обуздывать волю.*
ной славой ты былъ обольщенъ:
удались, ты отнынѣ
му братству чужой; кто Господнее иго отринулъ,
и Господнимъ крестомъ себя украшать недостоинъ.»
магистеръ сказалъ, и въ толпѣ
предстоящихъ поднялся
кій ропотъ, и рыцари ордена сами
владыку
молить о прощеньѣ; но юноша,
молча, потупивъ
снялъ епанчу, у магистера строгую руку
ловалъ и пошелъ. Его проводивши глазами,
ный смягчился судья, и, назадъ
осужденнаго кроткимъ
Голосомъ кликнувъ, сказалъ: «обними меня, мой достойный
Сынъ: ты побѣду теперь одержалъ,
труднѣйшую первой.
Снова сей крестъ возложи; онъ твой:
онъ награда смиренью».

Жуковскій.

---

169. ГРАФЪ ГАБСБУРГСКІЙ.

Торжественнымъ Ахенъ весельемъ шумѣлъ;
Въ старинныхъ чертогахъ, на пирѣ,
Рудольфъ, императоръ избранный, сидѣлъ
Въ сіяньи вѣнца и въ порфирѣ.
Тамъ кушанья Рейнскій Фальцграфъ разносилъ;
Богемецъ напитки въ покалы цѣдилъ;
И семь избирателей чиномъ,
Устроенный древле свершая обрядъ,
Блистали, какъ звѣзды предъ солнцемъ блестятъ,
Предъ новымъ своимъ властелиномъ.

Кругомъ возвышался богатый балконъ,
Ликующимъ полный народомъ;
И клики, со всѣхъ прилетая сторонъ,
Подъ древнимъ сливалися сводомъ.
Былъ конченъ раздоръ; перестала война;
Безцарственны, грозны прошли времена;
Судья надъ землею былъ снова;
И воля губить у меча отнята;
Не брошены слабый, вдова, сирота,
Могущимъ во власть безъ покрова.

И Кесарь, наполнивъ покалъ золотой,
Съ привѣтливымъ взоромъ вѣщаетъ:
«Прекрасенъ мой пиръ; все пируетъ со мной;
«Все царскій мой духъ восхищаетъ;
«Но гдѣ-жъ утѣшитель, плѣнитель сердецъ?
«Придетъ-ли мнѣ душу растрогать пѣвецъ

«Игрой и благимъ поученьемъ?
«Я пѣсней былъ другомъ, какъ рыцарь простой;
«Днесь Кесарь, покину-ль обычай святой
«Пиры услаждать пѣснопѣньемъ?»

И вдругъ изъ среды величавыхъ гостей
Выходитъ, одѣянъ таларомъ,
Пѣвецъ въ красотѣ посѣдѣлыхъ кудрей,
Младымъ преисполненный жаромъ.
«Въ струнахъ золотыхъ вдохновенье живетъ;
Пѣвецъ о любви благодатной поетъ,
О всемъ, что святаго есть въ мірѣ,
Что душу волнуетъ, что сердце манитъ....
О чемъ-же властитель воспѣть повелитъ
Пѣвцу на торжественномъ пирѣ?»

— Не мнѣ управлять пѣснопѣвца душой
(Пѣвцу отвѣчаетъ властитель),
Онъ высшую силу призналъ надъ собой;
Минута ему повелитель;
По воздуху вихорь свободно шумитъ:
Кто знаетъ, откуда, куда онъ летитъ?
Изъ бездны потокъ выбѣгаетъ:
Такъ пѣснь зараждаетъ души глубина,
И темное чувство, изъ дивнаго сна
При звукахъ воспрянувъ, пылаетъ. —

И смѣло ударилъ пѣвецъ по струнамъ,
И голосъ пріятный раздался:
«На статномъ конѣ, по горамъ, по полямъ
За серною рыцарь гонялся;
Онъ съ ловчимъ однимъ выѣзжаетъ самъ-другъ
Изъ чащи лѣсной на сіяющій лугъ,
И ѣдетъ онъ шагомъ кустами;
Вдругъ слышатъ они: колокольчикъ гремитъ;
Идетъ изъ кустовъ пономарь и звонитъ;
И слѣдомъ священникъ съ дарами.

И набожный Графъ, умиленной душой,
Колѣна свои преклоняетъ,
Съ сердечною вѣрой, съ горячей мольбой
Предъ Тѣмъ, что живитъ и спасаетъ.
Но лугомъ стремился кипучій ручей;
Свирѣпо надувшись отъ сильныхъ дождей,
Онъ путь заграждалъ пѣшеходу
И спутнику пастырь дары отдаетъ
И обувь снимаетъ и смѣло идетъ
Съ священною ношею въ воду.

«Куда?» изумившійся Графъ вопросилъ
— Въ село; умирающій нищій
Ждетъ въ мукахъ, что-бъ пастырь его разрѣшилъ,
И алчетъ небесныя пищи.
Недавно лежалъ черезъ этотъ потокъ
Сплетенный изъ сучьевъ для пѣшихъ мостокъ —
Его разбросало водою;
Чтобъ душу святой благодатью спасти
Я здѣсь неглубокій потокъ перейти
Спѣшу обнаженной стопою. —

И пастырю витязь коня уступилъ,
И подалъ ногѣ его стремя,
Чтобъ онъ облегчить покаяньемъ спѣшилъ
Страдальцу грѣховное бремя.
И къ ловчему самъ на сѣдло пересѣлъ,
И весело въ чащу на ловъ полетѣлъ
Священникъ-же, требу святую
Свершивши, при первомъ мерцаніи дня
Приходитъ ко Графу, смиренно коня
Ведя за узду золотую.

«Дерзну-ли помыслить я, Графъ возгласилъ,
Почтительно взоры склонивши,
Чтобъ конь сей ничтожной забавѣ служилъ,
Спасителю-Богу служивши?
Когда ты, отецъ, не пріемлешь коня,
Пусть будетъ онъ даромъ благимъ отъ меня
Отнынѣ Тому, чье даянье
Всѣ блага земныя, и сила и честь;
Кому не помедлю на жертву принести
И силу и честь и дыханье.»

— Да будетъ-же вышній Господь надъ тобой

Своей благодатью святою;
ебя да почтитъ Онъ въ сей жизни и
въ той,
Какъ днесь Онъ почтенъ былъ то-
бою;
ельвеція славой сіяетъ твоей;
шесть расцвѣтаютъ тебѣ дочерей,
Богатыхъ дарами природы:
и будетъ-же (молвилъ пророчески
онъ)
цѣломъ ихъ шесть знаменитыхъ ко-
ронъ;
Да славится въ роды и роды.»

въ думѣ главу Императоръ склонилъ:
Минувшее въ немъ оживилось.
другъ быстрый онъ взоръ на пѣвца
устремилъ —
И таинство словъ объяснилось:
ъ пастыря видитъ въ пѣвцѣ предъ
собой;
слезы, изъ глазъ побѣжавши струей,
Порфирой закрылъ въ умиленьѣ....
е смолкло, на Кесаря очи поднявъ,
ьсякъ догадался, кто набожный Графъ,
И сердцемъ почтилъ Провидѣнье.

Жуковскій.

О. ТОРЖЕСТВО ПОБѢДИТЕЛЕЙ.

лъ Пріамовъ градъ священный;
удой пепла сталъ Пергамъ;
побѣдой насыщенны,
острогрудымъ кораблямъ
брались Эллины—тризну
честь минувшаго свершить,
въ желанную отчизну,
берегамъ Эллады плыть.
Пойте, пойте гимнъ согласной;
Корабли обращены
Отъ враждебной стороны
Къ нашей Греціи прекрасной.
егомъ шла толпа густая
іонскихъ дѣвъ и женъ:
ъ отеческаго края
ъ вели въ далекій плѣнъ.
ъ побѣдной пѣснью дикой
ъ сливался тихій стонъ
По тебѣ, святой, великой,
Невозвратный Иліонъ.
Вы, родные холмы, нивы,
Намъ васъ болѣ не видать!
Будемъ въ рабствѣ увядать....
О, сколь мертвые счастливы!
И съ предвѣдѣньемъ во взглядѣ
Жертву самъ Калкасъ заклалъ:
Грады зиждущей Палладѣ
И губящей (онъ воззвалъ),
Буреносцу Посидону,
Воздымателю валовъ,
И носящему Горгону
Богу смертныхъ и боговъ!
Судъ оконченъ; споръ рѣшился;
Прекратилася борьба;
Все исполнила Судьба:
Градъ великій сокрушился.
Царь народовъ, сынъ Атрея
Обозрѣлъ полковъ число:
Въ слѣдъ за нимъ на брегъ Сигея
Много, много ихъ пришло....
И незапный мракъ печали
Отуманилъ царскій взглядъ:
Благороднѣйшіе пали....
Мало съ нимъ пойдетъ назадъ!
Счастливъ тотъ, кому сіянье
Бытія сохранено,
Тотъ, кому вкусить дано
Съ милой родиной свиданье!
И не всякій насладится
Миромъ, въ свой пришедши домъ;
Часто злобный ковъ таится
За домашнимъ алтаремъ;
Часто Марсомъ пощаженный
Погибаетъ отъ друзей....
(Рекъ Палладой вдохновенный,
Хитроумный Одиссей).
И стоящій близь Елены
Менелай тогда сказалъ:
Плодъ губительной измѣны!
Ею самъ измѣнникъ палъ;
И погибъ виной Парида
Отягченный Иліонъ....
Неизбѣженъ судъ Кронида,
Все блюдетъ съ Олимпа онъ.
Злому злой конецъ бываетъ:
Гибнетъ жертвой Эвменидъ,
Кто безумно, какъ Паридъ,
Право гостя оскверняетъ.

Пусть веселый взоръ счастливыхъ
(Оилеевъ сынъ сказалъ)
Зритъ въ богахъ боговъ правдивыхъ;
Судъ ихъ часто слѣпъ бывалъ:
Сколькихъ бодрыхъ жизнь поблекла;
Сколькихъ низкихъ рокъ щадитъ!....
Нѣтъ великаго Патрокла,
Живъ презрительный Терситъ.
Смертный, вѣчный Дій Фортунѣ
Своенравной предалъ насъ;
Уловляй же быстрый часъ,
Не тревожа сердца втунѣ.
Лучшихъ бой похитилъ ярый!
Вѣчно памятенъ намъ будь,
Ты, мой братъ, ты подъ удары
Подставлявшій твердо грудь,
Ты, который насъ пожаромъ
Осажденныхъ, защитилъ.....
Но коварнѣйшему даромъ
Щитъ и мечъ Ахилловъ былъ.
Миръ тебѣ во тьмѣ Эрева!
Жизнь твою не врагъ пожалъ:
Ты своею силою палъ,
Жертва гибельнаго гнѣва.
О Ахиллъ! о мой родитель!
(Возгласилъ Неоптолемъ)
Быстрый міра посѣтитель,
Жребій лучшій взялъ ты въ немъ.
Жить въ любви племенъ дѣлами—
Благо первое земли;
Будемъ вѣчны именами
И сокрытые въ пыли!
Слава дней твоихъ нетлѣнна:
Въ пѣсняхъ будетъ цвѣсть она;
Жизнь живущихъ невѣрна,
Жизнь отжившихъ неизмѣнна!
Смерть велитъ умолкнуть злобѣ
(Діомедъ провозгласилъ):
Слава Гектору во гробѣ!
Онъ краса Пергама былъ;
Онъ за край, гдѣ жили дѣды,
Великушно пролилъ кровь;
Побѣдившимъ—честь побѣды!
Охранявшему—любовь!
Кто, на судъ явясь кровавый,
Славно палъ за отчій домъ:
Тотъ, почтенный и врагомъ,
Будетъ жить въ преданьяхъ славы.
Несторъ, жизнью убѣленный,
Нацѣдилъ вина фіалъ,
И Гекубѣ сокрушенной
Дружелюбно выпить далъ.
Пей страданій утоленье;
Добрый Вакховъ даръ вино:
И веселость и забвенье
Проливаетъ въ насъ оно.
Пей, страдалица! печали
Услаждаются виномъ:
Боги жалостные въ немъ
Подкрѣпленье сердцу дали.
Вспомни матерь Ніобею
Что извѣдала она?
Сколь ужасная надъ нею
Казнь была совершена!
Но и съ нею, безотрадной,
Добрый Вакхъ не даромъ былъ:
Онъ струею виноградной
Вмигъ тоску въ ней усыпилъ.
Если грудь виномъ согрѣта,
И въ устахъ вино кипитъ:
Скорби наши быстро мчитъ
Ихъ смывающая Лета.
И вперила взоръ Кассандра,
Внявъ шепнувшимъ ей богамъ,
На пустынный брегъ Скамандра,
На дымящійся Пергамъ.
Все великое земное
Разлетается, какъ дымъ:
Нынѣ жребій выпалъ Троѣ,
Завтра выпадетъ другимъ....
Смертный, Силѣ, насъ гнетущ
Покоряйся и терпи!
Спящій въ гробѣ, мирно спи!
Жизнью пользуйся, живущій!

Жуковск

---

171. ПѢСНЬ О ВѢЩЕМ ОЛЕГѢ.

Какъ нынѣ сбирается вѣщій Олегъ
Отмстить неразумнымъ Хазара
Ихъ села и нивы, за буйный набѣг
Обрекъ онъ мечамъ и пожара
Съ дружиной своей, въ цареградс
брон
Князь по полю ѣдетъ на вѣрномъ к

Изъ темнаго лѣса, на встрѣчу ему
Идетъ вдохновенный кудесни

окорный Перуну старикъ одному,
Завѣтовъ грядущаго вѣстникъ,
ь мольбахъ и гаданьяхъ проведшій
весь вѣкъ;
къ мудрому старцу подъѣхалъ Олегъ.

кажи мнѣ, кудесникъ, любимецъ бо-
говъ,
Что сбудется въ жизни со мною?
скоро-ль, на радость сосѣдей—вра-
говъ,
Могильной засыплюсь землею?
гкрой мнѣ всю правду, не бойся меня:
ь награду любаго возьмешь ты коня.

Юлхвы не боятся могучихъ владыкъ!
А княжескій даръ имъ не нуженъ;
равдивъ и свободенъ ихъ вѣщій языкъ,
И съ волей небесною друженъ.
ядущіе годы таятся во мглѣ,
вижу твой жребій на свѣтломъ челѣ.

помни-же нынѣ ты слово мое:
Воителю слава отрада;
бѣдой прославлено имя твое;
Твой щитъ на вратахъ Царяграда,
золны и суша покорны тебѣ,
видуетъ недругъ стольдивной судьбѣ.

синяго моря обманчивый валъ
Въ часы роковой непогоды,
ранъ, и стрѣла, и лукавый кинжалъ
Щадятъ побѣдителя годы....
дъ грозной броней ты не вѣдаешь
ранъ,
зримый хранитель могущему данъ.

ой конь не боится опасныхъ трудовъ;
Онъ, чуя господскую волю,
смирный стоитъ подъ стрѣлами вра-
говъ,
То мчится по бранному полю;
холодъ, и сѣча ему ничего:
примешь ты смерть отъ коня своего.»

егъ усмѣхнулся, однако чело
И взоръ омрачился думой;
молчаньи, рукой опершись на сѣдло,
Съ коня онъ слѣзаетъ угрюмой;
вѣрнаго друга, прощальной рукой,
гладитъ и треплетъ по шеѣ крутой.

«Прощай, мой товарищъ, мой вѣрный
слуга,
Растаться настало намъ время:
Теперь отдыхай, ужъ не ступитъ нога,
Въ твое позлащенное стремя.
Прощай, утѣшайся, да помни меня.
Вы, отроки—други, возмите коня!

Покройте попоной, мохнатымъ ковромъ,
Въ мой лугъ подъ устцы отведите,
Купайте, кормите отборнымъ зерномъ,
Водой ключевою поите.»
И отроки тотчасъ съ конемъ отошли,
А князю другаго коня подвели.

Пируетъ съ дружиною вѣщій Олегъ
При звонѣ веселомъ стакана;
И кудри ихъ бѣлы, какъ утренній снѣгъ
Надъ славной главою кургана....
Они поминаютъ минувшіе дни
И битвы, гдѣ вмѣстѣ рубились они.

«А гдѣ мой товарищъ, промолвилъ Олегъ,
Скажите, гдѣ конь мой ретивый?
Здоровъ-ли? Все также-ль легокъ его
бѣгъ?
Все тотъ-же-ль онъ бурный, игривый?»
И внемлютъ отвѣту: на холмѣ крутомъ
Давно ужъ почилъ непробуднымъ онъ
сномъ.

Мутучій Олегъ головою поникъ
И думаетъ: «что-же гаданье?
Кудесникъ, ты лживый, безумный ста-
рикъ!
Презрѣть-бы твое предсказанье!
Мой конь и донынѣ носилъ бы меня.»
И хочетъ увидѣть онъ кости коня.

Вотъ ѣдетъ могучій Олегъ со двора,
Съ нимъ Игорь и старые гости,
И видятъ на холмѣ, у брега Днѣпра,
Лежатъ благородныя кости;
Ихъ моютъ дожди, засыпаетъ ихъ пыль;
И вѣтеръ волнуетъ надъ ними ковыль.

Князь тихо на черепъ коня наступилъ
И молвилъ: «спи, другъ, одинокой!
Твой старый хозяинъ тебя пережилъ:
На тризнѣ, уже недалекой,

Не ты подъ сѣкирой ковыль обагришь
И жаркою кровью мой прахъ напоишь.

Такъ вотъ гдѣ таилась погибель моя!
Мнѣ смертію кость угрожала!»
Изъ мертвой главы гробовая змія
Шипя между тѣмъ выползала;
Какъ черная лента вкругъ ногъ обвилась
И вскрикнулъ внезапно ужаленный Князь.

Ковши круговые запѣнясь шипятъ
На тризнѣ плачевной Олега:
Князь Игорь и Ольга на холмѣ сидятъ;
Дружина пируетъ у брега!
Бойцы поминаютъ минувшіе дни,
И битвы, гдѣ вмѣстѣ рубились они.

А. Пушкинъ.

172. БѢСЫ.

Мчатся тучи, вьются тучи;
Невидимкою луна
Освѣщаетъ снѣгъ летучій:
Мутно небо, ночь мутна.
Ѣду, ѣду въ чистомъ полѣ;
Колокольчикъ динь-динь-динь....
Страшно, страшно по неволѣ
Средь невѣдомыхъ равнинъ!
Эй, пошелъ, ямщикъ!.... «Нѣтъ мочи:
«Конямъ, баринъ, тяжело;
«Вьюга мнѣ слипаетъ очи;
«Всѣ дороги занесло;
«Хоть убей, слѣда невидно;
«Сбились мы. Что дѣлать намъ!
«Въ полѣ бѣсъ насъ водитъ видно,
«Да кружитъ по сторонамъ.
«Посмотри: вонъ, вонъ играетъ,
«Дуетъ, плюетъ на меня:
«Вонъ—теперь въ оврагъ толкаетъ
«Одичалаго коня;
«Тамъ верстою небывалой
«Онъ торчалъ передо мной;
«Тамъ сверкнулъ онъ искрой малой
«И пропалъ во тмѣ пустой.»
Мчатся тучи, вьются тучи;
Невидимкою луна
Освѣщаетъ снѣгъ летучій;
Мутно небо, ночь мутна.
Силъ намъ нѣтъ кружиться долѣ;
Колокольчикъ вдругъ умолкъ;
Кони стали.... Что тамъ въ полѣ?—
«Кто ихъ знаетъ: пень иль волкъ?»
Вьюга злится, вьюга плачетъ;
Кони чуткіе храпятъ;
Вонъ ужъ онъ далече скачетъ,
Лишь глаза во мглѣ горятъ!
Кони снова понеслися;
Колокольчикъ динь-динь-динь....
Вижу: духи собралися
Средь бѣлѣющихъ равнинъ.
Безконечны, безобразны,
Въ мутной мѣсяца игрѣ
Закружились бѣсы разны,
Будто листья въ ноябрѣ....
Сколько ихъ! куда ихъ гонятъ?
Что такъ жалобно поютъ?
Домоваго-ли хоронятъ,
Вѣдьму-ль за мужъ выдаютъ?
Мчатся тучи, вьются тучи;
Невидимкою луна
Освѣщаетъ снѣгъ летучій;
Мутно небо, ночь мутна;
Мчатся бѣсы рой за роемъ
Въ безпредѣльной вышинѣ,
Визгомъ жалобнымъ и воемъ
Надрывая сердце мнѣ....

А. Пушкинъ

173. ВОЗДУШНЫЙ КОРАБЛЬ

По синимъ волнамъ океана,
Лишь звѣзды блеснутъ въ небесах
Корабль одинокій несется,
Несется на всѣхъ парусахъ.
Не гнутся высокія мачты,
На нихъ флюгера не шумятъ,
И молча въ открытые люки
Чугунныя пушки глядятъ.
Не слышно на немъ капитана,
Не видно матросовъ на немъ;
Но скалы, и тайныя мели,
И бури ему ни по-чемъ.
Есть островъ на томъ океанѣ—
Пустынный и мрачный гранитъ;
На островѣ томъ есть могила,
А въ ней императоръ зарытъ.
Зарытъ онъ безъ почестей бранныхъ

ы въ сыпучій песокъ,
» на немъ камень тяжелый,
встать онъ изъ гроба не могъ.
» часъ его грустной кончины,
ночь, какъ свершается годъ,
окому берегу тихо
ный корабль пристаетъ.
гроба тогда императоръ,
ись, является вдругъ;
ъ треугольная шляпа
ай походный сюртукъ.
остивши могучія руки,
опустивши на грудь,
и къ рулю онъ садится
гро пускается въ путь.
ется онъ къ Франціи милой,
лаву оставилъ и тронъ,
лъ наслѣдника — сына
рую гвардію онъ,
олько что землю родну́ю
лъ во мракѣ ночномъ,
его сердце трепещетъ
пылаютъ огнемъ.
берегъ большими шагами
мѣло и прямо идетъ,
никовъ громко онъ кличетъ
шаловъ грозно зоветъ.
спятъ усачи-гренадеры —
Въ равнинѣ, гдѣ Эльба шумитъ,
Подъ снѣгомъ холодной Россіи,
Подъ знойнымъ пескомъ пирамидъ.
» И маршалы зова не слышатъ:
Иные погибли въ бою,
Другіе ему измѣнили
И продали шпагу свою.
И топнувъ о землю ногою,
Сердито онъ взадъ и впередъ
По тихому берегу ходитъ,
И снова онъ громко зоветъ:
Зоветъ онъ любезнаго сына,
Опору въ превратной судьбѣ;
Ему обѣщаетъ полміра,
А Францію только себѣ.
Но въ цвѣтѣ надежды и силы
Угасъ его царственный сынъ,
И, долго его поджидая,
Стоитъ императоръ одинъ —
Стоитъ онъ и тяжко вздыхаетъ,
Пока озарится востокъ,
И капаютъ горькія слезы
Изъ глазъ на холодный песокъ.
Потомъ на корабль свой волшебный,
Главу опустивши на грудь,
Идетъ и, махнувши рукою,
Въ обратный пускается путь.

Лермонтовъ.

VI. ИДИЛЛІИ И ЭКЛОГИ.

ДЕРЕВЕНСКІЙ СТОРОЖЪ ВЪ ПОЛНОЧЬ.

Полночь било; въ добрый часъ!
Спите; Богъ не спитъ за насъ.
все молчитъ!.... Въ полночной глубинѣ
тность вся какъ будто притаилась;
шороху въ кустахъ; тиха дорога;
стой дали не простучитъ телѣга;
рыпнетъ дверь; дыханье не провѣетъ;
остель замолкъ въ травѣ болотной.
се теперь *подъ занавѣсомъ* спитъ:
И легкою-ль, неслышною стопою
Прокрался здѣсь безплотный духъ....
не знаю.
Но чу.... тамъ прудъ шумитъ; перебираясь
По мельничнымъ колесамъ неподвижнымъ,
Сонливою струей бѣжитъ вода;
И ласточка тайкомъ ползетъ по бревнамъ
Подъ кровлю; и сова перелетѣла
По небу тихому отъ колокольни;
И въ высотѣ, фонарь ночной, луна
Виситъ межъ облаковъ и свѣтитъ ясно,

Из звѣздочки вдали небесной брежжутъ..
Не такъ-же-ли, когда, осенней ночью,
Измокнувшій, усталый отъ дороги,
Придешь домой, еще не видишь кровель
А огонекъ ужъ тамъ и тутъ сверкаетъ?..
Но что-жъ во мнѣ такъ сердце разго-
рѣлось?
Что на душѣ такъ радостно и смутно?
Какъ будто въ ней по родинѣ тоска!
Я плачу... но о чемъ? И самъ не знаю!
Полночь било; въ добрый часъ!
Спите; Богъ не спитъ за насъ.
Пускай темно на высотѣ;
Сіяютъ звѣзды въ темнотѣ.
То свѣтъ родимой стороны:
Про насъ онѣ тамъ зажжены.
Куда идти мнѣ? Въ нижнюю деревню,
Черезъ кладбище?.... Дверь отворена.
Подумаешь, что въ полночь изъ могилъ
Покойники выходятъ навѣстить
Свое село, провѣдать, все-ли тамъ,
Какъ было въ старину. До сей поры,
Мнѣ помнится, еще ни одного
Не встрѣтилъ я. Не прокричать-ли полночь
Покойникамъ?.... Нѣтъ, лучше по гробамъ
Пройду я молча: есть у нихъ на башнѣ
Свои часы. Къ тому-же... какъ узнать!
Прошла-ль уже нхъ полночь, или нѣтъ?
Быть можетъ, что теперь лишь только тьма
Сгущается въ могилахъ.... ночь долга;
Быть можетъ также, что струя разсвѣта
Уже мелькнула и для нихъ.... кто знаетъ?
Какъ смирно здѣсь! знать мертвые покойны?
Дай Богъ!.... Но мнѣ чего-то страшно стало!
Не все здѣсь умерло: я слышу, ходитъ
На башнѣ маятникъ.... ты скажешь, бьется
Пульсъ времени въ его глубокомъ снѣ.
И холодомъ съ вершины дуетъ полночь;
Въ лугу ея дыханье бродитъ, тихо
Соломою на кровляхъ шевелитъ,
И пробирается сквозь тынъ со свистомъ,
И сыростью отъ стѣнъ церковныхъ пашетъ—
Окончины трясутся и порой
Скрыпитъ, качаясь, крестъ; здѣсь по
дуваетъ
Оно въ открытую могилу.... Бѣдны
Фрицъ!
И для тебя готовятъ ужъ постелю,
И каменный покровъ лежитъ при ней
И на нее огни отчизны свѣтятъ.
Какъ быть! а всѣмъ одно: всѣхъ
пути
Застигнетъ сонъ.... что-жъ нужды? м
мы будемъ
На милой родинѣ; кто на кладбищѣ
Нашелъ постель—въ часъ добрый;
вѣдь могила
Послѣдній на землѣ ночлегъ; когда-
Проглянетъ день и мы, проснувшис
выдемъ
На новой свѣтъ, тогда пути и часу
Не будетъ намъ съ ночлега до отчизн
Полночь било; въ добрый часъ!
Спите; Богъ не спитъ за насъ.
Сіяютъ звѣзды съ вышины,
То свѣтъ родимой стороны;
Туда черезъ могилу путь;
Въ могилѣ-жъ.... только отдохну
Гдѣ былъ я? гдѣ теперь? Иду деревне
Прошелъ черезъ кладбище.... Все по
койно
И здѣсь и тамъ.... И что-жъ дереви
въ полночь?
Не тихое-ль кладбище? Развѣ тамъ,
Равно какъ здѣсь, не спятъ, не отды
хаютъ
Отъ долгія усталости житейской,
Отъ скорби, радости, подъ властью Бог
Здѣсь въ хижинѣ, а тамъ въ сырой зем
До яснаго, небеснаго разсвѣта?
А онъ ужъ не далеко.. Какъ-бы но
Ни длилася и неба ни темнила,
А все разсвѣта намъ не миновать.
Деревню разъ, другой я обойду—
И пѣтухи начнутъ мнѣ откликаться,
И воздухъ утренній начнетъ въ лиц
Мнѣ дуть; проснется день въ бору, от
дернетъ
Небесный занавѣсъ, и утро тихой
Струей прольется въ сумракъ; нако
нецъ
Посмотришь: холмъ, и долъ, и лѣс
сіяютъ;

Все встрепенулося; тамъ ставень вскрылся,
Тамъ отворилась дверь; и все очнулось,
И всюду жизнь свободная взыграла.
Ахъ, Царь небесный, что за праздникъ будетъ,
Когда послѣдняя промчится ночь!
Когда всѣ звѣзды, малыя, большія,
И мѣсяцъ, и заря, и солнце вдругъ
Въ небесномъ пламени растаютъ, свѣтъ
До самой глубины могилъ прольется,
И скажутъ матери младенцамъ: утро!
И все отъ сна пробудится; тамъ дверь
Тяжелая отворится, тамъ ставень;
И выглянутъ усопшіе оттуда!....
О, сколько бѣдъ забыто въ тихомъ снѣ!
И сколько ранъ глубокихъ въ самомъ сердцѣ
Исцѣлено! Встаютъ, здоровы, ясны;
Пьютъ воздухъ жизни; онъ вливаетъ крѣпость
Имъ въ душу.... Но когда-жъ тому случиться?
Полночь било; въ добрый часъ!
Спите; Богъ не спитъ за насъ.
Еще лежитъ на небѣ тѣнь;
Еще далеко свѣтлый день;
Но живъ Господь; онъ знаетъ срокъ:
Онъ вышлетъ утро на востокъ.

Жуковскій.

---

175. ПУТЕШЕСТВЕННИКЪ И ПОСЕЛЯНКА.

Путешественникъ.

Благослови Господь
Тебя, младая мать,
И тихаго младенца,
Приникшаго къ груди твоей;
Здѣсь подъ скалою,
Въ тѣни оливъ твоихъ пріютныхъ,
Сложивши ношу, отдохну
Отъ зноя близь тебя.

Поселянка.

Скажи мнѣ, странникъ,
Куда въ палящій зной
Ты пыльною идешь дорогой?
Товары-ль городскіе
Разносишь по селеньямъ?

Ты улыбнулся, странникъ,
На мой вопросъ.

Пут. Товаровъ нѣтъ со мной.
Но вечеръ холодѣетъ;
Скажи мнѣ, поселянка,
Гдѣ тотъ ручей,
Въ которомъ жажду утоляешь?

Пос. Взойди на верхъ горы:
Въ кустарникѣ, тропинкой
Ты мимо хижины пройдешь,
Въ которой я живу;
Тамъ близко и студеный ключъ,
Въ которомъ жажду утоляю.

Пут. Слѣды создательной руки
Въ кустахъ передо мною!....
Не ты сіи образовала камни,
Обильно-щедрая природа.

Пос. Иди впередъ.

Пут. Покрытый мохомъ архитравъ:
Я узнаю тебя, творящій геній;
Твоя печать на этихъ мшистыхъ камняхъ.

Пос. Все далѣ, странникъ.

Пут. И надпись подъ моей ногою;
Ее затерло время;
Ты удалилось,
Глубоко—врѣзанное слово,
Рукой творца нѣмому камню
Напрасно ввѣренный свидѣтель
Минувшаго богопочтенья.

Пос. Дивишься, странникъ,
Ты этимъ камнямъ!
Подобныхъ много
Близь хижины моей.

Пут. Гдѣ? гдѣ?

Пос. Тамъ на вершинѣ,
Въ кустахъ.

Пут. Что вижу? Музы и Хариты.

Пос. То хижина моя.

Пут. Обломки храма.

Пос. Вблизи бѣжитъ
И ключъ студеный,
Въ которомъ жажду утоляю.

Пут. Не умирая, вѣешь
Ты надъ своей могилой,
О Геній; надъ тобою
Обрушилось во прахъ
Твое прекрасное созданье....
А ты безсмертенъ.

Пос. Помедли, странникъ, я подам

Сосудъ, напиться изъ ручья.
Пут. И плющъ обвѣсилъ
Твой ликъ, божественно-прекрасный.
Какъ величаво
Надъ этой грудою обломковъ
Возносится чета столбовъ!
А здѣсь ихъ одинокій братъ!
О, какъ они—
Въ печальный мохъ одѣвъ главы свя-
щенны—
Скорбя величественно, смотрятъ
На раздробленныхъ
У ногъ ихъ братій;
Въ тѣни шиповниковъ зеленыхъ,
Подъ камнями, подъ прахомъ
Лежатъ они и вѣтеръ
Травой надъ ними шевелитъ.
Какъ мало дорожишь, природа,
Ты лучшаго созданья своего
Прекраснѣйшимъ созданьемъ!
Сама святилище свое
Безчувственно ты раздробила,
И тернъ посѣяла на немъ.
Пос. Какъ спитъ младенецъ мой!
Войдешь-ли, странникъ,
Ты въ хижину мою,
Иль здѣсь на волѣ отдохнешь?
Прохладно, подержи дитя;
А я сосудъ водой наполню.
Спи, мой малютка, спи.
Пут. Прекрасенъ твой покой....
Какъ тихо дышитъ онъ,
Исполненный небеснаго здоровья!
Ты, на святыхъ остаткахъ
Минувшаго рожденный ...
О, будь съ тобой его великій Геній!
Кого присвоитъ онъ,
Тотъ въ сладкомъ чувствѣ бытія
Земную жизнь вкушаетъ.
Цвѣти жъ надеждой,
Весенній цвѣтъ прекрасный;
Когда-же отцвѣтешь,
Созрѣй на солнцѣ благодатномъ,
И дай богатый плодъ.
Пос. Услышь тебя Господь!.... А онъ
все спитъ.
Вотъ, странникъ, чистая вода
И хлѣбъ — даръ скудный, но отъ
сердца.
Пут. Благодарю тебя.

Какъ все цвѣтетъ кругомъ
И живо зеленѣетъ!
Пос. Мой мужъ придетъ
Черезъ минуту съ поля
Домой; останься, странникъ,
И ужинъ съ нами раздѣли.
Пут. Жилище ваше здѣсь?
Пос. Здѣсь, близко этихъ стѣнъ
Отецъ намъ хижину построилъ
Изъ кирпичей и каменныхъ обломковъ:
Мы въ ней и поселились.
Меня за пахаря онъ выдалъ,
И умеръ на рукахъ у насъ....
Проснулся ты, мое дитя?
Какъ веселъ онъ! какъ онъ играетъ!
О милый!
Пут. О вѣчный сѣятель, Природа,
Даруешь всѣмъ ты сладостную жизнь;
Всѣхъ чадъ своихъ, любя, ты надѣлила
Наслѣдствомъ хижинки пріютной.
Высоко на карнизѣ храма
Селится ласточка, не зная,
Чье пышное созданье застилаетъ,
Лѣпя свое гнѣздо.
Червякъ, заткавъ живую вѣтку,
Готовитъ зимнее жилище
Своей семьѣ.
А ты среди великихъ
Минувшаго развалинъ
Для нуждъ своихъ житейскихъ
Шалашъ свой ставишь, человѣкъ,
И счастливъ надъ гробами.
Прости, младая поселянка.
Пос. Уходишь, странникъ?
Пут. Да Богъ благословитъ
Тебя и твоего младенца.
Пос. Прости-же, добрый путь.
Пут. Скажи, куда ведетъ
Дорога этою горою!
Пос. Дорога эта въ Кумы.
Пут. Далекъ ли путь?
Пос. Три добрыхъ мили.
Пут. Прости.
О, будь вождемъ, Природа;
Направь мой страннический путь;
Здѣсь надъ гробами
Священной древности скитаюсь;
Дай мнѣ найти пріютъ,
Отъ хладовъ сѣвера закрытый,
Чтобъ зной полдневный

вая роща
й сѣнью отвѣвала.
жъ въ вечерній часъ
лй возвращусь
ровъ домашній,
ъ заката позлащенный:
на порогъ моихъ дверей
з на встрѣчу вышла
ю милая подруга
денцемъ на рукахъ.

Жуковскій.

---

3. ОВСЯНЫЙ КИСЕЛЬ.

овсяный кисель на столѣ; читайте молитву:
о сядѣть, не марать рукавовъ и къ горшку не соваться;
іте: всякой намъ даръ совершенъ и даяніе благо;
іте, свѣты мои, на здоровье: Господь васъ помилуй.
лѣ отецъ посѣялъ овесъ и весной заскородилъ.
Господь-Богъ сказалъ: поди домой, не заботься:
асну; безъ тебя онъ взойдетъ, расцвѣтетъ и созрѣетъ.
айте жъ, дѣти: въ каждомъ зернышкѣ тихо и мирно
невидимкой малютка — зародышъ. Долго, долго
онъ, какъ въ люлькѣ, не ѣстъ,
е пьетъ, и не пикнетъ, доколѣ
хлую землю его не положатъ и въ ней не согрѣютъ.
онъ лежитъ въ бороздѣ и малюткѣ тепло подъ землею;
тихомолкомъ проснулся, взглянулъ и сосетъ, какъ младенецъ,
изъ роднаго зерна, и ростетъ и невидимо зрѣетъ;
уползъ изъ пеленъ, молодой корешокъ пробуравилъ;
я въ глубь, и корма ищетъ въ землѣ, и находитъ.
ке?.... Вдругъ скучно и тѣсно въ емкахъ.... «Какъ-бы провѣдать,
тамъ, на бѣломъ свѣтѣ творится?....» Тайкомъ боязливо
Выглянулъ онъ изъ земли..... Ахъ?
Царь мой небесный, какъ любо!
Смотришь — Господь Богъ Ангела шлетъ къ нему съ неба:
«Дай росинку ему и скажи отъ Создателя: здравствуй.»
Пьетъ онъ.... ахъ, какъ-же малюточкѣ сладко, свѣжо и свободно.
Рядится красное солнышко; вотъ нарядилось, умылось,
На горы вышло съ своимъ рукодѣльемъ; идетъ по небесной
Свѣтлой дорогѣ: прилежно работая, смотритъ на землю,
Словно какъ мать на дитя, и малюткѣ съ небесъ улыбнулось,
Такъ улыбнулось, что всѣ корешки молодые взыграли.
«Доброе Солнышко, даромъ вельможа, а всякому ласка!»
Въ чемъ-же его рукодѣлье? Точетъ облачко дождевое,
Смотришь: померкло: вдругъ каплетъ, вдругъ полилось, зашумѣло.
Жадно зародышекъ пьетъ, но подулъ вѣтерокъ—онъ обсохнулъ.
«Нѣтъ (говоритъ онъ) теперь ужъ подъ землю меня не замапятъ.
«Что мнѣ въ потемкахъ? здѣсь я останусь; пусть будетъ что будетъ.»
Кушайте, свѣты мои, на здоровье; Господь васъ помилуй.
Ждетъ и малюточку тяжкое время: темныя тучи
День и ночь на небѣ стоятъ, и прячется солнце;
Снѣгъ и мятель на горахъ, и градъ съ гололедицей въ полѣ.
Ахъ, мой бѣдный зародышекъ, какъ-же онъ зябнетъ! какъ поетъ!
Что съ нимъ будетъ! земля заперлась и негдѣ взять пищи.
«Гдѣ-же «онъ думаетъ« красное солнышко? Что не выходитъ?
«Или боится замерзнуть? Иль и его нѣтъ на свѣтѣ?
«Ахъ, зачѣмъ покидалъ я родимое зернышко! дома
«Было мнѣ лучше; сидѣть-бы въ пріютномъ теплѣ подъ землею.»

Дѣтушки, такъ-то бываетъ на свѣтѣ;
и вамъ доведется
Вчужѣ межъ злыми, чужими людьми, съ
трудомъ добывая
Хлѣбъ свой насущный, сквозь слезы
сказать въ одинокой печали:
«Худо мнѣ; лучше-бы дома сидѣть у
родимой за печкой....»
Богъ васъ утѣшитъ, друзья; всему есть
конецъ; веселѣе
Будетъ и вамъ, какъ былиночкѣ. Слу-
шайте: въ ясный день майской
Свѣжесть повѣяла.... солнышко яркое
на горы вышло,
Смотритъ: гдѣ нашъ зародышекъ? что
съ нимъ? и крошку цѣлуетъ.
Вотъ онъ ожилъ опять и себя отъ ве-
селья не помнитъ.
Мало по малу одѣлись поля муравой и
цвѣтами:
Вишня въ саду зацвѣла; зеленѣетъ и
слива, и въ полѣ
Гуще становится рожь, и ячмень, и
пшеница, и просо.
Наша былиночка думаетъ: «я назади не
останусь!»
Кстати-ль! листки распустила.... кто
такъ прекрасно соткалъ ихъ?
Вотъ стебелекъ показался.... кто изъ
жилочки въ жилку
Чистую влагу провелъ отъ корня до ма-
ковки сочной?
Вотъ проглянулъ, налился и качается
въ воздухѣ колосъ....
Добрые люди, скажите: кто такъ искус-
но развѣсилъ
Почки по гибкому стеблю на тонень-
кихъ, шелковыхъ нитяхъ?
Ангелы! кто же другой? они отъ бы-
линки къ былинкѣ
По полю взадъ и впередъ съ благодатью
небесной летаютъ.
Вотъ ужъ и цвѣтомъ нѣжный, зыбучій
колосикъ осыпанъ;
Наша былинка стоитъ, какъ невѣста
въ уборѣ вѣнчальномъ.
Вотъ налился и зерно и тахохонько
зрѣетъ; былинка
Шепчетъ, качая въ раздумьи головкой:
я знаю, что будетъ.
Смотришь: слетаются мошки, жучки
молодую поздравить;
Пляшутъ, толкутся кругомъ, припѣва-
ютъ ей: многія лѣта;
Въ сумерки-жъ, только что мошки, жу-
чки позаснутъ и замолкнутъ,
Тащится въ травкѣ свѣтлякъ съ фона-
ремъ посвѣтить ей въ потемкахъ.
Кушайте, свѣты мои, на здоровье, Гос-
подь васъ помилуй.
Вотъ ужъ Троицынъ день миновался и
сѣно скосили,
Собраны вишни, въ саду ни одной не
осталося сливки;
Вотъ ужъ пожали и рожь, и ячмень, и
пшеницу, и просо;
Ужъ и на жниво сбирать босикомъ ре-
бятишки сходились
Колосъ обронженный; имъ помогла тя-
хомолкомъ и мышка....
Что-то былиночка дѣлаетъ? О, ужъ дав-
но пополнѣла;
Много, много въ ней зернушекъ; гнет-
ся и думаетъ: «полно;
«Время мое миновалось: зачѣмъ мнѣ
одной оставаться
«Въ полѣ пустомъ межъ картофелемъ,
пухлою рѣпой и свеклой?»
Вотъ съ серпами пришли и Иванъ и
Лука и Дуняша;
Ужъ и морозъ покусалъ имъ утромъ и
вечеромъ пальцы;
Вотъ и снопы ужъ сушили въ овинѣ;
уже молотили
Съ трехъ часовъ по утру до пяти по
полудни на ригѣ;
Вотъ и гнѣдко потащился на мельницу
съ возомъ тяжелымъ;
Началъ жерновъ молоть; и зернышки
стали мукою;
Вотъ молочка надоила отъ пестрой ко-
ровки родная
Полный горшечикъ; сварила кисель,
чтобъ дѣтушкамъ кушать;
Дѣтушки скушали, ложки обтерли, ска-
зали спасибо.

Жуковскій.

УТРЕННЯЯ ЗВѢЗДА.

а, звѣздочка—краса!
такъ на небеса
тѣ праздничной твоей,
блистающихъ кудрей,
ь воздушно-голубой,
ь утренней росой?
ажешь: встала раньше насъ?
ь! мы жнемъ ужъ цѣлый часъ;
ъ накиданныхъ сноповъ.
лъ до дня, тотъ днемъ здоровъ;
лядитъ на Божій свѣтъ;
рудъ вкуснѣй обѣдъ.
й привыкъ до полдня спать,
утра не видать.
съ восточною звѣздой
встаетъ передъ зарей.
рано поутру,
и пѣсни ввечеру.
ички? всѣ давно ужъ тутъ,
ь, свищутъ и поютъ,
а на кустъ, изъ сѣни въ сѣнь,
другъ дружкѣ: добрый день!
горлинки журчатъ;
къ завтренѣ звонятъ.
молитва началась:
ый царь, услыши насъ,
падычество приди,
ь искушенье не введи,
ь спасенія наставь
лукаваго избавь.»
мъ-же, звѣздочка—краса,
такъ рано въ небеса?....
подружка тамъ горитъ;
дное солнце спитъ,
ъ увидѣться онѣ
менной вышинѣ.
омъ сквозь дремлющій разсвѣтъ
ялою во слѣдъ
, сіяя, на востокъ,
гъ ранній вѣтерокъ,
вѣя съ высоты,
лой шепчетъ: гдѣ-же ты?
го-жъ? Увидятся-ли?.... нѣтъ,
ъ за ними солнце вслѣдъ.
тъ оно: востокъ зажгло,
ый завѣсъ подняло,
знойный свой уборъ,
смотритъ изъ-за горъ.

А звѣздочка?.... Ужъ не блеститъ,
Печально—блѣдная бѣжитъ,
Подружкѣ шепчетъ: Богъ съ тобой!
И скрылась въ безднѣ голубой.
И солнце на небѣ одно,
Великолѣпно и красно.
Идетъ по свѣтлой высотѣ
Въ своей спокойной красотѣ;
Затеплился на церкви крестъ;
И тонкій паръ встаетъ окрестъ;
И взглянетъ лишь куда оно,
Тамъ мигомъ все оживлено.
На кровлѣ аистъ носъ остритъ,
И въ небѣ ласточка кружитъ,
И дымъ клубится изъ печей,
И будитъ мельницу ручей,
И тихо рдѣетъ темный боръ,
И звучно въ немъ стучитъ топоръ.

Жуковскій.

178. ЛѢТНІЙ ВЕЧЕРЪ.

Знать солнышко утомлено:
За горы прячется оно,
Лучъ погашаетъ за лучемъ,
И, алымъ тонкимъ облачкомъ
Задернувъ ликъ усталый свой,
Уйти готово на покой.
Пора ему и отдохнуть.
Мы знаемъ: лѣтній дологъ путь.
Вездѣ-жъ работа: на горахъ,
Въ долинахъ, рощахъ и лугахъ;
Того согрѣй, тѣмъ свѣту дай,
И всѣхъ при томъ благословляй.
Буди заснувшіе цвѣты
И имъ расписывай листы;
Потомъ медвяною росой
Пчелу работницу напой,
И чистыхъ капель межъ листовъ
Оставь про рѣзвыхъ мотыльковъ.
Зерну скорлупку расколи,
И молодую изъ земли
Былинку выведи на свѣтъ;
Пичужкамъ приготовь обѣдъ;
Тѣхъ пріюти между вѣтвей,
А тѣхъ на гнѣздышкѣ согрѣй.
И вишнямъ дай румяный цвѣтъ,
Не позабудь горячій свѣтъ
Разсыпать на зеленый садъ,
И золотистый виноградъ

Отъ зноя листьями покрыть,
И колосъ зрѣлостью налить.
А если жаръ для стадъ жестокъ,
Сманн ихъ къ рощѣ въ холодокъ;
И тучку темную скопи,
И травку влагой окропи,
И яркой радугой съ небесъ
Сойди на темный лугъ и лѣсъ.
А гдѣ подъ острою косой
Трава ложится полосой,
Туда безоблачно сіяй
И сѣно въ копна собирай,
Чтобъ къ ночи лугъ отъ нихъ пестрѣлъ,
И съ ними рядъ возовъ скрипѣлъ.
И такъ совсѣмъ немудрено,
Что разгорѣлося оно,
Что отдыхаетъ на горахъ
Въ полупотухнувшихъ лучахъ;
И намъ, сходя за небосклонъ,
Въ прохладѣ шепчетъ: добрый сонъ!
И вотъ сошло, и свѣтъ потухъ;
Одинъ на башнѣ лишь пѣтухъ
За нимъ гляднтъ, сіяя, вслѣдъ....
Гляди, гляди; въ томъ пользы нѣтъ!
Сей часъ оно передъ тобой
Задернетъ алый завѣсъ свой.
Есть и про солнышко бѣда:
Нѣтъ ладу съ сыномъ никогда.
Оно лишь только въ глубину,
А онъ какъ разъ на вышину;
Того и жди что заблеститъ;
Давно за горкой онъ сидитъ.
Но что-жъ такъ медлитъ онъ вставать?
Все хочетъ солнце переждать.
Вставай, вставай, уже давно
Заснуло въ сумеркахъ оно;
И вотъ онъ всходитъ, въ долъ гляднтъ,
И блѣдно зелень серебритъ.
И ночь ужъ на небо взошла,
И тихо на небѣ зажгла
Гостепріимные огни;
И все замолкнуло въ тѣни;
И по долинамъ, по горамъ
Все спитъ.... пора ко сну и намъ.

Жуковскій.

---

179. ГЕЗІОДЪ И ОМИ СОПЕРНИКИ.

Народы, какъ волны, въ Халкиду
Народы счастливой Еллады
Тамъ сильный владыка, надъ п
Окончя печальны обряды,
Ристалище славы бойцамъ отвер
Три раза съ румяной денн
Бойцы выступали съ бойцами на
Три раза стремили возницы
Коней легконогихъ по звонки
И трижды владѣтель Халкі
Достойнымъ оливны вѣнки разда
Но солнце на лоно Ѳетиды
Склонялось, и новый готовился
Очистите поле, возницы!
Спѣшите! Залейте студеной стр
Пылающи оси и спицы;
Коней отрѣшите отъ тягостныхъ
И въ стойлы прохладны ве
Вы, пылью и потомъ покрыты бо
При пламени свѣтломъ вздо
Внемлите народы, Еллады сыны,
Высокія пѣсни внемлите!
Пройдя изъ края въ край госте
ный м
Лѣтами древними прокомъ удруч
Здѣсь пѣсней царь, Омиръ,
И юный Гезіодъ, Каменамъ дра
Вступаютъ въ славный бой.
Колебля маслину священную ру
Пѣвецъ Аскреи гимнъ высокій
на
(Онъ съ лирой никогда свой
не сочета

Гезіодъ.

Безвѣстный юноша, съ стадами
Подъ тѣнью пальмовой близъ
Ипокре
Тамъ пастыря нашли прелестны
мен
И я въ обитель ихъ священную
пя

Омиръ.

ылось въ юности: орелъ громометатель
елеса меня играючи унесъ
а край земли, на край небесъ,
: ты земли и неба обладатель.
амъ лавры хижину простую осѣнятъ,
стыняхъ процвѣтутъ Темпейскія долины,
вы бросите свой благотворный взглядъ,
ны дочери суровой Мнемозины!
Хвала отцу боговъ! Какъ ясный сводъ небесъ
царствомъ высится плачевнаго Эреба,
радостный Олимпъ стоитъ превыше неба:
выше всѣхъ боговъ—властитель ихъ Зевесъ!....
Въ священномъ сумракѣ, въ сіяніи Діаны
Музы, любите сплетаться въ хороводъ,
торжественный въ Олимпъ свершая ходъ,
безсмертными вкушать напитокъ Гебы рьяный....
Не знаетъ смерти онъ: кровь алая тельцовъ
брызнетъ подъ ножемъ надъ Зевсовой гробницей;
ни бурные со звонкой колесницей
съ ней не будутъ прахъ крутить до облаковъ.
А мы всѣ смертные, всѣ Паркамъ обреченны.
ихъ области подземнаго царя,
ки спящія, Тенаромъ заключенны,
ьющи дань свою въ бездонныя моря.
Я приближаюся къ метѣ сей неизбѣжной.
ни, о юноша! ты пѣлъ Труды и Дни....
старца ветхаго ужъ кончились они!
Сынъ дивный Мелеса! И лебедь бѣлоснѣжной
На синемъ Стримонѣ, провидя страшный часъ,
Не слаще твоего поетъ въ послѣдній разъ!
Твой геній проницалъ въ Олимпъ: и вѣчны боги
Отверзли для тебя заоблачны чертоги.
И чтожъ? Въ юдоли сей страдалецъ некони,
Ты рокомъ обреченъ въ печаляхъ кончить дни.
Пѣвецъ божественный, скитаяся какъ нищій,
Въ печальномъ рубищѣ, безъ крова и безъ пищи,
Слѣпецъ всевидящій, ты будешь проклинать
И день, когда на свѣтъ тебя родила мать!
О.м. Твой гласъ подобится амвросіи небесной,
Что Геба юная сапфирной чашей льетъ.
Пѣвецъ! въ устахъ твоихъ поэзіи прелестной
Сладчайшій Ольмія благоухаетъ медъ.
Но.... Музъ любимый жрецъ!.... страшись руки злодѣйской,
Страшись любви, страшись Эвбеи береговъ;
Твой близокъ часъ: увы! тебя Зевесъ Немейской,
Какъ жертву славную, готовитъ для враговъ.
Умолкли. Облако печали
Покрыло очи ихъ.... народъ рукоплескалъ.
Но снова сладкій бой поэты начинали
При шумѣ радостныхъ похвалъ.
Омиръ, возвыся гласъ, воспѣлъ народовъ брани,
Народовъ гибнувшихъ по прихоти царей;
Пріама древняго съ мольбой несуща дани
Убійцѣ грозному и кровныхъ и дѣтей;
Мольбу смиренную и быструю Обиду,
Харитъ и легкихъ Оръ и страшную Эгиду,
Нептуна области, Олимпъ и дикій Адъ.
А юный Гезіодъ, взлелѣянный Парнасомъ,

Съ чудесной прелестью воспѣлъ веселымъ гласомъ
Весну, роскошную сопутницу Гіадъ:
Какъ Фебъ торжественно вселенну обтекаетъ,
Какъ дни и мѣсяцы родятся въ небесахъ;
Какъ нивой золотой Церера награждаетъ
Труды годичные оратая въ поляхъ.
Заботы сладкія при сборѣ винограда,
Тебя, желанный Миръ, лелѣятель долинъ,
Благословенныхъ селъ, и пастырей и стада,
Онъ пѣлъ. И слабый царь, Халкиды властелинъ,
Отъ самой юности воспитанный средь мира,
Презрѣлъ высокій гимнъ безсмертнаго Омира
И пальму первенства сопернику вручилъ.
Счастливый Гезіодъ въ награду получилъ
За пѣсни, мирною Каменой вдохновенны,
Сосуды сребряны, треножникъ позлащенный
И чернаго овна, красу веселыхъ стадъ.
За нимъ, предъ нимъ, сыны ахейскіе, какъ волны,
На край кристалища обширнаго спѣшатъ,
Гдѣ побѣдитель самъ, благоговѣнья полный,
При возліяніяхъ овна младую кровь
Довременно богамъ подземнымъ посвящаетъ,
И Музамъ свѣтлые сосуды предлагаетъ,
Какъ даръ, усердный даръ пѣвца, за ихъ любовь.
До самой старости преслѣдуемый роком,
Но духомъ царь, не рабъ разгнѣванной судьбы,
Омиръ скрывается отъ суетной толпы,
Снѣдая грусть свою въ молчаніи глубоком.
Рожденный въ Самосѣ убогій сирота
Слѣпца изъ края въ край, какъ сынъ усердный, водитъ:
Онъ съ нимъ пристанища въ Клла
находи
И гдѣ найдутъ его талантъ и ни
Батюш

---

180. РЫБАКИ.

(Переводъ изъ Теокрит

Повѣрь, Діафанъ, мнѣ: лишь
ность раждаетъ искусті
Вина трудолюбія, бѣдность прямой
учите.
Какъ скоро заботы вокругъ изго
тѣснятс
Тогда мы не вѣримъ пріятнымъ л
ніямъ нѣ
Едва зарумянится небо зарею,
Гласъ нужды раздастся — и сонъ
тае
Два рыбаря, старцы, вкушали сп
ствіе н
На хладной соломѣ, подъ кровом
лозъ сплетенны
Склоняся главами на руки изъ і
зелены
Кругомъ ихъ лежали орудья ихъ
ни печальн
Ловитва для рыбы—кошницы изъ
кія вер
Садки для храненья—обманчива
ника вольно
И верши коварны, горой устѣны
можден
Раскинуты сѣти, и неводъ еще него
И длинныя лѣсы, и удочки съ і
смерт
И верви, и весла, и лодка, увязі
т
Два бѣдныя платья, котомка съ
ванной щл
Висѣли на гвоздѣ: вотъ все ихъ н
но имѣ
Вотъ все ихъ богатство! ни ложк
чашъ деревянн
Нѣтъ даже собаки, надежнаго с
ночн
Не знали сосѣдей; сосѣдъ ихъ
м
Котораго волны, ласкаясь, почти
га

До хижины бѣдной. Еще украшеніе мрака;
Луна не свершила пути своего половины:
Любезна работа уже возбуждаетъ, тревожитъ
Покой рыболововъ. Встаютъ — отрясаютъ отъ вѣждей
Послѣднюю дремоту; и вскорѣ ихъ гласъ раздается
По зыбкому брегу. Ахъ! сладостно утро въ работѣ! —

Одинъ изъ рыбаковъ.

Такъ! насъ обманули, товарищъ! сказали, что ночи
Начнутъ сокращаться, какъ скоро Зевесъ соизволитъ
Веселое лѣто послать къ намъ отъ горняго свода.
Авроры не видно!.... а сколько я зрѣлъ сновидѣній!
О тяжкое время! скажи, что ночь удержало?
Скажи — я обманутъ....

Другой.

Ты лѣту не радъ, мой товарищъ! —
Повѣрь, времена всѣ текутъ одинакой чредою;
Тебя посѣщали мечты, заботой рожденны:
Вотъ тайна — спокойся!
Перв. Согласенъ съ тобою, товарищъ!
Ты, знаю, умѣешь разгадывать сны непонятны.
Я видѣлъ прекрасный, отъ друга его не сокрою!
Мы рыбы дѣлили, раздѣлимъ съ тобой сновидѣнья;
Ты разумъ имѣешь, а сны толковать — не пустое!
Теперь-же есть время; и море бѣлѣетъ волнами,
И сонъ удалился. Почто лежать намъ безмолвно
На хладной соломѣ?
Друг. Скажи мнѣ сонъ по порядку.
Перв. Когда, окончивши работы вечернія, сладко
Заснулъ на соломѣ (нашъ ужинъ былъ очень умѣренъ.
Коль занятъ трудами, всегда я въ пищѣ умѣренъ!
Мы такъ ужъ привыкли); заснулъ я, и вдругъ мнѣ приснилось,
Что, сидя на брегѣ, ловилъ я быструю рыбу.
Стадами металась, сребрилась въ водѣ чешуею!
За удой кидаюсь — (на деревѣ ближнемъ висѣла).
Готова и пища, соблазнъ безсловесныя твари;
Послалъ.... ожидаю! какъ песъ во снѣ ловитъ зайцевъ,
Такъ рыбу мы ловимъ. Дрожитъ поплавокъ мой и тонетъ.
Влеку.... кровь лилась.... погнулся отъ тяжести прутикъ....
Я прутъ опускаю.... кипѣла вода предо мною....
Стремлюся руками схватить; — но если укуситъ? —
Что нужды! отважусь,... укуситъ, но будетъ моею!
И бой начинаю! весь ужасъ пропалъ въ ту минуту.
Извлекъ! — Чтожъ увидѣлъ? — Ахъ! злато, чистое злато
Движется въ мягкой травѣ. Я въ трепетѣ сердца
Вѣщаю; не ты-ли драгой любимецъ Нептуна?
Не ты-ль украшенье прелестной дщери Нерея?
Такъ точно! и тихо его отдѣляю отъ уды,
Чтобъ не было злато такъ долго въ подданствѣ желѣза!
Простершись на брегѣ, она засыпаетъ.
Любуясь добычей, клянуся я всѣми богами,
Оставить и море, и въ градѣ на вѣкъ поселиться,
Блистая богатствомъ и славой, какъ горды владыки! —
Издѣсь я проснулся, товарищъ! — Клянусь, сказалъ правду.
Друг. Спокойся, что въ клятвѣ? безъ нужды несчастіе клятва!

Товарищъ, всѣ рыбы златыя — обманчивый призракъ!
Теперь ты несонный: смотри, гдѣ играла добыча,
Тамъ нѣтъ ничего... Ахъ, не слушай коварныхъ желаній:
Мы терпимъ гладную смерть, и видимъ сны золотые!....

Мерзляковъ.

---

181. РЫБАКИ.

Часть первая.

Таланты отъ Бога, богатство отъ рукъ человѣка.

—

Таланты отъ Бога, богатство отъ рукъ человѣка.
На островѣ Невскомъ, омытомъ рѣкою и моремъ,
Подъ кущей одною два рыбаря жили пришельцы:
Одинъ престарѣлый, другой лишь брадой опушался,
Гонимые нуждой изъ милаго края роднаго,
На промыслъ товарищи вмѣстѣ пришли на чужбину,
Лишь честную бѣдность они принесли за спиною,
И вмѣстѣ и нужду и трудъ земляки раздѣляли.
Въ печальныхъ трудахъ для убогихъ пѣсни услада,
И младшій прекрасно игралъ ихъ на звонкой свирѣли.
Въ тѣ тайныя чувства минуты, когда вдохновенье
Отъ неба нисходитъ и душу любимца тревожитъ:
Въ часъ утра златаго, какъ день загорался на небѣ,
И все на землѣ воскресало для счастія жизни;
Иль въ вечеръ, какъ солнце въ багряныя волны тонуло;
Иль въ ясныя ночи, смотря и безмолвный дивуясь
На мѣсяцъ, на звѣзды, на высь безпредѣльную неба,
То тайную радость, то тайныя грустныя чувства
Любилъ изливать онъ въ простыхъ, безъискуственныхъ звукахъ,
Но чистыхъ, но свѣжихъ, какъ юные листья на вѣтвяхъ.
Давно онъ окрестность плѣнялъ вдохновенной свирѣлью;
Онъ, звуками сердца по свѣтлой Невѣ разливаясь,
Не разъ у гребцовъ останавливалъ шумныя весла:
Но, сердцемъ невинный, чудесъ имъ творимыхъ не вѣдалъ.
Однажды, уставши отъ ловли несчастливой, оба
Сидѣли у кущи, изъ вѣтвей древесныхъ сложенной.
Старѣйшій работалъ изъ гибкія вербы кошницу;
А младшій у брега, главою на руку поникшій,
Уныло смотрѣлъ на бѣгущія, темныя волны;
Шумѣли, бѣжали въ пучину незримую волны:
Такъ юноши думы въ синѣвшуюсь даль уносились!
По долгомъ молчаньи къ устамъ поднесъ онъ цѣвницу
И въ пѣсни унылой излилъ вдохновенное сердце.
Но рыбарь старѣйшій работая началъ бесѣду:

Рыбакъ стар.

Любезный товарищъ, вѣдь пѣснями рыбы не ловятъ!
Ты сладко играешь, и мнѣ твои пѣсни отрадны!
Но вижу, ты часто работу мѣняешь на пѣсни;
Поешь ты до птицъ, для свирѣли и сонъ забываешь.
Охота другая неволя; но молвлю я слово:
Нашъ неводъ изорванъ и верша твоя не въ исправѣ.
Не пѣснями-ль, милой, ты здѣсь затѣваешь кормиться?

Ты съ голоду сгибнешь, иль съ сумкой воротишься къ дому.

Рыбакъ млад.

Не сгибну, товарищъ: насъ пѣсни до бѣдъ не доводятъ;
Любилъ ихъ, ты помнишь, и дѣдъ мой.
Стар. Пастухъ горемычный!
Что дѣтямъ оставилъ онъ?
Млад. Доброе имя!
Стар. И бѣдность.
Отецъ твой рыбакъ и дѣтей-бы не въ скудѣ оставилъ,
Когда-бъ не пришли на семью его черные годы:
Пожаръ за пожаромъ его разорилъ до основы.
Млад. А кто-же помогъ намъ? И кто на дорогу снабдилъ насъ,
Отдавши послѣднее? Дѣдъ мой, пастухъ горемычный.
Онъ, онъ подарилъ мнѣ и эту пастушью цѣвницу;
Онъ къ пѣснямъ меня заохотилъ.
Стар. Такъ что-же, товарищъ!
Знать, хочешь ты кинуть наслѣдственный промыслъ отцовскій?
Но промыслъ рыбачій есть промыслъ и чистый и честный:
Рыбакъ не губитель; своей онъ руки не кровавитъ;
Рыбакъ не обманщикъ, товаръ продаетъ не поддѣльный.
Симъ промысломъ честнымъ отцы наши хлѣбъ добывали.
Знать, другъ мой любезный, тяжелъ тебѣ трудъ рыболова?
Такъ лучше-бъ съ свирѣлью остался ты дома при стадѣ.
Тамъ ясное небо, тамъ ясныя души, и пѣсни
Тамъ милы людямъ; а здѣсь, братъ, и люди, какъ небо,
Суровы: здѣсь хлѣба не выпоешь, выплачешь легче.
Опомнись, землякъ; что скажетъ и мать, какъ услышитъ?
Млад. Услышитъ, любезный, о мнѣ она добрыя вѣсти;
А ты понапрасну меня не кори, обижаешь.
Рыбачій я промыслъ люблю, и его не чуждаюсь:
Быть можетъ, лѣнивъ я, а больше того безталаннивъ;
Но справлюсь, товарищъ. Сулитъ рыболовъ мнѣ приморскій
Клубъ нитокъ и вершу за выучку пѣсней свирѣльныхъ.
Вотъ, видишь ты, пѣсни любятъ и здѣшніе люди;
Ихъ слушаютъ часто, на шлюбкахъ по взморью гуляя
Бояре градскіе, ихъ любятъ всѣ добрые люди!
Я помню изъ дѣтства, какъ въ нашемъ селеніи старецъ,
Захожій слѣпецъ наигрывалъ пѣсни на струнахъ
Про старыя войны, про воиновъ русскихъ могучихъ.
Какъ вижу его: и сума за плечами и кобза,
Сѣдая брада и волосы до плечъ сѣдыя;
Съ клюкою въ рукахъ проходилъ онъ по нашей деревнѣ
И, зазванный дѣдомъ, подъ нашею хатой усѣлся.
Онъ долго сперва по струнамъ рокоталъ молчаливый,
То важною думой сѣдое чело осѣняя,
То къ небу подъемля незрячія, бѣлыя очи,
Какъ вдругъ просвѣтлѣло сѣдое чело пѣснопѣвца,
И вдругъ по струнамъ залетали костистые пальцы;
Въ рукахъ задрожала струнчатая кобза, и пѣсни,
Волшебныя пѣсни изъ старцевыхъ устъ полетѣли!
Мы всѣ, ребятишки, какъ вкопаны въ землю, стояли;
А дѣдъ мой старикъ, на ладонь опираясь думный,
На лавкѣ сидѣлъ, и изъ глазъ его капали слезы.
О, кто-бы меня изучилъ сладкогласнымъ тѣмъ пѣснямъ,

Тому-бъ я отдалъ изъ счастливѣйшихъ всю мою тоню!
Вонъ тамъ, на Невѣ, подъ высокимъ теремомъ свѣтлымъ
Изъ камня, гдѣ львы у порога стоятъ какъ живые,
Подъ теремомъ тѣмъ боярин живетъ именитый,
Уже престарѣлый, но знать въ немъ душа молодая:
Подъ теремомъ тѣмъ, ты слыхалъ-ли, какъ въ лѣтнія ночи
И струны рокочутъ и вѣщіе носятся гласы?
Знать, старцы слѣпые боярина пѣснями тѣшатъ.
Землякъ, и свирѣль тамъ слышна: соловьемъ распѣваетъ!
Всю душу проходитъ, какъ трель повѣдетъ и зальется!
Ты видишь, землякъ, и бояре разумные любятъ
Свирѣль. Не хули-же моей ты сердечной забавы.
Люблю свое ремесло, но и пѣсни люблю я;
А дѣдъ мой говаривалъ: что въ кого Богъ поселяетъ,
То вѣрно не къ худу. И что-же въ пѣсняхъ худаго?
Мнѣ сладко, мнѣ весело, радостно, словно я въ небѣ,
Когда на свирѣли играю! Да самъ ты, товарищъ,
Ты самъ, какъ пою я про сторону нашу родную,
Про рѣки знакомыя, гдѣ мы учились ловлѣ,
Про долы зеленые, гдѣ мы играли младые,
За чѣмъ ты, любезный, глаза закрываешь рукою?
Да ты-же меня и корнишь и сумою стращаешь!
Мнѣ бѣдность знакома изъ дѣтства; ее не боюся.
Поколѣ-жъ есть руки, я ихъ не простру за подачей.
Стар. Задѣлъ я тебя, да и самъ уже каюсь; рѣчистъ ты!
Но если-бы столько въ сей день наловилъ ты и рыбы,
Какъ словъ насказалъ, повѣрнѣе была-бъ наша прибыль.
Млад. Что правда, то правда; но день вѣдь еще не оконченъ;
А видишь-ли, другъ, надо мною какъ ласточка вьется?
Вѣдь это не къ худу; о! ласточка вѣстница счастья!
Сегодня, сказалъ ты, не станемъ закидывать неводъ.
У берега рыба гуляетъ: одинъ попытаюсь;
Сажуся на легкую лодку, беру я и сѣти и уды.
Стар. Берешь и свирѣль ты, землякъ?
Млад. Разстаюсь-ли я съ нею?
Стар. Худое предвѣстье!
Млад. Да ласточка вѣстница счастья!
Смотри, вѣдь опять надо мной, и щебечетъ и вьется.
О ловля, счастливая ловля! лишь день вечерѣетъ,
Лишь солнце садится, и рыба стадами играетъ.
«Ловися мнѣ рыба, ловися и окунь и щука!»
И пѣснь рыболова исчезла у дальняго брега.

Часть вторая.

Уже надъ Невою сіяетъ безпокойное солнце;
Уже вечерѣетъ, а рыбаря нѣтъ молодаго.
Вотъ солнце зашло, загорѣлся безоблачный западъ;
Съ пылающимъ небомъ, сліясь, загорѣлося море,
И пурпуръ и золото залило рощи и долы.
Шпицъ тверди Петровой, возвышенный, вспыхнулъ надъ градомъ,
Какъ огненный столпъ, на лазури небесной играя.
Угасъ онъ, но пурпуръ на западномъ небѣ не гаснетъ;

ечеръ, но сумракъ за нимъ не
слетаетъ на землю;
ночь, и свѣтла синевою покрытая
дальность:
вѣздъ и безъ мѣсяца небо почное
сіяетъ,
пу ръзаката сливается съ златомъ
востока;
будто денница за вечеромъ слѣ-
домъ выводитъ
ое утро.—Была то година златая,
лѣтніе дни похищаютъ владыче-
ство ночи;
взоръ иноземца на сѣверномъ не-
бѣ плѣняетъ
ье волшебное тѣни и сладкаго
свѣта,
къ никогда не украшено небо
полудня;
сность, подобная прелестямъ сѣ-
верной дѣвы,
рой глаза голубые и алыя щеки
отѣняются русыми локонъ вол-
нами.
а надъ Невой и надъ пышнымъ
Петрополемъ видятъ
сумрака вечеръ и быстрыя ночи
безъ тѣни;
а филомела полночныя пѣсни лишь
кончитъ,
ьсни заводитъ, привѣтствуя день
восходящій.
оздно; повѣяла свѣжесть; на нев-
скія тундры
опустилась, а рыбаря нѣтъ моло-
даго.
ь полночь; шумѣвшая вечеромъ ты-
сячью веселъ
а не колыхнетъ; разъѣхались гости
градскіе;
гласа на брегѣ, ни зыби на влагѣ,
все тихо;
шь изрѣдка гулъ отъ мостовъ надъ
водой раздается,
изрѣдка крикъ изъ деревни, протяж-
ный, промчится,
ѣ въ ночь окликается ратная стража
со стражей.
о спитъ; надъ деревнею дымъ ни еди-
ный не вьется.

Огонь лишь дымится предъ кущею ры-
баря старца!
Котелъ у огнища стоитъ уже снятый съ
тренога.
Старикъ заварилъ въ немъ уху, въ ожи-
даніи друга;
Уха, ужъ остывши, подернулась пѣной
янтарной.
Не ужиналъ онъ и скучалъ, земляка
ожидая;
Лежалъ у огня, раскинувъ свой кожа-
ный запонъ,
И часто посматривалъ вдоль по Невѣ
среброводной.
Но скучилъ старикъ, безпокоимый
грустью и гладомъ;
И въ первый онъ разъ безъ товарища
ужинать думалъ:
Взялъ чашу изъ древа, блестящую ла-
комъ златистымъ;
Лишь началъ уху—черезъ край, призад-
умавшись, пролилъ
И, въ сердцѣ на друга, промолвилъ су-
ровое слово.
Присѣлъ, и лишь руку для крестнаго
знаменья поднялъ,
Шумъ веселъ раздался, и крестъ сотво-
рилъ онъ не къ яствѣ,
Но къ радости сердца: ладья на рѣкѣ
показалась,
И голосъ знакомый ударился въ берегъ
отзывный:
Млад. Ты спишь-ли, товарищъ? Вста-
вай, помогай выгружаться.
Стар. Люби тебя Богъ, наважденный
свирѣльникъ несчастный!
Не сонъ на глаза, а кручину на сердце
навелъ ты.
Пропасть до полночи? Я, Богъ знаетъ
что передумалъ.
Млад. А что-же ты думалъ?
Стар. Что думать? Свѣтаетъ, повѣса!
По новой деревнѣ, ты слышишь, сту-
чатъ ужъ телѣги;
И гдѣ разъѣзжалъ ты? Свѣтло, всѣ
окольности видно;
А лодки твоей, просмотрѣлъ я глаза,
не завидѣлъ.
Хожу, окликаю: съ Невы ни отвѣта, ни
гласа.

Палъ на сердце страхъ: до бѣды далеко-ль человѣку!
Такихъ, братъ, какъ ты, подцѣпляли не разъ Водяные;
А мать за тебя у кого-бы отвѣта спросила,
Негодный повѣса?.... Здорово! дай руку, товарищъ!
Млад. Другъ милый, другъ милый! вѣдь ласточка намъ не солгала.
Иль сердцемъ не чулъ ты, что я привезу тебѣ радость?
Стар. Что? щуку съ перомъ голубымъ, или лосося жирнаго пѣснью
Сманилъ ты на уду? О, рыба вѣдь лакома къ пѣснямъ!
Не рыбу, мой другъ, а сердца подгородныхъ красавицъ
Ловилъ ты свирѣлью. Удаченъ-ли ловъ, признавайся;
Разсказывай все.... Но на челнѣ, какъ видится, неводъ?
Ты невода не бралъ?
Млад. О неводѣ послѣ, товарищъ.
А эта свирѣль какова? посмотри, полюбуйся!
Стар. Свирѣль дорогая, сдается; ужели купилъ ты?
Нѣтъ, поднялъ у мызъ понадрѣчныхъ; навѣрно бояринъ
Ее обронилъ. Дорогая, заморской работы!
Изъ пальмова древа, съ слоновою костью и златомъ;
А скважины въ ней, какъ пчела на сотахъ вылѣпляетъ!
На ней-то, землякъ, соловьиныя трели ты-бъ вывелъ!
Сознай ты ее, объяви, что тебя-бъ не клепали;
Чужое добро не въ корысть.
Млад. Не присвою чужаго.
И эта свирѣль, мой любезный, и неводъ на челнѣ
Мои!
Стар. Перестань, молодой, старика ты морочишь.
Млад. Такъ счастью, землякъ, моему и не вѣришь ты?
Стар. Счастью?
Ума приложить не могу, и не знаю, кому?
Млад. Вотъ этой простою, пастушеской дѣда свирѣлью
И неводъ, что въ лодкѣ, и эту свирѣль дорогую
Я выигралъ!
Стар. Что?
Млад. И за что-бы купилъ я?
За эту свирѣль рыболовнаго малоснаряда.
Нѣтъ, Богъ, о товарищъ, мнѣ Богъ даровалъ мхъ за пѣсни!
Стар. Да молви-же, кто? Не тяни, разскажи мнѣ скорѣе!
Отъ радости сердце играетъ; пропалъ мой и голодъ;
На умъ не идетъ мой и ужинъ. Товарищъ, ты веселъ?
Скорѣй подѣлися весельемъ, порадуй и друга!
Млад. О, радостно будетъ объ этомъ всю жизнь говорить мнѣ.
Но сядемъ мы тамъ, на холмѣ, подъ душистою липой,
Гдѣ въ ясныя ночи съ тобою рыбу мы удимъ.
Оттолѣ намъ видны далекія рощи и мызы
По брегу Невы среброводной; оттолѣ увидимъ
И домъ, о которомъ тебѣ поведу мое слово,
Тотъ теремъ, котораго мнѣ не забыть до могилы! —
Какъ солнце садилось, подъѣхалъ я съ удами въ челнѣ
Къ противному берегу. Рыба, какъ день вечерѣетъ,
Тамъ рунами ходитъ; и въ правду стадами металась.
Рука уставала закидывать гибкія уды
Двухъ щукъ изловилъ, окунямъ и счетъ ужъ терялъ я;
Запасная верша кипѣла серебряною рыбой.
Но скоро, не вѣдаю какъ, противъ мызы боярской
Съ ладьей очутился я. Ночь между тѣмъ наступала,

Чудесная ночь! ни единой звѣзды на лазури,
А серебряный свѣтъ разливался по небу ночному!
Все было такъ тихо, не дрогнулъ ни листъ на осинѣ;
Все было безмолвно! И вотъ, надъ Невою недвижной
Повесся изъ терема сладостный гулъ тихострунный.
Мнѣ радостно стало! и началъ я робкой свирѣлью
Подыгрывать тихо подъ струны; какъ вдругъ межъ древами
Почулся мнѣ шорохъ, и слухи боярскіе выпли,
И съ берега стали меня зазывать въ его теремъ.
Я сѣть отвязалъ, чтобъ боярину рыбу живую,
Огромную щуку и окуней несть красноперыхъ.
«Не съ рыбой, съ свирѣлью!» веселые вскрикнули слуги:
«Въ свой теремъ высокій тебя призываетъ бояринъ.»
Стар. Царю мой небесный! идти ты, землякъ, не боялся?
Млад. Боялся, товарищъ! въ груди моей дрогнуло сердце;
Какъ вотъ и бояринъ изъ теремныхъ оконъ хрустальныхъ
Свой ласковой голосъ мнѣ подалъ; и пролилъ онъ въ душу
Веселость и смѣлость! Вступилъ я въ хоромы; но страшно
Мнѣ стало опять, какъ я началъ идти по хоромамъ.
Со стѣнъ ихъ лики глядятъ на тебя какъ живые!
Изъ мрамора дѣвы, прелестныя, только не дышатъ!
Но диву я дался, увидѣвши теремъ высокій,
Чудесный, прозрачный! какъ въ сказкѣ, землякъ, говорится.
Что на небѣ звѣзды и въ теремѣ звѣзды! и мѣсяцъ,
И вся въ терему красота поднебесная видна!
Въ немъ старецъ бояринъ сидѣлъ сребровласый въ семействѣ
Цвѣтущихъ дѣтей средь бояръ и вельможъ именитыхъ.
Смутился я, другъ; у порога стоялъ полумертвый;
Но ожило сердце, забилось весельемъ, и слезы
Изъ глазъ у меня проступили, какъ добрый бояринъ
Привѣтно взглянулъ на меня и ласково молвилъ:
«Люблю я невинныхъ сердецъ вдохновенья простыя,
«Люблю я свирѣльныя пѣсни, а ты ихъ пріятно играешь.
«Не разъ и ко мнѣ доходили ихъ сладкіе звуки.
«Давно я желалъ насладиться твоею свирѣлью;
«Давно приготовилъ награду, достойную пѣсней:
«Тебя подарю я прекрасной свирѣлью изъ пальмы.
«Сыграй намъ, о рыбарь, пріятную, сельскую пѣсню.»
Зачѣмъ ты, товарищъ, подъ теремомъ не былъ со мною?
Напомнилъ-бы ты мнѣ, какія я пѣсни играю;
Отъ радости всѣ позабылъ я, стоялъ безотвѣтный;
Но очи лишь поднялъ и взоры боярина встрѣтилъ,
Безвѣстная, другъ, обняла меня дивная сила!
Взыгралъ я—и пѣснь разлилась по зеленому саду!
И вотъ мнѣ награда.
Стар. Постой, товарищъ, ты видишь,
Досадныя слезы мѣшаютъ мнѣ слушать.
— Ну, далѣ?
Млад. Но лучшей наградой мнѣ было боярское слово.
«Кто былъ твой учитель?» измолвилъ онъ.—Богъ, отвѣчалъ я.
Боярынъ, изъ рукъ подавая свирѣль дорогую,
«Играй, мнѣ примолвилъ; безъ Бога, какъ ты, не играютъ.

«Но въ промыслѣ ты не лѣнишься-ли, рыбарь, для пѣсней?
«Таланты отъ Бога, богатство отъ рукъ человѣка.»
Нашъ промыслъ, я молвилъ, есть промыслъ и чистый и честный:
Твои предъ бояриномъ смѣло я высказалъ рѣчи.
«Разумныя рѣчи, бояринъ мнѣ весело молвилъ:
«За нихъ я тебя дарю еще неводомъ новымъ;
«Ты-жъ лучшій твой ловъ продавай для меня на трапезу.»
Стар. Какъ сказку я слышу! правдиво предвѣстіе птицы!
Млад. Не птицы, а дѣда правдиво мнѣ вѣщее слово;
Онъ, дѣдъ мой, говаривалъ: что въ кого Богъ поселяетъ,
То вѣрно не къ худу. — Молчишь ты, любезный!
Стар. Усталъ я
Отъ радости сердца; скажу я короткое слово:
Отъ дѣда въ наслѣдство ты принялъ цѣвницу изъ липы,
А внукамъ своимъ передай цѣвницу изъ пальмы.
Млад. И имя того, кто почтилъ дарованіе Бога,
Я внукамъ моимъ передамъ съ любовію къ пѣснямъ!

Гнѣдичъ.

---

182. ИЗЪ ИДИЛЛІИ:

СИРАКУЗЯНКИ, ИЛИ ПРАЗДНИКЪ АДОНИСА.

Горго.

....Надѣвай-же ты платье и плащъ твой съ застежками новый;
Время, пойдемъ-ка въ палаты царя-богача, Птоломея,
Видѣть Адониса праздникъ; я слышу, царица готовитъ
Много прекраснаго.

ПРАКСИНОЯ.

Давно-ли? *все у богатыхъ богато.*
Ты-жъ, что увидишь, разсказывать станешь тѣмъ, кто не видѣлъ.
Гор. Время однако отправиться: *празднымъ всякой день праздникъ.*
Пракс. Эвно, воды ключевой, и поставь по срединѣ; скорѣе-жъ;
Ахъ, ты нѣженка!.... *спать покойно хотятъ ужъ и кошки.*
Двигайся-жъ, мигомъ воды; вода всего мнѣ нужнѣе.
Какъ она держитъ кувшинъ! Но давай, безтолковая, тише
На руки лей мнѣ; несчастная, ты мнѣ хитонъ обливаешь!
Полно.—Ну вотъ, какъ боги мнѣ дали, я такъ и умылась. —
Ключъ отъ шкатулки большой? поскорѣе сама принеси мнѣ.
Гор. Ахъ, Праксиноя, какъ пристало тебѣ это платье
Съ частыми сборами! прелесть! А что оно стоитъ съ работой?
Пракс. Лучше не спрашивай; чистымъ сребромъ поболѣе мины,
Или и двѣ; объ работѣ молчу; приложила всю душу.
Гор. Вышло за то по желанію.
Пракс. Да, твоя рѣчь справедлива.
Плащъ мнѣ, Эвноя, и шляпу: приладьже, смотри хорошенько;
Такъ.—(*Къ ребенку*) А дитя не возьму я; тамъ бука, тамъ лошадь кусаетъ....
Плачь сколько хочешь, да я не хочу, чтобы былъ ты калекой.
Горго, идемъ.—Ну возьми же дитя, забавляй его, няня,
Въ домъ позови собаку, и двери сѣнныя запри ты.
Боги, какая толпа!.... не ужели должны перейти мы
Эту бѣду? муравьи неисчетные, нѣтъ конца имъ!
Сколько прекрасныхъ дѣлъ, Птоломей для народа ты сдѣлалъ
Послѣ того, какъ къ богамъ пріобщен твой родитель. Злодѣи
Путникамъ болѣ не страшны египетскимъ подлымъ коварствомъ:
Прежде какимъ шаловствамъ предавались искусники эти,

ную стать, негодяи, разбой-
ники, воры.....
ого.... что съ нами будетъ?
воины сзади,
рскіе скачутъ.... Другъ мой,
меня ты задавишь!....
ыбы его рыжій?.... онъ дикъ
ерщенно, онъ бѣшенъ!....
Эвноя? куда ты?.... убьетъ
этотъ конь человѣка!
шо я сдѣлала, дома оставивъ
ребенка!
ободрись, Праксиноя! теперь
озади мы всѣхъ конныхъ:
пошелъ на площадь.
ерь, я мой другъ, оживаю.
ошади пуще всего я на свѣ-
тѣ боюся
дѣтства.—Пойдемъ, прибли-
жаются волны народа.
старухѣ идущей на встрѣчу)
юрца, моя матушка?
Да, мои дѣти.
Легко-ли
йти намъ?
Съ попыткою въ Трою
вошли Аргивяне:
итятко, да, до всего съ по-
пыткой доходятъ.
шишь? старуха уходитъ и
ловно оракулъ бормочетъ.
Женщины знаютъ про все, и
вадьбу Зевеса съ Юноной.
, Праксиноя, взгляни ты, ка-
кая толпа предъ дверями!
трашная! Дай ты мнѣ руку;
а ты Эвтихиды, Эвноя,
ьми, и держися ее, чтобъ отъ
насъ не отстала.
вмѣстѣ войти намъ, держися
же насъ ты, Эвноя.

Гнѣдичъ.

ТСТАВНОЙ СОЛДАТЪ.

Солдатъ.

звѣзда мнѣ изъ лѣсу свѣтила:
ѣздочка, манилъ меня часъ
цѣлый

Огонь вашъ, братцы! Кашицу себѣ
Для ужина варите? Хлѣбъ да соль!

Пастухи.

Спасибо, служба! Хлѣба кушать.
Сол. Быть такъ,
Благодарю васъ. Я усталъ порядкомъ!
Ну, костыли мои, вамъ роздыхъ! ря-
домъ
Я на траву васъ положу, и подлѣ
Присяду самъ. Да, верстъ пятнадцать
Ушелъ я въ вечеръ.
1-й Пастухъ. А идешь откуда?
Сол. А изъ Литвы, изъ виленской боль-
ницы.
Вотъ какъ изъ матушки-Россіи ладно
Мы выгнали гостей незваныхъ, я
На первой пограничной перестрѣлкѣ,
Бѣда такая, безъ ноги остался!
Товарищи меня стащили въ Вильну;
Съ годъ лекаря и тѣмъ и семъ лѣчили
И вотъ какимъ злодѣи отпустили.
Теперь на костыляхъ бреду кой-какъ
На родину, за Курскъ, къ женѣ и се-
страмъ.
2-й Паст. На, руку, обопрись! да не
сюда,
А на тулупъ раскинутый ложися!
Сол. Спасибо, другъ, Господь тебѣ за-
платитъ!
Ахъ, братцы! что за рай земной у васъ
Подъ Курскомъ! Въ этотъ вечеръ слов-
но чудомъ
Помолодѣлъ я, въ волю надышавшись
Тепломъ изапахомъ цѣлебнымъ! Любо,
Легко мнѣ въ воздухѣ родной, какъ
рыбкѣ
Въ рѣкѣ студеной! Въ царствахъ мно-
гихъ былъ я!
Попробовалъ вездѣ весны и лѣта!
Въ иныхъ краяхъ земля благоухаетъ,
Какъ въ свѣтлый праздникъ ручка ге-
неральши.
И дорого и чудно, да не мило,
Не такъ, какъ тутъ! Здѣсь цѣлымъ тѣ-
ломъ дышишь,
Здѣсь всѣ составчики въ себя впиваютъ
Простой, но сладкій, теплый воздухъ;
словомъ,
И спать не хочется! игралъ бы все

До солнышка въ дѣвичьемъ хороводѣ.
3-й Паст. И мы-бъ, землякъ, играть не отказались,
Да лихъ не льзя! Село далеко, стадо-жъ
Покинуть безъ присмотра, положившись
Лишь на собакъ, опасно, самъ ты знаешь.
Какъ быть! но вотъ и кашица поспѣла:
Перекрестяся, примемся за ужинъ.
А послѣ, если къ сну тебя не клонитъ,
То разскажи намъ (говоришь ты складно)
Про старое свое житье-бытье:
Я чай, вездѣ бывалъ ты, все видалъ—
И домовыхъ, и водяныхъ, и лѣшихъ,
И маленькихъ людей, живущихъ тамъ,
Гдѣ край земли сошелся съ краемъ неба,
Гдѣ можно въ облако любое вбить
Крючекъ иль гвоздь, и свой кафтанъ повѣсить.
Сол. Вздоръ мелешь, малый! уши вянутъ! полно!
Старухи врутъ вамъ, грѣясь на печи,
А вы имъ вѣрите! Какіе черти
Крещеному солдату захотятъ
Представиться? Да нынѣ-жъ человѣкъ
Лукавѣй бѣса! Нѣтъ, другое чудо
Я видѣлъ, и не въ ночь до пѣтуховъ,
Но днемъ оно предъ нами совершилось!
Вы слышали-ль, какъ заступился Богъ
За православную Державу нашу,
Какъ сжалился онъ надъ Москвой горящей,
Надъ бѣдною землею, не посѣвомъ,
А вражьими ватагами покрытой;
И раннюю зиму послалъ намъ въ помощь,
Зиму съ морозами, какіе только
Въ Николинъ день, да около Крещенья
Трещатъ и за щеки и уши щиплютъ?
Свѣжо намъ стало, а Французамъ туго!
И жалко и смѣшно ихъ даже вспомнить!
Окутались отъ стужи, чѣмъ могли,
Кто шитой душегрѣйкой, кто лохмотьемъ,
Кто ризою поповской, кто рогожей,
Убрались всѣ какъ святочныя хари,
И ну бѣжать скорѣе изъ Москвы!
Недалеко ушли-же. На дорогѣ
Морозъ схватилъ ихъ и заставилъ ждать
Дня суднаго на мѣстѣ преступленья—
У Божьей церкви, ими осквернённой,
Въ разграбленномъ амбарѣ, у села,
Сожженнаго ихъ буйствомъ! Мы, бывало,
Окончивъ трудный переходъ, сидимъ,
Какъ здѣсь, вокругъ огня и варимъ щи;
А около лежатъ, какъ это стадо,
Замерзлые Французы. Какъ лежатъ!
Когда-бъ не лица ихъ и не молчанье,
Подумалъ-бы, живые на бивакѣ
Комедію ломаютъ. Тотъ уткнулся
Въ костеръ горящій головой, тотъ лошадь
Взвалилъ, какъ шубу, на себя; другой
Ея копыто гложетъ; тѣ-жъ, какъ братья,
Обнялись крѣпко, и другъ въ друга зубы
Вонзили, какъ враги!
Пастухи. Ухъ! страшно, страшно.
Сол. А между тѣмъ, курьерскій колокольчикъ,
Вотъ какъ теперь, и тамъ гремитъ, и тамъ
Прозвякнетъ на морозѣ; отовсюду
Везутъ извѣстья о побѣдахъ въ Питеръ
И въ обгорѣлую Москву.
1-й Паст. Э, братцы,
Смотрите, вотъ и къ намъ телѣжка скачетъ,
И офицеръ про что-то ямщику
Кричитъ; ямщикъ ужъ держитъ лошадей:
Не спросятъ-ли о чемъ насъ?
Сол. Помоги
Мнѣ встать: солдату вытянуться надо....

Офицеръ (*подъѣхавъ*)

Огня, ребята, закурить мнѣ трубку!
Сол. Въ минуту, ваше благородье!
Офиц. Ба!
Товарищъ, ты какъ здѣсь?
Сол. Къ женѣ и сестрамъ
Домой тащуся, ваше благородье!
За рану въ чистую уволенъ.
Офиц. Съ Богомъ!
Снеси-жъ къ своимъ хорошее извѣстье:
Мы кончили войну въ столицѣ вражьей,
Въ Парижѣ Русскіе отмстили честно

ъ Московскій. Ну, прости, товарищъ!
Прощенья просимъ, ваше благородье!
(*Офицеръ ѹѣзжаетъ*)
словеніе Господне съ нами
ѣ и вовѣки буди! Вотъ какъ
дь утѣшилъ матушку-Россію!
гесь братцы! Божьи чудеса
вершаются-ль предъ нами явно!

Дельвигъ.

---

184. ЧЕРВЯЧЕКЪ.

отри-ка, Миша, говорила Лизанька, остановившись возлѣ цвѣтущаго рника, кто-то наклеилъ на лихлопчатую бумагу: не ты-ли это?» Нѣтъ, отвѣчалъ Миша, развѣ Са-и Володя. —
ѣ Володѣ это сдѣлать, продол-Лизанька: посмотри какъ искусстянуты эти тоненькія ниточки и рѣпко онѣ держатся на зеленомъ ь.»
Смотри-ка, сказалъ Миша, тамъ круглое! — Съ сими словами никъ хотѣлъ было сдернуть нахлопку. —
ъ, нѣтъ! не трогай! вскричала ька, удерживая Мишу и присмаись къ листочку; тутъ червячекъ, ь, шевелится.»
и не ошибались: въ самомъ дѣлисткѣ цвѣтущаго кустарника, егкимъ прозрачнымъ одѣяльцемъ, имъ на хлопчатую бумагу, въ скорлупкѣ, лежалъ червячекъ. авно лежалъ онъ тамъ, давно уже къ качалъ его колыбелку, и онъ дремалъ въ своей воздушной ькѣ. Разговоръ дѣтей пробудилъ а; онъ просверлилъ окошко въ скорлупкѣ, выглянулъ на Божій смотритъ — свѣтло, хорошо и пко грѣетъ; задумался нашъ чер-. «Что это, говоритъ онъ, никогеще такъ тепло не бывало; видурно на Божіемъ свѣтѣ; дай усь подальше.»

Еще разъ онъ стукнулъ въ скорлупку и окошечко сдѣлалось дверцей; червячекъ просунулъ голову, еще, еще — и наконецъ совсѣмъ вылѣзъ изъ скорлупки; смотритъ сквозь свой прозрачный занавѣсъ, а возлѣ него на листкѣ капля сладкой росы, и солнышко въ ней играетъ, и какъ будто радужное сіяніе ложится отъ нея на зелень.

«Дай-ка напьюся сладкой водицы,» сказалъ червячекъ; потянулся, анъ не тутъ-то было; кто это? вѣрно маменька червячка такъ крѣпко прикрѣпила занавѣску; нельзя и приподнять ее даже! что-же дѣлать? Вотъ нашъ червячекъ посмотрѣлъ, посмотрѣлъ, да и принялся подтачивать то ту ниточку, то другую; работалъ, работалъ—и наконецъ поднялась занавѣска; червячекъ подлѣзъ подъ нее и напился сладкой водицы. Весело ему на свѣжемъ воздухѣ; теплый вѣтерокъ пашетъ на червячка, колышетъ скорлупку росы и съ цвѣтовъ сыплетъ на него душистую пыль.

«Нѣтъ, говоритъ червячекъ, ужъ впередъ меня не обманутъ. Зачѣмъ мнѣ опять идти подъ душное одѣяло и сосать сухую скорлупку? Останусь-ка я лучше на просторѣ; здѣсь много душистыхъ цвѣтовъ, много и крючечковъ разсыпано по листьямъ: есть за что уцѣпиться....»

Не успѣлъ червячекъ выговорить, какъ вдругъ-смотритъ—листья между собою зашумѣли, и мошки въ тревогѣ зажужжали, небо потемнѣло, само солнышко со страха спряталось за тучку, вороны каркаютъ, утки гогочутъ, и вотъ дождикъ полился ливнемъ; подъ бѣднымъ червячкомъ цѣлое море; волною захлеснуло малютку; дрожь пробѣжала по его тонкой кожицѣ; и холодно и страшно ему стало; едва онъ опомнился и наконецъ собралъ силы и снова, поматывая головкой, побрелъ подъ хлопчатую занавѣску, въ родную постельку.

Вотъ согрѣлся малютка; между тѣмъ дождикъ пересталъ, солнышко опять

показалось и разсыпалось мелкими искрами по дождевымъ каплямъ.

«Нѣтъ, сказалъ опять червячекъ, теперь меня не обманутъ; зачѣмъ мнѣ выходить изъ роднаго гнѣздышка на холодъ и сырость? видишь, солнышко какое хитрое: приманитъ, пригрѣетъ,— а нѣтъ что-бы отъ дождя защитить!»

Вотъ прошелъ день, прошелъ и другой, прошелъ и третій; червячекъ все лежитъ въ хлопчатомъ одѣяльцѣ, съ боку на бокъ переваливается, иногда выставитъ головку, пощиплетъ листокъ и опять въ колыбелку; вотъ онъ смотритъ: у него на тѣлѣ волоски стали пробиваться; не прошло недѣли, какъ у червячка явилась теплая, узорчатая шубка. Еслибъ вы видѣли, какіе цвѣты разсыпала по ней природа! она опоясала ее красными лентами, вдоль посадила желтыя, мохнатыя пуговки, къ шейкѣ пустила черныя и зеленыя жилки.

«Ге! ге! сказалъ червякъ самъ себѣ, не уже-ли въ самомъ дѣлѣ мнѣ цѣлый вѣкъ лежать на моей постелькѣ, да смотрѣть на занавѣску? Не уже-ли только и дѣла на семъ свѣтѣ?— Мнѣ ужъ, признаться, недоѣла постелька,—тѣсно въ ней, скучно—еслибъ на свѣтъ посмотрѣть, себя показать—можетъ быть я на что и другое гожусь. Ну что въ самомъ дѣлѣ, не уже-ли дождя боятся? да мнѣ, въ моей шубкѣ, и дождикъ не страшенъ; дай попробую, пощеголяю въ моемъ новомъ нарядѣ.»

Вотъ червячекъ снова приподнялъ занавѣску: смотритъ-надъ нимъ цвѣточикъ только что распустился, каплетъ изъ него сахарный медъ и манитъ къ себѣ малютку; не утерпѣлъ червячекъ, приподнялся, крѣпко обвился вокругъ шейки цвѣтка и жадно поцѣловалъ своего новаго друга; смотритъ-надъ нимъ другой цвѣтокъ еще лучше того; онъ къ нему, —потомъ еще третій, еще лучше; всѣ они шепчутся между собою, играютъ съ малюткой и брызжутъ въ него липчатымъ медомъ; зарѣзвился нашъ червячекъ, забылся,—нежданно повѣялъ вѣтеръ и стряхнулъ червяч на землю.

Что-то будетъ съ нашимъ щеголе какъ найти ему родное гнѣздыш Однакожъ онъ приподнялъ голов осмотрѣлся. «Ну что-жъ, думалъ, б еще не велика—оплошалъ, такъ опл шалъ! — въ другой разъ наука;— зачѣмъ-же мнѣ опять въ колыбел Нѣтъ, нечего колыбелки держаться, п ра жить и своимъ умомъ» Сказалъ и п ползъ куда глаза глядятъ: вотъ допол онъ до вѣтки; расщипалъ ее—жест онъ дальше, еще, еще—и доползъ листка; попробовалъ—вкусно.

«Нѣтъ, сказалъ червячекъ, теп буду умнѣе, не стряхнетъ меня вѣ рокъ!» и закинулъ за листокъ паутин

Сглодалъ онъ листокъ, на другой тащился, а потомъ и на третій. Вес червячку! вѣтеръ-ли пахнетъ, — прикорнетъ къ паутинкѣ; тучка-ли бѣжитъ,—его шубка дождя не боит солнышко-ли сильно печетъ,—онъ п листокъ, да и смѣется надъ солнц насмѣшникъ.

Но были для червячка и горькія нуты. То, смотритъ, птичка лети глазки въ него уставляетъ; а ин подлетитъ, да и носикомъ толкъ подъ бокъ. Но червячекъ не прост онъ притворится, пританится будто м вый; а птичка и прочь отъ него. И и горше этого: онъ потащится на н листокъ, а смотритъ—на немъ си большой, мохнатый паукъ съ крюч на ногахъ, шевелитъ кровавою па и растягиваетъ сѣтку надъ червяк

Иногда проходили мимо черв злые люди и говорили между со «Ахъ, проклятые червяки! поброс бы ихъ всѣхъ на землю, да растоп хорошенько.»

Червячекъ, слыша такія рѣчи, дилъ въ глубокую чащу и по цѣ днямъ не смѣлъ показываться.

А иногда и Лизанька съ Мишей ли его въ руки, чтобы полюбовать разноцвѣтной шубкой, и хотя они добрыя дѣти, не хотѣли сдѣлат

но такъ неосторожно ияли
укахъ, что потомъ бѣдный
ъ ужъ едва дыша всползалъ
ую вѣтку.

ежду тѣмъ лѣто прошло, уже
ютовъ поблекло и на ихъ нѣ-
ьли головки съ сочными зер-
ьше солнце стало уходить за
аще прежняго повѣвалъ вѣ-
чаще накрапывалъ крупный
Лизанька и Миша уже вспо-
своей шубкѣ и спросили, чья
нихъ или у червячка. Червя-
ѣтилъ, что листки уже стали
ушисты и сочны, солнце не
о, да и самъ ужъ онъ сдѣлалъ-
къ живъ и все ему на свѣтѣ
ь уже не такъ утѣшно, какъ

ъ, думаетъ онъ, довольно я на
килъ, поработалъ, испыталъ и
адость, пилъ горькую, слад-
, пощеголялъ и шубкой, дру-
цвѣтами; не вѣкъ-же ползать
у на землѣ, пора быть чѣмъ
учше.»

пустился съ листка, протянул-
блестящей капли росы, вспом-
къ ея струйки веселили его,
, и поползъ далѣе въ чашу зе-
ъ сталъ искать тѣнистаго,
о мѣста, удаленнаго отъ шума
нашелъ его, пріютился и на-
кную работу въ своей жизни.
изанька съ Мишей отыскали
ервячка—они очень удивились,
старый знакомый ничего не ѣлъ
ъ, а цѣлые часы безпрестанно
надъ своимъ дѣломъ. Вчемъ
работа червячка? Эта работа
жная, любезныя дѣти: черва-
овился умереть и строилъ се-
ну!

трудился надъ ней, наконецъ
съ себя свою узорчатую шуб-
олвивъ: «Тамъ въ ней не бу-
детъ нужды,» и заснулъ сномъ покой-
нымъ. Не стало червячка, лишь на
листкѣ качался его безжизненный гро-
бокъ и свернутая въ комокъ шубка.

Но не долго спалъ червячекъ. Вдругъ
онъ чувствуетъ—забилось въ немъ но-
вое сердце, маленькія ножки пробились
изъ подъ брюшка и на спинкѣ что-то
зашевелилось; еще минута —и распа-
лась его могилка; червячекъ смотритъ—
онъ не червякъ, ему не надобно ползать
по землѣ и лѣпляться за листки; разви-
лись у него большія радужныя крылья;
онъ живъ, онъ свободенъ, онъ гордо
поднимается на воздухъ.

Такъ бываетъ и не съ однимъ чер-
вячкомъ, любезныя дѣти. Не рѣдко ви-
дите вы, что тотъ, съ которымъ вы
вмѣстѣ рѣзвились и играли на мягкомъ
лугу, завтра лежитъ блѣдный, безды-
ханный; надъ нимъ плачутъ родные,
друзья и онъ не можетъ имъ улыб-
нуться; его кладутъ въ сырую могил-
ку,—и вашего друга какъ не бывало!
Но не вѣрьте! вашъ другъ не умеръ,
раскрывается его могила—и онъ, не-
видимо для насъ, въ образѣ свѣтлаго
Ангела возлетаетъ на небо.

Древніе замѣтили это сходство меж-
ду превращеніемъ бабочки и безсмер-
тіемъ человѣка, и отъ того на своихъ
картинахъ и статуяхъ изображали че-
ловѣка съ бабочкиными крыльями для
того, чтобы люди не забывали, что они,
проживя своей вѣкъ, испытавъ горе и
радость, снова какъ бабочка, возвра-
тятся въ новую жизнь, и что смерть
есть только перемѣна одежды. Такъ,
можетъ быть, встрѣтите изображеніе
Платона, мудреца древности, съ бабоч-
киными крыльями; его изображали такъ
потому, что онъ краснорѣчивѣе дру-
гихъ говорилъ о безсмертіи души и о
жизни послѣ смерти.

Дядушка Ириней.

VII. СОНЕТЫ.

185. Н. М. ЯЗЫКОВУ.

Младой пѣвецъ, дорогою прекрасной
Тебѣ идти къ парнасскимъ высотамъ;
Тебѣ вѣнокъ (повѣрь моимъ словамъ);
Плететъ Амуръ съ Каменой сладкогласной.
Отъ раннихъ лѣтъ я пламень не напрасной
Храню въ душѣ, благодаря богамъ;
Я имъ влекомъ къ возвышеннымъ пѣвцамъ
Съ какою-то любовію пристрастной.
Я Пушкина младенцемъ полюбилъ,
Съ нимъ раздѣлялъ и грусть и наслажденье,
И первый я его услышалъ пѣнье.
И за себя боговъ благословилъ,
Пѣвца Пировъ я съ Музой подружилъ,
И славой ихъ горжусь въ вознагражденье.

Дельвигъ.

---

186. ГОРА КИКИНЕИСЪ.

Мирза.

Взгляни на пучину, въ ней небо лежитъ:
То море;—и ярко пучина блеститъ.
Убитая громомъ, не птица-ль гора
Крылѣ распустила въ той безднѣ сребра?
Самъ радужный очеркъ тѣснѣй въ небесахъ,
Чѣмъ мачтовыхъ перьевъ на синихъ волнахъ.
И островомъ снѣжнымъ подъ дикой скалой
Одѣлися степи лазури морской;
Но островъ сей—туча, и черная мгла
Полміра объемлетъ съ крутаго чела.
Огнистую ленту ты видишь на немъ?
То молнія. — Ѣдемъ, и первый съ конемъ
Я кинусь — а путникъ — смотри на меня,
И бичъ свой, и шпоры готовь для коня
На край тотъ отважно и въ конскую прыть
Чрезъ бездну намъ должно съ разма вскочить.
Чалма-ли заблещетъ на той сторон
То я: не робѣя, ты бросься ко мнѣ;
Но если не узришь ее предъ собой,
Знай: людямъ не ѣхать дорогою той.

И. Козловъ.

---

187. ВИДЪ ГОРЪ ИЗЪ СТЕПЕЙ КОЗЛОВСКИХЪ.

Пилигримъ и Мирза.

Пилигримъ.

Кто поднялъ волны ледяныя,
И кто изъ мерзлыхъ облаковъ
Престолы отлилъ вѣковые
Для роя свѣтлаго духовъ?
Ужъ не обломки-ли вселенной
Воздвигнуты стѣной нетлѣнной,
Чтобъ караванъ ночныхъ свѣтилъ
Съ востока къ намъ не приходилъ?
Что за луна! взгляни, громада
Пылаетъ, какъ пожаръ Царьграда!
Иль для міровъ, во тмѣ ночной
Плывущихъ по морю природы,
Самъ Алла мощною рукой
Такъ озарилъ небесны своды?

Мирза.

Не вьется гдѣ орелъ, я тамъ стремил мой бѣгъ,
Гдѣ царствуетъ зима, свершилъ я пу далекій,
Тамъ пьютъ въ ея гнѣздѣ и рѣки потоки!
Когда я тамъ дышалъ—изъ устъ клу бится снѣгъ,
Тамъ нѣтъ ужъ облаковъ, и хладъ ско валъ мятели;
Я видѣлъ спящій громъ въ туманно колыбели,
И надъ чалмой моей горѣла въ небесах

уже звѣзда, и былъ то....
гр. Чатырдагъ! (*).
И. Козловъ.

88. АЛУШТА ДНЕМЪ.

ра отрясаетъ мракъ ночи лѣнивый,
нимъ Намазомъ волнуются нивы;
ито струями вездѣ разлилось;
темный склоняетъ густыя вершины,
съ четомъ Калифовъ, гранаты, рубины
сыплетъ съ кудрявыхъ зеленыхъ волосъ.
цвѣтахъ вся поляна; надъ ней мотыльками
чими воздухъ пестрѣетъ цвѣтками;
радуги ясной сіяетъ коса,
азнымъ наметомъ одѣвъ небеса;
ь взоръ опечаленъ вдали саранчою,
атый свой саванъ влекущей съ собою.
дъ дикимъ утесомъ шумя въ берегахъ,
итое море кипитъ, напираетъ,
пѣнѣ, какъ будто у тигра въ очахъ,
ное свѣтило предъ бурей играетъ,
лонѣ лазурномъ далекихъ зыбей
ются флоты и рать лебедей.
И. Козловъ.

Спокойно дни мои цвѣли въ долинѣ жизни.

окойно дни мои цвѣли въ долинѣ жизни,
лелѣяли веселіе съ мечтой,
міръ фантазіи былъ ясный край отчизны,
привлекалъ меня знакомой красотой.
рано пламень чувствъ, душевные порывы
лебной силою разрушили меня:
ни сладостной теряю лучъ счастливый,
Лишь вспоминаніе отъ прежняго храня.
О Муза! я позналъ твое очарованье!
Я видѣлъ молній блескъ, свирѣпость ярыхъ волнъ,
Я слышалъ трескъ громовъ и бурей завыванье:
Но что сравнить съ пѣвцомъ, когда онъ страсти полнъ?
Прости! питомецъ твой тобою погибаетъ
И, погибающій, тебя благословляетъ.
Веневитиновъ.

(*) ершина Чатырдага, по закатѣ солнца, отраженныхъ лучей, кажется нѣлько времени въ пламени.

190. Къ тебѣ, о чистый Духъ, источникъ вдохновенья.

Къ тебѣ, о чистый Духъ, источникъ вдохновенья,
На крыліяхъ любви несется мысль моя:
Она затеряна въ юдоли заточенья,
И все зоветъ ее въ небесные края.
Но ты облекъ себя въ завѣсу тайны вѣчной:
Напрасно силится мой духъ къ тебѣ парить.
Тебя читаю я во глубинѣ сердечной,
И мнѣ осталося надѣяться, любить.
Греми надеждою, греми любовью, лира!
Въ преддверьи вѣчности, греми его хвалой!
И если-бъ рухнулъ міръ, затмился свѣтъ эѳира
И хаосъ задавилъ природу пустотой,—
Греми! пусть сѣтуютъ среди развалинъ міра
Любовь съ надеждою и вѣрою святой.
Веневитиновъ.

191. ЦВѢТОКЪ.

«Какъ дивно вытканъ онъ, изъ красокъ, изъ эѳира!
Откуда, милый гость? не съ неба-ль брошенъ онъ?
Златистою каймой онъ пышно обведенъ,
На немъ лазурь небесъ, на немъ зари порфира.»

Нѣтъ, это сынъ земли, сей гость земнаго пира:
Лугъ — родина ему, изъ праха онъ рожденъ.
«Такъ вѣрно чудный перлъ былъ въ землю посаженъ,
Чтобъ произвесть его на украшенье міра?»
О, нѣтъ! чтобъ вознестись увѣнчанной главой,
Изъ чернаго зерна онъ долженъ былъ родиться
И коренъ вить въ грязи, во мракѣ, подъ землей.
Такъ сѣмя горести во грудь пѣвца ложится,
И, въ сердце водрузивъ тяжелый корень свой,
Цвѣтущей пѣснію изъ устъ его стремится.

Бенедиктовъ.

VIII. МЕЛКІЯ ЛИРИЧЕСКІЯ СТИХОТВОРЕНІЯ.

А. ЭПИГРАММЫ.

192. Мнѣ лѣкарь говорилъ....

Мнѣ лѣкарь говорилъ: нѣтъ, ни одинъ больной
Не скажетъ обо мнѣ, что не доволенъ мной!
Конечно, думалъ я, никто того не скажетъ:
Смерть всякому языкъ привяжетъ.

И. Дмитріевъ.

193. СОЖАЛѢНІЕ.

Я разорился отъ воровъ!
«Жалѣю о твоемъ я горѣ.»
Украли пукъ моихъ стиховъ.
«Жалѣю я о ворѣ!»

И. Дмитріевъ.

194. КЪ СЛЕЗЛИВОМУ СТИХОТВОРЦУ.

Когда плачевные стихи твои читаю,
Ты сердишься за то, что слезъ не проливаю;
Сердиться на меня за то, тебѣ грѣшно:
Виновенъ-ли я въ томъ, что плачешь ты смѣшно?

И. Дмитріевъ.

195. ЖИВОПИСЕЦЪ.

Глядите, вотъ Ефремъ, домашній нашъ маляръ!
Онъ въ списываньи лицъ имѣлъ чудесный даръ,
И кисть его всегда надъ смертными играла:
Архипа Сидоромъ, Кузьму Лукой писала.

И. Дмитріевъ.

196. БРИГАДИРУ.

Здѣсь Бригадиръ лежитъ, умершій въ позднихъ лѣтахъ.
Вотъ жребій нашъ каковъ!
Живи, живи, умри, — и только что въ газетахъ
Осталось: *выѣхалъ въ Ростовъ*

И. Дмитріевъ.

197. ПЯТНАДЦАТИЛѢТНІЙ СТИХОТВОРЕЦЪ.

Какой-то стихотворъ (довольно ихъ насъ!)
Послалъ двѣ оды на Парнассъ.
Онъ въ нихъ описывалъ красу природы, неба,
Цвѣтъ розожелтый облаковъ,

ь листьевъ, вой звѣрей, ночное
пѣнье совъ,
И милости просилъ у Феба.
ı, богъ зѣвалъ, и наконецъ спро-
силъ:
«Какихъ лѣтъ стихотворецъ былъ,
ы громкія давно-ли сочиняетъ?»
пятнадцать лѣтъ, Эрата отвѣ-
чаетъ.
надцать только лѣтъ!» Не болѣе
того.
«Такъ розгами его!»

В. Пушкинъ.

. СОВѢТЪ ЭПИЧЕСКОМУ СТИХОТВОРЦУ.

Какое хочешь имя дай
Твоей поэмѣ полудикой:
ъ длинный, Петръ большой, но
только Петръ Великой —
Ее не называй.

Батюшковъ

---

199. СОВѢТЪ.

Безрѣзмина совѣтъ:
ъ жалости все сжечь мое стихо-
творенье!»
, такъ! Его-жъ, друзья, невинное
творенье
Своею смертію умретъ.

Батюшковъ.

---

200. КРЕЗУ.

ıъ богатѣетъ каждый годъ,
ıупость каждый годъ его силыѣе
мучитъ;
ı, кольновое наслѣдство Крезъ по-
лучитъ:
Онъ съ голоду умретъ!

Кн. Вяземскій.

---

01. ОБЪЯСНЕННОЕ СОМНѢНІЕ.

яться вы властны, а я клянуся
вамъ,
Что я въ своихъ стихахъ не краду,
подражаю.
—Безспорно, я и самъ съ тобою у-
тверждаю,
Что подражаешь ты.... ворамъ.

В.

---

202. КЪ ПОРТРЕТУ ВЫСПРЕННЯГО ПОЭТА.

Нѣтъ спора, что Бибрисъ боговъ язы-
комъ пѣлъ:
Изъ смертныхъ-бо никто его не раз-
умѣлъ.

В.

---

203. ИСТОРІЯ СТИХОТВОРЦА.

Внимаетъ онъ привычнымъ ухомъ
Свисть;
Маракетъ онъ единымъ духомъ
Листъ;
Потомъ всему терзаетъ свѣту
Слухъ;
Потомъ печатаетъ, и въ Лету —
Бухъ!

А. Пушкинъ.

---

204. ПРІЯТЕЛЯМЪ.

Враги мои, покаместъ я ни слова!
И, кажется, мой быстрый гнѣвъ угасъ;
Но изъ виду не выпускаю васъ,
И выберу когда нибудь любаго:
Не избѣжитъ пронзительныхъ когтей,
Какъ налечу нежданный, безпощадный.
Такъ въ облакахъ кружится ястребъ
жадный
И сторожитъ индѣекъ и гусей.

А. Пушкинъ.

---

205. EX UNGUE LEONEM.

Недавно я стихами какъ-то свистнулъ
И выдалъ ихъ безъ подписи моей;
Журнальный шутъ о нихъ статейку
тиснулъ,
Безъ подписи-жъ пустивъ ее злодѣй.

Но чтожъ? Ни мнѣ, ни площадному шуту
Не удалось прикрыть своихъ проказъ:
Онъ по когтямъ меня узналъ въ минуту,
Я по ушамъ узналъ его какъ разъ.
А. Пушкинъ.

206. ИДИЛЛИКЪ.

Идилликъ новый на искусъ
Представленъ былъ предъ Аполлона.
«Какъ пишетъ онъ?» спросилъ у Музъ
Богъ безпристрастный Геликона:
«Никакъ негодный онъ поэтъ?»
Не льзя сказать. «Съ талантомъ?» Нѣтъ;
Ошибокъ важныхъ, правда, мало,
Да пишетъ онъ довольно вяло.
«Я понялъ васъ, въ судѣ моемъ
Не озабочусь я нисколько:
Впередъ ни слова мнѣ о немъ,
Изъ списковъ выключить—и только.«
Баратынскій.

207. Въ своихъ стихахъ онъ скукой дышитъ.

Въ своихъ стихахъ онъ скукой дышитъ;
Ихъ слушая—не спи, а сильно клонитъ сонъ!
Не говорю: зачѣмъ онъ пишетъ,
Но для чего читаетъ онъ?
Баратынскій.

208. РАЗЛИЧІЕ.

И ты поэтъ, и онъ поэтъ;
Но межъ тобой и имъ различіе находятъ:
Твои стихи въ печать выходятъ,
Его стихи выходятъ въ свѣтъ.
Е. Б—й.

209. КЪ ПОРТРЕТУ П. Н.

Разсуждаетъ онъ хоть тупо,
Но въ немъ это мудрено:
Что онъ умничаетъ глупо,
А дурачится умно.
Д. Давыдовъ.

210. Нѣтъ, кажется тебѣ не суждено.

Нѣтъ кажется тебѣ не суждено
Сразить врага: твой врагъ дѣтина чудный;
Въ немъ совѣсть спитъ спокойно, непробудно.
Заставить, другъ, его стыдиться—мудрено;
Заставить покраснѣть—не трудно.
Д. Давыдовъ.

211. Остра твоя, конечно, шутка.

Остра твоя, конечно, шутка;
Но мнѣ прискорбно видѣть въ ней
Несчастье твоего разсудка
И счастье памяти твоей.
Д. Давыдовъ.

Б. НАДПИСИ.

212. ЭПИТАФІЯМЪ.

Прохожій! пусть тебѣ напомнитъ этотъ стихъ,
Что все на часъ подъ небесами:
По-утру плакали о смерти мы другихъ,
А къ вечеру скончались сами.
И. Дмитріевъ.

213. КЪ БЮСТУ АЛЕКСАНДРА ПЕРВАГО.

Потомство! Россіянъ завидуй торжеству:
Монархъ ихъ возвратилъ народамъ чуждымъ правы,
Европѣ миръ, Царямъ достоинство державы,
А храмы Божеству.
И. Дмитріевъ.

.4. КЪ ПОРТРЕТУ ГЕТЕ.

ороду смѣлую пріявъ себѣ въ законъ,
ластной мыслію надъ міромъ онъ
носился,
ь мірѣ все постигнулъ онъ,
ичему не покорился.

Жуковскій.

). КЪ ПОРТРЕТУ ЖУКОВСКАГО.

ъ знаменемъ Москвы, предъ павшею
столицей,
храбрымъ гимны пѣлъ, какъ пламенный Тиртей;
Въ дни мира, новый Грей,
няетъ насъ задумчивой цѣвницей.

Батюшковъ.

). КЪ АЛЕКСАНДРОВСКОЙ КОЛОННѢ.

емощная судьба, внимая
гъ священный Николая,
іа міру чудеса:
зиглись долъ и небеса;
умомъ вспыхнулъ сѣверъ льдистый;
ребръ его гигантъ кремнистый
есъ главу до облаковъ,
галъ на рубежѣ вѣковъ—
гивиться временъ уставу,
ать имъ Александра славу
ури разсѣкать челомъ.
ангелъ съ радужнымъ крестомъ,
наменье побѣдъ и мира,
гѣлъ къ нему съ высотъ эѳира.

К. П. Ш. Шихматовъ.

7. КЪ МОНУМЕНТУ ПЕТРА ВЕЛИКАГО.

оссъ Родосскій, днесь смири свой
гордый видъ!
ильски зданія высокихъ пирамидъ
станьте болѣе считаться чудесами!
смертныхъ бренными содѣланы руками.
укотворная здѣсь Росская гора,
Внявъ гласу Божію изъ устъ Екатерины,
Прешла во градъ Петровъ чрезъ Невскія пучины,
И пала подъ стопы Великаго Петра.

Рубанъ.

218. КЪ ПОРТРЕТУ АЛЕКСАНДРА ПЕРВАГО.

Мужъ твердый въ бѣдствіялъ и скромный побѣдитель!
Какой вѣнецъ Ему? какой Ему алтарь?
Вселенная! пади предъ нимъ: Онъ твой
спаситель!
Россія! Имъ гордись: Онъ сынъ твой,
Онъ твой Царь!

Кн. Вяземскій.

219. КЪ ПОРТРЕТУ ЖУКОВСКАГО.

Его стиховъ плѣнительная сладость
Пройдетъ вѣковъ завистливую даль;
И, внемля имъ, вздохнетъ о славѣ младость,
Утѣшится безмолвная печаль
И рѣзвая задумается радость.

А. Пушкинъ.

220. КЪ ПОРТРЕТУ***.

Судьба свои дары явить желала въ немъ,
Въ счастливомъ баловнѣ соединивъ
ошибкой
Богатство, знатный родъ съ возвышеннымъ умомъ
И простодушіе съ язвительной улыбкой.

А. Пушкинъ.

221. КЪ ПОРТРЕТУ ПЕТРА ВЕЛИКАГО.

Россія тьмой была покрыта много
лѣтъ;
Богъ рекъ: да будетъ Петръ! и бысть
въ Россіи свѣтъ.

В. ЭПИТАФІИ.

222. ГРОБУ СУВОРОВА.

Ты ищешь монумента?....
Суворовъ здѣсь лежитъ.

Гнѣдичъ.

---

223. ДЕЛЬВИГУ.

Другъ, до свиданья! Скоро и я наслажусь моей частью:
Жилъ я, чтобы умереть; скоро умру, чтобы жить!

Гнѣдичъ.

224**.

Цвѣла и блистала,
И радостью взоровъ была,
Младенчески жизнью играла,
И смерть, улыбаясь, на битву звала,
И вызвавъ, безъ боя, въ добычу нещадной
Съ презрѣніемъ бросивъ покровъ свой земной,
Отъ плачущей дружбы, любви безотрадной
Въ эфиръ унеслася крылатой душой.

Гнѣдичъ.

225. Что жизнь его была?....

Что жизнь его была? тяжелый сонъ;
Что смерть? отъ грезъ ужасныхъ пробужденье.
Въ просонкахъ улыбнулся онъ
И снова, можетъ быть, тамъ началъ сновидѣнье.

Дельвигъ.

---

226. Жизнью земною играла она.

Жизнью земною играла она, какъ младенецъ игрушкой.
Скоро разбила ее: вѣрно утѣшилась тамъ.

Дельвигъ.

---

227. Не нужны надписи для камня моего.

Не нужны надписи для камня моего;
Пишите просто здѣсь: онъ былъ и нѣтъ его.

228. Какъ утромъ на цвѣтахъ весенняя роса.

Какъ утромъ на цвѣтахъ весенняя роса,
Она едва на сей землѣ блеснула,
Съ улыбкою на здѣшній міръ взглянула,
И вознеслась къ себѣ на небеса.

Крыловъ.

IX. АНТОЛОГИЧЕСКІЯ ПІЕСЫ.

229. ЛИСТОКЪ.

Отъ дружней вѣтки отлученный,
Скажи, листокъ уединенный,
Куда летишь?... «Не знаю самъ;
Гроза разбила дубъ родимый;
Съ тѣхъ поръ, по долямъ, по горамъ
По волѣ случая носимый,
Стремлюсь, куда велитъ мнѣ рокъ,
Куда на свѣтѣ все стремится,
Куда и листъ лавровый мчится
И легкій розовый листокъ.

Жуковскій.

---

230. БЛИЗОСТЬ ВЕСНЫ.

На небѣ тишина,
Таинственно луна

ь тонкій паръ сіяетъ;
да любви играетъ
темною горой;
безднѣ голубой
лотные, летая,
я, оживляя
ую тишину,
ѣтствуютъ весну.

Жуковскій.

231. ДРУЖБА.

Скатившись съ горной высоты,
лъ на плахѣ дубъ, перунами разбитый,
нимъ и гибкій плющъ, кругомъ его обвитый....
О дружба, это ты!

Жуковскій.

232. ВОСПОМИНАНІЕ.

ныхъ спутникахъ, которые нашъ свѣтъ
ъ сопутствіемъ для насъ животворили,
Не говори съ тоской: *ихъ нѣтъ;*
Но съ благодарностію: *были.*

Жуковскій.

. ЯВОРЪ КЪ ПРОХОЖЕМУ.

лотрите, виноградъ кругомъ меня какъ вьется!
любитъ мой полуистлѣвшій пень!
когда ему давалъ отрадну тѣнь;
лъ: но виноградъ со мной не разстается.
Зевеса умоли,
кожій, если ты для дружества способенъ,
ъ другъ твой моему былъ нѣкогда подобенъ,
пелъ твой любилъ, оставшись на земли.

Батюшковъ.

234. ЖИЗНЬ И СМЕРТЬ.

Жизнь—ночь, а день нашъ — смерть!
иль смерть—ночная тѣнь,—
А краткій день нашъ — жизнь! но къ цѣли безопасной
Равно привесть должна послѣдняя ступень!
Прохожій, гость земли, отвергни страхъ напрасный!
Или по бурномъ днѣ насъ сонъ постигнетъ ясный;
Иль бурной ночи вслѣдъ проглянетъ ясный день!

Кн. Вяземскій.

235. ЭХО.

Реветъ-ли звѣрь въ лѣсу глухомъ,
Трубитъ-ли рогъ, гремитъ-ли громъ,
Поетъ-ли дѣва за холмомъ—
На всякій звукъ
Свой откликъ въ воздухѣ пустомъ
Роднишь ты вдругъ.
Ты внемлешь грохоту громовъ,
И гласу бури и валовъ,
И крику сельскихъ пастуховъ,
И шлешь отвѣтъ;
Тебѣ-жъ нѣтъ отзыва.... Таковъ
И ты, поэтъ!

А. Пушкинъ.

236. ТРУДЪ.

Мигъ вожделѣнный насталъ: оконченъ мой трудъ многолѣтній.
Что-жъ непонятная грусть тайно тревожитъ меня?
Или, свой подвигъ свершивъ, я стою, какъ поденщикъ ненужный,
Плату пріявшій свою, чуждый работѣ другой?
Иль жаль мнѣ труда, молчаливаго спутника ночи,
Друга авроры златой, друга пенатовъ святыхъ?

А. Пушкинъ.

237. ПОСЛѢДНІЕ ЦВѢТЫ.

[illegible]

А. [illegible]

---

238. ЛИСТОКЪ.

[illegible]

[illegible]

239. [illegible]

[illegible]

[illegible]

Подожди немного,
Отдохнешь и ты.

Лермонтовъ.

---

241. ИСКУСТВО.

Срѣзалъ себѣ я тростникъ у прибреж[illegible]
шумнаго моря;
Нѣмъ, онъ забытый лежалъ въ моей хи[illegible]
жинѣ бѣдной;
Разъ увидалъ его старецъ прохожій, [illegible]
ночлегу
Въ хижину къ намъ завернувшій. (О[illegible]
былъ непонятенъ,
Чуденъ въ нашей глухой сторонѣ). О[illegible]
обрѣзалъ
Стволъ и отверстій надѣлалъ, къ уста[illegible]
приложилъ ихъ,
И оживленный тростникъ вдругъ испол[illegible]
нился звукомъ
Чуднымъ, какимъ оживлялся поро[illegible]
моря,
Если внезапно зефиръ, зарябивъ [illegible]
воды,
Трости коснется и звукомъ ваполн[illegible]
поморье.

А. Майковъ.

---

242. Муза, богиня Олимпа.

Муза, богиня Олимпа, вручила [illegible]
звучныя флейты
[illegible] Пану и свѣтло[illegible]
Фебу.
[illegible] къ божествен[illegible]
флейтѣ, и чудный
[illegible] изъ бездушнаго ствол[illegible]
Внимали
[illegible] воды, не см[illegible]
журчаньемъ
[illegible] и вѣтеръ заснул[illegible]
между листьевъ
[illegible] дубовъ, и заплакали, тронуты звукомъ,
[illegible] цвѣты и деревья; стыдливыя нимфы
[illegible] робко толпясь межъ сильвановъ и фавновъ.

ылъ пѣвецъ, и помчался на огненныхъ коняхъ,
рпурѣ алой зари, на златой колесницѣ.
ый лѣсовъ покровитель напрасно старался припомнить
ые звуки, и ихъ воскресить своей флейтой:
гный, онъ трели выводитъ, потрели земныя....
ій безумецъ! ты думаешь, небо нетрудно
воскресить на землѣ! Посмотри, улыбаясь,
глядомъ насмѣшливымъ слушаютъ нимфы и фавны.

А. Майковъ.

243. АПОЛЛОНЪ И ГЕРМЕСЪ.

(Подражаніе древнимъ, изъ Гете).

Съ свѣтлымъ властителемъ Делоса спорилъ неистовый Гермесъ;
Лира, дивная лира предметовъ ихъ распри была.
Тщетно стремленье обоихъ: явился Арей-мгновенно
Меткимъ ударомъ желѣза цѣвницу боговъ сокрушилъ:
Гермесу любо! Повѣса, бѣдѣ онъ смѣется, и только!
Тяжкой печали исполненъ, главою поникъ Аполлонъ.

А. Струговщиковъ.

X. ДИДАКТИЧЕСКАЯ ПОЭЗІЯ.

А. ОПИСАНІЕ.

244. КАВКАЗЪ.

кавказъ подо мною. Одинъ въ вышинѣ
надъ снѣгами у края стремнины:
ъ, съ отдаленной поднявшись вершины,
ъ неподвижно со мной наровнѣ.
нѣ я вижу потоковъ рожденье
вое грозныхъ обваловъ движенье.
ься тучи смиренно идутъ подо мной,
ь нихъ низвергаясь шумятъ водопады,
ними утесовъ нагія громады;
ниже мохъ тощій, кустарникъ сухой;
ъ уже рощи, зеленыя сѣни,
птицы щебечутъ, гдѣ скачутъ олени.
гамъ ужъ и люди гнѣздятся въ горахъ,
заютъ овцы по злачнымъ стремнинамъ,
И пастырь нисходитъ къ веселымъ долинамъ,
Гдѣ мчится Арагва въ тѣнистыхъ брегахъ,
И нищій наѣздникъ таится въ ущельи,
Гдѣ Терекъ играетъ въ свирѣпомъ весельи;
Играетъ и воетъ, какъ звѣрь молодой,
Завидѣвшій пищу изъ клѣтки желѣзной,
И бьется о берегъ въ враждѣ безполезной
И лижетъ утесы голодной волной....
Вотще! нѣтъ ни пищи ему, ни отрады:
Тѣснятъ его грозно нѣмыя громады.

А. Пушкинъ.

245. ОСЕНЬ И ЗИМА.

Ужъ небо осенью дышало,
Ужъ рѣже солнышко блистало,
Короче становился день,
Лѣсовъ таинственная сѣнь
Съ печальнымъ шумомъ обнажалась,
Ложился на поля туманъ,
Гусей крикливыхъ караванъ

Тянулся къ югу: приближалась
Довольно скучная пора;
Стоялъ ноябрь ужъ у двора.
Встаетъ заря во мглѣ холодной;
На нивахъ шумъ работъ умолкъ;
Съ своей волчихою голодной
Выходитъ на дорогу волкъ;
Его почуя, конь дорожный,
Храпитъ—и путникъ осторожный
Несется ъъ гору во весь духъ;
На утренней зарѣ пастухъ
Не гонитъ ужъ коровъ ихъ хлѣва,
И въ часъ полуденный въ кружокъ
Ихъ не зоветъ его рожокъ;
Въ избушкѣ распѣвая, дѣва
Прядетъ, и, зимнихъ другъ ночей,
Трещитъ лучина передъ ней.
И вотъ уже трещатъ морозы
И серебрятся средь полей....
Опрятнѣй моднаго паркета
Блистаетъ рѣчка, льдомъ одѣта.
Мальчишекъ радостный народъ
Коньками звучно рѣжетъ ледъ;
На красныхъ лапкахъ гусь тяжелый,
Задумавъ плыть по лону водъ,
Ступаетъ бережно на ледъ,
Скользитъ и падаетъ; веселый
Мелькаетъ, вьется первый снѣгъ,
Звѣздами падая на брегъ.

А. Пушкинъ.

---

246. НОЧЬ НА КАВКАЗѢ.

Ужъ меркнетъ солнце за горами;
Вдали раздался шумный гулъ;
Съ полей народъ идетъ въ аулъ,
Сверкая свѣтлыми косами.
Пришли; въ домахъ зажглись огни,
И постепенно шумъ нестройной
Умолкнулъ; все въ ночной тѣни
Объято нѣгою спокойной;
Вдали сверкаетъ горный ключъ,
Сбѣгая съ каменной стремнины;
Одѣлись пеленою тучъ
Кавказа спящія вершины....

А. Пушкинъ.

---

247. ПОЯВЛЕНІЕ ВЕСНЫ

Гонимы вешними лучами,
Съ окрестныхъ горъ уже снѣга
Сбѣжали мутными ручьями
На потопленные луга.
Улыбкой ясною природа
Сквозь сонъ встрѣчаетъ утро года;
Синѣя, блещутъ небеса.
Еще прозрачные, лѣса
Какъ будто пухомъ зеленѣютъ.
Пчела за данью полевой
Летитъ изъ кельи восковой.
Долины сохнутъ и пестрѣютъ;
Стада шумятъ, и соловей
Ужъ пѣлъ въ безмолвіи ночей.

А. Пушкинъ

---

248. ПОЯВЛЕНІЕ ЗИМЫ

Но лѣто быстрое летитъ,
Настала осень золотая.
Природа трепетна, блѣдна,
Какъ жертва пышно убрана....
Вотъ сѣверъ, тучи нагоняя,
Дохнулъ, завылъ, и вотъ сама
Идетъ волшебница зима.
Пришла, разсыпалась, клоками
Повисла на сукахъ дубовъ;
Легла волнистыми коврами
Среди полей, вокругъ холмовъ;
Брега съ недвижною рѣкою
Сравняла пухлой пеленою;
Блеснулъ морозъ. И рады мы
Проказамъ матушки зимы.

А. Пушкинъ

---

249. УТРО.

Бывало въ царственномъ покоѣ,
Великое свѣтило дня,
Во слѣдъ за раннею денницей,
Шаромъ восходитъ огневымъ,
И небеса, какъ багряницей,
Окинетъ заревомъ своимъ;
Его лучами заиграютъ
Озеръ живыя зеркала;
Поля, холмы благоухаютъ;
Съ нихъ бѣлой скатертью слетаютъ

ъ м утренняя мгла;
перловой и зернистой
ъ одежда убрана;
тыхъ пѣснью голосистой
гъ лѣсная глубина.

И. Языковъ.

250. ПОЛДЕНЬ.

зало, солнце безъ лучей
ь и рдѣетъ въ безднѣ пара,
ый воздухъ полонъ жара;
чуть движется; надъ ней
илась томными вѣтвями
ъ безжизненная тѣнь;
лѣ жатвы, межъ скирдами,
ьная почіетъ лѣнь;
и спутанные бродятъ,
валяются; молчатъ
и холмы; душенъ садъ
цы пѣсенъ не заводятъ....

Н. Языковъ.

251. УТРО.

рово-золотое
зурный неба сводъ
е въ царственномъ покоѣ
арно возстаетъ;
сняла свои туманы
обудившейся земли;
омъ утреннимъ поляны,
и холмы расцвѣли.
акъ ярко и проворно,
за этою рѣкой,
ряетъ отзывъ горной
волынки полевой!
крыпятъ ужъ воротами,
ая изъ села,
бится надъ водами
ь рыбачьяго весла.
ній свѣтъ луча дневнаго
ъ мой тайный путь;
воздуха лѣснаго
ъ мнѣ струится въ грудь:
ая трепетала,
ъ пламенемъ полна,
, быстро замирала—
лася она!

Скороль въ царственномъ покоѣ
За далекій синій лѣсъ,
Пурпурово-золотое
Солнце скатится съ небесъ?
Серебристыми лучами
Изукрасить ихъ луна,
И въ селѣ, и надъ водами
Снова тѣнь и тишина!

Н. Языковъ.

252. КОНЬ.

Жадно, весело онъ дышетъ
Свѣжимъ воздухомъ полей;
Сизый паръ кипитъ и пышетъ
Изъ пылающихъ ноздрей;
Полонъ силъ, удалъ на волѣ,
Громкимъ голосомъ заржалъ,
Встрепенулся конь—и въ поле
Бурноногій поскакалъ!
Скачетъ, блещущій глазами,
Дико голову склонилъ;
Вдоль по вѣтру онъ волнами
Черну гриву распустилъ.
Самъ какъ вѣтеръ: круть ли встанетъ
На пути? отважный прянетъ—
И на ней ужъ! Ляжетъ ровъ
И потокъ клубится?—мигомъ,
Онъ широкимъ перепрыгомъ
Черезъ нихъ—и былъ таковъ!
Веселися, конь ретивый!
Шеголяй избыткомъ силъ!
Не надолго волны гривы
Вдоль по вѣтру ты пустилъ!
Не надолго жизнь и воля
Разомъ бурному даны,
И холодный воздухъ поля,
И отважны крутизны,
И стремнины роковыя....
Скоро, скоро подъ замокъ!
Тѣшь копыта удалыя,
Свой могучій бѣгъ и скокъ!
Снова въ дѣло, конь ретивый!
Въ сбруѣ легкой и красивой,
И блистающій сѣдломъ,
И бренчащій поводами,
Стройно-вѣрными шагами
Ты пойдешь подъ сѣдокомъ.

Н. Языковъ.

253. ГРОЗА.

Вотъ за далекими горами
Скрывается прекрасный день;
Отъ сѣней лѣса надъ водами
Волнообразными рядами
Длиннѣетъ трепетная тѣнь;
Въ рѣкѣ сверкаетъ блескъ зарницы,
Пустѣютъ холмы, долъ и брегъ;
Въ село въѣзжаютъ вереницы
Поля покинувшихъ телѣгъ;
Гдѣ-гдѣ заластъ песъ домовый,
Иль вѣтерокъ зашелеститъ
Въ листахъ темнѣющей дубровы,
Иль птица робко пролетитъ,
Иль возъ тяжелый и скрыпучій,
Усталымъ движимый конемъ,
Считая бревна колесомъ,
Переступаетъ мостъ пловучій;
И вдругъ отрывный и глухой
Промчится грохотъ надъ рѣкой
Уже спокойной и дремучей,
И вдругъ замолкнетъ. Но въ дали,
На краѣ неба, мѣсяцъ полный
Со всѣхъ сторонъ зоволокли
Большія, облачныя волны;
Вонъ разступились — вонъ сошлись —
Вонъ грозно тихія слились
Въ одну громаду непогоды—
И на лазоревые своды,
Молніеносна и черна,
Съ востока крадется она.
Уже безмолвіе лѣсное
Налетомъ вѣтра смущено,
Уже немирно и темно
Рѣки теченіе ночное;
Широко зыблются на немъ
Тѣней раскидистыя чащи,—
Какъ парусъ въ воздухѣ дрожащій,
Почти упущенный пловцемъ,
Когда внезапно буря встанетъ,
Покатитъ шумныя струи,
Рванетъ крыло его ладьи
И надъ пучиною растянетъ.
Тьма потопила небеса;
Пустился дождь; гроза волнуетъ,
Взрываетъ воды и лѣса,
Гремитъ, и блещетъ, и бушуетъ.
Мгновенья дивныя! Когда
Съ конца въ конецъ, по тучамъ бурнымъ
Зубчатой молніи бразда
Огнемъ разсыплется пурпурнымъ,
Все видно: цѣпь далекихъ горъ
И разноцвѣтныя картины
Извивовъ Сороти, озеръ,
Села, и брега, и долины.
Вдругъ тьма угрюмѣй и чернѣй,
Удары громче громовые,
Шумнѣе, гуще и быстрѣй
Дождя потоки проливные.
Но завтра въ пышной тишинѣ
На небо ярко-голубое
Свѣтило явится дневное,
Возставитъ утро золотое
Грозой омытой сторонѣ.

Н. Языковъ.

---

254. КЪ АЛЬПАМЪ.

Оплотъ неприступный гранитныхъ хребтовъ,
Въ державномъ величьи съ рожденья вѣковъ,
Неровныя груды разбросанныхъ горъ,
Такъ дерзко подъ небомъ дивящія взоръ,
Пріюты морозовъ и снѣжныхъ громадъ,
Гдѣ буря грохочетъ, реветъ водопадъ;
Крутыя стремнины, гдѣ римскій орелъ
Дивился, какъ смѣлый по безднамъ прошелъ,
Вершины ужасной, священной красы,
Примите меня вы за лоно грозы,
Высоко, далеко, въ томъ мракѣ густомъ,
Гдѣ въ тайной бесѣдѣ душа съ Божествомъ!

Н. Козловъ.

---

255. ВЕЧЕРЪ ВЪ ІЮНѢ.

Томительный, палящій день
Сгорѣлъ; полупрозрачна тѣнь
Нѣмаго сумрака пріосѣняла дали;
Зарницы бѣгали за синею горой,
И, окропленные росой,
Луга и лѣсъ благоухали.
Луна во всей красѣ плыла на высоту,
Таинственнымъ лучемъ мечтанія питая,

клонясь къ лавровому кусту,
ла роза молодая.

Д. Давыдовъ.

256. КАВКАЗЪ.

адъ вершинами Кавказа
ипикъ рая пролеталъ.
нимъ Казбекъ, какъ грань алмаза,
ми вѣчными сіялъ;
боко внизу чернѣя,
грещина, жилище змѣя,
излучистый Дарьялъ;
екъ, прыгая какъ львица,
матой гривой на хребтѣ,
; и хищный звѣрь, и птица,
сь въ лазурной высотѣ,
у водъ его внимали;
тыя облака
кныхъ странъ, издалека,
сѣверъ провожали;
ы тѣсною толпой,
венной дремоты полны,
нимъ склонялись головой,
мелькающія волны;
ни замковъ на скалахъ
ли грозно сквозь туманы:
ъ Кавказа на часахъ
евые великаны!

Лермонтовъ.

257. ЗИМНЕЕ УТРО.

озитъ. Снѣгъ хруститъ. Туманы
надъ полями.
жинъ ранній дымъ разносится
клубами
ариомъ заревѣ пылающихъ не-
бесъ.
думіи глядитъ па обнаженный
лѣсъ,
ы, крытые ковромъ младаго
снѣга,
ало рѣки, застынувшей у брега,
а дневнаго кровавое ядро.
мъ пурпурнымъ блеститъ снѣ-
говъ серебро;
ымъ инеемъ, какъ будто пухомъ
бѣлымъ,
Унизана кора по вѣтвямъ помертвѣ-
лымъ.
Люблю я, сквозь стекла блистательный
узоръ,
Картиной новою увеселять свой взоръ;
Люблю въ тиши смотрѣть, какъ раннею
порою
Деревня весело встрѣчается съ зимою.
Тамъ, по льду гладкому и скользкому
рѣки,
Свистятъ и искрятся взгливые коньки;
На лыжахъ звѣроловъ спѣшитъ къ лѣ-
самъ дремучимъ;
Тамъ рыбарь въ хижинѣ предъ пламе-
немъ трескучимъ
Сухаго хвороста худую сѣть чинитъ,
И сладостно ему воспомнить прежній
бытъ,
Взирая на стекло окованной пучины—
Про зори утренни и клики лебедины,
Про бури ярыя и волнъ мятежный взрывъ,
И свой хранительный подъ ивами за-
ливъ,
Про ловы счастливы въ часы безмолв-
ной ночи,
Когда лишь мѣсяца задумчивыя очи
Проглянутъ, озлатятъ пучины спящей
гладь,
И свѣтятъ рыбарю свой неводъ поды-
мать.

А. Майковъ.

258. КАРТИНА ВЕЧЕРА.

Люблю я берегъ сей пустынный,
Когда съ зарею лоно водъ
Его, ласкаясь, обойметъ
Дугой излучистой и длинной.
Тамъ въ мелководье, по песку,
Стада спустилися лѣниво;
Тамъ темные сады въ рѣку
Глядятся зеленью стыдливой;
Тамъ ива на воды легла,
На вервяхъ мачта тамъ уснула,
И въ глади водпаго стекла
Ихъ отраженье потонуло.

А. Майковъ.

259. ПРИЗЫВЪ.

Ужъ утра свѣжее дыханье
Въ окно прохладой вѣетъ мнѣ,
На озаренное созданье
Смотрю въ безмолвной тишинѣ:
На главахъ смолянаго бора,
Вдали лежащаго вѣнцомъ,
Востокъ пурпуровымъ ковромъ
Зажгла стыдливая Аврора,
И съ блескомъ алымъ на водахъ,
Между рядами черныхъ елей,
Почіетъ озеро въ брегахъ,
Какъ спитъ младенецъ въ колыбели..
А тамъ, вкругъ холма, гдѣ шумитъ
По вѣтру мельница крылами,
Ручей алмазными водами
Вкругъ яркой озими бѣжитъ....
Какъ теменъ сводъ деревъ вѣтвистыхъ!
Какъ зеленъ бархатъ луговой!
Какъ сладокъ духъ отъ сосенъ смолистыхъ
И отъ черемухи младой!
О други! въ полѣ! силой дивной
Мнѣ утро грудь животворитъ...
Чу! въ рощѣ голосъ заунывный
Весенней иволги гремитъ!

А. Майковъ.

Б. ДИДАКТИЧЕСКАЯ ПОЭМА.

260. ИЗЪ НАУКИ О СТИХОТВОРСТВѢ.

Намъ правило дано природою самой:
Да царствуетъ вездѣ единство съ простотой!
Такъ!—Часто мы пѣвцы, не истиной единой,—
Плѣняемся красотъ обманчивой личиной.
Я краткость сохранилъ: не льзя понять меня;
Пріятность, легкость есть,—нѣтъ силы и огня;
Желая воспарить—въ безсмыслицѣ теряюсь;
Хочу исправнымъ быть—и въ прахѣ пресмыкаюсь;
Я въ вымыслахъ богатъ — но что-жъ въ моихъ стихахъ?
Гуляетъ китъ въ лѣсу, играетъ вепрь въ волнахъ!
Спасаясь отъ бѣды, въ другую вязну болѣ.
Одинъ изъ хитрецовъ въ Эмиліевой школѣ,
На бронзѣ изражалъ, въ диковинку людей,
И мягкость волосовъ, и нѣжный видъ ногтей:
Искуство жалкое! Что пользы въ немъ для свѣта,
Когда не можетъ дать намъ цѣлаго предмета?
Нѣтъ! съ умникомъ такимъ стоять мнѣ на ряду
Есть то-же, что имѣть отъ Бога на роду
Кривой, нескладный носъ съ прекрасными глазами,
И губки алыя съ отвислыми ушами!—
Берите трудъ всегда не выше силъ своихъ,
Умѣйте разбирать, судить себя самихъ;
Какъ съ берега пловецъ объемлетъ путь пространный,
Вникайте въ свой предметъ, и будьте постоянны.
Кто выбралъ хорошо и осмотрѣлъ свой трудъ,
Къ тому порядокъ, связь и мысли притекутъ!....
Богатый, чѣмъ начать, чѣмъ кончить, угадаетъ,

у число, и часъ, и мѣсто назначаетъ.
ишнее—долой; что нужно, то въ запасъ;
олжно говорить, то говоритъ сей часъ;
ожно отложить, до времени оставитъ!....
рчивъ, точенъ, строгъ, самимъ собою правитъ.
знаетъ силу словъ, умѣетъ соглашать,
зью хитрою имъ новый видъ давать.

авность въ правилахъ не дастъ еще вѣнца.
ство намъ блеститъ, но хладными лучами;
чувство ихъ живитъ, лишь чувство правитъ нами.
гляду въ ближнемъ мы участіе беремъ:
еселымъ веселы, съ печальнымъ слезы льемъ.
свои бѣды бѣдами намъ представить;
заплакать самъ, чтобъ плакать насъ заставить!
кученъ, слабъ: я сплю, или кляну тебя!
ъ горѣ—въ мракъ одѣнь и стихъ свой, и себя;
ъ гнѣвѣ—поражай грозящими устами;
ордъ—повелѣвай; шутливъ—рѣзвися съ нами.
рода хитрая сердца своихъ дѣтей
роила для всѣхъ способными страстей.
ерь мы радостны; но мигъ—трепещемъ въ страхѣ;
надеждой—въ небесахъ; съ отчаяньемъ—во прахѣ;
къ—органъ души, толковникъ думъ нѣмыхъ,
къ равно течетъ съ движеньемъ чувствъ моихъ!
ва, съ твоей судьбой изваніемъ несходны,
Наскучатъ знатокамъ, возбудятъ смѣхъ народный.
Мнѣ скажетъ разговоръ, кто рабъ, кто дворянинъ;
Гдѣ сѣтуетъ отецъ, гдѣ споритъ пылкій сынъ;
Гдѣ мать въ кругу дѣтей, и гдѣ она съ гостями.
Поселянинъ, купецъ бывалый за морями,
Аргивянинъ, Халдей, Колхидецъ, Скиѳъ простой,
Всѣ въ добромъ и худомъ отмѣнны межъ собой!
Послѣдуй мнѣнію, или молвѣ народа,
Будь самъ зиждителемъ, и дѣйствуй какъ природа.
Согласное въ частяхъ одѣнь въ приличный видъ!
Ахиллъ передъ тобой: пусть яростный грозитъ,
Жестокъ, неумолимъ, которому законы
Даютъ война и честь, и въ свѣтѣ нѣтъ препоны;
Пускай Медея адъ громами клятвъ трясетъ,
Пустъ Іо странствуетъ, дщерь Кадма слезы льетъ,
Орестъ задумчивый готовитъ убіенье,
И строитъ Иксіонъ на святость покушенье!

Какъ происшествіе мы можемъ излагать?
Иль въ дѣйствіи, какъ есть; иль въ повѣсти, какъ было.
Что слухъ передаетъ, то трогаетъ насъ хило;
Что кажетъ вѣрный взоръ, то сильно движетъ насъ.
Однако-же не все являй ты на показъ!
Щади сердца и взоръ народа прихотливый:
Иное возвѣститъ посолъ краснорѣчивый.
Медея не при мнѣ должна терзать дѣтей;
Не предо мной готовь ужасный пиръ, Атрей!
Я Прогну птицею, змѣею Кадма внжу;
Что пользы отъ того? Не вѣрю, ненавижу!

Пять дѣйствій мѣра драмъ. Гдѣ ходъ сей соблюденъ,
Тамъ басня развита, и зритель услажденъ.
Не вызывай боговъ къ развязкѣ приключенья,
Когда не требуетъ она чудотворенья.
Четвертое лицо не путай въ разговоръ.
Актера санъ и долгъ пріемлетъ важный Хоръ;
Онъ въ междудѣйствіяхъ на сцену выступаетъ,
Искусно зрителей къ развязкѣ приближаетъ;
Защитникъ немощныхъ, другъ добрый и прямой,
Стремится умѣрять порывы страсти злой,
Предъ сильнымъ справедливъ, не робокъ передъ тропомъ,
Чтитъ доблесть, искренность, умѣренность закономъ,
И любитъ свѣтлый миръ, свободу во градахъ.
Хранитель вѣрный тайнъ, онъ въ пламенныхъ слезахъ
Къ престолу правоты молитвы возсылаетъ:
Страдалецъ высится — гонитель упадаетъ.
Поэта главный долгъ: учить или плѣнять.
Нерѣдко важное сливаетъ онъ съ пріятнымъ.
Въ совѣтахъ кротокъ будь, коль хочешь быть понятнымъ!...
Что понялъ я легко, то помню навсегда.
Все лишнее уйдетъ, какъ черезъ край вода!
Строенье вымысловъ, какъ призракъ изчезаетъ,
Коль сила истины его не проникаетъ;
Не вѣритъ умный чтецъ нескладнымъ чудесамъ!
Одно забавное скучаетъ старикамъ;
Лѣта безпечности къ урокамъ не усердны:
Пѣвецъ! будь совершенъ: смѣшай цвѣты и терны,
Полезенъ, милъ, умѣй учить и забавлять!
Вотъ способъ съ книжникомъ оброки собирать;
Вотъ способъ пріобрѣсть въ потомкахъ позднихъ славу!
Но всѣ-ль грѣхи идутъ подъ строгую расправу?....
Всегда-ли издаютъ намъ струны вѣрный звукъ,
Какого чувство ждетъ, или искуство рукъ?
Мнѣ нуженъ тихій тонъ, но громкій раздается.
Не всякій разъ стрѣла до цѣли довсется:
Чтожъ дѣлать? слабость есть; при многихъ красотахъ
Она невидима, какъ легка тѣнь въ лучахъ!
Несовершенство есть удѣлъ несовершенныхъ.
Когда-жъ писатели въ мѣстахъ обыкновенныхъ
Одинѣ и тѣ-жъ всегда погрѣшности творятъ,
И если музыкантъ, трудяся въ день стократъ,
Не можетъ взять во плѣнъ одной упрямой ноты:
Достанетъ-ли у насъ къ прощенью ихъ охоты?
И всякій авторъ такъ, когда не сохранилъ
Всѣ правила, — другой мнѣ кажется Херилъ,
Которому смѣясь кричу отъ удивленья,
Когда въ немъ мѣста два найду безъ погрѣшенья!
Вотъ жаль, когда Гомеръ самъ вздумалъ-бы вздремать!
Но путь его далекъ!.... Простительно устать!
Стихи, какъ живопись: одно изображенье
Плѣняетъ насъ вблизи, другое въ отдаленьѣ;
Одно подъ тѣнь поставь, умножь другому свѣтъ:
Во взорахъ знатока ему улики нѣтъ!

пріятно разъ: съ другимъ не
льзя разстаться;
я, вновь спѣшимъ, чтобъ снова
наслаждаться.

Мерзляковъ.

. ИЗЪ ДЕЛИЛЕВОЙ ПОЭМЫ: САДЫ.

щенныя лѣса, благословляю васъ!
къ трепету людей гремящій барда
гласъ
отрясаетъ днесь вертеповъ, сводовъ темныхъ,
ища пѣвцовъ, восторгомъ вдохновенныхъ;
вашу тѣнь спѣшу, чтобъ нѣжною рукой
асъ тѣсно сочетать убранство съ простотой;
ствомъ новый видъ дать прелести природной
ѣстѣ сохранить вашъ милый видъ, свободной.
ся всѣ образы готовы принимать;
крашая ихъ, страшитесь искажать.
рате, тамъ древа раскинулись шатрами,
блѣдные лучи прокрались межъ листами;
свѣтъ сражается съ пріятной темнотой;
ь челами древа склонились надъ водой;
ь разбрелись они, вѣтвями помахаютъ,
будто издали другъ друга призываютъ;
вмѣстѣ, вотъ они другъ съ другомъ обнялись,
другъ какъ будто врозь опять ужъ розошлись.
юда намъ урокъ прекрасный и великій!
образуя лѣсъ природно-мрачный, дикій,
сильныя черты потщитесь сохранить
И мелочныхъ убранствъ нигдѣ не помѣстить.
Единство, полнота да будутъ свято чтимы,
Да будетъ простъ, великъ сей лѣсъ необозримый!
Потщитесь хитростью своею удержать
На немъ величія высокую печать.
Люблю сѣдые пни; хочу, чтобъ воды яры,
Шумя по рытвинамъ, свергались въ крутояры;
Оставьте по лѣсамъ глубокіе слѣды
И времени, и бурь, и вѣтровъ, и воды.
Пускай меня страшитъ видъ грозный скалъ висящихъ!
Оставьте! пусть въ мѣстахъ, величіемъ блестящихъ,
Все дышитъ дикою и гордой красотой!
Но что, мракъ пустыни намъ ужасовъ винной?
Вотъ признакъ тайнаго жить въ обществѣ влеченья!
Воздвигните въ лѣсу вы храмъ благодаренья,
Недужный въ немъ елей, бездомный кровъ найдетъ,
И пустыня какъ рай предъ вами расцвѣтетъ.
Бываютъ бури царствъ, порывы тѣ народны,
Въ которые гражданъ выбрасываютъ волны
На чужеземный брегъ съ береговъ отчизны ихъ:
Возможно-ль не скорбѣть о несчастливцахъ сихъ?
Ахъ! плачьте, но своей хвалитеся судьбиной;
Нѣжнѣйшей всѣхъ другихъ въ садахъ своихъ картиной
Конечно будете обязаны вы имъ.
Отдайте уголокъ въ лѣсу пришельцамъ симъ;
Чертогамъ хижины противоположите;
Странноприимствомъ лѣсъ пустынный освятите.
Хвалитесь, если къ вамъ изъ отдаленныхъ мѣстъ

Придутъ отшельники, несущи тяжкій крестъ,
Которые дотоль храмъ Божій украшали,
Страданья вольныя отъ свѣта сокрывали;
Послѣдователи Рансея и Брюно,
Для настоящаго умершіе давно,
Между раскаяньемъ и сладкимъ упованьемъ,
Въ міръ лучшій, въ горній міръ устремлены вниманьемъ.
Молите сихъ отцовъ, и дайте тихій кровъ
Симъ гражданамъ небесъ подъ сѣнію лѣсовъ.
Молва разскажетъ вслухъ о жительствѣ пришельцевъ:
Со всѣхъ сторонъ толпы женъ, старцевъ и младенцевъ,
Святыхъ гостей туда пріидутъ посѣтить;
Богатство нищету пріидетъ навѣстить;
Веселье муки зрѣть, гордыня зрѣть смиренье.
Вы сами, полюбя лѣсовъ уединенье,
Чертоги пышные оставите для нихъ;
Придите сладкій миръ вкусить въ бесѣдѣ ихъ;
Разочаруете здѣсь сердце обольщено,
Мечтамъ и суетѣ мірской порабощенно.
Міръ низокъ будетъ вамъ — тамъ воздухъ зараженъ
Дыханіемъ страстей — какъ лѣсъ для васъ священъ.
Тамъ познакомитесь съ суровымъ воздержаньемъ
Пустынножителей, и съ вѣчнымъ ихъ молчаньемъ.
Тамъ покаяніе, чуть движущей рукой,
Васъ встрѣтитъ съ заступомъ, въ одеждѣ гробовой:
Оно заранѣе могилу изрываетъ,
И, смерти не страшась, ее предупреждаетъ.
Сходящу благодать почувствуетъ земля!
За радость вашихъ дней, за жатву, за поля,
Воздѣты руки ихъ къ Правителю вселенной —
И Богъ, молитвѣ внявъ безмолвной и усердной,
Небесной милости прольетъ на васъ лучи.
Когда-жъ затеплятся надгробныя свѣчи,
И ночи тишина обширная прервется,
И всенощной мольбы на небо понесется
Перерываемый, протяжный, тихій гласъ,
Быть можетъ, гимны ихъ растрогаютъ и васъ:
Завидуя слезамъ, прольете слезы сами
Передъ Христовыми святыми алтарями
И тѣломъ на землѣ, а духомъ въ небесахъ,
Возжете вмѣстѣ хваленія въ сердцахъ —
И облеснетъ восторгъ ликъ иноковъ молящій, —
Тогда лѣсъ приметъ видъ не столь уже грозящій.
Необитаемость его вы населивъ,
Умѣря ужасы, безмолвье ожививъ,
Вдругъ наслаждаетесь лѣсовъ очарованьемъ,
И счастьемъ добрыхъ душъ—святымъ благодѣяньемъ.

Войѣковъ.

---

262. ИЗЪ IV ПѢСНИ ВИРГИЛІЕВЫХЪ ГЕОРГИКЪ.

Пою небесный даръ — горящій златомъ медъ,
Въ янтарныхъ капляхъ росъ сходящій отъ высотъ.
На ново поприще, о Меценатъ, со мною!
Склони свой взоръ къ пчеламъ; я славлю ихъ царей,
Законы и народъ, права и доблесть прей.
Предметы малые, но славу обѣщаютъ,
Кому стезю самъ Фебъ и Музы освѣщаютъ.
Въ началѣ избери пристанище для пчелъ,
Гдѣ дремлетъ тишина, гдѣ-бъ Эвръ дышать не смѣлъ:
Дыханье бурныхъ устъ въ пути ихъ совращаетъ

мы ихъ носить запасы возбраняетъ.
толѣ кравъ, овецъ и рѣзвыхъ козъ,
ощихъ съ цвѣтовъ жемчужны капли росъ,
жолинъ, и змій съ зеленой чешуею,
ну, рѣющу извивистой стезею:
асъ предлежитъ, имъ смерть течетъ во слѣдъ;
осятъ пчелъ на варварскій обѣдъ.
окрестъ ихъ въ брегахъ, одѣтыхъ тканью мшистой,
аго пруда кристалъ блистаетъ чистой,
ется ручеекъ подъ шелковой травой,
ма склонится сѣнистою главой.
слетитъ весна на мирныя долины,
е цари, и юныя дружины
ъ, удалясь отъ сотовъ золотыхъ:
рево мирну тѣнь даетъ въ вѣтвяхъ густыхъ,
іе брега усталыхъ призываютъ,
мъ жаждою прохладу разливаютъ,
ъ нѣгу имъ на пурпурныхъ цвѣтахъ.
текущихъ водъ, иль дремлющихъ въ брегахъ
ней набросай и гибкихъ лозъ мѣстами;
ослужатъ имъ надежными мостами,
возставшій Эвръ ихъ станъ раздѣлитъ,
гремительно въ токъ водный погрузитъ;
твердою стопой на гибкіе наметы,
нутся—отженутъ свирѣпаго навѣты.
кай цвѣтетъ вокругъ душистый розмаринъ,
ароматы льетъ корица, ландышъ, тминъ,
Фіалки, преклонясь съ береговъ къ водѣ главами,
По волѣ Зефира лобзаются съ струями.
Для пчелъ покойный домъ искусною рукой
Изъ гибкихъ ивы лозъ, иль изъ коры устрой.
Пусть малыя врата для входу онъ имѣетъ:
Отъ жару медъ течетъ, отъ холода густѣетъ.
Какъ тотъ, такъ и другой равно враги пчеламъ.
Смотри, какъ всѣ онѣ нахлынули къ ульямъ,
Съ запасомъ восковымъ станицей внутрь влетѣли,
И всѣ наперерывъ къ одной стремятся цѣли;
Спѣшатъ, несутъ цвѣты, въ разсѣлины кладутъ,
И клей и смолу въ нихъ текучую ліютъ.
Онѣ и подъ землей жилища созидаютъ,
Въ пещерахъ утлыхъ пней и въ каменяхъ обитаютъ.
Заботливыхъ труды искуствомъ облегчи:
Надъ кровомъ ихъ вѣтвей зеленыхъ намечи
И глиною обмажь разсѣвшіяся стѣны;
Тогда ничто имъ зной и хладъ ожесточенный.
И тиса не сади въ окрестной сторонѣ,
И раковъ не сжигай предъ ними на огнѣ;
И глубина воды, и смрадна влага ила
Ихъ алчности слѣпой отверстая могила;
Не довѣряй скаламъ, гдѣ Эхо спитъ, и вдругъ,
Возставъ на легкій шумъ, пронзаетъ стономъ слухъ.
Лишь красный вождь весны расторгнетъ цѣпи льдисты —
И съ кудрей сотрясетъ потокъ лучей огнистый,
Игривыя, летятъ по рощамъ и лугамъ,
Сбираютъ дань съ цвѣтовъ, касаются волнамъ;

Надъ свѣтлой влагою ихъ носятъ легки крыла;
Весна имъ нова жизнь, весна имъ нова сила:
Тогда заботы ихъ—потомство, кровъ родной,
Тогда готовятъ воскъ, льютъ въ соты медъ златой.
Смотри, какъ по зыбямъ нагрѣтаго эѳира
Ихъ черный полкъ плыветъ въ слѣдъ кроткаго Зефира,
И темнымъ облакомъ вiется надъ тобой! —
Слѣди ихъ всѣ пути заботливой стопой!
Ихъ цѣль—токъ чистыхъ водъ и тѣнь лѣсовъ густая;
Тамъ ищетъ вкусныхъ брашенъ легкокрылатыхъ стая,
Тамъ благовонiя по воздуху разлей
Мелиссы лакомой и дѣвственныхъ лилей,
И слухъ ихъ порази бряцающимъ кимваломъ, —
И въ домъ свой бѣглецы кипящимъ хлынутъ валомъ.
Коль въ царствѣ два царя враждуютъ межъ собой, —
Возникнетъ, закипитъ во всемъ народѣ бой:
Легко предугадать мятежныя волненья,
Гнѣздящiйся въ сердцахъ духъ распри и киченья.
Возстанетъ бранный шумъ и трубъ прерывный гласъ,
Предзнаменующiй кровавый битвы часъ.
Тогда всѣ въ трепетѣ стекаются полками
И воздухъ вкругъ струятъ дрожащими крылами,
Готовятъ къ бою грудь и, жалы востря,
Несутся къ знаменамъ, толпятся вкругъ царя,
И кликами зовутъ врага на страшну сѣчу,
И мужество въ сердцахъ несутъ ему на встрѣчу.

Едва проглянетъ день сквозь утренiй туманъ
И горнiя поля откроютъ битвы станъ—
Всѣ рвутся изъ ратъ, всѣ къ брани понесутся,
И рати двухъ вождей сiѣшаются, сольются;
И шумомъ бурной при окрестность огласятъ;
Совьются вихремъ въ клубъ и воздухъ огустятъ.
И слабый, и герой — жестокой сѣчи жертвы —
Съ эѳирной высоты падутъ на землю мертвы.
Такъ долу градъ падетъ, такъ дубъ дождитъ плоды.
Вожди дружинъ — они изъ строя въ строй летаютъ
И въ малой ихъ груди великiй духъ питаютъ,
Вливаютъ въ воевъ огнь, и съ поля ни на шагъ,
Доколь въ позорный бѣгъ не обратится врагъ.
Такъ грозныя въ бою свирѣпствуютъ, ярятся;
Брось пыли горсть на нихъ — мятежники смирятся.
Отъ брани уклонивъ враждебные полки,
Слабѣйшаго царя въ дань смерти обреки:
Онъ бремя подданныхъ несытою алчбою.
Осиротѣвшiй тронъ предай вождю — герою.
Отличiе сего — горящiй огнь въ глазахъ,
Златая чешуя блистаетъ на крылахъ.
Другой въ позоръ ордѣ, въ позоръ вождямъ рожденный,
На лонѣ праздности и лѣни воздоенный,
И чрева тяготой, и нѣгой изможденъ.
Въ ордахъ царей равно различiе племенъ:
Однихъ презрѣнный видъ, чешуйчатыя крыла,
Щетинистый хребетъ — есть образъ влажной пыли,
Которую отъ устъ зепекшихся отрясъ

й странникъ въ путь полудня въ
знойный часъ.
у другихъ покрытъ хребетъ и
выя,
и на крылахъ разлиты золотыя.
ъ——хваленье пчелъ, ихъ искро—
метный медъ
ь твоихъ надеждъ, возмездіе за-
ботъ;
ектаромъ златымъ сокъ Вакховъ
растворяютъ,
ный вкусъ его, и силы притуп-
ляютъ.
если бѣглецы, оставя кровъ
родной
ы хладные, станицею густой
одно по зыбямъ эѳирныхъ волнъ
кружатся:
— и рѣзвыя къ жилищамъ обра-
тятся.
лостно крылѣ исторгнувъ вождей;
изъ нихъ толпы отважною стезей
летъ изъ стана вдаль развить хо-
ругви въ полѣ
щему царю смиренно на престолѣ?
зпечную орду манятъ подъ отчій
кровъ
истые цвѣты смѣющихся садовъ.
птицамъ лакомымъ и хищникамъ
грозою
сака воружи ракитовой косою,
сны гордыя, и благовонный тминъ
сели туда съ любимыхъ ихъ вер-
шинъ,
розы и шафранъ разсаживай ря-
дами,
й и оживляй прохладными водами.
гда-бы мой корабль, кончая путь
въ моряхъ,
регу не спѣшилъ на быстрыхъ па-
русахъ:
можетъ, кисть моя, плѣненная
цвѣтами,
писала-бы игривыми чертами
нскіе сады, гдѣ Флора каждый
годъ
елковыхъ коврахъ двукратно пиръ
даетъ;
-бы, можетъ быть, подъ сѣнію
моею
Прозрачныя струи поили цикорею,
Извитый огурецъ тучнѣлъ - бы подъ
травой,
Задумчивый нарцисъ склонялся надъ
водой,
И кудрями акантъ согбенный величался,
И гибко-блѣдный плющъ съ древами
обнимался,
И мирты нѣжные, любители боговъ,
Сплетались межъ собой среди моихъ
садовъ.
Въ странѣ, гдѣ, съ ропотомъ крутясь,
Галезъ бурливый
Водами черными поитъ златыя нивы,—
Корцирскій старецъ жилъ отъ родины
вдали.
Укромный уголокъ оставленной земли,
Презрѣнный пастыремъ, забытый зем-
ледѣломъ,
Скупой для Бахуса,—пришельца былъ
удѣломъ.
Разсаживая тамъ заботливой рукой
И макъ и овощи, лилеи и левкой,
Владѣнья малаго богатыми дарами —
Некупленнымъ добромъ—равнялся онъ
съ царями.
Спускалась долу ночь,—онъ въ кущу
мирну шелъ
И сада брашнами обременялъ свой
столъ.
И розу первую весна ему дарила,
И осень первый плодъ счастливцу при-
носила.
Еще жестокій хладъ и камни раздро-
блялъ,
Въ цѣпяхъ зимы ручей недвижимо сто-
ялъ:
Сердясь на медленность и лѣта золо-
таго,
И позднихъ зефировъ, съ аканта моло-
даго
Дрожащею рукой онъ мягки кудри
стригъ,
И первый медъ точилъ изъ сотовъ зо-
лотыхъ
Янтарною струей въ скудельные фіа-
лы;
И пчелы никогда ему не измѣняли,
У перваго роясь съ воскресшею вес-
ной;

Окрестность красилась и липой, и сосной;
И каждый цвѣтъ весны, питомецъ юной Флоры,
Былъ осенью плодомъ, манящимъ жадны взоры.
Онъ первый видами свой край обогатилъ:
Близь хижины своей рядами насадилъ
И вязы древніе, и тополи младые,
И груши дикія, и яворы густые,
Зовущіе подъ тѣнь пирующихъ друзей.
Но нѣтъ, сады не мнѣ—другихъ ждетъ подвигъ сей.

Рашъ.

---

263. ИЗЪ ДЕЛИЛЕВОЙ ПОЭМЫ: СЕЛЬСКІЙ ЖИТЕЛЬ.

Взиралъ-ли ты когда, высокихъ горъ съ вершины,
Съ восходомъ солнечнымъ, на сельскія картины?....
Случалось-ли тебѣ окинуть взоромъ вдругъ
Тамъ воды, здѣсь лѣса, тамъ съ пестрымъ стадомъ лугъ,
И жатвы и холмы усѣянны цвѣтами,
И дальній горизонтъ съ туманными горами?....
Ты видѣлъ образцы!—Смотри на нихъ, дивись,
И ихъ переносить въ стихи свои учись.
Не рѣдко живопись въ ландшафтѣ представляетъ
Предметъ, который насъ отдѣльно поражаетъ
И первый долженъ взглядъ вниманья привлекать;
Да будетъ сей предметъ — искуство выбирать!
Иные говорятъ: что правильно — прекрасно!
Не спорю; я и самъ, съ симъ мнѣніемъ согласно,
Люблю въ моемъ саду искусною рукой
Прямить ряды деревъ, равнять между собой;
Но дубъ нависнувшій со скалъ, уединенный,
Простершій вѣтви вдаль, отъ старости согбенный,
И корни слабые обвившій вкругъ камней,
Достоинъ менѣе-ль художника очей?..
О ты, которая и въ ужасахъ прелестна,
Природа дивная!—сколь ты мила, чудесна,
И сколь различныя въ красѣ твоей черты!
То трепетъ, то восторгъ въ меня вселяешь ты!
То свѣжестью лица и юностью блистая,
Ты ходишь по лугамъ, съ одежд своихъ стрясая
Прохладную росу, и полною рукой
Льешь краски на цвѣты съ румяной зарей! —
Ты улыбаешься — день солнцемъ озарится,
Дохнешь—и рѣзвый рой зефировъ закружится;
Волнъ ропотъ, пѣнья птицъ нѣжнѣйшій переливъ —
Все гласа твоего, всесильная, отзывъ!
Но ты-же иногда, во ужасъ облечена,
Взираешь съ дикихъ скалъ, угрюма и смятенна.
Тогда чело твое вѣнчаетъ елей рядъ
Потоки бьютъ съ раменъ, и полны гнѣва взглядъ
Браздами молніи въ окрестной мгл сверкаетъ,
И твой громовый гласъ вселенну ужасаетъ!
Но чей обниметъ взоръ весь сонм чудесъ твоихъ?
Кто смѣлый отличитъ всѣ измѣнень ихъ?
Кто въ силахъ начертать ихъ всѣ ру кою вѣрно
Отъ скалъ заоблачныхъ до бездны не измѣрной,
Отъ кедра, небеса подпершаго главой До скрывшейся въ травѣ фіялки по левой?
О ты, высокаго плѣненный образцам

ъ чуждыми искать ихъ небесами!
ивай моря и въ тѣмъ спѣши странамъ,
ицемъ лучшій видъ данъ года временамъ, —
и для насъ, подъ небомъ жаркой зоны,
шный Оренокъ, иль воды Амазоны:
необузданныхъ соперниковъ морей,
шихъ полземли въ надменности своей. —
гатство водъ безмѣрно извлекаютъ:
путь назначенный роскошно вытекаютъ
нь свѣжую брегамъ своимъ дарятъ,
рѣзвыхъ птицъ купаютъ и поятъ.
смѣлой красотѣ текутъ великолѣпно
у за волной влекутъ едва примѣтно;
То съ ревомъ падаютъ, обрушившись съ высотъ....
И эхо повторить ихъ стоны устаетъ;
И кажется: они какъ шумомъ оглушаютъ —
Не по землѣ текутъ, а съ неба упадаютъ!
Живописуй сихъ странъ перпатыхъ и цвѣты,
И радуги на нихъ блестящія черты;
Живописуй лѣса, въ мракъ грозный погруженны,
Угрюмые, какъ ночь, и міръ совершенной,
Поля, дающи плодъ безъ помощи людей;
Стада, бродящія по волѣ средь степей,
Короче: тѣ красы разительной природы,
Тѣ гордые хребты, величественны воды,
Предъ коими Кавказъ является.... холмомъ,
И быстрый, шумный Днѣпръ.... весеннимъ ручейкомъ!

М. Дмитріевъ.

В. ПОСЛАНІЯ.

264. КЪ ДРУЗЬЯМЪ.

случаю перваго свиданія послѣ отставки).

Москвѣ-ль я, наконецъ? со мною ли друзья?
остьи печаль! различныхъ чувствъ смѣшенье!
ъ еще имѣлъ я въ жизни утѣшенье
ить журчанію домашняго ручья,
ить покойный сонъ подъ кровомъ, гдѣ родился,
ть въ объятіяхъ родителей моихъ!
Не сонъ ли былъ и то? Увидѣлъ и простился,
И, можетъ быть, уже въ послѣдній видѣлъ ихъ!
Но полно, этотъ день не помрачимъ тоскою.
Гдѣ вы, мои друзья? сберитесь предо мною;
Дай каждый мнѣ себя сто разъ поцѣловать!
Прочь, посохъ! не хочу васъ болѣ покидать,
И вотъ моя рука, что буду вашъ отнынѣ.
Сколь часто я въ шуму веселій воздыхалъ,
И вздохи бѣднаго терялись какъ въ пустынѣ,

И тайной грусти въ немъ никто не замѣчалъ!
Но ежели вашъ другъ, во дни разлуки слезной,
Хотя однажды могъ совѣтъ подать полезной,
Спокойствіе души вдовицѣ возвратить,
Наслѣдье сироты отъ хищныхъ защитить,
Спасти невиннаго, то все позабываетъ—
Довольно: другъ вашъ здѣсь, и васъ онъ обнимаетъ.
Но буду ли, друзья, по прежнему вамъ милъ?
Увы! уже во мнѣ жаръ къ пѣнію простылъ,
Ужъ въ мысляхъ нѣтъ игры, исчезла прежня живость!
Простите ль иногда мою вы молчаливость,
Мое уныніе? — Терпите, о друзья,
Терпите хоть за то, что къ вамъ привязанъ я;
Что сердце приношу чувствительно, незлобно,
И болѣе еще ко дружеству способно.
Теперь его ничто не отвлечетъ отъ васъ.
.....
.....
И такъ, владѣйте впредь вы мною безъ раздѣла,
Питайте страсть во мнѣ къ изящному всему,
И дайте вновь полетъ таланту моему.
Означимъ остальной нашъ путь еще цвѣтами!
Гдѣ нѣтъ коварныхъ ласкъ съ притворными словами,
Гдѣ сердце на рукѣ, гдѣ разумъ не язвитъ,
Тамъ другъ вашъ и подпесь веселья не бѣжитъ.
Такъ, братья, данные природой мнѣ и Фебомъ!
Я съ вами радъ еще въ саду, подъ яснымъ небомъ,
На зелени въ кустахъ душистыхъ пировать;
Вы станете своихъ любезныхъ воспѣвать;
А я.... хоть вашими дарами восхищаться.
О други! я впередъ ужъ веселъ! Можетъ статься
Примѣръ вашъ воскреситъ и мой погибшій даръ.
О если бъ воспылалъ во мнѣ пермесскій жаръ!
Съ какою бъ радостью схватилъ мою лиру,
И благъ моихъ творца всему повѣдалъ міру!
Да будетъ счастіе и слава вмѣстѣ съ нимъ!
Ему я одолженъ пристанищемъ моимъ
Гдѣ солнце дней моихъ въ безмолвіи закатится,
И мой послѣдній взоръ на друга устремится.

Н. Дмитріевъ.

---

265. ПРАМАТЕРЬ ВНУКЪ.

Мое дитя, со мною отъ купели
Твой первый шагъ житейскій совершили
Твои глаза едва еще прозрѣли;
Едва зажженъ огонь твоей души....
Но ризой ты вѣнчальной ужъ одѣта,
Обручена съ священнымъ бытіемъ;
Тебя несетъ праматерь къ прагу свѣта
Отвѣдать жизнь предъ вѣчнымъ алтаремъ.
Не чувствуя, не видя и не зная,
Ты на моихъ покоишься рукахъ;
И благодать, младенчеству родная,
Тебя принять готова въ спхъ вратахъ
Съ надеждою, съ трепещущимъ моленьемъ
Я подхожу къ святынѣ ихъ съ тобой:
Тебя явить предъ вѣчнымъ Провидѣньемъ,
Его рукѣ повѣрить жребій твой.
О часъ судьбы! о тихій мой младенецъ,
Пришедъ со мной къ предѣлу двухъ міровъ,
Ты ждешь, земли недавній уроженецъ

для тебя поднялся тотъ покровъ,
мъ все, что вѣрно въ жизни на-
шей.
упимъ.... дверь для насъ отворена:
спеща предъ сею тайной чашей—
несетъ небесное она.
жизнь, дитя, изъ чаши Провиденья
денчески-невинною душой;
едстоимъ святилищу спасенья,
ъ его престолъ передъ тобой;
пристани таинственно дорога
кена сквозь опытъ бытія....
е дитя въ семействѣ Бога,
сная отчизна здѣсь твоя.
а иди покорно и смиренно
мъ, что жизнь тебѣ ни удѣлитъ,
ому будь въ сердцѣ неизмѣнно—
ое тебѣ не измѣнитъ.
придетъ съ незнаемымъ грядущимъ—
детъ даръ хранительной руки;
землѣ повсюду съ Вездѣсущимъ;
съ Нему душей недалеки.
шлось!.. Ты-ль, посолъ небесъ крылатый,
шь къ ней изъ таинственныхъ вратъ?
Промысломъ назначенный вожатый,
сестрѣ небесный, вѣрный братъ?
жъ ее, божественный хранитель;
ъ радости и въ скорби съ ссй душой;
изни ей утѣшный изъяснитель,
окань до родины святой.

Жуковскій.

ЕЯ ИМПЕРАТОРСКОМУ СОЧЕСТВУ ВЕЛИКОЙ ЯЖНѢ АЛЕКСАНДРѢ НИКОЛАЕВНѢ.

ь дни, когда мы вѣримъ нашимъ снамъ
ъ въ ихъ несбыточности былъ,
ъ сонъ. Казалось, будто я
ею долиной Кашемира
Иду одинъ; со всѣхъ сторонъ вздымались
Громады горъ, и въ глубинѣ долины,
Какъ въ изумрудномъ, до краевъ лазурью
Наполненномъ сосудѣ небеса
Вечернія спокойно отражая —
Сіяло озеро; по склону горъ
Отъ запада сходила на долину
Дорога, шла къ востоку и въ дали
Терялася, сливаясь съ горизонтомъ.
Былъ вечеръ тихъ; все вкругъ меня молчало;
Лишь изрѣдка надъ головой моей
Сіяя голубь пролеталъ, и пѣли
Его волнующія воздухъ крылья.
Вдругъ вдалекѣ послышались мнѣ клики;
И вижу я: отъ запада идетъ
Блестящій ходъ; змѣею безконечной
Въ долину вьется онъ; и вдругъ, я слышу,
Играютъ маршъ торжественный; и сладкой
Моя душа наполнилася грустью.
Пока задумчиво я слушалъ, мимо
Прошелъ весь ходъ, и я лишь могъ примѣтить
На высотѣ, надъ радостно шумящимъ
Народомъ паланкинъ; какъ привидѣнье
Онъ мнѣ блеснулъ въ глаза; и въ паланкинѣ.
Увидѣлъ я Царевну молодую,
Невѣсту сѣвера; и на меня
Она глаза склонила мимоходомъ;
И скрылось все.... когда же я очнулся,
Ужъ царствовала ночь и надъ долиной
Горѣли звѣзды; но въ моей душѣ
Былъ свѣтлый день; я чувствовалъ, что въ ней
Свершилося какъ будто откровенье
Всего прекраснаго, въ одно живое
Лице сліянаго. — И вдругъ мой сонъ
Перемѣнился: я себя увидѣлъ
Въ Царевомъ домѣ, и лицемъ къ лицу
Предстало мнѣ души моей видѣнье;
И мнилось мнѣ, что годы пролетѣли
Мгновеньемъ надо мной, оставивъ мнѣ
Воспоминаніе какихъ-то свѣтлыхъ
Временъ, чего-то чуднаго, какой-то

Волшебной жизни. — И мой сонъ
Опять перемѣнился: я увидѣлъ
Себя на берегу рѣки широкой;
Садилось солнце; тихо по водамъ
Суда сіяя плыли, и за ними
Серебряный тянулся слѣдъ; вблизи
Въ кустахъ свѣтился домикъ; на порогѣ
Его дверей хозяйка молодая
Съ младенцемъ спящимъ на рукахъ стояла....
И то была моя жена съ моею
Малюткой дочерью.... и я проснулся;
И милый сонъ мой сталъ блаженной былью.
И нынѣ тихо безъ волненья льется
Потокъ мой уединенной жизни.
Смотря въ лице подруги, данной Богомъ
На освященье сердца моего,
Смотря, какъ спитъ сномъ ангела на лонѣ
У матери младенецъ мой прекрасный,
Я чувствую глубоко тотъ покой,
Котораго такъ жадно здѣсь мы ищемъ,
Не находя нигдѣ; и слышу голосъ,
Земныя всѣ смиряющій тревоги:
Да не смущается твоя душа,
Онъ говоритъ мнѣ, вѣруй въ Бога, вѣруй
Въ меня. Мнѣ было суждено своею
Рукой на двухъ родныхъ, земной судьбиной
Разрозненныхъ могилахъ, тѣ слова
Спасителя святыя написать;
И вотъ теперь, на вечерѣ моемъ,
Рука жены и дочери рука
Еще на легкой жизненной страницѣ
Ихъ пишутъ для меня, дабы потомъ
На гробовой гостепріимный камень
Перенести въ успокоенье скорби,
Въ воспоминаніе земнаго счастья,
Въ вознагражденіе любви земныя
И жизни вѣчныя на упованье.
И въ тихій мой пріютъ, отъ всѣхъ заботъ
Житейскаго живой оградой сада
Отгороженный, другъ минувшихъ лѣтъ,
Поэзія ко мнѣ порой приходитъ
Разсказами досугъ мой веселить.
И живъ въ моей душѣ тотъ свѣтлый образъ,
Который такъ ее очаровалъ
Во время оно.... Часто на краю
Небесъ, когда ужъ солнце сѣло, видимъ
Мы облака; изъ-за пурпурныхъ ярко
Выглядываютъ золотыя, свѣтлымъ
Вершинамъ горъ подобныя: и видитъ
Воображенье тамъ какъ будто область
Инаго міра. Такъ теперь созданьемъ
Мечты, какой-то областью воздушной
Лежитъ вдали минувшее мое;
И мнится мнѣ, что благодатный образъ,
Мной встрѣченный на жизненномъ пути,
По прежнему оттуда мнѣ сіяетъ.
Но онъ ужъ не одинъ, ихъ два, и прежній
Въ коронѣ, а другой въ вѣнкѣ живомъ
Изъ бѣлыхъ розъ, и съ прежнимъ сходенъ онъ
Какъ расцвѣтающій съ расцвѣтшимъ цвѣтомъ;
И на меня онъ свѣтлый взоръ склоняетъ
Съ такою-же привѣтною улыбкой,
Какъ тотъ, когда его во снѣ я встрѣтилъ.
И имя имъ одно. И нынѣ я
Тѣмъ милымъ именемъ послѣдній цвѣтъ,
Поэзіей мнѣ данный, знаменую
Въ воспоминаніе всего, что было
Сокровищемъ тѣхъ свѣтлыхъ жизни лѣтъ,
И что теперь такъ сладостно чаруетъ
Покой моей отвечерѣвшей жизни.

Жуковскій.

(*Наль и Дамаянти*).

---

267. КНЯЗЮ ВЯЗЕМСКОМУ.

Намъ славитъ древность Амфіона:
Отъ струнъ его могущихъ звона
Воздвигся городъ самъ собой.
Правдоподобно, хоть и чудно.
Что древнему поэту трудно?
А нынче?.... Нынче вѣкъ иной.
И въ наши бѣдственныя лѣты
Не только лирами поэты
Не строятъ новыхъ городовъ,
Но сами часто безъ домовъ,
Богатымъ платятъ пѣснопѣньемъ
За скудный уголъ чердака,
И грѣются воображеньемъ
Подлѣ пустаго комелька.

онъ, благоговѣю!
знаюсь, не сожалѣю,
ръ твой: говорить стѣнамъ,
лѣдство не достался намъ.
е говорять сердцамъ
уждать въ нихъ чувства пламень,
живлять бездушный камень
ья лирой громоздить.
обой хочу я говорить,
угъ и братъ по Аполлону;
сь къ знакомой лирѣ звону;
въ насъ пламенѣетъ жаръ;
удѣлъ на свѣтѣ струны,
ли сладкихъ пѣсней даръ
ные дары фортуны.
ай повѣсти моей,
истина безъ украшенья):
астырь, образецъ смиренья;
мыхъ юношескихъ дней
о алтаря служитель,
стой жизнью оправдалъ
, чѣмъ вѣрныхъ умилялъ
истовомъ храмѣ, какъ учитель;
канъ, бѣдныхъ тѣсный міръ
одвиговъ его свидѣтель.
мую добродѣтель
шь тотъ, кто нагъ иль сиръ,
речья былъ униженью,
узнавалъ по облегченью
ыя судьбы своей.
уки были чужды—
ь въ излишнемъ знаньи нужды;—
ѣдкую между людей
остой душѣ носилъ науку:
альцу гибнущему руку
гое время подавать.
лъ онъ гордаго искуства:
итійствомъ поражать
водить въ волненье чувства;
угъ, спроси у сироты:
въ одеждѣ нищеты,
я взоры торопливо,
гоняла передъ нимъ
молвнымъ бѣдствіемъ своимъ,
ли онъ краснорѣчиво
сердце къ жизни оживлять
ь, ей страшный, оживлять
здою на Провидѣнье?
и, умѣлъ-ли въ страшный часъ,
лишь смерти слышенъ гласъ,
Лишь смерти слышно приближенье,
Онъ съ робкой говорить душой,
И, скрывъ предъ нею міръ земной,
Являть предъ нею міръ небесной?
Какъ часто въ уголъ неизвѣстный,
Гдѣ нищій съ гладною семьей
Отъ свѣта и стыда скрывался,
Онъ неожиданный являлся
Съ святымъ даяньемъ богачей,
Растроганныхъ его мольбою!....
Мой милый другъ, его ужъ нѣтъ;
Судьба незапною рукою
Его въ другой умчала свѣтъ,
Не давъ свершить здѣсь полдороги;
Вдовы-жъ наслѣдство: одръ убогій,
На коемъ жизнь окончилъ онъ,
Да пепелъ хижины сгорѣлой,
Да плачъ семьи осиротѣлой....
Скажи, вотще-ль ихъ жалкій стонъ?
О нѣтъ! онъ, землю покидая,
За чадъ своихъ не трепеталъ;
Вѣрнѣй онъ въ часъ послѣдній зналъ,
Что ихъ найдетъ рука святая
Неизмѣняющаго намъ;
Онъ добрымъ завѣщалъ сердцамъ
Сиротъ оставленныхъ спасенье.
Сиротъ въ семействѣ Бога нѣтъ;
Исполнимъ добраго завѣтъ
И оправдаемъ Провидѣнье.

Жуковскій.

---

268. КЪ ВЯЗЕМСКОМУ И ПУШКИНУ.

Друзья! тотъ стихотворецъ—горе,
Въ комъ безъ похвалъ восторга нѣтъ!
Хотѣть, чтобъ насъ хвалилъ весь свѣтъ.
Не то-же-ли, что выпить морс?
Презрѣнью бросимъ тотъ вѣнецъ.
Который всѣмъ дается свѣтомъ!
Иная слава намъ предметомъ,
Иной награды ждетъ пѣвецъ!
На что на Фебовъ даръ священный
Такъ безразсудно клеветать?
Могу-ль повѣрить, чтобъ страдать
Пѣвецъ, отъ Музы вдохновенный,
Былъ долженъ болѣ, чѣмъ глупецъ,
Земли безчувственный жилецъ,
Съ глухой и вялою душою,

Чѣмъ добровольной слѣпотою
Убивший все, чѣмъ красенъ свѣтъ,
Завистникъ генія и славы?
Нѣтъ! жалобы твои неправы,
Другъ Пушкинъ! счастливъ, кто поэтъ!
Его блаженство прямо съ неба;
Онъ имъ не дѣлится съ толпой;
Его судьи лишь чада Феба!
Ему-ли съ пламенной душой
Плоды святаго вдохновенья
Къ ногамъ холоднымъ повергать,
И на колѣнахъ ожидать
Отъ недостойныхъ одобренья!
Одинъ, среди песковъ, Мемнонъ,
Сѣдя съ возвышенной главою,
Молчитъ!—лишь гордою стопою
Касается ко праху онъ!
Но лишь денницы появленье
Вдали востокъ воспламенитъ —
Въ восторгѣ мраморъ пѣснь гласитъ.
Таковъ поэтъ, друзья!—Презрѣнье
Въ пыли таящимся душамъ!
Оставимъ ихъ попрать стопамъ,
А взоры устремимъ къ востоку!
Смотрите—неподвластный року,
И находя въ себѣ самомъ
Покой, и честь, и наслажденья,
Мужъ праведный прямымъ путемъ
Идетъ—и терпитъ-ли гоненья,
Избавленъ-ли отъ нихъ судьбой —
Онъ сходенъ тамъ и тутъ съ собой!
Онъ благъ безъ примѣси не проситъ—
Нѣтъ! въ лучшій міръ онъ переноситъ
Надежды лучшія свои!
Такъ и поэтъ, друзья мои!
Поэзія есть добродѣтель!
Нашъ геній лучшій намъ свидѣтель!
Здѣсь славы чистой не найдемъ —
На чтожъ искать? Перенесемъ
Свои надежды въ міръ потомства!....
Увы! Демитрія творецъ
Не отличилъ простыхъ сердецъ
Отъ хитрыхъ, полныхъ вѣроломства!
Зачѣмъ онъ свой сплетать вѣнецъ
Давалъ завистникамъ съ друзьями?
Пусть дружба нѣжными перстами
Изъ лавровъ сей вѣнецъ свила —
Въ нихъ зависть терніе вплела,
И торжествуетъ! растерзали
Ихъ иглы славное чело. —
Простому сердцу страшно зло:
Пѣвецъ угаснулъ отъ печали!
Ахъ! если-бъ могъ достигнуть гласъ
Участія и удивленья
Къ душѣ, не снесшей оскорбленья,
И усладить ее на часъ!
Чувствительность его сразила!
Чувствительность, которой сила
Моими душу создала —
Пѣвцу погибелью была....
Потомство грозное, отмщенья!
А намъ, друзья, изъ отдаленья
Разсудокъ опытный велитъ
Смотрѣть на сцену, гдѣ гремитъ
Хвала—гулъ шумный и невнятный!
Подалѣ отъ толпы судей!
Пока мы не смѣшались съ ней,
Свобода другъ намъ благодатный!
Мы независимо въ тиши
Уютнаго уединенья,
Богаты ясностью души,
Поемъ для Музъ, для наслажденья,
Для сердца вѣрнаго друзей!
Для насъ всѣ обольщенья славы!
Рука завистниковъ-судей,
Душеубійственной отравы
Въ ея сосудъ не подольетъ,
И злобы крикъ къ намъ не дойдетъ!
Страшись къ той славѣ прикоснуться,
Которою прельщаетъ свѣтъ —
Обвитый розами скелетъ!
Любуйся издали, поэтъ,
Чтобы вблизи не ужаснуться!
Внимай избраннымъ судіямъ:
Ихъ приговоръ зерцало намъ;
Ихъ одобренье намъ награда;
А порицаніе—ограда
Отъ убивающія даръ
Надменной мысли совершенства.
Хвала воспламеняетъ жаръ:
Но намъ не въ ней искать блаженства—
Въ трудѣ!.... О благотворный трудъ,
Души печальныя цѣлитель,
И счастія животворитель!
Что предъ тобой ничтожный судъ
Толпы, въ рѣшеніяхъ пристрастной,
И вѣтреной, и разногласной?
И тотъ-же Карамзинъ друзья,
Разимый злобой, несраженный,
И сладкимъ лишь трудомъ блаженный,

асъ примѣръ и судія!
нте: для одной-ли славы
опрошаетъ у вѣковъ,
были, какъ прешли державы,
амъ подвиги отцовъ
ахѣ древности являетъ?
онъ о славѣ забываетъ
нуту славнаго труда!
еззаботно ждетъ суда
овременниковъ правдивыхъ,
мѣчая и лица
телей несправедливыхъ!
не разорвать вѣнца,
ый взяло дарованье!
лоба—имъ однимъ страданье!
сть и очаруютъ свѣтъ —
счастливый поэтъ,
, будь твердъ! ихъ зданья ломки!
тебя дадутъ отвѣтъ
льстивые потомки.

Жуковскій.

---

269. Д. В. ДАШКОВУ.

й другъ! я видѣлъ море зла
и мстительнаго кары,
ъ неистовыхъ дѣла,
и гибельны пожары;
лъ сонмы богачей,
ихъ въ рубищахъ издранныхъ;
лъ блѣдныхъ матерей,
лой родины изгнанныхъ!
аспутьи видѣлъ ихъ,
къ персямъ чадъ прижавъ груд-
ныхъ,
отчаяньи рыдали,
овымъ трепетомъ взирали
о рдяное кругомъ.
ты съ ужасомъ потомъ
ъ въ Москвѣ опустошенной
развалинъ и могилъ;
ты прахъ ея священной
и скорби омочилъ,
—гдѣ зданья величавы
и древнія Царей,
ели протекшей славы
й славы нашихъ дней;
—гдѣ съ миромъ почивали
и иноковъ святыхъ,
И мимо вѣки протекали,
Святыни не касаясь ихъ,—
И тамъ,—гдѣ роскоши рукою,
Дней мира и трудовъ плоды,
Предъ златоглавою Москвою
Воздвиглись храмы и сады,—
Лишь угли, прахъ и камней горы,
Лишь груды тѣлъ кругомъ рѣки,
Лишь нищихъ блѣдные полки
Вездѣ мои встрѣчали взоры!....
А ты, мой другъ, товарищъ мой,
Велишь мнѣ пѣть любовь и радость,
Безпечность, счастье и покой
И шумную за чашей младость;
Среди военныхъ непогодъ,
При страшномъ заревѣ столицы,
На голосъ мирныя цѣвницы
Сзывать пастушекъ въ хороводъ.
Мнѣ пѣть коварныя забавы
Армидъ и вѣтреныхъ Цирцей
Среди могилъ моихъ друзей
Утраченныхъ на полѣ славы!....
Нѣтъ, нѣтъ, талантъ погибни мой
И лира, дружбѣ драгоцѣнна,
Когда ты будешь мной забвенна,
Москва, отчизны край златой.
Нѣтъ, нѣтъ! пока на полѣ чести
За древній градъ моихъ отцовъ
Не понесу я въ жертву мести
И жизнь и къ родинѣ любовь;
Пока съ израненнымъ героемъ,
Кому извѣстенъ къ славѣ путь,
Три раза не поставлю грудь
Передъ враговъ сомкнутымъ строемъ,—
Мой другъ, дотолѣ будутъ мнѣ
Всѣ чужды Музы и Хариты,
Вѣнки, рукой любови свиты,
И радость шумная въ винѣ!

Батюшковъ.

---

270. КЪ И. М. М. А.

Ты правъ, любимецъ Музъ, отъ первыхъ впечатлѣній,
Отъ первыхъ, свѣжихъ чувствъ заемлетъ силу геній
И имъ въ теченьи дней своихъ не измѣнитъ!
Кто бъ ни былъ: витія, иль пламенный пѣвецъ,

Свѣтильникъ мудрости, науки обладатель,
Иль кистью естества нѣмаго подражатель,
Наперсникъ Музъ, позналъ отъ колыбельныхъ дней,
Что долженъ быть жрецомъ Парнасскихъ алтарей.
Младенецъ счастливый, уже любимецъ Феба,
Онъ съ жадностью взиралъ на свѣтъ лазурный неба,
На зелень, на цвѣты, на зыбку сѣнь древесъ,
На воды быстрыя и полный мрака лѣсъ.
Онъ, къ лону матери приникнувъ, улыбался,
Когда веселый май цвѣтами убирался
И жавронокъ вился надъ зеленью полей.
Златая ль радуга, пророчица дождей,
Весь сводъ лазоревый подернетъ облистаньемъ?
Ее привѣтствовалъ невнятнымъ лепетаньемъ,
Ее манилъ младенческой рукой.
Что видѣлъ въ юности, предъ хижиной родной,
Что видѣлъ, чувствовалъ, какъ новый міра житель,
Того въ душѣ своей до позднихъ дней хранитель,
Желаетъ въ пѣсняхъ Музъ потомству передать.
Мы видимъ первыхъ чувствъ волшебную печать
Въ твореньяхъ генія, испытанныхъ вѣками.
Изъ мѣстъ, гдѣ Мантуа красуется лугами
И Минцій въ камышахъ недвижимый стоитъ,
Отъ милыхъ Ларъ своихъ отторженный пінтъ,
Въ чертоги Августа судьбой перенесенный,
Жалѣлъ о васъ, ручьи отчизны незабвенной,
О древней хижинѣ, гдѣ юность провождалъ;
И Титира свирѣль потомству передалъ.

Но тамъ-ли, гдѣ всегда роскошная при
. . . . . рода
И раскаленный Фебъ съ безоблачнаг
свода
Обилiемъ поля роскошныя дарятъ,
Таланта колыбель и область Піериды
Нѣтъ, нѣтъ! и въ сѣверѣ любимецъ их
не дремлетъ,
Но гласу громкому самой природы внем
летъ,
Свершая славный путь, предписанны
судьбой.
Природы ужасы, стихій враждебныхъ
бой,
Ревущіе со скалъ угрюмыхъ водопады
Пустыни снѣжныя, льдовъ вѣчныя гро
мады,
Иль моря шумнаго необозримый видъ
Все, все возноситъ умъ, все сердцу
говоритъ,
Краснорѣчивыми, но тайными словами
И огнь поэзіи питаетъ между нами.
Близь Колы пасмурной, средь дикихъ
рыбарей
Въ трудахъ воспитанный, уже отъ
юныхъ дней
Нашъ Пиндаръ чувствовалъ сей пла
мень потаенный,
Сей огнь зиждительный, даръ Бог
драгоцѣнный,
Отъ юности въ душѣ Небеснаго залогъ
Которымъ Фебовъ жрецъ исполненъ
какъ пророкъ.
Онъ сладко трепеталъ, когда скво
мракъ тумана
Стремился по зыбямъ холоднымъ океа
Къ необитаемымъ, безплоднымъ остро
вамъ,
И мрежи разстилалъ по новымъ бер
гамъ.
Я вижу мысленно, какъ отрокъ вдохн
венной
Стоитъ въ безмолвіи надъ бездной раз
яренной
Среди мечтанія и первыхъ сладки
думъ,
Прислушивая волнъ однообразны
шумъ....
Лице горитъ его, грудь тягостно вздо
хаетъ,

кая слеза ланиту орошаетъ,—
извѣстная таланту одному!
ѣ божественной любимцу своему,
а! ты не разъ на сѣверѣ являлась,
аменной душѣ навѣки начерта-
лась.
енный всегда видѣньемъ первыхъ
лѣтъ,
асто воспѣвалъ восторженный
поэтъ
щій хладный блескъ полуночной
авроры,
ныя въ моряхъ носимы вѣтромъ
горы,
, спящую средь звонкихъ камы-
шей,
ь, чудесный день, безъ ночи, безъ
зарей!»
ымиръ сѣвера, въ жилищѣ шум-
ной славы,
инъ камскія воспоминалъ дубравы,
ы сладкій дымъ и древній градъ
отцовъ.
ны пажити при-волжскихъ бере-
говъ
часто Дмитріевъ, расторгнувъ
свѣтски узы,
шасъ по слѣдамъ своей счастливой Музы—
истой, какъ струи царицы свѣтлыхъ водъ,
съ въ первый разъ зрѣлъ солнечный восходъ
Сибирскаго Пизарра вдохновенный....
ѣбомъ нѣжною душею одаренный,
гъ юности до сребряныхъ власовъ
въ памяти страну своихъ отцовъ.
енномъ пути ему даруетъ геній
аемый источникъ наслажденій
ьну счастія и скудныхъ міра
благъ:
Муза тайная живетъ во всѣхъ
мѣстахъ,
ѣ дивный міръ любимцу созидаетъ.
Пускай свирѣпый рокъ по волѣ имъ
играетъ!
Пускай незнаемый, безъ злата и честей,
Съ главой поникшею онъ бродитъ межъ
людей;
Пускай, фортуною отъ дѣтства удосто-
енъ,
Онъ будетъ судія, министръ, иль въ
полѣ воинъ:
Но Музамъ и себѣ нигдѣ не измѣнитъ;
Въ самомъ молчаніи онъ будетъ все
пѣтъ.
Въ самомъ бездѣйствіи онъ съ дѣятель-
нымъ духомъ,
Все сильно чувствуетъ, все ловитъ взо-
ромъ, слухомъ,
Всѣмъ наслаждается, и всюду, нако-
нецъ,
Готовитъ Фебу дань его грядущій жрецъ.

Батюшковъ.

---

271. КЪ П. А. ПЛ—ВУ.

ОТВѢТЪ НА ЕГО ПОСЛАНІЕ.

(Отрывокъ).

Мой другъ! себѣ не довѣрять —
Приметъ скромная питомца Музъ млада-
го.
Такъ юные орлы, съ гнѣзда слетѣвъ
роднаго,
Полета къ солнцу вдругъ не смѣютъ
испытать;
Парятъ, но по слѣдамъ отцовъ широко-
крылыхъ.
Могучихъ геніевъ дерзая по слѣдамъ,
Ввѣрялся ты младымъ еще крилamъ;
Но въ трудныхъ опытахъ не посты-
дилъ ихъ силы.
На что жъ ты одаренъ сей силой не-
земной?
Чтобъ смѣлое внушать другимъ лишь
помышленье?
Чтобъ пѣть великихъ душъ побѣды
надъ судьбой?
А первому блѣднѣть подъ первою гро-
зой
И дать въ пѣвцѣ узрѣть души его па-
денье?....

Мужайся, другъ! себя бѣдами не страши,
Воюй съ враждебною судьбою;
И не унизить ей возвышенной души,
И року торжества не видѣть надъ тобою!
Гордись, пѣвецъ! высокъ пѣвцовъ удѣлъ!
Земная власть его не дастъ и не отниметъ.
Богатство, знатность, честь — могила имъ предѣлъ,
Но дара Божія мракъ гроба не обниметъ.
Богачъ, склоняй чело предъ Фебовымъ жрецомъ:
Онъ имя смертное твое увѣковѣчитъ,
И въ мракѣ гробовомъ
Онъ дань тебѣ потомства обезпечитъ.—
Что былъ-бы гордый Меценатъ
Безъ пѣсней Флакка и Марона?—
Въ могилу брошенный изъ золотыхъ палатъ,
Безславный бы рыдалъ, бродя у Ахерона.
Рыдалъ бы онъ, какъ бѣдный дровосѣкъ,
Который весь свой темный вѣкъ
Подъ шалашемъ свое оплакиваетъ бѣдство,
Печальное отцевъ наслѣдство!
И ты, богини сынъ, и ты, Пелидъ герой!
Лежалъ бы подъ землей нѣмой,
Какъ смертный безъименный,
И вѣки-бъ долгіе забвенія считалъ,
Когда бъ пророкъ Хіоса вдохновенный
Безсмертіемъ тебя не увѣнчалъ. —
Отъ Музъ и честь и слава земнородным;
Гордись, питомецъ Музъ, удѣломъ превосходнымъ!
Но если геній твой,
Разочарованный и небомъ нашимъ хладнымъ
И хладомъ душъ, не съ тѣмъ ужъ духомъ, славы жаднымъ,
Глядитъ на путь прекрасный свой,
Невольно унываетъ
И крылья опускаетъ,
Убійственнымъ сомнѣньемъ омраченъ,
Не тщетно ли вступилъ на путь опасный онъ?
Не тщетно ли себя ласкалъ въ
по
И молча ждетъ нельстиваго от
Мой другъ, не отъ толпы и гр
слѣ
Владыка лиры вдохновенно
Услышитъ судъ прямой
И голосъ истины священн
И не всегда его услышитъ отъ д
Слѣпые мы рабы слѣпыхъ своихъ
с
Пристрастенъ, другъ, и я къ с
друзей — поэт
Прощаю грѣшный стихъ за сло
души
Счастливъ, кто самъ, страстей
въ т
Пристрастье дружескихъ почувс
совѣт
Самъ поэтическихъ судья грѣхо
Мараетъ часто онъ хваленый д
ст
О! есть, мой другъ, и опытъ убѣ
Есть внутренній у насъ,
Не всѣми слышимый, минутный
гл
Какъ вѣрно онъ хулитъ, какъ
одобр
Онъ совѣсть генія, таланта су
Счастливъ, кто голосъ сей безс
поним
Счастливъ Димитріевъ! что
А
Въ стихахъ превозносили
То чувства строгія поэта осуд
Любимцемъ Музъ увѣрен
Что наша совѣсть намъ есть
суді
Довѣренность къ друзьямъ, но
пая

Гнѣ

(*) И. И. Дмитріевъ многія цѣл
уничтожилъ въ послѣднемъ изд
ихъ стихотвореній.

272. И. А. КРЫЛОВУ,

глашавшему меня ѣхать съ
имъ въ чужіе краи въ 1821 г.

Надежды юности, о милыя мечты,
тщетно васъ въ груди младой ле-
лѣялъ!
не сбылись! какъ лѣтніе цвѣты
Осенній вѣтеръ васъ развѣялъ!
ершенъ предѣлъ моихъ цвѣтущихъ
лѣтъ!
Нѣтъ болѣе очарованій!
Гляжу на тотъ-же свѣтъ:
ша моя безъ чувствъ, и сердце безъ
желаній!
да-жъ, о другъ, летѣть, и гдѣ опять
найти,
о годы съ юностью у сердца похи-
щаютъ?
ланья пылкія, крылатыя мечты,
весною дней умчась — назадъ не
прилетаютъ. —
Другъ, ни за тридевять земель
Вновь не найти весны сердечной.
Ни ты, ни я — не Аріель (*),
ира легкій сынъ, весны любимецъ
вѣчной.
ъ неизбѣжнаго удѣла для живыхъ
Онъ на землѣ одинъ уходитъ;
Утраченныхъ, летучихъ благъ зем-
ныхъ,
Счастливецъ, онъ замѣну вновь на-
ходитъ.
лъ прекраснѣйшій судьба ему дала,
Завидное существованье!
Какъ златокрылая пчела,
ужится Аріель весны въ благо-
уханьѣ:
Онъ пьетъ амврозію цвѣтовъ,
Перловыя Авроры слезы;
Онъ въ зной полуденныхъ часовъ
льнетъ и спитъ на лонѣ юной ро-
зы. —
лишь приблизится ночей осенних
тьма,
Но лишь дохнетъ суровая зима,
Онъ съ первой ласточкой за лѣтомъ
улетаетъ;
Садится радостный на крылышко ея,
Летитъ онъ въ новые, счастливые края,
Весну, цвѣты и жизнь — все новымъ
замѣняетъ.
О, какъ его судьба завидна мнѣ!
Но намъ ее въ какой искать странѣ?
Въ какой землѣ найти утраченную мла-
дость?
Гдѣ жизнію мы снова расцвѣтемъ?
О другъ, отцвѣтшихъ дней послѣднюю
мы радость
Погубимъ, можетъ быть, въ краю
чужомъ.
За счастіемъ бѣжа подъ небо мы чужое,
Бросаемъ дома то, чему замѣны нѣтъ:
Святую дружбу, жизни лучшій цвѣтъ,
И счастье душъ прямое.

Гнѣдичъ.

(*) Маленькій воздушный геній.

273. СТАНСЫ.

Въ надеждѣ славы и добра
Гляжу впередъ я безъ боязни;
Начало славныхъ дней Петра
Мрачили мятежи и казни.
Но правдой Онъ привлекъ сердца,
Но нравы укротилъ наукой,
И былъ отъ буйнаго стрѣльца
Предъ Нимъ отличенъ Долгорукой.
Самодержавною рукой
Онъ смѣло сѣялъ просвѣщенье,
Не презиралъ страны родной:
Онъ зналъ ея предназначенье.
То академикъ, то герой,
То мореплаватель, то плотникъ,
Онъ всеобъемлющей душей
На тронѣ вѣчный былъ работникъ.
Семейнымъ сходствомъ будь же
гордъ,
Во всемъ будь пращуру подобенъ:
Какъ Онъ, неутомимъ и твердъ,
И памятью, какъ Онъ, незлобенъ.

А. Пушкинъ.

274. ЖУКОВСКОМУ.

Когда къ мечтательному міру
Стремясь возвышенной душой,
Ты держишь на колѣнахъ лиру
Нетерпѣливою рукой;
Когда смѣняются видѣнья
Передъ тобой въ волшебной мглѣ,
И быстрый холодъ вдохновенья
Власы подъемлетъ на челѣ:
Ты правъ, творишь ты для немногихъ,
Не для завистливыхъ судей,
Не для сбирателей убогихъ
Чужихъ сужденій и вѣстей,
Но для друзей таланта строгихъ,
Священной истины друзей.
Не всякаго полюбитъ счастье,
Не всѣ родились для вѣнцовъ:
Блаженъ, кто знаетъ сладострастье
Высокихъ мыслей и стиховъ,
Кто наслажденіе прекраснымъ
Въ прекрасный получилъ удѣлъ
И твой восторгъ уразумѣлъ
Восторгомъ пламеннымъ и яснымъ!

А. Пушкинъ.

275. КОЗЛОВУ

Пѣвецъ, когда передъ тобой
Во мглѣ сокрылся міръ земной,
Мгновенно твой проснулся геній,
На все минувшее воззрѣлъ,
И въ хорѣ свѣтлыхъ привидѣній
Онъ пѣсни дивныя запѣлъ.
О милый братъ, какіе звуки!
Въ слезахъ восторга внемлю имъ;
Чудеснымъ пѣніемъ своимъ
Онъ усыпилъ земныя муки.
Тебѣ онъ создалъ новый міръ;
Ты въ немъ и видишь, и летаешь,
И вновь живешь и обнимаешь
Разбитый юности кумиръ.
А я, коль стихъ единый мой
Тебѣ мгновенье далъ отрады,
Я не хочу другой награды;
Недаромъ темною стезей
Я проходилъ пустыню міра;
О нѣтъ, не даромъ жизнь и лира
Мнѣ были ввѣрены судьбой!

А. Пушкинъ.

276. Въ часы забавъ иль праздной скуки.

Въ часы забавъ иль праздной
Бывало, лирѣ я моей
Ввѣрялъ изнѣженные звуки
Безумства, лѣни и страстей.
Но и тогда струны лукавой
Невольно звонъ я прерывалъ,
Когда твой голосъ величавой
Меня внезапно поражалъ.
Я лилъ потоки слезъ нежданны
И ранамъ совѣсти моей
Твоихъ рѣчей благоуханныхъ
Отраденъ чистый былъ елей.
И нынѣ съ высоты духовной
Мнѣ руку простираешь ты,
И силой кроткой и любовной
Смиряешь буйныя мечты.
Твоимъ огнемъ душа палима,
Отвергла мракъ земныхъ суетъ,
И внемлетъ арфѣ серафима
Въ священномъ ужасѣ поэтъ.

А. Пуш

277. АНОНИМУ.

О, кто бы ни былъ ты, чье лас
пѣ
Привѣтствуетъ мое къ блаженств
рожде
Чья скрытая рука мнѣ крѣпко
жме
Указываетъ путь и посохъ подае
О, кто-бы ни былъ ты: стари
вдохновени
Иль юности моей товарищъ отдале
Иль отрокъ, музами таинственно
ни
Иль пола кроткаго стыдливый херу
Благодарю тебя душею умиленно
Вниманья слабаго предметъ уедине
Къ доброжелательству досель я не
выкт
И страненъ мнѣ его привѣтливый я
Смѣшонъ, участія кто требуетъ у с
Холодная толпа взираетъ на поэт
Какъ на заѣзжаго фигляра; если

ько выразитъ сердечный, тяжкій
стонъ,
страданный стихъ, пронзительно
унылой,
итъ по сердцамъ съ невѣдомою си-
лой—
ъ ладони бьетъ и хвалитъ, иль
порой
агосклонною киваетъ головой.
агнетъ-ли пѣвца незапное вол-
неньe,
га скорбная, изгнанье, заточенье—
ь лучше,» говорятъ любители ис-
кусствъ:
ь лучше! наберетъ онъ новыхъ
думъ и чувствъ
имъ ихъ передастъ.» Но счастіе
поэта
нии не найдетъ сердечнаго при-
вѣта,
боязненно безмолвствуетъ оно....

А. Пушкинъ.

---

278. ИМПЕРАТРИЦѢ ЕКСАНДРѢ ѲЕОДОРОВНѢ.

адежда и любовь полуночнаго края,
да древняго Царица молодая,
дь, хранимая Всевышняго рукой,
енства Русскаго прекрасною звѣз-
дой!
звѣстный я пѣвецъ, забвенный жи-
тель міра;
вамъ и полямъ моя играетъ лира,
мчиво поетъ мечты минувшихъ дней,
вы бурные и тайный пылъ стра-
стей:
ну ли я цвѣтокъ убогій и сми-
ренной,
уга нѣжная Владыки полвселенной,
ну-ль тебѣ принесть? Кипитъ вос-
торгъ живой....
руны робкія нѣмѣютъ предъ Тобой.
анъ блистательный, не почести
земныя,
ѳобродѣтели нетлѣнныя, святыя
яютъ духъ пѣвца. Твоя Всещедрый
Богъ
Россіи подарилъ; Ты радости залогъ
И чувствъ возвышенныхъ пылающей
душою,
И сердца нѣжныхъ думъ небесной чи-
стотою.
Порукой прочною блаженства на земли
Святая благодать семейственной любви:
Блаженъ народъ, когда всѣмъ прави-
ламъ священнымъ,
Всѣмъ кроткимъ должностямъ, отъ вѣ-
ка неизмѣннымъ,
Творящимъ жизни путь вѣрнѣе и свѣт-
лѣй,
Онъ видитъ образецъ въ душѣ своихъ
Царей!
О часъ, прекрасный часъ надеждъ оча-
рованья,
Когда, священнаго полна воспоминанья,
Ты въ тайный тотъ чертогъ незримая
спѣшишь,
Гдѣ образъ матери такъ набожно хра-
нишь,
И, тихо мрамора касаяся устами,
Вѣнчаешь хладный ликъ душистыми
цвѣтами.
Безцѣнная слеза дрожитъ въ Твоихъ
очахъ,
А незабвенная ликуетъ въ небесахъ!
Но знай, ужъ небеса Твоя благосло-
вили;
Четыре Ангела Тебѣ ужъ возвѣстили
Награду чистую: любовь и благодать;
И набожная дочь—счастливая Ты мать.
Плѣнителенъ, какъ Ты, и пышно рас-
цвѣтая,
Усердныхъ Россіянъ надежда дорогая,
Порфирородный Сынъ блистаетъ предъ
Тобой
На все прекрасное готовою душой;
Имъ чувство новое Твой жребій оза-
рило,
Предметъ святыхъ заботъ, забавъ това-
рищъ милой,
Онъ радость свѣтлая Твоихъ невинныхъ
дней....
Дерзну-ль я лирою нескромною моей
Твоѣ напомянуть о тѣхъ минутахъ яс-
ныхъ,
Когда Ты вмѣстѣ съ Нимъ, въ тѣни
садовъ прекрасныхъ,

Гуляешь, говоришь, и въ юный гибкій умъ
Вливаешь доброту и жаръ высокихъ думъ!—
Иль, въ часъ Его забавъ, вечернею порою,
Какъ волны звучныя Онъ дѣтскою рукою
Стремится разсѣкать сверкающимъ веслом
И пѣна бѣлая кипитъ подъ челнокомъ,
Ты — спутница Его, и вдоль береговъ тѣнистыхъ
Одна по зеркальной равнинѣ водъ серебристыхъ
Въ томъ легкомъ челнокѣ летаешь вмѣстѣ съ Нимъ:
Прелестенъ Онъ Тобой, а Ты прелестна Имъ.
И я не зрѣлъ Его!.... И, жертва мрачной ночи,
Мои потухшія, увы, не видятъ очи
Священной красоты Царицы молодой,
Ни Русскаго Царя, любви земли родной,
Чей первый царства день былъ днемъ безсмертной славы,
Спасеньемъ алтарей, Россіи и Державы,
Кто съ Братомъ доблестнымъ примѣръ величья далъ,
Какого міръ земной не зрѣлъ и не слыхалъ!
Но сердца моего восторгъ и умиленье
Возносятъ ко Творцу усердное моленье,
Да свѣтлая печать Любви Его Святой
Пребудетъ навсегда надъ Нимъ и надъ Тобой!
Да солнце радости блестящими лучами
Надъ Русскою землей, надъ Русскими морями
Взыграетъ навсегда,—и миръ и тишину
Прольетъ съ высотъ небесъ на вѣрную страну,
Да Вышній осѣнитъ Державу Николая,
И солнце вѣчное, вселенну обтекая,
Не узритъ ничего счастливѣе, славнѣй
Его высокихъ дѣлъ, Твоихъ прекрасныхъ дней!

И. Козловъ.

---

279. ЖЕНѢ.

Прекрасный другъ минувшихъ, свѣтлыхъ дней,
Надежный другъ дней мрачныхъ и тяжелыхъ,
Вина всѣхъ думъ и грустныхъ, и веселыхъ,
Моя жена и мать моихъ дѣтей!
Вотъ пѣснь моя (*), которой звукъ унылой,
Бывало, въ часъ безсонницы ночной,
Какою-то невидимою силой
Меня плѣнялъ и духъ тревожилъ мой!
О, сколько разъ я плакалъ надъ струнами,
Когда я пѣлъ страданье Чернеца,
И скорбь души, обманутой мечтами,
И пылъ страстей, волнующихъ сердца!
Моя душа сжилась съ его душою:
Я съ нимъ бродилъ во тмѣ чужихъ лѣсовъ;
Съ его родныхъ днѣпровскихъ береговъ
Мнѣ вѣяло знакомою тоскою.
Быть можетъ, мнѣ такъ сладко не мечтать;
Быть можетъ, мнѣ такъ стройно не пѣвать!
Какъ мой Чернецъ, всѣ страсти молодыя
Въ груди моей давно я схоронилъ;
И я, какъ онъ, всѣ радости земныя
Небесною надеждой замѣнилъ.
Не зрѣть мнѣ дня съ зарями золотыми,
Ни розъ весны, ни сердцу милыхъ лицъ!
И въ цвѣтѣ лѣтъ ужъ я между живыми
Тѣнь хладная безчувственныхъ гробницъ.
Но я стремлю, встревоженъ тяжкой мглою,
Мятежный рой сердечныхъ думъ моихъ
На двухъ дѣтей, взлелѣянныхъ тобою,
И на тебя, почти милѣй мнѣ ихъ.
Я въ васъ живу, — и сладко мнѣ мечтанье!
Всегда со мной мое очарованье.
Такъ въ темну ночь цвѣтокъ, краса полей,
Свой запахъ льетъ, незримый для очей.

И. Козловъ.

(*) Чернецъ.

О. А. ПУШКИНУ.

акъ лебедь цвѣтущей Авзоніи,
ый и миртомъ и лаврами,
ночью при хорѣ порхающихъ,
ихъ грезахъ отвился отъ ма-
тери:
въ совѣтахъ не мудрствуетъ;
на стѣны
нныхъ знамена не вѣшаетъ;
кормами судовъ непріятель-
скихъ
краситъ предъ храмомъ Аре-
евымъ;
ъ, съ несчетнымъ богатствомъ
Америки,
нъ золотомъ, купленнымъ кро-
вію,
щаетъ двукраты экватора
о кораблями бѣгущими.
младенчества онъ обучается
ть красоты поднебесныя,
ы его отъ привѣтствія
ной толпы горятъ пламенемъ.
лада туманное облако
етъ отъ взоровъ—и въ юности
ъ видитъ священную истину
къ, изъ подлобья взирающій!
инъ! Онъ и въ лѣсахъ не
укроется;
идастъ его громкимъ пѣніемъ,
мертныхъ восхититъ безсмерт-
наго
нъ на Олимпъ торжествующій.

Дельвигъ.

---

281. Р—НУ.

лодъ, другъ мой, въ цвѣтѣ лѣтъ,
вѣдалъ жизни море,
меня ужъ тайны нѣтъ
ылкой радости, ни въ горѣ.
тѣшился мечтой,
мъ небеснымъ слѣпо вѣрилъ,
нъ безбрежный мѣрилъ
утлою ладьей.
менной радостью, бывало,
ъ я, какъ мой смѣлый челнъ
лъ слѣдъ свой въ безднѣ волнъ.
Меня пучина не пугала:
«Чего страшиться?» думалъ я,
«Бывало-ль зеркало такъ ясно,
«Какъ зыбь морей?» Такъ думалъ я,
И гордо плылъ, забывъ края.
И что-жъ скрывалось подъ волною?
О камень грянулъ я ладьею,
И въ дребезги моя ладья!
Обманутъ рокомъ и мечтою,
Я проклялъ жребій и мечты....
Но издали манилъ мнѣ ты,
Какъ брегъ призывный улыбался,
Тебя съ восторгомъ я обнялъ,
Повѣрилъ снова наслажденьямъ,
И съ хладной жизнью сочеталъ
Души горячей сновидѣнья.

Веневитиновъ.

---

282. ЛЮБИТЕЛЮ МУЗЫКИ.

Молю тебя, не мучь меня:
Твой шумъ, твои рукоплесканья,
Языкъ притворнаго огня,
Безсмысленныя восклицанья
Противны, ненавистны мнѣ.
Повѣрь, привычки рабъ холодный,
Не такъ, не такъ восторгъ свободный
Горитъ въ сердечной глубинѣ.
Когда-бъ ты зналъ, что эти звуки,
Когда-бы тайный ихъ языкъ
Ты чувствомъ пламеннымъ проникъ,
Повѣрь, уста твои и руки
Сковались-бы, какъ въ часъ святой,
Благоговѣйной тишиной.
Тогда-бъ ты не желалъ блеснуть
Личиной страсти принужденной,
Но ты-бъ въ углу, уединенной,
Таилъ вселюбящую грудь:
Тебѣ-бы люди были братья,
Ты-бъ втайнѣ слезы проливалъ
И къ нимъ горячія объятья,
Какъ другъ вселенной, простиралъ.

Веневитиновъ.

---

283. А. С. ПУШКИНУ.

Я не сержусь на ѣдкій твой упрекъ;
На немъ печать твоей открытой силы;
И, можетъ быть, взыскательный урокъ

Ослабшія мои возбудитъ крылы.
Твой гордый гнѣвъ, скажу безъ лишнихъ словъ,
Утѣшнѣе хвалы простонародной:
Я узнаю судью моихъ стиховъ,
А не льстеца съ улыбкою холодной.
Притворство прочь. На поприщѣ моемъ
Я не свершилъ достойное поэта:
Но мысль моя божественнымъ огнемъ
Въ минуты думъ не разъ была согрѣта.
Въ набросанныхъ съ небрежностью стихахъ
Ты не ищи любимыхъ мной созданій:
Они живутъ въ несказанныхъ мечтахъ;
Я ихъ храню въ толпѣ моихъ желаній.
Не вырвешь вдругъ изъ сердца вонъ заботъ,
Снѣдающихъ бездѣйственные годы;
Не упредишь судьбы могущей ходъ.
На мнѣ лежитъ властительная цѣпь
Суровыхъ нуждъ, желаній безнадежныхъ,
Я прохожу уныло жизни степь,
И радуюсь средь радостей ничтожныхъ.
Такъ выростетъ случайно дикій цвѣтъ
Подъ сумракомъ безсолнечной дубровы
И, теплотой отрадной не согрѣтъ,
Не распустясь, свой листъ роняетъ новый.
Минетъ-ли срокъ изнеможенья силъ?
Минетъ-ли срокъ заботъ моихъ унылыхъ?
Съ какимъ-бы я веселіемъ вступилъ
На путь трудовъ, для сердца вѣчно милыхъ!
Всю жизнь мою я имъ-бы отдалъ въ даръ;
Я обнялъ-бы мелькнувшія мнѣ тѣни,
Ихъ оживилъ, въ нихъ пролилъ бы мой жаръ,
И кончилъ дни средь чистыхъ наслажденій.
Но жизни цѣпь (ты хладно скажешь мнѣ)
Презрительна для гордаго поэта:
Онъ духомъ царь въ забвенной сторонѣ:
Онъ сердцемъ мужъ въ младенческія лѣта.
Я-бъ думалъ такъ: но пренеси меня
Въ тотъ край, гдѣ все живетъ одушевленьемъ;
Гдѣ мыслію, исполненной огня,
Всѣ дѣлятся, какъ лучшимъ наслажденьемъ;
Гдѣ вѣрный вкусъ торжественно взялъ власть
Надъ мнѣніемъ невѣжества и лести;
Гдѣ передъ нимъ молчитъ слѣпая страсть,
И даръ одинъ идетъ дорогой чести!
Тамъ рубище и хижина пѣвца
Безцѣннѣе вельможескаго злата:
Тамъ изъ оковъ для славнаго вѣнца
Зовутъ во храмъ гонимаго Торквата.
Еще-бы я въ душѣ безчувственъ былъ
Къ ничтожному невѣжества презрѣнью,
Когда-бъ вполнѣ съ друзьями Музъ дѣлилъ
И жребій мой и жажду къ пѣснопѣнью.
Но я вотще стремлюся къ нимъ душой;
Напрасно жду сердечнаго участья:
Вдали отъ нихъ поставленъ я судьбой
И волею враждебнаго мнѣ счастья.
Межъ тѣмъ, какъ въ слѣдъ за днемъ проходитъ день,
Мой трудъ на нихъ слѣдовъ не налагаетъ
И медленно съ ступени на ступень
Въ безсиліи мой даръ переступаетъ.
Невольникъ думъ, невольникъ гордыхъ Музъ,
И страстію объятый неразлучной,
Я-бъ утомилъ взыскательный ихъ вкусъ
Бесѣдою довѣрчивости скучной.
Къ кому придти отъ жизни отдохнуть,
Оправиться среди дороги зыбкой,
Безъ робости вокругъ себя взглянуть
И передать съ надежною улыбкой
Простую пѣснь, первоначальный звукъ
Младой души, согрѣтой первымъ чувствомъ,
И по струнамъ движенье робкихъ рукъ
Не правимыхъ довѣрчивымъ искусствомъ?
Кому сказать: «искуства въ общій кругъ

«Какъ братья въ насъ на-вѣкъ соединили;
«Другъ съ другомъ мы и трудъ свой,
и досугъ,
«И жребій нашъ съ любовію дѣлили;
«Ихъ счастіемъ я счастливъ былъ равно;
«Въ моей тоскѣ я видѣлъ ихъ унылыхъ;
«Мнѣ въ славѣ ихъ участіе дано;
«Я буду жить безсмертіемъ мнѣ милыхъ?»

Напрасно жду. Съ любовію моей
Къ поэзіи, въ душѣ съ тоской глубок
Быть можетъ, я подъ бурей грозны
дней
Склонюсь къ землѣ, какъ тополь о
покой.

Пластеев

Г. САТИРА.

284. ЧУЖОЙ ТОЛКЪ.

«Что за диковинка? лѣтъ двадцать ужъ
прошло,
Какъ мы, напрягши умъ, наморщивши
чело,
Со всеусердіемъ все оды пишемъ, пишемъ,
А ни себѣ, ни имъ похвалъ нигдѣ не
слышимъ!
Уже-ли выдалъ Фебъ свой именной
указъ,
Чтобъ не дерзалъ никто надѣяться изъ
насъ
Быть Флакку, Рамлеру и ихъ собратьи
равнымъ,
И столько жъ, какъ они, во пѣснопѣньи
славнымъ?
Какъ думаешь?.... Вчера случилось мнѣ
сличать
И ихъ и нашу пѣснь? въ ихъ.... нечего
читать;
Листочекъ, много трп, а любо, какъ чи-
таешь —
Не знаю, какъ-то самъ какъ будто-бы
летаешь!
Судя по краткости, увѣренъ, что они
Писали ихъ рѣзвясь, а не четыре дни;
То какъ-бы намъ не быть еще и ихъ
счастливѣй,
Когда мы во сто разъ прилежнѣй, терпѣ-
ливѣй?
Вѣдь нашъ начнетъ писать, то всѣ за-
бавы прочь:
Надъ парою стиховъ просиживаетъ
ночь,
Потѣетъ, думаетъ, чертитъ и жжетъ б
магу;
И иногда беретъ такую онъ отвагу
Что цѣлый годъ сидитъ надъ одою с
ной!
И подлинно ужъ весь приложитъ р
зумъ свой!
Ужъ прямо самая торжественная о
Я не могу сказать, какого это рода
Но очень полная, иная въ двѣ
строфъ!
Судите-жъ, сколько тутъ хороши
есть стишковъ!
Къ тому-жъ и въ правилахъ: спер
прочтешь вступленье,
Тутъ предложеніе, а тамъ и закл
ченье —
Точь въ точь, какъ говорятъ учены
церквамъ!
Со всѣмъ тѣмъ нѣтъ читать охоты, в
жу самъ.
Возьму-ли, напримѣръ, я оды на
бѣды,
Какъ покорили Крымъ, какъ въ мо
гибли Шведы:
Всѣ тутъ подробности сраженья
хожу,
Гдѣ было, какъ, когда, короче я ска
Въ стихахъ реляція! прекрасно!...
зѣваю!
Я, бросивши ее, другую раскрыва
На праздникъ, иль на что подобное то
Тутъ найдешь то, чегобъ нехитро
уму
Не выдумать и ввѣкъ: зари багря
персты,

И райскій кринъ, и Фебъ, и небеса отверсты!
Такъ громко, высоко!.... а нѣтъ, не веселитъ,
И сердца, такъ сказать, ничуть не шевелитъ!»
Такъ дѣдовскихъ временъ съ любезной простотою
Вчера одинъ старикъ бесѣдовалъ со мною.
Я, будучи и самъ товарищъ тѣхъ пѣвцовъ,
Которыхъ дѣйствію дивился онъ стиховъ,
Смутился, и не зналъ, какъ отвѣчать мнѣ должно;
Но къ счастью — ежели назвать то счастьемъ можно,
Чтобъ слышать и себѣ ужасный приговоръ —
Какой-то Аристархъ съ нимъ началъ разговоръ:
«На это, онъ сказалъ, есть многія причины:
Не обѣщаюсь ихъ открыть и половины,
А нѣкоторыя вамъ охотно объявлю.
Я самъ языкъ боговъ, поэзію люблю,
И нашей, какъ и вы, утѣшенъ такъ мало;
Однакожъ, здѣсь въ Москвѣ, толкался я бывало
Межъ нашихъ Пиндаровъ, и всѣхъ ихъ замѣчалъ:
Большая часть изъ нихъ лейбъ-гвардіи капралъ,
Ассессоръ, офицеръ, какой-нибудь подъячій,
Иль изъ кунсткамеры антикъ въ пыли ходячій,
Уродовъ стражъ — народъ все нужный, должностной;
Такъ часто я видалъ, что истинно иной
Въ два, въ три дни рюму лишь прибрать едва успѣетъ,
За тѣмъ что въ хлопотахъ досуга не имѣетъ.
Лишь только мысль къ нему счастливая придетъ,
Вдругъ было шесть часовъ! уже карета ждетъ, —
Пора въ театръ, а тамъ на балъ, а тамъ къ Ліону,
А тутъ и ночь.... когдажъ заѣхать и Аполлону?
Назавтра лишь глаза откроетъ, ужъ бѣлетъ:
На пробу въ пять часовъ.... куда-же? въ модный свѣтъ,
Гдѣ лирикъ нашъ и самъ взялъ арлекина ролю.
До оды-ль тутъ? тверди, скачи два раза къ Кролю;
Потомъ опять домой: здѣсь хольса да рядись,
А тамъ въ спектакль, и такъ со днемъ опять простись.
Къ тому-жъ у древнихъ цѣль была, у насъ другая:
Горацій, напримѣръ, восторгомъ грудь патая,
Чего желалъ? о! — онъ — онъ бралъ не съ-высока:
Въ вѣкахъ безсмертія, а въ Римѣ лишь вѣнка
Изъ лавровъ иль изъ миртъ, — чтобъ Делія сказала:
Онъ славенъ, чрезъ него и я безсмертна стала!
А нашихъ многихъ цѣль — награда перстенькомъ,
Нерѣдко сто рублей, иль дружество съ князькомъ,
Который отъ роду не читывалъ другова,
Кромѣ придворнаго подъ часъ мѣсяцослова;
Иль похвала своихъ пріятелей, а вмѣ
Печатный всякій листъ быть кажется святымъ.
Судя-жъ, сколь разные и тѣхъ и нашихъ виды,
Навѣрно льзя сказать, не дѣлая обиды
Ретивымъ господамъ, питомцамъ русскихъ Музъ,
Что долженъ быть у нихъ и особливый вкусъ,
И въ сочиненіи лирической поэмы
Другіе способы, особые пріемы;
Какіе-же они, сказать вамъ не могу,
А только объявлю и право не солгу,

цумалъ о стихахъ одинъ стихо-
творитель
ıго трудовъ Меркурій нашъ и
Зритель
ıный магазинъ и лавочки полны.
, риѳмами на свѣтъ, онъ мыслилъ,
рождены;
е смѣшно-ли намъ поэтамъ со-
гласиться
юрье въ хижину, какъ Демос-
ѳенъ, забиться, —
, да думать все, и то, что вздy-
малъ самъ,
зывать однимъ шумящимъ лишь
волнамъ?
ца дѣлаетъ пѣвца, а не ученье;
учась ученъ, какъ придетъ въ
восхищенье;
будутъ — все науки, а не
даръ;
ный-же запасъ: отвага, риѳмы,
жаръ.»
какъ писывалъ поэтъ природный
оду:
пушекъ громъ подастъ пріятну
вѣсть народу,
ıпикскій Алкидъ Поляковъ раз-
громилъ,
ерзенъ ихъ вождя Костюшку по-
лонилъ, —
ıтчасъ за перо, и разомъ вы-
велъ—ода!
, въ одинъ присѣстъ: такого дня
и года!
какъ?.... пою!.... иль нѣтъ, ужъ
это старина!
ıшель: даждь мнѣ, Фебъ?.... Иль
такъ: не ты одна
а подъпяту, о чалмоносна Порта!
о-же мнѣ прибрать къ ней въ
риѳму, кромѣ чорта?
нѣтъ! не хорошо, я лучше по-
брожу,
ухомъ себя открытымъ освѣжу.»
ь, и на пути такъ въ мысляхъ
разсуждаетъ:
о никогда пѣвцовъ не устра-
шаетъ;
очешь, то мели! Вотъ штука,
какъ хвалить

«Героя-то придетъ! Не знаю, съ кѣмъ
сравнить?
«Съ Румянцовымъ его, иль съ Грейгомъ,
иль съ Орловымъ?
«Какъ жаль, что древнихъ я не читы-
валъ! а съ новымъ —
«Неловко что-то все, — да просто на-
пишу:
«Ликуй, герой! ликуй, герой ты! воз-
глашу.
«Изрядно! Тутъ-же что? Тутъ надобенъ
восторгъ!
«Скажу: кто завѣсу мнѣ вѣчности рас-
торгъ?
«Я вижу молній блескъ! я слышу съ
горня свѣта
«И то, и то.... А тамъ?.... Извѣстно:
многи лѣта!
«Брависсимо! и планъ и мысли, все ужъ
есть!
«Да здравствуетъ поэтъ! осталося при-
сѣсть,
«Да только написать, да и печатать
смѣло!»
Бѣжитъ на свой чердакъ, чертитъ — и
въ шляпѣ дѣло.
И оду ужъ его тисненью предаютъ,
И въ одѣ ужъ его намъ ваксу про-
даютъ.
Вотъ какъ пиндарилъ онъ, и всѣ ему
подобны,
Едва-ли вывѣски надписывать спо-
собны!
Желалъ-бы я, чтобъ Фебъ хотя во снѣ
имъ рекъ:
«Кто въ громкій славою Екатерининъ
вѣкъ
Хвалой ему сердецъ другихъ не восхи-
щаетъ,
И лиры сладкою слезой не орошаетъ,
Тотъ брось ее, разбей, и знай: онъ не
поэтъ.»
Да вѣдаетъ-же всякъ по одамъ мой
клевретъ,
Какъ дерзостный языкъ безславилъ
насъ, ничтожилъ,
Какъ лириковъ цѣнилъ! воспрянемъ,
Марсій ожилъ!
Товарищи! къ столу, за перья! от-
мстимъ!

Надуемся, напремъ, ударимъ, поразимъ,
Напишемъ на него предлинную сатиру,
И оправдаемъ тѣмъ россійску громку лиру.

И. Дмитріевъ.

---

285. ПОСЛАНІЕ КЪ И. И. ДМИТРІЕВУ, ПРИСЛАВШЕМУ МНѢ СВОИ СОЧИНЕНІЯ.

Я получилъ сей даръ, наперсникъ Аполлона,
Другъ вкуса, вѣрный стражъ парнасскаго закона,
Вниманья твоего сей драгоцѣнный даръ.
Онъ пробудилъ во мнѣ охолодѣвшій жаръ,
И въ сердцѣ пасмурномъ, добычѣ мертвой скуки,
Поэзіи твоей плѣнительные звуки,
Раздавшись, дозвались отвѣта бытія:
Поэтъ напомнилъ мнѣ, что былъ поэтомъ я.
Но на чужихъ брегахъ, среди толпы холодной,
Гдѣ жадная душа души не зритъ ей сродной,
Гдѣ жизнь—издержка дней и съ временемъ расчетъ,
Гдѣ равнодушіе, какъ всемертвящій ледъ,
Сжимаетъ и тѣснитъ къ изящному усилья —
Что мыслямъ смѣлость дастъ, а вдохновенью крылья?
Въ бездѣйствіи тупомъ ослабѣваетъ умъ:
Безъ поощренья, — спитъ отвага пылкихъ думъ.
Поэзія должна не хладнымъ быть искуствомъ,
Но чувства языкомъ, иль, лучше, самымъ чувствомъ.
Стихъ прибирать къ стиху есть тоже ремесло!
Поэтовъ цеховыхъ размножилось число.
Поэзія въ иномъ слѣпое рукодѣлье:
На сердцѣ есть печаль, а онъ поетъ веселье.
Онъ пишетъ отъ того, что чешется рука;
Восторга своего онъ ждетъ не съ высока,
За вдохновеніемъ является къ вельможѣ,
И часто къ небесамъ летаетъ изъ прихожей;
Иль, утромъ возмечтавъ, что комикомъ рожденъ,
Наскуку вечеромъ зѣваетъ городъ онъ:
Кривляется безъ слезъ, вздыхаетъ не впопадъ,
И чувства по рукамъ сбираетъ на прокатъ;
Онъ на чужомъ огнѣ любовь разогрѣваетъ,
И вѣрно съ подлиннымъ груститъ и умираетъ.
Такой уловки я отъ Неба не снискалъ
Постся мнѣ, пою—вотъ что поэтъ сказалъ,
И вотъ пѣвцовъ всѣхъ первѣйшее условье!
Въ обдуманномъ пылу хранящій хладнокровье,
Өирсъ любитъ трудности упрямствомъ побѣждать,
И вопреки себѣ, а намъ на зло писать.
За чѣмъ-же нѣтъ? легко идетъ въ ходъ наборство
Съ упорствомъ риѳмачей читателей упорство.
Что не читается? Пусть Имянной Указъ
Къ печати глупостямъ путь заградитъ у насъ, —
Брунъ отмстить готовъ сей мѣрѣ ненавистной
И промышлять пойдетъ онъ скукой рукописной.
Есть родъ стократъ глупѣй писателей глупцовъ —
Глупцы читатели. Обильный Глазуновъ
Не можетъ запастись на нихъ своимъ товаромъ.
Иной божиться радъ, что Мевій пишетъ съ жаромъ:
Въ жару? согласенъ я; но этотъ люты жаръ —

нь и Божій гнѣвъ, а не священный даръ.
огу простить чтецамъ симъ угомоннымъ,
ра своего жрецамъ низкопоклоннымъ,
оихъ таинствомъ есть всякая печать,
ьнодумецъ тотъ, кто смѣетъ разсуждать;
го несносиѣе тѣхъ умниковъ спѣсивыхъ,
пыхъ знатоковъ, судей многорѣчивыхъ,
рыхъ всѣ права — надменность, пренья, шумъ,
упость тѣмъ глупѣй, что нагло корчитъ умъ!
нѣпомъ невѣжествѣ ихъ трибуналъ всемірной,
арточнымъ столомъ иль кулебякой жирной,
ластъ на-обумъ и на-обумъ казнитъ;
осужденье — честь, рукоплесканье — стыдъ.
а тому, кто могъ языкомъ благороднымъ,
дубѣжденій врагъ, другъ истинамъ свободнымъ,
ревожить невзначай ихъ раболѣпный сонъ
мѣло въ слухъ вѣщать, что смѣло мыслилъ онъ!
ды писателей, наставниковъ отчизны,
нихъ, на ихъ дѣла живыя укоризны;
не по росту быть вмѣняется въ вину,
алуютъ они посредственность одну.
го какая смѣсь предъ тусклымъ ихъ зерцаломъ?
ъ драмой бьетъ челомъ иль рѣчью; сей журналомъ,
которомъ, сторожъ тьмы, взялся онъ на подрядъ,
-бъ мысль ни вспыхнула яльслава, бить въ набатъ.
ъ сѣнью мрачною сего ареопага,
ится и растетъ маратслей отвага.

Судъ здравый заглушенъ уродливымъ судомъ,
И на одинъ талантъ мысто вралей сочтемъ.
Какъ мало, Дмитріевъ, твой правый толкъ постигли,
Иль крылья многіе себѣ бы здѣсь подстригли!
Но истины языкъ не внятенъ для ушей:
Гласъ самолюбія доходнѣй и вѣрнѣй.
Какъ сладко подъ его напѣвомъ дремлетъ Бавій!
Онъ въ людяхъ славенъ сталъ числомъ своихъ безславій;
Но, счастливый слѣпецъ, онъ всѣ ихъ перенесъ:
Чѣмъ ниже упадетъ, тѣмъ выше вздернетъ носъ.
Что для инаго трудъ, то для него есть шутка.
Отвергнувъ правилъ цѣпь, сложивъ ярмо разсудка,
Онъ бѣгу своему не вѣдаетъ границъ.
Да развѣ онъ одинъ? нѣтъ, много сходныхъ лицъ
Я легкимъ абрисомъ въ лицѣ его представилъ,
И подлинниковъ рядъ еще большой оставилъ.
Когда читателей моихъ почтивъ корысть,
Княжнинъ-бы отдалъ мнѣ затѣйливую кисть,
Которой Чудаковъ онъ намъ являетъ въ лицахъ —
Какая-бъ жатва мнѣ созрѣла въ двухъ столицахъ!
Сихъ новыхъ чудаковъ забавныя черты,
Украсили-бъ мои нельстивые листы:
Разставя по чинамъ, по званью и примѣтамъ,
Безъ надписей-бы далъ я голосъ ихъ портретамъ.
Но страхомъ робкая окована рука:
Въ учителѣ боюсь явить ученика.
Тебѣ, о смѣлый бичъ дурачествъ и пороковъ,
Примѣрнымъ опытомъ и голосомъ уроковъ

Означившій у насъ гражданамъ и пѣвцамъ,
Какъ съ честью пролагать блестящій путь къ честямъ,
Тебѣ, о Дмитріевъ, сулитъ успѣхи новы
Свѣтъ, съ прежней жадностью внимать тебѣ готовый.
Что медлишь? на тобой оставленномъ пути
Явись, и скипетръ вновь ты первенства схвати!
О Дмитріевъ! рази невѣжества вражду,
И, снова пристрастясь къ полезному труду,
Согражданамъ своимъ яви примѣръ высокій
И въ новыхъ образцахъ — дай новые уроки!

Кн. Вяземскій.

---

286. КЪ ПЕРУ МОЕМУ.

Перо! тебя давно бродящая рука
По преданной тебѣ бумагѣ не водила;
Дремотой праздности окованы чернила;
И Муза, притаясь, любимцу ни стишка,
Изъ жалости къ нему и ближнимъ, не внушила.
Я радъ! пора давно разстаться мнѣ съ тобой.
Что пользы надъ стихомъ другихъ и свой покой,
Какъ труженикъ, губить съ утра до ночи темной,
И теребить свой умъ, чтобъ шуткою нескромной
Улыбку иногда съ насмѣшника сорвать?
Довольно безъ меня здѣсь есть кому писать;
И книжный рядъ моей не алчетъ скудной дани.
Къ тому-жъ, прощаясь, я могу тебѣ сказать:
Съ тобой не наживу похвалъ себѣ, а брани.
Обычай дуренъ твой, пропасть не долго съ нимъ;
Не разъ противъ меня ты подстрекало мщенье.
Рожденный сердцемъ добръ, я-бъ всѣми былъ любимъ,
Когда бъ не ты меня вводило въ искушенье.
Какъ часто я, скрѣпясь, поздравить былъ готовъ
Иного съ одою, другаго съ новой драмой,
Но ты меня съ пути сбивало съ первыхъ словъ:
Привѣтствіемъ начну, а кончу эпиграммой.
Чтожъ тутъ хорошаго? въ посланіяхъ моихъ
Нескромности твоей доносчикъ каждый стихъ.
Всегда я заведенъ болтливостью твоею;
Все выскажешь тотчасъ, что на сердцѣ имѣю.
Хочу-ли намекнуть объ авторѣ смѣшномъ?
Вздыхаловъ, какъ живой, на остріѣ твоемъ.
Невѣждой нужно-ль мнѣ докончить стихъ начатой?
То этотъ, то другой въ мой стихъ идетъ заплатой.
И кто мнѣ право далъ, вооружась тобой,
Парнасской братьи быть убійцемъ-судіей?
Мнѣ-ль, славѣ чуждому, другихъ въ стихахъ безславить?
Мнѣ-ль, бывъ защищикомъ неправедной войны,
Безсовѣстно казнить виновныхъ безъ вины?
Или могу въ вину, по чести, я поставить
Иному комику, что за дурной успѣхъ
Онъ попытался насъ трагедіей забавить,
Когда вѣнчалъ ее единодушный смѣхъ?
Прямой талантъ—деспотъ, и властенъ онъ на сценѣ
Дать Талія колпакъ, гремушку Мельпоменѣ.
Иль, вопреки уму, падетъ мой приговоръ
На одъ торжественныхъ торжественный наборъ,

обреченныхъ жертвъ гостепріимству Леты,
ымъ душатъ насъ бездушные поэты?
— не мнѣ чета — отъ нихъ зѣваетъ Дворъ!
съ ни оскорбляй риѳмачъ разсудокъ здравый —
азахъ увѣнчанной премудрости и славы
милостивый онъ подходитъ манифестъ.
никъ и вина — равно забыты оба;
насъ ихъ колыбель стоитъ въ преддверьи гроба.
й живутъ они, пока ихъ моль не съѣстъ!
ъ, когдабъ чужихъ ошибокъ замѣчатель,
окъ чуждъ я былъ: не столько-бъ я робѣлъ;
вышеннымъ челомъ вокругъ себя смотрѣлъ,
зрѣнъ былъ-бы мой безспльный непріятель.
ать не льзя: въ стихахъ моихъ пятно,
году критикѣ, найдется не одно.
ь мой не всегда бываетъ непорочнымъ,
ь вѣрнымъ, чистымъ слогъ, а выраженье точнымъ.
то, какъ примусь шутить на счетъ другихъ,
но надо мной подшучиваетъ стихъ.
олько выдти въ свѣтъ, и злоба ополчится.
съ уже хотѣлъ какой-то доброхотъ
совымъ со мной уборомъ подѣлиться.
рокъ! и казни день рѣшительной придетъ.
енныхъ творцовъ, острящихъ къ тайнѣ жалы,
анетъ на меня злопамятный народъ.
бранью закипятъ досужные журналы;
А здѣсь передъ людьми и небомъ обвиня
Смущенный моралистъ бездѣлкою невинной,
За шутку отомститъ мнѣ проповѣдью длинной,
Отъ коей сномъ однимъ избавляюсь развѣ я.
Брань ядовитая — не признакъ дарованья.
Насмѣшникъ можетъ быть самъ жертвой осмѣянья.
Не тщетной остротой, но прелестью стиховъ
Жуковскій каждый часъ казнитъ своихъ враговъ,
И вкуса, и ума враговъ ожесточенныхъ.
Въ твореніяхъ его, безсмертью обреченныхъ
Насмѣшекъ не найдетъ злословцевъ жадный взоръ;
Но смѣлый стихъ его блѣднѣющимъ Зоиламъ
Есть укоризны ножъ и смерти приговоръ.
Примѣръ съ него бери! Но если не посиламъ
Съ его примѣромъ мнѣ успѣхамъ подражать:
То лучше до бѣды бумагѣ и чернилам;
Перо мое, поклонъ намъ навсегда отдать.
Расторгнемъ нашъ союзъ! въ немъ вредъ намъ неизбѣжной!
Въ бездѣйствіи благомъ покойся на столѣ,
Осуетѣ мірской забудь въ своемъ углѣ,
И будь повѣреннымъ одной ты дружбы нѣжной!
Но если вѣрить мнѣ внушеніямъ ума,
Хоть нашъ разрывъ съ тобой и мудръ и остороженъ;
Но, съ грустью признаюсь, не можетъ быть надеженъ;
Едваль не скажетъ тожъ и опытность сама.
Героевъ зрѣли мы съ полей кровавой бури
Склонившихся подъ сѣнь безоблачной лазури

И въ мирной тишинѣ забывшихъ брани
громъ;
Витія прошлыхъ битвъ—мечъ праз-
ный со щитомъ
Въ обители висѣлъ въ торжественномъ
покоѣ;
Семейный гражданинъ не думалъ о
героѣ.
Корысти алчной рабъ, родныхъ бреговъ
бѣглецъ,
Для злата смерть презрѣвъ средь без-
дны разъяренной,
Спокойный домосѣдъ, богатствомъ пре-
сыщенной,
Подъ кровомъ отческимъ встрѣчаетъ
дней конецъ.
Есть свой чередъ всему: трудамъ, успо-
коенью.
И зоркій опытъ въ слѣдъ слѣпому за-
блужденью
Съ свѣтильникомъ идетъ по скользко-
му пути.
Разсудку возрастъ есть: но въ лѣто-
писяхъ свѣта
Нашъ любопытный взглядъ едваль-бы
могъ найти
Отъ ремесла стиховъ отставшаго поэта?
Онъ пишетъ, онъ писалъ, онъ будетъ
вѣкъ писать:
Ни лѣтамъ, ни судьбѣ печати не сор-
вать
Съ упрямаго чела служителя Парнасса.
Въ пеленкахъ Аруэтъ стихами лепе-
талъ,
И смерть угрюмую стихами онъ встрѣ-
чалъ;
Несчастія отъ Музъ не отучили Тасса;
И Бавій нашъ въ странѣ, гдѣ зла, ни
мести нѣтъ,
(О тѣни славныя! свѣтила прежнихъ
лѣтъ!
Простите дерзкое именъ мнѣ сочетанье)
И Бавій—за него предъ небомъ клят-
ву дамъ:
По гробъ не измѣнитъ ни риѳмамъ, ни
свисткамъ.
Вотще насмѣшки, брань и дружбы увѣ-
щанье:
Съ послѣднимъ вздохомъ онъ издастъ
послѣдній стихъ.
Такъ, видно, вопреки намѣреній бла
гихъ,
Хоть Бавія примѣръ и бѣдственъ и ужа
сенъ,
Но нашъ съ тобой разрывъ, перо мое
напрасенъ —
Природу побѣдить! И въ самой этот
часъ —
Какъ проповѣдь себѣ читалъ я въ пер
вый разъ,
Коварный демонъ рѣчь, злословцам
потакая,
И слабый разумъ мой прельщеньем
усыпляя,
Безъ вѣдома его, рукой моей водил
И предъ лицемъ судей съ избыткон
отягчилъ
Повинную главу еще виною новой.
Съ душою робкою, къ раскаянью го
товой,
Смиряюсь предъ судьбой, и вновь дру
жусь съ перомъ,
Но Бавія вдали угадываю взоромъ:
Онъ мѣсто близь себя, добытое поэ
ромъ,
Указываетъ мнѣ пророческимъ жезлом

Кн. Вяземскій.

---

287. БОГДАНОВИЧУ

Въ садахъ Элизія, у водъ счастл
вой Леты,
Гдѣ благоденствуютъ отжившіе поэт
О Душенькинъ поэтъ, прими мои стих
Никакъ въ писатели попалъ я за грѣх
И, надоѣвъ живымъ посланьями своим
Несчастнымъ мертвецамъ скучать р
шаюсь ими.
Нѣтъ нужды до того! хочу въ досу
ный часъ
Съ тобой поговорить про русскій нам
Парнассъ,
Съ тобой, поэтъ живой, затѣйливый
нѣжный,
Всегда плѣнительный, хоть нѣсколь
небрежный,
Чертамъ замѣтнѣйшимъ лукавой ос
роты

ій милый видъ сердечной простоты.
.....
.....
ладной шалостью, но сердцемъ внушена,
ость ясная въ стихахъ твоихъ видна.
и игривыя тобою были пѣты;
чаль влюбились мы. Новѣйшіе поэты
ыбаются въ твореніяхъ своихъ,
ъ–то въ мірѣ семъ все очень не по нихъ.
то–жъ? поклонъ, да вонъ! Увы! не въ этомъ дѣло:
ить имъ, ни писать еще не надоѣло,
зду безъ затѣй сказать тебѣ пора:
ала къ Музамъ ихъ нѣмецкихъ Музъ хандра.
зскій виноватъ: онъ первый между нами
ъ въ содружество съ германскими пѣвцами,
лъ передавать, забывши Божій страхъ,
хуленье ихъ въ плѣнительныхъ стихахъ.
и ему Господь! Но что–же! всѣ мараки
лись потомъ въ задумчивыя враки,
хъ унынiемъ одѣлося чело,
увянула и сердце отцвѣло.
терпитъ публика безумiе такое,
росишь? публикѣ наскучило простое,
еное теперь любезно для нея;
а хилаго испортилось чутье.
лучшемъ вѣкѣ жилъ. Не столько просвѣщенный.
ъ онъ бодрый умъ и вкусъ неразвращенный;
свои дарилъ, безъ вычуръ толковитъ,
олько истиннымъ любимцамъ Аонидъ.
ъ явленія безъ творческой причины:
Сей благодатный вѣкъ — былъ вѣкъ Екатерины;
Она любила Музъ; и ты–ли позабылъ,
Кто Душеньку твою всѣхъ прежде оцѣнилъ?
Я думаю, въ садахъ, гдѣ свѣтъ безсмертья блещетъ,
Понынѣ тѣнь твоя отъ радости трепещетъ,
Воспоминая день, сей день, когда пѣвца,
Еще за милый трудъ нездавшаго вѣнца,
Она, друзья Ея, условясь потаенно,
Такъ лестно приняли, ему попеременно
Страницы Душеньки читая наизусть.
Сердца завистниковъ стѣснила злая грусть;
И на другой же день распросы о поэтѣ
И похвалы ему жужжали въ модномъ свѣтѣ.
Кто вкуса божествомъ теперь служилъ–бы намъ?
Кто въ наши времена, и прозѣ и стихамъ
Провозглашая судъ разборчивый и правой,
Завѣдывать бы могъ парнасскою управой?
О, добрый нашъ народъ имѣетъ для того
Особенныхъ судей, которые его,
Въ листахъ условленныхъ и въ цѣну приведенныхъ,
Снабжаютъ мнѣнiемъ о книгахъ современныхъ!
Даруетъ между насъ и славу и позоръ
Торговой логики смышленый приговоръ.
О нашихъ судiяхъ не смѣю молвить слова,
Но слушай, какъ честятъ они одинъ другова:
Товарищъ каждаго глупецъ, невѣжда, враль;
Повѣрить надо имъ, хотя повѣрить жаль.
Какъ быть писателю! Въ пустынѣ благодатной,
Забывши модный свѣтъ, забывши свѣтъ печатной,

Какъ ты, философъ мой, таиться безъ грѣха,
Избрать въ совѣтники кота и пѣтуха,
И въ тишинѣ трудясь для собственнаго чувства,
Въ искуствѣ находить возмездіе искусства!
Такъ вѣку вопреки, въ сей самый вѣкъ у насъ
Сладкопоющихъ лиръ порою слышенъ гласъ,
Благоуханный дымъ отъ жертвы безкорыстной!
Такъ нѣжный Батюшковъ, Жуковскій живописной,
Неподражаемый, и цѣлую орду
Злыхъ подражателей родившій на бѣду,—
Такъ Пушкинъ молодой, сей вѣтренникъ блестящій,
Все подъ перомъ шутя животворящій
(Тебѣ, я думаю, знакомъ довольно онъ:
Недавно отъ него товарищъ твой Назонъ
Посланье получилъ), любимцы вдохновенья,
Не могутъ побѣдить сердечнаго влеченья,
И между насъ поютъ, какъ нѣкогда Орфей
Между мохнатыхъ пѣлъ, по вѣрѣ старыхъ дней.
Безсмертіе въ вѣкахъ имъ будетъ воздаяньемъ!
А я, владѣющій убогимъ дарованьемъ,
Но рвеніемъ горя полезнымъ быть и имъ,
Я правды красоту даю стихамъ моимъ,
Желаю доказать людскихъ суетъ ничтожность,
И хладной мудрости высокую возможность;
Что мыслю, то пишу. Когда-то веселѣй
Я славилъ на зарѣ своихъ цвѣтущихъ дней
Законы сладкіе любви и наслажденья:
Другія времена, другія упражненья;
Теперь зрѣлѣй мой умъ, черствѣй душа моя.
Опять, когда умру, повеселѣю я;
Тогда безпечныхъ Музъ безпечнаго питомца
Прими, философъ мой, какъ стараго знакомца.

Баратынскій.

Д. БАСНЯ.

288. КОНЬ ВЕРХОВОЙ.

Верховый гордый Конь, увидя Клячу въ полѣ,
Въ работѣ подъ сохой,
И въ нѣгѣ не такой,
И не въ уборѣ, и не въ холѣ,
Какую гордый Конь у барина имѣлъ,
Съ пренебреженіемъ на Клячу посмотрѣлъ,
Предъ Клячею бодрился,
И хвасталъ, чванился, и тѣмъ и сѣмъ хвалился.
«Что,» говоритъ онъ Клячѣ той:
«Бывалъ-ли на тебя уборъ когда такой,
Какъ мой?
И знаешь-ли меня какъ всякой почитаетъ?
Всякъ, кто ни встрѣтится, дорогу уступаетъ:
Всякъ обо мнѣ твердитъ и всякой похваляетъ.
Тебя-же кто на свѣтѣ знаетъ?»
Несносна Клячѣ спѣсь коня.
«Пошелъ, хвастунъ!» ему на это отвѣчаетъ;
«Оставь съ покоемъ ты меня.
Тебѣ ль со мной считаться
И мною насмѣхаться!
Не такъ-бы хвастать ты умѣлъ,

-бы ты овса моихъ трудовъ не
ѣлъ!»

Хемницеръ.

БОГАЧЪ И БѢДНЯКЪ.

ѣтъ таковъ, что кто богатъ,
ь каждому и другъ и братъ.
оть не имѣй заслугъ, ни чина,
ь родомъ будь изъ конюховъ,
кто-бы ни былъ ты таковъ,
ѣтина будешь, какъ дѣтина.
бѣдный-будь хоть изъ князей,
разумъ ангельскій имѣй,
достоинства достойнѣйшихъ лю-
дей,
Того почтенья не дождется,
акое ото всѣхъ богатымъ от-
дается.
някъ въ какой-то домъ пришелъ;
анье, умъ и чинъ съ заслугами
имѣлъ,
дняка никто не только что не
встрѣтилъ,
икто и не примѣтилъ—
ожетъ быть, никто примѣтить не
хотѣлъ.
съ нашъ то къ тому, то къ это-
му подходитъ,
ми разговоръ, и такъ и сякъ,
заводитъ;
дый Бѣдняку въ отвѣтъ
откое—иль «да», иль «нѣтъ».
гствія ни въ комъ Бѣднякъ нашъ
не находитъ:
вствомъ подойдетъ, а съ го-
рестью отходитъ.
Потомъ,
За Бѣднякомъ,
пріѣхалъ въ тотъ-же домъ.
отя заслугой, ни умомъ,
инномъ онъ не отличался,
о только въ двери показался—
вать нельзя какой пріемъ!
встали передъ Богачемъ;
Богача съпочтеніемъ встрѣчаетъ,
съ стулъ и мѣсто уступаетъ,
подъ руки его берутъ;
То тутъ,
То тамъ его сажаютъ;
Поклоны чуть ему земные не кладутъ,
И мѣры нѣтъ какъ величаютъ.
Бѣднякъ, людей увидя лесть,
Къ богатому неправу честь,
Къ себѣ неправое презрѣнье,
Вступилъ о томъ съ своимъ сосѣдомъ
въ разсужденье:
«За чѣмъ», онъ говоритъ ему:
«Достоинствамъ, уму,
Богатство свѣтъ предпочитаетъ?»
— «Легко, мой другъ, понять:
Достоинства нельзя занять,
А деньги всякой занимаетъ!»

Хемницеръ.

290. СОЛОВЕЙ И ЧИЖЪ.

Былъ домъ,
Гдѣ подъ окномъ
И Чижъ и Соловей висѣли,
И пѣли.
Лишь только Соловей, бывало, запоетъ,
Сынъ маленькій отцу проходу не даетъ:
Все птичку показать къ нему онъ при-
ступаетъ,
Что эдакъ хорошо поетъ.
Отецъ, обоихъ снявъ, мальчишкѣ по-
даетъ.
«Ну,» говоритъ, «узнай, мой свѣтъ!
Которая тебя такъ много забавляетъ?»
Тотчасъ на Чижика мальчишка ука-
залъ.
«Вотъ, батюшка, она!» сказалъ.
И мальчикъ отъ Чижа въ великомъ
восхищеньѣ.
«Какія перушки! куда какъ онъ при-
гожъ!
За тѣмъ вѣдь у него и голосъ такъ хо-
рошъ!»
Вотъ дѣтско разсужденье!
Да полно, и въ житействѣ тожъ
О людяхъ многіе по виду заключаютъ:
Кто наряженъ, богатъ, пригожъ,
Того и умнымъ почитаютъ.

Хемницеръ.

291. МЕТАФИЗИКЪ.

Отецъ одинъ слыхалъ,
Что за море дѣтей учиться посылаютъ,
И что того, кто за моремъ бывалъ,
Отъ небывалаго и съ вида отличаютъ.
Такъ чтобъ отъ прочихъ не отстать,
Отецъ немедленно рѣшился
Дѣтину за-море послать,
Чтобъ доброму онъ тамъ понаучился;
Но сынъ глупѣе воротился.
Попался на руки онъ школьнымъ тѣмъ вралямъ,
Которые съ ума не разъ людей сводили,
Неистолкуемымъ давая толкъ вещамъ;
И малаго не научили,
А на-вѣкъ дуракомъ пустили.
Бывало съ глупости онъ попросту болталъ;
Теперь все свысока безъ толку толковалъ.
Бывало глупые его не понимали;
А нынѣ разумѣть и умные не стали.
Домъ, городъ и весь свѣтъ враньемъ его скучалъ. —
Въ метафизическомъ бѣснуясь размышленьи
О заданномъ одномъ старинномъ предложеньи:
«Сыскать начало всѣхъ началъ,»—
Когда за облака онъ думой возносился,
Дорогой шедши — оступился,
И въ ровъ попалъ.
Отецъ, который съ нимъ случился,
Скорѣе бросился веревку принести—
Премудрость изо рва на свѣтъ произвести.
А умный между тѣмъ Дѣтина,
Въ той ямѣ сидя, разсуждалъ:
«Какая быть могла причина,
Что оступился я и въ этотъ ровъ попалъ?
Причина, кажется, тому землетрясенье;
А въ яму скорое стремленье —
Центральное влеченье,
Воздушное давленье....»
Отецъ съ веревкой прибѣжалъ.
«Вотъ,» говоритъ: «тебѣ веревка! ухватися.
Я потащу тебя, держися!»
«Нѣтъ, погоди тащить; скажи мнѣ передъ
Понесъ студентъ обычный бре.
«Веревка вещь какая?» —
Отецъ его былъ неученъ,
Но разсудителенъ, уменъ;
Вопросъ ученый оставляя,
«Веревка вещь,» ему отвѣтствов «така.
Чтобъ ею вытащить, кто въ яму п детъ.»—
«На это-бъ выдумать орудіе дру
Ученый все свое несетъ:
«А это что такое....
Веревка!—вервіе простое!» —
«Да время надобно!» отецъ ему «Да время что?« —
«А это хоть не ново,
Да благо ужъ готово.» —
«А время вещь такая,
Которую съ глупцомъ не стану я ря
Сиди,» сказалъ отецъ: «пока п опять
Что если-бы вралей и остальныхъ бра
И въ яму къ этому въ товарищи слать?.
Да яма надобна большая!

Хемницеръ

---

292. ДУБЪ И ТРОСТЬ

Дубъ съ Тростію вступилъ одн въ разговор
Жалѣю, Дубъ сказалъ, склоня к важны взор
Жалѣю, Тросточка, объ участи т
Я чаю, для тебя тяжелъ и воробе
Легчайшій вѣтерокъ, едва стру вод
Ужасенъ для тебя, какъ буря въ н год
И гнетъ тебя къ земли;
Тогда какъ я — высокъ, осанис вда
Не только Фебовы лучи пересѣк

ке бурный вихрь и громы презираю;
и слышу вкругъ спокойно трескъ и стонъ:
ія меня Зефиръ, тебѣ-жъ все Аквилонъ.
инна-бъ ты была, когда-бъ росла со мною:
Іодъ тѣнію моей густою
» не страшилась бурь; но рокъ тебѣ судилъ
Расти, на мѣсто злачна дола,
опкихъ берегахъ владычества Эола.
сти и въ меня твой жребій грусть вселилъ.
чень жалостливъ, Трость Дубу отвѣчала:
раво, о себѣ еще я не вздыхала,
Да не о чемъ и воздыхать:
вѣтры менѣе, чѣмъ для тебя, опасны.
Хотя порывы ихъ ужасны
могли тебя досель поколебать,
»дождемъ конца.»—Съ симъ словомъ вдругъ завыла
ѣвера гроза, и небо помрачила;
ілъ грозный вѣтръ—все рушитъ и валитъ.
ъ, кружится листъ; Трость гнется—Дубъ стоитъ.
», пуще воружась, изъ всей ударилъ мочи,
ъ, на коего съ трудомъ взирали очи,
да и небесъ едва не досягалъ—
Упалъ!

И. Дмитріевъ.

---

3. ПѢТУХЪ, КОТЪ И МЫШЕНОКЪ.

ѣти, дѣти! какъ опасны ваши лѣта!—
Мышенокъ, не видавшій свѣта,
ъ-было въ бѣду, и вотъ-какъ онъ объ ней
Разсказывалъ въ семьѣ своей.
«Оставя нашу нору,
И перебравшися чрезъ гору,
Границу нашихъ странъ, пустился я бѣжать,
Какъ молодой мышенокъ,
Который хочетъ показать,
Что онъ ужъ не ребенокъ.
Вдругъ съ розмаху на двухъ животныхъ набѣжалъ:
Какіе звѣри, самъ не зналъ;
Одинъ такъ смиренъ, добръ, такъ плавно выступалъ,
Такъ миловиденъ былъ собою;
Другой: нахалъ, крикунъ—теперь лишь будто съ бою;
Весь въ перьяхъ; у него косматый крюкомъ хвостъ;
Надъ самымъ лбомъ дрожитъ нарость
Какой-то огненнаго цвѣта,
И будто двѣ руки, служащи для полета;
Онъ ими такъ махалъ,
И такъ ужасно горло дралъ,
Что я, таки не трусъ, а подавай Богъ ноги—
Скорѣе отъ него съ дороги.
Какъ больно! безъ него я вѣрно-бы въ другомъ
Нашелъ наставника и друга!
Въ глазахъ его была написана услуга;
Какъ тихо шевелилъ пушистымъ онъ хвостомъ!
Съ какимъ усердіемъ бросалъ ко мнѣ онъ взоры,
Смиренны, кроткіе, но полные огня!
Шерсть гладкая на немъ, почти какъ у меня;
Головка пестрая, и вдоль спины узоры;
А уши, какъ у насъ, и я по нимъ сужу,
Что у него должна быть симпатія съ нами,
Высокородными Мышами.»
А я тебѣ на то скажу,
Мышенка мать остановила:
Что этотъ доброхотъ,
Котораго тебя наружность такъ прельстила,
Смиренникъ этотъ.... Котъ!
Подъ видомъ кротости, онъ врагъ нашъ, злой губитель,

Другой-же былъ Пѣтухъ, миролюбивый житель.
Не только отъ него невидимъ мы вреда,
Иль огорченья,
Но самъ онъ пищей намъ бываетъ иногда.
Впередъ по виду ты не дѣлай заключенья.
И. Дмитріевъ.

294. ЧИЖИКЪ и ЗЯБЛИЦА.

Чижъ свилъ себѣ гнѣздо, и, сидя въ немъ, поетъ:
«Ахъ! скоро-ль солнышко взойдетъ,
И съ домикомъ меня застанетъ?
Ахъ! скоро-ли оно проглянетъ?
Но вотъ ужъ и взошло! какъ тихо и красно!
Какая въ воздухѣ, въ дыханьѣ, въ жизни сладость!
Ахъ! я такаго дня не видывалъ давно.»
Но безъ товарища и радость намъ не въ радость:
Желаешь для себя, а ищешь раздѣлить!
Любезна Зяблица! кричитъ мой Чижъ сосѣдкѣ,
Смиренно прикорнувшей къ вѣткѣ,
Что ты задумалась? давай-ка день хвалить!
Смотри, какъ солнышко....» Но солнце вдругъ сокрылось,
И небо тучами отвсюду обложилось;
Всѣ птицы спрятались, кто въ гнѣзда, кто въ рѣку,
Лишь галки стаями гуляютъ по песку,
И крикомъ бурю вызываютъ;
Да ласточки еще надъ озеромъ летаютъ;
Быкъ, шею вытянувъ, подъ плугомъ заревѣлъ;
А конь, поднявши хвостъ и разметавши гриву,
Ржетъ, пышетъ и летитъ чрезъ ниву.
И вдругъ ужасный вихрь со свистомъ восшумѣлъ,
Со трескомъ грянулъ громъ, ударилъ дождь съ градомъ,
И пали пастухи со стадомъ.
Потомъ прошла гроза и солнце расцвѣло,
Все стало ярче и свѣтлѣе,
Цвѣты душистѣе, деревья зеленѣе —
Лишь домикъ у Чижа куда-то занесло.
О бѣдненькій мой Чижъ! Онъ, мокрыми крылами
Насилу шевеля, къ сосѣдушкѣ летитъ,
И ей со вздохомъ и слезами,
Носокъ повѣся, говоритъ:
«Ахъ! всякъ своей бѣдой ума себѣ прикупитъ;
Впредь утро похвалю, какъ вечеръ ужъ наступитъ.»
И. Дмитріевъ.

295. ОРЕЛЪ И ЗМѢЯ.

Орелъ изъ области громовъ
Спустился отдохнуть на лугъ среди цвѣтовъ,
И встрѣтилъ тамъ Змѣю, ползущую по праху.
Завистливая тварь
Шипитъ, и на Орла кидается съ размаху.
Что-жъ дѣлаетъ пернатыхъ царь?
Бросаетъ гордый взглядъ, и къ солнцу возлетаетъ.
Такъ Геній своему хулителю отмщаетъ.
И. Дмитріевъ.

296. МУХА.

Быкъ съ плугомъ на покой тащился по трудахъ;
А Муха у него сидѣла на рогахъ,
И Муху же они дорогой повстрѣчали.
Откуда ты, сестра? отъ этой былъ вопросъ.—
А та, поднявши носъ,
Въ отвѣтъ ей говоритъ: откуда? мы пахали!—
Отъ басни завсегда
Нечаянно дойдешь до были.
Случалось-ли подчасъ вамъ слышать, господа:
«Мы сбили! мы рѣшили!»
И. Дмитріевъ.

297. СЛѢПЕЦЪ И РАЗСЛАБЛЕННЫЙ.

«И ты несчастливъ!.... дай-же руку!
Начнемъ другъ другу помогать.
Ты скажешь: есть кому мнѣ вздохъ мой передать;
А я скажу: мою онъ знаетъ грусть и муку —
И легче будетъ намъ.»
Такъ говорилъ мудрецъ Востока,
И вотъ его-же притча вамъ.
Два были нищіе, и оба властью рока
Лишенны были средствъ купить трудами хлѣбъ;
Одинъ былъ слѣпъ,
Другой разслабленный, желаютъ смерти оба;
Но горемыки здѣсь, какъ дара, ждутъ и гроба;
На помощь къ нимъ и смерть нейдетъ.
Разслабленный конца своимъ страданьямъ ждетъ
На голой мостовой, снося и жаръ и холодъ,
Всего же чаще голодъ
И нечувствительность румяныхъ богачей.
Слѣпецъ равно терпѣлъ, или еще и болѣ:
Тотъ могъ, хотя вдали, въ день лѣтній видѣть поле;
А для него ужъ нѣтъ и солнечныхъ лучей!
Вся жизнь глубока ночь, и скороль разсвѣтаетъ;
Увы! не знаетъ.
Одной собачкой онъ былъ искренно любимъ,
Ласкаемъ и водимъ;
И ту какіе-то злодѣи не украли,
А нагло отъ его веревки отвязали,
И увели съ собой.
Слѣпецъ случайно очутился
На томъ-же мѣстѣ, гдѣ разслабленный томился;
Онъ слышитъ стонъ его, и самъ пускаетъ вздохъ.
«Товарищъ! говоритъ, несчастныхъ сводитъ Богъ;
Намъ должно побрататься,
Имѣть одну суму
И вмѣстѣ горевать. Не станемъ разлучаться!»
Согласенъ, отвѣчалъ разслабленный ему:
Но, добрая душа! какою мы подмогой
Другъ другу можемъ быть? ты слѣпъ, а я безногой!
Что-жъ будемъ дѣлать мы? еще тебѣ скажу.
«Какъ? подхватилъ слѣпецъ: ты зрячъ, а я хожу;
Такъ ты ссужай меня глазами,
А я съ охотою ссужусь тебѣ ногами!
Ты за меня гляди, я за тебя пойду —
И будемъ каждый такъ служить въ свою чреду.»

И. Дмитріевъ.

---

298. РЫСЬ И КРОТЪ.

Когда-то Рысь, найдя лежащаго Крота,
Изъ жалости ему по-свойски говорила:
Увы, мой бѣдный Кротъ! несчастье слѣпота!
И рощица и лугъ съ цвѣтами — всѣ мѣста
Тебѣ какъ темная могила!
Какая жизнь твоя!
Съ утра до вечера ты спишь, или зѣваешь,
И ни о чемъ не разсуждаешь;
А я
Теперь-же, будто на ладонѣ,
Все вижу на версту вокругъ,
И все пересказать готова — слушай, другъ:
Вотъ Ястребъ въ облакахъ за Коршуномъ въ погонѣ;
Здѣсь Ласточка своихъ птенцовъ
Питаетъ Мухами, добычей пауковой;
Тамъ хитрая Лиса Цыпленку строитъ ковъ;
Тамъ Кролика постигъ ружья ударъ громовой;

Здѣсь Кошка давитъ Мышь; а тамъ
Змѣя впилась въ Корову;
А далѣе Медвѣдь, разинувъ пасть багрову,
Реветъ, и гонится за Серной по скаламъ;
А вотъ и лютый Волкъ Ягненочка терзаетъ.... —
«Ахъ, полно, полно! Кротъ болтунью прерываетъ;
Утѣшно-ль зрячимъ быть для ужасовъ такихъ?
Довольно и того, что слышалъ я объ нихъ.

И. Дмитріевъ.

299. ПОЛЕВОЙ ЦВѢТОКЪ.

Простой цвѣточикъ, дикой,
Нечаянно попалъ въ одинъ пучокъ съ гвоздикой;
И что-же? отъ нея душистымъ сталъ и самъ.—
Хорошее всегда знакомство въ прибыль намъ.

И. Дмитріевъ.

300. ПРОХОЖІЙ И ПЧЕЛА.

О Пчелка! межъ цвѣтовъ, прекраснѣйшихъ для взора,
Есть ядовитые: отравятъ жизнь твою;
Смотри-же, не садись на каждый безъ разбора!—
Не бойся: ядъ при нихъ; я только нектаръ пью.

И. Дмитріевъ.

301. ЧУЖЕЗЕМНОЕ РАСТЕНІЕ.

Что сдѣлалось съ тобою нынѣ?
О милый кустъ! ты блѣденъ сталъ;
Гдѣ зелень, запахъ твой?—Увы! онъ отвѣчалъ:
Я на чужбинѣ.

И. Дмитріевъ.

302. ВОРОНА И ЛИСИЦА.

Ужъ сколько разъ твердили міру,
Что лесть гнусна, вредна: но только все не впрокъ,
И въ сердцѣ льстецъ всегда отыщетъ уголокъ.—
Воронѣ гдѣ-то Богъ послалъ кусочикъ сыру;
На ель Ворона взгромоздясь,
Позавтракать было совсѣмъ ужъ собралась,
Да позадумалась, а сыръ во рту держала.
На ту бѣду Лиса близехонько бѣжала.
Вдругъ сырный духъ Лису остановилъ:
Лисица видитъ сыръ, — Лисицу сыръ плѣнилъ,
Плутовка къ дереву на цыпочкахъ подходитъ,
Вертитъ хвостомъ, съ Вороны глазъ не сводитъ,
И говоритъ такъ сладко, чуть дыша:
Голубушка, какъ хороша!
Ну что за шейка, что за глазки!
Разсказывать, такъ право сказки!
Какія перушки! какой носокъ!
И вѣрно ангельскій быть долженъ голосокъ!
Спой, свѣтикъ, не стыдись!—что, ежели, сестрица,
При красотѣ такой, и пѣть ты мастерица,
Вѣдь ты-бъ у насъ была царь птица!»
Вѣщуньина съ похвалъ вскружилась голова,
Отъ радости въ зобу дыханье сперло, —
И на привѣтливы Лисицыны слова
Ворона каркнула во все воронье горло;
Сыръ выпалъ—съ нимъ была плутовка такова.

Крыловъ.

303. ЗЕРКАЛО И ОБЕЗЬЯНА.

Мартышка, въ зеркалѣ увидя образъ свой,

Тихохонько Медвѣдя толкъ ногой:
—»Смотри-ка,» говоритъ: «кумъ милый мой!
Что это тамъ за рожа?
Какіе у нея ужимки и прыжки!
Я удавилась-бы съ тоски,
Когда-бы на`нее хоть чуть была похожа!
А вѣдь, признайся, есть
Изъ кумушекъ моихъ такихъ кривлякъ пять-шесть:
Я даже ихъ могу по пальцамъ перечесть.»
—«Чѣмъ кумушекъ считать трудиться,
Не лучше-ль на себя, кума, оборотиться?»
Ей Мишка отвѣчалъ.
Но Мишенькинъ совѣтъ лишь попусту пропалъ.—
Такихъ примѣровъ много въ мірѣ:
Не любитъ узнавать никто себя въ сатирѣ.
Я даже видѣлъ то вчера:
Что Климычъ на руку нечистъ, всѣ это знаютъ;
Про взятки Климычу читаютъ,
А онъ украдкою киваетъ на Петра.

Крыловъ.

304. ТРИШКИНЪ КАФТАНЪ.

У Тришки на локтяхъ кафтанъ продрался.
Что долго думать тутъ? Онъ за иглу принялся:
По четверти обрѣзалъ рукавовъ—
И локти заплатилъ. Кафтанъ опять готовъ,
Лишь на четверть голѣе руки стали,
Да что до этого печали?
Однако-же смѣется Тришкѣ всякъ.
А Тришка говоритъ: «Такъ я же не дуракъ
И ту бѣду поправлю:
Длиннѣе прежняго я рукава наставлю.»
О, Тришка малый не простой!
Обрѣзалъ фалды онъ и полы,
Наставилъ рукава, и веселъ Тришка мой,
Хоть носитъ онъ кафтанъ такой,
Котораго длиннѣе и камзолы.—
Такимъ-же образомъ, видалъ я, иногда
Иные господа,
Запутавши дѣла, ихъ поправляютъ;
Посмотришь: въ Тришкиномъ кафтанѣ щеголяютъ.

Крыловъ.

305. ЛЮБОПЫТНЫЙ.

«Пріятель дорогой! здорово, гдѣ ты былъ?»—
«Въ Кунсткамерѣ, мой другъ! Часа тамъ три ходилъ;
Все видѣлъ, высмотрѣлъ; отъ удивленья,
Повѣришь-ли, не станетъ ни умѣнья
Пересказать тебѣ, ни силъ.
Ужъ подлинно, что тамъ чудесъ палата!
Куда на выдумки природа таровата!
Какихъ звѣрей, какихъ тамъ птицъ я не видалъ!
Какія бабочки, букашки!
Козявки, мушки, таракашки!
Однѣ какъ изумрудъ, другія какъ кораллъ!
Какія крохотны коровки!
Есть, право, менѣе булавочной головки!»—
«А видѣлъ-ли слона? Каковъ собой на взглядъ!
Я чай, подумалъ ты, что гору встрѣтилъ?» —
«Да развѣ тамъ онъ?»—«Тамъ»—«Ну, братецъ, виноватъ:
Слона-то я и не примѣтилъ.»

Крыловъ.

306. ГУСИ.

Предлинной хворостиной
Мужикъ Гусей гналъ въ городъ продавать,
И, правду истинну сказать,
Не очень вѣжливо честилъ свой гуртъ гусиной:

На барыши спѣшилъ къ базарному онъ дню.
(А гдѣ до прибыли коснется,
Не только тамъ гусямъ, и людямъ достается).
Я мужика и не виню;
Но Гуси иначе объ этомъ толковали,
И, встрѣтяся съ прохожимъ на пути,
Вотъ какъ на мужика пѣняли:
«Гдѣ можно насъ, Гусей, несчастнѣе найти?
Мужикъ такъ ними помыкаетъ,
И насъ, какъ будто-бы простыхъ Гусей, гоняетъ;
А этого не смыслитъ неучъ сей,
Что онъ обязанъ намъ почтеньемъ,
Что мы свой знатный родъ ведемъ отъ тѣхъ Гусей,
Которымъ нѣкогда былъ долженъ Римъ спасеньемъ:
Тамъ даже праздники имъ въ честь учреждены.»—
«А вы хотите быть за что отличены?»
Спросилъ прохожій ихъ. — »Да наши предки....»—«Знаю,
И все читалъ, но вѣдать я желаю,
Вы сколько пользы принесли?»
—«Да наши предки Римъ спасли?»—
«Все такъ, да вы что сдѣлали такое?—
— «Мы? ничего!» — «Такъ что-жъ и добраго въ васъ есть?
Оставьте предковъ вы въ покоѣ:
Имъ по-дѣломъ была и честь;
А вы, друзья, лишь годны на жаркое.»—
Баснь эту можно-бы и болѣ пояснить;
Да чтобъ гуссй не раздразнить.

Крыловъ.

307. КОТЪ И ПОВАРЪ.

Какой-то Поваръ, грамотѣй,
Съ поварни побѣжалъ своей
Въ кабакъ (онъ набожныхъ былъ правилъ
И въ этотъ день по кумѣ тризну правилъ),
А дома стеречи съѣстное отъ мышей
Кота оставилъ.
Но что-же, возвратясь, онъ видитъ? На полу
Объѣдки пирога; а Васька-Котъ въ углу,
Припавъ за уксуснымъ боченкомъ,
Мурлыча и ворча, трудится надъ курченкомъ.
— «Ахъ, ты обжора! ахъ, злодѣй!»
Тутъ Ваську Поваръ укоряетъ:
«Не стыдно-ль стѣнъ тебѣ, не только что людей?
(А Васька все-таки курченка убираетъ).
Какъ! бывъ честнымъ Котомъ до этихъ поръ,
Бывало, за примѣръ тебя смиренства кажутъ:
А ты.... ахти какой позоръ!
Теперя всѣ сосѣди скажутъ:
Котъ-Васька плутъ, Котъ-Васька воръ!
И Ваську-де не только что въ поварню,
Пускать не надо и на дворъ,
Какъ Волка жаднаго въ овчарню;
Онъ порча, онъ чума, онъ язва здѣшнихъ мѣстъ!»
(А Васька слушаетъ, да ѣстъ).
Тутъ риторъ мой, давъ волю словъ теченью,
Не находилъ конца нравоученью.
Но что-жъ? Пока его онъ пѣлъ,
Котъ-Васька все жаркое съѣлъ.
А я-бы повару иному
Велѣлъ на стѣнкѣ зарубить,
Чтобъ тамъ рѣчей не тратить попустому,
Гдѣ нужно власть употребить.

Крыловъ.

308. ОБЕЗЬЯНА.

Какъ хочешь ты трудись;
Но пріобрѣсть не льстись
Ни благодарности, ни славы,
Коль нѣтъ въ твоихъ трудахъ ни пользы, ни забавы.—
Крестьянинъ на зарѣ съ сохой
Надъ полосой своей трудился;
Трудился такъ крестьянинъ мой,
Что градомъ потъ съ него катился!
Мужикъ работникъ былъ прямой.

За то кто мимо ни проходитъ,
Отъ всѣхъ ему: спасибо, исполать!
Мартышку это въ зависть вводитъ;
алы приманчивы: какъ ихъ не пожелать!
Мартышка вздумала трудиться;
шла чурбанъ и ну надъ нимъ возиться!
Хлопотъ
Мартышкѣ полонъ ротъ:
Чурбанъ она то понесетъ,
То такъ, то сякъ его обхватитъ,
То поволочетъ, то покатитъ;
Рѣкой съ бѣдняжки льется потъ;
наконецъ она, пыхтя, насилу дышитъ:
все ни отъ кого похвалъ себѣ не слышитъ.
И не диковинка, мой свѣтъ!
удишься много ты, да пользы въ этомъ нѣтъ.

Крыловъ.

309. СЛОНЪ И МОСЬКА.

По улицамъ Слона водили,
Какъ видно на показъ.
Вѣстно, что слоны въ диковинку насъ:
Такъ за Слономъ толпы зѣвакъ ходили.
олѣ ни возьмись, на встрѣчу Моська имъ.
цѣвши Слона, ну на него метаться,
И лаять, и визжать, и рваться:
Ну, такъ и лѣзетъ въ драку съ нимъ.
—«Сосѣдка, перестань срамиться,»
афка говоритъ: «тебѣ ль съ Слономъ возиться?
гри, ужъ ты хрипишь; а онъ себѣ идетъ
Впередъ,
ія твоего совсѣмъ не примѣчаетъ.»
– «Эхъ, эхъ!» ей Моська отвѣчаетъ:
Ютъ то-то мнѣ и духу придаетъ,
Что я, совсѣмъ безъ драки,
у попасть въ большія забіяки.
кай-же говорятъ собаки:
Моська! знать она сильна,
Что лаетъ на Слона!»

Крыловъ.

310. ЛЕБЕДЬ, ЩУКА И РАКЪ.

Когда въ товарищахъ согласья нѣтъ,
На ладъ ихъ дѣло не пойдетъ,
И выйдетъ изъ него не дѣло, только мука.—
Однажды Лебедь, Ракъ да Щука
Везти съ поклажей возъ взялись,
И вмѣстѣ трое всѣ въ него впряглись;
Изъ кожи лѣзутъ вонъ, а возу все нѣтъ ходу!
Поклажа-бы для нихъ казалась и легка:
Да Лебедь рвется въ облака,
Ракъ пятится назадъ, а Щука тянетъ въ воду.
Кто виноватъ изъ нихъ, кто правъ, — судить не намъ;
Да только возъ и нынѣ тамъ.

Крыловъ.

311. ОСЕЛЪ И СОЛОВЕЙ.

Оселъ увидѣлъ Соловья,
И говоритъ ему: — «Послушай-ка, дружище!
Ты, сказываютъ, пѣть великій мастерище:
Хотѣлъ-бы очень я
Самъ посудить, твое услышавъ пѣнье,
Велико ли твое умѣнье?»
Тутъ Соловей являть свое искуство сталъ:
Защелкалъ, засвисталъ
На тысячу ладовъ, тянулъ, переливался;
То нѣжно онъ ослабѣвалъ,
И томной вдалекѣ свирѣлью отдавался,
То мелкой дробью вдругъ по рощѣ разсыпался.
Внимало все тогда
Любимцу и пѣвцу Авроры;
Затихли вѣтерки, замолкли птичекъ хоры,
И прилегли стада.
Чуть-чуть дыша, пастухъ имъ любовался,
И только иногда,
Внимая Соловью, пастушкѣ улыбался.
Скончалъ пѣвецъ. Оселъ, уставясь въ землю лбомъ,

— «Изрядно,» говоритъ: сказать не-
ложно,
Тебя безъ скуки слышать можно;
А жаль, что незнакомъ
Ты съ нашимъ пѣтухомъ:
Еще-бъ ты болѣ навострился,
Когда бы у него немного поучился.»
Услыша судъ такой, мой бѣдный Со-
ловей
Вспорхнулъ и—полетѣлъ за тридевять
полей.
Избави Богъ и насъ отъ этакихъ судей.

Крыловъ.

312. ДЕМЬЯНОВА УХА.

—«Сосѣдушка, мой свѣтъ!
Пожалуй-ста покушай.»—
«Сосѣдушка, я сытъ по горло.»—
«Нужды нѣтъ,
Еще тарелочку; послушай:
Ушица, ей-же-ей, на славу сварена!—
«Я три тарелки съѣлъ.» — «И, полно,
что за счеты!
Лишь стало-бы охоты,
А то во здравье: ѣшь до дна!
Что за уха! Да какъ жирна:
Какъ будто янтаремъ подернулась она.
Потѣшь-же, миленькій дружочикъ!
Вотъ лещикъ, потроха, вотъ стерляди
кусочикъ!
Еще хоть ложечку! Да кланяйся,
жена!»—
Такъ подчивалъ сосѣдъ Демьянъ со-
сѣда Фоку,
И не давалъ ему ни отдыха, ни сроку;
А съ Фоки ужъ давно катился градомъ
потъ,
Однако-же еще тарелку онъ беретъ:
Сбирается съ послѣдней силой,
И очищаетъ всю.—«Вотъ друга я лю-
блю!»
Вскричалъ Демьянъ; «зя то ужъ чван-
ныхъ не терплю.
Ну, скушай-же еще тарелочку, мой
милой!»
Тутъ бѣдный Фока мой,
Какъ ни любилъ уху, но отъ бѣды
такой,
Схватя въ охабку
Кушакъ и шапку,—
Скорѣй безъ памяти домой
И съ той поры къ Демьяну ни ног
Писатель, счастливъ ты, коль дар
мой имѣе
Но если помолчать во время не ум
И ближняго ушей ты не жалѣ
То вѣдай, что твои и проза и сти
Тошнѣе будутъ всѣмъ Демьянова

Кры

313. ЩУКА И КОТЪ

Бѣда, коль пироги начнетъ печи с
ни
А сапоги тачать пирожникъ
И дѣло не пойдетъ на лад
Да и примѣчено стократъ,
Что кто за ремесло чужое братьс
бі
Тотъ завсегда другихъ упря
вздорнѣй
Онъ лучше дѣло все погу
И радъ скорѣй
Посмѣшищемъ стать свѣта,
Чѣмъ у честныхъ и знающихъ.
Спросить, иль выслушать разу
сов
Зубастой Щукѣ въ мысль п
За кошачье приняться ремесл
Не знаю: завистью-ль ее лукавь
чі
Иль, можетъ быть, ей рыбный
наскучил
Но тольче вздумала Кота она пр
Чтобъ взялъ ее съ собой онъ на
Мышей въ анбарѣ половить.
«Да, полно, знаешь-ли ты эту,
раб
Сталъ Щукѣ Васька говор
«Смотри, кума, чтобы не осрам
Не даромъ говорится,
Что дѣло мастера боится.»
«И, полно, куманекъ! Вотъ нев
мы
Мы лавливали и ершей.»—
«Такъ въ добрый часъ, пойдемъ
шли, зас

Натѣшился, наѣлся Котъ,
И кумушку провѣдать онъ идетъ:
Щука, чуть жива, лежитъ, разинувъ ротъ,—
И крысы хвостъ у ней отъѣли.
Тутъ видя, что кумѣ совсѣмъ не въ силу трудъ,
Кумъ замертво ее стащилъ обратно въ прудъ.
И дѣльно! это, Щука,
Тебѣ наука,
Впередъ умнѣе быть,
И за мышами не ходить.

Крылов.

---

314. ЛЖЕЦЪ.

Изъ дальнихъ странствій возвратясь,
Какой-то дворянинъ (а можетъ быть, и князь),
Съ пріятелемъ своимъ пѣшкомъ гуляя въ полѣ,
Расхвастался о томъ, гдѣ онъ бывалъ,
И къ былямъ небылицъ безъ счету прилыгалъ.
«Нѣтъ,» говоритъ: «что я видалъ,
Того ужъ не увижу болѣ.
Что здѣсь у васъ за край?
То холодно, то очень жарко,
То солнце спрячется, то свѣтитъ слишкомъ ярко,
Вотъ тамъ-то прямо рай!
И вспомнить такъ душѣ отрада!
Ни шубъ, ни свѣчъ совсѣмъ не нада:
Незнаешь вѣкъ, что есть ночная тѣнь,
И круглый Божій годъ все видишь майскій день.
Никто тамъ ни садитъ, ни сѣетъ:
А если бъ посмотрѣлъ, что тамъ растетъ и зрѣетъ!
Вотъ въ Римѣ, на-примѣръ, я видѣлъ огурецъ:
Ахъ, мой Творецъ!
И по сію не вспомнюсь пору!
Повѣришь-ли? Ну, право, былъ онъ съ гору.» —
«Что за диковина!» пріятель отвѣчалъ:
«На свѣтѣ *чудеса разсѣяны* повсюду,
Да не вездѣ ихъ всякій примѣчалъ:
Мы сами вотъ теперь подходимъ къ чуду,
Какого ты нигдѣ, конечно, не встрѣчалъ,
И я въ томъ спорить буду.
Вонъ видишь-ли черезъ рѣку тотъ мостъ,
Куда намъ путь лежитъ? Онъ съ виду хоть и простъ,
А свойство чудное имѣетъ:
Лжецъ ни одинъ у насъ по немъ пройти не смѣетъ.
До половины не дойдетъ —
Провалится и въ воду упадетъ;
Но кто не *лжетъ*,
Ступай по немъ, пожалуй хоть въ каретѣ.»
— «А какова у васъ рѣка?»
— «Да не мелка.
Такъ видишь-ли, мой другъ, чего-то нѣтъ на свѣтѣ!
Хоть римскій огурецъ великъ, нѣтъ спору въ томъ;
Вѣдь съ гору, кажется, ты такъ сказалъ о немъ?»
— «Гора хоть не гора, но, право, будетъ съ домъ.
— «Повѣрить трудно!
Однако-жъ какъ ни чудно,
А все чуденъ и мостъ, по коемъ мы пойдемъ,
Что онъ Лжеца никакъ не подымаетъ;
И нынѣшней еще весной
Съ него обрушились (весь городъ это знаетъ)
Два журналиста, да портной.
Безспорно, огурецъ и съ домъ величиной
Диковинка, коль это справедливо.»
— «Ну, не такое еще диво;
Вѣдь надо знать, какъ вещи есть:
Не думай, что вездѣ по нашему хоромы;
Что тамъ за домы:
Въ одинъ двоимъ за нужду взлѣзть,
И то ни стать, ни сѣсть.» —
«Пусть такъ, но все признаться должно,
Что огурецъ не грѣхъ за диво счесть,
Въ которомъ двумъ усѣсться можно.
Однако-жъ мостъ-атъ нашъ каковъ,
Что лгунъ не сдѣлаетъ на немъ пяти шаговъ,

Какъ тотчасъ въ воду!
Хоть римскій твой и чуденъ огурецъ...
—«Послушай-ка,» тутъ перервалъ мой Лжецъ:
«Чѣмъ на мостъ намъ идти, поищемъ лучше броду.»
Крыловъ.

315. ЛЯГУШКА И ВОЛЪ.

Лягушка, на лугу увидѣвши Вола,
Затѣяла сама въ дородствѣ съ нимъ сравняться:
Она завистлива была,
И ну топорщиться, пыхтѣть и надуваться.
«Смотри-ка, квакушка, что, буду-ль я съ него?»
Подругѣ говоритъ.—«Нѣтъ, кумушка, далеко!»—
«Гляди-же, какъ теперь раздуюсь я широко.
Ну, каково?
Пополнилась-ли я?»—«Почти что ничего.»—
«Ну, какъ теперь?»—Все то-жъ.» Пыхтѣла да пыхтѣла,
И кончила моя затѣйница на томъ,
Что, не сравнявшися съ Воломъ,
Съ натуги лопнула и — околѣла.
Примѣръ такой на свѣтѣ не одинъ;
И диво-ли, когда жить хочетъ мѣщанинъ,
Какъ именитый гражданинъ,
А сошка мелкая, какъ знатный дворянинъ?
Крыловъ.

316. ЛАРЧИКЪ.

Случается нерѣдко намъ
И трудъ и мудрость видѣть тамъ,
Гдѣ стоитъ только догадаться,
За дѣло просто взяться.
Къ кому-то принесли отъ мастера Ларецъ.
Отдѣлкой, чистотой Ларецъ въ глаза кидался;
Ну, всякій Ларчикомъ прекраснымъ любовался.
Вотъ входитъ въ комнату Механики мудрецъ.
Взглянувъ на Ларчикъ, онъ сказалъ:
«Ларецъ съ секретомъ;
Такъ, онъ и безъ замка,
А я берусь открыть; да, да, увѣренъ въ этомъ;
Не смѣйтесь такъ исподтишка!
Я отыщу секретъ, и Ларчикъ вамъ открою:
Въ Механикѣ и я чего нибудь да стою.»
Вотъ за Ларецъ принялся онъ:
Вертитъ его со всѣхъ сторонъ
И голову свою ломаетъ;
То гвоздикъ, то другой, то скобку пожимаетъ.
Тутъ, глядя на него, иной
Качаетъ головой;
Тѣ шепчутся, а тѣ смѣются межъ-собой.
Въ ушахъ лишь только отдается:
Не тутъ, не такъ, не тамъ. Механикъ пуще рвется.
Потѣлъ, потѣлъ, но наконецъ усталъ,
Отъ Ларчика отсталъ,
И какъ открыть его, никакъ не догадался;
А Ларчикъ просто открывался.
Крыловъ.

317. МАРТЫШКА И ОЧКИ.

Мартышка къ старости слаба глазами стала;
А у людей, она слыхала,
Что это зло еще не такъ большой руки:
Лишь стоитъ завести Очки.
Очковъ съ полдюжины себѣ она достала;
Вертитъ Очками такъ и сякъ:
То къ темю ихъ прижметъ, то ихъ на хвостъ нанижетъ,
То ихъ понюхаетъ, то ихъ полижетъ;
Очки не дѣйствуютъ никакъ.
«Тьфу пропасть!» говоритъ она, «и тотъ дуракъ,
Кто слушаетъ людскихъ всѣхъ врак:

Все про Очки лишь мнѣ налгали;
А проку на-волосъ нѣтъ въ нихъ.»
ртышка тутъ съ досады и съ пе-
чали
О камень такъ хватила ихъ,
Что только брызги засверкали.
Къ несчастью, тожъ бываетъ у людей:
къ ни полезна вещь, — цѣны не
зная ей,
вѣжа про нее свой толкъ все къ ху-
ду клонитъ;
ежели невѣжа познатнѣй,
Такъ онъ ее еще и гонитъ.

Крыловъ.

---

318. КВАРТЕТЪ.

Проказница Мартышка,
Оселъ,
Козелъ,
Да косолапый Мишка
Затѣяли сыграть Квартетъ.
тали нотъ, баса, альта, двѣ скрыпки,
И сѣли на лужокъ подъ липки,
Внять своимъ искуствомъ свѣтъ.
арили въ смычки, дерутъ, а толку
нѣтъ....
ой, братцы, стой!» кричитъ Мар-
тышка: «погодите!
съ музыкѣ идти? Вѣдь вы не такъ
сидите.
съ басомъ, Мишенька, садись про-
тивъ альта,
Я прима сяду противъ вторы;
Тогда пойдетъ ужъ музыка не та:
У насъ запляшутъ лѣсъ и горы!»
Разсѣлись, начали Квартетъ:
Онъ все-таки на ладъ нейдетъ.
«Постойте-жъ, я сыскалъ секретъ,»
ичитъ Оселъ: мы вѣрно ужъ пола-
димъ,
Коль рядомъ сядемъ.»
слушались Осла; усѣлись чинно въ
рядъ,
А все таки Квартетъ нейдетъ на ладъ.
гъ, пуще прежняго, пошли у нихъ
разборы
И споры,
Кому и какъ сидѣть.
Случилось Соловью на шумъ ихъ при-
летѣть.
Тутъ съ просьбой всѣ къ нему, чтобъ
ихъ рѣшить сомнѣнье;
«Пожалуй,» говорятъ: «возьми на часъ
терпѣнье,
Чтобы Квартетъ въ порядокъ нашъ
привесть:
И ноты есть у насъ, и инструменты есть;
Скажи лишь, какъ намъ сѣсть!»—
«Чтобъ музыкантомъ быть, такъ надоб-
но умѣнье
И уши вашихъ понѣжнѣй,«
Имъ отвѣчаетъ Соловей:
«А вы, друзья, какъ ни садитесь,
Все въ музыканты не годитесь.»

Крыловъ.

---

319. ВОЛКИ И ОВЦЫ.

Овечкамъ отъ Волковъ совсѣмъ житья
не стало,
И до того что, наконецъ,
Правительство звѣрей благія мѣры
взяло
Вступиться въ спасенье овецъ,—
И учрежденъ совѣтъ на сей ко-
нецъ.
Большая часть въ немъ, правда, были
Волки;
Но не о всѣхъ Волкахъ вѣдь злые толки.
Видали и такихъ Волковъ, и много кратъ,
Примѣры эти не забыты,
Которые ходили близко стадъ
Смирнехонько—когда бывали сыты.
Такъ почему жъ Волкамъ въ совѣтѣ и не
быть?
Хоть надобно овецъ оборонить,
Но и Волковъ не вовсе жъ притѣ-
снить.
Вотъ засѣданіе въ глухомъ лѣсу от-
крыли;
Судили, думали, рядили
И, наконецъ, придумали законъ.
Вотъ вамъ отъ слова въ слово онъ:
«Какъ скоро Волкъ у стада забуя-
нитъ,
И обижать онъ Овцу станетъ,

То Волка тутъ властна Овца,
Не разбираючи лица,
Схватить за шиворотъ, и въ судъ тотчасъ представить,
Въ сосѣдній лѣсъ иль боръ.—
Въ законѣ нечего прибавить, ни убавить.
Да только я видалъ: до этихъ поръ—
Хоть говорятъ: Волкамъ и не спускаютъ—
Что будь Овца отвѣтчикъ иль истецъ:
А только Волки все таки Овецъ
Въ лѣса таскаютъ.

Крыловъ.

320. ЛИСИЦА И ВИНОГРАДЪ.

Голодная кума-Лиса залѣзла въ садъ;
Въ немъ винограду кисти рдѣлись.
У кумушки глаза и зубы разгорѣлись.
А кисти сочныя, какъ яхонты горятъ;
Лишь то бѣда, висятъ онѣ высоко;
Отколь и какъ она къ нимъ ни зайдетъ,
Хоть видитъ око,
Да зубъ нейметъ.
Пробившись попусту часъ цѣлой,
Пошла и говоритъ съ досадою:—«Ну, что-жъ!
На взглядъ-то онъ хорошъ,
Да зеленъ—ягодки нѣтъ зрѣлой:
Тотчасъ оскомину набьешь.

Крыловъ.

321. ВАСИЛЕКЪ.

Въ глуши расцвѣтшій Василекъ
Вдругъ захирѣлъ, завялъ почти до половины
И, голову склоня на стебелекъ,
Уныло ждалъ своей кончины.
Зефиру между тѣмъ онъ жалобно шепталъ:
— «Ахъ, если бы скорѣе день настал,
И солнце красное поля здѣсь освѣтило,
Быть можетъ, и меня оно-бы оживило.»
— «Ужъ какъ ты простъ, мой другъ!»
Ему сказалъ, вблизи копаясь, жукъ:
«Неужли солнышку лишь только и заботы,
Чтобы смотрѣть, какъ ты растешь,
И вянешь ты, или цвѣтешь?
Повѣрь, что у него ни время, ни охоты
На это нѣтъ.
Когда-бы ты летал, какъ я, да зналъ-бы свѣтъ,
То видѣлъ-бы, что здѣсь луга, поля и нивы
Имъ только и живутъ, имъ только и счастливы:
Оно своею теплотой
Огромные дубы и кедры согрѣваетъ,
И удивительною красотой
Цвѣты душистые богато убираетъ;
Да только тѣ цвѣты
Совсѣмъ не то, что ты:
Они такой цѣны и красоты,
Что само время ихъ, жалѣя, коситъ,
А ты ни пышенъ, ни пахучъ;
Такъ солнца ты своей докукою не мучь!
Повѣрь, что на тебя оно луча не броситъ,
И добиваться ты пустаго перестань,
Молчи и вянь!»
Но солнышко взошло, природу освѣтило,
По царству Флорину разсыпало лучи,
И бѣдный Василекъ, завянувшій въ ночи,
Небеснымъ взоромъ оживило.
О вы, кому въ удѣлъ судьбою данъ
Высокій санъ!
Вы съ солнца моего примѣръ себѣ берите!
Смотрите:
Куда лишь лучъ его достанетъ, тамъ оно
Былинкѣ-ль, кедру-ли благоволитъ равно,
И радость по себѣ и счастье оставляетъ;
За то и видъ его горитъ во всѣхъ сердцахъ —

Какъ чистый лучъ въ восточ-
ныхъ хрусталяхъ,
И все его благословляетъ.
Крыловъ.

---

2. ПУСТЫННИКЪ И МЕДВѢДЬ.

тя услуга намъ при нуждѣ дорога,
Но за нее не всякъ умѣетъ взяться:
Не дай Богъ съ дуракомъ свя-
заться!
лужливый дуракъ опаснѣе врага.—
Жилъ нѣкто человѣкъ безродный,
одинокой,
Вдали отъ города, въ глуши.
о жизнь пустынную какъ сладко ни
пиши,
въ одиночествѣ способенъ жить не
всякой;
ѣшно намъ и грусть и радость раз-
дѣлить.
ѣ скажутъ: а лужокъ, а темная дуброва,
игорки, ручейки и мурава шелкова?
Прекрасны, что и говорить!
все прискучится, какъ не съ кѣмъ
молвить слова.
Такъ и Пустыннику тому
Соскучилось быть вѣчно одному.
цетъ онъ въ лѣсъ толкнуться у сосѣдей,
объ съ кѣмъ-нибудь знакомство свесть.
Въ лѣсу кого набресть,
Кромѣ волковъ или медвѣдей!
точно, встрѣтился съ большимъ Медвѣдемъ онъ,
дѣлать ничего: снимаетъ шляпу,
милому сосѣдушкѣ поклонъ.
сѣдъ ему протягиваетъ лапу,
слово за слово, знакомятся они,
Потомъ дружатся,
Потомъ не могутъ ужъ разстаться,
И цѣлые проводятъ вмѣстѣ дни.
чемъ у нихъ и что бывало разговору,
ль присказокъ, иль шуточекъ какихъ,
И какъ бесѣда шла у нихъ,
Я по сію не знаю пору.
Пустынникъ былъ неговорливъ;
Мишукъ съ природы молчаливъ:
Такъ изъ избы не вынесено сору.
Но какъ-бы ни было, Пустынникъ очень
радъ,
Что далъ ему Богъ въ другѣ
кладъ.
Вездѣ за Мишей онъ; безъ Мишеньки
тошнится
И Мишенькой не можетъ нахвалиться.
Однажды вздумалось друзьямъ
Въ день жаркій побродить по рощамъ,
по лугамъ,
И по долинъ, и по горамъ;
А такъ какъ человѣкъ медвѣдя по-
слабѣе,
То и Пустынникъ нашъ скорѣе,
Чѣмъ Мишенька, усталъ
И отставать отъ друга сталъ.
То видя, говоритъ, какъ путный, Мишка другу:
—«Прилягъ-ка, братъ, и отдохни,
Да коли хочешь, такъ сосни;
А я постерегу тебя здѣсь у досугу.»
Пустынникъ былъ сговорчивъ: легъ,
зѣвнулъ,
Да тотчасъ и заснулъ,
А Мишка на часахъ, да онъ и не безъ
дѣла:
У друга на носъ муха сѣла;
Онъ друга обмахнулъ;
Взглянулъ,
А муха на щекѣ; согналъ, а муха снова
У друга на носу,
И неотвязчивѣй часъ отъ часу.
Вотъ Мишенька, не говоря ни слова,
Увѣсистый булыжникъ въ лапы сгребъ,
Присѣлъ на корточки, не переводитъ
духу,
Самъ думаетъ: молчи-жъ, ужъ я тебя
вострухуу!
И, у друга на лбу подкараулявъ муху,
Что силы есть—хвать друга камнемъ
въ лобъ!
Ударъ такъ ловокъ былъ, что черепъ
врозь раздался,
И Мишинъ другъ лежать надолго тамъ
остался!
Крыловъ.

---

323. ДВА МАЛЬЧИКА.

«Сенюша, знаешь ли, покамѣстъ, какъ бараповъ,
Опять насъ не погнали въ классъ,
Пойдемъ-ка, да нарвемъ въ саду себѣ каштановъ!»
— «Нѣтъ Ѳедя, тѣ каштаны не про насъ!
Ты знаешь, вѣдь, какъ дерево высоко:
Тебѣ, ни мнѣ, туда не взлѣзть,
И намъ каштановъ тѣхъ не ѣсть!»—
«И, милой, да на что-жъ догадка!
Гдѣ силой взять не льзя, тамъ надобна ухватка.
Я все придумалъ: погоди!
На ближній сукъ меня лишь посади,
А тамъ мы сами умудримся,
И досыта каштановъ наѣдимся.»
Вотъ къ дереву друзья со всѣхъ несутся ногъ.
Тутъ Сеня помогать товарищу принялся,
Пыхтѣлъ, весь потомъ облился,
И Ѳедѣ, наконецъ, вскарабкаться помогъ.
Взобрался Ѳедя на приволье:
Какъ мышкѣ въ закормѣ, вверху ему раздолье!
Каштановъ тамъ не только всѣхъ не съѣсть,—
Не перечесть!
Найдется чѣмъ и поживиться
И съ другомъ подѣлиться.
Чтожъ! Сенѣ оттого прибытокъ вышелъ малъ:
Онъ, бѣдный, на низу облизывалъ лишь губки;
Ѳедюша самъ вверху каштаны убиралъ,
А другу съ дерева бросалъ однѣ скорлупки.
Видалъ Ѳедюшъ на свѣтѣ я, —
Которымъ ихъ друзья
Вскарабкаться наверхъ усердно помогали;
А послѣ ужъ отъ нихъ скорлупки не видали.

Крыловъ.

---

324. ВЕЛЬМОЖ

Какой-то, въ древности,
Съ богатою бранного лоз
Отправился въ страну, гдѣ цв
Пл
Сказать простѣе,—уз
И такъ какъ встарь велось, в
судъ
Тотчасъ допросъ ему: — «Ч
ты? гдѣ ро
«Родился въ Персіи, а чино
са
Но такъ-какъ, живучи, я былъ
емъ
То самъ я областью не
А всѣ дѣла секретарю о
—«Что-жъ дѣлалъ ты?»—«П
и
Да все подписывалъ, что он
да
— «Скорѣй-же въ рай его! -
гдѣ же справедли
Меркурій тутъ вскричалъ, заб
учт
— «Эхъ, братецъ!» отвѣчалъ
«Не знаешь дѣла ты никак
Не видишь, развѣ, ты? Поко
былъ д
Что, еслибы съ такою
Взялся онъ за дѣла, къ-не
Вѣдь погубилъ бы цѣлый
И тыбъ тамъ слезъ не об
За тѣмъ-то и попалъ он
Что за дѣла не принима.
Вчера я былъ въ судѣ, и видѣ
с
Ну, такъ и кажется, что быт

К

---

325. ОРЕЛЪ И ГОЛУ

Съ утеса молодой Орелъ
Пустился на добычу;
Стрѣлокъ пронзилъ ему крыло
И съ высоты упалъ
Онъ въ масличную рощу.
Тамъ онъ томился
Три долгихъ дня,

лгихъ ночи,
огался
ли; наконецъ
асцѣленъ
льнымъ бальзамомъ
ѣляющей природы.
ый хищничествомъ смѣлымъ,
покинувъ свой,
рчетъ крылья испытать....
нѣ едва
цъемлютъ отъ земли,
въ унынiи глубокомъ
и отдохнуть
нѣ у ручья;
отритъ на вершину дуба,
нце, на далекiй
ый сводъ,
амянныхъ его глазахъ
отъ слезы.
юсти, между оливъ,
и тихо вѣя,
голубь и голубка.
ручью спустились,
по золотому
уляли вмѣстѣ.
угомъ
ными глазами,
а наконецъ
ила сидящаго въ безмолвномъ
Орла.
арища тихонько
ъ толкнула;
, съ участiемъ сердечнымъ
вши на страдальца,
зала:
ваешь, другъ?
же? Оглянись, не все-ли,
ъ для счастья
о нужно,
ь имѣешь?
атъ-ли вокругъ тебя
анiемъ оливы?
щаютъ-ли зеленой
ной сѣнiю своей
я отъ зноя?
екрасно-ль блещетъ
ечеръ золотой
вѣ и на игривыхъ
Струяхъ ручья?
Ты здѣсь гуляешь по цвѣтамъ,
Покрытымъ свѣжею росою;
Ты можешь пищу
Сбирать съ кустовъ и жажду
Въ струяхъ студеныхъ утолять.
О другъ! повѣрь,
Умѣренность прямое счастье:
Съ умѣренностью мы
Вездѣ и всѣмъ довольны.»
— О мудрость! прошепталъ Орелъ,
Въ себя сурово погрузившись,
Ты разсуждаешь, какъ голубка.

Жуковскiй.

326. ЧЕЛОВѢКЪ И МОТЫЛЕКЪ.

Надъ мотылькомъ смѣялся человѣкъ:
«Гость утренній! по чести, ты мнѣ жалокъ!
Онъ говоритъ: мгновенье—вотъ твой вѣкъ;—
И мотыльку могила—кустъ фіалокъ:»—
За годомъ годъ торопится во слѣдъ,
И старику отсчитано сто лѣтъ.
Часъ смертный бьетъ! старикъ на смертномъ ложѣ
Вздохнувъ, сказалъ: и вѣкъ—мгновенье тоже!

Кн. Вяземскiй.

327. КРУГОВАЯ ПОРУКА.

«Какая-жъ лошадь я!» свалившись съ мосту въ грязь,
Корова говоритъ.—»Какая-жъ я корова!»
Упавши лошадь въ ровъ, вскричала разсердясь.—
Такой примѣръ намъ не обнова:
Обычай этотъ мы найдемъ и у людей.
Какъ часто въ обществѣ друзей,
Когда о глупостяхъ людскихъ идетъ бесѣда,
Другъ на друга мигаютъ два сосѣда!

Кн. Вяземскiй.

ДРАМАТИЧЕСКАЯ ПОЭЗІЯ.

I. ТРАГЕДІЯ.

328. ИЗЪ ЭДИПА.

ЭДИПЪ И АНТИГОНА.

Эдипъ.

Постой, дочь нѣжная преступнаго отца!
Опора слабая несчастнаго слѣпца!
Печаль и бѣдствія всѣхъ силъ меня лишили.

Антигона.

Здѣсь камень вижу я; надъ нимъ древа склонили
Густую сѣнь свою; ты отдохни на немъ.

Эдипъ (*сѣвши на камень*).

Спокойно.—Я мой вѣкъ на камнѣ кончу семъ.

А. Ужасною тоской твои всѣ мысли полны.

Э. Видала-ль на брегу, когда изверг-нутъ волны
Отъ грозныхъ бурь морскихъ обломки корабля?

А. Видала. — Но почто?....

Э. Вотъ жизнь теперь моя.

А. Какимъ мечтаніемъ смущаешь духъ унылой?

Э. Ахъ! я Эдипъ.

А. Увы! ты съ большей прежде силой
Несправедливый гнѣвъ судьбы своей сносилъ.

Э. Печальну жизнь влачить не достаетъ мнѣ силъ.
Слѣпецъ, чтобъ слезы лить, остался мнѣ очи;
Дни ясны для меня подобны мрачной ночи.
Нѣтъ, никогда уже мой не увидитъ взоръ
Ни красоты долинъ, ни возвышенныхъ горъ;
Ни по веснѣ лѣсовъ зеленыя одежды;
Ни съ жатвою полей, оратаевъ надежды;
Ни мужа кроткаго пріятнаго чела,
Котораго боговъ рука произвела:
Сокрылись отъ меня всѣ прелести природы;
При имени моемъ всѣ возстаютъ народы;
Какъ язва лютая отвсюду я гоннмъ.

А. Мы здѣсь убѣжище найдемъ бѣдамъ своимъ.

Э. Съ какой жестокостью сыны меня изгнали!

А. Почто возобновлять прошедшія печали?

Э. Я ихъ любилъ.

А. Увы! забудь, забудь о нихъ,
И вспоминаньемъ ранъ не растравляй своихъ.

Э. Предвижу ихъ бѣды. — Тщеславія развратомъ
Влекомый Полиникъ не будетъ въ-мирѣ съ братомъ.
На злость, на пагубу дѣтей извелъ я въ свѣтъ.

А. Уже-ли предъ тобой и я виновна?

Э. Нѣтъ;
Ты утѣшенье мнѣ, любезна Антигона!
Противъ гоненія одна мнѣ оборона,
Одна сопутница моей ты нищеты.
Для странника, меня, забыла счастье ты,
Санъ свѣтлый, дворъ царевъ, и юности забавы:
Одно намъ рубище отъ всей осталось славы.

А. Ахъ! не жалѣю я о пышной славѣ той;
Горжусь симъ рубищемъ, моею нищетой,
Предпочитаю ихъ сіянію короны.

ій быть твоей, вотъ счастье Антигоны!
титло славное превыше титловъ всѣхъ!
йствіе твое дороже мнѣ утѣхъ.
родитель мой гонимъ людьми, судьбою!
помощи моей чтобъ сдѣлалось съ тобою?
евнюю главу къ кому-бы преклонилъ?
о, на чью-бы грудь ты слезы уронилъ?
ады въ жаркій день въ моей ты ищешь тѣни.
у, ты главу мнѣ склонишь на колѣни;
і густыхъ лѣсовъ, въ жестокость бурныхъ зимъ
грѣваемъ иной, дыханіемъ моимъ.
свѣтъ, забывшій насъ, взаимно мы забудемъ,
шеніемъ одинъ другому будемъ.
ѣ ты проливай свою сердечну боль,
ѣ защитою твоею быть дозволь.
завидую въ моей тогда я долѣ
тьевъ участи, сѣдящихъ на престолѣ.
аграда сладостна толико скорбныхъ лѣтъ,
ость полная моихъ превыше бѣдъ,
и, о дочь моя, приди мое рожденье,
удетъ надъ тобой боговъ благословенье!
й отрадою наполнила мнѣ грудь!
и къ родителю въ примѣръ потомству будь;
ени твоемъ повѣдаютъ народы,
хвала твоя прейдетъ изъ рода въ роды.
хъ, печальна мысль! сближается тотъ срокъ,
а разстаться намъ судилъ жестокій рокъ.
ще ты жизнь вести возможешь многи годы.
ѣтъ, нѣтъ, не льстись; пора исполнить кругъ природы.

Родится человѣкъ лѣтъ нѣсколько попѣвсть,
Потомъ скорбѣть, дряхлѣть, и смерти дань отнесть.
Одинъ шедъ малый путь, другой прошедъ подолѣ,
Въ гробу покоятся сномъ крѣпкимъ въ равной долѣ.
Но ты, о дочь моя! печаль свою умѣрь;
Смерть къ свѣтлой вѣчности намъ отверзаетъ дверь.
Гдѣ мы?
А. Въ долинѣ мы: окрестъ пустынны виды,
И близко межъ древесъ храмъ виденъ Евмениды.
Э. Храмъ Евменидъ? увы! я вижу ихъ; онѣ
Стремятся въ ярости съ отмщеніемъ ко мнѣ;
Въ рукахъ змѣи шипятъ, ихъ очи распаленны,
И за собой ведутъ всѣ ужасы геенны.
А. Въ забвенье страшное ума впадаетъ онъ.
Э. Гора несчастная, ужасный Киѳеронъ!
Ты, первыхъ дней моихъ пустынная обитель,
Куда на страшну смерть меня извергъ родитель,
Скажи: пещеръ своихъ во мрачной глубинѣ
Скрывала-ль ты когда звѣрей полобныхъ мнѣ?
Антигона (*упадая на колѣни*).
Спокойте мысль его, о вы, могущи боги!
Э. О, сколько фуріи терзать меня вы строги!
Не вы-ль на семъ пути мой обнажили мечъ,
Чтобъ жизнь родителя моей рукой пресѣчь?
Вотъ храмъ, гдѣ съ матерью меня вы сочетали;
Изъ вашихъ змѣй вѣнцы намъ брачные сплетали;
Тамъ не былъ Гименей, Мегера тамъ была,
И смрадный пламенникъ съ усмѣшкою зажгла.

Вы лютости свои, о фуріи, смягчите;
Иль жизнь Эдипову скорѣе прекратите.
Антигона (*упадаетъ на камень*).
Отъ мыслей удали толь страшныя мечты.
Эдипъ (*невставая и отталкивая ее*).
Оставь, о Полиникъ! меня отрекся ты;
Бѣги и не смущай моей минуты слезной.
А. Уже-ль не узнаешь и дочери любезной?
Увы! родитель мой, познай хотя мой гласъ.
Нѣтъ Полиника здѣсь, весь міръ оставилъ насъ;
Одна я твоему свидѣтельница стону.
Не отвергай, молю, усердну Антигону.
Эдипъ (*пришедъ въ себя*).
Гласъ сладостный! о дочь! такъ ты одна при мнѣ?
Увы! я здѣсь мечталъ какъ-бы въ ужасномъ снѣ.
Представилась мнѣ мать, родитель, Евмениды,
Неблагодарныхъ чадъ противные мнѣ виды,
И все сцѣпленіе несносныхъ бѣдъ моихъ.
Сказала ты, что храмъ въ мѣстахъ воздвигнутъ сихъ;
Пойдемъ (*встаетъ*), поищемъ въ немъ конца бѣдамъ ужаснымъ.
Едины алтари прибѣжище несчастнымъ.

Озеровъ.

---

329. СЦЕНЫ ИЗЪ ЕВРИПИДОВОЙ ТРАГЕДІИ: ИФИГЕНІЯ ВЪ ТАВРИДѢ.

ХОРЪ ДѢВЪ.

Спокойные, свѣтло-лазоревы,
Проливы, заливы, поморія
Евксина, бурь грозныхъ питателя!
Вы, кои Зевеса любимицу
Несли изъ Европы въ край Азіи!
Повѣдайте, кто сіи странники?
Съ береговъ ли они многоводнаго,
Еврота осокой вѣнчаннаго?
Отъ скалъ ли Дирцеи священныя
Стремилися къ острову варваровъ,
Гдѣ дѣвы десница невольная
Невинною кровію странниковъ
Питаетъ алтарь и кропитъ столпы
Чертога богини разгнѣванной?
Алканье ли духа испытнаго,
Благія-ль познанія васъ вели?
Иль слава отваги военныя
Вѣтрилами вашими правила?
Иль бездны погоды коварныя
Ловитвой васъ смерти влекли сюда?
Не ты ли, о врагъ человѣчества,
О жажда богатства весытая,
Отъ крововъ родимыхъ ихъ вызвала
Въ сраженье съ волнами сварѣнными?
О льстецъ вѣроломный и гибельный!
Изъ моря ты въ море, изъ града въ градъ,
Съ востока на западъ влечешь слѣпцовъ;
Но что жъ? муки вѣка — мгновенья данъ!....
Безстрашные! какъ протекали вы
Межъ двухъ острововъ сочетавшихся,
Близь брега крутаго, утеснаго,
Финея, пловцовъ — злобълюстителя?
Какъ плыли равнинами влажными,
Гдѣ въ слѣдъ Амфитридѣ гуляющей,
Поютъ пятьдесятъ сладкогласныхъ дѣвъ,
Прелестныя дщери Нереевы?
Онѣ тихо — нѣжными пѣснями
Манятъ къ кораблю вѣтры кроткіе,
Вздуваютъ вѣтрила дыханіемъ,
Когда на кормѣ златокованной
Безсмертный правитель ведетъ его
Ко острову сына ей милаго!
О если бы, внявъ Ифигеніи,
Рокъ мстящій Елену привелъ въ сей храмъ!
О если бы Леды дщерь красная,
Власы распустивъ злато-шелковы,
Омылась здѣсь влагою жертвенной!
Когда бы виновница общихъ бѣдъ,—
Безмездье любви беззаконныя,—
Пріяла смерть дланію дѣвственной!....
Но болѣ веселья и радостей
Услышать намъ вѣстника родины!....
Хотя бы во снѣ намъ привидѣлась
Земля праотцовъ благодатная!
Хотя бы во снѣ пѣсней древнею
Брега оглашать возвращенные!

Ифигенія.

›вите пѣніе! влачащіе оковы,
тся отъ береговъ богинѣ жертвы
новы.
Грека, пастырь рекъ.—Злощаст-
ная чета!
приблизились, вступаютъ во врата.

Корифей.

опочтенная! когда народа сила
ценнодѣйства долгъ тебѣ свершать
судила,
и и освяти посланны жертвы намъ,
е касаются нечисты къ алтарямъ.
Приступимъ.....первый долгъ мой,
первое раченье,
довъ точное и вѣрно соблюденье.
ите цѣпи съ нихъ; богинѣ при-
своенъ
олженъ въ узахъ быть: свободенъ
и священъ.
ы, въ тайныя притворы отъ идите,
е потребное обычно учредите!
(*къ Оресту и Пиладу.*)
леменники! приближьтесь вы ко
мнѣ.
ать, кто вашъ отецъ, въ какой
живутъ странѣ?
те-ль сестру?.... Ахъ, ждетъ ее
утрата!....
го, бѣдная, она лишится брата?....
здаете вы еще судьбы своей!....
грядущее открыто изъ людей?
отъ въ вѣчной мглѣ всевышнихъ
силъ совѣты,
жиданны намъ блага и навѣты!
йте странники, отколѣ притекли?
вы моря преплыли къ сей земли?
съ вами родина прощалася лю-
безна?
ка ваша съ ней—долга и много-
слезна!....

Орестъ.

домая намъ! вѣщай, отколь сіе
есчастьямъ странниковъ участіе
твое?....
лезы льешь; почто, почто ты насъ
смущаешь
й грядущихъ бѣдъ, которы пред-
вѣщаешь!
съ неизбѣжнаго и близкаго конца,
Слезами упрежда—не дѣло мудреца!
Кто плачетъ о судьбѣ на гибель обре-
ченныхъ,
Кто скорбію томитъ надежды отлучен-
ныхъ,
Изъ одного тотъ зла двойное зло тво-
ритъ.
Скорби иль не скорби, а смерть равно
разитъ.
Оставь въ покоѣ насъ: давно уже из-
вѣстны
Законы сей страны и жребій нашъ не-
лестный!..
Иф. Но вѣдать я хощу, котораго на-
звать
Пиладомъ?....
Ор. Вотъ Пиладъ, когда угодно
знать.
Иф. Какого гражданинъ онъ грече-
скаго града?
Ор. Какая изъ сего тебѣ и намъ отра-
да?—
Иф. Одноутробные-ль вы братья и
сыны?
Ор. Не кровью, дружбою мы братья,—
сроднены!
Иф. А имя какъ твое?....
Ор. Мнѣ имя есть—несчастный.
Иф. Мы всѣ равно судьбѣ таинственной
подвластны.
Вопросъ мой не о томъ.
Ор. Безвѣстнымъ пусть умру,
Да посмѣянія на прахъ не соберу.—
Иф. Къ чему тебѣ сіи заботы горде-
ливы?
Исчезнутъ въ мигъ одинъ мечты твои
кичливы!....
Ор. Не имя ты мое, но тѣло поразишь.
Иф. И родины своей ты мнѣ не воз-
вѣстишь?
Ор. Что пользы называть ее въ минуту
смерти?
Изъ памяти своей хотѣлъ бы имя стерти!
Иф. Упорный бѣдствій сынъ! не мно-
гаго прошу;
Я властна требовать....
Ор. Невольный все свершу:
Аргосъ отчизна мнѣ....
Иф. Аргосъ.... ты рекъ смущен-
ный.....

Аргосъ?—не правда ли?....
Ор. Микены, градъ священный,
Счастливый прежде градъ, мое рожденье зрѣлъ!
Иф. Но какъ отеческій покинулъ ты предѣлъ,
Изгнанникъ?.... трепещу....
Ор. То странствіе невольно,
И вмѣстѣ произволъ страдальца.... но довольно....
Иф. Ахъ! продолжай, молю.... вся кровь кипитъ моя!
Все, все повѣдай мнѣ....
Ор. Скажу, какъ въ силахъ я:
О жрица! бѣдствіе всегда малорѣчиво.
Иф. Когда бъ ты могъ читать въ душѣ нетерпѣливой,
Сколь вожделенъ мнѣ твой изъ Аргоса приходъ!....
Ор. Тебѣ любезенъ онъ! а насъ во гробъ ведетъ!
Иф. О Троѣ ты слыхалъ?—молва объ ней всенѣстна.
Ор. Ахъ! если бъ никогда была мнѣ неизвѣстна!
Желалъ бы не видать ужасной и во снѣ....
Иф. Слухъ идетъ: въ гибельной погибъ сей градъ войнѣ.
Ор. Слухъ правъ... разрушенъ онъ....
Иф. А славная Елена?
Ор. Супругу отдана!.... Корысть не вожделѣнна!
Коль многихъ стоилъ золъ сей роковой возвратъ
Единому изъ насъ!

Ифигенія (*въ сторону*)

Мнѣ болѣе стократъ!....
Но гдѣ теперь она?
Ор. Въ чертогахъ Менелая,
Супруга перваго!
Иф. О гибель рода злая!
Всея Еллады срамъ! вина моихъ всѣхъ бѣдъ!....
Ор. И мнѣ злосчастный бракъ принесъ великій вредъ!....
Иф. Правдивы-ль вѣсти намъ, что десять лѣтъ томимый,
Народъ сей наконецъ узрѣлъ свой кр родимый?
Ор. Но жрица !.. дивно мнѣ! что зн читъ, и къ чему
Сія испытливость? Вопросовъ разны тиу....
Иф. Ты долженъ разрѣшить, пока м тебѣ дыханье....

Оресть (*съ горестію*).

О дѣва!.... тяжкое душѣ моей ск занье!....
Иф. Пророкъ строптивый сей, притек ли въ домъ Калхаса?
Ор. Вѣщаютъ, что на вѣкъ — сей г лосъ золъ угасъ!....
Иф. О Боги мстители!.... А сынъ Лае та, хладный
Строитель козней?....
Ор. Живъ, коль вѣренъ слух досадный!....
Онъ живъ! но не достигъ до Ита своей!....
Иф. Да гибнетъ! и на вѣкъ да коснется къ ней!....
Ор. Злодѣй терзается!.... на все т рана плеи
Рукою налегло карающее время....
Иф. Но.... отрасль юная Ѳетиды? С герой....
Ор. Вотще въ Авлидѣ бракъ—онъ с царственной красой!
Иф. Увы! то былъ обманъ.... такъ мы слять, кои знаютъ....
Ор. Но кто же ты? Чего у насъ постигаютъ,
То болѣе тебѣ открыто здѣсь, н вѣрь!....
Иф. Пришелецъ! знай, ты зришь с ей отчизны дщерь.
Погибшая жива, лишась роднаго краю.
Ор. Теперь участіе твое къ нам стигаю!
Иф. Гдѣ тотъ, повѣдай мнѣ, могущ средь вождей...
Ор. О комъ желаешь знать?....
Иф. Кого глаголъ людей
Счастливѣйшимъ нарекъ....
Ор. Я тамъ не зрѣлъ счастл выхъ!....
Иф. Атридъ, Агамемнонъ—

Ор. О немъ вѣстей правдивыхъ
Не знаю.... пощади, оставь вопросъ ты сей....
Иф. Для имени боговъ утѣшь меня скорѣй!
Ор. Погибъ, и погубилъ онъ ближняго съ собою!
Иф. Онъ умеръ! какъ? когда? Куда я слезы скрою?
Ор. Вздыхаешь, стонешь ты! Иль сродникъ царь тебѣ!....
Иф. Стеню о тягостной величія судьбѣ....
Ор. Достойна слезъ она.... Атридъ женой развратной
Свирѣпо умерщвленъ....
Иф. Женой?.... О вѣстникъ хладной!..
Кто лютая змѣя? сей извергъ? говори!....
Ор. Престань меня терзать!... конецъ мой ускори...
Иф. Еще одно!.... жива-ль вдовица та несчастна,
Любившая его.... толико къ чадамъ страстна....
Ор. Нѣтъ!.... сынъ! единственный сынъ мать свою убилъ!
Иф. Ужасно!.... какъ дерзнулъ!....
Ор. За смерть отца онъ мстилъ.—
Иф. Несчастный домъ!.... небесъ карающа строптивость!
Сынъ бѣдный! сколь твоя свирѣпа справедливость!....
Ор. Что въ правотѣ земной?.... всѣ боги на него
Враждуютъ; чужды всѣ....
Иф. Ужели никого
Нѣтъ болѣе въ живыхъ отъ племени царева?....
Ор. Электра? дщерь его.... единственная дѣва!
Иф. Но развѣ слуха нѣтъ о младшей той сестрѣ,
Что въ жертву предана въ Авлидѣ....
Ор. На зарѣ
Прелестнѣйшей весны невинная увяла;
Рука, рука отца кровь дщери пролияла,
Наказанъ строго онъ!.... отмстила мать за дочь....
Иф. Но сынъ царя?.... вѣщай, уже ли вѣчна ночь
Пожрала и его въ сей безднѣ преступленій?
Орестъ (*въ смущеніи*).
Онъ живъ.... незнаемый.... изгнанникъ, призракъ тѣни,
Повсюду.... и нигдѣ....
Ифигенія (*радостно*).
Онъ живъ!—скажи еще!....
Онъ живъ.... (*въ сторону*) простите— сны обманчивы!—Вотще,
Вы сердце робкое, отверстое печали,
Мечтами страшными доселѣ возмущали!
Вы прорицатели!.... въ васъ тьма и спесь одна!
Толковники судебъ!.... вы также чада сна!....
Ужель оракула въ постыдно оправданье
Велите утверждать: Орестъ не живъ.... мечтанье!....
Оракулъ мой во мнѣ: онъ ясно говоритъ.
Онъ видитъ, чувствуетъ.... мнѣ близкое твердитъ!....
И, мнится, изъ груди исторгнуться желаетъ!.....
Ор. А насъ, увы! никто, ничто не утѣшаетъ:
Родные, живы ль вы? или закрыли взоръ?....
Ифигенія (*съ важностію*).
Внемлите странники!.... мой съ вами разговоръ
Для васъ и для меня во благо обратится
Успѣхъ не измѣнитъ! потребно лишь рѣшиться.
(*Оресту*) Къ тебѣ склоняю рѣчь, испытанный здѣсь мной!
Ты не умрешь, когда завѣтъ исполнишь мой.
Въ Арголиду теки и отнеси посланье
Къ немногимъ тѣмъ друзьямъ, которыхъ состраданье
И страхъ боговъ еще несчастной сберегли.
Одинъ изъ плѣнниковъ сей варварской земли,

Подвигнутъ жалостью къ судьбѣ моей жестокой,
Его мнѣ начерталъ подъ тайною глубокой.
Несчастный, онъ не зналъ, кому благотворилъ!....
Ахъ, вскорѣ освященъ сей дланью въ жертву былъ!
Письмо мое досель подъ спудомъ я хранила,
За тѣмъ, что вѣрнаго посла не находила:
Въ тебѣ я зрю его; ты добръ, несчастенъ самъ,
Микены знаешь ты и знаешь ближнихъ намъ!
Ступай и памятуй; услуги сей святыя,
Столь легкой для тебя—награда жизнь, родные!....
(*Пиладу*) А ты.... располагать я жребіемъ твоимъ
Не властна; укрѣпись — закопъ неумолимъ.
Умри.... пусть дружба здѣсь вновь памятникъ воздвигнетъ!
Ор. Свершится твой завѣтъ—и братъ мой не погибнетъ.
Какъ? Онъ чтобы меня собою замѣнилъ?
Чтобъ смертію его я жизнь себѣ купилъ?
Сіе презрительно и даже межъ врагами....
Кто разлучилъ его съ любовью и друзьями,
Похитилъ отъ семьи, извлекъ изъ милыхъ странъ,
И бросилъ въ яростный несчастій океанъ?
Я правилъ кораблемъ, отверженнымъ отъ неба,
Волнуемымъ средь скалъ подъ бурями Эреба:
Онъ дружбой вдохновенъ, онъ доблестью ведомъ,
Повсюду за слѣпымъ послѣдовалъ пловцомъ!
Онъ въ тысячахъ смертей меня не отрекался,
И въ цѣломъ свѣтѣ мной единый не гнушался;
И я, служа тебѣ, могу разстаться съ нимъ!
Я погублю его спасеніемъ своимъ!
Нѣтъ!.... жрица!.... правота и долгъ, и боги сами,
И состраданіе къ истерзаннымъ бѣдами,
Все требуетъ: свое рѣшенье премѣни.
Пусть въ Аргосъ онъ течетъ; мои окончи дни....
Пусть онъ одинъ свершитъ твое препорученье;
Но дружбы чистыя не тронетъ посрамленье;
Она превыше благъ, честей и золъ, всего....
Дороже жизни мнѣ жизнь друга моего!
Иф. О чувства милыя! о чувства возвышенны!
Сколь славенъ долженъ быть источникъ тотъ почтенный,
Изъ коего они въ тебѣ проистекли!....
Прекраснѣй и святѣй нѣтъ дружбы на земли!
Ахъ! если бы мой братъ, отъ предковъ знаменитыхъ
Послѣдня отрасль, цвѣтъ надеждъ моихъ сокрытыхъ —
Ахъ! если бъ онъ во всемъ подобенъ былъ тебѣ!
И онъ, какъ ты страдалъ.... покорный рабъ судьбѣ....
Онъ живъ, узнала я, но ахъ, его не вижу....
Высокія души стремленій не унижу...
Дивлюсь, скорблю и чту рѣшительность твою....
Согласна : пусть Пиладъ свершитъ мольбу мою!
Теки, куда тебя рокъ строгій призываетъ!....
(Ахъ, тайная тоска мнѣ сердце раздираетъ)!....
Ор. Кто жрецъ? кто хладною, свирѣпою рукой
Несчастнаго сразитъ?
Иф. Сей долгъ священный мой:
Діаны жрица я!....

Долгъ тягостный, ужасной
ли душѣ, столь кроткой и
прекрасной?
или боги такъ! покорствовать
должна!....
ваетъ грудь мужей столь нѣж-
ная жена!....
ъ!.... токмо влагою священной
омываю
ритекшихъ жертвъ.
Но вѣдать я желаю,
назначенный убійца, грозный
мнѣ?
житель алтарей ждетъ храма
въ глубинѣ....
я мертваго возметъ меня мо-
гила?
священнаго чистительная си-
ла.
той грота мглѣ почіетъ пе-
пелъ твой.
РЕСТЪ (*въ сторону*).
милою оплаканъ былъ сестрой!
анье тщетное! О юноша зло-
счастной!
четъ сестра на островъ сей
ужасной;
объ участи не вѣдая твоей!
ы ни былъ ты, сынъ родины
моей,
ить тебѣ нѣжнѣйшею сестрою!
къ возмогу, какъ долгъ ве-
литъ, устрою;
цвѣты на гробъ твой прине-
сетъ,
еленой чистѣйшей обовьетъ;
теръ, изъ древъ сложенный
ароматныхъ,
сладкой сокъ, отъ злаковъ
благодатныхъ
олотой исторгнутый, пролью!
ій меня: вини судьбу мою;
е врагъ: ахъ, нѣтъ! я чув-
ствую къ вамъ болѣ,
юсть.... (*къ хору*) дайте вы
свободу краткой волѣ.
ихъ теперь: сей дорогъ часъ
друзьямъ.
) Я скоро возвращусь съ пись-
момъ готовымъ къ вамъ.

(*Въ сторону*) О братъ! мнѣ кажется, я
зрю твое смущенье!
Отъ той, которой зрѣлъ ты смерть и
погребенье,
Надъ коей восхолмясь, возсталъ зеле-
ный долъ,
Отъ мертвой сей сестры.... нечаянный
посолъ!....
Какія радости, восторги, ликованья!...
Благослови Зевесъ невинны начинанья!.

ОРЕСТЪ И ПИЛАДЪ.

ОРЕСТЪ.

Мой другъ, мы здѣсь одни... что мыс-
слить мнѣ, Пиладъ?
Безвѣстны чувствія смятенный духъ
тягчатъ!

ПИЛАДЪ.

Какія? — раздѣлимъ души и сердца
раны?....
Ор. Кто дивная сія служебница Ді-
аны?
Съ какимъ она огнемъ во словѣ и въ
очахъ
Распрашиваланасъ о гибельныхъ бояхъ,
О бѣдственномъ вождей Ахейскихъ
возвращеньи!
Калхасъ, Ахиллъ живутъ въ ея вообра-
женьи;
Я слезы зрѣлъ ея, смущенье, слышалъ
стонъ,
Когда изрекъ, что жить престалъ Ага-
мемнонъ;
Съ какою горестной досадою взи-
рала,
Когда о матери и чадахъ знать же-
лала?....
Ей родина Аргосъ, и я увѣренъ въ томъ;
Иначе для чего съ опасностью, тру-
домъ
Письмо ей отправлять въ страны да-
леки, чужды?
Почто испытывать Ахейцевъ скорби,
нужды,
Какъ близкія къ душѣ, какъ собствен-
ны свои?....
Пил. Я видѣлъ все сіе; тѣ жъ мыс-
ли и мои.

Быть можетъ, чувствъ ея вина обыкновенна.
Въ премѣнахъ царствъ, царей, участвуетъ вселенна,
Къ ихъ благамъ, къ ихъ бѣдамъ, къ нимъ взоры всѣхъ летятъ....
Другое слово мнѣ въ грудь врѣзалось, какъ ядъ....
Ор. Вѣщай: излей печаль ты въ дружескомъ совѣтѣ.
Пил. Когда погибнешь ты, мнѣ стыдно жить на свѣтѣ.
Мы вмѣстѣ плавали сей жизни по морямъ;
Едина смерть пускай предѣломъ будетъ намъ.
Куда я безъ тебя явлю чело смятенно,
Позора, робости клеймомъ запечатлѣнно?
Что въ Аргосѣ скажу друзьямъ твоимъ въ отвѣтъ?
Какъ родина моя объятья мнѣ простретъ,
Бѣжавшему твоихъ объятій въ часъ закланья?....
Фокидскіе лѣса, дубравы предвѣщанья!
Дерзну ли я вступить въ священну вашу сѣнь,
Гдѣ я съ тобой встрѣчалъ и провожалъ мой день!
Возстанутъ на меня и добрые, и злые!
Возстанутъ, можетъ быть, свидѣтели такіе,
Которые рекутъ: что я, предатель твой,
Коварно здѣсь купилъ кровавой жизнь цѣной,
Что я убійца самъ; ты жертва мной стрегома,
Чтобъ на развалинахъ царева древня дома
Воздвигнуть свой престолъ, присвоить твой народъ,
Какъ брака моего съ твоей сестрою плодъ!
Нѣтъ, нѣтъ, я не снесу столь страшны укоризны!....
Онѣ отравятъ мнѣ дыханіе отчизны;
Разрушатъ мой покой, тревожа въ мрачномъ снѣ,
И подданныхъ сердца охолодятъ [к] мнѣ....
И самая любовь.... и самая супруга...
Бояться буду ихъ, какъ мстителей [за] друга....
Нѣтъ, нѣтъ! пусть мечъ одинъ дни наши пресѣчетъ,
Пускай единый огнь тѣла друзей пожретъ!
Едина урна пусть нашъ пепелъ сохраняетъ!
Такъ братство, дружба; честь велитъ [и] ожидаетъ.
Ор. Пиладъ! возлюбленный!.... Будь справедливъ, молюсь.
Я казнь навлекъ судьбы.... достоинъ, [я] казнюсь!
Но сильный смерть пріятъ, даруемую [бо]гами,
Не въ силахъ многими терзаться [и] смертями!
Напрасно чуждый ты присвоиваешь [срам]ъ
И страхъ отвѣтственный землѣ и небесамъ;
Вся лютость укоризнъ, презрѣніе подвластныхъ
И всѣ страданія преступниковъ несчастныхъ:
Они мои.... и всѣ на сей главѣ лежатъ,
Какъ горы пламенны—и жгутъ, и тиготятъ!—
Ты хочешь, чтобъ твоей я смертію жестокой,
Невинный, вѣрный другъ, несчастій [въ] ровъ глубокой
Низверженный моей желѣзною рукой
Страдалецъ, на кого всѣ зла стекали [мной],
Который, все терпя, былъ вмѣстѣ мо[хранитель],
Чистѣйша часть меня, мой геній утѣ[шитель]—
Ты хочешь, чтобъ свою я множил[казнь стократъ],
Иль паче весь въ себя переселилъ [б]ад!
Нѣтъ! боги праведны и въ милостя[велики]!

Они вели меня въ сіи предѣлы дики;
Болѣзнуя о мнѣ, сей указали храмъ
Въ конецъ мученіямъ, въ конецъ моимъ враждамъ!
Карающую длань, Пиладъ, благословляю:
Какъ жилъ, какъ дѣйствовалъ, достойное вкушаю....
Ты долженъ, другъ мой, жить. Тебѣ не отцвѣла
Привѣтственная жизнь, далекая отъ зла!
Тебя семейственна улыбкой манитъ радость,
Божественной любви не отравленна сладость!
Твой домъ позора чуждъ и свыше покровенъ;
Мой домъ отеческій.... несчастенъ, осквернень,
И миръ, небесный миръ на кровъ его не сходитъ!
Сонмъ Фурій вкругъ него отчаяніе водитъ!
Ступай, и промысломъ избавленный святымъ,
Ты освяти его присутствіемъ своимъ!
Раздоры изжени, возстави власть закона,
Совокупи въ одинъ два родственные трона!
Люби сестру мою, которую пріялъ
Изъ рукъ моихъ, когда намъ славы свѣтъ сіялъ:
Въ ней обрѣтешь себѣ нѣжнѣйшаго ты друга:
Тѣнь—среди вашего носиться буду круга;
Ореста имя въ васъ и въ чадахъ оживетъ,
И родъ Атридовъ весь для Грековъ не умретъ!
Но, возвратясь въ Аргосъ гордящійся конями,
(Обязываю въ томъ и дружбой, и богами),—
Ты гробъ воздвигни мнѣ и памятникъ надъ нимъ
Поставь—въ урокъ сынамъ ничтожества слѣпымъ!....
Пусть онъ имъ власть боговъ всемощную укажетъ!
Да во слезахъ ему Электра не откажетъ,
И брату кудрями пожертвуетъ власовъ!
Скажи, что убіенъ на скалѣ сихъ браговъ,
Аргивскія жены я жертвенной рукою!
Еще, еще молю послѣднею мольбою!
Главою дома ставъ, не оскорби родства,
И брака не нарушь священныя права:
Супругѣ вѣренъ будь, чтобъ смерть лишь развязала
Нѣжнѣйшій вашъ союзъ!.... Ахъ! и она страдала.
Прости, прости, мой другъ, примѣръ и честь друзей,
Всезамѣняющій даръ неба въ жизни сей,
Товарищъ младости, товарищъ звѣроловецъ,
Свирѣпыхъ опытовъ и бѣдствій сопитомецъ!....
Прости! свершилось все!.... Такъ! Фебъ насъ обольстилъ....
Онъ не отчизну мнѣ, но смерть благовѣстилъ!....
Чего не сдѣлалъ я рабъ слишкомъ легковѣрной....
Убійца матери — жду смерти равномѣрной!....
Пил. Спокойся! укрѣпись! противъ боговъ роптать
Ужасно!.... и не намъ судьбы ихъ разбирать!
Повергнувъ въ бездну золъ, внезапно исторгаютъ,
И смерти въ челюстяхъ намъ жизнь утаеваютъ!
(*Значительно*) Повѣрь, послѣдняя и крайная бѣда
Раждаетъ оборотъ чудесный иногда....
Орестъ.
Все тщетно!.... слышишь ли?—Идутъ! прости безцѣнной!
Се! дѣва шествуетъ за жертвой обреченной!
Ифигенія (*къ стражамъ*).
Служители боговъ! грядите къ алтарямъ;

Священнодѣйства часъ насталъ желанный намъ:
Да Благосклонная низыдетъ на закланье!.... (*Уходятъ*).
Се, странники, мое въ Арголиду посланье;
Но прежде чѣмъ вручу тебѣ его, Пиладъ,
Внемли; признаюсь я: сомнѣнья грудь тѣснятъ!
Кто вѣренъ узникомъ—не вѣренъ свобожденный.
Чѣмъ убѣдить, что ты посолъ мнѣ неизмѣнный;
Что ввѣрену печаль не презришь, сохранишь,
Когда отъ пагубныхъ береговъ сихъ убѣжишь?....
Ор. Оставь прискорбное, о жрица, подозрѣнье;
Скажи, что сдѣлать намъ тебѣ во увѣренье?
Иф. Я клятвы требую, письмо мое отдать.
Ор. Взаимной клятвой ты себя должна связать.
Иф. Въ чемъ мой обѣтъ!
Ор. Спасти отъ гибели Пилада,
И въ Аргосъ отпустить.
Иф. Въ томъ польза, въ томъ награда
Пролитыхъ мною слезъ!.... Увѣренъ, странникъ, будь!
Ор. Пускай все нужное ты въ сей устроишь путь;
Но дастъ ли твой тиранъ на то соизволенье?....
Иф. Друзья! все на мое оставьте попеченье!
Благопоспѣшно я полуночной порой
Пилада изведу сама своей рукой....
Ор. Довольно!.. (*къ Пиладу*) ты клянись! да будетъ клятва строга,
Въ залогъ твой предъ лицемъ спасающаго бога!
Пил. (*въ смущеніи*). Какой обѣтъ?....
Иф. Вручить посланье милымъ мнѣ.
Пил. Такъ! я отдамъ его въ ихъ отческой странѣ.
Иф. Я здравымъ проведу тебя сред
скалъ Ціаны.
Пил. Какія божества въ свидѣтели
браны?
Иф. Клянусь Діаною, которой жрица
Пил. Зевесъ свидѣтель мнѣ: надежд
въ немъ моя!
Иф. Но если измѣнишь коварно т
какая
Тебя постигнетъ казнь?....
Пил. О родина святая,
Да не узрю тебя въ теченье грустных
дней!
Иф. А я.....да не узрю Арголи
моей!
Пил. Не все сказали мы!.....
Иф. Но что еще потребно?
Пил. Одно условіе.... когда Эолъ вра
дебной
Корабль мой среди волнъ кипящих
поразитъ,
И все мое съ письмомъ пучина погло
титъ,
И я спасусь одинъ чудесно пото
пленья —
Надѣюсь ли тогда отъ клятвы разрѣ
шенья?....
Иф. Предупредимъ злой рокъ.... Есть
средство! на словахъ
Скажу тебѣ все то, что скрыла въ сихъ
строкахъ.
Когда избѣгнешь ты погибели грозя
щей,
Твой гласъ органомъ будь души моей
горящей....
Пил. Прекрасенъ вымыслъ твой....
симъ средствомъ сохранимъ,
И пользу мы свою, и страхъ къ богамъ
благимъ.
Вѣщай, къ кому твое, и что гласитъ
посланье.
Иф. «Орестъ—Атрида сынъ.... (*обратясь къ нимъ*) сіе къ нему писанье!
(*Орестъ и Пиладъ другъ на друга взглядываютъ и содрогаются*).

(*Читаетъ*).

«Та, коя нѣкогда Авлиды на брегахъ
«Убита жертвою всей Греціи въ очахъ
«Та Ифигенія сіе Оресту пишетъ:

ива.... Но ахъ! не для любезных дышитъ!....
къ? Ифигенія? Она поражена!
отвые встаютъ? Кто видѣлъ? гдѣ она?
за передъ тобой: не прерывай, о странникъ!
несчастной ты отчизны не изгнанникъ,
ка славнаго наслѣдія отцовъ,
ъ возлюбленный! для имени боговъ,
неки меня изъ тягостнаго плѣна,
рить дщерь свою любезная Мицена....
, отъ варваровъ, отъ дикой сей земли,
ѣ дни мои въ печаляхъ не прешли....
гавь мой тяжкій долгъ, мой санъ между врагами:
племенныхъ лью кровь предъ алтарями!—
о слышу, о Пиладъ!....
«Спаси, спаси сестру!
я ты боговъ»!.... (*къ Пиладу*)
Орестъ! Орестъ!.... нарочно
повторю, да неизмѣнно, точно
рѣжется на вѣкъ въ умѣ твоемъ...
! что съ тобой? и что въ названьи семъ
аго? Орестъ тебѣ знакомъ?....
Ни мало....
ье нѣкое, внезапное объяло
хъ..... о если бы!....
Оресту объяви,
илосердствуя къ дѣвической крови,
ону лань въ мой образъ облачила;
тца не дщерь, но звѣря поразила.
гъ сихъ временъ богинею благой
ена сюда!...живу моей тоской!...
да на него!....
О, сладко извѣщенье!
безцѣнное, безтрудно порученье!
ла! клятву я свершу мою скорѣй,
думалъ я, и ты, и другъ души моей!
Въ сей мигъ исполнится обѣтъ мой вожделѣнной:
Орестъ! прими письмо сестры твоей почтенной....
Иф. Какъ! не мечта ли?
Ор. Нѣтъ! я твой несчастный братъ:
То сердце слышало, твердило мнѣ стократъ!
Я братъ твой! я Орестъ! Даръ благости небесной,
О Ифигенія!.... и такъ въ сей жизни слезной
Еще мнѣ радость есть: могу тебя обнять....
Но ты безмолвствуешь.... ты отступаешь вспять,
Трепещешь! ахъ! познай гоннимаго судьбою
По испытаніямъ, мнѣ сдѣланнымъ тобою,
По пылкости души, по чувствамъ сродным намъ,
По гнѣвнымъ, весь нашъ домъ карающимъ судьбамъ,
По множеству чудесъ въ ихъ благахъ, въ наказаньи!....
Познай ты сердца гласъ въ семъ нѣжномъ трепетаньи!...
Ифигенія (*въ изнеможеніи*).
Орестъ! Орестъ!.... лишь мигъ, и жертвенный мой мечъ....
Всѣ міра радости — сама могла пресѣчь
(*Упадаетъ въ его объятія*).
Ор. Спокойся! укрѣпись: богамъ благодаренье!
Непостижимо ихъ надъ смертнымъ провидѣнье!
О свѣтозарный Фебъ, не пріими во зло
Словесъ, которыя отчаянье рекло!....
Какъ прежде будь мой щитъ, правь слабаго стезями,
Да храмъ твой мы почтимъ отчизны надъ брегами!

Мерзляковъ.

(*Подр. и пер. изъ греч. и лат. стих.*).

330. ИЗЪ ОРЛЕАНСКОЙ ДѢВЫ.

ПРОЛОГЪ.

Іоанна.

(*Долго стоитъ въ задумчивости*).

Простите вы, холмы, поля родныя;
Пріютно-мирный, ясный долъ, прости;
Съ Іоанной вамъ ужъ болѣ не видаться,
Навѣкъ она вамъ говоритъ прости.
Друзья — луга, древа, мои питомцы,
Вамъ безъ меня и цвѣсть и доцвѣтать!
Ты, сладостный долины голосъ, эхо,
Такъ часто здѣсь игравшее со мной,
Прохладный гротъ, потокъ мой быстротечной,
Иду отъ васъ и не приду къ вамъ вѣчно.
Мѣста, гдѣ все бывало мнѣ усладой,
Отнынѣ вы со мной разлучены;
Мои стада, не буду вамъ оградой....
Безъ пастыря бродить вы суждены;
Досталось мнѣ пасти иное стадо
На пажитяхъ кровавыя войны.
Такъ вышнее назначило избранье;
Меня стремитъ не суетныхъ желанье.
Кто нѣкогда, гремя и пламенѣя,
Въ горящій кустъ къ Пророку нисходилъ,
Кто на царя подвигнулъ Моисея,
Кто отрока Давида укрѣпилъ —
И съ сильнымъ въ бой сталъ пастырь не блѣднѣя —
Кто пастырямъ всегда благоволилъ,
Тотъ здѣсь вѣщалъ ко мнѣ изъ сѣни древа:
«Иди о Мнѣ свидѣтельствовать, дѣва!
«Надѣть должна ты латы боевыя,
«Въ желѣзо грудь младую заковать,
«Страшись надеждъ, не знай любви земныя....
«Вѣнчальныхъ свѣчъ тебѣ не зажигать;
«Не быть тебѣ душой семьи родныя;
«Цвѣтущаго младенца не ласкать!....
«Но въ битвахъ я главу твою прославлю,
«Всѣхъ выше дѣвъ земныхъ тебя поставлю.
«Когда начнетъ блѣднѣть и смѣлый въ брани,
«И роковой пробьетъ отчизнѣ час
«Возмешь мою ты Орифламму въ д
«И мощь враговъ сорвешь, какъ ж
клас
«Поставишь ихъ надменной власти
и
«Преобратишь во плачъ побѣ
глас
«Дашь ратнымъ честь, дашь блес
силу тро
«И Карла въ Реймсъ введешь на
корон
Мнѣ обѣщалъ Небесный извѣщ
Исполнилось... и шлемъ сей пос
И
Какъ бранный огнь, его прикоснов
Съ нимъ мужество, какъ Божій Х
вим
Въ кипящій бой несетъ души стремл
Какъ буря, пылъ ея неукротимъ..
Се битвы кличъ! полки съ полками с
Взвились кони и трубы зазвучали
(*Уходит*

ДѢЙСТВІЕ I, ЯВЛЕНІЕ X.

(*Іоанна, за нею чиновники ор
скіе и множество рыцарей, к
рые занимаютъ всю глубин
ны. Съ величіемъ выступает
впередъ и осматриваетъ пред
щихъ одного за другимъ*).

Дюнуа (*съ важностію*).
Ты-ль, дивна

Іоанна (*прерываетъ его ве
ствен*
Ты Бога испытуе
Не на своемъ ты мѣстѣ, Дюнуа;
Вотъ тотъ, къ кому меня послало
(*Рѣшительно приближается к
ролю, преклоняетъ предъ
кольно, потомъ встаетъ
нѣсколько шаговъ отступ
Дюнуа сходитъ съ мѣста. К
остается одинъ посреди сце*

Король.

Мое лицо ты видишь въ первый
Кто далъ тебѣ такое откровенье
I. Я видѣла тебя.... но только т

никѣмъ не зримъ былъ, кромѣ
Бога.
ижается и говоритъ таин-
ственно).
нишь-ли, что было въ эту ночь?
какъ все кругомъ тебя заснуло
имъ сномъ — не ты-ль, покинувъ ложе,
итвою предъ Господомъ простерся?
ъ выдти.... я твою молитву
ажу.
Что Богу я повѣрилъ,
ю того и отъ людей.
при нихъ моей молитвы тайну—
вое признаю назначенье.
роизнесъ предъ Богомъ три молитвы!
ю молилъ ты, чтобъ Всевышній —
твой тронъ стяжаніемъ неправымъ
аглаженной изъ древнихъ лѣтъ
бремененъ и тѣмъ на насъ
ена губящая война —
бралъ мирительною жертвой,
ою покорную главу
за насъ всю чашу наказанья.
ь (*отступая съ трепетомъ*).
-же ты, чудесная!.. Откуда!..
(*Всѣ въ изумленіи*).
тая-же твоя была молитва:
уже назначено Всевышнимъ
нишить родительскаго трона,
отнять, чѣмъ праотцы твои,
ные, владѣли въ сей землѣ —
сохранить тебѣ три лучшихъ
блага:
ствіе души самодовольной,
друзей и вѣрную Агнесу.
ь закрываетъ лице и плачетъ.
женіе изумленія въ толпѣ.
на, *помолчавъ, продолжаетъ*).
ль твою послѣднюю молитву?
Довольно; вѣрую; сего не можетъ
й человѣкъ: съ тобой Всевышній!
Архіепископъ.
ися-жъ намъ, всезнающая, кто ты?
омъ краю родилась? Кто и гдѣ
Счастливые родители твои?
I. Святый отецъ, меня зовутъ Іоанна;
Я дочь простаго пастуха; родилась
Въ мѣстечкѣ Домъ-Реми, въ приходѣ
Тула;
Тамъ стадо моего отца пасла
Я съ дѣтскихъ лѣтъ; и я слыхала часто,
Какъ набѣжалъ на насъ островитянинъ
Неистовый, чтобъ сдѣлать насъ рабами,
Чтобъ посадить на тронъ нашъ иноземца,
Немилаго народу; какъ столицей
И Франціей властительствовалъ онъ...
И я въ слезахъ молила Богоматерь:
Насъ отъ цѣпей прищельца защитить,
Намъ Короля законнаго сберечь.
И близь села, въ которомъ я родилась,
Есть чудотворный ликъ Пречистой Дѣвы.
Къ нему толпой приходятъ богомольцы
И близь него стоитъ священный дубъ,
Прославленный издревле чудесами;
И я въ тѣни его сидѣть любила,
Пася овецъ—меня стремило сердце—
И всякій разъ, когда въ горахъ пустынныхъ
Случалося ягненку затеряться,
Пропавшаго являлъ мнѣ дивный сонъ,
Когда подъ тѣмъ я дубомъ засыпала.
И разъ — всю ночь съ усердною молитвой,
Забывъ о снѣ, сидѣла я подъ древомъ—
Пречистая предстала мнѣ; въ рукахъ
Ея былъ мечъ и знамя, но одѣта
Она была, какъ я, пастушкой, и сказала:
«Узнай Меня, возстань, иди отъ стада;
«Господь тебя къ иному призываетъ.
«Возьми сіе святое знамя; мечъ
«Сей опоясь и имъ неустрашимо
«Рази враговъ народа Моего,
«И проведи Помазанника въ Реймсъ,
«И увѣнчай его вѣнцемъ паслѣднымъ.»
Но я сказала: мнѣ-ль, смиренной дѣвѣ,
Неопытной въ ужасномъ дѣлѣ брани,
На подвигъ сей погибельный дерзать?
«Дерзай — Она рекла мнѣ — чистой дѣвѣ
«Доступно все великое земли,
«Когда земной любви она не знаетъ.»
Тогда монхъ очей Она коснулась....
Подъемлю взоръ: исполнено все небо

Сіяющихъ, крылатыхъ Серафимовъ,
И въ ихъ рукахъ прекрасныя лилеи;
И въ воздухѣ провѣялъ сладкій голосъ....
И такъ Пречистая три ночи сряду
Являлась мнѣ и говорила: «Встань,
«Господь тебя къ иному призываетъ.»
Но въ третью ночь, Она, явясь во гнѣвѣ,
Мнѣ строгое сіе вѣщала слово:
«Удѣлъ жены — тяжелое терпѣнье;
«Возьми твой крестъ, покоряйся небесамъ;
«Въ страданіи земное очищенье;
«Смиренный здѣсь—возвышенъ будетъ тамъ.»
И съ словомъ симъ Она съ себя одежду
Пастушки сбросила, и въ дивномъ блескѣ
Явилась мнѣ Царицею небесъ,
И на меня съ утѣхой поглядѣла,
И медленно на свѣтлыхъ облакахъ
Къ обители блаженства полетѣла.

(*Вся тронуты. Агнеса въ слезахъ закрываетъ лице руками*).

ДѢЙСТВІЕ IV, ЯВЛЕНІЕ I.

(*Богато-убранная зала; колонны обвиты гирляндами изъ цвѣтовъ; вдали слышны флейты и гобои; они играютъ во все продолженіе первой сцены*).

Іоанна (*стоитъ въ задумчивости, слушаетъ, потомъ говоритъ*).

Молчитъ гроза военной непогоды;
Спокойствіе на полѣ боевомъ;
Вездѣ шумятъ по стогнамъ хороводы;
Алтарь и храмъ блистаютъ торжествомъ;
И зиждутся изъ вѣтвей пышны входы;
И гордый столбъ обвитъ живымъ вѣнцомъ;
И гости ждутъ вѣнчательнаго пира;
Готовы тронъ, корона и порфира.
И все горитъ единымъ вдохновеньемъ;
И груди всѣмъ подъемлетъ мысль одна;
И счастіе волшебнымъ упоеньемъ
Сдружило все, что розняла вой
Гордится Франкъ своимъ пре
ден
Какъ будто всѣмъ отчизна вне
И съ честію примирена корона
Вся Франція въ собраніи у тро
Лишь я одна, великаго сверг
Ему чужда безчувственной ду
Ихъ счастія, ихъ славы хладн

Я прочь отъ нихъ лечу моей ме
Британскій станъ любви моей о
Ищу враговъ желаньемъ и тоск
Таюсь друзей, бѣгу въ уединен
Сокрыть души преступное вол
Какъ! мнѣ любовію пылать?
Я клятву страшную нарушу?
Я смертному дерзну отдать
Творцу обѣщанную душу?
Мнѣ, усладительницѣ бѣдъ,
Вождю спасенья и побѣдъ,
Любить врага моей отчизны
Снесу-ли сердца укоризны?
Скажу-ль о томъ сіянью дня
И стыдъ не истребитъ меня!

(*Звуки инструментовъ сливаются въ тихую, ни мелодію*).

Горе мнѣ! какіе звуки!
Пламень душу всю проникъ;
Милый слышится мнѣ голосъ
Милый видится мнѣ ликъ.
Возвратися, буря брани!
Загремите стрѣлы, копья!
Вы ударьте, строй на строй!
Битва, дай душѣ покой!
Тише, звуки! замолчите,
Обольстители души!
Непонятнымъ упоеньемъ
Вы ее очаровали;
Слезы льются отъ печали.

(*Помолчавъ, съ большею живо*
Могла-ли я его сразить? О! как
Сразить, узрѣвъ его прекрасн
ра
Нѣтъ, нѣтъ, себя скорѣй-бы я ср
Виновна-ль я, склонясь душой
ло
И грѣхъ-ли жалость?.. Какъ?.
жи-жъ, Іоа

ь къ другимъ ты жалостлива
въ битвѣ?
сти-ль покоренъ былъ твой мечъ,
младый Валліецъ предъ тобою
» въ слезахъ, вотще моля о
жизни?
це хитрое, тыль небеса
ція заманишь въ ослѣпленье?
нѣтъ, тебя влекло не сожалѣнье.
почто дерзнула я примѣтить
да младую красоту?
гная, сей взоръ твоя погибель,
слѣпаго хочетъ Богъ;
нимъ должна была ты слѣпо;
о ты дала очамъ узрѣть —
тебя щитъ Божій отклонился;
ая тебя схватила сѣть.
ывается, вслушивается въ
ыку; потомъ говоритъ).
почто за мечъ воинственный
посохъ отдала,
о, дубъ таинственный,
ана была!
адычица, являла Ты
небеснаго лица,
ъ мнѣ обѣщала Ты!....
йна я вѣнца.
а я небесъ сіяніе,
Ангеловъ въ лучахъ....
и моей желаніе
ѣтъ на небесахъ.
і силы повелѣніе
безсильной совершить?
дать ожесточеніе
жадному любить?
, изъ чистыхъ небожителей
і Твоихъ свершителей;
ыступныхъ облаковъ
і Твоихъ духовъ,
жныхъ, не желающихъ,
бящихъ, не теряющихъ....
ь нѣжною душой
тъ выборъ твой.
ль свирѣпствовать въ сраженіи?
рѣшить судьбу царей?....
въ уединеніи
одины моей....
у жизнь меня умчала Ты,
Владыка привела;
Но.. лишь гибель указала Ты..
Я-ль сей жребій избрала?

ДѢЙСТВІЕ V, ЯВЛЕНІЕ XIV.

(*Поле сраженія; назади сцены солдаты съ распущенными знаменами; впереди Король и Герцогъ Бургундскій; на рукахъ у нихъ лежитъ Іоанна, смертельно раненая и неподвижная; они тихо подвигаются впередъ. Агнеса вбѣгаетъ*).

Агнеса (*бросаясь къ Королю*).

Ты живъ, освобожденъ, ты снова мой!

Король.

Освобожденъ.... но вотъ цѣна свободы;
Смотри!
(*Указываетъ на Іоанну*).

Аг. Іоанна! Боже! умираетъ.

Герцогъ.

Скончалась; улетѣлъ нашъ ангелъ; тихо,
Безгорестно, какъ спящее дитя,
Она лежитъ и райскій миръ играетъ
Кругомъ ея лица; уже дыханье
Не подымаетъ груди ей; но жизнь
Чувствительна еще въ рукѣ горячей.

Кор. Ея ужъ нѣтъ; она ужъ не проснется;
Ея глаза померкли для земнаго;
И съ высоты преображенный Ангелъ
Не зритъ ни слезъ, ни угрызеній нашихъ.

Аг. Она жива; она глаза открыла.

Гер. Иль хочешь къ намъ изъ гроба воротиться?
Иль смерть покорна ей?.. Она встаетъ.

Іоан. (*осматриваясь*). Гдѣ я?

Гер. Съ твоимъ народомъ, посреди Твоихъ, Іоанна.

Кор. Здѣсь твои друзья;
Здѣсь твой Король.

Іоанна (*долго смотрѣвъ неподвижными глазами*).

Ахъ, нѣтъ! вы въ заблужденьи;
Я не волшебница.

Кор. Ты Ангелъ чистый;
Мы были слѣпы; нашъ былъ умъ въ затмѣньи.

Іоанна (*осматриваясь съ веселой улыбкой*).

И такъ опять съ народомъ я моимъ;
И не отвержена; и не въ презрѣньи;
И не клянутъ меня; и я любима..
Такъ! все теперь опять я узнаю:
Вотъ мой Король... вотъ Франціи знамена...
Но моего не вижу... Гдѣ оно?
Безъ знамени явиться не могу;
Его мой Богъ, Владыка мой мнѣ ввѣрилъ;
Его должна передъ Господній тронъ
Я положить; теперь съ нимъ показаться
Я смѣю: я ему не измѣнила.

Король (*отвративъ глаза*).
Подайте знамя ей.
(*Подаютъ знамя; она беретъ его и стоитъ никѣмъ не будучи поддерживаема; небо сіяетъ яркимъ блескомъ*).
I. Смотрите, радуга на небесахъ;
Растворены врата ихъ золотыя;
Средь Ангеловъ—на перяхъ вѣчный Сынъ —
Въ божественныхъ лучахъ стоитъ Она,
И съ милостью ко мнѣ простерла руки;
О, что со мною?.. Мой тяжелый панцырь
Сталъ легкою крылатою одеждой..
И въ облакахъ.. я мчуся быстротечно..
Туда.. туда.. земля ушла изъ глазъ,
Минута скорбь, блаженство безконечно.
(*Знамя выпадаетъ изъ рукъ ея, и она мертвая на него опускается — всѣ стоятъ въ горестномъ молчаніи. — Король подаетъ знакъ и тихо склоняютъ на нее всѣ знамена, такъ что она совершенно ими закрыта*).

Жуковскій.

---

331. ИЗЪ БОРИСА ГОДУНОВА.

ПОЧЬ. КЕЛЬЯ ВЪ ЧУДОВОМЪ МОНАСТЫРѢ.
(1603 г.)

Отецъ Пименъ, Григорій спящій.

Пименъ (*пишетъ предъ лампадой*).
Еще одно, послѣднее сказанье —
И лѣтопись окончена моя;
Исполненъ долгъ, завѣщанный отъ Бога
Мнѣ грѣшному. Недаромъ многихъ лѣтъ
Свидѣтелемъ Господь меня поставилъ
И книжному искусству вразумилъ:
Когда нибудь монахъ трудолюбивый
Найдетъ мой трудъ усердный, безъименный;
Засвѣтитъ онъ, какъ я, свою лампаду,
И, пыль вѣковъ отъ хартій отряхнувъ,
Правдивыя сказанья перепишетъ,
Да вѣдаютъ потомки православныхъ
Земли родной минувшую судьбу,
Своихъ Царей великихъ поминаютъ
За ихъ труды, за славу, за добро —
А за грѣхи, за темныя дѣянья
Спасителя смиренно умоляютъ.
На старости я съизнова живу:
Минувшее проходитъ предо мною —
Давно-ль оно неслось событій полно,
Волнуяся, какъ море-окіанъ?
Теперь оно безмолвно и спокойно:
Немного лицъ мнѣ память сохранила,
Немного словъ доходитъ до меня,
А прочее погибло невозвратно!....
Но близокъ день, лампада догораетъ—
Еще одно, послѣднее сказанье (*пишетъ*).

Григорій (*пробуждается*).
Все тотъ-же сонъ! Возможно-ль? въ третій разъ!
Проклятый сонъ!.... А все передъ лампадой
Старикъ сидитъ, да пишетъ — и дремотой
Знать во всю ночь онъ не смыкалъ очей
Какъ я люблю его спокойный видъ,
Когда, душой въ минувшемъ погруженный,
Онъ лѣтопись свою ведетъ! и часто
Я угадать хотѣлъ, о чемъ онъ пишетъ
О темномъ-ли владычествѣ Татаръ?
О казняхъ-ли свирѣпыхъ Іоанна?
О бурномъ-ли Новогородскомъ Вѣчѣ
О славѣ-ли отечества? напрасно:
Ни на челѣ высокомъ, ни во взорахъ
Нельзя прочесть его сокрытыхъ думъ

ъ-же видъ смиренный, величавый.
ючно дьякъ, въ Приказѣ посѣдѣлый,
но зритъ на правыхъ и виновныхъ,
и злу внимая равнодушно,
ая ни жалости, ни гнѣва.
Проснулся, братъ.
Благослови меня,
й отецъ.
Благослови Господь
днесь и присно и во-вѣки.
і все писалъ и спомъ не позабылся;
покой бѣсовское мечтанье
ило, и врагъ меня мутилъ:
лося, что лѣстница крутая
ела на башню; съ высоты
дѣлась Москва, что муравейникъ;
народъ на площади кипѣлъ
еня указывалъ со смѣхомъ;
ло мнѣ и страшно становилось,
ая стремглавъ, я пробуждался...
раза мнѣ снился тотъ-же сонъ.
ано-ли?
Младая кровь играетъ;
і себя молитвой и постомъ,
твои видѣній легкихъ будутъ
нены. Донынѣ — если я,
ьною дремотой обезсиленъ,
творю молитвы долгой къ ночи....
ларый сонъ не тихъ и не безгрѣшенъ;
удятся то шумные пиры,
ный станъ, то схватки боевыя,
ныя потѣхи юныхъ лѣтъ!
акъ весело провелъ свою ты младость!
евалъ подъ башнями Казани,
ть Литвы при Шуйскомъ отражалъ,
дѣлъ дворъ и роскошь Іоанна!
ливъ! А я отъ отроческихъ лѣтъ
ліямъ скитаюсь, бѣдный инокъ!
ъ и мнѣ не тѣшиться въ бояхъ,
ровать за царскою трапезой!
ъ-бы я, какъ ты на старость лѣтъ
уеты, отъ міра отложиться,
нести монашества обѣтъ,
И въ тихую обитель затвориться.
Пим. Не сѣтуй, братъ, что рано грѣшный свѣтъ
Покинулъ ты, что мало искушеній
Послалъ тебѣ Всевышній. Вѣрь ты мнѣ:
Насъ издали плѣняютъ слава, роскошь
И женская лукавая любовь.
Я долго жилъ и многимъ насладился;
Но съ той поры лишь вѣдаю блаженство,
Какъ въ монастырь Господь меня привелъ.
Подумай, сынъ, ты о Царяхъ великихъ:
Кто выше ихъ? Единый Богъ. Кто смѣетъ
Противу нихъ? Никто. А что-же? Часто
Златой вѣнецъ тяжелъ имъ становился:
Они его мѣняли на клобукъ.
Царь Іоаннъ искалъ успокоенья
Въ подобіи монашескихъ трудовъ.
Его дворецъ, любимцевъ гордыхъ полный,
Монастыря видъ новый принималъ:
Кромѣшники въ тафьяхъ и власяницахъ
Послушными являлись чернецами,
А грозный Царь игумномъ богомольнымъ.
Я видѣлъ здѣсь, вотъ въ этой самой кельѣ
(Въ ней жилъ тогда Кириллъ многострадальный,
Мужъ праведный; тогда ужъ и меня
Сподобилъ Богъ уразумѣть ничтожность
Мірскихъ суетъ), здѣсь видѣлъ я Царя,
Усталаго отъ гнѣвныхъ думъ и казней:
Задумчивъ, тихъ сидѣлъ межъ нами Грозный;
Мы передъ нимъ недвижимо стояли,
И тихо онъ бесѣду съ нами велъ.
Онъ говорилъ игумну и всей братьѣ:
«Отцы мои, желанный день придетъ,
«Предстану здѣсь алкающій спасенья;
«Ты, Пикодимъ, ты, Сергій, ты, Кириллъ,
«Вы всѣ—обѣтъ примите мой духовный:
«Пріиду къ вамъ преступникъ окаянный
«И схиму здѣсь честную восприму,
«Къ стопамъ твоимъ, святый отецъ, припадши.»
Такъ говорилъ державный Государь,
И сладко рѣчь изъ устъ его лилася,

И плакалъ онъ. А мы въ слезахъ молились,
Да ниспошлетъ Господь любовь и миръ
Его душѣ, страдающей и бурной.
А сынъ его Ѳеодоръ? На престолѣ
Онъ воздыхалъ о мирномъ житіи
Молчальника. Онъ царскіе чертоги
Преобразилъ въ молитвенную келью;
Тамъ тяжкія, державныя печали
Святой души его не возмущали.
Богъ возлюбилъ смиреніе Царя,
И Русь при немъ во славѣ безмятежной
Утѣшилась; а въ часъ его кончины
Свершилося неслыханное чудо.
Къ его одру, Царю едину зримый,
Явился мужъ необычайно свѣтелъ,
И началъ съ нимъ бесѣдовать Ѳеодоръ
И называть великимъ патріархомъ,
И всѣ кругомъ объяты были страхомъ,
Уразумѣвъ небесное видѣнье,
Зане святый Владыка предъ Царемъ
Во храминѣ тогда не находился.
Когда-же онъ преставился, палаты
Исполнились святымъ благоуханьемъ,
И ликъ его какъ солнце просіялъ.
Ужъ не видать такого намъ Царя.
О страшное, невиданное горе!
Прогнѣвали мы Бога, согрѣшили:
Владыкою себѣ цареубійцу
Мы нарекли.

Гр. Давно, честный отецъ,
Хотѣлось мнѣ тебя спросить о смерти
Димитрія Царевича; въ то время
Ты, говорятъ, былъ въ Угличѣ.

Пим. Охъ, помню!
Привелъ меня Богъ видѣть злое дѣло,
Кровавый грѣхъ. Тогда я въ дальній Угличъ
На нѣкое былъ посланъ послушанье;
Пришелъ я въ ночь. Наутро, въ часъ обѣдни,
Вдругъ слышу звонъ; ударили въ набатъ;
Крикъ, шумъ. Бѣгутъ на дворъ Царицы. Я
Спѣшу туда-жъ, а тамъ уже весь городъ.
Гляжу: лежитъ зарѣзанный Царевичъ;
Царица - мать въ безпамятствѣ надъ нимъ,
Кормилица въ отчаяньи рыдаетъ,
А тутъ народъ остервенясь волочитъ
Безбожную предательницу—мамку....
Вдругъ между нихъ, свирѣпъ, отъ злости блѣденъ,
Является Іуда — Битяговскій.
«Вотъ, вотъ злодѣй!» раздался общій вопль,
И въ-мигъ его не стало. Тутъ народъ
Вслѣдъ бросился бѣжавшимъ тремъ убійцамъ.
Укрывшихся злодѣевъ захватили
И привели предъ теплый трупъ младенца,
И, чудо — вдругъ мертвецъ затрепеталъ.
«Покайтеся»!—народъ имъ загремѣлъ:
И въ ужасѣ подъ топоромъ злодѣи
Покаялись—и назвали Бориса.

Гр. Какихъ былъ лѣтъ Царевичъ убіенный?

Пим. Да лѣтъ семи; ему-бы нынѣ было
(Тому прошло ужъ десять лѣтъ.... нѣтъ больше:
Двѣнадцать лѣтъ)—онъ былъ-бы твой ровесникъ
И царствовалъ; но Богъ судилъ иное.
Сей повѣстью плачевной заключу
Я лѣтопись свою; съ тѣхъ поръ я мало
Вникалъ въ дѣла мірскія. Братъ Григорій,
Ты грамотой свой разумъ просвѣталъ,
Тебѣ свой трудъ передаю. Въ часы
Свободные отъ подвиговъ духовныхъ,
Описывай, не мудрствуя лукаво,
Все то, чему свидѣтель въ жизни будешь:
Войну и миръ, управу Государей,
Угодниковъ святыя чудеса,
Пророчества и знаменья небесны.
А мнѣ пора, пора ужъ отдохнуть
И погасить лампаду.... Но звонятъ
Къ заутренѣ.... благослови, Господь,
Своихъ рабовъ!.... Подай костыль Григорій.
(*Уходитъ*).

Гр. Борисъ, Борисъ! все предъ тобой трепещетъ,
Никто тебѣ не смѣетъ и напомнить
О жребіи несчастнаго младенца;

тѣмъ отшельникъ въ темной
кельѣ
ебя донесъ ужасный пищетъ:
ешь ты отъ суда мірскаго,
йдешь отъ Божьяго суда.
аница литовская.
вскій и Самозванецъ (*оба*
и. Полки приближаются
къ границѣ).
скій (*прискакавъ первый*).
ь она, вотъ Русская граница!
сь! Отечество! я твой!
прахъ съ презрѣньемъ отря-
хаю
одежд, пью жадно воздухъ
новый:
одной! теперь твоя душа,
цъ, утѣшилась, и въ гробѣ
возрадуются кости!
опять наслѣдственный нашъ
мечъ,
ый мечъ—гроза Казани тем-
ной,
ій мечъ—слуга Царей Мос-
ковскихъ!
пиру теперь онъ загуляетъ
надежду—Государя!....
анецъ (*идетъ тихо съ*
поникшей головой).
тливъ онъ! какъ чистая душа
адостью и славой разыгра-
лась!
ной, завидую тебѣ!
бскаго, воспитанный въ из-
гнаньи,
щемъ снесенныя обиды,
за гробомъ искупивъ,
излить за сына Іоанна
ся, законнаго Царя
тить отечеству.... ты правъ,
я должна пылать весельемъ.
ель и ты не веселишься ду-
хомъ?
а Русь: она твоя, Царевичъ.
гъ тебя сердца твоихъ людей,
ва, твой Кремль, твоя дер-
жава.
вь Русская, о Курбскій, по-
течетъ!
ря подъялъ мечъ, вы чисты.
Я-жъ насъ веду на братьевъ; я Литву
Позвалъ на Русь; я въ красную Москву
Кажу врагамъ завѣтную дорогу!
Но пусть мой грѣхъ падетъ не на меня,
А на тебя, Борисъ-цареубійца!
Впередъ!
Курб. Впередъ! и горе Годунову!

Москва. Царскія Палаты.

Царь.

Подите всѣ—оставьте одного
Царевича со мною. (*Всѣ удаляются*).
Умираю;
Обнимемся: прощай, мой сынъ; сейчасъ
Ты царствовать начнешь.... о Боже,
Боже!
Сей часъ явлюсь передъ Тобой—и душу
Мнѣ некогда очистить покаяньемъ!
Но чувствую, мой сынъ, ты мнѣ до-
роже
Душевнаго спасенья.... такъ и быть!
Я подданнымъ рожденъ, и умереть
Мнѣ подданнымъ во мракѣ-бъ надле-
жало;
Но я достигъ верховной власти —
чѣмъ?
Не спрашивай. Довольно: ты невиненъ,
Ты царствовать теперь по праву ста-
нешь,
А я за все одинъ отвѣчу Богу.
О милый сынъ, не обольщайся ложно,
Не ослѣпляй себя ты добровольно:
Въ дни бурные державу ты пріемлешь.
Опасенъ онъ, сей чудный Самозванецъ,
Онъ именемъ ужаснымъ ополченъ.
Я, съ давнихъ лѣтъ въ правленьи ис-
кушенный,
Могъ удержать смятенье и мятежъ;
Передо мной они дрожали въ страхѣ;
Возвысить гласъ измѣна не дерзала:
Но ты, младой, неопытный властитель,
Какъ управлять ты будешь подъ грозой,
Тушить мятежъ, опутывать измѣну!
Но Богъ великъ! Онъ умудряетъ юность,
Онъ слабости даруетъ силу.... слушай:
Совѣтника во первыхъ избери
Надежнаго, холодныхъ, зрѣлыхъ лѣтъ,
Любимаго народомъ, а въ боярахъ
Почтеннаго породой или славой—
Хоть Шуйскаго. Для войска нынѣ ну-
жень

Искусный вождь: Басманова пошли
И с твердостью сноси боярский ропот.
Ты съ малыхъ лѣтъ сидѣлъ со мною
въ Думѣ,
Ты знаешь ходъ державнаго правленья:
Не измѣняй теченья дѣлъ. Привычка—
Душа державъ. Я нынѣ долженъ былъ
Возстановить опалы, казни—можешь
Ихъ отмѣнить; тебя благословятъ,
Какъ твоего благословляли дядю,
Когда престолъ онъ Грознаго пріялъ.
Со временемъ и понемногу снова
Затягивай державныя бразды.
Теперь ослабь, изъ рукъ не выпуская.
Будь милостивъ, доступенъ къ иноземцамъ,
Довѣрчиво ихъ службу принимай;
Со строгостью храни уставъ церковный;
Будь молчаливъ! не долженъ царскій
голосъ
На воздухѣ теряться по пустому;
Какъ звонъ святой, онъ долженъ лишь
вѣщать
Велику скорбь или великій праздникъ.
Храни, храни святую чистоту
Невинности и гордую стыдливость;
Кто чувствами въ порочныхъ наслажденьяхъ
Въ младые дни привыкнулъ утопать,
Тотъ, возмужавъ, угрюмъ и кровожаденъ,
И умъ сто безвременно темнѣетъ.
Въ семьѣ своей будь завсегда главой;
Мать почитай, но властвуй самъ собою—
Ты мужъ и Царь; люби свою сестру—
Ты ей одинъ хранитель остаешься.

Ѳеодоръ (*на колѣнахъ*)

Нѣтъ, нѣтъ—живи и царствуй долговѣчно:
Народъ и мы погибли безъ тебя.

Ц. Все кончено—глаза мои темнѣютъ:
Я чувствую могильный хладъ....

(*Входитъ патріархъ, святители, за ними всѣ бояре. Царицу ведутъ подъ руки; Царевна рыдаетъ*).

Кто тамъ!
А! схима.... такъ! святое постриженье....
Ударилъ часъ! въ монахи Царь идетъ:
[redacted] темный гробъ моею будетъ кельей.
[redacted]времени, владыка патріархъ,
Я Царь еще; внемлите вы, бояре:
Се тотъ, кому приказываю царство
Цѣлуйте крестъ Ѳеодору. Басманов
Друзья мои.... при гробѣ васъ моли
Ему служить усердіемъ и правдой
Онъ такъ еще и младъ и непороче
Клянетесь ли?

Бояре.

Клянемся.

Ц. Я доволенъ
Простите-жъ мнѣ соблазны и грѣ
И вольныя и тайныя обиды....
Святый отецъ, приближься, я гот
(*Начинается обрядъ постриженія Женщинъ въ обморокѣ выносятъ*

А. Пушкинъ

---

332. ИЗЪ МАКБЕТА (ШЕКСПИРА).

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Сцена 1.

Открытое мѣсто.

(*Громъ и молнія. Три вѣдьмы*).

Первая вѣдьма.

Когда сойдемся мы опять?
Въ бурю, въ дождикъ или въ градъ

Вторая вѣдьма.

Когда кровавый станетъ бой.

Третья вѣдьма.

Передъ вечернею порой.

Первая вѣдьма.

Гдѣ жъ мѣсто?

Вторая вѣдьма.

Степь вонъ эта.

Третья вѣдьма.

Мы встрѣтимъ тамъ....

Первая вѣдьма.

Кого?

Вторая вѣдьма.

Макбета.

Первая вѣдьма.

Лѣшій крикнулъ!

Всѣ.

Котъ мяукнулъ!
Пора! пора!
Гроза гремитъ
Безъ черныхъ тучъ,

На небесахъ
Играетъ лучъ! —
Сквозь паръ и дымъ
Летимъ, летимъ! (*Исчезаютъ*)

Сцена 2.

поле близъ форекса.

...мъ битвы вдали, входятъ король ...канъ, Малькольмъ, Дональбайнъ, ...ксъ и другіе. Они встрѣчаютъ ...наго солдата).

Дунканъ.

этотъ раненый? Онъ прямо съ поля
рно можетъ намъ сказать, какъ
идутъ
...мятежниковъ.

Малькольмъ.

Лихой солдатъ!
смѣло выхватилъ меня изъ плѣна.
ово, молодецъ! Что, какъ дерутся?
олько-что оттуда,—разскажи.

Солдатъ.

...вѣсть, чѣмъ кончится, а бьются
жарко.
...ли мы, и, словно два пловца,
...тились, плавая въ крови, съ врагами.
...ѣпый Макдонвальдъ, — кому и
быть
...нникомъ, какъ не ему: все злое
...ерзкое срослось съ его душой,—
...ѣпый Макдонвальдъ одушевился:
...ему на помощь подоспѣли Керны,
силы свѣжія повелъ на бой
...частье встрѣтило его улыбкой,
...се не помогло! Нашъ бравый Макбетъ
попусту слыветъ онъ молодцомъ!)
презрѣньемъ глянулъ на врага,
мгновенно
свѣжей крови задымился мечъ,
...нъ, какъ ловкій рудокопъ, прорылся
...лицу раба!
...лись,—и Макбетъ не почилъ отъ
битвы,
...анѣстъ черепа не раскроилъ врагу.

Дунканъ.

...храбрый Макбетъ! Мужъ, какихъ
немного!

Солдатъ.

...какъ случается: на небесахъ
...онъ II.
За краснымъ солнышкомъ восходитъ
буря,—
Такъ и теперь она взошла; изъ нѣдръ
побѣды
Возникла новая борьба. Замѣтьте!
Едва лишь мечъ, карающій неправду,
Заставилъ Керновъ обратиться въ
бѣгство,
Какъ ринулся на насъ король норвежскій.
Пришлось опять схватиться съ свѣжей
силой
И мечъ скрестить съ мечемъ еще блестящимъ.

Дунканъ.

Что жъ? Банко и Макбетъ не испугались?

Солдатъ.

Да,
Какъ зайца можетъ испугаться левъ.
Сказать вамъ правду,—на ряды враговъ
Они ударили, какъ залпъ орудій,
Разорванныхъ на тысячу кусковъ.
Но я усталъ; меня терзаютъ раны.

Дунканъ.

Онѣ идутъ къ тебѣ, какъ твой разсказъ.
Въ нихъ дышитъ честь.—Отвесть его
къ врачу.
(*Солдата уводятъ. Входитъ Россе*).
А это кто сюда идетъ!

Малькольмъ.

Танъ росскій.

Леноксъ.

Какой огонь горитъ въ его глазахъ!
Такъ смотрятъ вѣстники чудесъ.

Россе.

Господь
Храни царя!

Дунканъ.

Откуда, храбрый танъ?

Россе.

Изъ Файфа, государь, гдѣ такъ недавно
Пятнали небеса враговъ знамена
И дерзко навѣвали холодъ страха
На твой народъ. Съ безчисленной дружиной
Свенонъ, примкнувъ къ измѣнщику
Кавдору,

Вступилъ въ жестокій бой. И битва
длилась,
Пока онъ Макбета не повстрѣчалъ.
Беллоны другъ, облитый крѣпкой
сталью,
Схватился съ нимъ грудь съ грудью
и рука съ рукой—
И гордый духъ смиренъ, мы побѣдили.

Дунканъ.

Какое счастіе!

Росск.

Теперь онъ проситъ мира.
За позволеніе предать землѣ
Убитыхъ ратниковъ онъ заплатилъ
Двѣнадцать тысячъ доллеровъ въ Сенъ-
Кольмѣ.

Дунканъ.

Впередъ Кавдоръ не будетъ измѣнять,
Иди и прикажи его казнить,
А Макбета поздравь кавдорскимъ та-
номъ.

Росск.

Иду.

Дунканъ.

Чего лишился онъ,
Тѣмъ пусть обогатится Макбетъ.

Сцена 3.

(*Степь. Громъ. Три вѣдьмы сходятся*).

Первая вѣдьма.

Гдѣ была, сестра?

Вторая вѣдьма.

Свиней душила.

Третья вѣдьма.

Ну, а ты?

Первая вѣдьма.

Я по селу бродила;
Глядь: купчиха у воротъ
Щелкаетъ орѣхи.
Щелкъ да щелкъ,—и полонъ ротъ!
«Дай», сказала я старухѣ.
А проклятая въ отвѣтъ:
— Для тебя орѣховъ нѣтъ!—
Ну, постой же! Мы сочтемся,
Съ муженькомъ твоимъ сойдемся.
Онъ поплылъ съ товаромъ въ море,—
Не за злато жъ, не купцамъ,
Онъ отдастъ его за горе
Хадынъ, бѣшенымъ волнамъ.
лечу за нимъ на мщенье!
Сѣрой крысой обернусь
И за вѣтра дуновеньемъ
Въ рѣшетѣ за нимъ помчусь.

Вторая вѣдьма.

Слушай! Я тебѣ дарю
Вѣтеръ мой.

Первая вѣдьма.

Благодарю.
Остальные мнѣ подвластны.
Погоди жъ, пловецъ несчастный!
Ты не можешь утонуть,—
Но ужасенъ будетъ путь!
Въ черной пасти бурныхъ волнъ,
Ожиданья смерти полнъ,
Лютыхъ семью семь сединцъ
Не сомкнешь своихъ рѣсницъ!
Будешь чахнуть, не исчахнешь,
Будешь сохнуть, не изсохнешь,
День рожденья проклянешь,
Окаяннымъ пропадешь! —
Посмотрите, что нашла я.

Вторая вѣдьма.

Что тамъ?

Первая вѣдьма.

Палецъ моряка.
Плылъ морякъ издалека,
Видѣлъ домъ, дѣтей, жену,
Да у берега пошелъ ко дну.

(*Слышны звуки барабана*

Третья вѣдьма.

Чу! барабанъ тамъ бьетъ!
Макбетъ, Макбетъ идетъ!

Всѣ три (*пляшутъ и поютъ*).

Мы, вѣщія сестры, урочной порою
Несемся надъ моремъ, летимъ над
землею.
Сомкнувшись въ кружокъ очарованны
вмѣстѣ,
Мы трижды обходимъ заклятое мѣст
Кругъ первый для первой, второй дл
второй,
И третій для третьей. Довольно, постой
Заклятье готово, погибнетъ герой.

(*Входятъ Макбетъ и Банко*).

Макбетъ

Какъ страненъ день! гроза безъ туч
На небесахъ играетъ лучъ.

Банко.

До Фореса далеко ль? — Это кто,
Худыя, дикія, изсохшія какъ тѣни?

Какъ не похожи на жильцовъ земли!
Однакожъ здѣсь онѣ.—Живете ль вы?
И можно ль къ вамъ съ вопросомъ обратиться?
Конечно вамъ слова мои понятны:
Я вижу—каждая свой палецъ костяной
Къ губамъ, давно поблекшимъ, поднесла.
Вы женщины, но бороды густыя
Совсѣмъ другое говорятъ объ васъ.

Макбетъ.

Когда вы можете, скажите: кто вы?

Первая вѣдьма.

Да здравствуетъ Макбетъ, гламисскій танъ!

Вторая вѣдьма.

Да здравствуетъ Макбетъ, кавдорскій танъ!

Третья вѣдьма.

Да здравствуетъ Макбетъ, король въ грядущемъ!

Банко.

Ты изумленъ? Ты будто испугался
Ихъ сладкихъ словъ?—Во имя чистой правды,
Вы призраки иль существа живыя?
Макбета вы почтили предсказаньемъ
Высокой почести, одушевили
Надеждою на царскую корону.
Внимая вамъ, онъ упоенъ восторгомъ.
Мнѣ ничего не говорите вы....
Когда вашъ взоръ въ посѣвъ временъ проникнуть
И плодъ отъ смерти можетъ отличить,
То слово вѣщее скажите мнѣ;
Я вашей дружбы не ищу,
И не боюсь вражды.

Первая вѣдьма.

Ура!

Вторая вѣдьма.

Ура!

Третья вѣдьма.

Ура!

Первая вѣдьма.

Ниже и выше Макбета.

Вторая вѣдьма.

Не столько счастливъ, но счастливѣе его.

Третья вѣдьма.

Царей родоначальникъ, но не царь!
Да здравствуютъ Макбетъ и Банко!

Первая вѣдьма.

Да здравствуютъ Макбетъ и Банко!

Макбетъ.

Постойте, вѣстницы! загадки прочь!
Скажите больше мнѣ! Я танъ гламисскій
Съ тѣхъ поръ, какъ умеръ мой отецъ Синель.
Но танъ кавдорскій живъ и въ цвѣтлѣтъ;
И быть царемъ, какъ быть кавдорскимъ таномъ
Не изъ числа возможныхъ дѣлъ. Отъ куда
Чудесное исходитъ ваше знанье?
Зачѣмъ вы насъ пророческимъ привѣтомъ
Здѣсь на степи глухой остановили?
Я заклинаю васъ, скажите!

(*Вѣдьмы исчезаютъ*)

Банко.

Земля, какъ и вода, содержитъ газы,
И это были пузыри земли.
Куда онѣ исчезли?

Макбетъ.

Въ воздухъ. Вѣтеръ
Разнесъ ихъ мнимыя тѣла, какъ вздохъ
Какъ жаль, что не остались!

Банко.

Полно такъ ли?
Не о мечтѣ ль мы говоримъ? Не обаялъ ли
Насъ запахъ травъ, лишающихъ разсудка?

Макбетъ.

Твоимъ потомкамъ суждена корона.

Банко.

Ты будешь самъ король.

Макбетъ.

И танъ кавдорскій.
Не такъ ли?

Банко.

Слово въ слово. Это кто?

(*Входятъ Россе и Ангусъ*)

Россе (*Макбету*).

Король обрадованъ счастливой вѣсты
Твоихъ побѣдъ; когда узналъ онъ Макбетъ,
Что ты съ изменникомъ сразился лично

Онъ и хвалить тебя не могъ: умолкнулъ,
Дивяся подвигамъ твоимъ. Вездѣ,
Куда въ тотъ день ни обращалъ онъ взоры,
Вездѣ тебя въ толпѣ враговъ встрѣчалъ онъ,
Вездѣ былъ ты, безтрепетный и смѣлый
Средь вызванныхъ тобой явленій смерти.
За вѣстью вѣсть какъ въ сказкѣ прилетала;
Что ни гонецъ, то новую побѣду
Слагалъ Макбетъ къ Дункановымъ стопамъ.

Ангусъ.

Мы присланы отъ имени монарха
Благодарить и звать къ нему; награды
Мы для тебя не принесли.

Россе.

А только
Въ залогъ другихъ, почетнѣйшихъ даровъ,
Онъ танство Кавдора тебѣ даетъ.
Будь счастливъ, танъ! Будь счастливъ въ новомъ санѣ!

Банко.

Какъ? Дьяволъ правду можетъ говорить?

Макбетъ.

Но танъ кавдорскій живъ; такъ для чего же
Чужой одеждой украшать меня?

Ангусъ.

Онъ живъ еще, но онъ уже не танъ.
Остатокъ дней подавленъ приговоромъ,
И онъ умретъ. Что сдѣлалъ онъ, не знаю:
Мятежнымъ тайную ли подалъ помощь,
Иль явно сталъ въ Свеноновыхъ рядахъ;
Но онъ въ измѣнѣ уличенъ, и палъ.

Макбетъ.

Гламисъ и Кавдоръ, — впереди престолъ. —
Благодарю за трудъ. — Что скажешь, Банко?
Не вправду ль царствовать твоимъ сынамъ?
Мнѣ новый санъ, а имъ престолъ обѣщанъ.

Банко.

Да, вѣрься имъ, — они тебя заставятъ
Всѣ танства въ мірѣ позабыть
И руку протянуть къ коронѣ. Страш
Какъ часто, чтобъ вѣрнѣе погубить,
Созданья мрака говорятъ намъ правду
Манятъ къ себѣ невинною бездѣлкой,
А тамъ, — обманываютъ и влекутъ
Въ пучину ужасающихъ послѣдствій.
(*Россе и Ангусу*)
Друзья, на пару словъ.
(*Отходятъ въ сторону*)

Макбетъ.

Два изреченія сбылись: прологъ разыгранъ,
И драма царская растетъ.
Благодарю васъ, господа. —
Ихъ сверхъестественный и темный вызовъ
Ни золъ, ни добръ; когда онъ зло, к чему бы
Давать залогъ вѣрнѣйшаго успѣха,
Начавши истиной? Я танъ кавдорскій
Когда онъ добръ, зачѣмъ я такъ невольно
Прильнулъ къ мечтѣ, ужасной искушеньемъ?...
Гляжу — и чувствую, какъ бьется сердце
И волосъ всталъ, — что прежде не бывало.
Но ужасъ истинный не такъ великъ,
Какъ ложный страхъ, дитя воображенья.
Убійство-мысль; оно еще въ умѣ:
Но эта мысль встревожила всю душу
Вся сила органовъ подавлена,
Исчезла истина, и міръ видѣній
Меня объялъ.

Банко.

Смотри, какимъ восторгомъ
Онъ упоенъ!

Макбетъ.

Когда судьбѣ угодно
Меня вѣнчать, такъ пусть меня вѣнчаетъ;
Я ей не помогу.

Банко.

Что намъ одежда,
То почесть Макбету: пока нова,
Все какъ-то въ ней неловко.

Макветъ.

Будь что будетъ!
ластный день — промчится какъ и
ясный.

Банко.

ждемъ тебя, мой благородный танъ.

Макветъ.

ъ, виноватъ.... забылся.... вспоми-
налъ
й-что забытое.
ссе и Ангусу, указывая на сердце).
Вашъ трудъ записанъ
да, друзья; и въ этой книгѣ Макбетъ
Привыкъ читать. Пойдемъ-те къ ко-
ролю. — (*Банко*)
Что было, не забудь. Въ другое время,
Когда пройдетъ вліяніе минуты,
Откроемъ мысль другъ другу откро-
венно.

Банко.

Я очень радъ.

Макветъ

Теперь довольно. — Въ путь!
(*Уходятъ*).

Пер. Крюеберга.

II. ДРАМА.

333. ИЗЪ ФАУСТА.

(*Ночь. Пещера*).

Фаустъ.

евышній духъ! ты все, ты все мнѣ
далъ,
О чемъ тебя я умолялъ;
Недаромъ зрѣлся мнѣ
Твой ликъ, сіяющій въ огнѣ.
ы далъ природу мнѣ, какъ царство,
во владѣнье;
Ты далъ душѣ моей
аръ чувствовать ее, далъ силу на-
слажденья;
Иной едва скользитъ по ней
Холоднымъ взглядомъ удивленья,
э я могу въ ея таинственную грудь,
Какъ въ сердце друга заглянуть.
Ты протянулъ передо мною
Созданій цѣпь—я узнаю
ь водахъ, въ лѣсахъ, подъ твердью
голубою
Одну благую мать, одну ея семью.
Когда завоетъ вѣтръ въ дубравѣ
темной
И лѣсъ качается, и рухнетъ дубъ
огромной,
И ели ближнія ломаются, трещатъ,
И стукъ, и грохотъ заунывный
Въ долинѣ будитъ гулъ отзывный:
Ты путь въ пещеру кажешь мнѣ,
И тамъ, среди уединенья,
Я вижу новый міръ, и новыя явленья,
И созерцаю въ тишинѣ
Души чудесныя, но тайныя видѣнья.
Когда же вѣтры замолчатъ
И тихо на поляхъ эоира
Всплыветъ луна, какъ свѣтлый вѣстникъ
мира,
Тогда подъемлется передо мной
Вѣковъ туманная завѣса,
И съ грозныхъ скалъ, изъ дремлющаго
лѣса
Встаютъ блестящею толпой
Минувшаго серебряныя тѣни
И свѣтятъ въ сумракѣ суровыхъ раз-
мышленій.
Но ахъ, теперь я испыталъ,
Что нѣтъ для смертныхъ совер-
шенства!
Напрасно я, въ мечтахъ душевнаго
блаженства,
Себя съ безсмертными равнялъ!
Ты къ страшному врагу меня здѣсь
приковалъ:
Какъ тѣнь моя, сопутникъ неотлучный,
Холодной злобою, насмѣшкою докучно

Онъ отравилъ дары небесъ.
Дыханье словъ его сильнѣй твоихъ чудесъ!
Онъ въ прахъ меня низринулъ предо мною,
Разрушилъ въ мигъ міръ созданный тобою,
Въ груди моей зажегъ онъ пламень роковой,
Вдохнулъ любовь къ несчастному созданью,
И я стремлюсь несытою душой
Въ желаньи къ счастію и въ счастіи къ желанью.

Веневитинов.

Другой монологъ Фауста.

Вѣстникомъ неба весна прилетѣла;
Растаяли льдины на свѣтлыхъ рѣкахъ;
Веснѣ уступая, зима присмирѣла
И ищетъ пріюта на снѣжныхъ горахъ.
Итолько порою подъ вѣтромъ взыграетъ,
Безсильную льдину съ утеса пошлетъ,
И раннюю зелень на мигъ покрываетъ,
И вновь на суровыхъ вершинахъ заснетъ.
Но солнце дохнуло надъ снѣжной корою;
Все жизнію дышитъ, растетъ и кипитъ.
Цвѣты лишь невскрылись подъ ранней весною,
Ихъ въ пестрыхъ нарядахъ толпа замѣнитъ.
Въ роскошной одеждѣ природа предъ нами!
Ты видишь ли городъ съ этихъ высотъ?
Какъ весело люди выходятъ толпами,
Шумя и пестрѣя изъ тѣсныхъ воротъ!
И любо имъ; всѣ веселятся сегодня,
Всѣмъ свѣтятъ забавы и радость любви.
То праздничный день: воскресенье Господне!
Но вмѣстѣ съ нимъ сами воскресли они,
Воскресли, возстали отъ жизни бездушной,
Отъ мелкихъ заботъ ежедневныхъ трудовъ,
Изъ тѣсныхъ улицъ, изъ хла, гроб
Смотри, какъ шумно толпа раз ла
Тотъ бросился въ поле, тотъ въ полетѣ
Ладья на рѣкѣ за ладьей показа
И гордый потокъ подъ веслом шумѣ
И даже въ горахъ надъ крутыми ля
Пестрою лентой проходитъ толпа
Вотъ это ихъ небо! оно передъ
Ихъ жизнь беззаботна, ихъ ра, слѣ
Радость и горе проходитъ надъ вѣ
Любо съ толпою по морю плыть!
Мнѣ любо съ ней вмѣстѣ быть вѣко
Я только здѣсь имъ могу еще бы

Губ

---

334. ИЗЪ ДРАМЫ: РУКА В ВЫШНЯГО ОТЕЧЕСТВ СПАСЛА.

АКТЪ ПЯТЫЙ.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Внутренность Грановитой Палат.

Выходъ 1.

Мининъ и Ржевскій (*идутъ къ ходу, у коего на часахъ сто козакъ*).

Козакъ.

Насталъ день двадцать первый февр
День радостный избранія Царя!
Князь и Москва во храмѣ молятъ Б
А мы, невольники, на долгой стра
Не можемъ Богоматери молиться,
Да ниспошлетъ Свое благословен
Мин. Господній Домъ вездѣ, гдѣ молитва!
Молись и ты, и будетъ храмъ въ т
Ржев. Святая Русь стеклась со вс сторон

цамъ несмѣтныя толпы
гся къ избранію Царя....
ие рѣшатъ, рѣшитъ народъ.
усть не мѣшается; ума довольно
яръ....
Но кто удержитъ ихъ?
'осподь и Князь!.... Идутъ! Уй-
демъ скорѣе!....

Выходъ 2.

в и Пожарскій (*сопровождае-
соборомъ воеводъ, бояръ, дво-
и выборныхъ людей*).

Постой, Козьма! Ты былъ на по-
лѣ брани;
вомъ помогалъ, ты дѣлалъ дѣ-
ломъ;
розный вождь, ты поражалъ вра-
говъ;
нялъ несчастныхъ: раны братій
льнымъ окладывалъ растеньемъ
ъ усерднѣе молился! Мининъ!
ствуй-же избранію Царя!—
ининъ (*низко кланяясь*).
ный Князь! Могу-ли я ничтож-
ный
мъ бояръ ходить?

Трубецкой.

Всѣ просятъ, Мининъ!
совѣтъ боярскаго не хуже!
лагодарю, бояре! Богъ воздастъ
ею боярамъ православнымъ,
з сяду, нѣтъ—я мѣщанинъ.
ьте мнѣ, великіе бояре,
ь вамъ, стоя у дверей!
Какъ хочешь!
редъ тобой, но принуждать не
смѣемъ,
женія къ твоимъ заслугамъ.
идьте-же, бояре и дворяне,
ки и Выборные люди!
оизвалъ я на трудное избранье;
ъ Господь! Онъ намъ Покровъ
и Сила.

*оборъ занимаетъ приготов-
ля мѣста около столовъ, на
рыхъ стоятъ чернильницы и
осана бумага*).

Пожарскій (*сидя*).

ia Русь, Господнимъ заступ-
леньемъ!
Исчезли тмы враговъ, и благость Неба
Избрать Царя намъ нынѣ дозволяетъ!
Но братія! съ слезами на очахъ,
Молю: не избирайте иновѣрца!
Святая Русь своихъ Царей имѣла,
Единственно на свѣтѣ православныхъ!
Родясь, уже Царь будущій пріемлетъ
Помазанье отъ Господа-Царя!
Царь на землѣ Господній представитель!
Онъ мудростью небесною исполненъ,
Онъ крѣпостью небесной препоясанъ!
И можно-ли, чтобъ чуждый иновѣрецъ,
Священную Царей пріемля шапку,
Въ душѣ своей всѣ чувства заглушилъ,
Которыя его влекутъ за море!
Мы видѣли ужасные примѣры
Въ сосѣдствѣ нашемъ и у насъ самихъ.
Еще въ предѣлы царства не вступая,
Ужъ сколько зла посѣялъ Владиславъ!
И, можетъ быть, десятокъ лѣтъ, другой
Не высосутъ убійственнаго зла!
Но благъ Господь!—Вы обратите взоры
На поколѣніе Царей Московскихъ!
Не уже-ли Богъ вовсе уничтожилъ
Потомковъ Калиты и Іоанновъ?
Не уже-ли отъ Царской крови вовсе
Намъ отрасли послѣдней не оста-
лось?
Отъ Царской крови.... Да, Соборъ Ве-
ликій!
Отъ Царской крови долженъ быть Вла-
дыка
И Повелитель многихъ царствъ и кня-
жествъ!
Что личныя достоинства вельможи?
Что предковъ рядъ и доблестныхъ и
славныхъ?
Монашеская лѣтопись—и только!
Раздоръ предъ нимъ, раздоръ за нимъ;
невольно
Гласъ слышится въ душѣ: «онъ былъ
мнѣ равенъ;»
Считается смѣшнымъ повиновенье
Тому, кто самъ всегда повиновался!
Прилична ли тому царей держава,
Кто царствовать безъ трепета не мо-
жетъ?
А наконецъ скажу я вамъ: держава
Не можетъ быть наградой за труды,
За личныя заслуги государству.

На то помѣстья, золотыя цѣпи,
И знаки разные монаршей ласки;
На то чины, на то царей вниманье,
Народная любовь и одобренье,—
А наконецъ Небесъ благословенье....
А царская порфира—не награда!
И только тотъ ее свободно носитъ,
Кто въ пеленахъ ее уже примѣрилъ—
И каждый день, крѣпясь и возрастая,
Къ ней постепенно, долго привыкалъ!
А нерожденному отъ царской крови
Она тяжка, какъ Божіе проклятье
За святотатство! Мало ль честолюбцевъ
Подъ бременемъ порфиры упадали?
И кто изъ васъ не помнитъ Годунова,
Отрепьева и Шуйскаго не помнитъ?
Вы слышали, какъ за моремъ предатель
Вѣнецъ Царей, какъ тать ночной, похитилъ?
Вы помните: Великій Іоаннъ
Съ нимъ не хотѣлъ имѣть сношеній; честно
Отвергнулъ миръ, безчестье наносящій,
И царское послалъ ему презрѣнье!
И вѣрьте, кто въ порфирѣ не родился,
Тотъ не умретъ въ порфирѣ, какъ законный,
Наслѣдственный Помазанникъ Небесъ!
Не онъ, такъ дѣти кровію заплатятъ
За похищенье Царскаго престола!
Пусть мудрствуютъ умомъ честолюбивымъ,
Но разумъ нашъ, вы знаете, какъ шатокъ!
Мы извиняемъ наши преступленья,
Мы осуждаемъ слабости другихъ,
Какъ намъ полезнѣй, выгоднѣе, лучше.—
Но что-жъ? Придетъ съ мечемъ суровый опытъ
И, грѣшные, мы каемся, но поздно!—
Я все сказалъ. Вотъ правила мои.
Кто не согласенъ съ мнѣніемъ моимъ,
Пусть намъ свое объявитъ.
(*Продолжительное молчаніе*).
— Вы молчите!
Благодарю Небеснаго Отца,
Что Онъ словамъ моимъ далъ крѣпость, силу
И убѣдительность! — Теперь къ избранью!
Но, братія, спокойно углубитесь,
Внимательно разслѣдуйте былое,
И въ будущность смотрите безкорыстно!
Не забывайте, жребій испадетъ,
А съ нимъ судьба отечества и ваша!
Я знаю, что межъ вами много есть,
Которые меня считаютъ другомъ,
Приверженцемъ ихъ собственнаго счастья,
И потому со мной вездѣ готовы!
Я это испыталъ на полѣ брани.
Чтобъ отдалить упреки государства,
Всѣ признаки разрушить заговора,
Не объявлю я мнѣнья моего,
Но тайно поручу его бумагѣ:
Вы моему послѣдуйте примѣру.
(*Пожарскій пишетъ и всѣ, разрывая лежащую по столамъ бумагу, на лоскуткахъ пишутъ, свертываютъ и оставляютъ предъ собой*).
Мининъ (*невольно подвигаясь впередъ*).
Творецъ благій! Какой священный часъ!
Какъ сердце замерло! Морозъ и трепетъ
По членамъ ходятъ! Господи! Пошли
Единодушіе сему Собору!
Да согласитъ всѣ нужды государства
И у Тебя испроситъ намъ Владыку!
(*Продолжительное молчаніе; избраніе продолжается*).
Пожарскій (*тихо*).
Въ душѣ моей и трепетъ и надежда.
(*Молчаніе*).
Мин. О, не оставь въ послѣднюю минуту,
Святой Руси! (*Молчаніе*).
Пож. Ты велъ меня на славу!
О, увѣнчай усилія честныя!
(*Молчаніе*).
Измайловъ.
Князь, повели собрать....
Пожарскій (*отирая слезы*).
О, братья, братья!
Что, если вдѣсь раздору сѣмена?....
Труб. По совѣсти мы мнѣнія писали..
Изм. И клятву вновь мы подтвердить готовы!

[е трепеталъ я смерти въ ратномъ полѣ:
госка и страхъ стѣснили сердце!
ъ Господь и не оставитъ насъ.
са не подавалъ, Козьма!
бери-жъ чужіе голоса.
ъ, *взявъ со стола золотое*
, обходитъ всѣ столы и со-
етъ голоса).
дѣсь, при мнѣ, и отбирай: какой,
інъ и на кого?
ъ (*отобравъ множество голо-*
и предлагая каждый Князю
арскому, съ изумленіемъ):
Глазамъ не вѣрю.
ижаетъ разбирать голоса
ъ же порядкомъ, и приходя
епенно въ большее и большее
еніе).
кано, не видано!
устивъ послѣдній голосъ).
О чудо!
ь десницу не узнаетъ грѣшникъ?
ушна Русь, единогласна!!
торгъ, поднявъ глаза и руки
бу, стоитъ какъ-бы пораженнѣкимъ чудомъ).
, не терзай Соборъ нетерпѣливый
аси: кого Господь назначилъ?
Смотрите: онъ безмолвенъ, недвижимъ!
орѐ вознесъ и льются слезы!
нязь, объяви!
скій (*съ жадностію и съ не-*
шимъ удивленіемъ перебирая
а).
И я внимаю чудо!
ушно, такъ, единогласно
мъ избранъ: Михаилъ Романовъ,
едора, въ монахахъ Филарета.
(*Вставъ*).
ласимъ отъ сердца и души:
вствуетъ Царь Михаилъ Романовъ!
Всѣ (*вставъ*).
вствуетъ Царь Михаилъ Романовъ!
скій (*обнимая Трубецкаго,*
мъ и другихъ).
Обнимемся, бояре! этотъ день—
День радостный любви и воскресенья!
(*Всѣ другъ друга обнимаютъ, проливая слезы*).
Трубецкой (*обнимая Измайлова*).
Что, помнишь-ли, какъ ты подозрѣвалъ!
Изм. О, перестань! Забудь свою обиду!
Трубецкой (*обнимая Минина*).
Прости, Козьма!
Мининъ (*почтительно кланяясь*).
Прости меня, бояринъ!
Пож. О, радуйтесь и плачьте отъ восторга!
(*За дверьми слышны голоса*).
Ура! Ура! Да здравствуетъ!....
Пож. Кричатъ!
Не разберу! Народъ пришелъ въ волненье!....

ВЫХОДЪ ПОСЛѢДНІЙ.

Тѣ-же и толпа народа.
(*вламывается въ дверь*).

Голоса въ народѣ.

Къ чему Соборъ? — Чего онъ медлитъ?—Братья!
(*Пожарскій идетъ къ народу: толпа отступаетъ*).
Князь! Самъ Князь! Назадъ!
Пожарскій (*гнѣвно*)
Что это значитъ, Русь? Опять измѣна?
Гражданинъ (*низко кланяясь*).
Князь! Извини! Совѣтъ твой прерываемъ!
Но вся Москва тебя съ слезами молитъ—
Ихъ челобитную услышать!
Пож. Просимъ!
Гр. «Намъ нуженъ Царь!» кричатъ они; Соборъ
Напрасно мудрствуетъ, когда законный
Наслѣдникъ есть отъ крови Іоанна,
Отъ крови Анастасіи прекрасной!
У нихъ свой толкъ. Единогласнымъ сонмомъ
Москва, вся Русь Собору бьетъ челомъ,
Да изберетъ на Царство Михаила

Романова! (*Низко кланяясь*)! Не гнѣвайтесь, бояре!
Мы общее блаженство предлагаемъ!
Пожарскій (*обнявъ гражданина*).
Другъ, если можешь, обними Москву
Такъ пламенно, какъ я тебя лобзаю!
Поздравь Москву! Соборъ единогласно,
Единодушно избралъ Михаила!
Нѣтъ, не Соборъ, Господь избралъ, и слава
Ему отнынѣ и до-вѣка!
Всѣ.
Слава!
Да здравствуетъ Царь Михаилъ!—Ура!
Пож. Свершилось! Богъ благословилъ отчизну!
Царь Михаилъ, помазанный отъ вѣка,
Пріемлетъ Русь въ родительскія руки—
И благо ей!....
Но что со мной, Всесильный?
Какая радость по сердцу разлилась!
Какая тма объемлетъ всю Палату,
А небеса въ сіяніи раскрылись!
Внемлите! Гласъ, не мой ничтожный гласъ,
Но свыше гласъ изъ устъ моихъ стремится!
Воскресла Русь! Гремятъ колокола!
Святители несутъ иконы; люди
Густой толпой тѣснятся съ крестнымъ ходомъ
Предъ костромскимъ монастыремъ!
Святитель
Пріемлетъ крестъ и именемъ народа
Зоветъ Царя! Но.... юноша прекрасный
(Онъ видѣлъ смуты, слышалъ о несчастьяхъ
Святой Руси), колеблется, не хочетъ
Идти туда, куда Господь зоветъ!
Но Божій гласъ раздался у обѣдни!
Съ Евангельемъ и со Крестомъ Святымъ
Святитель сталъ предъ юнымъ Михаиломъ,
Зоветъ его, зоветъ Господнимъ гласомъ,—
И се! гремитъ на встрѣчу Михаилу
То Русское, громовое ура,
Ура любви и радости ура,
Которымъ Русь встрѣчаетъ Государя
Смутился умъ, смутились чувства
Гдѣ я?
Внизу лежитъ обширная Москва,
Вокругъ нея тѣснятся города!
Огромна Русь отъ моря и до моря!
Орлы сидятъ по четыремъ концамъ!
На сѣверѣ безбрежный океанъ,
На югѣ — нѣтъ конца!.... Все это — Русь!
Я въ будущность, какъ въ грамоту, смотрю
И нѣтъ конца Великому Колѣну!
О братія! смотрите: это Онъ!
Величіемъ безмѣрнымъ осіянный!
На море сталъ могучею пятой,
Изъ подъ пяты ряды ширококрылыхъ,
Огромныхъ кораблей несутся въ море!
Земля дрожитъ отъ тяжести Его,
А небеса Его главу вмѣщаютъ!
Неизмѣримъ сей Русскій полубогъ!
Въ объятіяхъ онъ сжалъ Святое Царство,
Покровомъ обвивая многоцѣннымъ
Для насъ еще непостижимыхъ благъ!
Святая Русь! Обыкновенный разумъ
Судьбы твоей въ себѣ вмѣстить не можетъ!
О ты, святая матерь, Русь родная!
Красуйся подъ державой Михаила!
Чтобъ дня сего не истребилась память,
Чтобъ Русскій родъ объ милости Господней
Не забывалъ — я къ вамъ взываю, братья,
Святой Руси безчисленныя дѣти!
Изъ вѣка въ вѣкъ, пока потухнетъ солнце,
Пока людей не истребится память,
Святите день избранья Михаила,
День двадцать первый Февраля!
Всѣ. Ура!

И. Кукольникъ.

). ТОРКВАТО ТАССО.

АКТЪ I, ЯВЛЕНІЕ 2.

а въ Портичи; вдали видно ; къ сѣверо западу—Везувій, коимъ горитъ слабое пламя).

ВЫХОДЪ I.

(*одинъ, вышедъ на дорогу, останавливается. Ночь*).

ія ужъ спитъ и обо мнѣ
литъ. Пусть не мыслитъ. Слава Богу!
ался изъ родственныхъ объятій,
ртыхъ на коварную погибель!
енъ, но куда теперь идти?
море, чудное, какъ мысль поэта,
ысль поэта необъятно!.... Тихо
житъ въ обширной колыбели!
имъ сиреневіемъ, на персяхъ яс-ныхъ,
тей земли коварной носитъ!....
,—гдѣ самый умъ-бы утонулъ
брежности, для мысли недо-ступной,—
оги слабыя созданій слабыхъ
ично ходятъ.—Все для человѣка,
е покорно человѣку,
сное покорно человѣку;—
ѣ самъ покоренъ человѣкъ?.....
хнувъ, продолжаетъ идти....
ъ Везувій, останавливается)!
другой естественный поэтъ!
ъ ночи своимъ огнемъ пылаетъ
ко его вѣнецъ горитъ.
калилъ въ немъ каменное сердце
свою излить на міръ заста-вилъ?
и-ли, усѣвшись близь него,
ми дѣяньями своими
ь адское зажгли негодованье?
ь-ли самъ хотѣлъ представить людямъ
ія малѣйшую картину,
і ихъ пожретъ за ихъ злодѣй-ства?
гно все! Безсмысленныя дѣти,
омъ толкуютъ Божій гнѣвъ,
енныхъ причинъ для чуда ищутъ!....

Актъ III, выходъ 2.

Тассъ (*остановясь у фонтана*).

Прекрасный день! Какое наслажденье,
Пока еще не разгорится солнце,
Пить ароматный воздухъ; въ ясномъ небѣ
Топить едва проснувшіяся очи!
О, сколько тамъ блаженствуетъ людей,
Тамъ, въ высотѣ, для ока недоступной!
И не онѣ-ль, божественныя души,
Зефиромъ облетаютъ міръ нашъ грустный;
На деревѣ листочкомъ шевелятъ;
По зеркалу воды—струи наводятъ;
На воздухъ поднимаютъ птицъ небесныхъ —
И въ нихъ устахъ такъ сладостно поютъ?
О, не онѣ-ль блистательнымъ лучемъ,
О, не онѣ-ль алмазами фонтана
Такъ утѣшительно играютъ? Міръ нашъ,
Свою земную родину, отчизну
Хотятъ развеселить, благія души!
На время имъ позволено слетать,
Насъ услаждать невидимой бесѣдой
И снова улетать въ свое блаженство!
Примите-жъ и меня, сыны блаженства!
Несчастнаго воздушностью небесной,
Способностью летѣть къ вамъ—окрылите!

(*Въ размышленіи приближается къ правой скамейкѣ*).

Актъ V, выходъ 2.

(*Народъ разступается; музыка внутри начинаетъ играть хоръ; герольды идутъ предъ Тассомъ, который медленно приближается къ кресламъ, кланяясь на привѣтствія народа; его поддерживаютъ Д. Мости и К. Риги; старшины, князья, вельможи и проч. сопровождаютъ Тасса; старшины, указавъ Тассу кресты, окружаютъ Виргиліевъ вѣнецъ*).

Хоръ (*прерываемый криками народа и герольдовъ*).

Аминты сладостный пѣнецъ,
Пѣвецъ Іерусалима!

Герольдъ.
Дорогу первому поэту вѣка!
Народъ.
Торквату Тассу слава, долголѣтье....
Хоръ. Вступи во храмъ, прими вѣнецъ
Отъ радостнаго Рима!
Гер. Дорогу первому поэту вѣка!
Нар. Благословеніе земли и неба!
Хоръ. Онъ твой давно! Великій Римъ
Отъ радости трепещетъ!
Счастливый счастіемъ твоимъ,
Въ восторгѣ рукоплещетъ!
(*Раздаются громкія рукоплесканья*).
Нар. Миръ, слава, честь, богатство,
долголѣтье!
Гер. Дорогу первому поэту вѣка!
Нар. Благословенъ да будетъ праздникъ Тасса!
(*Тассъ садится въ кресла*).
Хоръ. Да просвѣтлѣетъ Божій сводъ
И благодать Господня
Да осѣнитъ насъ! Твой приходъ
Мы празднуемъ сегодня!
Тассъ.
Я здѣсь умру! Здѣсь — на своемъ я мѣстѣ!
Я въ пристани—и ни за что ва свѣтѣ
Къ вамъ, въ океанъ и горя и несчастій
Я не сойду.... Друзья! Я здѣсь умру!
(*Встаетъ*).
Какъ я силенъ!... Римляне, благодарность,
Признательность за милости и ласки!
Я отъ людей ужъ ничего не ждалъ,
А вы меня даруете безсмертьемъ.
Но, къ сожалѣнью, только трупъ поэта
Одинъ—пришелъ за лавровымъ вѣнцомъ.
Давнымъ давно, какъ тотъ вулканъ—Везувій,
Я весь сгорѣлъ!— Я перетлѣвшій пепелъ—
И скоро злая смерть меня развѣетъ.
Вы для меня нарушили обряды,
Вы сократили праздникъ торжества,
Чтобъ не замучить слабаго поэта....
Благодарю, еще благодарю!
Но чѣмъ же мнѣ васъ отдарить, Римляне?
Звучать стихомъ, стихами благодарность
Передъ народомъ Римскимъ изливать;
Но не могу, съ обрядами согласно,
Привѣтствовать васъ сладкими стихами;
Я не могу изсохшими перстами
По струнамъ арфы ударять —
И звуки чистыхъ вдохновеній
Изъ струнъ покорныхъ извлекать.
Давно меня оставилъ геній!
Я одинокъ на всей землѣ,
Какъ одинокій кедръ въ пустынѣ!
Безумье на моемъ челѣ
И пустота въ грудной святынѣ;
Живой я мертвъ; души лишенъ!
Моя душа—воспоминанья;
Мой голосъ — скорбный звукъ страданья;
Вся жизнь моя—тяжелый сонъ;
Мои дѣянья—сновидѣнья;
Мои желанія—мечты,
И весь я—остовъ, привидѣнье,
Символъ могильной пустоты!
(*Народъ рыдаетъ*).
Нѣсколько голосовъ.
О бѣдный Тассъ! О бѣдный, бѣдный Тассъ!
Тассъ. Но въ жизни — жизни нѣтъ конца!
Она въ безсмертье переходитъ,
На лонѣ вѣчнаго Отца
Успокоеніе находитъ.
Туда, туда, въ страну небесъ
Изъ этого спѣшу я свѣта;
Но не хочу оставить здѣсь
Негодованье на поэта.
Въ часъ торжества и смерти въ часъ
Хочу со всѣми примириться,
Чтобъ я хотя единый разъ
Могъ на землѣ возвеселиться.
За всѣ страданія, за срамъ,
За муки, клевсты, гоненье,
Отнесть я поручаю вамъ
Альфонсу отъ меня прощенье!
(*Садится въ кресла*).
Нар. О добрый Тассъ! Великодушный Тассъ!
Къ вѣнцу, къ вѣнцу; Альфонсъ, Ферраркій Герцогъ.

Поэзіи законъ Капитолійскій:—

Выходъ послѣдній.

Альфонсъ, Леонора, Константини
го (*Старшины несутъ вѣнецъ*).
Онъ здѣсь! Онъ здѣсь! Что ви-
жу? Леонора!
ва вѣнца: лавровый и терновый!
другой мнѣ сладостны равно.
ісъ, ты здѣсь! Какъ жрецъ и
прорицатель,
мѣ славы долженъ я изречь
го во мнѣ ни возбуждаетъ геній!
(*Вставъ*).
ѣтъ день вѣнчанья моего
ы днемъ и днемъ благодаренья!
рому Премудрый подаритъ
го ни есть прекраснѣйшаго въ
мірѣ!
рому Всещедрый Богъ воздастъ
цею за всѣ благодѣянья!
не помнитъ Онъ, Онъ, Милосер-
дый!....
нсъ! съ небесъ поэзіи своей
ито Тассъ тебя благословляетъ!
ѣтъ миръ внутри тебя и внѣ!
кій свѣтъ красуется тобою!
ва имени Альфонса шумно
пролетитъ и въ каждомъ, кажд-
домъ мѣстѣ
итъ о тебѣ святую память!
тѣ часы, когда благословенье
ата Тасса дѣйствіе окажетъ,
ини обо мнѣ, о бѣдномъ Тассѣ!
олѣе любилъ тебя, Альфонсъ?
олѣе тебя, Альфонсъ, просла-
вилъ?
ь теперь грущу на тронѣ славы?
ъ тебѣ, Альфонсъ Великодушный,
могу октавы сочетать
же въ честь, тебѣ-же въ про-
славленье!
пусть же смерть моя въ твоихъ
объятьяхъ
днею моей поэмой будетъ!....
краса Италіи и пола,
а дѣвъ! Послѣдній вниманъ
Поэзіи изъ устъ моихъ лѣется! —
Ты божество! Ты небо на земли!
Ты радуга грядущаго блаженства!
Будь ангеломъ Италіи моей!
Да, зря тебя, дивится добродѣтель,
Смущается порокъ.... Но, силы не-
ба!....
Какой-то новый воздухъ въ перси
льется....
Внизу толпа... вверху толпа... сіянье....
Труба гремитъ..... то звуки вѣчной
славы!....
Рукоплещи, великолѣпный Римъ!
Возрадуйтесь, друзья Торквата Тасса!
Весь міръ въ моихъ объятіяхъ объ-
емлю —
И два вѣнца—одной главой пріемлю!
Изъ торжества вступаю въ торжество!
Миръ вамъ!.... И вы возстанете изъ
гроба!....
Я началъ жить!.... Альфонсъ и Лео-
нора!....
Друзья мои!....простите! До свиданья!..

Альфонсъ.

Вѣнецъ подайте!

(*Тассъ, простерши руки къ вѣнцу, постепенно ослабѣваетъ; смерть на его лицѣ оставляетъ неподвижную улыбку; Альфонсъ, вырвавъ изъ рукъ изумленныхъ старшинъ вѣнецъ, взбѣгаетъ на возвышеніе и надѣваетъ его на голову Торквата, которую поддерживаетъ Мости; Леонора закрываетъ руками глаза; друзья Торквата также восходятъ на возвышеніе и, окруживъ Тасса, проливаютъ слезы*).

Альфонсъ (*на возвышеніи проливая слезы*).

Люди! На колѣна!
Кончается великій человѣкъ!

(*Всѣ становятся на колѣна; раздаются громкія рыданія; занавѣсъ медленно опускается*).

Н. Кукольникъ.

III. КОМЕДІЯ.

336. ИЗЪ НЕДОРОСЛЯ.

ДѢЙСТВІЕ I, ЯВЛЕНІЕ I.

Г-жа Простакова, Митрофанъ, Еремеевна.

Г-жа Простакова.

(*Осматривая кафтанъ на Митрофанѣ*).

Кафтанъ весь испорченъ, Еремеевна! введи сюда мошенника Тришку (*Еремеевна отходитъ*). Онъ воръ вездѣ его обузилъ. Митрофанушка, другъ мой! я чаю, тебя жметъ до смерти. Позови сюда отца. (*Митрофанъ отходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ 2.

Г-жа Простакова, Еремеевна, Тришка.

Г-жа Простакова (*Тришкѣ*).

А ты, скотъ, подойди поближе.—Не говорила-ль я тебѣ, воровская харя, чтобъ ты кафтанъ пустилъ шире? Дитя, первое, растетъ; другое, дитя безъ узкаго кафтана деликатнаго сложенія. Скажи, болванъ, чѣмъ ты оправдаешься?

Тришка.

Да вѣдь я, сударыня, учился самоучкой. Я тогда-же вамъ докладывалъ: ну да извольте отдавать портному.

Г-жа Пр. Такъ развѣ необходимо надобно быть портнымъ, чтобъ умѣть сшить кафтанъ хорошенько! Экое скотское разсужденіе!

Тр. Да вѣдь портной-то учился, сударыня, а я нѣтъ.

Г-жа Пр. Еще онъ-же и споритъ. Портной учился у другаго, другой у третьяго: да первой-то портной у кого-же учился? Говори, скотъ!

Тр. Да первой-то портной, можетъ быть, шилъ хуже и моего!

Митрофанъ (*вбѣгаетъ*).

Звалъ батюшку. Изволилъ сказать тотчасъ.

Г-жа Пр. Такъ поди-же вытащи его, коли добромъ не дозовешься.

ДѢЙСТВІЕ III, ЯВЛЕНІЕ 7.

Куткйкинъ, Цыфиркинъ, Г-жа Простакова и Митрофанъ.

Г-жа Пр. Пока онъ отдыхаетъ, другъ мой, ты хоть для виду поучись, чтобъ дошло до ушей его, какъ ты трудишься, Митрофанушка.

Митр. Ну, а тамъ что?

Г-жа Пр. А тамъ и женишься.

Митр. Слушай, матушка! Я тебя потѣшу, поучусь, только чтобъ это былъ послѣдній разъ, и чтобъ сегодня-жъ быть сговору.

Г-жа Пр. Придетъ часъ воли Божіей!

Митр. Часъ моей воли пришелъ: не хочу учиться, хочу жениться. Ты-жъ меня взманила, пеняй на себя. Вотъ и сѣлъ.

(*Цыфиркинъ очиняетъ грифель*).

Г-жа Пр. А я тутъ-же присяду. Кошелекъ повяжу для тебя, другъ мой! Софьюшкины денежки было-бъ куда класть.

Митр. Ну! давай доску, гарнизонная крыса. Задавай, что писать.

Цыф. Ваше благородіе завсегда безъ дѣла лаяться изволите.

Г-жа Пр. (*работая*). Ахъ, Господи Боже мой! Ужъ ребенокъ не смѣй и избранить Пафнутьича! Ужъ и разгнѣвался!

Цыф. За что разгнѣваться, ваше благородіе! У насъ россійская пословица: собака лаетъ, вѣтеръ носитъ.

Митр. Задавай-же зады, поворачивайся.

Цыф. Все зады, ваше благородіе. Вѣдь съ задами-то вѣкъ назади останешься.

Г-жа Пр. Не твое дѣло, Пафнутьичъ.

ень мило, что Митрофанушка
ь шагать не любитъ. Съ его
да залетѣть далеко, да и Боже

Задача: изволилъ ты, на при-
нядти по дорогѣ со мною; ну,
озмемъ съ собою Сидорыча.
мы трое...
(*пишетъ*). Трое.
На дорогѣ, на прикладъ же, три
блей.
(*пишетъ*). Триста.
Дошло дѣло до дѣлежа. Смяк-
по чему на брата?
(*вычисляя шепчетъ*). Единож-
три; единожды нуль, нуль;
ды нуль, нуль.
Пр. Что, что? До дѣлежа?
Вишь триста рублей, что нашли,
раздѣлить.
Пр. Вретъ онъ, другъ мой сер-
! Нашедъ деньги, ни съ кѣмъ не
: всѣ себѣ возьми, Митрофанушу-
учись этой дурацкой наукѣ.
Слышь, Пафнутьичъ, задавай
).
Пиши, ваше благородіе. За ученье
е мнѣ въ годъ десять рублей.
Десять.
Теперь правда не за что; а кабы
инъ, что-нибудь у меня пере-
е грѣхъ-бы тогда было и еще
ить десять.
(*пишетъ*). Ну, ну, десять.
Сколько-жъ-бы на годъ?
(*вычисляя шепчетъ*). Нуль,
, нуль; одинъ да одинъ.... (*за-
я*).
Пр. Не трудися по пустому,
юй, гроша не прибавлю; да и
го, наука не такая: лишь тебѣ
е; а все вижу пустота. Денегъ
что считать? Деньги есть, со-
безъ Пафнутьича хорошохонько.
Шабашъ право, Пафнутьичъ!
ачи рѣшены. Вѣдь на повѣрку
ить не станутъ.
Не бось, братъ. Матушка тутъ
ошибется. Ступай-ка ты те-
утейкинъ, проучи вчерашнее.

ДѢЙСТВІЕ IV, ЯВЛЕНІЕ 7.

Стародумъ, Софья, Правдинъ, Милонъ, Скотининъ, Г-жа Простакова, Простаковъ, Митрофанъ и Еремѣевна.

Г-жа Пр. (*входя*). Все-ль съ тобою, другъ мой?
Митр. Ну, да ужъ не заботься.
Г-жа Пр. (*Стародуму*). Хорошо-ли отдохнуть изволилъ, батюшка? Мы всѣ въ четвертой комнатѣ на цыпочкахъ ходили, чтобъ тебя не обезпокоить, не смѣли въ дверь заглянуть; послышимъ, анъ ужъ ты давно и сюда выдти изволилъ. Не взыщи, батюшка....
Стар. О сударыня! мнѣ очень было бы досадно, ежели-бъ вы сюда пожаловали ранѣ.
Скот. Ты, сестра, какъ на смѣхъ: все за мною по пятамъ. Я пришелъ сюда за своею нуждою.
Г-жа Пр. А я такъ за своею (*Стародуму*). Позволь-же, мой батюшка, потрудить васъ теперь общею нашею просьбою (*Мужу и сыну*). Кланяйтесь.
Стар. Какою, сударыня?
Г-жа Пр. Во-первыхъ прошу милости всѣхъ садиться. (*Всѣ садятся, кромѣ Митрофана и Еремѣевны*). Вотъ въ чемъ дѣло, батюшка: за молитвы родителей нашихъ (намъ грѣшнымъ гдѣ-бъ и умолить) даровалъ намъ Господь Митрофанушку. Мы все дѣлали, чтобъ онъ у насъ сталъ таковъ, какъ изволишь его видѣть. Не угодно-ль, мой батюшка, взять на себя трудъ посмотрѣть, какъ онъ у насъ выученъ?
Стар. О, сударыня! До моихъ ушей уже дошло, что онъ теперь только и отучиться изволилъ. Я слышалъ объ его учителяхъ, и вижу напередъ, какому грамотѣю ему быть надобно, учася у Кутейкина, и какому математику, учася у Цыфиркина (*Къ Правдину*). Любопытенъ-бы я былъ послушать, чему нѣмецъ-то его выучилъ.

Г-жа Пр. Всѣмъ наукамъ, батюшка!
Пр. Всему, мой отецъ!
Митр. Всему, чему изволишь.
(*Вильстъ*).

Прав. (*Митрофану*). Чему-жъ-бы напримѣръ?

Митр. (*подаетъ ему книгу*). Вотъ, Грамматикѣ.

Прав. (*взявъ книгу*). Вижу, это Грамматика. Что-жъ вы въ ней знаете?

Митр. Много. Существительное да прилагательное....

Прав. Дверь, напримѣръ, какое имя? существительное, или прилагательное?

Митр. Дверь! Котора дверь?

Прав. Котора дверь! Вотъ эта.

Митр. Эта? прилагательная.

Прав. Почему-жъ?

Митр. Потому что она приложена къ своему мѣсту. Вонъ чулана шеста недѣля дверь стоитъ еще не навѣшена: такъ-та покамѣстъ существительна.

Прав. Такъ поэтому у тебя слово: дуракъ, прилагательное, потому что оно прилагается къ глупому человѣку.

Митр. И вѣдомо.

Г-жа Пр. Что? Каково, мой батюшка?

Пр. Каково, мой отецъ?

Прав. Не льзя лучше. Въ Грамматикѣ онъ силенъ.

Мил. Я думаю не меньше и въ Исторіи.

Г-жа Пр. То, мой батюшка, онъ еще съ измала къ исторіямъ охотникъ.

Скот. Митрофанъ по мнѣ. Я самъ безъ того глазъ не сведу, чтобъ выборной не разсказывалъ мнѣ исторій. Мастеръ, собачій сынъ! Откуда что берется!

Г-жа. Пр. Однако всетаки не придетъ противъ Адама Адамыча.

Прав. (*Митрофану*). А далеко-ли вы въ Исторіи?

Митр. Далеко-ль? Какова исторія. Въ иной залетишь за тридевять земель, за тридесято царство.

Прав. А! такъ этой-то исторіи учитъ васъ Вральманъ?

Стар. Вральманъ! Имя что-то знакомое.

Митр. Нѣтъ. Нашъ Адамъ Адамычъ исторіи не разсказываетъ; онъ, что же, самъ охотникъ слушать.

Г-жа Пр. Они оба заставляютъ себя разсказывать исторіи скотницу Хаврошью.

Прав. Да не у ней-ли оба вы учились и Географіи.

Г-жа Прост. сыну. Слышишь, другъ мой сердечный? Это что за наука?

Митр. (*тихо матери*). А я почемъ знаю.

Г-жа Пр. (*тихо Митрофану*). Не упрямься, душенька. Теперь-то себя и показать.

Мит. (*тихо матери*). Да я не возьму въ толкъ, о чемъ спрашиваютъ.

Г-жа Пр. (*Правдину*). Какъ, батюшка, назвалъ ты науку-то?

Прав. Географія.

Г-жа Пр. (*Митрофану*). Слышишь, соргафія.

Митр. Да что такое! Господи, Боже мой! Пристали съ ножемъ къ горлу.

Г-жа Пр. И вѣдомо, батюшка. Да скажи ему, сдѣлай милость, какая эта наука-то: онъ ее и разскажетъ.

Прав. Описаніе земли.

Г-жа Пр. А къ чему-бы это служило на первый случай?

Стар. На первый случай годилось-бы и къ тому, что ежели-бъ случилось ѣхать, такъ знаешь, куда ѣдешь.

Г-жа Пр. Ахъ, мой батюшка! Да извощики-то на что-жъ? Это ихъ дѣло. Это таки и наука-то не дворянская. Дворянинъ только скажи: повези меня туда; свезутъ, куда изволишь. Мнѣ повѣрь, батюшка, что конечно то вздоръ, чего не знаетъ Митрофанушка.

Стар. О, конечно, сударыня! Въ человѣческомъ невѣжествѣ весьма утѣшительно считать все то за вздоръ, чего не знаешь.

Г-жа Пр. Безъ наукъ люди живутъ и жили. Покойникъ батюшка воеводою былъ пятнадцать лѣтъ, а съ тѣмъ и скончаться изволилъ, что не умѣлъ грамотѣ, а умѣлъ достаточекъ нажить и сохранить. Челобитчиковъ принималъ

егда, бывало, сидя на желѣзномъ ундукѣ. Послѣ всякаго, сундукъ оторитъ, и что нибудь положитъ. То-то кономъ былъ! Жизни не жалѣлъ, чтобъ ъ сундука ничего не вынуть. Передъ ругимъ не похвалюсь, отъ васъ не отаю: покойникъ свѣтъ, лежа на ундукѣ съ деньгами, умеръ, такъ казать, съ голоду. А! каково это?

Стар. Препохвально. Надобно быть котинину, чтобъ вкусить такую блаенную кончину.

Скот. Да коль доказывать, что ученье здоръ, такъ возьмемъ дядю Вавилу алеленча. О грамотѣ никто отъ него е слыхалъ, ни онъ ни отъ кого слышать е хотѣлъ: а какова была головушка!

Прав. Что-жъ такое?

Скот. Да съ нимъ на роду вотъ что лучилось. Верхомъ на борзомъ иноодцѣ разбѣжался онъ хмѣльной въ аменны ворота. Мужикъ былъ рослый, орота низки, забылъ наклониться — акъ хватитъ себя лбомъ о притолку, ядо пригнуло дядю къ похвямъ поылицею, и бодрый конь вынесъ его зъ воротъ къ крыльцу навзничь. Я хоѣлъ-бы знать: естьли на свѣтѣ ученый юбъ, который-бы отъ такого тумака е развалился? А дядя, вѣчная ему анять, протрезвясь, спросилъ только: ѣлы-ли ворота?

Мил. Вы, господинъ Скотининъ, сами ризнаете себя неученымъ человѣкомъ, днако я думаю, въ этомъ случаѣ и ашъ лобъ былъ-бы не крѣпче ученаго.

Стар. Объ закладъ не бейся, другъ ой! Я думаю, что Скотинины всѣ роомъ крѣпколобы.

Г-жа Пр. Батюшка мой! да что за адость и выучиться? Мы это видимъ оими глазами и въ нашемъ краю. то посмышленѣе, того свои-же братья тчасъ выберутъ еще въ какую нигдь должность.

Стар. А кто посмышленѣе, тотъ и не кажетъ быть полезнымъ своимъ соажданамъ.

Фонъ-Визинъ.

---

337. ИЗЪ МОЛЬЕРОВОЙ КОМЕДІИ:

LES FEMMES SAVANTES.

ДѢЙСТВІЕ III, ЯВЛЕНІЕ 5.

Триссотинъ и Вадіусъ.

Вад. Вы истинный поэтъ! скажу я безпристрастно..
Трис. Вы сами риѳмы плесть умѣете прекрасно.
Вад. Какой высокій духъ въ поэзіи у васъ!
Я часто вашу мысль отгадываю съ часъ.
Трис. А вашъ въ эклогахъ стихъ какъ простъ, невиненъ, плавенъ!
И самый Теокритъ едваль вамъ будетъ равенъ.
Вад. Ахъ, въ вашихъ басенкахъ не меньше красоты;
Мы какъ условились срывать одни цвѣты.
Трис. Но ваши буриме.... о! это верхъ искуства!
Вад. А въ вашихъ мелочахъ какой языкъ и чувства!
Трис. Когда-бъ отечество хотѣло васъ цѣнить....
Вад. Когда-бъ нашъ вѣкъ умѣлъ таланты ваши чтить....
Трис. Конечно-бъ васъ листомъ похвальнымъ наградили.
Вад. А вамъ бы монументъ давно соорудили!
Трис. Дождемся, можетъ быть.... Хотите-ль, мой поэтъ,
Послушать строфы двѣ?....
Вад. Прочесть-ли вамъ Сонетъ
На прыщикъ Деліи?
Трис. Ахъ, мнѣ его читали!
Вад. Извѣстенъ авторъ вамъ?
Трис. Прозванья не сказали,
Но видно по стихамъ, что онъ семинаристъ;
Какія плоскости! языкъ довольно чистъ,
Но вкуса вовсе нѣтъ; вы согласитесь сами.
Вад. Однакожъ онъ хвалимъ былъ всѣми знатоками.

Трис. А я и имъ и вамъ еще сказать готовъ,
Что славный тотъ Сонетъ собранье — риѳмъ и словъ.
Вад. Немного зависти....
Трис. Во мнѣ? избави Боже!
Завидовать глупцамъ и быть глупцомъ все то-же.
Вад. Сонетъ, сударь, хорошъ! скажу вамъ наконецъ;
А доказательство... я самъ его творецъ.
Трис. Вы?
Вад. Я.
Трис. Не можетъ быть; по чести это чудо!
Конечно мнѣ его читали очень худо,
Иль я былъ развлеченъ.—Но кончимъ этотъ споръ;
Я вамъ прочту Рондо.
Вад. Парнасскій, старый соръ,
Надъ кѣмъ лишь себя педантамъ сродно мучить.
Трис. Такъ слѣдственно и вамъ не можетъ онъ наскучить.
Вад. Прошу, сударь, своихъ именъ мнѣ не давать.
Трис. Прошу и васъ равно меня не унижать.
Вад. Пошелъ, тащись, тугой, надутой умоборецъ!
Трис. Пошелъ, ползи ты самъ, водяной риѳмотворецъ!
Вад. Пачкунъ!
Трис. Ветошникъ!
Вад. Враль!
Трис. Ругатель подъ рукой!
Вад. Когда-бы не былъ трусъ, ты былъ бы самъ такой.
Трис. Пошелъ провѣтривать лежалыя творенья!
Вад. А ты ступай, бѣги просить у Музъ прощенья
За нестерпимый свой проклятый переводъ,
За изувѣченье Горація....
Трис. Уродъ!
А ты каковъ съ твоимъ классическимъ поэтомъ?
Стыдись предъ справщикомъ, стыдись предъ цѣлымъ свѣтомъ!
Вад. Но ни одинъ журналъ меня не оглашалъ,
А ты уже давно добычей критикъ сталъ.
Трис. Я тѣмъ-то и горжусь, ріѳмачъ, передъ тобою!
Во всѣхъ журналахъ ты пренебреженъ съ толпою
Враліей, которые не стоятъ и суда;
А я на востреѣ пера ихъ завсегда,
Какъ ихъ опасный врагъ!
Вад. Такъ будь и мой отнынѣ;
Сей часъ иду писать въ стихахъ о Триссотинѣ!
Трис. И только ихъ прочтутъ зѣвающи друзья;
Пожалуй мучь себя, не испугаюсь я
И гряну самъ въ стихахъ!
Вад. А мы имъ посмѣемся.
Трис. Довольно! Я молчу; на Пинд разочтемся!

И. Дмитріевъ.

---

338. ИЗЪ КОМЕДІИ: ПУСТОМОЛЫ.

ДѢЙСТВІЕ III, ЯВЛЕНІЕ I.

Ѳома (*одинъ выходитъ потихоньку*)
И въ залѣ ни души.... Ой, ой! житье плохое
Здѣсь въ домѣ господамъ: не служитъ имъ никто;
Людей тьма тьмущая, а поглядишь, на что?
Чтобъ изъ порожняго переливать въ пустое,
Тащить все у господъ, да ихъ-же и ругать;
А всѣ такъ чванятся, что не сведешь знакомства.
Ахъ, батюшка нашъ князь, такого пустодомства,
Какое у тебя, подъ солнцемъ не сискать!

ЯВЛЕНІЕ 2.

Ѳома и Радимовъ.

Рад. (*входя*). Все настежь — дѣло! такъ! ужъ видно по порядку,

домъ племянниковъ.
(*оглядывая*) Кто это?—Ба! Ѳома!
Ахъ, Глѣбъ Романовичъ!
Что скажешь?
Правду матку
ть, такъ я еще не приложу ума,
ь это, государь, и какъ ты очутился?
Да вздумалося мнѣ увѣриться во всемъ,
ро племянника писали; я простился
ной, и прискакалъ въ вашъ петербургскій домъ,
лишкомъ полчаса бродивши на удачу,
ался наконецъ на пьянаго слугу,
словамъ его отправился на дачу;
ался черезъ садъ, и радъ, что здѣсь могу
бой поговорить. Меня пугнула повость,
родадутъ село, въ которомъ сестринъ прахъ.
то ты видѣлъ?
Охъ!
Что говорятъ здѣсь?
Ахъ!
Какъ принялъ князь тебя? Ну чтожъ?
Ахти!
Тьфу пропасть!
ло охать; ну, что онъ сказалъ тогда,
прочиталъ письмо?
(*въ сторону*). Ну вотъ тебѣ бѣда!
Да что-же онъ сказалъ?
Не вымолвилъ ни слова.
Ни слова? стало онъ письма не прочиталъ?
нъ!—вотъ далъ мнѣ Богъ племянника какова!
..
Нѣтъ, онъ прочелъ, да съ глазъ меня прогналъ.
За что?
Охъ! видно я не въ добрый часъ явился.

Рад. А! у такихъ людей, какъ онъ, короткій судъ.
Когда расхохриться они изволятъ, тутъ
Кто первый пырь въ глаза, такъ тотъ и провинился.
(*Увидя Инквартуса*).
Что это за чудакъ?
Ѳома. Мусье Инквартусъ.
Рад. Онъ
Хорошъ.

ЯВЛЕНІЕ 3.

Тѣ-же и Инквартусъ.

Инквартусъ (*кладя бумаги на столъ*).
Нѣтъ мѣста здѣсь порядочно заняться;
И тамъ пришла Княжна.
(*Садится за столъ*).
Рад. Онъ можетъ быть ученъ;
Но въ эту голову нельзя уму забраться.
Посмотримъ. (*Подходитъ*) Господинъ Инквартусъ, смѣю-ль я....
Инкв. А! что угодно вамъ?
Рад. Знакомства съ вами.
Инкв. Ясно.
Рад. Вы такъ ученостью прославили себя,
Что должностью я счелъ....
Инкв. Въ учтивостяхъ напрасно
Не станемъ тратить словъ. Вы вѣрно изъ числа
Любителей наукъ?
Рад. Да, я люблю науки.
Инкв. Учились стало быть?
Рад. Учился, и отъ скуки
Все занимаюся.
Инкв. Похвальныя дѣла!
Такъ я имѣю честь съ собратомъ быть. ...
Покорнѣйше прошу.
(*Сажаетъ его на свое мѣсто*)
Вы не пришли-ль урокъ
Дать князю?
Рад. Да..... почти; но будетъ-ли въ немъ прокъ?
Моей наукѣ князь захочетъ-ли учиться?
Инкв. Чтожъ вы преподавать изволите?
Рад. А то,
Чему не учится у насъ почти никто,
И безъ чего во всѣхъ наукахъ толку мало.

Инкв. Конечно Логикѣ: она всего яснѣй?
Рад. Нѣтъ.
Инкв. Филологіи, Эстетикѣ?....
Рад. Богъ съ ней.
Инкв. А! Психологіи навѣрно?
Рад. Нѣтъ.
Инкв. Антропологіи, Монадологіи.....
Рад. Нѣтъ!
А Правдологіи.
Инкв. Сказали вы невнятно.
Что?
Рад. Правдологіи.
Инкв. Вотъ что невѣроятно,
Я не слыхалъ о ней учася тридцать лѣтъ.
Рад. Для васъ-же хуже.
Инкв. Такъ, позвольте, понимаю:
Подъ именемъ другимъ ее быть можетъ знаю.
Въ чемъ состоитъ она, коль смѣю васъ спросить?
Или яснѣй: чему возможно научиться
Изъ Правдологіи?
Рад. По правдѣ въ свѣтѣ жить,
Отъ правды не лынять, на правду не сердиться,
Въ душѣ, на языкѣ всегда ее имѣть,
И, если надобно, за правду умереть.
Инкв. Позвольте, знаю все: цѣль вашего ученья
Есть правда; спорить въ томъ не можете никакъ:
А правда съ истиной сословы суть; и такъ
Цѣль Правдологіи есть къ истинѣ стремленье;
А Философія не есть ли точно тожъ?
Не всѣ-ль философы отъ Канта до Сократа
Стремились къ истинѣ и отвергали ложь?
Хоть Философія системами богата,
Но цѣль одна. Примѣръ: Зенона Стоицизмъ,
Пиррона Скептицизмъ, Спинозы Реализмъ,
И Фихтовъ Ихтеизмъ, съ Берклея Идеизмомъ,
Сократо-Платонизмъ съ Антропофилеизмомъ,
Суперъ-Натурализмъ, Перипатетицизмъ,
Доризмъ, Пиеизмъ, Кратизмъ, Фисизмъ и Фатализмъ;
Такъ безъ софизмовъ я все кончу силогизмомъ,
Что правды Ригоризмъ вы Греко-Русскицизмомъ
Хотѣли выразить, — и я васъ угадалъ.
Рад. Да изъ какихъ земель васъ князя Богъ послалъ?
И этихъ измовъ всѣхъ откуда ты набрался?
Инкв. Я родомъ съ Эзеля, но въ Галлѣ просвѣщался
И человѣкомъ сталъ!....
Рад. Скажите-жъ, человѣкъ!
Что съ княземъ путнаго надѣлали вы въ свѣтѣ?
Инкв. Учились, учимся, учиться будемъ въ вѣкъ
И....
Рад. Только?—хорошо!
Инкв. Не правда-ль, въ семъ отвѣтѣ
Я лаконически три истины сказалъ?
Рад. И сочиняете вы также?
Инкв. Безъ сомнѣнья.
Въ столѣ и на столѣ найдете сто началъ
О ста матеріяхъ.
Рад. (*перебирая тетради*). Такъ это сочиненья
Княжія....
Инкв. И мои.
Рад. Ага!—Ба! это что?
(*Беретъ письмо*)
Инкв. Письмо отъ дядюшки.
Рад. (*съ досадой*). Оно.
Фома. Ай, ай, попался!
Рад. (*съ большею досадой*). И запечатано!
Инкв. Князь дѣломъ занимался,
Когда ему письмо принесъ сегодня...
Рад. Кто?
Инкв. Прикащикъ этотъ.
Фома. Охъ!
Рад. (*съ сердцемъ*) Что завздыхалъ ты снова?
Такъ онъ прочелъ письмо?—Ну, что? молчишь?
Фома. Ахти!

э хныкай, а скажи глупцу отъ
слова въ слово,
ь шалунъ, педантъ безъ толку,
безъ пути;
онъ себя губилъ, дурачился,
срамился,
ъ не зналъ меня.—Домой, ско-
рѣй домой! (*Уходитъ*).
бъжитъ за нимъ). Ну, вотъ-
е бабушка и Юрьевъ день!..
(*Одинъ*) Постой!....
....
вдологъ, какъ видно, разсер-
дился;
зъ сей отъ чего, кѣмъ возбуж-
денъ, за что?
есть загадочность; однако я
узнаю.
имъ, что.... но нѣтъ.... ниль луч-
ше такъ.... не то....
ьше думаю, то меньше понимаю.

Кн. А Шаховской.

ИЗЪ КОМЕДІИ: АРИСТО-ПЪ ИЛИ ВСАДНИКИ.

цѣйстіе II. явленіе 4.

истофанъ, Алкиноя и Созія.

видя Созія). Ахъ! другъ мой,
радуйся!
Я радоваться радъ,
ему не знаю.
е знаешь? какъ ты глупъ!
А! понимаю:
комедію ты самъ берешь на-
задъ?—
И я, по обѣщанью,
у пѣтуха на жертву приношу.
и развѣ я на то комедіи пишу,
не играли ихъ, безумный?
Этой бранью
жется, сказалъ, что Всадниковъ
дадутъ?
акъ ты догадливъ!
Да! а какъ они пойдутъ?
огами.
акъ, да кто играть Клеона ста-
нетъ?

Ар. Что за вопросъ?—ты знаешь, Ка-
листратъ.
Соз. Нѣтъ, онъ реветъ, что ты не такъ
богатъ,
И что твоихъ доходовъ не достанетъ
Кормить его вдову, сиротъ, отца, се-
стеръ,
Племянницъ и....
Ар. Вранье твое мнѣ надоѣло;
Безъ родословной ихъ, скажи скорѣй,
въ чемъ дѣло?
Соз. Ни онъ, ни Филонитъ, и ни одинъ
актеръ,
Кому еще идетъ на умъ кой-что мірское,
Клеона представлять не могутъ.
Ар. Отъ чего?
Соз. Имъ данъ такой приказъ, съ при-
молвкой: что того,
Кто оклеонится, пошлютъ на дно мор-
ское
Играть комедіи для мокрыхъ Нереидъ.
Ар. И трусы....
Соз. Струсили: они не водолазы.
Ар. Пусть всѣхъ другихъ стращатъ
Клеоновы приказы,
Но Калистратъ и Филонитъ,
Которыхъ, вопреки ихъ мачихѣ природѣ,
Мои комедіи прославили въ народѣ,
Могли забыть, что ихъ не зналибъ безъ
меня,
Что съ ними я дѣлялъ кусокъ послѣдній
хлѣба?
Неблагодарные! и не боятся неба....
Соз. За то воды боятся какъ огня.
Ар. Такъ пусть съ Кратиніемъ себя
безчестятъ страхомъ,
Пускай голодные срамятся съ Антима-
хомъ,
Ужъ я писать для нихъ не буду ни
стиха.
Соз. Не будешь? приношу Эриесу
пѣтуха!
Ар. Но неужли?...
Алк. Ахъ! я не сомнѣваюсь болѣ,
Что ты безсмертными хранимъ,
Что этотъ страхъ послать угодно было
имъ
Къ спасенью твоему; такъ покорись
ихъ волѣ.
Ар. Хвала Богамъ!

Они Клеоновы злодѣйства обращаютъ
Ему-же въ пущій срамъ,
И завтра волю ихъ въ театрѣ всѣ познаютъ.
Соз. Да кто-жъ играть его осмѣлится!
Ар. Я самъ.
Соз. Ты самъ?
Алк. Какъ! ты?....
Ар. Я самъ, и непремѣнно.
Соз. Эрмесъ! прощайся съ пѣтухомъ.
Алк. Аристофанъ, себя ты губишь совершенно.
Ар. Нѣтъ, выслушай сперва, и обвиняй потомъ.
Пусть играна моя комедія не будетъ;
Но это послужить не можетъ ни въ чему:
Что я ее писалъ, Клеонъ не позабудетъ,
И только робостью ему
Двойное торжество доставлю:
Отъ обличенія его избавлю,
Отъ мщенія-жъ себя ни мало не спасу.
Еще-же можетъ онъ вездѣ разславить,
Что не актеры, я—не смѣлъ его представить.
Но я ему ударъ нежданный нанесу,
Когда явлюся самъ на сценѣ,
Актеровъ обличу въ измѣнѣ
И цѣлой Греціи на дѣлѣ докажу,
Что онъ передо мной, не я предъ нимъ дрожу.
И самымъ тѣмъ, чѣмъ онъ вредить мнѣ былъ намѣренъ,
Успѣхъ мой вѣренъ;
Всѣ люди за того, кто смѣлъ.
Соз. Эрмесъ! пѣтухъ твой улетѣлъ!

Кн. А. Шаховской.

---

340. ИЗЪ КОМЕДІИ: ВОСПИТАНІЕ ИЛИ ВОТЪ ПРИДАНОЕ.

ИЗЪ ТРЕТЬЯГО ДѢЙСТВІЯ.

Ведеркинъ (*откупщикъ*).

Я былъ-бы философъ,
Когда-бы удалось мнѣ, съ будущихъ торговъ,
Снять откупъ въ Питерѣ: вѣдь тамъ мнѣ всѣ знакомы.

Князь.

Я думаю, вамъ всѣ открыты были домы?
И вѣрно съ знатными со всѣми вы въ связи?
Вед. А какъ же — золото блеститъ и на грязи:
Такъ что намъ знатные! — подъ часъ мы ихъ честуемъ,
А впрочемъ, будь хоть графъ, а мы и въ усъ не дуемъ.
Кн. Я эту спесь весьма приличной нахожу.
Вед. Да вотъ, пять лѣтъ назадъ, формально вамъ скажу,
Я былъ откупщикомъ въ губерніи нездѣшней.
Графъ Звонкинъ въ городъ къ намъ порой пріѣхалъ вешней —
Такъ — въ маѣ мѣсяцѣ: — я съ нимъ давно знакомъ.
«Я буду-де къ тебѣ въ твой загородный домъ».
А я тогда купилъ съ аукціона дачу.
«Въ покупкѣ-де твоей хочу смотрѣть удачу.«
Пожалуй-молъ, большой диковинки въ томъ нѣтъ....
Велика важность — графъ! — «чтожъ? ужинъ, иль обѣдъ?«
«На ужинъ-де». Ну, я за стерлядью почтовыхъ,
За ананасами, за винами, да новыхъ
Велѣлъ и мобелей три дюжины привезть,
Музыку, фейерверкъ, — не важная-молъ честь,
Что графъ пожалуетъ,—намъ это вѣдь не диво.
Кн. Что вамъ! (*Лію*) Каковъ разсказъ?

Лія.

Ахъ, какъ краснорѣчиво!

Вед. Вотъ, день пришелъ, созвалъ гостей; а самъ сижу —
Мнѣ нужды нѣтъ — въ окно къ воротамъ все гляжу.
Такъ—къ сумеркамъ—кричатъ: «ужъ графъ-де ѣдетъ близко.»
Ну, чтожъ! сбѣжалъ съ крыльца, поклонъ ему пренизкой,
Подъ ручку на крыльцо, все дѣло чередомъ:

а грянула: изъ пушекъ трескъ
и громъ.
ѣъ карты сѣлъ играть; а мнѣ-то
что за дѣло?
ікая нужда вамъ!
лядь, солнышко ужъ сѣло;
адъ бѣгомъ: люблю потѣшные
огни,
радъ сгорѣть. Ну вотъ какъ на
бѣду: все дни
і красные, — вдругъ тучка на-
бѣжала;
ите-ль? Душа вотъ такъ и задро-
жала.
злать! фейерверкъ чтобъ мой не
отсырѣлъ,
ть сигнальную ракету я ве-
лѣлъ!
голубушка! вотъ жду я графа
смѣло;
сіятельный; а мнѣ какое дѣло?
ія кресла есть: пусть сядетъ
безъ меня.
усь вокругъ потѣшнаго огня.
сѣлъ и гости всѣ,—пошла моя
потѣха!
у, слава Богу!
ерова (*Князю*).
у, mon cher, отъ смѣха!
а чѣмъ же кончилось?
вздохнувъ). Ужъ и не помню
какъ.
Нѣмецъ зажигать послѣдній ужъ
буракъ;
і бураковъ охотникъ пресмер-
тельной!
помнить не могу: буракъ-атъ
самой цѣльной;
о —бѣда! — шипитъ: фитиль за
фитилемъ!
е шипитъ. Вотъ я и самъ къ не-
му съ огнемъ;
ъ-то было!—я надулся, да какъ
дунулъ:
ловно чертъ его мнѣ прямо въ
рожу сунулъ!
идѣлъ ничего! тутъ замертво
упалъ!...
рафъ отправился... какъ... что...
ужъ не слыхалъ!

Богъ съ нимъ! что онъ.... что я.... что
сѣро и что бѣло,
Не все-ль равно! онъ графъ! а мнѣ
какое дѣло?
Кн. (*съ важнымъ видомъ*). Что вамъ
до этого? (*Лѣнь*) Безъ памяти лежалъ,
А то-бы провожать къ воротамъ побѣ-
жалъ.

Ѳ. Кокошкинъ.

---

341. ИЗЪ КОМЕДІИ: ГОРЕ ОТЪ УМА.

ДѢЙСТВІЕ II, ЯВЛЕНІЕ 3.

Чацкій, Фамусовъ и слуга.

Сл. Полковникъ Скалозубъ. — Прика-
жете принять?
Фам. (*вставъ*). Ослы! сто разъ вамъ
повторять!
Принять его, позвать, просить, сказать
что дома,
Что очень радъ. Пошелъ-же, торопись!
(*Слуха уходитъ*).
Пожалуйста, сударь, при немъ осте-
регись:
Извѣстный человѣкъ, солидный,
И знаковъ тьму отличій нахваталъ;
Не по лѣтамъ и чинъ завидный,
Не нынче, завтра генералъ!
Пожалуйста, при немъ веди себя скром-
ненько....
Эхъ! Александръ Андреичъ, дурно,
братъ!
Ко мнѣ онъ жалуетъ частенько:
Я всякому, ты знаешь, радъ.
Въ Москвѣ прибавятъ вѣчно въ-трое:
Вотъ будто женится на Софьюшкѣ....
пустое.
Онъ, можетъ быть, и радъ-бы былъ
душой,
Да надобности самъ не вижу я большой
Дочь выдавать ни завтра, ни сегодня.
Вѣдь Софья молода, а впрочемъ власть
Господня!
Пожадуйста, при немъ не спорь ты
вкривь и вкось,
И завиральныя идеи эти брось.
Однако нѣтъ его! какую-бы причину...

А! знать пошелъ ко мнѣ въ другую половину.

(*Поспѣшно уходитъ*.

ЯВЛЕНІЕ 5.

Чацкій, Фамусовъ и Скалозубъ.

Фам. Сергѣй Сергѣичъ! къ намъ, сюда-съ,
Прошу покорно—здѣсь теплѣе;
Прозябли вы—согрѣемъ васъ—
Отдушничекъ откроемъ поскорѣе....
Скал. (*басомъ*). Зачѣмъ-же лазить, напримѣръ,
Самимъ.... Мнѣ совѣстно.... какъ честный офицеръ....
Фам. Не ужъ-то для друзей не дѣлать мнѣ ни шагу,
Сергѣй Сергѣичъ дорогой?
Кладите шляпу, сдѣньте шпагу,
Вотъ вамъ софа, раскиньтесь на покой....
Скал. Куда прикажете, лишь только-бы усѣсться.
(*Всѣ трое садятся. Чацкій поодаль*)
Фам. Ахъ, батюшка! сказать чтобъ не забыть:
Позвольте намъ своими счесться,
Хоть дальними — наслѣдства не дѣлить.
Не знали вы, а я подавно—
Спасибо, научилъ двоюродный вашъ братъ:
Какъ вамъ доводится Настасья Николавна?
Скал. Не знаю-съ, виноватъ,
Мы съ нею вмѣстѣ не служили.
Фам. Сергѣй Сергѣичъ! это вы-ли?
Нѣтъ! я передъ родней, гдѣ встрѣтится, ползкомъ;
Сыщу ее на днѣ морскомъ!
При мнѣ служащіе чужіе очень рѣдки:
Все больше сестрины, свояченицы дѣтки.
Одинъ Молчалинъ мнѣ не свой,
И то за чѣмъ, что дѣловой.
Какъ станешь представлять къ крестишку, иль къ мѣстечку,
Ну какъ не порадѣть родному человѣчку!
Однако братецъ вашъ—мнѣ другъ, и говорилъ,
Что вами выгодъ тьму по службѣ получилъ.
Скал. Въ тринадцатомъ году мы отличались съ братомъ—
Въ тридцатомъ егерскомъ, а послѣ въ сорокъ пятомъ.
Фам. Да, счастье, у кого есть этакій сынокъ!
Имѣетъ, кажется, въ петлицѣ орденокъ?
Скал. За третье августа; засѣли мы въ траншею;
Ему данъ съ бантомъ, мнѣ на шею.
Фам. Любезный человѣкъ, и посмотрѣть такъ хватъ!
Прекрасный человѣкъ, двоюродный вашъ братъ:
Скал. Но крѣпко набрался какихъ-то новыхъ правилъ:
Чинъ слѣдовалъ ему, онъ службу вдругъ оставилъ—
Въ деревнѣ книги сталъ читать.
Фам. Вотъ молодость!.... читать.... А послѣ хватъ!....
Вы повели себя испрасно;
Давно полковники, а служите недавно
Скал. Довольно счастливъ я въ товарищахъ моихъ.
Ваканціи какъ разъ открыты:
То старшихъ выключатъ иныхъ,
Другіе, смотришь, перебиты.
Фам. Да, чѣмъ Господьского помнетъ вознесетъ!

.....

Скал. Не жалуюсь, не обходили,
Однако за полкомъ два года поводили.
Фам. Въ погонь-ли за полкомъ!
За то, конечно, въ чемъ другомъ,
За вами далеко тянуться.
Скал. Нѣтъ-съ, старѣе меня по корпусу найдутся:
Я съ восемьсотъ девятаго служу.

.....

Фам. И славно служите, дай Богъ здоровья вамъ
И генеральскій чинъ—а тамъ,
Зачѣмъ откладывать-бы дальше?
Рѣчь завести объ генеральшѣ....

ıствіе III, явленіе 3.

ацкій и Молчалинъ.

мъ, Алексѣй Степанычъ, съ
вами
ось сказать двухъ словъ.
азъ жизни вашъ каковъ?
ря нынче, безъ печали?
прежнему-съ.
прежде какъ живали?
нь за день: нынче, какъ вчера.
перу отъ картъ, а къ картамъ
отъ пера?
женный часъ приливамъ и отли-
вамъ?
мѣрѣ я трудовъ и силъ,
поръ, какъ числюсь по архи-
вамъ,
раженья получилъ.
манили почести и знатность?
ть-съ, свой талантъ у всѣхъ....
У васъ?
Два-съ:
ность и акуратность.
удеснѣйшіе два и стоятъ на-
шихъ всѣхъ.
мъ не дались чины?
Не всякому успѣхъ.
тьяна Юрьевна разсказывала
что-то,
Изъ Петербурга воротясь,
ми важными людьми про вашу
связь,
разрывъ....
Ей почему забота?
атьянѣ Юрьевнѣ?
Я съ нею незнакомъ.
ь Татьяной Юрьевной?
ь ней вѣкъ мы не встрѣчались.
ъ, что вздорная..
Да это, полно, та-ли-съ?
а Юрьевна!.... извѣстная, при-
томъ
ые и должностные
друзья и всѣ родные!
ьянѣ Юрьевнѣ хоть разъ-бы
съѣздить вамъ....
а что-же?
Такъ. Частенько тамъ
Мы покровительство находимъ, гдѣ не
мѣтимъ.
Какъ обходительна, добра, мила, проста!
Балы даетъ нельзя богаче,
Отъ Рождества и до Поста,
И лѣтомъ праздники на дачѣ.
Ну, право, чтобы вамъ въ Москвѣ у
насъ служить,
И награжденья брать и весело пожить!
Чац. Когда въ дѣлахъ—я отъ весе-
лій прячусь;
Когда дурачиться—дурачусь,
А смѣшивать два эти ремесла
Есть тьма искусниковъ—я не изъ ихъ
числа.
Мол. Простите. Впрочемъ тутъ не вижу
преступленья.
Вѣдь самъ Ѳома Ѳомичъ: знакомъ онъ
вамъ?
Чац. Ну, что-жъ?
Мол. Отличнаго ума и поведенья.
Изъ Петербурга къ намъ переведенъ.
Чац. Хорошъ!
Пустѣйшій человѣкъ изъ самыхъ без-
толковыхъ.
Мол. Какъ можно! Слогъ его здѣсь
ставятъ въ образецъ.
Читали вы?
Чац. Я глупостей не чтецъ,
А пуще образцовыхъ.
Мол. Нѣтъ, мнѣ такъ довелось съ пріятностью прочесть.
Не сочинитель я....
Чац. И по всему замѣтно.
Мол. Не смѣю моего сужденья произнесть....
Чац. За чѣмъ-же такъ секретно?
Мол. Въ мои лѣта не должно смѣть
Свое сужденіе имѣть.
Чац. Помилуйте! мы съ вами не ребяты!
За чѣмъ-же мнѣнія чужія только святы?
Мол. Вѣдь надобно-жъ другихъ имѣть
въ виду.
Чац. За чѣмъ-же надобно?
Мол. Чтобъ не попасть въ бѣду.

Грибоѣдовъ.

---

342. ИЗЪ КОМЕДІИ: Г-НЪ БОГАТОНОВЪ, ИЛИ ПРОВИНЦІАЛЪ ВЪ СТОЛИЦѢ.

ДѢЙСТВІЕ III, ЯВЛЕНІЕ 2.

Мирославской, Графъ Владиміровъ и Г. Богатоновъ.

Г. Бог. Здорово, мой милой! Виноватъ, я заставилъ тебя дожидаться: у меня былъ такой интересный разговоръ съ баронессою.

Мир. (*подводя графа*). Вотъ, мой другъ, рекомендую тебѣ моего пріятеля, про котораго я говорилъ нынче поутру. (*Графъ низко кланяется*).

Г. Бог. Да, да, я помню.

Гр. Я давно желалъ, сударь, имѣть эту честь.

Г. Бог. Хорошо, хорошо, голубчикъ! (*Показывая на стулъ, который стоитъ у дверей*). Садись, душенька.

Мир. (*тихо Богатонову*). Что ты, мой милой! Да знаешь ли....

Г. Бог. Знаю, знаю: какой-нибудь дворянчикъ?

Мир. Смотри, чуръ послѣ не пенять.

Г. Бог. И, мой милой, что за фигура? Садись-ка, пріятель. (*Мирославской садится на канапе, Богатоновъ на вольтеровскія кресла. — Къ графу, который стоитъ.*) Полно, братъ, чиниться, садись; я человѣкъ не спесивый, садись знай. (*Графъ садится*).

Мир. Да ты, мой милой, и подлинно начинаешь походить на большаго барина.

Г. Бог. (*къ графу*). Что ты, голубчикъ, пріѣхалъ сюда на время, или хочешь здѣсь къ мѣсту?

Гр. Нѣтъ, сударь, я человѣкъ отставной и привыкъ жить въ деревнѣ.

Г. Бог. Въ деревнѣ? право! — Такъ у тебя есть и деревнишка. Въ какой губерніи?

Гр. Въ Орловской.

Г. Бог. А сколько въ ней душонокъ, мой милой?

Гр. Съ небольшимъ сто.

Г. Бог. Сто душъ! — Такъ ты не совсѣмъ бѣдной человѣкъ. Прошу покорно, подвинься-къ къ намъ поближе, любезный. (*Графъ подвигается*). А много-ли она дастъ доходу?

Гр. Очень мало; гораздо менѣе, чѣмъ пензенская моя деревня.

Г. Бог. Какъ! такъ у васъ въ Пензѣ есть деревня?

Гр. Двѣсти душъ.

Г. Бог. И того триста! (*Мирославскому*). Да онъ человѣкъ порядочной! — Гей, малой! (*человѣкъ входитъ*). Кресла, сюда, къ намъ ближе. Милости просимъ, батюшка; я очень радъ съ вами познакомиться. (*Сажаетъ его возлѣ себя*). И такъ, у васъ только и есть эти двѣ деревни?

Гр. Извините; у меня есть еще полторы тысячи душъ въ рязанской губерніи.

Г. Бог. (*вскакиваетъ*) Полторы тысячи!

Гр. Да двѣ тысячи въ саратовской.

Г. Бог. И двѣ тысячи! — Ахъ, Боже мой, Боже мой! какой я дуракъ! Милостивый государь! сдѣлайте милость, будьте милостивы! Не прикажете-ли на эти кресла? здѣсь вамъ будетъ спокойнѣе.

Гр. Къ чему это?

Г. Бог. Покорнѣйше прошу.

Гр. Если вы непремѣнно хотите. (*Садится на вольтеровскія кресла*).

Г. Бог. Позвольте узнать, милостивый государь, съ кѣмъ я имѣю честь говорить.

Гр. Я, сударь, графъ Владиміровъ.

Г. Бог. И графъ!—Часъ отъ часу не легче. Ахъ, я скотина! — Ваше сіятельство, извините! Я не знаю... я право.... я совершенно обезумѣлъ! (*къ Мирославскому*). Пусти-ка, братецъ.—Ваше сіятельство, не угодно-ли вамъ сюда на канапе?

Гр. Вы напрасно безпокоитесь.

Г. Бог. О, ваше сіятельство, я знаю различать людей.

Мир. Однако-жъ, на этотъ разъ ты ошибся.

Г. Бог. Я не знаю самъ, что со мною

ѣлалось. — Батюшка графъ, ваше іятельство! мнѣ такъ совѣстно, такъ тыдно, ну хоть-бы сквозь землю провалиться!

Гр. Помилуйте, сударь, что за важность, вы ошиблись; это со всякимъ ожетъ случиться.

Г. Бог. Какъ можно ошибиться! какъ е узнать съ перваго взгляда знатнаго еловѣка! Ахъ, я животное!—А тебѣ е стыдно не шепнуть мнѣ на ухо!

Мир. Вѣдь я говорилъ, чтобъ послѣ не енять.

Г. Бог. И братецъ! да кому придетъ ъ голову, что его іятельство графъ Владиміловъ будетъ такъ низко клаяться.

Мир. Въ самомъ дѣлѣ, графъ, бойтесьи вы Бога; вамъ надобно было, какъ натному человѣку, чуть-чуть кивнуть оловою.

Г. Бог. Человѣкъ! (*Приходитъ*). Зови скорѣй всѣхъ сюда! Ваше іятельство! позвольте мнѣ представить вамъ мою старуху и племянницу.

Гр. Я сочту за большую честь.

Г. Бог. Помилуйте; честь вся для ихъ.—Да прошу покорно садиться!

Гр. Для чего-же вы не изволили сами сѣсть, г. Богатоновъ?

Г. Бог. И, ваше іятельство, я и постою: вѣдь у меня отъ этого ноги не отвалятся.—Сдѣлайте милость.

Гр. Я не сяду прежде васъ.

Г. Бог. Если вы приказываете. (*Въ сторону*). Какъ онъ вѣжливъ! — Ну, кто-бы подумалъ, что у него четыре тысячи душъ.

Загоскинъ.

---

343. ИЗЪ КОМЕДІИ: УРОКЪ КОЛОСТЫМЪ, ИЛИ НАСЛѢДНИКИ.

Любимъ и Турусинъ; за нимъ Маша и пятеро другихъ дѣтей.

Тур. (*дѣтямъ*). Смотрите: не шумѣть, не бѣгать и не драться!

(*Любиму*). Да гдѣ-же дядюшка?

Люб. Отъ вышелъ одѣваться; Угодно вамъ къ нему?

Тур. Нѣтъ, милой, все равно. И здѣсь я подожду. Да онъ ушелъ давно?

Люб. Сей часъ.

Тур. Нельзя-ль сказать.... вотъ такъ.... между словами,
Что здѣсь я жду его съ моими сиротами.

Люб. Извольте, я скажу. (*Уходитъ*).

Тѣ-же безъ Любима.

Тур. Сюда ко мнѣ въ кружокъ!
Вамъ надо повторить сегодняшній урокъ:
Чтобъ дѣдушкѣ отъ васъ не стало безпокойно,
Прошу вести себя и тихо и пристойно.
Вы помните, что я твердилъ вамъ на дому!
Лишь только онъ войдетъ, бросайтесь всѣ къ нему.

Маша. Да я боюсь.

Тур. Чего, сударыня?—пустое!
Ты дѣдушку цѣлуй въ плечо, а ты въ другое;
Вы также всѣ его старайтеся ласкать.
И если самъ руки не будетъ онъ давать,
Хватайте на лету! (*одному изъ дѣтей*). Проклятая привычка!
Опять разинулъ ротъ! (*другому*). На что похожъ, чумичка!
Испачканъ весь: утрись! (*третьему*): А ты растрепанъ какъ!
Ну, что стоишь? поправь манжеты-то, дуракъ!
Но, кажется, идутъ.... Смотрите же — смѣлѣе;
Подходятъ ужъ къ дверямъ.... ну, милые, дружнѣе!

Тѣ-же и Звонкина.

Звон. Что это? Боже мой! здѣсь цѣлая орда!
За чѣмъ изволили пожаловать сюда?

Тур. За чѣмъ, невѣстушка! По чести, это странно!
Вѣдь дѣдушка у васъ, такъ очень натурально,
Что имъ хотѣлося....

Звон. Не нищ, сударь, а вашъ.
Повѣрьте, толкъ давать умѣю я словамъ,
И ваши хитрости проникнуть мнѣ не трудно.
Тур. Позвольте мнѣ сказать: мнѣ право очень чудно....
Звон. А я такъ не дивлюсь—другаго не ждала;
Обманы, подлости, всѣ гнусныя дѣла
Привычны вамъ.
Тур. Да я....
Звон. Конечно позабыли!
Давно-ли, кажется, вотъ здѣсь вы говорили (*передразнивая*):
«Да я, невѣстушка, и самъ не очень гнусь».
Скамейку подаешь!
Тур. Такъ что-же, не запрусь;
Я къ старости всегда имѣю уваженье.
И что за важное, скажите, преступленье—
Скамеечку подать? а врядъ-ли и отца
Встрѣчать я побѣгу у самаго крыльца.
Звон. Какъ будто-бъ вѣжливость есть подлая услуга?
Тур. Повѣрьте, намъ краснѣть не должно другъ отъ друга.
Притомъ-же и бѣды не вижу я большой:
Не мы одни кривимъ подъ часъ своей душой!
Звон. Возможно-ли? и онъ еще себя изволитъ
Равнять со мной!
Тур. Слѣпецъ слѣпцу всегда глазъ колитъ.
Звон. Да ты забылъ весь стыдъ, подлѣйшій изъ людей.
Тур. И ваша память-то не лучше вѣдь моей.
Звон. Наглецъ!
Тур. Помилуйте!

Тѣ-же и Здравосудовъ.

Звон. (*не примѣтя Здравосудова*).
Ужъ подлинно не даромъ
Зовутъ тебя вездѣ....
Здрав. О чемъ съ такимъ вы жаромъ
Ведете разговоръ?....
Звон. Ахъ!.... такъ-съ.... бился споръ у насъ....
Тур. Мы спорили о томъ, кто больше любитъ васъ.
Здрав. Спасибо, милые!
Тур. (*указывая на дѣтей*). Позвольте вамъ представить....
Здрав. (*не слушая ею*). Я знаю, вы со мной не станете лукавить.
Тур. Почтенный *дядюшка*! здѣсь вся моя семья. (*дѣтямъ тихо*)
Бѣгите всѣ къ нему! (*дѣти не трогаются съ мѣста*).
Здрав. А! здравствуйте, друзья!... Вы здѣсь? я очень радъ.
Тур. (*тихо*). О глупые ребята,
Ну, что же стали въ пень?—ступайте, пострѣлята!
Дѣти (*кромѣ Маши, подбѣгая къ Здравосудову*).
Ахъ! дѣдушка!
Звон. Смотри! чуть, чуть не сшибли съ ногъ!
Здрав. Здорово, милые!
Тур. Молитвы ваши Богъ
Услышалъ наконецъ!—повѣрите ль? бывало
Лишь только и рѣчей— ну такъ что скучно стало:
«Да скоро-ль дѣдушку увидимъ своего?
«Когда пріѣдетъ онъ? — Дождемся-ль мы его?«
А вотъ и дождались.
Здрав. Совсѣмъ не тѣ ужъ стали (*показывая на Машу*).
Вѣдь это Машенька?
Тур. Такъ, вы ее узнали;
Поди-же къ дѣдушкѣ.
(*тащитъ, а она нейдетъ*).
Здрав. За чѣмъ, не принуждай.
Тур. (*громко*). Не бойся, душенька!—(*тихо ей*) — Вотъ я тебя! ступай!
(*Подводитъ ее насильно*).
Ужъ какъ застѣнчива!—взглянуть, такъ скажешь: дура;
А право нѣтъ! робка ужъ такъ ея натура.
Здрав. Поди сюда, мой другъ! вѣдь мы, чай, года три
Не видѣлись съ тобой.

Ну что же?—говори!
хоть что-нибудь! (*тихо*). Ужъ
быть тебѣ безъ чаю.
ко) Ты любишь дѣдушку?
Люблю.
За что?
Не знаю.
За то-молъ, дѣдушка, что вы одни у насъ
и дѣдъ — и все....

Загоскинъ.

---

4. ИЗЪ ВОЗДУШНЫХЪ ЗАМКОВЪ.

Альнаскаровъ (*одинъ*).

по всѣмъ вещамъ, я твердо убѣжденъ,
къ чему нибудь чудесному рожденъ!
юмню гдѣ.... читалъ я анекдотъ прекрасной:
кто-то изъ морскихъ, въ часъ бури преужасной,
галъ къ землѣ, дотоль незнаемой никѣмъ....
поселился тамъ, и кончилося тѣмъ,
скорѣ жители рѣшили межъ собою—
убликн своей избрать его главою.
п. (*входитъ и подслушиваетъ*).
. (*продолжая*). Онъ мудро управлялъ, и въ честь ему потомъ
да общій гласъ избралъ его царемъ.
если-бъ? Почему-жъ! на счастье нѣтъ закона;
тѣмъ-же, Боже мой, я хуже Робинзона?
могу открыть прелестный островокъ.
, сдѣлавшись царемъ.... построю городокъ,
усь прожектами, народными дѣлами,
ою гавани, наполню ихъ судами—
тъ-то я до васъ, Алжирцы, доберусь!
Смиритеся!—не то.... пойду, вооружусь!
И вы познаете воителя десницу!
Рѣшивши бой — лечу съ трофеями въ столицу,—
Я встрѣченъ въ гавани народною толпой:
Иду.... проходу нѣтъ! все ницъ передо мной!
Какой восторгъ! вездѣ одни лишь слышны клики:
Да здравствуетъ нашъ царь! да здравствуетъ великій!....
Викт. Монархъ!
Альн. (*въ жару мечтанья*). Что хочешь ты?.... надѣйся и вѣщай!
Викт. Великій государь! васъ просятъ—кушать чай.
Альн. Ахъ, Викторъ! это ты.... Я въ прелестяхъ мечтанья
Блаженствовалъ! мои свершалися желанья,
И ты, злодѣй, и ты — всего меня лишилъ!
Викт. И царство и вашъ флотъ я на мель посадилъ!
Альн. Вѣдь надобно-жъ, когда мы якорь лишь спускаемъ.....
Викт. Мечтанія никакъ не напоятъ васъ чаемъ;
И, право, лучше вамъ, чтобъ время не терять,
Пойти къ хозяюшкѣ, заняться, погулять,
И, распростившися, пуститься въ путь счастливо.
Альн. Ты судишь иногда довольно справедливо.
Пойду. (*Уходитъ*).
Викт. (*одинъ*). Ну, баринъ мой проказитъ не путемъ:
Онъ хочетъ сдѣлаться—бездѣлица—царемъ!
Вотъ мѣсто славное для мичмана въ отставкѣ!
Тогда-бъ не грѣхъ—царя.... просить мнѣ о прибавкѣ
Сотняги лишней въ годъ!—Но что ни говори,
А вѣрно не прыгнешь изъ мичмановъ въ цари.

Какъ въ голову войдетъ дурачество такое?
Вотъ я такъ, напримѣръ, оно совсѣмъ другое:
Я лотерейный взялъ дорогою билетъ;
И какъ не взять, когда увидѣлъ изъ газетъ,
Что скоро разыграть хотятъ часы съ лихими
Курантами, ну такъ, что не разсталася-бъ съ ними?
Рискнулъ — и за билетъ взнесъ кровныхъ пять рублей.
Въ сто тысячъ выигрышъ! да кто-жъ себѣ злодѣй?
Сто тысячъ! Боже мой! въ твоей все это волѣ!
Пусть баринъ мой себѣ храбрится на престолѣ,
Да сто-то тысячъ ты — пошли его слугѣ!
А подлинно-бъ, онѣ пришли мнѣ по рукѣ.
Что если-бъ мнѣ.... хоть часть досталася на долю!
Что сдѣлаю?.... тотчасъ я выкуплюсь на волю,—
Тутъ въ службу, выслужусь, и черезъ годъ какъ разъ
Вдругъ Викторъ нашъ махнетъ въ четырнадцатый классъ!
О честолюбіе! оставь меня въ покоѣ—
Нѣтъ, Викторъ, нѣтъ, мой другъ, затѣялъ ты пустое.
Изъ службы не всегда вѣдь выйдешь съ барышомъ.
Такъ, лучше.... рѣшено — я дѣлаюсь купцомъ....
Хоть третьей гильдіи, чтобы поменьше сумму
Съ имѣнія платить мнѣ въ Городскую Думу.
Тутъ я, благословясь, пущусь тотчасъ въ торги....
По лавочкамъ моимъ всѣ заплачу долги—
Потомъ куплю себѣ я домикъ презатѣйной,
Сперва въ Полку, а тамъ пожалуй на Литейной!
Обзаведусь и самъ женюся нако
И Саша мнѣ жена! и Виктор
от
И вотъ вокругъ меня цыпляточки
люті
Я буду говорить имъ сказки,
у
И въ счастьи проживу конечно
л
Однакожъ — посмотрѣть, здор
мой бил
(*Шаритъ въ карманахъ*)
Гдѣ-жъ онъ? — Кой чортъ! не
въ руки попадает
Билетъ! билетъ! — меня по ко
дира
Ахъ, Боже мой!
Саша. (*вбѣгая*). Сейчасъ васъ
прика
Позвать къ себѣ.
Викт. Я все билета не смо
Безъ васъ, со мной ударъ убійст
случи
Саша. Да что-же сдѣлалось?
Викт. (*въ отчаяніи*). Су пруг
разори
Что будетъ съ нашими несчас
дѣтьми! (*Убѣгае*
Хмѣльни

---

345. ИЗЪ КОМЕДІИ: Р ЗОРЪ.

ДѢЙСТВІЕ I, ЯВЛЕНІЕ 3

(*Комната въ домѣ городнич*

ГОРОДНИЧІЙ, ПОПЕЧИТЕЛЬ ВОГОУГС ЗАВЕДЕНІЙ, СМОТРИТЕЛЬ УЧИЛИЩЪ, ЧАСТНЫЙ ПРИСТАВЪ, ЛЕКАРЬ, ДВА ТАЛЬНЫХЪ.

Гор. Я пригласилъ васъ, госпо тѣмъ, чтобы сообщить вамъ прене ное извѣстіе: къ намъ ѣдетъ ре
Амосъ Ѳедоровичъ. Какъ, ре
Артемій Филипповичъ. Какъ, з
Гор. Ревизоръ изъ Петербурга, нито. И еще съ секретнымъ пре ніемъ.

)ед. Вотъ-те на!
Фил. Вотъ не было заботы, такъ

Іукичъ. Господи Боже! еще и ретнымъ предписаньемъ!
какъ-будто предчувствовалъ: я мнѣ всю ночь снялись какія-необыкновенныя крысы. Право, ь я никогда не видывалъ: чер-ѣстественной величины! пришли, ли — и пошли прочь. Вотъ я ючту письмо, которое получилъ ндрея Ивановича Чмыхова, ко-вы, Артемій Филипповичъ, знае-ь что онъ пишетъ: «Любезный кумъ и благодѣтель» (*бормо-ъ полголоса, пробѣгая скоро е*).... «и увѣдомить тебя». А, спѣшу, между прочимъ, увѣдо-бя, что пріѣхалъ чиновникъ съ заніемъ осмотрѣть всю губернію нно нашъ уѣздъ (*значительно аетъ палецъ вверхъ*). Я узналъ самыхъ достовѣрныхъ людей, ъ представляетъ себя частнымъ Такъ-какъ я знаю, что за то-къ за всякимъ, водятся грѣшки, что ты человѣкъ умный и не пропускать того, что плыветъ и....» (*остановясь*) ну, здѣсь «то совѣтую тебѣ взять предо-юсть: ибо онъ можетъ пріѣхать й часъ, если только уже не пріѣ не живетъ гдѣ-нибудь инког-Вчерашняго дня....» Ну, тутъ шли дѣла семейныя: «сестра ириловна пріѣхала къ намъ съ мужемъ; Иванъ Кириловичъ отолстѣлъ и все играетъ на ....» и прочее, и прочее. Такъ кое обстоятельство!
)ед. Да, обстоятельство такое овенно, просто необыкновенно. удь не даромъ.
Іук. Зачѣмъ же, Антонъ Анто-отчего это? зачѣмъ къ намъ ь?
спуская вздохъ). Зачѣмъ! такъ но, судьба! (*вздохнувъ*). До-ръ, благодареніе Богу, подби-ралась къ другимъ городамъ; теперь пришла очередь къ нашему.
Амм. Өед. Я думаю, Антонъ Антоновичъ, что здѣсь тонкая и больше политическая причина. Это значитъ вотъ что: Россія.... да.... хочетъ вести войну, и министерія-то, вотъ видите, и подослала чиновника, чтобы узнать, нѣтъ ли гдѣ измѣны.
Гор. Экъ куда хватили! Еще умный человѣкъ! Въ уѣздномъ городѣ измѣна! Что онъ, пограничный что ли? Да отсюда хоть три года скачи, ни до какого государства не доѣдешь.
Амм. Өед. Нѣтъ, я вамъ скажу. Вы не того.... вы не.... Начальство имѣетъ тонкіе виды: даромъ что далеко, а оно себѣ мотаетъ на усъ.
Гор. Мотаетъ, или не мотаетъ, а я васъ, господа, предувѣдомилъ. Смотрите! по своей части я кое-какія распоряженія сдѣлалъ, совѣтую и вамъ. Особенно вамъ, Артемій Филипповичъ. Безъ сомнѣнія, проѣзжающій чиновникъ захочетъ прежде всего осмотрѣть подвѣдомственныя вамъ богоугодныя заведенія — и потому вы сдѣлайте такъ, чтобы все было прилично. Колпаки были-бы чистые, больные не походили бы на кузнецовъ, какъ обыкновенно они ходятъ по-домашнему.
Арт. Фил. Ну, это еще ничего. Колпаки, пожалуй, можно надѣть и чистые.
Гор. Да. И тоже надъ каждою кроватью надписать по-латини, или на другомъ какомъ языкѣ.... это ужъ по вашей части, Христіанъ Ивановичъ, — всякую болѣзнь: когда кто заболѣлъ, котораго дня и числа.... Не хорошо, что у васъ больные такой крѣпкій табакъ курятъ, что всегда расчихаешься, когда войдешь. Да и лучше, если-бы ихъ было меньше: тотчасъ отнесутъ къ дурному смотрѣнію, или къ неискуству врача.
Арт. Фил. О! на-счетъ врачеванья мы съ Христіаномъ Ивановичемъ взяли свои мѣры: чѣмъ ближе къ натурѣ, тѣмъ лучше; лекарствъ дорогихъ мы не употребляемъ. Человѣкъ простой: если умретъ, то и такъ умретъ; если выздоро-

вѣстъ, то и такъ выздоровѣетъ. Да и Христіяну Ивановичу затруднительно было-бъ съ ними изъясняться — онъ по-русски ни слова не знаетъ.

Христ. Ив. издаетъ звукъ отчасти похожій на букву и, и нѣсколько на е.

Гор. Вамъ тоже посовѣтовалъ бы, Аммосъ Ѳедоровичъ, обратить вниманіе на присутственныя мѣста. У васъ тамъ въ передней, куда обыкновенно являются просители, сторожа завели домашнихъ гусей съ маленькими гусенятками, которые такъ и шныряютъ подъ ногами. Оно конечно, домашнимъ хозяйствомъ заводиться всякому похвально, и почему жъ сторожу не завесть его? только знаете, въ такомъ мѣстѣ неприлично.... Я и прежде хотѣлъ вамъ это замѣтить, но все какъ-то позабывалъ.

Амм. Ѳед. А вотъ я ихъ сегодня же велю всѣхъ забрать на кухню. Хотите, приходите обѣдать.

Гор. Кромѣ того, дурно, что у васъ высушивается въ самомъ присутствіи всякая дрянь и надъ самымъ шкафомъ съ бумагами охотничій арапникъ. Я знаю, вы любите охоту, но все на время лучше его принять, а тамъ, какъ проѣдетъ ревизоръ, пожалуй, опять можете его повѣсить. Также засѣдатель вашъ.... онъ, конечно, человѣкъ свѣдущій, но отъ него такой запахъ, какъ будто бы сейчасъ вышелъ изъ винокуреннаго завода — это тоже не хорошо. Я хотѣлъ давно объ этомъ сказать вамъ, но былъ, не помню чѣмъ-то, развлеченъ. Есть противъ этого средства, если уже это дѣйствительно какъ онъ говоритъ, у него природный, запахъ: можно ему посовѣтовать ѣсть лукъ, или чеснокъ, или что-нибудь другое. Въ этомъ случаѣ можетъ помочь разными медикаментами Христіянъ Ивановичъ.

Христ. Ив. издаетъ тотъ же звукъ.

Амм. Ѳед. Нѣтъ, этого уже невозможно выгнать: онъ говоритъ, что въ дѣтствѣ мамка его ушибла, и съ тѣхъ-поръ отъ него отдастъ немного водкою.

Гор. Да я такъ только замѣтилъ вамъ. На счетъ же внутренняго распоряженія и того, что называетъ въ письмѣ Андрей Ивановичъ грѣшками, я ничего не могу сказать. Да и странно говорить: нѣтъ человѣка, который бы за собою не имѣлъ какихъ-нибудь грѣховъ. Это уже такъ самимъ Богомъ устроено, и вольтеріянцы напрасно противъ этого говорятъ.

Амм. Ѳед. Что жъ вы полагаете, Антонъ Антоновичъ, грѣшками? Грѣшки грѣшкамъ рознь. Я говорю всѣмъ открыто, что беру взятки, но чѣмъ взятки? Борзыми щенками. Это совсѣмъ иное дѣло.

Гор. Ну, щенками или чѣмъ другимъ, все взятки.

Амм. Ѳед. Ну, нѣтъ, Антонъ Антоновичъ. А вотъ, напримѣръ, если у кого-нибудь шуба стоитъ пятьсотъ рублей, да супругѣ шаль.

Гор. Ну, а что изъ того, что вы берете взятки борзыми щенками? за то ни въ Бога не вѣруете; вы въ церковь никогда не ходите; а я по-крайней-мѣрѣ въ вѣрѣ твердъ и каждое воскресенье бываю въ церкви. А вы.... О, я знаю васъ: вы если начнете говорить о сотвореніи міра, прямо волосы дыбомъ поднимаются.

Амм. Ѳед. Да вѣдь самъ-собою дошелъ, собственнымъ умомъ.

Гор. Ну, въ иномъ случаѣ много ума хуже, чѣмъ бы его совсѣмъ не было. Впрочемъ я такъ только упомянулъ объ уѣздномъ судѣ; а по правдѣ сказать: врядъ-ли кто когда-нибудь заглянетъ туда: это ужъ такое завидное мѣсто, самъ Богъ ему покровительствуетъ. А вотъ вамъ, Лука Лукичъ, такъ какъ смотрителю учебныхъ заведеній, нужно позаботиться особенно на счетъ учителей. Они люди конечно ученые и воспитывались въ разныхъ коллегіяхъ; но имѣютъ очень странные поступки, натурально неразлучные съ ученымъ званіемъ. Одинъ изъ нихъ, напримѣръ, вотъ этотъ, что имѣетъ толстое лицо... не вспомню его фамиліи.... никакъ не можетъ обойтись безъ того, чтобы, взошедши на каѳедру, не сдѣлать гри-

ь этакъ (*дѣлаетъ гримасу*);
начнетъ рукою изъ-подъ
утюжить свою бороду. Ко-
ли онъ ученику сдѣлаетъ
у, то оно еще ничего; можетъ-
тамъ и нужно такъ, объ этомъ
судить, но вы посудите сами,
сдѣлаетъ это посѣтителю —
ъ быть очень худо; господинъ
или другой-кто можетъ при-
ла свой счетъ. Изъ этого,
етъ, что можетъ произойти.
к. Что жъ мнѣ право съ нимъ
ужъ нѣсколько разъ ему го-
ворилъ еще на дняхъ, когда за-
ло въ классъ нашъ предводи-
скроилъ такую рожу, какой
еще не видывалъ. Онъ-то ее
отъ добраго сердца, а мнѣ
: зачѣмъ вольнодумныя мыс-
ются юношеству.
се долженъ вамъ замѣтить и
елѣ по исторической части.
ая голова—это видно, и свѣ-
хватилъ тьму, но только объ-
съ такимъ жаромъ, что не по-
бя. Я разъ слушалъ его: ну,
гъ говорилъ объ ассиріанахъ и
инахъ—еще ничего, а какъ до-
ло Александра Македонскаго,
могу вамъ сказать, что съ нимъ
сь. Я думалъ, что пожаръ. Ей-
бѣжалъ съ каѳедры и, что силы
ать стуломъ объ полъ. Оно ко-
лександръ Македонскій герой,
ъ же стулья ломать! отъ этого
казнѣ.
Лук. Да, онъ горячъ! я ему это
ко разъ уже замѣчалъ.... Гово-
акъ хотите, для науки и жизни
жу.
а, таковъ ужъ непзъяснимый за-
дебъ: умный человѣкъ или пья-
ли рожу такую строитъ, что хоть
ь выноси.
Лук. Не приведи Богъ служить
ой части, всего боишься. Всякій
ся, всякому хочется показать,
ь тоже умный человѣкъ.
го бы еще ничего. Инкогнито
ъ. II.

проклятое! Воругъ заглянетъ: а, вы
здѣсь, голубчики! А кто, скажетъ, здѣсь
судья? Ляпкинъ-Тяпкинъ. — А подать
сюда Ляпкина-Тяпкина! А кто попечи-
тель богоугодныхъ заведеній? — Зем-
ляника. А подать сюда Земляника!
Вотъ что худо!

Н. Гоголь.

---

317. УТРО ДѢЛОВАГО ЧЕЛОВѢКА.

I.

(*Кабинетъ; нѣсколько шкафовъ съ книгами, на столѣ разбросаны бумаги. Иванъ Петровичъ, дѣловой человѣкъ, потягиваясь, выходитъ въ халатѣ и звонитъ. Изъ передней слышенъ голосъ: «сей часъ». Иванъ Петровичъ звонитъ во второй разъ, опять тотъ-же голосъ: «сей часъ». Иванъ Петровичъ съ нетерпѣніемъ звонитъ въ третій разъ, входитъ слуга*).

Иванъ Петр. Что ты, оглохъ?

Лакей. Никакъ нѣтъ.

Иванъ Петр. Что жъ ты не изволилъ являться, когда я звоню въ третій разъ?

Лак. Какъ-же прикажете: мнѣ не льзя было бросить дѣла, я сапоги чистилъ.

Иванъ Петр. А Иванъ что дѣлалъ?

Лак. Иванъ мелъ комнату, а потомъ пошелъ въ конюшню.

Иванъ Петр. Подай сюда собачку. (*Лакей приноситъ собачку.*) Зюзюшка! Зюзюшка! а, Зюзюшка! Вотъ я тебѣ бумажку привяжу. (*Пацыплетъ ей на хвостъ бумажку*).

(*Вбѣгаетъ другой лакей*). Александръ Ивановичъ!

Иванъ Петр. Проси! (*Бросаетъ послушно собачку и развертываетъ Сводъ законовъ*).

II.

Иванъ Петровичъ и Александръ Ивановичъ (*также дѣловой человѣкъ*).

Алек. Иван. Добраго утра, Иванъ Петровичъ.

Иванъ Петр. Какъ здоровье ваше, Александръ Ивановичъ!

Алек. Иван. Очень благодаренъ. Не помѣшалъ-ли я вамъ.

Ив. Петр. О, какъ можно! Вѣдь я всегда занятъ. Ну, что, въ которомъ часу пріѣхали домой?

Алек. Иван. Часъ шестой былъ. Я какъ поворотилъ изъ Офицерской, то спросилъ, подъѣзжая къ будочнику: неслышалъ-ли, братецъ, который часъ? Да шестой уже, говоритъ, пробило. Вотъ я и узналъ, что уже былъ шестой часъ.

Ив. Петр. Представьте, я самъ почти въ то-же время. Ну что, каковъ былъ вистецъ, хе, хе, хе?

Алек. Иван. Хе, хе, хе! Да! признаюсь, мнѣ даже во снѣ онъ мерещился.

Ив. Петр. Хе, хе, хе, хе! Я гляжу, что это значитъ, что онъ кладетъ короля? у меня вѣдь на рукахъ самъ-третей дама крестовъ, а у Лукьяна Ѳедосѣевича, я давно вижу, что ренонсъ.

Алек. Иван. Длиннѣе всего тянулся восьмой роберъ.

Ив. Петр. Да. (*Помолчавъ*). Я уже мигаю Лукьяну Ѳедосѣевичу, чтобъ онъ козырялъ, — нѣтъ. А вѣдь тутъ только козырни — валетъ мой пикъ и беретъ.

Алек. Иван. Позвольте, Иванъ Петровичъ, валетъ не беретъ.

Ив. Петр. Беретъ.

Алек. Иван. Не беретъ, потому что вамъ ни коимъ образомъ не льзя взять въ руку.

Ив. Петр. А семерка пикъ у Лукьяна Ѳедосѣевича? позабыли развѣ?

Алек. Иван. Да развѣ у него была пиковка? я что-то не помню.

Ив. Петр. Конечно, у него были двѣ пики: четверка, которую онъ сбросилъ на даму, и семерка.

Алек. Иван. Только нѣтъ, позвольте, Иванъ Петровичъ, у него не могло быть больше одной пиковки.

Ив. Петр. Ахъ, Боже мой, Александръ Ивановичъ! кому вы это говорите? Двѣ пиковки! я какъ теперь вижу четверка и семерка.

Алек. Иван. Четверка была, это т но семерки не было. Вѣдь онъ-бы зырнулъ; согласитесь сами, вѣдь бы козырнулъ?

Ив. Петр. Ей Богу, Александръ новичъ, ей-Богу!

Алек. Иван. Нѣтъ, Иванъ Петров Это совершенно невозможное дѣл

Ив. Петр. Да позвольте, Алекса Ивановичъ! Вотъ лучше всего: поѣд завтра къ Лукьяну Ѳедосѣевичу. гласны-ли вы?

Алек. Иван. Хорошо.

Ив. Петр. Ну, и спросимъ у него л была-ли на рукахъ у него семерка

Алек. Иван. Извольте, я не пр Впрочемъ, если посудить, стра что Лукьянъ Ѳедосѣевичъ такъ д играетъ. Вѣдь нельзя сказать, ч онъ былъ безъ ума. Человѣкъ т и въ обращеніи....

Ив. Петр. И прибавьте: больш свѣдѣній, человѣкъ, какихъ, см по секрету, у насъ мало на Руси. Б ли у его высокопревосходительст

Алек. Иван. Былъ. Я теперь тольк него. Сегодня по-утру было нем холодненько. Вѣдь я, какъ думаю, извѣстно, имѣю обыкновеніе носит синюю фуфайку: она гораздо л фланелевой, и притомъ не горчит этому-то случаю я велѣлъ себѣ по шубу. Пріѣзжаю къ его высоко восходительству—его высокопре ходительство еще спитъ. Однако дождался. Ну, тутъ пошли разска томъ и о семъ.

Ив. Петр. А про меня не было н говорено?

Алек. Иван. Какъ-же, было и про Да еще прелюбопытный вышелъ говоръ.

Ив. Петр. (*оживляется*). Что такое?

Алек. Иван. Позвольте, позволь сказать по порядку. Тутъ презан тельная вещь. Его высокопревос тельство, между прочимъ, спро

ываю, что такъ давно онъ меня
ть? и пожелалъ узнать о вче-
вечеринкѣ, и кто былъ. Я ска-
ыли, ваше высокопревосходи-
о, Павелъ Григорьевичъ Бор-
Илья Владиміровичъ Бубуни-
Его высокопревосходительство
каждаго слова говорилъ: «гм!»
лъ: и еще былъ одинъ извѣстный
высокопревосходительству....
тр. Кто-жъ это такой?
Иван. Позвольте! что-жъ-бы,
али, сказалъ на это его высо-
осходительство?
тр. Не знаю.
Иван. Онъ сказалъ: «кто-же-бы
ой?» Иванъ Петровичъ Барсу-
твѣчалъ я. «Гм!» сказалъ его
превосходительство, это чинов-
притомъ.... (*поднимаетъ вверхъ*
Довольно хорошо у васъ по-
расписаны; на свой или хозяй-
етъ?
тр. Нѣтъ, вѣдь это казенная
ра.
Иван. Очень, очень не дурно;
очки, лира, вокругъ сухарики,
и барабанъ! очень, очень нату-
!
тр. (*съ нетерпѣніемъ*). Такъ
сказалъ его высокопревосхо-
ство?
Ив. Да, я и позабылъ. Что-жъ
казалъ?
тр. Сказалъ «гмъ»! его высо-
восходительство: «это чинов-
»
Ив. Да, да; «это чиновникъ, ну
лужитъ у меня». Послѣ того раз-
ъ не былъ уже такъ интересенъ
лся объ обыкновенныхъ вещахъ.
тр. А больше ничего не загово-
алъ обо мнѣ?
Ив. Нѣтъ.
тр. (*про себя*) Ну, покамѣстъ
сного. Господи Боже мой! ну
сли бы сказалъ онъ: такого-то
кова, въ уваженіе тѣхъ и тѣхъ и
хъ заслугъ его, представляю....

III.

Тѣ-же и Шрейдеръ (*выглядываетъ въ дверь*).

Ив. Петр. Войдите, войдите; ничего, пожалуйте сюда: что, это для доклада?
Шр. Для подписанія. Здѣсь отношеніе въ палату и рапортъ управляющему.
Ив. Петр. (*между тѣмъ читаетъ*) .... Господину управляющему.... Это что значитъ? у васъ поля по краямъ бумаги не ровны. Какъ-же это? Знаете-ли, что васъ можно посадить подъ арестъ....
(*Устремляетъ на него глубокомысленный взоръ*).
Шр. Я говорилъ объ этомъ Ивану Ивановичу: онъ мнѣ сказалъ, что министръ не будетъ смотрѣть на эту мелочь.
Ив. Петр. Мелочь! Ивану Ивановичу хорошо такъ говорить. Я самъ то-же думаю, министръ точно не войдетъ въ это. Ну, а вдругъ вздумается?
Шр. Можно переписать; только будетъ поздно. Но такъ какъ изволили сами сказать, что министръ не войдетъ....
Ив. Петр. Такъ! это все правда. Я съ вами совершенно согласенъ; онъ не займется этими пустяками. Ну, а въ случаѣ, такъ ему придется: дай-ка посмотрю, велико-ли мѣсто остается для полей?
Шр. Если такъ, я сейчасъ перепишу.
Ив. Петр. То-то, если такъ. Вѣдь я съ вами говорю и объясняюсь, потому что вы воспитывались въ университетѣ. Съ другимъ-бы я не сталъ тратить словъ.
Шр. Я осмѣлился только, потому-что г. министръ....
Ив. Петр. Позвольте, позвольте! Это совершенная истина: я съ вами не спорю ни на волосъ. Такъ, министръ на это никогда не посмотритъ и не вспомнитъ даже про это. Ну, а вдругъ.... Что тогда?
Шр. Я перепишу. (*Уходитъ*).

IV.

Ив. Петр. (*пожимая плечами, оборачивается къ Александру Ивано-*

вичу). Все еще вѣтеръ ходитъ въ головѣ! Порядочный молодой человѣкъ, недавно изъ университета, но вотъ тутъ (*показывая на лобъ*) нѣтъ. Вы себѣ не можете представить, почтеннѣйшій Александръ Ивановичъ, сколькихъ трудовъ мнѣ стоило привесть все это въ порядокъ! посмотрѣли-бы вы, въ какомъ видѣ принялъ я нынѣшнее мѣсто! Вообразите, что ни одинъ канцелярскій не умѣлъ порядочно буквы написать. Смотришь: иной *къ* перенесетъ въ другую строку; иной въ одной строкѣ пишетъ: *ci*, а въ другой: *ятельство*. Словомъ сказать: это былъ ужасъ! столпотвореніе вавилонское! Теперь возьмите вы бумагу: красиво! хорошо! душа радуется, духъ торжествуетъ. А порядокъ? порядокъ во всемъ.

Алек. Ив. Такъ вамъ чины, можно сказать, потомъ и кровью достались.

Ив. Петр. (*вздохнувъ*). Именно потомъ и кровью. Что жъ будете дѣлать, вѣдь у меня такой характеръ. Чѣмъ бы я теперь не былъ, если-бы самъ доискивался? У меня-бы мѣста на груди не нашлось для орденовъ. Но что прикажете! не могу! Стороною я буду намекать часто, и экивоки подпускать, но сказать прямо, попросить чего непосредственно для себя.... нѣтъ, это не мое дѣло. Другіе выигрываютъ безпристанно.... А у меня ужъ такой характеръ: до всего могу унизиться, но до подлости никогда! (*Вздохнувши*). Мнѣ бы теперь одного только хотѣлось — если-бъ получить хоть орденокъ на шею. Не потому, чтобы это слишкомъ занимало; но единственно, чтобы видѣть только вниманіе ко мнѣ начальства. Я васъ буду просить, великодушнѣйшій Александръ Ивановичъ, этакъ при случаѣ, натурально мимоходомъ, намекнуть его высокопревосходительству: что у Барсукова-де въ канцеляріи такой порядокъ, какой вы рѣдко гдѣ встрѣчали или что нибудь подобное.

Алек. Ив. Съ большимъ удовольствіемъ, если представится случай....

Гоголь.

ПОЛНАЯ

УССКАЯ ХРИСТОМАТІЯ.

Составилъ

А. ГАЛАХОВЪ.

=

Изданіе шестое, съ перемѣнами.

ВЪ ТРЕХЪ ЧАСТЯХЪ.

ЧАСТЬ III.

ПРИМѢЧАНІЯ.

МОСКВА.
Въ Университетской Типографіи.
1853.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Москва, 1853 года, Іюня 24-го дня.

Цензоръ, Дѣйствит. Статскій Совѣтникъ и Кавалеръ И. Снегиревъ.

О Г Л А В Л Е Н І Е.

**ріи, сочиненія и ха-
ктики писателей.**

Стр.

ій Братановскій. . . . 1
ь Десницкій. 12
Леванда. 13
инъ Виноградскій . . . 14
й Протасовъ 15
гъ, митр. московскій . 16
тій, архіеп. херсон.
ч. 22
Конисскій. 24
Левшинъ. 26
инъ. 31
въ (Д. В.) 53
вой 57
овскій-Данилевскій . . 62
ранскій 71
мскій 76
. 83
кій 94
кинъ 121
. 135
нъ 140
ковъ 141
ій. 142
евскій. 143
азакъ Луганскій) . . . 149
инъ 152
въ 154
ковъ 157
овъ 162
ицкій. 167
. 171
товъ. 175
въ 177
ъ. 179
иновъ. 186
ьницы. 188

Стр.

36. Хемницеръ 197
37. Крыловъ 199
38. Озеровъ 213
39. Фонъ-Визинъ. 226
40. Кн. Шаховскій 232
41. Грибоѣдовъ 235
42. Хмѣльницкій. 242
43. Гоголь 244

II. Теорія и исторія словесныхъ произведеній.

1. Ораторская рѣчь (теорія). . 2
2. — — (исторія). . 9
3. Духовное краснорѣчіе 16
4. Историческія сочиненія. . . . 47
5. Біографіи и характеры. 60
6. Описанія 63
7. Дидактическія сочиненія . . . 67
8. Комедія. 78
9. Исторія и свойства гекса-
метровъ 84
10. Романтическая поэзія. 101
11. Исторія тоническаго стиха
(примѣч.). 155
12. Исторія критики (пр.). 162
13. Элегія 183
14. Баллада 189
15. Идиллія. 191
16. Сатира. 195
17. Басня. 202
18. Юмористическія сочин. 247

III. Разборы сочиненій и краткія замѣчанія.

1. Слово Братановскаго. 10
2. — Михаила. 12
3. — Леванды 13

	Стр.
4. — Августина	15
5. — Амвросій	—
6. — Филарета	19
7. — другое (его-же)	21
8. — Иннокентія	23
9. — Платона	30
10. Воспоминаніе о торжествѣ 30 авг. 1834	65
11. Описаніе Финляндіи	66
12. О любви къ отечеству	69
13. О счастливѣйшемъ времени жизни	70
14. О согласованіи воспитанія съ развитіемъ душевныхъ способностей	75
15. Иліада	92
16. Одиссея	112
17. Наль и Дамаянти	116
18. Энеида	—
19. Освобожденный Іерусалимъ	118
20. Мессіада	118
21. Россіада	—
22. Неистовый Орландъ	—
23. Фритіофъ	119
24. Пери и Ангелъ	120
25. Шильонскій узникъ	121
26. Кавказскій Плѣнникъ	132
27. Бахчисарайскій Фонтанъ	—
28. Цыгане	133
20. Полтава	134
30. Мцыри	137
31. Евгеній Онѣгинъ	138
32. Мертвыя Души	142
33. Герой нашего времени	—
34. Мѣдный всадникъ	143
35. Пророкъ (Пушкина)	167
36. Землетрясенье	174
37. Пророкъ (Лермонтова)	175
38. Тѣнь друга	185
39. Борисъ Годуновъ	223

ПРИМѢЧАНІЯ

КЪ

ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

ОРАТОРСКАЯ РѢЧЬ.

а погребеніе Бецкаго, соч. сія Братановскаго (говорено 1795 г.).

аткое извѣстіе о жизни. Ана- Братановскій», архіепископъ скій, родился близъ Кіева въ з Барышевѣ 1761 г., обучался славской семинаріи. По окончукъ, былъ учителемъ въ разминаріяхъ, и наконецъ (1790) андропевской. Въ томъ же гоижденъ въ монашество, а въ роизведенъ въ архимандриты аго монастыря. Въ 1795 г. нъ архимандритомъ же въ ю Сергіеву пустынь, въ 1796 сковскій новоспасскій монасложалованъ въ члены синода. г. возведенъ въ званіе епископорусской епархіи; въ 1801 г. анъ архіепископомъ; въ 1805, въ Петербургъ для присутя въ синодѣ; того же года пеь въ Астрахань, гдѣ и скон306 г.

чиненія его: 1) «Поучительныя говоренныя съ 1792 по 1807 ома: въ первомъ содержатся поученія, произнесенныя въ 1792 по 1796 г.; при четверходится біографія его, напиН. Н. Бантышъ-Каменскимъ, и ко его мыслей. 2) Трактатъ: «О женіи проповѣдей», на латинскомъ языкѣ, подъ названіемъ: Tractatus de concionum dispositionibus formandis (1806). Изъ переводовъ его съ французскаго языка напечатаны: 1) «Предохраненіе отъ безвѣрія и нечестія» (1794), 2) «Плачъ Іеремін Пророка», поэма Арнода (1797), 3) «Истинный Мессія», или доказательство о Божественномъ пришествіи въ міръ Іисуса Христа и Его Божествѣ (1801), 4) «Опытъ о совершенствѣ», изъ Формея (1805). (Словарь духовныхъ писателей, митрополита Евгенія).

в) Иванъ Ивановичъ Бецкій. Род. 1702 (по другимъ показаніямъ, болѣе достовѣрнымъ, 1704 г.), ум. 1795 г. Службу свою началъ еще въ послѣднее время царствованія Петра I; но болѣе обширная дѣятельность открылась ему съ царствованіемъ Екатерины II. Главная мысль и вмѣстѣ главная заслуга Бецкаго состояла въ распространеніи и улучшеніи заведеній общественнаго воспитанія. Императрица ввѣрила ему завѣдываніе Академіею Художествъ и Сухопутнымъ Кадетскимъ корпусомъ. Въ 1764 г., по его проэкту, основано въ Спб., при такъ называемомъ Смольномъ Монастырѣ, «Общество воспитанія благородныхъ дѣвицъ». По его же начертанію основаны Воспитательные Домы въ Москвѣ и Петербургѣ. Главнѣйшая изъ наградъ, имъ полученныхъ, состояла въ поднесеніи ему, отъ лица сената, золотой медали, съ изображеніемъ на одной сторонѣ его собствен-

наго портрета. Сюда-то относятся слова Анастасія: «Великая Государыня благоволила наконецъ, при многихъ знакахъ отличностей, украсить его собственнымъ его изображеніемъ».—Кромѣ исчисленныхъ заведеній, подъ управленіемъ Бецкаго возникли въ Спб. памятникъ Петру Великому, дворцовая набережная, рѣшетка лѣтняго сада и другія примѣчательныя строенія. — Сочиненіе его: «Собраніе учрежденій и предписаній касательно воспитанія въ Россіи обоего пола благороднаго и мѣщанскаго юношества, съ прочими въ пользу общества установленіями» (1789 — 1791).

г) Разборъ слова. Чтобы имѣть основаніе для разбора, считаемъ за нужное изложить кратко теорію ораторской рѣчи.

1) Опредѣленіе. Ораторская рѣчь есть сочиненіе, назначаемое для произнесенія и имѣющее цѣлію убѣдить умъ и преклонить волю слушателей.

2) Названіе. Названіе «ораторской» рѣчи (oratio, s. ore expressa ratio) происходитъ отъ глагола oro — говорю публично. Слово eloquentia (краснорѣчіе), отъ глагола eloqui — говорить, также указываетъ на отличительный признакъ этого рода сочиненій, т. е. что выраженіе ихъ должно имѣть свои важныя особенности, быть однимъ изъ главныхъ средствъ дѣйствія на слушателей. Ораторское сочиненіе относится къ краснорѣчію по преимуществу. Названіе свое заимствовало оно не отъ свойства содержанія, но отъ свойства выраженія: оно называется «рѣчью», т. е. рѣчью по превосходству. Для означенія ораторскаго искуства выразительно употребляемое намисловo «витійство» (вѣтійство). Оно происходитъ отъ глагола «вѣтовать» (вѣщать) и заключаетъ въ себѣ понятіе «о произнесеніи, о словѣ» или «дарѣ слова», какъ и другія слова, происшедшія отъ того же корня: «совѣтъ, отвѣтъ, увѣщаніе, завѣщаніе» и проч.

3) Элементы ораторскаго слова. Въ каждой ораторской рѣчи два элемента «общій и частный». Общій элементъ есть какое-нибудь отвлеченное начало, мысль, догматъ, нравственное предписаніе, государственный законъ, и проч. Частный элементъ есть какое-нибудь явленіе, опредѣленное событіе, общественное учрежденіе, картина всей жизни въ извѣстное время, замѣчательное лице, или цѣлая группа лицъ, и проч. — Ораторъ заимствуетъ содержаніе своего слова изъ дѣйствительнаго міра; въ ряду жизненныхъ явленій, онъ беретъ готовый фактъ, но не ограничивается признаніемъ этого факта, изображеніемъ его: «частное», случайное, онъ стремится пересоздать согласно съ «общимъ» — съ идеею, съ законами религіозными или государственными. Поэтому ораторъ, съ одной стороны, полагаетъ общее понятіе; съ другой, выводитъ частное явленіе, въ которомъ заключается противоположеніе общему, и своею рѣчью старается общее согласить съ частнымъ. Такъ, напр., проповѣдникъ, видя жизнь, несогласную съ законами церкви, стремится къ примиренію этихъ двухъ предметовъ, т. е. къ очищенію жизни, къ покоренію ея законамъ. Здѣсь «законы» составляютъ общій элементъ рѣчи; «жизнь противная законамъ»—частный элементъ.—Если ораторъ и признаетъ явленіе, служащее содержаніемъ его рѣчи (напр. въ рѣчахъ похвальныхъ, панегирикахъ, и т. п.); то это потому только, что въ этомъ явленіи самъ онъ видитъ и другимъ открываетъ согласіе съ общимъ, т. е. съ законами жизни.

Между всѣми родами краснорѣчія, неоспоримое первенство принадлежитъ краснорѣчію духовному, по свойству элемента общаго, составляющаго его основное содержаніе. Этотъ общій элементъ — вѣчныя и непреложныя истины, догматы вѣры и нравственные законы, свыше открытые человѣчеству. Частный элементъ духовнаго краснорѣчія — убѣжденія и дѣла людей, несогласныя съ догматами и законами цер-

ви. Проповѣдникъ представляетъ отношеніе этихъ двухъ элементовъ: дѣйствительнаго (того, которое есть) и идеальнаго (того, которое должно быть).— Поэтому проповѣдь можетъ быть догматическая и нравственная. Та и другая имѣетъ двѣ стороны: отрицательную и положительную. Въ догматической проповѣди, отрицательная часть содержитъ въ себѣ «опроверженіе» ложныхъ мыслей, суевѣрій, сомнѣній, затемняющихъ чистоту вѣры; положительная—«уясненіе, напоминаніе» догматовъ церкви. Въ нравственной проповѣди, отрицательная часть содержитъ въ себѣ «обличеніе» пороковъ, положительная—«наставленіе» въ добрыхъ дѣлахъ, напоминаніе нравственныхъ законовъ. Само собою разумѣется, что не отъ всякой проповѣди должно требовать развитія всѣхъ этихъ частей, и притомъ въ равной полнотѣ. Смотря по обстоятельствамъ, вниманіе проповѣдника можетъ быть устремлено на одну изъ нихъ исключительно.

Отъ проповѣди въ строгомъ смыслѣ, по видимому, разнятся нѣкоторые ея роды, какъ-то: торжественныя слова на разные случаи, надгробныя слова и проч. Но это тѣ-же проповѣди, сложенныя изъ тѣхъ-же двухъ составимыхъ началъ: общихъ законовъ и частныхъ случаевъ; вся разница въ томъ, что проповѣдникъ не для того сближаетъ ихъ, чтобы открыть въ нихъ противоположеніе, а для того, напротивъ, чтобы найти ихъ согласіе. Онъ прославляетъ какое нибудь дѣло или лице, потому что видитъ въ немъ это согласіе и желаетъ возбудить слушателей къ подражанію.

Изъ сказаннаго о краснорѣчіи духовномъ видны главныя требованія проповѣди. Проповѣдь служитъ церкви, воспитывая въ слушателяхъ членовъ, ея достойныхъ: поэтому въ общей, положительной части, должна господствовать и ясно представляться идея церкви. Проповѣдникъ обязанъ говорить отъ имени церкви, а не отъ себя; всѣ его совѣты, поученія и наставленія должны вытекать изъ существа самой церкви, а не изъ другихъ произвольно утвержденныхъ началъ. Каждому слову его даетъ вѣсъ и значеніе авторитетъ церкви. Къ кому бы онъ ни обращался, онъ долженъ видѣть въ слушателяхъ только членовъ церкви.

4) Составъ или развитіе мысли. Подробнѣйшее ученіе объ ораторской рѣчи находится у древнихъ (Аристотеля, Цицерона, Квинтиліана). Мы дѣлимъ краснорѣчіе на три рода: историческое, дидактическое (ученое) и ораторское; у нихъ же краснорѣчіе заключалось въ ораторскомъ искуствѣ, а на ораторское искуство смотрѣли они нѣсколько иначе, т. е. хотя цѣнили и уважали его болѣе насъ, но въ тоже время видѣли въ немъ болѣе плодъ изученія и труда, нежели природнаго таланта, и потому считали необходимымъ учить и учиться краснорѣчію, какъ грамматикѣ, ариѳметикѣ и другимъ наукамъ (латинское изреченіе: poëtae nascuntur, oratores fiunt). Это ученіе излагалось у нихъ съ большою подробностію и составляло цѣлую науку—«риторику», которая была не что иное, какъ наука о краснорѣчіи. Былъ особенный классъ людей, которые назывались риторами и занимались преподаваніемъ правилъ ораторскаго искуства. Ученіе это отъ древнихъ перешло къ новѣйшимъ и, не смотря на то, что понятія о краснорѣчіи и требованія отъ него измѣнились съ теченіемъ времени—оно и теперь еще остается, почти во всей своей силѣ, въ такъ называемыхъ риторикахъ, составленныхъ по образцу риторикъ греко-латинскихъ. Предложимъ здѣсь главныя черты этого ученія, какъ излагалось оно у древнихъ.

Излагалось оно у нихъ по частямъ самой рѣчи, т. е. показавъ, какія части должны служить для убѣжденія ума и какія для преклоненія воли, риторы объясняли составъ и содержаніе каждой части поровнь. Части эти можно

раздѣлить на «общія» у ораторской рѣчи и дидактическихъ сочиненій, и «особенныя,» исключительно принадлежащія ораторской рѣчи. Общія подраздѣляются на главныя: «предложеніе и изложеніе», и второстепенныя: «приступъ, раздѣленіе и заключеніе»; особенныя суть: «повѣствованіе», или часть историческая, и «возбужденіе страстей», или часть патетическая. Располагались онѣ въ слѣдующемъ порядкѣ: приступъ, предложеніе, повѣствованіе, доказательства (главная часть), возбужденіе страстей и заключеніе. Впрочемъ не всякая ораторская рѣчь содержитъ въ себѣ всѣ эти семь частей: во многихъ рѣчахъ ораторъ начинаетъ безъ приступа, или оставляетъ раздѣленіе и заключеніе. Необходимыя составныя части рѣчи суть предложеніе и доказательства, ибо оратору необходимо сказать, «что» онъ будетъ доказывать (предложеніе) и потомъ «доказать» выбранное предложеніе.

Приступъ. Въ приступѣ, ораторъ или объясняетъ случай, по которому онъ говоритъ, или излагаетъ нѣкоторыя вступительныя мысли, которыя имѣютъ какое нибудь отношеніе къ предмету его рѣчи, и потому должны привести его къ этому предмету. — Цѣль приступа: облегчить для слушателей уразумѣніе предмета рѣчи, возбудить ихъ вниманіе.—Риторы различали два рода приступовъ: «естественный и искуственный». Въ естественномъ, ораторъ просто, безъ дальнихъ околичностей, приводилъ слушателей къ своему предмету. Въ искуственномъ, ораторъ подготовлялъ слушателей къ рѣчи постепенно, какъ бы съ осторожностію, начиная съ мысли отдаленной, а иногда и противоположной своему предмету. Риторы совѣтовали употреблять искуственный приступъ въ томъ случаѣ, когда ораторъ зналъ, что слушатели предубѣждены противъ его мнѣнія.—Качества приступа: «краткость», *потому что* приступъ есть только вступительная часть, которая должна приготовить вниманіе слушателей; «приличіе» предмету рѣчи, съ которымъ долженъ имѣть существенную связь (principia ex ipsis visceribus causae sumenda sunt), но не долженъ содержать въ себѣ того, что собственно принадлежитъ изложенію; «простота и спокойствіе», потому что цѣль его вызвать вниманіе, а не потрясти чувства: исключенія, т. е. приступы сильные, рѣзкіе (ex abrupto), могутъ быть только въ особенныхъ случаяхъ, когда чрезвычайная важность предмета уже сама по себѣ возбуждаетъ сильное чувство (такъ Цицеронъ началъ свою рѣчь противъ Катилины).

Предложеніе. Здѣсь ораторъ въ простыхъ и краткихъ, но точныхъ выраженіяхъ говоритъ слушателямъ, что составляетъ главный предметъ его рѣчи, какую мысль будетъ онъ въ ней доказывать. Эта часть есть какъ бы окончаніе приступа, и потому должна имѣть съ нимъ тѣсную связь, чтобы переходъ отъ приступа къ предложенію казался незамѣтнымъ. Если приступъ такого рода, что изъ него легко и ясно можетъ усмотрѣть слушатель, о чемъ ораторъ намѣревается говорить, то формальное выраженіе предложенія становится ненужнымъ: можно перейти прямо къ раздѣленію или изложенію. Отсюда ораторы раздѣляли предложеніе на «открытое» (propositio explicata) и «сокрытое» (prop. implicata).

Раздѣленіе. Не приступая еще къ изложенію своего предмета, ораторъ показываетъ слушателямъ, съ какихъ именно сторонъ предполагаетъ онъ разсматривать этотъ предметъ, или кратко объясняетъ порядокъ рѣчи. Такъ Карамзинъ, въ Похвальномъ Словѣ Екатеринѣ II, говоритъ: «Сограждане! Екатерина безсмертна своими побѣдами, мудрыми законами и благодѣтельными учрежденіями: взоръ нашъ слѣдуетъ за нею на сихъ трехъ путяхъ славы»; то есть, сло-

во раздѣлено на три части: о побѣдахъ, о законахъ и объ учрежденіяхъ. Митрополитъ Филаретъ, въ «Словѣ о гласѣ вопіющаго въ пустыни», раздѣляетъ предметъ рѣчи слѣдующимъ образомъ: «Если бы не одебелѣло сердце людей сихъ; если бы не тяжко слышали они ушима и не смежали очей своихъ: то всѣ чувства ихъ непрестанно наполнялъ бы гласъ благодати, предваряющей и призывающей къ обращенію и спасенію: гласъ отвнѣ-возглашающій въ видимой природѣ (1-я часть слова — гласъ въ природѣ); гласъ изнутрь — исходящій изъ глубины души (2-я часть — гласъ изъ глубины души); гласъ свыше, — нисходящій въ божественномъ откровеніи (3-я часть — гласъ въ откровеніи); гласъ долу — отражающійся въ происшествіяхъ міра, движимыхъ перстомъ Господнимъ и дхновеніемъ устъ Его (4-я — гласъ въ происшествіяхъ міра). — Риторы предлагали правила надлежащаго дѣленія; но поступать такимъ образомъ значитъ переносить содержаніе одной науки въ другую, имѣющую свое собственное содержаніе: законы правильнаго дѣленія излагаются въ логикѣ, а не въ теоріи ораторскихъ рѣчей. — Раздѣленіе не составляетъ необходимой части рѣчи: если предметъ простъ, немногосложенъ, то ораторъ, послѣ предложенія, можетъ прямо приступать къ изложенію.

Изложеніе (главная часть). Самую важную и существенную часть ораторской рѣчи составляютъ «доказательства». Мысль, кратко выраженную въ предложеніи, ораторъ долженъ объяснить, изложить въ подробности, представить на нее свои доказательства. Эту часть называютъ иначе «доводами», ибо ораторъ имѣетъ цѣлію довести слушателей до своей мысли; также «изслѣдованіемъ» предмета, «развитіемъ» предложенія. — Ученіе объ изложеніи, или доводахъ, обращало на себя особенное вниманіе риторовъ и дѣлилось на три части: первая — о томъ, какъ должно находить или изобрѣтать доводы (изобрѣтеніе), вторая — о томъ, какъ располагать найденные доводы (расположеніе), третья — о томъ, какъ выражать ихъ (выраженіе).

А) Изобрѣтеніе. Изобрѣтеніе имѣло цѣлію указать оратору, гдѣ и какимъ образомъ онъ долженъ отыскать тѣ мысли, которыя служатъ доказательствомъ его предложенія. Помощію въ этомъ трудномъ дѣлѣ служили такъ называемые «источники изобрѣтенія мыслей» (loci argumentorum, loca topica). Это не что иное, какъ нѣкоторыя «общія понятія,» или, какъ называли ихъ прежде, «общія мѣста.» Для большей ясности, топики раздѣлялись на два рода: «внутреннія и внѣшнія». Средства доказывать истинную мысль или опровергать ложную, извлекаются, говоритъ Цицеронъ, или изъ сущности самого предмета, или изъ обстоятельствъ. Ораторъ находитъ первыя (внутреннія), размышляя о свойствахъ предметовъ; вторыя (внѣшнія) лежатъ внѣ предмета. Къ внутреннимъ топикамъ относятся: опредѣленіе, исчисленіе частей, имя предмета (происхожденіе и значеніе имени), родъ и видъ, различіе и сходство, сравненіе, противное, причина и слѣдствіе, обстоятельства, и проч. Къ внѣшнимъ, которыя Цицеронъ называлъ свидѣтельствами, принадлежатъ: мѣста изъ извѣстныхъ писателей, пословицы, изреченія, примѣры, слова закона, свидѣтельства людей, заслуживающихъ уваженіе, эмблемы, символы, и проч. — Впрочемъ мысли «не изобрѣтаются», а «пріобрѣтаются». Для пріобрѣтенія же мыслей о предметахъ существуетъ одно только средство: изученіе этихъ предметовъ, которое обогащаетъ умъ многосторонними и основательными свѣдѣніями. Но само собою разумѣется, что ораторъ обязанъ владѣть знаніями и умѣньемъ пользоваться ими въ извѣстныхъ случаяхъ, безъ чего онъ не быхъ бы ораторомъ. Не изъ общихъ мѣстъ, а изъ глубины собст-

вѣнаго духа, вникающаго въ сущность предметовъ, извлекаетъ онъ тѣ мысли, которыя убѣждаютъ слушателей. — Самъ Цицеронъ сомнѣвался въ необходимости источниковъ изобрѣтенія, хотя совѣтовалъ не терять ихъ изъ вида. Дѣйствительно, кто не знаетъ предмета, тотъ, сколько бы ни прибѣгалъ къ источникамъ изобрѣтенія, ничего дѣльнаго не скажетъ объ этомъ предметѣ. Кому, на прим., неизвѣстна польза какой нибудь науки (беремъ самый школьный примѣръ), тому она останется неизвѣстною и при помощи причины, слѣдствія, сравненія, противуположенія и другихъ общихъ мѣстъ, мертвыхъ безъ знанія предмета и безполезныхъ при знаніи. Не только безполезнымъ, но и вреднымъ можетъ быть ученіе объ источникахъ мыслей. Во первыхъ, оно доставляетъ легкую возможность находить мысли общія и обыкновенныя, такъ что сочиненія, наполненныя такими мыслями, обыкновенно говорятъ: «это наборъ общихъ мѣстъ,» или: «это общія мѣста,» то есть: въ этомъ сочиненіи не выказаны отличительныя свойства даннаго предмета, а сказано о немъ нѣчто такое, что относится въ равной мѣрѣ ко многимъ предметамъ. Во-вторыхъ, оно стѣсняетъ писателя, обращая его вниманіе на одни и тѣ же источники мыслей, приковывая умъ къ опредѣленному числу пунктовъ, на которыхъ онъ находитъ извѣстныя мысли.

Б) Расположеніе. Ученіе о расположеніи излагалось для того, чтобы, руководствуясь имъ, ораторъ могъ правильнымъ образомъ расположить доводы, или доказательства, какъ одно въ отношеніи къ другому, такъ и мысли каждаго доказательства порознь. Эта часть ученія имѣетъ вѣрное основаніе: ибо хотя нельзя изобрѣтать мысли, однакожъ, если онѣ есть, всегда можно расположить ихъ надлежащимъ образомъ. Но законы расположенія излагаются въ логикѣ, слѣд. напрасно ввести ихъ въ другую науку, имѣющую свой собственный предметъ, отличный отъ предмета логики.

Примѣч. Что касается до расположенія частей (плана) ораторской рѣчи, то оно раздѣлялось на «естественное и искуственное.» Первое получило свое названіе отъ того, что оно слѣдуетъ естественному ходу мысли; сама природа учитъ насъ приготовить прежде вниманіе слушателей къ предмету рѣчи, потомъ предложить этотъ предметъ, далѣе доказать его, и наконецъ вывести изъ всего сказаннаго приличное заключеніе. Отсюда слѣдующія части рѣчи: приступъ, предложеніе, доказательства предложенія, заключеніе. Въ нѣкоторыхъ рѣчахъ присоединяются къ сему: раздѣленіе, повѣствованіе и часть патетическая. Но когда ораторъ, въ слѣдствіе какихъ нибудь обстоятельствъ, измѣнялъ естественное развитіе мысли, тогда расположеніе называлось искуственнымъ.

В) Выраженіе. Выше сказано, что примиреніе частнаго элемента съ общимъ есть цѣль оратора. Для этого онъ долженъ, во-первыхъ, убѣдить слушателей въ истинѣ общаго; во-вторыхъ, возбудить живое сочувствіе къ общему, потому что холодное, равнодушное признаніе истины недостаточно. Слѣд. ораторъ долженъ дѣйствовать на всего человѣка: на его умъ, воображеніе и чувство. Средства дѣйствія заключаются какъ въ содержаніи, въ силѣ доводовъ, такъ и въ изложеніи содержанія, въ рѣчи, которая посему должна имѣть свои важныя особенности, болѣе чѣмъ въ другихъ родахъ краснорѣчія.

Въ чемъ же состоятъ особенности рѣчи или изложенія ораторскаго? Чтобы дѣйствовать на душевныя силы человѣка, ораторъ долженъ самъ имѣть ихъ въ высокой степени. Всѣ способности: умъ, воля, чувство, воображеніе, отражаются на рѣчи, которая отъ этого получаетъ особенную увлекательность, становится истиннымъ краснорѣчіемъ. Изложеніемъ ораторская рѣчь подхо-

…ть къ произведеніямъ поэтическимъ: …ка отличается «изобразительностью и …душевленіемъ», ибо ораторъ обра…ается не къ уму только, но и къ спо…бности созерцать и чувствовать; …трастное увлеченіе, художественный …лементъ, поэтическое выраженіе до…тупны ей, хотя и не составляютъ ея …необходимой принадлежности. Понимая …ажность выраженія въ ораторской рѣ…и, риторы обыкновенно излагали уче…іе о тропахъ и фигурахъ, какъ силь…ое средство для убѣжденія. Но какъ …дѣсь, такъ и въ теоріи другихъ сочи…еній, надобно замѣтить, что употреб…леніе фигурныхъ оборотовъ тогда толь…ко полезно, когда они естественнымъ …бразомъ рождаются отъ полноты чув…ства и силы воображенія, когда въ …нихъ выражается непринужденное о…душевленіе и живое созерцаніе. Если …же тропы и фигуры употребляются, …какъ готовое, заранѣе придуманное …средство, то они теряютъ свою цѣну и …становятся ложнымъ украшеніемъ, ко…торое не только не прибавляетъ нака…кой цѣны сочиненію, но даже дѣлаетъ …его смѣшнымъ въ глазахъ читателя.

Примѣч. Когда ораторъ знаетъ, что …противъ его мысли есть возраженія, …тогда онъ опровергаетъ ихъ. Это «опро…верженіе» противоположныхъ мнѣній …помѣщается, большею частію, прежде …доказательствъ, а иногда и прежде раз…ясненія, и всегда тѣсно связано съ до…водами своею сущностью, пользою и …употребленіемъ, ибо невозможно дока…зывать наши мысли, не опровергая мыс…лей противныхъ, и на оборотъ: не воз…можно опровергать противныя мысли, …не доказывая нашихъ собственныхъ.

Повѣствованіе. Подъ именемъ повѣ…ствованія, входящаго иногда въ ора…торскую рѣчь, должно понимать раз…сказъ или о томъ обстоятельствѣ, по …случаю котораго произносится рѣчь, …или объ обстоятельствѣ соприкосно…венномъ, которое служитъ къ поясне…нію предмета рѣчи.—Риторы большею …частію назначали повѣствованію мѣсто передъ доводами.—Хотя повѣствова…ніе дѣйствительно можетъ входить въ ораторскую рѣчь, доказательствомъ чему служатъ многія рѣчи какъ древ…нихъ, такъ и новыхъ ораторовъ, у ко…торыхъ самые доводы утверждаются иногда на повѣствованіи, или исто…ческомъ изложеніи; но оно не состав…ляетъ существенной части рѣчи, ибо 1) если оно необходимо въ судебныхъ рѣчахъ, то другія (напр. академиче…скія, исключая похвальныя слова) лег…ко безъ него обходятся; 2) часто бы…ваетъ, что повѣствованіе излагается въ другой какой нибудь части ораторс…каго слова: въ рѣчахъ духовныхъ изъ него составляется иногда при…ступъ, и даже въ судебныя оно вхо…дитъ нерѣдко въ составъ доказа…тельствъ. — Отъ повѣствованія тре…буются: «полнота, удовлетворитель…ность» разсказа, ибо оно должно поя…снить ходъ дѣла; возможная «крат…кость» изложенія, которое должно быть ясно; «достовѣрность», т. е. изложеніе вѣрное, безъ всякихъ вымысловъ, ибо цѣль оратора раскрыть истину, а не вводить въ обманъ слушателей.

Часть патетическая (страстная, воз…бужденіе страстей, отъ греч. слова «па…осъ», страсть). Здѣсь ораторъ долженъ былъ дѣйствовать на волю слушателей. Мѣсто этой части назначалось обыкно…венно послѣ доводовъ, на томъ основа…ніи, что, «убѣдивъ» умъ ясными дово…дами, надлежало «тронуть» сердце слу…шателей, и такимъ образомъ преклонить ихъ на свою сторону. Лучшимъ для сего средствомъ риторы полагали воз…бужденіе въ слушателяхъ различныхъ страстей. Приписывая этому дѣлу ве…личайшую важность, они тщательно излагали ученіе о свойствахъ, разли…чіи, причинахъ, дѣйствіяхъ страстей, и потомъ о способахъ возбуждать или утолять ихъ.

Заключеніе. Въ заключеніи а) или выводятся слѣдствія изъ предъидуща…го изложенія, что бываетъ при анали…тическомъ способѣ изслѣдованія, b)

или кратко повторяется сущность всей рѣчи, что болѣе свойственно синтетическому способу изслѣдованія, c) или выражается чувство оратора (такъ называемое патетическое заключеніе), d) или дѣлается обращеніе къ слушателямъ, содержащее въ себѣ какой нибудь нравственный совѣтъ и имѣющее близкую связь съ предметомъ рѣчи.

Примѣч. Ошибка, въ которую впадали и впадаютъ риторики, говоря объ ораторской рѣчи, состоитъ въ томъ, что теорію этого рода сочиненій, взятую у древнихъ, разсматривали онѣ, какъ безусловно-истинную, т. е. приложимую, безъ малѣйшаго ограниченія, ко всѣмъ видамъ рѣчей, у всѣхъ народовъ и во всѣ времена. Они забывали, что эта теорія, въ нѣкоторыхъ частяхъ своихъ, имѣетъ только относительное, хотя и высокое достоинство, и потому должна болѣе изучаться «исторически», нежели преподаваться «догматически». Требованія ораторскаго искусства съ теченіемъ времени измѣняются или въ слѣдствіе измѣняющихся понятій о краснорѣчіи вообще, или въ слѣдствіе новыхъ воззрѣній на тѣ предметы, которымъ ораторъ служитъ: на правленіе государственное, на жизнь общественную и семейственную, на дѣятельность ученую, и проч. Какъ средство, служащее извѣстнымъ началамъ и явленіямъ жизни, какъ орудіе къ достиженію разнообразныхъ цѣлей, ораторская рѣчь условливаетъ свой характеръ характеромъ этихъ цѣлей, слѣд. измѣняется вмѣстѣ съ ними. Правильная теорія ораторскихъ рѣчей составится тогда, когда мы освободимъ ее отъ содержанія другихъ наукъ, чуждаго ей и незаконно въ нее внесеннаго, и когда, въ высокихъ произведеніяхъ древняго ораторскаго искуства, различимъ общее (безусловное), неодним Грекамъ и Римлянамъ свойственное, и частное (временное), только этимъ народамъ принадлежавшее.—Теорія эта, въ краткихъ чертахъ предста-

вленная, можетъ выразиться так
ораторской рѣчи должно разсматр
содержаніе, развитіе содержанія
положеніе) и выраженіе. О сод
ніи и выраженіи см. выше (эле
ораторской рѣчи и выраженіе). Ч
касается до развитія содержанія
распредѣленія мыслей рѣчи, то
подлежитъ общимъ законамъ рас
женія, объясняемымъ въ логикѣ.
щественныя, необходимыя части
предложеніе и доказательства; в
степенныя: приступъ, раздѣле
заключеніе. Части эти, общія у
торской рѣчи и дидактическихъ
неній, идутъ одна за другою въ
дующемъ порядкѣ: приступъ, пр
женіе, раздѣленіе, изложеніе (гл
часть, доводы) и заключеніе.

5) Различные роды ораторских
чей. Въ исчисленіи различныхъ р
ораторскихъ рѣчей надобно с
вать историческому ихъ движен
древнихъ, т. е. у Грековъ и Рим
ораторъ былъ лице общественн
потому главнымъ предметомъ ег
куства были вопросы государ
ные, о которыхъ онъ обыкновенн
суждалъ или предъ народомъ или
главными его представителями.
могъ брать на себя защиту н
вильно обвиняемаго или обвиненi
ступника, и въ такомъ случаѣ
рилъ предъ собраніемъ судей.
нецъ ему же предоставлено был
бражать въ рѣчи великія событі
ставлявшія славу отечества, по
ныя качества героевъ и вообщ
каго полезнаго гражданина. Таки
разомъ у древнихъ было три ро
снорѣчія ораторскаго: «политич
или совѣщательное», предметъ к
го составляли дѣла государств
«судебное», предметъ котораго
вляли обвиненія или защищенія
вѣствовательное или похвальное
негирики, надгробныя и поздрав
ныя рѣчи), предметъ котораго с
ляло изложеніе похвальныхъ д
Вмѣстѣ съ христіанствомъ откры.

расноръчія новый обширный предметъ, все неизвѣстный древнимъ: догматы христіанской вѣры, истины религіозныя. Убѣжденіе въ этихъ истинахъ составило предметъ и цѣль особеннаго рода краснорѣчія, которое, въ противоположность древнему, называется «духовнымъ». — Въ послѣдствіи, съ успѣхами просвѣщенія, открылся еще новый предметъ для ораторскаго искусства: истины, пріобрѣтаемыя наукой, которыя ораторъ также можетъ предлагать слушателямъ для убѣжденія. Приличнѣйшее мѣсто для оратора того рода есть собраніе ученыхъ, академическое собраніе, отъ чего и краснорѣчіе это получило названіе «академическаго или ученаго».—Но въ наше время потерялъ свое прежнее, важное значеніе родъ повѣствовательный, или похвальный. Обычай произносить похвальныя слова удержался преимущественно въ ученыхъ собраніяхъ, и потому рѣчи этого рода присвояются обыкновенно къ рѣчамъ академическимъ. Такимъ образомъ въ наше время можно отличить четыре рода краснорѣчія: «политическое», къ коему относятся рѣчи народныхъ, или политическихъ, ораторовъ, произносимыя въ народныхъ собраніяхъ; «судебное», куда принадлежатъ рѣчи адвокатовъ, произносимыя передъ собраніемъ судей; «академическое», куда принадлежатъ рѣчи, назначаемыя для ученыхъ собраній, и также похвальныя слова; «христіанское или церковное», куда принадлежатъ слова содержанія религіознаго (проповѣди, бесѣды, поученія). Краснорѣчіе христіанское называется еще духовнымъ, въ противоположность тремъ первымъ родамъ краснорѣчія, которые соединяются подъ общимъ названіемъ краснорѣчія «свѣтскаго».

6) Историческій очеркъ отечественнаго ораторскаго краснорѣчія.

А) Духовное краснорѣчіе. Духовное краснорѣчіе имѣетъ у насъ большое преимущество предъ свѣтскимъ. Къ XI вѣку относятся: «Иларіонъ«, митрополитъ кіевскій, написавшій слово: «О законѣ, данномъ чрезъ Моисея, и о благодати и истинѣ, происшедшей чрезъ Іисуса Христа; «Ѳеодосій Печерскій», котораго «поучительныя слова братіи» помѣщены въ Патерикѣ Печерскомъ и нѣсколько поученій открыты Востоковымъ при описаніи Румянцовскаго музеума. Въ XII вѣкѣ, Россія имѣла «Кирилла Туровскаго», котораго назвали наши предки другимъ златословеснымъ учителемъ. Отъ XIII вѣка дошло до насъ пять проповѣдей преподобнаго Серапіона, епископа владимірскаго; «слово и поученіе къ попомъ» митрополита Кирилла, изображающее высокое назначеніе іереевъ. Сверхъ того есть извѣстія о другихъ проповѣдяхъ XII, XIII и XIV вѣковъ, изъ коихъ однѣ не сохранились, а другія не изданы; на прим. въ XII вѣкѣ проповѣди Нифонта, епископа новогородскаго, Климента Смолятича, митрополита кіевскаго; въ XIII вѣкѣ, двухъ Кирилловъ, митрополитовъ кіевскихъ, Симеона, епископа тверскаго, Кирилла, епископа ростовскаго; въ XIV вѣкѣ, Павла Высокаго, монаха Нижняго Новгорода, Григорія Самблака, митрополита кіевскаго. Въ XVI вѣкѣ: «Поученія Даніила Митрополита», принадлежащія болѣе къ роду посланій; «Рѣчи и поученія митрополита Макарія». Во второй половинѣ XVI и въ XVII вѣкѣ стали читать въ церквахъ не собственныя проповѣди, а поученія, выбранныя изъ Златоуста, Григорія Назіанзина, Василія Великаго, Ефрема Сирина и нашихъ древнихъ проповѣдниковъ, изданныя по разсмотрѣнію митрополитовъ, патріарховъ и духовнаго собора. Симеонъ Полоцкій (XVII в.) первый началъ сочинять свои собственныя проповѣди и произносить ихъ наизусть, по примѣру малороссійскихъ и польскихъ проповѣдниковъ, и напечаталъ два тома своихъ проповѣдей: Обѣдъ Духовный и Вечерю

Духовную. Съ этого времени обычай сочинять и читать проповѣди утвердился въ Москвѣ и нашелъ послѣдователей въ другихъ предѣлахъ Россіи.

Проповѣдники XVII и XVIII вѣковъ: а) со временъ Петра до Елисаветы: Лазарь Барановичъ, архіепископъ черниговскій; св. Димитрій, митрополитъ ростовскій; Стефанъ Яворскій, митрополитъ рязанскій; Гавріилъ Бужинскій, епископъ рязанскій; Ѳеофанъ Прокоповичъ, архіепископъ новгородскій; б) при Елисаветѣ: Сильвестръ Кулябка, архіепископъ с.-петербургскій; Гедеонъ Криновскій, епископъ псковскій; Димитрій Сѣченовъ, митрополитъ новгородскій; при Екатеринѣ II и Павлѣ I: Георгій Конисскій, архіепископъ бѣлорусскій; Анастасій Братановскій, архіепископъ астраханскій; Платонъ Левшинъ, митрополитъ московскій; Іоаннъ Леванда, протоіерей кіево-софійскаго собора (послѣдніе два проповѣдывали и при Александрѣ I); г) при Александрѣ I и нынѣ царствующемъ Императорѣ: Амвросій Подобѣдовъ, митрополитъ новгородскій и с.п.бургскій; Амвросій Протасовъ, архіепископъ тверскій и кашинскій; Августинъ Виноградскій, архіепископъ московскій; Филаретъ Дроздовъ, митрополитъ московскій; Иннокентій Борисовъ, архіепископъ херсонскій и таврическій.

Б) Свѣтское краснорѣчіе. Свѣтское краснорѣчіе не имѣло у насъ такого обширнаго развитія, какъ духовное. Оно раздѣляется на два рода: «государственное и академическое». Къ государственному относятся манифесты, указы и другіе важные акты, непосредственно исходящіе отъ лица Державной власти и открывающіе народу ея волю. Сочиненіемъ ихъ занимались: Тепловъ, Безбородко, Завадовскій, Храповицкій, Шишковъ, Сперанскій, Дашковъ и другіе. Магницкій, въ сочиненіи своемъ: «Краткое руководство къ дѣловой и государственной словесности», дѣлитъ эту словесность на «древнюю» (до Петра Великаго), «среднюю» (отъ Петра Великаго до Александра I) и «новую» (отъ Александра I-го и учрежденія министерствъ до нашихъ временъ). Образцы ея родовъ и видовъ можно найти въ Полномъ Собраніи Законовъ Россійской Имперіи, отчетахъ министровъ и ихъ журналахъ. Подъ академическимъ разумѣются похвальныя слова и рѣчи, произнесенныя въ ученыхъ собраніяхъ и представляющія развитіе какой нибудь истины. Сюда принадлежатъ: 1) Два похвальныя слова Ломоносова: Елисаветѣ Петровнѣ и Петру I, 2) Карамзина: Похвальное слово Екатеринѣ II, и Рѣчь, произнесенная въ Россійской Академіи 1818 года, 3) Рѣчи говоренныя профессорами разныхъ университетовъ, и проч.

а) Разборъ слова Анастасія. Въ словѣ Анастасія легко различить также два элемента: общій и частный. Общій, или часть догматическая, состоитъ въ развитіи положенія, что «добродѣтель, съ которой стороны ни воззримъ на нее, прекрасна, и что самая смерть добродѣтельныхъ служитъ доказательствомъ безсмертія»; частный заключается въ изображеніи добродѣтельныхъ подвиговъ Бецкаго. Здѣсь частное не противорѣчитъ общему, но согласуется съ нимъ: проповѣдникъ открываетъ это согласіе, и потому вторая часть слова (частная) принадлежитъ къ словамъ похвальнымъ.

Слово состоитъ изъ четырехъ частей: приступа, предложенія, изложенія и заключенія.

Приступъ. (И такъ мужъ.... одну совѣсть и Бога). Приступъ раздагается на двѣ части. Въ первой, авторъ изъясняетъ награды, которыми на землѣ можно увѣнчать добродѣтельнаго человѣка, и показываетъ ихъ ничтожность; во второй, онъ обращается къ Богу и выражаетъ скорбь свою объ участи добродѣтели, которая лишена воздаяній въ здѣшней жизни.

Предложеніе. (Свѣтъ сей есть.... въ

арствѣ нѣчности). Ораторъ выбираетъ
ая своего слова слѣдующую тему:
самая смерть добродѣтельныхъ есть
оказательство безсмертія и блажен-
ства добродѣтели въ будущей жизни».
Предложеніе связывается съ присту-
ющъ мыслію, вытекающею изъ при-
ступа: «свѣтъ сей есть для добродѣте-
ли подвигъ, но не въ немъ ея награда».
Изложеніе. (Добродѣтель, съ кото-
рой стороны.... любезнѣйшихъ слѣ-
овъ). Въ мысль, служащую предложе-
емъ, входятъ два понятія: добродѣ-
ель и безсмертіе; отсюда двѣ части
ложенія: въ одной говорится—о до-
одѣтели, въ другой — о безсмертіи
ши. А) «Первая часть». Содержаніе
рвой части выражено первыми слова-
изложенія: «добродѣтель, съ кото-
й стороны ни воззримъ на лице ея,
адѣ чиста, прекрасна, божественна».
зличныя стороны, или точки зрѣнія,
разуютъ различные отдѣлы первой
сти. Добродѣтель разсматривается:
въ отношеніи къ Богу, ближнимъ,
мому добродѣтельному человѣку, б)
отношеніи къ различнымъ состояні-
ъ людей, в) въ отношеніи къ уму, г)
отношеніи къ сердцу, д) въ отноше-
и къ счастливой жизни. За симъ слѣ-
етъ картина величія добродѣтель-
хъ людей, въ человѣческомъ родѣ
обще и въ Россіи особенно (воскре-
те, воскресите.... принесть другой
ртвы не можемъ). В) «Вторая часть».
акъ ужели мысль.... любезнѣйшихъ
ѣдовъ). Изобразивъ красоту добро-
тели, ораторъ переходитъ къ дока-
тельству необходимо-предоставлен-
й ей награды въ будущей жизни,
ѣдов. къ доказательству безсмертія.
ъ не прямо доказываетъ истину
оего предложенія, но выводитъ ее
ъ ложности другаго предложенія,
рицательно-противоположнаго пер-
му: если ложно, что душа не без-
ертна, то истинно, что она без-
ертна; невозможность небезсмертія
азываетъ ясно необходимость без-
ртія; умъ и сердце признаютъ по-
слѣднее, потому что не могутъ при-
знать противнаго. Поэтому вторая часть
есть рядъ вопросовъ, выражающихъ
невозможность мысли, противной пред-
ложенію; отвѣтовъ нѣтъ, потому что
они ясны каждому слушателю. Окан-
чивается она изображеніемъ спокой-
ной смерти праведника.

Заключеніе. (Такъ!.... идѣ же пра-
ведные водворяются). Въ немъ двѣ
части: первая (частный элементъ, со-
гласный съ общимъ, или похвальное
слово) есть исчисленіе благодѣтель-
ныхъ подвиговъ Бецкаго; вторая —
краткая молитва къ Богу объ успо-
коеніи души умершаго въ царствѣ
праведныхъ.

Выраженіе (языкъ, слогъ). Славяно-
церковный языкъ послужилъ основа-
ніемъ письменному русскому языку,
который, съ теченіемъ времени, болѣе
и болѣе принималъ самостоятельныя
формы, сближаясь съ народною рѣчью.
Отъ этого въ письменной рѣчи нашей
слиты два элемента: славяно-церков-
ный и русскій; на ряду съ словами и
оборотами послѣдняго языка находят-
ся слова и обороты перваго. Чѣмъ
древнѣе памятники словесности, тѣмъ
значительнѣе въ нихъ стихія славяно-
церковная; чѣмъ ближе они къ нашему
времени, тѣмъ больше перевѣса на
сторонѣ русской стихіи. Но кромѣ
времени, самое содержаніе сочиненій
оказываетъ вліяніе на большее или
меньшее внесеніе обѣихъ стихій. Эта
двойственность всего видѣе въ произ-
веденіяхъ духовнаго краснорѣчія, ко-
торыя, почерпая свои доводы изъ
Священнаго Писанія, по сущности и
тону своему, допускаютъ значитель-
ное количество реченій и оборотовъ
славяно-церковныхъ. Хотя творенія
позднѣйшихъ духовныхъ ораторовъ
представляютъ сильнѣйшее развитіе
русской стихіи, однакожъ несомнѣнно,
что въ церковномъ словѣ славяно-
церковный языкъ всегда будетъ при-
сутствовать, какъ необходимый для
выраженія многихъ мыслей и служа-

щій иногда особеннымъ украшеніемъ. Превосходство Анастасія предъ другими, современными ему проповѣдниками, состоитъ въ томъ, что языкъ его видимо удалился отъ суроваго языка прежнихъ проповѣдниковъ и служитъ переходомъ къ болѣе пріятному языку новаго, духовнаго краснорѣчія; притомъ въ немъ меньше славяно-церковныхъ формъ. Кромѣ этого, «Слово на погребеніе Бецкаго» написано языкомъ изящнымъ, въ немъ много художественнаго элемента; видна заботливая отдѣлка формъ; воображеніе и чувство оратора ясно высказались во всѣхъ частяхъ слова (такъ, напр., приступъ исполненъ трогательнаго чувства; красота добродѣтели изображена въ картинахъ; живописно изображеніе кончины добродѣтельнаго, и проч.).

Бесѣда о томъ, что есть Воскресеніе мертвыхъ.

а) Біографическое извѣстіе. Михаилъ Десницкій, митрополитъ новгородскій и санктпетербургскій, род. въ московской губерніи въ 1761 г., обучался въ виѳанской семинаріи. Когда въ 1782 году открылось въ Москвѣ «Дружеское ученое общество» и при немъ учреждена была филологическая семинарія, для образованія 35 питомцевъ, то преосвященный Платонъ избралъ въ нее и Матвѣя Десницкаго, который обучался тамъ наукамъ и языкамъ нѣмецкому и французскому. 1785 г. произведенъ въ священники къ московской церкви св. Іоанна Воина, гдѣ проповѣдями своими и обратилъ на себя вниманіе любителей и знатоковъ христіанскаго ученія. По вступленіи на престолъ Императора Павла I, въ 1796 г. вызванъ въ С.Петербургъ и опредѣленъ въ число придворныхъ пресвитеровъ соборныхъ. Въ 1799 г., постриженъ въ монашество подъ именемъ Михаила; того же года произведенъ въ архимандриты новгородскаго Юрьева монастыря и опредѣленъ въ члены синода, съ назначеніемъ коноучители 1-го кадетскаго ко въ 1802 г. поставленъ во еп старорусскаго, викарнаго нов ской митрополіи; въ 1803, пере епископомъ въ черниговскую нію, а въ 1806 пожалованъ ар скопомъ; въ 1815 г. поручен было управленіе псковской еп которою онъ управлялъ одинъ въ 1818, пожалованъ митропол санктпетербургскимъ и новгород Скончался 1821 г.

б) Сочиненія. Въ 1816—20 г издалъ онъ, въ 10 томахъ, свои ненія, подъ названіемъ: «Бесѣ разныхъ мѣстахъ и въ разныя вр говоренныя». Здѣсь помѣщены: а) человѣка христіанина надъ духо плѣненіемъ Израиля, надъ раз емъ внутренняго Іерусалима, н пустошеніемъ живаго храма Бо Бесѣды о покаяніи, или изъя 50-го псалма; в) Изображеніе хаго, внѣшняго, плотскаго и внутренняго духовнаго человѣ Трудъ, пища и покой духа чел скаго; д) Бесѣды о воскресеніи твыхъ; е) О внутреннемъ сос человѣка, и проч. — «Пастырск ставленія», какъ простолюдинам литься Богу (1821 г.). — Въ 18 1824 издано полное собраніе е чиненій, въ 9 томахъ, изъ ко первыхъ шести бесѣды, а въ о ныхъ катихизисъ, и въ началѣ п няго тома присоединены «Нѣк черты жизни его». — Михаилъ а въ послѣдніе лѣта жизни почт да, проповѣдывалъ, не писавъ магѣ своихъ поученій, и рѣдко шалъ литургію безъ проповѣды

в) Разборъ бесѣды. Изъ разл видовъ духовнаго ораторскаго такъ называемыя «бесѣды» болѣ го подходятъ къ сочиненіямъ тическимъ. Цѣль ихъ—развитіе нибудь истины, слѣдов. господ щій элементъ—сужденіе. Соде ораторскихъ рѣчей собственно

я отъ содержанія сочиненій дических, то есть, какъ въ тѣхъ, и въ другихъ излагаются сужде- предметахъ. Но различіе между состоитъ въ тотъ, что авторъ ктическаго сочиненія старается только яснымъ и вразумитель-, дѣйствуетъ только на умъ, тогакъ ораторъ долженъ дѣйствовать олько на умъ, но и на волю. Ора-, служа истинѣ, служитъ вмѣстѣ стнымъ лицамъ: слѣд. онъ долъ постоянно имѣть ихъ въ виду, и рить не только при нихъ, но и для . Ему необходимо изучить всѣ вія мѣста, времени, степени обранности своихъ слушателей, ихъ ствъ, господствующихъ склонно-, недостатковъ. Слово его должыть таково, чтобы на нихъ именно могло дѣйствовать. При отсутствіи о условія, рѣчь приметъ харак- отвлеченнаго, сухаго догматизи не получитъ успѣха.—Но предживъ, что ораторъ утвердилъ свое о на истинномъ основаніи и понулъ свое отношеніе къ слушателъ, онъ все еще не достигнетъ своѣли, если нѣтъ въ немъ той силы, рая миритъ противорѣчія, посредмъ котораго истина переходитъ въ кденіе лицъ. Убѣждать людей моъ только лице, искренно и глубоко кденное. Мало того, если слушаи признаютъ истину: нужно, чтобы лась въ нихъ потребность истины себя, сильное желаніе принять ее. усвоеніе истины умомъ и сердъ называется убѣжденіемъ.—Бе: «О воскресеніи мертвыхъ», есть изъ тѣхъ проповѣдей, которыя отъ близкое сродство съ разсужями. Она состоитъ изъ четырехъ ей: «приступа» (сравненіе воскреія природы, по прошествіи зимы и наступленіи весны, съ воскресеъ мертвыхъ тѣлъ, по прошествіи послѣднихъ антихристовыхъ бей и при вторичномъ пришествіи .), «предложенія» (что есть воскресеніе мертвыхъ? въ чемъ оно состоять будетъ?), «изложенія» (оно подраздѣляется на двѣ части: первая — размотрѣніе того, въ чемъ состояло воскресеніе Христово, вторая — разсмотрѣніе того, въ чемъ будетъ состоять наше воскресеніе) и «заключенія» (изображеніе удивленія и страха людей, когда они увидятъ себя въ новомъ видѣ).

Слово на текстъ: «Тако ли не возмогосте единаго часа побдѣти со мною?» (Матѳ. 26, 40). (Говорено 1769 года).

а) Краткое извѣстіе о жизни. Іоаннъ Васильевичъ Леванда, протоіерей кіево-софійскаго собора, род. въ Кіевѣ 1736 года, обучался въ кіевской академіи и въ ней же былъ учителемъ. Въ 1763 посвященъ въ іереи успенской соборной церкви, что на Подолѣ; въ 1783 въ протоіереи той же церкви, а въ 1786 переведенъ въ соборъ кіево-софійскій. Скончался 1814 г.

б) Сочиненія. Леванда написалъ много церковныхъ поученій и привѣтственныхъ рѣчей, которыя изданы въ 3-хъ частяхъ (Слова и рѣчи Іоанна Леванды). Митрополитъ Евгеній говоритъ, что въ этомъ изданіи недостаетъ многихъ поученій и рѣчей, что помѣщенныя несогласны съ подлинниками сочинителя и неисправно напечатаны.

в) Разборъ слова.

1) Составъ. Слово состоитъ изъ 4-хъ частей: приступа, предложенія, изложенія и заключенія.

2) Приступъ. Въ приступѣ содержится повѣствованіе о томъ, какъ ученики Спасителя предались сну въ саду Геѳсиманскомъ, когда Спаситель началъ «скорбѣть и тужить». Это событіе изъ земной жизни І. Х. послужило поводомъ къ произнесенію пастырскаго наставленія. Ораторъ взялъ темою слова текстъ: «Тако ли не возмогосте единаго часа побдѣти со мною»?

3) Предложеніе. Предложеніе выражено отъ словъ: «Слушатели! бывало

Іисусъ»... до словъ: «чтобы значило сіе, я о семъ говорить хочу».

4) Изложеніе. Въ изложеніи объяснено значеніе текста, выбраннаго темою слова. За объясненіемъ слѣдуетъ сравненіе положенія Апостоловъ, отъ которыхъ требовалось самаго краткаго бдѣнія при кончинѣ Христовой, съ положеніемъ христіанъ вообще, которые должны цѣлую жизнь противиться мыслямъ, волѣ, чувствамъ, силѣ міра. Такое положеніе ораторъ находитъ не скучнымъ и не тягостнымъ, по двумъ причинамъ. Во первыхъ, жизнь наша, въ сравненіи съ вѣками, протекшими до насъ, и съ вѣками, которые пройдутъ послѣ нашей смерти, составляетъ малѣйшую незамѣтную часть времени: трудно ли скорбію единаго часа купить вѣчную радость? Во вторыхъ, немощь наша укрѣпляется помощію Бога, Который весь для насъ и съ Которымъ все возможно и легко.

5) Заключеніе. Въ заключеніи ораторъ обращается съ молитвой къ Богу, прося Его о помощи нашему безсилію.

Примѣч. Главное свойство предложеннаго здѣсь слова Леванды, какъ и прочихъ его словъ, есть теплота чувства. Онъ не отличается художественной отдѣлкой выраженія или строго-логическимъ развитіемъ истины, что находимъ у другихъ нашихъ духовныхъ ораторовъ; но чувство, въ большей или меньшей степени, есть отличительный элементъ каждаго его слова.

Слово, при совершеніи годичнаго поминовенія по воинахъ, на брани Бородинской животъ свой положившихъ.

а) Августинъ Виноградскій, архіепископъ московскій, род. въ Москвѣ 1766 г., обучался сперва въ перервинской семинаріи, потомъ въ московской духовной академіи. Быстрые успѣхи въ наукахъ, особенно въ сочиненіи латинскихъ стиховъ, обратили на него вниманіе митрополита Платона, котораго покровительство вскорѣ возвело Виноградскаго въ высокій д
ный санъ. По окончаніи наукъ,
дѣленъ учителемъ сперва въ ака
потомъ въ Перервѣ, а за тѣмъ въ
гіевской лаврской семинаріи. Въ 1
принялъ монашескій чинъ; съ 17
1795 г. былъ учителемъ филос
префектомъ, а съ 1795 г. учит
богословіи и ректоромъ этой се
ріи. Въ 1798 г. произведенъ въ
мандриты лужецкаго монастыр
1801, тѣмъ же званіемъ переведе
московскій богоявленскій монас
въ 1802, въ законоспасскій съ
ніемъ ректора московской акад
въ 1804, былъ епископомъ дми
скимъ, викаріемъ московской м
поліи. По кончинѣ митрополита
тона, онъ вступилъ въ управленіе
сковской епархіей; въ 1812, при
пленіи Императора Александра
спенскій соборъ, произнесъ превос
ную рѣчь, за что вскорѣ полу
орденъ св. Александра Невскаго.
густинъ благословилъ московско
полченіе на священную брань и
чилъ ему хоругви. Онъ сдѣлалъ
распоряженія къ сохраненію свя
и драгоцѣнностей московскихъ
квей, и выпроводилъ всѣ важнѣ
дѣла, патріаршую ризницу, синод
ную библіотеку въ Вологду, а
удалился во Владиміръ. Когда Мо
была освобождена отъ враговъ, А
стинъ получилъ отъ Государя пов
ніе устроить духовную часть. Св
того, своими краснорѣчивыми по
ніями утѣшалъ и ободрялъ моско
народъ, какъ предъ нашествіемъ,
и послѣ нашествія. Въ 1814 г.,
пожалованъ архіепископомъ дмит
скимъ, архимандритомъ Святотро
лавры, членомъ синода и управ
щимъ московскою митрополіею: «з
казанныя услуги во время втор
непріятеля въ Москву и за успѣ
приведеніе духовной части въ п
докъ»; въ 1818 г. переименованъ
сковскимъ архіепископомъ; въ
скончался.—Сочиненія его (поуч

чи, привѣтствія Императорскимъ обамъ) напечатаны были порознь въ ои времена, но вмѣстѣ еще не изда-. (Очерки жизни московскаго архіе-скопа Августина. Соч. Ивана Спе-рева. 1848).

б) Части слова слѣдующія: а) «пред-женіе» (умереть за Вѣру, за Царя, Отечество, есть подвигъ, исполнен-й безсмертія и славы), б) «главная сть» (изображеніе величія брани Бо-динской, потери нами понесенныя, хвала воинамъ падшимъ въ битвѣ, годы пріобрѣтенныя битвой, утѣше-е въ потеряхъ), в) «заключеніе», сьма замѣчательное по силѣ чувства по красотѣ выраженія (обращеніе къ млѣ бородинской).

Слово при случаѣ присяги из-ранныхъ по тульской губерніи судей, 1815 года.

а) Біографическое извѣстіе. Амвро-й Протасовъ род. въ московской гу-рніи 1769 г.; обучался въ троицкой минаріи; съ 1790 г. былъ учителемъ ь московской академіи, гдѣ онъ меж-у сверстниками отличался знаніемъ рейскаго, греческаго и латинскаго ыковъ, и ему особенно покровитель-вовалъ Платонъ; постриженъ въ 1794 .; въ 1797 опредѣленъ префектомъ адеміи и проповѣдникомъ, потомъ рхимандритомъ сергіевской пустыни ъ санктпетербургской епархіи); въ 799 ректоромъ александровской ака-еміи, потомъ архимандритомъ новго-одскаго юрьева монастыря; въ 1804 посвященъ въ епископы тульскіе и левскіе, въ 1807 наименованъ архі-ископомъ казанскимъ и симбирскимъ. кончался на епархіи тверской 1830 г.

б) Сочиненія. Во время служенія оего въ различныхъ мѣстахъ, про-носилъ проповѣди и рѣчи, которыя печатаны особо и въ періодическихъ даніяхъ (въ Христіанскомъ Чтеніи, стникѣ Европы, Сынѣ Отечества), вмѣстѣ еще не изданы.

в) Святость нравственныхъ зако-новъ, которые обязанъ провозглашать духовный ораторъ, сообщаетъ нерѣд-ко его поученію тонъ рѣзкій, даже сатирическій, когда надобно предать обличенію пагубный порокъ, великое отступленіе отъ правилъ нравственно-сти. Руководствуясь тою мыслію, что одна только добродѣтель имѣетъ не-отъемлемое право на благоговѣніе ду-шевное, что одной только истинѣ дол-жны воскуряться ѳиміамы сердецъ, онъ, не взирая на лица, не стѣсняясь никакими житейскими отношеніями, по-ражаетъ своимъ словомъ нарушеніе истины и добродѣтели. Этотъ строгій и обличительный тонъ измѣняется по свойству случаевъ и заблужденій, противъ которыхъ ораторъ направля-етъ свое слово. Онъ имѣетъ видъ дру-жескаго выговора, отеческаго увѣща-нія, когда слушатели впадаютъ въ по-грѣшности не съ намѣреніемъ; легкой и добродушной ироніи, когда пропо-вѣдникъ не находитъ нужнымъ прямо нападать на заблужденія народныя; обличенія, представленнаго въ общихъ чертахъ, когда нужно только предо-стерегать отъ пороковъ, побуждать къ ревностнѣйшему исполненію обязан-ностей. Но онъ же бываетъ грозенъ, когда пастырскія увѣщанія остаются безъ дѣйствія, когда ожесточеніе, без-чувственность, злоупотребленія дохо-дятъ до крайней степени: тогда слово становится словомъ суда и прещенія (таково слово Златоуста къ Византій-цамъ, которые въ великій пятокъ хо-дили въ театръ; слово Василія Вели-каго противъ тѣхъ, которые во время пасхи предавались неумѣренному упо-требленію напитковъ). (Чтенія о Цер-ковной словесности, Я. Амѳитеатрова). Къ числу такихъ строгихъ поученій принадлежитъ слово Амвросія, одно изъ замѣчательнѣйшихъ произведеній духовнаго краснорѣчія. Приведемъ от-зывъ митрополита Платона объ Амвро-сіи: «если бъ я такъ писалъ, какъ Ам-вросій, меня сходилась бы слушать вся Россія».

Слово о гласѣ вопіющаго въ пустынѣ и на воспоминаніе происшествій 1812 года.

1) Филаретъ (въ свѣтскомъ званіи Василій Дроздовъ), митрополитъ московскій, священно-архимандритъ Троицко-Сергіевой лавры, членъ святѣйшаго синода и академіи наукъ, почетный членъ московскаго университета, род. 1782 года, московской губерніи въ городѣ Коломнѣ, обучался сперва въ коломенской, а потомъ въ сергіево-лаврской семинаріи. По окончаніи курса, былъ опредѣленъ въ послѣдней учителемъ, и особенными своими дарованіями обратилъ на себя вниманіе митрополита Платона. Въ 1808 г. постриженъ въ монашество; въ 1810, переведенъ въ санктпетербургскую александровскую академію баккалавромъ богословскихъ наукъ; въ 1811, произведенъ въ архимандриты; 1812, опредѣленъ ректоромъ этой академіи. Ученость, дарованія и неутомимое трудолюбіе привлекли на Филарета высокое вниманіе Императора Александра, который и утвердилъ, въ 1817 г., его избраніе во епископа ревельскаго, викарія санктпетербургскаго. Въ 1819 г., пожалованъ архіепископомъ тверскимъ и членомъ синода; въ 1820, перемѣщенъ въ Ярославль; въ 1821 г., въ Москву, въ санъ архіепископа; въ 1826, возведенъ въ санъ митрополита.—Сочиненія его: 1) Разсужденіе о нравственныхъ причинахъ неимовѣрныхъ успѣховъ Россіянъ въ войнѣ 1812 года, 2) Опытъ изъясненія псалма LXVII (1814), 3) Разговоры между испытующимъ и увѣреннымъ въ православіи греко-россійской церкви (1815), 4) Начертаніе церковно-библейской исторіи (1816), 5) Записки на Книгу Бытія (1816 и 1819), первый въ Россіи опытъ ученаго изъясненія Священнаго Писанія; 6) Пространный катихизисъ, одобренный св. синодомъ и принятый руководствомъ во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ, 7) Поучительныя слова, 3 тома (1820), 8) рѣчи, 2 тома, съ портретомъ (1848). Новыя слова и рѣчи, ни износимыя, печатаются въ при ніяхъ къ Твореніямъ Св. Отцев которыя произведенія духовна краснорѣчія переведены на фр Стурдзою и изданы подъ назв «Oraisons funebres, homelies cours, par Monseigneur Philare tropolitain de Moscou (1849). Ист. Лит., Греча; Справоч. Эн Словарь).

2) Сужденіе овъ отличит свойствахъ духовнаго краснорѣ ларета и Иннокентія (автора «(ной и Свѣтлой Седмицъ»).

Въ сужденіи этомъ мы руков емся теоріею духовнаго крас выше изложенною, и критическ зывомъ о двухъ сочиненіяхъ Н тія, помѣщенныхъ въ 1-мъ квитянина за 1845 годъ.

Въ проповѣди, также какъ и дой ораторской рѣчи, два эл или составныя части: общій и ч Общій заключается въ догматах ви (т. е. чему человѣкъ должен вать) и въ нравственныхъ ея пр (т. е. какъ человѣкъ долженъ частное въ мысляхъ и дѣлахъ нарушающихъ законы церкви. ность проповѣдника примирит съ частнымъ, т. е. мысли и д дей, уклонившихся отъ церкви тить опять къ церкви.

Поэтому духовное краснор мѣетъ двѣ стороны: догматиче нравственную. Догматическое рѣчіе заключается въ изложе ныхъ истинъ, неизмѣняемо жи въ церкви; нравственное сост примѣненіи неизмѣняемыхъ ис измѣняющимся обстоятельства мени и мѣста, въ которыхъ пр никъ застаетъ своихъ слушат

Если бы первая часть, т. женіе истинъ, была одна нео для поученія, въ такомъ слу нужно бы было говорить пр

чно бы было повторять однажавленный Катихизисъ, въ коэти истины изложены. Если бы часть, т. е. примѣненіе вѣчныхъ къ изиѣняющимся обстоятель-, относилась единственно къ достаткамъ человѣка, въ коонъ, по всегдашней слабости ирироды, можетъ одинаково нася во всякое время, то въ талучаѣ весьма достаточно бы оученій древнихъ отцевъ церлово новое могло бы казаться имъ послѣ того, что уже было отцами церкви.

е смотря на все душеспаси-, что мы можемъ почерпнуть въ хъ древнихъ учителей, мы чувь однакожъ, что, кромѣ того, необходимо еще слово совре- намъ пастыря, близкаго свинашихъ особенныхъ немощей, ителя при новыхъ бѣдствіяхъ, ля пути при новыхъ заблуж-, которыя возникаютъ хотя изъ корня (т. е. изъ слабости ческой природы), но являются въ время въ новомъ видѣ. Слѣромѣ другихъ существенныхъ ъ, проповѣднику необходимо остоинство современности», ескочетъ сильно дѣйствовать на елей. Всѣ знаменитые пропоимѣли это качество въ больменьшей степени: особенность времени давала особенный ихъ краснорѣчію.

и же «особенныя» немощи нашеени, «современные» недостатки? е время, главная болѣзнь сокажется, не въ излишествѣ ко страсти, не въ незнаніи ко истины. Напротивъ, мы страолѣе общимъ разслабленіемъ недостаткомъ внутренней спои ко всякому сильному стремы страдаемъ, вмѣсто незнанія, мъ многознаніемъ, которое ботится объ изученіи истинаго и ложнаго, равно допускаетъ полезное и вредное.

Противъ этой господствующей немощи нашего времени, т. е. противъ душевной холодности и умственной вялости, противъ сердечной вялости и умственной быстроты, противъ себя—любивой изнѣженности и напряженной діалектической мечтательности, духовному пастырю возможны два способа врачеванія: или дѣйствовать прямо «на разумъ», наводить человѣка на путь спасенія «по слѣдамъ сознанія»; или дѣйствовать прямо «на сердце», наводить человѣка на путь спасенія «по слѣдамъ чувства».

Эти два противоположные способа дѣйствованія противъ недостатковъ нашего времени принадлежатъ въ особенности двумъ знаменитымъ современнымъ учителямъ нашей церкви: Филарету и Иннокентію. Первый дѣйствуетъ преимущественно «на разумъ», путемъ умственнаго убѣжденія; второй дѣйствуетъ преимущественно «на сердце», возбуждая чувство. Слово «преимущественно» показываетъ, что одна особенность не исключаетъ другой, но только каждая вмѣщаетъ въ себѣ другую, какъ свою необходимую, но подчиненную силу.

Примѣч. 1. Положительное начало, изъ котораго долженъ развиться характеръ церковной бесѣды, есть духъ Библіи, духъ церкви, и отношеніе сего духа къ духу поучаемаго народа: слѣдов. внутренній характеръ духовнаго слова состоитъ въ точномъ выраженіи духа Библіи и церкви относительно къ духу народа. Проповѣдникъ обыкновенно дѣйствуетъ въ одномъ какомъ-либо гражданскомъ обществѣ, въ одномъ опредѣленномъ кругу общества и въ одно извѣстное время, или вѣкъ. Этимъ опредѣляется «своенародность и современность» проповѣдника, которыхъ требованія суть слѣдующія: 1) церковное слово должно относиться къ духу и характеру народа вообще. Хотя ученіе Вѣры, основанное на

Словѣ Божіемъ, какъ зерцалѣ человѣчества, назидаетъ вѣрныхъ чадъ само собою, независимо отъ временныхъ или мѣстныхъ отношеній; однакожъ надобно знать, какъ это ученіе приспособить и сдѣлать удобопріемлемымъ народу. Самъ Спаситель, въ преподаваніи небесныхъ истинъ, соображался съ состояніемъ своихъ слушателей. Ап. Павелъ также неоднократно объявляетъ, что однимъ преподавалъ онъ твердую пищу, а другимъ млеко, или начатки—простѣйшія истины Евангелія. 2) Церковное слово должно относиться къ той именно части народа, гдѣ проповѣдникъ дѣйствуетъ. 3) Церковное слово, кромѣ характера народа и паствы, должно знать духъ и свойства времени. Знатнѣйшіе проповѣдники всегда строго наблюдали за направленіемъ своего вѣка и усильно боролись съ господствующими въ немъ порочными склонностями. Творенія Златоуста, Григорія и Василія въ Греціи, Св. Димитрія Ростовскаго, Ѳеофана Прокоповича и Стефана Яворскаго въ Россіи суть выраженія современнаго симъ проповѣдникамъ общества; оттого и краснорѣчіе ихъ было такъ сильно и убѣдительно, что вѣрно приспособлялось къ потребностямъ современниковъ. Равнымъ образомъ каждый проповѣдникъ долженъ наблюдать происшествія своего вѣка не какъ политикъ, но какъ блюститель вѣры, стражъ добродѣтели и нравственности христіанской. Такъ въ вѣкъ эгоизма и холодныхъ расчетовъ себялюбія проповѣдникъ долженъ быть живымъ органомъ чистой, безкорыстной любви христіанской; въ вѣкъ безвѣрія—возбуждать силу Святой Вѣры; въ вѣкъ индифферентизма — защищать достоинство и святость евангельскаго ученія; во дни всеобщаго разврата—возвѣщать чистоту и строгость христіанской добродѣтели (Чтенія о церковной Словесности, Я. Амфитеатрова).

Примѣч. 2. Чѣмъ болѣе выражается въ проповѣдникѣ особенность его силы, тѣмъ проповѣди его имѣют
дѣйствія: поэтому «Страстная
лая Седмицы», какъ преимуще
обозначившія характеръ ду
краснорѣчія Иннокентія, суть
шія его произведенія. Если же
собенность характера и напр
не только не утрачиваетъ свое
но съ теченіемъ времени, съ к
новымъ произведеніемъ пріобр
болѣе значительное дѣйствіе
проповѣди представляютъ посте
возрастаніе могущества и крас
ховнаго слова, что и видимъ
реніяхъ Филарета. Глубокая со
точенность мысли, строжайшая
довательность въ развитіи тем
діалектики составляютъ неотъе
принадлежности каждаго слов
архипастыря. Никто изъ наших
повѣдниковъ не владѣетъ таки
кустомъ проникнуть въ сод
текста, выбраннаго темой про
осмотрѣть его со всѣхъ сторон
крыть всю глубину его соде
Сжатость и совершенная чисто
и точность, строжайшая правил
простота, нисходящая до языка о
венной бесѣды, и вмѣстѣ изящ
суть отличительныя свойства е
разцоваго слова; а безъ изя
внѣшней формы, безъ красоты
женія, безъ тщательной отдѣлк
слово ораторское перестает
произведеніемъ искуства, и
быть развѣ только плодомъ вр
наго дара, необходимаго, но
статочнаго условія для долговѣ
ораторскихъ созданій. — Гово
особенныхъ достоинствахъ р
проповѣдяхъ Филарета, надоби
мянуть о введеніи новыхъ слов
раженій, только слово неологиз
нимая въ обширномъ значеніи
разумѣя подъ нимъ не одни с
обороты «новые», не существо
до того въ языкѣ, но и слова и
ты «возобновленные», бывшіе
въ употребленіи и потомъ сно
щенные въ ходъ. Какъ внутрен

ъ проповѣди долженъ возникать
ха Библіи и церкви и изъ отно-
сего духа къ духу народа: такъ
ній характеръ (языкъ, слогъ)
олько имѣетъ свою особую фи-
ю, когда въ немъ языкъ отече-
ый народный растворяется язы-
иблейскимъ и церковнымъ. Подъ
ъ разумѣется языкъ перевода
; подъ вторымъ — языкъ ли-
ры богослужебной, литературы
ѣдической, литературы богос-
ой или учебной систематичес-
) Церковная бесѣда есть вос-
ѣденіе Евангелія: поэтому въ
лжны быть не только главныя
библейскія, но должны встрѣ-
и слова библейскія. Здѣсь или
я слова натурою, какъ они есть
ліи, или воспроизводятся ана-
ски, и потомъ или соединяют-
словами общеупотребительнаго
течественнаго, или строятся въ
рѣчь по правиламъ и генію язы-
ественнаго. Б) Кромѣ словъ отъ-
хъ, проповѣдь можетъ употреб-
ѣлыя фразы, полные идіотизмы
скіе. В) Употребленіе библей-
діотизма не ограничивается од-
ганическою выпискою фразъ биб-
съ: истинный библеизмъ пропо-
ѣдскій состоитъ въ томъ, когда
ѣдь легко и свободно прини-
орму библейскую. Г) Наконецъ
ажный и необходимый для про-
библейскій идіотизмъ нрав-
ій, т. е. нравственныя или, луч-
зать, духовныя свойства слога,
суть: святость и цѣломудріе,
и спасительность (Чт. о Цер.
ѳит.). — Новыя слова, упо-
ныя преосвященнымъ Фаларе-
суть плодъ глубокаго знанія
ю-славянскаго языка. Они со-
а) въ отдѣльныхъ реченіяхъ,
ѣръ: благобытіе, самовладыка,
,тѣлесность, самочиніе, совре-
ѣскій, непохитимый, преднадпи-
дѣтоводитель, источный, пра-
ій, незапинаемый, одуховить,
привергать, дѣйственный, и проч; б)
въ выраженіяхъ, напр.: собрать се-
бя въ молитву, бѣгущій взоръ (вм. бѣг-
лый взглядъ), созрѣвать до готовно-
сти быть преемникомъ, образы міра
движутся предъ лицемъ пустыни, ра-
дуемся видѣть, съ славяно-церковна-
го: радуешися яко исполинъ тещи
путь.

3) Построеніе слова. Исходнымъ
пунктомъ и темою проповѣди служитъ
текстъ: «Гласъ вопіющаго въ пустыни:
уготовайте путь Господень, правы
творите стези его». Блаженная пус-
тыня, восклицаетъ проповѣдникъ, въ
которой слышенъ столь вожделѣнный
гласъ! вожделѣнный гласъ, которымъ
возвѣщается приближеніе Господа! Что
предъ сею пустынею и гласомъ молва
и смятеніе человѣческихъ обществъ,
шумъ и разсѣянность города? Кто не
пожелаетъ съ Давидомъ водвориться
въ пустыни, чтобы тамъ чаять Бога?
(Вступленіе).

Увлекаемый этимъ желаніемъ, про-
повѣдникъ проситъ Бога даровать ны-
нѣ христіанамъ, хотя на краткое вре-
мя, сойти внимательно мыслію въ ле-
жащую предъ лицемъ Господа «пусты-
ню» и принять сердцемъ гласъ предва-
ряющей благодати Его (Предложеніе).

За симъ слѣдуетъ главная часть
проповѣди, или «изложеніе», раздѣля-
мое, какъ видно изъ смысла предло-
женія, на два отдѣла: въ первомъ го-
ворится о пустынѣ, во второмъ о гласѣ.

Отдѣлъ I. Пророкъ Ісаія, предвоз-
вѣстившій гласъ вопіющаго въ пустынѣ,
имѣлъ предъ очами нѣчто болѣе, не-
жели одну іорданскую пустыню. Какая
же то пустыня? Она не столько удале-
на, сколько непримѣчаема, и усматри-
вается чрезъ восхожденіе отъ чувс-
веннаго къ духовному, отъ челове-
ческаго къ божественному. Какъ
пустыня, для ока чувственнаго, есть
мѣсто необитаемое и невоздѣлываемое
человѣками, такъ, и для взора духов-
наго, душа, овладѣваемая страстями
и пожеланіями скотскими, есть пус-

тыня; міръ, въ которомъ человѣки рѣже, нежели класы, остающіеся на пожатой нивѣ, есть пустыня; и самая церковь, приносящая вмѣсто гроздія терніе, есть пустыня.—Въ эти-то неустроенныя пустыни пролагаетъ себѣ путь Господь славы, поспѣшаетъ обрѣсти овча своего стада, заблуждающее отъ него въ горахъ и дебряхъ. Поэтому, работающіе міру неблагодарному должны воздвигнуться отъ него, подобно какъ древніе Израильтяне воздвигнулись отъ Египта, должны воззрѣть очами духа на лице пустыни, въ нихъ и окрестъ нихъ ожидающей своего посѣщенія, и, услышавъ гласъ Господа, не ожесточить сердецъ своихъ.

Отдѣлъ 2. Но кто же не слышалъ иногда сего страшнаго и вмѣстѣ милосердаго гласа? Гласъ Іоанна Крестителя, призывающій къ покаянію, не есть единственный гласъ вопіющаго въ пустыни, но повтореніе многократныхъ и продолженіе непрерывныхъ подобныхъ гласовъ. Еслибъ сердца людей не ожесточились, они бы слышали непрестанно гласъ отвнѣ—въ видимой природѣ, гласъ извнутрь — изъ глубины души, гласъ свыше — въ откровеніи, гласъ долу — въ происшествіяхъ міра. — Такимъ образомъ второй отдѣлъ изложенія подраздѣляется на четыре части.

Часть 1: «гласъ въ природѣ». Привычка слышать его притупила вниманіе, и его равномѣрность кажется безмолвіемъ. Но въ мірѣ, съ одной стороны, раздаются торжественные гласы твари, славословящей Творца, съ другой — болѣзненныя воздыханія твари, повинувшейся сутѣ. Эти совокупные гласы и воздыханія твари — гласъ небеснаго порядка и воздыханіе земнаго нестроенія, гласъ жизни и воздыханіе смерти, гласъ всеобщаго сохраненія и воздыханіе всеобщаго истлѣнія — не суть ли нѣкій гласъ вопіющаго въ пустыни или вопль всемірной пустыни?

Часть 2: «гласъ изъ глубины души». Онъ еще менѣе слышенъ, нежели гласъ внѣшней природы, потому что требуетъ болѣе тонкаго чувства и болѣе каго вниманія. Человѣкъ больше тію живетъ во внѣшнихъ чувст не вѣдаетъ, что происходитъ в его. Блаженъ, кто умѣетъ, по п Давида, собирать всѣ свои силы невѣдомую страну природы чел ской, которая сопредѣльна съ в ми областями духовнаго и боже наго! Но и въ то время, когд міръ Божій еще не посѣтилъ гласъ Господа достигаетъ до прямымъ путемъ духа и серд минуты внутренней тишины, пресыщенныя желанія отрѣшаю своихъ предметовъ и мы нечаян чинаемъ внимать себѣ: тогда и пытываемъ какую-то пустоту в тугу въ сердцѣ, мы глубоко и станно воздыхаемъ, и это внут воздыханіе есть гласъ вопіющ внутренней нашей пустыни.

Часть 3: «гласъ въ откровен жду тѣмъ, какъ болѣе и болѣе о чалось сердце людей, Богъ, не смерти грѣшниковъ, исполнялъ д бранныхъ животворящимъ слово имъ. Онъ многочастно и многоо глаголалъ въ Пророкахъ, пот Сынѣ, наконецъ чрезъ Апос Сокровище торжественныхъ от ній Господа, тысящелѣтіями со мое, никогда не являлось стол крытымъ, какъ въ сію послѣдн дину. Заповѣданное имъ Слово вѣдуется по градамъ и весямъ, тогамъ и хижинамъ. Теперь гла лучше, совокупность гласовъ, стамъ вопіявшихъ въ пустын простирается по городамъ от нѣйшимъ и досягаетъ въ глубо дебри. (Слово говорено 1814 г.

Часть 4: «гласъ въ происше міра». Такъ какъ все сущее и д мое въ мірѣ носимо глаголом Божіей, то во всѣхъ происше міра заключенъ глаголъ Божій, собенности въ происшествіях ствующихъ на человѣка. Такъ денствіе возвѣщаетъ любовь

сердіе Божіе; искушеніе и внезапныя избавленія поучаютъ вѣрованію и упованію на Провидѣніе; бѣдствія обличаютъ грѣхъ и призываютъ къ покаянію; лишенія временныхъ благъ проповѣдуютъ смиреніе и самоотверженіе; препятствія въ путяхъ міра призываютъ на путь Господень.—Кто не слышитъ тихаго гласа Божія въ приключеніяхъ собственной жизни, тотъ, по крайней мѣрѣ, не долженъ затворять слухъ и сердце отъ тѣхъ всемірныхъ гласовъ судебъ, которые вдругъ поражаютъ племена и народы.

Окончаніе изложенія. Есть гласъ Господень въ крѣпости, гласъ Господень въ великолѣпіи. Казалось бы, нельзя и почить отъ множества гласовъ, возбуждающихъ насъ обратиться къ Богу; однако въ Евангеліи назначено время коснѣнія небеснаго Жениха, въ которое «вся воздремаша и спаху». Пусть каждый испытаетъ сердцемъ, не все ли около насъ знаменуетъ эту опасную нощь бездѣйствія и опасности.

Заключеніе. Нынѣ Богъ славы гремитъ всѣми гласами устъ, и трубъ, и громовъ. Онъ потрясаетъ ударами всю великую пустыню западнаго христіанства; Его гласъ возгремѣлъ въ предѣлахъ собственной земли нашей, въ пустынѣ града великаго (Москвы). Этотъ болѣзненный и смертный гласъ не есть дѣйствіе случайнаго удара, потому что рука Провидѣнія не ударяетъ мимо своея меты. Въ каждомъ бѣдствіи общественномъ слышится гласъ, призывающій къ покаянію. Уразумѣли ль мы это поученіе Господне? Правда, смиреніе и благотворительность являютъ плодъ достойный покаянія, но еще не всякая дебрь наполнилась и не всякая гора и холмъ смирились. Еще видны возношенія собственности, ненасытимыя земныя желанія, излишества. Многое, пробужденное судомъ, уже вновь воздремало подъ сѣнію милости. Блюдемся, о чада помилованія! дабы нерадѣніемъ о благости и долготерпѣніи Божіемъ не предать себя тягчайшему суду. —Изъ этого видно, что въ заключеніи общее (гласъ Божій вообще, вопіющій въ пустыни) приложено къ частному явленію (гласу вопіявшему въ отечественной войнѣ). Изъ приложенія выводится нравственное поученіе христіанамъ.

Слово въ великій пятокъ.

Построеніе слова. Проповѣдь начинается необыкновенно краснорѣчивымъ вступленіемъ, въ которомъ заключенъ глубокій смыслъ: «чего теперь ожидаете вы, слушатели, отъ служителей Слова? нѣтъ болѣе Слова! Слово, собезначальное Отцу и Духу, начало всякаго слова живаго и дѣйственнаго, умолкло, скончалось, погребено и запечатано». (Приступъ).

Сказавъ такимъ образомъ, что у служителей Слова какъ бы нѣтъ предмета для слова, ораторъ отыскиваетъ этотъ предметъ. Онъ говоритъ: «Слово Божіе не связуется смертію. Какъ устное слово человѣческое не совсѣмъ умираетъ въ ту минуту, когда престаетъ звукъ его, но воспріемлетъ тогда новую силу, и, прошедъ чрезъ чувство, вселяется въ умахъ и сердцахъ слышавшихъ: такъ Ипостасное Слово Божіе, въ своемъ спасительномъ вочеловѣченіи умирая плотію, въ тоже время исполняетъ всяческая; умолкаетъ для того, чтобы сильнѣе глаголать къ намъ; умираетъ, чтобы даровать намъ свое наслѣдіе: Азъ завѣщаю вамъ, яко же завѣща мнѣ Отецъ мой, царство. Но первые наслѣдники Его не обрѣли по его кончинѣ инаго сокровища, кромѣ древа креста, на которомъ Онъ пострадалъ и умеръ, и сей токмо крестъ преподавали желающимъ участвовать въ наслѣдіи царствія (Переходъ отъ приступа къ предложенію).

Что-жъ это значитъ? То, что христіанину многими скорбьми подобаетъ внити въ царствіе, которое завѣщалъ ему Христосъ; что какъ крестъ Хри-

стовъ есть дверь царствія для всѣхъ, такъ крестъ христіанъ есть ключъ царствія для каждаго сына царствія. Вотъ сокращеніе «слова крестнаго». Принесемъ оное, какъ каплю мура, ко гробу Слова животворящаго (Предложеніе).

И такъ предметъ для слова найденъ: это — слово крестное, слово о крестѣ. За симъ начинается «изложеніе», раздѣляемое на двѣ части: первая — изображаетъ крестъ, понесенный Спасителемъ; вторая — крестъ, который должны нести христіане.

Часть 1-я. Прежде нежели Сынъ Божій понесъ крестъ свой, онъ принадлежалъ человѣкамъ. Въ началѣ своемъ онъ былъ сдѣланъ изъ древа познанія добра и зла. Едва прикоснулся къ нему первый человѣкъ, какъ тьма, скорбь, ужасъ, труды, болѣзни, смерть ополчились на него, и низринулся бы сынъ гнѣва во адъ, если бы сынъ Божій не усвоилъ себѣ крестъ его. Кто измѣритъ всемірный сей крестъ, понесенный начальникомъ нашего спасенія? Кто извѣситъ его тяжесть?

Ораторъ показываетъ, что вся жизнь Іисуса, отъ воплощенія Его до дня вступленія въ служеніе спасенію рода человѣческаго, и отъ дня вступленія до смерти, была единый крестъ. Это исчисленіе крестовъ, понесенныхъ Спасителемъ, есть образецъ духовнаго краснорѣчія по глубинѣ богословскаго изслѣдованія, по краткости и силѣ изображенія Спасителевой жизни, и по выраженію ораторскому. Оно начинается словами: «Божество соединяется съ человѣчествомъ».... и оканчивается обращеніемъ къ Богу: «Боже нашъ! Боже нашъ! вскую оставилъ еси Возлюбленнаго Твоего»?... Нѣкоторыя мѣста суть особенно краснорѣчивыя, патетическія изліянія религіознаго вдохновенія; наприм.: «Почіешь ли Ты, Божественный Крестоносецъ».... «Наше слово изнемогаетъ, слушатели».... «Боже нашъ! Боже нашъ! вскую оставилъ еси Возлюбленнаго Сына Твоего»?.... *Говоря о молитвѣ* Спасителя въ саду геѳсиманскомъ, ораторъ входитъ въ объясненіе смертной скорби Іисуса, которая можетъ нѣкоторымъ показаться недостойною безстрастнаго: онъ доказываетъ, что эта скорбь есть дѣйствіе не человѣческаго нетерпѣнія, но Божескаго правосудія. Чаша, которую подалъ Спасителю Отецъ Его, есть чаша всѣхъ беззаконій, нами содѣянныхъ, и всѣхъ казней, намъ уготованныхъ.

Переходъ ко второй части. Сколь ни велика всепривлекающая сила Іисуса Христа, онъ не иначе можетъ влещи насъ въ слѣдъ Себѣ, какъ чрезъ водруженіе Креста своего въ насъ.

Часть 2-я. Въ ней развиты слѣдующія мысли: а) необходимость креста человѣку для спасенія, б) дары Божіи, пріобрѣтаемые несеніемъ креста и примѣры великихъ ангеловъ, водителей и хранителей церкви, воспитанныхъ въ училищѣ креста (замѣтить здѣсь превосходное опредѣленіе таинственнаго креста: «Какъ видимый, вещественный крестъ.... пѣстунъ сыновъ царствія»), в) изображеніе людей, не желающихъ нести крестъ Христовъ.

Заключеніе. Поучительное наставленіе человѣку искать въ крестѣ средства изникнуть отъ міра и вознестися къ Богу. Ораторъ, видя во всемъ таинственную силу креста, указываетъ слушателямъ на человѣка, который спасается отъ потопленія, возобновляя въ членахъ своихъ образъ креста, и на птицу, которая, желая вознестись отъ земли, простирается въ крестъ.

Слово въ Великій Пятокъ.

1) Иннокентій (въ свѣтскомъ званіи Иванъ Борисовъ) род. въ Сѣвскѣ, орловской губерніи, 1800 г.; окончательное образованіе получилъ въ кіевской духовной академіи. Бывши студентомъ, написалъ онъ «Слово на погребеніе студента кіевской академіи» (напечатанное въ «Опытахъ студентовъ кіевской академіи»), и разсужденіе «О

преданіяхъ церковныхъ», которое предвѣщало въ сочинителѣ будущаго отличнаго проповѣдника. Въ 1824 г., Иннокентій принялъ монашество; въ 1826, назначенъ инспекторомъ с.п.-бургской духовной академіи; въ 1830, переведенъ въ Кіевъ ректоромъ кіевской духовной академіи; въ 1836, посвященъ въ епископы и занималъ мѣсто кіевскаго викарія по 1840 годъ; отеюда назначенъ былъ преосвященнымъ въ Вологду, гдѣ оставался не болѣе восьми мѣсяцевъ, и въ 1841 г. получилъ харьковскую епархію; въ 1848, назначенъ архіепископомъ херсонскимъ и таврическимъ. Сочиненія его: 1) Послѣдніе дни земной жизни Іисуса Христа (помѣщ. въ Христ. Чт. 1828, 30 и 39 гг.), 2) Жизнь св. Ап. Павла (2 изд. 1828), 3) Слова и рѣчи, 3 тома, изданныя въ 1843 г.: сюда вошли всѣ его слова и рѣчи, изданныя до 1843 г., подъ именемъ: Страстная Седмица, Свѣтлая Седмица, Первая Седмица, и проч.; 4) Слова и рѣчи къ паствѣ вологодской; 5) Молитва Св. Ефрема Сирина—бесѣды на Святую четыредесятницу, 6) О грѣхѣ и его послѣдствіяхъ — бесѣды на Св. четыредесятницу (1844), 7) Съ нами Богъ—бесѣды на Рождество Христово (1845); 8) Слова, бесѣды и рѣчи къ харьковской паствѣ, 3 тома (1847); 9) Переводъ науки христіанской (соч. блаженнаго Августина), 10) Паденіе Адамово—бесѣды на великій постъ, и проч. Кромѣ того, готовитъ онъ изданіе изслѣдованій о древнихъ символахъ Вѣры и трудовъ по части Исторіи Русской Церкви; участвовалъ, въ бытность ректоромъ кіевской духовной академіи, въ изданіи ея: «Воскресное Чтеніе»; подъ его же руководствомъ, студентами академіи составлено «Обозрѣніе богослужебныхъ книгъ Греко-Россійской Церкви».—Часть «Словъ и рѣчей» краснорѣчиваго архипастыря переведена на франц. яз. Стурдзой. (Справоч. Энцик. Слов.).

2) Сужденіе о характерѣ его словъ и рѣчей, см. на стр. 16 и дал., и Москвитянинъ, 1842, № 4, статья г. Шевырева.

3) Построеніе слова. Слово состоитъ изъ четырехъ частей: вступленія, предложенія, главной части (изложенія) и заключенія.

а) Приступъ. Паки Голгоѳа и крестъ! Паки гробъ и плащаница! Слѣдовательно есть еще фарисеи и книжники, есть еще Іуды, Пилаты и Ироды. Но есть ли вѣрные и мужественные Іоанны, благоразумные сотники, Іосифы и Никодимы, Соломіи и Магдалины? Господь взиралъ нѣкогда съ небесъ на сыновъ человѣческихъ, и не нашелъ ни единаго, кто бы разумѣвалъ или искалъ Бога. Теперь Господь смотритъ не съ неба, а со креста, смотритъ не на сыновъ человѣческихъ, а на сыновъ благодати: что же онъ зритъ между нами? лучше ли мы прежняго? онъ видитъ поклоненія, слышитъ величанія, но и на Голгоѳѣ онъ видѣлъ покиванія главою, и въ преторіи Пилата слышалъ: радуйся, царю іудейскій! Онъ видитъ слезы, слышитъ воздыханія, но и съ Голгоѳы многіе возвращалися біюще въ перси своя.

б) Переходъ къ предложенію и предложеніе. Не поклоненія и величанія, не вздохи и слезы потребны теперь Господу нашему: «у гроба сего долженъ быть судъ міру». — Но прежде чѣмъ начать этотъ судъ, проповѣдникъ употребляетъ красивую драматическую форму: Спаситель обращается къ человѣкамъ съ исчисленіемъ благодѣяній, имъ оказанныхъ, и съ требованіемъ суда (смотрите, что я сдѣлалъ для васъ!.... пріидите и истяжимся).

в) Изложеніе. Оно подраздѣляется на части, соотвѣтственно разнымъ классамъ людей. Такъ какъ нѣтъ надобности перебирать всѣ классы, то ораторъ зоветъ ко гробу и требуетъ отчета у служителей алтаря (часть первая), у властелиновъ судьбы ближнихъ (часть вторая), у наперсниковъ мудрости (часть третья), у всѣхъ хри-

стіанъ (часть четвертая). Каждая изъ первыхъ трехъ частей слагается изъ двухъ мыслей: судимый или исполнялъ свои обязанности, и тогда онъ имѣетъ право приблизиться ко гробу и лобызать язвы Господни; или не исполнилъ своихъ обязанностей, и тогда онъ долженъ удалиться отъ гроба.—Послѣднюю мысль изложенія (такъ, братія.... стрещи великую стражбу) можно назвать патетическимъ мѣстомъ слова: ораторъ находитъ присутствующихъ недостойными стоять на стражѣ у гроба Господня и призываетъ земныхъ небесныхъ ангеловъ явиться и смѣнить недостойныхъ. — Это мѣсто напоминаетъ, нѣкоторымъ образомъ, ораторскую выходку Массильона въ его словѣ: «О маломъ числѣ избранныхъ». Выписываемъ ее для сравненія:

«И такъ я васъ спрашиваю, и спрашиваю, пораженный ужасомъ, не отдѣляя моего жребія отъ вашего, и входя самъ въ тоже расположеніе, въ какомъ желалъ бы васъ видѣть: отвѣтствуйте. Если бы Іисусъ Христосъ явился здѣсь: въ семъ храмѣ, среди сего собранія, воистину величественнѣйшаго въ мірѣ,—да судитъ насъ, да содѣластъ страшное разлученіе козлищъ отъ овецъ; думаете ли вы, что большая часть станетъ одесную? думаете ли, что обѣ части будутъ, покрайней мѣрѣ, равныя? думаете-ли, что нашлось бы между нами хотя десять праведныхъ, которыхъ не могъ древле Господь обрѣсти въ цѣлыхъ пяти градахъ? Я васъ спрашиваю: вы не знаете.... и я самъ не знаю.... Ты единъ, о Боже! вѣси сущихъ Твоихъ. Но аще мы не вѣдаемъ, кто они таковы: по крайней мѣрѣ, знаемъ, что грѣшные не суть Твои. Кто же суть вѣрные, во св. храмъ сей пришедшіе?—Достоинства, чины, отличія отложимъ въ сторону; ибо мы безъ нихъ должны предстать предъ судилище Іисуса Христа.—Кто же они таковы? Много изъ нихъ грѣшныхъ, не желающихъ обратиться; болѣе хотящихъ, и откладывающихъ обращеніе; еще болѣе обращающихся, и паки множицею согрѣшающихъ; наконецъ великое число таковыхъ, которые не почитаютъ за нужное обратиться. Вотъ часть осужденныхъ. Исключите сіи четыре рода грѣшниковъ изъ сего благочестиваго собранія: ибо они отлучены будутъ въ день страшнаго суда. «Явитесь теперь, праведные, гдѣ вы? остатки Израиля, станите одесную! пшеница Іисуса Христа, отдѣлися отъ сихъ плевеловъ, назначенныхъ къ сожженію!.... О Боже! гдѣ убо Твои избранные? И что Тебѣ остается въ наслѣдіе»?

г) Заключеніе. Что же должны сотворить мы, осужденные у гроба Господня, недостойные по нашей нечистотѣ находиться при немъ? Сотворимъ то, что сдѣлалъ Петръ, отвергшійся Господа. Покаемся и дадимъ обѣтъ не отвергаться впредь Господа и Святаго закона Его.

Императрицѣ Екатеринѣ II, — на прибытіе Ея въ Мстиславль.

1) Георгій Конисскій, архіепископъ бѣлорусскій, род. 1717 г. въ Нѣжинѣ; въ 1728 г. поступилъ въ кіевскую академію, гдѣ провелъ пятнадцать лѣтъ, оказавъ превосходные успѣхи въ наукахъ; сверхъ латинскаго и польскаго языковъ, которые въ то время считались къ академическомъ кругу почти природными, онъ изучилъ языки греческій, еврейскій и нѣмецкій. Въ 1744 г. постриженъ въ монашество; въ 1745, опредѣленъ учителемъ поэзіи въ академіи; въ 1747, переведенъ на философскую каѳедру, съ исправленіемъ должности префекта академіи; въ 1751, начальство возложило на него должности ректора академіи и профессора богословія, которыя онъ исправлялъ пять лѣтъ, будучи притомъ съ 1752 г. архимандритомъ кіево-братскаго училищнаго монастыря. — Бѣлоруссія, бывшая тогда подъ владѣніемъ Польши, лишилась своего архипастыря. Преемникомъ ему единогласно былъ избранъ

Георгій. Не смотря на происки польскаго уніатскаго митрополита, замышлявшаго обратить Бѣлоруссію въ Унію, на сопротивленіе папы, Георгій былъ освященъ, 1755, въ могилевскіе епископы. Здѣсь ожидали его великіе труды, опасности, гоненія. Въ это время, всѣ, въ томъ краю исповѣдавшіе православную вѣру, находились въ самомъ жалкомъ положеніи. Духовенство римское и уніатское притѣсняло ихъ всячески. Георгій обратилъ первое свое вниманіе на устройство въ Могилевѣ семинаріи; завелъ при архіерейскомъ домѣ типографію, въ которой напечаталъ катихизисъ Ѳеофана Прокоповича и разослалъ его во всѣ православныя церкви своей епархіи. Въ 1762, онъ прибылъ въ Москву на коронацію Екатерины 2, и въ трогательной рѣчи изобразилъ всѣ бѣдствія паствы своей, моля государыню о защитѣ. По вступленіи на польскій престолъ Станислава Августа (Понятовскаго), Георгій отправился въ Варшаву, чтобы получить отъ новаго короля подтвердительную грамоту въ своемъ санѣ. Вручивъ королю рекомендательное письмо Екатерины, Георгій произнесъ на латинскомъ языкѣ рѣчь, въ которой трогательно изобразилъ гоненія, претерпѣваемыя православными въ областяхъ польскихъ и литовскихъ. По окончаніи рѣчи, король обнадежилъ его въ покровительствѣ законовъ и потомъ спросилъ: «много ли такихъ, какъ вы, умныхъ людей въ Россіи»?— «Я самый послѣдній», отвѣчалъ Георгій.—Не смотря на королевское обѣщаніе, гоненія не прекращались. Диссиденты (православные и протестанты) составили, 1767 г., конфедерацію въ Слуцкѣ, а паписты открыли противъ нихъ свою въ Барѣ. Для прекращенія этихъ смятеній созванъ былъ въ Варшавѣ чрезвычайный сеймъ, который назначилъ слѣдственную коммиссію, и положилъ возвратить диссидентамъ всѣ прежнія права ихъ; а въ 1768 г. учрежденъ былъ въ Варшавѣ обоюдный судъ для рѣшенія спора о чинахъ и имуществѣ не-уніатовъ. Георгій поступилъ въ члены этого суда, и благоразуміемъ, опытностію, точными свѣдѣніями въ дѣлахъ и безпристрастіемъ снискалъ себѣ общее уваженіе и довѣренность, такъ что и самые враги православія искали его дружбы и требовали его совѣтовъ. По присоединеніи Бѣлоруссіи къ Россіи, Конисскій, въ 1773 г., отправился въ Петербургъ для принесенія благодарности императрицѣ и произнесъ въ присутствіи ея, въ придворной церкви, рѣчь, исполненную чувствами благоговѣнія и благодарности. Въ 1780 г., онъ снова встрѣтился съ императрицею, при обозрѣніи ею новоприсоединеннаго края, куда прибылъ и Іосифъ 2-й. Въ 1783, Екатерина пожаловала его архіепископомъ и членомъ синода. Въ послѣдній разъ видѣлъ онъ государыню въ путешествіе ея въ Тавриду, при проѣздѣ чрезъ городъ Мстиславль: тогда-то произнесъ онъ извѣстную рѣчь, которая начинается словами: «Оставимъ астрономамъ доказывать». Умеръ 1795 г. въ Могилевѣ.

2) Сочиненія его:

а) Нѣсколько драмъ духовнаго содержанія, которыя онъ написалъ бывши учителемъ поэзіи въ кіевской академіи.

б) Права и вольности жителей, грекосточную въ Польшѣ и Литвѣ исповѣдающихъ вѣру, на польскомъ языкѣ (1767 г.).

в) Историческое извѣстіе о епархіи могилевской (напеч. въ Любопытномъ с.п.бургскомъ мѣсяцесловѣ 1775 г.).

г) О должности приходскихъ священниковъ (1776 г.), классическая духовная книга, сочиненная вмѣстѣ съ Пареніемъ Сопковскимъ, епископомъ смоленскимъ.

д) Поучительныя слова и рѣчи, изъ коихъ замѣчательны: а) рѣчь, на лат. яз. Станиславу Понятовскому, 1765 г., переведенная на польскій, французскій, нѣмецкій и русскій языки (рус-

ский переводъ напечатанъ въ Вѣстн. Европы, 1804 г.), б) рѣчь Императрицѣ Екатеринѣ 2, послѣ ея коронаціи (1762 г.), в) двѣ рѣчи Екатеринѣ 2, говоренныя при проѣздѣ ея чрезъ могилевскую губернію, особенно послѣдняя (Оставимъ астрономамъ доказывать).

е) Исторія Руссовъ, или Малой Россіи, напечатанная въ 1, 2, 3 и 4 № (1845) Чтеній Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ. (Отрывокъ изъ нея, съ разборомъ Пушкина, помѣщенъ былъ въ Современникѣ).

Сочиненія и рѣчи Георгія Конисскаго (кромѣ Исторіи Малой и Бѣлой Россіи) изданы протоіереемъ Іоанномъ Григоровичемъ (С.п.бургъ, 1835).

Примѣч. Рѣчи (привѣтственныя, поздравительныя, благодарственныя и проч.) отличаются отъ словъ и другихъ видовъ ораторскаго краснорѣчія по содержанію и выраженію. Содержаніемъ ихъ служитъ какое нибудь предшествовавшее обстоятельство, празднество, торжество, событіе, а потому рѣчи говорятся по случаю вѣнчанія на царство царей, одержанія побѣдъ надъ врагами, бракосочетанія и рожденія, посѣщенія знаменитыми особами какихъ-либо мѣстъ и заведеній, въ великіе праздники и дни, особенно важные для лица, которому говорится привѣтствіе, и проч. Свойства ихъ выраженія: краткость, оригинальность, сила.

Императору Александру I, на коронованіе его.

1) Платонъ (въ свѣтскомъ званіи Петръ Левшинъ), митрополитъ московскій, род. въ подмосковномъ селѣ Чашниковѣ, 1737 г., обучался въ московской славяно-греко-латинской академіи, гдѣ, до окончанія четырехлѣтняго курса богословія, назначенъ былъ учителемъ поэзіи и публичнымъ катихизаторомъ. Въ 1758 г., по приглашенію Гедеона Криновскаго, архим
дрита Сергіевой лавры и придворн
проповѣдника, переведенъ въ лав
скую семинарію, для преподаванія р
торики, и въ томъ же году постриж
въ монашество. Гедеонъ, славившій
своимъ витійствомъ, былъ руковод
телемъ Платона въ искуствѣ крас
ношенія. Послѣдній, именованный
1759 г. префектомъ и учителемъ ф
лософіи въ лаврской семинаріи, от
правился въ Петербургъ, по призы
своего благодѣтеля. Тамъ онъ бы
обласканъ двумя вельможами време
Елисаветы: графомъ А. Г. Разумов
скимъ и И. И. Шуваловымъ; послѣ
ній намѣревался отправить молод
го проповѣдника въ Парижъ, для ус
вершенствованія въ наукахъ, но Геде
онъ не соглашался на отъѣздъ его
чужіе края. Въ 1761 г. Платонъ опр
дѣленъ ректоромъ и учителемъ бог
словія. Въ слѣдующемъ году импер
трица Екатерина 2-я, послѣ свое
коронованія, посѣтила обитель с
Сергія: Платонъ говорилъ ей п
встрѣчѣ привѣтственную рѣчь, и в
томъ, въ ея присутствіи, производи
семинарскій богословскій диспутъ.
1763, онъ, сохраняя званіе ректор
возведенъ въ санъ намѣстника Лавр
Императрица, путешествуя въ Ростов
снова посѣтила лавру. Платонъ обр
тилъ на себя особое вниманіе госуд
рыни словомъ «о пользѣ благочестія
Государыня избрала Платона въ з
коноучители Наслѣднику престола
въ придворные проповѣдники. Того-ж
года (1763) онъ отправился въ Пете
бургъ, гдѣ, кромѣ многихъ поученій
привѣтственныхъ рѣчей, сочинилъ дл
великаго князя Павла Петровича: «Пр
вославное ученіе, или сокращенно
христіанскую Богословію», и «Разсуж
деніе о Мелхиседекѣ», въ отвѣтъ н
вопросъ о немъ великаго князя (по
чему Мелхиседекъ называется без
отца, безъ матери, безъ причта, без
рода?). Въ 1766 г. Платонъ назначен
архимандритомъ Троицкой лавры. Об

аясь къ кругу царедворцевъ и на-
ъ ученыхъ: Сумарокова, Елагина,
ъ-Визина, онъ, для распростране-
своихъ свѣдѣній о европейскомъ
свѣщеніи, любилъ бесѣдовать и съ
странцами, познакомившись, само-
ою, съ французскимъ языкомъ. Въ
7 г., онъ въ третій разъ привѣт-
валъ Императрицу въ Сергіевой
ели. По возвращеніи въ Петер-
ъ, пожалованъ (1768) членомъ
да, а въ 1770-мъ наименованъ ар-
ископомъ тверскимъ, съ сохране-
ъ званія архимандрита Троицкой
ы. Онъ жилъ въ Твери, въ два
зда: въ первый—шесть мѣсяцевъ,
второй—годъ, занимаясь устрой-
мъ духовной части, уничтоженіе
вкравшихся злоупотребленій, у-
ченіемъ средствъ къ содержанію
графіи. Въ 1773 г., онъ избранъ
аконоучители гессенъ-дармштат-
принцессы Вильгельмины, невѣ-
Наслѣдника престола. По совер-
и, въ этомъ году, брака Наслѣд-
, онъ отправился въ тверскую е-
ію, которою управлялъ недолго;
775 г., пожалованъ архіеписко-
московскимъ и калужскимъ, съ
оставленіемъ ему по прежнему зва-
рхимандрита Троицкой Лавры. Дѣ-
архіи, болѣе трехъ лѣтъ подвѣ-
твенной трехъ поперемѣнно спи-
амъ, находились въ совершенномъ
гройствѣ; духовенство, замѣнив-
поглощенное губительною язвою
1 г.), не имѣло ни просвѣщенія, ни
одѣтелей, свойственныхъ высоко-
занію. Платонъ назначилъ достой-
служителей алтаря; уничтожилъ
ствовавшія злоупотребленія; из-
инструкцію для благочинныхъ іе-
ъ и протоіереевъ, и занялся у-
іствомъ московской духовной ака-
: умножилъ въ ней предметы у-
; увеличилъ число преподавате-
воспитанниковъ; устроилъ для
йшихъ бурсу, въ которой они
ли пристанище, пищу и одежду;
ъ подробное наставленіе учите-
лямъ всѣхъ классовъ академіи; ввелъ
преподаваніе нѣмецкаго и французска-
го языковъ, историческихъ наукъ, а въ
послѣдствіи и нѣкоторыхъ частей ме-
дицины. Въ пособіе академіи, Платонъ
основалъ училища на Перервѣ, въ Зве-
нигородѣ и Дмитровѣ. Въ 1776 г., на-
ходясь въ Петербургѣ, обручилъ На-
слѣдника престола, тогда вдовствовав-
шаго, съ принцессою виртембергъ-
штутгартскою Софіею Доротеею (въ
послѣдствіи императрицею Маріею Ѳео-
доровною) и былъ ея законоучителемъ.
Занимался возобновленіемъ Троицкой
лавры и достройкою колокольни, по-
лучивъ отъ Императрицы на этотъ
предметъ 30,000 руб.; въ 1783 году
основалъ, близъ лавры, Виѳанскій мо-
настырь; 1787 года пожалованъ ми-
трополитомъ московскимъ. Съ 1792 г.,
Платонъ большею частію жилъ въ
Троицкой Лаврѣ и въ Виѳаніи, поруч-
ивъ правленіе своему викарію. Въ
1801 г. совершилъ коронованіе Импе-
ратора Александра, ознаменованное
одушевленнымъ его словомъ. Въ 1804
г. учинилъ поѣздку въ Кіевъ, описаніе
которой издано послѣ его смерти. Въ
1811 г. испросилъ себѣ, по умножив-
шимся болѣзнямъ, увольненіе отъ епар-
хіальныхъ дѣлъ, которыя, до выздоров-
ленія его, поручены были его вика-
рію, и жилъ въ Виѳанскомъ монасты-
рѣ. Въ 1812 г. пріѣзжалъ въ Москву,
предъ самымъ вступленіемъ въ нее
непріятелей; но того же года, вскорѣ
по выходѣ ихъ изъ столицы, скончал-
ся въ Виѳанскомъ монастырѣ, гдѣ и
погребенъ.

Платонъ былъ просвѣщеннѣйшій ар-
хипастырь своего времени. Императоръ
Іосифъ II, въ 1780 г. посѣтившій Мо-
скву, подъ именемъ графа Фалькен-
штейна, бесѣдовалъ съ Платономъ о
разныхъ предметахъ, и послѣ, на во-
просъ Екатерины: «что нашелъ досто-
примѣчательнаго въ Москвѣ?—отвѣ-
чалъ: Платона. Англійскіе богословы
обращались къ нему съ вопросами о
главныхъ догматахъ Восточной церк-

ви, о святомъ крещеніи, о почитаніи св. иконъ. Препроводивъ къ нимъ замѣчанія, Платонъ отправилъ въ Лондонъ свою книгу о христіанскомъ Богословіи, которая и была переведена на англійскій языкъ. Съ нимъ переписывались ученые Германіи, Италіи, Швейцаріи и Франціи, желавшіе имѣть понятіе о религіозномъ состояніи нашего государства. Въ обители Виѳанской, удалясь отъ мірскихъ суетъ, Платонъ не оставался забытымъ; его посѣщали не только сановники и ученые наши, но и чужестранцы, которыхъ влекло любопытство видѣть въ домашнемъ быту и услышать московскаго митрополита. Такъ у него былъ Кларкъ, профессоръ минералогіи кембриджскаго университета, и въ путешествіи своемъ описалъ келейную жизнь его. (Жизнь Платона, митр. москов. Соч. И. Снегирева, 2 ч. 1831).

2) Сочиненія его:

а) Поучительныя слова Платона, съ 1763 по 1807 годъ, составляющія 16 томовъ изъ 20 томовъ его сочиненій (1799 — 1806).

б) Православное ученіе или Сокращенная христіанская Богословія, сочиненная для употребленія в. к. Павла Петровича, изданная первый разъ въ 1765 г. и переведенная на многіе языки (въ 7 томѣ соч.).

в) Увѣщаніе раскольникамъ (1766 г., въ 6 т. сочиненій).

г) Инструкція благочиннымъ священникамъ (1775 и въ 6 т. соч.).

д) Сокращенный катихизисъ для обученія отроковъ (въ 6 т. соч.).

е) Сокращенный катихизисъ для священно-служителей (1775 г., въ 6 т. соч.).

ж) Катихизисъ, или первоначальное наставленіе въ христіанскомъ законѣ, преподанное публично въ московской академіи, съ 1757 по 1758 г., 2 тома (въ 8 и 9 том. его соч).

з) Краткая Церковная Россійская исторія, 2 тома (1805 и 1821), замѣчательная какъ первый опытъ въ этомъ родѣ на нашемъ языкѣ, равно по ест
роумнымъ и безпристрастнымъ суж
деніямъ о состояніи духовенства и
нашемъ отечествѣ, о Лжедимитріи,
проч., хотя и замѣтенъ въ ней недос
татокъ исторической критики.

и) Житіе Преподобнаго Сергія Ра
донежскаго Чудотворца (1784 г., и
10 т. соч.) и акаѳистъ ему (1795).

і) Путешествіе его въ 1804 г., и
Кіевъ (1813).

к) Краткое историческое описані
Троицкой Сергіевой Лавры (1790).

л) Въ 1766 г., вмѣстѣ съ Гаврі
ломъ, митрополитомъ новгородскимъ
издалъ 3 части «Поученій», на всѣ го
довые воскресные и праздничные дн
и между ними помѣстилъ многія из
своихъ прежде говоренныхъ, а нын
сочинилъ нарочно для сего изданія.—
Остаются въ рукописи: 1) его путеше
ствіе въ Переславль, Ростовъ, Костро
му и другіе города 1809 г. 2) Записк
о жизни его, изъ которыхъ отрывки на
печатаны въ Москвит. 1849 г. 3) Пе
реписка съ разными особами (въ 176
г. изданы были латинскія письма к
нему и одно его самого, подъ слѣд
заглавіемъ: Fasciculus litterarum
quas variae conditionis extranei, prae
cipue Russi eruditione et doctrina prae
clari viri dederunt ad eminentissimum
D. Platonem D. G. Archiepiscopum
Mosquensem).

Изъ сочиненій этихъ по сужденію
Евгенія (Болховитинова), бывшаго к
евскаго митрополита, лучшими почи
таются: «Краткая Богословія, Инст
рукція благочиннымъ, Увѣщаніе рас
кольникамъ, краткіе катихизисы, и мно
гія рѣчи и поученія».

Примѣч. Изъ всѣхъ сочиненій Пла
тона протоіерей Кандорскій сдѣлалъ
выборъ лучшихъ мѣстъ (2 части, 1804)
подъ заглавіемъ: «Духъ, или избран
ныя мысли изъ всѣхъ твореній прео
священнаго митрополита Платона.»

3) Сужденіе о немъ, какъ о духов
номъ ораторѣ. Проповѣди Платона н
которые ученые подраздѣляютъ на д

дѣла: однѣ (въ молодости, особенно и дворѣ говоренныя) отличаются ораторскимъ тономъ; другія (послѣдующія, за исключеніемъ немногихъ), къ которымъ относятся преимущественно поученія, отличаются простотой, назидательностію: въ нихъ онъ примѣнялся къ способностямъ и понятіямъ слушателей; ясность и сила, съ какими предлагалъ онъ общіе предметы христіанскаго нравоученія, доказываютъ, что онъ хорошо обдумывалъ ихъ основанія.—Объ отдѣлкѣ рѣчей онъ не заботился, какъ и самъ признается въ предисловіи къ первому тому сочиненій: «Признаюсь,» говоритъ онъ, «что о витійственномъ и испещренномъ слогѣ я никогда много не заботился. Таковый словами играющій и надменный слогъ можетъ быть для свѣтскихъ сочиненій когда-либо пристоенъ и нуженъ: но на священномъ мѣстѣ, гдѣ устами проповѣдника бесѣдуетъ вѣчная истина, почиталъ, я, что оный есть излишенъ. Проповѣдникъ долженъ бесѣдовать къ людямъ различнаго состоянія и понятія; а потому необходимость требуетъ, дабы духовная бесѣда была всякому удобопонятна, удаляя отъ себя, сколько возможно, то подозрѣніе, что будто проповѣдникъ болѣе ищетъ хвалы слушателей за свое краснорѣчивое слово, нежели ревнуетъ о насажденіи добродѣтели и страха Божія въ сердцахъ слушателевыхъ. По симъ причинамъ о витійственномъ и испещренномъ слогѣ я никогда много не заботился; а все мое вниманіе и стараніе обращалъ на то, чтобы въ словѣ моемъ ничего не было темнаго, невразумительнаго, или сомнительнаго, или обоюдный разумъ имѣющаго; чтобы притомъ все было поставлено въ своемъ мѣстѣ, сходственно съ порядкомъ естественнымъ; доказательства на всякое предложеніе были бъ приличныя, убѣдительныя, неоспоримыя, и ничего бы таковаго между ними не было, чтобы слушателю показалось сомнительнымъ, или бы онъ на что могъ возраженіе сдѣлать. Къ сему единственно простиралось всегда мое вниманіе, и притомъ я всегда себя увѣрялъ, что если слово съ таковымъ духомъ будетъ сочинено и произнесено, болѣе можетъ подѣйствовать въ сердцѣ слушателя и больше къ его пользѣ послужитъ, нежели то, которое надымается одною разновидныхъ выраженій пестротою и токмо производитъ одинъ громкій словъшумъ, ни силы, ни духа не имѣющій. Если же я и въ семъ не успѣлъ, не для того, чтобы не доставало моего къ тому намѣренія и тщанія, но не доставало силъ и возможности. Не всякъ всѣ дары стяжати можетъ.»

Евгеній (Слов. ист. о духов. писат.) дѣлаетъ по сему случаю такое замѣчаніе: «при столь частомъ проповѣданіи, какъ занимался онымъ сей пастырь (Платонъ), и при многократномъ разсужденіи объ однихъ и тѣхъ же предметахъ, нельзя всегда употреблять равнаго вниманія на изобрѣтеніе, расположеніе и украшеніе доводовъ, и трудно избѣжать повтореній сказаннаго уже прежде. Сему подвержены были всегда и другіе знаменитѣйшіе въ свѣтѣ проповѣдники, у коихъ не всѣ, и даже немногія поученія почитаются совершеннѣйшими образцами краснорѣчія.»

Во многомъ Платонъ подражалъ Гедеону и Ѳеофану Прокоповичу.—Лучшія его слова: «при гробѣ Петра I», «на коронованіе Александра I», «надгробное Вел. Кн. Наталіи Алексѣевнѣ».

Успѣхомъ своихъ словъ Платонъ обязанъ много искуству произношенія — тому, что называютъ краснорѣчіемъ тѣлеснымъ, то есть вещественному, тѣлесному выраженію мысли. Онъ имѣлъ ростъ выше средняго, громкій и мужественный голосъ, величественную осанку, смѣлую поступь. «Платонъ»—говоритъ Мерзляковъ — «пророчествовалъ намъ истину небесную и тлѣнность благъ земныхъ, чистую вѣру и добродѣтель гласомъ величествен-

нымъ, выспреннимъ. Освященная опытною мудростью, помазаніемъ Божіимъ, почтенными сѣдинами, любезною кротостію и христіанскимъ смиреніемъ сановитость возвышала силу его проповѣдованія.»—«Я желалъ бы,» пишетъ г. Лубяновскій (Путешествіе по Саксоніи, Австріи и Италіи), посѣтившій храмъ св. Петра въ Римѣ,—«чтобъ нашъ Платонъ, украшенный болѣе сѣдиною, нежели первосвященническимъ одѣяніемъ, пришелъ во храмъ поклониться среди богатства его блеска и великолѣпія всевѣдущему Богу, и чтобы въ глубокой тишинѣ, присутствіемъ его внушаемой, загремѣлъ его голосъ подъ сими сводами въ золотѣ, посреди всѣхъ спхъ гробницъ, воздвигнутыхъ пышностію, и чтобъ витійство его, смягчивъ сердце, возбудило въ нихъ молитву любви, чистѣйшую и пріятнѣйшую небу всѣхъ нашихъ благоуханій».—Иногда онъ поражалъ слушателей смѣлымъ и внезапнымъ оборотомъ рѣчи, неожиданнымъ ораторскимъ движеніемъ. Такъ въ словѣ, сказанномъ 1770 г. въ Петропавловскомъ соборѣ, по случаю побѣдъ надъ турецкимъ флотомъ, исчисливъ подвиги Петра I-го, Платонъ неожиданно сошелъ съ амвона къ гробницѣ Петра Великаго и, коснувшись ея, воскликнулъ: «Возстань теперь, великій монархъ, отечества нашего отецъ! возстань и воззри на любезное изобрѣтеніе твое; оно не истлѣло отъ времени, и слава его не помрачилася. Возстань и насладися плодами трудовъ твоихъ! флотъ, тобою устроенный, уже не на морѣ Черномъ, не на океанѣ Сѣверномъ. Но гдѣ? онъ на морѣ Средиземномъ, во странахъ восточныхъ, во Архипелагѣ, близъ стѣнъ константинопольскихъ — въ тѣхъ, т. е. мѣстахъ, куда ты нерѣдко око свое обращалъ и гордую намѣревалъ смирить Порту. О, какъ бы твое, Великій Петръ, сердце возрадовалось, если бы.... Но слышу! мы тебѣ, какъ живому, вѣщаемъ, слышишь: флотъ твой во Архипелагѣ, близъ береговъ азійскихъ, оттоманскій флотъ до конца истребилъ. Россійскіе высокопарные орлы, торжествуя, именемъ твоимъ весь востокъ наполняютъ и стремятся предстать предъ стѣны византійскія.»

4) Построеніе слова. Оно состоитъ изъ четырехъ отдѣловъ: приступа, предложенія, главной части и заключенія. «Въ приступѣ», который построенъ одинакимъ образомъ съ приступомъ Слова на погребеніе Петра, ораторъ исчисляетъ разныя чувства подданныхъ послѣ вѣнчанія ихъ Царя на царство. Слова: «таковымъ образомъ, многоразличныя обращая въ сердцахъ чувствія, усматриваемъ нѣчто, особаго вниманія и озабочиванія достойное», составляютъ «переходъ отъ приступа къ предложенію».

Предложеніе. Царствованіе для Царя есть подвигъ и бремя, а для подданныхъ спокойствіе и утѣшеніе (Вселюбезнѣйшій Государь! сей вѣнецъ.... но тебѣ бремя). Это мѣсто есть близкое подражаніе Ѳеофану Прокоповичу, который въ Словѣ въ день коронаціи императрицы Анны Іоанновны, сказанномъ 1731 г., говоритъ: «Твой престолъ тебѣ безпокойство, а намъ покой подаетъ; держава твоя тебѣ тяготу, а намъ облегченіе дѣлаетъ; скипетръ твой тебѣ труды, а намъ безпечаліе приноситъ; корона твоя больше уязвляетъ, нежели украшаетъ главу твою, безчисленными наполняя попеченія, но для чего? чтобъ главы подданныхъ твоихъ въ тишинѣ и веселіи пребывали».

Главная часть подраздѣляется на два отдѣла: въ первомъ изображаются трудности царствованія (Бремя по истинѣ и подвигъ.... се подвигъ твой....), во второмъ показываются средства побѣждать трудности (Дивно, глаголемъ... и вознесе рогъ Христа своего). Трудности царствованія суть: великое пространство имперіи, исполненіе обязанностей и добродѣтелей царскихъ (правосудія, попеченія о вдовахъ, си-

ротахъ, бѣдныхъ, любви ко всѣмъ подданнымъ, какъ къ своимъ чадамъ, благочестія), устраненіе себя отъ пороковъ, или духовъ злобы (ласкательства, пронырства, мздоимства, лицепріятія, праздности, суеты). Орудія для преодолѣнія трудностей суть: благодать Св. Духа, которая нисходитъ въ таинствѣ вѣнчанія на царство, осѣняетъ главу Царя; самое расположеніе души Царя, которая отражается въ прекрасномъ лицѣ его, какъ въ своемъ зеркалѣ; наконецъ вѣнчаніе и помазаніе супруги Царя, которая будетъ вѣрною ему помощницею въ ношеніи общественнаго бремени. Представляя себѣ труды Царевы, мы должны свои радости и восторги торжественные удержать въ предѣлахъ, но, видя Царя огражденнаго и укрѣпленнаго, мы радуемся, торжествуемъ и благодаримъ Господа.

Въ заключеніи ораторъ обращается прежде къ матери Вѣнчаннаго Царя, а потомъ ко всѣмъ Россіянамъ, приглашая ихъ радоваться, веселиться и благодарить Господа.

Примѣч. Эта рѣчь есть лучшее произведеніе Платона изъ его ораторскихъ сочиненій по краткости изложенія при полнотѣ содержанія, по соразмѣрности всѣхъ частей и естественнымъ переходамъ отъ одной части къ другой, и по изяществу отдѣлки.

ИСТОРИЧЕСКІЯ СОЧИНЕНІЯ.

Разореніе Кіева Батыемъ.

1) Карамзинъ (Николай Михайловичъ) род. оренбург. губ., бузулуцкаго уѣзда въ селѣ Михайловкѣ, 1-го декабря 1765 г., въ годъ кончины Ломоносова. (До 1846 г. полагали, что онъ родился въ симбир. губ.: эта ошибка происходила отъ того, что мѣсто рожденія исторіографа смѣшивали съ мѣстомъ рожденія его брата, Александра). Отецъ его, отставной капитанъ Михаилъ Егоровичъ, былъ простой сельскій дворянинъ. Карамзинъ сначала воспитывался въ деревнѣ, очень рано началъ читать, и первыми книгами его были романы. Нѣмецкому языку былъ выученъ, въ отрочествѣ своемъ, пятидесятилѣтнимъ врачемъ изъ нѣмцевъ, въ Симбирскѣ. Богатая, разнообразная волжская природа, вѣроятно, подѣйствовала очень рано на развитіе способностей даровитаго дитяти. Чувствительность развилась въ немъ также очень рано и осталась отличительнымъ его свойствомъ на всю жизнь. Многія черты его дѣтства и тогдашняго симбирскаго общества изображены имъ въ повѣсти: «Рыцарь нашего времени». Съ приближеніемъ юношескаго возраста, Карамзинъ отправленъ былъ въ Москву и отданъ въ учебное заведеніе Шадена, одного изъ лучшихъ профессоровъ московскаго университета, отъ котораго ходилъ также въ разные классы московскаго университета. У Шадена Карамзинъ оставался до вступленія въ настоящую службу, сколько именно лѣтъ неизвѣстно. По тогдашнему обыкновенію въ гвардейскихъ полкахъ, былъ записанъ въ преображенскій полкъ подпрапорщикомъ; въ Петербургъ пріѣхалъ въ 1782 году, гдѣ и началъ свое знакомство съ И. И. Дмитріевымъ, служившимъ тоже въ гвардіи. По примѣру Дмитріева, который помѣщалъ въ тогдашнихъ журналахъ свои переводы, Карамзинъ тоже принялся переводить. Первымъ опытомъ его былъ

«Разговоръ австрійской Маріи Терезіи съ нашей Императрицею Елисаветою въ Елисейскихъ поляхъ», перев. съ нѣмец. За этимъ слѣдовалъ (1783) переводъ Геснеровой идилліи: «Деревянная нога». По кончинѣ отца своего, Карамзинъ вышелъ въ отставку поручикомъ и уѣхалъ въ Симбирскъ (1784). «Тамъ я видѣлся — говоритъ Дмитріевъ — и пробылъ съ нимъ короткое время. Я нашелъ его уже играющимъ ролю надежнаго на себя свѣтскаго человѣка: рѣшительнымъ за вистовымъ столомъ, любезнымъ и занимательнымъ въ дамскомъ кругу, и политикомъ предъ отцами семейства, которые хотя и не привыкли слушать молодежь, но его слушали». Но эта свѣтская разсѣянная жизнь продолжалась меньше года: въ 1785 г., Иванъ Петровичъ Тургеневъ уговорилъ Карамзина ѣхать съ нимъ въ Москву и ввелъ его въ образованное общество Новикова. Здѣсь-то началось не только авторское, но и нравственное образованіе Карамзина, которому было только лѣтъ двадцать отъ роду. Онъ имѣлъ случай обращаться въ кругу людей просвѣщенныхъ, слушалъ лекціи профессоровъ и познакомился съ молодыми любителями отечественнаго слова, только окончившими учебный курсъ. Между ними почитался отличнѣйшимъ Александръ Андреевичъ Петровъ, описанный Карамзинымъ въ статьѣ: «Цвѣтокъ на гробъ моего Агатона». Вотъ какъ И. И. Дмитріевъ изображаетъ Карамзина въ это время: «Послѣ свиданія нашего въ Симбирскѣ, какую перемѣну я нашелъ въ миломъ моемъ пріятелѣ! Это былъ уже не тотъ юноша, который читалъ все безъ разбора и плѣнялся славою воина: но благочестивый ученикъ мудрости съ пламеннымъ рвеніемъ къ усовершенію въ себѣ человѣка. Тотъ же веселый нравъ, та же любезность, но между тѣмъ главная мысль, первыя желанія его стремились къ высокой цѣли». То общество, въ которое попалъ Карамзинъ по счастливому стеченію обстоятельствъ, имѣло благодѣтельное на него вліяніе. Новикову обязанъ онъ своимъ воспитаніемъ и приготовленіемъ къ дѣйствію на литературномъ поприщѣ. Не могши исполнить своего намѣренія учиться въ иностранномъ университетѣ, Карамзинъ желалъ по крайней мѣрѣ объѣхать Европу. Онъ продалъ братьямъ доставшуюся ему часть изъ отцовскаго наслѣдства, и часть полученныхъ денегъ употребилъ на путешествіе. Онъ посѣтилъ Германію, Швейцарію, Францію и Англію. Выѣхавъ изъ отечества 18-го мая 1789 года, возвратился осенью 1790 г. По возвращеніи изъ путешествія, жилъ въ Москвѣ, занимаясь литературою (*) Литературная дѣятельность, сосредоточенная дотолѣ въ Петербургѣ, вмѣстѣ съ Карамзинымъ перешла въ Москву. Этому переходу литературной жизни изъ одного мѣста въ другое способствовали два обстоятельства: во-первыхъ, благотворное вліяніе московскаго университета, который положилъ начало образованію чистаго, благороднаго вкуса; во-вторыхъ, усердная литературная дѣятельность Новикова. Первымъ дѣломъ Карамзина было основаніе журнала: онъ два года (1791 и 1792) издавалъ «Московскій журналъ», въ которомъ печаталъ Письма Русскаго Путешественника, Новыя повѣсти Мармонтеля и свои собственныя (Бѣдная Лиза, Наталья, боярская дочь, Прекрасная царевна и счастливый карла). Впечатлѣніе, произведенное его сочиненіями, было чрезвычайно: всѣ съ жадностью читали ихъ; дамы, не бравшія русскихъ книгъ въ руки, начали находить удовольствіе въ чтеніи; публика повторяла выраженія,

(*) До сего времени, кромѣ двухъ вышеупомянутыхъ переводовъ, напечаталъ онъ еще въ 1786 г., переводъ Галлеровой поэмы: «О происхожденіи зла», и участвовалъ, въ 1786, 1787 и 1788 годахъ, въ московскомъ періодическомъ изданіи: «Дѣтское чтеніе».

выученныя наизусть изъ Московскаго журнала. Державинъ, Дмитріевъ, Херасковъ, Подшивáловъ, Хемницеръ, Богдановичъ и другіе писатели помогали ему своими трудами. Статьи свои, помѣщенныя въ Московскомъ журналѣ, издалъ онъ потомъ (1794) въ особой книжкѣ, подъ заглавіемъ: «Мои бездѣлки». Въ 1794 и 1795 г., вмѣсто журнала, безпокоившаго его срочною работою, онъ издавалъ литературный сборникъ «Аглаю», котораго вышли двѣ книги, составленныя почти сполна изъ его сочиненій; здѣсь между прочимъ явились въ первый разъ: «Островъ Борнгольмъ и Илья Муромецъ». Въ 1797, 1798 и 1799 издавалъ другой сборникъ или стихотворный альманахъ: «Аониды», при дѣятельной помощи Державина и Дмитріева; въ 1798 г., «Пантеонъ иностранной словесности», составленный изъ сочиненій образцовыхъ писателей, древнихъ и новыхъ. Въ 1801 г., написалъ онъ историческое похвальное слово Екатеринѣ 2-й. Въ 1802 и 1803 г. издавалъ журналъ: «Вѣстникъ Европы». Этими литературными трудами оканчивается первая половина дѣятельности Карамзина, продолжавшаяся 15 лѣтъ.—Въ 1803 году Карамзинъ вздумалъ написать Исторію Россійскаго Государства. При содѣйствіи И. И. Дмитріева и, особенно, товарища министра просвѣщенія М. Н. Муравьева (*), Карамзинъ пожалованъ императорскимъ исторіографомъ. Ему позволенъ былъ входъ въ государственный архивъ и во всѣ духовные для обозрѣнія подлинныхъ грамотъ и прочихъ хартій, относящихся къ русскимъ древностямъ. Онъ отказался отъ общества и жилъ въ уединеніи, занимаясь своимъ трудомъ. Въ 1811 г. императоръ Александръ объявилъ И. И. Дмитріеву (бывшему тогда министромъ юстиціи) желаніе познакомиться съ исторіографомъ, котораго онъ зналъ только по сочиненіямъ, и поручилъ пригласить его къ великой княгинѣ Екатеринѣ Павловнѣ въ Тверь, куда намѣревался ѣхать. Тамъ Карамзинъ прочелъ императору нѣсколько отрывковъ изъ своей исторіи. Въ 1815 г. декабря 8, онъ кончилъ первые восемь томовъ исторіи и представилъ ихъ императору Александру. Государь принялъ ее съ благоволеніемъ, повелѣлъ напечатать и даровалъ автору разныя награды (чинъ статскаго совѣтника и орденъ св. Анны 1-й степени). Въ 1816 г., оставивъ Москву, Карамзинъ переѣхалъ на жительство въ Петербургъ. Лѣтомъ жилъ онъ всегда въ Царскомъ Селѣ и каждый день бесѣдовалъ съ императоромъ въ «зеленомъ кабинетѣ» (такъ называлъ Александръ большую аллею царскосельскаго сада) (*). Во время отлучекъ государя изъ Петербурга, онъ высылалъ ему свое сочиненіе въ тетрадяхъ. Такимъ образомъ написалъ онъ 9, 10, 11 и 12 томы Исторіи (12 изданъ послѣ его смерти другимъ его, графомъ Д. Н. Блудовымъ). Извѣстіе о смерти императора Александра (1825) поразило совершенно его здоровье, и безъ того разстроенное. Нынѣ царствующій Императоръ принялъ живѣйшее участіе въ поправленіи его здоровья, повелѣлъ изготовить фрегатъ для перевезенія его въ Марсель, и, къ довершенію отеческаго попеченія, явилъ ему милость, истинно царскую: 13-го мая 1826 г. Карамзинъ получилъ слѣдующій Высочайшій рескриптъ: «Николай Михайловичъ! Разстроенное здоровье ваше принуждаетъ васъ покинуть на время отечество и искать благопріятнѣйшаго для васъ климата. Почитаю за удовольствіе изъяснить вамъ Мое искреннее желаніе, чтобъ вы скоро къ намъ возвратились съ обновленными силами, и могли снова дѣйствовать для пользы и чести оте-

(*) См. письма Карамзина къ М. Н. Муравьёву, въ 3 т. его сочин.

(*) См. письма Карамзина къ Тургеневу, въ 3 т. соч.

чества, какъ дѣйствовали донынѣ. Въ тоже время, и за покойнаго Государя, знавшаго на опытѣ вашу благодарную, безкорыстную къ нему привязанность, и за Себя Самого и за Россію, изъявляю вамъ признательность, которую вы заслуживаете и своею жизнію, какъ гражданинъ, и свои трудами, какъ писатель. Императоръ Александръ сказалъ вамъ: Русскій народъ достоинъ знать свою исторію. Исторія, вами написанная, достойна Русскаго народа.— Исполняю то, что желалъ, чего не успѣлъ Братъ Мой. Въ приложенной бумагѣ найдете вы изъявленіе воли Моей, которая, будучи съ Моей стороны одною только справедливостью, есть для меня и священное завѣщаніе императора Александра. Желаю, чтобы путешествіе было вамъ полезнымъ, и чтобы оно возвратило вамъ силы, для довершенія главнаго дѣла вашей жизни. Пребываю вамъ всегда благосклонный. Николай». Въ приложенномъ указѣ повелѣно: производить Карамзину, по случаю его отъѣзда за границу для излеченія, по 50,000 руб. въ годъ съ тѣмъ, чтобы сія сумма, обращаемая ему въ пенсію, послѣ него была производима сполна его женѣ, а по смерти ея также сполна и дѣтямъ, сыновьямъ до вступленія всѣхъ ихъ въ службу, а дочерямъ до замужства послѣдней изъ нихъ. Собравъ послѣднія силы, Карамзинъ выразилъ глубокую признательность въ слѣдующихъ словахъ: «Всемилостивѣйшій Государь! Рескриптъ, которымъ Вы меня осчастливили третьяго дня, написанный столь прекрасно, съ такимъ благоволеніемъ — съ воспоминаніемъ въ немъ о незабвенномъ Александрѣ, съ хвалою смиренному историографу сверхъ его достоинства — омочилъ слезами блѣдное лице мое. Прочитавъ указъ къ министру финансовъ, я не вѣрилъ своимъ глазамъ: благодѣяніе чрезмѣрно; никогда скромныя мои желанія такъ далеко не простирались. Изумленіе скоро обратилось однакожъ въ умиленіе живѣйшей благодарности: если самъ уже не буду пользоваться плодами такой царской, безпримѣрной у насъ щедрости, то закрою глаза спокойно: судьба моего семейства рѣшена наисчастливѣйшимъ образомъ. Дай Богъ, чтобы фамилія Карамзиныхъ, осыпанная милостями двухъ Монарховъ, заслужила имя вѣрной и ревностной къ Царскому Дому. О! какъ желаю выздоровѣть, чтобы скорѣе возвратиться въ Петербургъ, чтобы посвятить послѣдніе дни мои Вамъ, безцѣнный Государь, и любезному отечеству. Вчера не могъ я писать. И нынѣ голова моя слаба. Видомъ, говорятъ, я поправляюсь, но слабость не выпускаетъ меня изъ полулюдей. Заключу тѣмъ: милости, благодѣянія Ваши ко мнѣ такъ чрезвычайны, что и здоровый не умѣлъ бы выразить вполнѣ моей признательности». — На краю гроба (пишетъ Жуковскій), Карамзинъ ни мало не подозрѣвалъ, чтобы смерть его была такъ близка: занимался настоящимъ; думалъ о будущемъ, о довершеніи великаго труда своего; дѣлалъ, съ какою-то младенческою ясностью души, планы для своей заграничной жизни. — Но вышло иначе: онъ не могъ совершить поѣздки за границу: умеръ 22-го мая 1826 г. и похороненъ на александроневскомъ кладбищѣ. Въ Симбирскѣ открытъ ему памятникъ 1845 г. (Словарь достопамятныхъ людей Русской земли, Бантышъ-Каменскаго; Похвальное слово Карамзину, Погодина).

2) Сочиненія Карамзина составляютъ: а) Исторія Государства Россійскаго, оканчивающаяся 1611 годомъ, 12 томовъ, б) Сочиненія, 3 тома, изданіе Смирдина, 1848 г. (въ Полномъ Собраніи сочиненій русскихъ авторовъ), в) Переводы, 9 томовъ. — Въ первомъ томѣ его сочиненій напечатаны: стихотворенія, статьи историческія (Историческое похвальное слово Императрицѣ Екатеринѣ 2, О московскомъ мятежѣ въ царствованіе

ѣя Михайловича, Историческія
мінанія и замѣчанія на пути къ
ѣ, Пантеонъ россійскихъ авто-
съ небольшими критическими объ
замѣчаніями) и одна критичес-
О Богдановичѣ и его сочиненіяхъ.
торомъ томѣ: Письма Русскаго
шественника. Въ третьемъ: по-
(Бѣдная Лиза, Наталья боярд-
дочь, Островъ Борнгольмъ, Мар-
садница, Юлія и проч.); разсуж-
: О счастливѣйшемъ времени
, О вѣрномъ способѣ имѣть въ
и довольно учителей, О новомъ
ованіи народнаго просвѣщенія въ
іи, О любви къ отечеству и на-
ой гордости, Разговоръ о счастіи,
него въ Россіи мало авторскихъ
товъ, Письмо сельскаго жителя,
ные виды, надежды и желанія
шняго времени, Рѣчь произнесен-
въ россійской академіи 1818 года;
ма: къ М. Н. Муравьеву, къ А. Д.
нову, къ брату, Вас. Мих. Ка-
ну, къ Батюшкову, Малиновско-
другія статьи. — Въ переводахъ
щены: Повѣсти Мармонтеля, г-жи
исъ, и пр. Сверхъ того, въ 1836
ѣлалась извѣстною его «Записка
вней и новой Россіи». (Часть ея
атана въ журналѣ «Современ-
» и въ «Ист. Гос. Рос.», изд. Эй-
нга).

Сужденія о литературной дѣятель-
. Заслуги Карамзина относятся
умъ предметамъ: Словесности и
ріи. Преобразованія его въ Сло-
сти касаются и внутренней сто-
ея (содержанія) и внѣшней (я-
).

Заслуги относительно языка.
еобразованіе, совершенное Ка-
нымъ, состоитъ въ тѣсномъ от-
ніи къ преобразованію, которое
шилъ Ломоносовъ: слѣд., говоря
вомъ, необходимо сказать нѣ-
ко словъ о второмъ. — Въ древ-
періодѣ нашей словесности, ли-
урнымъ языкомъ былъ языкъ цер-
-славянскій. Со временъ Петра,
нѣкоторые писатели старались вводить
языкъ русскій, нарѣчіе разговорное,
но ихъ опыты большею частію были
неудачны, потому что они не имѣли
яснаго понятія о границахъ, отдѣляю-
щихъ одинъ языкъ отъ другаго: отъ
этого выраженія церковно-славянскія
смѣшивались съ народными русскими.
Сверхъ того, вмѣстѣ съ новыми пред-
метами и понятіями, въ слѣдствіе ре-
формы Петра I, вошло къ намъ множе-
ство словъ иностранныхъ. Эти три эле-
мента: церковно-славянскій, разго-
ворный русскій и иностранный произ-
вели въ языкѣ хаотическое состояніе.
Вотъ, для примѣра, отрывокъ изъ со-
чиненія министра Шафирова: О войнѣ
Карла XII: «Всѣ письма большая часть
на нѣмецкомъ языкѣ «штилизованы», и
потомъ на иные языки въ Европѣ упо-
требляемые нарочно для внушенія
всѣмъ перевожены и «дивулгованы»,
дабы тѣмъ Его Царское Величество,
«яко» начинателя противъ короны
шведскія войны, предъ всѣмъ чест-
нымъ совѣтомъ, въ тотъ «концептъ»,
или мнѣніе «привесть», и проч. — Что-
же сдѣлалъ Ломоносовъ? Онъ показа-
лъ «формы и правила русскаго язы-
ка», то есть: «отдѣлилъ церковно-сла-
вянскій языкъ отъ русскаго въ отно-
шеніи грамматическомъ». Другими сло-
вами: «онъ первый составилъ грамма-
тику русскаго языка, тогда какъ до
него бывшія грамматики разсуждали о
языкѣ церковно-славянскомъ». — Отдѣ-
ливъ церковно-славянскій языкъ отъ
русскаго, Ломоносовъ не совершенно
оставилъ первый. Въ сочиненіи сво-
емъ: «О пользѣ книгъ церковныхъ»,
онъ разсуждаетъ такимъ образомъ: «Въ
русскомъ языкѣ три слога: высокій,
средній и низкій. Это различіе слога
происходитъ отъ трехъ родовъ словъ
русскаго языка. Къ первому роду от-
носятся собственно славянскія слова,
которыя не употребляются въ разго-
ворѣ, но которыя понятны всѣмъ гра-
мотнымъ людямъ; на прим.: отверзаю,
Господень, насажденный, взываю. Изъ

такихъ словъ образуется слогъ высокій. Ко второму роду относятся тѣ слова, которыя употребительны и въ русскомъ и въ славянскомъ языкѣ; на прим.: «Богъ, слава, нынѣ, рука». Изъ такихъ словъ образуется слогъ средній. Къ третьему роду относятся слова собственно русскія, которыхъ нѣтъ въ церковныхъ книгахъ, на прим.: «говорю, ручей, который, пока, лишь». Изъ такихъ словъ образуется слогъ низкій». Отсюда видно, что церковнославянскій языкъ входитъ въ русскій, какъ составная часть, образующая слогъ высокій. Слѣдов., отдѣливъ церковно-славянскій языкъ отъ русскаго въ отношеніи грамматическомъ, Ломоносовъ подчинилъ русскій церковнославянскому въ отношеніи стилистическомъ (въ отношеніи къ слогу). Давъ правила, Ломоносовъ подкрѣпилъ ихъ примѣрами. Въ сочиненіяхъ своихъ, онъ представилъ образцы новаго литературнаго языка, очищеннаго съ одной стороны отъ формъ славянскихъ, а съ другой отъ выраженій иностранныхъ. Но «построеніе рѣчи» въ прозаическихъ его сочиненіяхъ, особенно въ похвальныхъ словахъ, не русское, а чуждое, латинское, состоящее въ длинныхъ періодахъ. Это образованіе искуственнаго склада рѣчи, несвойственнаго нашему языку, объясняется образованіемъ Ломоносова: онъ въ Москвѣ и Кіевѣ изучалъ латинскій языкъ, и во время пребыванія въ Германіи ознакомился съ нѣмецкой конструкціей рѣчи, близкой къ конструкціи латинской. Для примѣра его искуственной рѣчи, приведемъ вступленіе изъ Похвальнаго слова Елисаветѣ: «Если бы въ сей пресвѣтлый праздникъ, слушатели! въ который подъ благословенною державою Всемилостивѣйшія Государыни нашея покоящіеся многочисленные народы торжествуютъ и веселятся о преславномъ ея на Всероссійскій Престолъ восшествіи, возможно было намъ, радостію восхищеннымъ, вознестись до высоты толикой, съ которой бы могли и зрѣть обширность пространна владычества, и слышать отъ вос щаго до заходящаго солнца б рывно простирающіяся восклиц воздухъ наполняющія именов Елисаветы: коль красное, коль колѣпное, коль радостное поз намъ бы открылось». Потребно много усилій, чтобы освободить классическаго вліянія. Хотя пре Ломоносова чувствовали, что плавной, благозвучной рѣчи ест то искуственно-мертвое, что слышится чуждый элементъ, но, ченные его примѣромъ, под только его круглымъ періодам осмѣливались выступать изъ за наго круга искуственной рѣч освобожденіе совершено Караз Подвигъ, заслужившій ему не названіе преобразователя языка женъ выразиться такъ: Ка «преобразовалъ строеніе рѣчи въ переводахъ, которые печатал Дѣтскомъ Чтеніи, онъ представи разецъ другаго выраженія; на «Я люблю утро: когда вдругъ в ля, покрытыя мракомъ, въ чистѣ свѣтѣ представляются глазамъ н когда дремавшая природа проб и снова придетъ въ движеніе, на что ни взглянешь, оживетъ и дуется». А вотъ другой примѣр путешествія по Швейцаріи, чре года послѣ приведеннаго от «представьте себѣ большую рѣку рая, преодолѣвая въ теченіи всѣ препоны, полагаемыя ей ог ми камнями, мчится съ ужасною стію, и наконецъ, достигнувъ сочайшей гранитной преграды находя себѣ пути подъ сею т стѣною, съ неописаннымъ шу ревомъ свергается внизъ, и въ ніи своемъ превращается въ кипящую пѣну».

Прим. 1. Говоря объ устройст Ломоносова, нельзя обойти вопр отношеніи церковно-славянска

къ русскому — вопроса, еще доѣ нерѣшеннаго окончательно. Фонъ-инъ, въ предисловіи своемъ къ переоду повѣсти Битобе: «Іосифъ», скаъ: «читая церковныя книги, ознакоился я съ славянскимъ языкомъ, безъ о россійскаго языка и знать невозжно». Этими словами онъ выразилъ -же мысль, какую выразилъ Ломоовъ теоретически въ разсужденіи оемъ: «О пользѣ церковныхъ книгъ», актически же въ томъ новомъ литеурномъ языкѣ, который онъ создалъ. . Вяземскій (въ сочиненіи своемъ: Фонъ-Визинъ») нападаетъ на Фонъзина за эту мысль. Выписываемъ его ѣніе сполна: «Фонъ-Визинъ почитается у насъ, послѣ Ломоносова, первымъ писателемъ, умѣвшимъ сочетать ыки славянскій и русскій. Новиковъ азалъ о семъ переводѣ (Іосифъ, Битобе), что переводчикъ держался въ мъ важности славянскаго и чистоты ссійскаго языка. Съ его словъ всѣ вторяли тоже. Во первыхъ, кажется, ужно бы обозначить, о какомъ сочеіи идетъ здѣсь дѣло, ибо нельзя же редѣлить, что въ русскомъ языкѣ ть важности, или въ славянскомъ чиоты, ему свойственной. Есть сочеіе однихъ словъ, и есть сочетаніе ѣръ, оборотовъ, свойствъ двухъ язывъ, или даже одного и того же язы, но измѣнявшагося въ постепенныхъ оихъ возрастахъ. Первое сочетаніе лезно и даже необходимо. Нѣтъ ни ного языка, родившагося во весь ѣсть и во всеоружіи, какъ Минерва ъ головы Юпитера. Каждый языкъ зростался отраслями, листьями, плоами при содѣйствіи времени, трудовъ прививокъ. Второе сочетаніе несбыно и нежелательно: оно не можетъ ть естественно и слѣдовательно не гдетъ изящно. Въ языкахъ не бываетъ углавыхъ созданій, или сростшихся нцевъ; и тѣмъ лучше: ибо такой ыкъ былъ бы уродъ. Перваго сочеія держались и держатся всѣ писаи наши, втораго не нахожу нигдѣ, ни у Ломоносова, ни у Кострова, ни у самаго Петрова, который всѣхъ откровеннѣе порабощался славянскому игу. Говорю нигдѣ; ибо не признаю за сочетаніе то, въ чемъ нѣтъ согласія. Можно найти во всѣхъ писателяхъ нашихъ насильственное и частное сопряженіе двухъ языковъ, но тогда вспомнишь стихи баснописца:

Диковинка ль всегда въ упряжкѣ
быть одной,
А розно жить душой.

Прозаическій языкъ Ломоносова — тѣло, оживленное то германскимъ, то латинскимъ духомъ, коему даны въ пособіе славянскія слова. Языкъ Фонъ-Визина при тѣхъ же пособіяхъ часто сбивается на галлицизмы. Ни въ томъ, ни въ другомъ нѣтъ чисто-русскаго, ни чисто-славянскаго, ни даже чисто славяно-русскаго языка, если чистота можетъ быть при подобной пестротѣ.— Одинъ изъ лучшихъ критиковъ нашихъ, Мерзляковъ, восхищался въ Ломоносовѣ очаровательнымъ соединеніемъ словъ славянскихъ съ россійскими. Признаюсь, не постигаю, какое можетъ быть тутъ очарованіе. Слова славянскія хороши, когда они нужны и необходимы, когда они замѣняютъ недостатокъ русскихъ: они даже тогда законны, ибо на нѣтъ и суда нѣтъ. Въ языкѣ стихотворномъ они хороши, какъ синонимы, какъ пособія, допускаемыя поэтическою вольностію и служащія иногда благозвучію стиха, рѣмѣ, или стопосложенію. Вотъ и все. Но между тѣмъ нельзя не жалѣть о томъ, что какая-то почетная именитость, данная славянскимъ словамъ предъ русскими, вытѣснила многія изъ нихъ изъ языка стихотворнаго, такъ какъ будто низкія. Теперь въ стихахъ почти не рѣшишься сказать: «лобъ, ротъ, губы», хотя въ разговорѣ, и самомъ правильномъ, не скажешь о знакомой красавицѣ: «всего правильнѣе въ ней чело и уста». Вотъ до чего довело насъ очаровательное соединеніе словъ славянскихъ съ россійскими! Языкъ славянскій имѣлъ

у насъ двухъ ходатаевъ за себя — Ломоносова и Карамзина. Поэтическое чувство и музыкальное ухо перваго не могли сносить терпѣливо нестройность языка, который господствовалъ между современниками его. Смѣсь малорюссійскихъ, польскихъ и нѣмецкихъ словъ дико звучала въ тогдашнемъ книжномъ нарѣчіи. Поэтъ и ораторъ, Ломоносовъ долженъ былъ предпочесть ему на первый случай языкъ священныхъ книгъ нашихъ и началъ проповѣдывать ученіе его, которое впрочемъ полезно и необходимо; но притомъ не должно однако-же слѣпо и исключительно держаться словъ его. Повторять за нимъ безусловно то, что говорилъ онъ о пользѣ славянскихъ книгъ, тоже, что ограничиться чтеніемъ псалтыри и ариѳметики Магницкаго потому, что онъ называлъ ихъ вратами учености своей. Но всегда оставаться въ воротахъ—значитъ никогда не войти. Карамзинъ другими, почти противоположными средствами, пробудилъ старинную тяжбу: онъ понялъ, что для размноженія читателей должно образовать языкъ общежитія, не допуская существованія языка книжнаго отдѣльно отъ перваго, доступнаго только малому числу посвященныхъ въ таинства его; онъ уразумѣлъ, что писатели народа образованнаго не должны походить на жрецовъ древняго Египта: имъ, можетъ статься, была выгода быть загадками для народа, но писателямъ нѣтъ выгоды морочить читателей, имѣющихъ полное право понимать то, что для нихъ пишется. Во всѣхъ явленіяхъ физическаго и нравственнаго міра есть дѣйствіе и противодѣйствіе. Ломоносовъ наткнулся на Тредьяковскаго, который противоборствовалъ, сколько силы было, нововведеніямъ его. Карамзинъ породилъ въ противоборникахъ своихъ опасность за цѣлость и святость природнаго языка, угрожаемаго вторженіемъ *въ него* нововведеній и прихотей об*щежитія. Сія ошибка* мнѣній образуетъ

замѣчательный періодъ въ исто
шей литературы. Появленіе «
Государства Россійскаго» про
ло распрю. Оно разсѣяло нео
тельный страхъ и объяснило нас
положеніе дѣла. Самые противни
рамзина — говоримъ объ одних
росовѣстныхъ—убѣдились, что
ный талантъ знаетъ, какимъ я
можно писать «Бѣдную Лизу» и
должно писать исторію». — Г.
ревъ (Москвитянинъ 1848, №
соглашается съ мнѣніемъ ки.
скаго. Онъ говоритъ: «Напад
историческій фактъ, который п
гаютъ Ломоносовъ и Фонъ-Визи
сательно понятій своихъ объ о
ніи славянскаго языка къ рус
значитъ напрасно желать, чтобы
дѣлалось прошедшее по нашем
зрѣнію. Изъ разсмотрѣнія вре
дѣйствій Ломоносова и Фонъ-
выводится ихъ оправданіе. Въ
мое время, когда славянскій и
языки готовы были стать во вр
ное отношеніе другъ къ другу
скій языкъ подвергался всевозм
вліяніямъ со стороны языковъ
ранныхъ, — только геніальный
носовъ своимъ великимъ нар
смысломъ могъ постигнуть нео
мость соединенія тѣхъ стихій, к
готовы были разсориться, и пот
одно съ Мерзляковымъ нельзя н
хищаться геніальнымъ мастер
его въ сліяніи языковъ славянс
русскаго. «Соблещетъ молнія ме
могъ бы сказать Ломоносовъ бе
собія славянскаго языка. — «
смиритель стѣнъ казанскихъ»
сказалъ бы онъ безъ пособія р
го.—Русскій языкъ основательн
нельзя безъ славянскаго, котор
ѳографія, корнесловъ и словарь
поръ имѣютъ неразрывную св
русскимъ языкомъ. Великія сокр
какія далъ намъ славянскій язы
выраженія высшихъ умственн
нравственныхъ понятій, конечн
ставятъ насъ забыть отъ

ующихъ невыгодахъ, которыя
дитъ авторъ, что будто бы поэтъ
шится сказать въ стихахъ: «лобъ,
губы»; а что есть сверхъ того
возможность сказать «чело» и
», такъ тѣмъ лучше для самого
. Чѣмъ болѣе языкъ въ истори-
мъ своемъ развитіи собралъ
ствъ для выраженія мыслей, тѣмъ
ѣе для всѣхъ тѣхъ, которые
ъ дѣло съ языкомъ народа. —
ie г. Шевырева раздѣляетъ г.
имовичъ (Начатки Русской Фило-
). Вотъ слова его: «Церковный
ь, какъ соплеменный русскому,
могъ присвоиться Руси. Она
ала его при богослуженіи; моли-
на немъ повседневно. И онъ ото-
я въ ея нарѣчіяхъ, особенно въ
о-русскомъ. Въ продолженіе вѣ-
древняя народная рѣчь москов-
Руси и языкъ церковный сродни-
между собою и сочетались не-
ю въ одинъ живой, цѣльный со-
, какой представляетъ собою ны-
й русскій языкъ. Въ немъ къ
нимъ, своенароднымъ словамъ
ротамъ, вполнѣ привились не
о многія слова, но и нѣкоторыя
и обороты церковнославянскіе,
ыхъ прежде не было у Руси.
я своенародныя формы словъ или
ѣчены изъ него, какъ обветшалыя,
ie успѣли еще войти въ него.
слова утвердились въ немъ и
тарой», народной формѣ, и по «но-
церковной, съ разными ограниче-
. Языкъ русскій не утратилъ отъ
своенароднаго свойства и склада;
снова его звуковъ, словъ и обо-
ъ осталась своя прежняя. Но онъ,
вши въ себя такъ много изъ язы-
рковнаго, пріобрѣлъ то «двойст-
е» богатство, при которомъ онъ
остояніи уже отвѣчать вѣрными
осками русской душѣ, для вы-
ія ея мыслей и чувствъ, и для
аженія внѣшняго міра, въ разно-
нѣйшихъ оттѣнкахъ». — Повто-
то вопросъ *объ отношеніи* цер-
ковно-славянскаго языка къ русскому
не рѣшенъ окончательно и что рѣше-
ніе принадлежитъ времени, не льзя не
замѣтить однакожъ слѣдующаго ли-
тературнаго факта: чѣмъ ближе писа-
тели къ нашему времени, тѣмъ они
меньше употребляютъ славянскихъ
словъ. Если ограничимся одними поэ-
тами, то увидимъ, что у Державина
меньше славянскихъ словъ, нежели у
Ломоносова, у Жуковскаго меньше,
нежели у Державина, у Пушкина мень-
ше, нежели у Жуковскаго. Тоже самое
можемъ сказать объ одномъ и томъ же
поэтѣ, въ послѣдовательныя времена
его дѣятельности: пусть для примѣра
сравнятъ переводъ Одиссеи Жуков-
скаго, съ его же переводомъ второй
пѣсни Энеиды. Это усугубленіе чи-
сто-русской стихіи всего разительнѣе
въ духовномъ краснорѣчіи, гдѣ упо-
требленіе славянскихъ словъ при-
знается наиболѣе законнымъ. Однимъ
словомъ: постепенное увеличеніе въ
нашей рѣчи русскаго элемента есть
видимый фактъ.

Примѣч. 2. Когда мы называемъ Ка-
рамзина преобразователемъ строенія
рѣчи, то отсюда не слѣдуетъ, чтобы
это преобразованіе не было подгото-
вляемо предшественниками Карамзи-
на. Слѣдуетъ только, что онъ первый
вполнѣ созналъ и выразилъ то стре-
мленіе, которое до него являлось ча-
стно. Сознаніе и полнота дѣйствія:
вотъ что даетъ право на имя нововво-
дителя или преобразователя. Въ ко-
медіяхъ Фонъ-Визина — языкъ разго-
ворный; въ сочиненіяхъ и переводахъ
Подшивалова (род. 1765, ум. 1813),
начавшаго писать прежде Карамзина,
видна пріятная простота слога, почему
справедливо называютъ перваго пред-
шественникомъ послѣдняго; въ жур-
налѣ: «Почта духовъ» (1789), сати-
рическія статьи Крылова отличаются
легкимъ, разговорнымъ строеніемъ рѣ-
чи. — Карамзинъ слѣдующимъ обра-
зомъ характеризуетъ совершенное имъ
преобразованіе слога: «раздѣляя слогъ

нашъ на эпохи, первую должно начать съ Кантемира, вторую съ Ломоносова, третью съ переводовъ славяно-русскихъ Елагина, а четвертую съ нашего времени, въ которое образуется «пріятность слога».

Въ преобразованіи строенія рѣчи, Карамзинъ руководствовался тремя началами: а) сближеніемъ языка литературнаго съ языкомъ разговорнымъ, б) сближеніемъ отечественнаго языка съ тѣми европейскими языками, которые въ конструкціи своей рѣчи слѣдуютъ простому и естественному порядку, в) сближеніемъ современнаго русскаго языка съ старинною русскою рѣчью (Москвитянинъ, 1842, № 3, статья г. Шевырева).

А) Сближеніе языка литературнаго съ языкомъ разговорнымъ общества. Карамзинъ, первый, поставилъ правиломъ русскаго слога: «писать какъ говорятъ», но прибавилъ къ тому оговорку, необходимую въ огражденіе языка литературнаго отъ всякой порчи: «и говорить какъ пишутъ». (Это мнѣніе Карамзина выражено было однимъ изъ учениковъ его и сотрудниковъ, Макаровымъ, въ его разборѣ «Разсужденія о старомъ и новомъ слогѣ»). Взаимное сближеніе языка литературнаго съ разговорнымъ основано на взаимныхъ правахъ того и другаго: на сторонѣ разговорнаго языка начало жизни, начало движенія; на сторонѣ языка литературнаго начало вкуса, начало искуства, образуемаго чувствомъ красоты и разумною мыслію. Языкъ литературный почерпаетъ жизнь и матеріалъ изъ языка разговорнаго, но самъ въ свою очередь сообщаетъ вкусъ, красоту и мысль сему послѣднему.

Б) Сближеніе нашего языка съ тѣми европейскими языками, которые въ конструкціи своей рѣчи слѣдуютъ самому простому и естественному порядку. Карамзинъ принялъ отъ Ломоносова русскую рѣчь въ формѣ длиннаго періода, построеннаго по латинской формѣ. Эта форма была гораздо ближе къ формѣ нѣмецкой, нежели къ формамъ д европейскихъ языковъ. Карамзи далъ, что нашему языку гораздо ственнѣе строеніе рѣчи францу англійское, и у него русская р шла легкою, ясною. Длинные п исчезли, замѣнившись предлож соразмѣрными, округленными. рядкѣ словъ, Карамзинъ слѣдов естественнымъ развитіемъ мы такое развитіе требуетъ, чтоб голъ (какъ сказуемое) стоялъ имени (какъ подлежащаго), и крайней мѣрѣ, находился от недалеко, а не относился бы к рѣчи, какъ въ языкахъ латинс нѣмецкомъ. Русскій умъ люби ность: постановка же глагола цѣ періода или предложенія зат етъ пониманіе смысла рѣчи.

Знакомый съ народными пѣс сказками, съ размѣромъ народн Карамзинъ, и безъ помощи ино вліянія, постигъ тотъ складъ рѣчи, которымъ онъ замѣнилъ совское искуственное теченіе (numerus oratorius). Говоря подражаніе новымъ языкамъ запа французскому и англійскому, въ русской рѣчи, было слѣдствіемъ каго знакомства съ ея истинны ствами. Этимъ знакомствомъ объ ся особенная любовь Карамз дактилическому окончанію ф предложеній—окончанію, столь новенному въ народныхъ пѣс сказкахъ, имѣющихъ свои осо условія выраженія. Карамзинъ несъ его и въ прозу, гдѣ часто ребленіе одной и той же пѣс сказочной формы производитъ нію. Отсюда прилагательныя ин поставляемыя имъ на концѣ венно съ тою цѣлію, чтобъ рѣ кончить любимымъ дактилемъ. вахъ: «Исторія Государства скаго», (вмѣсто Исторія Росс Государства), слово «Россійск ставлено на концѣ изъ видовъ звучія. Иногда, для дактилей,

намѣренно измѣнялъ порядокъ
къ, при переложеніи древнихъ ли-
атурныхъ памятниковъ (на прим.
Словѣ о полку Игоревѣ: «носятся въ
ѣ какъ волки сѣрые; ищутъ чести
имъ себѣ).» Одно мѣсто изъ «Ма-
ва побоища» онъ передалъ столь
уственною мѣрною прозою, что пе-
ложеніе можно прочесть стихами,
чала хорейскими, потомъ дак-
ическими:

Воеводы наши крѣпки,
Витязи русскіе сла́вны,
Кони ихъ бо́рзы,
Доспѣхи тверды,
Щиты черве́леныя,
Копья злаче́ныя,
Сабли була́тныя,
Курды ля́цкія,
Колчаны фря́жскіе, и проч.

ке искусственность переложенія отзы-
тся въ разсказѣ отрывка изъ Псков-
й лѣтописи (о взятіи Пскова). Цѣлая
зка его: «Илья Муромецъ», напи-
а хореями съ дактилическими окон-
ніями. Вотъ еще примѣры изъ Мареы
адницы: «Но знаки усердія нашего
ечно обманули князя «москòвскаго»:
хотѣли изъявить ему пріятную на-
ду, что рука его свергнетъ съ Рос-
ого «татáрское». (О преподаваніи
честв. яз., Ѳ. Буслаева).

Противодѣйствіе Шишкова. Карам-
нъ, преобразуя строеніе рѣчи, не
ъ вначалѣ избѣжать нѣкоторыхъ не-
атковъ. Такъ въ первыхъ его со-
неніяхъ встрѣчаются иностранныя
ва и обороты, преимущественно
лицизмы. Потомъ блистательный
ѣхъ Карамзина произвелъ много
ражателей, изъ которыхъ одни
ли очень талантливые литераторы
итріевъ, Макаровъ, Дашковъ, Блу-
ъ, и проч.), составившіе съ нимъ
у сильную литературную партію,
ругіе слѣдовали только слабой сто-
ѣ его и своимъ безвкусіемъ довели
ое направленіе до крайности: упо-
бляли, безъ малѣйшей нужды, фран-
скіе слова и обороты, отъ чего
русскій языкъ наполнялся чуждыми
выраженіями. Тогда ломоносовская
школа рѣшилась противодѣйствовать
новому строенію рѣчи. Представите-
лемъ этой школы былъ Шишковъ. Онъ
написалъ книгу: «О старомъ и новомъ
слогѣ россійскаго языка», въ которой
напалъ на слѣпое подражаніе иност-
ранцамъ, доказывалъ, что русская
рѣчь должна заимствовать свою силу
и красоту изъ церковно-славянскаго,
а не изъ французскаго языка. Книга
его доставила ему много привержен-
цевъ, изъ которыхъ одни дѣйствитель-
но видѣли порчу отечественнаго слова
въ модномъ пустословіи бездарныхъ
послѣдователей Карамзина, а другіе
просто радовались возвращенію къ
старому слогу. Карамзинъ укло-
нился отъ состязанія съ Шишковымъ:
онъ отвѣчалъ не критическими замѣ-
чаніями, а новыми сочиненіями, въ ко-
торыхъ языкъ его болѣе и болѣе со-
вершенствовался. Пользуясь справед-
ливыми замѣчаніями своихъ противни-
ковъ, онъ исправлялъ въ прежнихъ со-
чиненіяхъ своихъ указанныя ошибки.
Но послѣдователи Карамзина воору-
жились противъ Шишкова, и тогда-то
завязалась полемика между двумя пар-
тіями—партіей новаго литературнаго
направленія и партіей стараго направ-
ленія литературы. Эта полемика,
имѣвшая, со стороны послѣдователей
Карамзина, поприщемъ своимъ жур-
налы: Московскій Меркурій, Цвѣтникъ
и Санктпетербургскій Вѣстникъ, кон-
чилась побѣдой новаго направленія:
ибо на сторонѣ его были справедли-
вость, таланты и публика.

Въ противодѣйствіи Шишкова на-
добно различать двѣ стороны: справе-
дливую и ошибочную. Справедливая
мысль состояла въ томъ, что русскій
писатель долженъ обращаться къ древ-
ней литературѣ нашей, къ языку Библіи,
лѣтописей и другихъ памятниковъ сло-
весности. Ошибки же Шишкова были
слѣдующія: 1) въ реформѣ, произве-
денной Карамзинымъ, онъ видѣлъ толь-

ко слабую ея сторону и не замѣчалъ стороны истинной, весьма важной: первая заключалась въ употребленіи иностранныхъ словъ и оборотовъ; вторая въ томъ, что строеніе рѣчи Карамзина есть строеніе русское, свойственное нашему языку. Поборники стараго слога не видѣли, что защищаютъ слогъ вовсе не русскій, а латинскій или нѣмецкій. 2) Ломоносовъ, исключивъ изъ употребленія устарѣлыя и непонятныя славянскія выраженія, опредѣленно указалъ, какіе славянизмы терпимы въ языкѣ нашемъ. Шишковъ, прибѣгая, подобно Ломоносову, къ церковно-славянскому языку, впадаетъ въ крайность. Для него всякое славянское слово хорошо, потому только, что оно славянское; въ разсужденіи своемъ «О старомъ и новомъ слогѣ», въ противоположность иностраннымъ реченіямъ, предлагаетъ онъ славянскія реченія: вертъ, гобзованіе, непщевать, и др. 3) Ломоносовъ ясно отдѣлилъ языкъ русскій отъ церковно-славянскаго; Шишковъ не различаетъ ихъ. Въ критикѣ на Дашкова онъ говоритъ: «какъ! нашъ русскій языкъ самъ по себѣ? Да что такое нашъ русскій языкъ самъ по себѣ? гдѣ онъ? возьмемъ какую нибудь нынѣшнюю книгу, найдемъ ли мы въ ней хоть два такихъ слова (выключая иностранныя), о которыхъ бы могли мы сказать: «вотъ это славянское, а это русское». 4) Шишковъ восхищался плохими стихами Сумарокова, находилъ особую осмотрительность и ясность въ стихѣ Ломоносова: «Въ дождѣ чать (вмѣсто: чай) повредился», на томъ основаніи, «что отъ постановки слова «чай» вышло бы двусмысліе глагола «чай» съ именемъ «чай,» т. е. китайской травы, которую мы по утрамъ пьемъ». Шишковъ осуждалъ многія новыя слова, принятыя публикою и оставшіяся въ нашемъ языкѣ. Такъ онъ нападалъ на слова: «трогательный, занимательный, милый, будущность, вліяніе на разумъ, переворотъ, развитіе, утонченный, сосредоточить». По его мнѣнію, вмѣсто «трогательная сцена» надобно рить — жалкое зрѣлище, вмѣст реворотъ»—перемѣна правленія сто «сосредоточить» — сблизи срединѣ, вм. «вліяніе на разу вліяніе въ разумъ, или наитіе зумъ, вм. «развитіе понятій — беніе понятій, вм. «аллея»—онѣ не прельстишися въ онѣнахъ ея лестницы). Притчи Солом. 7, проч. Равнымъ образомъ не нра ему введеніе иностранныхъ эстетическій, эпоха, гармонія, энтузіазмъ, и т. п.

Споръ двухъ партій принесъ, кожъ, несомнѣнную пользу. Он ставилъ ихъ пристальнѣе поду своемъ дѣлѣ и сблизилъ нечу тельно оба направленія. Кар воспользовался мыслію своею п ника, къ которой, безъ сомнѣнія шелъ бы и самъ собою. Къ двум вымъ началамъ въ преобраз строенія нашей рѣчи, онъ при нилъ третій:

В) Сближеніе современнаго яз старинной русской рѣчью. Зан Исторіею, Карамзинъ перечел памятники славяно-русской пи ности и украсилъ множествомъ ринныхъ словъ и оборотовъ ру рѣчь, имъ созданную, въ Истор сударства Россійскаго. Вотъ нѣ ко примѣровъ: Въ угодность и затворимъ дорогъ» въ свою Желаетъ всегда «блюсти ихъ своею рукою». Я кину свое царство «и побѣгу, куда несутъ «Избывая мірскія суеты и доку не хотѣлъ слушать ихъ и пос къ Борису. Не менѣе плѣняла и кротостію, «благорѣчіемъ». Алекс палъ, ибо «не прямилъ Россіи» крыть милосердіемъ» вину забл нія. Дѣти боярскія стоятъ ны всею землею» противъ измѣнни враговъ (Въ 1-й части соч. г. Б ва: О преподаваніи отечеств языка, выбраны изъ всѣхъ 12 т Г. Р. примѣры старинныхъ сл

оротовъ, вставленныхъ Карамзинымъ современную рѣчь).

Первое сочиненіе, въ которомъ явилась новая русская рѣчь, были «Письма Русскаго Потешественника». За ними слѣдовали разныя статьи въ журналахъ (повѣсти, историческіе разсказы, разсужденія, и пр.), въ которыхъ рѣчь Карамзина болѣе и болѣе совершенствовалась. Наконецъ образованіе высшаго его слога находится въ «Исторіи Государства Россійскаго», особенно въ послѣднихъ ея томахъ. Не должно, однакоже, думать, что языкъ его есть послѣдній предѣлъ совершенства. Языкъ литературный развивается какъ сама литература, какъ рѣчь народная. Самъ Карамзинъ говоритъ о безпрестанномъ движеніи слога къ совершенству—движеніи, которое не прекращается только въ языкѣ мертвомъ. Писатели, слѣдовавшіе за Карамзинымъ, особенно Жуковскій и Пушкинъ, способствовали сему развитію: Жуковскій внесъ въ свою прозу поэтическіе элементы, проза Пушкина отличается изящною простотою.

Примѣч. Къ тремъ началамъ, положеннымъ въ основаніе реформы Карамзина, присоединилось въ послѣдствіи четвертое: сближеніе литературнаго языка съ языкомъ народнымъ. Это сближеніе яснѣе выказалось со временъ Пушкина, хотя и до него были къ тому дѣланы попытки. Еще Ломоносовъ, въ своей Грамматикѣ, обратилъ вниманіе на народныя реченія. Тредьяковскій тоже занимался изслѣдованіемъ народнаго языка и повѣрій; онъ основываетъ свою теорію русскаго стихосложенія на народныхъ пѣсняхъ, но упоминаетъ о нихъ съ какимъ-то пренебреженіемъ, называя ихъ подлыми (т. е. низкими). Державинъ очень много бралъ изъ народной рѣчи въ свои стихотворенія; напр. въ Одѣ на счастіе:

Ни въ сказкахъ складно разсказать,
Ни написать перомъ красиво....
И громъ за тридевять земель
Несетъ на лунно государство....
Безъ латъ я горе-богатырь....
Слети ко мнѣ, мое драгое,
Серебряное, золотое....

Изъ Царь-Дѣвицы:

Царь жила была Дѣвица....
Если больно разсерчала....
Камень съ гору самоцвѣтъ....
Вотъ и всталъ дымъ коромысломъ.

Крыловъ, Грибоѣдовъ и особенно Пушкинъ поставили народный языкъ въ число необходимыхъ элементовъ письменной рѣчи: Крыловъ своими баснями, Грибоѣдовъ — комедіею, Пушкинъ разными родами поэтическихъ и прозаическихъ сочиненій. Вотъ слова Пушкина: «Разговорный языкъ простаго народа (не читающаго иностранныхъ книгъ и, слава Богу, не искажающаго, какъ мы, своихъ мыслей на французскомъ языкѣ), достоинъ глубочайшихъ изслѣдованій».—«Альфьери изучалъ итальянскій языкъ на флорентинскомъ базарѣ. Не худо намъ иногда прислушиваться къ московскимъ просвирнямъ: онѣ говорятъ удивительно чистымъ и правильнымъ языкомъ.»—«Изученіе старинныхъ пѣсень, сказокъ и т. п. необходимо для совершеннаго знанія свойствъ русскаго языка: критики наши напрасно ими презираютъ.»—Во всѣхъ почти сочиненіяхъ Пушкина, каковъ бы ни былъ ихъ предметъ и тонъ, можно найти народныя слова и выраженія. Тамъ, гдѣ прежде сочли бы литературнымъ преступленіемъ употребить ихъ, они составляютъ у него особенный источникъ силы, красоты и благозвучія. Примѣру Пушкина послѣдовали: Загоскинъ, Лажечниковъ, Гоголь, Лермонтовъ и другіе, такъ что изученіе народнаго языка, въ настоящее время, столь же важно и необходимо, сколько оно прежде считалось безполезнымъ. Прочтите статью Луганскаго (Даля): «Полтора слова о нынѣшнемъ Русскомъ языкѣ» (Москвитянинъ 1842, № 2). «Гдѣ намъ учиться по русски?» «спрашиваетъ авторъ». «Источникъ одинъ—языкъ простонарод-

ный, а важныя вспомогательныя средства: старинныя рукописи, и всѣ живыя и мертвыя славянскія нарѣчія. Русскія выраженія и русскій складъ языка остались только въ народѣ; въ образованномъ обществѣ и на письмѣ языкъ нашъ измололся уже до пошлой и безцвѣтной рѣчи».

Б) Заслуги относительно содержанія словесности.

Карамзинъ не ограничился однимъ преобразованіемъ строенія русской рѣчи. Языкъ былъ для него не единственною цѣлію, а только средствомъ для выраженія мыслей. Онъ занимался имъ въ связи съ содержаніемъ. И потому, кромѣ реформы внѣшней, произвелъ онъ реформу внутреннюю. Заслуга Карамзина въ этомъ отношеніи заключается въ томъ, что онъ измѣнилъ характеръ нашей литературы. До него, литература наша имѣла риторическія формы, была холодна и натянута, сочиненія писались въ ложно-классическомъ родѣ, предметы заимствовались изъ какого-то героическаго, идеальнаго, несуществующаго міра. Карамзинъ ввелъ въ литературу новыя понятія, сблизилъ ее съ жизнію, освободилъ отъ педантизма, отъ сухаго, тяжелаго, напыщеннаго изложенія, ввелъ въ нее чистый и пріятный вкусъ, доставилъ публикѣ полезное и пріятное чтеніе, умное, легкое, не скучное и общедоступное.

Средства для совершенія внутренняго измѣненія словесности Карамзинъ нашелъ въ своихъ талантахъ, въ своемъ образованіи и обстоятельствахъ жизни. Онъ получилъ отъ природы вѣрный вкусъ, рѣдко ему измѣнявшій и ставившій его высо[illegible]ъ другими современными ему [illegible]орами, которые нерѣдко сб[illegible]ъ указаннаго имъ новаго н[illegible]я. Еще до поѣздки [illegible]гран[illegible]аясь, для «Дѣтска[illegible]нія» [illegible]изъ иностранны[illegible] образовывалъ св[illegible] съ образ-

цами, слѣдовалъ ихъ направленію ніе иностранныхъ языковъ, энцик дическое образованіе, знакомст избраннымъ кругомъ просвѣще людей, расширивъ сферу его по и житейской опытности, обрати къ интересамъ просвѣщенной ж

Просмотримъ главнѣйшія его ненія относительно внутренняг характера.

«Письма Русскаго Путешестве познакомили публику съ состо заграничной жизни. Карамзинъ щилъ много любопытныхъ изв тогдашнихъ ученыхъ и литера возбудилъ вниманіе къ ихъ сочи и главнымъ умственнымъ вопр описалъ природу посѣщенны странъ. Въ нихъ вездѣ обнаруж сочувствіе къ наукамъ, вездѣ вы ются удобства просвѣщенной Нѣкоторые упрекаютъ автора что онъ больше обращалъ вни внѣшность европейской цивил на картины природы, анекдоты ные случайности, нежели на жи тересы европейскаго общества му ставятъ «Письма» его ниже» Фонъ-Визина изъ Франціи». роятно, Карамзинъ и не им виду изъ своихъ путевыхъ з сдѣлать полной картины нравс состоянія Европы въ то время

Въ «Стихотвореніяхъ» Ка нѣтъ поэзіи: это—просто мысл ствованія умнаго человѣка, в ныя въ стихотворной формѣ. Но гой стороны, они были шагомъ для русской поэзіи по простот содержанія, по естественност вильности языка, по легкой, даш[illegible]емени, версификаці вы[illegible]свободнымъ форм по[illegible]

[illegible]Карамзина имѣли [illegible]тетическое образо [illegible]блики; онѣ наклони [illegible]ну, какъ изображе [illegible]ренней жизни чело [illegible]ихъ нѣтъ поэтичес

ны, т. е. вѣрнаго воспроизведенія дѣйствительности, чего въ тогдашнее время и не требовали отъ поэзіи: но, покрайней мѣрѣ, въ нихъ выведены были живые люди, вмѣсто прежнихъ небывалыхъ лицъ, существовавшихъ только въ воображеніи автора.

Примѣч. Съ Писемъ Русскаго Путешественника (1791 г.) и съ повѣсти: Бѣдная Лиза (1792), въ литературу нашу проникаетъ элементъ «чувствительности», или «сентиментальности», которая была въ модѣ въ 18-мъ столѣтіи, когда Стернъ написалъ Чувствительное путешествіе, Гете-Вертера, Миллеръ-Зигварта. Впрочемъ несправедливо думать, что до Карамзина вовсе не было сентиментализма въ нашей литературѣ. Еще въ семидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія, Княжнинъ, по свидѣтельству Новикова и митрополита Евгенія, перевелъ чувствительный романъ г-жи Тансэнъ (Tencin): Графъ де Коменжъ, и чувствительное посланіе, или такъ называемую героиду Дора́ (Dorat): «Письмо графа Коменжа къ его матери». Въ этихъ же годахъ начинается у насъ знакомство съ Арно (Baculard d' Arnaud), авторомъ сентиментально-меланхолическихъ повѣстей, поэмъ и романовъ. Изъ него Костровъ перевелъ поэму «Эльвиръ» (1779). Въ восьмидесятыхъ годахъ явились переводы идиллій Геснера, пастушескія повѣсти Флоріана, Ричардсонова «Памела», «Письма Іорика», Стерна (1789). «Путешествіе» Стерна напечатано уже позднѣе (1793). Пасторальный сентиментализмъ осмѣянъ еще Княжнинымъ, который въ лицѣ Пріята (ком. «Чудаки»), изобразилъ мечтательныхъ юношей, щеголяющихъ «во фракѣ мердоа и въ розовомъ платочкѣ». Въ Журналѣ «Зритель» (1792 г.), Крыловъ смѣется и надъ идиллія-ми, и надъ романами въ родѣ Ричардсоновыхъ. И потому должно сказать, что съ Карамзина начинается болѣе сильное развитіе того, что, еще не развитое, выказывалось однако въ нѣкоторыхъ сочиненіяхъ и переводахъ. Примѣръ «Писемъ Русскаго Путешественника» и «Бѣдной Лизы» произвелъ много подражаній. В. Измайловъ написалъ «Путешествіе въ Полуденную Россію» (1800), кн. Шаликовъ «Путешествіе въ Малороссію», А. Измайловъ «Бѣдную Машу» (1801), и проч. Чувствительные путешественники, говоритъ одинъ писатель, совершали путешествіе, не выходя изъ кабинета, и на всѣ предметы, даже самые грубые, смотрѣли глазами идиллика. Кн. Шаховской осмѣялъ ихъ въ ком.: «Новый Стернъ» (1807), а въ послѣдствіи Загоскинъ, въ ком.: «Романъ на большой дорогѣ» (1819). Не смотря на смѣшныя крайности литераторовъ, заразившихся модною болѣзнію вѣка, сентиментальность имѣла свое значеніе и принесла пользу. Забавны теперь имена: Нины, Лилеты, Милона, Молеста, но тогда выразилась въ нихъ наклонность къ романической мечтательности, къ жизни сердцемъ. Прежнія повѣсти, въ родѣ эпопей (какъ наприм. Кадмъ и Гармонія) пугали своею скукою; повѣсти Карамзина съ наслажденіемъ читались всѣми грамотными людьми: онѣ были переходомъ отъ книжности къ жизни, отъ напыщенности и педантизма къ романтизму.

Какъ «журналистъ», Карамзинъ умѣлъ сблизить свои журналы (Московскій и Вѣстникъ Европы) съ общедоступными интересами публики. Онъ содѣйствовалъ ими движенію русской литературы и составилъ новую эпоху въ исторіи русской журналистики. По части словесности, Карамзинъ помѣщалъ извлеченія изъ лучшихъ европейскихъ сочиненій, собственныя статьи историческія и литературныя, открытія въ наукахъ и искуствахъ, извѣстія объ ученыхъ и литературныхъ знаменитостяхъ. Въ отдѣлѣ политики, онъ первый сталъ писать, какъ европейскій публицистъ, тогда какъ до него политика ограничивалась сухими и отрывочными газетными извѣстіями. Онъ

слѣдилъ за французской, англійской и германской политикою, и результаты своихъ чтеній передавалъ читателямъ. Въ политическихъ статьяхъ своихъ онъ съ достоинствомъ разсуждалъ о всѣхъ важнѣйшихъ событіяхъ своего времени.

Какъ «критикъ», Карамзинъ гораздо выше критиковъ прежняго времени. У него былъ вѣрный вкусъ и многостороннее образованіе, которыхъ тѣ не имѣли. Его отзывы о многихъ писателяхъ очень умны, не смотря на нѣкоторую литературную уклончивость, которая, безъ сомнѣнія, была въ его характерѣ. Въ «Пантеонѣ россійскихъ авторовъ» вотъ что сказано о Тредьяковскомъ: «Ежелибы охота и прилежность могли замѣнить дарованіе, кого бы не превзошелъ Тредьяковскій въ стихотворствѣ и краснорѣчіи? Не только дарованіе, но и самый вкусъ не пріобрѣтается; и самый вкусъ есть дарованіе. Ученіе образуетъ, но не производитъ автора.» Вотъ что о Сумароковѣ: «Современники называли его нашимъ Расиномъ, Мольеромъ, Лафонтеномъ, Буало. Потомство не такъ думаетъ; но, зная трудность первыхъ опытовъ и невозможность достигнуть вдругъ совершенства, оно съ удовольствіемъ находитъ многія красоты въ твореніяхъ Сумарокова и не хочетъ быть строгимъ критикомъ его недостатковъ. Уже ѳиміамъ не курится передъ кумиромъ; но не тронемъ мраморнаго подножія, оставимъ въ цѣлости и надпись: «Великій Сумароковъ»!... Соорудимъ новыя статуи, если надобно; не будемъ разрушать тѣхъ, которыя воздвигнуты благородною ревностію отцовъ нашихъ». Весьма замѣчательно, что Карамзинъ ставилъ въ недостатокъ трагедіямъ Сумарокова то, что онъ старался описывать болѣе «чувства», нежели представлять «характеры» въ ихъ эстетической и нравственной истинѣ, и что, называя героевъ своихъ именами древнихъ князей русскихъ, не думалъ соображать свойства, дѣла и языкъ ихъ съ характеромъ времени. Такіе упреки показываютъ ясное понятіе объ истинныхъ свойствахъ драмы,—понятіе, высказанное Карамзинымъ отчетливѣе въ «Письмахъ Русскаго Путешественника» по поводу сравненія французской трагедіи съ трагедіей нѣмецкой и англійской. Можно было ожидать многаго отъ критики Карамзина, если бы онъ имѣлъ возможность руководствоваться тѣми понятіями, которыя явились послѣ, въ слѣдствіе новыхъ, болѣе глубокихъ воззрѣній на искуство вообще, на поэзію, на литературу. — Сужденіе о взглядѣ Левека на Петра 1-го весьма основательно и умно. — Разборъ сочиненій Богдановича составляетъ, по тогдашнему времени, образцовый разборъ.—«Великій мужъ Русской Грамматики» (разборъ грамматики изданной россійскою академіею) и «О русской грамматикѣ француза Модри» принадлежатъ также къ остроумнымъ критическимъ статьямъ.

Другія болѣе замѣчательныя сочиненія Карамзина суть слѣдующія:

1) «Переписка Филалета и Мелодора», цѣлію которой было представить различіе между благоупотребленіемъ и злоупотребленіемъ просвѣщенія, и защитить науки отъ упрека въ гибельныхъ дѣйствіяхъ, которыя они будто производятъ. Съ тою же цѣлію написана статья: «Нѣчто о наукахъ, искуствахъ и просвѣщеніи».

2) «О любви къ отечеству и народной гордости». Она явилась вслѣдствіе замѣченнаго Карамзинымъ малаго уваженія Русскихъ къ самимъ себѣ и недовѣрчивости ихъ къ собственнымъ дарованіямъ, которая останавливаетъ народное развитіе.

3) «Отъ чего въ Россіи мало авторскихъ талантовъ»?

4) «Письмо сельскаго жителя».

5) «Пріятные виды, надежды и желанія нынѣшняго времени».

6) Статья изъ отечественной исторіи: «О русской старинѣ»—извлеченіе изъ древнихъ иностранныхъ путеше-

ственниковъ; «О московскомъ нятежѣ въ царствованіе Алексѣя Михайловича»; «Историческія замѣчанія на пути къ Троицѣ.»

7) «О новомъ образованіи народнаго просвѣщенія въ Россіи». Здѣсь выражена главная мысль Карамзина, которую онъ проводилъ во всякой статьѣ своей—мысль о просвѣщеніи.

8) «Записка о древней и новой Россіи», представленная Императору Александру чрезъ В. К. Екатерину Павловну въ 1811 г. Главное достоинство автора Записки, говоритъ г. Погодинъ, заключается въ гражданскомъ мужествѣ произнести, безъ всякаго лицепріятія, мнѣніе, которое онъ по долгу совѣсти и присяги считалъ справедливымъ и полезнымъ. (Ист. похв. сл. Карамзину).

9) «Историческое похвальное слово Екатеринѣ II». Слово состоитъ изъ трехъ частей: въ первой говорится о побѣдахъ, во второй—о законахъ, въ третьей—объ учрежденіяхъ. Въ немъ надобно отличать содержаніе отъ выраженія. Въ содержаніи, особенно замѣчательны тѣ мѣста, въ которыхъ авторъ съ искреннимъ чувствомъ говоритъ о дѣйствіяхъ Императрицы, служившихъ къ распространенію просвѣщенія, къ возвышенію нравственнаго значенія человѣка. По выраженію, одни мѣста истинно-краснорѣчивы, потому что выраженіе ихъ заключается не въ искусственной постройкѣ фразъ, а въ естественной соотвѣтственности слова съ мыслію; другія же принадлежатъ къ ложно-классическому направленію краснорѣчія. Въ послѣднихъ, подражалъ онъ манерѣ древнихъ похвальныхъ словъ (имѣвшихъ свои особенныя условія) или, вѣрнѣе, похвальнымъ словамъ французскаго писателя Тома (Thomas), объ ораторскомъ искуствѣ котораго Барантъ отзывается слѣдующимъ образомъ:» Тома слѣдовалъ ложному направленію. Не замѣчая, что краснорѣчіе заключается въ свойствѣ мысли, онъ думалъ быть краснорѣчивымъ, насильственно придавая своему слогу величіе и силу. Онъ употреблялъ всѣ искуственные риторическіе способы для произведенія желаемаго дѣйствія, и забылъ, что тѣсное соотвѣтствіе мысли и ея выраженія одно только можетъ производить сильное впечатлѣніе. (Tableau de la littérature franç aise au 18-me siècle)

Примѣч. Какъ Ломоносовъ называется «пѣвцомъ Елисаветы», а Державинъ «пѣвцомъ Екатерины», такъ литературная дѣятельность Карамзина тѣсно связана съ эпохой царствованія Александра I. Въ сочиненіяхъ своихъ онъ раскрывалъ важное значеніе и благотворныя слѣдствія дѣйствій «Благословеннаго».

В) Карамзинъ, какъ историкъ.

Такъ какъ задача историка дѣлится «на историческое изслѣдованіе и историческое изложеніе», то исторію должно разсматривать съ двухъ сторонъ: со стороны изслѣдованія (критики) и со стороны изложенія (искуства.)

1. Такъ какъ исторія почти вся происходитъ изъ преданія, то истинность ея преимущественно покоится на свидѣтельствахъ и только малою частію на непосредственномъ наблюденіи фактовъ (собственномъ опытѣ). Всѣ свидѣтельства, въ обширномъ смыслѣ этого слова, содержащія въ себѣ нѣчто историческое, называются «источниками исторіи». Отысканіе, разборъ и оцѣнка этихъ источниковъ есть дѣло историческаго изслѣдованія.

Историческому изслѣдованію предстоятъ три предмета: а) изученіе историческихъ источниковъ и знакомство съ особенными науками объ этихъ источникахъ, б) изученіе вспомогательныхъ историческихъ наукъ, в) изученіе теоріи свидѣтельствъ.

а) Историческіе источники раздѣляются на три класса: преданія, неписьменные памятники и письменныя свидѣтельства. Ученіе объ этихъ источникахъ образуетъ тѣ науки, кото-

рыя имѣютъ цѣну преимущественно въ отношеніи къ исторіи (таковы, напримѣръ: геральдика, генеалогія, эпиграфика).

б) Изъ самостоятельныхъ наукъ, служащихъ помощью исторіи, особенно важны хронологія и географія, справедливо названныя «очами исторіи». Потомъ слѣдуютъ антропологія, этнографія, лингвистика, филологія, статистика, и проч.

в) Что касается до теоріи свидѣтельствъ, то ея большее или меньшее достоинство зависитъ отъ безконечнаго множества случаевъ, которые невозможно подвести подъ правила. Обыкновенно различаютъ здѣсь два пункта: достовѣрность повѣствованія (объективная достовѣрность) и достовѣрность повѣствователя (субъективная достовѣрность). Первая основывается, во-первыхъ, на согласіи повѣствуемаго происшествія съ самимъ собою (логическая сторона повѣствуемаго); во-вторыхъ, на согласіи его съ временемъ, мѣстомъ и другими историческими данными: существовавшими въ то время учрежденіями, событіями, нравами, обычаями, и пр. (историческая сторона); въ-третьихъ, на согласіи его съ законами физическаго и нравственнаго міра (физическая и нравственная стороны).—Испытаніе достовѣрности субъективной—достовѣрности повѣствователя—сводится къ двумъ вопросамъ: могъ ли и хотѣлъ ли онъ сказать истину? Возможность достовѣрности частію физически—по положенію свидѣтеля, частію умственно—по его способности замѣчать и судить, частію нравственно—по его пристрастію или безпристрастію. Хотѣніе, или искренность, опредѣляютъ, разсматривая интересъ повѣствователя и нравственный его характеръ.

Примѣч. Правила о субъективной достовѣрности повѣствованія были бы хороши, еслибы не подлежали безчисленнымъ исключеніямъ. И потому знаніе *дѣла и проницательность* значатъ здѣсь больше теоріи, точно также какъ важнѣе и въ дѣйствительной жизни торую отражаютъ преданія.

2. За историческимъ изслѣдован слѣдуетъ другая задача историка торическое изложеніе. Оно состоит возсозданіи истинной физіогномія шедшаго. Исторія требуетъ объек наго созерцанія, т. е. искуства трѣть на изображаемый предмет устраненіемъ своей личности. Она добно чистому зеркалу, должна о жать въ себѣ дѣйствительность, д на быть картиной прошедшаго. Ли событія обязаны говорить сами за бя, не заслоняясь разсужденіями а ра, не представляя мыслей, чувст стремленій, которыя принадле собственно ему или современному обществу. Для историческаго изл нія мало хронологической точно предохраняющей читателя отъ ло сти матеріальной, мало и точн прагматической, показывающей треннюю связь событій: надобно, воз новивъ внѣшнюю и внутреннюю по довательность фактовъ, соблюсти настоящій колоритъ. Надобно з таковы ли дѣйствительно были п меты и люди, какъ они представл принадлежитъ ли собственно имъ данная физіогномія или она перене отъ настоящаго къ прошедшему, ближайшаго прошедшаго къ про шему дальнѣйшему. Такое пред вленіе прошедшаго—представлені мѣрѣ его истинной важности, его увеличеннаго и неуменьшеннаго ченія, истиннаго характера и цвѣ называется «художественнымъ» буетъ художественнаго таланта. историкъ владѣетъ такимъ талан то, при чтеніи его сочиненія, будто присутствуешь при соверш событій, какъ будто живешь съ бражаемыми лицами. Если жъ та таланта нѣтъ,—исторія предста монотонный разсказъ, въ кото исчезнетъ характеристическое, з различіе народовъ, эпохъ, собы

ѣятелей. Воспроизведеніе прошедшей жизни, т. е. изображеніе ея такою, какою она дѣйствительно была—вотъ задача историческаго искуства.—Замѣтимъ, что историческая вѣрность, или такъ называемая объективность изображенія, заключается не въ холодности созерцанія, которая остается равнодушною къ событіямъ. Такое равнодушіе противно генію исторіи. Напротивъ, то участіе, которое порождается основательными занятіями, и та сердечная теплота, для которой отдаленное становится близкимъ, прошедшее настоящимъ, именно и служатъ признаками вѣрнаго и живаго историческаго созерцанія.

Для изображенія различныхъ эпохъ, исторія не должна пользоваться разсужденіями внѣ повѣствованія, точно также какъ для представленія различныхъ дѣйствующихъ лицъ не должна она пользоваться портретами внѣ того же повѣствованія. Вѣка и люди обязаны выходить на сцену въ разсказѣ; они обязаны являться въ немъ, какъ живые. Ложная метода исторіи состоитъ въ отдѣленіи фактовъ отъ того, что составляетъ ихъ цвѣтъ, физіогномію, личность. Нѣтъ возможности разсказывать не изображая, и потомъ изображать не разсказывая. Принявшіе эту ложную методу историческаго изложенія почти всегда пренебрегали разсказомъ, который есть существенная часть исторіи, для послѣдующаго комментарія, который давалъ ключъ къ разсказу. Но комментарій не объяснялъ ничего, потому что нельзя было связать его съ повѣствованіемъ, отъ котораго онъ отдѣленъ. Въ такомъ видѣ, историческое сочиненіе не имѣетъ единства: это—несовмѣстимое соединеніе двухъ сочиненій, разсказа и объяснительныхъ разсужденій.

Разсказъ, нужный для художественнаго историческаго представленія, отличается простотою и ясностью. Въ теченіи своемъ онъ не долженъ прерываться ни цитатами, ни свидѣтельствами, ни ссылками и т. п.: все это помѣщается внѣ текста. Характеристическія свойства историческаго слога: «простота», потому что истина не нуждается въ убранствѣ, «краткость», потому что пустымъ многословіемъ она только затмѣвается, и «живопись, или рельефность», потому что историкъ долженъ сдѣлать прошедшее присущимъ, воззвать его къ жизни.

Элементы, которые входятъ въ художественное изложеніе исторіи, суть слѣдующіе:

1) Вѣрное и точное изображеніе фактовъ, безъ литературныхъ прикрасъ (предметный, или объективный элементъ исторіи).

2) Вѣрное и точное изображеніе личностей (подлежательный, или субъективный элементъ).

3) Вѣрное и полное развитіе причинъ и дѣйствій, основаній и слѣдствій, цѣлей и средствъ (элементъ органическій, или прагматическій). Въ событіяхъ, кромѣ хронологической, внѣшней связи, существуетъ связь внутренняя, т. е. связь между причинами и дѣйствіями. Каждое происшествіе есть необходимое слѣдствіе прошедшихъ и само есть начало происшествій будущихъ: историкъ долженъ указать эту зависимость однихъ событій отъ другихъ, эту непрерывную связь между причинами и дѣйствіями, цѣлями и побужденіями. Онъ долженъ достигнуть просвѣтлѣнія данной эпохи изъ нея же самой, возстановить ея разумную жизнь во всѣхъ отношеніяхъ, и потомъ указать то содержаніе, которое переходитъ изъ нея въ эпоху послѣдующую. Помощію такого историческаго труда, воображеніе и мысль читателя видятъ внутреннюю жизнь каждой эпохи, входятъ въ нее такъ, что, оглядываясь кругомъ, открываютъ какъ бы знакомые, понятные себѣ предметы.

4) Если факты переданы вѣрно и послѣдовательно, если открыта внутренняя связь ихъ, то значеніе каждой эпохи легко усматривается, и вмѣстѣ

съ этимъ усматривается идея, проявляемая въ жизни народовъ, что составляетъ философическій элементъ исторіи. Это значеніе эпохъ, эта идея народной жизни не вносится въ исторію извнѣ, а развивается изъ событій, открывается въ дѣйствительномъ движеніи человѣческой жизни. Историкъ выражаетъ ихъ также, какъ они выражаются самою жизнію, т. е. не въ видѣ умозрѣній, а въ самыхъ фактахъ. Философствованіе противно природѣ исторіи, цѣль которой — раскрыть внутреннюю жизнь каждой эпохи. Сколько, при такомъ раскрытіи, будетъ пищи для философіи исторіи— это легко поймете каждая мыслящая голова, безъ помощи разсужденій автора.

По выполненіи указанныхъ требованій, исторія представитъ живой, цѣльный организмъ. Она будетъ поучительною въ высшей степени. Она будетъ фактическою, потому что изобразитъ истинную дѣйствительность, прагматическою, потому что покажетъ внутреннюю связь событій, и вмѣстѣ философскою, потому что изъ вѣрно-переданныхъ фактовъ раскроетъ духъ народа, идею его жизни.

Примѣч. 1. Не должно думать, что историческіе элементы рѣзко разграничиваются между собою и что каждый изъ нихъ составляетъ особую часть въ историческомъ изложеніи. Напротивъ, исторія есть произведеніе цѣльное, конкретное: слѣдов. всѣ исчисленные элементы образуютъ стройную совокупность.

Примѣч. 2. Гизо, который нѣкоторыми учеными считается основателемъ художественной исторической школы(*), разсматриваетъ въ историческомъ сочиненіи три предмета, соотвѣтствующіе тремъ задачамъ для историка. Первая задача — собраніе фактовъ, образующихъ, такъ сказать, тѣло исторіи; точное ихъ знаніе и описаніе можетъ назваться «историческою анатоміей.» Вторая задача — пониманіе каждаго факта, отысканіе внутренней связи между событіями, изъ которыхъ одни суть причины, а другія — слѣдствія: это, такъ сказать, «физіологія исторіи». Третья задача—воспроизведеніе вида, цвѣта и движенія фактовъ, возсозданіе личности прошедшаго: это живой историческій организмъ. Первая и вторая задача составляютъ критическую и прагматическую сторону исторіи, третья—образуетъ ея сторону художественную.

Примѣч. 3. Художественное изложеніи исторіи есть крайняя задача и цѣль новаго историческаго искуства, какъ оно явилось у первоклассныхъ историковъ Германіи, Франціи и Англіи. Но отъ исторіи художественной, или собственно исторіи, отличали исторію философическую, или такъ называемую философію исторіи,—науку, образовавшуюся преимущественно въ Германіи и доведенную въ нѣкоторыхъ сочиненіяхъ до крайности, т. е. до разрыва съ дѣйствительной исторіей. Составилось даже раздѣленіе исторіи на «идеальную» и «положительную», изъ которыхъ одна занималась изложеніемъ законовъ, по которымъ долженъ совершаться ходъ событій вообще, а другая—подводила подъ этотъ общій ходъ дѣйствительную исторію народовъ или одного какого-либо народа. Любопытно узнать, что думаетъ о философіи исторіи Тьери, одинъ изъ первоклассныхъ историковъ: «Въ исторію, предметомъ которой служатъ дѣйствительныя событія и положительныя свидѣтельства, вошли и начали было въ ней господствовать методы метафизическія, какъ наприм. метода Вико, по которой исторія каждаго народа строится по образцу одной — исторіи

(*) Справедливѣе приписать эту честь Вальтеръ-Скотту. Вильменъ, отъ лица всей новой школы французскихъ историковъ, называетъ его „нашимъ общимъ учителемъ“. Тьери въ предисловіи къ „Исторіи завоеванія Англіи Норманами“, *говоритъ*, что основная мысль его *сочиненія принадлежитъ* Вальтеръ-Скотту.

ческой. Эта метода вышла изъ Германіи, которая видитъ въ каждомъ фактѣ знакъ идеи, а въ ходѣ человѣческихъ событій—вѣчную психомахію. Слѣдуя такому пути, исторія оставляетъ свои предѣлы: изъ области анализа и точнаго наблюденія, законно ей принадлежащей, она бросается въ сферу синтетическихъ смѣлыхъ положеній. Надобно, чтобъ исторія была тѣмъ, чѣмъ она должна быть, и чтобъ она заключилась въ свои собственные предѣлы. Этими предѣлами отдѣляются событія міра внѣшняго, вещественнаго, отъ событій въ невидимомъ мірѣ идей. Если событія, наиболѣе общія, въ которыхъ видно назначеніе цѣлаго человѣчества, могутъ, до извѣстной степени, находить свой образъ въ идеальной исторіи, то съ другой стороны есть факты, свойственные исключительно одному народу, обнаруживающіе его собственный характеръ, его личное существованіе, и потому исторія, оставивъ идеальное, должна обратиться къ дѣйствительности, къ анализу. Не съ высоты идей, а изъ внутри событій надобно искать новыхъ взглядовъ въ исторіи. — Раздѣленіе исторіи на идеальную и положительную, которое находимъ у историковъ-философовъ, теперь оставлено, какъ ни къ чему не ведущее. У исторіи есть свое мышленіе—мышленіе историческое, ограниченное предѣлами пространства и времени: переходя въ сферу безусловнаго мышленія, мы уже тѣмъ самымъ выходимъ изъ сферы исторіи».

Сообразно двумъ задачамъ историка, «Исторія Государства Россійскаго», должна разсматриваться также съ двухъ сторонъ: со стороны критики и со стороны изложенія.

А) Исторія Карамзина со стороны критики. Здѣсь надобно рѣшить два вопроса: въ какомъ положеніи находилась наша исторія до Карамзина? что сдѣлалъ Карамзинъ для исторической критики?

а) Исторія наша до Карамзина находилась въ слабомъ состояніи: библіотеки не имѣли каталоговъ, источниковъ никто не собиралъ, не указывалъ, не приводилъ въ порядокъ; лѣтописи не были объяснены, даже изданы ученымъ образомъ; грамоты лежали по монастырямъ и архивамъ; ни одна часть исторіи не была обработана — ни исторія церкви, ни исторія права, ни исторія словесности; древней географіи тоже не было; хронологія была перепутана; нумизматическихъ собраній и археологіи не существовало; ни одинъ городъ, ни одно княжество не имѣли порядочной исторіи; иностранныя лѣтописи, кромѣ греческихъ, не принимались въ соображеніе; древніе европейскіе путешественники въ Россіи едва были извѣстны по слуху; съ сочиненіями иностранныхъ ученыхъ, въ которыхъ находятся разсужденія о древней Россіи, никто не справлялся.—Было сдѣлано для исторіи только слѣдующее: издано нѣсколько лѣтописей, которыми нельзя было пользоваться по отсутствію всякой отчетливости; написано нѣсколько исторій, удовлетворительныхъ только для своего времени; объяснено нѣсколько древнихъ литературныхъ памятниковъ, но безъ строгихъ доказательствъ; положено прочное основаніе разрѣшенію одного вопроса: о происхожденіи Руси, — и Шлецеръ только-что указалъ, какъ надобно приниматься за лѣтописи, напечатавъ свои толкованія на Нестора.

б) Карамзинъ разсмотрѣлъ и изслѣдовалъ всѣ извѣстные до него исторические источники и множество новыхъ, имъ самимъ открытыхъ; перечелъ историковъ, которые прежде его пользовались источниками, и показалъ, гдѣ и какъ они уклонялись отъ истины; согласилъ противорѣчащія показанія древнихъ и мнѣнія новыхъ; свелъ хронологическія разногласія лѣтописцевъ, своихъ и иностранныхъ, и объ каждомъ событіи представилъ свое мнѣніе. Примѣчанія къ каждому тому со-

казываютъ, чего ему стоила каждая глава, каждая страница. Одинъ «Указатель къ исторіи Карамзина», составленный г. Строевымъ, занялъ два большіе тома и содержитъ до полумилліона предметовъ; а эта книга есть только оглавленіе, исчисленіе того, что изслѣдовано и описано Карамзинымъ. Однимъ словомъ, нельзя не почувствовать удивленія и благодарности при мысли о томъ, что было сдѣлано для отечественной исторіи до Карамзина, и что для нея сдѣлалъ онъ, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ. (Истор. похв. сл. Караиз. —М. Погодина).

Б) Исторія Карамзина со стороны искуства. Прилагать указанныя требованія отъ исторіи художественной къ творенію Карамзина и, подъ этими условіями, произносить объ немъ сужденіе, было бы совершенно несправедливо. Должно разсматривать трудъ Карамзина параллельно съ состояніемъ исторической науки въ его время. Вышеизложенное понятіе объ исторіи и вытекающія изъ него требованія явились послѣ. Карамзинъ же, какъ историкъ, принадлежитъ къ одной изъ историческихъ школъ 18-го столѣтія, которую можно назвать «повѣствовательной» и которая требовала искуственнаго, щегольскаго повѣствованія, возвышеннаго тона. Простой, естественный разсказъ показался бы страннымъ. Тогда на исторію смотрѣли съ точки зрѣнія современныхъ понятій и представленій, не могли отрѣшиться отъ окружающей дѣйствительности, проникнуть въ глубокую даль прошедшаго быта и видѣть различіе между характеромъ отдаленныхъ столѣтій и характеромъ столѣтій, ближайшихъ къ намъ. Такая погрѣшность легко объясняется съ одной стороны тогдашнимъ взглядомъ на исторію и историческую критику, съ другой — недостаткомъ филологіи и сравнительной исторіи.—Но когда станешь разсматривать исторію Карамзина *нераздѣльно съ его* временемъ, то она явится произведеніемъ классическимъ незабвеннымъ памятникомъ исторической литературы, плодомъ высокаго таланта и самыхъ добросовѣстныхъ трудовъ, и всегда будетъ возбуждать наше удивленіе и благодарность. Почти вся историческая литература двадцатыхъ годовъ держалась и двигалась Карамзинымъ. Исторія его воспитала цѣлое поколѣніе, дала движеніе нашей литературѣ, которая разнесла ея результаты по разнымъ классамъ общества, вмѣстѣ съ патріотическимъ одушевленіемъ, составляющимъ одно изъ прекраснѣйшихъ, отличительныхъ свойствъ творенія Карамзина. Всѣ главнѣйшія событія нашего отечества указаны и оцѣнены имъ болѣе или менѣе, и будущій историкъ найдетъ въ И. Г. Р. данныя для основанія истинной системы. Сверхъ того, примѣчанія къ каждому тому, составляющія цѣлую половину его исторіи, представляютъ богатое собраніе источниковъ.

Достоинства исторіи Карамзина, разсматриваемой со стороны искуства относятся къ тремъ предметамъ: языку, представленію лицъ и событій, стройности цѣлаго.

а) Занимаясь исторіею, Карамзинъ имѣлъ средство узнать все богатство отечественнаго языка въ самихъ источникахъ, т. е. въ памятникахъ литературы, и создалъ тотъ художественный языкъ, который мы называемъ языкомъ исторіи Карамзина (О языкѣ см. выше).

б) Многія событія и лица изображены такъ искусно, что какъ будто они совершаются и живутъ передъ нами если не своею собственною, истинною жизнію, то, по крайней мѣрѣ, тою, которую сообщилъ имъ историкъ, по своимъ соображеніямъ. Къ числу лицъ изображенныхъ живописно, принадлежатъ: Іоаннъ IV, Филиппъ митрополитъ Борисъ Годуновъ, Дмитрій Самозванецъ, Прокопій Ляпуновъ.

в) Стройность исторіи Карамзина обличаетъ большое искуство. Онъ умѣлъ

зать множество разнородныхъ предовъ, представилъ въ одной картинѣ осударство, и церковь, и право, и говлю, и политику. Читатель безъда переходитъ отъ однихъ предмеъ къ другимъ, и удобно обнимаетъ ы событій, происходившихъ въ одно мя на разныхъ пунктахъ.

Недостатки же ея, въ томъ же отношеніи, слѣдующіе:

а) У Карамзина, воззрѣніе на событія соотвѣтствуетъ тому времени, которое совершались событія, тогда какъ историческія явленія должны быть разсматриваемы съ исторической точки, т. е. должно понять ихъ временную необходимость и важность, а потомъ, если угодно, историкъ можетъ судить ихъ и съ той высшей точки, которую приноситъ съ собою время, высшая степень въ жизни человѣчества.—Если мы станемъ судить о прошедшемъ на основаніи настоящихъ понятій нашихъ о дѣйствіяхъ человѣка, мы впадемъ въ большія ошибки: несправедливо понизимъ или возвысимъ событія и лица. Такія ошибки встрѣчаемъ у Карамзина, который къ своимъ историческимъ дѣятелямъ прилагаетъ судъ современной нравственности.

б) Исторія не приведена къ ея естественнымъ размѣрамъ; не показана ея настоящая величина. При тогдашнемъ состояніи исторической науки, хотѣли превышать, украшать событія и лица, выискивая въ нихъ сходство съ событіями и лицами другихъ временъ и народовъ, особенно Грековъ и Римлянъ. Отъ почему изслѣдователи серьезно говорили объ искуствахъ у дорюриковскихъ Славянъ, о великой торговлѣ, пышности и роскоши въ варяжскій періодъ нашей исторіи. Олегъ представлялся героемъ, совершившимъ великія дѣла, Святославъ — нашимъ Александромъ Македонскимъ, и проч.

в) Нѣтъ характеристическаго различія между разными эпохами; древній міръ не отличенъ *отъ быта ближайшаго*, древніе города не отличены отъ новыхъ, лица временъ дальнѣйшихъ не отличены отъ тѣхъ лицъ, которыя жили во времена, болѣе къ намъ близкія. Такое безразличіе въ представленіи производитъ однообразіе и есть слѣдствіе искуственнаго взгляда.

г) Карамзинъ обращаетъ больше вниманіе на внѣшнія событія, чѣмъ на внутреннія, въ которыхъ всего яснѣе выражается назначеніе народной жизни. У него на первомъ планѣ стоитъ политическая сторона народа: сношенія съ другими государствами, успѣхи оружія; а просвѣщеніе, литература, нравственный и семейный бытъ составляютъ какъ бы нѣчно придаточное: онъ говоритъ о нихъ въ концѣ главъ въ видѣ прибавленій или примѣчаній, тогда какъ повѣствованіе о ходѣ образованности должно предшествовать повѣствованію о политической сторонѣ народа.

Эти недостатки можно свести къ двумъ слѣдующимъ: 1) въ исторіи Карамзина нѣтъ «характеристическаго представленія» прошедшей жизни, тогда какъ исторія должна быть именно ея воссозданіемъ; 2) въ ней нѣтъ «настоящей системы», ибо Карамзинъ дѣлитъ исторію не по степенямъ народной жизни. Поэтому справедливъ отзывъ одного писателя о трудѣ Карамзина: «въ исторіи его «факты» вѣрны, но невѣрно «представленіе» фактовъ, «взглядъ» на нихъ». Безъ вѣрности фактической нельзя «знать» исторіи, безъ вѣрнаго представленія (иначе: художественнаго воссозданія)—нельзя «понимать» ее.

Встрѣча съ фельдмаршаломъ Графомъ Каменскимъ.

1) Давыдовъ (Денисъ Васильевичъ), генералъ-лейтенантъ, род. въ Москвѣ 1784 г. Первые годы дѣтства провелъ въ родительскомъ домѣ. Ему было девять лѣтъ, когда Суворовъ осматривалъ полтавскій легкоконный полкъ, находившійся подъ начальствомъ родителя Давыдова. Послѣ смотра, Су-

воровъ посѣтилъ домъ Давыдовыхъ и, замѣтивъ рѣзваго и остроумнаго ребенка, перекрестилъ его и сказалъ: «ты выиграешь три сраженія». Слова великаго полководца рѣшили жребій Давыдова. Съ тѣхъ поръ въ душѣ его вспыхнула любовь къ военнымъ подвигамъ, угасшая только съ его жизнію. Не бывши въ учебныхъ заведеніяхъ, Давыдовъ получилъ свѣтское блестящее воспитаніе, узналъ основательно только французскій языкъ, выучился танцовать, ѣздить верхомъ, ознакомился съ условными приличіями гостиныхъ. Но дѣятельный умъ его искалъ болѣе существенныхъ занятій. Знакомство съ нѣкоторыми молодыми людьми, воспитывавшимися въ университетскомъ пансіонѣ, обратило его къ занятіямъ словесностью. Онъ прочелъ «Аониды» Карамзина. Имена знакомыхъ, напечатанныя подъ нѣкоторыми стихотвореніями, зажгли его честолюбіе. Онъ началъ переводить стихи, не зная версификаціи. Такъ прожилъ онъ въ свѣтскомъ кругу и въ деревнѣ до 1801 года. Въ началѣ сего года отправили его въ Петербургъ на службу: онъ вступилъ въ кавалергардскій полкъ. Совѣты его двоюроднаго брата заставили его заняться изученіемъ военнаго искуства. Онъ съ жаромъ началъ читать военныя книги, такъ что наконецъ сдѣлался однимъ изъ образованнѣйшихъ офицеровъ русской арміи. Изученіе военной исторіи обратилось у него въ страсть: онъ зналъ наизусть событія всѣхъ войнъ, особливо послѣдняго времени. Другою страстью его было занятіе поэзіею. Часто на солдатскихъ парахъ, на дежурствѣ въ госпиталѣ, на полу кавалерійскаго стойла, онъ писывалъ сатиры и эпиграммы, которыми началъ свое стихотворное поприще. Въ 1804 г. Давыдовъ переведенъ въ бѣлорусскій гусарскій полкъ, расположенный тогда въ кіевской губерніи. Въ это разгульное время свой жизни онъ написалъ много стиховъ и между прочимъ «Посланіе къ Бурцову», служившему въ одномъ съ нимъ полку. Въ 1806 г. былъ переведенъ лейбъ-гвардіи въ гусарскій полкъ. «Мнѣ было тогда двадцать два года отъ роду — говоритъ онъ, — я пылъ честолюбіемъ, уставалъ отъ бездѣйствія, часто отъ избытка жизни. Сверхъ того, положеніе мое относительно къ товарищамъ было истинно-нестерпимое. Оставивъ гвардію, еще не слыхавшую боеваго выстрѣла, я провелъ два года въ полку, который не былъ въ дѣлѣ, и поступилъ обратно въ туже гвардію, которая пришла изъ Аустерлица. Отъ меня пахло пологонь, отъ нея несло порохомъ; я говорилъ о рвеніи моемъ — мнѣ показывали раны, всегда для меня завидныя, или ордена, меня льстившіе. «Въ такомъ состояніи души обратился Давыдовъ къ фельдмаршалу Каменскому, который назначался главнокомандующимъ арміи противъ Наполеона, и просилъ у него отправленія въ дѣйствовавшую армію. 1807 г. онъ былъ назначенъ адъютантомъ къ князю Багратіону, начальнику авангарда. Онъ участвовалъ въ битвѣ прейсишъ-эйлауской (которую послѣ описалъ), въ упорныхъ дѣлахъ при Гутштадтѣ, подъ Деппеномъ и въ сраженіи подъ Гейльсбергомъ, гдѣ выказалъ рѣдкую храбрость. За отличія, оказанныя въ походѣ 1807 г., получилъ разныя награды. По заключеніи мира, Давыдовъ оставался адъютантомъ князя Багратіона и жилъ въ Петербургѣ. Въ это время написалъ онъ «Договоры, Мудрость» и нѣсколько другихъ стихотвореній. При открытіи военныхъ дѣйствій въ Финляндіи, 1808 г., находился при авангардѣ Кульнева въ сѣверной Финляндіи, а въ 1808 г. былъ съ нимъ при завоеваніи Аландскихъ острововъ. Когда, по окончаніи войны съ Швеціею, Багратіону была поручена молдавская армія, Давыдовъ отправился туда съ нимъ и участвовалъ въ сраженіяхъ того года. 1810 г., когда графъ Камен-

заступилъ мѣсто Багратіона, Давъ снова приписался къ авангарульнева, въ поучительной школѣ раго онъ позналъ цѣну спартанжизни, необходимой для всякаго, рѣшился «нести службу, а не ь со службою». Онъ находился при іи Силистріи и въ дѣлахъ подъ илою. Вскорѣ потомъ воротился къ князю Багратіону, получившегогда начальство надъ арміею, сонною на Волыни и въ Подоліи. При тіи отечественной войны, Давыь поступилъ въ ахтырскій гусарполкъ подполковникомъ, первый лъ мысль о выгодѣ партизанскаго ствія и во многихъ случаяхъ пораъ непріятеля, раздѣляя славу съ гими партизанами: Фигнеромъ, Сеинымъ, Кудашевымъ. (Въ послѣдіи (1825 г.), прочитавъ въ «Запись» Наполеона, что великій полководецъ частію отрицалъ подвиги наъ партизановъ, Давыдовъ написалъ овержение словъ его: «Разборъ съ статей», и проч.). — По переь за границу, отрядъ Давыдова тупилъ въ составъ Винценгероде. прошелъ съ нимъ чрезъ Польшу, езію и вступилъ въ Саксонію. Заь, безъ позволенія начальства, поину города Дрездена, защищеннаго пусомъ Французовъ, онъ былъ лиъ командованія отрядомъ. Прощен, поступилъ въ отрядъ генерала скаго и былъ почти во всѣхъ авандныхъ дѣлахъ, до береговъ Рейна. Франціи, по открытіи похода 1814 г., ндовалъ въ арміи Блюхера ахтыръ гусарскимъ полкомъ, а потомъ адою, составленною изъ полковъ рского и бѣлорусскаго. За отличіе ;раженіяхъ подъ Бріеномъ и при отьерѣ произведенъ въ генералъры. Возвратившись въ Россію, Давъ получилъ отпускъ въ Москву лѣе года посвятилъ отдыху и слости. Онъ написалъ нѣсколько э-, пѣсенъ и мелкихъ стихотворевсѣ они имѣли *большой* успѣхъ и выучивались наизусть. Во время мира, занималъ мѣсто начальника штаба пѣхотныхъ корпусовъ: 7-го (1818 г.), 8-го (1819). Въ 1823 г. вышелъ въ отставку. Большею частію жилъ въ Москвѣ и занимался военною исторіею. Онъ написалъ «Опытъ теоріи партизанскаго дѣйствія», напечатанный первымъ изданіемъ въ 1821 г., вторымъ 1822 г. Въ послѣдствіи онъ еще болѣе развилъ свои мысли о партизанской войнѣ. Сверхъ того, онъ напечаталъ въ Отечественныхъ Запискахъ (Свиньина) «Дневникъ партизанскихъ дѣйствій своихъ». Слухъ объ этихъ занятіяхъ, вмѣстѣ съ извѣстностію о личныхъ подвигахъ автора, побудилъ Вальтеръ-Скотта, писавшаго тогда «Жизнь Наполеона», обратиться къ нему съ нѣкоторыми вопросами объ отечественной войнѣ. Слѣдствіемъ была переписка его съ Давыдовымъ. Съ восшествіемъ на престолъ нынѣ царствующаго Императора, Давыдовъ снова вступилъ въ военную службу и совершилъ кампанію противъ Персіи. Разстроенное здоровье заставило его ѣхать къ кавказскимъ цѣлительнымъ водамъ, гдѣ онъ не получилъ облегченія, и въ грустномъ расположеніи духа написалъ стихотвореніе: «Полусолдатъ». Въ 1827 г. возвратился въ Россію и до 1831 г. жилъ въ деревнѣ, гдѣ написалъ стихотворенія: «Бородинское поле, Душенька, Посланіе къ Зайцевскому», и проч. Въ 1831 г., въ войнѣ противъ возмутившейся Польши, командуя то различными отрядами, то всею кавалеріею генерала Ридигера, находился въ разныхъ дѣлахъ. По совершенномъ уничтоженіи возстанія, воротился въ Москву, гдѣ занимался литературою. Къ послѣднимъ годамъ его жизни принадлежатъ нѣсколько прекрасныхъ стихотвореній и лучшія статьи его въ прозѣ. Скончался 1839 г.

2) Сочиненія. Сочиненія Д. Давыдова изданы три раза: въ 1832 г., 1840 и 1848 (Смирдинымъ въ «Полномъ собраніи сочиненій русскихъ

авторобъ».) Третье, полнѣйшее, раздѣлено на три отдѣла: въ первомъ помѣщены стихотворенія, во второмъ — проза, въ третьемъ — опытъ теоріи партизанскаго дѣйствія. При обоихъ изданіяхъ приложенъ очеркъ жизни автора, написанный С. Д. С-мъ. Изъ стихотвореній лучшія: «Бурцову, Гусарскій пиръ, Рѣшительный вечеръ гусара, Пѣсня стараго гусара, Гусарская исповѣдь, Полусолдатъ, Челобитная, Возьмите мечъ, Неужто думаете вы, Эпиграммы, Современная пѣсня».

Въ отдѣлѣ прозы помѣщены: Воспоминанія о Кульневѣ въ Финляндіи, Воспоминаніе о сраженіи при Прейсишъ-Эйлау, Встрѣча съ великимъ Суворовымъ, Встрѣча съ фельдмаршаломъ графомъ Каменскимъ, Занятіе Дрездена 1813 г., Морозъ ли истребилъ французскую армію въ 1812 г.? Отрывки изъ партизанскаго древника, Письмо къ Вальтеръ-Скотту, Разборъ трехъ статей помѣщенныхъ въ Запискахъ Наполеона, Тильзитъ въ 1807 г. и Урокъ сорванцу.

3) Суждкнік о литературной дѣятельности. Вотъ что говоритъ О. Д. О—ій о стихахъ Давыдова: «Давыдовъ не много писалъ, еще менѣе печаталъ; онъ, по обстоятельствамъ, изъ числа тѣхъ поэтовъ, которые довольствовались рукописною или «карманною» славою.

«Общество Любителей Словесности, учрежденное при Московскомъ Университетѣ, удостоило Давыдова принятія въ число дѣйствительныхъ членовъ. — Сочиненіе его: «Опытъ теоріи партизанскаго дѣйствія», и издаваемыя нынѣ «стихотворенія» даютъ ему право на уголокъ въ Публичной Библіотекѣ. При всемъ томъ, Давыдовъ не искалъ авторскаго имени, и какъ пріобрѣлъ его — самъ не знаетъ. Большая часть стиховъ его пахнетъ бивуакомъ. Они были писаны на привалахъ, на дневкахъ, между двухъ дежурствъ, между *двухъ сраженій*, между двухъ войнъ; это пробные почерки пера, чини для писанія рапортовъ начальни приказаній подкомандующимъ.

«Стихи эти были завербованы нѣкоторыя московскія типографіи. добно Давыдову во всѣхъ ни шихъ войнахъ, они во многихъ ни шихъ журналахъ являлись наѣзд ми, по одиначкѣ, наскокомъ, оч голову; «день ихъ» былъ «вѣкъ и потому никогда бы ни рѣшился на собраніе этой разсѣянной воль и на помѣщеніе ея на «непрем квартиры» у книгопродавца, есл добрые люди не доказали ему, одно и тоже покопаться ей розно, вмѣстѣ.

«Сборъ этотъ стоилъ ему нем труда. Нѣкоторыя стихотворенія торгнуты имъ изъ покрытыхъ прахомъ или изорванныхъ журна а другія, переходя изъ рукъ въ писцовъ, болѣе или менѣе грамот измѣнились до того, что и самим торомъ едва были узнаны.

«Давыдовъ никогда не принадле ни къ какому литературному Правда, онъ былъ поэтомъ, но по не по рнемамъ и стопамъ, а по ч ву. Что жъ касается до упражнен въ стихотворствѣ, то онъ часто ривалъ, что это упражненіе или, ше сказать, порывы онаго ут его, какъ бутылка шампанскаго, наслажденіе, безъ коего онъ могъ тись, но которымъ упиваясь, онъ вался уже съ полнымъ чувс эгоизма».

Къ этимъ замѣткамъ о поэтич дѣятельности Давыдова прибавим сколько своихъ собственныхъ. С творенія его дѣлятся на два от сатирическій и дивирамбическій первому относятся: Эпиграммы, С менная пѣсня, Челобитная, Не думаете вы, и проч. Вторая изъ піесъ отличается удивительною костію злой насмѣшки и важн отношенія къ извѣстному кругу ній. Второй отдѣлъ воспѣваетъ

военной жизни. Сюда принадле-
: Посланіе къ Бурцову, Рѣшитель-
вечеръ гусара, Пѣсня стараго гу-
, Гусарская исповѣдь, Болтунъ
норѣчивый, и проч. Всѣ они про-
уты силою искренней вакхической
сти и отличаются граціей. — Ха-
теристическія черты его стиха:
кость, сила, живость, огонь стра-
и вмѣстѣ граціозность выраженія.
ти всѣ стихотворенія двухъ ска-
ыхъ разрядовъ отдѣланы вполкакъ бы мгновенно вылились изъ
ламененной души; но въ дру-
ь піесахъ не видно того, что обык-
енно называютъ художественно-
. Самъ авторъ указываетъ на свой-
своего выраженія, въ піесѣ: «Въ
ыя времена»:

Ей нравился мой стихъ, порывистый, несвязный,
Стихъ безъискусственный, но жгучій и живой
И чувствъ разстроенныхъ языкъ разнообразный.

Ему и некогда было обдѣлывать и
шлифовать произведенія своего пера.
са: «Отвѣтъ» указываетъ причину
й «безъискусственности»:

Я не поэтъ—я партизанъ, козакъ;
Я иногда бывалъ на Пиндѣ, но наскокомъ,
И беззаботно, кое-какъ,
Раскидывалъ передъ кастальскимъ токомъ
Мой независимый бивакъ.

Въ стихотвореніяхъ его есть третій
дѣлъ—элегическій, но изъ преобла-
ющихъ направленій его таланта яс-
что піесы, сюда относящіяся, у-
наютъ въ достоинствѣ первымъ
ихъ родамъ. Вакхъ и Сатиръ— пло-
собесѣдники печальной музы. Отъ
го происходитъ, что удачнѣйшія
сравненію) элегіи Давыдова вы-
ваютъ часто сатирическую или
ирамбическую настроенность лиры.
ювы: Полусолдатъ, Я васъ люблю,
гъ, полно пробѣгать, Бородинское
ле.

Проза его, не всегда правильная, запечатлѣна тѣмъ же характеромъ, который служитъ отличіемъ его стиховъ. Это—бойкость, остроуміе и сила живаго разсказа, обличающія необыкновенное дарованіе автора. Есть мѣста, написанныя съ увлекательнымъ краснорѣчіемъ.

Падніе и кончина Меншикова.

1) Полевой (Николай Алексѣевичъ), сынъ курскаго купца, род. 1796 года въ Сибири. «Я почти не помню себя неграмотнымъ — говоритъ онъ самъ въ «Очеркахъ русской литературы». Я былъ шести лѣтъ, когда старшая сестра выучила меня читать, и лѣтъ восьми я уже читалъ вслухъ — матери моей романы, отцу Библію и Московскія Вѣдомости, а десяти перечиталъ уже все, что было въ шкапѣ у отца моего: Всемірный Путешественникъ, Разговоръ о всеобщей исторіи Боссюета, О множествѣ міровъ Фонтенеля, Путешествія Ансона и Кука, Дѣянія и Дополненія къ дѣяніямъ Петра Великаго, нѣсколько разрозненныхъ томовъ сочиненій Сумарокова, Ломоносова, Карамзина, Хераскова, театра Коцебу, и проч. Добрый товарищъ моего дѣтства, А. А. Титовъ, выучилъ меня писать, и мнѣ было лѣтъ десять, когда я писалъ — да, писалъ стихи и прозу, самъ не зная, что такое стихи и проза, выдавалъ газету: «Азіатскія Вѣдомости», журналъ: «Другъ Россіи» въ родѣ Московскаго Меркурія (Макарова), отъ котораго я былъ въ восторгѣ, написалъ драму: «Бракъ Царя Алексѣя Михайловича», трагедію: «Блаика Бурбонская», интермедію: «Петръ Великій въ храмѣ безсмертія», сочинилъ Путешествіе по всему свѣту, и рѣшился свести воедино Дѣянія и Дополненія Голикова. Если успѣвали мы достать новыхъ книгъ у кого нибудь, я просто зачитывался, забывалъ дѣла.... Я наизусть выучивалъ статьи изъ Рус-

ского Вѣстника, вмѣстѣ съ Россіядой Хераскова, стихами изъ Монхъ Бездѣлокъ Карамзина, Притчами Сумарокова, Мыслями въ слухъ на Красномъ крыльцѣ... Словомъ, если надобно выразить умственное образованіе мое до 1811 года, то оно было таково: я прочиталъ тысячу томовъ всякой всячины, помнилъ все, что прочиталъ, отъ стиховъ Карамзина и статей Вѣстника Европы до хронологическихъ числъ и Библіи, изъ которой могъ пересказывать цѣлыя главы; но это былъ какой-то хаосъ мыслей и словъ, когда самъ я едва начиналъ мыслить». — Въ 1811 году, Полевой пріѣхалъ изъ Сибири въ Москву, съ препорученіями отца по торговымъ дѣламъ, и слушалъ лекціи Мерзлякова, Страхова, Гейма, Качановскаго, читалъ всѣ книги, какія ему попадались — «чтеніе безъ плана и системы» (собственныя слова автобіографіи), «которое не вело за собой ничего существеннаго». Съ 1812 по 1815, онъ жилъ въ Петербургѣ, Курскѣ, на Дону. Въ 1815 отправился въ Иркутскъ. Поѣздки, испытанія, обращеніе съ людьми, рано начатое, сдѣлали то, что ему не было еще 20 лѣтъ, но онъ казался совершенно взрослымъ и прослылъ дѣловымъ человѣкомъ. Но дѣла купеческія не удовлетворяли его желаніямъ: онъ хотѣлъ учиться. Въ ученьи онъ увидѣлъ самый вѣрный способъ къ почести безъ денегъ. И онъ ревностно предался ученью. Русской Грамматикѣ учился онъ по Грамматикѣ Соколова, случайно попавшейся ему въ руки; цырюльникъ наполеоновской арміи, итальянецъ, показалъ ему произношеніе французскихъ буквъ, музыкальный учитель, богемецъ, прошелъ съ нимъ нѣмецкую азбуку. Въ послѣдствіи французскому языку учился онъ у ссыльнаго поляка, а нѣмецкому у пастора лютеранской церкви въ Иркутскѣ. Возвращеніе его въ Курскъ, въ 1816 г., было рѣшительно для его занятій. Ученье сдѣлалось для *него цѣлью жизни*, а не средствомъ. Вотъ слова Полеваго объ этом мени его жизни: «средства мои чрезвычайно стѣснены. Я не з подумать нанять себѣ учителей лованья моего едва доставало одежду, на небольшое удѣленіе и едва я могъ тратить бездѣл книги. Дѣла хозяйскія не давал досуга днемъ, а вечера и ночи лись лучшими часами моей Иногда свѣчка моя погасала съ нею зарею, и я, едва уснувши т тыре часа, шелъ въ контору къ хозяину; проработавши въ конто до ночи, дома засаживался съ тію за свои уроки. Вскорѣ увидѣл недостаточность, всю нелѣпость зованія своего до того времени. М добно было пересоздать всѣ мои весь запасъ читаннаго мною съ дѣтства. Изученіе языковъ пове ня въ новый міръ чтенія. Настоі размышленіе показало мнѣ не, токъ системъ и образа обыкнов ученія. Я рѣшился самъ для се писать русскую грамматику и ру исторію. Грамматика Академіи торія Государства Россійскаго довлетворяли меня, когда я с валъ первую съ ясною, точною матикою латинскою, а вторую с цитомъ по слогу, съ лѣтопися изложенію фактовъ. Изученіе скаго и греческаго языковъ, пер съ нѣмецкаго, французскаго, пе ботка русской грамматики, кри кій разборъ русской исторіи — что составляло теперь мои за Нарочно налагалъ я на себя тяжкія работы: выучивалъ по вокабулъ въ вечеръ; выписывал глаголы изъ Геймова словаря, спрягалъ каждый отдѣльно и с вилъ новыя таблицы русскихъ женій». Полевой началъ писать первыя его сочиненія напечата тогдашнихъ журналахъ — Рус Вѣстникѣ и Вѣстникѣ Европы. Въ г. онъ оставилъ Курскъ и пере въ Москву, гдѣ издавалъ жур

«Московскій Телеграфъ», въ теченіе почти десяти лѣтъ (съ 1825 по 1834 г.). Съ 1838 г. поселился въ Петербургѣ, гдѣ два года издавалъ журналъ: «Сынъ Отечества», потомъ участвовалъ въ другихъ журналахъ. Умеръ въ 1846 г.

2) Литературная дѣятельность. Изъ автобіографическаго очерка, приложеннаго къ «Очеркамъ Русской Литературы», видимъ, что неудержимая страсть Полеваго къ ученію равнялась въ немъ удивительной силѣ воли къ достиженію цѣли, преодолѣнію препятствій. Рожденный въ томъ званіи, которое невыгодно смотрѣло на науки, Полевой занимался ими тайкомъ отъ своего отца. Кончивъ днемъ дѣла свои по торговлѣ, ночью, вмѣсто того, чтобы спать, онъ принимался за ученье. Не всегда могъ онъ доставать для этого огарокъ свѣчи, потому что отецъ его запретилъ ему сидѣть по ночамъ. Не было свѣчи — онъ пользовался луннымъ свѣтомъ; доставалъ свѣчу и затыкалъ щелки своей комнаты, чтобы свѣтъ огня не бросался въ глаза отцу. Въ такихъ трудахъ провелъ онъ три года, начавши образовываться на 20-мъ году отъ роду. Двадцати трехъ лѣтъ онъ самоучкою выучился русской грамматикѣ; черезъ семь лѣтъ, почти вовсе неизвѣстный въ литературѣ, ничему не учившійся методически, купецъ званіемъ, началъ издавать журналъ, пользовавшійся наибольшимъ успѣхомъ въ свое время. Все это показываетъ силу большаго таланта и заставляетъ назвать Полеваго замѣчательнымъ дѣятелемъ въ русской литературѣ.

Такъ какъ Полевой пріобрѣлъ литературную извѣстность своимъ журналомъ, то покажемъ его заслуги и недостатки, какъ журналиста.

Московскій Телеграфъ, явившійся во время упадка нашей журналистики, отличался живостію, свѣжестію, вѣрностію принятому и ясно выразившемуся направленію. Убѣжденный въ томъ, что журналъ долженъ быть зеркаломъ современности, онъ выбиралъ и помѣщалъ статьи, которыя всегда были кстати, всегда были на своемъ мѣстѣ. Каждая книжка Телеграфа интересовала своимъ отношеніемъ къ современному. Живой и воспріимчивый, Полевой искренно увлекался новыми идеями, слѣдилъ прилежно за движеніемъ науки въ Европѣ. Сильное стремленіе къ сознанію, изслѣдованію, анализу, преобразованію, представленію прежняго съ новой точки зрѣнія, развившееся въ то время, полагало свой отпечатокъ на Телеграфѣ. Особенное направленіе ума Полеваго сообщило большей части статей его характеръ критическій. Изъ критическихъ статей, собранныхъ въ «Очеркахъ Русской Литературы», лучшіе: о Державинѣ, Жуковскомъ, Пушкинѣ. Есть нѣсколько замѣчательныхъ статей въ первыхъ двухъ годахъ «Живописнаго Обозрѣнія».

Но для того, чтобы быть вѣрнымъ, яснымъ органомъ современнаго просвѣщенія, мало талантовъ, любви къ наукамъ: необходимо имѣть опредѣленный, вѣрный взглядъ на предметы, нужна ученость, которая ставитъ насъ въ уровень съ вѣкомъ, даетъ намъ возможность судить здраво о движеніи умственнаго міра. Полевой не былъ ученымъ и въ этомъ слабая сторона его литературной дѣятельности. Отсутствіе систематическаго образованія, поверхностный энциклопедизмъ лишили его талантъ существенной опоры. Поэтому многое, что писалъ онъ, отзывается или неопредѣленностью, или ложностію взгляда. Часто понималъ онъ предметы по своему, и читатели его статей, встрѣчая въ нихъ несомнѣнные признаки дарованія, не находили однакожъ ученаго изложенія предмета, то есть сообразнаго современному состоянію науки. Часто, въ слѣдствіе своихъ поверхностныхъ знаній, онъ впадалъ въ большія погрѣшности.

Изъ нежурнальныхъ сочиненій, болѣе другихъ извѣстна «Исторія Русскаго народа» (неконченная). Справедливо замѣчаніе, что Полевой былъ въ исторіи журналистомъ, а не историкомъ. Онъ принялся за нее не по призванію, а по влеченію журнальной натуры все представлять въ новомъ видѣ, ко всему прилагать новыя идеи. Цѣль его была приложить къ русской исторіи смутный хаосъ, образовавшійся въ его умѣ изъ идей Гердера, Шеллинга, Гизо, Тьери, Нибура и другихъ. Прибавимъ сверхъ того, что Полевой взялся «приложить смутный хаосъ идей» безъ предварительнаго, основательнаго изученія Русской Исторіи. Онъ сталъ заниматься ею въ то время, когда уже началъ писать ее. Понятно, что долженствовало выйти при такой работѣ, тяжесть которой онъ, безъ сомнѣнія, чувствовалъ и самъ въ послѣдствіи. Онъ понялъ (хотя, быть можетъ, поздно), что ему должно оставить предпринятый трудъ или взяться за него не прежде, какъ изучивъ необходимые матеріалы.

Біографіи и характеры.

Повѣствованія можно раздѣлить на простыя и сложныя. Въ простыхъ разсказывается какое-нибудь происшествіе, замѣчательное въ томъ или другомъ отношеніи; сложныя изображаютъ рядъ происшествій, составляющихъ одно цѣлое.

Къ повѣствованіямъ сложнымъ относится или изложеніе происшествій, изъ которыхъ слагается жизнь одного человѣка, или изложеніе событій, изъ которыхъ слагается жизнь цѣлаго народа. Въ первомъ случаѣ сочиненіе называется «біографіею», во второмъ «исторіею». И такъ біографія (слово греческое—жизнеописаніе) есть изображеніе, въ порядкѣ времени, тѣхъ событій, совокупность которыхъ образуетъ развитіе какого-нибудь человѣка, отъ его рожденія до смерти.

Біографія относительно отдѣльнаго человѣка тоже самое, что истор кого-нибудь народа относитель го народа, или всемірная истор носительно человѣчества. Исто многоразличій событій открывае динство идеи, выраженной собы такъ точно и біографія возсо жизнь индивидуальнаго суще представляя послѣдовательное витіе, въ которомъ всегда откр ся два элемента: многоразличіе тій и единство характера. Подоб торіи, біографія должна быть ху ственною, т. е. фактическою и софскою вмѣстѣ: — фактическо бражая истинную дѣйствитель философскою — раскрывая изъ переданныхъ событій характер идею его жизни.

Исторія различаетъ въ жизни да общее и частное: общее сос ютъ законы развитія человѣ частное — что принадлежитъ особенно, изъ чего образуется ціональность. Біографія должна въ жизни отдѣльнаго человѣка чать общее и частное: общее ны развитія того народа, къ ко онъ принадлежитъ, частное—е бенныя свойства, его индиви ность. Поэтому лучшіе біогра когда не теряютъ изъ виду от человѣка къ народу: разсказыв перваго, они находятъ объясн обстоятельствъ въ національно рактерѣ и въ состояніи того об среди котораго жилъ, и той когда жилъ человѣкъ. Но жизн да слагается изъ двухъ элем общаго, свойственнаго всему честву, и частнаго, принадле одному народу исключительно жизнь человѣка, связанная съ ною жизнію, а чрезъ нее и съ человѣчествомъ, необходимо п вляетъ три элемента: обще ской, національный и индивиду Обязанность біографіи подмѣт ставить ясно всѣ эти элемент выражаясь языкомъ матема

трехъ величинъ: всемір-
я единичной. Отсюда от-
ньза біографіи: она дово-
до важныхъ, всегда за-
истинъ о природѣ чело-
что въ жизни отдѣльна-
какъ въ малой каплѣ, ви-
того же солнца, которое
ь большомъ пространствѣ
ни народовъ. Чѣмъ боль-
выразились существен-
человѣческой природы
овѣка, тѣмъ біографія его
.
ніи событій, біографія
рѣдко особенныя труд-
ія можно раздѣлить на
утреннія: первыя состо-
віяхъ, видимыхъ всѣми;
развитіи нравственномъ,
понятныхъ немногимъ.
аже великіе), жизнь ко-
а собственно такъ назы-
твіями; и есть люди, жизнь
ата мыслями и чувства-
акже суть факты, но толь-
щіе къ міру внутренне-
ему легче иногда напи-
ю полководца или поли-
йствователя, вліяніе ко-
о обнаружено положи-
ромкими дѣлами, чѣмъ и-
знь великихъ мыслителей
ковъ, которые въ простоще-
ствованія, ничѣмъ не
го обыкновенное зрѣніе,
немногихъ. Они выразили
аніяхъ мысли или иску-
о знать ихъ произведенія,
производителя.
знаменитыя личности мо-
ъ предметомъ біографіи:
овѣкъ, какъ образъ и по-
гва, представляетъ извѣ-
есъ. Въ послѣднемъ слу-
гда біографъ изображаетъ
и обыкновеннаго человѣ-
димая его обязанность —
виженія мысли и истинна-
ъ грубой жизни. Чѣмъ ни-
чтожнѣе, пошлѣе существованіе, тѣмъ
труднѣе задача біографіи, которая
должна начертать опредѣленную фи-
зіогномію изображаемаго, отличить въ
немъ общіе признаки, свойственные
цѣлому, весьма многочисленному клас-
су подобныхъ людей, и въ тоже вре-
мя указать признаки собственные.

Въ литературѣ нашей очень мало
хорошихъ біографій. Лучшая изъ нихъ
принадлежитъ кн. Вяземскому (Фонъ-
Визинъ). Большая же часть нашихъ
біографій суть или компиляціи, состав-
ленныя безъ всякой критики, или су-
хое исчисленіе служебныхъ обстоя-
тельствъ описываемаго лица, или, на-
конецъ, напыщенные панегирики, гдѣ
истинное представленіе заслугъ и не-
поддѣльное краснорѣчіе, ими внушае-
мое, замѣнено общими похвальными
мѣстами и декламаторствомъ.

Если біографія написана тѣмъ са-
мымъ лицемъ, котораго жизнь въ ней
изложена, то она называется «авто-
біографіей». Извѣстнѣйшія автобіогра-
фіи: Исповѣдь блаженнаго Августина,
Записки Гете, Записки Альфіери, и
проч. Въ нашей литературѣ извѣстны:
Исповѣданіе Фонъ-Визина (неконче-
ное), Дѣвица-Кавалеристъ (Дуровой).

Краткое извѣстіе о жизни какого-
нибудь лица, написанное вскорѣ послѣ
его смерти, называется «Некрологіею»
или «некрологомъ».

Если авторъ изображаетъ болѣе
внутреннюю сторону человѣка, т. е.
свойства души его, нравъ, характеръ,
и только для объясненія этой стороны
разсказываетъ разныя обстоятельства
его жизни, то сочиненіе называется
«характеристикой, или «изображеніемъ
характера».

Характеры можно раздѣлить на об-
щіе и частные: въ первыхъ изобража-
ются люди по различію ихъ свойствъ
(напр. скупцы, равнодушные, чес-
толюбцы, и проч.); вторые суть изо-
браженія извѣстныхъ лицъ, дѣйстви-
тельно существовавшихъ или суще-
ствующихъ.

Такъ какъ предметы могутъ изображаться двоякимъ образомъ: прямо, или положительно, т. е. чрезъ указаніе ихъ собственныхъ свойствъ, и отрицательно, т. е. чрезъ указаніе предметовъ имъ противоположныхъ; то, для большей живости и разительности сочиненія, выгодно изображать вдругъ два противоположные характера, на прим. чувствительный и хладнокровный, скупой и расточительный, и проч.

Въ расположеніи своемъ, характеристики отступаютъ отъ естественнаго или историческаго порядка, состоящаго въ изложеніи событій такъ, какъ они слѣдовали одни за другими. Это различіе расположенія происходитъ отъ того, что цѣль автора въ характеристикѣ не разсказать всѣ событія изъ жизни лица, какъ въ біографіи, а подвести ихъ подъ общіе законы, отыскать въ нихъ общія черты характера. Поэтому онъ не смотритъ на послѣдовательность годовъ, и часто сводитъ такія обстоятельства, которыя отдѣлены промежуткомъ времени, а происшествія, близкія по времени, но несходныя по характеру, раздѣляетъ одни отъ другихъ.

Если писатель изображаетъ свойства не одного какого нибудь лица, но цѣлаго класса людей или даже цѣлаго народа, то такое сочиненіе называется «картиною нравовъ».

Кутузовъ.

1) Александръ Ивановичъ Михайловскій-Данилевскій, генералъ-лейтенантъ, род. 1790, ум. 1848. Первоначально обучался въ Петербургѣ въ Петропавловской школѣ, потомъ въ Московскомъ Университетскомъ пансіонѣ; окончательное образованіе получилъ въ Геттингенскомъ Университетѣ, гдѣ словесность слушалъ у Бутервека, исторію и нравственно-политическія науки у Шлецера, Геерена, Мартенса и Сарторіуса; но спеціальнымъ предметомъ *его учебныхъ* занятій были камеральныя науки, потому что онъ хотѣлъ посвятить себя службѣ по финансовой части. По возвращеніи изъ Геттингена (1812), опредѣленъ былъ в канцелярію министра финансовъ, помощникомъ ученаго секретаря (по тог дашнему обычаю, Михайловскій-Данилевскій считался на службѣ съ 180 г., такъ что, продолжая учиться, по лучилъ чинъ титулярнаго совѣтника) При назначеніи Кутузова начальникомъ с.п.бургскаго ополченія, Михайловскій-Данилевскій поступилъ к нему въ адъютанты, и въ этой должности остался и тогда, когда Кутузову было ввѣрено главное начальств надъ всѣмъ войскомъ. Особенный случай приблизилъ его къ главнокомандующему. За нѣсколько времени д сраженія подъ Тарутинымъ, надоб было написать дипломатическую бу магу на французскомъ языкѣ къ Ми рату. Фуксъ, состоявшій при Кутузов по дипломатической части, занемог Данилевскій исполнилъ его обяза ность и бумага, имъ написанная, оче понравилась Кутузову. — Занимаяс письменными дѣлами, Данилевскій ис полнялъ адъютантскую должность вмѣстѣ съ штабомъ участвовалъ в всѣхъ знаменитыхъ битвахъ, за ч получилъ разныя награды. Въ 1813 переведенъ въ свиту Е. И. В. по квар тирмейстерской части (что нынѣ гене ральный штабъ) и въ томъ же год поступилъ въ канцелярію князя П. М Волконскаго. Состоя при немъ, он былъ во всѣхъ сраженіяхъ 1813 и 181 г. Въ 1814 и 1815 г. г., находился при Вѣнскомъ конгрессѣ и во вторичномъ походѣ во Францію (1815). По томъ (1815—1818) былъ съ Императоромъ Александромъ въ поѣздкахъ з границу и по Россіи. Въ 1818 же год находился съ нимъ на конгрессѣ в Ахенѣ. Въ 1823 г. произведенъ в генералъ-маіоры, съ назначеніемъ ко мандиромъ 3-й бригады 7-й пѣхотно дивизіи; въ 1829 г., во время турец кой кампаніи, командовалъ 2-ою бри

ою 6-ой пѣхотной дивизіи, и по-
ъ находился при главнокомандую-
мъ, графѣ Дибичѣ-Забалканскомъ,
правляя должность дежурнаго гене-
ла. Въ 1831 г. командированъ въ
нію, противъ польскихъ мятежни-
въ. Въ 1835 произведенъ въ гене-
ъ-лейтенанты и назначенъ пред-
дателемъ военно-цензурнаго коми-
та, а въ 1839 г. членомъ военнаго
ѣта.

2) Сочиненія. Полное, третье, со-
аніе сочиненій Михайловскаго-Да-
левскаго, въ 7 томахъ (1849—1850)
ставляютъ: Описаніе войнъ Импе-
тора Александра, съ Наполеономъ
1805, 1806 и 1807 г. г.; Описаніе
ляндской войны въ 1808 и 1809 г.
Описаніе войны съ Турціею съ
06 по 1812 г.; Описаніе войны
13 г.; Описаніе войны 1814 г. и
иски о походѣ 1815 г.

Описанія.

Раздѣленіе краснорѣчія. Краснорѣ-
ь дѣлится на три рода: «историчес-
е, или повѣствовательное», изобра-
ающее жизнь существъ; «дидактичес-
е, или философическое», излагающее
ли о предметахъ; «ораторское, или
чи» — сочиненія, назначаемыя для
ознесенія и имѣющія цѣлію не толь-
убѣдить умъ, но и подѣйствовать на
ю.

Подраздѣленіе повѣствовательныхъ
чиненій. Изображать явленія изъ
ни природы или человѣка можно
оякимъ образомъ: а) въ одномъ о-
ѣдѣленномъ, неподвижномъ ихъ со-
оянін, безъ всякаго отношенія къ пре-
дущимъ и послѣдующимъ его со-
оніямъ, не обращая вниманія на из-
ненія этихъ явленій; б) въ ихъ раз-
іи, въ ихъ переходахъ изъ одного
стоянія въ другое. Сочиненіе пер-
о рода называется «описаніемъ»,
иненіе втораго рода—собственно
вѣствованіемъ». Различіе между опи-
аніемъ и повѣствованіемъ *ясно*: опи-
саніе изображаетъ предметъ въ про-
странствѣ, каковъ онъ есть или какимъ
онъ былъ въ одно только время, въ
одномъ его состоянін, безъ означенія
перемѣнъ; повѣствованіе изображаетъ
предметъ въ разныя послѣдовательныя
времена и означаетъ постепенныя пе-
ремѣны, которымъ онъ подвергался.
Поэтому одинъ и тотъ же предметъ
можетъ быть описываемъ и можетъ
имѣть исторію. Мы говоримъ: «описа-
ніе города», т. е. изображеніе одного
его состоянія въ одно извѣстное вре-
мя, и «исторія города», т. е. разсказъ
о тѣхъ послѣдовательныхъ перемѣ-
нахъ, которымъ онъ подвергался отъ
начала своего существованія.

Примѣч. Описанія, рѣзко какъ и по-
вѣствованія, не всегда составляютъ
цѣлое, отдѣльное сочиненіе: они вхо-
дятъ въ составъ другихъ, образуютъ
ихъ извѣстную часть. Есть сочиненія
смѣшанныя, состоящія изъ описаній и
повѣствованій, или соединяющія въ
себѣ прозу повѣствовательную и про-
зу описательную.

Раздѣленіе описаній. Описанія мо-
гутъ раздѣляться различно: по свой-
ству предметовъ описываемыхъ, по
цѣли, которую предполагаетъ авторъ,
по воззрѣнію на предметы, и проч. Ес-
ли предметъ простъ, немногосложенъ,
то сочиненіе называется «собственно
описаніемъ». Если предметъ обширенъ,
состоитъ изъ многихъ и разнообраз-
ныхъ частей, которыя авторъ изобра-
жаетъ въ главныхъ чертахъ, то сочи-
неніе получаетъ названіе «очерковъ»
(таковы «Очерки Кавказа», Марлин-
скаго). «Путешествія» или «путевыя за-
писки» описываютъ какъ природу
странъ, такъ и бытъ народовъ, насе-
ляющихъ эти страны.—Между мно-
гими видами описаній надобно отли-
чать «простыя описанія» отъ описаній
«художественныхъ», иначе называе-
мыхъ «изображеніями». Различіе ихъ
зависитъ, съ одной стороны, отъ цѣли
автора, съ другой — отъ особеннаго
расположенія его души. Если ав-

торъ имѣетъ цѣлію сообщить читателю вѣрное представленіе предмета, заботится только объ изчисленіи существенныхъ, характеристическихъ его свойствъ, то сочиненіе называется «простымъ описаніемъ». Но если предметъ описанія сильно подѣйствовалъ на воображеніе и чувство автора, который выразилъ свое одушевленіе въ изящномъ словѣ, то сочиненіе называется «описаніемъ художественнымъ». Главное достоинство послѣдняго состоитъ въ томъ, что оно представляетъ читателямъ яркій, легко созерцаемый образъ предмета. Описанія, имѣющія такую высокую, художественную степень изобразительности, означаются иногда именемъ «картинъ».

Примѣч. Надобно замѣтить, что изящество слова зависитъ не столько отъ предмета, сколько отъ большаго или меньшаго проникновенія въ его сущность, отъ большаго или меньшаго одушевленія имъ. И потому оно можетъ имѣть мѣсто вездѣ, какъ въ прозѣ исторической, такъ и въ прозѣ дидактической. У историковъ и философовъ весьма часто встрѣчаются мѣста вдохновенно краснорѣчивыя. Такъ философъ разсуждаетъ спокойно, пока возбуждается только отвлеченными представленіями; но онъ же часто становится истиннымъ ораторомъ, когда живое представленіе предмета въ идеѣ пробуждаетъ энергію душевныхъ силъ.

Содержаніе описанія. Содержаніе описанія раздѣляется на главное и второстепенное.

А) Главное содержаніе заключается въ исчисленіи частей и свойствъ предмета, что иначе называется его «развитіемъ» или «различеніемъ». Но такъ какъ свойства могутъ быть многочисленны, то выбираются изъ нихъ главныя, характеристическія, которыми онъ рѣзко отличается отъ другихъ предметовъ. Существенное и необходимое въ предметѣ — то, что постоянно принадлежитъ ему, при всѣхъ его *измѣненіяхъ* — даютъ объ немъ ясное, полное понятіе; случайные признаки, сколько бъ мы ихъ ни никогда не приведутъ къ этому нятію.

Б) Главнымъ содержаніемъ о нія, предметъ отдѣляется отъ п дѣйствительности, показываетс немъ самомъ; второстепеннымъ казывается въ отношеніяхъ къ п дѣйствительности, къ другимъ метамъ. Эти отношенія суть сл щія:

а) Отношеніе къ формамъ вы пространству и времени (описані ста, занимаемаго предметомъ, и в ни, въ которое онъ былъ наблюд

б) Отношеніе причинности, — чинъ къ дѣйствіямъ, средствъ лямъ, и наоборотъ (причины ведшія предметъ, или дѣйствія произведенныя, указаніе цѣли достиженія которой онъ служилъ ствомъ, или средствъ, которыя ли къ нему, какъ къ цѣли).

в) Отношеніе тождества, т. е. шеніе описываемаго предмета к (отношеніе подчиненія), къ д предметамъ того же рода (отн противоположности), къ пред другихъ родовъ (отношеніе со ственности).

г) Указаніе генетическое, т. торія происхожденія предмета рическая часть въ описаніи).

д) Отношеніе къ жизни — пра ское значеніе предмета (его п употребленіе, достоинства, и п

е) Отношеніе къ лицу глядя ющему — впечатлѣніе, произве на автора (описаніе чувствъ, в денныхъ предметомъ).

Требованія отъ описанія. От санія требуется: а) вѣрное изо ніе дѣйствительности, предст предмета такимъ, каковъ онъ момъ дѣлѣ (точность описанія); численіе существенныхъ приз предмета (характеристика); в) ченіе достаточнаго количества ственныхъ признаковъ, чтобъ пр

тличался отъ другихъ пред-
полнота); г) представленіе
частей предмета въ подроб-
торостепенныхъ—сокращен-
мѣрность).

ложеніе описанія. Общихъ за-
для расположенія описанія
жно начинать его съ какой
стороны или точки зрѣнія. Раз-
ісь зависитъ отъ особеннаго
лей, отъ природныхъ свойствъ
ъ воображенія и чувства, ко-
чень разнообразны. Главное
соблюдать связь въ переходѣ
й стороны предмета къ дру-
терять изъ виду существен-
тличительныхъ свойствъ его.

ı. Правильный ходъ мысли,
въ ея расположеніи, особен-
дняетъ ученика. Чтобы посо-
въ этомъ трудномъ дѣлѣ,
иезнѣе разбирать расположе-
ореніяхъ хорошихъ писате-
обный анализъ будетъ всегда
рнымъ занятіемъ.

НАНІЕ О ТОРЖЕСТВѢ 30-го АВГУСТА 1834 г.

ѣніе описанія. Оно состоитъ
трехъ частей: вступленія,
дня предшествовавшаго тор-
описанія торжества (главная
объясненія торжества.

упленіе. Въ немъ показываетъ
какъ онъ будетъ описывать.
его не имѣетъ нужды въ по-
тазіи: предметъ такъ высокъ,
ое украшеніе или преобразо-
казитъ его; такъ поэтиченъ,
надобности искать поэтичес-
красъ внѣ его: чѣмъ вѣрнѣе
писаніе, тѣмъ больше будетъ
поэзіи.

САНІЕ ДНЯ НАКАНУНѢ ТОРЖЕСТВА.
ѣ части: собственно описа-
я почной грозы, и объясненіе
ей. Авторъ, въ вступленіи,
что «вся Россія изобразилась
ствѣ»; отъ видитъ и въ предъ-
днѣ *особенное знаменованіе*.

Ночная гроза изображала нашествіе Наполеона, а колонна, твердо стоявшая среди мрака и бури, была символомъ незыблемости Промысла.

в) Описаніе торжества (главная часть). Оно состоитъ изъ образцоваго изображенія слѣдующихъ предметовъ: состояніе погоды утромъ 30 августа, стеченіе зрителей, видъ площади и колонны, шествіе и постройка войскъ, прибытіе Государя, появленіе на дворцовомъ балконѣ хоругвей, священнаго собора и Государыни Императрицы со всѣмъ Императорскимъ Домомъ, молебствіе, открытіе колонны, воспоминаніе объ Императорѣ Александрѣ, отшествіе войска и народа, вечеръ, видъ площади и колонны въ сумракѣ ночи.

г) Объясненіе торжества. Мысль, выраженная въ первой части сочиненія, здѣсь ясно развивается. Авторъ видитъ въ каждомъ предметѣ символъ другаго предмета. Ночная гроза изображаетъ войну 1812 года, твердость колонны среди мрака и бури — незыблемость Промысла, движущаяся тѣнь колонны, по освѣщенной площади — идущее время, колѣнопреклоненный Государь — земное могущество простертое предъ Небомъ, крестоносный Ангелъ вѣнчающій колонну — таинственное могущество креста; гранитное подножіе монумента-то, чего уже нѣтъ; крестъ озаренный солнцемъ — то, что всегда и на-вѣки. Торжество, видѣнное авторомъ, есть не простое, а знаменательное: оно показываетъ, чему надлежало совершиться въ Россіи, чтобы «въ такомъ городѣ, такое собраніе народа, такое войско могли соединиться у подножія такой колонны». Дикая и безобразная скала, служащая подножіемъ всаднику (Петру I), есть образъ прежней Россіи, а стройная, величественная, искуствомъ округленная колонна есть образъ нынѣшней Россіи. На высотѣ дикой скалы человѣкъ скоропреходящій, а на высотѣ колонны вѣчный Ангелъ, который знаменуетъ, что она

боеваго созданія для насъ миновались, и наступило время созданія мирнаго. Это раскрытіе символизма составляетъ прекрасную оригинальность, поэтическій элементъ описанія, образцоваго во всѣхъ отношеніяхъ.

Финляндія.

Любопытно сличить сочиненіе Батюшкова съ нѣкоторыми мѣстами изъ сочиненія Ласепеда: Ages de la nature. Это сличеніе откроетъ, что поэтъ нашъ перевелъ многое изъ французскаго автора, особенно изъ того мѣста, которое помѣщено во всѣхъ почти французскихъ хрестоматіяхъ, подъ названіемъ: Les forêts et les habitans des régions glaciales. Подобное заимствованіе, конечно, нисколько не унижаетъ достоинства подражанія или даже перевода, изящнаго по изложенію. Батюшковъ, бывшій въ Финляндіи, прибѣгнулъ, для описанія видѣнной имъ стороны, къ сочиненію Ласепеда, которое говоритъ о природѣ и жителяхъ странъ, подобныхъ Финляндіи.

Выписываемъ нѣсколько отрывковъ для сличенія:

Sous un ciel toujours couvert d'épais nuages, où la clarté du jour pénètre avec peine, s'élèvent de vastes et antiques forêts. L'horreur, le silence et la nuit les habitent; des arbres presque aussi vieux que la terre qui les porte, s'y élèvent et s'y amoncellent, pour ainsi dire, sans ordre, les uns contre les autres. Leurs branches touffues et entrelacées n'offrent qu'avec peine des routes tortueuses, que des ronces embarassent encore; là des cimes énormes succombent sous le poids des années ou par la violence des vents; elles tombent avec effort sur des troncs antiques qui gisaient à leurs pieds, et recouvraient d'autres troncs à demi pourris; l'on n'entend dans ces affreuses solitudes, dans ce séjour rude et sauvage, que les cris rauques et funèbres d'oiseaux voraces, les hurlemens des ours qui cherchent une proie, l fracas d'un torrent qui se précip d'une roche escarpée, rejaillit en v peur, et fait gronder les échos de c lieux bruts et incultes ou le bruit d rochers que la main du temps f rouler au milieu de ces forêts reté tissants.

Лѣса финляндскіе непроходимы... въ теченіи своемъ деревья и камни.

Là habitent dans des cavernes d hommes durs, féroces, indomptables ne vivant que de leur chasse, ne s nourrissant que de sang et ne desira que de le boire dans le crâne de leu ennemis. Lorsque l'hiver vient éte dre ses glaces sur ces âpres contrée qu'il répand à grands flots la neig que les eaux cessant de couler se gl cent et durcissent, que les fleuves so changés en masse solide, capables d soutenir les plus lourds fardeaux, que la mer ne présente plus qu'un plaine rigide de glace dure et compact ces hommes féroces sortent de leu tanières. La massue d'une main et l hache de l'autre, ils partent pour al ler au loin surprendre les animau dont ils se nourrissent et enlever d bourgades entières pour servir à le repas inhumains. Pressés par la faim agités par la férocité, pleins de cour ge, de cruauté et de force, s'anima par le souvenir de leurs victoires pa sées, cherchant à s'étourdir sur le da ger qui les menace, ils profèrent à ha te voix l'expression de leurs sensa tions profondes et horribles; ils crient, ils élèvent leurs voix avec effort et ta chent d'en remplir tous les lieux qu'il parcourent: un enthousiasme atroc s'empare de leur âme; une espèce d chant sauvage, une chanson barbar sort de leur bouche avec leurs parole de mort et de carnage.

Существовали народы сіи... и эхо повторяетъ гдасъ ихъ въ страшной пустынѣ.

ДИДАКТИЧЕСКІЯ СОЧИНЕНІЯ.

Краткое понятіе о дидактическихъ сочиненіяхъ.

Опредѣленіе. Въ дидактическихъ сочиненіяхъ излагаются сужденія о предметахъ.

Примѣч. Дидактическій значитъ поучительный. Хотя каждое сочиненіе поучительно, но такъ какъ мы лучше узнаемъ предметы, когда выводимъ ихъ изъ общаго или сводимъ ихъ къ общему и объясняемъ ихъ общимъ, что имѣетъ мѣсто при изложеніи нашихъ сужденій, то сочиненіямъ такого рода прилично названіе дидактическихъ по преимуществу. Называются они также философическими, на томъ основаніи, что цѣль ихъ прозрѣть въ значеніе предмета, показать его истинное мѣсто въ разнообразіи существующаго, связать его съ общими началами бытія.

Раздѣленіе. Дидактическія сочиненія можно раздѣлить на систематическія и разсужденія. Въ первыхъ излагается вся совокупность истинъ одного рода; во вторыхъ—только часть истинъ, принадлежащихъ къ одному роду, или даже одна мысль.

Примѣч. Слово «система» означаетъ вообще строгую послѣдовательность мыслей. Такъ какъ необходимая принадлежность науки есть изложеніе ея истинъ въ строгомъ порядкѣ, то въ частности системою называется наука. Если изложеніе науки назначается для учащихся, то сочиненіе получаетъ названіе учебной книги, учебника, руководства.

Построеніе. Построеніе дидактическихъ сочиненій, или расположеніе ихъ матеріала, производится по двумъ способамъ: аналитическому и синтетическому.

А) Аналитическій (раздробительный, возвратный) способъ поступаетъ отъ частнаго и развиваетъ изъ него общее. Онъ восходитъ отъ явленій къ сущности, отъ фактовъ къ закону, отъ случаевъ къ правилу, отъ дѣйствій къ причинамъ, отъ слѣдствій къ началамъ, отъ особеннаго къ родовому. Сущность, законъ, правило, причина, начало, родъ суть различныя названія общаго, соотвѣтственно различнымъ названіямъ и качествамъ частнаго (явленіе, фактъ, случай, дѣйствіе, слѣдствіе, особенность). При такомъ развитіи мыслей, главное дѣло не въ частномъ, а въ томъ, чтобы достигнуть общаго, какъ совокупности частнаго. Пусть, напримѣръ, «добродѣтель» будетъ предметомъ сочиненія. Слѣдуя аналитическому способу, авторъ начнетъ съ частнаго, отъ котораго перейдетъ постепенно къ общему. Сначала онъ укажетъ разныя проявленія добродѣтели, ея примѣры, поступки добродѣтельныхъ людей; потомъ изъ нихъ составитъ понятіе о видахъ добродѣтели, и наконецъ изъ видовыхъ понятій образуетъ родъ, такъ что опредѣленіе добродѣтели, какъ форма общаго, составитъ заключительную мысль сочиненія.

Примѣч. Расположеніе аналитическое можно назвать естественнымъ, потому что слѣдуетъ тому же порядку, которому слѣдуетъ нашъ разумъ, пріобрѣтая познанія. Мы узнаемъ прежде частное, изъ котораго, посредствомъ сравненія и отвлеченія, образуемъ общее.

Б) Синтетическій (совокупительный, поступательный) способъ есть развитіе частнаго изъ общихъ понятій. Онъ переходитъ отъ сущности къ явленіямъ, отъ законовъ къ фактамъ, отъ правилъ къ случаямъ, отъ началъ къ слѣдствіямъ, отъ родоваго къ видовому и осо-

бенному. Цѣль такого развитія мысли— получить частное какъ слѣдствіе общаго. Въ анализѣ частное служитъ средствомъ для развитія общихъ понятій; въ синтезѣ, общее служитъ средствомъ для вывода частностей. Полагая общее въ основу своихъ изслѣдованій, синтезъ не только выводитъ изъ него частное, но и объясняетъ его, оправдываетъ: такъ въ данномъ примѣрѣ (о добродѣтели), авторъ, слѣдуя синтетическому способу, начнетъ съ общаго понятія о добродѣтели (съ опредѣленія), потомъ изложитъ различные ея виды, и наконецъ заключитъ указаніемъ проявленія каждой добродѣтели порознь, такъ что общая мысль сначала разлагается на мысли частныя, а частныя мысли въ свою очередь переходятъ къ болѣе частнымъ, и сочиненіе оканчивается случаями или примѣрами.

Формы, въ которыхъ выражается общее въ синтезѣ, суть: опредѣленіе, проведеніе и поясненіе. Опредѣленіе указываетъ родовой признакъ и видовое отличіе общаго; проведеніе показываетъ его въ частномъ, и чрезъ то оправдываетъ, т. е. показываетъ, что оно дѣйствительно существуетъ, а не вымышлено фантазіей; поясненіе объясняетъ общее нѣкоторыми примѣрами, слѣд. оно отличается отъ вывода меньшею обширностію.

Формы, въ которыхъ выражается частное въ синтезѣ, суть: выводъ, изъясненіе и оцѣнка. Цѣль вывода—«получить» частное, какъ слѣдствіе общаго: онъ не обращаетъ вниманія на то, дѣйствительно ли существуетъ частное, но принимаетъ частное только какъ идеальное слѣдствіе общаго. Цѣль изъясненія — «понять» частное, какъ слѣдствіе общаго: оно полагаетъ въ основаніи дѣйствительное существованіе частнаго, но въ тоже время хочетъ придать послѣднему высшее зна[illegible] изъясняя его [illegible] понят[illegible] чрезъ то у[illegible]го. Оц[illegible] критика, ес[illegible] *все*[illegible] частному [illegible]

бы чрезъ сравненіе частнаго [illegible] понять значеніе частнаго, о[illegible] достоинства, какъ слѣдстві[illegible] ности съ общимъ, и недост[illegible] слѣдствія его уклоненій о[illegible] Критическое сужденіе [illegible] во всѣхъ случаяхъ, гдѣ [illegible] не что либо необходимое, [illegible]ное и свободное осущест[illegible] общаго, которое, по это[illegible] можетъ быть или недоста[illegible] превратнымъ его выраже[illegible] эстетическая критика есть [illegible] законовъ эстетики (общее [illegible] нибудь произведенію [illegible]стное).

Кромѣ исчисленныхъ сре[illegible]тическаго способа, есть [illegible] менѣе существенныя: пре[illegible] объясненіе, аналогія и [illegible] изъясненіе. Предварител[illegible]ніе показываетъ отношені[illegible] предмета къ высшему ро[illegible]ненным видамъ: оно обы[illegible]вится напереди изслѣдов[illegible] введенія. Аналогія показ[illegible]шеніе общаго и вытекающ[illegible] частностей къ другимъ [illegible] законамъ и проявленіямъ. [illegible] выводъ изъясняетъ, какъ [illegible]щее образовалось, т. е. [illegible] его отношеніе къ элеме[illegible]чинамъ его образованія: [illegible] исторія его происхожден[illegible] сматриваются: а) элеме[illegible]торыхъ предметъ обра[illegible]теріальныя его причины), [illegible] сопровождавшія и усло[illegible] образованіе (формальныя [illegible] в) самая исторія происхо[illegible]витія.

Примѣч. Синтетическій [illegible]вершенно противоположе[illegible]скому или естественному [illegible] способу пріобрѣтенія по[illegible] онъ есть собственно пер[illegible]обрѣтенныхъ частност[illegible] менѣе частности, разви[illegible] общаго, получаютъ въ н[illegible]мѣніи высшее значеніе.

главной части ... закюченія.

О любви къ отечеству и ... гордости.

... Самое заглавіе ... показываетъ, что ... части: разсужденіе о любви къ отечеству и разсужденіе о народ...

его «Сперан-
розваніе отъ
надежда, вре-
збужденныхъ
юноши. Изъ
въ Александ-
академію, гдѣ
лъ свое уче-
амъ занималъ
есности, по-
тики. Князь
акинъ (слу-
рокурорѣ кн.
его давать
ѣстѣ предло-
го секретаря
ованіе Павла
ъ былъ ге-
ранскій про-
це на граж-
я въ канце-
занъ изъ ма-
тники (1797).
ія, глубокія
іе трудныхъ
нскому, сдѣ-
ѣмъ лицамъ,
жности. Онъ
ря при князѣ
н. Куракина,
и Обольяни-
рестолъ Им-
о, былъ онъ
при министрѣ
въ 1801 г.,
ремъ въ го-
въ 1802 г.,
рствъ, было
подъ надзо-
ея, перваго
лъ, взявшаго
, планъ уст-
тва, долженъ
разцомъ и для
министерствъ.
въ организаціи,
алъ благотворно,
злоупотребленій
общеполезный поря-
личный произволъ

ны, однакожъ, чувствовать свое достоинство.

б) Изложеніе второй части. Право на благородную гордость человѣкъ пріобрѣтаетъ достоинствомъ своей жизни, прошедшей и настоящей. Тоже и въ народѣ: чтобы узнать его права на гордость, надобно разсмотрѣть прошедшую жизнь его (исторію) и настоящій бытъ. Поэтому Карамзинъ изображаетъ блистательныя дѣянія отечества, котораго несчастія служили только къ большему обнаруженію его величія. Потомъ онъ разсматриваетъ наше военное искуство, гражданскія учрежденія, людкость, тонъ общества, вкусъ въ жизни, естественное образованіе души, науки, языкъ.

в) Заключеніе. Въ жизни народа два періода: подражательный и самобытный. Первый для насъ конченъ; наступилъ второй. Девизъ нашъ: труды и надежда. Слава, пріобрѣтенная нами, есть право на счастіе.

О счастливѣйшемъ времени жизни.

Построеніе. Разсужденіе Карамзина состоитъ изъ четырехъ частей: вступленія, предложенія, главной части (доказательства предложенія) и заключенія.

а) Вступленіе. Опроверженіе мнѣнія Цицерона, хвалившаго старость; мнѣнія Ж. Ж. Руссо, предпочитавшаго младенчество прочимъ возрастамъ жизни, мнѣнія оптимистовъ, Лейбница и Попа, доказывавшихъ, что всѣ дѣйствія натуры и феномены ея для насъ благотворны, что въ мірѣ все идетъ къ лучшему, все «прекрасно» (отсюда названіе оптимизма, отъ латин. слова optimus). Карамзинъ, напротивъ, думаетъ, что здѣшній міръ есть училище терпѣнія, что вездѣ и во всемъ окружаютъ насъ недостатки, что, однимъ словомъ, жизнь наша несчастна. Въ жизни нѣтъ блага, нѣтъ счастія. Слова: «благо и счастіе« имѣютъ только значеніе относительное: *благо* есть то, что лучше другаго; счастіе есть то, когда [illegible] му лучше, нежели другому. Пос вопросъ: «какой возрастъ жизни сч лавѣйшій?» замѣняется другимъ, отвѣтственно мысли автора: какой растъ жизни менѣе несчастливъ, что одно и тоже, какой возрастъ сч лавѣйшій по сравненію?

б) Предложеніе. На вопросъ эт Карамзинъ отвѣчаетъ прежде отр тельно (не юность), а потомъ поло тельно (мужество). О старости и д денчествѣ здѣсь уже не говорится, тому что о нихъ сказано было во в пленіи. Карамзинъ не призналъ счастливыми возрастами: слѣдов. боръ остался между юношество возмужалостью.

в) Главная часть. Положеніе Ка зина подкрѣпляется слѣдующими казательствами: 1) люди въ возр мужества большею частію насла ются вѣрнѣйшими радостями, се ственными, 2) научаются цѣнить ровье, мало уважаемое въ юност въ это же время преимущественно ствуетъ геній.

г) Заключеніе. Заключеніе, ис ненное искреннимъ элегическимъ ствомъ, совершенно соотвѣтств главной мысли Карамзина. Такъ жизнь вообще несчастна, то слѣ было для него счастія въ юности и его въ возмужалости. Однакожь не шей, а мужемъ хотѣлъ бы онъ прод жизнь (сказать солнцу: «остановис если бъ въ тоже время могъ вос сить любезныхъ ему особъ, съ к рыми былъ связанъ узами родства дружбы (сказать мертвымъ: «возст те изъ гроба»).

Примѣч. Любопытно съ мнѣніемъ рамзина, отдающимъ преимуще зрѣлому возрасту, сличить мнѣніе тюшкова (въ статьѣ: «Воспоминан Петинѣ», Москвит. 1851, № 5), п почитающаго молодость:

«Уваровъ написалъ посланіе—» годахъ умереть въ молодости». П метъ обильный въ красивыхъ и во

ъ чувствахъ! Конечно, утро
молодость, есть лучшій пері-
шего странствованія по землѣ».
но краснорѣчивый Римлянинъ
ь защитить старость: всѣ цвѣты
рѣчій его вянутъ при одномъ
іи на дряхлаго человѣка: опи-
а клюки свои, старость дрожитъ
огилою, и страшится измѣрить
ьея неприступные мраки. Опыт-
олжна бы отучать отъ жизни:
ѣкоторыя лѣта мы видимъ тому
ное. Одна религія можетъ со-
сердце старика и отучить его
зни, тягостной, бѣдной, но милой
лѣдняго дыханія. «Это есть бла-
видѣнія», говорятъ нѣкоторые
фы: можетъ быть! но за то ве-
движенія души, глубокія чув-
ія, божественныя пожертвова-
имъ собою, сильныя страсти и
енныя мысли принадлежатъ мо-
ы; дѣятельность—зрѣлымъ лѣ-
старости—однѣ воспоминанія и
къ жизни. И что теряетъ юно-
мирая на зарѣ своей, подобно
который видѣлъ одно восхож-
олнца, и увянулъ прежде, не-
ово потухло? Что теряемъ мы,
въ полнотѣ жизни, на полѣ че-
авы, въ виду тысячи людей, раз-
ихъ съ нами опасность?—Нѣ-
наслажденій краткихъ; но за
аемся съ ними и терзаній че-
ія, и сей опытности, которая
етъ насъ на срединѣ пути, по-
трашному призраку. Мы уми-
но за то память о насъ долго
въ сердцѣ друзей, не помра-
ни однимъ облакомъ, чистая,
ы, какъ розовое утро майскаго

О правдѣ.

Графъ Михаилъ Михайловичъ
ский, сынъ сельскаго священ-
адимірской губерніи, род. 1771
вое прозваніе его было «Гра-
», но въ владимірской семинаріи,
ь получилъ *первоначальное* об-
разованіе, переименовали его «Сперан-
скимъ», заимствуя это прозваніе отъ
надеждъ (латин. spes—надежда, spe-
rans — надѣющійся), возбужденныхъ
отличными способностями юноши. Изъ
семинаріи поступилъ онъ въ Александ-
роневскую духовную академію, гдѣ
такъ ревностно продолжалъ свое уче-
ніе, что на 21-мъ году самъ занималъ
званіе профессора словесности, по-
томъ физики и математики. Князь
Алексѣй Борисовичъ Куракинъ (слу-
жившій при генералъ-прокурорѣ кн.
Вяземскомъ) пригласилъ его давать
уроки своему сыну и вмѣстѣ предло-
жилъ ему мѣсто частнаго секретаря
своего. Когда, въ царствованіе Павла
I, кн. Куракинъ назначенъ былъ ге-
нералъ-прокуроромъ, Сперанскій про-
мѣнялъ духовное поприще на граж-
данское: онъ опредѣлился въ канце-
лярію князя и переименованъ изъ ма-
гистра въ титулярные совѣтники (1797).
Необыкновенныя дарованія, глубокія
познанія и ясное изложеніе трудныхъ
дѣлъ, поручаемыхъ Сперанскому, сдѣ-
лали его извѣстнымъ всѣмъ лицамъ,
занимавшимъ разныя должности. Онъ
сохранилъ мѣсто секретаря при князѣ
Лопухинѣ, смѣнившемъ кн. Куракина,
а потомъ при Беклешевѣ и Обольяни-
новѣ. По вступленіи на престолъ Им-
ператора Александра 1-го, былъ онъ
опредѣленъ директоромъ при министрѣ
удѣловъ, Трощинскомъ; въ 1801 г.,
назначенъ статсъ-секретаремъ въ го-
сударственномъ совѣтѣ; въ 1802 г.,
при образованіи министерствъ, было
поручено ему составить, подъ надзо-
ромъ графа В. П. Кочубея, перваго
министра внутреннихъ дѣлъ, взявшаго
его къ себѣ въ директоры, планъ уст-
ройства этого министерства, долженст-
вовавшій служить образцомъ и для
устройства другихъ министерствъ.
Удивительнымъ даромъ въ организаціи,
Сперанскій дѣйствовалъ благотворно,
стараясь на мѣстѣ злоупотребленій
водворять вездѣ общеполезный поря-
докъ и замѣнять личный произволъ

законностью дѣйствій. При этомъ оказалъ онъ еще важную, хотя и побочную заслугу, преобразовавъ руссій канцелярскій слогъ, который дошелъ было до крайней запутанности: все, что ни писалъ Сперанскій, даже и по обыкновеннымъ дѣламъ, было образцемъ прекраснаго изложенія. Годовые отчеты министерства внутреннихъ дѣлъ, имъ составленные и печатаемые въ С-петербургскомъ журналѣ, имъ учрежденномъ и издававшемся съ 1804 до конца 1809, представляютъ образцы дѣловаго слога, какимъ должны писаться оффиціальныя бумаги. Въ 1803 г., Государь поручилъ ему, чрезъ графа В. П. Кочубея, составить планъ образованія судебныхъ и правительственныхъ мѣстъ въ имперіи, что имъ и было исполнено. Государь Императоръ назначилъ его товарищемъ министра юстиціи. По покоренія Финляндіи, Сперанскому поручено было (1809) управленіе этого края и вмѣстѣ съ тѣмъ онъ былъ назначенъ канцлеромъ Абовскаго (Гельсингфорскаго) университета. Въ томъ же году составилъ онъ планъ образованія государственнаго совѣта и министерствъ, уставъ каждаго изъ нихъ съ опредѣленіемъ порядка ихъ сношеній между собою, и въ слѣдствіе этого плана учреждены два новыя министерства: полиціи и государственнаго контроля. Но важнѣйшій трудъ его — измѣненіе финансовой системы. Имъ приведена въ порядокъ система податей, учрежденъ капиталъ погашенія долговъ, вынута изъ обращенія значительная часть ассигнацій, введена новая монетная система, изданъ общій тарифъ и подвергнуты всѣ смѣты министерствъ контролю государственнаго совѣта, а всѣ издержки государственному контролю. Сверхъ того, преобразованіе всѣхъ духовныхъ училищъ въ Россіи и устроеніе прочнаго ихъ управленія, опредѣленіе мѣщанскихъ и крестьянскихъ повинностей, собраніе матеріаловъ для статистики Россіи, образованіе рекрутскихъ округовъ—все [illegible] суть образцовые труды Сперанскаго, который въ теченіе пятнадцати лѣтъ своей службы (съ 1797 по 1812) достигнулъ до важнаго званія государственнаго секретаря, былъ тайнымъ совѣтникомъ и александровскимъ кавалеромъ, и пользовался милостью и довѣренностью Государя Императора.

Въ 1819 году послѣдовало назначеніе его въ генералъ-губернаторы Сибири. Онъ занялся преобразованіемъ ввѣреннаго ему края, и чрезъ два года составилъ планъ управленія Сибирью, которая по его проэкту, утвержденному Государемъ, раздѣлена была на двѣ части: Восточную и Западную. Дальнія путешествія, которыя предпринималъ онъ въ это время, для того чтобы узнать нужды и средства края, познакомиться съ образомъ жизни, промыслами жителей и управленіемъ, представляли ему и здѣсь досугъ для занятій науками. Въ 1821 году, Сперанскій призванъ былъ въ Петербургъ, гдѣ Императоръ назначилъ его членомъ государственнаго совѣта, равно членомъ сибирскаго комитета и комиссіи о составленіи законовъ. Со вступленіемъ на престолъ нынѣ царствующаго Государя, Сперанскому ввѣрено было руководство трудами комиссіи законовъ, преобразованной (въ 1826 г.) во второе отдѣленіе собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи. Труды эти, руководимые прозорливою опытностію государственнаго мужа, одушевились новою жизнью. Черезъ четыре года (въ 1830 г.) появилось Полное Собраніе Законовъ, въ 45 томахъ, а въ 1833 — Сводъ законовъ, въ 15 томахъ. Между тѣмъ занятый главнымъ предметомъ, Сперанскій находилъ время для исполненія другихъ порученій, на него возложенныхъ: былъ членомъ Комитета объ устройствѣ университетовъ, гимназій и прочихъ учебныхъ заведеній; предсѣдателемъ Комитета о составленіи уставовъ вексельнаго и торговой несостоя

ельности и Комитета о составленіи ркутскаго устава. Въ признательсть къ столь многимъ и разнообразнымъ заслугамъ, Государь Императоръ наградилъ его чиномъ дѣйствиельнаго тайнаго совѣтника, андреевской лентой, графскимъ титуломъ, обезпеченнымъ состояніемъ, и въ знакъ воей довѣренности препоручилъ ему реподаваніе законовѣдѣнія Государю есаревичу, Наслѣднику престола.— руды и внутреннія страданія разстроили крѣпкое здоровье Сперанскаго. Онъ умеръ въ 1839 г. Послѣдніе дни его, какъ и вся жизнь, были полны дѣятельности, яснаго спокойствія. Глубоко-трогательное было зрѣлище, когда торжественныя похороны его шли въ той же самой Александро-Невской лаврѣ, которая была ему первымъ убѣжищемъ въ столицѣ, когда безжизненное тѣло его внесли подъ богатымъ балдахиномъ въ тѣ самыя ворота, куда за полвѣка вступилъ онъ бѣднымъ, невѣдомымъ юношей,—только надѣленный отличными дарованіями отъ природы и съ благородной самоувѣренностью въ душѣ.

Сперанскій былъ не только основательный ученый и великій государственный сановникъ, но и прекрасный человѣкъ. Онъ былъ скроменъ и ласковъ, справедливъ, снисходителенъ, набоженъ, но врагъ ханжества и нетерпимости. Его благородное самообладаніе всего лучше проявлялось въ несчастіи, которымъ постигла его судьба. Во все это время не вырвалось у него ни одного слова противъ клеветниковъ; со слезами на глазахъ молилъ онъ силы свыше, чтобы простить имъ отъ глубины души, и впослѣдствіи никогда не помышлялъ о мести. Безъ состоянія, безъ связей вышелъ онъ на высокое поприще жизни, подкрѣпляемый только неутомимымъ прилежаніемъ, непреклоннымъ нравственнымъ мужествомъ и рѣшительною твердостію воли. Примѣръ его одушевилъ не одно юношающее мужество. Рѣзкая черта его личности — удивительная многосторонность. Такая способность къ различнымъ отраслямъ общественной дѣятельности была отчасти плодомъ точнаго раздѣленія и самаго добросовѣстнаго употребленія времени. Даже въ позднѣйшіе годы, управляя важнѣйшими государственными дѣлами, онъ находилъ время посвящать наукамъ, особенно математикѣ, философіи, государствовѣдѣнію, такъ что всегда стоялъ наравнѣ съ успѣхами образованности европейской. Науки всегда находили въ немъ ревностнаго покровителя. Рѣдкій даръ слова дѣлалъ его средоточіемъ тѣхъ круговъ, куда онъ показывался.

Дѣятельность Сперанскаго оказала благотворное вліяніе на отечественный языкъ. Онъ есть главный образователь такъ называемаго дипломатическаго слога, образцами котораго служатъ манифесты, указы и другіе важные акты, изданные при Императорѣ Александрѣ; на примѣръ: манифесты о подтвержденіи правъ дворянства и градскихъ обществъ, о милиціи 1806 года, и мн. др. Въ с.-петербургскомъ журналѣ (1804 — 1809), издававшемся при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, статьи котораго были писаны или пересмотрѣны Сперанскимъ, находятся образцы чистаго, правильнаго и благороднаго слога. Изъ сочиненій его изданы:

1) Избранныя мѣста изъ разныхъ твореній Ѳомы Кемпійскаго (1819).

2) О подражаніи Іисусу Христу, Ѳомы Кемпійскаго, пер. съ лат. (1819, 1821, 1824).

3) Обозрѣніе историческаго свѣдѣнія о Сводѣ законовъ (1833).

4) Правила высшаго краснорѣчія, написанныя на 22 году его возраста.

5) Руководство къ познанію законовъ (1845), составленное имъ для Государя Наслѣдника Цесаревича. По окончаніи бесѣдъ своихъ съ Его Императорскимъ Высочествомъ, въ 1837 году, Сперанскій желалъ соста-

вить вообще для юношества нашего краткое руководство къ познанію отечественныхъ законовъ. Онъ приступилъ къ этой работѣ въ 1838 году; но 1838 годъ былъ уже послѣднимъ его дѣятельной жизни, и работа осталась неконченною. Онъ успѣлъ написать лишь начало. (Слов. достопам. людей русской земли, Бантышъ-Каменскаго; Москвитянинъ, 1842, № XI; Воспоминанія Ѳ. Булгарина, ч. 3).

Примѣч. Въ Москвитянинѣ 1842 г., № I и XI, помѣщены: письма Сперанскаго изъ Сибири къ его дочери (Елисаветѣ Михайловнѣ, вышедшей замужъ за сенатора Фролова-Багрѣева) и философическій отрывокъ: о силѣ, основѣ и естествѣ.

Кто истинно добрый и счастливый человѣкъ?

Построеніе. а) Разсужденіе не имѣетъ приступа. Авторъ прямо отвѣчаетъ на вопросъ, выраженный въ заглавіи, и этотъ отвѣтъ составляетъ «предложеніе», основную мысль: «одинъ тотъ, кто способенъ наслаждаться семейственною жизнію есть прямо добрый и слѣдовательно прямо счастливый человѣкъ». Слово «прямо» показываетъ, что, кромѣ истинной доброты, есть доброта ложная, а слово «слѣдовательно», соединяетъ неразрывно счастіе съ добродѣтелью, полагая первое во второй.

б) За предложеніемъ слѣдуетъ «развитіе», которое состоитъ изъ двухъ частей: 1) доказательства основной мысли сочиненія, какъ истинной, и 2) опроверженія мысли ей противной, какъ ложной. Человѣкъ, способный наслаждаться семейственною жизнію, есть прямо добрый и прямо счастливый человѣкъ: вотъ мысль истинная. Человѣкъ, который въ свѣтѣ слыветъ добрымъ и счастливымъ, есть прямо добрый и счастливый: вотъ мысль ложная. Такимъ образомъ семейство противополагается свѣту. Въ семействѣ человѣкъ «есть» таковъ, каковъ онъ въ самомъ дѣлѣ, потому что онъ не имѣетъ нужды притворяться доб счастливымъ; онъ дѣйствуетъ с венною силою, свободно пре своимъ склонностямъ. Въ свѣтѣ вѣкъ можетъ «казаться» такимъ, к онъ не есть въ самомъ дѣлѣ, п что дѣйствуетъ не собственною с а окруженъ безчисленными подпо общее мнѣніе—хранитель его д дѣтелей, источникомъ ихъ м быть единственно честолюбіе. И кто хочетъ узнать совершенно х теръ человѣка, тотъ долженъ по рѣть на него въ семействѣ, гдѣ вѣкъ никому, кромѣ самого се даетъ отчета.

в) Изъ мысли развитой, слѣд занной, вытекаетъ совѣтъ, гдѣ счастія. Искать его надобно въ ствѣ, гдѣ заключены самыя лучш слажденія, самыя драгоцѣнныя на человѣка.

г) Поэтическою картиною до семьянина оканчивается доказате во выбраннаго предмета.

д) Послѣдняя часть сочиненія бражаетъ горестную сторону с ной жизни и предлагаетъ утѣ Замѣтимъ, что сужденія автора, изложенныя, повторяются въ др его сочиненіяхъ: «Теонъ и Эсх «Ундина». Подобное повтореніе ваетъ нерѣдко, если развиваемая принадлежитъ къ задушевнымъ лямъ автора, есть, такъ сказать, вокъ или даже сокращеніе его ственной философіи, его взгля жизнь. Сличимъ всѣ три мѣста:

«Развѣ съ утратою любезных ряется для насъ воспоминаніе? тому, кто наслаждался настоящи и такъ далѣе, до словъ: «горест детъ для него нѣкоторымъ обр любовію». (Кто истинно добрый и с ливый человѣкъ?)

«Но счастье, вдвоемъ столь ж На вѣки-ль исчезло? И прежн Вотще-ли столь были прелест О, нѣтъ: никогда не погибнет слѣ

Для сердца прошедшее вѣчно.
Страданье въ разлукѣ есть таже любовь;
Надъ сердцемъ утрата безсильна.
Кто разъ полюбилъ тотъ на свѣтѣ, мой другъ,
Уже одинокимъ, не будетъ....
Ахъ, свѣтъ, гдѣ она предо мною цвѣла—
Онъ тотъ же: все ею онъ полонъ.
По той же дорогѣ стремилюся одинъ
И къ той же возвышенной цѣли,
Къ которой такъ бодро стремился вдвоемъ—
Смхъ узъ не разрушитъ могила».
(*Тень и Эсхинъ.*)
.....Здѣсь разумѣю я горе
Сердца, глубокое, нашу всю жизнь губящее горе,
Горе, которое съ милымъ, потерянным благомъ сливаетъ
Насъ воедино, которымъ утрата для насъ не утрата,
Смерть вдвоемъ бытіе, а жизнь порывъ непрестанный
Къ той чертѣ, за которую милое наше изъ міра
Прежде насъ перешло».
(*Ундина*).

О согласованіи воспитанія съ развитіемъ душевныхъ способностей.

Построеніе. А) «Задача воспитанія». Обязанность воспитанія состоитъ въ полномъ раскрытіи душевныхъ способностей. Но душевныя способности, равно какъ силы тѣлесныя, развиваются въ извѣстномъ и опредѣленномъ порядкѣ: слѣд. воспитаніе должно согласоваться съ ихъ развитіемъ.

Способностей душевныхъ три: чувство, умъ и воля. Умственное пріобрѣтеніе знаній, нравственное облагороженіе воли и образованіе вкуса совершаются въ различныхъ возрастахъ жизни, согласно послѣдовательному развитію способностей. Въ дѣтствѣ образуется чувство, подъ руководствомъ матери; въ юности раскрывается и обогащается умъ, подъ руководствомъ отца или наставника; возрастъ мужества назначенъ образованію воли, подъ руководствомъ закона внѣшняго, или общественнаго, и внутренняго, или нравственнаго.

Б) Опровержение мыслей, противоположныхъ истинной задачѣ воспитанія. Объяснивъ тему своего сочиненія, которое будетъ состоять въ раскрытіи истинныхъ психологическихъ законовъ воспитанія, авторъ показываетъ ложность и вредъ противоположнаго образа мыслей; другими словами: показываетъ источники недостатковъ въ воспитаніи.

В) Раздѣленіе сочиненія. Такъ какъ душевныя способности развиваются въ опредѣленныхъ возрастахъ, то основаніемъ дѣленія можетъ служить или различіе способностей или различіе возрастовъ. По числу послѣднихъ, сочиненіе раздѣляется на три части:

а) Въ дѣтствѣ преимущественно образуется чувство. Обращая особенное на него вниманіе, не должно, однакожъ, упускать изъ виду другихъ сторонъ жизни, такъ чтобъ въ жизни дитяти были возбуждены три начала: религіозное, нравственное и умственное. Первоначальное проявленіе чувствованій должно состоять въ повиновеніи и благодарности, въ занятіи благороднѣйшихъ внѣшнихъ чувствъ — зрѣнія и слуха, чтобы первое приучилось къ изящнымъ видамъ, а второе—къ изящнымъ звукамъ. Первоначальное проявленіе нравственности должно состоять въ умѣренности, воздержаніи, отсутствіи зависти. Первоначальное проявленіе ума—въ обращеніи вниманія на самого себя, въ выборѣ занятій.

б) Въ отрокѣ разумѣніе составляетъ главный предметъ воспитанія. Правило здѣсь заключается въ томъ, чтобы познать отличительную способность души и ее возбуждать. Занятія живописью и музыкой, наукою чиселъ и протяженій, языками: вотъ предметы умственнаго образованія. — Относительно нравственнаго чувства, здѣсь

должно раскрыть признательность и уваженіе, возбудить чувства обязанностей общественныхъ, чувства справедливости, готовности къ услугамъ, прямодушія, честности. Относительно религіознаго чувства, въ отрокѣ раскрывается страхъ Божій, начало премудрости.

в) Въ періодѣ юношества, изъ знаній образуются науки, чувствованія творятъ идеалы, склонности обращаются въ нравственныя направленія.

Г) Изложеніе особеннаго способа образованія, свойственнаго человѣку, кромѣ общихъ психологическихъ законовъ.

Д) Заключеніе. Здѣсь, во-первыхъ, авторъ сокращенно излагаетъ содержаніе своего разсужденія, во-вторыхъ, обращается къ родителямъ, воспитателямъ и наставникамъ.

а) Сокращенное изложеніе содержанія. Два, повидимому противуположныя, правила представляются воспитателю: первое требуетъ, чтобы не останавливать въ юношѣ ни одного врожденнаго влеченія, не ослаблять ни одной способности; другое — заставляетъ уничтожать одностороннее направленіе для того, чтобы согласіе цѣлаго непрестанно болѣе и болѣе развивалось. Долгъ истинно-полезнаго воспитанія состоитъ не въ одномъ сообщеніи разнородныхъ свѣдѣній, но въ совокупности и образованія вкуса, и просвѣщенія ума, и благородствованія сердца.

б) Обращеніе. Въ немъ предлагаются два совѣта: напитать юныя сердца христіанскими добродѣтелями: надеждою, любовію и вѣрою, и наставлять юношу собственными добрыми качествами, благими примѣрами.

Примѣч. Достоинство сего разсужденія, какъ и всѣхъ сочиненій того же автора, заключается въ двухъ предметахъ: въ строгомъ, послѣдовательномъ развитіи выбранной мысли, которая освѣщается со всѣхъ сторонъ богатымъ матеріаломъ многоразличныхъ знаній, и въ изящномъ изъ образцовомъ языкѣ.

О книгѣ Іова.

Сличи переложеніе изъ Іова гою Іова (гл. 38, 39 и 40) и съ жаніемъ Іову (Ломоносова).

О комедіи Фонъ-Визин Недоросль.

1) Извлекаемъ изъ крит статьи г-на Шевырева краткій литературной дѣятельности кн. скаго.

«Кн. Вяземскій — младшій никъ того поколѣнія, во глав раго стоитъ Жуковскій. По об нію своему князь Вяземскій о ся къ тому времени, когда лите наша отъ такъ называемаго ческаго направленія переход романтическому. Литературн воспитаніе совершилось еще вліяніемъ французскаго класс но безъ его односторонности, въ самомъ лучшемъ его видѣ. Е ное остроуміе писателя сошл легкою игривостью французска Отсюда же занялъ онъ и свой взглядъ на литературу, какъ раженіе общественной жизни взглядъ, которому Французы такимъ множествомъ историч сочиненій по этой части.

«Своими тайными сочувствія имъ самовоспитаніемъ, кн. Вя принадлежитъ романтической Остроумныя эпиграммы и сатир цузскаго классицизма употр онъ на тѣхъ, которые прот живому, тогда еще новому с нію — романтическому. То, самого внутренно влекло к школѣ, заключалось въ его т глубокомъ чувствѣ, которое не согрѣвало его дружескія посл даже вспыхивало изъ подъ его эпиграммъ. Это элегическо ство сильнѣе всего сказалось слѣднихъ произведеніяхъ его

ıрактерѣ кн. Вяземскаго есть
ая черта—его сочувствіе къ
литературѣ, какъ выразитель-
ли общественной, и его вы-
ѣніе о значеніи русскаго писа-
. Вяземскій дѣйствовалъ въ
къ неутомимо. Онъ не щадилъ
русской словесности. Онъ
ызывалъ противъ себя вражду
едственности, которая вреди-
инству литературы. Онъ ста-
гомъ, чтобы образовалось у
ературное мнѣніе — и это
ie его останется за нимъ,
рый подвигъ его литератур-
ельности».

одя потомъ къ сочиненію кн.
го: «Фонъ-Визинъ» (С.п.бургъ
ткуда заимствованъ отры-
Недоросль», г-нъ Шевыревъ
:—«Срединное положеніе кн.
го въ Карамзинскомъ періодѣ,
о между классическою и ро-
кою школою, его классическо-
ское воспитаніе въ томъ, что
о лучшаго, его теплое рус-
ство, его пламенное вѣрова-
ітературу и въ высокое зва-
ителя — все это объясняетъ
ость такого прекраснаго труда,
его: Фонъ-Визинъ. Причина,
ін. Вяземскій остановился съ
обовью на Фонъ-Визинѣ, за-
ся въ самомъ содержаніи біо-
онъ-Визина, въ двоякой сферѣ
ельности: государственной и
рной, наконецъ въ самомъ
ѣ уже русская словесность
въ ближайшее соприкоснове-
бщественною жизнію и гдѣ
ıа мысль автора: «Исторія
ры народа должна быть вмѣстѣ
и его общежитія». (Москвит.,
? 5)

ѣдѣ, данномъ въ Москвѣ, 1850
сть кн. Вяземскаго, по воз-
ı его въ отечество, послѣ про-
льнаго путешествія по Востоку,
ıтствіи нѣкоторыхъ литерато-
ъ отвѣтѣ самого князя, вы-

сказано было значеніе его литературной дѣятельности. Такъ Н. Ф. Павловъ, между прочимъ, сказалъ: «Вашъ умъ и сердце развились въ ту эпоху, когда глаза наши были ослѣплены блистательными явленіями западной образованности, и между тѣмъ въ эту эпоху вы горячо полюбили свой языкъ, вы съумѣли прислушаться къ его задушевнымъ звукамъ, и мы читаемъ у васъ стихи, которыхъ безъ чистой, глубокой, истинной любви къ своей родинѣ, не могли бы внушить никакіе дары Провидѣнія. Чужеземное вліяніе не закрыло отъ васъ ни чудесныхъ красотъ нашего языка, ни величія нашего отечества. Ваше имя тѣсно соединено съ памятными именами. Вы были другомъ Карамзина, Дмитріева, Батюшкова, Баратынскаго. Вы съ теплымъ вниманіемъ встрѣтили первые стихи Языкова, вы приняли послѣднія слова умирающаго Пушкина. Съ вами связана для насъ исторія русской литературы, ея радостныя и горькія воспоминанія. Вы, по выраженію Баратынскаго — «звѣзда разрозненной Плеяды».—Въ скромномъ отвѣтѣ своемъ, кн. Вяземскій показалъ свои литературныя связи: «Въ области литературы я для васъ живое преданіе. Я былъ питомецъ Карамзина: тѣснѣйшія узы родства (*) и сердца связывали меня съ нимъ. Нелединскій, Дмитріевъ также ласкали меня, отрокомъ, въ домѣ отца моего. Послѣ, когда я возмужалъ, они удостоивали меня своей особенной пріязни. На дружескихъ и веселыхъ пирахъ обмѣнивались мы съ Денисомъ Давыдовымъ, рюмами и бокалами. Я не дожилъ еще до глубокой старости, но грустно уже пережилъ многихъ друзей, многія литературныя поколѣнія. Пушкинъ, Баратынскій, Языковъ возрасли, созрѣли, прославились и сошли въ могилу при мнѣ. Во мнѣ привѣтствуете вы старѣйшаго друга

(*) Карамзинъ во второй разъ былъ женатъ на сестрѣ кн. Вяземскаго.

нашего перваго современнаго поэта, Жуковскаго, и другаго поэта, еще живаго, но въ сожалѣнію давно умолкшаго, Батюшкова.» (Москв., 1850, № 21).

Примѣч. Взглядъ на литературу, какъ на выраженіе общественной жизни, принадлежитъ Французамъ. Выраженіе: «La littérature est l'expression de la société» развито въ первый разъ Бональдомъ (Bonald), въ сочиненіяхъ: «De la législation primitive» (1802), «Du style et de la littérature» (1806).

2) Кн. Вяземскій обладаетъ двойнымъ талантомъ: критическимъ и сатирическимъ. Поэтому и сочиненія его относятся къ критикѣ и сатирѣ. Критическія сочиненія: 1) Біографіи Дмитріева и Озерова, приложенныя къ собранію ихъ сочиненій, 2) о Горѣ отъ ума и о Ревизорѣ (Современникъ, издававшійся Пушкинымъ), 3) Фонъ-Визинъ (образцовое произведеніе по части біографіи и критики). Многія другія помѣщены въ разныхъ журналахъ (Телеграфъ, Литер. газ., изд. Дельвига, Современникъ, изд. Пушкина) и другихъ литературныхъ сборникахъ. Сатирическія сочиненія: сатиры, эпиграммы и нѣкоторыя посланія (напечатанныя въ разныхъ журналахъ и альманахахъ). Третій отдѣлъ его сочиненій составляютъ стихотворенія лирическія, преимущественно въ элегическомъ родѣ; но они слабѣе первыхъ двухъ родовъ.

3) Въ сужденіи о комедіи Недоросль, надобно особенно замѣтить слѣдующее мѣсто: «Въ содержаніи комедіи «Недоросль» и въ лицѣ Простаковой скрываются всѣ пружины, всѣ лютыя страсти, нужныя для соображеній трагическихъ—разумѣется, что трагедія будетъ не по греческой или французской классической выстройкѣ, но не менѣе того развязка ея можетъ быть трагическая.—Авторъ, въ начертаніи картины, далъ лицамъ смѣшное направленіе; но смѣшное, хотя у него и на первомъ планѣ, не мѣшает глядѣть гнусное въ перспекти Такое воззрѣніе на комедію дя высокое мѣсто въ ряду драматич произведеній, какъ по содер такъ и по цѣли. Истинно коми состоитъ въ томъ, что дѣйствія вытекаютъ изъ правилъ, признава ими за несомнѣнныя, но въ с дѣлѣ противоположныхъ законах и нравственности. Поэтъ и зрител сочувствующіе, видятъ, что д комическихъ лицъ основаны н номъ воззрѣніи на жизнь, но не этого комическія лица, призн заблужденія неопровержимой ис Для нихъ, страданія, вытекающ заблужденій, истины, а не сл Такимъ образомъ за комедіей трагедія, смѣхъ разрѣшается т рестныя ощущенія. Въ трагедіи страдаетъ въ борьбѣ съ забл ніемъ: зрители принимаютъ учас лицѣ и осуждаютъ заблужден комедіи, лице страдаетъ отъ п и добровольнаго согласія съ за деніемъ, которое для зрителей зумно и смѣшно. Но въ обоих чаяхъ страданіе не притворно медія, возбуждая смѣхъ отдѣ. сценами, производитъ общимъ т ное, мрачное впечатлѣніе. С болѣе человѣческаго образа дѣ которое возрождается въ зри послѣ видѣнной ими картины зл деній, живое ощущеніе истины требность разумныхъ началъ, г любовь къ нравственности чис вотъ вліяніе комедіи. Слѣдов. вн ваніи комедіи лежитъ глубокое во поэта, которое хотя и не д каго внятно (потому что бо часть довольствуется однимъ см внѣшнею веселостью), но которо шится въ этихъ, часто безсм ныхъ рѣчахъ, какія ведутъ меж бою дѣйствующія лица, котор дится въ этихъ пошлыхъ или н дѣлахъ. Эти дѣла и рѣчи возвра каждаго, кто способенъ угадать

увствовать настоящую мысль комедіи, ъ тому же строгому нравственному деалу, какой имѣетъ въ виду и трагедія. Вотъ почему глубокомысленные критики ставятъ комедію, въ извѣстномъ смыслѣ, выше трагедіи. «Много было споровъ о томъ»—говоритъ Шиллеръ — «которому изъ двухъ родовъ драматической поэзіи — трагедіи или комедіи—принадлежитъ преимущество. Если этимъ хотятъ спросить, въ которомъ изъ двухъ родовъ выбранный предметъ важнѣе, то, разумѣется, преимущество остается за трагедіею. Но если сила вопроса въ томъ, какой родъ требуетъ возвышеннѣйшей личности, то скорѣе должно рѣшить въ пользу комедіи. Въ трагедіи многое дѣется самимъ предметомъ; въ комедіи предметомъ взять нельзя, а все зависитъ отъ поэта, который долженъ постоянно держать его на извѣстной эстетической высотѣ. Цѣль комедіи есть одна и та-же съ высочайшею изъ сѣхъ, какія только существуютъ для человѣческихъ стремленій: она состоитъ въ томъ, чтобы сдѣлать человѣка свободнымъ отъ страстей, отъ нравственной низости, чтобы онъ всегда ясно, спокойно и достойно смотрѣлъ въ себя и около себя». — Два пособа изображать изящное: положительный, чрезъ показаніе самого изящнаго, и отрицательный, чрезъ показаніе того, что противоположно изящному безобразнаго), на чемъ основывается различіе между трагедіею и комедіею, очень ясно обозначены въ піесѣ Гоголя: «Театральный разъѣздъ послѣ представленія новой комедіи (Ревизоръ)«. Выпишемъ изъ нея нѣсколько мѣстъ, относящихся къ мысли кн. Вяземскаго: «Развѣ положительное и отрицательное не можетъ служить той же цѣли? Развѣ комедія и трагедія не могутъ выразить ту же высокую мысль? Развѣ все, до малѣйшей излучины души подлаго и безчестнаго человѣка, не рисуетъ уже образъ честнаго человѣка? Развѣ все это накопленіе низостей, отступленіе отъ законовъ и справедливости, не даетъ уже знать чего требуетъ отъ насъ законъ, долгъ и справедливость? Въ рукахъ искуснаго медика и холодная и горячая вода лечатъ съ равнымъ успѣхомъ однѣ и тѣже болѣзни. Въ рукахъ таланта все можетъ служить орудіемъ къ прекрасному, если только правится высокой мыслью послужить прекрасному».—О значеніи смѣха: «Смѣхъ значительнѣй и глубже, чѣмъ думаютъ. Не тотъ смѣхъ, который порождается временной раздражительностью, желчнымъ, болѣзненнымъ расположеніемъ характера; не тотъ также легкій смѣхъ, который весь излетаетъ изъ свѣтлой природы человѣка, излетаетъ изъ нея потому, что на днѣ ея заключенъ вѣчно-біющійся родникъ его; но который углубляетъ предметъ, заставляетъ выступить ярко то, что проскользнуло бы, безъ проницающей силы котораго мелочь и пустота жизни не испугали бы такъ человѣка». — О завязкѣ въ комедіи: «Если принимать завязку въ томъ смыслѣ, какъ ее обыкновенно принимаютъ, т. е. въ смыслѣ любовной интриги, такъ ее точно нѣтъ (въ Ревизорѣ). Но, кажется, уже пора перестать опираться до сихъ поръ на эту вѣчную завязку. Стоитъ оглядѣться пристально вокругъ. Все измѣнилось давно въ свѣтѣ. Теперь сильнѣе завязываетъ драму стремленіе достать выгодное мѣсто, блеснуть и затмить, во что бы ни стало, другаго, отмстить за пренебреженье, за насмѣшку. Не болѣе ли теперь имѣютъ электричества чинъ, денежный капиталъ, выгодная женитьба, чѣмъ любовь?.... Вообще ищутъ частной завязки и не хотятъ видѣть общей. Люди простодушно привыкли къ тѣмъ безпрестаннымъ любовникамъ, безъ женитьбы которыхъ никакъ не можетъ окончиться піеса. Конечно это завязка, но какая завязка? точный узелокъ на уголкѣ платка. Нѣтъ, комедія должна вязаться сама собою, всей своей массою, въ одинъ

большой, общій узелъ. Завязка должна обнимать всѣ лица, а не одно или два, коснуться того, что волнуетъ, болѣе или менѣе, всѣхъ дѣйствующихъ. Тутъ всякій герой; теченіе и ходъ піесы производитъ потрясеніе всей машины: ни одно колесо не должно оставаться какъ ржавое и не входящее въ дѣло.... Правитъ піесою идея, мысль. Безъ нея нѣтъ въ ней единства. А завязать можетъ все: самый ужасъ, страхъ ожиданія, гроза идущаго вдали закона.... Высшее, болѣе общее значеніе комедіи есть ея прямое и настоящее. Въ самомъ началѣ, комедія была уже общественнымъ народнымъ созданіемъ. По крайней мѣрѣ такою показалъ ее самъ отецъ ея, Аристофанъ. Послѣ она уже вошла въ узкое ущелье частной завязки, внесла любовный ходъ, одну и ту же непремѣнную завязку. За то, какъ слаба эта завязка у самыхъ лучшихъ комиковъ, какъ ничтожны эти театральные любовники съ ихъ картонной любовью.... Любовь, также какъ и другія чувства, можетъ тоже войти въ комедію. Но и любовь и всѣ другія чувства, болѣе возвышенныя, тогда только произведутъ высокое впечатлѣніе, когда будутъ развиты во всей глубинѣ. Занявшись ими, неминуемо должно пожертвовать прочимъ. Все то, что состав именно сторону комедіи, тогда блѣднѣетъ, и значеніе комедіи об ственной непремѣнно исчезнетъ» выборѣ предмета: «Первый» (дѣй ющее лице): какъ будто нѣтъ др предметовъ (кромѣ злоупотребл пороковъ), о чемъ можно писат «Второй»: какіе же другіе предме «Первый»: ну, да мало ли есть вс смѣшныхъ свѣтскихъ случаевъ. положимъ, напримѣръ, я отправи Аптекарскій островъ, а кучеръ в завезъ меня тамъ на Выборгскую ло ли есть всякихъ смѣшныхъ леній? — «Второй»: то есть, вы х отнять у комедіи всякое серьезно ченіе. Но за чѣмъ издавать непр ный законъ? комедій въ томъ в вкусѣ, въ какомъ вы желаете, множество. Почему же не допу существованія двухъ, трехъ та какова была игранная теперь (зоръ)? Если же вамъ нравятся которыхъ вы говорите, поѣз только въ театръ: тамъ всякій де увидите піесу, гдѣ одинъ спря подъ стулъ, а другой вытащи оттуда за ногу».

ПРИМѢЧАНІЯ

КО

ВТОРОЙ ЧАСТИ.

ЭПИЧЕСКАЯ ПОЭЗІЯ.

Изъ Иліады.

) Гнѣдичъ (Николай Ивановичъ), . въ Полтавѣ, 1784 г. Первое об-ованіе получилъ въ полтавской се-аріи; по уничтоженіи ея, учился въ ьковскомъ коллегіумѣ, а съ 1800 1803 годъ въ московскомъ универ-етѣ, гдѣ товарищемъ его былъ са-икъ Милоновъ, а учителемъ рус-й словесности Мерзляковъ. Въ)3, вступилъ въ службу въ депар-ентъ народнаго просвѣщенія; въ 11 въ императорскую публичную ліотеку; въ 1817, оставилъ служ-по департаменту народнаго про-щенія. Гнѣдичъ никогда не поль-ался совершеннымъ здоровьемъ, е въ молодыя лѣта. Въ 1809 г. началъ хворать; въ 1825, по со-у врачей, ѣздилъ на кавказскія ми-альныя воды, но возвратился съ ьшимъ разстройствомъ: къ прежъ болѣзнямъ присоединился катарръ -руди. Въ 1826, онъ пользовался Одессѣ морскими тепловатыми ван-, которыя значительно возстано-ли его здоровье. Въ 1830, къ прежъ болѣзнямъ прибавилась боль въ ѣ. Въ 1831 г. онъ лечился на мо-зскихъ минеральныхъ водахъ. Уъ 1833 г. въ Петербургѣ. На над-бномъ памятникѣ сдѣлана слѣдую-надпись:

Гнѣдичу,
обогатившему
Русскую Словесность
переводомъ Омира.

ѣчи изъ устъ его сладчайшія меда лилися.

Иліада, пѣснь 1.

2) Литературные труды его:

1) Абюфаръ, или арабская семья, трагедія въ 5 д., соч. Дюсиса, перев. съ франц. (1802).

2) Первые опыты стихотвореній и прозаическихъ сочиненій, плоды уединенія (1802).

3) Донъ Корродо де Геррера, или духъ мщенія и варварства Гишпанцевъ, 2 ч. (1803).

4) Леаръ, трагедія въ 5 д., сочин. Шекспира, съ франц. (1808).

5) Танкредъ, трагедія Вольтера, въ 5 д., пер. стихами (1816).

6) Рожденіе Гомера, лирическая поэма въ двухъ пѣсняхъ (1817).

7) Простонародныя пѣсни нынѣшнихъ Грековъ, съ подлинникомъ, переведенныя въ стихахъ, съ прибавленіемъ введенія, сравненія съ простонародными пѣснями русскими и примѣчаній (1825 г.).

8) Иліада Гомера, пер. съ греческаго, размѣромъ подлинника, 2 ч. (1830).

9) Стихотворенія Н. Гнѣдича (1832). Въ этомъ изданіи, изъ прежнихъ, отдѣльно изданныхъ сочиненій, вновь напечатаны: Рожденіе Гомера, Простонародныя пѣсни нынѣшнихъ Грековъ (съ одними краткими, необходимыми примѣчаніями) и Танкредъ. Другія стихотворенія, особенно замѣчательныя, суть: Сиракузянки, или праздникъ Адониса, вторая идиллія Ѳеокрита съ предисловіемъ, въ которомъ изложена теорія поэзіи идиллической; Рыбаки, оригинальная идиллія; Тантал и Сизифъ въ Адѣ (изъ Одиссеи); Кузнечикъ (изъ Анакреона); Сѣтованіе Ѳе-

тиды на гробѣ Ахиллеса; Тарентинская Дѣва (изъ А. Шенье); Мелодія (изъ Байрона); Арфа Давида (изъ Байрона); разныя посланія, идилліи, басни и проч. Кромѣ статей, разбросанныхъ въ разныхъ журналахъ: Сѣверномъ Вѣстникѣ, Сынѣ Отечества и другихъ, лучшими прозаическими сочиненіями его почитаются:

а) Разсужденіе о причинахъ, замедляющихъ успѣхи просвѣщенія въ Россіи, читано 2 января 1814 г. въ торжественномъ собраніи императорской публичной библіотеки и напечатано въ актахъ ея.

б) Письмо о переводѣ и представленіи трагедіи Расина: Ифигенія въ Авлидѣ (1815 г.).

в) Письмо къ Б. о статуѣ мира, изваянной для графа Н. П. Румянцева скульпторомъ Кановою въ Римѣ (Въ Сынѣ Отечества, 1817 г.).

г) Замѣчанія на Опытъ о русскомъ стихосложеніи г. Востокова и нѣчто о просодіи древнихъ (Въ Вѣстникѣ Европы, 1818, и особою книжкою).

д) Академія Художествъ, или выставка художественныхъ произведеній 1820 г. (Въ Сынѣ Отечества, 1820 г., и особою книжкою).

е) Рѣчь, читанная въ полугодичномъ собраніи Высочайше утвержденнаго Вольнаго общества любителей Русской Словесности (Въ XV ч. Труд. Общества, и особо).

ж) О вкусѣ и его вліяніи на словесность и нравы. Сверхъ того остались послѣ Гнѣдича «Записки» его, нигдѣ не напечатанныя. Извлеченіе изъ нихъ помѣстилъ Лобановъ, въ статьѣ своей о Гнѣдичѣ (Въ Сынѣ Отечества).

Примѣч. Гнѣдичу обязана бывшая трагическая актриса Семенова обработкой нѣкоторыхъ трагическихъ ролей и частію своей славы въ Клитемнестрѣ, Медеѣ, Меропѣ. Онъ былъ по своему времени превосходный чтецъ.

3) Исторія гексаметровъ. Костровъ въ 1787 г. перевелъ шесть пѣсней Гомеровой Иліады, александрійскими стихами (*). Гнѣдичъ хотѣлъ с кончить трудъ, начатый Костров перевелъ 7, 8, 9, 10 и началс пѣсни Иліады, тоже александрі стихами. Переводъ его, напеча въ 1809 и 1812 годахъ, обрат себя вниманіе просвѣщенныхъ ц лей Гомера. Въ 1811 году отыс продолженіе перевода Костров и половина 9-й пѣсни) и напе

(*) Кромѣ Кострова, Иліаду перев прозою: Екимовъ — первыя 12 (1776— 1778) и Мартыновъ (1823 Между извѣстными писателями дили стихами отрывки изъ Ил Карамзинъ, Мераляковъ и Жу Вотъ нѣсколько строкъ изъ п Кострова для сличенія съ пере Гнѣдича:

Воспой Ахиллову гнѣвъ, бож
ная
Источникъ Грекамъ бѣдъ, р
межъ нихъ с
Сей гнѣвъ, что много душъ
скихъ въ адъ предс
Въ корысть тѣла ихъ псамъ
нымъ птицамъ
Когда Атридъ, и съ нимъ
богоподо
Расторгли межъ собой пріязн
дой всехло
Такъ бурна грома Царь св
судьбу
Но кто изъ горнихъ сихъ
вражду
Зевесовъ свѣтлый сынъ,
рожде
Онъ, гнѣвомъ ярости къ Атри
палея
Тлетворной язвой рать ахейск
зялъ, и

У Гнѣдича:

Гнѣвъ, богиня, воспой Ахилле
леева
Грозный, который Ахейцамъ
неисчетныя бѣ
Многія души могучія въ безда
низри
Славныхъ героевъ, и ихъ по
щимъ предалъ въ до
Птицамъ окрестнымъ и пса
вершалася воля Кро
Съ онаго дня, какъ воздвигшіе
воспылали вра
Пастырь народовъ Атридъ и
Ахиллесъ благоро
Ктожъ отъ боговъ безсмертны
двигъ ихъ къ враждебному с
Сынъ Громовержца и Леты
прогнѣвле
Язву на воинство злую пос
гибли народы, и

стникѣ Европы. Чувствуя во
красоты подлинника и же-
ности передать ихъ на отe-
й языкъ, Гнѣдичъ сѣтовалъ,
ндрійскій стихъ не предъ
къ тому возможности, а гек-
употребленный въ первый
ьяковскимъ въ Тилемахидѣ,
къ неуклюжъ, что послѣ него
мѣливался употреблять этотъ
нтая его несвойственнымъ
языку. Въ 1813 г., С. С.
овѣтовалъ Гнѣдичу перeве-
у размѣромъ подлинника.
величайшихъ красотъ гре-
зіи (писалъ С. С. Уваровъ
у, въ 13-ой книжкѣ «Чтеній
Любителей Русскаго слова»)
гое и систематическое ея
еніе. Тутъ каждый родъ по-
ъ свой размѣръ, и каждый
е только свои законы и пра-
такъ сказать, свой геній и
ь. Гексаметръ (шестистоп-
ческій стихъ) предоставленъ
й размѣръ весьма способенъ
оду поэзіи. При величайшей
онъ имѣетъ удивительное
ъ оборотахъ, важную и плѣ-
гармонію». Потомъ, ска-
Римляне заимствовали всѣ
ія формы у Грековъ и гек-
присвоили себѣ лучше всѣхъ
астей метрической ихъ сло-
живъ стопосложеніе новѣй-
овъ, не могшихъ, по бѣдно-
просодіи, присвоить себѣ
я формы Греціи, и недоста-
лександрійскаго стиха, ко-
заимствовали у Французовъ,
лжаетъ: «Прилично ли намъ
имѣющимъ изобильный, ме-
просодіею наполненный,
довать столь слѣпому пред-
прилично ли намъ заимство-
странцевъ бѣднѣйшую часть
просодію, совершенно намъ
нную! Возможно ли узнать
ь Гомера, когда, сжавши его
ндрійскій стихъ и оставляя
одну мысль, вы отбрасываете размѣръ,
оборотъ, расположеніе словъ, эпите-
ты, однимъ словомъ, все, что состав-
ляетъ красоту подлинника? Когда вмѣ-
сто плавнаго, величественнаго гекса-
метра, я слышу скудный и сухой алек-
сандрійскій стихъ, риѳмою прикрашен-
ный, то мнѣ кажется, что я вижу бо-
жественнаго Ахилла во французскомъ
платьѣ».—Гнѣдичъ, въ отвѣтѣ своимъ
С. С. Уварову, изложилъ формы измѣ-
неній гекзаметрическихъ и предста-
вилъ опытъ перевода гексаметрами
изъ 6-ой пѣсни Иліады (ib., 1813 г.).
В. В. Капнистъ, мало знакомый съ
классическою древностью, усиливался
доказать, что гексаметръ въ русской
словесности не можетъ существовать,
потому что онъ непремѣнно долженъ
оканчиваться спондеемъ; онъ даже со-
мнѣвался въ существенной пріятности
гексаметровъ Гомеровыхъ и предла-
галъ перевести Гомера размѣромъ про-
стонародной пѣсни:

Какъ бывало у насъ, братцы, че-
резъ темный лѣсъ.

«Рѣшаюсь—говоритъ онъ въ письмѣ
къ С. С. Уварову (письмо и опытъ пе-
ревода напечатанъ въ 17-й кн. «Чте-
ній въ Бесѣдѣ», 1815), предложить
здѣсь малый сравнительный опытъ пе-
ревода стихами русскими, начало ше-
стой пѣсни Иліады, и предъ просвѣ-
щеннымъ собраніемъ выступаю на по-
зорище въ смуромъ кафтанѣ, въ кумач-
ной рубахѣ, съ шапкою въ рукахъ,
увѣренный, что являюсь предъ людьми,
которые «не по платью встрѣчаютъ».
И такъ, поклонясь добрымъ людямъ,
какъ водится, и разгладя бородку, на-
чинаю размѣромъ простонародной пѣс-
ни: «какъ бывало у насъ, братцы, че-
резъ темный лѣсъ:»

Удалились свѣтлы боги съ поля
страшныхъ битвъ:
Но то тамъ, то тамъ шумѣла буря
бранная.
Часто ратники стремили копья мѣдныя,
Межъ потоковъ Симоиса и у ксанѳ-
скихъ струй.

Первый, отрасль Теламона, Грековъ щитъ, Аяксъ,
Ободрилъ ихъ, разорвавъ ряды фригійскіе,
И низвергнувши ѳракійскихъ сильныхъ войскъ вождя,
Акаманта, сына мощнаго Эвсорова.
Въ шлемъ, у конскаго онъ гребня поразилъ врага:
Копье, шлемъ съ челомъ пробивши, углубилось въ кость,
И тьма вѣчная покрыла очи витязя.
Теперь, отвѣся низкій поклонъ, стою и ожидаю суда, какъ будетъ принято Русскими русское стихосложеніе». —

Какъ видно, стихи перевода—хореи съ дактилическими окончаніями, какъ въ сказкѣ Карамзина: «Илья Муромецъ».

Но всѣ его возраженія были опровергнуты С. С. Уваровымъ, который развилъ превосходство гекзаметра слѣдующимъ образомъ: «Героическій размѣръ украшается совершеннѣйшимъ равновѣсіемъ всѣхъ частей стиха: гекзаметръ не подымается, и не падаетъ; онъ изгибается, течетъ тихо, безъ прыжковъ; свободно, но въ строгихъ границахъ. Ему предоставлено обращаться отъ быстроты къ медленности, отъ силы къ мягкости, и всѣ оттѣнки, между сими противоположностями заключенныя, вмѣщаются въ стопосложеніи гекзаметра; онъ одинъ, какъ и эпическая поэзія вообще, можетъ изображать всѣ предметы, и разнообразіе его умножается всѣми возможными измѣненіями въ сложеніи и цезурѣ». — Чтожъ касается до предложеннаго Капнистомъ перевода Иліады народнымъ размѣромъ, С. С. Уваровъ говоритъ слѣдующее: «Не въ томъ дѣло состоитъ, чтобъ написать поэму съ поэмы или чтобъ сохранить впечатлѣніе, производимое чтеніемъ Гомера и всѣхъ древнихъ вообще, надъ нѣсколькими только читателями. Мы должны стараться утвердить впечатлѣніе, производимое чтеніемъ ихъ, надъ всѣми просвѣщенными умами: слѣдов. представить отлѣпокъ творенія Гомера въ духѣ оригинала, съ его формами и со оттѣнками, такимъ образомъ, мы имѣли передъ глазами не К ва, не Гнѣдича, но Гомера,—Г въ чистѣйшемъ созерцаніи его пр ной красоты,—Гомера въ томъ въ какомъ онъ плѣнялъ законо Спарты, побѣдителя Азіи, але рійскихъ мудрецовъ и весь, о словомъ, блистательный рядъ ег бителей въ древнемъ и новомъ м чтобъ достигнуть этой цѣли, необ мо признать первымъ правило формы въ поэзіи неразлучны съ д что между формами и духомъ находится таже самая таинст связь, какъ между тѣломъ и д что обоюдное ихъ вліяніе и дѣйс формы на мысль, а мысли на фо такъ тѣсны, что никакъ нельзя дѣлить истинныхъ границъ ихъ, менѣе расторгнуть ихъ союз жертвуя тою или другою. Кто н ствуетъ изящности стопосложе мера, Эсхила, Ѳеокрита, Анак тотъ теряетъ половину ихъ кра (Чтенія въ Бесѣдѣ, книга 17).

Слѣдствіемъ этихъ сужденій непоколебимая рѣшимость Гнѣд ревесть Иліаду размѣромъ подл гекзаметромъ, который и Ломо почиталъ превосходнѣйшимъ, но рымъ, къ сожалѣнію, кромѣ чет стиховъ, не написалъ ни одного стихотворенія и тѣмъ не усвои ранѣе русской словесности. Г имѣлъ довольно силы не пок временнымъ требованіямъ вѣка, причудливымъ и страннымъ. «Тр нія—говоритъ онъ въ предисл Иліадѣ — перемѣняются: вкус пройдетъ, между тѣмъ какъ тысячи лѣтъ Гомеръ не прох Это памятникъ вѣковъ, требующ переводчика не новой Иліады Попева, но, такъ сказать, слѣп торый бы, сколько позволяетъ св языка, былъ подобенъ слѣпкам тельнымъ. Плѣненный образом мерова повѣствованія, котораг

:раздѣльна съ формою языка, ь испытывать, нѣтъ ли возмож- юизвесть русскимъ гексамет- ечатлѣнія, какое получилъ я, реческій. Люди образованные и мой опытъ, и вотъ что дало лость отвязать отъ позорнаго стихъ Гомера и Виргилія, прий къ нему Тредьяковскимъ».— ый своею рѣшимостью, онъ болѣе углублялся въ тайны и разнообразія гексаметра, но изучилъ характеръ, духъ Гомеровыхъ и прочиталъ все, а либо было написано достой- разныхъ языкахъ объ Иліадѣ. С. Уваровымъ, Капнистомъ и мъ слѣдовали другіе литерато- явшіе участіе въ полемикѣ по гексамеровъ. Одни утвержда- гексаметръ рѣшительно не- енъ нашему языку, который можетъ замѣнить его ника- гимъ размѣромъ: другіе под- ли мнѣніе, что метрика наша а къ полному и точному вос- денію героическаго стиха; сре- жду ними занимали тѣ, кото- я и не соглашались признать сть истиннаго гексаметра въ языкѣ, однакожъ думали, что мъ средства образовать стихъ, ко ему подобный и могущій, аѣ надобности, замѣнять его. овъ, въ краткомъ Разсужденіи омъ стихосложеніи (Вѣст. Евр.) доказывалъ, что у насъ нѣтъ гровъ. Во 2-мъ изд. Опыта о ъ стихосложеніи (1817 г.) въ говоритъ: «конечно, за не- омъ спондеевъ, гексаметръ сегда останется весьма несо- ымъ подобіемъ греческаго и о; но если въ семъ несовер- ь подобіи онъ для эпическаго орца несравненно выгоднѣе кого или другаго какого раз- го зачѣмъ не присвоить его такомъ видѣ, т. е. замѣняя хореями? — Гнѣдичъ, въ за- мѣчаніяхъ на Опытъ (Вѣст. Евр. 1818), опровергалъ Востокова и Самсонова. По мнѣнію его, количество (т. е. долгота и краткость) есть не природное свойство, не естество греческихъ словъ, а качество условное; произношеніе Грековъ и Римлянъ было не количественное, а тоническое, общее всѣмъ народамъ.—Мнѣніе свое о несвойственности намъ гексаметровъ и разнообразіи стиха ямбическаго, Самсоновъ защищалъ стѣтьею: «Нѣчто о долгихъ и короткихъ слогахъ, о русскомъ гексаметрѣ и ямбахъ (Вѣст. Евр. 1818). Противъ гексаметровъ же вооружался и Мерзляковъ, авторъ «Письма изъ Сибири (XI-я часть Трудовъ Москов. Общ. Люб. Рос. Словесности, 1818 г.), хотя онъ самъ перевелъ этимъ размѣромъ: начало 7-ой пѣсни Иліады (Единоборство Аякса и Гектора), изъ Каллимаха — Гимнъ Аполлону, изъ идиллій Мосха—Европа и др.—Воейковъ, въ Посланіи С. С. Уварову (1819) практически пытался доказать существованіе чистыхъ спондеевъ въ нашемъ языкѣ:

Пусть говорятъ галломаны, что мы
не имѣемъ спондеевъ!
Мы ихъ найдемъ, исчисляя подробно
дѣянія Россовъ:
Га̀ллъ, Пѐрсъ,|Пру̀ссъ, Хѝнъ,|Швѐдъ, Вѐнгръ, | Турокъ, Сарматъ и Саксонецъ—
Всѣхъ побѣдили мы, всѣхъ мы спасли
и всѣхъ охраняемъ.
Хочетъ ли видѣть поле сраженья: *пы̀ль, ды̀мъ,|бгнь, гро̀мъ,|*
Щѝтъ въ щѝтъ, мѐчъ въ мѐчъ,| ядра жужжатъ и лопаютъ бомбы, и проч.

Но всякій видитъ, что такъ называемые спондеи—вовсе не спондеи, и складъ стиховъ весьма не гармониченъ. Остолоповъ, въ Словарѣ древней и новой поэзіи (1821), оканчиваетъ статью о гексаметрѣ такимъ замѣчаніемъ: «Не утверждая и не отрицая достоинства гексаметра, скажемъ, что онъ можетъ быть весьма пріятенъ и особенно полезенъ, для переводовъ съ древнихъ

языковъ, ибо въ немъ удобнѣе, нежели въ краткихъ ямбическихъ стихахъ, «умѣщаются» мысли подлинныхъ твореній, написанныхъ симъ размѣромъ. По поводу отрывка изъ Энеиды, переведеннаго Жуковскимъ, критикъ Вѣст. Евр. (1824 г.) находитъ, что дактило-хореическіе стихи перевода «нѣсколько» похожи на размѣръ подлинника; что важныя преимущества древняго гекзаметра для насъ не существуютъ; что мы, присвоивъ себѣ сомнительное право замѣнять спондеи хореями, все еще не получимъ героическаго стиха Грековъ и Римлянъ. Мы, говоритъ онъ, поступили бы противъ свойства языка своего, еслибъ стали тянуть два или три слога, стоящіе вмѣстѣ, между тѣмъ какъ натура наша требуетъ, чтобы мы надъ однимъ слогомъ непремѣнно сдѣлали лишь ударепіе. Древніе имѣли просодію точную, опредѣленную. Какъ мы надъ извѣстными слогами возвышаемъ голосъ, такъ они, кромѣ измѣненія голоса, еще должны были нѣкоторые слоги тянуть, а другіе произносить сокращенно, по непреложной натурѣ своего языка: такимъ образомъ въ самомъ произношеніи дактиль былъ у нихъ равенъ спондею. Равныя части одного стиха, т. е. стопы, были всѣ равны между собою, ибо каждая, не смотря на различное число слоговъ, заключалась въ одинаковой мѣрѣ времени (Чтен. о Сл., курсъ III). Когда вышла Иліада, вопросъ о гекзаметрахъ казался рѣшеннымъ, но въ послѣдствіи мнѣнія относительно древняго размѣра приняли другой оборотъ. Уясненію вопроса содѣйствовали: 1) изученіе классическихъ поэтовъ; 2) знакомство съ трудами филологовъ, основательно объяснившихъ греческую литературу; 3) значительное количество переводовъ и подражаній, написанныхъ нашими поэтами (Жуковскимъ, Дельвигомъ и др.), дактило-хореическимъ размѣромъ; 4) глубокое изученіе свойствъ отечественнаго языка. При появленіи Одиссеи, переведенной Жуковскимъ, кр ясно показала, что у насъ нѣ одной характеристической особ сти греческаго гекзаметра.

Примѣч. Тредьяковскій, первый требилъ у насъ гекзаметръ въ «' махидѣ». Сумароковъ, желая пре вить лучшій образецъ въ этомъ перевелъ гекзаметромъ отрывок Фенелонова Телемака. Въ 17 въ трудахъ Вольнаго русскаго с нія при Москов. Унив., помѣщен хотвореніе М. Н. Муравьева: написанное гекзаметромъ; тѣ метромъ переложена, въ 1793 Ежемѣсячныхъ сочиненіяхъ, Виргиліева: «Титиръ», В. Рубано Вѣст. Евр., 1808 г., есть пьесы лякова., написанныя гекзаметр относящіяся еще ко времени ца ванія Императора Павла I. Въ кн. Чтеній въ Бесѣдѣ Любит. Ро ва (1813) Галинковскій помѣста реводъ эклоги: «Титиръ», и н ведливо почиталъ себя первым становителемъ гекзаметра.

Свойства гекзаметра. Гекс относится къ дактилическимъ хамъ, т. е. стопы его состоя долгаго и двухъ краткихъ съ ніемъ на долгомъ. По свойству ческаго языка, долгій слогъ ра ся двумъ краткимъ: потому двухъ краткихъ можетъ употре ся одинъ долгій, и на оборотъ сто одного долгаго два кра Такъ и въ гекзаметрѣ вмѣсто лей могутъ употребляться спон Въ гекзаметрѣ шесть стопъ слѣдняя стопа хорей или — та послѣдній слогъ въ греческих хахъ можетъ быть и кратким гимъ — спондей. — Стопы гр дѣлились на равномѣрныя и н мѣрныя. Первыя равны другъ т. е. для произнесенія каждой требуется одно и тоже время. и спондей, элементы гекзамет пы равномѣрныя; ибо два коро долгій равны двумъ долгимъ:

— ⏑ ⏑). Отсюда главнѣйшее ство гексаметра—«равномѣрность, равновѣсіе». Равномѣрность и неравномѣрность возможны только въ такъ языкахъ, въ которыхъ есть «количество», т. е. постоянное свойство извѣстныхъ слоговъ быть коротки или долгими. — Чрезвычайное разнообразіе гексаметра зависѣло, во первыхъ, отъ того, какія стопы въ немъ преобладали: дактили или спондеи, и на какихъ мѣстахъ стояли тѣ и другіе, въ слѣдствіе чего могло образоваться 32 вида гексаметра; во-вторыхъ, гдѣ находилась цезура: цезуръ могло быть 16. По этимъ двумъ признакамъ, гексаметръ могъ принять 512 различныхъ формъ. — Характеръ гексаметра, т. е. соотвѣтственность его содержанію, зависѣлъ особенно отъ цезуры. Гексаметръ, не утрачивая единства, цѣлости, дробился отъ цезуры на различное число частей (на двѣ, на три и т. д.), становился величественнымъ и нѣжнымъ, спокойнымъ и бурнымъ.—Этихъ характеристическихъ особенностей греческаго гексаметра у насъ нѣтъ: 1) въ русскомъ гекзаметрѣ возможны только дактили и хореи, изъ дактилей и хореевъ у Грековъ составлялся особенный стихъ (логаэдическій), не имѣвшій сходства съ гексаметромъ; 2) въ нашемъ гекзаметрѣ не можетъ быть равномѣрности, этого изъ существенныхъ признаковъ гексаметра, потому что у насъ нѣтъ количества; 3) цезуръ или нѣтъ или тамъ онѣ поставлены, гдѣ приходится у Гомера.

Примѣч. Ломоносовъ сталъ писать своею александрійскими стихами, что самъ же почиталъ за наилучшую форму стиховъ гексаметръ, какъ способнѣйшій къ изображенію сильныхъ и слабыхъ, скорыхъ и тихихъ дѣйствій. Дѣйствительно каждый размѣръ, которомъ удареніе опредѣленно и разнообразно, тягостенъ для слуха. Александрійскій стихъ принадлежитъ числу такихъ размѣровъ: въ немъ цезура приходится послѣ трехъ стопъ и раздѣляетъ стихъ на двѣ половины: возвышеніе и паденіе; ударенія находятся другъ отъ друга въ извѣстномъ, неизмѣнномъ разстояніи. Гексаметръ, напротивъ, какъ выше показано, отличается полнотою, разнообразіемъ.

Трудности, предстоявшія Гнѣдичу при переводѣ. Гнѣдичу, при переводѣ Иліады, предстояли три трудности:

Первая трудность — усвоить себѣ и потомъ передать въ переводѣ не одно только содержаніе Иліады, но и самый духъ величайшаго изъ древнихъ поэтовъ, отдаленнаго отъ насъ на 2800 лѣтъ. Возсозданіе Гомера, на чужомъ языкѣ, вѣрное и вмѣстѣ художественное, невозможно. Причины невозможности заключаются въ глубокой національности и древности творенія, въ которомъ переводчикъ находитъ все для себя новымъ, чуждымъ его современности: и духъ общества и способъ изложенія. Первое требованіе отъ переводчика — совершенная объективность. Личность его также не должна выказываться, какъ не выказывается въ подлинникѣ личность древняго поэта, что невозможно. Возможно только болѣе или менѣе вѣрное переложеніе Иліады и Одиссеи.

Вторая трудность—бороться съ греческимъ, богатѣйшимъ языкомъ, съ его разнообразными формами и оборотами.—При переводѣ Иліады, нужно создать слогъ подобный эпическому слогу Гомера. Для этого языкъ перевода долженъ быть по возможности народнымъ. Въ этой мысли сошлись у насъ всѣ критики, разбиравшіе переводъ «Одиссеи». «Для выраженія патріархальной народности, говоритъ одинъ изъ нихъ, мы должны обратиться къ языку простаго народа; для выраженія старины — къ нашей старинѣ». Вотъ слова другаго: «языкъ перевода долженъ быть народнымъ; ни одно выраженіе, которое было бы понятно только образованному человѣку, не можетъ быть допущено; еще менѣе

дозволительны славянскія слова и обороты». — Но гдѣ же простонародный языкъ, соотвѣтствующій эпическому языку Гомера? — «Греческое просторѣчіе», говоритъ ученый знатокъ древности, «нельзя передавать просторѣчіемъ другихъ народовъ, и аѳинская простонародная ἀστειότης покажется у другихъ народовъ искуственною вѣжливостію». — Для эпическаго языка, необходимаго переводчику Гомеровыхъ поэмъ, потребны три условія: 1) народныя слова и обороты (лексическая часть), 2) народный складъ рѣчи (стилистическая часть), 3) изящество (элементъ художественный), для чего самъ переводчикъ долженъ быть поэтомъ-художникомъ.

Третья трудность — самый стихъ, гекзаметръ, еще непокорный русскимъ поэтамъ въ то время, когда Гнѣдичъ началъ переводить Иліаду. Но гекзаметръ нашъ, какъ сказано, не имѣетъ существенныхъ отличій Гомерова гекзаметра.

И такъ совершенная объективность, художественный народный языкъ и свойственный Иліадѣ стихотворный метръ—вотъ условія художественновѣрнаго перевода. Но такъ какъ первыя не могутъ быть вполнѣ достигнуты, то и послѣдняго, т. е. вполнѣ вѣрнаго, художественнаго воспроизведенія Гомеровыхъ поэмъ, также быть не можетъ.

Достоинства и недостатки перевода Гнѣдича. Переводъ какого-бы то ни было произведенія и преимущественно выражающаго собою духъ, жизнь народа, предполагаетъ три условія: 1) чтобы вполнѣ выдержанъ былъ господствующій характеръ и способъ изложенія подлинника, чтобы основная идея во всевозможныхъ частныхъ ея проявленіяхъ была выражена точно, полно и ясно. Для этого переводчикъ обязанъ глубоко изучить состояніе того общества, изъ среды котораго заимствовано содержаніе переводимаго сочиненія, и степень развитія общества, современнаго автору; 2) чтобы съ точностью переданы были отдѣльны
сти сочиненія, мысли и выраженія
рактеристическія черты Гомерова
ствованія состоятъ: а) въ строго
слѣдовательности, въ неразрывной
зи между отдѣльными мыслями, въ
ности разсказа. Эта послѣдова
ность, кромѣ внутренней связи м
мыслями, усиливается отъ внѣшней
зи, поддерживаемой многочислен
и многознаменательными части
б) въ многочисленныхъ и блиста
ныхъ эпитетахъ, которые превос
но характеризуютъ героевъ Гоме
своею простотою, наглядностью
вописностью болѣе всего при
пластичности гомерическимъ к
намъ. Выполненіе этого условія
полагаетъ въ переводчикѣ основа
ное знаніе языка подлинника и
отечественнаго. 3) Должно обр
вниманіе на литературное достои
перевода, котораго языкъ до
быть чистымъ языкомъ совреме
общества. Сообразно этому, пер
«Иліады», Гнѣдича, долженъ ра
триваться, «во-первыхъ», по от
нію къ выраженію господству
духа характера подлинника; «в
рыхъ», по отношенію къ выра
отдѣльныхъ частей подлинника
маго способа изложенія; «въ трет
по отношенію къ его литерату
достоинствамъ.

А) Гнѣдичъ не только недост
выразилъ патріархальную про
естественность, простодушіе Го
вой поэзіи, но и впалъ въ прот
ложную крайность — въ как
искуственность, торжественност
сказъ Гомера онъ переложилъ
торическій тонъ, который сч
необходимою принадлежностью э

Б) По чрезвычайной близос
подлиннику Гнѣдичъ заслужи
неоспоримую похвалу. «Частиц
ражены слабо. «Эпитеты» употре
иногда такіе, которыхъ нельзя п
не справившись съ подлинником
которые эпитеты совершенно-не

ы; большая часть страдаетъ темнотою заключающейся въ нихъ мысли, напыщенностію и даже неправильностью образованія.

В) Недостатокъ чистоты и правильности языка составляетъ слабую сторону перевода Гнѣдича. Его языкъ рѣзко отзывается изысканностью и какою-то торжественностью. Весьма часто встрѣчаются церковно-славянскія формы и обороты, придающіе какую-то торжественную важность дѣйствующимъ лицамъ, неупотребительныя произвольно-образованныя слова, тяжелые эпитеты, выраженія взятыя буквально изъ подлинника съ греческою конструкціею.—Впрочемъ гексаметръ его есть большой шагъ впередъ въ образованіи сего стиха.

Примѣч. Гнѣдичъ началъ очень поздно изучать греческій языкъ, и не успѣлъ вполнѣ усвоить его себѣ до тонкости, со всѣми его особенностями. Заложивъ довольно вѣрно, въ предисловіи къ своему труду, условія истиннаго перевода, сказавъ, что для этого необходимо перенестись въ эпоху самого автора, Гнѣдичъ не выдержалъ этого правила. Онъ скорѣе переводилъ Фосса, германскаго переводчика Гомера, чѣмъ самого Гомера. Онъ держался буквы подлинника, почему переводъ его можетъ назваться буквальнымъ, но утратилъ тонкій отпечатокъ первобытной греческой народности, простодушіе разсказа и прелесть стиха.—Задача для Гнѣдича была тѣмъ труднѣе, что онъ, какъ показываютъ его собственныя произведенія, не владѣлъ большимъ поэтическимъ талантомъ, который, и безъ помощи ученаго знакомства съ предметомъ, способенъ понимать красоты художественнаго произведенія.—Прибавимъ еще, для оцѣнки перевода Гнѣдича, что не задолго до того времени, когда онъ началъ переводить Иліаду, на искуство смотрѣли съ иной точки зрѣнія, такъ что лучшіе декламаторы и знатоки греческаго языка не могли въ своемъ переводѣ Гомера удовлетворить тѣмъ требованіямъ, съ какими нынѣ передаются творенія геніальныхъ поэтовъ, отдаленныхъ отъ насъ мѣстомъ и временемъ. Тогда все любили передѣлывать по своему; природа, описанная Гомеромъ, казалась слишкомъ грубою, даже грязною писателямъ: они украшали ее. По этому французскіе, англійскіе, итальянскіе переводы Иліады не могли быть вѣрными при всемъ умѣньѣ переводчиковъ. Такъ, на прим., Попъ то распространяетъ, то убавляетъ подлинникъ, стараясь быть краснорѣчивѣе и благопристойнѣе Гомера. Послѣ, когда Германія пролила новый свѣтъ на теорію изящныхъ искуствъ, стали стараться усвоивать красоты самобытной древней поэзіи, а не прилаживать ее къ требованіямъ своего особаго вкуса. Фоссъ первый достойно перевелъ Гомера: его переводъ Иліады на нѣмецкій языкъ считается лучшимъ, хотя надобно жалѣть, что ученость и неутомимая рачительность переводчика не соединялись съ высокимъ поэтическимъ дарованіемъ Шиллера или Гете.—Заслуга Гнѣдича не была оцѣнена публикою въ свое время: справедливая оцѣнка требовала большаго эстетическаго образованія и большаго знакомства съ греческою жизнію. Только немногіе просвѣщенные любители изящнаго поняли важность многолѣтняго труда. Онъ удостоился благосклоннаго вниманія Императора Александра. Россійская Академія сдѣлала отличное изданіе творенія и предоставила его переводчику. Пушкинъ, поэтически, хотя и не соотвѣтственно истинѣ, выразилъ двумя стихами впечатлѣніе, производимое чтеніемъ перевода:

Слышу умолкнувшій звукъ божественной эллинской рѣчи;
Старца великаго тѣнь чую смущенной душой.

Онъ же въ Литературной газетѣ, издававшейся тогда Дельвигомъ, ска-

залъ: «Наконецъ вышелъ въ свѣтъ давно и такъ нетерпѣливо ожидаемый переводъ Иліады! Когда писатели, избалованные минутными успѣхами, большею частію устремились на блестящія бездѣлки; когда талантъ чуждается труда, и люди пренебрегаютъ образцами величавой древности; когда поэзія не есть благоговѣйное служеніе, но только легкомысленное занятіе: съ чувствомъ глубокимъ уваженія и благодарности взираемъ на поэта, посвятившаго гордо лучшіе годы жизни исключительному труду, совершенію единаго важнаго подвига. Русская Иліада передъ нами. Приступаемъ къ ея изученію, дабы со временемъ отдать отчетъ нашимъ читателямъ о книгѣ, долженствующей имѣть столь важное вліяніе на отечественную словесность». Дѣйствительно, переводъ Иліады со временемъ долженъ сдѣлаться книгою классическою, настольною: ибо, не понимая древняго искуства, нельзя понимать искуства вообще.

Исторія Иліады. Иліада написана за 2800 лѣтъ до нашего времени. Всѣ древніе ученые приписываютъ ее Гомеру, о времени и мѣстѣ рожденія и смерти котораго не имѣли точныхъ свѣдѣній и въ отдаленной древности. Извѣстно, что о мѣстѣ его рожденія спорили между собою семь городовъ, но большая часть ученыхъ отдаютъ преимущество Хіосу и относятъ время его жизни къ половинѣ X вѣка до Р. Х. Разныя стихотворенія, въ которыхъ воспѣвались событія троянской войны, изъ вѣка въ вѣкъ изустно передавались пѣвцами іоническими. Ликургъ, по словамъ Плутарха, перенесъ эти отдѣльныя пѣснопѣнія въ свое отечество, а рапсоды въ послѣдствіи разнесли ихъ по всей Греціи. Когда быстро возвышавшееся могущество персидской монархіи стало угрожать Греціи, тогда, желая воскресить въ народѣ славныя воспоминанія о подвигахъ, нѣкогда совершенныхъ предками, и возбудить любовь къ отечеству, С и преемники власти его въ Аѳи Пизистратъ и Пизистратиды, со во-едино пѣсни рапсодовъ. Ипп сынъ Пизистрата, приказалъ в вать ихъ на праздникахъ панае скихъ. Это первое собраніе не с нило своей формы: его нѣсколь переправляли, приводили въ поря Аристотель, выправивъ Иліаду и сею, списалъ ихъ для Алекс Великаго. Въ послѣдствіи разбор очищеніемъ пѣсней занимались бенно философы александрійск болѣе всѣхъ Аристархъ Само они раздѣлили Иліаду, по числу греческой азбуки, на 24 пѣсни, п ли имъ окончательную отдѣлку ставили поэмѣ тотъ видъ, въ кот она дошла до нашего времени.

Кромѣ Иліады Гомеру прин жить Одиссея. Обѣ поэмы отли ся одна отъ другой особенны рактеромъ, что и подало пово предположенію о различіи ихъ цовъ. Сюда же относится Вольфа (въ концѣ 18 и началѣ 1 который совершенно отвергалъ ствованіе Гомера и признавалъ аду и Одиссею» сборниками от ныхъ стихотвореній, составле въ различныя времена лицами, из ными съ давнихъ временъ подъ ніемъ Гомеридовъ. Эти отдѣльны хотворенія, по мнѣнію Вольфа, с лявшіяся и дополнявшіяся рапс съ теченіемъ времени и, по нед ности письма, вѣроятно сохрани только въ памяти тѣхъ же рапс въ послѣдствіи собирались и раз лись на извѣстныя части, пока не чили вида, въ какомъ дошли до Въ дѣлѣ этого собранія первое нѣйшее мѣсто занимаютъ Пизис и его сынъ, послѣ нихъ на это поприщѣ отличились: Аристо Аристофанъ (византійскій) и стархъ.—Но при всей завлекат сти Вольфова предположенія, противоположное (въ пользу л

ществованія Гомера) взяло перѣсъ. Одинъ и тотъ же духъ, одинаково строгій порядокъ, изумительное искуство, съ какимъ выдержаны всѣ характеры, наконецъ совершенно-одинаковая форма изложенія—рѣшительно опровергаютъ мнѣніе Вольфа.

Содержаніе Иліады. Содержаніе Иліады составляетъ гнѣвъ Ахиллеса («Гнѣвъ, богиня, воспой Ахиллеса, Пелеева сына») и удовлетвореніе Ахиллеса за обиду, нанесенную ему Агамемнономъ и Греками. Хризъ, жрецъ Аполлона, приходитъ въ греческій станъ выкупить дочь свою, взятую въ плѣнъ при разореніи Ѳивъ и доставшуюся Агаменнону. Агамемнонъ отвергаетъ его. Аполлонъ, мстя обиду жреца своего, посылаетъ на воинство греческое язву. Собирается совѣтъ для отысканія средствъ къ отвращенію бѣдствія. Калхасъ, верховный жрецъ, объявляетъ, что только возвращеніемъ Хризеиды, дочери Хриза, и принесеніемъ жертвъ Аполлону прекратятся язва. Агамемнонъ требуетъ за Хризеиду возмездія. Начинается распря между нимъ и Ахиллесомъ, укоряющимъ предводителя греческаго войска въкорыстолюбіи. Оскорбленный, Ахиллесъ объявляетъ, что онъ съ своимъ войскомъ больше не участвуетъ въ брани; удаляется въ станъ свой, гдѣ, предавшись гнѣву, остается безъ дѣйствія. Онъ молитъ матерь свою Ѳетиду объ отищеніи за обиду. По просьбѣ ея, Зевсъ даетъ обѣтъ, что Трояне будутъ побѣдителями въ брани, пока Ахиллеса не удовлетворятъ за оскорбленіе Агамемнонъ и Греки. — Когда Ахиллесъ предался бездѣйствію, Трояне начинаютъ одолѣвать Грековъ; они врывались уже въ стѣну, окружавшую греческій станъ, и зажгли одинъ корабль. Агамемнонъ, устрашенный успѣхами враговъ, отправляетъ къ Ахиллесу посольство просить о примиреніи и помощи. Ахиллесъ отвергаетъ его предложенія, но позволяетъ Патроклу, своему другу, вооружиться его оружіемъ и вывесть его войско (Мирмидонянъ) на помощь Грекамъ. Гекторъ убиваетъ Патрокла. Ахиллесъ предается изступленной горести и плачу. Ѳетида выходитъ изъ моря съ сонмомъ Нереидъ, чтобъ утѣшить сына; видя, что онъ хочетъ немедленно истить Гектору, хотя и самъ скоро послѣ Гектора долженъ умереть — она обѣщаетъ принесть ему новое оружіе, спѣшитъ на Олимпъ, приходитъ въ домъ Гефеста, который изготовляетъ для Ахиллеса щитъ, великолѣпно украшенный, и другія оружія. Ахиллесъ примиряется съ Агамемнономъ, удовлетворившимъ его за нанесенное оскорбленіе, и требуетъ битвы безъ отлагательства. Вооружившись новымъ доспѣхомъ, онъ восходитъ на колесницу, обращается съ рѣчью къ своимъ конямъ, слышитъ одного изъ нихъ, предсказывающаго ему скорую смерть и, не щадя своей жизни, устремляется въ бой. Трояне терпятъ пораженіе, счастіе войны переходитъ на сторону Грековъ. Ахиллесъ встрѣчаетъ Гектора и убиваетъ его. Мстя за смерть Патрокла, онъ обнажаетъ убитаго, предаетъ воинамъ на поруганіе, и потомъ, привязавъ къ колесницѣ, увлекаетъ въ станъ. Пріамъ отправляется въ ставку Ахиллеса и проситъ его отдать тѣло Гектора. Ахиллесъ, тронутый участью отца, принимаетъ выкупъ и отдаетъ тѣло. Возвратившись, Пріамъ сожигаетъ тѣло на кострѣ и пиршествомъ заключаетъ погребеніе.

Первый отрывокъ: «Прощаніе Гектора и Андромахи», взятъ изъ шестой пѣсни. Трояне, разбитые Греками, готовы бѣжать въ городъ. Геленъ, прорицатель, убѣждаетъ Гектора, чтобъ онъ повелѣлъ всенародно молить Палладу. Гекторъ, оставивъ сраженіе, отходитъ въ городъ. По совѣту его, Гекуба (мать Гектора) отправляется съ знаменитыми Троянками въ храмъ Паллады и совершаетъ моленіе о спасеніи Трои. Между тѣмъ Гекторъ приходитъ къ Парису, оставшемуся

дома безъ дѣйствія, и упреками возбуждаетъ его снова выдти на сраженіе; потомъ посѣщаетъ свой домъ, и узнавъ, что Андромаха (его супруга) отправилась къ городскимъ воротамъ, самъ туда поспѣшаетъ: онъ встрѣчаетъ ее у башни Скейской съ сыномъ Астіанаксомъ, вступаетъ съ нею въ трогательный разговоръ, утѣшаетъ ее, и поручаетъ сына богамъ.

Второй отрывокъ: «Борьба рѣки Ксанѳа съ Ахиллесомъ», заимствованъ изъ двадцать первой пѣсни. Ахиллесъ преслѣдуетъ бѣгущихъ Троянъ, однихъ къ городу, другихъ къ Ксанѳу (Скамандру), въ который они бросаются. Многихъ изъ нихъ онъ убиваетъ въ рѣкѣ, а двѣнадцать юношей, захвативъ живыми, обрекаетъ на жертву Патроклу и отсылаетъ въ станъ. Ксанѳъ, спертый въ теченіи трупами, убѣждаетъ Ахиллеса укротиться, но напрасно: онъ продолжаетъ убійства и снова устремляется въ средину рѣки. Рѣка свирѣпо нападаетъ на него, призываетъ на помощь Симоиса, наводняетъ все поле и грозитъ поглотить Ахиллеса въ волнахъ. Гера (Юнона) противопоставляетъ Ксанѳу Гефеста (Вулкана), который, устремивъ огонь, зажигаетъ рѣку, изсушаетъ поле и укрощаетъ пламя только по волѣ Геры, убѣжденный мольбами Ксанѳа.

Третій отрывокъ: «Пріамъ въ ставкѣ Ахиллеса», находится въ послѣдней, 24-й, пѣсни Иліады. Ириса, по повелѣнію Зевса, является къ Пріаму и убѣждаетъ его идти съ дарами къ Ахиллесу для выкупа Гекторова тѣла. Пріамъ, не взирая на страхъ Гекубы, собираетъ драгоцѣнные дары и, сотворивъ возліяніе Зевсу, отправляется, съ однимъ вѣстникомъ Идеемъ, въ путь. Гермесъ (Меркурій), посланный Зевсомъ и назвавшійся служителемъ Ахиллеса, усыпивъ стражей, проводитъ Пріама къ кущѣ греческаго царя. Ахиллесъ, тронутый моленіемъ старца, принимаетъ выкупъ, возвращаетъ тѣло, предлагаетъ вечерю и ночлегъ. Меркурій рано пробуждаетъ Пріама, который съ наступленіемъ дня привозитъ къ городу тѣло Гектора. Всѣ Троянe оплакиваютъ Гектора. Потомъ тѣло сожигаютъ на кострѣ, погребаютъ и пиршествомъ у Пріама празднуютъ погребеніе.

Изъ Одиссеи.

1) Жуковскій (Василій Андреевичъ) род. 1783 г., тульской губ., бѣлевскаго уѣзда, въ селѣ Мишенскомъ, въ домѣ Аѳанасія Ивановича Бунина, гдѣ и провелъ дѣтство свое и большую часть первой молодости (*). Рано лишившись отца, онъ остался на попеченіи матери своей. Воспитаніе его сначала поручено было нѣмцу, который впрочемъ не любилъ его и не принесъ ему пользы. Когда семейство Буниныхъ переѣхало въ Тулу, гдѣ служилъ П. Н. Юшковъ, женатый на дочери Бунина, Варварѣ Аѳанасьевнѣ, которая была крестной матерью Жуковскаго, тогда Жуковскаго отдали въ пансіонъ г. Роде, а по закрытіи пансіона жилъ онъ у крестной своей матери, гдѣ могъ пользоваться уроками гувернантки и русскаго учителя. Потомъ помѣстили его въ тульское народное училище, гдѣ изъ учителей славился своими познаніями въ наукахъ Ѳеофилактъ Гавриловичъ Покровскій, помѣщавшій свои статьи въ журналахъ подъ именемъ «философа Алаунской горы». Ревностный къ должности своей учитель не угадалъ призванія ученика: изъ него хотѣли сдѣлать математика, а онъ все оставлялъ для поэзіи. Первыми, дѣтскими, его сочиненіями были двѣ піесы: трагедія «Камиллъ и Освобож-

(*) Точный годъ рожденія Жуковскаго неизвѣстенъ. Авторъ „Воспоминаній о Жуковскомъ“ (*Москв. 1852, N 18*), говоритъ, что Жуковскій род. 1782 г. января 29. Г. Шевыревъ, основываясь на собственноручной записке Жуковскаго, назначаетъ 1783 годъ (*О значеніи Жуковскаго въ русской жизни и поэзіи*), а г. Плетневъ относитъ годъ рожденія къ 1784 году. (*Живописный сборникъ, т. 3, статья: В. А. Жуковскій*).

енный Римъ», и драма «Г-жа де ла уръ». Покровскій, недовольный невнимательностью своего ученика, рѣшил было исключить его изъ училища то было въ 1796 г.): тогда родные писали Жуковскаго въ рязанскій ѣхотный полкъ, потому что маіоръ того полка, Посниковъ, жившій въ улѣ, былъ короткій пріятель въ домѣ Юшковыхъ. Посниковъ взялъ Жуковскаго съ собою въ Петербургъ, чтобы туда проѣхать въ Кекгольмъ , гдѣ артировалъ рязанскій полкъ; по указъ императора Павла 1-го, запрещавшій несовершеннолѣтнимъ записываться въ енную службу, остановилъ дѣло. Жуковскій воротился въ Тулу, гдѣ робылъ до начала 1797 г. Въ этомъ году записали его въ университетскій лагородный пансіонъ. Куратором университета и директором пансіона былъ Иванъ Петровичъ Тургеневъ; онъ питалъ къ Жуковскому родительскую нѣжность, и дѣти Тургенева были его друзьями , особенно старшій , Андрей, памяти котораго посвящена повѣсть «Вадимъ Новогородскій.» Все здѣсь способствовало къ развитію частливыхъ его дарованій: здѣсь бнаружились его поэтическія силы; здѣсь онъ изучалъ литературу отечественную, нѣмецкую, англійскую ранцузскую. Наставниками въ русской ловесности имѣлъ онъ профессора Рохацкаго и баккалавра Бакаревича: динъ возбудилъ въ немъ любовь къ исателямъ нѣмецкимъ, другой—любовь къ писателямъ англійскимъ. Онъ сегда находился въ числѣ лучшихъ оспитанниковъ, и на публичныхъ казменахъ получалъ похвальные листы и медали.

Первые литературные опыты Жуковскаго относятся ко времени его ребыванія въ универ. пансіонѣ; они ечатались въ «Пріятномъ и Полезномъ препровожденіи времени», 1797 г. Пансіонское литературное собраніе, извѣстное подъ именемъ «Собранія благородныхъ воспитанниковъ университетскаго пансіона», учреждено имъ. Въ «Утренней зарѣ», журналѣ воспитанниковъ пансіона, помѣщались его стихотворныя и прозаическія піесы.

Изъ пансіона Жуковскій вышелъ въ 1800г.; имя его, какъ отличнаго ученика, выставлено на доскѣ золотыми буквами. Въ домѣ И. П. Тургенева встрѣтился онъ съ Карамзинымъ и Дмитріевымъ, и такимъ образомъ положено было начало знакомства, обратившагося потомъ въ дружескую привязанность. На службу поступилъ въ Москвѣ, въ главную соляную контору, гдѣ состоялъ до апрѣля 1802 г., дослужившись до чина титулярнаго совѣтника. Вышедши въ отставку, жилъ зимою въ Москвѣ, въ домѣ Юшкова, а лѣтомъ въ Мишенскомъ, которое влекло его къ себѣ воспоминаніями дѣтства: тамъ написалъ онъ «Сельское кладбище»; тамъ же и въ Бѣлевѣ сочинены и другія стихотворенія, оконченныя прежде 1808 г. Въ первые годы литературной дѣятельности, поэтъ трудился надъ переводами въ прозѣ, по необходимости, изъ платы: такъ въ 1801 г, перевелъ онъ повѣсть Коцебу: «Мальчикъ у ручья», а въ 1805-мъ романъ Сервантеса: «Донъ-Кишотъ», съ французскаго Флоріанова перевода. Въ 1808 г. онъ издавалъ Вѣстникъ Европы. Для облегченія трудовъ по редакціи, особенно въ лѣтніе мѣсяцы, онъ съ 1809 г. принялъ къ себѣ въ сотрудничество Каченовскаго, что продолжалось и въ 1810 г., т. е. до прекращенія Жуковскимъ журнальной дѣятельности.

Освободившись отъ срочной работы, Жуковскій началъ жить только для поэзіи. Онъ переѣхалъ жить къ сестрѣ своей Катеринѣ Аѳанасьевнѣ Протасовой (другой дочери А. И. Бунина), которая поселилась въ своей деревнѣ, орловской губерніи болховскаго уѣзда; съ ней жили двѣ ея дочери, изъ которыхъ старшей, Александрѣ Андреевнѣ, посвящены «Громобой» и «Свѣтлана». Тихія удовольствія сельской жизни,

общество родныхъ, манили къ себѣ поэта болѣе, чѣмъ шумъ городской жизни: тамъ-то, въ кругу людей, искренно его любившихъ и любимыхъ имъ взаимно, былъ изученъ Шиллеръ.

Въ августѣ 1812 года Жуковскій вступилъ въ московское ополченіе поручикомъ. Постоянно находясь при дежурствѣ главнокомандующаго арміею, онъ, подъ Бородинымъ, вмѣстѣ съ другими волонтерами, былъ въ строю. Въ тарутинскомъ лагерѣ написалъ онъ «Пѣвца въ станѣ русскихъ воиновъ», а послѣ побѣды подъ Краснымъ — Посланіе къ Кутузову. Въ ноябрѣ, за отличіе въ сраженіяхъ, награжденъ былъ чиномъ штабсъ-капитана и орденомъ св. Анны 2-ой степени. Онъ сопровождалъ главную квартиру, до Вильно, гдѣ занемогъ опасною горячкою, а въ декабрѣ, по распущеніи ополченія, получилъ увольненіе и, еще слабый, воротился къ К. А. Протасовой, 6 января 1813. Отсюда послалъ онъ списокъ «Пѣвца» въ Петербургъ, Александру Ивановичу Тургеневу, который показалъ его И. И. Дмитріеву, бывшему тогда министромъ юстиціи. И. И. Дмитріевъ поднесъ стихотвореніе Императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ, которая, прочитавъ его, приказала просить автора, чтобы онъ доставилъ ей экземпляръ стиховъ, собственной его рукою переписанный, и приглашала его въ Петербургъ. Въ концѣ 1814 г. Жуковскій сочинилъ «Пѣвца въ Кремлѣ», а въ 1815 г. «Посланіе къ Императору Александру». Въ томъ же году семейный кругъ поэта былъ разорванъ: младшая дочь Протасовой, Александра Андреевна, вышла замужъ за А. Ѳ. Воейкова, получившаго мѣсто профессора русской словесности въ Дерптѣ. Все семейство Протасовой переселилось въ Дерптъ, а Жуковскій поѣхалъ въ Петербургъ, гдѣ былъ представленъ Императрицѣ И. И. Дмитріевымъ, и получилъ назначеніе быть чтецомъ у Ея Величества. Павловскъ сдѣлался тогда средоточіемъ лучшихъ писателей нашихъ: Карамзинъ, Крыловъ, Дмитріевъ, Нелединскій, Гнѣдичъ и Жуковскій являлись на вечернихъ бесѣдахъ Августѣйшей Покровительницы отечественныхъ талантовъ. Въ 1816 г. Жуковскій напечаталъ первое изданіе своихъ стихотвореній, въ 2-хъ томахъ. При поднесеніи экземпляра Императору Александру министромъ народнаго просвѣщенія и духовныхъ дѣлъ, кн. А. Н. Голицынымъ, авторъ получилъ 4000 р. ежегоднаго пожизненнаго пенсіона. Въ это же время Жуковскій избранъ былъ для преподаванія уроковъ русскаго языка Государынѣ Великой Княгинѣ, нынѣ царствующей Императрицѣ, Александрѣ Ѳеодоровнѣ. Онъ принялся за обработываніе грамматики русскаго языка, особенно за изслѣдованіе глаголовъ его. Переводы лучшихъ піесъ изъ первокласныхъ нѣмецкихъ поэтовъ изданы имъ въ небольшомъ количествѣ экземпляровъ, подъ названіемъ: «Для немногихъ».— Переводы Жуковскаго въ прозѣ напечатаны 1816—1817 г., а сочиненія въ прозѣ—1818. Въ томъ же 1818 г. вышло, въ 3-хъ том., второе изданіе его стихотвореній.

Въ 1821 г. Жуковскій отправился за границу, въ числѣ особъ, сопровождавшихъ Государя Великаго Князя, нынѣ царствующаго Императора, и Супругу Его. Не считая мелкихъ піесъ, въ стихахъ и прозѣ, въ этомъ году переведены имъ: Орлеанская Дѣва, Пери и Ангелъ, Шильонскій Узникъ. Въ 1823 г. сильное несчастіе потрясло поэта: старшая дочь К. А. Протасовой, Марья Андреевна Моейръ, умерла въ Дерптѣ. Со времени переселенія своего въ Петербургъ, Жуковскій тамъ видѣлъ какъ бы новое для себя Мишенское. Ежегодно ѣздилъ онъ туда на поэтическій отдыхъ среди родныхъ.

Со времени поступленія въ преподаватели русской словесности Ея Императорскому Высочеству (нынѣ цар-

вующей Императрицѣ), Жуковскій исчисленъ былъ по службѣ къ министерству народнаго просвѣщенія, и в 1823 г. произведенъ въ коллежскіе ассессоры, а потомъ въ надворные совѣтники. Въ 1824 г. вышло третье изданіе его стихотвореній.

Переходъ къ новой, священной обязанности, сосредоточилъ всѣ помыслы души поэта. Государю Императору, о вступленіи Его на престолъ, благоугодно было избрать Жуковскаго въ наставники при воспитаніи В. К. Государя Наслѣдника. Жуковскій всѣ часы дня посвящалъ предварительнымъ трудамъ и предначертаніямъ. Не довѣряя своей опытности, своимъ знаніямъ и живому постиженію ума, онъ читалъ все, что могъ найти полезнаго по этой части, совѣтовался съ извѣстнѣйшими педагогами, и совершенствовалъ планъ свой болѣе и болѣе. Августѣйшему Питомцу совершилось тогда семь лѣтъ. Первые уроки каждаго предмета передавалъ Жуковскій самъ. Такія работы изнурили его физически, и въ 1826 г. онъ во второй разъ собрался за границу и воротился в октябрѣ 1827 года. Въ его отсутствіе явились 2-мъ изданіемъ сочиненія и переводы его въ прозѣ. Въ то же время Жуковскій былъ озабоченъ приготовленіемъ соображеній, по которымъ надлежало устроить преподаваніе наукъ Великимъ Княжнамъ Маріи Николаевнѣ и Ольгѣ Николаевнѣ. Въ такихъ трудахъ протекло пять лѣтъ современя его втораго путешествія, и въ теченіе этого періода онъ достигнулъ чина дѣйствительнаго статскаго совѣтника.

Новая утрата въ семейномъ кругу поэта послѣдовала въ 1829 г. Послѣ кончины М. А. Мойеръ, вся родственная любовь его обращена была на ея сестру, А. А. Воейкову, переѣхавшую въ 1820 г. изъ Дерпта въ Петербургъ, гдѣ мужъ ея поступилъ на службу. По слабости здоровья, она принуждена была отправиться въ Италію, гдѣ и умерла.

Въ 1831 г. по случаю холеры, Дворъ оставался долѣе обыкновеннаго въ Царскомъ Селѣ. Въ это время изъ Москвы пріѣхалъ въ Царское Село Пушкинъ и рѣшился провести тамъ осенніе мѣсяцы. Увлеченный русскими сказками, онъ написалъ Салтана и Гвидона. Жуковскій самъ принялся за этотъ родъ поэзіи: такимъ образомъ явились «Берендей,» «Спящая царевна», «Война мышей и лягушекъ». Въ это же время написано стихотвореніе «на взятіе Варшавы». Баллады и повѣсти Жуковскаго въ стихахъ вышли въ томъ же году отдѣльною книгою.

Разстроенное продолжительными занятіями здоровье побудило Жуковскаго предпринять, въ 1832 г., третье путешествіе за границу. Въ это время онъ перевелъ романсы о Сидѣ. Онъ жилъ большею частію въ Швейцаріи съ семействомъ давнишняго друга своего, русскаго полковника Рейтерна, на дочери котораго въ послѣдствіи женился. Воротился въ 1833 г.

Послѣдніе три года ученія Августѣйшаго Воспитанника (1834—1836) Жуковскій посвятилъ себя одному этому дѣлу. Только онъ напечаталъ 4-е изд. сочиненій своихъ въ стихахъ и прозѣ, въ 8 том. (семь напечатаны въ 1835, а послѣдній въ 1837 г.). Еще посвящено было поэзіи одно лѣто, проведенное 1836 г. близъ Дерпта: въ это время онъ кончилъ Ундину, первыя три главы которой написаны имъ еще въ Швейцаріи.

Зима 1837 г. употреблена была Жуковскимъ на совокупныя работы съ К. И. Арсеньевымъ по составленію «Путеуказателя» для путешествія Государя Наслѣдника по Россіи. Онъ отправился, въ свитѣ Наслѣдника, 2 мая 1837 г. и воротился 17 декабря 1837. Въ 1838-мъ и также въ свитѣ Наслѣдника, онъ совершилъ путешествіе по Европѣ. Къ этому времени относятся «Очерки Швеціи» (помѣщенные въ Современникѣ 1838 г.), поэма драматическая «Камоэнсъ» и новый

переводъ» Сельскаго кладбища». Въ 1839 написаны имъ только два стихотворенія: «Бородинская годовщина» (по случаю открытія памятника на бородинскомъ полѣ) и «Молитвой нашей Богъ смягчился» (по случаю выздоровленія В. К. Ольги Николаевны отъ тяжкой болѣзни). Въ 1840 г., по случаю кончины Короля Прусскаго, Императорскій Дворъ находился въ Берлинѣ. Жуковскій при каждой поѣздкѣ за границу посѣщалъ друга своего Рейтерна, который тогда жилъ въ Дюссельдорфѣ. Старшая дочь его, Елисавета, стала невѣстой поэта. Въ это время онъ началъ переводить изъ Рюккерта поэму» Наль и Дамаянти». До совершенія свадьбы, отправился въ Петербургъ, а оттуда въ Москву, гдѣ условились собраться всѣ тамошніе его друзья и почитатели. Онъ видѣлся съ ними въ послѣдній разъ въ январѣ 1841 года. По возвращеніи въ Петербургъ, занялся приготовленіями къ отъѣзду за границу. Милости царскія къ нему превзошли ожиданія всѣхъ: Государь Императоръ соизволилъ, чтобы Жуковскому до смерти предоставлено было все, чѣмъ онъ пользовался по должности наставника. Ему позволено жить тамъ, гдѣ онъ найдетъ для себя удобнѣе и пріятнѣе; особенная сумма назначена была на первое обзаведеніе хозяйства его; онъ былъ произведенъ въ тайные совѣтники. Сверхъ того повелѣно было, чтобы онъ и въ отсутствіе свое всегда считался состоящимъ на службѣ при Его Императорскомъ Высочествѣ Государѣ Цесаревичѣ.

Изъ Петербурга Жуковскій уѣхалъ 1-го мая 1841 г. и въ томъ же мѣсяцѣ была свадьба въ Штутгартѣ. Поселился онъ сначала въ Дюссельдорфѣ, но болѣзнь жены заставила его переѣхать во Франкфуртъ на Майнѣ, чтобы находиться ближе къ лучшимъ врачамъ. Политическія событія 1848 года, когда во Франкфуртѣ было безначаліе, понудили его, послѣ трудныхъ переѣздовъ, утвердиться денъ-Баденѣ.

Въ 1847 г. Жуковскій приго къ изданію 2 тома стихотворені звавъ ихъ новыми. Кромѣ повѣ сказокъ, тутъ явились поэма «Р и Зорабъ» и первая половина сеи.» Въ 1848 г. приступилъ второй половинѣ, которая кон печатаніемъ въ 1849 г.; того ж года празднованъ былъ пятид лѣтній юбилей поэтической дѣ ности Жуковскаго (*) въ домѣ земскаго.

Въ теченіе послѣднихъ лѣтъ ковскій успѣлъ кончить пятое, п нее при жизни его, изданіе п собранія сочиненій своихъ въ с и прозѣ, напечатанное въ Кар Потомъ онъ сбирался въ Росс было въ первой половинѣ 1851 подагрическая матерія бросила въ глаза, и тогда началось прол тельное леченіе. Во время болѣз чалъ онъ писать поэму «Стран щій Жидъ», которую называлъ лучшею, лебединою пѣснію. того рѣшился передать на отече ный языкъ Иліаду, и перевел двѣ ея пѣсни. Онъ самъ занимал питаніемъ дѣтей своихъ, и посв большую часть времени педаг скимъ трудамъ. Незадолго до к сочинилъ онъ «Царскосельскаг бедя» и книжку «Стихотвореній священныхъ Павлу Василье Александрѣ Васильевнѣ Жуков Кромѣ того осталось послѣ н томъ сочиненій философическ нравственныхъ.

(*) Если считать ее съ перваго со напечатаннаго въ 1797 г. въ „Пр и полезномъ препровожденіи вр то юбилей должно было праздно въ 1847 г.; между тѣмъ самъ поэ новомъ переводѣ «Сельскаго кла говоритъ, что эта элегія, помѣ въ Вѣст. Евр. 1802 года, была е вымъ напечатаннымъ стихотвор Элегія переведена въ 1801 г., ка чится въ 3-мъ изд. стихотворен ковскаго.

ся въ Баденъ-Баденѣ 24-го
52 г. Тѣло его было поста-
клепѣ на загородномъ баден-
бищѣ; потомъ, по желанію
ревезено въ Петербургъ и
о въ Александроневской Ла-
Карамзина (*Живоп. Сбор-
, статья г. Плетнева: В.
жій; рѣчь Г. Шевырева; о
Жуковскаго въ Русской
поэзіи; Воспоминаніе о В.
жомъ, въ Москвит. 1852*

ѣднее, пятое, изданіе сочи-
овскаго, въ 9 томахъ, рас-
въ хронологическомъ по-
ующимъ образомъ: первый
—1812), второй (1813—
гій (1818—1821), четвер-
—1831), пятый (1832—
гой (1841—1847), седьмой,
ій въ себѣ прозу (1808 —
ьмой и девятый — Одиссея
49).

ды поэтической дѣятельно-
ковая литературная дѣя-
которую съ такой славой
Жуковскій, не могла оста-
ершенно неизмѣняемою въ
гомъ пути. Этихъ измѣне-
ріодовъ можно различить

еріодъ (1801—1812) отра-
бѣ съ одной стороны влія-
инской школы, съ другой
ецкой романтической поэзіи.
правленіе видно было какъ
акъ и въ нѣкоторыхъ сти-
къ: лирическихъ піесахъ,
ыхъ и переводныхъ съ
львина, Цвѣтокъ, Пловецъ,
обнаруживаютъ сентимен-
критическія статьи постро-
ъ же основаніяхъ, на ка-
лась критика Карамзина, и
арьина Роща» есть замѣт-
аніе «Бѣдной Лизѣ». Второе
ось въ переводахъ съ нѣм.:
«Кассандра», «Тоска по ми-
тешественникъ» (изъ Шил-
лера), «Людмила». Это—періодъ еще не опредѣлившейся дѣятельности, когда не вполнѣ обозначилось существенное отличіе поэзіи Жуковскаго.

Второй періодъ (1812—1837) долженъ быть названъ періодомъ чистаго романтизма. Хотя и въ самыхъ первыхъ его стихотвореніяхъ высказывалось какое-то особенное, ему свойственное стремленіе къ чему-то высшему, неземному,—стремленіе, въ которомъ какъ бы заключалось предчувствіе его грядущей поэзіи; но оно нашло себѣ болѣе обильную пищу, когда поэтъ перешелъ на богатую почву поэзіи нѣмецкой и посредствомъ глубокаго ея изученія сдружилъ свою музу съ музою Шиллера, Бюргера, Уланда, Гете и другихъ германскихъ поэтовъ.

Третій періодъ (1837—1848) начинается Ундиной (1837). Туманная даль, меланхолическая задумчивость, мистическій элементъ, мечтательность, страсть къ фантастическимъ созданіямъ, неопредѣленность стремленій уступили мѣсто болѣе опредѣленному воззрѣнію, болѣе свѣтлымъ поэтическимъ образамъ, спокойствію и бодрости. Въ посвященіи поэмы: «Наль и Дамаянти», самъ поэтъ ясно выражаетъ спокойствіе своей души и жизни, которое необходимо отпечатлѣвается на произведеніяхъ. Онъ говоритъ:

И нынѣ тихо, безъ волненья льется
Потокъ моей уединенной жизни.
. . . . . .
Я чувствую глубоко тотъ покой,
Котораго такъ жадно здѣсь мы
ищемъ,
Не находя нигдѣ. . . .

Измѣненіе поэтической дѣятельности, начатое «Ундиной», еще болѣе обозначилось въ «Налѣ и Дамаянти» (1841).

Четвертый періодъ открывается переводомъ Одиссеи (1848), который, по словамъ предисловія, показываетъ, что переводчикъ «изъ мечтателя романиста сдѣлался трезвымъ класси-

комъ». Вотъ слова его: «Перешедши на старости въ спокойное пристанище семейной жизни, я захотѣлъ повеселить душу первобытною поэзіею, которая такъ свѣтла и тиха, такъ животворитъ и покоитъ, такъ мирно украшаетъ все насъ окружающее, такъ не тревожитъ и не стремитъ ни въ какую туманную даль». Къ этому періоду, кромѣ Одиссеи, относятся еще: «Рустемъ и Зорабъ,» «Сказка о Иванѣ Царевичѣ и Сѣромъ Волкѣ» и нѣкоторыя другія сказки и повѣсти. Самый стихъ Жуковскаго, какъ внѣшнее выраженіе внутренняго, съ измѣненіемъ послѣдняго измѣнился въ стихотвореніяхъ позднѣйшаго періода: онъ пріобрѣлъ твердость, пластичность, изящную простоту.

Показавъ различные періоды поэтической дѣятельности Жуковскаго, слѣдуетъ опредѣлить ихъ значеніе или характеръ. Есть послѣдовательныя измѣненія въ сферѣ дѣятельности, которыя соотвѣтствуютъ послѣдовательнымъ степенямъ «одного и того же» предмета; и есть такія перемѣны, отъ которыхъ дѣятельность изъ одной сферы переходитъ «въ другую», не только отличную отъ первой, но и прямо ей противоположную. Который изъ этихъ двухъ родовъ измѣненій обнаруживается въ вышеозначенныхъ періодахъ?

Хотя предисловіе къ переводу «Одиссеи» и говоритъ, что переводчикъ изъ романтика сдѣлался классикомъ, однакожъ, разсмотрѣвъ внимательно характеръ произведеній Жуковскаго, приходишь къ тому убѣжденію, что знаменитый поэтъ нашъ и послѣ перевода Одиссеи остался поэтомъ романтическимъ. Въ этой неизмѣнности направленія, заключается и существенное качество его поэзіи, и величайшее ея достоинство.

Сличеніе піесъ, написанныхъ въ разныя времена, которыя отдѣлены другъ отъ друга значительнымъ пространствомъ, показываютъ ясно, что измѣненіяхъ въ поэтической дѣятел Жуковскаго обнаруживается довательный, естественный ход го и того же направленія, и чт тика напрасно хотѣла бы видѣ нихъ два разныя направленія. Т разсужденія: «Кто истинно-до счастливый человѣкъ»? (180 элегіи: «Теонъ и Эсхинъ» (181 повѣсти: «Ундина» (1837) есть выражающія одно и тоже, чис мантическое, содержаніе и даже одними и тѣми же словами(*). В тяженіи двадцати девяти лѣтъ нилась таже сфера романтизма- тической привязанности, рома кой горести и романтическаго щенія.

Въ поэтической дѣятельности го бы то ни было рода, есть н которые, отличаясь чѣмъ-нибу отъ другихъ, существенно тѣмъ, что каждый изъ нихъ ес донизмѣненіе того же предмета. видонизмѣненія не составляютъ мѣнъ одного рода дѣятельно другой. Такъ переводъ Одис предисловіе къ нему убѣждаютъ поэтъ, во всѣхъ періодахъ, сох красоту своего характеристич качества, которое есть качест мантизма. Романтизмъ выразилс дѣлѣ художества, то есть въ пе и въ дѣлѣ мыслительности, то воззрѣніи на поэму. Переводъ от на себѣ личность переводчика воззрѣніе на «Одиссею», изло въ предисловіи, внесена мысль тивоположная отличительнымъ ствамъ древняго человѣка и д классической поэзіи.

4) Суждѣнія о Жуковскомъ. ческая дѣятельность Жуковска жетъ выразиться такъ: до него, наша выражала направленіе к ческое; онъ ввелъ въ нее рома

(*) См въ примѣч. къ 1-ой ч., при статьи: Кто истинно-добрый и вый человѣкъ?

азваніе романтизмА. Романтиче-
оэзія получила свое названіе
о, что первыя ея произведенія
, на языкахъ «романскихъ»,
авшихся изъ смѣшенія языковъ
кихъ съ латинскимъ.

языкѣ романскомъ. Вся обшир-
ть Европы, покоренная Римля-
тъ Дуная до южной оконечности
скаго полуострова, приняла
юбдителей. Политика сената
этимъ сблизить покоренныхъ
орившими. Правительственные
прокламаціи, распоряженія об-
хъ правителей обнародывались
нскомъ языкѣ. Награды, по-
права гражданскія, предлагае-
столюбію провинціальныхъ жи-
заставляли ихъ изучать языкъ
ъ. Но съ повсемѣстнымъ его
емъ идетъ рядомъ другой
— его искаженіе: чѣмъ больше
спространялся, тѣмъ больше
нялся. Благородное сословіе
ленныхъ народовъ основательно
о языкъ латинскій и почти за-
собственный: доказательст-
ему служитъ большое число
лей испанскихъ и гальскихъ во
ъ, третьемъ, четвертомъ и пя-
толѣтіяхъ. Не такъ было среди
: онъ учился по латини, какъ
бязанный знать его, потому что
ельственные акты писались на
онъ однакожъ хранилъ воспо-
е о языкѣ природномъ и, говоря
ъ латинскимъ, измѣнялъ его по
. Къ своему діалекту присо-
ъ онъ слова заимствованныя изъ
господствовавшаго надъ нимъ
, и изъ такой смѣси произошло
нарѣчіе, употреблявшееся одно-
но съ языкомъ латинскимъ.
ній, подвергаясь значительнымъ
ніямъ, обработывался, однакожъ,
ѣхомъ извѣстнѣйшими школами
до, Тулузѣ, Нарбонѣ. Нѣко-
писатели предохраняли его отъ
й порчи, но съ другой стороны
цнымъ стихамъ и чистому стилю
примѣшивались смѣшанныя слова, изы-
сканные, иногда неправильные обо-
роты, темные неологизмы — все, что
означаетъ упадокъ языка и конецъ
литературы. — Вліяніе христіанства
было другою причиною распростране-
нія латинскаго языка и его измѣненія.
На немъ совершалось богослуженіе,
на немъ произносились проповѣди.
Служители вѣры превосходили своимъ
числомъ и ревностью всѣ орудія рим-
ской власти. Вмѣстѣ съ христіанст-
вомъ языкъ латинскій утвердился и
распространился, усвоился народами
покоренными и даже проникъ къ наро-
дамъ свободнымъ. Но это распростра-
неніе латини ускорило ея паденіе,
тѣмъ болѣе, что служители вѣры мало
заботились о правильности граммати-
ческой, о пуризмѣ.—Вскорѣ является
новая могущественная причина иска-
женія языка: нашествіе варваровъ въ
Галліи, Испаніи, Италіи. Въ 4 и 5
вѣкѣ, дикіе народы наводняютъ страны,
образованныя Римлянами. Казалось
бы, что древній міръ, древнее про-
свѣщеніе долженствовали уступить
новымъ властелинамъ. Вышло напро-
тивъ: Римляне 4-го вѣка, силою вѣры
и нравственнаго превосходства, не
только сохранили свой языкъ, но даже
заставили побѣдителей принять его.
Но вмѣстѣ съ этимъ въ латинскій языкъ
вошли многія измѣненія, принесенныя
съ сѣвера дикими ордами. Это былъ
уже не языкъ римскій, а языкъ «ро-
манскій»; такъ называли его потому,
что желали означить его происхож-
деніе, ибо онъ сохранилъ почти всѣ
слова языка римскаго. Иногда назы-
вали его грубымъ, простонароднымъ,
въ противоположность неиспорченному
латинскому, сохранившемуся между
учеными и образованными. Это иска-
женіе латинскаго языка было повсе-
мѣстнымъ въ 7 и 8 столѣтіяхъ: слѣд.
къ этому времени надобно отнести
образованіе языковъ романскихъ. Надлежало произойти нѣкотораго рода
хаотическому промежутку, прежде

чѣмъ измѣненное нарѣчіе народа вполнѣ успѣло отдѣлиться отъ своего латинскаго начала и образоваться языкомъ особеннымъ, опредѣленнымъ. Изъ всѣхъ романскихъ языковъ, происшедшихъ чрезъ смѣшеніе измѣненнаго латинскаго и германскаго, прежде всѣхъ развились верхне-нѣмецкій, или аллеманскій, и провансальскій, которые оба остались наиболѣе чистыми. Изъ тѣхъ же трехъ языковъ, которые приняли въ себя примѣсь значительнѣйшую, т. е. изъ италіанскаго, испанскаго и сѣверно-французскаго,— позже всѣхъ достигъ высшей точки своего совершенства языкъ французскій, наиболѣе уклонившійся отъ латинскаго. Самый юный изъ всѣхъ этихъ языковъ есть англійскій, въ которомъ смѣшеніе сильнѣйшее, и обѣ составныя части нѣкоторымъ образомъ уравновѣшиваются между собою. — Въ 12 и 13 вѣкахъ романскій языкъ былъ выраженіемъ просвѣщенія, — тѣмъ же, чѣмъ въ послѣдствіи языкъ французскій для большей части Европы. (См. Курсъ Вильменя, Ист. Литер. Ф. Шлегеля).

в) Что такое романтическая поэзія? Романтической поэзіей называется поэзія среднихъ вѣковъ, противоположная классической поэзіи—поэзіи древняго міра, греческой и римской.

Съ одной стороны христіанство, съ другой духъ сѣвера составляютъ тѣ два элемента, изъ коихъ возникъ новый міръ. Поэтому и литература среднихъ вѣковъ была двоякая: одна христіанско-латинская, общая всѣмъ націямъ запада и имѣвшая цѣлію сохраненіе и распространеніе познаній, а другая — особенная для каждой націи, болѣе поэтическая, на языкѣ отечественномъ. Отъ того двоякія были и усилія первыхъ великихъ споспѣшествователей умственнаго развитія новѣйшей Европы. Съ одной стороны они старались сохранять въ цѣлости и употреблять для общей пользы все наслѣдіе, всѣ познанія, перешедшія въ латинскихъ письменахъ; съ другой стороны — образовать собственный народный языкъ, а чрезъ него и духъ націи, сохранять въ цѣлости памятники поэтическіе. Поэтическая, творческая, національная часть литературы среднихъ вѣковъ есть самая привлекательная и плодовитая; а латинская часть есть узелъ, связующій новую Европу съ вѣкомъ древности. Къ поэтическимъ произведеніямъ принадлежатъ: историческія пѣсни и героическія поэмы, эротическія пѣсни, рыцарскія поэмы. Эротическая поэзія сперва процвѣла у Провансаловъ, и отъ нихъ перешла къ Италіанцамъ, достигнувъ въ произведеніяхъ Петрарки (въ 14-мъ вѣкѣ) своего художественнаго совершенства; въ Германіи она развилась наиболѣе въ двѣнадцатомъ и тринадцатомъ столѣтіяхъ, у Испанцевъ въ тринадцатомъ. У каждаго изъ этихъ народовъ она развилась совершенно особымъ образомъ, сообразно національному духу. Рыцарскія поэмы объемлютъ три круга баснословія и исторіи. Первый кругъ образуютъ сказанія о готескихъ, франкскихъ и бургундскихъ герояхъ: они составляютъ содержаніе пѣсни о Нибелунгахъ и различныхъ твореній, соединенныхъ вмѣстѣ, и извѣстныхъ подъ названіемъ Книги о герояхъ. Предметъ втораго круга рыцарскихъ поэмъ есть Карлъ Великій, особливо же его война противъ Арабовъ, битва при Ронсевалѣ и слава окружавшихъ его великихъ витязей. Третій кругъ рыцарской поэзіи заключаетъ повѣствованіе о британскомъ королѣ Артусѣ и его кругломъ столѣ. Множество другихъ вымысловъ примыкались къ этимъ рыцарскимъ поэмамъ, какъ къ своему средоточію. Пробужденіе и расцвѣтаніе нѣмецкой поэзіи начинается съ императоромъ Фридрихомъ I, въ 12-мъ вѣкѣ. Періодъ отъ 12 до 14 вѣка заключаетъ стихотворенія, написанныя миннезингерами. Сочиненія ихъ относятся къ эпическому, лирическому и

дактическому родамъ. Въ началѣ 4-го, первый цвѣтъ уже опадаетъ: ъ этомъ и слѣдующихъ столѣтіяхъ дѣлалась госпоствующею наклонность къ нравоучительнымъ, дидактическимъ поэмамъ, содержанія частію аллегорическаго, частію сатирическаго (такова басня о лисѣ: Reineke Fuchs). Съ одной стороны рыцарскія поэмы все болѣе превращались въ игру фантазіи, а съ другой начали сочинять подробныя риѳмованныя лѣтописи. Такимъ образомъ оба элемента истинной героической поэмы (историческій и фантастическій) были отдѣлены другъ отъ друга. Двумя послѣдними явленіями нѣмецкой средневѣковой поэзіи могутъ быть почитаемы тѣ рыцарскія книги, составленныя по внушенію императора Максимиліана: Theuerdank и Weiszkunig.—Во Франціи, южная или провансальская поэзія превосходила своимъ достоинствомъ поэзію сѣверно-французскую. Первая процвѣтала въ 12 и 13 вѣкахъ, выражаясь въ пѣсняхъ трубадуровъ и въ рыцарскихъ романахъ. Между поэтами сего времени Тибо, графъ шампанскій, занимаетъ первое мѣсто. Въ послѣдствіи рыцарская поэзія перешла въ многорѣчивыя рыцарскія книги, которыя не могли замѣнить собою живое пѣснопѣніе первыхъ поэмъ. Литература 14-го вѣка не очень богата: сюда относятся сатирическій романъ о Розѣ и хроника Фруассара. — Въ 15-мъ вѣкѣ извѣстны Карлъ Орлеанскій и Вильонъ.—Въ Англіи, въ 12 и 13 вѣкахъ, поэзія находилась еще въ грубомъ, безъискуственномъ состояніи: ее составляли піесы сатирическія, религіозныя легенды, народныя пѣсни въ честь браконьеровъ и рыцарскіе романы, подражательные или оригинальные; въ 14 и 15 вѣкахъ писали Чаусеръ и Говеръ (Gower) и пѣли менестрели (народные пѣвцы, подобные французскимъ трубадурамъ).—У Итальянцевъ извѣстнѣйшіе поэты среднихъ вѣковъ: Дантъ, Петрарка и Боккачіо. — Историческая героическая поэма о Сидѣ (относится къ 12 столѣтію) даетъ Испаніи особое преимущество предъ другими націями. Романсами Испанцы богаты столько же, какъ и Англичане, но превосходство испанскихъ заключается въ томъ, что они не народныя только пѣсни въ ограниченномъ смыслѣ сего слова, но что лучшія изъ нихъ вымышлены и написаны въ болѣе высокомъ и болѣе общемъ эпическомъ родѣ. Они истинно національны, ясны и привлекательны для народа, но въ смыслѣ и въ выраженіи довольно благородны и для самыхъ образованныхъ людей. Такимъ образомъ собственно романтическая или средневѣковая поэзія объемлетъ пространство времени отъ первыхъ поэтическихъ произведеній, явившихся на романскихъ языкахъ, до 16-го вѣка. (См. тѣ же сочиненія).

Въ 17-мъ вѣкѣ началось господство такъ называемаго французскаго классицизма, или ложно-классической поэзіи, которая состояла въ рабскомъ подражаніи формамъ поэзіи древней, т. е. греческой и латинской. Съ этого времени, поэзія каждаго народа распалась на два отдѣла: подражательный и самобытный. Къ первой принадлежали сочиненія, написанныя по образцу французскихъ классиковъ; ко второй — сочиненія, написанныя въ духѣ національномъ, вѣрныя тому направленію, которое принимаетъ естественное, чуждое иноземныхъ вліяній развитіе народной литературы. Источникомъ послѣднихъ произведеній служилъ поэтическій матеріалъ, уцѣлѣвшій отъ среднихъ вѣковъ. Господство ложнаго классицизма начало упадать съ половины 18-го вѣка. Освобожденіе отъ него совершилось двумя средствами: тщательнымъ изученіемъ собственной, народной литературы и короткимъ знакомствомъ съ истиннымъ характеромъ литературы древней. Прежде прочихъ народовъ обратились къ національной поэзіи Нѣмцы и Ан-

гличане. Французы пришли къ той же цѣли, познакомившись съ англійскими и германскими поэтами (Шекспиромъ, Шиллеромъ, Гете).—Шиллеръ, Гете, Уландъ и другіе нѣмецкіе поэты, по сочувствію къ старинѣ, воспроизвели, вънѣкоторыхъ своихъ стихотвореніяхъ, романтическую поэзію среднихъ вѣковъ. Этотъ-то романтизмъ, отличный и отъ древняго классицизма Грековъ и Римлянъ и отъ ложнаго классицизма Французовъ, перенесъ къ намъ Жуковскій.

г) Отличительныя свойства романтической поэзіи. Различіе между древней и новой поэзіей превосходно изложено въ разсужденіи Шиллера: О наивной (древней) и сентиментальной (новой) поэзіи (*). Вотъ что говоритъ онъ:

«Существенная идея поэзіи заключается въ томъ, чтобы дать человѣчеству въ высшей степени его возможное выраженіе.

Пока человѣкъ есть чистая природа, онъ дѣйствуетъ какъ нераздѣльное, чувственное единство, какъ гармоническое цѣлое. Чувства и разумъ еще не успѣли раздѣлиться въ своихъ отправленіяхъ. Его ощущенія не безобразная игра случая, его мысли не пустая игра воображенія: изъ закона необходимости вытекаютъ одни, изъ дѣйствительности другія. Въ состояніи такой естественной простоты, когда человѣкъ еще дѣйствуетъ всѣми силами, какъ гармоническое единство, когда цѣлое его природы совершенно выражается въ дѣйствительности, — «поэзія состоитъ въ возможно-полномъ представленіи дѣйствительности». Такова поэзія древняя, или наивная.

Но когда человѣкъ входитъ въ состояніе цивилизаціи и искуство налагаетъ на него свою руку, когда природа мало по малу исчезаетъ изъ человѣческой жизни, тогда прежнее чувственное единство уничтожается въ немъ, и онъ можетъ только «стремиться» къ единству. Гармонія мыслей и чувствъ, существовавшая прежде дѣйствительно, существуетъ теперь только въ возможности, идеально; она уже болѣе не въ немъ, но внѣ его, какъ мысль, которая должна осуществиться, а не какъ фактъ его жизни. Въ такомъ состояніи человѣчества — въ состояніи цивилизаціи, когда гармонія человѣческой природы заключается только въ идеѣ, и «поэзія заключается въ возведеніи дѣйствительности до идеала», или, иначе, «въ представленіи идеала». Это—поэзія новая, или сентиментальная.

Другими словами: древній поэтъ былъ сама природа, новый — ищетъ природу; первый трогаетъ насъ природою, чувственною справедливостію, живымъ настоящимъ, второй—идеею.

Путь, по которому идутъ новые поэты, есть впрочемъ тотъ же самый, какой вообще слѣдовало бы войти человѣку какъ въ частностяхъ, такъ и въ цѣломъ. Природа соединяетъ его съ собою, искуство раздѣляетъ; посредствомъ идеала онъ возвращается къ единству. Но такъ какъ идеалъ есть нѣчто безконечное, чего ему никогда не достигнуть, то цивилизованный человѣкъ въ «своемъ» родѣ никогда не можетъ сдѣлаться совершеннымъ, чего въ «своемъ» родѣ достигаетъ человѣкъ естественный. Потому первый былъ бы долженъ безконечно уступить послѣднему въ совершенствѣ, если только смотрѣть на отношеніе, въ какомъ оба они находятся къ ихъ роду. Но если сравнимъ самые роды, то увидимъ, что цѣль, къ которой человѣкъ «стремится» чрезъ цивилизацію, несравненно предпочтительнѣе той, которой онъ достигаетъ чрезъ природу. Одинъ становится достойнымъ чрезъ полное достиженіе конечной величины, другой чрезъ приближеніе къ безконечному. Поэтому древніе и новые поэты не должны быть между собою сравниваемы; и тѣ и другіе имѣютъ свое отличіе и силу: сила первыхъ — въ иску-

(*) Оно переведено въ Отеч. Зап. 1850 г.

ь «ограниченія», сила вторыхъ — искуствѣ «безконечнаго». Отсюда о высокое преимущество древности бразовательныхъ искуствахъ предъ ѣйшимъ временемъ и вообще не-енство достоинствъ поэзіи и обра-ительнаго искуства у древнихъ и ыхъ. Произведеніе для глазъ бы-ъ совершенно только въ ограни-іи; произведеніе для воображенія, ротивъ, только въ безграничности. о того въ пластическихъ искуст-ъ новѣйшимъ художникамъ мало остаетъ ихъ превосходство отно-ельно идей; они принуждены опре-ять въ пространствѣ образъ сво-воображенія самымъ точнымъ об-омъ и, слѣдовательно, войти въ со-ничество съ древними художника-ъ томъ качествѣ, въ которомъ по-дніе имѣютъ неоспоримое преиму-ство. Другое дѣло въ поэтическихъ изведеніяхъ. Правда, древній поэтъ дѣсь побѣждаетъ простотою формъ ымъ, что можно представить чув-енно, такъ сказать осязаемо; но ый далеко оставитъ его за собою богатствѣ содержанія, въ томъ, че-ельзя представить и выразить об-но, короче — въ томъ, что въ про-веденіяхъ искуства называется ду-ъ.

Г. Н. въ Разсужденіи своемъ: «о антической поэзіи», разсматриваетъ ичіе ея отъ классической съ трехъ ронъ: по изобрѣтенію, расположе-и выраженію.

А) Изобрѣтеніе. Такъ какъ геній ре-тическаго міра находилъ высшій азецъ эстетической красоты не въ родѣ, а внутри себя, то и въ про-веденіяхъ своихъ онъ бралъ все ержаніе для своихъ вымысловъ изъ я самого. Внутренній міръ помы-въ, чувствованій и желаній былъ него неизсякаемою темою, кото-онъ старался выразить стройно-мѣрнаго пѣнія. — Доказательст-ъ этому служатъ всѣ первыя по-ки романтической поэзіи, начиная

съ эротическихъ и героическихъ пѣ-снопѣній трубадуровъ и менестрелей: всѣ эти пѣснопѣнія, бывшія общимъ достояніемъ романтическаго міра и неизбѣжною точкою отправленія для всѣхъ, даже самыхъ великихъ по-этовъ, суть не что иное, какъ изліянія внутренняго избытка чувствъ. Послѣ того, какъ лиризмъ былъ освященъ ге-ніемъ Петрарки, повсюду появились бо-лѣе или менѣе счастливые его подра-жатели, и сонетъ получилъ право гражданства въ романтическомъ мірѣ. Впрочемъ душевныя изліянія не огра-ничивались одною любовью или про-славленіемъ воинскихъ доблестей: они бывали иногда, какъ на прим. у Ис-панцевъ, и религіознаго содержанія, такъ что предметами романтическихъ пѣснопѣній служили: религія, любовь и храбрость. Но какъ человѣкъ никог-да не можетъ вполнѣ отрѣшиться отъ видимой природы, то и у романтиковъ встрѣчаются, особенно въ такъ назы-ваемыхъ пастушескихъ стихотворе-ніяхъ, живыя картины, снятыя прямо съ натуры. Только творчество средневѣ-ковыхъ поэтовъ пользовалось сокрови-щами внѣшности тогда, когда подмѣча-ло въ ней какое-то тайное сочувствіе съ ощущеніями духа человѣческаго. Пре-имущественно вращаясь около того, что сродственно внутренней природѣ нашей, увлекаясь силою духа и давая полную свободу ощущеніямъ, твор-чество романтической поэзіи нерѣдко погрѣшало противъ изящнаго вкуса: разрѣшалось въ пустоту ложной сен-тиментальности или во мракъ мисти-цизма, или же, не обращая вниманія на законы видимой природы, творило чудовищные, произвольные образы, несогласные съ истиной. И такъ, от-носительно поэтическаго изобрѣтенія, различіе между классической и роман-тической поэзіей можетъ выразиться такъ: первая—болѣе естественна (какъ выраженіе природы, естества), вто-рая—болѣе человѣчна (гуманна).

Б) Расположеніе. Геній классичес-

каго міра, имѣя передъ собою образъ красоты, ярко отражающійся въ видимой вселенной, строго соображался съ этимъ образомъ при выполненіи своихъ созданій. Совершеннѣйшая симметрія огромнаго міроваго зданія такъ рѣзко выдается и въ самыхъ малыхъ частяхъ его, что невольно останавливаетъ на себѣ взоры даже равнодушнаго зрителя. И классическая поэзія, какъ ревностная подражательница природы, приступая къ выполненію своихъ произведеній, болѣе всего заботилась о гармоническомъ расположеніи и соразмѣрности. Этимъ объясняется удивительное единство, строгій порядокъ и великое согласіе, до того присущіе памятникамъ древности, что въ нихъ, при самомъ строгомъ изслѣдованіи, не оказывается изысканности, погрѣшительности. И это совершенно условливалось не особеннымъ талантомъ того или другаго художника, а врожденною склонностью самой творческой силы, которая, ясно уразумѣвая и живо чувствуя гармонію видимой природы, живо и ясно воспроизводила ее. Не при такихъ условіяхъ дѣйствовалъ поэтической геній временъ романтическихъ. Высшимъ первообразомъ красоты былъ для него міръ человѣческаго духа. Разнообразныя его движенія подчиняются извѣстнымъ законамъ, но исчерпать ихъ и заключить въ опредѣленныя формы—дѣло невозможное. Вотъ почему даже въ лучшихъ произведеніяхъ романтической поэзіи находимъ отсутствіе единства, порядка и симметріи въ частяхъ. Въ нихъ полетъ генія то необуздан и стремителенъ, то медленъ и нерѣшителенъ, такъ что, при самомъ напряженномъ вниманіи, нельзя ни предвидѣть цѣли, къ которой онъ стремится, ни опредѣлить пути, по которому онъ долженъ слѣдовать. Вотъ почему въ разсказахъ такое множество растянутыхъ эпизодовъ и длинныя, несоотвѣтствующія содержанію отступленія. Этимъ же объясняется несоблюденіе прав о единствѣ времени, мѣста, а ино и дѣйствія. И такъ романтичес поэзія, относительно выполненія, раздо фантастичнѣе поэзіи классич ской, которая, строго придержива природы, была осмотрительнѣе.

В) Выраженіе. Такъ какъ предме романтической поэзіи безплотенъ, н вещественъ, то и не могла она стр миться къ той совершенной просто которая была наилучшимъ украшеніе классической поэзіи. Послѣдняя бы вѣрною воспроизводительницею вид мой природы, а величайшая красо видимой природы состоитъ въ рѣзко очертаніи линій, въ круглотѣ фор и въ выпуклости частей. Вотъ почем простой и, такъ сказать, одноцвѣтн рисунокъ составляетъ сущность кла сической поэзіи, которую справедли называютъ «пластической». Скупая краски и убранства, она, чтобы обн жить передъ созерцаніемъ всѣ част своего созданія, больше всего забот лась о простотѣ. Напротивъ, выраже ніе романтической поэзіи по преиму ществу «живописно». Изображая внут реннюю природу человѣка, она могл уловить и выразить ея невещественн ность только смѣшеніемъ и переливом радужныхъ цвѣтовъ, роскошью свѣт и тѣней. Вслѣдствіе этого выражені романтической поэзіи гораздо много сложнѣе и запутаннѣе. Самая природ представлялась ей не въ своемъ есте ственномъ блескѣ красоты, а сквоз призму внутренняго чувства—слѣдов преломленною и расцвѣченною: а по тому она болѣе дорожила свѣтомъ украшеніями, чѣмъ поэзія классиче ская. Ею были истощены всѣ тропы фигуры, она щедро расточила вс источники изящества. Не ускользнул отъ нея, по причинѣ своей внѣшне красоты, и древняя миѳологія, этот роскошнѣйшій цвѣтъ ваятельной фан тазіи. Нерѣдко случалось, что излишня страсть къ украшеніямъ доходила д аффектаціи, до безвкусной пышности

ь особенно должно упрекнуть
ей южной Европы, именно
скихъ, не исключая Петрарки и
Впрочемъ, романтическая поэзія
алась миѳологіей по своему:
давала ей какой-то таинствен-
легорическій смыслъ и, такимъ
ъ, насильственно отыскивала
го двойственность даже въ
памятникахъ классической
ти, въ этихъ совершеннѣйшихъ
хъ естественности и красоты.
прим., многимъ пыткамъ под-
Гомерову Иліаду, желая пе-
ть ее на аллегорическій ладъ.
заннаго слѣдуетъ, что роман-
я поэзія, относительно выраже-
емилась не столько къ про-
ти и плавности «эпоса», сколько
ку и величію «лиризма».
мантизмъ Жуковскаго. Произ-
романтической поэзіи, введен-
съ Жуковскимъ, заимствованы
кихъ поэтовъ, особенно у Шил-
Германіи (и въ Англіи) роман-
явился какъ противодѣйствіе
скому псевдо-классицизму,
ремленіе къ національности въ
рѣ. Основательное знакомство
остью показало различіе меж-
но-классической поэзіей Гре-
Римлянъ и поэзіей подража-
классической Французовъ, и
ло творчество къ поэзіи само-
которая беретъ свое начало
ихъ вѣкахъ. Нѣмецкіе поэты,
о Гете и Шиллеръ, обратились
у источнику. Надобно одна-
мѣтить, что романтизмъ Шил-
торому преимущественно со-
залъ Жуковскій, не одно и тоже
зведеніями романской литера-
и различаются по характеру
Произведенія романской ли-
ы называютъ нѣкоторые ста-
и готическимъ, романтизмомъ;
ценія Шиллера и другихъ по-
романтизмомъ новымъ. Нѣмец-
нтическая поэзія главнѣйше
ся къ лиризму, субъективной
настроенности; въ ней развиты мечтательность и дума; она выражаетъ тайны сердца, сокровенныя движенія души; она входитъ въ психологическій анализъ, разсматривая чувства, изслѣдуя впечатлѣнія. У ней, кромѣ средневѣковыхъ произведеній, былъ другой источникъ — философическій идеализмъ: въ этомъ отношеніи, Кантъ вдохновилъ Шиллера. Внутренній миръ человѣка—вотъ ея сфера. Необходимыя принадлежности такой поэзіи — мечтательность, таинственность, меланхолія, отчужденіе отъ земнаго, неопредѣленныя стремленія къ чему-то лучшему и возвышенному, въ страну фантастическихъ существъ, въ туманную даль. Родовыя свойства поэзіи ясно отражаются и въ частномъ — въ романтизмѣ Жуковскаго: это — недовольство дѣйствительнымъ и стремленіе къ идеальному, неопредѣленному. Изъ трехъ элементовъ романтизма (любви, чести и вѣрности) преимущественно развивается въ поэзіи Жуковскаго горестная любовь — чувство любви погибшей. Когда такого рода любовь постигнетъ сердце доброе и кроткое, мечтательное и меланхолическое, тогда она не ожесточаетъ, не приводитъ въ отчаяніе, не заставляетъ роптать на судьбу и людей, но поселяетъ въ человѣкѣ тихое уныніе и заставляетъ находить усладу въ самой горести. Отсюда стремленіе за могилу, надежда загробнаго свиданія. Все, говорящее душѣ о чемъ-то таинственномъ и неземномъ, о непрочности земныхъ благъ и объ ожиданіи лучшаго, желаннаго, является въ стихотвореніяхъ Жуковскаго, утѣшаетъ любящаго и страдающаго, увѣряя его, что «любовь не умираетъ и въ отшедшихъ за Коцитъ». Поэзію Жуковскаго можно назвать «философіей сердца», которое не разсуждаетъ, но вѣритъ, не доказываетъ, а чувствуетъ: оно—вѣщунъ, и его чувства и предчувствія замѣняютъ логическіе выводы. Жизнь, созданная романтизмомъ, есть особенная жизнь;

въ ней настоящее уныло, и она слагается изъ двухъ элементовъ: изъ воспоминанія о прошедшимъ, изъ надежды счастія въ будущемъ. Эта горесть по утраченнымъ благамъ есть не только утѣшеніе горестнаго, но и любовь его, но и обѣтъ неизмѣнной надежды («Теонъ и Эсхинъ»). Въ «Ундинѣ», поэтъ жалѣетъ даже, что горе наше не вѣчно, что оно съ теченіемъ времени утихаетъ. Воспоминаніе такъ у него сильно, что посредствомъ него минувшее становится настоящимъ, а настоящее минувшимъ («Опять ты здѣсь, мой благодатный геній»). А надежда на счастіе въ загробной жизни до того необманчива, что поэтъ не только увѣренъ въ загробномъ свиданіи съ предметомъ любви своей, но даже знаетъ, что разлученный, оставившій его одинокимъ, наблюдаетъ за нимъ, раздѣляетъ его радости и скорби, не оставляетъ безъ отвѣта ни малѣйшаго дѣйствія его жизни («Голосъ съ того свѣта»).

е) Жуковскій-переводчикъ. Наибольшая часть произведеній Жуковскаго принадлежитъ къ переводнымъ изъ нѣмецкихъ и англійскихъ поэтовъ. Изъ нѣмецкихъ бралъ онъ преимущественно у Шиллера, любимаго своего поэта, потомъ у Гете, Уланда, Бюргера, Гебеля, Зейдлица, Маттисона, Клопштока; изъ англійскихъ: у Грея, Байрона, Вальтеръ-Скотта, Мура, Саути. Было время, когда переводную дѣятельность Жуковскаго ставили ему въ вину, считая вообще переводъ ниже собственныхъ сочиненій, тогда какъ въ этомъ-то и состоитъ его великая заслуга: отрекшись отъ притязаній на оригинальность, онъ обратилъ все свое поэтическое дѣйствіе на то, чтобы передать намъ романтическую поэзію, которой у насъ не было, но которой богатый запасъ представляла нѣмецкая поэзія. Онъ исполнилъ свое дѣло съ любовію и искуствомъ. Отъ этого происходитъ такое глубокое *сочувствіе* къ Жуковскому всѣхъ, кто хотя сколько нибудь понимаетъ соты сердечной поэзіи; отъ этого кое сильное вліяніе его стихотвор проникнутыхъ истиннымъ чувств на душу, что его одного можно звать (разумѣя поэтическое вли воспитателемъ цѣлаго поколѣнія. зія Жуковскаго останется идеа романтической поэзіи. Какъ п басней Крылова трудно дать что будь новое въ родѣ басни, такъ послѣ романтической поэзіи Жу скаго трудно ожидать подобныхъ п веденій въ томъ же родѣ. Ве. дѣятели въ области поэзіи, раскр всестороннимъ образомъ избра предметъ, вмѣстѣ съ этимъ ка уничтожаютъ возможность новыхъ зданій въ сферѣ предмета, ими ос рѣннаго и изображеннаго.

Кто переводитъ, не создавая ственныхъ произведеній, того обы венно называютъ писателемъ нео нальнымъ; но Жуковскій, какъ водчикъ, есть вмѣстѣ и поэтъ о нальный. Его переводы суть, такъ зать, его собственныя созданія. выбиралъ для перевода такихъ товъ, которыхъ идеи и чувства его идеями и чувствами; можно зать, что онъ бралъ «свое» вездѣ только находилъ его. Переводы представляютъ образецъ внѣшн внутренней вѣрности: внѣшняя стоитъ въ передачѣ выраженія (и стихотворнаго размѣра), вну няя — въ передачѣ духа сочи (мыслей и тона).

Романтическое направленіе Ж скаго обнаружилось въ особенном чувствіи къ извѣстному роду п къ извѣстнымъ поэтамъ и къ из нымъ поэтическимъ піесамъ. Онъ ращался преимущественно къ н кой поэзіи, какъ наиболѣе мечта ной, идеальной, романтической нѣмецкихъ поэтовъ преимущест переводилъ Шиллера, какъ поэта болѣе романтическаго, изъ Ш и другихъ стихотворцевъ бралъ

ществено такія піесы, которыя
икнуть романтизмомъ. Такъ онъ
лъ свое поэтическое поприще съ
ій, балладъ и романсовъ, потому
элегія есть выраженіе грустнаго,
ихолическаго чувства, а балла-
и романсы, какъ народныя пѣсни
ихъ вѣковъ, суть произведенія
го романтическія. У Байрона взялъ
поэму: «Шильонскій узникъ», изо-
жающую страданія; у Мура: «Пери
нгелъ», піесу, въ которой предс-
влено стремленіе души отъ земли
небу; у Клопштока: «Аббадона»—
каяніе Ангела и тоску его по небѣ;
Овидія: «Цеиксъ и Гальціона» —
луну супруговъ и свиданіе ихъ по
ерти. Самый выборъ «Орлеанской
вы»—драмы, выражающей небесное
хновеніе и отверженіе земли для
ба, произошелъ изъ того же источ-
ка. Жуковскій не выбралъ, напри-
ръ, у Шиллера «Вильгельма Теля»,
Мура—«Поклонниковъ огня», у Бай-
на—«Гяура», потому что все это не
къ сродно его душѣ. Многое онъ не
олько переводилъ, сколько передѣ-
валъ; иное заимствовалъ мѣстами и
гавлялъ въ свои оригинальныя піе-
. Однимъ словомъ, Жуковскій былъ
реводчикомъ не Шиллера или дру-
хъ какихъ нибудь поэтовъ Герма-
и и Англіи, но переводчикомъ ро-
нтизма, вошедшаго въ поэзію нѣ-
цкихъ и англійскихъ поэтовъ, осо-
нно же Шиллера. — Отъ согласія
тора съ переводчикомъ въ характерѣ,
разованіи и другихъ обстоятельст-
хъ происходитъ точность перевода;
оборотъ, невѣрность перевода есть
ѣдствіе несогласія втѣхъже пред-
етахъ. Такъ переводы Жуковскаго
ъ Шиллера, поэта совершенно ему
одственнаго, проникнуты тѣмъ же
хомъ, вполнѣ воспроизводятъ Шил-
ера (за исключеніемъ немногихъ от-
туплений); но нельзя того же сказать
переводахъ нѣкоторыхъ піесъ изъ
ете и Байрона: «Шильонскій узникъ»
ослѣдняго *получилъ въ переводѣ* другой тонъ; вмѣсто мрачнаго, холоднаго отчаянія вышло унылое страданіе.

ж) Одностороннее направленіе поэзіи Жуковскаго. Наибольшая и лучшая часть всего, написаннаго Жуковскимъ, выражаетъ одинъ и тотъ же міръ — романтическій. Романтизмъ находится какъ въ лирическихъ, такъ и эпическихъ стихотвореніяхъ — какъ въ переводныхъ, такъ и въ оригинальныхъ. Проявленіе поэтическаго таланта въ одномъ какомъ-нибудь родѣ поэзіи называется односторонностью; но эта односторонность, у Жуковскаго, есть не недостатокъ, а высокое достоинство, потому что избранная имъ сфера мыслей и чувствъ раскрыта вполнѣ, доведена до такого многообразія подробностей, что составляетъ цѣлый, изящно изображенный міръ. Трудно, какъ мы сказали выше, создать теперь что-нибудь новое, лучшее, въ романтическомъ родѣ. — Въ числѣ стихотвореній Жуковскаго есть переводы изъ Шиллера, воспроизводящіе древне-классическій міръ (Торжество побѣдителей, Кассандра, Жалоба Цереры), но это воспроизведеніе носитъ на себѣ тоже отпечатокъ романтизма, подъ вліяніемъ котораго Шиллеръ смотрѣлъ на греческую жизнь. Такъ напримѣръ, въ піесѣ «Кассандра» нѣтъ истинной дочери Пріама. Троянка не могла выражать такія мысли:

Лишь незнанье—жизнь прямая,
Знанье—смерть прямая намъ.

Или:

Ахъ, сколь жизнь тому ужасна,
Кто во глубь ея проникъ!

Есть у Жуковскаго и оригинальныя піесы: однѣ въ романтическомъ духѣ, другія—не въ романтическомъ направленіи (Пѣвецъ въ станѣ русскихъ воиновъ, Пѣвецъ въ Кремлѣ, Пѣснь барда надъ гробомъ Славянъ-побѣдителей, На смерть Каменскаго, Сказки и проч.). О вторыхъ надобно замѣтить слѣдующее: а) онѣ отличаются искренностью и силою патріотическаго чувства, особенно «Пѣвецъ въ станѣ Русскихъ во-

иновъ»; б) во многихъ мѣстахъ онѣ представляютъ неестественное изображеніе предмета, подражая псевдоклассической школѣ поэзіи: такъ, въ указанной піссѣ, «пѣвецъ ударяетъ въ струны арфы», «воины вооружены щитами, копьями, мечами и кольчугами»; Пушкинъ, приведшій поэзію къ естественному представленію изображаемаго, не позволилъ бы себѣ употребить такіе анахронизмы; в) лучшія поэтическія мѣста въ исчисленныхъ стихотвореніяхъ встрѣчаются тамъ, гдѣ поэтъ вѣренъ своему романтизму, то есть гдѣ онъ тоскуетъ о небѣ, груститъ объ утраченномъ счастіи: таковы строфы о Кутайсовѣ (Пѣвецъ въ станѣ Русскихъ воиновъ), строфы о гибели всего прекраснаго на землѣ, о бѣдности жизни (На кончину Королевы Виртембергской).

з) Стихъ Жуковскаго. Достоинство произведеній Жуковскаго заключается не въ одной важности содержанія, но и въ прелести формы, въ изяществѣ стиха. Онъ не слѣдовалъ рабски языку, размѣру подлинника, но усвоивалъ ихъ, и съ удивительнымъ совершенствомъ передавалъ усвоенное по-русски: извѣстно, что такіе переводы имѣютъ все достоинство оригинальныхъ произведеній. Стихъ Жуковскаго есть стихъ истинно-поэтическій, художественный. Въ піесахъ романтическихъ, онъ отличается нѣжностью, музыкальностью, сладостной мелодіей, которая такъ свойственна при выраженіи романтическихъ идей, романтическаго чувства. Онъ, по выраженію Гоголя, «легокъ и безтѣлесенъ, какъ видѣніе.» Тотъ же писатель называетъ его, въ другомъ мѣстѣ, «воздушнымъ, порхающимъ, какъ неясный звукъ Эоловой арфы.» Ни одинъ русскій поэтъ не писалъ до него столь разнообразными метрами. Онъ слышалъ монотонность сплошныхъ дактилическихъ окончаній, которыя Карамзинъ, подражая *народнымъ* пѣснямъ, употребилъ въ *пѣснѣ «Илья* Муромецъ,» и у него дактилическія окончанія черезъ стихъ сообщили стихотворенію особенную гармонію («Ахъ, почто за мечъ воинственный....». въ монологѣ Іоанны д' Аркъ). Гексаметръ взятъ имъ не какъ средство избѣгнуть однообразія шеститопнаго ямба, но какъ изящный стихъ, свойственный эпосу (Одиссея, Аббадона, 2-я пѣснь Энеиды, Цемксъ и Гальціона). Драма «Орлеанская Дѣва» переведена прекрасными пятистопными ямбами, которые прежде не употреблялись въ трагедіи. «Шильонскій узникъ» переведенъ однѣми мужескими рѳмами, и піеса не потеряла своей силы, не сдѣлалась утомительной. Въ балладѣ «Замокъ Смальгольмъ» употребленъ трехстопный и четырехстопный анапестъ, считавшійся тяжелымъ размѣромъ, а у Жуковскаго вышедшій изящнымъ. Всѣ эти свободныя измѣненія стихотворныхъ метровъ показываютъ отличное владѣніе языкомъ и художническій тактъ.—Сколько, въ романтическихъ піесахъ, стихъ Жуковскаго отличается сладостной музыкальностью, и такъ сказать, воздушностью, столькожъ въ піесахъ другаго рода, особенно въ позднѣйшихъ переводахъ (напр. въ Одиссеѣ), онъ крѣпокъ, мужественъ, пластиченъ. Изобразительность въ картинахъ соединена съ ровнымъ, спокойнымъ одушевленіемъ въ отношеніи чувствъ. Стихотворенія послѣдняго времени представляютъ образцы художественной простоты выраженія. Жуковскій сообщилъ своему стиху то самое, чѣмъ запечатлѣна проза Пушкина. Какъ блистательный стихъ Пушкина разительно противоположенъ его прозѣ, доведенной до изящнаго безубранства, такъ и художественно-простой стихъ Жуковскаго послѣдняго времени противоположенъ его поэтической прозѣ. Поэтъ отбросилъ даже риѳму, которая болѣе или менѣе служитъ къ внѣшнему украшенію стихотворной рѣчи.

и) Проза Жуковскаго. Число прозаическихъ статей Жуковскаго очень

ограничено: они составляютъ одинъ омъ въ полномъ собраніи его сочине-ій. Исчислимъ ихъ: повѣсть Марьина роща (1809), двѣ критическія статьи: о сатирѣ и сатирахъ Кантемира (1809), о баснѣ и басняхъ Крылова (1808), двѣ аллегорическія статьи (три сестры, 1808, взглядъ на землю съ неба, 1831), четыре разсужденія (о критикѣ, 1809, писатель въ обществѣ, 1808, кто истинно добрый и счастливый че-овѣкъ, 1808, отрывокъ письма изъ Швейцаріи, 1820), описательныя (пу-ешествіе по Саксонской Швейцаріи, 1822, отрывки изъ письма о Швейца-аріи, 1820, Рафаелева Мадонна, 1820, оспоминаніе о торжествѣ 30 августа, 1834).—Кромѣ того, въ нѣкоторыхъ урналахъ (Современникѣ, Москвитя-инѣ), помѣщены прозаическія статьи, аписанныя послѣ изданія сочиненій: исьмо къ Великой Княгинѣ Маріи Николаевнѣ о Бородинскомъ торжест-ѣ, письмо къ Императрицѣ Алексан-рѣ Ѳеодоровнѣ послѣ кончины Вели-ой Княгини Александры Николаевны, вѣ сцены изъ Фауста, и проч.

Эти прозаическія статьи должно раз-ѣлить на два отдѣла: однѣ написаны о 1820 г., для журналовъ, и по-ряли теперь свою прежнюю значи-ельность содержанія; другія явились ослѣ 1820 г. Всѣ онѣ, особенно вто-аго отдѣла (отрывокъ письма изъ Швейцаріи, путешествіе по Саксонской Швейцаріи, Рафаелева Мадонна, вос-оминаніе о торжествѣ 30-го авг. 1834 , и проч.) принадлежатъ къ образцо-ымъ по языку. Если судить по глав-ымъ чертамъ и формамъ рѣчи, то про- Жуковскаго, особенно въ статьяхъ рваго отдѣла, не много разнится отъ озы Карамзина: таже легкость, есте-енность и стройность рѣчи; но Жу-ковскій внесъ еще въ свой прозаиче-ій языкъ всѣ стихіи языка стихо-рнаго, отъ чего онъ получилъ осо-ную плавность, благозвучность, цію, живописность, поэтическій тъ.

i) Раздѣленіе стихотвореній Жуковскаго. Стихотворенія Жуковскаго раздѣляются на четыре отдѣла: 1) переводныя въ романтическомъ родѣ, 2) оригинальныя въ томъ же родѣ, 3) переводныя, не въ романтическомъ родѣ, и 4) такія же оригинальныя.

A) Произведенія переводныя романтическія:

1) Баллады. Этотъ родъ поэзіи введенъ и утвержденъ у насъ Жуковскимъ, такъ что въ началѣ его поэтической дѣятельности смотрѣли на него, какъ на автора балладъ преимущественно, и Батюшковъ, въ посланіи къ нему, называетъ его «балладникомъ» (прости, балладникъ мой, Бѣлева мирный житель). Первою балладою была Людмила (1808), передѣланная изъ Леноры (Бюргера), которую онъ въ послѣдствіи перевелъ. Другія баллады: «изъ Гете»—Лѣсной царь; «изъ Шиллера» — Перчатка, Кубокъ, рыцарь Тогенбургъ, Графъ Габсбургскій, Поликратовъ перстень; «изъ Уланда»—Побѣдитель, Три путника, Мщеніе, Три пѣсни, Плаваніе Карла великаго, Старый рыцарь, Роландъ оруженосецъ; «изъ Бюргера»—Ленора; «изъ В. Скотта»—Замокъ Смальгольмъ; «изъ Саути»—Адельстанъ, Варвикъ; «изъ Зейдлица»—Ночной смотръ, и проч.

2) Романсы, пѣсни и элегіи: изъ «Гете» — Утѣшеніе въ слезахъ; изъ «Шиллера»—Тоска по миломъ, Жалоба, Голосъ съ того свѣта, Желаніе, Мечты, Путешественникъ, Горная дорога, и проч.; «изъ Уланда»—Утѣшеніе; «изъ Грея»—Сельское кладбище, элегія, переведенная два раза: въ первый разъ (1802) александрійскими стихами, и во второй (1839) гекзаметромъ. Эта элегія замѣчательна въ двухъ отношеніяхъ: съ нея начинается у насъ элегическій родъ и мелодическій стихъ.

3) Драматическая поэма.—Орлеанская дѣва (Шиллера).

Б) Произведенія оригинальныя, въ томъ же направленіи:

1) Баллады, написанныя въ подражаніе нѣмецкимъ: Людмила, Свѣтлана (1812), произведеніе въ свое время наиболѣе любимое публикою, такъ что автора долго называли «Пѣвцомъ Свѣтланы»; Эолова Арфа (1814), вполнѣ проникнутая романтизмомъ, Ахиллъ (1814), Узникъ, Дѣнадцать спящихъ дѣвъ (1811, изъ романа Шписа), Вадимъ.

2) Романсы и пѣсни: Пловецъ (1811), Счастливъ тотъ, кому забавы... (1810), О милый другъ, теперь съ тобою радость.... (1811), Минувшихъ дней очарованье, Весеннее чувство, Пѣвецъ, Мотылекъ и цвѣты, Романсы о Сидѣ (изъ Гердера), и проч.

3) Элегіи: изъ нихъ значительнѣе всѣхъ Теонъ и Эсхинъ (1814), какъ искреннее выраженіе чувствъ автора, его взгляда на жизнь; потомъ: Славянка (1815), Вечеръ (1806), На кончину Королевы Виртембергской, Привидѣніе, Таинственный посѣтитель, Къ мимопролетѣвшему знакомому генію, Цвѣтъ завѣта (1819).

4) Посланія, большею частію элегическаго содержанія: Нинѣ (1808), Филалету (1808), Тургеневу (1813), С....ой, Оболенской (1820), Батюшкову (1811), Эверсу 1815).

В) Переводы не романтическаго направленія:

Отрывки изъ Иліады; изъ Энеиды (пѣснь 2); Одиссея; изъ Овидія (Цеикъ и Гальціона); Наль и Дамаянти, индійская повѣсть (изъ Рюкерта, 1841); Ундина (изъ Ламотъ-Фуке, 1837); изъ Шиллера—Торжество побѣдителей, Ивиковы Журавли, Кассандра, Жалоба Цереры, Счастіе, Элевзинскій праздникъ; изъ Мессіады Клопштока—Аббадона (1814); изъ Гете—Моя Богиня (1810), Путешественникъ и Поселянка, Орелъ и Голубка; изъ *Гебеля*,—Сельскія стихотворенія: *Овсяный кисель*, Деревенскій сторожъ, Тлѣнность, Красный карбункулъ, Воскресное утро въ деревнѣ, Утренняя звѣзда, Лѣтній вечеръ, и проч.; изъ Драйдена — Пиршество Александр (1812), изъ Томсона—Гимнъ (1808) изъ Маттисона—Элизіумъ, къ Милону изъ Фонтана—Библія, изъ Горація — къ Делію, изъ Лафонтена—Сонъ богомольца; Камоэнсъ, драмат. отрывокъ подражаніе Гальму (1839); изъ Томаса Мура: Пери и Ангелъ, изъ Байрона—Шильонскій Узникъ, изъ Мериме—Маттео Фальконе, изъ Шамиссо—Выборъ креста, изъ Уланда—Нормандскій обычай (драмат. сцена), изъ Рюкерта—Рустемъ и Зорабъ (персидская повѣсть) и проч.

Г) Сочиненія не въ романтическомъ направленіи:

1) Патріотическія піесы: Пѣснь Барда надъ гробомъ Славянъ побѣдителей (1806), На смерть графа Каменскаго, Пѣвецъ въ станѣ Русскихъ воиновъ (1812), Пѣвецъ въ Кремлѣ (1814), Пѣснь Русскому Царю (1815), Императору Александру (1814), Императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ (1813), Императрицѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ (1818), Вождю побѣдителей (1812), Чувства предъ гробомъ Императрицы Маріи Ѳеодоровны, Русская слава, Пѣснь на присягу Наслѣдника, Бородинская годовщина (1839), 1-е Іюля 1842, и пр.

2) Посланія: Воейкову (1814), Блудову (1809), Вяземскому и Пушкину (1814), Вяземскому (1814), Дмитріеву, и другія піесы.

3) Ирои-комическій эпосъ: Война мышей и лягушекъ.

4) Сказки: О царѣ Берендеѣ, О спящей царевнѣ, О Иванѣ паревичѣ и сѣромъ волкѣ, Тюльпанное дерево, Котъ въ сапогахъ.

к) О переводѣ Одиссеи. Прежде выпишемъ нѣсколько мѣстъ изъ предисловія къ переводу, которое указываетъ взглядъ переводчика на поэзію Гомера: «Переводъ Гомера не можетъ

быть похожъ ни на какой другой. В всякомъ другомъ поэтѣ, «не первобытномъ», а уже поэтѣ-художникѣ, встрѣчаешь съ естественнымъ его вдохновеніемъ и работу искуства. Въ Гомерѣ этого искуства нѣтъ; онъ младенецъ, видѣвшій во снѣ все, что есть чуднаго на землѣ и небесахъ, и лепечущій объ этомъ звонкимъ ребяческимъ голосомъ на груди у своей кормилицы природы. Это тихая, широкая, свѣтлая рѣка безъ волнъ, отражающая чисто и вѣрно и небо и берега и все, что на берегахъ живетъ и движется: видишь одно вѣрное отраженіе, а свѣтлый кристаллъ отражающій какъ будто не существуетъ: око его не чувствуетъ. Переводя Гомера (и въ особенности Одиссею), не далеко уйдешь, если займешься фактурою каждаго стиха отдѣльно, ибо у него, т. е. у Гомера, нѣтъ отдѣльно разительныхъ стиховъ, есть потокъ ихъ, который надобно схватить «весь» во всей его полнотѣ и свѣтлости: надобно сохранять каждому стиху его физіономію, но такъ, чтобы его отдѣльность сливалась съ стройностью цѣлаго и въ ней исчезала. И въ выборѣ словъ надлежитъ наблюдать особеннаго рода осторожность; часто самое поэтическое, живописное, заносчивое слово потому именно и не годится для Гомера; все, имѣющее видъ новизны, затѣйливости нашего времени, все необыкновенное— здѣсь не у мѣста: оно есть, такъ сказать, анахронизмъ; надобно возвратиться къ языку первобытному, потерявшему уже свою свѣжесть потому, что всѣ его употребляли, заимствуясь у праотца поэзіи; надобно этому обветшалому, изношенному языку возвратить его первоначальную свѣжесть и новость, и отказаться отъ всѣхъ нововведеній, какими языкъ поэтическій, удаляясь отъ простоты первобытной, по необходимости замѣнилъ эту младенческую простоту. Однимъ словомъ, переводя Гомера, надобно отказаться отъ всякаго щегольства, отъ всякой украшенности, отъ всякаго покушенія на эффектъ, отъ всякаго кокетства; надобно производить дѣйствіе неощутительно цѣлымъ, простотою, неразительностію, непримѣтностію выраженій, стройностію широкихъ, обильныхъ періодовъ, иногда прерываемыхъ какъ будто безъ намѣренія отдѣльными стихами, малоблестящими, такъ чтобы каждый стихъ въ періодѣ и каждое слово въ стихѣ составляли одну общую гармонію, не нарушая ея никакимъ отдѣльнымъ, разительнымъ, часто дикимъ звукомъ. Эта работа весьма трудная; для нея нѣтъ ясныхъ правилъ; должно руководствоваться однимъ чутьемъ; и для меня эта работа была тѣмъ труднѣе, что я, въ этомъ отношеніи, не могъ согласоваться съ оригиналомъ, ибо его не знаю, а могъ только его угадывать. Но за то какое очарованіе въ этой работѣ, въ этомъ подслушиваніи первыхъ вздоховъ Анадіомены, раждающейся изъ пѣны моря (ибо она есть символъ Гомеровой поэзіи) — въ этомъ простодушіи слова, въ этой первобытности нравовъ, въ этой смѣси дикаго съ высокимъ и прелестнымъ, въ этой живописности безъ излишества, въ этой незатѣйливости и непорочности выраженія, въ этой болтовнѣ часто черезчуръ изобильной, но принадлежащей характеру безъискуственности и простоты, и въ особенности въ этой меланхоліи, которая нечувствительно, безъ вѣдома поэта, кипящаго и живущаго съ окружающимъ его міромъ, все проникаетъ, ибо эта меланхолія не есть дѣло фантазіи, созидающей произвольно грустныя сѣтованія, а заключается въ самой природѣ вещей тогдашняго міра, въ которомъ все имѣло жизнь, пластически могучую въ «настоящемъ», но и все было ничтожно, ибо душа не имѣла за границею міра никакого «будущаго» и улетала съ земли безжизненнымъ призракомъ; и вѣра въ безсмертіе, посреди этого кипѣнія жизни настоящей, никому не шеп-

тала своихъ великихъ, всеоживляющихъ утѣшеній. Вотъ вамъ моя поэтическая исповѣдь. Прибавлю: я вездѣ старался сохранить простой, сказочный языкъ, избѣгая всякой натяжки; пользовался, гдѣ могъ, возвышенностію церковно-славянскаго діалекта, но строго держался языка русскаго, присвоеннаго общимъ употребленіемъ; и по возможности соглашалъ его формы съ формами оригинала (которыя всѣ матеріально для меня сохранены въ переводѣ подстрочномъ), соглашалъ такъ, чтобы Гомеровъ стихъ былъ ощутителенъ въ стихѣ русскомъ, не принуждая его кривляться по гречески».

Для оцѣнки перевода надобно показать его значеніе: А) по отношенію къ выраженію господствующаго духа, характера подлинника; Б) по отношенію къ выраженію отдѣльныхъ частей подлинника и самаго способа изложенія; В) по отношенію къ его литературнымъ достоинствамъ.

А) Вообще недостаточность выраженія патріархальной простоты, естественности, простодушія Гомеровой поэзіи—общая у Жуковскаго и Гнѣдича; различіе состоитъ только въ степени. Жуковскій въ этомъ отношеніи далеко опередилъ Гнѣдича. Его повѣствованіе уже значительно отзывается гомерическими пріемами, такъ что можетъ сообщить незнающему языка подлинника довольно вѣрное понятіе о разсказѣ Гомера. Въ лучшихъ мѣстахъ перевода, господствующій тонъ прямо переходитъ къ тону Гомеровой поэзіи: таже невинность, тоже простодушіе, тоже невозмутимое спокойствіе. Незнакомый съ главнѣйшимъ хранилищемъ жизни отжившаго народа—съ его языкомъ (Жуковскій переводилъ съ подстрочнаго нѣмецкаго перевода), онъ не могъ въ совершенствѣ постигнуть Гомерово общество, а потому и не могъ всецѣло выразить его въ своемъ переводѣ. Но высокій *поэтическій* талантъ и глубокое знаніе роднаго языка дали ему сред
значительной степени выразить
ствующій характеръ произ
Переводъ Жуковскаго болѣе
ныхъ доселѣ опытовъ приблиз
идеалу перевода. — Разсматр
его въ цѣломъ, какъ выраженіе
наго характера подлинника, не
звать его вполнѣ удовлетворите
Недостатки его, въ этомъ отн
произошли: 1) отъ довольно з
искуственности, тщательной в
ки нѣкоторыхъ стиховъ, обн
вающихъ борьбу его и съ
подлинника и съ самымъ раз
Въ его переводѣ нерѣдко встр
выраженія, свойственныя тольк
ченной поэзіи и рѣшительно не
щія мѣста въ произведеніи
котораго самъ Жуковскій срав
младенцемъ. Если у Гнѣдич
Гомера являются декламатора
важностію разсуждающими ин
самыхъ обыкновенныхъ предме
у Жуковскаго они являются нѣ
нѣжными, чувствительными,
дающими съ нѣкоторою иск
ностью, доходящею до утонче
2) отъ усиленія повѣствованія
собственнымъ воображеніемъ
введенія своей личности въ п
произведенія по преимуществу
тивнаго. Переводчикъ иногда
паетъ отъ подлинника, придав
тинамъ Гомера собственныя
тѣни, что неизбѣжно влечетъ з
потерю многихъ истинно-гом
кихъ красотъ и замѣну ихъ
либо красотами современной
Переводъ произведенія чисто
тивнаго, въ которомъ авторъ
шись, такъ сказать, съ приро
на минуту отъ нея не отдѣляетс
полное право требовать совер
отсутствія личности переводчи
торая, конечно, можетъ прида
блескъ, но существенно вредит
воду, какъ переводу.

Б) Выраженіе отдѣльныхъ м
строгимъ соблюденіемъ самых

самаго способа повѣствованія
яетъ наиболѣе слабую сторону
да Жуковскаго. Незнаніе языка
ника, соединенное съ поэтиче-
увленіемъ, и было причи-
вѣрной передачи отдѣльныхъ
. Этотъ же недостатокъ имѣлъ
зіемъ потерю въ переводѣ глав-
личительныхъ свойствъ самаго
Гомерова повѣствованія: 1)
мительно-строгой послѣдова-
сти, выраженной частицами, и
рѣзкаго, сильнаго, пластиче-
зображенія предметовъ съ по-
питетовъ. Жуковскій опускалъ
. Что же касается до эпитетовъ,
одной стороны, они неточны въ
зіе произвольныхъ уклоненій
линника, съ другой темны отъ
выразить ихъ со всею полнотою.
о, въ отношеніи къ эпитетамъ,
кій сдѣлалъ значительный шагъ
ъ Гнѣдича: нѣкоторые изъ нихъ
енно-удачны, но большая часть
ывается искуственностію, не-
ю, намѣренною выработкою,
тѣмъ какъ у Гомера они при-
повѣствованію краткость, силу,
тельность, пластичность.

го касается до литературнаго
ства перевода, то, безъ сомнѣ-
ъ есть образцовый и по языку,
иху, и по разсказу. Этотъ стихъ
улъ въ переводѣ Одиссеи, какъ
ѣтили выше, изящества простоты
ности, пластичности. Легкость,
ть повѣствованія удивительны.
кій является художникомъ при
іи даже самыхъ мелкихъ по-
тей, въ отдѣлкѣ каждаго пе-
каждаго предложенія, каждаго
Замѣтимъ, что въ переводѣ его
ются выраженія совершенно-
ія, весьма соотвѣтствующія
ику. Онъ ясно понималъ ту
что до тѣхъ поръ, пока въ не-
произведеній Гомера мы будемъ
блять искуственный и утончен-
къ современной поэзіи и ввоз
ъ него множество оборотовъ
церковно-славянскаго языка, пока
переводъ не найдетъ себѣ отголоска
въ народѣ, еще не столь уклонившем-
ся отъ гомерической простоты, до тѣхъ
поръ останутся скрытыми и прелесть
Гомеровой поэзіи и патріархальное
состояніе выражаемаго ею общества.—
Къ числу недостатковъ въ литературномъ
отношеніи можно отнести: 1) искуственное, нерѣдко неправильное образованіе большей части Гомеровыхъ эпитетовъ; 2) искуственность нѣкоторыхъ отдѣльныхъ реченій; 3) нѣкоторыя церковно-славянскія формы и обороты, тѣмъ замѣтнѣйшіе, что они часто встрѣчаются рядомъ съ выраженіями чисто-народными.

5) Переводы Одиссеи. Мерзляковъ перевелъ отрывокъ изъ 8-ой пѣсни (Улиссъ у Алкиноя). Полныхъ переводовъ въ прозѣ было два Соколова (1788) и Мартынова (1826 — 1828). Наконецъ Жуковскій перевелъ Одиссею, размѣромъ подлинника (1848 и 1849).

6) Содержаніе Одиссеи. Предметъ Одиссеи — возвращеніе Одиссея, или Улисса, царя итакскаго на родину. По разореніи Трои, Одиссей отправляется въ свое владѣніе—Итаку. На островѣ Огигіи, нимфа Калипсо задерживаетъ его. Зевесъ, по просьбѣ Аѳины, велитъ Эрмію возвѣстить Калипсѣ волю боговъ—отпустить Одиссея. Посидонъ воздвигаетъ бурю, которая выбрасываетъ Одиссея на Ѳеакійскій берегъ. Здѣсь онъ находитъ гостепріимство у царя Алкиноя, разсказываетъ ему свои приключенія, получаетъ корабль и достигаетъ Итаки, гдѣ, съ помощію Аѳины, наказываетъ жениховъ Пенелопы, жены своей.

7) Содержаніе отрывка (изъ 9-ой пѣсни). Прибытіе въ область Циклоповъ. Одиссей, оставя у козьяго острова свои корабли, съ однимъ собственнымъ кораблемъ пристаетъ къ недалекому берегу Циклоповъ. Выбравъ 12 изъ своихъ корабельныхъ товарищей, онъ входитъ съ ними въ пещеру

Полифема. Гибель шести изъ сопутниковъ Одиссеевыхъ, пожранныхъ Циклопомъ. Опьянивъ его, Одиссей проэаетъ ему глазъ и потомъ хитростію спасаетъ себя и товарищей отъ его бѣшенства. Они похищаютъ Циклопово стадо и возвращаются на козій островъ. Полифемъ призываетъ отца, Посидона, и молитъ, чтобы онъ отистилъ за него Одиссею.

Изъ поэмы: Наль и Дамаянти.

Наль и Дамантиесть эпизодъ огромной индійской поэмы Магабараты. Этотъ отрывокъ самъ по себѣ составляетъ полное цѣлое. Жуковскій перевелъ его съ нѣм. перевода Рюккерта. «Не зная подлинника» — говоритъ онъ въ примѣчаніи къ переводу—«я не могъ имѣть намѣренія познакомить съ нимъ русскихъ читателей; я просто хотѣлъ разсказать имъ по-русски ту повѣсть, которая плѣнила меня въ разсказѣ Рюккерта, хотѣлъ самъ насладиться трудомъ поэтическимъ, стараясь найти въ языкѣ моемъ выраженія для той дѣвственной, первообразной красоты, которою полна индѣйская повѣсть о Налѣ и Дамаянти».

Вотъ отзывъ А. В. Шлегеля о Налѣ и Дамаянти: «По моему мнѣнію эта поэма не уступитъ никакой изъ древнихъ и новыхъ въ красотѣ поэтической, въ увлекательности страстей, въ возвышенной нѣжности чувствъ и мыслей. Прелесть ея доступна всякому читателю, молодому и старику, знатоку искуства и необразованному, руководствующемуся однимъ естественнымъ чувствомъ. Повѣсть о Налѣ и Дамаянти есть самая любимая изъ народныхъ повѣстей въ Индіи, гдѣ вѣрность и героическое самоотверженіе Дамаянти такъ-же извѣстны всѣмъ и каждому, какъ у насъ постоянство Пенелопы».

Содержаніе поэмы: Наль, сынъ Вирадзены, обладатель Нишадскаго царства, въ Индіи, полюбилъ прекрасную Дамаянти, дочь Бима, Видарби царя. Взаимная любовь ихъ увѣн супружествомъ, которымъ они лѣтъ наслаждались въ безмяте счастіи. Добродѣтельный Наль дался страсти къ игрѣ въ кости ский богъ Кали, завидуя его сч распалилъ въ немъ несчастную ст такъ что Наль проигралъ въ кос царство свое сводному брату карѣ. Дамаянти не хотѣла по его въ несчастіи: она послѣдов бѣднымъ, изгнаннымъ своимъ с гомъ. Кали внушилъ Налю пр ную мысль покинуть на про судьбы вѣрную Дамаянти: онъ б отъ нея въ то время, какъ она у подлѣ него спокойнымъ сномъ. многихъ страданій, которыя о претерпѣли, скитаясь въ пустын сжалились надъ ними, возвратил вѣрной его супругѣ, а Налю ранное царство, и они оба ста прежнему счастливы.

Отрывокъ о страданіяхъ зим изъ пятой главы.

Изъ Энеиды.

1) Содержаніе Энеиды. Соде Энеиды можно выразить такъ: ваніе Энеемъ новой державы п боговъ». Эней, троянскій царь, п рушенія Трои, отправился, со м одноплеменниками, отыскивать жища. Шесть лѣтъ странствова по морямъ, не находя ни одного гдѣ бы могъ поселиться: судьб зывала его въ Италію. Отъ бе Сициліи онъ отплываетъ къ Тибра, который, по словамъ ора долженъ быть предѣломъ его ст вій. Отсюда начинается дѣйствіе Юнона, ненавидящая троянскій воздвигаетъ бурю, которая приб корабли Энея къ берегамъ А Дидона, карѳагенская царица, лагаетъ ему гостепріимство: он сказываетъ ей разореніе Тро ключенія свои послѣ паденія тро

царства. Потомъ онъ отправляется Италію, встрѣчаетъ противника въ рнѣ, побѣждаетъ его и женится на виніи, дочери царя Латина.—Дѣйвіе, разсказанное въ поэмѣ, проажается около года, считая съ отытія Энея отъ Сициліи, въ іюлѣ седьго года странствованій Энея, до ерти Турна въ томъ же мѣсяцѣ слѣющаго года.

2) Содержаніе помѣщенныхъ отрывъ. Два отрывка (Лаокоонъ и Змѣи, мерть Пріама) взяты изъ второй пѣсни неиды (всѣхъ пѣсенъ 12). Эней разказываетъ Дидонѣ паденіе Трои. реки, послѣ десятилѣтней войны чаяваясь взять городъ открытою лою, прибѣгли къ хитрости. Они поазали видъ, что снимаютъ осаду и отятъ возвратиться на родину, но въ номъ дѣлѣ отплыли только за остовъ Тенедосъ, оставивъ въ полѣ деевяннаго, огромной величины, коня, полненнаго храбрѣйшими воинами. рояне, не подозрѣвая обмана, прибѣжаи толпами и съ удивленіемъ разсматвали колоссъ. Напрасно Лаокоонъ крецъ Нептуна) предостерегалъ ихъ. динъ Грекъ, оставленный Улиссомъ, бѣждаетъ Троянъ, хитрою, заранѣе ридуманною рѣчью, ввести коня въ родъ. Участь Лаокоона и дѣтей его, адушенныхъ змѣями (за то, что Лаоонъ бросилъ копье въ деревяннаго оня) заставляетъ Троянъ исполнить овѣтъ Грека. Они вводятъ коня въ ородъ, празднуютъ освобожденіе свое тъ враговъ и безпечно предаются ну. Синонъ (такъ звали Грека) выускаетъ Грековъ, заключенныхъ во нутренности лошади; къ нимъ приываютъ другіе, и вскорѣ городъ наолнился врагами. Эней видитъ во снѣ ектора, который приказываетъ ему отовиться къ бѣгству. Онъ пробужается при звукѣ оружія и блескѣ жара. Прибѣгаетъ Пантей и разказываетъ ему происходящее. Эней обираетъ нѣсколькихъ Троянъ, напаетъ на встрѣтившихся ему Грековъ и одерживаетъ верхъ, при помощи мрака; но вскорѣ остается одинъ и спѣшитъ въ царскіе чертоги, чтобы соединиться съ его защитниками. Всѣ ихъ усилія тщетны. Съ дворцовой башни видитъ онъ, что Греки завладѣли почти всѣмъ и Пирръ убилъ Пріама. Это зрѣлище напоминаетъ ему его отца, сына и супругу, оставленныхъ безъ защиты. По волѣ Венеры, спѣшитъ онъ къ нимъ на помощь. Отецъ его Анхизъ отвергаетъ бѣгство: онъ не хочетъ пережить погибели отчизны. Эней, въ отчаяніи, рѣшается умереть въ битвѣ съ Греками, но одно чудо измѣняетъ мысли Анхиза. Они отправляются въ путь, но въ темнотѣ и тревогѣ Креуза заблудилась и погибла. Эней возвращается въ Трою, и съ опасностію собственной жизни ищетъ потерянной супруги: тѣнь ея, явившись, успокоиваетъ его. Тогда Эней соединяется съ другими Троянами и достигаетъ горы Иды.

3) Три другіе отрывка взяты изъ 4-ой пѣсни, содержаніе которой слѣдующее: Дидона открываетъ сестрѣ своей Аннѣ любовь къ Энею; сестра даетъ ей совѣтъ выдти за него за мужъ. Юнона пользуется этимъ, чтобъ удалить Энея отъ Италіи: она приглашаетъ къ содѣйствію Венеру, которая притворно соглашается. Во время охоты, возстаетъ буря и принуждаетъ Дидону и Энея удалиться въ гротъ. Слухъ о любви Дидоны къ Энею доходитъ до Ярба, царя мавританскаго. Юпитеръ, тронутый его мольбами, посылаетъ Меркурія въ Карѳагенъ съ повелѣніемъ Энею оставить этотъ городъ и отправиться въ Италію. Эней повинуется. Дидона, открывъ его намѣренія, употребляетъ просьбы, слезы, угрозы, чтобъ остановить его, но все тщетно. По вторичномъ явленіи Меркурія, онъ отплываетъ, и Дидона въ отчаяніи лишаетъ себя жизни.

4) Переводы. Жуковскій перевелъ 2-ю пѣснь, Мерзляковъ 4-ую и отрывокъ изъ 9-ой (Низосъ и Эвріалъ),

Переводъ всей Энеиды принадлежитъ лирику В. Петрову (1781—1786) и Шершеневичу (*Современникъ, 1852*).

Изъ Освобожденнаго Іерусалима.

Поэма «Освобожденный Іерусалимъ» есть сочиненіе Торквато Тассо (род. въ Сорентѣ 1544 г., умеръ въ Римѣ 1595). Предметъ ея — освобожденіе Іерусалима изъ подъ власти невѣрныхъ. «Пою священную брань полководца» (Годфреда) «освободившаго гробъ Христовъ»: такъ начинается поэма, состоящая изъ 20 пѣсней. Отрывокъ: «Танкредъ въ очарованномъ лѣсу», взятъ изъ 13-й пѣсни. Волшебникъ Исменъ очаровываетъ лѣсъ, желая воспретить входъ въ него христіанамъ, которые строили изъ деревъ стѣнобитныя орудія.

Изъ Мессіады.

Аввадона, падшій и раскаявающійся ангелъ, есть одинъ изъ трогательнѣйшихъ эпизодовъ Мессіады, поэмы Клопштока, состоящей изъ 20 пѣсенъ. Онъ помѣщенъ во 2-й пѣсни; содержаніе его слѣдующее: «Сатана возвращается въ адъ, собираетъ всѣхъ духовъ тьмы и замышляетъ съ ними смерть Мессіи. Аббадона, падшій ангелъ, вооружается противъ ненавистнаго замысла, но Адрамелехъ, одинъ изъ князей тьмы, заставляетъ его умолкнуть и отправляется съ сатаной на землю. Аббадона также оставляетъ адъ. Терзаемый угрызеніями совѣсти и волнуемый мыслью, что онъ никогда не обрѣтетъ помилованія у Бога, противъ котораго возсталъ, онъ ищетъ уничтоженія, но желанія его умереть напрасны.

Мессіада Клопштока, нѣмецкаго поэта (род. 1724, ум. 1803), есть эпическая поэма, которой содержаніе заимствовано изъ Новаго Завѣта. Впечатлѣніе, ею производимое, обозначено г-жею Сталь: «Начиная читать Мессіаду—говоритъ она—думаешь, шелъ въ величественный храм среди котораго раздаются звук на; благоговѣйное умиленіе и новеніе объемлютъ душу». Изъ довъ, кромѣ Аббадоны, находи 12-й пѣсни, другой: смерть Лазаря—превосходная картина рающаго праведника.

Изъ Россіады.

Предметъ Россіады—покоре зани, что указывается двумя выми стихами поэмы:

Пою отъ варваровъ Россію с
де
Попранну власть Татаръ и го
низложе

Первый отрывокъ (характер шева) взятъ изъ первой пѣсни; (описаніе лѣса)—изъ четвертой (описаніе зимы)—изъ двѣнадц Всѣхъ пѣсенъ въ поэмѣ двѣнад

Изъ Неистоваго Орланд

Поэма Аріоста (род. 147 1533), Неистовый Орландъ, въ 1516 г. Содержаніе ея вы самимъ авторомъ въ началѣ пѣсни: «Пою дамъ, рыцарей, л битвы и смѣлыя подвиги того в какъ Мавры приплыли изъ А причинили столько бѣдствій Ф предводимые царемъ ихъ Аграм который хотѣлъ отистить Кар смерть Траяна.—Я разскажу в время и объ Орландѣ, какъ дотолѣ обладавшій умомъ, л его и сдѣлался неистовымъ.

Отрывокъ, помѣщенный въ матіи, взятъ изъ четвертой пѣс держаніе которой слѣдующее: леніе Атланта на крылатомъ Брюнель провожаетъ Брадаман торая отнимаетъ у него очар кольцо, сражается съ Атлантом ретъ его въ плѣнъ. Разрушеніе Рогеръ улетаетъ на гиппогриф даманта оставляетъ это мѣсто.

Изъ Фритіофа.

ıитель ея—«Тегнеръ», швед-
этъ (род. 1783, ум. 1846).
ѣйшія его сочиненія: «Аксель»
іофъ», скандинавскій богатырь.
и вообще горній міръ были
изъ главныхъ предметовъ поэ-
ндинавовъ. Пѣсни скальдовъ
ь—импровизаторовъ) о богахъ
къ, да еще разсказы о приклю-
и подвигахъ славныхъ мужей,
яли словесность древняго сѣ-
высшей степени своего раз-
остигла она въ Исландіи —
памятникъ исландской сло-
и есть сборникъ старинныхъ
частію миѳологическаго, ча-
ѳонческаго содержанія, извѣ-
подъ именемъ поэтической
«поэтической», потому что есть
тая Эдда, излагающая въ прозѣ
авскую миѳологію и написан-
аздо позже.—Кромѣ скальдовъ,
ндинавовъ были разскащики;
то и другое искуство соеди-
въ одномъ лицѣ. Героическіе
ы или, какъ они собственно
ются, «саги» чрезвычайно раз-
ись и процвѣли въ Исландіи.
ъ многихъ изъ нихъ послу-
этическое преданіе, древняя
которую замысловатый разска-
звивалъ и украшалъ по-свои-
ли онъ былъ скальдомъ, то
о вплеталъ въ свое повѣство-
свои собственные стихи. Кажа
носитъ имя того героя, ко-
дѣла она прославляетъ. Между
сть одна, подъ заглавіемъ:
ритіофа Смѣлаго». Время жизни
а можно отнести къ 8-му
а этой сагѣ, въ Даніи и Швеціи,
старались основать художе-
е произведеніе, но Тегнеръ,
й поэтъ, создавъ изъ нея поэ-
авилъ забыть всѣ прочія по-
Поэма его, поэтически изобра-
геройскую жизнь древняго
переведена на русскій языкъ
Я. Гротомъ. Содержаніе поэмы слѣ-
дующее: Фритіофъ, сынъ Торстена
Викингсона, бонда (владѣльца земли,
вассала) и, по оружію, брата конунга
(вождя, государя) Бела, воспитывается
у Гильдинга, стараго бонда, вмѣстѣ
съ Ингеборгою, дочерью конунга Бе-
ла. Оба они любятъ другъ друга съ
самой нѣжной юности. Белъ, по обычаю
скандинавскому, запрещающему ге-
роямъ умирать естественною смертію
на постели, рѣшается, вмѣстѣ съ дру-
гомъ и сподвижникохъ своимъ, Тор-
стеномъ Викингсономъ, умереть отъ
меча. Владѣніе Бела достается сы-
новьямъ его Гелгу и Гальфдану, а
Фритіофъ наслѣдуетъ отцу своему.
Фритіофъ сватается за Ингеборгу; но
Гелгъ, братъ ея, съ презрѣніемъ от-
казываетъ. Рингъ, престарѣлый владѣ-
тель Нордландіи (Норвегіи), хочетъ
жениться на Ингеборгѣ; Гелгъ отка-
зываетъ и Рингу, который идетъ на
него войною. Братья просятъ помощи
Фритіофа, но не получаютъ ея. Инге-
борга заключена въ храмѣ Бальдера
(богъ «добра и свѣта», видимый въ
лучезарномъ солнцѣ, столь же пре-
красный тѣломъ, какъ и духомъ);
Фритіофъ видится тайно съ нею. Гелгъ,
узнавъ о томъ, народнымъ судомъ
изгоняетъ изъ отечества Фритіофа,
возлагая на него подвигъ—взять дань
съ ярла (ярлы — графы, которые по
знатности рода слѣдовали за конунга-
ми и сами бывали иногда главами
областей) Ангантира, владѣтеля ор-
кадскихъ острововъ, который всегда
платилъ дань Белу, но по смерти его
переставъ. Коварный Гелгъ вызываетъ
изъ моря злыхъ духовъ — море вол-
нуется, но Фритіофъ побѣждаетъ чу-
дищъ и бурю, пристаетъ къ берегу и
угощается Ангантиромъ, который, изъ
уваженія къ своему гостю, обѣщаетъ
платить дань. По возвращеніи на ро-
дину, Фритіофъ узнаетъ, что Ингебор-
га — жена Ринга, которой добылъ ее
огнемъ и мечемъ, и что Гелгъ, увидѣвъ
на рукѣ сестры своей запястье, по-

дареное Фритіофомъ, снялъ его и надѣлъ на кумиръ Бальдера. Фритіофъ исполняется дикимъ негодованьемъ и сжигаетъ храмъ Бальдера. Послѣ сего онъ снова изгнанникъ: онъ прощается съ родиною, пускается въ океанъ, и тутъ начинается его кочевая жизнь — жизнь викинга (такъ назывались младшіе сыновья конунговъ, долженствовавшіе оружіемъ снискивать себѣ счастіе). То сражается онъ съ другими викингами, то дѣлаетъ высадки на берегъ, то грабитъ сильныя племена и опустошаетъ цѣлыя страны. Но грусть одолѣваетъ Фритіофа. Онъ хочетъ еще разъ видѣть Ингеборгу и рѣшается ѣхать къ Рингу—но не врагомъ, а мирнымъ гостемъ, чтобъ проститься съ Ингеборгою. У Ринга былъ пиръ, когда вошелъ въ чертогъ человѣкъ, покрытый съ темени до ногъ медвѣжьею шкурою, и который, какъ ни нагибался надъ нищенской клюкою, но все былъ выше всѣхъ другихъ. Онъ сѣлъ у дверей: одинъ изъ придворныхъ вздумалъ надъ нимъ посмѣяться, и пришлецъ могучею рукою поставилъ его вверхъ ногами. Конунгъ, довольный его смѣлымъ отвѣтомъ, проситъ сбросить личину — врага веселія: тогда явился глазамъ всѣхъ богато-одѣтый юноша Фритіофъ, скрывшій однакожъ свое имя. Онъ гоститъ у Ринга, который наконецъ умираетъ: народъ, избравъ Фритіофа опекуномъ его сына и правителемъ страны, требуетъ, чтобъ онъ женился на Ингеборгѣ. Но Фритіофъ возвращается на родину, воздвигаетъ новый, великолѣпный храмъ Бальдеру, узнаетъ о смерти Гелга, мирится съ Гальфданомъ и тогда уже соединяется съ Ингеборгой.

«Въ моей поэмѣ, говоритъ Тегнеръ, я хотѣлъ создать поэтическую картину геройской жизни древняго сѣвера. Не Фритіофа самого по себѣ хотѣлъ я изобразить, но тотъ вѣкъ, представителемъ котораго онъ можетъ быть *названъ*. Въ характерѣ Фритіофа соединены особенности жителей
отвага и дерзость съ одной с
расположеніе къ унынію и за
вость съ другой,—къ унынію,
рое свойственно всякому глу
характеру, не убиваетъ жи
веселости и свѣжести въ хар
но только придаетъ ему болѣ
ренней силы: «это печаль на
полѣ».

Вотъ мнѣніе Гете о поэмѣ Т
«Здѣсь древняя, могучая, испол
дикая поэзія, по неизъяснимому
вращенію, очаровательно являет
въ новомъ, мечтательно-нѣж
однакожъ вовсе не искаженномъ

Пери и Ангелъ.

(*Изъ поэмы Лалла—Р*

Лалла-Рукъ есть важнѣйшее п
деніе Мура (род. 1780, ум.
Планъ различныхъ поэмъ, сое
ныхъ подъ однимъ названіемъ
прост:

Индійскій царь просваталъ св
за сына Абдалы, царя малой Т
происходящаго по прямой ли
Чингисхана. Принцесса Лалл
(т. е. имѣющая рубиновыя ще
правляется изъ Дели съ блистат
свитой. Ее сопровождаетъ Фад
придворный чиновникъ, которы
зовался огромнымъ вліяніемъ пр
и въ городѣ. Лалла-Рукъ, ут
ная присутствіемъ Фадладина,
щемъ окрестныхъ мѣстъ по
разсказами невольницъ и танца
ядерокъ, замѣчаетъ молодаго
Фераморца, присланнаго ея же
изъ Кашемира, чтобы разсказа
влекать ее и сокращать скуку
пути. Фераморецъ, зная сто
исторій, сколько знала ихъ Шех
да, разсказываетъ на каждомъ п
какую нибудь легенду. Между
какъ принцесса восхищается
ностью и неистощимымъ вообр
емъ поэта, Фадладинъ принима
себя обязанность критика и

[illegible]ть на обыкновенный языкъ поэтическіе восторги Фераморца. Эти прозаическія вставки слѣдуютъ за каждой пѣснѣй, и подобны отдыхамъ путника, проходящаго восхитительной страной, наконецъ Лалла-Рукъ приближается къ мѣсту своего назначенія; но Кашемирская долина кажется ей не столь прекрасною, каковою она являлась въ волшебныхъ описаніяхъ поэта, который внезапно скрылся. Очарованная невѣста предпочитаетъ дѣйствительности міръ фантастическихъ призраковъ и гармоническихъ стиховъ. Она только слышитъ о пѣвцѣ, но какъ только приближилась къ трону, гдѣ ожидалъ ее женихъ, то узнаетъ этого пѣвца въ лицѣ своего жениха.

— Четыре поэмы или четыре разсказа Фераморца суть слѣдующія: «Закрытый Пророкъ Хорасана, Ангелъ и Пери» (переведенный Жуковскимъ), «Поклонники огня» (прозаическій переводъ помѣщенъ въ журналѣ: Соревнователь) и «Свѣтъ Харема». Англичане называютъ ихъ четырьми алмазами на драгоцѣнной жемчужной ниткѣ.

Изъ Шильонскаго узника.

Замокъ Шильонъ, въ которомъ съ 1530 по 1537 заключенъ былъ Бониваръ, женевскій гражданинъ, находится между Клараномъ и Вильневомъ у самыхъ восточныхъ береговъ Женевскаго озера. Изъ оконъ его видны, съ одной стороны, устье Роны, снѣжныя Валлисскія горы, а съ другой множество деревень и замковъ; передъ нимъ разстилается необъятная равнина водъ, ограниченная въ отдаленіи низкими, голубыми берегами; а позади его падаетъ съ холма шумный потокъ. Онъ со всѣхъ сторонъ окруженъ озеромъ, котораго глубина въ этомъ мѣстѣ простирается до 890 французскихъ футовъ. Можно подумать, что онъ выходитъ изъ воды; ибо совсѣмъ не видно утеса, служащаго ему основаніемъ: гдѣ кончится *поверхность озера*, тамъ начинаются стѣны замка. Темница, въ которой страдалъ Бониваръ, до половины выдолблена въ гранитномъ утесѣ: своды ея, поддерживаемые семью колоннами, опираются на дикую скалу; на одной изъ колоннъ виситъ еще то кольцо, къ которому была прикрѣплена цѣпь Бониварова, а на полу, у подошвы тойже колонны, замѣтна впадина, вытоптанная ногами узника, который столько времени принужденъ былъ ходить на цѣпи своей все по одному мѣсту. Не подалеку отъ устья Роны, вливающейся въ Женевское озеро, находится небольшой островокъ, единственный на Леманѣ: его можно различать изъ оконъ озера. (Стихотв. Жуков., т. 5).

Изъ Кавказскаго плѣнника.

1) Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ (род. 1799 г. мая 26, ум. 1837 января 29). Первоначальное воспитаніе получилъ въ домѣ отца своего. Здѣсь, до поступленія еще въ Лицей, вѣроятно уже возбуждена была дѣятельность его таланта. Отецъ его (Сергѣй Львовичъ) и дядя (извѣстный стихотворецъ, Василій Львовичъ Пушкинъ) находились въ дружескихъ сношеніяхъ съ Дмитріевымъ, Карамзинымъ и Жуковскимъ. Въ Царскосельскій Лицей поступилъ въ 1811 г. Лицейская жизнь быстро раскрыла его душу. Какъ ученикъ, онъ не былъ изъ числа прилежныхъ, но едва ли не дѣятельнѣе всѣхъ занимался чтеніемъ и собственными литературными трудами. Въ продолженіе лицейской жизни написалъ онъ много стихотвореній (извѣстныхъ подъ именемъ «Лицейскихъ») и составилъ планъ «Руслана и Людмилы». Въ одномъ изъ тогдашнихъ журналовъ, безъ подписи сочинителева имени, печатались всѣ сочиненія Пушкина, писанныя имъ на 12, 13 и 14 году отъ рожденія. Товарищи любили Пушкина за его прямой и благородный характеръ, за его живость, остроту,

пылкость ума. Честь, можно сказать, рыцарская, была основаніемъ его поступковъ и онъ не отступилъ отъ нея ни одного раза въ жизни. Неизбалованный въ дѣтствѣ, онъ способенъ былъ переносить всякое лишеніе и чувствовать себя счастливымъ въ самыхъ стѣсненныхъ обстоятельствахъ жизни. Природа, кромѣ поэтическаго таланта, наградила его изумительною памятью и проницательностью. Ни одна минута размышленія не пропадала для него на цѣлую жизнь. Его голова полна была матеріалами для предпріятій разнаго рода. Но всѣ отличныя способности не могли защитить его отъ тѣхъ недостатковъ, которые вредили его авторскому призванію: онъ легко предавался излишней разсѣянности. Не было у него постоянства въ трудѣ, любви къ жизни созерцательной, стремленія къ цѣлямъ отдаленнымъ. Онъ безъ сожалѣнія тратилъ время на ничтожныя забавы, къ числу которыхъ надобно отнести и сочиненіе нѣкоторыхъ шуточныхъ стихотвореній.

Пробывъ шесть лѣтъ въ Лицеѣ, Пушкинъ вышелъ изъ него въ 1817 г. Сцену свиданія своего съ Державинымъ, который присутствовалъ на лицейскомъ экзаменѣ при переходѣ воспитанниковъ въ старшій классъ, онъ вспоминаетъ въ своихъ запискахъ. На службу поступилъ Пушкинъ въ иностранную коллегію. Три года (1817—1820), проведенные имъ въ Петербургѣ, отданы были развлеченіямъ большаго свѣта. Онъ сдѣлался кумиромъ молодыхъ людей, отличавшихся умомъ и воспитаніемъ. Такая жизнь заставила Пушкина утратить много времени въ бездѣйствіи. Къ счастію, онъ нашелъ средство жить и въ мірѣ поэзіи и въ прозѣ свѣта. Большую часть дня утромъ писалъ онъ поэму (Русланъ и Людмила), а большую часть ночи проводилъ въ обществѣ. Жуковскій, переселившійся тогда изъ Москвы въ Петербургъ, соединялъ около себя всѣ таланты. У него прочитывалась каждая новая пѣсня поэмы. Въ 1820 г. поэма была окончена. Жуковскій подарилъ автору литографированный портретъ свой, на которомъ написалъ: «Ученику-побѣдителю отъ побѣжденнаго учителя въ высокоторжественный день окончанія Руслана и Людмилы». Въ 1820 г. Пушкинъ опредѣленъ былъ въ канцелярію генералъ-лейтенанта Инзова, полномочнаго намѣстника Бессарабіи, и переѣхалъ въ Кишиневъ. Отсюда началась, въ нѣкоторомъ смыслѣ, кочующая жизнь поэта, продолжавшаяся пять лѣтъ, до возвращенія его въ псковскую отцовскую деревню Михайловское. Это сближеніе съ природою, непосредственное прикосновеніе къ ея красотамъ, столь нужное для поэзіи, отразилось въ стихотвореніяхъ Пушкина. Вся южная Россія (Бессарабія, Одесса, Таврида, Черное море, Кавказъ) была имъ обозрѣваема. Въ тоже время въ европейской поэзіи господствовалъ Байронъ. Сочувствіе къ нему Пушкина выразилось въ нѣкоторыхъ стихотвореніяхъ, особенно въ «Кавказскомъ Плѣнникѣ» (1822) и «Бахчисарайскомъ фонтанѣ» (1824). Во время почти безпрерывныхъ переѣздовъ своихъ, Пушкинъ успѣвалъ знакомиться со всѣмъ, что происходило въ европейской литературѣ. Онъ даже нашелъ время выучиться италіанскому языку и отчасти испанскому. По выходѣ изъ Лицея, онъ зналъ, хотя не въ равной мѣрѣ, латинскій, французскій, нѣмецкій и англійскій. Къ періоду странническої жизни поэта относится также поэма «Цыганы» (написанная въ 1824, изданная въ 1827 году). Начало «Евгенія Онѣгина» написано также подъ вліяніемъ Байрона. Первая глава его издана въ 1825 г., вторая — 1826, третья — 1827, четвертая, пятая и шестая — 1828, седьмая — 1830, восьмая — 1832. — Въ концѣ 1824 г. Пушкинъ оставилъ Одессу. Возвра

южной Россіи въ псковскую
вою, онъ посѣтилъ Москву
ргъ, гдѣ такъ жадно чита-
тихотворенія. Между его
и находился уже и Году-
орый однакожъ еще долго
неизданнымъ. Деревенская
шкина была однообразна и
алась сочиненіямъ. Писать
лъ онъ преимущественно
чему изъ Петербурга въ
ентября нарочно уѣзжалъ
, гдѣ оставался до поло-
ря. Въ то время, какъ онъ
ревнѣ (1824—1826), напе-
ю, кромѣ двухъ первыхъ
ина, собраніе мелкихъ его
ній (1826). Въ 1825 г. ли-
варищъ и другъ Пушкина,
львигъ, началъ изданіе аль-
Сѣверные цвѣты». Пушкинъ
въ немъ самое живое уча-

г. Пушкинъ снова вошелъ
по иностранной коллегіи.
г. мѣстопребываніемъ его
ва и Петербургъ. Въ 1827
ны, сверхъ третьей главы
нѣгина, поэмы: Цыганы,
бойники и Графъ Нулинъ.
вышла «Полтава». Въ этомъ
ушкинъ еще разъ посѣтилъ
орыя такъ восхищали его
лодость. Онъ переправился
казъ и, оставивъ за собою
ѣдовалъ во время тогдаш-
ія за движеніемъ нашихъ
Арзерума. Впослѣдствіи
талъ описаніе этого любо-
утешествія (Поѣздка въ
. Съ 1830 г. Дельвигъ на-
іе «Литературной газеты».
инималъ въ ней дѣятель-
; онъ помѣщалъ не только
прозаическія статьи, ко-
троуміе и оригинальность
асъ указывали на автора,
си его имени. Бывъ тогда
, весною отправился онъ
одскую деревню свою для
устройства хозяйственныхъ дѣлъ — и тамъ, по случаю открывшейся въ Москвѣ холеры, задержанъ былъ до зимы. Въ это время онъ написалъ двѣ послѣднія главы Онѣгина, повѣсть «Домикъ въ Коломнѣ», нѣсколько драматическихъ сценъ (Скупой рыцарь, Моцартъ и Сальери, Пиръ во время чумы и Донъ-Жуанъ), пять повѣстей прозою (Повѣсти Бѣлкина) и около тридцати мелкихъ стихотвореній. Въ 1831 г., онъ изъ Москвы переѣхалъ въ Петербургъ, гдѣ, прежде его прибытія, напечатанъ былъ «Борисъ Годуновъ». Время отъ мая до зимы онъ провелъ въ Царскомъ селѣ: здѣсь жилъ и Жуковскій, здѣсь же написаны Пушкинымъ: «Клеветникамъ Россіи» и «Бородинская годовщина» и нѣсколько сказокъ. Въ теченіе этого же года напечатаны были повѣсти Пушкина, подъ вымышленнымъ именемъ «Ивана Бѣлкина».—Съ 1831 г. Пушкинъ приступилъ къ сочиненію «Исторіи Петра Великаго». Переѣхавши въ Петербургъ, онъ до кончины своей жилъ постоянно въ немъ, за исключеніемъ нѣсколькихъ поѣздокъ въ Москву и осенніхъ выѣздовъ въ Михайловское. Третья часть мелкихъ его «стихотвореній» и послѣдняя книжка «Сѣверныхъ цвѣтовъ» (въ пользу родныхъ Дельвига, умершаго въ 1831 г.) изданы имъ были въ 1832 г. Преимущественно занимаясь историческими разысканіями, для исторіи Петра Великаго, онъ, на пути къ главной своей цѣли, увлекался иногда эпизодами: такъ, напримѣръ, издалъ онъ, въ 1834 г., «Исторію Пугачевскаго бунта», совершивъ, въ 1833 г., путешествіе по восточной части Европейской Россіи, для обозрѣнія мѣстъ, гдѣ происходили описанныя имъ въ этой исторіи событія. Въ первые два года изданія журнала: «Библіотека для чтенія», помѣщалъ въ немъ Пушкинъ мелкія свои стихотворенія, которыхъ четвертую часть издалъ особо въ 1835 г. Тамъ же напечатаны двѣ

его піесы въ прозѣ: «Пиковая Дама и Кирджали». Путешествіе въ Оренбургъ (1833 г.) доставило ему матеріалы для новой повѣсти (Капитанская дочка), которую онъ и помѣстилъ въ своемъ журналѣ: «Современникъ», начавши издавать его съ 1836 г. Въ послѣдніе годы онъ былъ особенно счастливъ, пользуясь всеобщимъ уваженіемъ. Возраставшіе его успѣхи въ литературѣ, собранные матеріалы для исторіи Петра Великаго, лучшіе годы жизни, семейная жизнь—все предвѣщало ему въ будущемъ одни радости и славу. Но вышло иначе. За нѣсколько мѣсяцевъ до смерти своей, Пушкинъ лишился матери, и самъ провожалъ ея тѣло изъ Петербурга въ святогорскій монастырь. Какъ бы предчувствуя близость кончины своей, онъ назначилъ подлѣ могилы ея и себѣ мѣсто, и скончался тридцати шести лѣтъ. (Современникъ, 1838 г.). Послѣднія минуты его жизни описаны Жуковскимъ. Представляемъ одно мѣсто изъ этого краснорѣчиваго описанія: «Такъ тихо, такъ спокойно удалилась душа его. Мы долго стояли надъ нимъ, молча, не шевелясь, не смѣя нарушить таинства смерти, которое совершалось передъ нами во всей умилительной святынѣ своей. Когда всѣ ушли, я сѣлъ передъ нимъ, и долго одинъ смотрѣлъ ему въ лице. Никогда на этомъ лицѣ я не видалъ ничего подобнаго тому, что было на немъ въ эту первую минуту смерти. Голова его нѣсколько наклонилась; руки, въ которыхъ было за нѣсколько минутъ какое-то судорожное движеніе, были спокойно протянуты, какъ будто упавшія для отдыха послѣ тяжелаго труда. Но что выражалось на его лицѣ, я сказать словами не умѣю. Оно было для меня такъ ново и въ тоже время такъ знакомо. Это не было ни сонъ, ни покой, не было выраженіе ума, столь прежде свойственное этому лицу; не было также и выраженіе поэтическое; нѣтъ! *какая-то важная*, удивительная мысль на немъ развивалась, что-то похожее на видѣніе, на какое-то полное, глубокое удовлетворяющее знаніе. Всматриваясь въ него, мнѣ все хотѣлось у него спросить: что видишь, другъ? И что бы онъ отвѣчалъ мнѣ, если бы онъ могъ на минуту воскреснуть? Вотъ минута въ жизни нашей, которыя вполнѣ достойны названія великихъ. Въ эту минуту, можно сказать, я увидѣлъ лице самой смерти, божественно-таинное, — лице смерти безъ покрывала. Какую печать на него наложила она и какъ удивительно высказала на немъ и свою и его тайну! Я увѣряю тебя, что никогда на лицѣ его не видалъ я выраженія такой глубокой, величественной, торжественной мысли. Она конечно таилась въ немъ и прежде, будучи свойственна его высокой природѣ; но въ этой чистотѣ обнаружилась только тогда, когда все земное отдѣлилось отъ него съ прикосновеніемъ смерти. Таковъ былъ конецъ нашего Пушкина»! (Сочин. Пушкина, томъ 8)

2) Сочиненія. Сочиненія Пушкина изданы «въ одиннадцати» томахъ. Изданіе это не совсѣмъ полное и статьи расположены не въ хронологическомъ порядкѣ, который есть единственно нужный и важный при изученіи поэта, ибо при этомъ только порядкѣ можно слѣдить за постепеннымъ развитіемъ таланта.—Пушкинъ писалъ во всѣхъ трехъ родахъ поэзіи: эпическомъ, драматическомъ и лирическомъ.

А) Эпическія: а) Романъ въ стихахъ Евгеній Онѣгинъ; б) Поэмы: Руслан и Людмила, Кавказскій Плѣнникъ, Бахчисарайскій фонтанъ, Братья-разбойники, Цыганы, Полтава; в) Повѣсти въ стихахъ: Графъ Нулинъ, Домикъ въ Коломнѣ, Анджело, Мѣдный Всадникъ въ прозѣ: Пиковая дама, Капитанская дочка, Дубровскій, Арапъ Петра Великаго, Египетскія ночи, Повѣсти Бѣлкина; г) Сказки: О рыбакѣ и рыбкѣ, царѣ Салтанѣ, О мертвой царевнѣ семи богатыряхъ, и проч.

аматическія: а) «Драма»: Бо-
дуновъ; б) «Драматическія сце-
ена изъ Фауста, Пиръ во время
Моцартъ и Сальери, Скупой Ры-
цены изъ рыцарскихъ временъ,
ый гость, Русалка, Галубъ.

ирическія:

ды: Наполеонъ, Клеветникамъ
Бородинская годовщина.

легіи: Къ морю, Что въ имени
емъ?.... Брожу ли я вдоль улицъ
хъ.... Увы, за чѣмъ она блис-
.. Гробъ юноши, Безумныхъ лѣтъ
е веселье.... Андрей Шенье,
кая годовщина (нѣсколько сти-
ній), Опять на родинѣ, и проч.

одражанія восточнымъ стихо-
мъ: Пророкъ, Ангелъ, Вино-
Подражанія Корану и проч.

ослапія: Къ Лицинію (сатира),
гу, Жуковскому, къ Овидію, Че-
къ Дельвигу), Отвѣтъ Готовце-
гвѣтъ Анониму, къ Языкову, къ
жѣ и проч.

Пѣсни, Стансы и Сонеты: Возрож-
Я пережилъ мои желанья, Если
тебя обманетъ, Зимняя дорога,
къ, Мадонна, Зимній Вечеръ,
напрасный, даръ случайный,
—Переводъ сербскихъ пѣсенъ.

Антологическія піесы: Худож-
Трудъ, Мальчику, Юноша, скром-
рій.... Нѣсколько піесъ изъ Ана-
.

Эпиграммы.

шенія, относящіяся не къ поэзіи,

Историческія: Исторія Пугачев-
бунта, Записки о собственной

Описательныя: Путешествіе въ
умъ.

Критическія: Разборъ сочиненій
я Коницкаго, о Мильтонѣ, Ло-
овъ, о Цензурѣ.

Пародія: Лѣтопись села Горо-

Смѣшанныя: Москва, Лордъ Бай-
Послѣдній *изъ родственниковъ*
Іоанны д'Аркъ, Анекдоты, Вольтеръ,
Джонъ Теннеръ, и проч.

3) Сужденіе.

а) Періоды поэтической дѣятельности Пушкина. Въ поэтической дѣятельности Пушкина можно различить три періода, какъ три степени постепеннаго развитія его творческаго таланта.

Первый періодъ начинается съ его первыхъ стихотворныхъ опытовъ и доходитъ до Кавказскаго Плѣнника (1813—1822). Онъ объемлетъ такъ называемыя «лицейскія» стихотворенія, т. е. написанныя во время пребыванія его въ Лицеѣ, стихотворенія, которыя написаны вскорѣ послѣ выхода его изъ Лицея, и поэму: Русланъ и Людмила (1820). Авторъ біографіи Пушкина, помѣщенной въ Современникѣ (1838, томъ X), говоритъ, что Пушкинъ началъ сочинять съ двѣнадцатилѣтняго возраста. Первая піеса его, внушенная извѣстіемъ о смерти Кутузова, напечатана «въ Вѣстникѣ Европы» 1813 г. Потомъ (1815) онъ печаталъ стихотворенія въ «Россійскомъ Музеумѣ», журналѣ, издававшемся Вл. Измайловымъ, наконецъ въ «Сынѣ Отечества». Это произведенія дѣтскаго и юношескаго возраста. Подражалъ онъ въ нихъ изъ отечественныхъ писателей преимущественно Жуковскому и Батюшкову, а изъ иностранныхъ: Аріосту, Лафонтену, Парни. Вліяніе Жуковскаго отразилось на элегическихъ піесахъ, вліяніе Батюшкова—на піесахъ анакреонтическихъ и вакхическихъ; знакомство съ Парни видно изъ стихотвореній: Леда, Фавнъ, Пастушка и Прозерпина (переводъ поэмы Парни: Les deguisemens de Venus). Тонъ и картины «Руслана и Людмилы» выказываютъ вліяніе Аріоста, Парни, Лафонтена (Les amours de Psyché et de Cupidon) и Богдановича (Душенька). Но и въ этомъ подражательномъ направленіи уже мѣстами обозначались, какъ по выраженію, такъ и по духу, отличительныя свойства поэзіи Пушкина: любовь къ дѣйствительности,

изображеніе ея въ національномъ духѣ и, сверхъ того, изображеніе художественное.

Второй періодъ простирается отъ 1822 г., когда издана поэма: Кавказскій плѣнникъ, до 1830 года, въ который явился Борисъ Годуновъ. Въ немъ два отдѣленія. Къ первому относятся поэмы: Кавказскій плѣнникъ, Бахчисарайскій фонтанъ (1824), Братья разбойники и нѣкоторыя лирическія піесы. Онѣ отличаются большимъ введеніемъ дѣйствительности и большею отдѣлкою. Въ поэмахъ подражалъ онъ Байрону. Цыганами, изданными 1827, но написанными 1824 г., открывается второй отдѣлъ, къ которому принадлежатъ первыя шесть главъ Евгенія Онѣгина (1825—1828), Графъ Нулинъ, Полтава (1829). Это—поворотъ на истинно-художественную дѣятельность. Въ Цыганахъ и первыхъ главахъ Онѣгина, Пушкинъ тоже подражалъ Байрону, но продолженіе и окончаніе романа относятся къ слѣдующему періоду.

Третій періодъ—высшая эпоха самобытной, вполнѣ возмужавшей поэтической дѣятельности, полнаго проявленія силъ, совершенства художественнаго—идетъ съ появленія Бориса Годунова (изданнаго въ 1830, хотя написаннаго за нѣсколько лѣтъ прежде) и прекращается смертью поэта. Сюда относятся 7 и 8-я главы Онѣгина (1830 и 1832), драматическія сцены: Скупой рыцарь, Моцартъ и Сальери, Донъ-Жуанъ, Пиръ во время чумы, повѣсти: Пиковая Дама, Капитанская Дочка, Дубровскій и проч. Въ эту эпоху обнаружилась въ Пушкинѣ рѣшительная наклонность къ драмѣ и роману. И въ поэмахъ его, произведеніяхъ втораго періода, есть много драматическихъ мѣстъ, особенно въ Цыганахъ, такъ что онъ постепенно оставлялъ эпосъ и переходилъ къ драматическому роду. Вмѣстѣ съ этимъ лирическія піесы стали являться рѣже, и стихи уступили первенство прозѣ, какъ такой рѣчи, кот болѣе прилична роману, изобра щему всѣ стороны человѣческой

Одновременно съ эпическими и матическими произведеніями и произведенія лирическія, кото рядъ начинается еще въ Лицеѣ и должается непрерывно до самой с ти Пушкина, хотя, какъ мы сей замѣтили, число ихъ стало уп шаться въ послѣдніе годы поэта, решедшаго къ драмѣ и роману.

б) Характеръ поэзіи Пушкина. тическая дѣятельность должна проникнута какой нибудь идеей, плодъ страстнаго состоянія д стремящейся къ выраженію опр леннаго рода мыслей и чувствъ. идея поэзіи Жуковскаго—романт идея поэзіи Батюшкова — изя эпикуреизмъ. Каждое произве поэта отражаетъ собою господст щую идею, а собраніе всѣхъ п веденій образуетъ болѣе или развитую сферу этой идеи.

Идея поэзіи Пушкина—поэтич созерцаніе міра. Онъ чтитель и в зитель изящества во всѣхъ его вп Онъ исключительно поэтъ-худож Чрезвычайно важная заслуга его стоитъ въ томъ, что «онъ ввел намъ поэзію, какъ искусство». У нѣтъ служенія другимъ цѣлямъ, ходящимъ изъ области поэзіи: ственная цѣль его—поэзія, как дожество. До Пушкина, художест ное творчество являлось толь временамъ, обнаруживалось толь частности. Предшествовавшіе поэты, особенно Жуковскій и Ба ковъ, много сдѣлали для поэтичес выраженія и для художествен представленія предметовъ; но не исключительнаго раскрытія по какъ художества, не было такой зіи, которая служила бы сама предметомъ, видѣла бы въ самой точку исхода и цѣль стремленій. Т поэзію — художество дарова Пушкинъ.

У другихъ поэтовъ, предметомъ ъ созданій служитъ извѣстная сфера слей или чувствъ. Постоянное выженіе этихъ завѣтныхъ мыслей и вствъ сообщаетъ поэтической дѣяьности опредѣленную личность. шкинъ, напротивъ, не держался какого образа мыслей исключительно увлекался никакимъ чувствомъ обенно: всѣ мысли и чувства, иногда даже противоположныя, стали маріаломъ его произведеній, потому о разнообразный міръ идей и ощуній поражалъ его своею поэтичеою стороною; онъ восхищался имъ, къ художникъ, и, какъ художникъ, ображалъ его. Завѣтнымъ предмеъ его была поэзія, искуство. Въ торіи природы и въ исторіи человѣка видѣлъ темы для поэтическихъ даній. Онъ не любилъ даже останваться на одномъ и томъ же вствѣ, повторять одну и туже мысль нѣсколькихъ произведеніяхъ, но ободно переносился отъ одного вства къ другому, отъ однѣхъ мысей къ другимъ.

Исключительное служеніе поэзіи, торое знаетъ только поэзію и не ращаетъ ревностнаго вниманія на ыныя цѣли, раскрыто самимъ шкинымъ въ стихотвореніяхъ: Чернь, эту, Поэтъ.

Второе изображаетъ гордое уединее художника, заключившагося въ самъ себѣ.

Третье показываетъ величіе поэта минуты его вдохновенія и не рѣдко тожность при поэтическомъ безствіи. Совершенно другая мысль ражена въ піесѣ Языкова: «Поэтъ», торая нераздѣльно соединяетъ величіе поэтическаго служенія съ нравственными обязанностями человѣка общие, и въ нѣкоторыхъ піесахъ Лермонтова, который выводитъ поэта на уженіе обществу.

Сколь разнообразны мысли и ощущенія, выраженныя въ поэзіи Пушкина, столько же разнообразны предметы природы и человѣческой жизни, послужившіе для нея метеріаломъ. Поэтическое созерцаніе природы очевидно и въ картинѣ предметовъ грозныхъ и величественныхъ, и въ изображеніи предметовъ мирныхъ и низменныхъ. Горы, море, степи, увядшій цвѣтокъ, зимнія мятели и осенніе дожди — все у него запечатлѣно художественностью. Таже самая художественность овладѣла и подвигами историческихъ людей и ежедневнымъ бытомъ людей обыкновенныхъ. Онъ свободно проникаетъ во всѣ области человѣческой жизни, во всѣ вѣки и народы, и воспроизводитъ ихъ разнообразную сущность во всей вѣрности. Его «Русалка, Женихъ, Утопленникъ, Бѣсы» изображаютъ русскую народность; «Каменный гость» — Испанію, «Подражанія восточнымъ стихотворцамъ»—востокъ, «Египетскія ночи» — древній міръ, «Подражаніе Данту — даетъ полное понятіе о поэзіи Данта.

Не менѣе разнообразны и стихіи изящнаго, показывающія многосторонность его творческаго дара. Геній Пушкина столько же былъ способенъ къ трагическому и страстному, сколько къ комическому и шутливому: иронія его нерѣдко переходитъ въ благороднѣйшій юморъ. Въ его произведеніяхъ и высокая настроенность Державина, и элегическій элементъ Жуковскаго, и классическая муза Батюшкова. Наконецъ разнообразны самыя формы его созданій: дифирамбъ и элегія, ода и простая пѣсня, посланіе и эпиграмма, драма и поэма, романъ и сказка—все употребилъ онъ для поэтическаго представленія предметовъ и все возвысилъ до образцовъ, почти неподражаемыхъ.

Всѣ исчисленные роды разнообразія, отличающіе поэзію Пушкина, составляютъ вообще признакъ сильнаго художническаго генія и извѣстны подъ именемъ «многосторонности, разнообразія».

Эта многосторонняя жизнь, которую

такъ художественно изображаетъ Пушкинъ, чужда въ его произведеніяхъ всего мечтательнаго, фантастическаго, неопредѣленнаго: она «дѣйствительна» въ полномъ значеніи слова. Дѣйствительность есть тотъ источникъ, откуда истекаетъ его поэзія, которая изображаетъ людей и природу въ естественной, истинной красотѣ, не прибѣгая къ вымысламъ романтическаго идеализма. Въ этомъ отношеніи, поэзія Пушкина противоположна романтической поэзіи Жуковскаго. Послѣдній, отторгая читателей отъ земли, уноситъ ихъ въ міръ безотчетныхъ, заоблачныхъ идеаловъ, гдѣ мысль теряется въ неопредѣленности созерцанія, гдѣ сердце не находитъ себѣ опредѣленной пищи. Пушкинъ возвратилъ поэзію на землю, поставилъ ея цѣлью художественное изображеніе дѣйствительной жизни. Жуковскій любитъ посѣщать тѣ страны, которымъ иногда нѣтъ иного названія, кромѣ «тамъ и туда»; Пушкинъ описываетъ величественный Кавказъ, плѣнительныя мѣста Крыма, природу Украйны, Черное море, снѣговыя равнины родины—предметы, которые можно видѣть тѣлесными очами, о которыхъ утвердительно говорятся: «они есть». Поэтическій міръ Жуковскаго населенъ привидѣніями, полувоздушными существами, которыя на мгновеніе принимаютъ человѣческій образъ и потомъ снова сливаются съ воздухомъ: у Пушкина, напротивъ, живыя лица, ясные образы, существа изъ плоти и крови. Вездѣ туманные очерки мечтательной поэзіи замѣнены созданіями, полными жизни существенной, дѣйствительной. Еще дальше отходитъ Пушкинъ отъ изысканности, натянутости, эффектности риторической школы поэтовъ, которыхъ преувеличенія и украшенія ясно враждуютъ съ дѣйствительностью, и которыхъ такъ называемые вымыслы суть не что иное, какъ риторическая ложь.

Мысль, что Пушкинъ возвратилъ поэзію на землю, не должно понимать такъ, что онъ выбиралъ для поэтическихъ созданій прозу о венной жизни, мелочи ежед быта. Напротивъ, талантъ П выказывалъ совершенно другое ство. Настроенность его души такова, что онъ смотрѣлъ на очами художника, видѣлъ въ красоту,—а потому предметам ихъ созданій выбиралъ ея луч благороднѣйшую, поэтическую рону, изображалъ ея возвыш минуты, замѣчалъ тѣ чувства рактеры, которые, если и не ставляютъ ничего необыкновен то, по крайней мѣрѣ, изящес своимъ возбуждаютъ къ себѣ сочувствіе. Поэзія Пушкина, ра риваемая съ этой стороны, яв противоположною поэзіи Гоголя, торомъ Пушкинъ говорилъ, что ни у одного писателя не было дара выставлять такъ ярко пов жизни, и который самъ опред сознавалъ господствующую накло своего таланта, изобразивъ, въ выхъ душахъ, разную судьбу писателей: одного—воспроизвод возвышенную, свѣтлую, поэтич сторону человѣка, другаго — производящаго низменную, поэ прозаическую сторону человѣч жизни.—Пушкинъ удалялся от го, что не носило на себѣ п изящества, или, лучше сказать, самымъ прозаическимъ предм сообщалъ поэтическій цвѣтъ, которымъ исчезала ихъ обыкновен и грубость. Въ природѣ онъ л преимущественно Кавказскія Крымъ, море, степи, южныя ноч забыты имъ и однообразныя ка бѣдной сѣверной природы, но являются у него въ изящномъ ритѣ, имѣютъ свою очаровательн Въ человѣческомъ обществѣ, ралъ онъ героями людей съ у сердцемъ, характеры поэтичес образованные, или великихъ ист ческихъ дѣятелей; а когда и пер

в дѣйствіе въ семью кочующихъ
ганъ, то и здѣсь, въ первобытной
стотѣ дикой жизни, умѣлъ нахо-
ь свойственную ей долю изящест-
умѣлъ въ грубой природѣ отмѣ-
ь сторону эстетической красоты.
шкинъ вѣренъ самому себѣ и въ
браженіи быта людскаго: ничто не
жетъ сравниться съ тою поэтиче-
ою прелестью, которою запечатлѣ-
разсказы даже о мелкихъ подроб-
стяхъ самой обыкновенной будниш-
й жизни. Нѣтъ ни одной черты, ко-
рая оскорбляла бы вкусъ, непріят-
поражала бы воображеніе, или не-
тно звучала бы для слуха. Вездѣ
всегда, самыя неважныя подроб-
сти переходятъ у него въ поэтиче-
ское созерцаніе. Это свойство по-
и Пушкина необходимо вытекаетъ
ъ главной силы его природы — изъ
ы художественной, и можетъ быть
вано «идеализаціей», разумѣя подъ
имъ словомъ не поэтическую ложь,
е. вымыселъ такихъ предметовъ,
орыхъ нѣтъ и быть не можетъ, а
дставленіе лучшей, поэтической
роны жизни. Пушкинъ, какъ ху-
жникъ, идеализируетъ жизнь, то
ть во всѣхъ ея явленіяхъ находитъ
художественно воспроизводитъ эсте-
ческую ихъ сторону. Для Пушкина
ъ низкой природы: все грубое
вобождаетъ онъ отъ прозаической
ы. Міръ, представленный въ его
даніяхъ, есть «полное славы твo-
ье».

Поэтъ дѣйствительности, представ-
ной съ эстетической стороны,
шкинъ въ тоже время «національ-
й» поэтъ. Эта народность заклю-
ется и въ преимущественномъ вы-
рѣ предметовъ для произведеній
ъ родной жизни и въ смотрѣніи на
ждую жизнь «глазами своей націо-
льной стихіи». Въ немъ, говоритъ
голь (см. статью «Пушкинъ», по-
щенную въ 1 томѣ Христоматіи),
ская природа, русская душа, рус-
й языкъ, русскій характеръ отрази-
лись въ такой чистотѣ, въ такой очи-
щенной красотѣ, въ какой отражается
ландшафтъ на выпуклой поверхности
оптическаго стекла. Созданія Пушки-
на полны Россіи во всѣхъ ея видахъ
и направленіяхъ. Въ мірѣ сельскихъ
нравовъ и въ блестящемъ модномъ
свѣтѣ, въ великолѣпныхъ палатахъ и
подъ сѣнію цыганскаго шалаша, въ
преданьяхъ старины глубокой и въ
современномъ быту — вездѣ онъ на
своей почвѣ. Прибавимъ, что слово
«народность», прилагаясь къ Пушки-
ну, имѣетъ высшій смыслъ т. е. что
поэзія его удовлетворяетъ образова-
нную часть народа. Это свойство, бу-
дучи съ одной стороны слѣдствіемъ
особенныхъ геніальныхъ силъ, кото-
рыми природа надѣлила Пушкина,
укрѣплено, съ другой, странствова-
ніями поэта, его непосредственнымъ
знакомствомъ съ родиной.

Не смотря на то, что нѣкоторыя
піесы перваго и втораго періода поэ-
тической дѣятельности Пушкина но-
сятъ вліяніе какъ предшествовавшихъ
ему отечественныхъ поэтовъ, такъ и
поэтовъ иностранныхъ, поэзія Пушки-
на «оригинальна». Жизнь, имъ вы-
званная, совершенно-новая жизнь.
Можно сравнивать его съ Шенье, Бай-
рономъ, Гете, Шекспиромъ: но не
должно производить его ни отъ Шенье,
ни отъ Байрона, ни отъ Гете, ни отъ
Шекспира. Было время, когда Пуш-
кина, не вникнувъ въ существенное
свойство его произведеній, называ-
ли русскимъ Байрономъ: это была
грубая ошибка. Хотя Пушкинъ въ
юности и находился подъ вліяніемъ
англійскаго поэта, пѣвца страданій,
какъ слѣдствій противоположности
между идеаломъ и дѣйствительностью,
однакожъ характеръ поэзіи перваго
находится въ совершенной противопо-
ложности съ характеромъ поэзіи вто-
раго. Главное свойство Пушкина, от-
личающее его отъ другихъ художни-
ковъ, состоитъ въ «духовной гармо-
ніи», которая, какъ отрадное сіяніе

солнца, просвѣчиваетъ сквозь его произведенія. Временный разрывъ съ дѣйствительностью переходитъ у него въ примиреніе, въ твердую надежду, которую онъ обрѣтаетъ въ той же дѣйствительности. Какъ иногда ни горестно задумывался Пушкинъ надъ жизнію, но основнымъ, неизмѣннымъ его чувствомъ былъ всегда душевный миръ, поэтическій покой, чувство сладости бытія. Онъ любитъ жизнь и смотритъ на нее глазами художника; онъ хочетъ жить, хотя и знаетъ неизбѣжность страданій. «Я жить хочу, чтобъ мыслить и страдать», говоритъ онъ въ одной элегіи. Онъ поэтъ блаженства, внутренней гармоніи, въ которую разрѣшаются всѣ его ощущенія, даже самыя тягостныя. Смотря на все съ любовью артиста, онъ сообщаетъ своей временной грусти характеръ мощной крѣпости, свѣжихъ силъ духа. Иногда піесы его начинаются мрачными тонами, но потомъ, по неизмѣнному свойству его таланта, крачные тоны сливаются въ пріятный аккордъ, тяжкое страданіе оканчивается радостнымъ разсвѣтомъ сердца. Такъ, напримѣръ, элегія: «Брожу ли я вдоль улицъ шумныхъ», выразивъ печальное предчувствіе смерти, заключается внутреннимъ просвѣтлѣніемъ:

И пусть у гробоваго входа
Младая будетъ жизнь играть,
И равнодушная природа
Красою вѣчною сіять.

Та-же полнота бодраго чувства оканчиваетъ піесу: 19 Октября:

Пускай же онъ съ отрадой хоть печальной
Тогда сей день за чашей проведетъ,
Какъ нынѣ я, затворникъ вашъ опальный,
Его провелъ безъ горя и заботъ.

И потому элегическія піесы Пушкина можно уподобить слезамъ, которыя быстро смѣняются улыбкой, или коротким сумеркамъ, за которыми слѣдуетъ веселое сіяніе дня; это не элегіи Жуковскаго, который жалѣетъ о н ности горя, находитъ утѣшені ной скорби; это не элегіи Б скаго и Лермонтова, которы чемъ не находятъ утѣшенія. тренней гармоніи, по стрем дѣйствительному, которое дае и отраду, поэзія Пушкина ро на Гете, какъ справедливо з одинъ нѣмецкій критикъ. Об живительной силы. Свѣтлое во бодрое мужество составляетъ созданій нашего поэта — ос которой всѣ другія свойства гаютъ какъ оттѣнки. Эта необы но-свѣтлая граціозность кажд ства, даже самаго тяжелаго, няетъ ту особенную прелест Пушкина, которая погружае читателя въ невыразимое насл Изъ поэзіи Пушкина выходи телъ и полонъ восторга, какъ ма искуствъ. Примѣромъ ея наго характера могутъ служ гія: «Брожу ли я вдоль улиц ныхъ; Безумныхъ лѣтъ угас селье; Нѣтъ, нѣтъ, не должс смѣю, не могу; Если жизнь те нетъ; Снова тучи надо мною.»

Изъ всего сказаннаго зак Пушкинъ, какъ поэтъ внутрен монія и какъ поэтъ-художникъ полное право, по этимъ столь и существеннымъ свойствамъ изведеній, назваться поэтомъ нальнымъ».

г) Выраженіе. Призваніемъ на, его любовью къ искуству, чувствіемъ всему прекрасному ни природы и въ жизни че объясняется невыразимая пре произведеній, артистическая стройка. Въ его поэзіи мысль дѣльно соединена съ формой, ственная красота которой с необходимою принадлежность что выходило изъ его творчест нота, оконченность, выдерж стройность — существенныя его піесъ. Въ его созданіяхъ

прибавлять, ничего убавить. вершенно отдѣланы, вполнѣ художественны. Изящество формы есть природа. Стихъ Пушкина составэпоху въ исторіи стихотворнаго ства. Онъ поэтическій въ высшемъ ѣ этого слова, художественный. ъ соединились прекрасныя ка-, усвоенныя стиху Жуковскимъ шковымъ: мелодія одного и пласть другаго. Къ нему отнести то самое, что Пушкинъ сказалъ съ Эды, поэмы Баратынскаго, въ ніи къ послѣднему: «стихъ нажовѣсти твоей звенитъ и блещетъ червонецъ». Онъ, говоритъ Го-заключилъ въ себѣ все богатство, и гибкость нашего языка. Истинодожественный стихъ не тотъ, ко-нравится намъ только пріятнымъ неніемъ звуковъ, а тотъ, который ѣ поэтически выражаетъ мысль, горомъ мысль и слово соединены, душа и тѣло, и переходятъ въ читателя, какъ одно цѣлое. Въ но-поэтическомъ стихѣ, удивляясотѣ выраженія, мы удивляемся тѣ самаго чувства, любуемся, сказать, прозрачностью содер-. Сквозь него видишь изгибы и ки внутреннихъ движеній души, вуешь жизнь изображеннаго предкороче, поэтическое выраженіе нна есть само изящество. Это заь особенно отъ того, что изящно чувство поэта, которое проникобою стихъ и кладетъ на него своей собственной граціоз-

ушкина нѣтъ выраженій неравнохъ характеру поэтическаго проенія. Каждый стихъ поражаетъ ствомъ отдѣлки. Не только стихи, слова, отдѣльно взятыя, отлия чрезвычайною точностью, соствіемъ предметамъ. Иногда одинъ ъ изображаетъ цѣлую картину. ѣнія его и обороты уподобилъ критикъ яркимъ молніямъ духа: егда естественны, сосредоточены, граціозны.—Употребленіе разнообразныхъ метровъ и стихотворныхъ формъ достигло высшей свободы и легкости; онъ владѣлъ ими, какъ знатокъ роднаго слова и великій художникъ.

Повторимъ, въ краткихъ выводахъ, отличительные признаки поэзіи Пушкина:

1) Поэтическое созерцаніе міра и художественное его воспроизведеніе, выраженіе внутренней гармоніи, производимой свѣтлымъ артистическимъ воззрѣніемъ на жизнь — составляютъ сущность этой поэзіи. Чтобы ни выражалъ Пушкинъ—его выраженіе всегда изящно, художественно: онъ поэтъ-художникъ. Какъ Жуковскій ввелъ въ нашу поэзію элементъ романтическій, такъ Пушкинъ ввелъ въ нее элементъ художественный.

2) Во всѣхъ своихъ произведеніяхъ онъ изображаетъ жизнь дѣйствительную, слѣд. его поэзія — поэзія дѣйствительности.

3) Въ дѣйствительной жизни онъ избиралъ особенно ея возвышенныя, благороднѣйшія явленія, и даже въ обыкновенныхъ предметахъ отмѣчалъ ихъ поэтическую сторону: слѣд. его поэзія—идеальна, въ истинномъ значеніи этого слова.

4) Онъ изображалъ преимущественно жизнь русскаго общества, и чуждую жизнь изображалъ, какъ поэтъ русскій: слѣд. онъ поэтъ національный.

5) По особенному характеру своей поэзіи, онъ поэтъ оригинальный.

6) Наконецъ, по геніальному дару творчества и по художественной отдѣлкѣ созданій, онъ стоитъ на ряду съ первоклассными поэтами всѣхъ вѣковъ и народовъ.

д) Пушкинъ, какъ прозаикъ. Заслуги Пушкина относительно прозы состоятъ въ слѣдующемъ: 1) онъ вполнѣ освободилъ языкъ нашъ отъ періодической принужденности. Рѣчь его построена изъ краткихъ предложеній, и каждое предложеніе расположено самымъ простымъ, естествен-

ным образомъ; 2) какъ Жуковскій придалъ прозѣ поэтическій колоритъ, такъ Пушкинъ сообщилъ ей неизвѣстное дотолѣ «изящество простоты»: проза его есть образецъ удивительной простоты, чужда всякой искуственности; 3) онъ первый, какъ художникъ, поставилъ народную рѣчь въ число источниковъ изящнаго языка (смот. прим. къ 1 ч., о Карамзинѣ).

О Кавказскомъ плѣнникѣ.

«Кавказскій плѣнникъ» представляетъ два предмета: исторію плѣнника и поэтическое изображеніе Кавказа и его жителей. Выше замѣчено, что превосходство поэзіи Пушкина, между прочимъ, заключается въ томъ, что въ ней видно личное знакомство поэта съ красотами природы. Отсюда происходитъ вѣрность, дѣйствительность его картинъ: онѣ списаны съ оригинала, а не выдуманы. Описанія его чужды общихъ поэтическихъ мѣстъ, которыя легко прилагаются къ каждому естественному предмету, и лишнихъ прикрасъ, на которыя такъ часто пускается кабинетная фантазія, не имѣвшая непосредственнаго знакомства съ природой. Кавказскій Плѣнникъ исполненъ такихъ описаній: чрезъ него публика пріобрѣла въ первый разъ поэтическое знакомство съ красотами Кавказа и съ бытомъ черкесовъ; то и другое изучилъ Пушкинъ на самомъ мѣстѣ. Это поэтическое изображеніе горъ и горцевъ не составляетъ особеннаго отдѣла поэмы, который былъ бы чуждъ отношенія къ ея сюжету: напротивъ, оно внесено въ самый ходъ дѣйствія. Не авторъ даетъ его отъ себя, а Плѣнникъ, герой повѣсти, передаетъ его какъ собственныя впечатлѣнія.

Вторая половина содержанія заключается въ исторіи Плѣнника. Характеръ его составленъ по характеру героевъ Байрона, который въ то время господствовалъ въ поэзіи. Существенный его признакъ — такъ назыв «разочарованіе», бывшее нѣкогда ным словомъ. Но это свойство П ника ни по степени своей силы, и важности источника, ни по прич колориту, не воспроизводитъ свойства, которымъ Байронъ надѣ своихъ героевъ въ Гяурѣ, Корса другихъ поэмахъ. Лице вышло опредѣленное, безличное. Гер повѣсти, Черкешенка, тоже сриса съ Байроновыхъ героинь: она о чается идеальностію, несогласіем дѣйствительностію,

Не смотря на отсутствіе естес ныхъ положеній, на искуственн ставленныя отношенія Плѣнник Черкешенкѣ, рѣчи ихъ исполнены гательной сердечности, искрен элегическаго чувства. Элегичес описательный элементы, равно и прекрасный, исполненный дви стихъ были, по словамъ самаг тора, причиною чрезвычайнаго чатлѣнія, произведеннаго Кавказ Плѣнникомъ. Въ послѣдствіи Пу такъ отзывался о своей поэмѣ Ларсѣ нашелъ я измаранный сп «Кавказскаго Плѣнника», и, приз перечелъ его съ большимъ уд ствіемъ. Все это слабо, молодо полно, но многое угадано и выр вѣрно». —Кавказскій плѣнникъ- вый неудачный опытъ характе которымъ я насилу сладилъ; онъ принятъ лучше всего, что я ни салъ, благодаря нѣкоторымъ ческихъ и описательнымъ стиха за то Н., и А. Р., и я, мы вдово нимъ посмѣялись».

Изъ Бахчисарайскаго Фон

Въ этой поэмѣ также, какъ Кавказскомъ Плѣнникѣ, двѣ изображеніе крымской мѣстно разсказъ древняго преданія стр

Описанія прекрасной южной ды вѣрны дѣйствительности, оч тельны поэтической прелестью: лучшая часть поэмы. Другая ч

сказъ преданія—хотя не представляетъ строго-обдуманнаго созданія и строго-отчетливаго выполненія, но выражаетъ присутствіемъ поэтической силы, многими превосходными частями. Характеры Заремы и Маріи созданы по характерамъ Байроновыхъ лицъ: Зарема срисована съ Гюльбеи, Марія, кроткая, романтическая дѣвушка, напоминаетъ собою Франческу. Вліяніе Байрона отразилось и въ самой формѣ поэмы, наполненной лирическими мѣстами. Но такъ какъ сущность поэтическаго таланта Пушкина не одинакова съ сущностью таланта Байрона, то сказанное о Кавказскомъ Плѣнникѣ, относительно возсозданія Байроновыхъ героевъ, примѣняется въ той же мѣрѣ и къ Бахчисарайскому Фонтану. Различіе, даже противоположность въ духѣ поэзіи нашего и англійскаго поэта, совершенно ясно обнаруживается тономъ всего сочиненія: поэма Пушкина проникнута легкой, свѣтлой грустью, поэтической отрадной задумчивостью, которая внушена прелестью восточныхъ ночей и преданіемъ о «фонтанѣ слезъ». Этотъ элегическій элементъ, являющійся у Пушкина въ собственномъ, ему только свойственномъ колоритѣ, сообщаетъ поэмѣ особенную плѣнительность.

Незрѣлость созданія и выполненія видна преимущественно въ мелодраматическомъ тонѣ, который приданъ самымъ патетическимъ мѣстамъ поэмы: вступленной скорби Гирея, монологу Заремы. Въ нихъ нѣтъ высокой простоты, совершенной истины сердечныхъ чувствъ. Поэтическій талантъ, въ первую пору своей дѣятельности увлекаясь блескомъ, красивымъ убранствомъ, приноситъ иногда истину въ жертву театральному выраженію страстей. Отсюда ясно, почему самъ Пушкинъ—не только творецъ, но и вѣрный судья изящнаго — назвалъ Бахчисарайскій Фонтанъ мелодрамой. Вотъ что говоритъ онъ о стихахъ: «Онъ часто въ сѣчахъ роковыхъ».... выражающихъ горесть Гирея: «А. Р. хохоталъ надъ ними. Молодые писатели не умѣютъ вообще изображать физическія движенія страстей. Ихъ герои всегда содрогаются, хохочутъ дико, скрежещутъ зубами, и проч. Все это смѣшно, какъ мелодрама».

Кромѣ прекраснаго изображенія Тавриды, поэтическихъ частностей въ характерахъ дѣйствующихъ лицъ, неслыханной до Пушкина силы и гармоніи стиховъ и новости формы, въ Бахчисарайскомъ фонтанѣ есть сцены (напр. сцена Заремы съ Маріей), обнаруживающія драматическій элементъ, который въ послѣдствіи достигъ у Пушкина высшаго совершенства.

Изъ Цыганъ.

Герой поэмы—Алеко. Авторъ, въ изображеніи его, подражалъ Байрону. Онъ изобразилъ человѣка, недовольнаго свѣтомъ и удалившагося въ цыганскій таборъ: тамъ, среди простыхъ людей, близкихъ къ природѣ, думаетъ найти онъ замѣну цивилизованнаго, но испорченнаго общества.

Но Алеко не умѣлъ освободиться отъ злыхъ наклонностей человѣческаго сердца. Онъ принесъ съ собою эгоизмъ—причину гибели другихъ и его собственнаго несчастія.

Лице старика цыгана, противоположнаго Алеко, высоко поэтическое и прекрасно изображенное. Рѣчь его дышитъ простотою, наивностью. Въ тѣхъ упрекахъ, которые онъ обращаетъ къ Алеко, содержится нравственный выводъ изъ поэмы, раскрывается характеръ Алеко, объясняется идея сочиненія. Слова его равнозначительны заключительному хору въ греческихъ трагедіяхъ. Это значеніе хора придано и эпилогу, въ которомъ выражется мысль о неизбѣжной судьбѣ, составлявшей основу греческой трагедіи; но должно замѣтить, что онъ не имѣетъ прямаго отношенія къ идеѣ поэмы, потому что несчастіе главнаго лица ея произошло отъ свободнаго противо-

рѣчія между «знаніемъ и дѣйствіемъ», а не отъ грознаго предопредѣленія.

Форма поэмы вездѣ почти драматическая, особенно въ патетическихъ мѣстахъ. Языкъ точный и поэтическій, не выказывающій ни усилій, ни намѣренныхъ украшеній. «Цыганы» выше прежнихъ поэмъ и по болѣе серьезной мысли, и по развитію дѣйствія, и по изображенію характеровъ, и по художественной отдѣлкѣ.

Изъ Полтавы.

Полтава, историческая поэма въ трехъ пѣсняхъ, воспроизводитъ одну изъ важнѣйшихъ эпохъ нашего отечества. Содержаніе ея слѣдующее: Мазепа, малороссійскій гетманъ, сватается за Марію, дочь Кочубея, свою крестницу. Такое сватовство раздражаетъ отца и мать: они отказываютъ. Марія, любившая Мазепу, бѣжитъ изъ родительскаго дома. Кочубей поклялся отмстить гетману. Во время дружескихъ сношеній, Мазепа не разъ намекалъ Кочубею о своихъ преступныхъ намѣреніяхъ отложиться отъ Россіи, измѣнить своему законному Государю. Кочубей, вмѣстѣ съ Искрою, написали доносъ, которой отправили къ Петру съ неизвѣстнымъ козакомъ, втайнѣ любившимъ Марію. Но Царь, увѣренный къ вѣрности Мазепы, принимаетъ доносъ за клевету и предоставляетъ гетману наказать клеветника. Мазепа осуждаетъ Кочубея на казнь. Марія, остававшаяся въ невѣдѣніи, узнаетъ отъ матери объ участи, ожидающей отца; она прибѣгаетъ, но ужъ поздно, на мѣсто казни. Между тѣмъ Мазепа продолжаетъ сношенія съ Карломъ XII, притворяясь больнымъ, чтобы отвести подозрѣнія. Съ приближеніемъ же Шведовъ, измѣнникъ сбросилъ съ себя личину и присоединилъ полки свои къ войску шведскаго короля. Сраженіе при Полтавѣ разрушило преступные замыслы обоихъ. Мазепа долженъ былъ раздѣлить съ раненымъ королемъ жалкое бѣгство. Вблизи Днѣпра, для краткаго отдыха, дѣлаютъ они привалъ на чистомъ воздухѣ, у одного хутора, въ которомъ Мазепа узналъ прежнее жилище Кочубея и Маріи; она сама, ночью, является предъ нимъ съ словами безумія и любви. Но должно бѣжать, король зоветъ—и Мазепа скрывается съ нимъ, навсегда покидая родину.

Въ «Полтавѣ», Пушкинъ является истинно-народнымъ поэтомъ. Современная эпоха возсоздана въ ней съ своими нравами, обычаями, нарѣчіемъ, во всей поэтической точности жизни. Мѣстность изображена съ поразительной истиною. Каждая пѣсня, каждая часть пѣсни есть превосходное художественное произведеніе. Энергія и вмѣстѣ изящная простота стиховъ соотвѣтствуютъ величію содержанія. Тонъ разсказа, духъ, обороты, выраженія чисто-русскіе, самобытные, оригинальные.

Недостатокъ же поэмы заключается въ томъ, что она не представляетъ собою цѣлаго: въ ней нѣтъ единства. Она заключаетъ въ себѣ не одну, а двѣ поэмы: первая изображаетъ — судьбу Мазепы и Маріи, вторая — полтавскую битву. Самое названіе поэмы (Полтава) противорѣчитъ главному лицу ея, Мазепѣ, около котораго сосредоточено дѣйствіе и по которому авторъ имѣлъ прежде намѣреніе назвать свою поэму: Мазепа. Притомъ причина давнишней вражды Мазепы къ Петру, открытая имъ въ тайной бесѣдѣ Орлику, не соотвѣтствуетъ важности предмета, ничтожна для историческихъ послѣдствій: или, выбравъ мщеніе главною пружиною дѣйствій, авторъ долженствовалъ бы на немъ основать цѣлое, чего однако въ поэмѣ нѣтъ. Причина такой разрозненности поэмы заключается въ томъ, что Пушкинъ хотѣлъ написать поэму въ новоклассическомъ родѣ, соединить классицизмъ съ романтизмомъ. Лишенная единства, поэма представляетъ частности, изумитель-

ая красотою: изображеніе козака, Іосия: «кто при звѣздахъ и при лунѣ» (художественное воспроизведеніе народной поэзіи), страданія Кочубея въ темницѣ, его разговоръ съ Орликомъ, отвѣтъ о зарытыхъ кладахъ, душевныя муки Мазепы и противоположное имъ спокойствіе малороссійскихъ нравовъ, сцена между матерью и дочерью, картина казни Кочубея и Искры, описаніе Полтавской битвы, лицо Маріи—принадлежатъ къ высокимъ художественнымъ произведеніямъ. Замѣтимъ, что въ важнѣйшихъ мѣстахъ поэма принимаетъ драматическую форму, которая показываетъ, какимъ богатымъ элементомъ владѣлъ поэтъ для драмы.

Примѣч. Нѣкоторыя подробности, касающіяся до сочиненія Полтавы и собственныя мысли Пушкина о критикѣ на нее, о сравненіи поэмы его съ Мазепою Байрона, см. въ сочин. Пушкина.—Байронъ написалъ поэму, въ которой изобразилъ одно событіе изъ юношеской жизни Мазепы. Она переведена на русскій языкъ. Лицо представлено исторически невѣрно, но поэтическая истина соблюдена.

Чернецъ.

Козловъ (Иванъ Ивановичъ) род. 1774, ум. 1838. Съ прекрасной наружностью соединяя ловкость, любезность и очень хорошее образованіе, онъ, въ первые годы своей молодости, былъ душею свѣтскихъ обществъ. Ударъ паралича лишилъ его ногъ, на 29 г. отъ роду, а черезъ нѣсколько времени онъ лишился и зрѣнія и никогда уже не вставалъ съ одра страданій. Разлучившись навсегда съ міромъ внѣшнимъ, Козловъ погрузился въ свой внутренній міръ—міръ поэзіи. Несчастіе сдѣлало его поэтомъ, и годы страданій были самымъ дѣятельнымъ временемъ его вдохновенія. Онъ зналъ французскій и итальянскій языки, и, уже слѣпой, выучился по англійски и нѣмецки. Онъ изучилъ Байрона, Вальтеръ-Скотта, Шекспира, Расина, Тасса и Данте. Первые стихи Козлова были написаны къ его другу Жуковскому, подъ заглавіемъ: «Поэту Жуковскому», за ними послѣдовали другія стихотворенія, а потомъ поэмы: Чернецъ, Княгиня Долгорукая, и проч. Вмѣстѣ съ тяжкою болѣзнію, Козловъ не имѣлъ и достаточнаго состоянія. Жуковскій собралъ всѣ его стихотворенія и издалъ въ 1840 г. (третьимъ изданіемъ). Второе было издано Смирдинымъ въ 1834 г. (въ 2 ч.); первое—въ 1828 (въ одной книжкѣ).

Третье изданіе сочиненій Козлова состоитъ изъ двухъ частей. Въ первой помѣщены: поэмы—Чернецъ, Княгиня Наталья Борисовна Долгорукая и Безумная, Абидосская невѣста (Байрона), Крымскіе сонеты, Сельскій субботній вечеръ (Борна), Посланіе къ другу В. А. Ж., Баллада Венгерскій лѣсъ. Вторая содержитъ въ себѣ мелкія лирическія пьесы и отрывочные переводы (изъ Байрона, А. Шенье, Петрарки и другихъ).

Козловъ, поэтъ-слѣпецъ, былъ однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ послѣдователей Пушкина. Вліяніе послѣдняго обнаружилось какъ въ формѣ оригинальныхъ произведеній, такъ и въ выборѣ иностранныхъ произведеній для перевода. Подобно Пушкину, Козловъ пріобрѣлъ извѣстность поэмой (Чернецъ), за которой слѣдовали другія (Наталья Долгорукая, Безумная); подобно Пушкину, онъ увлекся Байрономъ: перевелъ Абидосскую невѣсту и отрывки изъ другихъ произведеній, и по образцу ихъ создавалъ собственныя. Въ «Новостяхъ Литературы (1824), помѣщена его поэма «Байронъ», въ которой изображена жизнь англійскаго поэта: ясное свидѣтельство сочувствія, которое авторъ Чернеца питалъ къ пѣвцу Гяура.

Но это подражаніе Байрону и Пушкину касается только построенія пьесъ и внѣшняго ихъ выраженія. По содержанію же своему и тону, онѣ относят-

ся совершенно къ другому роду поэзіи. Замѣчательный талантъ Козлова родственъ, по своей сущности, таланту Жуковскаго, а не Пушкина и Байрона. Чувство, преимущественно грустное, есть главный элементъ его. Большая часть его стихотвореній—элегическія. Покорность волѣ Провидѣнія, таинство страданія, тихое уныніе, надежда на лучшую жизнь, вѣра въ любовь и дружбу, составляютъ обычный мотивъ его стихотвореній. Печальные обстоятельства жизни развили отличительное свойство поэта: Козловъ лишился зрѣнія, и это ужасное несчастіе познакомило его съ вдохновеніемъ. «Его геній»—по словамъ Пушкина—«проснулся въ то время, когда земной міръ сокрылся передъ нимъ во мглѣ, такъ что поэтическая дѣятельность Козлова тѣсно связана съ его жизнью: въ большей части своихъ стихотвореній онъ выражаетъ самого себя, свою горестную судьбу. Элегическая настроенность, какъ слѣдствіе дѣйствительной горести положила печать свою на поэзію Козлова: отсюда ея однообразіе; оригинальныя и переводныя пьесы его не различаются по тону. Такъ какъ теплота чувства искренняго, но не глубокаго и мощнаго, доступна всѣмъ степенямъ образованія, то легко объяснить общій интересъ, возбужденный поэмами Козлова, особенно Чернецомъ. Впечатлѣніе стиховъ его прекрасно выражено Пушкинымъ въ посланіи къ автору:

О милый братъ, какіе звуки!
Въ слезахъ восторга внемлю имъ.
Чудеснымъ пѣніемъ своимъ
Ты усыпилъ земныя муки. —

Однородный Жуковскому по духу и направленію, но не по степени поэтическаго дара, Козловъ не могъ достойно передать Байрона, какъ потому, что поэтическая природа Байрона совершенно противоположна поэтической природѣ Жуковскаго, такъ и потому, что талантъ переводчика былъ несравненно ниже таланта оригинальнаго поэта. Романтическое направленіе не помѣшало Жуковскому переда хотя не въ равномъ достоинс Гете, и Байрона, и Гомера; ибо водчикъ былъ надѣленъ сильно собностью воспроизводить, кото было у Козлова: вотъ почему пер «Абидосской Невѣсты» есть бл копія оригинала. Тоже должно зать о Чернецѣ, созданномъ въ п жаніе Байронову «Гяуру« и о пе дѣ Крымскихъ сонетовъ. Направ свойственное Козлову, было ческое и идиллическое.

Чернецъ, по содержанію и из нію, напоминаетъ Байронова «Г но это сходство только внѣшне Чернецѣ нѣтъ той силы духа, г отчаянія и презрѣнія къ несч которыя характеризуютъ «Гяура це, созданное Козловымъ, отли кроткою скорбью, смиреніемъ стія, торжествомъ небесной на надъ земными радостями. Въ не торъ изобразилъ и свое собст положеніе, какъ видно изъ нѣкот стиховъ посвященія поэмы:

Какъ мой Чернецъ, всѣ с
моло
Въ груди моей давно я с
ни
И я, какъ онъ, всѣ радости з
Небесною надеждой замѣн

Описаніе смерти «Чернеца» подражаніе послѣднимъ стихам вѣсти: «Судъ въ подземельѣ», пе денной Жуковскимъ. Сличи, въ Козлова, отъ стиховъ: «Когда н нута роковая пресѣкла горе удѣлъ».... до стиха: «и звукъ во тьмѣ ночной», съ слѣдующе радой:

Когда жъ во храмѣ хоръ о
Ударитъ въ колоколъ велѣ
Аббатъ душѣ на упокой....
Протяжный гласъ въ тиши
Раздался: изъ глубокой мг
Ему Нортумбріи скалы
Откликнулись; услыша зво
Въ Брамбургѣ селянинъ
с
Съ подушки голову поднял

Молиться объ умершемъ сталъ,
Не домолился и заснулъ;
Имъ возбужденный, помянулъ
Усопшаго святой чернецъ,
Ворквортской пустыни жилецъ;
Въ Шевьотскую залегшій сѣнь,
Вскочилъ испуганный олень,
По вѣтру ноздри распустилъ,
И чутко ухомъ шевелилъ,
И поглядѣлъ по сторонамъ,
И снова легъ.... и снова тамъ
Все, что смутилъ минутный звонъ,
Въ глубокій погрузилось сонъ.

Въ «Натальѣ Долгорукой», имѣвшей не успѣхъ, есть прекрасныя поэтическія мѣста, но цѣлое уступаетъ въ достоинствѣ «Чернецу».—Въ «Безумцѣ», героиня представлена въ неестественномъ, идеальномъ видѣ.—О переводѣ «Абидосской невѣсты» и «Крымскихъ сонетовъ» сказано выше. — «Посланіе къ Жуковскому» весьма интересно, какъ поэтическая исповѣдь поэта.—Баллада «Венгерскій лѣсъ» выражаетъ недѣйствительную жизнь, представляетъ славянскій бытъ по разсказу нѣмецкой фантазіи. — «Сельскій субботній вечеръ въ Шотландіи» и подражаніе Борису, изъ котораго Козловъ перевелъ сверхъ того: «Къ Невой Маргариткѣ.»

Изъ мелкихъ лирическихъ стихотвореній, помѣщенныхъ во второй части, лучшія: На погребеніе Джона Мура, Венеціанская ночь, Къ Италіи, Къ разлукѣ, Добрая ночь, На отъѣздъ, Обольщеніе, Романсъ (Есть тихая роща быстрыхъ ключей), Еврейская мелодія, Вечерній Звонъ, Къ полевой маргариткѣ, Изъ Байронова Донъ Жуана (любо намъ), Новые стансы, Романсъ (демоны, Насъ семеро, Увы, несчастливъ тотъ, Стансы (Настала тѣнь), Элегія (элегія), Молитва, Отрада есть тьмѣ лѣсовъ дремучихъ.

Хотя, какъ мы сказали, талантъ Козлова былъ выраженіемъ его души, и большая часть его стихотвореній принадлежитъ къ элегіямъ, однакожъ есть у него и такія піесы, въ которыхъ выражаются радости жизни, напр. «Венеціанская ночь».

Не смотря на потерю зрѣнія, Козловъ вѣрно и ярко рисуетъ картины природы. Воспоминаніе живо представляло ему прошедшее, которое, по выраженію Пушкина, превратилось въ хоръ свѣтлыхъ привидѣній.—Большая часть лучшихъ мелкихъ стихотвореній Козлова—переводы. По субъективности своего таланта, онъ придавалъ имъ колоритъ общій съ колоритомъ оригинальныхъ піесъ, и нѣкоторыя піесы изъ Байрона и Шенье переведены художественно. Таковы: Новые стансы (Прости! ужъ полночь..), Увы, несчастливъ тотъ.. и Стремятся не ко мнѣ съ любовью и хвалами (изъ Шенье).

Стихъ Козлова мелодическій, полный теплаго чувства: онъ ближе къ стиху Жуковскаго, нежели къ стиху Пушкина.

Мцыри.

Сочиненія Лермонтова, изданныя Смирдинымъ (въ Полномъ Собраніи сочиненій Русскихъ авторовъ) составляютъ два тома. Въ первомъ помѣщены его стихотворныя повѣсти и поэмы (Боярин Орша, Сказка для дѣтей, Измаилъ Бей, Мцыри, Валерикъ, Хаджи-Абрекъ, и проч.) и лирическія піесы (главнѣйшія изъ нихъ: Ангелъ, Воздушный корабль, Дума, Журналистъ, читатель и писатель, Завѣщаніе, Не вѣрь себѣ, Парусъ, Послѣднее новоселье, Поэтъ, Пророкъ, Пѣсня про Царя Ивана Васильевича, молодаго опричника и удалаго купца Калашникова, Тамара, Три пальмы, Выхожу одинъ я на дорогу, Когда волнуется желтѣющая нива, Тучи, и проч.). Во второмъ: Маскарадъ, драма въ стихахъ, Герой нашего времени (романъ), Ашикъ-Керибъ, турецкая сказка, и Два отрывка изъ начатыхъ повѣстей.

Мцыри—на грузинскомъ языкѣ значитъ «неслужащій монахъ», почти въ родѣ «послушника». Содержаніе повѣсти слѣдующее: Плѣнный мальчикъ

Черкесъ воспитанъ былъ въ грузинскомъ монастырѣ, и хотѣлъ уже изречь монашескій обѣтъ, какъ вдругъ однажды, во время страшной бури, скрылся. Три дня пропадалъ онъ, а на четвертый былъ найденъ въ степи, и принесенъ снова въ обитель, слабый, больной, умирающій. Вся поэма заключается въ разсказѣ о томъ, что было съ нимъ въ эти три дня. Изъ разсказа видно, что Мцыри, желая пробраться на родину, воспоминаніе о которой смутно жило въ его душѣ, сбился съ пути. Блуждая въ лѣсу, гдѣ выдержалъ борьбу съ барсомъ, онъ увидѣлъ, что опять воротился къ монастырю. Въ лицѣ Мцыри изображена гордость духа, которая убѣгаетъ людей и стыдится обнаружить слабость: это любимый идеалъ автора, однородный идеальнымъ героямъ Байрона. Несмотря на нѣкоторую натянутость въ содержаніи «Мцыри» (написаннаго въ 1840), изложеніе поэмы и подробности исполнены превосходно. Въ ней соединено разнообразіе картинъ, образовъ и чувствъ. Многія положенія поразительны своею вѣрностью: таково, напр., мѣсто, гдѣ Мцыри описываетъ свое замираніе подлѣ монастыря, когда его грудь пылала предсмертнымъ огнемъ. Картины кавказской природы, роскошной и величественной, нарисованы мастерскою кистью. — Форма снята съ «Шильонскаго узника»: тотъ же четырехстопный ямбъ съ одними мужескими окончаніями; разница только въ третьей риѳмѣ, прибавляемой иногда авторомъ Мцыри. Стихи энергическіе, сжатые и звучные гармонируютъ съ сосредоточеннымъ чувствомъ, съ силою мощнаго духа и съ трагическимъ положеніемъ героя.

Евгеній Онѣгинъ.

Романъ «Евгеній Онѣгинъ» есть поэтическое воспроизведеніе русскаго общества въ томъ видѣ, въ какомъ оно находилось въ избранную поэтомъ эпоху, т. е. «въ двадцатыхъ» текущаго столѣтія. Онъ состоі 8 главъ. Первая издана въ 1 послѣдняя въ 1832. Начатый вліяніемъ Байрона, романъ продолженіемъ и окончаніемъ (о но послѣдними двумя главами) ходитъ уже въ болѣе зрѣлый, самобытный періодъ поэзіи Пу

Общество избраннаго времен ражено Пушкинымъ въ главны цахъ Онѣгина и Татьяны, Лен Ольги. Кромѣ того, есть второс ные портреты и очерки, довери картину высшаго и средняго ственныхъ круговъ.

Герой романа, Онѣгинъ — и человѣкъ, одаренъ умомъ и душою. Увлеченный свѣтомъ и щенный его удовольствіями, онъ дѣлъ къ жизни и обществу. Безп страсти, пустыя развлеченія у его душу. Тоска овладѣла имъ страдаетъ, отягченный безд ностью, пошлостью существова роче, Онѣгинъ—«разочарованн ловѣкъ. Разочарованіе его — пая пустота, родившаяся отъ пр нія жизненными благами, апат потеря силъ въ сферѣ однообр пустой жизни, скука, для одол торой нѣтъ довольно силъ у с шаго. Въ изображеніи этого ха Пушкинъ также подражалъ Ба котораго Чайльдъ-Гарольдъ ест ьѣкъ разочарованный, извѣдавш и пресыщенный жизнью, хотя раз ваніе Гарольда не дошло до ап всему въ мірѣ. Но подражаніе ск скому поэту не лишило главно ствующее лице самобытности. гинъ—Русскій, «Москвичъ», не на то, что явился, въ первых вахъ романа, «въ Гарольдовомъ п Разочарованіе, какъ родовое по видоизмѣняется по различію н времени и личности: одинъ изъ естественныхъ видовъ приданъ гину. Подобнаго вида тепер нѣтъ: онъ принадлежность прош

ремени, а если является въ какихъ-
гдь лицахъ, то считается анахро-
юмъ, а самыя лица—странными и
шными.

Характеръ Ленскаго совершенно
тивоположенъ характеру Онѣгина:
ичительная черта послѣдняго—ра-
арованіе, отличительная черта пер-
о — очарованіе. Чистая и благо-
ная душа его была доступна все-
прекрасному и высокому. Какъ
гинъ пресытился жизнью, такъ
скій, по словамъ автора, «сердцемъ
ый былъ невѣжда». Онъ глядѣлъ
жизнь глазами романтика; не зналъ
въ дѣйствительности и воспѣвалъ
и идельныя представленія міра:

Онъ пѣлъ разлуку и печаль,
И нѣчто, и туманну даль,
И романтическія розы.

Варнгагенъ фонъ Энзе, въ критикѣ
шненій Пушкина, справедливо го-
ритъ, что на Онѣгина и Ленскаго
вно смотрѣть, какъ на разложеніе
вой природы поэта, т. е. что Пуш-
ъ, въ этихъ двухъ живыхъ созда-
хъ, воплотилъ двойство своего вну-
няго существа: Ленскій есть не-
есыщенный жизнью Онѣгинъ, какъ
гинъ есть уже охладѣвшій къ жиз-
Ленскій. Это—двѣ ступени разви-
одного и того же лица. Замѣтимъ,
авторъ любилъ идеалъ, представ-
ый имъ въ Ленскомъ: элегическія
офы, въ которыхъ оплакана смерть
, полны трогательнаго чувства и
стѣ какъ бы предчувствія.

Какъ Онѣгинъ противоположенъ
скому, такъ Татьяна противопо-
жна сестрѣ своей Ольгѣ. Противо-
ложность эта заключается въ сте-
и ихъ духовныхъ силъ: душа
тьяны — глубока и сильна, душа
ьги—мелка и поверхностна. Сход-
же онѣ между собою тѣмъ, что и
и другая — совершенно русскія
щины, въ своихъ достоинствахъ и
остаткахъ.

Евгеній Онѣгинъ есть созданіе ис-
но-національное. Въ немъ пред-
ставлены исключительно русская при-
рода, русское общество: тамъ и здѣсь
изображеніе художественное. «Читая
Онѣгина»—говоритъ авторъ біографіи
Пушкина—«кажется, путешествуешь
по Россіи и проживаешь въ каждомъ
мѣстѣ полное событіе, важное для по-
знанія нравовъ, схваченное со всею
нескромностію правды. На страницахъ
Онѣгина достовѣрнѣе, нежели на за-
пискахъ и лѣтописяхъ, можно осно-
вать ученому замѣчательнѣйшія изы-
сканія эпохи». Въ этомъ отношеніи,
романъ можетъ быть названъ истори-
ческой поэмой, т. е. энциклопедіей
русской жизни, ея вѣрнымъ зеркаломъ
въ одну изъ эпохъ развитія. Отсюда
понятенъ восторгъ, съ которымъ при-
няла его публика; понятно и вліяніе
его на современную и послѣдующую
литературу. Онѣгинъ, цѣлыми отрыв-
ками и отдѣльными стихами, перешелъ
въ поговорки, пословицы и остроты.»

Если въ Онѣгинѣ созерцаемъ мы на-
ше общество, то въ немъ же созерца-
емъ мы и Пушкина. Прекрасная лич-
ность автора, какъ человѣка и поэта,
выразилась въ созданіи съ совершен-
ною полнотою. Въ этомъ отношеніи,
романъ принадлежитъ къ такъ назы-
ваемымъ субъективнымъ произведе-
ніямъ. Упомянутая статья Современ-
ника замѣчаетъ, что въ первой главѣ
Онѣгина «Пушкинъ сберегъ для вос-
поминанія исчезнувшіе годы первой
своей молодости, впечатлѣнія сѣвер-
ной столицы и даже самый образъ тог-
дашней своей жизни». Но не столько
въ изображеніи дѣйствительныхъ об-
стоятельствъ своей жизни, сколько въ
духѣ сочиненія, въ воззрѣніи на при-
роду и общество, въ образѣ мыслей и
чувствъ, видна личность поэта.

Хотя въ характерѣ Онѣгина обна-
руживается вліяніе Байрона, который
въ самомъ началѣ Чайльдъ-Гарольда
выразилъ пресыщеніе удовольствіями,
томительную скуку и удаленіе отъ
свѣта, и который другую поэму начи-
наетъ описаніемъ воспитанія своего

героя и сатирой на воспитаніе—чѣмъ также начатъ Онѣгинъ; хотя форма романа, тонъ разсказа, смѣсь прозы и поэзіи въ изображеніи дѣйствительности, лирическія отступленія, обращенія поэта къ самому себѣ, ощутительное присутствіе личности поэта въ созданіи — также показываютъ, что поэтъ руководствовался Байрономъ: однакожъ, по содержанію и характерамъ, романъ Пушкина принадлежитъ къ произведеніямъ самобытнымъ. Разнообразныя краски этой художественной картины изумительны: комическое и глубоко-трогательное, элегія и сатира, возвышенное чувство и эпиграмма, слѣдуютъ другъ за другомъ непринужденно. Главные тоны, составляющіе какъ бы темы многочисленныхъ гармоническихъ звуковъ — сатирическій и элегическій. Иронія явилась оружіемъ противъ пустоты свѣтской жизни, элегія — естественнымъ чувствомъ, возбужденнымъ уклоненіями человѣка отъ жизни истинно-человѣческой.

Юрій Милославскій

Сочиненія «Михаила Николаевича Загоскина» (род. 1789, ум. 1852) относятся къ двумъ родамъ: повѣствовательному и комическому. Въ повѣствовательномъ родѣ: романы—Юрій Милославскій, Рославлевъ, Аскольдова Могила, Искуситель, Тоска по родинѣ, Мирошевъ, Брынскій лѣсъ, Русскіе въ началѣ 18-го столѣтія, Повѣсти (2 части), Москва и Москвичи, Записки Бѣльскаго (4 книжки). — Въ драматическомъ — комедіи: Добрый малый, Богатоновъ или провинціалъ въ столицѣ, Богатановъ въ деревнѣ, Вечеринка ученыхъ, Комедія противъ комедіи, Романъ на большой дорогѣ, Урокъ холостымъ или наслѣдники, Деревенскій Философъ, Благородный театръ, Недовольные, Поѣздка за границу, Женатый женихъ, опера — Аскольдова Могила, и проч.

«Юрій Милославскій», лучшее произведеніе Загоскина, который, к
ведливому замѣчанію одного к
предоставилъ ему маіоратъ вс
его таланта, былъ первымъ
историческимъ романомъ. П
приняла его съ восторгомъ,
достигъ уже седьмаго издан
стоинства его заключаются:
изображеніи нѣкоторыхъ харак
отличающихся простодушіемъ,
лостью или комизмомъ; 2) въ
и добродущія повѣствованія;
чистомъ правильномъ языкѣ и л
плавномъ, безъ труда читаемо
сказѣ; 4) въ умѣньѣ вести раз
или въ искуствѣ драматической
5) въ игривой веселости, неп
номъ комизмѣ: самыя лучшія
романа тѣ, въ которыхъ ро
рисуетъ смѣшное, забавное.—
статки же его слѣдующіе: 1) п
номъ сохраненіи внѣшнихъ соб
сохраненъ характеръ эпохи,
истины исторической: старинѣ
ны нѣкоторыя понятія и чувст
ваго времени; она представл
собственному воззрѣнію авт
языкъ ея отзывается, по м
искуственностью книжнаго сов
наго намъ языка. Въ разговора
изъ низшаго класса тоже нѣтъ
вѣтствія времени: въ Кудимыч
горьевнѣ, Власьевнѣ, Алексѣѣ,
ся русскій народъ нашего вре
не 1612 г. Двѣсти лѣтъ должн
измѣнить хотя нѣсколько по
обычаи простаго народа, а вм
ними измѣнить выраженіе. 2
цвѣтность и сентиментальност
который самъ мало дѣйствует
ляется лицемъ какъ бы стра
нымъ; 3) отсутствіе истины х
ственной: романъ не есть цѣлое,
веденное подъ вліяніемъ одной
которая связывала бы тѣсно в
части, а составленъ изъ разс
которые можно вставить и въ
другихъ романовъ.

Сказанное относится и къ д
историческимъ романамъ (Росл

ıскій лѣсъ, Русскіе въ началѣ 18-
олѣтія), съ тѣмъ однакожъ раз-
ѣмъ, что они суть подражанія Юрію
рославскому, слѣдов. однообразны
еденію интриги и по составу ха-
еровъ. Въ каждомъ изъ нихъ
Лица, соотвѣтствующія лицамъ
аго романа: списанныя съ преж-
ь образцовъ, они сдѣлались какъ
условными фигурами, изъ кото-
ъ авторъ составляетъ произведе-
подобныя другъ другу. Притомъ
произведеніе однихъ и тѣхъ же
нтеровъ не вознаграждено богат-
мъ сюжетовъ: такъ называемая
жга въ его романахъ всегда скуд-
немногосложна. Этимъ объясняет-
еньшій интересъ, возбужденный
лѣдующими сочиненіями Загоскина.
томъ автору много вредило влія-
комедій, съ которыхъ онъ началъ
о литературную дѣятельность и въ
орыхъ подражалъ французскимъ
ителямъ: романы его обнаружи-
тъ пріемы театральныхъ піесъ какъ
авязкѣ и развязкѣ, такъ и въ об-
ованіи характеровъ, которые на-
инаютъ собою обычныя лица фран-
скихъ комедій. Но поддѣльная сце-
ическая дѣйствительность не имѣетъ
ва называться зеркаломъ русской
ни, равно какъ отдѣльныя сцены и
тины быта не образуютъ еще ро-
а. Послѣднее сочиненіе Загоскина,
ские въ началѣ 18-го столѣтія,
надлежитъ по нашему мнѣнію къ
мъ неудачнымъ, потому что ясно
на цѣль, которой онъ служитъ, и
ныя воззрѣнія автора рѣзко выка-
ются въ рѣчахъ дѣйствующихъ
ъ. Хотя въ каждомъ поэтическомъ
изведеніи должна быть идея, но
ъ эта идея обнаруживается хо-
ь самаго событія, имѣющаго свою
шнюю и внутреннюю необходи-
ть, а не объясняется разсужденія-
созданныхъ характеровъ. Поэзія
роизводитъ жизнь. Смыслъ жизни
результатъ, выводимый нами изъ
ѣнія ея самой: такъ и смыслъ
поэтическаго произведенія долженъ
быть результатомъ, яснымъ для вни-
мательнаго читателя изъ развитія са-
мого сюжета. Всякое другое знаком-
ство съ мыслью романа переводитъ
послѣдній въ область дидактики.

Басурманъ.

Лажечниковъ написалъ три романа: Послѣдній Новикъ, Ледяной Домъ и Басурманъ, и двѣ драмы: Христіернъ II и Густавъ Ваза, и Дочь Еврея.

Какъ въ разсказахъ Загоскина сюжетъ заключается въ тѣсныя рамки, такъ, напротивъ, въ романахъ Лажечникова, сюжетъ многосложнѣе, богаче. У него и объемъ событія шире, и взглядъ на эпоху серьезнѣе. Онъ болѣе всѣхъ нашихъ романистовъ увлекся Вальтеромъ-Скоттомъ. Начитанность историческихъ романовъ ясно видна и въ пріемахъ изложенія и въ манерѣ вести разговоръ.

Недостатки же его романовъ состоятъ: 1) въ отступленіяхъ отъ истины, происходящихъ отъ того, что авторъ не совсѣмъ отрѣшился отъ прежняго литературнаго направленія — видѣть поэзію внѣ дѣйствительности, украшать исторію и природу по своимъ идеаламъ. Отсюда невѣрное изображеніе нѣкоторыхъ лицъ, изъ которыхъ одни представлены въ идеальномъ, возвышенномъ видѣ, увеличенномъ размѣрѣ (таковы: Послѣдній Новикъ, Паткуль, Волынскій), а другіе получили излишество комизма (на прим. Тредьяковскій); отсюда же «выдуманныя» отношенія Волынскаго въ Маріорицѣ, нарушающія историческую и поэтическую истину. 2) Въ неровномъ и тяжеломъ языкѣ, въ отсутствіи естественной драматической формы: дѣйствующія лица его говорятъ часто книжнымъ языкомъ, чуждымъ легкости. Этотъ недостатокъ происходитъ не отъ незнанія языка, не отъ неспособности владѣть имъ, не отъ спѣшной работы, а отъ излишней отдѣлки и еще отъ ложной манеры, которая

заставила нѣкоторыхъ, даже очень даровитыхъ писателей, заботиться больше объ эффектной красотѣ рѣчи, чѣмъ о ея благородной простотѣ, строгой точности и ясной опредѣленности.

Драмы г. Лажечникова, особенно вторая (Дочь Еврея), показали ясно, что великое различіе существуетъ между романистомъ и писателемъ драматическимъ, по самому различію двухъ поэтическихъ родовъ—романа и драмы.

Мертвыя души.

Герой «Мертвыхъ душъ» — Чичиковъ, плутоватый человѣкъ, или пріобрѣтатель, какъ называетъ его самъ авторъ. Господствующая страсть его—страсть къ пріобрѣтенію, которая въ немъ есть слѣдствіе внутренней наклонности, уроковъ отца и обстоятельствъ. Поговоривъ однажды съ какимъ-то секретаремъ и услыхавъ отъ него, что мертвыя души по ревизской сказкѣ числятся и годятся въ дѣло, Чичиковъ замыслилъ скупить ихъ тысячу, переселить на херсонскую землю, объявить себя помѣщикомъ этого фантастическаго селенія и потомъ обратить его въ наличный капиталъ посредствомъ залога. Для того, чтобы привести въ исполненіе свой замыселъ, Чичиковъ пріѣзжаетъ въ одинъ городъ, гдѣ знакомится съ чиновниками и откуда отправляется по деревнямъ къ помѣщикамъ, съ которыми устрокваетъ сдѣлки по своему предпріятію. Здѣсь выходятъ на сцену помѣщики: Маниловъ, Ноздревъ, Собакевичъ и Плюшкинъ, и помѣщица Коробочка. При Чичиковѣ находятся сверхъ того два лица: лакей Петрушка и кучеръ Селифанъ.

Герой нашего времени.

Романъ: «Герой нашего времени» есть собраніе повѣстей (Бэла, Таманъ, Княжна Мери, Фаталистъ), въ которыхъ одна мысль, и эта мысль выражена въ одномъ главномъ лицѣ (Печоринѣ), около котораго сгруппированы другія лица (Бэла, Макс Максимычъ, Грушницкій, Мери, вушка-контрабандистка, Вуличъ)

Максимъ Максимычъ есть харак чисто-русскаго добряка съ благо ной душой, съ прекраснымъ, чувс тельнымъ сердцемъ, при внѣшней ружной холодности воина. Онъ со нилъ пылкость юноши и вѣру въ измѣнность дружбы, хотя ему в десять лѣтъ. Онъ прчинаетъ исх нее, горячее участіе въ судьбѣ б няго, увлекаемый врожденнымъ ствомъ къ добру. Это — дѣтская ша въ старомъ воинѣ, котораго я протекла въ однообразныхъ заня службой. Его образованіе очень о ничено или, лучше сказать, он получилъ никакого образованія; н практическій умъ вѣрно понимаетъ щи, съ которыми многолѣтній о ставилъ его въ частое соприко веніе

Бедуинъ.

Бенитцкій (Александръ Петров род. 1780, ум. 1809 г., извѣстен многими, но замѣчательными про деніями, которыя обнаружили въ лодомъ авторѣ истинный талантъ. получилъ воспитаніе въ пансіонѣ фессора Шадена, при Московск Университетѣ; потомъ служилъ въ міи, вышелъ въ отставку поручи и до самой кончины своей служил Коммиссіи Составленія Законовъ С.п.б. Въ 1807 г. онъ издалъ «Т или Собраніе разныхъ новыхъ соч ній въ стихахъ и прозѣ, часть 1.» собственныхъ его статей помѣщ здѣсь: Повѣсть «Ибрагимъ или В кодушный», поэма «Комала» (пере стихами изъ Оссіана) и нѣсколько сень. Надобно думать, что онъ п полагалъ издавать подобные сбор постоянно; однакожъ продолжені было. Причиною остановки, вѣро послужило новое предпріятіе: въ

\. Измайловымъ, началъ онъ из- журналъ «Цвѣтникъ», но умеръ бре того же года. Въ Цвѣтникѣ атаны повѣсти его: «На другой «Новый визирь», «Бедуинъ», нѣ- ко рецензій, переводы лиричес- тихотвореній, басень и разныхъ ическихъ статей. Рецензіи и по- сдѣлали имя Бенитцкаго извѣст- въ короткое время и заставили ъ о преждевременной смерти его, енной душевными страданіями. ія обратили на себя вниманіе со- никовъ вѣрностью вкуса и ост- емъ, а вторыя отличаются зани- ьностью нравственной мысли, въ раскрытой.

Мѣдный Всадникъ.

ержаніе разсказа составляетъ ніе наводненія, постигшаго Пер- гъ въ 1824 г. Съ исторіею на- нія, какъ историческаго событія, ла частная исторія любви, сдѣ- йся жертвою происшествія. Ге- ой частной исторіи — Евгеній, ый сошелъ съ ума отъ гибели наго ему существа. Въ припад- безумія ему казалось, что за нимъ ся «Мѣдный Всадникъ»—«Гигантъ онзовомъ конѣ.»

Импровизаторъ.

иненія «князя Владиміра Ѳедо- а Одоевскаго»: 1) Сочиненія, ъ 1844 г., въ 3 ч. «Часть пер- -Русскія ночи (Бригадиръ, Балъ, ель, Насмѣшка мертвеца, По- ее самоубійство, Цецилія, Го- безъ имени, Послѣдній квартетъ вена, Импровизаторъ, Себастіанъ . «Часть вторая»—Домашніе раз- ы (Новый годъ, Черная перчатка, glio, Сильфида, Саламандра: й берегъ Финляндіи въ началѣ стол. и Эльса, Княжна Мими, а Зизи). «Часть третья»: А) Раз- путешественника (Свидѣтель, дѣніе); Б) Опыты разсказа о ихъ и новыхъ преданіяхъ (Иго- ша, Необойденный домъ, Санскритскія преданія, Душа женщины, Живой мертвецъ, Исторія о пѣтухѣ, кошкѣ и лягушкѣ); В) Отрывки изъ пестрыхъ сказокъ (Сказка о томъ, по какому случаю коллежскому совѣтнику Отношенью не удалось въ Свѣтлое Воскресенье поздравить своихъ начальниковъ съ праздникомъ); Сказка о мертвомъ тѣлѣ, неизвѣстно кому принадлежащемъ; Сказка о томъ, какъ опасно дѣвушкамъ ходить по Невскому проспекту; Таже сказка, только наизворотъ; Деревянный гость, или сказка объ очнувшейся куклѣ и господинѣ Кивакелѣ); Г) Смѣсь (Сцена изъ домашней жизни; Хорошее жалованье, приличная квартира, столъ, освѣщеніе и отопленіе (домашняя драма); Письма къ графинѣ Е. П. Р....й о привидѣніяхъ, суевѣрныхъ страхахъ, обманахъ чувствъ, магіи, кабалистикѣ, алхиміи и другихъ таинственныхъ наукахъ; О враждѣ къ просвѣщенію, замѣчаемой въ новѣйшей литературѣ). Сочиненія, написанныя кн. Одоевскимъ послѣ 1844, помѣщены въ разныхъ журналахъ и литературныхъ сборникахъ. 2) Сочиненія для дѣтей: А) Сказки и повѣсти для дѣтей Дѣдушки Ирнея (псевдонимъ кн. Одоевскаго); Б) Сказки для дѣтей: Морозъ Ивановичъ и Городокъ въ табакеркѣ; В) Сборникъ дѣтскихъ пѣсенъ. — Есть статьи его въ «Сельскомъ чтеніи».

Князь Одоевскій началъ свое литературное поприще съ 1824 г. Первыя его сочиненія были повѣсть Эллади и Апологи — родъ поэтическихъ аллегорій, въ которыхъ опредѣлительно высказывалось направленіе авторскаго таланта.

Это направленіе автора, неизмѣнно сохранившееся во всѣхъ произведеніяхъ, должно означить именемъ «дидактическаго». Слово «дидактическій» имѣетъ здѣсь двоякій смыслъ: тѣсный и обширный. Въ тѣсномъ смыслѣ, оно означаетъ, что каждая повѣсть, каждый разсказъ автора имѣютъ цѣлью пре-

имущественно выраженіе «нравственной» идеи, которая должна быть мѣрою нравственнаго достоинства нашего, основаніемъ истинно-человѣческой жизни. Въ обширномъ смыслѣ, она показываетъ, что въ сочиненіяхъ своихъ авторъ главнѣйше стремится къ выраженію «идеи вообще». Каждое поэтическое произведеніе должно быть выраженіемъ идеи, но въ однихъ произведеніяхъ мысль нераздѣльно соединена съ формою, какъ душа съ тѣломъ, тогда какъ въ другихъ форма занимаетъ второстепенное мѣсто, придумывается для мысли, которая выступаетъ ярко и закрываетъ собою созданный для нея образъ. Произведенія перваго рода называются истинно-поэтическими, произведеніямъ втораго рода прилично названіе дидактическихъ. Если въ послѣднихъ, отъ перевѣса мысли надъ формой, теряетъ искуство, то, въ замѣнъ такой потери, выигрываетъ нравственное ихъ значеніе, важность приложенія къ жизни, польза вліянія, производимаго ими на читателей. Притомъ же появленіе тѣхъ или другихъ условливается характеромъ таланта, родовымъ его отличіемъ: одаренный фантазіею творитъ истинно-поэтическія созданія, а писатель, у котораго мыслительность преобладаетъ надъ фантазіей, употребитъ послѣднюю, какъ средство, на служеніе нервой, какъ цѣли.

Сообразно дидактическому направленію, всѣ повѣствовательныя сочиненія кн. Одоевскаго служатъ какъ бы отвѣтами на задачи духовной или вещественной жизни. Они суть оболочки мыслей, какъ результатовъ изслѣдованія природы или человѣка. Предисловіе довольно ясно указываетъ на сущность такой дѣятельности, говоря: «Во всѣ эпохи душа человѣка стремленіемъ необоримой силы невольно, какъ магнитъ къ сѣверу, обращается къ задачамъ, коихъ разрѣшеніе скрывается во глубинѣ таинственныхъ стихій, образующихъ и связующихъ жизнь духовную и вещественную; ничто не остаётся сего стремленія: ни жи печали и радости, ни мятежна ятельность, ни смиренное созер сіе стремленіе столь постоянн иногда, кажется, оно прекр независимо отъ воли человѣка, и но физическимъ отправленіямъ; ходятъ столѣтія, все поглоп временемъ: понятія, нравы, при направленіе, образъ дѣйствова прошедшая жизнь тонетъ въ не гаемой глубинѣ, а чудная з всплываетъ надъ утопшимъ ми послѣ долгой борьбы сомнѣній смѣшекъ—новое поколѣніе, по прежнему, имъ осмѣянному, испы глубину тѣхъ же таинственныхъ с теченіе вѣковъ разнообразитъ ихъ, измѣняетъ и понятіе объ о но не измѣняетъ ни ихъ сущест ихъ образа дѣйствія; вѣчно вѣчно мощныя, онѣ постоянно бываютъ въ первозданной своей ственности, и ихъ дивная га внятно слышится посреди бурь, часто возмущающихъ сердце вѣка. Для объясненія смысла великихъ дѣятелей, естествоис тель вопрошаетъ произведенія ственнаго міра, сіи символы ственной жизни, историкъ — символы, внесенные въ лѣтопис родовъ, поэтъ—живые символы своей».

Изъ этихъ словъ видно, что вопрошаетъ живые символы своей для объясненія смысла кихъ дѣятелей, которые суть т венныя стихіи, образующія и св щія жизнь духовную и жизнь ве венную».

Далѣе предисловіе говоритъ способы изслѣдованія, точка з пріемы могутъ быть разнообразн безконечности: въ естествознан ни принимаютъ всю природу, во ея общности, за предметъ с изслѣдованій, другіе—гармон

ніе одного отдѣльнаго орга-
ь которомъ, какъ въ символѣ
енной жизни, проявляется дѣй-
ственныхъ стихій, и которое,
ожетъ вести къ большему или
у объясненію ихъ смысла).—
ріи встрѣчаются своего рода
ы,—лица вполнѣ символиче-
орыхъ жизнь есть внутренняя
данной эпохи всего человѣ-
встрѣчаются происшествія,
которыхъ можетъ означить,
стной точкѣ зрѣнія, путь прой-
человѣчествомъ по тому или
направленію. Не все доска-
мертвою буквою лѣтописца,
мысль, не всякая жизнь до-
полнаго развитія, какъ не
стеніе достигаетъ до степе-
и плода; но возможность сего
тѣмъ не уничтожается: уми-
сторіи, оно воскресаетъ въ
У поэта, въ глубинѣ внут-
изни, есть свои символичес-
и событія, которыя или сов-
съ историческими символами,
няютъ ихъ, потому что для
ея вдохновенномъ состояніи,
указанія вѣрнѣйшія, нежа-
ьныхъ хартіяхъ всего міра.—
ача поэзіи—представить въ
развитіи жизнь лицъ истори-
символическихъ, и посред-
кого представленія прозрѣть
енную исторію данной эпохи
овѣчества, разгадать путь,
ый послѣднимъ по тому или
направленію. Какъ историче-
олы, живущіе неполною жиз-
сномъ мірѣ планеты, такъ и
поэтическіе, живущіе жизнью
ною, въ безконечномъ цар-
а, хранятъ внутри себя подъ
ми покровами завѣтную тай-
ъ быть недосягаемую для
въ сей жизни, но къ которой
олено приближаться. — Не
дожника, если подъ однимъ
онъ находитъ еще другой
по той же причинѣ, почему
вы не обвините химика, зачѣмъ онъ съ перваго раза не открылъ самыхъ простыхъ, но и самыхъ отдаленныхъ стихій вещества имъ изслѣдуемаго. Древняя надпись на статуѣ Изиды: «никто еще не видалъ лица моего», донынѣ не потеряла своего значенія во всѣхъ отрасляхъ человѣческой дѣятельности.

И такъ обязанность поэзіи—приближаться по возможности къ завѣтной тайнѣ, снимать постепенно различные покровы съ лица Изиды. Это лице богини, эта завѣтная тайна—«таинственныя стихіи, образующія и связующія жизнь духовную и жизнь вещественную».

Дидактическимъ направленіемъ сочиненій кн. Одоевскаго объясняется, съ одной стороны, малое вниманіе къ нимъ большинства читающей публики, съ другой—сочувствіе къ нимъ извѣстнаго класса читателей. Для тѣхъ которые ищутъ преимущественно сказки, сочиненія кн. Одоевскаго не могли представить удовлетворительнаго чтенія: авторъ имѣлъ право сказать имъ тоже, что сказалъ онъ въ письмѣ къ графинѣ Р....ой: «повѣсти не по моей части». Его часть—идеи. Сверхъ того мысли, лежащія въ основаніи его повѣстей, такъ значительны, такъ тѣсно связаны съ многостороннимъ содержаніемъ наукъ, что безъ основательныхъ научныхъ свѣдѣній не льзя и воспринять ихъ. Но тѣ, для которыхъ не столько важно сказанное, сколько смыслъ и цѣль сказаннаго, находили и находятъ въ его произведеніяхъ обильную пищу любознательности. Будучи сами плодомъ внутренняго развитія автора, эти произведенія оказываютъ значительное вліяніе при внутреннемъ развитіи людей мыслящихъ, для которыхъ мысль есть дѣло жизни. Вотъ почему кн. Одоевскій занимаетъ одно изъ почетнѣйшихъ мѣстъ въ исторіи русской литературы.

Дидактизмъ, какъ главный характеръ сочиненій кн. Одоевскаго, имѣетъ

у него свои отличительныя свойства, которыя нужно опредѣлить:

Во первыхъ, многія повѣсти его исполнены «фантастическаго», которое, однакожъ, большею частію служитъ только средствомъ представленія, а не основаніемъ разсказа. Авторъ вводитъ его какъ стихію служебную: главнымъ элементомъ остается дѣйствительно существующее, разумная жизнь, подлежащая извѣстнымъ законамъ. Слово «фантастическій» принимается въ двухъ значеніяхъ. Въ обширномъ смыслѣ, разумѣютъ подъ нимъ каждое поэтическое произведеніе, потому что поэтъ творитъ изящное силою фантазіи. Но фантазія, при всей своей свободѣ, не имѣетъ права нарушать законы дѣйствительнаго міра: созданія ея должны отличаться правдоподобіемъ и возможностію. Правдоподобіе созданій состоитъ въ согласіи ихъ съ дѣйствительностію вообще, т. е. съ родовымъ понятіемъ изображеннаго предмета, а возможность—въ согласіи ихъ съ законами вещественнаго и духовнаго міра, и въ согласіи представленнаго съ самимъ собою. Идеалы не противорѣчатъ истинѣ, но все частное, временное и мѣстное, возвышаютъ до всеобщаго; воспроизводя жизнь, поэтъ просвѣтляетъ и очищаетъ ее отъ всего случайнаго, усвоиваетъ ей характеръ идеальности и необходимости. Другое значеніе фантастическаго — болѣе ограниченное. Иногда творческая способность, забывая требованія разума и законы природы, создаетъ такіе образы, которыхъ нельзя отыскать въ дѣйствительной жизни. Подобныя созданія, отступающія отъ естественнаго порядка вещей, извѣстны подъ именемъ фантастическихъ въ тѣсномъ смыслѣ. Сюда принадлежатъ произведенія народной поэзіи (сказки), въ которой дѣйствуетъ фантазія, неумѣряемая силою сознательнаго разума; *сюда же принадлежатъ и многія произведенія образованной литературы, которая или воспроизводитъ соз* народной фантазіей, или, для и ныхъ цѣлей, создаетъ чисто-фан ческіе образы, или, наконецъ, т особенный, въ самомъ себѣ зам міръ фантазіи, покоряясь врож наклонности автора. У Нѣмцевъ ненія Гофмана, у насъ нѣкотор вѣсти Одоевскаго, Носъ (Го Двойникъ (Погорѣльскаго) и др надлежатъ къ произведеніямъ тастическимъ, въ тѣсномъ смыс. го слова.

Во вторыхъ, содержаніе, иног лекаемое въ фантастическій по взято изъ національной дѣйстви ности, находится въ близкомъ вомъ соотношеніи къ обществу вѣсти кн. Одоевскаго — не праздной мечты, не вымыш. картины небывалыхъ достоинст недостатковъ человѣка, а ко жизни дѣйствительной—копія, р шиваемая нерѣдко причудливы разами фантазіи.

Въ третьихъ, многія піесы п нуты юморомъ, который придае характеръ положительности, сос какъ бы противувѣсіе фантасти му элементу.

Въ четвертыхъ, нравственная дидактизма чрезвычайно возвыш и благородная: это возбужденіе къ истиннымъ, внутреннимъ дос ствамъ нашей природы, чтобы тель, подобно Теону (въ піесѣ ковскаго: Теонъ и Эсхинъ), восх ся душою при мысли, что «онъ вѣкъ»; внушеніе отвращенія къ что унижаетъ нравственное дос ство разумнаго существа.

Въ пятыхъ, важности назна внушеннаго искреннимъ стремл къ истинѣ во всѣхъ сферахъ (чувствахъ, мысляхъ и дѣлахъ) отвѣтствуетъ языкъ, отличаю страстнымъ одушевленіемъ, пос скимъ краснорѣчіемъ. Кто вдохно любовью къ добру, кто знаетъ жизнь умомъ и сердцемъ есть

нно—человѣческая жизнь, того и
ь будетъ вдохновенна. Это красно-
ѣе, внушаемое важностью нравст-
ыхъ цѣлей, эти поэтическіе обра-
облекающіе дидактизмъ, это фан-
тическое, лежащее на существен-
ъ основаніи, придаютъ сочиненіямъ
Одоевскаго особенный характеръ,
тавляютъ изъ нихъ какъ бы сред-
родъ между краснорѣчіемъ и
зіей.

Однородныя по главному направле-
, сочиненія кн. Одоевскаго одна-
ъ представляютъ нѣсколько видовъ.
Лучшія повѣсти, въ которыхъ опре-
лительно высказывается существ-
ный талантъ автора, суть: «Брига-
ръ, Балъ и Насмѣшка мертвеца». Къ
му же роду относятся: «Городъ безъ
ня, Новый годъ, Черная перчатка,
вой мертвецъ и Отрывки изъ пест-
хъ сказокъ».

Второй рядъ повѣстей, развиваю-
хъ какую-нибудь психологическую
ль или взглядъ на искуство и ху-
ника, образуютъ піесы: *Opere del
eliere Giambatista Piranesi*, Послѣд-
квартетъ Бетховена, Импровиза-
ръ, Себастіанъ Бахъ.

Къ повѣстямъ собственно, освобож-
нымъ отъ примѣси фантастическа-
принадлежатъ: Свидѣтель, Княж-
Зизи, Княжна Мими.

Въ отдѣлъ піесъ собственно-фан-
тическихъ входятъ: Сильфида, Са-
мандра, Игоша, Необойденный домъ,
видѣніе, и др. Какъ въ дидакти-
комъ и юмористическомъ направ-
ніи автора отразилось вліяніе Ж. П.
тера, такъ повѣсти, изображающія
ъ художествѣ художниковъ, собс-
енно-фантастическія піесы, напи-
ы подъ вліяніемъ Гофмана, который
полною сознательностью расс-
лъ мрачную сторону элементовъ
антической поэзіи, внесъ темныя
ы въ повседневную человѣческую
нь. Надобно замѣтить, что кн.
евскій, основательно знакомый съ
ецкою литературой, не могъ не
подражать великимъ ея талантамъ,
господствовавшимъ извѣстное время
въ поэзіи. Притомъ не должно смот-
рѣть на его фантастическія произве-
денія, какъ только на причуды не-
обузданной мечты; напротивъ, они яви-
лись въ слѣдствіе сознательной, ра-
зумной цѣли. Вотъ что говоритъ онъ
въ письмѣ къ гр. Р....ой: «Я долженъ
признаться, что этотъ предметъ («источ-
никъ, изъ котораго берутся страш-
ныя повѣсти») издавна обращалъ на
себя все мое вниманіе: къ нему при-
влекла меня не одна поэтическая его
сторона; мнѣ казалось, что подъ всѣ-
ми баснословными разсказами о стра-
шилищахъ разнаго рода скрывается
рядъ естественныхъ явленій, донынѣ
не вполнѣ изслѣдованныхъ, и причины
которыхъ частію находятся въ самомъ
человѣкѣ, частію въ окружающихъ
насъ предметахъ.... Я хочу объяснить
всѣ эти страшныя явленія, подвести
ихъ подъ общіе законы природы, со-
дѣйствовать истребленію суевѣрныхъ
страховъ».—Отсюда видно, что писа-
тель, увлекаясь поэтической сторо-
ной такъ называемаго сверхъ-есте-
ственнаго, можетъ воспроизводить ее.
Объяснены ли баснословные разсказы
естественными причинами, или еще не
наступила пора объясненія,—все рав-
но: поэтическій интересъ сохраняется
въ равной мѣрѣ. Кромѣ того, авторъ
можетъ вводить фантастическое и не
ради только поэзіи, но по отношенію
его къ дѣйствующимъ лицамъ, или какъ
средство, служащее предположенной
цѣли. Лишь тѣ писатели подлежатъ
обвиненію, которыхъ интересуетъ фан-
тастическое само по себѣ, отрѣшенное
отъ разумнаго на него воззрѣнія или
отъ поэтической его прелести.

Вліяніе Гофмана сказалось и въ фор-
мѣ первой части его сочиненій, кото-
рую авторъ назвалъ «Русскими ночами». Подобно «Серапіоновымъ братьямъ» (соч. Гофмана), у него нѣсколько молодыхъ людей бесѣдуютъ по ночамъ о жизни, наукѣ, искуствѣ и

другихъ предметахъ, такъ что піесы читаются Фаустомъ (предсѣдателемъ русскихъ ночей) изъ одной рукописи по поводу разговоровъ его съ друзьями. Эти разговоры заключаются эпилогомъ. Замѣтимъ, что если разсказы не всегда крѣпко вяжутся съ разговорами и если послѣдніе охлаждаютъ нѣсколько впечатлѣніе первыхъ, то введеніе формы достаточно объяснено самимъ авторомъ въ предисловіи: «авторъ почиталъ возможнымъ существованіе такой драмы, которой предметомъ была бы не участь одного человѣка, но участь общаго всему человѣчеству ощущенія, проявляющагося разнообразно въ символическихъ лицахъ; словомъ, такой драмы, гдѣ бы не рѣчь, подчиненная минутнымъ впечатлѣніямъ, но цѣлая жизнь одного лица служила бы вопросомъ или отвѣтомъ на жизнь другаго».

Въ Импровизаторѣ развита мысль о безплодности и вредѣ знанія, пріобрѣтеннаго безъ труда и усилій, какъ источникѣ самаго пошлаго и мучительнаго скептицизма, результатомъ котораго всегда бываетъ искреннее примиреніе съ пошлостью жизни.

Нѣчто о Василіи Ивановичѣ.

1) Сочиненія «графа Владиміра Александровича Сологуба»: 1) На сонъ грядущій, 2 ч. (повѣсти и разсказы); 2) Тарантасъ; 3) Нѣсколько повѣстей (Двѣ минуты, Княгиня, Воспитанница, Собачка, и др.) помѣщены въ журналѣ: Отеч. Зап.. и въ двухъ книжкахъ сборника: Вчера и Сегодня; 4) Театральныя піесы: Мѣстничество, драма въ 5 д. (въ Литер. Сборникѣ, изд. при журн. Современникъ, 1849), Цвѣтобѣсіе, или петербургскіе букеты (шутка въ 1 д.), Бѣда отъ нѣжнаго сердца, Сотрудники (водевили).

2) Первое произведеніе гр. Сологуба: Исторія двухъ калошъ, явилась въ 1839 г. и имѣло большой заслуженный успѣхъ. Другія повѣсти, обратившія на себя вниманіе публики, были: Аптекарша (лучшая изъ е вѣстей), Большой свѣтъ, Левъ, вѣдь, Приключеніе на желѣзной гѣ, и проч. За ними слѣдовалъ ' тасъ (1845 г.). Послѣ Таранта Сологубъ написалъ только двѣ сти: Княгиня и Старушка (некончи

Повѣсти гр. Сологуба имѣют отличительные признаки—внут и внѣшніе.

Первый внутренній признакъ- ное чувство дѣйствительности, к преимущественно берется изъ вн общества, изъ такъ называемаг шаго свѣта. Событія и характер бражаемые авторомъ, возможны ствительно существуютъ; они - ный списокъ съ того, что есть мечты о жизни, созданныя фант

Второй признакъ—наблюдат умъ. Эта наблюдательность не кается въ глубину человѣческой роды и общества, не раскрывае кровенныхъ для большинства и для генія внутреннихъ свойствъ но вѣрно замѣчаетъ преимущес внѣшнюю сторону жизни, подро обыкновеннаго быта. Характеры стей его—силуэты, очерки, а н ное воспроизведеніе личности в внутренней, такъ и съ внѣшней ны. Это обыкновенныя явленія о венной жизни, «отрывки изъ всед жизни», какъ самъ авторъ назва повѣсти. Искуство повѣствовате стоитъ здѣсь въ вѣрномъ и занп номъ изображеніи вседневнаго, н собности замѣчать мелкія черт торыя исчезаютъ для человѣка блюдательнаго. На эту простоту искуственность событій, слу основаніемъ разсказовъ, указ самъ авторъ, говоря, что повѣс «не являетъ никакихъ неожи стей, не изобилуетъ событіям трепещетъ впечатлѣніями» Но цательныя черты, признанныя ромъ, не скрываютъ положите достоинствъ его повѣстей, вѣ дѣйствительности, полныхъ ж

й свѣжести и современнаго интереса.

Третій признакъ—непритворное остроуміе, легкая иронія, благородный юморъ, отъ котораго сердцу и больно и весело. Сатира гр. Сологуба не принадлежитъ къ сатирамъ обличительнымъ, негодующимъ, желчнымъ: она—веселая шутка, иногда колкая и даже язвительная, но всегда умѣряемая какимъ-то приличіемъ общежитія, напоминающая тонъ избраннаго общества. Источникъ иронія автора заключается въ чувствѣ душевной пустоты, которую онъ выноситъ изъ пустой жизни круга, имъ преимущественно изображаемаго, и которая составляетъ нравственное значеніе многихъ его повѣстей. Эта жизнь не удовлетворяетъ автора, разочаровываетъ его, и онъ, обращаясь къ другимъ противуположнымъ предметамъ, или находя въ самомъ себѣ образъ другой, высшей жизни, выражаетъ свою мысль то острой шуткой, то искреннею теплотою чувства. Разочарованіе автора, какъ плодъ житейской опытности, не уничтожаетъ въ немъ любви и уваженія къ красотѣ истинной жизни.

Хотя авторъ обращается преимущественно къ изображенію высшаго круга свѣтской жизни, однакожъ онъ не ограничивается картинами только этого круга. Такъ въ «Трехъ женихахъ» представилъ онъ провинцію; въ «Аптекаршѣ» — жизнь студентовъ и Нѣмцевъ; въ «Исторіи двухъ калошъ»—кругъ петербургскихъ ремесленныхъ Нѣмцевъ, въ «Тарантасѣ»—помѣщика.

Внѣшній признакъ заключается въ формѣ разсказа, языкѣ. На немъ лежитъ отпечатокъ утонченнаго общежитія: онъ есть плодъ высшаго общества, къ которому принадлежитъ авторъ. Вкусъ и приличіе, благородная простота и свобода, отсутствіе всякаго жеманства и вычурности — вотъ отличительныя наружныя свойства повѣстей гр. Сологуба. Вліянію же большаго свѣта надобно приписать и главныя внутреннія ихъ черты: такъ наблюдательный умъ пріобрѣтаетъ въ свѣтѣ тонкость, способную замѣчать мелкія подробности обыкновенной жизни, а врожденная склонность къ ироніи умѣряетъ свою ѣдкость и желчные порывы, облекаетъ ее въ приличныя формы (См. Москвитянинъ, 1841, № 5, статью г-на Шевырева, и статьи о повѣстяхъ гр. Сологуба въ другихъ журналахъ).

Сочиненіе Тарантасъ, изъ котораго заимствованъ отрывокъ о Василіи Ивановичѣ, представляетъ умный анализъ современнаго общества, ясное изображеніе двухъ воззрѣній на жизнь, равно ограниченныхъ, односторонніхъ. Эти воззрѣнія принадлежатъ двумъ дѣйствующимъ лицамъ: Василію Ивановичу и Ивану Васильевичу. Оба они русскіе, — но первый произведеніе самородное, явленіе жизни, непросвѣтленной сознаніемъ, а второй—оторванный иностраннымъ воспитаніемъ и образомъ жизни отъ русской дѣйствительности.

Илья Муромецъ и Соловей Разбойникъ.

Сочиненія «Владиміра Ивановича Даля» (псевдонимъ его: «Казакъ Луганскій») слѣдующія: 1) Солдатскіе досуги, 1843. 2) Повѣсти, сказки и разсказы, 1846, въ 4 ч. «Часть первая»—Бѣдовикъ, Цыганка, Колбасники и Бородачи, Майна, Сказка о нуждѣ, о счастіи и о правдѣ, Вѣдьма, украинская сказка). «Часть вторая» — Расплохъ, Хмѣль, сонъ и явь, Мичманъ Поцѣлуевъ, Жизнь человѣка, Сказка про жида вороватаго, про цыгана бородатаго, Болгарка, Подолянка, Емеля Дурачекъ, Иванъ Лапотникъ, Сказка о Георгіи храбромъ и о Волкѣ. «Часть третья» — Савелій Грабъ или Двойникъ, Чайкинъ, Сказка о ворѣ и бурой коровѣ, Сказка о Милонѣгѣ Бѣлоручкѣ, Сказка о строевой дочери и о коровушкѣ буренушкѣ, Бикей и Мауляна.

«Часть четвертая» — Илья Муромецъ, Ночь на распутьѣ, Уральскій козакъ, Петербургскій дворникъ, Деньщикъ, Чухонцы въ Питерѣ, Какъ себѣ живутъ Василій Васильевичъ съ Марьей Васильевной, и др.; Притчи и присказки. 3) Сочиненія, написанныя послѣ 1846, напр.: Картины русскаго быта и др., помѣщены въ разныхъ журналахъ: Отеч. Запис., Современникѣ и Москвитянинѣ; сверхъ того онъ готовитъ къ изданію описаніе житейскаго быта русскаго народа. 4) Матросскіе досуги, 1853.

Даль принадлежитъ къ числу тѣхъ, которые съ любовью и сознательностію дѣйствуютъ на поприщѣ изслѣдованія и представленія народнаго быта. Едва-ли кому изъ нашихъ писателей такъ извѣстенъ Русскій человѣкъ со всѣхъ сторонъ своихъ, какъ Далю, приобрѣтшему въ литературѣ почетное мѣсто подъ псевдонимомъ Казака Луганскаго. Труды его на этомъ поприщѣ двоякіе: трудъ изыскателя, который собираетъ все относящееся къ народному быту, и трудъ беллетриста, который въ повѣстяхъ и разсказахъ представляетъ картины народной жизни. Направленіе его въ первомъ родѣ трудовъ отличается отъ направленія прочихъ изслѣдователей въ томъ же родѣ тѣмъ, что онъ не занимается старинной, бытомъ прошлымъ, ни изслѣдованіями учеными, а ограничилъ изысканія свои настоящимъ, устремивъ силы и средства на собраніе и сводъ того, что нынѣ составляетъ бытъ русскаго народа. Замѣтки этого рода началъ собирать Даль еще съ 1819 г., когда, окончивъ курсъ ученія въ Морскомъ кадетскомъ корпусѣ, онъ ѣхалъ на службу въ Черноморскій флотъ. Съ тѣхъ поръ не много прошло такихъ дней, въ которые онъ не записалъ бы чего нибудь въ свою записную книжку. Народныхъ сказокъ, т. е. записанныхъ со словъ народа, у него собрано болѣе четырехъ тысячъ: *пословицъ*, не считая поговорокъ, болѣе десяти тысячъ; сверхъ того, у него есть значительное собраніе словарей мѣстныхъ нарѣчій, описаній разныхъ празднествъ, обрядовъ, повѣрій, суевѣрій, и проч. Желая издать по возможности полную этнографію, или описаніе русскаго быта, онъ, въ 1847 г., отнесся ко всѣмъ читающимъ съ просьбой помочь ему въ общемъ дѣлѣ, присылать къ нему сказки, пословицы, слова — короче, извѣстія обо всемъ касающемся предпринятаго имъ дѣла, т. е. описанія русскаго быта.

Какъ беллетристъ, Даль извѣстенъ своими повѣстями, сказками и разсказами. Беллетристомъ называется писатель, занимающій средину между дидактикомъ и художникомъ; онъ излагаетъ свои мысли ни въ чисто-художественной, ни въ чисто-дидактической формѣ; оба эти элемента сходятся въ его произведеніяхъ. Отличительное свойство беллетрическихъ произведеній Даля состоитъ въ томъ, что они выражаютъ русскаго человѣка, русскій бытъ, короче — міръ русскій жизни: Даль — писатель «народный». Онъ изображаетъ жизнь простаго русскаго человѣка, крестьянина, мужика—вотъ сфера его литературной дѣятельности, чрезвычайно важной и по ея сущности и по таланту дѣятеля. Но одного таланта, какъ-бы онъ ни былъ силенъ и самобытенъ, мало для успѣховъ въ такой сферѣ: необходимы еще для этого любовь и сознаніе. Даль владѣетъ и тѣмъ и другимъ. Онъ любитъ простаго русскаго человѣка и знаетъ его. Онъ познакомился съ нимъ практически, на самомъ дѣлѣ, въ теченіе своей разнообразной жизни. Любовь его не одно только врожденное чувство, которое влечетъ насъ къ предмету безъ сознанія, не слѣдствіе отвлеченнаго долга, который заставляетъ насъ любить другихъ: оно — чувство сознательное и дѣятельное. Если по чувству врожденной любви къ родному, отъ истинно-Русскій, то

о сознанія онъ какъ бы вторично
ь Русскимъ, вновь проникнулся
остью своего народа—проникно-
мъ разумнымъ. Любовь увеличи-
въ немъ охоту узнавать люби-
а сознаніе болѣе увеличивало
вь. Даль можетъ сказать о себѣ
ѣдливо: я знаю Русь. Нѣкоторые
ашихъ писателей пользовались
да названіемъ народныхъ потому
о, что говорили языкомъ просто-
рода и поддѣлывались подъ рус-
ну тки; но одинъ языкъ и бала-
во не составляютъ еще цѣлой
простонародія: она образуется
браза мыслей, чувствъ и дѣлъ.
умѣетъ выражать взглядъ на
и дѣятельность выбраннаго имъ
ета. Это выраженіе—плодъ та-
, любви и сознанія—поразитель-
оею вѣрностью, согласіемъ съ
вительностью. Еслибъ простой
ій человѣкъ могъ прочесть со-
ія Даля, онъ увидалъ бы тотчасъ,
зображеніе его написано «безъ
а». Всѣ главныя отличія простаго
аго человѣка перешли въ его
язъ: смышленность, игривое ост-
е, добродушіе и наивность, вмѣс-
понятливостью своихъ отноше-
другимъ. Языкъ въ его сочине-
чисто русскій, представляющій
тельное богатство народныхъ
вицъ, поговорокъ и оборотовъ.
а онъ небреженъ и не легокъ,
гда метко, живо и ладно выра-
мысль. Даль, зная цѣну своего
тва, любитъ по временамъ его
ать и щегольнуть имъ, почему
ни его можно иногда замѣтить
е обиліе поговорокъ и прибa-
, кудрявыя словечки, фразы съ
онъ; но избытокъ дара не есть
атокъ: легко сократить многое,
увеличить малое. Это «доско-
е» знакомство Даля съ народною
есть не только слѣдствіе про-
аблюдательности, но и дѣло
ельнаго наблюденія: онъ знаетъ,
клоняется иногда книжный языкъ
отъ коренныхъ стихій роднаго слова,
и въ статьѣ своей: «Полтора слова о
русскомъ языкѣ» предлагаетъ лекар-
ство отъ болѣзни (см. примѣч. къ 1-й
ч., о Карамзинѣ).

Сочиненія Даля можно раздѣлить на
три разряда: «русскія народныя сказ-
ки, повѣсти и разсказы, и физіологи-
ческіе очерки».

При настоящемъ понятіи о памятни-
кахъ народной словесности, требуется
или вѣрное сохраненіе ихъ во всей
подлинности, или художественное ихъ
воспроизведеніе, или, наконецъ, соб-
ственное художественное созданіе,
но только въ совершенно-народномъ
духѣ. Даль, замѣтимъ мы выше, не
художникъ, слѣдов. двухъ послѣд-
нихъ требованій онъ не могъ исполнить; не видимъ также у него просто-
го списыванія сказокъ, какъ онѣ хо-
дятъ въ народѣ: онъ измѣняетъ ихъ,
дѣлаетъ къ нимъ прибавленія. Хотя
такого рода дѣятельность противорѣ-
читъ современнымъ требованіямъ,
однакожъ это противорѣчіе оправды-
вается тѣмъ, что авторъ внесъ въ пре-
образованныя или имъ самимъ сочи-
ненныя сказки истинно-русскій складъ
ума, истинно-русскій языкъ.

Изъ повѣстей лучшія: «Хмѣль, сонъ
и явь, Вакхъ Сидоровъ Чайкинъ, Не-
бывалое въ быломъ, Павелъ Алексѣе-
вичъ Игривый», и др. По отсутствію
художественнаго таланта, большія
повѣсти не всегда удаются автору:
связать и распутать узелъ, предста-
вить игру страстей, развить цѣлый ха-
рактеръ—не его дѣло. Но гдѣ основа
простѣе, малосложнѣе, меньше запу-
тана, тамъ повѣсть и малые разсказы
всегда занимательны драгоцѣнными
чертами русскаго быта, русскихъ нра-
вовъ. Авторъ, хорошо знакомый почти
со всѣми концами Россіи, сообщаетъ
въ формѣ разсказовъ такія о ней свѣ-
дѣнія, которыя не всегда пріобрѣтешь
и изъ ученыхъ спеціальныхъ описаній.
Справедливо называютъ его человѣ-
комъ «бывалымъ». Онъ участвовалъ въ

польской компаніи и въ хивинской экспедиціи, былъ въ Молдавіи, Валахіи, Бессарабіи, знаетъ Малороссію, Новороссію, Крымъ.... Изучивъ въ собственныхъ походахъ и наблюденіяхъ статистику русскаго народа, онъ передаетъ ее въ своихъ повѣствованіяхъ. Такъ въ разсказахъ «Майна, и Бикей и Мауляна», онъ знакомитъ читателей съ нравами и бытомъ Кайсаковъ, въ «Цыганкѣ»—съ молдавскимъ бытомъ и положеніемъ Цыганъ въ Молдавіи, въ «Болгаркѣ»—съ нравами болгарскаго племени, въ «Картинахъ русскаго быта»—съ бытомъ Россіи.

Торжество таланта Даля въ такъ называемыхъ физіологическихъ очеркахъ («Дворникъ, Деньщики, Колбасники и Бородачи», и проч.). Подъ физіологическимъ очеркомъ разумѣется снятое съ натуры описаніе внутреннихъ и внѣшнихъ свойствъ какого-нибудь лица, но такое описаніе, которое, вѣрно изображая лице, въ тожѐ время изображаетъ цѣлое сословіе. Въ такомъ видѣ изображенный предметъ становится типомъ, т. е. представителемъ общаго въ особенномъ. Онъ соединяетъ въ себѣ индивидуальный и родовой характеръ. Разумѣется, физіологическій очеркъ не есть чисто-дидактическое описаніе: въ него входитъ значительною, а иногд и преимущественною, частію разсказъ. Для такихъ очерковъ, каковы указанные выше, мало наблюдательности и таланта: нужно еще своего рода творчество.

Кощей Безсмертный.

1) Сочиненія «Вельтмана» (Александра Ѳомича) слѣдующія: Бѣглецъ, повѣсть въ стихахъ, 1831 (2-е изд. 1834); Странникъ, 3 ч. 1831 (2-е изд. 1840); Кощей безсмертный, былина стараго времени, 3 ч., 1833; Рукопись Мартына Задеки, или 3448 годъ, 3 ч., 1833; Муромскіе лѣса, повѣсть въ стихахъ, 1834; Лунатикъ, случай, 2 ч. 1834; Свѣтославичъ вражій питомецъ, 2 ч. 1835; Александръ ...повичъ Македонскій, 2 ч., 183... вѣсти, 1836; Виргинія или поѣз... Россію, 2 ч., 1837; Сердце и ... приключеніе, 4 ч., 1838; Ге... Каломеросъ, 2 ч., 1840; Ра... Холмоградскій, въ 5 ч. или ак... 1841; Повѣсти, 1843; Новый ... или превращенія, 4 ч., 1845; Т... и Ангелица, повѣсть, разска... свѣтлой денницей ясному мѣся... стихахъ, 1846; Приключенія, по... нутыя изъ моря жетейскаго. Са... 1849; Чудодѣй, 1849 и 1850 (н... ченъ). — Кромѣ того есть сочи... относящіяся къ исторіи или описа... древностей: Достопамятности Мо... скаго Кремля, Оружейная Пал... Господинѣ Новгородѣ Великомъ (... мо, 1834), Пѣснь ополченію ... Святославича, князя новгородъ-с... скаго (переводъ съ древне-рус... языка XII стол.), 1833. Многія ... помѣщены въ журналахъ и сборн...

2) Талантъ Вельтмана есть та... самобытный и оригинальный, кот... трудно подражать. Неотъемлем... достоинства: сила фантазіи, ко... у него больше, нежели у многихъ... гихъ повѣствователей (почем... имѣетъ болѣе правъ на званіе п... вѣрное наблюденіе дѣйствитель... остроуміе. Онъ мастерски подм... явленія жизни, смѣло и рѣзко из... жаетъ ихъ; въ каждомъ его р... находятся поэтическія частност... нимательныя подробности, блес... очерки характеровъ, сцены не... художественныя.

Но этому самобытному, нст... поэтическому таланту вредятъ... имущественно два предмета: п... заключается въ сущности его фан... второй—въ идеяхъ, которыя онъ... водитъ въ своихъ произведе... Фантазія г. Вельтмана не рѣдко п... ляетъ себѣ странности и причуды... у ней художественнаго такта, ко... бы указывалъ ей границы; ст... къ оригинальности переходитъ...

сто въ оригинальничанье, можетъ
ть, безсознательно для нея самой;
рѣзкія прихоти становятся непріят-
ими однообразными пріемами, кото-
ими пользуется романистъ въ каж-
имъ изъ своихъ сочиненій. Отсюда
оисходитъ, что романы г. Вельтмана,
редставляя поэтическія мѣста, не
редставляютъ художественно-цѣла-
. Эти поэтическія частности, увлек-
и вниманіе читателя, смѣняются дру-
ими, исполненными изысканности и
ранности, разрушающими произве-
енное очарованіе. Отсюда происхо-
итъ, что характеры, изображаемые
ельтманомъ, суть только яркіе очер-
, а не полное воспроизведеніе жиз-
енныхъ явленій, не глубокій анализъ
удожника—психолога.—Второй не-
остатокъ относится къ идеѣ романовъ:
то—внесеніе въ область искуства то-
о, что не принадлежитъ къ искуству.
Авторъ въ романы свои вноситъ фило-
офическія и историческія мысли, недо-
тупныя никому, кромѣ его самого: эти
ысли служатъ у него насильствен-
ыми основами явленій, и какъ все
асильственное, непріятно дѣйствуютъ
а чувство. Искуство должно быть
удожественнымъ воспроизведеніемъ
изни, но никогда не должно доказы-
ать какія-либо положенія, предостав-
яя эту обязанность наукѣ. Дѣло
скуства — представленіе дѣйстви-
ельности въ живыхъ образахъ, а не
огматическія попытки провести ка-
ое-нибудь оригинальное мнѣніе, тѣмъ
ольше, что оригинальныя мнѣнія
имѣютъ цѣну только тогда, когда они
оказаны, когда ихъ оригинальность
е противорѣчитъ истинѣ. Поэзія мо-
етъ, конечно, принимать дидактиче-
кое направленіе, служа средствомъ
ля того, чтобъ познакомить читате-
ей съ извѣстными идеями (какъ мы и
идимъ въ сочиненіяхъ кн. Одоевска-
о), но въ такомъ случаѣ необходи-
о, чтобъ эти идеи имѣли разумное
основаніе, не противорѣчили положи-
ельнымъ пріобрѣтеніямъ науки. Ес-
лижъ онѣ отличаются особенностію,
состоящею въ разладѣ съ общепри-
нятымъ основательнымъ мнѣніемъ,
если онѣ исключительно принадлежатъ
автору, тогда внесеніе ихъ въ сферу
искуства непремѣнно вредитъ искуст-
ву. Такую особенность идей, такой
исключительный взглядъ находимъ въ
романахъ г. Вельтмана. Его личныя
воззрѣнія, ничѣмъ не оправдываемыя,
поражаютъ своею рѣзкою странностью.
Мастерски изображенныя явленія и
характеры лежатъ на основѣ, не при-
знаваемой наукой, связь событій под-
чинена закону случайности и проти-
ворѣчитъ разумному закону жизни.
Страсть г. Вельтмана къ фантастиче-
скому, которая прежде искала себѣ
пищи въ народныхъ повѣрьяхъ, «пре-
даньяхъ старины глубокой», (на пр.
въ романѣ: Кощей безсмертный), об-
ратилась наконецъ къ дѣйствитель-
ности и захотѣла ее передѣлывать
по своему. Но фантастическое умѣст-
но въ мірѣ сказочномъ и служитъ да-
же явнымъ докательствомъ сильнаго
таланта, безъ котораго подобныя со-
зданія выйдутъ уродливыми, тогда
какъ въ романѣ или повѣсти, гдѣ
представляется жизнь дѣйствительная,
отсутствіе поэтическаго таланта мо-
жетъ замѣняться знаніемъ людей, вѣр-
нымъ спискомъ съ существующихъ
характеровъ, умными замѣтками о
жизни, воспоминаніями собственной
жизни, даже хорошимъ слогомъ; —
когда же фантазія изъ дѣйствительной
жизни дѣлаетъ странную сказку, тог-
да мы замѣчаемъ, что она не уважаетъ
истинныхъ явленій жизни. Точка зрѣ-
нія, съ которой романистъ смотритъ
на жизнь, не оправдывается и тѣмъ
замѣчаніемъ, что въ этомъ воззрѣніи
его личный юморъ; ибо въ подобномъ
юморѣ нѣтъ ничего серьезнаго, что
должно составлять необходимое свой-
ство юмористическихъ произведеній.
Это не юморъ Гофмана, которому мож-
но не сочувствовать, но возможность
котораго лежитъ дѣйствительно въ

человѣческомъ духѣ. При томъ же странный юморъ г. Вельтмана ничѣмъ не связанъ съ лучшею стороною его произведеній: лучшее въ нихъ, какъ мы сказали—мастерскія подробности, смѣлые и рѣзкіе очерки характеровъ, иногда художественныя сцены; но между этими поэтическими частностями и тою странною, причудливою сказкою, въ которую вплетены онѣ, нѣтъ ничего общаго. Кромѣ странной фантазіи и внесенія въ поэзію произвольныхъ, ни на чемъ не основанныхъ идей, романы г. Вельтмана представляютъ еще два второстепенные недостатка: первый—частое уклоненіе отъ главныхъ цѣлей, переходы или, вѣрнѣе, скачки отъ однихъ предметовъ къ другимъ, такъ что авторъ изъ двухъ дорогъ къ цѣли выбираетъ окольную, а не прямую, кратчайшую; второй—страсть къ археологическимъ изысканіямъ и этимологическому производству словъ, при которой обнаружи-

вается начитанность и ученост
маниста, но которая, вмѣстѣ съ
есть и злоупотребленіе ученост
слѣдствіе всѣхъ этихъ недоста
сочиненія г. Вельтмана, владѣ
сильнымъ поэтическимъ таланто
производятъ того полнаго впечат
которое бываетъ плодомъ худо
венныхъ созданій, и пользуются
шею извѣстностію противъ соч
писателей, уступающихъ ему в
фантазіи и въ учености.—Разск
показываетъ отличное знаніе р
слова: онъ отличается живос
поэтическимъ колоритомъ; к
внѣшней формы иногда выкуп
него недостатокъ существенна
держанія. Онъ оказалъ значите
услугу языку въ томъ движе
къ народной стихіи, которое
Пушкинымъ. Въ языкѣ историч
его романовъ соединяется ста
русское слово съ изустной на
рѣчью.

ЛИРИЧЕСКАЯ ПОЭЗІЯ.

Размышленіе по случаю грома.

1) Дмитріевъ (Иванъ Ивановичъ) род. симбирской губ. сызранскаго уѣзда, въ деревнѣ отца своего, въ 1760 г. До двѣнадцатилѣтняго возраста обучался онъ въ Казани, а потомъ въ Симбирскѣ, въ частныхъ училищахъ, въ которыхъ ученье было недальнее. Мятежъ Пугачева принудилъ родителей Дмитріева покинуть родину и переселиться въ Москву. Вскорѣ туда привезли бунтовщика, и казнь Пугачева, зрителемъ которой былъ Дмитріевъ, *произвела* столь сильное впечатлѣніе *на его воображеніе*, что даже въ глубокой старости онъ разсказы
ней со всѣми подробностями и
менно передалъ свой разсказъ
кину, который помѣстилъ его въ
«Исторіи Пугачевскаго бунта»
Москвы отправили Дмитріева, на
году возраста, въ Петербургъ
службу въ гвардіи семеновскій
въ который еще съ малолѣтства
онъ записанъ въ солдаты. Онъ
былъ нѣсколько мѣсяцевъ въ по
школѣ, гдѣ обучали его первым
виламъ рисованія, математикѣ,
ріи и географіи. Потомъ началъ
евую службу въ семеновскомъ
и продолжалъ ее лѣтъ двадцати

стоянно проживая въ Петербургѣ, гдѣ в 1782 г., познакомился съ Карамзинымъ, поступившимъ въ преображенскій полкъ. При началѣ царствованія Императора Павла вышелъ въ отставку съ чиномъ полковника. Послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ отставки, вступилъ въ гражданскую службу, — и въ продолженіи перваго ея періода занималъ мѣста товарища Министра Удѣловъ и Оберъ-Прокурора, потомъ снова вышелъ въ отставку съ чиномъ тайнаго совѣтника и поселился въ Москвѣ, гдѣ провелъ нѣсколько лѣтъ, посвященныхъ литературнымъ занятіямъ. Въ 1806 г. назначенъ былъ сенаторомъ. Въ 1810 г. вызванъ былъ изъ Москвы занять мѣсто Министра Юстиціи, а въ 1813 г. вышелъ въ отставку и переѣхалъ опять въ Москву. Довѣренность и благоволеніе Монарха къ Дмитріеву сказались въ важномъ порученіи, по занятіямъ во временной Коммиссіи, учрежденной для пособія разореннымъ отъ непріятеля въ Москвѣ. Труды его были награждены чиномъ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника и орденомъ Св. Владиміра 1-й степени. Прежде того Дмитріевъ уже имѣлъ ордена Св. Анны 1-й степени и Св. Александра Невскаго. Съ тѣхъ поръ, въ теченіе 25 лѣтъ, постоянно жилъ въ Москвѣ, отлучаясь только иногда на родину или въ Петербургъ. Скончался 1837 г., на 78 году.

2) Сочиненія: И мои бездѣлки (1795); Стихотворенія И. И. Дмитріева, изд. 3, 2 ч. (1823); Апологи въ четверостишіяхъ (1826). — Отрывки изъ записокъ его помѣщены въ журн. Москвитянинъ, но вполнѣ еще не изданы.

3) Всѣ изданныя сочиненія Дмитріева написаны въ стихахъ. Въ стихотвореніяхъ его должно различать: устройство стиха и внутреннее ихъ достоинство.

А) Дмитріевъ занимаетъ почетное мѣсто между писателями Карамзинскаго періода. Онъ былъ сотрудникомъ *помощникомъ Карамзина* въ преобразованіи русскаго слога. Заслуга его можетъ выразиться такъ: что сдѣлалъ Карамзинъ въ отношеніи къ прозѣ, то Дмитріевъ сдѣлалъ въ отношеніи къ стихамъ. Карамзинъ сблизилъ строеніе нашей рѣчи съ французскимъ построеніемъ рѣчи: Дмитріевъ приложилъ тоже къ стихотворству. У Карамзина, проза отличается ясностью, легкостью, пріятностью, вкусомъ: Дмитріевъ также началъ писать стихи, отличающіеся вкусомъ. Карамзинъ измѣнилъ внутреннее направленіе всей словесности, сблизивъ ее съ жизнью: Дмитріевъ тоже направленіе сообщилъ и стихамъ. Короче, онъ есть образователь легкаго стиха, котораго Словесность наша до Карамзина не имѣла.

Такое преобразованіе стиха, вызванное преобразованіемъ словесности вообще, какъ не льзя лучше соотвѣтствовало и характеру того языка, съ котораго переводилъ Дмитріевъ, и характеру сочиненій, которыя онъ переводилъ или сочинялъ. Дмитріевъ переводилъ преимущественно съ французскаго языка, а у Французовъ, какъ извѣстно, легкость, разговорный тонъ есть существенная принадлежность версификаціи. Переводилъ онъ басни, сказки, сатиры, эпиграммы, а такія стихотворенія требуютъ непремѣнно легкихъ стиховъ.

Примѣч. Въ устроеніи нашего тоническаго стиха можно различить нѣсколько періодовъ: первый періодъ — образованіе стиха Ломоносовскаго, созданнаго для торжественной лирики и важнаго эпическаго повѣствованія; второй — образованіе стиха легкаго (Карамзинской эпохи), сближеннаго съ разговорной рѣчью; третій — образованіе стиха поэтическаго, введеннаго романтическими стихотвореніями Жуковскаго и отличающагося музыкальностью, мелодіей, которая такъ свойственна для выраженія романтизма; четвертый — образованіе Батюшковымъ стиха живописнаго, пластическаго, свойственнаго классической

поэзіи; пятый—образованія стиха художественнаго (Пушкинскаго), который мы видимъ въ сочиненіяхъ Пушкина, Батюшкова, Жуковскаго, Языкова, Лермонтова. Въ послѣднихъ сочиненіяхъ Жуковскаго этотъ стихъ получилъ особенное видоизмѣненіе — изящную простоту.

Б) По внутреннему достоинству стихотвореній, Дмитріевъ не принадлежитъ къ поэтамъ. Поэзія требуетъ творческой способности, которая обнаруживаетъ свою силу въ изящныхъ созданіяхъ, представляющихъ идеалы, чего нѣтъ у Дмитріева.

Стихотворческая дѣятельность Дмитріева направлена Карамзинымъ. Онъ самъ сознаетъ это въ своихъ «Запискахъ», говоря: «Кажется, мнѣ суждено было тогда только воспламеняться поэзіей, когда Карамзинъ издавалъ журналы». Первыя стихотворенія его напечатаны въ Московскомъ журналѣ, потомъ въ Вѣстникѣ Европы (1802 и 1803). Авторы-друзья, говоритъ кн. Вяземскій, собирались издать свои сочиненія въ одной книгѣ, но обстоятельства не позволили исполнить намѣренія. Когда Карамзинъ собралъ статьи свои изъ Московскаго журнала въ особую книжку и назвалъ ее «Мои бездѣлки» (1794 г.),—Дмитріевъ собралъ и свои, назвавъ ихъ: «И мои бездѣлки» (1795). Можно думать, что безъ Карамзина Дмитріевъ остался бы при прежнемъ направленіи стихотворства, т. е. писалъ бы торжественныя оды. Природный вкусъ заставилъ его оцѣнить новое направленіе, которому, однакожъ, онъ не всегда слѣдовалъ, такъ что стихотвореніе его представляютъ два отдѣла: въ однихъ онъ слѣдуетъ Ломоносовскому направленію поэзіи, въ другихъ—направленію новому. Къ первымъ относятся оды, ко вторымъ—басни, сказки, сатиры и эпиграммы, пѣсни и элегіи, посланія, переводы и разныя мелкія стихотворенія.

Изъ одъ самая лучшая піеса: Размышленіе по случаю грома (переложеніе піесы Гете: «Границы чел ства»). Оды, или лирическія по суть: «Ермакъ, Освобожденіе Мос Гласъ патріота». Въ нихъ есть стр выражающія чувство очень хоро ми стихами; но нѣтъ вѣрнаго п ставленія дѣйствительности: есть увеличенія, противорѣчія чувс истинной мѣры, классическіе пр прежней школы. Такъ на прим. о чаніе «Ермака», хотя высказа прекрасными стихами составл гиперболу.

Пѣсни его (Всѣхъцвѣточковъ б Ахъ, когда бъ я прежде зналa, нетъ сизый голубочикъ, Что съ то ангелъ, стало, и проч.) были въ б шой модѣ вмѣстѣ съ пѣснями Н динскаго-Мелецкаго: но въ нихъ истиннаго чувства. Выраженія изы ны, проникнуты сантиментальнос Авторъ вводитъ даже миѳологиче имена, въ холодномъ, аллегорическ смыслѣ, что считалось особен поэтическимъ украшеніемъ.

Изъ посланій замѣчательны: Карамзину и къ Друзьямъ», какъ полненныя истинной чувствительно

Басни всѣ почти переведены Лафонтена, Флоріана, Арно; апо. изъ Мольво. Дмитріевъ мастерски реводилъ ихъ и басенный разс его отличается всѣми общими сво вами хорошей басни, но въ немъ русской оригинальности, отечест ныхъ элементовъ. И потому онѣ теряли свое значеніе, когда яв Крыловъ—національный баснопис

Переводы изъ классиковъ (Гор Ювенала и Тибулла) суть подра французскимъ переводамъ прошл. го вѣка: они не воспроизводятъ длинника, который принаравливи переводчикомъ къ современнымъ пятіямъ и вкусу.

Въ Легкой поэзіи (мадригал надписяхъ, и пр.)., Дмитріевъ удачно передавалъ французскій остроумія и любезности, въ кото

лючается отличіе произведеній этого рода.

Истинный талантъ Дмитріева является «въ сатирическихъ стихотвореніяхъ» (сатира: «Чужой толкъ», въ которой осмѣяны писатели торжественныхъ одъ; «переводъ посланія Попа о плохихъ стихотворцахъ»). Сюда же относятся сатирическія повѣсти: «Воздушныя башни, Модная жена, Приданица, Картина», и эпиграммы, которыя съ того времени начали входить въ большую моду. Достоинство его сатиръ заключается въ силѣ тонкаго смѣха, въ умѣстѣ колкаго остроумія. Онѣ принадлежатъ не къ обличительнымъ, или сатирическимъ, потому что вооружаются не противъ важныхъ отступленій отъ законовъ нравственности, а противъ странностей или слабостей, которыя не могутъ произвести вреднаго вліянія на цѣлое общество. Личный характеръ и подражаніе Французамъ общили его сатирическимъ піесамъ духъ приличія, уклончивости, мягкости, которыя облекаютъ жало насмѣшки.

На разрушеніе Вавилона.

1) Мерзляковъ (Алексѣй Ѳедоровичъ) родился 1778 года, пермской губерніи, въ городѣ Далматовѣ. Отецъ его (монастырскій служка, а по сказанію другихъ небогатый купецъ) помѣстилъ его, на 11-мъ году, въ пермское главное народное училище. Въ директорѣ училищъ пермской губерніи, И. И. Панаевѣ, Мерзляковъ нашелъ себѣ покровителя, который обратилъ вниманіе на первое его стихотворные опыты. Извѣстіе о мирѣ, заключенномъ Екатериною II со Швеціею, пушило 14-лѣтнему поэту оду, которая доставлена была Панаевымъ графу П. В. Завадовскому, главноуправляющему народными училищами. Государыня приказала напечатать ее въ Ежемѣсячныхъ сочиненіяхъ Академіи Наукъ и особенно 150 экз. въ пользу сочинителя, котораго приказано *отправить, по окончаніи* курса въ училищѣ, въ Московскій Университетъ, и докладывать себѣ каждые полгода о его успѣхахъ. Мерзляковъ порученъ былъ куратору университета Хераскову, и поступилъ (1793 г.) въ высшіе классы университетской гимназіи; потомъ (1796) произведенъ въ студенты и вскорѣ (1798) въ кандидаты. Онъ слушалъ лекціи не только словеснаго, но и другихъ факультетовъ. Главнымъ руководителемъ его въ классической словесности былъ профессоръ Сохацкій, первый преподававшій у насъ эстетику, а въ русской словесности профессоръ М. Снегиревъ. Для Аріоста и Тасса онъ самъ собою выучился по итальянски, зная уже языки греческій, латинскій (которымъ учился у Сохацкаго въ академ. гимназіи), французскій и нѣмецкій. Выдержавъ экзаменъ на степень магистра, занялъ каѳедру краснорѣчія и поэзіи. Въ 1805 г., Мерзляковъ вызванъ былъ въ Петербургъ М. Н. Муравьевымъ (товарищемъ перваго министра народнаго просвѣщенія, графа Завадовскаго, и попечителемъ московскаго учебнаго округа), и въ домѣ его нашелъ радушный пріемъ, а въ хозяинѣ покровителя. Тамъ собирались тогда извѣстные литераторы, читали свои сочиненія, судили искренно произведенія словесности; тамъ сблизился Мерзляковъ съ Батюшковымъ, Жуковскимъ, Воейковымъ, Карамзинымъ. Произведенія его были приняты съ лестною похвалою. Время это онъ почиталъ счастливѣйшимъ въ своей жизни. Возвратясь изъ Петербурга въ Москву, Мерзляковъ, по предложенію Муравьева, который для него былъ тѣмъ же, чѣмъ Шуваловъ былъ для Ломоносова, произведенъ, безъ экзамена, въ докторы философіи и адъюнкты; въ 1807 г. назначенъ экстраординарнымъ профессоромъ, а въ 1810 г. ординарнымъ. Должность профессора занималъ онъ до самой смерти своей, которая послѣдовала въ 1830 г. Кромѣ лекцій въ Университетѣ

Мерзляковъ читалъ еще (1812 и 1816 г.) публичныя чтенія о русской словесности.

2) Сочиненія: Идилліи г-жи Дезульеръ, пер. (1807); Эклоги Виргилія, пер. (1807); Рѣчь о духѣ древней поэзіи и о вліяніи ея на образованіе народовъ (1810); Похвальное слово Императору Александру I (1814); Пѣснь на заложеніе храма Спасителя въ Москвѣ (1817), Краткая Риторика (2 изд., 1817 и 1821); Стихи на прибытіе Императора Александра I въ Москву (1820); Краткое начертаніе Теоріи изящной Словесности 2 ч. (1821 — 1822); Подражанія и переводы изъ греческихъ и латинскихъ стихотворцевъ, съ приложеніемъ разсужденія: О началѣ и духѣ греческой трагедіи (1825—1826); Ода на коронованіе Императора Николая I (1826); Освобожденный Іерусалимъ, Тасса, пер. съ итал., 2 ч. (1828); Пѣсни и романсы (1830)—Въ 1815 г. Мерзляковъ, вмѣстѣ съ Смирновымъ, издавалъ журналъ Амфіонъ (12 кн.). Кромѣ того, разсужденія о разныхъ предметахъ словесности, и другія сочиненія и переводы въ стихахъ и прозѣ помѣщены въ трудахъ Московскаго общества Любителей Россійской Словесности, въ Вѣстникѣ Европы, и другихъ періодич. изд.—Остались неизданными: Аристотелева Піитика и Полный курсъ словесности.

3) Литерарурная дѣятельность Мерзлякова относится къ разнымъ предметамъ: собственнымъ произведеніямъ, переводамъ, исторіи и критикѣ словесности.

А) Собственныя произведенія его: лирическія піесы (оды и пѣсни) и похвальное слово Императору Александру I.

Въ то время, когда Мерзляковъ началъ писать стихи, у насъ господствовала еще такъ называемая торжественная ода, начатая Ломоносовымъ. *Требуя особеннаго поэтическаго таланта, сильнаго* вдохновенія, свойственныхъ высокой лирической нас роенности, она въ полномъ истинно блескѣ явилась только у Державин Пушкина. Другіе же, не умѣвъ совл дѣть съ нею, видѣли поэзію высок въ высокомъ тонѣ, подборѣ гром гласныхъ словъ и введеніи больш количества фигурныхъ выраженій. Та лантъ Мерзлякова, неподдѣльный пѣсни, не былъ способенъ къ торж ственнымъ одамъ, и потому въ прои веденіяхъ его, относящихся къ этом роду поэзіи, видимъ хорошія поэт ческія частности, но не видимъ цѣл го. Притомъ же, понятія о поэзіи то время такъ еще не утвердил здравой критикой, что часто ритори принимали за поэзію, и называли по зіею звонкіе стихи, настроенные торжественный ладъ. Такъ на при въ одѣ: «Россъ или обновленіе Евр пы»—58 строфъ, но мало поэтическ стиховъ. Самая длиннота ея говори противъ истиннаго чувства, котор должно быть сильнымъ, чтобы ста достойнымъ предметомъ оды. Въ од на «Разрушеніе Вавилона», лучше сравнительно съ другими, недостато истиной поэзіи, требующей вѣрно идеальнаго воспроизведенія предме товъ, тѣмъ еще ощутительнѣе, чт библейскій подлинникъ, на котором она основана, исполненъ величі Мерзляковъ позволилъ себѣ разны вставки и отступленія, которыя, тогдашнимъ понятіямъ объ искуств должны были украшать стихотворені а по нынѣшнимъ искажаютъ его. Вы сокая простота оригинала перешла искуственную торжественность. То должно сказать объ одѣ: «Пѣснь Мо сея при прехожденіи Чермнаго моря

Мерзляковъ былъ истиннымъ поэ томъ въ пѣсняхъ, которыя показывают въ авторѣ истинное чувство. Стихо творенія его въ этомъ родѣ запечатлѣ ны національнымъ характеромъ; в нихъ личное чувство поэта слито с чувствомъ, живущимъ въ народѣ. Про стота, безъискуственность тона по

ѣтъ вѣрный тактъ, которымъ руководствовался при возсо- естественной поэзіи. Лучшія ъ: «Вылетала бѣдна пташка на », «Чернобровый, черноглазый», дѣвица, красавица», чистію так- ди долины ровныя». Къ сожа- сантиментальный тонъ сбивалъ автора съ настоящаго русска- , съ народнаго голоса. Звуки она слышны во многихъ мѣ- пѣсни: «Среди долины ровныя», ъ лучшемъ произведеніи: «Вы- бѣдна пташка на долину». неудачнѣе въ этомъ отношеніи «Подъ березой, гдѣ прозрач- ючъ шумитъ», гдѣ не только онъ совершенно — ложенъ, но стрѣчается не-русское имя Въ то время хотѣли исправлять ыя пѣсни, не чувствуя, что въ гѣ ихъ вымысла и выраженія аются истинныя красоты: отъ ыходила странная смѣсь ще- а и безъискуственности, чис- одnаго чувства съ французской ительностью.—Романсы Мерз- ниже пѣсенъ: въ нихъ нѣтъ ой природы.

квальное слово Императору ндру принадлежитъ собствен- гому роду ораторскихъ рѣчей, вое представлено въ духѣ и съ древняго. Такое краснорѣчіе тельно истиннаго краснорѣчія ито псевдоклассическая фран- я трагедія относительно истин- агедіи. Сверхъ того, въ немъ ъ съ одной стороны внесъ изъ повѣствованіе, а съ другой не- очно представилъ характери- кія отличія Благословеннаго.— инства же слова заключаются ствѣ, которымъ проникнуто изо- ніе великихъ дѣлъ, и въ той искус- ости слова, построеннаго по у древнихъ словъ, которая, и разсматриваема сама по себѣ, акже своего рода мастерство и етъ *таланта*.

Б) Къ весьма замѣчательной дѣятельности Мерзлякова принадлежитъ передача художественныхъ красотъ классической поэзіи. Раньше «Иліады» Гнѣдича, вышли его «Подражанія и переводы изъ греческихъ и латинскихъ стихотворцевъ, 2 ч.» Первая часть содержитъ въ себѣ переводы изъ греческихъ трагиковъ и нѣсколько отрывковъ изъ Иліады, Одиссеи и Энеиды; вторая—переводы изъ лириковъ: Клеанта, Каллимаха, Сафо, Пиндара, Горація, Ѳеокрита, Біона, Тибулла, Проперція, и проч. Въ этомъ важномъ трудѣ надобно разсмотрѣть «цѣль», «средство» и «выполненіе».

а) Цѣль Мерзлякова—познакомить русскую публику съ древнимъ искуствомъ—прекрасна. Особенно кстати явилась она съ соединеніи съ предпріятіемъ Гнѣдича—перевести Иліаду. Въ то время поэзія наша прожила только первый свой періодъ—«періодъ подражательный». Новая поэзія, явившаяся въ сочиненіяхъ Жуковскаго и Пушкина, не произвела еще должнаго вліянія. Вкусъ нерѣшительно колебался между старымъ и новымъ направленіемъ поэзіи. Въ такомъ положеніи, знакомство съ греческимъ искуствомъ могло принести большую пользу.

б) Мерзляковъ, въ предисловіи, различаетъ два способа переводить древнихъ: одинъ — слово въ слово (буквальный переводъ), для занимающихся исключительно изученіемъ греческаго языка и латинскаго; другой—переводъ вольный, подражаніе древнимъ. То и другое, по его мнѣнію, очень трудно, и потому онъ избралъ средину, т. е. не позволялъ себѣ ни излишняго стѣсненія, ни излишней вольности.—Другая трудность заключалась въ созданіи стиха. Для перевода древнихъ нужны были достойная рѣчь, художественный стихъ, приличный классицизму. Хотя образцы подобнаго стиха дали намъ Батюшковъ и Пушкинъ, но достоинство его несо-

вершенно было восчувствовано и оцѣнено. Оставалось сдѣлать выборъ между торжественнымъ стихомъ предъидущаго литературнаго періода (Ломоносовскаго) и между легкимъ, но вмѣстѣ и безцвѣтнымъ стихомъ начала новаго періода (Карамзинскаго): выборъ, который ни въ томъ, ни въ другомъ случаѣ не обѣщалъ удачи.

в) Не смотря на любовь и сочувствіе къ подлиннику, на тонкое пониманіе его совершенствъ, на пользу предпріятія, выполненіе не удовлетворительно. Во первыхъ, нельзя одобрить мысли—знакомить съ цѣлымъ посредствомъ отрывковъ: читатель не можетъ составить себѣ, по нѣсколькимъ отрывкамъ, понятія о цѣлой греческой трагедіи, которой художественность состоитъ именно въ единствѣ всѣхъ частей, въ характерѣ цѣлаго; переводъ одной, но цѣлой трагедіи Софокла былъ бы гораздо полезнѣе, нежели разные отрывки изъ разныхъ греческихъ трагедій. Во вторыхъ отрывки переданы не въ настоящемъ видѣ: самъ переводчикъ сознается, что онъ многое сокращалъ, многое передѣлывалъ; такъ, на прим., соединялъ въ своемъ отрывкѣ первый актъ съ пятымъ, чтобы составить изъ того нѣчто цѣлое драматическое. Въ третьихъ, замѣтно безразличіе языка въ переводахъ изъ разныхъ писателей. Въ четвертыхъ, стихъ перевода то неестественный, напоминающій риторическій ладъ предъидущаго періода, то однообразная, столько любимая Карамзинымъ кантилена (дактилическое пѣвучее окончаніе).—Впрочемъ, нѣкоторыя ціесы, особенно съ греческаго, переведены хорошо; таковы: Гимнъ Аполлону (Каллимаха), Купальня Минервы (его же), Гимнъ Пану (Гомера), Рыбаки и Друзья (идилліи Ѳеокрита), Плачъ объ Адонисѣ (Біона), Освященіе полей (Тибулла), хотя переводы изъ послѣдняго не могутъ выдержать сравненія съ переводами *Батюшкова.*

В) Главная дѣятельность и заслу
Мерзлякова состоитъ въ критикѣ. К
этому важному занятію располага
его и умъ отъ природы ясный,
врожденное чувство изящнаго, и вку
хотя не всегда вѣрный, но образ
ванный классическою литературо
Онъ положилъ себѣ задачею — оц
нить главнѣйшихъ писателей, ос
бенно поэтовъ, Ломоносовскаго и
ріода, и нѣкоторыхъ періода Кара
зинскаго (Ломоносова, Сумарокова
Петрова, Державина, Княжнина, Озер
ва, Фонъ-Визина, Хераскова). Взгля
его на критику показываетъ, что он
признавалъ ея вліяніе не только в
введеніе истинныхъ понятій объ иску
ствѣ и уничтоженіе ложныхъ, но и в
самое творчество. «Для чего и дл
кого трудились великіе писатели? Хо
тѣли ль они быть полезными будуще
му поколѣнію? Если хотѣли, то дол
право разбирать свои сочиненія.
кого же другаго почтить разборо
какъ не ихъ? Только твердые кам
полируются; слабые и легкіе не стои
и не выносятъ полировки.... Хотит
ли, чтобъ число писателей умножа
лось? Будьте къ нимъ внимательне
или тоже, разбирайте ихъ; отъ этог
они умножаются и скорѣе достигаю
совершенства. «Умножаются»—поче
му? Вниманіе публики возбуждает
соревнованіе. Увидѣвъ, что истинно
достоинство отличено, слабость обн
ружена, увидѣвъ, сколь почтенны
ти изъ обыкновеннаго круга люде
всякій захочетъ испытать силы см
на столь блистательномъ поприщ
Покажите важность искуства: атле
не замедлятъ явиться. Я сказалъ: «см
рѣе достигаютъ совершенства»: писа
тель не достигнетъ его, если публи
не съ силахъ, или не хочетъ суди
объ немъ; ибо въ рукахъ публики
его награды; она раздражаетъ е
честолюбіе и возбуждаетъ къ всп
кимъ усиліямъ. Равнодушіе наше
убійство словесности. Публика и пи
сатель другъ друга награждаютъ: п

ь даетъ ей пищу, она его обра-
; одинъ доставляетъ ей удо-
твіе, другая вѣнчаетъ его сла-
Свидѣтели той и другой истины—
росвѣщенныя государства Евро-
и въ какое время не было у
столько хорошихъ писателей,
при царствованіи критики».—Въ
ваніе своихъ сужденій о поэзіи,
килъ Мерзляковъ начало, вы-
ное, какъ онъ самъ говоритъ, изъ
ихъ предположеній ученыхъ и
ю прилагаемое ко всѣмъ поэти-
имъ родамъ. Это начало слѣдую-
«при надлежащей стройности,
льности и точности подражанія,
ательность предмета, основан-
а отношеніи его къ намъ самимъ».
емъ теорія французскихъ эстети-
(Боало, Батте и Лагарпа), мнѣнія
ыхъ отчасти были уже у насъ
юстранены Карамзинымъ и его
айшими послѣдователями, соеди-
съ психологической теоріей
бурга, заимствованной у Англи-
(*). Такимъ соединеніемъ устра-
односторонность французской
, но вмѣстѣ съ тѣмъ рожденъ
тизмъ, не дающій ничего положи-
о-вѣрнаго. Руководимый лож-
взглядомъ на искуство, Мерзля-
—говоритъ И. И. Давыдовъ —
ъ, что человѣка нужда научила
ыкѣ и живописи; называлъ искус-
навыкомъ и способностью дѣлать
ибо хорошо; не принималъ раз-

личія между классическою и романтическою поэзіею, ни между красотами поэзіи общими и народными, не преслѣдовалъ духа поэзіи и краснорѣчія у разныхъ народовъ, въ различныхъ направленіяхъ, не разлагалъ и отечественной словесности на различные ея элементы, самородные и чужеземные. Онъ разбиралъ Россіаду, Димитрія Самозванца и Димитрія Донскаго по правиламъ Аристотеля; отъ русской эпопеи требовалъ языческаго чудеснаго, а отъ русской трагедіи трехъ единствъ («Рѣчь о содѣйствіи Москов. Универ. успѣхамъ отечеств. словес.»). — Мерзляковъ чуждался какъ историческаго направленія германской критики, выраженнаго въ трудахъ Фридриха и Августа Шлегелей, такъ и метафизической теоріи искуства, изложенной въ эстетическихъ письмахъ Шиллера, которыя печатались еще въ девяностыхъ годахъ. Въ слѣдствіе этого онъ позволилъ обогнать себя текущей литературѣ и не признавалъ лучшихъ произведеній поэзіи (на пр. «Цыганъ» Пушкина), считая ихъ плодомъ испорченнаго вкуса.—Но, при недостаткѣ твердыхъ началъ для критики, Мерзляковъ имѣлъ много практическаго смысла и чувства, управляемый которыми произносилъ вѣрный судъ. Въ лекціяхъ и публичныхъ чтеніяхъ своихъ онъ соединялъ дарованіе оратора и поэта. Непринужденный языкъ, горячее воодушевленіе, живая импровизація увлекали слушателей. «Вотъ гдѣ система», говаривалъ онъ, указывая на сердце, и эти слова служили какъ бы отвѣтомъ на замѣчаніе, что въ подобныхъ импровизаціяхъ страдаетъ систематическая строгость науки. Однимъ словомъ, хотя Мерзляковъ, въ основаніе своихъ критическихъ сужденій, и принялъ тѣ начала, которыя впослѣдствіи признаны не истинными, но критика его, вѣрная въ пониманіи красотъ и недостатковъ тамъ, гдѣ онъ руководствовался врожденнымъ чувствомъ

онсонъ, разсуждая о впечатлѣніи
ы на зрителей, говоритъ: «Какъ же
на трогаетъ насъ, если мы ей не вѣ-
ь? Мы вѣримъ ей какъ точной кар-
дѣйствительнаго оригинала; какъ
раженію того, что «слушатель самъ
чувствовалъ, еслибы самъ дѣйство-
ь или страдалъ также, какъ въ драмѣ
говорно дѣйствуютъ и страдаютъ». Раз-
леніе, поражающее ваше сердце,
онтъ не въ томъ, чтобы несчастія,
ображаемыя предъ нами, были не-
тія дѣйствительныя, но что это—не-
тія, «которымъ мы сами можемъ
ь подвержены». (Теорія поэзіи въ
рич. развитіи, соч. г-на Шевырева.
212).

изящнаго и вкусомъ, изощреннымъ образцовыми твореніями, составляетъ важную степень въ послѣдовательномъ развитіи нашей критики, одинъ изъ ея необходимыхъ періодовъ.

Примѣч. Въ Исторіи критики нашей различаются нѣсколько періодовъ. Первый (съ изданія Москов. журнала до 1812 г.) начинается Карамзинымъ (изъ его послѣдователей извѣстнѣйшіе: Макаровъ и Бенитцкій), который принялъ въ основаніе своихъ сужденій теорію Батте, или эмпирическій взглядъ на искуство; второй — (съ 1812 г.) съ Мерзлякова, присоединившаго, какъ мы сказали, къ теоріи Батте психологическое направленіе Эшенбурга; третій—(съ двадцатыхъ годовъ) съ принятія метафизической теоріи эстетики (выраженной въ сочиненіяхъ Шеллинга, Аста, Бахмана) и частію историческаго направленія (положеннаго Фр. и Ав. Шлегелями): такого рода критика основана у насъ въ Москвѣ профессорами и учеными (И. И. Давыдовымъ, С. П. Шевыревымъ, Веневитиновымъ). Началомъ ея руководствовался Полевой, въ Телеграфѣ. Четвертый, современный, отличается соединеніемъ эстетическихъ основаній съ историческимъ взглядомъ, разсматриваніемъ произведеній не только съ философическихъ началъ искуства, но и въ связи съ общественной жизнію и съ однородными произведеніями, какъ отечественной, такъ и иностранныхъ литературъ. Образцы такой критики находятся въ сочиненіи кн. Вяземскаго: Фонъ-Визинъ, въ журналахъ: Москвитянинѣ (въ статьяхъ И. К. и С. П. Шевырева), Отечеств. Запискахъ и Современникѣ, какъ прежняго изданія (въ критикахъ Плетнева), такъ и новой редакціи (гдѣ, между другими статьями, были помѣщаемы статьи профессора Никитенко).

Надежда.

1) Батюшковъ (Константинъ Николаевичъ) *род.* въ 1787 г. въ Вологдѣ, обучался въ Петербургѣ, въ чи пансіонѣ Жакино. Окончивъ в курсъ ученія, онъ началъ упр ся въ словесности подъ рук вомъ дяди своего, М. Н. Мур который, бывши куратором ского учебнаго округа, приня въ 1805 г., подъ свое начальс званіи письмоводителя. Благод свою къ родственнику и благо выразилъ онъ въ послѣдствіи ромъ его сочиненій («Письмо к М. А. о сочиненіяхъ г. Мура 1818 г.). Въ 1806 г. вступи военную службу, въ батальонъ ковъ въ петербургской милиціи 1807 г. отправился съ нимъ въ п былъ въ сраженіяхъ, происход на берегу Пассарги, и въ Гейл скомъ получилъ тяжелую ран которой страдалъ долгое вре возвращеніи въ Петербургъ, п денъ въ гвардейскій егерскій потомъ служилъ въ Финляндіи, писалъ письма, картинно изоб щія эту страну («Отрывокъ и семъ Русскаго офицера о Фин 1809 г.), находился во многих кихъ сраженіяхъ, особенно при сальми, и, по заключеніи мира тясь въ Петербургъ, переш статскую службу, библіоте Императорской Публичной Би ки. Въ концѣ 1812 г. или въ 1813 г. (*), когда случайности свели въ Нижнемъ-Новгородѣ рала Бахметева, лишившагос на Бородинскомъ полѣ, и Ба ва,—послѣдній опредѣлился к адъютантомъ. Такъ какъ рана вала генералу возможности в ромъ времени снова вступить в вую жизнь (**), то онъ и отп

(*) См. письмо кн. Вяземскаго къ дину (Москвит., 1851, N 5)

(**) Въ посланіи къ Д. В. Дашко упоминаніе о службѣ Батюшко Бахметевѣ:

Пока съ „израненнымъ героем
Кому извѣстенъ къ славѣ пут
Трикраты не поставлю грудь

тюшкова къ генералу Раевскому, при которомъ онъ находился въ походахъ 1813 и 1814 г. до самого взятія Парижа. Къ послѣднему изъ этихъ годовъ относятся стихотворенія: «Переходъ чрезъ Рейнъ» и «Письмо къ Д. о замкѣ Сирей» (принадлежавшемъ Вольтеру), въ окрестностяхъ котораго назначены были квартиры отряду Батюшкова и который онъ посѣтилъ въ февралѣ мѣсяцѣ. Изъ Парижа написалъ онъ письмо къ Д. В. Дашкову; описывая свое времепрепровожденіе, онъ называетъ себя «маленькимъ Тибулломъ», намекая тѣмъ и свои переводы нѣкоторыхъ элегій римскаго поэта или на собственныя элегическія пьесы. Изъ Парижа посѣтилъ онъ Лондонъ, откуда на кораблѣ (*) прибылъ въ Швецію (въ письмѣ къ Д. П. Сѣверину, изъ Готенбурга, 9 іюня 1814 г., описалъ онъ свое морское путешествіе), а потомъ въ Петербургъ. Усердная служба его награждена переводомъ въ измайловскій полкъ. Въ 1816 г. уволенъ отъ военной службы съ чиномъ коллежскаго ассессора (**). Страдая болѣзнію, Батюшковъ писалъ къ А. И. Тургеневу 1818 г.): «Сижу больной, въ колпакѣ и шлафорѣ, и часто думаю о васъ, часто грущу, какъ звѣрокъ Лафонтена, et animal est triste et le chagrin le ronge. Но чаще смѣюсь отъ добраго сердца. Вы столько разъ были мнѣ полезны и дѣломъ и совѣтомъ, что я имѣю право на ваше дружество. Этотъ силлогизмъ не такъ дуренъ, какъ вамъ съ перваго взгляда покажется. Обнимаю васъ отъ всей души, и прошу любить вашего «Ахилла», который ворчитъ про себя: «Ахъ! хилъ! (*) и впрямь боленъ простудой, насморкомъ, головою; но не умомъ, ибо знаетъ цѣну Жуковскому и Карамзину; не сердцемъ, ибо любитъ васъ по старому». Разстроенное здоровье заставило Батюшкова отправиться въ Одессу, гдѣ онъ пользовался морскими купаньями и откуда (1818, іюня 30) написалъ письмо А. И. Тургеневу, чрезъ ходатайство котораго былъ причисленъ, въ чинѣ надворнаго совѣтника, къ неаполитанской миссіи. Пріѣхавъ изъ Одессы въ Петербургъ проститься съ друзьями, онъ отправился потомъ къ мѣсту своего назначенія. Изъ Наполя писалъ онъ (1819 г.) къ А. И. Тургеневу и С. С. Уварову, а съ острова Искіи — къ Жуковскому. Но Италія не помогла Батюшкову. «Здоровье мое (говоритъ онъ въ письмѣ къ Жуковскому) вѣтшаетъ безпрестанно: ни солнце, ни воды минеральныя, ни самая строгая діета, ничто его не можетъ исправить: оно, кажется, для меня погибло безвозвратно, и грудь моя, которая меня по сихъ поръ очень рѣдко мучила, совершенно отказывается. Италія мнѣ не помогаетъ: здѣсь умираю отъ холода; что же со мною будетъ на сѣверѣ? не смѣю и думать о возвращеніи.» Возвратясь изъ-за границы, онъ писалъ мало; 1820 г. былъ послѣднимъ годомъ его литературной дѣятельности. Въ это время, перевелъ онъ двѣнадцать піесъ изъ греческой антологіи. Болѣзнь развилась до такой степени, что Батюшковъ умеръ заживо для поэзіи. Онъ поселился въ Вологдѣ, гдѣ живетъ и теперь, окруженный нѣжными заботами своихъ родныхъ. Болѣзненное состояніе его перешло въ болѣе спокойное и не опасное ни для кого. Пожизненная пенсія отъ Государя обезпечиваетъ жизнь его. Профес. Шевыревъ видѣлъ его въ 1847 г. и описалъ свиданіе съ нимъ.

Передъ враговъ сомкнутымъ строемъ, и проч.

*) Въ это время написана элегія: „Тѣнь друга".

**) Въ письмѣ къ В. Л. Пушкину (1817 г.), Батюшковъ говоритъ:

.....я не поэтъ:
Я не ученый, не профессоръ:
Меня въ календарѣ въ числѣ счастливцевъ нѣтъ,
Я — „отставной ассессоръ".

(*) Кадамбуръ.

2) Сочиненія Батюшкова изданы три раза: въ первый разъ Гнѣдичемъ, 1817 г., въ 2 ч., подъ названіемъ: «Опыты въ стихахъ и прозѣ К. Батюшкова»; въ другой, въ 1834 г., въ 2 ч., подъ названіемъ: «Сочиненія въ прозѣ и стихахъ, К. Батюшкова»; въ третій, Смирдинымъ, въ Полномъ собр. сочин. рус. автор. (1850), 2 ч. Первый томъ содержитъ въ себѣ прозу, второй стихотворенія.

Прозаическія статьи: а) «описательныя»: Прогулка въ академію художествъ, Отрывокъ изъ писемъ русскаго офицера о Финляндіи, Путешествіе въ замокъ Сирей; б) «повѣствовательныя»: Гризельда (повѣсть изъ Боккаччіо), Предслава и Добрыня (старинная повѣсть); в) «критическія»: О характерѣ Ломоносова, Письмо къ И. М. М. А. о сочиненіяхъ Муравьева, Аріостъ и Тассъ, Петрарка; г) «дидактическія»: Нѣчто о морали, основанной на философіи и религіи, О лучшихъ свойствахъ сердца, О вліяніи легкой поэзіи на языкъ, Нѣчто о поэтѣ и поэзіи, Вечеръ у Кантемира; д) «Письма и отрывки».

Стихотворенія: А) «Переводы и подражанія»: изъ Тибулла (три элегіи), Маттисона (На развалинахъ замка въ Швеціи), Мильвуа (Гезіодъ и Омиръ), Парни (Мщеніе, Привидѣніе, Ложный страхъ), Касти (Счастливецъ, Радость), Тасса (Изъ Освобожденнаго Іерусалима), Петрарки (Вечеръ, На смерть Лауры), Шиллера (изъ трагедіи: Мессинская невѣста), изъ Греческой Антологіи. Б) «Оригинальныя»: посланія къ разнымъ лицамъ (Жуковскому, Вяземскому, Тургеневу, Пушкину, Гнѣдичу, И. М. М. А., и проч.), элегіи, анакреонтическія и антологическія пьесы, и проч.

Прим. Во 2-мъ изданіи сочиненій Батюшкова прибавлена, противъ перваго, въ прозѣ повѣсть: «Предслава и Добрыня» и «Письма и Отрывки». Но въ письмѣ *изъ Пскова*, къ Жуковскому, Батюшковъ говоритъ: «Удивись перемѣнѣ, которая во мнѣ сдѣлалась: я вовсе [illegible] могу писать стиховъ! Графъ Д. [illegible] Хвостовъ сказалъ мнѣ однажды, [illegible] онъ три года былъ въ такомъ полоса[illegible]нія, но за то могу сказать съ покой[illegible]нымъ К., что пишу «на прозахъ» до[illegible]вольно часто. Я никогда не былъ та[illegible] прилеженъ»..... «Чтобы не вовсе забы[illegible] свой языкъ, я пишу мои записки [illegible] древностяхъ окрестностей Неаполя[illegible] которыя прочитаемъ когда нибудь[illegible] вмѣстѣ». Изъ этого должно заключить, что нѣкоторыя сочиненія Батюшкова остались ненапечатанными. Многія рукописи или сочиненія его, говорятъ[illegible] кн. Вяземскій, преданы имъ самимъ огню. Въ Москвитянинѣ (1851, № 5) помѣщены два отрывка: «Воспоминаніе мѣстъ, сраженій и путешествій» и «Воспоминаніе о Петринѣ», написанные Батюшковымъ въ Каменецъ-Подольскѣ, гдѣ онъ провелъ нѣсколько времени въ званіи адъютанта при военномъ генералъ-губернаторѣ Бахметевѣ.

3) а) Характеръ поэзіи Батюшкова противоположенъ направленію поэзіи Жуковскаго. Послѣдній — романтикъ (*), первый — классикъ. Если существенныя свойства романтизма — неопредѣленность и мистицизмъ, то существенныя свойства классицизма — опредѣленность и ясность. Подъ классицизмомъ здѣсь разумѣется не ложно-классическая поэзія Французовъ, а истинное воспроизведеніе древней поэзіи. Содержаніе стихотвореній Батюшкова — изящный эпикуреизмъ, эстетическое выраженіе земныхъ наслажденій. У него жизнь является не мечтательною, а такою, какова она есть. Онъ любитъ красоту пластическую, а не воображаемую. Въ поэзіи его разлито чувство томной нѣги или страстное упоеніе, которыя всегда представлены въ прекрасныхъ видахъ. Вдохновеніе его — вдохновеніе ана[illegible]

(*) Здѣсь разумѣется романтическое направленіе Жуковскаго.

...оптическое, которое беретъ свою ...у среди земныхъ благъ и не вос...дитъ выше земли. Онъ смотритъ ... блага жизни въ греческомъ духѣ, ...тимъ отличается отъ другихъ поэ...въ, писавшихъ въ анакреонтиче...омъ родѣ. Языковъ тоже поэтъ ана...реонтическій, но у него характеръ ...хотвореній, изображающихъ удо...льствія жизни, чисто русскій, какъ ... представленію жизни, такъ и по ...ладу рѣчи. Онъ не такъ бы изобра...лъ свое уединеніе, какъ изобра...лъ его Батюшковъ въ піесѣ «Та...рида»:

Въ прохладѣ ясеней, шумящихъ
надъ лугами,
Гдѣ кони дикіе стремятся табу-
вами
На шумъ студеныхъ струй, ки-
пящихъ подъ землей,
Гдѣ путникъ съ радостью отъ
зноя отдыхаетъ
Подъ говоромъ древесъ, пустын-
ныхъ птицъ и водъ:
Тамъ, тамъ насъ хижина простая
ожидаетъ,
Домашній ключъ, цвѣты и ого-
родъ.

Въ то время — говоритъ Гоголь — когда Жуковскій отрѣшалъ нашу поэзію отъ земли и существенности и уносилъ ее въ область безтѣлесныхъ видѣній, Батюшковъ, какъ бы нарочно ему въ отпоръ, сталъ прикрѣплять ее къ землѣ и тѣлу, выказывая всю очаровательную прелесть осязаемой существенности. Какъ тотъ терялся весь въ неясномъ еще для него самого идеальномъ, такъ этотъ весь потонулъ въ роскошной прелести видимаго, которое такъ ясно слышалъ и такъ сильно чувствовалъ. Все прекрасное во всѣхъ образахъ, даже и незримыхъ, онъ какъ бы силился превратить въ осязательную нѣгу наслажденія. Онъ слышалъ, выражаясь его же выраженіемъ, «стиховъ и мыслей сладострастье.» Вотъ еще отзывъ Никитенко: «поэзія Батюшкова — *поэзія земли, цвѣтущая*, роскошная, вещественно-истинная и осязательно-живая, какъ сама земля. Жизнь въ глазахъ Батюшкова не есть ни тайна, ни подвигъ: она есть наслажденіе».

Это направленіе поэзіи Батюшкова выразилось переводами произведеній южной Европы, какъ древней, т. е. греческой и римской, такъ и новой, т. е. итальянской, и собственными стихотвореніями въ томъ же родѣ, подобно тому, какъ назначеніе Жуковскаго было перенести къ намъ звуки сѣверныхъ европейскихъ пѣвцовъ.

Главнымъ призваніемъ Батюшкова было познакомить насъ съ поэзіей древнихъ. Это доказывается образцовымъ переводомъ «двѣнадцати пьесъ изъ Греческой антологіи» и вольнымъ переводомъ «трехъ элегій Тибулла». Надобно жалѣть, что Батюшковъ, владѣя превосходнымъ талантомъ передавать древнюю поэзію, написалъ въ этомъ родѣ только пятнадцать пьесъ. Сочувствіе къ міру эстетической древности было дано ему природой и развито образованіемъ. Онъ изучалъ Винкельмана и всегда говорилъ съ восторгомъ о предметахъ классическаго искуства. «Вы спросите у меня (пишетъ онъ къ Д. В. Дашкову), что мнѣ болѣе всего понравилось въ Парижѣ! Трудно рѣшить. Начну съ Аполлона Бельведерскаго. Онъ выше описанія Винкельманова; это не мраморъ — богъ! (*) Я часто захожу въ музеумъ единственно за тѣмъ, чтобы взглянуть на Аполлона, и, какъ отъ бесѣды мудраго мужа, или милой умной женщины, по словамъ нашего поэта, «лучшимъ возвращаюсь». Онъ, во время плаванія изъ Англіи къ Швеціи, читалъ на палубѣ Гомера. Изъ того же источника, т. е. изъ любви къ древней поэзіи, явился переводъ эклоги Мильвуа: «Гезіодъ и Омиръ, соперники».

Изъ итальянскихъ поэтовъ, которые

(*) Пушкинъ, въ пьесѣ «Чернь», говоритъ: «мраморъ сей» (Аполлонъ Бельведерскій) «вѣдь богъ.»

болѣе другихъ европейскихъ поэтовъ придерживались древнихъ классическихъ образцовъ въ художественной части своихъ твореній, въ выработкѣ собственныхъ произведеній по законамъ греческаго стиля, которые также любили жизнь за жизнь, отличались пылкою ей преданностію, а не легкомысленнымъ взглядомъ на ея блага, подобно нѣкоторымъ французскимъ авторамъ, любимцами Батюшкова были Петрарка, Аріостъ и особенно Тассъ. Италія и пѣвецъ Іерусалима возбуждали всегда его вдохновеніе. Вотъ слова его изъ письма къ С.: «Какіе часы я проводилъ на палубѣ въ сладостномъ очарованіи, читая Гомера и Тасса, вѣрныхъ спутниковъ воина!» — «Какая земля!» восклицаетъ онъ въ письмѣ къ С. С. Уварову — «вѣрьте, она выше всѣхъ описаній для того, кто любитъ исторію, природу и поэзію». Изображеніе вида съ своей террасы, на островѣ Искіи, онъ начинаетъ такъ: «Предо мною въ отдаленіи Соренто, колыбель того человѣка, которому я обязанъ лучшими наслажденіями въ жизни». (Письмо къ Жуковскому). Сверхъ того, смерти Тасса посвятилъ онъ большую эпическую элегію (Умирающій Тассъ), написалъ посланіе «къ Тассу» и всѣмъ тремъ поэтамъ отдалъ дань удивленія въ двухъ критическихъ статьяхъ (Аріостъ и Тассъ, Петрарка). Не смотря однакожъ на искреннее сочувствіе къ итальянской поэзіи, Батюшковъ передалъ намъ изъ нея немного: «Отрывокъ изъ Освобожденнаго Іерусалима», «Подражаніе Аріосту», «На смерть Лауры» (изъ Петрарки), «Вечеръ» (подражаніе его 9-й канцонѣ), «Радость» и «Счастливецъ» (подражаніе Касти).

Къ произведеніямъ, въ которыхъ выражается главное направленіе поэзіи Батюшкова, принадлежатъ также: переводы изъ Парни и подражанія ему (Мщеніе, Привидѣніе, Ложный страхъ) и собственныя пьесы: «Выздоровленіе», «Веселый часъ», «Таврида», «Источникъ», «Бесѣдка музъ», «Мои пе «Вакханка» (одна изъ образц пьесъ).

Какъ современникъ Жуковска торый увлекалъ всѣхъ своей ро ческой поэзіей, Батюшковъ зап данью романтизму, написавъ нѣс элегій (Пробужденіе, Разлука, П няя весна, Къ другу, Тѣнь дру грусть, въ нихъ выражаемая, с ляетъ слабый элементъ поэзіи Б кова: притомъ она ясная и опре ная, слѣдов. противоположная Жуковскаго. Для примѣра вып емъ элегію «Пробужденіе»:

Зефиръ послѣдній свѣялъ
Съ рѣсницъ, окованныхъ не
Но я не къ счастью пробу
Зефира тихими крылами.
Ни сладость розовыхъ лу
Предтечи утренняго Феба,
Ни кроткій блескъ лазури
Ни запахъ, вѣющій съ пол
Ни быстрый летъ коня ре
По скату бархатныхъ лу
И гончихъ лай, и звонъ р
Вокругъ пустыннаго зали
Ничто души не веселитъ,
Души встревоженной мечт
И гордый умъ не побѣдит
Любви — холодными слов

б) Стихъ Батюшкова. Мы что уже Жуковскій, дѣйствуя, к тинный поэтъ, образовалъ поэт стихъ; но этотъ стихъ былъ с какъ будто нарочно для романти поэзіи: онъ отличался воздушн опредѣленностію. Стихъ Батю передавшаго намъ нѣкоторыя п денія греческой и итальянской запечатлѣнъ изобразительности пуклостію, скульптурностію, к виднимъ у древнихъ, нѣгою и бл чіемъ, которая слышна у южны товъ новой Европы. Антолог пьесы Батюшкова уступаютъ гическимъ пьесамъ Пушкина развѣ въ чистотѣ языка, пото еще несовершенно свободны о ченій и шероховатыхъ словъ.

Проза Батюшкова. Не имѣя того
ческаго цвѣта, какимъ отличает-
роза Жуковскаго, проза Батюш-
и теперь служитъ образцомъ язы-
стаго, правильнаго, благозвучна-
лучшія прозаическія статьи его
ющія: «О характерѣ Ломоносо-
Вечеръ у Кантемира», «Прогулка
адемію художествъ», «Путеше-
въ замокъ Сирей». Очень инте-
и статьи, названныя «Письмами» и
івками«: они знакомятъ съ лично-
Батюшкова, какъ человѣка и поэ-
Отрывокъ изъ писемъ Русскаго
ера о Финляндіи»(*) показываетъ,
антазія Батюшкова была пораже-
ума крайностями: югомъ и сѣве-
; онъ написанъ какъ бы въ соотв
віе съ стихотвореніемъ: «На раз-
ахъ замка въ Швеціи», въ кото-
онъ подражалъ Маттисону. Кри-
кія статьи ниже другихъ: боль-
частію онѣ ограничиваютсю об-
мѣстами.

Пророкъ.

ержаніе: Посвященіе въ проро-
общеніе даровъ пророчества.—
леніе: въ піесѣ три части: вступ-
е, главная часть и заключеніе.
леніе (первые четыре стиха)
ажаютъ состояніе, предшество-
е посвященію; избранникъ то-
духовной жаждой, скитался въ
ой пустынѣ. Главная часть под-
ляется на четыре отдѣла, со-
ствующія четыремъ дѣйствіямъ
има, который сообщаетъ избран-
четыре дара: острое, орлиное
; чуткій слухъ, уловляющій не-
мое обыкновенными смертными;
краснорѣчія, мудрый глаголъ
раженный въ видѣ змѣинаго жа-
любовь къ ближнимъ, ревность
щанію воли небесной (изобра-
ія въ видѣ угля, пылающаго ог-
: ибо безъ любви и ревности всѣ
слова подобны кимвалу брящающему. Заключеніе содержитъ въ себѣ велѣніе Бога, укрѣпляющее всѣ дѣйствія серафима»: и виждь» (просвѣтленіе зрѣнія), и «внемли» (просвѣтленіе слуха), «глаголомъ» (даръ убѣдительнаго слова), «жги» (пламень любви и ревности). Стихотвореніе принадлежитъ къ высоко-художественнымъ произведеніямъ: въ немъ все полно, окончено; нѣтъ ни одного лишняго слова, равно какъ нечего къ нему и прибавлять.

На смерть Гете.

1) Баратынскій (Евгеній Абрамовичъ) род. тамбовской губерніи, въ кирсановскомъ уѣздѣ, въ 1800 году. Отъ природы получилъ онъ необыкновенныя способности, глубоко чувствительное сердце, душу, исполненную любви къ прекрасному, умъ свѣтлый, обширный и тонкій, внимательный къ предметамъ возвышеннымъ и поэтическимъ, къ вопросамъ глубокомысленнымъ, къ движеніямъ внутренней жизни. Воспитывался въ одномъ изъ казенныхъ заведеній, получивъ предварительно дома тщательное воспитаніе. Горестныя обстоятельства жизни, а можетъ быть и врожденная наклонность привели его къ печальному направленію мысли, которое очень часто заключается въ людяхъ, соединяющихъ глубокій умъ съ глубокою чувствительностью. Оно происходитъ отъ того, что такіе люди смотрятъ на жизнь не шутя, разумѣютъ ея высокую тайну, понимаютъ важность своего назначенія и вмѣстѣ неотступно чувствуютъ бѣдность земнаго бытія. Отъ того они даже въ кругу забавъ и шумныхъ удовольствій кажутся печальными; самое чувство радости для нихъ бываетъ соединено съ неопреодолимою задумчивостію и скорѣе похоже на грусть, чѣмъ на веселость обыкновенныхъ людей. Обществу Пушкина и Дельвига одолженъ Баратынскій пробужденіемъ своего поэтическаго таланта. Въ послѣдствіи времени, общее

. въ примѣч. къ 1-му тому Христо-
и, статью: „Финляндія“.

мѣніе соединило ихъ имена съ именемъ Баратынскаго, какъ внутреннее сродство сердечныхъ пристрастій связало ихъ самою искреннею дружбою. Въ 1825 г., Баратынскій вышелъ въ отставку и уѣхалъ въ Москву, гдѣ дружески былъ встрѣченъ московскими литераторами. Въ послѣдствіи времени, семейныя радости, привязанность друзей, довольство состоянія, общее уваженіе за умъ, дарованія, любезность, познакомили Баратынскаго съ наслажденіями общества и жизни.—Умеръ въ 1844 году, въ Неаполѣ, куда онъ отправился для поправленія своего здоровья. (Библіот. для чтенія, 1844, № IX; Библ. для воспитанія, 1845).

2) Сочиненія Баратынскаго: 1) «Стихотворенія», 2 части, изданныя въ 1835 году 2-мъ изд., 2) «Сумерки» (собраніе стихотвореній), 1842 г. Нѣсколько стихотвореній, написанныхъ послѣ, помѣщены въ періодическихъ изданіяхъ. Писалъ онъ и въ прозѣ, только мало. — Въ первомъ томѣ его стихотвореній находятся піесы лирическія, преимущественно элегіи. Во второмъ помѣщены поэмы или повѣсти: «Эда, Пиры, Балъ, Цыганка», и проч. — «Въ Сумеркахъ», какъ самое названіе показываетъ, собраны преимущественно піесы элегическія.

3) Отличительное свойство поэзіи Баратынскаго заключается въ его лирическихъ стихотвореніяхъ (особенно въ элегіяхъ), почему мы и скажемъ прежде о нихъ. Пушкинъ такъ выразился о поэзіи Баратынскаго: «Баратынскій оригиналенъ, ибо мыслитъ по своему, правильно и независимо, между тѣмъ какъ чувствуетъ сильно и глубоко». Онъ же назвалъ Баратынскаго «Гамлетомъ».

Содержаніе поэзіи Баратынскаго образуется изъ развитія нѣсколькихъ, весьма важныхъ мыслей, которыя имѣютъ между собою внутреннюю *связь и образуютъ* одно цѣлое. Значеніе этихъ мыслей не можетъ быть въ совершенной ясности п учащимся.

Отъ печальнаго воззрѣнія н происходитъ мрачный и суров рактеръ поэзіи Баратынскаго, но—темный цвѣтъ его элегій. тынскій—этотъ, по выраженію строгій и сумрачный поэтъ — дальчески преданъ одной идеѣ «роковая дума легла ему на тяжелой насыпью», Скорбь Ба ского питается мрачною мысл у Гамлета (почему Пушкинъ н нилъ его съ Гамлетомъ). Он меньше исцѣлима, чѣмъ болѣе тельна. Поэтъ видитъ ея нача не видитъ конца. Онъ тщетно бы жить внѣ себя: унылый, го онъ, способенъ чувствовать унынiе.

Кромѣ печальнаго воззрѣнія тяжкая скорбь Баратынскаго и другія причины: во-первыхъ, быть, какъ мы замѣтили, врож наклонность поэта къ меланхол вторыхъ, горестныя обстояте жизни; въ-третьихъ, неполное вѣренье, о чемъ говоритъ піеса тина»:

Но для чего души разувѣре
Свершилось не вполнѣ?
Зачѣмъ же въ ней слѣпое
Живетъ о старинѣ?

Вліяніе всѣхъ этихъ причинъ жило нестираемое клеймо груз поэта, который не могъ освобо отъ нея и въ лучшее, благопрі шее для себя время. Прочти «онъ близокъ, близокъ день сви Въ ней поэтъ показываетъ пр отъ чего душа его не радуется

.....дни печали,
Быть можетъ, поздно минов
Съ тоской на радость я гля
. . . . . .
Все мнится, счастливъ я оп
И не къ лицу веселье мнѣ.

Такъ какъ главный источникъ ныхъ элегій Баратынскаго зак

ъ быстромъ развитіи ума и въ
ѣемъ знакомствѣ съ міромъ, то
ревѣсъ мысли надъ чувствомъ» есть
о изъ важнѣйшихъ его страданій,
ь какъ бы нравственная болѣзнь
. Въ одномъ изъ стихотвореній
ихъ, онъ говоритъ о такомъ чело-
ѣ: «Чувство презрѣвъ, онъ довѣрилъ
» (Сумерки, стр. 27). При пере-
ѣ мысли надъ чувствомъ, исчезаетъ
стое, непосредственное ощущеніе
ія, радость и печаль теряютъ свою
ноту, безсознательное вкушеніе
ныхъ благъ становится невозмож-
ъ. Противоположное состояніе жиз-
аходилось у людей первобытныхъ
енъ, находится у каждаго чело-
, въ первый періодъ его развитія,
еріодъ безсознательности. Здѣсь
атынскій совершенно противополо-
ь Языкову: какъ Языковъ воспѣ-
ъ непосредственныя удовольствія
и, свойственныя юности, такъ Ба-
нскій изображаетъ горестное по-
еніе человѣка, омраченнаго тяж-
мыслью и лишившагося возмож-
и предаваться земнымъ радостямъ
сею полнотою свѣжаго чувства,
сѣмъ самозабвеніемъ. Перевѣсъ
ли надъ чувствомъ проникъ и въ
йшее искуство: поэтому Бара-
скій вооружается противъ такой
данности идеѣ, противъ заботы ху-
никовъ выразить непремѣнно въ
изведеніи мысль. Жалоба на всег-
нюю заботу о мысли выражена
стихотвореніи: «Все мысль, да
ль!....» (Сумерки, стр. 63 и 64).
оборотъ, блаженство человѣка, ког-
его не тревожила мыслительность
огда онъ предавался, какъ младе-
ъ, увлекающимъ его чувствамъ и
ъ одною жизнью съ природой,
бражено въ Сумеркахъ, на стр. 27.
Перевѣсъ мысли надъ чувствомъ
агаетъ, по мнѣнію Баратынскаго,
жду между наукой, стремящейся
мысли, и поэзіей, выражающей
ство, такъ что съ увеличеніемъ
свѣщенія уменьшается поэзія:

Исчезнули при свѣтѣ просвѣщенья
Поэзіи ребяческіе сны (Сумерки,
стр. 15).

Поэзія (говоритъ Баратынскій) есть очарованіе; она любитъ тайну, и сама является облеченною въ волшебное покрывало. Чѣмъ меньше, слѣд., извѣдалъ человѣкъ, тѣмъ воспріимчивѣй его душа, тѣмъ больше вѣритъ онъ чудеснымъ силамъ природы, тѣмъ скорѣе засыпаетъ подъ напѣвы чувства и сказки фантазіи. Наука, просвѣщеніе, разрушаетъ созданія фантазіи и уничтожаетъ искренность и силу юношескаго, свѣжаго чувства.

Такое понятіе о враждѣ поэзіи и науки несправедливо. Оно опровергается слѣдующимъ:

1). Поэзія, какъ искуство вообще, какъ и наука, какъ и все въ мірѣ, совершенствуется. Могутъ исчезать или ослабляться виды поэтическіе, но сохраняется родъ, т. е. сохраняется поэзія, воплощаясь въ тѣ или другія формы, устремляясь къ тѣмъ или другимъ предметамъ.

2) Авторъ вооружается противъ науки, потому что она переводитъ неизвѣстное въ извѣстное; но каждая истина, открытая наукой, гораздо способнѣе возбуждать фантазію и чувство, чѣмъ всѣ выдумки невѣдѣнія. Другими словами: извѣстное, то что̀ показано и доказано умомъ, выше неизвѣстнаго, созданнаго воображеніемъ. Такъ открытія астрономіи показали міръ несравненно огромнѣе, величественнѣе того, который изображался въ древнихъ поэтическихъ сказаніяхъ; такъ открытія Кювье познакомили насъ съ такими животными, которыя превышаютъ миѳологическія чудеса. Изученіе нравственной стороны человѣка и развитія обществъ, откровенія исторіи—все это такіе предметы, которые сильно возбуждаютъ творческую способность и производятъ истинно-художественныя созданія.

3) Всякое знаніе, объясняя міръ, вмѣстѣ съ тѣмъ раздвигаетъ его гра-

ницы, положенные прежнимъ знаніемъ. Объемъ природы и знанія человѣка увеличиваются съ увеличеніемъ науки. Потому неизвѣстное, которое, по мнѣнію Баратынскаго, необходимо и единственно нужно для поэзіи, всегда остается, хотя оно представляется часто не въ прежнемъ видѣ. Наука показываетъ его неисчерпаемость: слѣдов. поэзія, если даже принять мнѣніе Баратынскаго, болѣе и болѣе выигрываетъ при развитіи просвѣщенія.

Мы говорили о содержаніи лирической поэзіи Баратынскаго; теперь надобно сказать о ея выраженіи. Оно не блистательное, не яркое. Самъ авторъ вѣрно изображаетъ свойства своей музы:

Не ослѣпленъ я музою моею:
«Красавицей» ее не назовутъ. . .
. . . . . .
Но пораженъ бываетъ мелькомъ свѣтъ
Ея лица не общимъ выраженьемъ,
Ея рѣчей спокойной простотой.

Этотъ портретъ какъ нельзя лучше оправдывается самыми произведеніями. Внѣшность большей части ихъ очень не привлекательна: въ нихъ нѣтъ ни малѣйшей пышности, никакого великолѣпія, которымъ фантазія любитъ обыкновенно украшать свои созданія. Рѣчь Баратынскаго рѣдко отличается художественнымъ изяществомъ, которое самому простому выраженію умѣетъ придавать необыкновенную красоту. Иногда стихи его непріятно поражаютъ слухъ своею неблагозвучностью, тяжелымъ и нестройнымъ ходомъ. Въ нихъ нѣтъ ни мягкости, ни живости, ни граціозности и гармоніи не только стиха Пушкина, Жуковскаго, Батюшкова, Языкова, но даже стиха менѣе искусныхъ художниковъ. Читая многія піесы Баратынскаго, видишь усилія при составленіи стихотворной рѣчи, слѣдъ какой-то тяжелой работы, особенно въ послѣднихъ *его произведеніяхъ*. Не только фанта*зія, сообщающая* рѣчи изобразитель-

ность, но и самое чувство его ма способно къ лирическому паренію.- Но тамъ, гдѣ дѣло коснется до мысл особенно до его любимой мысли,- онъ воспріимчивъ, твердъ и силен тамъ у него является одушевлен какъ слѣдствіе сочувствія къ мысл тамъ онъ умѣетъ пробудить свою, хо тя и небогатую, фантазію. Къ таки піесамъ принадлежатъ: «На смерть Ге те», «Финляндія», «Истина», «Черенъ и нѣкоторыя строфы въ другихъ ст хотвореніяхъ.

Присутствіе глубокой мысли и от сутствіе красиваго выраженія бы причиною, во первыхъ, того, что мы слящіе современники Баратынскаг особенно его друзья, которые са были поэты, такъ много цѣнили е стихотворенія; во вторыхъ того, что в самыя стихотворенія встрѣчены холо но большинствомъ публики, совреме ной Баратынскому, и не возбуждают даже участія въ большинствѣ публи ки, современной намъ, хотя всегд будутъ возбуждать глубокое сочу ствіе людей мыслящихъ. Не мно такихъ стихотворцевъ-мыслителей преданныхъ искренно своимъ идеям каковъ Баратынскій, и потому сочине нія его, занимая почетное мѣсто в отечественной литературѣ, долж также занимать мѣсто въ избранн библіотекѣ каждаго образованнаго че ловѣка.

Кромѣ элегическихъ піесъ, въ кот рыхъ высказывается существенн характеръ поэзіи Баратынскаго, ес у него другія піесы, плоды игрив мечты. Какъ въ первыхъ видна мра ная сосредоточенная меланхолія (слѣ ствіе разочарованія въ жизни и сур вой мысли), такъ вторыя проникну свѣтлыми мыслями и чувствами. Од внушены печалью, которая, по слова самого поэта, была ему тяжелы вдохновеньемъ (Ч. II, стр. 102); др гія суть изліянія души, озарен счастливымъ свѣтомъ (ib.). Но послѣ нихъ меньше: къ нимъ относятся З

ры, Переселеніе душъ и нѣкоторыя рическія стихотворенія. — Весьма мѣчательны повѣсти: Цыганка и Балъ, къ по важному значенію мысли, въ ихъ развитой, такъ и по выраженію. ихъ этихъ двухъ произведеній, обруживающихъ глубокую вдумчивость въ положенія человѣческой жизни, равно какъ и стихъ Эды, отличается поэтическимъ колоритомъ. Описательныя мѣста обнаруживаютъ мастерство автора какъ въ изображеніи важныхъ явленій природы и человѣческой жизни, такъ и при означеніи самыхъ мелочныхъ обстоятельствъ и вещей.— Онъ болѣе совершенствовалась поэзія Баратынскаго, тѣмъ болѣе исчезали легкія, свѣтлыя созданія мечты, заполнялись мрачными образами внутреннихъ страданій, произведенныхъ воззрѣніемъ на жизнь вообще и опытомъ собственной жизни. Позднѣйшее произведеніе его: «Сумерки» выражаетъ мрачное состояніе души; оно наполнено элегіями, въ которыхъ нѣтъ почти мѣста свѣту и отрадѣ.

Изъ прозаическихъ статей Баратынскаго, самая замѣчательная: предисловіе къ первому изданію Цыганки. въ ней весьма умно и основательно разсуждается о нравственности поэтическихъ произведеній.

Землетрясенье.

1) Николай Михайловичъ Языковъ родился въ Симбирскѣ, въ восемьсотъ первыхъ годахъ. Тамъ онъ провелъ первое время своей жизни до 11 лѣтъ. Волга, конечно, участвовала въ первыхъ впечатлѣніяхъ поэта и отозвалась послѣ въ его стихотвореніяхъ: Кашгарскій Водопадъ, Пловецъ (двѣ пѣсни одного имени), Разбойники, Рейнъ (въ сравненіи его съ Волгой). Одиннадцати лѣтъ Языковъ былъ отданъ въ Горный Институтъ, въ Петербургѣ. Но у него не лежало сердце къ такимъ занятіямъ. Онъ чувствовалъ особенное влеченіе къ русской словесности, переписывалъ стихи Ломоносова и Державина, которые были первыми его наставниками въ поэзіи и вліянію которыхъ онъ одолженъ своимъ мужественнымъ стихомъ.—По окончаніи шестилѣтняго курса ученія въ Горномъ Институтѣ, Языковъ провелъ еще годъ въ Инженерномъ корпусѣ. Потомъ года съ полтора жилъ въ Петербургѣ на волѣ. Тогда обнаружился его поэтическій даръ. Изъ литераторовъ, А. Ѳ. Воейковъ первый замѣтилъ Языкова и помѣстилъ его стихи въ «Соревнователѣ». Съ рекомендательными письмами Воейкова отправился Языковъ въ Дерптъ. Отсюда, съ 1823 г., начинаются стихи, признанные самимъ поэтомъ въ собраніи его стихотвореній. Два года жилъ онъ у профессора Борга, который, посредствомъ прекрасныхъ переводовъ познакомилъ Нѣмцевъ съ лучшими произведеніями Русской поэзіи. Домъ Протасовыхъ, Жуковскій, друзья, лекціи, составляли тотъ міръ, въ которомъ онъ прожилъ шесть лѣтъ. Изъ всѣхъ наставниковъ онъ воздалъ особенную славу профессору Дабелову, который въ Германіи принадлежалъ къ смѣлой оппозиціи противъ Наполеона. Въ это время Пушкинъ узналъ Языкова. Часто проводя лѣто въ помѣстьѣ пріятеля своего А. Н. Вульфа, Языковъ оттуда навѣщалъ и Пушкина, въ его Тригорскомъ уединеніи, которое изобразилъ въ одномъ изъ лучшихъ своихъ стихотвореній (Тригорское). Пушкинъ писалъ тогда Бориса Годунова и Полтаву. —Въ 1829 г. Языковъ былъ въ Москвѣ. Въ 1831 г. вступилъ въ службу, въ канцелярію Главнаго Директора Межевой Канцеляріи: тогда-то, какъ онъ выразился въ посланіи къ кн. Вяземскому,

Уже чиновникъ русской службы,
Онъ родину свою и пѣлъ и межевалъ.

Въ 1832 г. награжденъ чиномъ коллежскаго регистратора, а въ 1833 г. вышелъ изъ службы. Въ этомъ же году издалъ онъ томъ своихъ стихо-

твореній.—Въ Москвѣ онъ занемогъ, и поѣхалъ на родину въ Симбирскъ. Тамъ болѣзнь его усилилась и не покидала его до конца жизни. Въ минуты облегченія, онъ писалъ посланія къ друзьямъ и поэтамъ (изъ коихъ замѣчательно особенно посланіе къ Д. Давыдову). Тогда же перелагалъ онъ въ сцены народную сказку о Жаръ-Птицѣ, отрывки изъ которой напечатаны въ его «Новыхъ стихотвореніяхъ». Болѣзнь заставила его искать помощи на водахъ въ чужихъ краяхъ. Уступая необходимости, онъ оставилъ отечество, прожилъ лѣтъ пять въ Ганау, Ниццѣ, на озерѣ Комо, но душа его была въ Россіи, и онъ въ элегіяхъ выражалъ свою грусть по отчизнѣ. Въ драматическихъ сценахъ перелагалъ онъ бесѣды русской молодежи, живущей за границею. Ницца, Гастуна и Рейнъ всего болѣе отзываются въ его заграничныхъ стихотвореніяхъ, изъ которыхъ лучшее: «Къ Рейну». — Но жизнь за границею не возстановила его разрушенныхъ силъ: онъ воротился въ Москву, гдѣ попеченія искусныхъ врачей поддерживали его въ продолженіи четырехъ лѣтъ. Здѣсь предметами его стихотвореній были Священное Писаніе, Русская Исторія и старыя любезныя знакомства. Умеръ онъ 1846 г. Жизнь Языкова не богата внѣшними событіями, а между тѣмъ рѣдко можно найти другаго поэта, у котораго всякое стихотвореніе было бы плодомъ прожитой минуты, какъ у Языкова, въ которомъ человѣкъ и поэтъ тѣсно связаны. Всякое стихотвореніе есть дань души его, приношеніе отечеству и его Исторіи, поэтамъ, друзьямъ и добрымъ людямъ за все прекрасное, за все великое и славное жизни, за всѣ ея дары. (Московскій Городской Листокъ, № 6 и 7, статья г-на Шевырева: «Н. М. Языковъ»).

2) Сочиненія: а) Стихотворенія Н. М. Языкова, 1833 г.; б) 56 стихотвореній Н. М. Языкова, 1844, (выборъ изъ прежнихъ стихотвореній и нѣсколько новыхъ); в) Новыя стихотворенія Языкова, 1845.—Стихотворенія, по того написанныя, печатались въ Мо витянинѣ и нѣкоторыхъ литера ныхъ сборникахъ.

3) Сужденіе. При опредѣленіи з тической дѣятельности Языкова пр ставляются два предмета: выраж мысли и сама мысль (идея).

А) Изящество выраженія сост ляетъ неоспоримое достоинство п зіи Языкова. Гармонія стиховъ производитъ на читателя полное о рованіе. Есть какое-то особенное у вольствіе просто «читать» такіе ст не вникая еще въ ихъ содержаніе. нихъ и совершенство формы, и чи русскій складъ. Языковъ — хозя русскаго слова. Богатый языкъ и совершенно ему послушенъ: онъ ходитъ въ немъ всегда благоро выраженія даже для такихъ пре товъ, которые и самый даровитый сатель нашелся бы иногда при денными означить иностранными ченіями (*). Слово легко ложитс него подъ перо, звучное и благо ное; сильный, изобразительный тетъ выливается у него свобо Пушкинъ и Дельвигъ единогл утверждали, что искуство сла стихотворный русскій періодъ по гнуто было въ совершенствѣ од Языковымъ. Его стихи—поэзія ковъ. Онъ самъ говоритъ, что открыта была «музыка мыслей и ховъ». Это господство надъ отеч веннымъ языкомъ какъ бы нар выразилось въ самомъ имени п Указываемъ на слѣдующія стихо ренія, особенно замѣчательныя красотѣ выраженія: Пловецъ, По жаніе псалму XIV, Родина, Двѣ тины, Моя родина, Развалины, др Пловецъ, Ночь, Конь, Тригорско

(*) На прим. въ „Тригорскомъ“:
Какъ персты легкіе мелькали
По очарованнымъ „ладамъ“(вм. к
ша

«картина восходящаго солнца, а полдня, картина бури), Земеніе, Самсонъ, Къ Рейну. — У за многія стихотворенія имѣютъ інство той высокой художестти, къ которой нельзя ничего зить, отъ которой нечего убадѣ мысль облекается въ слово, ъ красоту, и гдѣ каждая черта еобходимое условіе совершенормы. Таково Подражаніе псалV. Въ немъ и художественная га мысли и совершенная отдѣлрмы, что мы начали знать только мени Пушкина. Это — гармонія къ сказать, прозрачность стиха, ый во все продолженіе поэтичеѣчи остается одинаково-возвыімъ, нисколько не переходя въ опарность и приторную напысть. Здѣсь нѣтъ ни одного выія принужденнаго, вялаго, него. Тоже, напримѣръ, въ стиреніяхъ: Ночь, Конь, Тригорское, трясеніе: это — не фраза, не рованная метафора, плодъ наннаго воображенія, а горячая взятая прямо изъ роднаго языка, ищіе, чистѣйшіе русскіе звуки, ые, твердые, гармоническіе. Вотъ ческій и совершенно правдивый ь Гоголя о стихѣ Языкова (Выыя мѣста изъ переписки съ ими): «Съ появленіемъ первыхъ въ его всѣмъ послышался языкъ, ый въ такой силѣ, совершенствѣ огой подчиненности господину, е являлся дотолѣ ни въ комъ. Языковъ» пришлось ему не да- Владѣетъ онъ языкомъ, какъ ь дикимъ конемъ своимъ, и еще бы хвастается своею властію. а ни начнетъ періодъ, съ головы хвоста, онъ выведетъ его кар, заключитъ и замкнетъ такъ, что овишься пораженный. Стихъ Язы-сіяющій, праздничный, влетаюакъ лучъ въ душу, весь сотканъ свѣта». Эта красота выраженія, иляющая на себя особенное вниманіе и даже отвлекающая его отъ содержанія, есть какъ бы первенствующее достоинство Языкова. По этому Гоголь противополагаетъ его Вяземскому, говоря, что сколько въ Языковѣ поражаетъ «нищета» мыслей, столько въ Вяземскомъ обиліе ихъ.

Б) Языковъ — поэтъ лирическій. Драматическія сцены его («Встрѣча новаго года», «Странный случай») обнаруживаютъ, что онъ не былъ способенъ къ драмѣ. Въ лирическихъ стихотвореніяхъ его должно различать нѣсколько направленій.

Первое по времени и главное, какъ по числу піесъ, такъ и по силѣ стиха и энергіи свѣжаго чувства, началось съ 1823 г., когда онъ пріѣхалъ въ Дерптъ, и выразилось стихотвореніями, принадлежащими къ такъ называемому анакреонтическому роду. Въ нихъ воспѣвалъ онъ наслажденія земной жизни, отъ красотъ природы до разгулья пирушекъ. Вдохновеніе его Музы—страстное, вакхическое. Пламень ея—пламень кипучихъ силъ, чувство сладостнаго бытія, вкушеніе отъ неиспорченныхъ даровъ его. Полная отваги юность, ея восторги—вотъ идея музы Языкова. Онъ пѣвецъ «вина, любви и красоты»; онъ — Русскій Анакреонъ. Пушкинъ, Баратынскій и самъ авторъ охарактеризовали очень вѣрно это анакреонтическое направленіе поэзіи. Нѣтъ, говоритъ Пушкинъ,

....не кастальскою водой
Ты воспоилъ свою Камену:
Пегасъ иную Ипокрену
Копытомъ вышибъ предъ тобой.
Она не хладной льется влагой,
Но пѣнится хмѣльною брагой....

Онъ уподобляетъ стихи Языкова крѣпкому, благородному напитку безъ примѣси негодной воды.

Баратынскій такъ изображаетъ Музу Языкова:

Твоя Камена молодая
Вѣнчалась гроздьемъ и плющемъ...,
Во взорахъ пламень вдохновенья,

Огонь восторга на щекахъ....
. . . . . .
. . . . . .

Вотъ отзывы поэта о самомъ себѣ. Въ піесѣ: «Отъѣздъ», онъ говоритъ о Дерптѣ:

Здѣсь я когда-то жизни сладость
И вдохновенье находилъ,
Игралъ избыткомъ юныхъ силъ
И воспѣвалъ любовь и радость.

Тоже въ Пѣснѣ (Онъ былъ поэтъ....):

Онъ воспѣвалъ счастливыми стихами
Харитъ, вино, и дружбу, и покой.

Въ воспоминаніи объ А. А. Воейковой:

Пѣвецъ вина и дружбы и прохлады,
Настроилъ я, младый и вдохновенный,
Мои стихи на самобытный ладъ.

Въ одной элегіи, онъ называетъ себя «поэтомъ радости и хмѣля», а въ посланіи къ Е. А. С-ой — «разногласнымъ проповѣдникомъ мірскихъ суетъ».

Къ анакреонтическимъ піесамъ принадлежатъ: Двѣ ночи, Къ А. Н. В-у, Кубокъ, Пѣсня (Онъ былъ поэтъ....), Элегія (Ночь безлунная....), Пѣсня (Когда умру....), Стансы, Вино, Элегія (Блаженъ, кто могъ....), Пѣсня (Кто за покаломъ не поетъ), Безсонница, и проч.

Въ поэзіи есть мѣсто такому (вакхическому) вдохновенію. Наслажденіе жизнію, восторгъ, производимый ея красотами, совмѣстны съ достоинствомъ человѣка. Наслажденіе можно назвать однимъ берегомъ жизненной рѣки, по другую сторону которой живутъ страданія: воспѣваются послѣднія, слѣдов. можетъ воспѣваться и первое. Область поэзіи также обширна, какъ и жизнь: задача ея—возводить всѣ явленія жизни въ идеалы. Поэтому поэтъ безупречно черпаетъ вдохновеніе свое изъ радостей бытія и выражаетъ его, нисколько не оскорбляя эстетическаго чувства. Такъ у Батюшкова есть «Вакханка» и другія піесы въ вакхическомъ родѣ: такъ у Пушкина, есть «Торжество Вакха», «Вакхическая пѣсня», и проч.... Но Промыслъ лучше печется о человѣкѣ. Бѣдою, зломъ и болѣзнію насильно приводитъ онъ его къ тому, къ чему не пришелъ бы онъ самъ. Уже и въ лирѣ Языкова замѣтно стремленіе къ повороту на его законную дорогу. Отъ него услышали недавно стихотвореніе «Землетрясеніе», которое, по мнѣнію Жуковскаго, есть наше лучшее стихотвореніе.

Этотъ, по словамъ Гоголя, поворотъ есть второе серьезное направленіе поэзіи Языкова. Оно началось еще во время пребыванія его въ Дерптѣ, въ тѣхъ стихотвореніяхъ, въ которыхъ изображалъ онъ родину и ея историческія воспоминанія, и назначеніе поэта; развилось по пріѣздѣ изъ Дерпта въ Москву, гдѣ поэтъ занялся Русской исторіей и русскимъ языкомъ, и сталъ писать подражанія псалмамъ; наконецъ сильнѣе обозначилось, по возвращеніи изъ за границы, въ священныхъ пѣсняхъ и въ стихотвореніяхъ, бравшихъ предметы изъ Русской исторіи. Къ піесамъ этого направленія относятся: Поэту, Подражаніе псалму 14, Подражаніе псалму 136, Геній, Пловецъ, Поэтъ, Самсонъ, Землетрясенье, Къ Давыдову.

Примѣч. Кромѣ означенныхъ піесъ, выражающихъ оба направленія Языкова, къ лучшимъ принадлежатъ также слѣдующія: Тригорское, Двѣ картины, Разсвѣтъ, Лифонія, Утро, Водопадъ.

Землетрясенье. Есть священное преданіе въ нашей Церкви, что во время страшнаго землетрясенія, колебавшаго Византію, когда царь, сенатъ, синклитъ и народъ молились предъ алтаремъ объ избавленіи, невидимая сила подняла отрока къ небесамъ и онъ услышалъ горнюю пѣсню: святъ, святъ, святъ! и принесъ ее на землю, и сю спасена была Византія. Языковъ пере-

стихами это преданіе (Москов. д. Листокъ, № 6 и 7, статья г-на ырева: Н. М. Языковъ). Піеса его ала два письма Н. Гоголя, помѣщенныя въ Выбранныхъ мѣстахъ изъ ереписки съ друзьями, подъ названіемъ: «предметы для лирическаго поэта въ наше время».

Пророкъ.

Стихотвореніе Лермонтова есть какъ продолженіе стихотворенія Пушкина (Пророкъ). У Пушкина, посвященный въ пророки выходитъ на дѣла; у Лермонтова, онъ, по совершеніи возложеннаго на него дѣла, встрѣчаетъ ѣніе: люди не увѣровали слову истины и изгнали глашатая ея изъ среды своей.

Могила.

Стихотворенія Бенедиктова (Владиміра Григорьевича) состоятъ изъ трехъ частей: первая имѣла два изданія: въ 1835 и 1842 г. г.; вторая—въ, въ 1838 г. Всѣ они относятся къ лирической поэзіи. Отличительное ихъ свойство — олицетворенія, символическая оболочка содержанія. Авторъ мысли и чувства облекаетъ въ образы, предметамъ бездушнымъ сообщаетъ качества и жизнь предметовъ одушевленныхъ. Эта фигуральность изображенія видна преимущественно въ піесахъ: Цвѣтокъ, Утесъ, Облака, Горныя выси, Радуга, Къ полярной звѣздѣ, Жалобы дня, Озеро, Буря и Тишь, и пр. При какихъ же условіяхъ образность представленія принадлежитъ къ представленію истинно поэтическому? Рѣшеніе вопроса опредѣлитъ и значеніе стихотвореній г-на Бенедиктова. Поэзія есть представленіе истины въ образахъ. Слово «образы» не должно быть принимаемо въ исключительномъ значеніи характеровъ или событій; иначе вся лирическая поэзія, какъ выразительница чувства, выйдетъ изъ сферы поэзіи. Образъ есть живое, органическое тѣло, въ которое воплощается мысль и съ которымъ она сливается нераздѣльно, совершеннѣйшая, полнѣйшая оболочка мысли, такъ что мысль представляется не иначе, какъ въ этой оболочкѣ, и понимается не иначе, какъ посредствомъ этой оболочки. Принимая образность въ обширномъ и истинномъ ея значеніи, мы видимъ, что лирическій родъ можетъ быть въ высшей степени образнымъ. Творчество ея заключается въ сообщеніи осязаемости идеѣ, которая тогда только становится поэтическою, когда при самомъ зародышѣ своемъ получаетъ крѣпкое тѣло или, лучше сказать, зарождается вмѣстѣ съ своею формою и выливается облеченная въ соотвѣтственные ей звуки и краски, подобно Палладѣ, вышедшей вполнѣ вооруженною изъ головы Юпитера. Образъ мысли долженъ быть ея необходимымъ, органическимъ образомъ; иначе онъ будетъ неполонъ, или излишенъ, или совершенно ложенъ. Умѣнье остановиться во время, или во время распространиться — врожденно. Эстетическій тактъ, художественное чувство, указываютъ границы лирическому поэту.

Вотъ первое условіе изобразительности въ лирическихъ піесахъ: образы должны совершенно соотвѣтствовать мыслямъ; для каждой мысли должна быть своя, органическая форма. Слово «органическій» показываетъ, что форма развивается изъ идеи, какъ растеніе изъ зерна, какъ животное изъ зародыша, что оно не составляется чрезъ внѣшнее приложеніе однѣхъ частицъ къ другимъ, что каждый членъ ея служитъ необходимымъ членомъ цѣлаго (формы), и всѣ члены, находясь между собою въ тѣсной связи, служатъ одной цѣли—обнаруживаютъ жизнь цѣлаго, подобно тому, какъ всѣ органы растенія или животнаго служатъ къ обнаруженію ихъ жизни. Если же образы не соотвѣтствуютъ мыслямъ, если форма не развита органически изъ идеи, тогда мы

говоримъ, что эти образы составлены, а не произведены фантазіей, что форма получила механическое устройство, и все произведеніе вышло безжизненнымъ: его красота и сила будутъ кажущимися, а не дѣйствительными.

Въ подобную ошибку противъэстетическихъ началъ впадаютъ многія сочиненія г. Бенедиктова (особенно тѣ, которыя написалъ онъ въ послѣдніе годы). Авторъ не лишенъ ни вдохновенія, ни чувства, ни фантазіи; есть у него истинно-поэтическіе образы, и нѣкоторыя стихотворенія выказываютъ важную мысль, теплоту искренняго чувства: но большая часть ихъ исполнена образами составленными и ложными, чувствами неестественными, выдуманными. Такъ напримѣръ авторъ щедро расточаетъ переносныя выраженія, или тропы; но законное употребленіе троповъ основывается на взаимномъ отношеніи предметовъ, по которому мы переносимъ слово отъ одного предмета къ другому. Творческая способность быстро прозрѣваетъ въ истинность этихъ отношеній, и потому тропы, употребляемые поэтомъ, отличаются вѣрностью, опредѣленностью, мѣткостью. Писатель же, думающій преимущественно о томъ, какъ бы сообщить своей рѣчи внѣшнее убранство, наружный блескъ, не открывъ истинныхъ отношеній между предметами, часто изобрѣтаетъ ихъ, эти отношенія, видитъ связь и сходство тамъ, гдѣ нѣтъ никакой связи и сходства, и потому его тропы выдуманы, изысканны, неестественны. Такъ точно и олицетворенія имѣютъ основу въ тайной для насъ, но дѣйствительно-существующей гармоніи между природою и духомъ: въ силу этой гармоніи, поэтъ различныя способности души представляетъ въ образѣ предметовъ видимыхъ, и наоборотъ: предметамъ природы сообщаетъ свойства душевныя. Не-поэтъ поступаетъ иначе; *истинное* согласіе между природою духовною и вещественною него закрыто, и у него является гласіе кажущееся, т. е. выдума изысканное. Вмѣсто изящныхъ о зовъ, выходятъ созданія неестест ныя, часто чудовищныя. Изли желаніе сдѣлать рѣчь живопи есть также источникъ погрѣшнос Слово, будучи звукомъ и вмѣстѣ разомъ, можетъ быть музыкальны картиннымъ. Но необходимое усл живописной рѣчи состоитъ въ изо женіи формъ и красокъ предме такъ, какъ мы дѣйствительно ви, ихъ въ природѣ: въ противномъ чаѣ выйдетъ картина неестествен мнимо-красивая или, точнѣе, б бразная. Притомъ картины дол находиться въ стройномъ друг другу отношеніи, группироваться т чтобы и часть каждой группы, и вмѣстѣ группы образовали одно лое. Всего хуже гиперболиче образы, которые выводятъ пред изъ предѣловъ истинной ихъ вел ны, нисколько не придавая имъ в чія. Прекрасное должно быть е ственно. Въ слѣдствіе указанныхъ грѣшностей, происходятъ пестр блестящіе образы, обольстител только для неопытныхъ глазъ; явл ся изысканная гиперболическая р непріятно дѣйствующая на эстет ское чувство, осуждаемая образо нымъ вкусомъ. Въ стихотворен Бенедиктова встрѣчается множе выраженій, подобныхъ слѣдующ «веселья сверкаютъ, острый пла рѣчей, любовь гнѣздится въ ущел сердецъ, проливать мечты, со вонзаетъ въ дождевыя капли п. своего луча», и пр. Можно сказать Бенедиктовъ тоже въ стихахъ, Марлинскій въ прозѣ: оба они (в несомнѣннымъ талантомъ) довел крайности внѣшній блескъ и ка щуюся силу искуства, которое, будучи воспроизведеніемъ дѣйс тельности, не можетъ быть жив ным. Отъ внѣшняго блеска и уб

а происходятъ мнимая сила чувствъ, имая красота образовъ и мнимая игинальность мыслей.

Великая тайна.

1) Кольцовъ (Алексѣй Васильевичъ), вѣстный подъ именемъ поэта-пра-ла (*) род. въ Воронежѣ 1809 г., . тамъ же въ 1842 г. Отецъ его былъ ронежскій мѣщанинъ. Онъ началъ ить своего сына грамотѣ на деся-мъ году, у одного изъ семинари-овъ. Такъ какъ ребенокъ скоро ей учился, то его отдали въ воронеж-кое уѣздное училище, изъ котора-) онъ вышелъ, пробывъ около че-рехъ мѣсяцевъ во второмъ классѣ. прочемъ Кольцовъ не имѣлъ ника-го элементарнаго образованія. Не отря на свои способности, онъ самъ вствовалъ, что его умственному су-ествованію не достаетъ твердой ос-вы и что, вслѣдствіе этого, онъ ча-о приобрѣтаетъ съ трудомъ то, что гко усвоивается людьми, хотя не-лекими, но воспользовавшимися рвоначальнымъ обученіемъ. Съ учи-ща онъ началъ пристращаться къ емію. Получаемыя отъ отца деньги игрушки, онъ употреблялъ на по-нку сказокъ: читая ихъ, онъ самъ чувствовалъ охоту составлять что будь въ ихъ родѣ. По выходѣ изъ колы, Кольцовъ сталъ помогать от-въ торговлѣ его скотомъ, и зимой дилъ съ прикащиками на базары для купки и продажи товара, а лѣтомъ лъ въ степи, которой впечатлѣнія зываются въ піесахъ: «Косарь, Мо-ла, Путникъ, Ночлегъ чумаковъ, ѣтокъ, Пора любви», и другія (**).

Читая ихъ, видишь, что авторъ ихъ— сынъ степи, что степь воспитала его и взлелѣяла. По возвращеніи въ городъ, ожидали его сказки и товарищи. Бывши еще въ училищѣ, онъ сблизился съ ровесникомъ ему по лѣтамъ, сыномъ богатаго купца, у котораго было много книгъ, и друзья пользовались ими свободно. Такъ Кольцовъ провелъ три года. Въ это время онъ лишился своего друга (которому написалъ стихотвореніе: «Ровеснику»). Чтеніе служило ему утѣшеніемъ. Сочиненія И. Дмитріева, нечаянно купленныя имъ на рынкѣ, возбудили въ немъ страсть къ поэзіи. Гармонія стиха и риѳмы полюбилась ему, хотя онъ и не понималъ, что такое стихъ и въ чемъ его отличіе отъ прозы. Онъ самъ захотѣлъ слагать звучныя строфы съ риѳмами; но у него не было ни матеріала для содержанія, ни умѣнья для формы. «Три видѣнія» были первымъ его стихотворнымъ опытомъ, написаннымъ въ водражаніе одной піесѣ Дмитріева. На деньги, которыя онъ иногда получалъ отъ отца, купилъ онъ сочиненія Ломоносова, Державина, Богдановича. Воронежскій книгопродавецъ, тронутый любовью Кольцова къ стихотворству, подарилъ ему Русскую просодію и предложилъ безденежно давать книги для прочтенія. Кольцовъ съ жадностью началъ читать все, и хорошее и дурное, и вскорѣ его небольшая библіотека обогатилась сочиненіями Жуковскаго, Пушкина, Дельвига.

Въ этомъ чтеніи и попыткахъ на стихотворство прошло пять лѣтъ. Онъ достигъ семнадцатилѣтняго возраста. Піесы: «Если встрѣчусь съ тобой, Ты не пой, соловей, Не шуми ты, рожь, Примиреніе, Міръ музыки, относятся къ эпохѣ чувствъ и привязанностей,

---

Прасолъ — торговецъ скотомъ.

) Вотъ нѣсколько стиховъ изъ картины степи:

Степь раздольная
Далеко вокругъ,
Широко лежитъ,
Ковылемъ - травой
Разстилается!
Ахъ, ты степь моя,
Степь привольная,
Широко ты, степь,
Пораскинулась,
Къ морю Черному
Понадвинулась.

болѣе сильныхъ, чѣмъ дѣтская дружба. Знакомство и дружба съ Серебрянскимъ много подѣйствовали на эстетическое развитіе Кольцова, который нашелъ въ своемъ другѣ судью безпристрастнаго, знающаго дѣло. Съ этихъ поръ и прежнія его стихотворенія, и вновь написанныя, достигли той степени удовлетворительности, что стали годиться для печати.—Въ 1831 г., Кольцовъ, по дѣламъ отца своего, пріѣхалъ въ Москву и чрезъ Станкевича, сына воронежскаго помѣщика, пріобрѣлъ нѣсколько новыхъ знакомствъ. Въ 1835 г. Станкевичъ издалъ, на свой счетъ, 18 его піесъ, которыя доставили автору извѣстность въ литературномъ мірѣ. 1836 г. былъ эпохою въ жизни Кольцова. По дѣламъ отца, онъ долженъ былъ побывать въ Москвѣ и въ Петербургѣ и пробыть довольно долгое время въ обѣихъ столицахъ. Въ Москвѣ познакомился онъ со многими литераторами, въ Петербургѣ съ кн. Одоевскимъ, Пушкинымъ, Жуковскимъ и кн. Вяземскимъ, былъ хорошо ими принятъ и обласканъ. Съ особеннымъ чувствомъ вспоминалъ онъ о радушномъ пріемѣ, который оказалъ ему тотъ, кого онъ съ трепетомъ готовился увидѣть — Пушкинъ. Въ 1838 г. Кольцовъ опять былъ по дѣламъ въ Москвѣ и Петербургѣ. Въ этотъ разъ онъ особенно долго жилъ въ Москвѣ, и до отъѣзда въ Петербургъ, и по возвращеніи изъ него, и жизнь въ Москвѣ тогда особенно полюбилась ему. Постоянно - пріятное расположеніе духа было причиною, что онъ написалъ въ это время много хорошаго. Возвращеніе домой было для него довольно грустно. Онъ вдругъ почувствовалъ, что есть другой міръ, который ближе къ нему и сильнѣе манитъ его къ себѣ, нежели міръ степной жизни. Невозможность жить въ этомъ другомъ мірѣ, необходимость остаться въ мірѣ прежнемъ, были причиною его унынія, тоски, апатіи. Счастливое окончаніе нѣкоторыхъ важныхъ для благосостоянія семейства дѣлъ и лестное вниманіе Жуковскаго въ Кольцову,—вниманіе, которому свидѣтелемъ былъ Воронежъ, 1837 г., способствовали возвышенію его въ глазахъ сограждан. Осенью 1840 г. снова представился Кольцову случай ѣхать въ Москву и Петербургъ, по двумъ тяжебнымъ дѣламъ. Одно дѣло было проиграно, а другое (въ Москвѣ) кончилось хорошо, чѣмъ какъ и въ прежнихъ дѣлахъ, онъ особенно былъ обязанъ благородному участію князя П. А. Вяземскаго. По возвращеніи домой, онъ нашелъ и дѣла въ упадкѣ и разстройствѣ, и принялся ихъ устроивать. Онъ долженъ былъ жить и трудиться безъ копѣйки въ карманѣ. Тогда имъ овладѣла одна мысль—устроивши дѣла, ѣхать въ Петербургъ. Но болѣзнь не позволила ему исполнить этого намѣренія и прекратила его жизнь на 34 году отъ рожденія.

2) Стихотворенія Кольцова, с портретомъ автора, его факсимиле статьею о его жизни и сочиненіяхъ изданы въ 1846 г. Они расположены по годамъ и раздѣлены на два отдѣла: въ первомъ помѣщены лучшія, избранныя (79 піесъ); второе, въ видѣ приложенія, содержитъ 46 стихотвореній слабыхъ, но болѣе или менѣе любопытныхъ по отношеніямъ къ жизни и личности автора, который началъ писать съ 1825 года.

3) Стихотворенія Кольцова можно раздѣлить на три разряда. Къ первому относятся піесы, въ которыхъ онъ былъ подражателемъ поэтовъ, наиболѣе ему нравившихся. Таковы піесы «Сирота, Ровеснику, Маленькому брату, Ночлегъ чумаковъ, Вздохъ на могилѣ Веневитиновa, Утѣшеніе, Соловей» и др. Піесы: «Очи, очи голубыя, Разсмолвка, Люди добрые, скажите, Теремъ, По-надъ Дономъ садъ цвѣтетъ, Домовой» составляютъ переходъ отъ подражательныхъ опытовъ къ настоящему его роду—русской пѣснѣ.

ъ русскихъ пѣсняхъ талантъ
льцова выразился во всей своей
отѣ и силѣ. Первыя пѣсни его
и чѣмъ-то среднимъ между роман-
ъ и русскою пѣснію, и потому по-
ли на русскія пѣсни то Дельви-
то Мерзлякова. Но съ пѣсенъ:
не пой, молодецъ» и «Не шуми
рожь», начинается рядъ русскихъ
енъ, имѣющихъ свои особенныя
йства. Въ нихъ и содержаніе и фор-
чисто русскія. Видно, что авъ
ихъ родился для этого рода пов-
: Бытъ, среди котораго онъ вос-
ывался и выросъ, былъ почти тотъ
крестьянскій бытъ, хотя и нѣсколь-
выше его. Кольцовъ выросъ среди
ней и мужиковъ. Онъ не мечтою и
браженіемъ, а душею и сердцемъ
билъ русскую природу. Онъ зналъ
ню, имъ изображаемую, не по на-
ышкѣ, не изъ книгъ, не посредствомъ
нія, а потому что самъ, по своей
родѣ и своему положенію, былъ
олнѣ русскій человѣкъ. Онъ носилъ
себѣ всѣ элементы русскаго духа.
сни его вѣрны дѣйствительности,
ны народности и въ чувствѣ и вы-
женіи. Чувство его глубоко и силь-
не впадаетъ въ сентиментальность,
не тамъ, гдѣ становится нѣжнымъ и
ательнымъ. Относительно выраже-
, лучшія его пѣсни представляютъ
ство самыхъ оригинальныхъ об-
овъ въ высшей степени русской
зіи. Къ такимъ пѣснямъ принадле-
тъ: «Пѣснь пахаря, Урожай, Крест-
ская пирушка, Что ты спишь, мужи-
къ, Измѣна суженой, Ахъ, зачѣмъ
ла, Двѣ пѣсни Лихача-Кудрявича,
ревенская бѣда, Въ непогоду вѣ-
ръ, Лѣсъ» и др. Нѣкоторыя изъ нихъ
ютъ повѣствовательный характеръ
мѣна суженой, Деревенская бѣда,
ство, обѣ пѣсни Лихача-Кудря-
ча), а другія драматическій («Хуто-
къ и Ночь»). Размѣръ его пѣсенъ
едставляетъ особенности: дактили-
ое окончаніе ямбовъ и хореевъ, по-
рнема (такъ называемая бѣдная рие-
ма) вмѣсто риемы. Кольцовъ не имѣлъ
яснаго понятія о версификаціи и руко-
водствовался только своимъ слухомъ.

Къ третьему разряду произведеній Кольцова принадлежатъ «думы». Онѣ ниже его пѣсенъ: нѣкоторыя даже слабы, и только немногія прекрасны. Въ нихъ онъ силился выразить порывы своего духа къ знанію, разрѣшить вопросы возникавшіе въ умѣ. И потому въ нихъ двѣ стороны: вопросъ и рѣшеніе. Въ первомъ отношеніи нѣкоторыя думы очень замѣчательны (Великая тайна, Неразгаданная истина, Молитва, Вопросъ). Но во второмъ отношеніи, думы не представляютъ значенія, да и не могли его представлять. Сильный, но не развитый умъ, томясь великими вопросами и чувствуя себя не въ силахъ разрѣшить ихъ, обыкновенно старался успокоить себя или реторическими фразами, или ироническими выходками. Но особенное достоинство думъ заключается въ ихъ чисторусскомъ, народномъ языкѣ. Кольцовъ по необходимости прибѣгалъ къ складу русскаго выраженія: простой человѣкъ, онъ смотрѣлъ понятіями простолюдина на умственные вопросы и говорилъ его языкомъ: отсюда искренность и наивность его думъ, составляющая ихъ важное достоинство (О жизни и сочин. Кольцова, при его стихотвореніяхъ).

Пѣсня: пѣла, пѣла пташечка.

1) Баронъ Дельвигъ (Антонъ Антоновичъ) род. 1798 года въ Москвѣ, ум. 1831 г. въ Петербургѣ. Первоначальное образованіе получилъ въ частномъ пансіонѣ; въ концѣ 1811 г. вступилъ въ Царскосельскій лицей. «Способности его» — говоритъ Пушкинъ (см. 1-ю ч. Христоматіи, статью о Дельвигѣ) развивались медленно. Память у него была туга, понятія лѣнивы. На 14-мъ году онъ не зналъ никакого иностраннаго языка и не оказывалъ склонности ни къ какой наукѣ.

Въ немъ замѣтна была только живость воображенія. Любовь къ поэзіи пробудилась въ немъ очень рано. Онъ зналъ почти наизусть собраніе русскихъ стихотвореній, изданное Жуковскимъ. Съ Державинымъ онъ не разставался. Клопштока, Шиллера и Гельти прочелъ онъ съ однимъ изъ своихъ товарищей, живымъ лексикономъ и вдохновеннымъ комментаріемъ. Горація изучилъ въ классѣ, подъ руководствомъ профессора Кошанскаго. Дельвигъ никогда не вмѣшивался въ игры, требовавшія проворства и силы; онъ предпочиталъ прогулки по аллеямъ Царскаго Села и разговоры съ товарищами, коихъ умственныя склонности сходствовали съ его собственными, и дружескія и литературныя связи соединяли Дельвига съ извѣстнѣйшими нашими поэтами, особенно съ Пушкинымъ, который, получивъ извѣстіе о его смерти, писалъ одному изъ своихъ друзей, что «никто на свѣтѣ не былъ ему ближе Дельвига». Въ другомъ письмѣ онъ говоритъ: «Я былъ свидѣтелемъ перваго, незамѣченнаго развитія его (Дельвига) поэтической души и таланта. Съ нимъ читалъ я Державина и Жуковскаго; съ нимъ толковалъ обо всемъ, что «душу волнуетъ, что сердце томитъ». Жизнь его богата не романическими приключеніями, но прекрасными чувствами, свѣтлымъ, чистымъ разумомъ и надеждами». Въ третьемъ письмѣ (послѣ женитьбы), говоря о своемъ счастіи, онъ заключаетъ: «Память Дельвига есть единственная тѣнь моего свѣтлаго существованія». Самъ Дельвигъ, въ «Посланіи къ Пушкину» (изъ Малороссіи) называетъ его своимъ братомъ по Музѣ, своимъ Орестомъ. Кромѣ Пушкина, Баратынскій и Языковъ мѣнялись съ Дельвигомъ дружескими посланіями. У Языкова есть стихотвореніе: «На смерть Дельвига». Въ посланіи къ Языкову, Дельвигъ вмѣняетъ себѣ въ особенную заслугу, что онъ всегда стремился къ возвышеннымъ пѣвцамъ съ пристрастной любовью:

Я «Пушкина» младенцемъ
б
Съ нимъ раздѣлялъ и гр
наслажд
И первый я его услышалъ
И за себя боговъ благосл
Пѣвца «Пировъ (*)» я съ
подруж
И славой ихъ горжусь въ в
ражде

2) Сочиненія Дельвига: а) (
творенія (два изданія: первое—
г., второе — 1850 г., въ Полн.
сочин. рус. авторовъ, Смирдин
Сѣверные цвѣты, альманахъ,
вался Дельвигомъ въ 1825 —
г., 6 книжекъ; в) Литературная
та, издавалась 1830 г., 72 №.
Дельвигъ не былъ изъ числа пр
ныхъ поэтовъ. Онъ самъ откры
ворилъ о своей лѣни, въ «Посл
Илличевскому»:

Я благотворности труда
Еще, мой другъ, не постиг
Лѣниться, говоритъ, бѣда
А я въ бѣдѣ сей утопаю,
И, пробудившись, забыва
О чемъ заботился вчера.

Друзья Дельвига; въ своихъ
му посланіяхъ, называли его
вымъ мудрецомъ, безпечнымъ по
счастливымъ своею безпечност
проч. Поэтическою лѣнью объя
ся малое количество стихотв
Дельвига, хотя онъ началъ писа
1818 г.

3) Въ стихотвореніяхъ Дельви
ключаются два главные отдѣла:
вый—подражанія древнимъ (пр
щественно идиллія), второй—п
романсы.

А) Каждое изящное произв
состоитъ изъ двухъ элементовъ:
(содержанія) и формы (выра
Истинно-поэтическое созданіе,
торомъ бы выразился духъ др
искуства, невозможно. Мы отд
отъ древности пространствомъ,

(*) Баратынскаго.

немъ и народностью, и не можемъ вершенно забыть самихъ себя. Поэтому въ изображеніяхъ нашихъ греческаго или римскаго міра всегда находятся черты, обнаруживающія міръ новый. Самое удачное подражаніе древнимъ классикамъ отражаетъ на себѣ вліяніе тѣхъ началъ, изъ которыхъ образовалась жизнь народовъ христіанскихъ: чувства религіознаго, романтической любви, перевѣса мысли надъ чувствомъ. Если работа менѣе трудная, какъ напр. переводъ классическаго произведенія на другой языкъ, никогда не достигаетъ полнаго успѣха, то какимъ образомъ искать этого успѣха въ оригинальномъ созданіи по духу классицизма? Даже при чтеніи поэтическихъ произведеній древности сказывается вліяніе новой жизни: занимательность, нами испытываемая, частію вытекаетъ изъ впечатлѣнія на внутреннее чувство, а частію есть плодъ критическаго взгляда. Чтобы понять вполнѣ эстетическую красоту инаго вѣка и народа, необходимо отвлечься отъ нея, прибѣгнуть къ историческому изученію. Поэзія своенародная связываетъ вымыселъ творчества съ жизненною сферою; наслажденіе, доставляемое художествомъ и подлежащее сознанію, здѣсь неразрѣльно съ наслажденіемъ, которое даетъ сама жизнь и которое беремъ мы безсознательно. Такой связи нѣтъ въ подражаніяхъ классическому искуству: образцы его, представленные даже геніальными художниками, заключаютъ въ себѣ извѣстную долю искуственности (а не чистаго искуства, которое создается съ одной стороны изъ того, что внушило сознательное творчество, а съ другой — изъ того, что подсказало безсознательное чувство жизни) и всегда, болѣе или менѣе, запечатлѣно вліяніемъ новой жизни и характеромъ того народа, къ которому принадлежитъ творецъ.

Остается для подражанія форма. Но форма развивается изъ характера идеи. Матеріалъ для нея также образуется изъ жизненныхъ элементовъ того или другаго народа. Такъ какъ ни одинъ поэтъ, какова бы ни была его оригинальность, не въ состояніи отрѣшиться отъ своего времени и отечества, и стать человѣкомъ древняго міра, Грекомъ или Римляниномъ, то и форма его произведенія выражается не органическимъ образомъ. Между нею и мыслью не будетъ внутренней, необходимой, живой связи. Она можетъ выйти механическимъ составомъ, по внѣшности похожимъ на то, чему мы подражаемъ, но въ сущности нисколько на него не похожимъ; ибо мы, подражая живому, создали мертвое, т. е. механическое. Чаще же всего она выходитъ или искаженною, съ измѣненіемъ значенія свойствъ древняго искуства, или смѣшанною, т. е. состоящею изъ древняго, намъ чуждаго, съ новымъ, принадлежащимъ нашей странѣ и народу. Такъ на прим. заимствованія изъ миѳологіи, которыя сдѣлались почти общими поэтическими мѣстами при созданіяхъ въ духѣ классическаго искуства, нисколько не воскрешаютъ классицизма. Миѳологія была для Грековъ системою понятій религіозныхъ, нравственныхъ и политическихъ. Древніе, употребляя миѳологическія картины, употребляли такіе предметы, которые имѣли связь со всѣми другими стихіями жизни: онѣ возбуждали въ ихъ умѣ полное и ясное понятіе обо всемъ, что было дорого для ихъ религіи, національности и поэзіи. У насъ же эти картины суть не что иное, какъ чуждыя пристройки къ зданію, построенному не изъ древняго матеріала, и потому образуютъ фальшивое украшеніе, терпимое потому только, что мы привыкли считать его за истинно-поэтическое.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что Дельвигъ, рожденный съ истинною любовью къ поэзіи, обратилъ свое вниманіе, талантъ и трудъ на искуство классическое, гдѣ столько изящныхъ образ-

цовъ. Первыми его опытами въ стихотворствѣ были подражанія Горацію; оды: къ Діону, къ Лилетѣ, Доридѣ, писаны имъ на пятнадцатомъ году. Но изъ самой невозможности воспроизводить въ полнотѣ духъ и форму древняго искуства, неоспоримо слѣдуетъ, что эта невозможность существовала и для Дельвига, который притомъ не имѣлъ столь сильнаго, такъ называемаго объективнаго дара творить въ духѣ искуства другихъ временъ и народовъ, какимъ владѣли Шекспиръ и Гете, изъ которыхъ одинъ, безъ пособія науки, поэтическимъ инстинктомъ угадывалъ разнообразные національные характеры, а другой укрѣпилъ фантазію силой науки и, вдвойнѣ вооруженный, входилъ въ чужія области и выходилъ изъ нихъ, какъ побѣдитель. Поэтому, отдавая совершенную справедливость благородному сочувствію Дельвига къ классическому искуству и его несомнѣнному поэтическому таланту, вѣря, что онъ упивался звуками эллинской лиры и любилъ искренно Грецію, нельзя согласиться ни съ Гоголемъ, который говоритъ, что лира Дельвига была «почти эллинская», ни съ Языковымъ, который называетъ Дельвига «Грекомъ по душѣ и лирѣ.» Ближе къ истинѣ мнѣніе критики, которая сказала, что «Дельвигъ прикрылъ греческую музу нашею народною одеждою, что онъ на ея классическія формы набросилъ «душегрѣйку новѣйшаго уныния», неизвѣстнаго древнимъ, но свойственнаго народамъ новымъ и особенно жителямъ сѣвера. Еще вѣрнѣе замѣчаніе одного литератора, что стихотворенія Дельвига, въ которыхъ дѣйствуютъ и говорятъ Дафнисы, Амариллисы, Панъ, Сатиръ и т. п., не принадлежатъ собственно ни къ греческой, ни къ русской поэзіи.

Изъ подражаній древнимъ, отъ Дельвига осталось шесть идиллій (лучшая изъ нихъ «Купальницы»), и которыя антологическія піесы. Любя древнюю поэзію, онъ бралъ е раженія и стихотворный размѣръ посланій, сонетовъ и другихъ веденій. Такъ античные образы и Горацієвой оды: «Quem tu Mel ne semel.... ясны въ посланіи къ кину: «Кто, какъ лебедь цвѣ Авзонія».... Сличи эту піесу с дующимъ переводомъ Горація:

Мельпомена безсмертная!
Въ часъ рожденья кому ты у ла
Тотъ не славится доблест
На Истмійскомъ бою, — гор растал
Не течетъ побѣдителемъ;
Ниже громко въ тріумфѣ, ла увѣнчан
По блистательнымъ подвиг
Укротивши царей грозы кичли
Въ капитолію шествуетъ;
Но при звукѣ ключей злачнаг бур
Въ сѣнолаственныхъ рощи
Восхищенный поетъ пѣсни Ле с

Б) Если справедливо, что на кл ческой музѣ Дельвига лежитъ по новѣйшей поэзіи, то не менѣе ведливо, что на его пѣсняхъ, въ рыхъ онъ подражалъ народнымъ нямъ, лежитъ покровъ образов жизни и образованнаго искуства, нельзя назвать ихъ чисто-народ Лучшія изъ нихъ: «Что, красотка дая.... Ахъ ты, ночь ли, ночен Голова ль моя, головушка.... Со мой, соловей... Пѣла, пѣла пташе Отличаясь прекрасныхъ стихомъ, уступаютъ пѣснямъ Мерзлякова, и нихъ обнаруживается поддѣлка (искусная), измѣняющая народност номъ чувствъ и цвѣтомъ выра Такъ русская грусть – тоска св мѣстами къ задумчивости, просто сильное чувство любви къ нѣжн естественная рѣчь къ рѣчи искус ной, болѣе полированной. Прос родіе утратило нѣсколько изъ с истиннаго состоянія, и приближен

лькими ступенями къ жизни образованаго круга.

Элегія.

Говоря о дѣятельности Жуковскаго, я представилъ воззрѣніе Шиллера на наивную и сентиментальную поэзію. Различные роды послѣдней выводитъ Шиллеръ слѣдующимъ образомъ:

Такъ какъ наивный поэтъ слѣдуетъ только природѣ и ощущенію, и ограничивается только подражаніемъ дѣйствительности, то и имѣетъ къ своему предмету только одно отношеніе, и для него не существуетъ никакого выбора въ исполненіи. Если исключить все, касающееся до содержанія, и разсматривать впечатлѣніе со стороны одного только поэтическаго исполненія, то различное впечатлѣніе наивныхъ произведеній основывается только на различной степени одного и того же образа ощущенія. Даже различіе во внѣшнихъ формахъ не въ состояніи произвесть никакой перемѣны въ качествѣ эстетическаго впечатлѣнія. Лирическая ли, эпическая или драматическая форма передъ нами, мы растроганы только слабѣе или сильнѣе, но (если только не беремъ въ соображеніе содержанія) никогда различнымъ образомъ. Чувство наше остается постоянно однимъ и тѣмъ же, въ одного и того же элемента, такъ что мы не можемъ дѣлать въ немъ никакихъ различій.

У сентиментальнаго поэта совершенно иначе. Онъ «отражаетъ» впечатлѣніе, производимое на него предметами, и на этомъ отраженіи основывается то, что онъ самъ растроганъ заставляетъ насъ быть растроганными. Предметъ у него весь подчиненъ ей и на этомъ подчиненіи покоится и его поэтическая сила. Потому сентиментальный поэтъ имѣетъ всегда дело съ двумя несогласными представленіями и ощущеніями: съ дѣйствительностью и съ своею идеей; самое чувство, имъ возбуждаемое, всегда носитъ на себѣ отпечатокъ этого двойственнаго источника: все дѣло состоитъ здѣсь въ томъ, который изъ двухъ перевѣситъ въ ощущеніи и представленіи поэта. Такимъ образомъ различіе въ исполненіи становится возможнымъ. Поэтъ можетъ остановиться на дѣйствительности или на идеалѣ, можетъ представить или дѣйствительность, какъ предметъ отвращенія, или идеалъ, какъ предметъ своего сочувствія. Слѣдовательно его представленіе будетъ или «сатирическое» или «элегическое», въ обширномъ значеніи слова.

Поэтъ бываетъ сатирическимъ, когда своимъ предметомъ избираетъ удаленіе отъ природы и разладъ дѣйствительности съ идеаломъ. Поэтъ бываетъ элегическимъ, когда противополагаетъ природу искуству, а идеалъ дѣйствительности. Элегическій родъ имѣетъ два рода. Природа и идеалъ могутъ быть разсматриваемы или какъ предметы тоски, если одна представлена утраченною, а другой недостижимымъ; или какъ предметы радости, въ томъ смыслѣ, что они дѣйствительны. Первый видъ есть «элегія» въ тѣсномъ смыслѣ, другой — «идиллія».

Печаль въ элегіи должна вытекать изъ вдохновенія, пробужденнаго идеаломъ. Только чрезъ это достигаетъ элегія поэтическаго достоинства; всякій другой источникъ ниже поэзіи. Тоска объ утраченныхъ радостяхъ, о золотомъ вѣкѣ исчезнувшемъ изъ міра, объ улетѣвшемъ счастьѣ юности, и проч., тогда только становится предметомъ для элегіи, когда эти состоянія чувственнаго міра можно, вмѣстѣ съ тѣмъ, представить и предметами нравственной гармоніи. Сколько бы великимъ ни казался предметъ, но, необлагороженный воображеніемъ, онъ есть конечная величина и слѣдов. недостойный предметъ для поэтическаго искуства, которое имѣетъ право тосковать только по безконечномъ.

И такъ содержаніемъ поэтической жалобы долженъ быть не внѣшній, но всегда внутренній идеальный предметъ. Даже оплакивая какую-нибудь дѣйствительную потерю, должно сперва пересоздать ее въ идеальную. Собственно въ этомъ претвореніи ограниченнаго въ безконечное (идеальное) и состоитъ поэтическая обработка. Элегическій поэтъ ищетъ природу, но только какъ идею, въ томъ совершенствѣ, въ какомъ она никогда не существовала, хоть и оплакиваетъ ее, какъ бы нѣчто существовавшее и теперь потерянное.

Простой, нѣжной мягкости нрава и меланхоліи недостаточно для элегической поэзіи. Чтобъ оживить матерію и произвести что-нибудь истинно-прекрасное, необходимо энергическое начало. Произведенія нѣжнаго рода могутъ только разнѣжить. Не услаждая сердца, не занимая души, они только льстятъ нашей чувствительности. Продолжительная склонность къ такому роду ощущенія необходимо разслабляетъ характеръ и погружаетъ его въ то страдательное состояніе, изъ котораго не выходитъ ничего дѣйствительнаго ни для внѣшней, ни для внутренней жизни, а выходитъ только «приторная чувствительность и плаксивая манерность».

Примѣч. Въ силу изложеннаго воззрѣнія на элегію, многія элегіи, пользовавшіяся въ свое время извѣстностью, теряютъ свою цѣну, и только немногія піесы этого рода заслужатъ названіе образцовыхъ. Но лучше строгостью эстетическихъ требованій ограничить количество піесъ, нежели снисходительностью тѣхъ же требованій допустить піесы, дурныя по качеству. Многія элегіи должны быть исключены изъ числа поэтическихъ произведеній потому, что, ограничиваясь только страданіями, происходящими отъ любви, не возводили до идеала предметовъ своего скорбнаго чувства; и потому какъ предметъ, такъ и чувство, имъ возбужденное, оказывались н недостойными поэзіи. Выборъ какъ преимущественнаго или исключительнаго предмета оправдывался стихами Буало poëtique):

La plaintive élégie, en lo
bits de d
Sait, les cheveux épars, gé
un cerc
Elle peint des amants la jo
trist
Flatte, menace, irrite, apa
maitr
Mais, pour bien exprimer
prices heu
C'est peu d'être poëte: il f
amoureu

Хотя не было у насъ ни одн чти поэта, который, въ теченіе литературной дѣятельности, н салъ бы нѣсколькихъ элегій, од господство элегическаго род нившаго оду, въ нашей лите начинается собственно съ Жу го. Отличительное свойство ег указано выше (см. сужденіе ковскомъ). Содержаніе ихъ—т утраченномъ идеалѣ, который мѣненъ никакимъ другимъ иде остался навсегда предметомъ леній. И потому печальное является у него постоянно в воспоминанія, постоянно относ прошедшему. Можетъ оно отно къ будущему, являясь какъ п ствіе, когда поэту грозитъ поте ала. Наибольшее сродство съ э Жуковскаго представляютъ эле лова (см. сужденіе о немъ). Н шее—элегіи Пушкина (см. о нѣ), который ищетъ идеала въ дѣйствительности, и потому, п дорахъ перваго съ послѣдней, щается за примиреніемъ къ дѣйствительности: вотъ причи чему чувство горести разрѣша

(*) У Сумарокова:
Коль хочешь ты писать, та
де ты вл

въ чувство отрады и успокоенія. ая тяжелая скорбь и слѣдов. са- безотрадныя элегіи происходятъ печальнаго воззрѣнія на жизнь, а поэтъ изъ очарованія пришелъ разочарованію, когда онъ, лишась жней цѣли своихъ надеждъ и стремій, не видитъ другихъ цѣлей. Тако- элегіи Баратынскаго и Лермонтова. Чувство печали, какъ и всякое дру- чувство, можетъ выражаться двоя- ъ образомъ: или «непосредствен- , когда поэтъ высказываетъ это ство прямо, безъ помощи другихъ дметовъ; или «посредственно», ког- поэтъ высказываетъ его посред- омъ описанія или повѣствованія. послѣднемъ случаѣ, элегія можетъ ваться «эпической». Примѣры эпи- скихъ элегій даны намъ Жуковскимъ еонъ и Эсхинъ), Батюшковымъ (Уми- ющій Тассъ), Пушкинымъ (Андрей енье), и другими.

Примѣч. Введеніе въ литературу оизведеній поэтическаго рода, ко- рыхъ еще не было въ ней, возбуж- я съ одной стороны противодѣй- вія, съ другой производитъ по- жанія. И то и другое доходитъ огда до крайностей, злоупотребле- , которыя вызываютъ наконецъ са- ру. Размноженіе торжественныхъ ъ заставило И. Дмитріева написать ужой толкъ»; размноженіе элегій за- авило Баратынскаго написать «По- аніе къ Богдановичу». Баратынскій ѣется надъ тѣми стихотворцами, ко- рые безпрерывно летятъ «въ туман- ю даль, съ отцвѣтшею душой». Онъ воритъ: «по слѣдамъ Жуковскаго,

. . . . . всѣ мараки
Ударились въ задумчивыя враки,
У всѣхъ уныніемъ одѣлося чело,
Душа увянула и сердце отцвѣло.»

Эти сочинители элегій пѣли съ го- у Жуковскаго, не имѣя ни его та- та, ни искренняго чувства. Они пустили» на себя печаль. Несчастія ь были несчастіями выдуманными, мствованной хандрой. Имъ изъ чу- жихъ рукъ было знакомо то, до чего истинный поэтъ доходитъ глубокимъ размышленіемъ; опытомъ собственной жизни или прекраснымъ влеченіемъ прекраснаго сердца, богатаго чувствами и потому умѣющаго сочувствовать и радостямъ и горестямъ ближнихъ.

Тѣнь друга.

Это стихотвореніе посвящено памяти Петина (полковника гвардейскаго егерскаго полка), убитаго въ лейпцигскомъ сраженіи, на 26-мъ году жизни. Вотъ что говоритъ о немъ Батюшковъ: «Пріятель мой уснулъ геройскимъ сномъ на кровавыхъ поляхъ Лейпцига. Время изгладило его изъ памяти холодныхъ товарищей, но дружество и благодарность запечатлѣли его образъ въ душѣ моей. Я ношу сей образъ въ душѣ, какъ залогъ священный; онъ будетъ путеводителемъ къ добру; съ нимъ неразлучный, я не стану блѣднѣть подъ ядрами, не измѣню чести, не оставлю ея знамени. Мы увидимся въ лучшемъ мірѣ; здѣсь мнѣ осталось одно воспоминаніе о другѣ: воспоминаніе, прелестный цвѣтъ, посреди пустыней, могилъ и развалинъ жизни». (Воспоминаніе мѣстъ, сраженій и путешествій).—«При одномъ имени сего любезнаго человѣка, всѣ раны сердца моего растворяются, ибо тѣсно была связана его жизнь съ моею. . . . Души наши были сродны. Одни пристрастія, однѣ наклонности, таже пылкость и таже безпечность, которыя составляли мой характеръ, въ первомъ періодѣ молодости, плѣняли меня въ моемъ товарищѣ. Привычка быть вмѣстѣ, переносить труды и безпокойства воинскія, раздѣлять опасности и удовольствія, стѣснили нашъ союзъ. Часто и кошелекъ, и шалашъ, и мысли, и надежды были у насъ общія.—Тысячи прелестныхъ качествъ составляли сію прекрасную душу, которая вся блистала въ глазахъ молодаго Петина. Счастливое лице, зеркало доброты и откро-

венности, улыбка безпечности, которая исчезаетъ съ лѣтами и съ печальнымъ познаніемъ людей, всѣ плѣнительныя качества наружности и внутренняго человѣка доставляся въ удѣлъ моему другу. Умъ его былъ украшенъ познаніями, и способенъ къ наукѣ и разсужденію: умъ зрѣлаго человѣка и сердце счастливаго ребенка — вотъ, въ двухъ словахъ, его изображеніе». (Воспоминаніе о Петинѣ).

О времени сочиненія піесы: «Тѣнь друга», см. въ характеристикѣ Батюшкова.

Вѣточка.

1) Веневитиновъ (Дмитрій Владиміровичъ) род. въ Москвѣ 1805 г., гдѣ и провелъ большую часть краткой своей жизни, ум. въ Петербургѣ 1827 г. Въ немъ соединилось все, что необходимо для человѣка, желающаго посвятить себя литературѣ. Достаточнымъ состояніемъ былъ онъ совершенно обезпеченъ на томъ поприщѣ, которое требуетъ независимости и довольства. Попеченія нѣжной матери доставили ему отличное воспитаніе и образованность, что избавляетъ молодаго человѣка отъ многихъ тяжелыхъ усилій во время первыхъ литературныхъ опытовъ. Прилежно изучивъ многіе древніе и новые языки, онъ читалъ творенія классиковъ, которые давали ему большія средства къ обширнымъ и основательнымъ литературнымъ изслѣдованіямъ, и въ свободные часы переводилъ стихами отрывки, особенно его поражавшіе. Чтеніе критическихъ книгъ было также съ раннихъ лѣтъ однимъ изъ любимыхъ его занятій. Почувствовавъ со временемъ всю бѣдность сужденій, основанныхъ на однихъ частныхъ наблюденіяхъ, онъ ревностно сталъ изучать нѣмецкихъ критиковъ и съ жаромъ принялся за философію, которая стремится всѣ знанія привести къ единству. Съ тѣхъ поръ *предметомъ* его размышленій было *его собственное*, внутреннее чувство. Повѣрять, распознавать его бы[ло] главнымъ занятіемъ его разсудка. О[н] того, не смотря на веселость, [и] на самозабвеніе, съ которымъ [он] онъ предавался минутному распол[о]женію духа, характеръ его былъ с[о]вершенно меланхолическій. Приро[да] какъ бы съ удовольствіемъ образов[ала] Веневитинова, надѣливъ его т[а]лантами, самыми увлекательны[ми]. Живопись и музыка, поэзія и фил[о]софія были имъ обработываемы, не [по] влеченію суетности, а по врожденн[ой] склонности. Вѣрный и независим[ый] вкусъ, благородный и открытый обр[азъ] мыслей, свѣтлый и живой умъ, д[ѣ]ское простосердечіе и знаніе потре[б]ностей лучшаго общества, дружел[юб]іе и мечтательность, такъ плѣнител[ь]но сливались и обнаруживались [въ] немъ, что, узнавъ его, нельзя бы[ло] не любить. Въ его сердцѣ, также [и] и въ умѣ, соединилось все лучш[ее]. По чистотѣ собственныхъ чувствов[а]ній онъ былъ довѣрчивъ и съ удовол[ь]ствіемъ дѣлился всѣми благами ду[ши] своей. Желаніе служить отечест[ву] отторгло его отъ семейства, въ кр[у]гу котораго находилъ онъ истин[ное] счастье. Въ концѣ 1826 г. перес[ѣ]лился онъ въ Петербургъ и ревност[но] сталъ заниматься службою по м[и]нистерству иностранныхъ дѣлъ. Н[о] здоровье его было уже разстроен[о]. Причиною его преждевременной сме[р]ти были частыя, сильныя потрясе[нія] пылкой, дѣятельной души его. О[ни] разстроили внутренній его организм[ъ] и въ самомъ началѣ весны 1827 [г.] сильная нервическая горячка прес[ѣ]ла юную жизнь его, не богатую сл[у]чаями, но богатую чувствованіям[и]. Онъ умеръ на 22 году отъ рожден[ія], возбудивъ много прекрасныхъ н[а]деждъ, которымъ не суждено бы[ло] осуществиться. (Сочин. Веневит.; Э[н]циклопедическій Лексиконъ, т. 9, статья г. Плетне[ва]; Библ. для воспитанія, изд. А. Сем[е]на, 1844).

2) Сочиненія Веневитинова соста[в]

хъ частей: первая (стихотво-
изд. въ 1829 г., вторая (проза)
I. Въ первой части три отдѣ-
первое содержитъ оригиналь-
хотворенія, съ 1821 по 1826
ое тоже оригин. стихотв. съ
по 1827 г., третье—переводы
е (Земная участь и апофеоза
ика, и Отрывки изъ Фауста).
піесами втораго, какъ болѣе
отдѣла оригинальныхъ сочи-
замѣчательнѣйшія: Поэтъ, Моя
а, Завѣщаніе, Три участи, Къ
лю музыки, Жертвоприношеніе.
рой части помѣщены прозаиче-
атьи, оригинальныя и перевод-
ригинальныя относятся болѣе
ософіи (Письмо къ графинѣ N.
илософіи, Анаксагоръ) и кри-
Разборъ статьи о Евгеніи Онѣ-
помѣщенной въ Московскомъ
афѣ 1825 г., Разборъ разсуж-
ерзлякова: О началѣ и духѣ
трагедіи, Разборъ (на франц.
сцены изъ Бориса Годунова
енной въ Московскомъ Вѣст-
Кромѣ того есть небольшія піе-
писанныя лирической прозой
полдень, вечеръ и ночь, Скульп-
живопись и музыка, Три эпохи
и Нѣсколько мыслей въ планъ
а. Переводныхъ статей двѣ:
(отрывокъ изъ Герена) и Сце-
Эгмонта (Гете).

отя Веневитиновъ умеръ очень
и написалъ очень мало, но
е его въ литературѣ весьма
гельно. Онъ былъ поэтъ и мыс-

сть и простота созданія, опре-
льность и глубина мысли, въ
выказывается свѣтлый и мно-
лющій разумъ, отличаютъ его
ескія піесы. Въ нихъ видна гар-
красоты и истины, составляющая
лежность истиннаго художест-
ъ Веневитинову прилагается
«Поэта», имъ самимъ начер-
:

Ясный лучъ высокихъ думъ
Невольно свѣтлитъ въ ясномъ взорѣ.
. . . . . .
Какъ я люблю его созданья!
Онъ дышитъ жаромъ красотъ;
Въ немъ умъ и сердце согласились;
И мысли полныя носились
На легкихъ крыліяхъ мечты.
Какъ зналъ онъ жизнь, какъ мало жилъ!

Это согласіе ума и сердца, соединеніе жаркаго чувства съ многозначительной мыслью, является, можно сказать, впервые у Веневитинова. По крайней мѣрѣ онъ первый сталъ помышлять о возвышенности содержанія, которая брала бы перевѣсъ надъ красотой формы, о введеніи философскаго, серьезнаго элемента въ поэзію. Лучшія стихотворенія Веневитинова относятся къ 1826 и 1827 годамъ, когда публика уже познакомилась съ прекрасными произведеніями Пушкина, но Пушкинъ былъ исключительно поэтъ-художникъ, творецъ красоты формы, въ чемъ заключается отличительное свойство и величайшее достоинство его стихотвореній. Притомъ же онъ не изучалъ философіи, которая могла бы ему дать серьезное воззрѣніе на міръ, какъ она дала его Веневитинову. Напитанный ученіемъ лучшихъ нѣмецкихъ писателей, Веневитиновъ внесъ идеи науки въ свои поэтическія произведенія. «Не забываемъ ли мы», говоритъ онъ въ разборѣ статьи о Евгеніи Онѣгинѣ, «что всякая наука положительная заимствуетъ свою силу изъ философіи, что и поэзія неразлучна съ философіей»? Такъ какъ характеръ его былъ меланхолическій, то общее направленіе его поэзіи—элегическое: въ ней господствуетъ болѣе жаръ чувства, нежели прозорливость фантазіи. Но это чувство было глубокое: всѣ мгновенные порывы души старался онъ удержать навсегда въ самомъ себѣ, и въ себѣ искалъ отвѣта на загадки жизни. Такое

отдѣленіи его стихотворныхъ опытовъ (съ 1821 по 1826 г.) не все высказывалось отчетливо; но второе и третье отдѣленія показываютъ, что поэтъ уже сильно овладѣлъ своимъ искуствомъ. Переводы изъ Гете дышатъ поэтическою жизнью подлинника. Должно думать, что Веневитиновъ смотрѣлъ на Гете, какъ на идеалъ художника.

Какъ мыслитель, Веневитиновъ извѣстенъ статьями философическими и критическими. Къ первымъ принадлежатъ: Письмо къ графинѣ N. N. О философіи и Анаксагоръ; ко вторымъ: Разборъ статьи о Евгеніи Онѣгинѣ, помѣщенной въ Московскомъ Телеграфѣ, и Разборъ разсужденія Мерзлякова: О началѣ и духѣ древней трагедіи. Всѣ онѣ показываютъ ясность воззрѣнія, твердость логическаго изложенія. Мысли развиваются однѣ изъ другихъ стройно, послѣдовательно. Видно, что авторъ былъ отчетливый наблюдатель, который, изучивъ философію, началъ прилагать ея идеи къ сужденіямъ о философіи и объ искуствѣ. Такъ въ статьѣ о Евгеніи Онѣгинѣ есть много

лова, Елисавета Баскакова, А
ра Хвостова, Марья Поспѣло
Базилевичева, Александра
Екатерина Княжнина (дочь С
ва, жена извѣстнаго трагика
Титова, Елисавета Херасков
га автора Россіяды), Марья
Ржевская, Звенигородская, и

Изъ писательницъ 19 вѣк
зинскаго періода, извѣстнѣйш
Извѣкова (соч. романъ: Эм
печальныя слѣдствія без
любви, 1806, и друг.) и Анн
(полное собраніе ея стихотв
дано 1819—1821). Другія
ницы того-же періода: Лиха
ферова, Турчанинова, Воейк
кова, Титова, Пучкова, Нау
чевская, и проч.

Писательницы Пушкинска
(съ 1820 г.): Княгиня Зин
конская, Марья Лисицына, Д
ская и проч.—Во второе д
Пушкинскаго періода (съ
Авдотья Глинка (переводы из
ра и Гёте, сочин. Жизнь
Богородицы), Надежда Тепло
творенія), Елисавета Кульм

Вечера на Карповкѣ, Повѣсти и разсказы, Очерки Южной Франціи), Ганъ, извѣстная подъ псевдонимомъ Зенеиды Р—вой (сочиненія ея изданы, въ 4 ч. 1843 г.), К. Павлова (романъ: Двойная жизнь; переводы стихотвореній на рус. яз., и собственныя стихотворенія, помѣщенныя въ разн. журн.), Закревская (повѣсти: Институтка и Ярмарка), Станицкій (псевдонимъ): повѣсти ея помѣщены въ журн. Современникъ; Евгенія Туръ (псевдонимъ): сочиненія ея—повѣсти: Антонина, Двѣ сестры, Долгъ, пословица: Первое Апрѣля, романъ: Племянница.

Изъ этого списка видно, что дамы наши давно уже приняли участіе въ литературѣ (со 2-й половины прошлаго столѣтія). Высокій образецъ литературныхъ занятій данъ имъ самою Императрицею Екатериною II. Врожденное чувство скромности и приличія было причиною, что писательницы наши не являлись на судъ критики безъ предварительнаго образованія: различаясь талантомъ и степенью образованія, онѣ сходятся въ томъ, что сочиненія ихъ выказываютъ большее или меньшее умѣнье владѣть перомъ, что въ нихъ нельзя встрѣтить того отсутствія всякой начитанности и даже грамотности, которое и теперь еще составляетъ принадлежность нѣкоторыхъ сочинителей, поставщиковъ на-заказъ изящныхъ словесныхъ издѣлій. Быстрый успѣхъ литературы очевиденъ въ послѣдовательномъ явленіи нашихъ писательницъ: большое разстояніе раздѣляетъ Извѣкову и Бунину, жившихъ въ карамзинскій періодъ, отъ Жуковой, Ганъ, Павловой, Туръ, принадлежащихъ къ пушкинскому періоду. Замѣтимъ, что дѣятельность писательницъ, въ 18-мъ столѣтіи, обращена преимущественно на переводы; а въ 19-мъ столѣтіи, въ періодъ карамзинскій, она переходитъ на сторону оригинальныхъ произведеній. Съ появленія Пушкина гораздо больше стало являться у насъ женщинъ-писательницъ; но число извѣстныхъ именъ умножилось: видимое слѣдствіе болѣе разборчиваго вкуса. Въ эпоху зарождающейся литературы нѣтъ разборчивости ни въ степени талантовъ, ни въ степени образованія: писатели пользуются извѣстностію безъ отношенія къ ихъ внутреннему достоинству. Въ пушкинскій періодъ литературы явились замѣчательныя писательницы: Кн. Волконская, А. Глинка, Готовцева, Теплова, Кульманъ, Гр. Ростопчина, Жукова, Павлова, Ганъ, Туръ.

Изъ писательницъ, сочиненія которыхъ вышли не на русскомъ языкѣ, особенно замѣчательна «Сара Толстая». Она (ум. на 18-мъ году жизни) писала на нѣмецкомъ, англійскомъ и французскомъ языкахъ. Въ стихотвореніяхъ ея, изданныхъ не для публики, а для тѣснаго круга ея родныхъ и знакомыхъ, и переведенныхъ на русскій языкъ (1839—1840 г.), поэтически высказывались чувство меланхоліи, мысль о близкомъ концѣ, о тихомъ покоѣ могилы. Онѣ понятны только въ цѣломъ и въ связи съ жизнію автора. Это—не только поэтическія произведенія, но и поэтическая біографія одного изъ самыхъ оригинальныхъ, самыхъ поэтическихъ, по таланту, судьбѣ и духу, женскихъ существъ.

Баллада.

Форіель, въ классическомъ сочиненіи своемъ: «Histoire de la poësie provençale», говоритъ о происхожденіи баллады слѣдующее:

Баллада существовала еще въ первомъ періодѣ провансальской поэзіи, до временъ рыцарства, и, по всѣмъ вѣроятностямъ, перешла къ ней отъ древней, греко-римской, поэзіи. Сохранивъ ея тонъ и сущность, трубадуры измѣнили только ея внѣшній видъ и обстановку, приноровивъ ее къ выраженію рыцарскаго быта. Такимъ образомъ баллада послужила звеномъ, соединяющимъ поэзію 12-го вѣка, съ

поэтическими преданіями классической древности.

Въ первоначальномъ своемъ смыслѣ, баллада означала небольшую поэму, назначенную для пѣнія, которое сопровождалось пляской. Названіе ея происходитъ отъ греческаго слова ἁλλίζω (прыгать, плясать) и служитъ первымъ признакомъ древняго ея происхожденія въ южной Галліи. Главнѣйшія изъ этихъ плясокъ были круговыя, хороводныя, которыя у Грековъ назывались хорами. Въ нихъ заключалось нѣчто драматическое. Слова пѣсни изображали дѣйствіе, рядъ различныхъ положеній. Пѣснь дѣлилась на нѣсколько стансовъ, каждый стансъ оканчивался однимъ и тѣмъ же припѣвомъ. Танцующіе движеніями и жестами подражали дѣйствіямъ или положеніямъ, о которыхъ говорилось въ пѣсни; во время припѣва, они схватывались руками и составляли кругъ.— Хотя, въ среднихъ вѣкахъ, балладою назывались пляски другаго рода, но безъ сомнѣнія эти пляски были, какъ и прежде, характерныя, подражательныя.

И потому не трубадуры изобрѣли балладу, равно какъ не они изобрѣли танцы, назначенные для баллады. Это былъ одинъ изъ родовъ народной поэзіи, не только предшествовавшей трубадурамъ, но и самой древней въ южной Франціи. Провансальскіе поэты 12-го вѣка, усвоивъ себѣ балладу, придали ей только отдѣлку и изящество, не измѣняя ея сущности. Предметомъ ея поставили они приключенія изъ рыцарской жизни и такимъ образомъ ввели ее въ сферу провансальной поэзіи.

Отсюдя видно, что, въ средневѣковомъ своемъ значеніи, которое мы назовемъ прямымъ или собственнымъ, баллада была пѣснію или небольшой поэмой, изображавшей чувства и подвиги рыцарства. Въ содержаніи ея заключалось нѣчто фантастическое, составлявшее ея отличительное свойство, что совершенно соотвѣтст характеру среднихъ вѣковъ, х теру рыцарства.

Лица баллады, въ собстве смыслѣ взятыхъ, двоякаго рода: ствительныя и фантастическія. и мѣсто дѣйствія избираются при которыхъ фантазія прив разыгрывается. Такъ какъ таин ное, чудесное, неопредѣленное обходимыя принадлежности фан ческаго, то и чувство, внуш балладой, носитъ на себѣ вліяніе принадлежностей.

Какъ произведеніе среднихъ в баллада въ собственномъ с (баллада средне-вѣковая, рыца долженствовала бы кончиться в съ эпохой рыцарства, если б прошедшемъ столѣтіи, нѣмецкіе по сочувствію къ старинѣ, не в сили этого поэтическаго рода. явились баллады Шиллера, Уланда, Бюргера и другихъ, ходно переданныя намъ Жуков

Но фантастическое, лежащ основаніи баллады, не есть иск тельная принадлежность одной нибудь эпохи: оно принадл всѣмъ временамъ и народамъ. О происходитъ баллада въ обшир или несобственномъ, значеніи. небольшая лирическая поэма, чающаяся фантастическимъ сод ніемъ, откуда бы послѣднее н взято. Оно можетъ быть взят рыцарскаго быта (баллада р ская, баллада первоначальнаго чения), изъ греческаго міра (И журавли, Кассандра, Ахиллъ, изъ перваго періода исторіи ка народа (Вѣщій Олегъ), изъ новой рін (Ночной смотръ, Воздушн рабль), изъ народныхъ повѣрій, разуетъ балладу національную ной царь, Бѣсы, Утопленникъ.).

Баллады введены и утверж насъ Жуковскимъ, который про многихъ подражателей. Пушки писалъ нѣсколько народныхъ б

онленникъ, Бѣсы). Есть
Баллады у Лермонтова.
французовъ въ старин-
зывался балладой нѣко-
стихотвореній, отличав-
нною формой. Содержаніе
ять и серьезное и забав-
у Сумарокова есть одна
гическая, а другая—воз-
ова, подходящая къ одѣ.
личаются внѣшнимъ из-
извѣстнымъ числомъ сти-
ъ, ритмъ и расположе-
дникъ.

Идиллія.

иллія превосходно изло-
еромъ въ разсужденіи «о
ентиментальной поэзіи».
лліи—поэтическое пред-
ловѣка въ состояніи не-
счастія, т. е. въ состояніи
ира съ самимъ собою и
щею дѣйствительностью.
ъ эта невинность и это
согласуются съ искуст-
ошеніями городскихъ жи-
извѣстною степенью ци-
то поэты и переставили
твія идилліи изъ суматохи
й жизни въ пастушеское
указали ей мѣсто въ дѣт-
ствѣ человѣчества до на-
изаціи. Отсюда явилась
емая сельская поэзія или
стушеская».
яніе невинности и счастія
ь и послѣ успѣховъ циви-
о можетъ осуществиться,
цивилизація, если она
цѣ будетъ имѣть благое
е, предполагаетъ это со-
оею цѣлью. Идея такого
вѣра въ возможность его
енія мирятъ человѣка съ
, которому онъ подвергает-
. человѣку, среди цивили-
звычайно важно получить
е подтвержденіе о возмож-
ленія этой *идеи*, о возмож-
номъ осуществленіи невиннаго и счастливаго состоянія. Такъ какъ опытъ не даетъ желаемаго подтвержденія, а напротивъ нерѣдко опровергаетъ его, то и здѣсь, какъ во многихъ другихъ случаяхъ, поэзія приходитъ на помощь. Она представляетъ созерцанію чувствъ идею невиннаго быта, осуществляетъ ее.

Подъ счастливымъ небомъ, среди простыхъ отношеній первобытнаго міра, при ограниченномъ знаніи, природа легко удовлетворяется. У всѣхъ народовъ, имѣющихъ свою исторію, есть и свое состояніе невинности, свой золотой вѣкъ; даже всякій отдѣльный человѣкъ не лишенъ своего золотаго вѣка, о которомъ онъ вспоминаетъ съ большимъ или меньшимъ вдохновеніемъ, смотря потому, болѣе или менѣе поэзіи въ его природѣ. Слѣдов. самый опытъ даетъ уже довольно матеріала для изображенія картинъ «пастушеской идилліи». Отъ того-то она и остается прекраснымъ, возвышеннымъ стремленіемъ, и поэтическая сила, представляя ее, движется идеаломъ. Въ самомъ дѣлѣ, для человѣка, отклонившагося отъ естественной простоты, чрезвычайно важно взглянуть снова на природу во всей ея чистотѣ, и посредствомъ этого вѣрнаго зеркала очиститься отъ порчи искусства.

Но здѣсь, т. е. въ пастушескихъ идиллiяхъ, встрѣчается одно обстоятельство, очень уменьшающее эстетическое достоинство подобныхъ стихотвореній. Изображая состояніе человѣка до цивилизаціи, они, вмѣстѣ съ ея невыгодами, исключаютъ и всѣ ея выгоды, и по сущности своей находятся въ необходимомъ раздорѣ съ нею. Они «теоретически» заставляютъ насъ отступать, тогда какъ «практически» мы поступаемъ впередъ, облагораживаемся. Они ставятъ «позади насъ» ту цѣль, къ которой бы должны были «вести насъ на встрѣчу», и потому внушаютъ намъ только грустное

чувство потери, а не радостное чувство надежды. Достигая своей цѣли только чрезъ уничтоженіе всякаго искуства и чрезъ упрощеніе человѣческой природы, они много говорятъ «сердцу» и слишкомъ мало «уму», и потому ихъ однообразный кругъ скоро истощается. Они способны принести излеченіе только душѣ больной, требующей покоя; но душѣ здоровой не въ силахъ дать пищи. Они не въ состояніи оживлять, а могутъ только успокоивать. Этому недостатку, заключающемуся въ самомъ существѣ пастушеской идилліи, не могло помочь все искуство поэтовъ. Правда, у этой отрасли поэзіи не было недостатка въ восторженныхъ любителяхъ, которые, пожалуй, готовы были предпочесть какого-нибудь Амнита или Дафниса величайшимъ произведеніемъ драматической или эпической музы, но подобные читатели судятъ о произведеніяхъ не столько по требованіямъ истиннаго вкуса, сколько по вкусу личному, и потому приговоръ ихъ долженъ приниматься въ расчетъ. Конечно, читатель съ умомъ и чувствомъ не будетъ вовсе отрицать достоинства у подобныхъ стихотвореній, но будетъ рѣже увлекаться ими и раньше ими пресытится.

Сказанное о пастушескихъ идилліяхъ не относится къ поэзіи наивной: потому что въ наивной идилліи никогда нѣтъ недостатка въ содержаніи. Поэзія или представляетъ предметъ со всѣми его границами, «индивидуализируетъ» его; или отстраняетъ отъ предмета всѣ его границы, «идеализируетъ» его. Первымъ путемъ идетъ наивный, вторымъ сентиментальный поэтъ. И такъ первый достигаетъ своего назначенія, если будетъ неизмѣнно держаться природы; второй долженъ вложить въ предметъ идею. Слѣд. сентиментальный поэтъ ошибется въ расчетѣ, если станетъ занимать предметы у наивнаго поэта, потому что, *сами по себѣ*, они ничего не значатъ и только чрезъ выполненіе ста поэтическими. Заимствованіе поставитъ себѣ одинакія гра наивнымъ поэтомъ, не имѣя с бороться съ нимъ въ полной о лительности представленія.

Пастушескія идилліи сентим ныхъ поэтовъ, при всѣхъ усилі куства, не удовлетворяютъ сов но ни ума, ни сердца, потому нихъ выполненъ идеалъ и вм тѣмъ оставленъ тѣсный, бѣдн стушескій міръ, тогда какъ с ло бы избрать или для идеала міръ, или для пастушескаго мі гое представленіе. Они такъ ид что изображенія ихъ теряютъ дивидуальной истинѣ, и вмѣстѣ с такъ индивидуальны, что от страждетъ идеальное значеніе женнаго. Геснеровскій пастуш примѣръ, не можетъ услаждат ни какъ вѣрное подражаніе п ни какъ идеалъ: въ первомъ с онъ слишкомъ идеаленъ, во вто слишкомъ ничтоженъ. До изв степени онъ понравится всѣмъ самъ читателей безъ исключенія му что стремится соединить наи сентиментальнымъ и, слѣдов., у творяетъ нѣкоторымъ образомъ противоположнымъ требованіям даемымъ отъ стихотвореній. Н какъ поэтъ, стараясь соедини представленія, не доводитъ н ни другаго до совершенной по т. е. не дастъ ни природы, ни то и не можетъ выдержать при строгаго вкуса, который въ э ческихъ предметахъ не допуска чего половиннаго.

И такъ въ идилліи, какъ и во поэтическихъ родахъ, должно с выборъ между индивидуально идеаломъ. Если поэтъ чувству себѣ довольно эллинскаго духу, не взирая на все упрямство м бороться съ Грекомъ на его соб номъ полѣ, т. е. на полѣ наивной то пусть онъ предастся ей исключ

ть отстранить отъ себя всякое
ніе сентиментальнаго вкуса на-
ремени. Правда, онъ едва ли до-
ъ образца своего: между ориги-
и счастливѣйшею копіей оста-
сегда значительное разстояніе;
то онъ можетъ создать нѣчто
поэтическое. Но если, напротивъ
ъ завладѣетъ сентиментально-
ческое стремленіе къ идеалу, то
слѣдуетъ онъ его ужъ до по-
хъ границъ, до полнѣйшей чи-
пока не достигнетъ наиболь-
езультата. Да отвергнетъ онъ
ойное стремленіе унизить иде-
тобы пригнать его подъ мѣрку
ческихъ нуждъ и исключить умъ,
олько скорѣе польстить серд-
ведетъ онъ насъ не назадъ къ
у дѣтству, чтобы заставить насъ
драгоцѣнѣйшихъ пріобрѣтеній
пить себѣ покой; да ведетъ онъ
перед къ нашему совершенно-
чтобъ дать почувствовать намъ
ю гармонію. Да поставитъ онъ
ѣлью идиллін — выставить не-
ть и въ предметахъ цивилиза-
всѣми условіями мыслительно-
тонченнаго искуства, общест-
ъ успѣховъ; да ведетъ онъ въ
ъ человѣка, не могущаго болѣе
гиться въ Аркадію.

нтіе такой идиллін есть понятіе
веннаго соединенія благород-
клонностей съ закономъ приро-
идеалъ красоты, приложенный
ствительной жизни. Слѣдов. ха-
ъ такой идиллін состоитъ «въ
енномъ уничтоженіи контраста
дѣйствительностью и идеаломъ»,
вшаго поводъ къ сатирической
Владычествующимъ впечатлѣ-
этого рода поэзіи долженъ быть
но покой свершенія, не лѣни;
проистекающій отъ равновѣсія,
застоя силъ, отъ полноты, не
пустѣнія, — покой сопровож-
чувствомъ великихъ способ-
арованныхъ намъ Небомъ.
ѣч. Къ превосходно-изложен-

ному понятію объ идиллін, прибавимъ еще нѣсколько сюда же относящихся истинно-поэтическихъ строкъ того же автора:

«Недовольство, проистекающее отъ дурнаго употребленія нашихъ способностей и отъ потери въ нашей жизни нравственной гармоніи, служитъ причиною, что мы обращаемся къ природѣ, къ неразумному, поставляемъ ему въ заслугу спокойное состояніе и даже завидуемъ ему въ этомъ, какъ-будто въ его власти не быть тѣмъ, чѣмъ оно есть. Въ такія минуты, живо сознавая несовершенство дѣйствительной жизни, мы не воздаемъ должной справедливости нашему устройству и назначенію — тому, чѣмъ можетъ быть жизнь при умѣ и нравственности.

Въ природѣ мы видимъ тогда счастливую сестру, оставшуюся въ отеческомъ домѣ, изъ котораго мы выбѣжали на чужбину. Едва взглянули мы на всѣ недостатки искуственной жизни, какъ уже съ тоскливымъ желаніемъ хотимъ назадъ, и изъ далекой области искуства слышимъ трогательный зовъ матери. Когда мы были простыми дѣтьми природы — мы были совершенно счастливы; удалились отъ природы и потеряли счастіе. Отсюда проистекаетъ двоякая и различная тоска по природѣ: тоска по ея блаженству, тоска по ея совершенству. Объ утратѣ перваго сожалѣетъ только чувственный человѣкъ; объ утратѣ втораго тоскуетъ только человѣкъ нравственный.

И такъ допроси себя, другъ природы: лѣность ли твоя тоскуетъ по ея простотѣ, или оскорбленная нравственность по ея гармоніи? Когда недостатки искуственной жизни станутъ гнать тебя на лоно природы — допроси себя: пороки ли и безпорядки ненавидишь ты въ этой жизни? Ты съ радостью бросишься тогда въ объятія природы и наградою тебѣ будетъ радость. Тебѣ позволено тогда поставить спокойное наслажденіе дальнею цѣлью,

но только такое наслажденіе, которое должно быть наградой достоинства. И такъ прочь жалобы на трудности жизни, покорись имъ съ самоотверженіемъ, уважай ихъ какъ естественныя условія жизни, заботься о томъ, какъ-бы среди недостатковъ жить самому чисто, среди перемѣнъ — постоянно и законно.

Но если ты ужъ утѣшился о потерянномъ счастіи въ природѣ, пусть ея совершество послужитъ образцемъ для твоего сердца. Когда ты выйдешь изъ своего искуственнаго круга, и она возстанетъ предъ тобою въ своемъ великомъ покоѣ, въ своей наивной красотѣ, въ своей дѣтской невинности и простотѣ, тогда остановись передъ этимъ образомъ и предайся вполнѣ этому чувству: оно достойно твоей прекрасной человѣчности. Не думай болѣе мѣняться съ нею, но прими ее въ себя и стремись соединить ея спокойствіе съ твоимъ развитіемъ. Да окружитъ она тебя, подобно прекрасной идилліи, въ которой ты, среди заблужденій искуства, всегда снова найдешь самого себя и въ своемъ сердцѣ снова возжешь пламя идеала, такъ легко погасающаго въ буряхъ жизни.

Идиллія, говоритъ Гервинусъ, есть поэзія изобразительная, которая къ поэзіи эпической и драматической относится какъ сцена къ дѣйствію, какъ природа къ человѣку. Поэтому идиллія процвѣтала преимущественно въ тѣхъ странахъ, гдѣ являлось преобладающимъ спокойное состояніе жизни. Идилликъ выбираетъ предметомъ своихъ изображеній тѣ классы общества, въ которыхъ царствуютъ миръ и тишина; ибо его произведеніе, обязанное изображать одни мирныя сцены, чуждается страстей. Отъ того-то идилліки, особенно Геснеръ, питаютъ ужасъ ко всякой войнѣ, ко всѣмъ завоевателямъ, къ дѣятельнымъ характерамъ вообще. — Содержаніе сентиментальныхъ идиллій, не исключая и Геснеровыхъ, блѣдно и вяло. Отъ чего идилліки не выбирали себѣ тем воспоминаній юности? Дѣтство наше— истинный золотой вѣкъ; въ этомъ от ношеніи каждый можетъ сказать себѣ: «и я въ Аркадіи родился». если бы въ идилліяхъ представлял былъ окончательно-образовавшійся человѣкъ, разсказывающій о первом періодѣ своей жизни, о событіяхъ, опредѣлившихъ его характеръ и дѣ- ствія, то онѣ избѣжали бы недостатка, свойственнаго имъ всѣмъ. Этотъ не- достатокъ — антипатія къ городской жизни, къ сильнымъ моментамъ наше- го существованія, которыхъ идилли не знаютъ и которые отвергаютъ он не столько изъ опыта, сколько изъ сен- тиментальнаго влеченія къ пустой жиз- ни. Исчезъ бы этотъ недостатокъ, еслибъ идиллія изобразила, на при- мѣръ, какъ человѣкъ, искушенны жизнію, возвращается мыслью къ пер- вому потоку своей жизни — къ міру своего дѣтства, или какъ даже велики люди, потерпѣвшіе неудачи въ свѣт примиряются съ своей судьбой.

Изъ теоріи Шиллера видно, чт главный недостатокъ новыхъ (сента ментальныхъ) идиллій заключается в томъ, что онѣ изображаютъ невинност и счастіе человѣка въ однообраз первобытнаго его состоянія, а не в духовной гармоніи совершенно-окон ченнаго образованія. Французы Италіанцы создали теорію идиллія и основаніи своего воззрѣнія на поэзію у нихъ явилась ложно-классическа идиллія, или пастушеская поэзія. В образцы былъ взятъ Ѳеокритъ, и измѣненный по требованіямъ ложнаг вкуса. Фонтенель, въ разсужден объ эклогѣ, упрекаетъ древнихъ з то, что они не облагораживали при- роды, а изображали ее во всей гру- бости; именами неучей честилъ он пастуховъ Ѳеокрита. Въ «Опытѣ об идилліи», Жоффре находилъ пасту- ховъ Ѳеокрита злыми, сварливыми завистливыми, чародѣями. Но и в болѣе близкую къ намъ эпоху, имен

о въ первое двадцатилѣтіе текущаго столѣтія, Бональ ставилъ Геснера выше Теокрита. — Буало требовалъ отъ идилліи четырехъ качествъ: simplicité, douceur, naiveté, elégance. Мнѣніе французскихъ эстетиковъ объ идилліи вошло въ «Разсужденіе о пастушеской поэзіи», г. Панаева.

Въ нашей литературѣ, изъ переводчиковъ идиллій извѣстны: Мерзляковъ, передавшій намъ идилліи г-жи Безульеръ, эклоги Виргилія, и нѣкоторыя эклоги Теокрита, Біона и Моска; Жуковскій, переведшій сельскія стихотворенія Гебеля, и Гнѣдичъ (см. о Гнѣдичѣ). Оригинальныя идилліи принадлежатъ В. Панаеву, Дельвигу, Гнѣдичу. Всѣ онѣ принадлежатъ къ тремъ разнымъ родамъ. В. Панаевъ подражалъ Геснеру, творцу сентиментальныхъ идиллій (принимая слово «сентиментальный» въ томъ смыслѣ, какой далъ ему Шиллеромъ). Хотя Геснеръ подражалъ Теокриту, но его идилліи покрыты колоритомъ новыхъ временъ. Правда, его пастушки меньше Фонтенелевыхъ похожи на французскихъ придворныхъ, однакожъ и у него есть нѣчто подобное. Въ предисловіи къ идилліи «Смерть Авеля», онъ говоритъ, что, заботясь о тѣхъ холодныхъ господахъ, которые не въ состояніи выносить простодушія древняго міра, онъ хочетъ завязать для нихъ интригу: одно изъ дѣйствующихъ лицъ будетъ нѣжный юноша, другое—воинъ, третье—станетъ говорить лишь то, что можетъ сказать о мірѣ престарѣлый французъ. Его Филлиды и Хлои не что иное, какъ городскія барышни, и дѣвушки его романа: «Дафнисъ»—которыя, желая нарядиться, идутъ къ ручью умывать лицо — въ сущности не разнятся отъ тонкихъ свѣтскихъ дамъ, не умѣющихъ говорить простодушнымъ языкомъ пастушескаго міра. О дѣйствующихъ лицахъ идиллій В. Панаева должно сказать тоже, что Шиллеръ сказалъ о пастухахъ и пастушкахъ Геснера: какъ дѣти природы, они слишкомъ идеальны; какъ идеалы — они слишкомъ ничтожны.

Идиллія Дельвига относятся къ наивнымъ. Онъ подражалъ въ нихъ древнимъ. Каково это подражаніе, сказано при сужденіи о Дельвигѣ. — Одна изъ его идиллій: «Отставной солдатъ» есть очень удачный опытъ народныхъ идиллій.

Народныя идилліи имѣлъ въ виду Гнѣдичъ, написавъ: «Рыбаки.» Онъ выбралъ въ образцы новѣйшихъ нѣмецкихъ идилликовъ (Фосса, Броннера, Гебеля), которые лучше другихъ поняли Теокрита. Они поняли, что идиллія должна остаться на родной почвѣ, пользоваться народнымъ языкомъ, имѣть народное содержаніе. Жаль однакожъ, что бытъ и самый языкъ «Рыбаковъ» идеализированы.— Основательный взглядъ на пастушескую поэзію изложенъ Гнѣдичемъ, въ предисловіи къ переведенной имъ идилліи Теокрита: «Сиракузянки».

Сатира.

Предметъ сатиры—изобразить удаленіе отъ природы и разладъ дѣйствительности съ идеаломъ.

Это изображеніе поэтъ выполняетъ или серьезно, когда онъ творитъ подъ вліяніемъ воли, или шутливо, когда онъ находится въ области разсудка. Въ первомъ случаѣ происходитъ сатира «карающая» (серьезная, важная, патетическая), во второмъ—«шутливая» (забавная).

Въ строгомъ смыслѣ и тонъ негодованія и тонъ забавы чужды цѣли поэзіи. Первый слишкомъ важенъ для игры фантазіи, второй слишкомъ пустъ для серьезности, которая должна быть основаніемъ поэтической игры. И потому для сатирика представляется немаловажная задача: во-первыхъ, въ патетической сатирѣ не оскорбить поэтической формы; во-вторыхъ, въ шутливой — не выпустить изъ виду поэтическаго содержанія. Карающая

сатира достигаетъ поэтической игры, переходя въ возвышенное; шутливая сатира получаетъ поэтическое содержаніе, обработывая предметъ свой изящно.

Основаніемъ сатирическаго вдохновенія долженъ быть идеалъ. Въ сатирѣ, дѣйствительность, какъ недостатокъ, противополагается идеалу, какъ высшей дѣйствительности. Дѣйствительность есть предметъ отвращенія, но это отвращеніе проистекаетъ изъ противопоставленнаго идеала. Въ красотѣ идеала исчезаетъ тяжелое чувство, пробужденное уклоненіями отъ идеала; а величіе идеи, которою мы исполнены, возвышаетъ насъ надъ границами извѣданнаго міра. Слѣдов представляя испорченную дѣйствительность, поэтъ долженъ настроивать насъ къ идеямъ.

Иногда мы ощущаемъ негодованіе на свѣтъ потому только, что насъ ожесточаетъ разладъ между имъ и нашими склонностями. На этомъ матеріальномъ интересѣ вертится обыкновенный сатирикъ, и ему удается иногда этимъ путемъ произвести эффектъ. Но чувство изъ подобнаго источника недостойно поэзіи, которая должна трогать насъ однѣми идеями и только посредствомъ разума отыскивать путь къ нашему сердцу.

Патетическая сатира должна вытекать изъ души, живо проникнутой идеаломъ. Стремленіе къ гармоніи, т. е. къ согласію дѣйствительности съ идеаломъ, должно производить глубокое чувство нравственныхъ противорѣчій, пламенное негодованіе къ нравственной испорченности, которое становится вдохновеніемъ у сатириковъ.

Если патетическая сатира зарождается «возвышенною душою», то насмѣшливая зарождается «прекраснымъ сердцемъ». Первая, въ слѣдствіе своего серьезнаго содержанія, не заключаетъ въ себѣ ничего мелочнаго; вторая, обработывая предметъ внѣ серьезнаго, важнаго содержанія, непр
но впала бы въ мелочность и
ряла бы поэтическую силу, е
исполненіе не облагороживало с
жанія и прекрасная личность по
замѣняла бы мелочности прел
Прекрасное сердце, независим
представляемаго предмета, отн
лѣваетъ на каждомъ выраженіи о
самого себя.

Какъ въ дѣйствительной жизни
и въ поэтическихъ представле
часто случается смѣшивать л
чувство, пріятный талантъ, ве
добросердечіе съ красотою ду
такъ какъ обыкновенный вкус
когда не восходитъ выше прія
то такимъ «пріятнымъ» умамъ
легко завладѣть славою. Есть,
кожъ, необманчивое средство, пом
котораго можно отличать легкос
туры въ человѣкѣ отъ легкости
ла, доброту темперамента отъ н
ной нравственности характера.
обработкѣ труднаго и возвыше
предмета, пріятный умъ непрем
впадетъ въ плоскость и доброта
перамента въ матеріальность, а
но – прекрасная душа перейдет
возвышенное.

Примѣч. 1. Слово сатира пр
мается въ двухъ значеніяхъ: об
номъ и тѣсномъ. Подъ сатиро
обширномъ смыслѣ разумѣется
дое сочиненіе, въ которомъ изо
жается противорѣчіе между дѣ
ствительностью и идеаломъ, въ к
бы формѣ ни являлось это изображ
Въ такомъ смыслѣ къ сатирѣ отн
ся комедіи, многіе романы и пов
(сатирическіе) и другія сочи
Подъ сатирою въ тѣсномъ зна
разумѣется лирическое стихотвор
въ которомъ авторъ отъ себя в
жаетъ чувство негодованія или
смѣшку. Это—сатира собственно
называемая.

Примѣч. 2. Сатира, въ обшир
значеніи этого слова, есть одна
двухъ вѣтвей поэзіи вообще. Ис

ображаетъ изящное. Но есть два пособа изображать его: положительный, или прямой, чрезъ показаніе самого изящнаго; отрицательный, или косвенный, чрезъ показаніе того, что противоположно изящному (неизящнаго, безобразнаго). Мы любимъ, во всѣхъ видахъ и на всѣхъ степеняхъ, истину, добро и красоту, и въ той же мѣрѣ ненавидимъ, во всѣхъ видахъ и на всѣхъ степеняхъ, ложь, безобразіе, зло. Поэзія, выразительница ощущеній, распадается также на два рода: содержаніе одного — чувство любви, глубокой симпатіи ко всему возвышенному и нравственному въ жизни; содержаніе другаго — чувство презрѣнія и антипатіи ко всему пошлому и безнравственному. Послѣдній называется сатирой въ обширномъ смыслѣ, которая принимаетъ разные виды, соотвѣтственно различію изображаемыхъ предметовъ и различію поэтическихъ талантовъ. Въ душѣ каждаго поэта начертанъ идеалъ нравственнаго совершенства—образъ того, чѣмъ долженъ быть человѣкъ. Съ понятіемъ о нравственномъ достоинствѣ сливаетъ онъ общество, чтобы видѣть мѣру его приближенія къ идеалу или мѣру его удаленія отъ идеала. Одинъ изъ поэтовъ вдохновляется достоинствами общества, улучшеніемъ людей, знаками нравственнаго совершенствованія; другой обращается къ противорѣчіямъ истинному достоинству, изображаетъ уклоненія отъ совершенства—«всю (говоря словами Гоголя) потрясающую тину мелочей, опутавшихъ нашу жизнь».—Различіе только въ путяхъ къ цѣли, изъ которыхъ одинъ — отрицательный, или косвенный: изображеніе такихъ людей, какими не должны быть люди; другой — положительный, или прямой: представленіе людей, какъ они должны быть. Но тамъ и здѣсь читатель приводится къ одной цѣли — къ идеѣ объ истинной жизни, о нравственномъ совершенствѣ, о высоко-человѣческомъ достоинствѣ. Чувство нравственнаго совершенства заставляетъ насъ чувствовать всякое отъ него уклоненіе; и на оборотъ: нельзя видѣть уклоненіе отъ идеала, безъ яснаго о немъ понятія. Одинаковость слѣдствія, при различіи способовъ, можетъ выразиться слѣдующей формулой: изображенія сатиры (отрицающей безнравственное) равны изображеніямъ другихъ поэтическихъ родовъ (полагающихъ нравственное). (См. еще о кн. Вяземскомъ, въ примѣч. къ 1-ой части, и статью: Два писателя, Гоголя, во 2-мъ томѣ).

Лучшія отечественныя сатиры, т. е. сатиры въ тѣсномъ смыслѣ, принадлежатъ Кантемиру, Сумарокову, И. Дмитріеву, Воейкову, кн. Вяземскому, Пушкину, Лермонтову.

Метафизикъ.

1) Хемницеръ (Иванъ Ивановичъ) род. 1744 г., въ Петербургѣ, гдѣ отецъ его, родомъ изъ Саксоніи, служилъ надзирателемъ сухопутнаго госпиталя. По желанію отца своего, Хемницеръ занимался медицинскими науками, но не могъ преодолѣть врожденнаго отвращенія къ анатомическимъ операціямъ, и въ 1757 г. поступилъ въ военную службу. Неизвѣстно, въ какихъ полкахъ онъ находился и въ какихъ сраженіяхъ онъ участвовалъ во время семилѣтней войны и въ началѣ турецкой. Увидя, какъ онъ самъ говаривалъ, что изъ анатомической залы попалъ на обширный хирургическій театръ, онъ въ 1769 г., изъ поручиковъ перешелъ на службу при Горномъ Кадетскомъ Корпусѣ. Здѣсь получаемымъ жалованьемъ онъ долженъ былъ содержать себя и семейство (мать и двухъ сестеръ; отецъ уже умеръ). Нужда заставила его заниматься литературою: въ 1769 и 1770 г. написалъ онъ двѣ оды и трагедію «Бланка», оставшуюся въ рукописи; въ 1774 издалъ переводъ съ франц.: Письмо Барнвиля къ Труману изъ темницы, соч. Дора (Dorat). Хемницеръ нахо-

дался тогда въ числѣ одиннадцати членовъ ученаго собранія, учрежденнаго при Горномъ училищѣ, участвовалъ въ разныхъ переводахъ по минералогической части, но болѣе всего любилъ Лафонтена, который далъ ему мысль писать басни. Хемницеръ скрывалъ свои опыты даже отъ друзей своихъ, Н. А. Львова и В. В. Капниста. Въ 1776 г. директоръ Горнаго училища, Соймоновъ, отправился въ чужіе края для возстановленія здоровья. Съ нимъ поѣхалъ Хемницеръ, пользовавшійся его покровительствомъ. Болѣе года пробылъ онъ за границею, въ Германіи, Франціи и Голландіи. Возвратясь въ Петербургъ, передалъ друзьямъ своимъ остроумныя замѣчанія: Германію называлъ ульемъ, наполненнымъ трудолюбивыми пчелами, Голландію—страною, въ которой двигаются только деньги и сундуки, Францію—жилищемъ нестарѣющагося легкомыслія. Въ домѣ Капниста Хемницеръ познакомился съ Державинымъ, который въ послѣдствіи сказалъ о немъ, что «онъ указалъ ему въ сочиненіяхъ особый путь». Львовъ первый узналъ о басняхъ Хемницера и вмѣстѣ съ Капнистомъ уговаривалъ издать ихъ. Хемницеръ долго не соглашался, боясь нѣкоторыхъ «явныхъ намековъ» въ его басняхъ. Наконецъ согласился напечатать ихъ въ 1778 г., «безъ имени». Въ томъ же году издалъ сочиненіе Лемана: «Кобальтословіе», пер. съ нѣм. Въ 1781 г., вмѣстѣ съ Соймоновымъ вышелъ въ отставку, съ чиномъ коллежскаго совѣтника. Въ томъ же году напечатано второе изд. его басенъ, тоже безъ имени. 1782 г., княгиня Дашкова доставила Хемницеру мѣсто генеральнаго консула въ Смирнѣ. Отъ перемѣны климата и разлуки съ друзьями онъ впалъ въ тоску и уныніе, и умеръ 1784 года, выбранный нѣсколько прежде въ дѣйствительные члены Императорской Россійской Академіи. Погребенъ въ Николаевѣ. На *гробницѣ* его вырѣзана эпитафія, имъ самимъ сочиненная, въ подражаніе Фонтену:

Жилъ честно, цѣлый вѣкъ трудился,
И умеръ тѣмъ, какъ тѣмъ родился.

Чрезъ одиннадцать лѣтъ послѣ его смерти (1799 г.) одинъ любитель словесности издалъ его басни въ трехъ книгахъ, съ именемъ автора. Тогда только его басни сдѣлались извѣстными. Послѣ того вышли многія изданія. Хемницеръ былъ добродушенъ, скроменъ, робокъ въ обращеніи, разсѣянъ. Строгая честность, довѣрчивость, трудолюбіе, вѣрность въ дружбѣ отличали его.

2) Басни Хемницера, кромѣ трехъ вышеупомянутыхъ изданій, имѣли много другихъ. Главнѣйшія изъ нихъ «пятое» (1820), напечатанное подъ надзоромъ А. Измайлова, который, въ особомъ предисловіи, написалъ подробное извѣстіе обо всѣхъ изданіяхъ и присовокупилъ характеристику басенъ Хемницера, и «Смирдинское», въ Полн. собр. сочин. русскихъ авторовъ, вмѣстѣ съ сочиненіями Кантемира (1847 г.).

3) Басни Хемницера дѣлятся на переводныя и оригинальныя. Переводилъ онъ изъ Геллерта и Лафонтена. Отличительныя свойства его басенъ: краткость, безъискусственность разсказа и особенно простодушіе, или наивность. Въ нѣкоторыхъ басняхъ его (Друзья, Деревенскій праздникъ и пр.) видно проявленіе народнаго духа, почему не безъ причины говорятъ, что онъ проложилъ путь Крылову. — Недостатки же его басенъ состоятъ въ сухости или холодности развитія, по которой онъ приближается къ Федру и Лессингу, и въ тяжеломъ изложеніи. Нѣтъ у него поэтической живописи, граціи разсказа.—Принимая въ соображеніе то время, въ которое писалъ Хемницеръ, надобно отдать справедливость его языку и стихамъ, хотя послѣдніе оканчиваются у него по большей части глаголами и хотя онъ, по примѣру Сумарокова, употреблялъ часто безъ

ы непріятные для слуха одно-
ные стихи.

Ворона и Лисица.

) Крыловъ (Иванъ Андреевичъ)
1768 г. февраля 2, въ Москвѣ.
ъ его былъ бѣдный армейскій
еръ, по обязанностямъ службы
о перемѣнявшій мѣсто жительст-
воего. Онъ жилъ въ Москвѣ, ког-
родился нашъ баснописецъ, но
ю, по случаю безпокойствъ, воз-
ихъ отъ Пугачева (1771), отпра-
я въ Оренбургъ. Пушкинъ, въ
ріи Пугачевскаго бунта, назы-
ъ его рѣшительнымъ и благора-
ымъ. Пугачевъ, не могшій взять
ой крѣпости, гдѣ распоряжался
ловъ, поклялся повѣсить все се-
тво Крылова, находившееся въ
бургѣ. Такимъ образомъ обреченъ
ь смерти и четырехлѣтній ребе-
, въ послѣдствіи знаменитый Кры-
. Но Провидѣніе спасло его.—По
реніи бунта, отецъ Крылова пе-
елъ въ гражданскую службу и по-
лъ мѣсто въ Твери, гдѣ и оста-
ся до своей смерти (1780 г.). За-
о первоначальномъ обученіи сы-
преимущественно занимали жену
, Марью Алексѣевну, которая при-
ывала разные способы, чтобы за-
тить ребенка учиться чтенію. Ре-
окъ учился у матери прилежно, а
нцузскому языку выучился въ до-
тверскаго губернатора, у францу-
которому позволено было къ его
камъ допускать и постороннихъ
ьчиковъ. Умственныя способности
ущаго баснописца развивались за-
но. Онъ безъ разбора перечиты-
ъ книги, найденныя послѣ отца, и
давался игрѣ воображенія. Драма-
ескія сочиненія произвели на него
ьнѣйшее впечатлѣніе. Онъ началъ
тавлять планы театральныхъ піесъ.
пятнадцатомъ году написалъ онъ
ру «Кофейница», которой образцомъ,
оятно, послужила какая-нибудь
ринная русская опера. Черезъ годъ
по кончинѣ отца, Крылова записали
подканцеляристомъ въ калязинскій
уѣздный судъ, по недостатку вакант-
наго мѣста въ губернскомъ городѣ, а
въ исходѣ того же года переписали
канцеляристомъ въ тверской магист-
ратъ. Нужда заставила мать его от-
правиться въ Петербургъ, гдѣ надѣя-
лась она выхлопотать себѣ пенсію и
найти выгоднѣйшее для сына мѣсто.
Крылову было тогда 15 лѣтъ. На 60
руб., полученные отъ одного книго-
продавца за оперу Кофейница, Кры-
ловъ приобрѣлъ Расина, Мольера и
Боало: послѣдніе два развили его са-
тирическое направленіе. Въ С.п.бургѣ
славился тогда Княжнинъ: не смотря
на свою молодость, Крыловъ пред-
ставился къ нему, а чрезъ него позва-
комился съ актеромъ Дмитревскимъ,
которому показалъ свою трагедію
Клеопатру, подражаніе французскимъ
трагедіямъ, и который присовѣтовалъ
ему уничтожить этотъ ребяческій
опытъ. Въ 1786 кончилъ онъ новую
трагедію «Филомелу»: она не была
играна, но поступила въ «Россійскій
Ѳеатръ», сборникъ драматическихъ
піесъ. Того же года получилъ онъ
мѣсто въ казенной палатѣ, съ жало-
ваньемъ въ годъ по 25 руб. Въ 1788
г. лишился матери, о которой всегда
вспоминалъ съ сердечнымъ умиле-
ніемъ.—По смерти ея, въ томъ же го-
ду, опредѣлился на службу въ Каби-
нетъ Ея Императорскаго Величества,
откуда по истеченіи двухъ лѣтъ, вы-
шелъ въ отставку съ чиномъ провин-
ціальнаго секретаря. Ему казалось,
что періодическими изданіями и заве-
деніемъ собственной типографіи, мож-
но приобрѣсти извѣстность и деньги.
Поэтому онъ, съ 1789 по 1801 г.,
оставался безъ должности, работалъ
для своихъ журналовъ, хлопоталъ по
содержанію типографіи и ревностно
обогащалъ театръ новыми піесами. Въ
1789 г. Крыловъ соединился съ ка-
питаномъ гвардіи Рахмановымъ, чтобы
на общемъ иждивеніи содержать ти-

графію и печатать въ ней свой журналъ: «Почта духовъ». Слѣдующіе два года (1790—1791) Крыловъ не писалъ ничего. Съ 1792 г. приступилъ къ составленію новаго журнала: «Зритель». Изъ числа современниковъ по литературѣ, самое близкое лице къ Крылову въ это время былъ драматическій писатель Клушинъ: онъ участвовалъ и въ содержаніи типографіи его, и въ наполненіи журнала статьями. Прекративъ изданіе «Зрителя», они рѣшились, съ 1793 г., печатать въ общей ихъ типографіи новый журналъ: «Санктпетербургскій Меркурій», который продолжался одинъ годъ, послѣ чего Крыловъ навсегда покинулъ изданіе журналовъ. Театръ еще долго привлекалъ къ себѣ вниманіе Крылова и возбуждалъ его дѣятельность. Отъ сочиненія трагедій онъ отказался, но тѣмъ сильнѣе пристрастился къ комедіямъ въ прозѣ, быстро поставляя ихъ одну за другою. Къ 1793 г. относятся двѣ его піесы: комическая опера «Бѣшеная семья» и комедія «Проказники». Обильно было это время и мелкими стихотвореніями: одно изъ нихъ «Къ счастью» написано въ подражаніе одѣ Державина: «На счастіе.» Въ 1794 г. сочинилъ онъ комедію въ 3 дѣйствіяхъ: «Сочинитель въ прихожей». Слѣдующія шесть лѣтъ (съ 1795 по 1801) Крыловъ не писалъ ничего: онъ оставилъ литературу для развлеченій столицы. Прекрасно играя на скрипкѣ, онъ участвовалъ въ пріятельскихъ концертахъ первыхъ тогдашнихъ музыкантовъ; живописцы искали его общества, какъ человѣка съ отличнымъ вкусомъ (рисованью и музыкѣ выучился онъ случайно, при помощи счастливыхъ способностей); въ дополненіе пособій по литературѣ, выучился онъ по-итальянски и свободно на этомъ языкѣ читалъ книги. Въ 1801 г. онъ удостоился покровительства Императрицы Маріи Ѳеодоровны, которая поручила его рижскому военному губернатору князю С. Ѳ. Голицыну. Поэтъ, которому было тогда 3 занялъ мѣсто секретаря при своемъ начальникѣ. Привычка нятіямъ литературнымъ не о его и здѣсь. Насмѣшливый у отозвался въ Ригѣ шуткой-к турой, извѣстною подъ имене гедіи: «Трумфъ». На другой г вой своей службы, Крыловъ п денъ въ чинъ губернскаго сек а на третій еще разъ покинулъ бу. Князь Голицынъ, испроси увольненіе отъ должности, от ся къ себѣ въ саратовскую д Привыкнувъ къ Крылову и по его, онъ уговорилъ поэта пе къ нему. Безъ родства, ни связанный, мало заботясь о бу можетъ быть, и любопытству путь на деревенскую жизнь ве Крыловъ охотно принялъ его женіе, и оставался въ деревн да. Въ 1806 г. онъ отправился, Москву, въ Петербургъ. Въ русская словесность тогда пр ла. Не только Карамзинъ и Д увлекали молодое поколѣніе Жуковскаго имя уже приобрѣл стность. Крыловъ особенно сб съ Дмитріевымъ. Желая войти въ такія сношенія, которыя б лись предмета для нихъ обоих занимательнаго, онъ, въ св время, перевелъ изъ Лафонт басни: «Дубъ и Трость» и «Ра вая невѣста» (напечатанныя сковскомъ Зрителѣ, 1806 г.) ріевъ, прочитавъ ихъ, совѣтов реводчику не покидать этог поэзіи. Крыловъ послѣдовалъ и въ Москвѣ же перевелъ еще тена: «Старикъ и трое молодых печ. тоже въ Моск. Зрителѣ). уже 38-ми лѣтъ, Крыловъ вы ту дорогу, которая должна бы вести его къ безсмертію. По щеніи въ Петербургъ, онъ сно дался страсти къ театру. Въ напечатаны три его піесы, въ подготовленныя уже прежде: дв

—«Модная лавка и Урокъ дочкамъ», олшебная опера—«Илья Богатырь». 1808 г. Крыловъ вошелъ опять въ ужбу при монетномъ дворѣ и вско- произведенъ въ титулярные совѣт- ки. Нѣсколько новыхъ его басенъ и ю стихотвореніе: «О пользѣ стра- ь», напечатаны въ журналѣ: «Дра- тическій Вѣстникъ». Въ числѣ обра- аннѣйшихъ людей того времени, нимавшихъ непосредственное уча- е въ успѣхахъ отечественной сло- сности и художествъ, былъ А. Н. еенинъ. Крыловъ соединенъ былъ снѣйшею дружбой съ его семейст- мъ. Въ 1808 г. вышло первое изда- е его басенъ въ числѣ 23, разборъ торыхъ Жуковскій помѣстилъ въ Вѣстникѣ Европы», имъ издававшемся. ожно сказать, что Крыловъ только ъ 1808 г. созналъ свое назначеніе, стремивши всю поэтическую дѣятель- ость свою на одинъ родъ. Оставивъ лужбу, онъ провелъ 1810 и 1811 г. въ отставкѣ. Въ концѣ 1811 года ылъ выбранъ въ академики Россій- ой Академіи. Въ 1812 г. опредѣ- ился въ Императорскую Публичную иблiотеку. Съ этой эпохи начинается ля него новая жизнь, тихая, беззабот- ая, однообразная, почти неподвижная. до 1841 г. не перемѣнилъ онъ ни лужбы, ни литературныхъ занятій, ни даже квартиры. Въ первый годъ лужбы его въ Библiотекѣ, Импера- торъ Александръ Павловичъ прика- залъ производить ему, сверхъ жало- анья по должности, 1,500 руб. ас. енсiи изъ собственнаго Кабинета. Че- резъ восемь лѣтъ, эта Монаршая ми- лость была удвоена. Неприхотливому, динокому человѣку теперь не о чемъ ыло заботиться. Онъ и погрузился въ вою поэтическую лѣнь. Въ 1814 г. осударь Императоръ, «въ уваженіе тличныхъ дарованій въ Россійской ловесности», наградилъ Крылова чи- омъ коллежскаго ассессора. Съ это- времени, постепенно возвышаясь, рыловъ въ 1830 г. получилъ уже чинъ статскаго совѣтника, награжден- ный еще прежде крестами Владимір- скимъ и Анненскимъ. Въ 1816 г., Ка- рамзинъ и Жуковскій, одушевители молодаго поколѣнія писателей, пере- селились изъ Москвы въ Петербургъ. Въ домѣ Карамзина собирались не только извѣстнѣйшіе писатели наши, но и тѣ, которымъ предназначено было преобразовать и усовершенствовать разныя отрасли гражданскаго вѣдѣнія. Здѣсь являлся и Крыловъ, какъ общій другъ. Его практическій умъ и тонкое соображеніе находили для себя много пищи, независимо отъ пріятнаго раз- влеченія. Среди того же общества являлся онъ на вечерахъ у Жуковска- го. Въ 1823 г., въ Парижѣ, 57 лите- раторовъ, по предложенію графа Г. Орлова, перевели 89 его басенъ. Из- даніе перевода было роскошное. Не- сравненно выше, спустя нѣсколько времени, оказана была почесть баснo- писцу въ его отечествѣ: въ 1831 г., Государь Императоръ Николай Павло- вичъ, въ числѣ подарковъ Своихъ на новый годъ Великому Князю Наслѣд- нику, изволилъ прислать Его Высоче- ству бюстъ Крылова. 1834 г., по Вы- сочайшему повелѣнію, пенсія — три тысячи руб., получаемая Крыловымъ изъ Кабинета Его Императорскаго Ве- личества, удвоена была суммою изъ Государственнаго Казначейства, «въ уваженіе заслугъ» (какъ сказано въ указѣ), «оказанныхъ имъ отечествен- ной Словесности». Въ 1838 г. отпразд- нованъ былъ пятидесятилѣтній юбилей литературнаго поприща Крылова. Го- сударь Императоръ пожаловалъ его кавалеромъ ордена Св. Станислава 2-й степени и изъявилъ Свое соизво- леніе на выбитіе медали, на счетъ казны, въ память юбилея и на откры- тіе подписки для учрежденія стипен- діи, подъ названіемъ Крыловской. Въ 1841 г. Крыловъ навсегда оставилъ службу. Высочайше предписано было производить ему пенсію изъ госу- дарственнаго казначейства въ 5,700

руб. ас., что съ пенсіею, которую получалъ онъ изъ Кабинета Его Императорскаго Величества, составляло 11,700 руб. ас. Крыловъ сталъ рѣже выѣзжать. Въ отшельнической жизни своей, онъ нашелъ себѣ забаву, обучая дѣтей грамотѣ и прослушивая ихъ уроки музыки. Онъ усыновилъ семейство крестницы своей, которое и помѣстилъ на квартирѣ съ собою. Ему весело было, когда около него играли дѣти. Скончался 6-го ноября 1844 на 77 г. отъ роду. Государь Императоръ дозволилъ открыть подписку на сооруженіе памятника знаменитому нашему баснописцу (см. Жизнь и сочиненія И. А. Крылова, статью П. А. Плетнева, въ Сочиненіяхъ Ивана Крылова, томъ 1).

2) Полное собраніе сочиненій И. Крылова съ біографіею его, написанною П. А. Плетневымъ, издано 1847 г., въ 3 т. «Томъ Первый»—А) Статьи изъ «Почты духовъ» (Письма гномовъ Зора, Буристона и Вѣстодава къ волшебнику Маликульмульку); Б) Статьи изъ «Зрителя» (Каибъ, восточная повѣсть, Ночи I и II, Разсужденіе о дружествѣ, Похвальная рѣчь въ память моему дѣдушкѣ, Рѣчь, говоренная повѣсою въ собраніи дураковъ, Мысли философа по модѣ, или способъ казаться разумнымъ, не имѣя ни капли разума; В) Статьи изъ «Меркурія» (Похвальная рѣчь наукѣ убивать время, говоренная въ новый годъ, Похвальная рѣчь Ермалафиду, говоренная въ собраніи молодыхъ писателей, Примѣчаніе на комедію Смѣхъ и Горе, Театръ). «Томъ второй» — А) Стихотворенія, напечатанныя въ разныхъ изданіяхъ при жизни автора (важнѣйшія: «Подражаніе псалму 37» и «Посланіе о пользѣ страстей») и стихотворенія найденныя по кончинѣ автора въ рукописи (Подражанія псалмамъ, Уединеніе, Письмо о пользѣ желаній, Выборъ изъ Пѣсни пѣсней Соломона, и др.), Б) Басни. «Томъ третій»—Драматическія піесы (Филомела, трагедія въ 5 д., въ стихахъ, Бѣшеная комическая опера въ 3 д., Илья тырь, волшебная опера въ 4 д., діи: Проказники, въ 5 д., Сочи въ прихожей, въ 3 д., Модная въ 3 д., Урокъ дочкамъ, въ 1 д

3) Въ литературной дѣятел Крылова надобно разсмотрѣть: а ни, б) журнальныя статьи, в) др ческія піесы, г) разныя стихотв

А) Басни. Прежде опредѣлен щественныхъ достоинствъ басен лова, покажемъ, какое онѣ зани мѣсто въ историческомъ развити ни, какъ поэтическаго рода.

Въ историческомъ развитіи три степени.

а) Первая степень — басня бытная, или животный эпосъ. Су и сфера этого эпоса обозначены вомъ Гриммомъ, изъ сочиненія раго дѣлаемъ выписку.

Первобытная басня есть не что какъ народный эпосъ. Поэзія, из зивъ судьбу народовъ, жизнь захотѣла изобразить и таинств жизнь животныхъ. Причина этого с ленія заключалась въ связи че съ природой. Фантазія, перешед ницы дѣйствительной связи, при животнымъ высокое значеніе, вліяніе на человѣка, и такимъ зомъ произошли миѳологическія занія о животныхъ, ученіе о пе леніи душъ и другія повѣрь этихъ-то миѳологическихъ преда возникла басня—фантастическій животныхъ. Для объясненія мыс дѣяній звѣрей, надобно было соо имъ даръ слова—и такимъ обр уничтожить главную преграду, ляющую безсловесныхъ тварей разумнаго существа. Повѣрье, животныя говорятъ на какомъ-то кѣ, который могутъ понимать уч отразилось въ первобытной б Выраженія: «когда животныя го ли, и человѣкъ, имѣя общеніе с кими обитателями лѣсовъ и м

...ъ на дружеской ногѣ и съ птица-
..., и съ деревьями», которыя часто
...рѣчаются въ басняхъ и лишены
...ерь значенія, имѣли въ первобыт-
...й баснѣ важный смыслъ. Поэтому
...родная басня (животный эпосъ) идетъ
...домъ съ народной эпопеей: какъ въ
...слѣдней видна вся нравственная
...торона народа, такъ въ первой вы-
...зилась юмористическая сторона на-
...роднаго характера. Народный харак-
...теръ первобытной басни проявляется
...ъ наивности изложенія, проистекав-
...шей изъ глубокой вѣры въ изображае-
...ныя происшествія; также въ мѣстныхъ
...отношеніяхъ, намекахъ на извѣстные
...обычаи и постановленія, въ лицахъ,
...дѣйствующихъ въ баснѣ, въ ихъ ха-
...рактерахъ, въ ихъ дѣйствіяхъ. Въ
...первобытной баснѣ господствуетъ
...единство дѣйствія, ясно указывающее
...на ея эпическій характеръ, соблю-
...дается строгое равновѣсіе между
...свойствами, врожденными животному,
...и тѣми человѣческими качествами,
...которыя придаетъ ему баснописецъ,
...и разборчивость при выборѣ лицъ для
...басни: съ одной стороны онъ избиралъ
...тѣхъ животныхъ, съ которыми чело-
...вѣкъ находится въ частыхъ сноше-
...ніяхъ и слѣд. которыя ему извѣстны,
...а съ другой избѣгалъ животныхъ, ко-
...торыя отъ ежедневныхъ сношеній съ
...человѣкомъ получили уже слишкомъ
...прозаическій характеръ. Въ разныхъ
...странахъ, у разныхъ народовъ въ
...баснѣ дѣйствуютъ различныя живот-
...ныя: германскій медвѣдь замѣняется
...у Грековъ львомъ; вмѣсто лисицы у
...Индусовъ берется шакалъ. Древніе,
...также какъ и новые народы, вѣроятно,
...имѣли свои народныя басни. Доказа-
...тельствомъ служитъ «война мышей и
...лягушекъ», которую нельзя почитать
...произведеніемъ какого-нибудь писате-
...ля (хотя ее и приписываютъ Гомеру),
...но которая, какъ и въ позднѣйшее
...время Reineke Fuchs Гете, есть са-
...тира, основанная на народной баснѣ.—
...Западная басня среднихъ вѣковъ, об-
ширностью содержанія, живою изо-
бразительностью народа первобытнаго
и связью частей превосходитъ все,
что произвела древность по части бас-
ни. Отъ нѣмецкаго корня она выросла
со всею силою эпоса въ Нидерлан-
дахъ, сѣверной Франціи и западной
Германіи.

б) Животный эпосъ есть такой родъ
поэзіи, который можетъ только разъ
родиться въ народѣ, который принад-
лежитъ исключительно фантазіи пер-
вобытнаго человѣка. И потому басня
не могла остаться въ первоначальной
своей формѣ, а должна была полу-
чить новое значеніе и получила его
отъ Эзопа. Въ ней уже изглажены
мѣстныя отношенія. Она стала про-
сто аллегоріей, и въ этой аллегоріи
баснописецъ нашелъ нравственную
сторону. Эзопъ собралъ басни Гре-
ціи и также, вѣроятно, Малой Азіи и
раздробилъ ее на множество отдѣль-
ныхъ басней. Краткія поученія, кото-
рыя называются Эзоповыми баснями,
перешли черезъ столько рукъ, что
совершенно утратили свой первобыт-
ный видъ и свое значеніе; это драго-
цѣнные остатки древней эпической бас-
ни, которые носятъ характеръ выписокъ
и сокращеній и рѣдко возвышаются до
полноты эпоса. Изрѣдка встрѣчаются
возвышенныя мѣста; но они не имѣютъ
связи ни съ предъидущимъ, ни съ по-
слѣдующимъ: это разъединенные чле-
ны большой, народной басни. Федръ
воспроизвелъ Эзоповы басни, потерявшія
у него послѣдніе остатки эпоса и
получившія видъ аллегорическаго раз-
сказа, въ которомъ главное дѣло по-
ученіе. Заимствовавъ у Эзопа одну
форму; онъ не придалъ ей жизни.
Федръ произвелъ множество подража-
телей, которые отъ Эзопа приняли фор-
му, а отъ Федра характеръ, направ-
леніе. Начало новой исторіи (съ XV
вѣка) являетъ множество баснопис-
цевъ; большею частію, они или пере-
дѣлывали басни Эзопа и Федра, или
просто брали предметомъ басни ка-

ной-нибудь случай изъ міра животныхъ или даже событія, происшедшія между людьми, и выводили изъ нихъ нравственное поученіе. Но всѣ эти басни, написанныя въ подражаніе древнимъ, не имѣли въ себѣ ничего народнаго. Такимъ образомъ утвердилось господство дидактическаго направленія басни, родоначальникомъ котораго былъ Федръ и которое продолжалось до новѣйшихъ баснописцевъ. При этомъ направленіи, такъ называемое нравоученіе почиталось сущностью басни, а разсказъ прибавочнымъ украшеніемъ. Басни Лафонтена, не вполнѣ выступая изъ дидактическаго періода развитія басни; отличаются острой шуткой, легкой насмѣшкой, эпиграммическимъ характеромъ. Но наивныя черты, которыя проявляются въ его сочиненіяхъ, не могутъ замѣнить простоты цѣлаго: у него нѣтъ эстетическаго такта; занятый самимъ собою, онъ мало обращаетъ вниманія на развитіе древняго басеннаго матеріала; никогда не достигаетъ онъ всей полноты настоящей басни; приноравливаясь по вкусу своихъ современниковъ, онъ съ цѣлью удаляется въ своемъ легкомъ, пріятномъ разсказѣ отъ Эзоповой простоты и даже отъ Федровой точности, чтобы легкими, свободными стихами придать болѣе пріятности своему сочиненію. Лессингъ глубоко проникнулъ въ греческую басню и понялъ, какъ ниже Эзопа стоитъ Федръ; но онъ не изучилъ древне-нѣмецкой басни, не зналъ Бабрія, древняго греческаго баснописца, и ошибка его состояла въ томъ, что онъ видѣлъ въ лучшихъ греческихъ басняхъ совершенство, а не упадокъ древней басни. Собственныя его произведенія въ этомъ родѣ слишкомъ сжаты и болѣе похожи на эпиграммы. По его мнѣнію, сущность басни заключается въ ея краткости, и въ каждой баснѣ должна высказываться только одна нравственная истина. Мнѣніе это ложно. Нравоученіе, которое поставляли конеч-

вою цѣлью басни, важно ли
соединяющій членъ между фа
басней." Причина извращеннаг
тія о баснѣ слѣдующая: обще
деніе, которому басня служи
мѣромъ, превратили въ отвл
моральное предложеніе или, луч
зать, въ нравоученіе. Такимъ
зомъ вышло «поучительное ст
реніе», въ которомъ эпическо
ческій и поучительно-нравст
элементъ распались на двѣ в
связанныя половины. Но это в
нее противорѣчіе, свойственное
тическимъ стихотвореніямъ
особенно разительно-дурно
лось въ баснѣ, потому что пос
не поэтическая половина бас
будто нѣчто существенное,
же овладѣвала главнымъ мѣ
дѣлала поэтическій разсказъ
средствомъ. А такъ какъ сред
глощается цѣлью и, по дости
теряетъ свою важность, то пр
формѣ басни даже самый д
поэтъ неминуемо долженъ на
въ жалкомъ положеніи безра
мальчика, который отбрасыва
отъ орѣха, оставляя у себя с
Положеніе читателя также не
онъ плѣнился вымысломъ,
говорятъ ему, что онъ долж
быть поэтическій вымыселъ и
только доброе поученіе. Така
басни соотвѣтствовала какъ
лучше существовавшему по
поэзіи, цѣлью которой полаг
приносить пользу и забавлят
вилось особенно тому столѣті
рое искало удовлетворенія хо
удовольствію морализировать
ской страсти къ сказочному.
образомъ басня превратилас
стое упражненіе разума, въ н
хрію; она низведена до прим
ради краткости, дѣйствительн
замѣщено животнымъ. Герде
ражая Лессингу, справедливо
замѣчаніе, что если смотрѣть
ню только со стороны нравоу

лучшія басни содержатъ въ себѣ самыя безнравственныя правила.

в) Въ третьемъ періодѣ развитія, басня есть не что иное, какъ «аллегорическое представленіе того, что дѣйствительно происходитъ въ мірѣ». Въ этомъ аллегорическомъ разсказѣ (преимущественно сатирическомъ) дѣйствующія лица замѣнены соотвѣтствующими имъ характерами животныхъ. Къ какому выводу приведетъ разсказъ — это второстепенное дѣло. Мыслящій читатель извлечетъ изъ него должную идею, которая явится въ немъ не въ видѣ общей правоучительной сентенціи, а въ видѣ меткаго изреченія, соотвѣтствующаго особенному случаю басни и прямо вытекающаго изъ характера лица. Вслѣдствіе этого не басня будетъ служить сентенціи, а сентенція послужитъ драматической и поэтической цѣли басни, т. е. характеристикѣ и дѣйствію. Но послужитъ не въ родѣ костыля, а также, какъ живой членъ служитъ здоровому тѣлу. Такъ, на прим., особенно сильно бываетъ поученіе, какъ самомнѣшка въ устахъ глупца, образумленнаго какимъ-нибудь несчастіемъ. Сказанное опредѣленіе басни рѣдко сознавалось во всей чистотѣ даже самыми лучшими баснописцами, хотя они и осуществляли его въ большей части своихъ сочиненій. Бабрій рѣшительно стремился къ этой формѣ. Этотъ превосходный поэтъ никогда не почитаетъ разсказа пустымъ украшеніемъ, а поученіе сущностью. Къ подобнымъ баснописцамъ, хотя не во всѣхъ басняхъ, принадлежитъ Лафонтенъ. Къ этому же роду относятся и басни Крылова.

До Крылова писали у насъ басни Сумароковъ, Хемницеръ и Дмитріевъ.

Послѣ преобразованія, совершеннаго Петромъ I-мъ, литература наша обратилась къ французской. Такъ, въ баснѣ, Сумароковъ подражалъ Лафонтену, но эти подражанія показываютъ *бездарность. Не вникнувъ ни въ сущность, ни въ правила басни, не понявъ* достоинствъ и недостатковъ Лафонтена, онъ облекалъ заимствованною формою свои притчи, въ которыхъ нѣтъ ничего русскаго. Онъ и не подозрѣвалъ связи искуства съ народнымъ духомъ. Усвоивъ внѣшній видъ образца, онъ думалъ, что усвоилъ и поэзію. — О Хемницерѣ можно сказать, что онъ проложилъ путь Крылову. Онъ не ограничился Лафонтеномъ, но обратился и къ нѣмецкимъ баснописцамъ, и въ Лессингѣ нашелъ достойнаго учителя. Въ басняхъ его мѣстами видно уже проявленіе народнаго духа. Чуждаясь пестроты и многословія Сумарокова, онъ возвратился къ простотѣ и краткости Федра. Жаль только, что безыскусственный разсказъ его переходитъ иногда въ прозаическую холодность и медленность. — Дмитріевъ внесъ въ свои басни живыя краски, поэтическій тонъ и оживленный разсказъ. Онѣ представляютъ образцы ума, вкуса, обработанныхъ стиховъ и живыхъ описаній. Но въ нихъ нѣтъ частныхъ красотъ народности, которыми должны быть отличены и всякая мѣстность и всякая эпоха. — Этотъ народный духъ въ совершенной полнотѣ видимъ у Крылова. Посреди увлеченія къ романтизму, возбужденнаго Жуковскимъ, Крыловъ, силою своего генія, какъ бы въ противоположность идеальному направленію поэзіи, началъ и утвердилъ самобытное, чисто-народное направленіе и заставилъ читать себя всю Россію. Такое важное значеніе въ литературѣ пріобрѣлъ онъ баснею. Но басня, по самой своей сущности, не такой значительный родъ поэзіи, который могъ бы утвердить направленіе: слѣдов. важное значеніе басенъ Крылова заключается въ особенной причинѣ. Эта причина состоитъ не въ томъ, что его басни хороши, какъ басни вообще, т. е. что онѣ имѣютъ качества, общія всѣмъ хорошимъ баснямъ, а въ томъ, что онѣ суть вѣрное выраженіе русскаго человѣка безъ малѣйшей по-

сторонней примѣси. Не литературное достоинство произведеній, а красота ихъ народности: вотъ въ чемъ величіе таланта Крылова. «Крылову принадлежитъ честь единственная, ни съ кѣмъ нераздѣленная: онъ умѣлъ быть, и, что еще важнѣе, онъ хотѣлъ быть Русскимъ въ то время, когда всякое подражаніе почиталось просвѣщеніемъ, когда слово «иностранное» было однозначительно съ словомъ «умное» или «прекрасное» Въ это время Крыловъ не только былъ Русскимъ въ своихъ басняхъ, но умѣлъ еще сдѣлать свое русское плѣнительнымъ (*). «Не увлекаясь, какъ Лафонтенъ, острыми шутками и пріятными стихами, ни, какъ Лессингъ, отвлеченными умствованіями, онъ обратился къ живымъ, народнымъ образамъ и нашелъ въ нихъ богатый матеріалъ. Онъ не ознакомился съ древней народной басней, а принялъ басню отъ Эзопа, Федра и Лафонтена, басню сжатую въ тѣсную раму, но ввелъ въ нее болѣе всѣхъ характеръ народный и тѣмъ придалъ ей высокое значеніе. Объ этомъ національномъ элементѣ Крыловыхъ басенъ выписываемъ полный и вѣрный отзывъ г-на Плетнева: «Предметы національные часто обработываемы были у насъ и другими писателями. Въ нихъ есть мѣста не менѣе счастливыя, какъ и у Крылова. Но достоинство сочиненія опредѣляется совершенствомъ цѣлаго, а не успѣхомъ нѣсколькихъ частей. Одинъ Крыловъ въ каждой баснѣ своей выдерживаетъ съ начала до конца ровный характеръ оригинальнаго русскаго поэта, не сбиваясь на подражаніе или переводъ ни тономъ разсказа, ни ходомъ событія, ни украшеніями слога, ни отдѣлкою стиховъ. Въ его самобытно-русской душѣ, независимо отъ литературъ иностранныхъ и даже отечественной, возникнула въ истинномъ видѣ та часть поэзіи, въ которой онъ явился совершеннѣйшимъ образцомъ. Созрѣла она и вылилась изъ подъ его пера во всей оригинальности. Всѣ хіи, изъ которыхъ такъ прекрасно разовалось это чудное явленіе, минутно носятся передъ нашими гл ми въ жизни Русскаго народа.—Б ше всего у насъ бросались на подр ніе простонародному языку. Дѣйс тельно, это едва ли не существе принадлежность сочиненія, когда ж ютъ сообщить ему характеръ на ности. Языкъ есть полное выраж жизни народа. Надобно только въ вершенствѣ овладѣть имъ, чтобы ко и вѣрно отразились въ сочин всѣ отличія, всѣ красоты спеціал народной жизни и поэзіи. Безчис ные опыты доказали между тѣмъ, искуственный подборъ простона ныхъ словъ также далекъ отъ про народнаго языка, какъ словарь отъ ги. Языкъ повинуется умопредста нію, дѣйствію воображенія, ощущені памяти, навыку чувствъ, ходу разм ленія, склону страстей, словомъ: яз есть таже душа народа, таже наро жизнь, которою поэтъ проникается изображенія дѣйствій, или харак народа. Чтобы заимствованный про народный языкъ сохранилъ въ соч ніи всѣ принадлежности органиче своей природы, сочинителю над прежде принять въ душу свою и въ с це ясный образъ самого народа. К ловъ обладалъ неизъяснимымъ нс ствомъ сливать этотъ языкъ съ об нашею поэтическою рѣчью. Басни проникнуты здравымъ смысломъ нар Русскаго, живущимъ въ его посло цахъ и поговоркахъ, его живымъ ю ромъ, его колкою ироніею. Онъ нар ный философъ, который развиваетъ сто-народныя истины, смотритъ на н русскими глазами и понимаетъ русск здравымъ смысломъ. Этотъ народ характеръ басенъ Крылова не есть сл ствіе глубокаго познанія басни; ни пр шественники его, ни тогдашняя нау ни самый запасъ свѣдѣній, вынесен имъ изъ первоначальнаго образова не могли ему указать на идею нар

(*) *Москвит.*, 1845, N 1.

ги. Она составляетъ плодъ его са-
ытно-поэтической природы. Басни
народны потому, что самъ онъ былъ
икнутъ народнымъ духомъ.»
Кромѣ народности, басни Крылова
вычайно важны еще мыслями, въ
ъ выраженными. Онъ понимаетъ всю
лость тѣхъ безполезныхъ поуче-
, которыми наполнены произведе-
мелкихъ баснописцевъ, и удостои-
тъ своего вниманія только такія, ко-
ыя имѣютъ современное значеніе,
ное отношеніе къ дѣйствительности.
ѣжденія, высказавшіяся въ его со-
ніяхъ, самостоятельны и рѣзки. Въ
снѣ «Безбожники» представлена кар-
на разительная и согласная съ оче-
дностью. Его «Водолазы» рѣшатъ
онъ изъ труднѣйшихъ вопросовъ ка-
гельно просвѣщенія. «Конь и Всад-
къ» есть отвѣтъ на политическіе тол-
. Крыловъ представилъ собою писа-
ля, не увлекавшагося ни современ-
ми соблазнами, ни одностороннимъ
правленіемъ. Для общества онъ про-
вѣдникъ строгаго порядка, правосу-
, законной власти. Злоупотребленія,
роки, происки, глупости нашли въ
ъ неумолимаго обвинителя. Его нра-
ученіе проникнуто свѣтомъ опы-
ъ и мудрости. Ни матеріализмъ,
мистицизмъ не свели его съ той
роги религіи, философіи и поли-
ки, на которой утвердился онъ соб-
веннымъ размышленіемъ. Онъ воевалъ
отивъ крайностей во всемъ, зная,
ъ близко отъ нихъ до бѣды. Вник-
въ мыслію въ тайный смыслъ его ба-
ъ: «Огородникъ и Философъ, Черво-
ъ, Музыканты, Любопытный», кто
почувствуетъ, что по его системѣ
ранство нелѣпо во всѣхъ своихъ
онизмѣненіяхъ? Крыловъ умѣлъ вы-
ить собственное мнѣніе въ самыхъ
ютливыхъ случаяхъ. Не было бича
ительнѣе басни его на спесь, само-
льство, невѣжество и тщеславіе.
статочно для этого вспомнить басни:
еллесъ и Осленокъ, Булыжникъ и
изъ, Оселъ и Соловей, Парнасъ».
Какіе уроки заключилъ онъ въ «Бри-
вахъ, Голикѣ» и во множествѣ другихъ
разсказовъ! Словомъ: книга его басенъ
составляетъ основу истинъ обще-чело-
вѣческихъ, гражданскихъ, семей-
ныхъ и всякаго человѣка, по какой бы
ни проходилъ онъ стезѣ въ жизни. Въ
отношеніи къ Россіи, это лучшая гал-
лерея, въ которой первоклассный жи-
вописецъ собралъ характерные наши
портреты, сохранивши со всею вѣр-
ностію не только ихъ выраженіе, но и
костюмы до послѣдней мелочи. (Соч.
Крыл., т. I).

Вотъ слова изъ объявленія о памят-
никѣ Крылову, въ проэктѣ написанна-
го кн. Вяземскимъ: «Русскій умъ оли-
цетворился въ Крыловѣ и выражается
въ твореніяхъ его. Басни его — живой
и вѣрный отголосокъ Русскаго ума съ
его смѣтливостью, наблюдательностью,
простосердечнымъ лукавствомъ, съ его
игривостью и глубокомысліемъ, не от-
влеченнымъ, не умозрительнымъ, а
практическимъ и житейскимъ. Стихи
отразились живымъ впечатлѣніемъ въ
умѣ читателей его. Крыловъ принадле-
житъ всѣмъ возрастамъ и всѣмъ зва-
ніямъ. Онъ болѣе нежели литераторъ
и поэтъ. Въ этомъ выраженіи есть все
что-то отвлеченное и понятное для
немногихъ; но кругъ дѣйствія его былъ
обширнѣе и всенароднѣе. Слишкомъ
смѣло было бы сравнивать письменныя
заслуги, хотя и блистательныя, съ ис-
торическими подвигами гражданской
доблести. Но вспомня Минина, который
былъ «выборный человѣкъ отъ всея Рус-
скія земли», нельзя ли, безъ всякаго
примѣненія къ лицамъ и событіямъ, ска-
зать о Крыловѣ, что онъ «выборный
грамотный человѣкъ всея Россіи»? Го-
лосъ его раздавался и будетъ разда-
ваться въ столицахъ и селахъ, на уче-
ническихъ скамьяхъ дѣтей, подъ сѣнью
семейнаго крова, въ роскошныхъ па-
латахъ и въ храминахъ науки и про-
свѣщенія, въ лавкахъ торговцевъ и въ
трудолюбивомъ пріютѣ грамотнаго ре-
месленника. Въ басняхъ Крылова въ

стройномъ цѣломъ слились общее и высокое искуство и частный самобытный образецъ, — образецъ, въ которомъ рѣзко и живописно выразились черты русской природы въ проявленіи ея вещественной и духовной жизни».

Наконецъ выписываемъ нѣсколько мѣстъ изъ Гоголя, вѣрно и поэтически охарактеризовавшаго Крылова: «Въ то время, когда наша поэзія совершала такъ быстро своеобразный ходъ свой, воспитываясь поэтами всѣхъ вѣковъ и націй, обвѣваясь звуками всѣхъ поэтическихъ странъ, пробуя всѣ тоны и аккорды, одинъ поэтъ оставался въ сторонѣ. Выбравши себѣ самую незамѣтную и узкую тропу, шелъ онъ по ней почти безъ шуму, пока не переросъ другихъ, какъ крѣпкій дубъ перерастаетъ всю рощу, въ началѣ его скрывавшую. Этотъ поэтъ—Крыловъ. Выбралъ онъ себѣ форму басни, всѣми пренебреженную, какъ вещь старую, негодную для употребленія и почти дѣтскую игрушку — и въ сей баснѣ умѣлъ сдѣлаться народнымъ поэтомъ. Это наша крѣпкая русская голова, тотъ самый умъ, который съ-родни уму нашихъ пословицъ, тотъ самый умъ, которымъ крѣпокъ русскій человѣкъ, умъ выводовъ, такъ называемый задній умъ. Пословица не есть какое-нибудь впередъ поданное мнѣніе, или предположеніе о дѣлѣ, но уже подведенный итогъ дѣлу, отсѣдъ, отстой уже перебродившихъ и кончившихся событій, окончательное извлеченіе силы дѣла изо-всѣхъ сторонъ его, а не изъ одной. Это выражается и въ поговоркѣ: «одна рѣчь не пословица». Въ слѣдствіе этого ума окончательныхъ выводовъ, которымъ преимущественно надѣленъ передъ другими русскій человѣкъ, наши пословицы значительнѣе пословицъ всѣхъ другихъ народовъ. Сверхъ полноты мыслей, уже въ самомъ образѣ выраженія въ нихъ отразилось много народныхъ свойствъ нашихъ; въ нихъ *все есть*: издѣвка, насмѣшка, попрекъ, *словомъ*—все шевелящее и задирающее за живое; какъ стоглазый глядитъ изъ нихъ каждая на че Всѣ великіе люди, отъ Пушкина ворова и Петра, благоговѣли нашими пословицами. Уваже нимъ выразилось многими пог ми: «пословица не даромъ мо или «пословица во вѣкъ не сл Извѣстно, что если съумѣешь з рѣчь ловко-прибранною посл то симъ объяснишь ее вдругъ как бы сама по себѣ ни была о ше его понятія. — Отсюда-то свое происхожденіе Крылов ошибется грубо, кто назоветъ е нописцемъ въ такомъ смыслѣ, комъ были баснописцы Лафо Дмитріевъ, Хемницеръ и наконе майловъ. Его притчи — достоя родное, и составляютъ книгу му самого народа. Всюду у него пахнетъ Русью. Всякая бас имѣетъ сверхъ того, истор происхожденіе. Не смотря на с торопливость и, повидимому, ра ніе къ событіямъ современнымъ однако же слѣдилъ всякое собы три государства: на все подав свой голосъ и въ голосѣ этомъ лась разумная середина, прамир третейскій судъ, которымъ т ленъ русскій умъ, когда достиг своего полнаго совершенства. взвѣшеннымъ и крѣпкимъ сл такъ разомъ онъ и опредѣлитъ такъ и означитъ, въ чемъ его н существо. Особенно слышно, к вездѣ держитъ сторону ума, ка снитъ не пренебрегать умнаго ч ка, но умѣть съ нимъ обращать отразилось въ баснѣ «Музыкан и умному дѣлаетъ онъ также замѣтки, сильно попрекнувши баснѣ «Прудъ и Рѣка» за то, чт задремать своимъ способност строго укоривши въ баснѣ «Соч и Разбойникъ» за развратное и з направленіе. Вообще его занима просы важные. Въ книгѣ его есть уроки, всѣмъ степенямъ въ

твѣ, начиная отъ высшаго сановн
и до послѣдняго труженика, ра-
ющаго въ низшихъ рядахъ госу-
ственныхъ, которому указываетъ
на высокій удѣлъ въ видѣ пчелы,
ищущей отличать своей работы».
бранныя мѣста изъ переписки съ
зьями).

Къ тремъ достоинствамъ басенъ
ылова: внутреннему литературному
ь значенію какъ басенъ вообще, пол-
й національности и высокой совре-
нности, присоединяется четвертое:
стоинство слога и выраженія, по
емуществу народнаго и живопис-
го. Обращаемся опять къ Гоголю, ко-
рый, какъ художникъ, ярко обозна-
лъ художественный элементъ басен-
го разсказа Крылова: «ни одинъ изъ
отовъ не умѣлъ сдѣлать свою мысль
къ ощутительною, и выражаться такъ
ступно всѣмъ, какъ Крыловъ. Поэтъ
мудрецъ слились въ немъ воедино.
него живописно все, начиная отъ
ображенія природы плѣнительной,
озной и даже грязной, до передачи
алѣйшихъ оттѣнковъ разговора, вы-
ющихъ живьемъ душевныя свойства.
е такъ сказано метко, такъ найдено
рно и такъ усвоено крѣпко вещи, что
же и опредѣлить нельзя, въ чемъ ха-
ктеръ пера Крылова. У него не пой-
ешь его слога. Предметъ, какъ бы
имѣя словесной оболочки, высту-
етъ самъ собою, натурою передъ
аза. Стиха его даже не схватишь.
какъ не опредѣлишь его свойства:
ученъ ли онъ? легокъ ли? тяжелъ ли?
учитъ онъ тамъ, гдѣ предметъ у не-
звучитъ; движется, гдѣ предметъ
жется; крѣпчаетъ, гдѣ крѣпнетъ
сль; и становится вдругъ легкимъ,
ѣ уступаетъ легковѣсной болтовнѣ
рака. Его рѣчь покорна и послушна
сли и летаетъ какъ муха, то являясь
ругъ въ длинномъ, шестистопномъ
бѣ, то въ быстромъ одностопномъ;
считаннымъ числомъ слоговъ выда-
ъ она *ощутительно и самую* невыра-
мую ея духовность. Стоитъ вспом-
нить величественное заключеніе басни «Двѣ бочки»:

Великій человѣкъ лишь виденъ на
дѣлахъ,
И думаетъ свою онъ крѣпку думу
Безъ шуму.

Тутъ отъ самаго размѣщенія словъ какъ бы слышится величіе ушедшаго въ себя человѣка.

Б) Журнальная дѣятельность. Крыловъ издавалъ три журнала: «Почта Духовъ» (1789), «Зритель» (1792) и «Санктпетербургскій Меркурій» (1793). Первый названъ въ подражаніе «Адской Почтѣ», журналу издававшемуся Ѳ. Эминымъ. Тогда въ литературѣ господствовало обыкновеніе сатирическую работу передавать какимъ-нибудь духамъ, потому что имъ легче человѣка всюду проникнуть, все увидѣть, вездѣ поспѣть, принять какой угодно видъ. Такая мысль могла остротою своею забавлять общество только разъ, именно — въ книгѣ человѣка, которому она первому пришла въ голову. Но этотъ человѣкъ, къ сожалѣнію, не былъ Крыловъ, который, по истеченіи года, прекратилъ свое изданіе, вѣроятно почувствовавъ, что для журнала недостаточно однохарактерныхъ (т. е. сатирическихъ) статей. Главною цѣлью изданія было патріотическое содѣйствіе къ утвержденію въ Россіи отечественныхъ нравовъ, доблестей, воспитанія, языка, уже и тогда тѣснимаго французскимъ въ высшемъ кругу общества. Глубоко проникнутый убѣжденіемъ, сколько нравственнаго зла распространяется въ государствѣ отъ ложнаго понятія о воспитаніи, и въ какой мѣрѣ задерживаются успѣхи общественнаго образованія отъ предпочтенія иностраннаго языка отечественному, Крыловъ, въ каждомъ періодѣ литературной своей дѣятельности, обращался къ преслѣдованію этого понятія. Оно выражается и въ комедіяхъ: «Модная лавка и Урокъ Дочкамъ» и въ басняхъ: «Крестьянинъ и Змѣя, Бочка, Воспитаніе льва». Сатирическія изо-

сочиненія прочихъ писателей нашихъ въ прозѣ, относящіяся къ одному съ ними времени, и когда подумаешь, что ихъ писалъ двадцатилѣтній молодой человѣкъ, выросшій въ провинціи, не получившій ни воспитанія, ни даже обыкновенныхъ знаній. Разнообразіе предметовъ, до которыхъ онъ касается, выборъ точекъ зрѣнія, гдѣ становится какъ живописецъ, изумительная смѣлость, и въ то же время характеристическая, никогда не покидавшая его иронія, рѣзкая, глубокая, умная и вѣрная — все и теперь еще, по истеченіи слишкомъ полустолѣтія, несомнѣнно свидѣтельствуетъ, что передъ вами группы, постановка, краски и выразительность геніальнаго сатирика. Крыловъ этимъ однимъ опытомъ юмористической прозы своей доказалъ, что, навсегда ограничившись въ послѣдствіи баснями, онъ опрометчиво сошелъ съ поприща счастливѣйшихъ нравоописателей. Тутъ онъ и языкомъ русскимъ далеко опередилъ современниковъ, тогда какъ въ его стихотвореніяхъ, относящихся къ этому періоду

разцовомъ произведенія с
онъ, не прикрываясь а.лег
волю неистощимому сарк
и прямо уже описываетъ н
ти, развратъ, глупости и
современнаго ему обще
«С.п.бургскомъ Зрителѣ»,
мѣстилъ, между прочимъ,
исполненныя ѣдкихъ на
празднолюбцевъ и на безд
сателей, одну подъ назва
хвальная рѣчь наукѣ убі
говоренная въ новый годъ
«Похвальная рѣчь Ерма.а
ренная въ собраніи молод
лей». Такимъ образомъ, въ
его поприща, Крыловъ кип
дѣятельности. Въ двадца
сдѣлался журналистомъ и
отъ одного изданія къ друг
съ цѣлью усовершенствова
каждымъ разомъ расширя
грамму. Геніальная сила
его журнальныхъ сатириче
яхъ. Но потомъ, въ продол
надцати лѣтъ (съ 1795
дѣятельность Крылова по

…у съ одной стороны во внѣшнихъ …мительствахъ, не зависящихъ отъ …ктера знаменитаго баснописца, съ …гой въ поэтической лѣни и равно…ія, прирожденныхъ характеру, ко…аго отличія ясно изображены г-мъ …тневымъ въ указанной статьѣ: «Въ …ѣ И. А. Крылова мы видѣли въ …ломъ смыслѣ Русскаго человѣка, …всѣми хорошими качествами и со …ими слабостями, исключительно намъ …йственными. Геній его, какъ баснопи…ца, признанный не только въ Рос…, но и во всей Европѣ, не защитилъ …а отъ обыкновенныхъ нашихъ неров…стей въ жизни, посреди которыхъ …сскіе иногда способны всѣхъ удив…ть проницательностію и вѣрностію …а своего, а иногда предаются не…ростительному хладнокровію въ дѣ…хъ своихъ. Судьба не благопріятст…вала Крылову въ дѣтствѣ и лишила …тѣхъ пособій къ постепеннымъ у…ѣхамъ въ литературѣ и обществѣ, …торыми другихъ надѣляютъ рожде…е, воспитаніе и образованіе. Но онъ, …къ бы на перекоръ счастію, въ по…дствіи времени пріобрѣлъ все, что …обходимо писателю и гражданину. …ъ даже успѣлъ развить въ себѣ нѣ…колько талантовъ, составляющихъ рос…ь и для счастливо-рожденнаго мо…даго человѣка. Побѣдивши первыя …епятствія къ благополучію и удо…льствіямъ жизни, онъ на-время осла…лъ дѣятельность свою въ расширеніи …аній и съ непонятнымъ равнодушіемъ …велъ нѣсколько лѣтъ почти безъ …ла. Наконецъ снова и почти безсо…нательно принялся за тотъ родъ поэ…и, которому обязанъ своимъ безсмер…ъемъ (стр. I и II). И вотъ Крыловъ …остигнулъ истинной славы, всеобщаго …важенія, самой чистой къ нему при…язанности тѣхъ, которые были къ не…у близки и вполнѣ оцѣнили даръ его. Счастіе вознаградило его за всѣ лише…нія молодости. Онъ былъ обезпеченъ …а всю жизнь. Казалось, передъ любо*мательнымъ, тонкимъ* и свѣтскимъ умомъ его открылись всѣ пути къ безконечной дѣятельности литератора. Но онъ и своею поэзіею занимался только какъ забавою, которая скоро должна была наскучить ему. Безграничное искусство не влекло его къ себѣ. Дѣятельность современниковъ не возбуждала его участія. Онъ чувствовалъ выгоды положенія своего, и не оказалъ ни одного покушенія расширить тѣсную раму своихъ умственныхъ трудовъ. Такъ одинъ успѣхъ и счастіе усыпили въ немъ силы духа! Въ своемъ праздномъ благоразуміи, въ своей безжизненной мудрости онъ похоронилъ, можетъ быть, нѣсколькихъ Крыловыхъ. Странное явленіе: съ одной стороны геній, по слѣдамъ котораго уже идти почти некуда; съ другой — недвижный умъ, шагу не переступающій за свой порогъ. Легкость, съ которою мы успокоиваемся на первой удачѣ, обнаруживаетъ въ насъ какое-то равнодушіе къ земнымъ благамъ, но вмѣстѣ и хладнокровіе къ общественнымъ интересамъ. Такъ какъ природа отличила Крылова самыми рѣзкими чертами національности, то и игра ихъ въ его образѣ поражаетъ насъ болѣе нежели въ комъ нибудь другомъ (II и III). Назначеніе наше дѣятельность. Она источникъ самосовершенствованія, безъ котораго человѣкъ становится виновнымъ и передъ людьми и передъ своимъ Создателемъ. Умственная, нравственная, даже просто физическая дѣятельность доставляетъ человѣку то, чѣмъ онъ возводитъ свое достоинство выше и выше. Съ этой точки зрѣнія разсматривая Крылова, не льзя не обвинить его во многомъ. Теперь (при полученіи мѣста въ Императорской Публичной Библіотекѣ) жизнь его, вставленная въ рамки, которыя пришлись по мѣркѣ, улеглась неподвижно. Кромѣ выходовъ къ должности, очень легкой и негололомной, кромѣ выѣздовъ къ обѣду въ англійскій клубъ и на вечеръ иногда къ Оленинымъ, Крыловъ ничего не полюбилъ какъ человѣкъ те-

ніальный. Онъ продолжалъ отъ скуки сочинять иногда новыя басни, а больше читалъ самые глупые романы, особенно старинные, читалъ не для пріобрѣтенія новыхъ идей, а чтобы убить только время.

В) Драматическія піесы. Первою драматической піесой, которую Крыловъ написалъ на 15-мъ году, была Кофейница, опера въ 3 д., не вошедшая въ полное собраніе его сочиненій, какъ недостойная печати, по мнѣнію самого автора. Равнымъ образомъ не напечатаны: трагедія «Клеопатра», уничтоженная авторомъ по совѣту извѣстнаго актера Дмитревскаго, и «Трумфъ», которая не могла явиться въ печати. Помѣщено семь піесъ: 1) «Филомела», трагедія въ 5 д., въ стихахъ (1786). Содержаніемъ ея послужило миѳологическое преданіе древней Греціи о Филомелѣ. Въ ней соблюдены всѣ условія, по тогдашнимъ понятіямъ, необходимыя для трагедіи: пять дѣйствій, александрійскіе риѳмованные стихи, возвышенный языкъ, т. е. смѣсь русскаго съ церковно-славянскимъ, при герояхъ наперсники, превышающіе ихъ догадливостію въ крайнихъ случаяхъ, страсти благородныя, свойственныя лицамъ идеальнымъ, злодѣянія, выступающія за предѣлы человѣческихъ силъ, словомъ все, что, казалось, непремѣнно должно быть, кромѣ художественной истины и жизни съ ея красками страны и эпохи. 2) «Бѣшеная семья» (1793), ком. опера въ 3 д., 3) «Проказники» (1793), ком. въ 5 д. Обѣ онѣ выказываютъ очень мало поэтическаго таланта. Нѣтъ въ нихъ ни русскаго общества, ни нашихъ нравовъ, ни характеровъ сословія, изображеннаго сочинителемъ. Видно напротивъ, что дурные образцы получаютъ власть надъ самымъ умнымъ человѣкомъ. Въ оперѣ: «Бѣшеная семья», ни въ чемъ нѣтъ правдоподобія; все доведено до самой грубой каррикатуры. Двусмысленныя *рѣчи заступаютъ* мѣсто шутокъ. Въ языкѣ какая-то неблагородная изыскан-

ность. Въ «Проказникахъ», къ нед
камъ первой піэсы прибавлено
излишнихъ сценъ и скучныхъ р
ровъ. 4) «Сочинитель въ прих
ком. въ 3 д. (1794): здѣсь также
дѣйствія лицъ чужды общества,
и условій свѣта, и нѣтъ даже
дѣйствительной жизни. Притомъ
бывальщина изображена грубо. 5
ная лавка», ком. въ 3 д. (180
«Урокъ дочкамъ», ком. въ 1 д. (
выражающія сильное негодованіе
на слѣпое пристрастіе Русски
Французамъ и ихъ языку; онѣ г
выше прежнихъ піесъ движен
правдоподобіемъ событія, очер
характеровъ, указаніемъ на мѣс
и современные нравы, самымъ яз
довольно естественнымъ, доволь
нообразнымъ; но въ подробн
дѣйствій, въ составѣ сценъ, въ
тіи предпріятій много еще л
изысканнаго, и отъ того цѣлое
утомляетъ зрителя, нежели про
въ его сердце. Въ Урокѣ дочка
явленія (VII, XI, XV и XVI),
ненныя высокаго комическаго
инства. 7) «Илья богатырь», во
оп. въ 4-хъ д. (1807), состав
подражаніе «Русалкѣ», восхи
тогда публику: въ ней нѣтъ на
элемента, а есть нѣсколько см
сценъ. — Вообще надобно ск
драматическихъ піесахъ Крыл
даже самыя лучшія изъ нихъ (
лавка и Урокъ дочкамъ), не пр
ляютъ въ цѣлости поэтическа
изведенія и замѣчательны то
сатирическому духу, ихъ пр
щему.

Примѣч. Въ статьѣ Лобанова:
и сочиненія И. А. Крылова» (Сы
чества, 1847, январь) указа
двѣ комедіи, написанныя Кры
1) «Пирогъ», ком. въ 2-хъ д. и
нивый», ком. въ 3-хъ д.

Г) Стихотворенія. Къ стихо
ямъ его, кромѣ басенъ, прина
преложенія псалмовъ (лучшее
преложеніе 37-го), оды, пѣсн

тафіи и проч. Нѣкоторыя переведе- съ француз., а другія носятъ слѣды дражанія предшествовавшимъ образ- цамъ: такъ ода «Утро» есть подража- ніе французскому и напоминаетъ оду ломоносова, которая начинается извѣ- стнымъ стихомъ: «Заря багряною ру- кою»; «Къ счастью» — внушено одой державина «На счастіе»; «Къ спящему ребенку»—стихотвореніемъ Дмитріева: «Къ младенцу». Нѣкоторыя піесы на- поминаютъ даже Карамзина и Капниста. Но въ другихъ виденъ самобытный та- лантъ, какъ наприм. въ «Посланіи къ Елисаветѣ Ивановнѣ Бенкендорфъ» и въ «Посланіи о пользѣ страстей»: въ послѣднемъ онъ поэтически и сильно развилъ идею, которую выразилъ Ка- рамзинъ въ «Разговорѣ о счастіи» и ко- торая заключается въ оптимизмѣ и со- образности нашей жизни съ законами природы. Самыя стихи Посланія, во многихъ мѣстахъ, обработаны и сильны.

Изъ всего сказаннаго о сочиненіяхъ Крылова заключаемъ, что великое зна- ченіе его, какъ сатирика, состоитъ: 1) въ выраженіи многихъ важныхъ совре- менныхъ идей, 2) въ народности басни и 3) въ художественномъ ея элементѣ. Но ограниченность такого рода поэзіи, какъ басня, которой онъ посвятилъ большую половину своей жизни, не дозволила ему распространить вліяніе народности на всю словесность: это дѣло совершено впослѣдствіи Пуш- кинымъ.

ДРАМАТИЧЕСКАЯ ПОЭЗІЯ.

Изъ трагедій: Эдипъ въ Аѳинахъ.

1) Озеровъ (Владиславъ Алексан- дровичъ) род. въ тверской губерніи 1770 г.; въ 1776 опредѣленъ въ су- хопутный кадетскій корпусъ, гдѣ про- былъ 12 лѣтъ, оказавъ отличные успѣ- хи; въ 1788 г. выпущенъ поручикомъ въ армію съ награжденіемъ первою золотою медалью, и тогда же принятъ адъютантомъ къ графу де Бальменю. Онъ находился нѣсколько лѣтъ въ военной службѣ, въ которой дослужил- ся до чина генералъ-маіора, потомъ перешелъ въ статскую, наконецъ былъ членомъ въ Лѣсномъ Департаментѣ; вышелъ въ отставку въ 1808 г.; ум. 1816, послѣ долговременной болѣзни, съ которою было сопряжено разстрой- *ство умственныхъ силъ.*

2) Сочиненія Озерова изданы въ первый разъ, въ 1818 г., 2 т. (съ при- соединеніемъ извѣстія о жизни и тру- дахъ его, написаннаго кн. П. А. Вя- земскимъ); второй разъ—Смирдинымъ 1849 г., въ «Полномъ собраніи сочи- неній русскихъ авторовъ». Здѣсь по- мѣщено пять трагедій: Ярополкъ и Олегъ, въ 5 д. (1798), Эдипъ въ Аѳи- нахъ, въ 5 д. (1804), Фингалъ, въ 3 д. (1805), Димитрій Донской, въ 5 д. (1807), Поликсена, въ 5 д. (1809), переводъ героиды Колардо: Элоиза къ Абеляру; четыре оды, четыре бас- ни и другія стихотворенія.

3) Въ сужденіи объ Озеровѣ, нель- зя отдѣлять его отъ французскаго трагика, которому онъ подражалъ. Французскаго трагика нельзя отдѣ- лять отъ ложно-классическаго напра-

ленія французской трагедіи; а чтобъ оцѣнить это направленіе, необходимо сличить его съ древней драмой, отъ которой оно беретъ свое начало. Такимъ образомъ критическая оцѣнка составится изъ обозначенія трехъ отношеній: отношенія русскаго трагика къ французскому, которому онъ подражалъ; отношенія французскаго трагика къ классическимъ французскимъ трагикамъ; отношенія послѣднихъ къ драмѣ древней.

Вржнѣйшее произведеніе Озерова есть трагедія «Эдипъ въ Аѳинахъ». Въ ней подражалъ онъ оперѣ Саккини: (Oedipe à Colon и трагедіямъ Дюси (Ducis): Oedipe chez Admete и Oedipe à Colon, который занимаетъ второстепенное мѣсто между французскими трагиками. Примыкая къ нимъ родовыми чертами ложно-классическаго направленія, Дюси представляетъ и нѣчто оригинальное, ему особенно свойственное. Въ чемъ же эта особенность?

Сюжеты для своихъ трагедій Дюси заимствовалъ изъ Софокла и Шекспира; но онѣ не воспроизводятъ ни плана, ни идеи образцовъ. Существенная ошибка ихъ въ томъ, что, вводя новое, онѣ вводили его не вполнѣ. Сохраняя нѣкоторыя мысли, нѣкоторыя черты лицъ, нѣкоторыя выраженія Софокла и Шекспира, Дюси вставлялъ все это въ рамки французскаго воззрѣнія на драму. Произведеніе, съ одной стороны, отходило отъ чистыхъ образцовъ ложнаго классицизма, а съ другой—не давало ни Софокла, ни Шекспира. Оно было насильственнымъ сліяніемъ предметовъ, между которыми нѣтъ общаго ни въ происхожденіи, ни въ свойствѣ. Изъ разнородныхъ красотъ не создается изящное цѣлое. Слово «передѣлка» противорѣчитъ понятію о художествѣ: художество требуетъ «созданій», а не передѣлокъ, воспроизведенія образцовъ, а не смѣси образцовъ *разнокачественныхъ*. — Кромѣ *этой капитальной* погрѣшности, т. е. кромѣ системы ложнаго творчества, системы подражанія неполнаго, находятся у Дюси и другіе недостатки: въ трагедіяхъ его нѣтъ правильнаго хода, соразмѣрности частей, надлежащаго объема каждой части. Преслѣдуемый правилами искуства, онъ, въ одномъ изъ своихъ посланій, наивно восклицалъ:

Le plan, toujours le plan! l'inflexible unité!

Онъ никогда не заботился о планѣ и никогда не хотѣлъ понять единства. Однакожъ, при всѣхъ недостаткахъ постройки, трагедіи его поражали публику красотою отдѣльныхъ частей: эффектными сценами, силою чувствительности и выраженія. Воображеніе и чувство, принадлежности поэтическаго таланта, блистаютъ сквозь странный покровъ ложной системы творчества. Видишь въ цѣломъ извращеніе Софокла и Шекспира, но видишь и частныя красоты. Отсутствіе истиннаго изящества вознаграждается патетическими мѣстами. Вдохновенный отдѣльными образами, мыслями и чувствами піесъ Шекспира и Софокла, Дюси языкомъ страстнаго краснорѣчія передавалъ то, чѣмъ самъ былъ пораженъ. Объяснимъ примѣрами это отличіе Дюси, которое даетъ ему «особенное» мѣсто въ «общей» сферѣ ложно-классическихъ трагиковъ. Трагедіи: «Эдипъ у Адмета и Эдипъ Колонскій», изобилуя напыщенной декламаціей, дѣтски расчитывая на внушеніе зрителямъ трагическаго ужаса, не представляютъ нисколько генія греческихъ образцовъ: не передаетъ древняго духа, красоты греческаго искуства; но въ нихъ [illegible] благородно и трогательно изображены страданія Эдипа, раскаяніе Полиника преданность Антигоны. Эдипъ, у Дюси не сохраняетъ ненависти къ сыновьямъ непреклонной, какъ судьба, надъ ними тяготѣющая; любовь къ сыну покоряетъ его сердце: но это движеніе чувства хотя совершенно противное греческому образцу, трогательно, [illegible]

рать къ нѣжности, хотя разрушающій смыслъ древняго преданія, исполненъ поэзіи. Проклятіе Полиннику высказано патетически; слово прощенія приводило въ восторгъ публику. Тоже и относительно англійскаго трагика. Шекспира нѣтъ въ трагедіяхъ Дюси, но есть эффектныя сцены, патетическія мѣста. Дюси не понялъ «величественнаго» въ Макбетѣ, смягчилъ, облагородилъ, другими словами: искалъ суевѣріе тогдашняго времени, выбросивъ полную оригинальной жизни и ужаса сцену вѣдьмъ и замѣнивъ ее разсказомъ сновидѣнія; но самый разсказъ хорошъ. Энергически переданъ ужасъ Макбета, когда ему видится тѣнь Дункана; много драматическаго въ сценѣ сомнамбулизма, блестящіе стихи разсѣяны здѣсь и тамъ— хотя цѣлое разрушено, потому что Шекспиръ проведенъ черезъ французскій классицизмъ.

Значеніе трагедіи Озерова: «Эдипъ въ Аѳинахъ» опредѣляется значеніемъ трагедіи Дюси: «Эдипъ Колонскій». Озеровъ подражалъ Дюси и много перевелъ изъ него. Такъ переведены всѣ сцены, въ которыхъ является Антигона; первое явленіе втораго акта— лучшее мѣсто нашей трагедіи—есть не что иное, какъ лучшее мѣсто французскаго образца, близкое и хорошее его переложеніе; да и слѣдующія за тѣмъ явленія, до конца піесы, взяты у Дюси, съ тою разницей, что у Озерова умираетъ Креонъ и оставленъ въ живыхъ Эдипъ, тогда какъ въ подлинникѣ умираетъ Эдипъ, а Креона нѣтъ вовсе. Отличіе французскаго трагика опредѣляетъ слѣдовательно и отличіе нашего. Отмѣны, встрѣчаемыя у послѣдняго противъ перваго, такъ незначительны, что нисколько не измѣняютъ понятія о цѣломъ. Собственная заслуга Озерова состоитъ въ хорошемъ переложеніи трагедіи Дюси. Это значитъ много. Для этого нужно, во первыхъ, устройство стиха, во вторыхъ, вѣрное выраженіе мыслей и чувствъ образца. Надобно стать наряду съ оригинальнымъ авторомъ, воспроизвесть его, принявъ въ себя стихіи его таланта. Озеровъ исполнилъ оба дѣла. Онъ сдѣлалъ первое: стихи его сильны и звучны; читая ихъ и «тогда», чувствуешь, какъ они были хороши «тогда». Онъ сдѣлалъ и второе: воспроизвелъ Дюси. Французскій трагикъ (сказали мы выше) преимущественно поражалъ зрителей изображеніемъ сценъ ужасныхъ и чувствительныхъ. Озеровъ надѣленъ былъ также сильною чувствительностью (*), и потому трогательныя излiянія любви, отцовской нѣжности, дѣтской преданности находили въ немъ не только глубокое сочувствіе, но и поэтическое выраженіе. Озеровъ и Дюси—таланты однокачественные: въ слѣдствіе этого переводъ вышелъ достоинъ подражанія.

Показавъ отношеніе Озерова къ Дюси, надобно показать отношеніе ихъ обоихъ къ Софоклу, котораго трагедія: «Эдипъ Колонскій» послужила образцемъ ихъ трагедіямъ. Здѣсь мы увидимъ, что образецъ измѣненъ какъ по идеѣ, такъ по расположенію и характерамъ, и что эта перемѣна равнозначительна въ иныхъ мѣстахъ искаженію.

Начнемъ съ идеи, которая преимущественно выражается главнымъ дѣйствующимъ лицомъ. На всей трагедіи Софокла лежитъ глубокая печать религіозныхъ вѣрованій. Основою служитъ предсказаніе оракула, возвѣстившаго близкую смерть Эдипа, могила котораго останется залогомъ побѣды для той страны, гдѣ она будетъ находиться. Долговременными, ужасными бѣдствіями старецъ искупилъ свои невольныя преступленія;

(*) Жуковскій въ Посланіи къ кн. Вяземскому и Пушкину, говоритъ:

Чувствительность его („Озерова“) сразила!
Чувствительность, которой сила
Моины душу создала—
Пѣвцу погибелью была.

разгнѣванные боги примирились съ нимъ и даруютъ ему мирную, славную смерть. Въ мѣстечкѣ Колонъ, посреди священнаго лѣса, гдѣ воздвигнутъ храмъ Эвменидъ, обрѣтетъ онъ наконецъ вѣчное успокоеніе. Идея судьбы господствуетъ здѣсь, какъ и въ трагедіи «Царь Эдипъ», но уже очищенная вліяніемъ философическаго ученія. Эдипъ еще жертва, но онъ нравственно возвысился. Таинственное сцѣпленіе внѣшнихъ обстоятельствъ, не подчиняемыхъ людской волѣ, сдѣлало его преступникомъ противъ его желанія; отсутствіе внутренняго, свободнаго участія успокоило его совѣсть: онъ говоритъ о невольныхъ преступленіяхъ своихъ безъ смущенія; онъ знаетъ, что они дѣло боговъ. Нѣсколько разъ замѣчаетъ онъ, что вина человѣка — въ намѣреніи, что нѣтъ тамъ вины, гдѣ не было добровольнаго дѣйствія, а было только страдательное орудіе высшей власти. Такимъ образомъ греческій трагикъ различаетъ догматъ фатализма отъ догмата нравственности, проводитъ ясную черту между совѣстью, гдѣ царствуетъ выборъ добра и зла, и судьбою, которая состоитъ въ сцѣпленіи внѣшнихъ событій, лежащихъ внѣ нашего дѣйствія. Что сдѣлалъ Дюси и вслѣдъ за нимъ Озеровъ? Они совлекли съ Эдипа таинственность, которая такъ идетъ къ нему, страдальцу, освященному грознымъ вниманіемъ боговъ. Преданіе о сверхъестественной его смерти измѣнили они по своему: у Дюси, Эдипъ умираетъ пораженный громомъ, проговоривъ декламаторскимъ тономъ нѣсколько нравственныхъ сентенцій; у Озерова, онъ остается въ живыхъ, какъ будто ему значитъ что нибудь жизнь послѣ всего, извѣданнаго въ жизни. Примиреніе съ богами — вотъ что ему нужно. — Озеровъ захотѣлъ наказать порокъ въ лицѣ Креона — и *громъ* поражаетъ у него порочнаго. *Такимъ образомъ* исчезло преданіе, и *мы напрасно* стали бы искать грече-

ского характера въ этихъ перемѣнахъ и отступленіяхъ, равнозначите искаженію. Изступленіе Эдипа, онъ узнаетъ, что находится храма Эвменидъ, неумѣстно, эффектно. Дюси ввелъ его, какъ мѣсто трагическаго ужаса, не давъ въ соображеніе, что эта ческая выходка портитъ сущ характеръ трагедіи. Она неп прерываетъ разнѣжныхъ чу между отцомъ и дочерью, къ кот привязано участіе публики. Въ Эдипѣ» она была бы очень-кста «Эдипѣ Колонскомъ» противор тону піесы. Софоклъ понималъ послѣ тягостныхъ страданій утратилъ уже силу ложныхъ уг ній, которыя терзали его въ п время открывшихся невольныхъ ступленій. Въ душѣ его сохран только чувство несчастія, да соз своей невинности, и это внутр состояніе Софоклъ изобразилъ будто символически, приведя ц веннаго страдальца окончить по нія минуты жизни въ святилищѣ Очень хорошіе стихи въ сценѣ изл ленія не извиняютъ вольности ни подражанія, или, вѣрнѣе, пер Озерова.

Расположеніе трагедіи, ходъ ствія также измѣненъ. У Софокла гательныя, поэтическія сцены п ходятъ на одномъ и томъ же м куда пришелъ Эдипъ и откуда о хочетъ выдти. Эта неподвиж внѣшняго положенія сообщаетъ его рода прелесть, особенную стоту величественной судьбѣ ст твердаго въ несчастіи, ожесточе въ гнѣвѣ и невинности. Францу трагикъ, опасаясь монотоніи, н хранилъ строгаго единства мѣста мѣняетъ сцену дѣйствія, равно к Озеровъ. Да и самое мѣсто обри но не такъ. Въ пьесѣ Софокла, своею красотою, разительно про поставляется страданію старца. слушаетъ разсказъ дочери о ти и прохладныхъ рощахъ, гдѣ раз ся мелодическое пѣніе птицъ

ругъ узнаетъ, что они близъ храма, священнаго фуріямъ. Озеровъ, напотивъ, на вопросъ Эдипа: «гдѣ мы?» ставляетъ говорить Антигону: «въ линѣ мы, окрестъ «пустыни ви-ы»,—заставляетъ потому, что у Дюси, второмъ дѣйствіи его Эдипа, le théâtre représente un *désert épouvantable*, Полиникъ восклицаетъ: «quel désert reux! des antres, des rochers, des près tenebreux»! Оба новые трагика, извѣстно почему (вѣроятно, для ушенія трагическаго ужаса), стали явное противорѣчіе съ блистательмъ хоромъ колонскимъ старцевъ, торые называютъ Колонъ «восхитильнѣйшимъ» мѣстомъ Аттики.—Соклъ искусно и прямо входитъ въ бранный сюжетъ. Онъ безъ подговленій, непосредственно, знакомитъ ателей съ дѣйствующими лицами и содержаніемъ трагедіи. Мѣсто дѣйвія, событія предшествующія, соытія послѣдующія — все излагается мо собою, безъ помощи автора: дѣйвіе завязано съ перваго явленія, тересъ возбужденъ немедленно. У юси и Озерова, Эдипъ является во оромъ дѣйствіи, съ котораго должбы начать трагедію: первое посвяно такъ-называемому «изложенію», которомъ зритель знакомится съ едшествующими обстоятельствами и йствующими лицами не черезъ саія обстоятельства и лица, а посредственно, помощію длинныхъ разсказъ—знакомство эпическое, охлаждающее драму, которая должна предавлять событія въ дѣйствіи. Замѣмъ, что хоры, введенные Озеровымъ, роятно по примѣру французской еры: «Эдипъ въ Колонскомъ предстіи», удачно украшаютъ представніе: судьба Эдипа, по-преимуществтрагическая, въ древнемъ смыслѣ го слова, требуетъ непремѣнно овій древней драмы, а въ числѣ ихъ условій хоръ занималъ одно ъ первыхъ мѣстъ. Онъ особенно личенъ тамъ, гдѣ Эдипъ открывается жителямъ Колона. У Софокла, Эдипъ медлитъ произнесеніемъ своего страшнаго имени, и каждый его отвѣтъ, постепенно приготовляя къ тому слушателей, прерывается восклицаніемъ хора, котораго пѣснь идетъ crescendo и который приказываетъ опасному гостю удалиться. Тогда, посреди тревожной пѣсни устрашеннаго хора, раздается жалобный голосъ Антигоны, возбуждающій состраданіе.— У Дюси, между дѣйствующими лицами, нѣтъ Креона; Озеровъ ввелъ его, и въ этомъ отношеніи ближе къ греческому образцу. У Софокла, Тезей выходитъ послѣ многихъ уже явленій, когда вступничество царя сдѣлалось необходимо. Дюси и Озеровъ вывели его съ самаго начала трагедіи для того только, чтобъ выслушать разсказъ о завязкѣ дѣйствія. Оба новые трагика создали первосвященника: имъ хотѣлось показать внутренность храма и поразить—одному Креона, другому Эдипа—передъ лицемъ богинь-мстительницъ. Но ни тотъ, ни другой не позаботились сохранить Исмену, вторую дочь Эдипа, которая нужна и для полноты изложенія, для передачи того, что происходитъ въ Ѳивахъ, и для свиданія съ отцомъ послѣ долгой разлуки—свиданія сладостнаго и вмѣстѣ горестнаго. Французскіе трагики думали видѣть въ ней второй экземпляръ Антигоны. Мнѣніе несправедливое: у Софокла нѣтъ тождественныхъ лицъ; между сходными, по видимому, характерами, онъ проводитъ ясныя черты отличія, нѣжные, но тѣмъ не менѣе замѣтные оттѣнки. — Озеровъ перемѣнилъ названіе трагедіи. Изъ Колона привелъ онъ Эдипа, въ четвертомъ дѣйствіи, въ Аѳины.—Полиникъ новыхъ трагиковъ, прощенный отцомъ, остается до конца пьесы,—у одного, какъ свидѣтель смерти отца, у другаго, какъ свидѣтель наказанія порочнаго Креона и торжества добродѣтельнаго Эдипа. Въ трагедіи Софокла онъ уходитъ, или, вѣрнѣе, уве-

кается судьбою на гибель: чувство мщенія, вражды съ братомъ, побѣждаетъ въ немъ всѣ прочія чувства.— Послѣ таинственной смерти Эдипа, греческій трагикъ не вдругъ оканчиваетъ пьесу: онъ не имѣлъ въ виду рѣзкихъ эффектныхъ заключеній. Пьеса продолжается лирическимъ выраженіемъ горести, отчаянія Исмены и Антигоны. Когда же утѣшительный голосъ Тезея успокоилъ ихъ — онѣ отправляются въ Ѳивы, гдѣ ожидаетъ ихъ новая обязанность — обязанность примирить братьевъ или пострадать вмѣстѣ съ ними.

Остается разсмотрѣть важнѣйшіе характеры. Главный изъ нихъ—характеръ Эдипа — обозначенъ нами выше: мы показали, какъ невыгодно уклонились отъ него Дюси и Озеровъ. Вотъ еще примѣръ подобнаго уклоненія. У Софокла, Эдипъ непреклоненъ къ мольбамъ сына. Напрасно Полиникъ проситъ его о прощеніи, напрасно Антигона подкрѣпляетъ брата своими просьбами: Эдипъ не хочетъ даже отвѣчать, ибо голосъ отца, какъ святыня, потерялъ бы свое высокое значеніе, вступивъ въ общеніе съ неблагодарнымъ сыномъ. Потомъ Эдипъ разрѣшаетъ свое молчаніе, но для того, чтобъ изречь проклятіе: непреклонность отцовскаго мщенія господствуетъ надъ всѣми предстоящими—надъ Тезеемъ, надъ Антигоной, надъ хоромъ. Никто не смѣетъ противорѣчить знаменитому страдальцу: въ его желѣзной волѣ олицетворяется сила судьбы, надъ нимъ тяготѣвшая. Новые трагики измѣнили во многомъ чувства дѣйствующихъ лицъ, взятыхъ изъ греческой трагедіи. Примѣры измѣненія видны у Расина («Ифигенія въ Авлидѣ»), видны и у Дюси. Послѣдній нарушилъ неумолимую твердость древняго царя. Его Эдипъ есть Эдипъ новаго міра, отецъ, какихъ XVIII вѣкъ любилъ выводить на сцену—*чувствительный, готовый плакать и прощать.* Древній Эдипъ не впадаетъ въ такія противорѣчія: онъ вездѣ се равенъ. Онъ не можетъ простить о корбленіе, нанесенное ему сыномъ, п тому что это оскорбленіе посягаетъ н неприкосновенность родительской вл сти. Здѣсь, для очищенія грѣха, нуж жертва, а не прощеніе.

Антигона начертана Софокломъ с особеннымъ искуствомъ. Это дѣтска любовь, воплощенная въ прекрасном лицѣ юной дѣвы. Въ характерѣ ея чуд ное сочетаніе кротости, простодуш и глубины; она говоритъ мало: одн слова терпѣнія и самопожертвовані выходятъ изъ устъ ея; зритель видит нѣжную слабость женщины наряду с подвигами мужества, въ ея преданно сти нѣтъ ничего восторженнаго, пото му что преданность ея долгъ: траги ческая героиня, безъ украшеній блеска, окружающихъ великія рол она проходитъ по сценѣ, ведя слѣпа отца и показывая свое блѣдное, не чальное лицо, на которомъ судьба по ложила рѣзкую печать. У Софокл Антигона принимаетъ участіе въ дра своею преданностью — глубокою, н скупою на слова. Она разсказывает отцу о мѣстѣ, куда онъ пришелъ п таинственному назначенію судьбы, чужеземцахъ, которые проходятъ мим ихъ или приходятъ къ нимъ, проси помилованія Полинику, успокоивает нѣсколькими словами гнѣвъ старца нетерпѣніе юноши, передъ смертію отц черпаетъ воду, чтобъ омыть его плать Когда же Эдипъ исчезъ, зритель ви дитъ Антигону на колѣняхъ: склонив голову на грудь, она горестно опла киваетъ того, кто взятъ богами из міра. Послѣ этого, ей предстоитъ но вая, послѣдняя обязанность — при миреніе братьевъ, и она идетъ въ Ѳи вы, гдѣ ожидаютъ ее новыя бѣдствія Только однажды это лицо, мало гово рящее, но много дѣйствующее, возвы шаетъ свой голосъ—когда Креонъ об виняетъ ее въ нарушеніи своего пове лѣнія, запрещавшаго погребать Поли ника. Въ это время, она твердо возр

ется противъ постановленій, кото-
ми нарушается вѣчный законъ люб-
, начертанный въ сердцѣ. Всего тро-
тельнѣе, всего удивительнѣе въ Ан-
гонѣ молчаніе, которое она хранитъ
акій разъ, какъ Эдипъ заводитъ рѣчь
своихъ несчастіяхъ. Антигона слу-
аетъ, но не отвѣчаетъ — и что ска-
ать чистой, невинной дѣвѣ? Бѣдствія
тца ея — рядъ нечестивыхъ дѣлъ;
тѣшенія нельзя здѣсь отдѣлить отъ
оспоминанія ужасной судьбы. И по-
му она молчитъ; но она дѣлаетъ
ольше словеснаго участія: она под-
ерживаетъ отца, окружаетъ его за-
отами любви, покровительствуетъ ему.
Озерова (т. е. у Дюси), Антигона—
сли забыть греческій первообразъ—
ороша; но она уже сдѣлалась говор-
нѣе. Она разсуждаетъ о своемъ зна-
ніи, какъ помощницы въ несчасті-
хъ, указываетъ на свою необходи-
ость для отца. Конечно, это не са-
охвальство, но это и не молчаливое
сполненіе добродѣтели, которое всегда
такъ трогательно. Потомъ, она впа-
аетъ въ сентенціи; монологъ, кото-
ымъ Антигона открываетъ четвертое
йствіе, довольно длиненъ, что вос-
ке не въ характерѣ греческой царев-
ы. Эта страсть говорить есть слѣдст-
ie ложнаго направленія драмы, кото-
ая непремѣнно хотѣла ораторство-
ать. Описанія, разсужденія, нравст-
енныя сентенціи щедрою рукою раз-
ыпаны у Сенеки, въ трагедіяхъ фран-
узскихъ и во всѣхъ имъ подобныхъ.

Характеръ Креона, котораго нѣтъ у
юси, совершенно искаженъ Озеро-
ымъ. Креонъ — лицо оригинальное.
ѣрное орудіе постыднаго намѣренія,
отовый употребить обманъ, насиліе и
сѣ возможныя средства, чтобъ достиг-
утъ цѣли, высокомѣрный предъ сла-
ыми, уклончивый, но неподлый, предъ
льнѣйшими, не забывающій своего
ана, умѣющій льстить и въ тоже вре-
я сохранять независимость, скрыва-
щій свой страхъ подъ видомъ угро-
, *онъ обличаетъ большое* искуство
Софокла, который никогда не уклонял-
ся отъ истины. Озеровъ сдѣлалъ изъ
него непонятнаго мстителя Эдипу, —
такого же врага ему, какимъ былъ
Полиникъ въ отношеніи къ брату. Онъ
не только злодѣй, но и злодѣй, вели-
чающійся самимъ собою. Кн. Вязем-
скій справедливо говоритъ о немъ слѣ-
дующее: «Злодѣи, гордящіеся своими
преступленіями и съ отвратительнымъ
чистосердечіемъ судящіе себя безпри-
страстно, какъ судіи посторонніе, не
находятся ни въ природѣ, ни въ про-
изведеніяхъ геніевъ, ей подражав-
шихъ; но раждаются отъ безпечности
или безсилія трагиковъ, которые, не
умѣя или не желая дать себѣ труда
живописать разительною и твердою кис-
тію характеръ предполагаемый, за-
ставляютъ его называться именемъ,
когда искуство требуетъ, чтобъ онъ
отгаданъ былъ зрителями. Сей родъ
изображенія есть одинъ изъ главнѣй-
шихъ пороковъ русской трагедіи и
торжествуетъ въ «Димитріи Самозван-
цѣ». До сей поры онъ еще сохраняет-
ся на нашемъ театрѣ. Въ первомъ яв-
леніи третьяго дѣйствія Эдипа, «Кре-
онъ», съ излишнею искренностію со-
общаетъ «Нарцесу» исповѣдь свою,
хотя и весьма поэтическую, но при-
носящую болѣе чести стихотворцу,
нежели трагику.»

У Софокла, Полиникъ неотразимо
ступаетъ на путь, открываемый ему и
проклятіемъ отца и ненавистью къ бра-
ту. Великій художникъ искусно сочет-
алъ въ немъ влеченіе судьбы съ соб-
ственной волей увлекаемаго. Поли-
никъ знаетъ, что его ждетъ въ Ѳи-
вахъ, и однакожъ спѣшитъ туда. Од-
на мысль уступить брату приводитъ
его въ ужасъ. Онъ противится уго-
ворамъ Антигоны, которая называетъ его
не только своимъ братомъ, но и сво-
имъ дитятей; не трогается нѣжными ла-
сками Исмены и уходитъ, благосло-
вляя сестеръ, унося съ собой прокля-
тіе отцовское. Есть въ немъ какое-то
чудное нераздѣльное слiяніе несчастія

данію и характеру главнаго дѣйствующаго лица. Онъ остается при отцѣ, чтобъ тамъ сожалѣть о его смерти, здѣсь радоваться сохраненію его жизни.

Поликсена есть другая трагедія, взятая изъ греческаго міра.

Такъ-какъ здѣсь Озеровъ подражалъ не Дюси, а Сенекѣ, въ его трагедіи: Троада, и Шатобріану, въ трагедіи: Троянки, то и нѣтъ въ ней того, чѣмъ отличался Дюси, не смотря на второстепенный талантъ свой—нѣтъ патетическихъ выходокъ, искупающихъ недостатки плана, отступленія отъ истины. «Поликсена» ровнѣе въ ходѣ, но за то и холоднѣе «Эдипа въ Аѳинахъ». Успѣхъ послѣдняго на театрѣ былъ несравненно-выше успѣха первой трагедіи.

Въ «Гекубѣ», трагедіи Эврипида, Поликсена есть по преимуществу нѣжное и скромное существо. Греки называли ее «рожденною для слезъ». Она сохраняетъ свою стыдливость даже въ то время, когда стыдливость ни къ чему болѣе не служитъ. Падая подъ ударомъ Пирра, она заботится о томъ, чтобъ упасть благопристойно. Смерть дѣвы, по выраженію поэта, «застави-

приближалась къ холму, чрезъ
иступленіе»! Къ чему эта с
ступленія, парадной смерти
трагикъ подражалъ Сенекѣ, у
го Поликсена умираетъ не х
тона, бросаясь, какъ фурія
гильный холмъ Ахилла.—Св
го, въ греческой трагедіи, По
занята только матерью и
нѣтъ ни малѣйшаго слова
другаго рода. Эта сосредото
чувства на одномъ предметѣ
шаетъ чистоту скромной дѣ
ликсена Озерова, кромѣ род
любви, питаетъ еще страсть к
шему жениху своему, Ахил
вспоминаетъ тѣ дни, когда «
и страстно-любимая, видѣла
ногъ непобѣдимаго вождя».
образомъ древняя Гречанка
зована въ чувствительную ро
скую дѣвушку.

Пирръ нашего трагика одуш
жаждою мести, неистовой зл
Поликсенѣ видитъ онъ личная
Отъ этого смерть Поликсены у
свой высоко-религіозный ха
тогда какъ Эврипидъ озаряетъ
фонъ картины поэтическимъ

ьфибія о жертвоприношеніи, гово-
ъ: «О дочь моя! я навсегда сохра-
въ памяти и буду оплакивать твой
альный жребій; но твое благород-
мужество смягчило нѣсколько мое
частіе и горе». Озеровъ, выведя
ра и поставивъ его въ раздоръ съ
мемнономъ, подражалъ Сенекѣ, или
ражателямъ Сенеки, который за-
вилъ Пирра требовать для отцовской
илы крови Поликсены, а царя Ага-
мона противиться принесенію такой
варской жертвы. Контрастъ между
кимъ характеромъ юнаго Ахилло-
сына и умѣренностью, хладнокро-
ъ, свойственнымъ предводителю
ей, не безъ достоинствъ. Расинъ
ствовалъ отсюда нѣчто для Ахил-
и Агамемнона («Ифигенія въ Авли-
), для Ореста и Пирра («Андро-
ка»).

Трагедія «Фингалъ» представляетъ
ытіе изъ жизни народа, совершенно
тивоположнаго греческому. Здѣсь
гія рѣчи, другіе нравы, другой
ческій и нравственный міръ. Озе-
ъ, посвящая пьесу Оленину, го-
итъ, что онъ имѣлъ въ ней цѣлію
исать Ахилла сѣверныхъ наро-
въ». Предметъ, по одной уже но-
ти своей, долженъ былъ интере-
ать публику, приученную къ рим-
нъ и греческимъ героямъ. Содер-
ніе трагедіи взято изъ третьей пѣс-
поэмы «Фингалъ», написанной его
омъ Оссіаномъ. Подлинникъ испол-
ъ суровой, величественной поэзіи:
рдъ Кариллъ славитъ храбрость и
икодушіе Фингала, который, побѣ-
ъ Старна, царя локлинскаго, не
ѣлъ удержать его плѣнникомъ, но
икодушно даровалъ ему свободу.
дце Старна исполнилось гордости
лобы; во глубинѣ души своей онъ
ыслилъ смерть юнаго побѣдителя:
никто, кромѣ Фингала, не могъ
ютить могущественнаго Старна.
я совершенія своихъ преступныхъ
ысловъ, *онъ приглашаетъ Фингала
себѣ и предлагаетъ ему* руку своей
дочери. Дочь, полюбившая Фингала, открываетъ ему опасность, которой онъ долженъ подвергнуться. Старнъ, раздраженный открытіемъ своихъ плановъ, убиваетъ дочь. Фингалъ сзываетъ воиновъ, поражаетъ или обращаетъ въ бѣгство Локлинцевъ, уноситъ на корабль бездыханное тѣло дочери Старна и погребаетъ его на одномъ изъ утесовъ своей родины».

У Озерова другая причина мести. Фингалъ убилъ Тоскара, Старнова сына; и огорченный отецъ хочетъ смертію убійцы успокоить тѣнь убитаго. Моина, невѣста Фингала, узнавъ грозящую ему опасность, избавляетъ жениха своего отъ смерти. Старнъ убиваетъ ее, раздраженный неуспѣхомъ. Изъ этого видно, что положеніе Старна истинно-трагическое; онъ самое интересное лицо пьесы, по своей преданности одной мысли, одному желанію, которому онъ приноситъ въ жертву другое желаніе—видѣть дочь свою счастливой. Жалко, однакожъ, что онъ утратилъ свою оригинальную суровость и неподатливость. Поэма приписываетъ ему характеръ дикій и свирѣпый, отъ-чего онъ, при всемъ превосходствѣ врага, не хотѣлъ покориться, и если прибѣгалъ къ хитрости, то не долго могъ ее выдерживать: звѣрство брало перевѣсъ надъ скрытностью. У Озерова Старнъ сдѣлался хитрѣе, осторожнѣе въ своихъ планахъ; авторъ далъ ему много скрытной злобы, а не той, которая съ большимъ трудомъ выдерживаетъ свои тайные планы. Однакожъ, онъ все-таки наилучшее лицо. Фингалъ и Моина удалились отъ подлинника. Первый захватилъ много нѣжнаго рыцарства, послѣдняя много нѣжной мечтательности, романическихъ чувствъ. Оба они дѣйствующія лица не третьяго вѣка, а современныя Озерову или, по-крайней-мѣрѣ, очень къ нему близкія. Ахиллъ сѣверныхъ народовъ выражаетъ любовь свою, какъ Димитрій Донской, или, лучше сказать, какъ

сталъ бы выражать ее самъ Озеровъ, подъ вліяніемъ романтической настроенности. Моина, въ томъ же отношеніи, похожа на Поликсену и на Ксенію: онѣ—произведеніе одного и того же взгляда.

Отечественная исторія дала Озерову сюжеты для двухъ трагедій. Первая: «Ярополкъ и Олегъ», въ пяти дѣйствіяхъ, представлена въ первый разъ въ 1798 году. Это—первое произведеніе нашего трагика, слабое во всѣхъ отношеніяхъ. Другая трагедія: «Димитрій Донской», въ пяти дѣйствіяхъ, представленная въ 1807 году, имѣла огромный успѣхъ, какъ при первомъ представленіи, такъ и въ послѣдствіи. Успѣхъ этотъ объясняется многими причинами: тогдашними политическими отношеніями Россіи къ Наполеону, благороднымъ выраженіемъ патріотическихъ чувствъ, прекраснымъ по тому времени стихомъ и, наконецъ, прекрасной игрой Семеновой, которая, въ роли Ксеніи, дѣлила, вмѣстѣ съ авторомъ, «невольную дань народныхъ слезъ и рукоплесканій» (*). Если же разматривать «Димитрія Донскаго» съ эстетической точки зрѣнія, то справедливость требуетъ замѣтить, что эта пьеса принадлежитъ къ роду псевдоклассическихъ трагедій, и что другія пьесы Озерова (за исключеніемъ «Ярополка и Олега») много выше ея.

Начало трагедіи составлено по «Танкреду», который открывается совѣтомъ рыцарей, и по «Бруту», который открывается засѣданіемъ римскихъ сенаторовъ.

Князь Вяземскій, въ разборѣ своемъ, сдѣлалъ вѣрныя замѣчанія на-счетъ главнаго характера, невыгоднаго для трагическаго представленія:

«Невѣрный блюститель истины въ изображеніи историческаго Димитрія, поэтъ не избѣгаетъ справедливой укоризны и за Димитрія, созданнаго воображеніемъ. Предупреждая об ненія судей, трагикъ влагаетъ въ у князей Бѣлозерскаго, Смоленскаг самой Ксенія рѣшительный приго осужденія поступкамъ Димитрія, коннымъ во всякое другое время, преступнымъ въ день боя, когда от чество, требуя жертвы его страст обиженнаго самолюбія, ожидаетъ е него своего освобожденія. Не ум жается ли достоинство Димитрія, к да Ксенія, не менѣе его страстная, ходитъ довольно мужества въ душ чтобы заглушить голосъ любви, и пр извольною жертвою не укоряетъ ли его въ постыдномъ малодушіи? Ко чина Бренскаго, на смерть послана Димитріемъ, не есть ли ужаснѣйша постояннѣйшая ему укоризна? Са соперникъ Димитрія не исторгаетъ невольной дани уваженія, отказыва отъ руки Ксенія, и не долженъ ли пр знаться каждый зритель вмѣстѣ съ Д митріемъ, что тотъ его превзошелъ

Изъ разбора трагедій Озерова в ходитъ слѣдующее заключеніе: В его трагедіи принадлежатъ къ то классическому роду, въ которомъ л тература наша является подражател ною французской. Озеровъ—класси не только въ сюжетахъ, взятыхъ и міра греческаго, но и въ изображе событій отечественной и шотландск исторіи. Фингалъ и Димитрій Донск то же, что Эдипъ въ Аѳинахъ и По ликсена: одинаковость рода доказы вается и построеніемъ піесъ, и созда ніемъ характеровъ, и веденіемъ раз говоровъ. Чувствительность была врож денным качествомъ его природы — тѣмъ, чѣмъ онъ отличался отъ своих предшественниковъ, что, при пред ставленіи его піесъ, исторгало у зри телей невольныя слезы, что, по выра женію Жуковскаго, создало душу Мо ины. Способностью воспринимать чув ство онъ сошелся съ Дюси. Изъ тог же самаго источника объясняется ег преимущественная наклонность къ с

(*) Стихи Пушкина.

нію женскихъ характеровъ, кото- вышли у него удачнѣе мужскихъ. нѣтимъ, что въ трагедіяхъ Озерова ъ своя доля романтизма, такъ пол- прекрасно развитаго Жуковскимъ. чтательность и грусть Моины, сце- ея съ Фингаломъ, равно какъ сце- Димитрія Донскаго съ Ксеніей, вос- минанія Поликсены объ Ахиллѣ — ъ эти скорбныя сожалѣнія о невѣр- ти земнаго счастія, смутныя пред- ствія бѣдъ, неопредѣленныя на- ды на замѣну утраченнаго блага, ъ не что иное, какъ элементы ро- нтической поэзіи.

Мы разсмотрѣли трагедіи Озерова носительно тѣхъ высокихъ образ- въ древности, которымъ онъ подра- лъ, и относительно того французска- трагика, у котораго онъ заимство- лъ Эдипа въ Аѳинахъ. Теперь надоб- указать отношеніе его къ трагикамъ ечественнымъ, до него бывшимъ. Онъ раздо выше ихъ не только по языку устройству стиха, но и по располо- нію піесъ, по завязкѣ, по характе- мъ болѣе обдуманнымъ и стройнымъ. . Вяземскій называетъ его «преобз- вателемъ» русской трагедіи. Не лько Сумароковъ и Княжнинъ, но и ѣдующіе за Озеровымъ писатели агическихъ піесъ, должны уступить у мѣсто. Въ самомъ дѣлѣ, за исклю- ніемъ Бориса Годунова, что напи- но лучшаго послѣ Эдипа къ Аѳи- хъ? произвели ли что нибудь болѣе нѣчательное ближайшіе къ намъ и временные намъ драматурги? Цѣн- сть опредѣляется сравненіемъ, и ерова нельзя не уважать, когда по- авишь его рядомъ или съ предыду- ми или съ послѣдующими авторами аматическихъ піесъ.

Изъ Бориса Годунова.

«Борисомъ Годуновымъ» начинается етья эпоха поэтической дѣятельно- Пушкина—эпоха самыхъ зрѣлыхъ дожественныхъ произведеній, въ ко- торыхъ онъ является вполнѣ самобыт- нымъ, національнымъ поэтомъ - ху- дожникомъ. Образцомъ его драмы была Шекспирова историческая драма.

Въ чемъ заключается основная идея «Бориса Годунова«?

Трагедія Пушкина есть трагедія «историческая»: главный предметъ ея не страсть, не характеръ, не лице, а цѣлое время, вѣкъ. Она представляетъ картину извѣстной эпохи. Но эта эпоха развита только въ одномъ отношеніи— «въ отношеніи къ послѣдствіямъ цареубійства». Содержаніе драмы составляетъ очищеніе преступленія, наложеннаго на совѣсть Бориса убійствомъ царственнаго отрока. И Борисъ и Самозванецъ, и Россія и Польша, и монашеская келья и государственный совѣтъ, всѣ лица и всѣ сцены поставлены для выраженія той основной идеи, что злодѣяніе, подобное Борисову, сопровождается личными, семейственными и государственными несчастіями (*). Тѣнь умерщвленнаго Димитрія царствуетъ въ трагедіи отъ начала до конца, управляетъ ходомъ всѣхъ событій, служитъ связью всѣмъ лицамъ и сценамъ, разставляетъ въ одну перспективу всѣ отдѣльныя группы, и различнымъ краскамъ даетъ одинъ общій тонъ, одинъ кровавый оттѣнокъ.

Если убіеніе Димитрія съ его государственными послѣдствіями составляетъ главную нить и главный узелъ созданія Пушкина, то несправедливо искать средоточія этой піесы въ Борисѣ, или Самозванцѣ, или въ жизни народа; несправедливо также думать, что въ ней нѣтъ единства, потому будто, что лице Бориса заслонено второстепеннымъ лицемъ Самозванца. Авторъ имѣлъ цѣлію показать фактическія послѣдствія цареубійства,—и эта цѣль достигнута вполнѣ. Твореніе его, съ этой точки зрѣнія разсматриваемое,

(*) Эта основная идея высказывается самимъ Годуновымъ въ монологѣ: «Достигъ я высшей власти.“

удивительно гармоніею своихъ частей и интересомъ каждой части. — Кромѣ «фактическихъ» послѣдствій злодѣянія, какъ главной идеи драмы, представлено и «психологическое вліяніе его на убійцу», такъ что если, съ одной стороны, монахъ въ темной кельѣ произноситъ надъ Годуновымъ приговоръ судьбы и потомства, то, съ другой стороны, самъ Годуновъ выражаетъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ піесы угрызенія своей совѣсти.

Большая часть трагедій, особенно новѣйшихъ, имѣетъ предметомъ дѣло совершающееся, или долженствующее совершиться. Трагедія Пушкина развиваетъ послѣдствія дѣла уже совершеннаго, и преступленіе Бориса является не какъ «дѣйствіе», но какъ сила, какъ мысль, которая обнаруживается мало помалу то въ шопотѣ царедворца, то въ тихихъ воспоминаніяхъ отшельника, то въ одинокихъ мечтахъ Григорія, то въ силѣ и успѣхахъ Самозванца, то въ ропотѣ придворномъ, то въ волненіяхъ народа, то въ угрызеніяхъ совѣсти Бориса, то наконецъ въ громкомъ изверженіи неправедно царствовавшаго дома. Это постоянное возрастаніе коренной мысли въ событіяхъ разнородныхъ, но связанныхъ между собою однимъ источникомъ, даетъ ей характеръ сильно трагическій и, такимъ образомъ, позволяетъ ей заступить мѣсто господствующаго лица, или страсти, или поступка. — Такое трагическое воплощеніе мысли болѣе свойственно древнимъ, чѣмъ новѣйшимъ. Оно находится въ Эсхиловомъ Прометеѣ, гдѣ еще менѣе ощутительной связи между сценами; оно находится и въ нѣкоторыхъ новыхъ произведеніяхъ, на прим. въ Мессинской Невѣстѣ (Шиллера), въ Фаустѣ (Гете), въ Манфредѣ (Байрона).

Изложивъ справедливое сужденіе критики объ идеѣ трагедіи, надобно упомянуть о тѣхъ обвиненіяхъ, которыя *другая* критика возводила на *Пушкина*. Она упрекала его за то, что онъ изобразилъ Карамзинскаго Г нова (*). Вотъ слова Н. Поле «что могъ извлечь Пушкинъ, вз зя въ драмѣ своей тяжелую с человѣка, который не имѣет силъ, ни средствъ свергнуть с бя обвиненіе, передъ людьми передъ потомствомъ!» Если въ словахъ справедливо замѣчаніе, взглянувъ на Годунова съ д точки зрѣнія, изобразивъ его н кимъ, каковъ онъ у Карамзина, а гнетомъ тяжелой судьбы, прес ющей человѣка незаслуженным неніемъ, Пушкинъ подарилъ бы скую словесность такою драмо торая, вѣроятно, была бы еще «Бориса Годунова»; то несправе осуждать созданное по тому, ч могъ создать поэтъ. Каждое ху ственное произведеніе должно осматриваемо въ немъ самомъ, п витію той идеи, которую выбралъ художникъ, по согласію съ тѣм номъ, который онъ добровольн черталъ себѣ, а не по отношен другимъ идеямъ и планамъ, тр мымъ отъ него критикою. Если вы ная идея органически развита во своихъ частяхъ, если начерт планъ исполненъ совершенно-с ливо, то поэтическое созданіе пр лежитъ къ художественнымъ. С (и въ слѣдствіе этого осуждать кое бы вышло произведеніе прит то идеѣ и такомъ-то лицѣ, столько же неблагоразумно, с неблагоразумно историку рас вать, какія бы произошли слѣд еслибъ такого-то событія не бы все или еслибъ оно совершилось че. Въ художественныхъ созд надобно различать истину исто

(*) Пушкинъ посвятилъ свой тру рамзину, слѣдующими словами: „ цѣнной для Россіянъ памяти Н. рамзина сей трудъ, геніемъ его новенный, съ благоговѣніемъ и дарностью посвящаетъ Александръ кинъ".

ую отъ истины поэтической: первая стоитъ въ согласіи изображенныхъ ъ и событій съ указаніями исторіи, орая — въ художественномъ предавленіи возможнаго, въ строгой вѣрести событіямъ и лицамъ, созданъмъ фантазіей, въ неотступленіи отъ бственныхъ идеаловъ. При точномъ блюденіи исторической истины, можо быть плохимъ творцомъ; и на обоотъ, нарушая исторію, можно быть еликимъ художникомъ. Примѣч. Изого однакожъ не слѣдуетъ нисколь, что поэзія должна пренебрегать исторіей. Если поэтъ вводитъ торическіе характеры, то хотя онъ не обязанъ заставлять ихъ дѣлать енно то, что они дѣлали въ исто: однако, въ общемъ, не вправѣ мѣнять ихъ такъ, чтобы они опроргали свидѣтельства исторіи, признанныя достовѣрными. Подобныя пребразованія неблагоразумны: ибо чрезъ ихъ авторъ становится въ явное проворѣчіе съ понятіями большинства. Такимъ образомъ родятся два противоположныя впечатлѣнія: одно—возбужденное вымысломъ, другое—произведенное исторіею. Примирить ихъ очень трудно. Если мы захотимъ вѣрить поэту, то не должны вѣрить историку. Въ подобную ошибку впали Шиллеръ и Альфьери, представившіе донъ Карлоса идеальнымъ. Многіе защищаютъ совершенную неприкосновенность исторіи, но это и несправедливо и невозможно, потому что сама исторія, касательно нѣкоторыхъ характеровъ, несогласна съ собою.

Художественныя достоинства Бориса Годунова очень вѣрно раскрыты Варнгагеномъ фонъ Эльзе. Вотъ его отзывъ: «Пушкинъ не далъ этому драматическому произведенію никакого родоваго названія; въ немъ нѣтъ разбѣленія на акты, и сцены безпрерывно слѣдуютъ одна за другою; мѣсто дѣйствія также безпрерывно мѣняется; *время же дѣйствія обнимаетъ* собою *былые годы. Если эти внѣшности*, изъ которыхъ только первая можетъ показаться необыкновенною, заставляли самого поэта сомнѣваться, точно ли его произведеніе можетъ быть названо трагедіей, то это однакожъ ни минуты не должно приводить насъ въ раздумье—дать ему это названіе. Единство дѣйствія вездѣ строго сохранено и органически связуетъ части въ одно цѣлое. Планъ, ходъ и развитіе истинно драматическіе; впечатлѣніе, производимое цѣлымъ, также имѣетъ совершенно драматическій характеръ. Внѣшній объемъ равняется мѣрѣ обыкновенныхъ пяти актовъ, и нисколько не было бы трудно, если бъ только это было нужно, распредѣлить эти пять актовъ для представленія на сценѣ. Но созданіе Русскаго поэта имѣетъ такія же права на эти свободныя формы, какія имѣютъ историческія драмы Шекспира и «Гётцъ фонъ Берлихингенъ» и «Эгмонтъ»; оно по своему духу, по идеѣ и внутренней формѣ близко къ созданіямъ этихъ геніевъ. Не признавать произведеніе Пушкина драмою потому только, что онъ самъ не называетъ его такъ, было бы нисколько не лучше того, какъ и отрицать у Гете искуство изящно писать по нѣмецки: вѣдь Гете сказалъ же гдѣ-то, что онъ не мастеръ писать по нѣмецки. Драма заключается величественнымъ впечатлѣніемъ, въ которомъ таится предчувствіе новой Немезиды для новаго преступленія. Поэтъ разоблачитъ передъ нашими взорами міровую судьбу. Борисъ, способный и достойный царствовать, достигаетъ престола посредствомъ преступленія и торжествуетъ надъ утратившимъ силу правомъ; тщетно надѣется онъ превратить свои достоинства и заслуги въ право, и злоприобрѣтенное передать любимому сыну, какъ честное наслѣдство. Изъ самаго преступленія развивается месть; но не истина, не право низвергаетъ его, а новый обманъ, который ясенъ ему самому, какъ обманъ. Подъяльный

видъ права уже достаточно силенъ для того, чтобы уничтожить злоприсвоенное владычество. Исторія всегда такъ свершаетъ свой судъ; наши глаза часто едва-едва могутъ слѣдить по рядамъ столѣтій за Немезидою; но тѣ моменты исторіи, въ которыхъ судъ свершается такъ же быстро и такъ же явственно, какъ здѣсь, они-то и заключаютъ въ себѣ то, что мы зовемъ трагическимъ. Катастрофа Бориса Годунова, которую поэтъ имѣлъ полное право отдвинуть за кончину самого Бориса до рѣшительной гибели всего царскаго рода, само собою переплетается съ судьбою Самозванца; но изъ этихъ двухъ трагическихъ вѣтвей явственно преобладаетъ первая, какъ большею опредѣленностью, такъ и большимъ обиліемъ содержанія,—и выборъ Пушкина доказываетъ всю глубокость его генія, который былъ притомъ столько могущественъ, столько богатъ, что смогъ изобразить во всемъ достоинствѣ и втораго представившагося ему героя.

«Распредѣленіе сценъ, на которыя распадается вещество драмы, и діалогъ можно назвать въ высочайшей степени мастерскими. Поэтъ строго держится исторіи, но это нисколько не мѣшаетъ ему вездѣ удерживать въ виду его драматическую задачу. Это произведеніе имѣетъ большіе исторические пробѣлы и ни одного драматическаго; противоположности, которыя безъ всякой натяжки, безъ всякой искуственности, выходятъ изъ самаго дѣла, въ строгой діалектикѣ смѣняются и побораютъ другъ друга; участіе и интересъ ни на минуту не охлаждаются во все продолженіе развитія до конца. Обрисовка характеровъ столько же зрѣла, сколько разнообразна; первымъ появленіемъ, первыми словами, лица живо обозначены и твердо поставлены. Властитель, бояре, духовенство, народъ — всѣ являются въ ихъ дѣйствительномъ различіи: кисть художника равно сильна, равно вѣрна въ изображеніи какъ много наго народа, такъ царя и патріа какъ католическаго, такъ и грече го монаха, какъ честолюбивой П ки, такъ и кроткой царской доч пылкое геройство, осторожная п тика, пламенная страсть, безстра и простота—все является въ сво истинномъ видѣ, все выговарив свое сокровеннѣйшее отличител существо. Это разнообразіе, въ к ромъ каждый образъ является ха теристически отдѣльнымъ, есть щественный признакъ драматичес поэта. Мы еще больше будемъ у ляться драматической силѣ генія П кина, если примемъ въ сообра тѣ малыя, ничтожныя средства, к рыми онъ достигаетъ своихъ цѣ Здѣсь Пушкинъ является масте перваго разряда: все у него сжа ярко, опредѣленно и быстро, ни лишняго, ничего растянутаго; н поэтъ не вдается въ заманчивыя ступленія, которыя такъ часто ваются въ драматическія произве, и думаютъ оправдать себя назва лирическихъ мѣстъ. Точно также мѣрность десяти и одиннад сложнаго (пятистопнаго) ямбичес стиха, управляемаго искушенно кою мастера, нигдѣ не прерыв лирическими строфами; а иногд реходитъ, гдѣ говоритъ народ безъискуственную прозу».

Изъ Комедіи: Недоросль.

1) Фонъ-Визинъ (Денисъ Ивано род. въ Москвѣ, 1744 г. (*). Н томъ году начали учить его гра такъ что онъ, по собственном свидѣтельству, не помнилъ себя грамотнымъ. Отецъ заставлял читать церковныя книги, познак шія его съ церковно-славян языкомъ. На одиннадцатомъ год самомъ основаніи Московскаго

(*) По указанію кн. Вяземскаго; по др указаніямъ—въ 1745 г.

ерситета, онъ поступилъ въ число его юспитанниковъ. Когда нужно было редставить куратору Университета, И. И. Шувалову, лучшихъ воспитанниковъ, то въ числѣ десяти, отправленныхъ въ Петербургъ (1759 г.), аходился и Фонъ-Визинъ, выбранный директоромъ Университета, Мелиссино. Въ Петербургѣ, имѣлъ случай познакомиться у своего дяди съ извѣстными актерами: Волковымъ и Дмитревскимъ, изъ которыхъ второй сдѣлался въ послѣдствіи его другомъ. Это знакомство и посѣщеніе театра, гдѣ смѣшилъ тогда публику комикъ Шумскій, были, можетъ быть, причиною развитія въ Фонъ-Визинѣ комическаго дарованія. Воротясь въ Москву, Фонъ-Визинъ прилежно занялся изученіемъ франц. языка. Между тѣмъ началъ онъ работать на книгопродавцевъ. Въ 1761-мъ г. напечатанъ переводъ его «Басней Гольберга», потомъ (1762 — 1768) переводъ «Жизни Сифа, царя египетскаго». Въ періодическомъ изданіи: «Собраніе лучшихъ сочиненій», моего редакторомъ, въ 1762 г., былъ профессоръ Рейхель, упоминается о переведенныхъ Фонъ-Визинымъ «Превращеніяхъ Овидіевыхъ», но переводъ этотъ не найденъ. Къ этому же времени относится первая попытка его на поприщѣ поэзіи — переводъ «Альзиры»—переводъ ученическій въ стихотворствѣ и франц. языкѣ, заслуживпій насмѣшки отъ Хвостова (въ сатирическомъ его посланіи къ Фонъ-Визину). Этимъ оканчивается первый періодъ жизни Фонъ-Визина—періодъ приготовительныхъ лѣтъ предъ вступленіемъ на сцену дѣйствія въ обществѣ и въ литературѣ.

Въ 1762 г. вступилъ въ службу сержантомъ гвардіи. По пріѣздѣ Двора въ Москву сдѣлался извѣстнымъ вице-канцлеру кн. Голицыну, который перевелъ его въ иностранную коллегію переводчикомъ. Онъ удостоился вниманія канцлера, графа Воронцова, поручавшаго ему переводъ важнѣйшихъ бумагъ. Въ награду за труды по службѣ отправленъ былъ къ Шверинскому Двору, съ Екатерининскою лентою герцогинѣ мекленбургской, и возвратился съ одобреніемъ отъ посланника нашего, Мусина-Пушкина. На другой годъ, перешелъ на службу къ И. П. Елагину, бывшему тогда кабинетъ-министромъ. Въ 1764, произведенъ въ титулярные совѣтники. Онъ испыталъ въ то время много непріятностей по службѣ, не отъ начальника своего, а отъ его любимца, секретаря Лукина, автора комедій, имѣвшихъ нѣкогда большой успѣхъ.—Въ это же время познакомился онъ съ Г. Н. Тепловымъ, по совѣту котораго перевелъ твореніе Самуила Кларка: «Доказательства бытія Божія». Поѣхавъ въ отпускъ на родину, написалъ комедію Бригадиръ и перевелъ поэму Битобе: Іосифъ. Воротясь въ Петербургъ, онъ читалъ комедію и передъ Императрицею, и у Наслѣдника престола, и у многихъ вельможъ. Къ этой же эпохѣ можно отнести и переводъ его: «Торгующее дворянство» (напеч. 1766 г.).

Политическое поприще Фонъ-Визина начинается, по настоящему, съ поступленія его, въ 1770 г., подъ начальство графа Панина, который управлялъ министерствомъ иностранныхъ дѣлъ и которому Императрица Екатерина ввѣрила воспитаніе Наслѣдника престола. Фонъ-Визинъ, съ званіемъ секретаря при Панинѣ, получилъ чинъ надворнаго совѣтника. Переписка его со многими значительными дипломатическими лицами тогдашняго времени (Бибиковымъ, Сальдерномъ, Стакельбергомъ, Мусинымъ-Пушкинымъ, Зиновьевымъ, Остерманомъ, Булгаковымъ и проч.) служитъ доказательствомъ и непосредственнаго участія его въ дѣлахъ, и уваженія снисканнаго имъ независимо отъ мѣста.—Въ 1773 г., гр. Панинъ, подучивъ отъ Императрицы, въ день бракосочетанія Павла I съ принцессой гессенъ-дармштадтской, около 9,000 душъ, отдалъ

половину изъ нихъ своимъ секретарямъ. Фонъ-Визину досталось 1180 душъ. Въ 1774 г. познакомился онъ съ молодой вдовой изъ рода купцовъ Роговиковыхъ и женился на ней. Онъ сталъ жить тогда богато и угощать своихъ пріятелей, въ числѣ которыхъ находились: Державинъ, Домашневъ, Богдановичъ, Козодавлевъ, Дмитревскій и др. Литературными же противниками Фонъ-Визина были Хвостовъ и Горчаковъ.

Фонъ-Визинъ былъ за границею четыре раза. Въ первый разъ, какъ уже сказано, ѣздилъ онъ съ порученіемъ по службѣ. Второе путешествіе предпринято имъ было по причинѣ нездоровья жены его. Выѣхалъ онъ изъ Петербурга въ 1777 и воротился въ 1778 г. Онъ проѣхалъ чрезъ Варшаву, Дрезденъ, Франкфуртъ на Майнѣ, Страсбургъ, Лионъ и Нимъ до Монпелье, который былъ цѣлью его поѣздки и въ которомъ оставался онъ около двухъ мѣсяцевъ. Въ концѣ февраля 1778 г. пріѣхалъ въ Парижъ и пробылъ въ немъ нѣсколько мѣсяцевъ. Этой поѣздкѣ одолжены появленіемъ его «Письма изъ Франціи къ гр. П. И. Панину». По возвращеніи, Фонъ-Визинъ произведенъ, 1779 г., въ канцеляріи совѣтники. Вскорѣ написалъ онъ комедію «Недоросль» (1782 г.). На здоровье его (Фонъ-Визинъ всегда жаловался на головную боль) подѣйствовала всего болѣе смерть Панина (1783 г.). Въ 1784 вышелъ въ отставку съ чиномъ статскаго совѣтника и съ пенсіономъ въ 3,000 руб. Третье путешествіе совершенно имъ въ 1784 и 1785 г. г. Цѣлью его была Италія, гдѣ онъ прожилъ мѣсяцевъ восемь и воротился въ маѣ 1785 г., чрезъ Вѣну въ Россію. Въ августѣ былъ онъ въ Москвѣ. Въ этомъ же мѣсяцѣ приключился ему ударъ паралича, отнявшій у него, до самаго конца жизни, употребленіе языка и лѣвой руки и ноги. Четвертое путешествіе предпринято было въ 1786 г., для поправленія здоровья. Фонъ-Визинъ посѣтилъ Вѣну, Карлсбадъ, Тренчинъ (въ Венгріи) и воротился въ Петербургъ въ концѣ сентября 1787 г. Въ 1788 г. намѣревался издавать журналъ: «Другъ честныхъ людей или Стародумъ». В 1791, по случаю смерти Потемкина, написалъ «Размышленіе о суетной жизни человѣческой». Умеръ 1792 г. (Фонъ-Визинъ, соч. кн. Вяземскаго; Словарь достопам. людей, Бантыша Каменскаго).

2) Сочиненія Ф.-Визина имѣли два изданія: первое — книгопродавца Салаева, 1830 г., 2 ч.; второе — Смирдина, 1846 г. (въ полномъ собраніи сочин. Рус. авторовъ).

А) Переводы Фонъ-Визина: 1) Басни Гольберга, съ нѣм., первый литературный трудъ его (напеч. по словамъ кн. Вяземскаго въ 1761 г., по Гречу — въ 1763); 2) Жизнь Сиха, царя египетскаго (по Гречу 1764, по каталогу Смирдина 1762 — 1768 г.), съ нѣм., хотя подлинникъ писанъ на франц., аббатомъ Терассономъ; 3) Альзира, или Американцы, трагедія Вольтера, пер. стихами (перев. 1762, напеч. 1786); 4) Слово, говоренное профес. Рейхелемъ, 1762 г., въ публичномъ собраніи московскаго университета, по совершеніи коронованія Императрицы Екатерины II, пер. съ нѣм. (1762); 5) Любовь Хариты и Полидора, повѣсть Бартелеми, съ франц., (1767); 6) Торгующее дворянство, перев. вѣроятно съ нѣмец., хотя подлинникъ французскій (1766 г.); 7) Іосифъ, по эма Битобе, пер. съ франц. 1764, напеч. 1769; 8) Сидней и Силли или благодѣяніе и благодарность, англійская повѣсть, соч. Арнода, пер. с франц. (1766); 9) Слово похвальное Марку Аврелію, соч. Томаса, пер. с франц. (1777); 10) Доказательств бытія Божія, Самуила Кларка; 11) Ко ріонъ, пер. съ франц. комедіи Гре сета: Сидней.

Б) Сочиненія въ прозѣ: 1) Бриг диръ, ком. въ 5 д. (напис. 1763, н печ. 1764); 2) Письма къ И. П. Ел

ну; 3) Письма къ родителямъ (1766—68); 4) Слово на выздоровленіе В. Павла Петровича, говоренное 1771 напеч. 1776); 5) Письма къ Я. И. лгакову (1771—1778); 6) Письма ъ путешествія къ сестрѣ Ѳ. И. А. 777—1778); 7) Письма изъ Франціи Рима къ гр. П. И. Панину (1777—778 и 1785), 8) Недоросль, ком. въ д. (соч. 1782, напеч. 1783); 9) Въ урналѣ «Собесѣдникъ Любителей оссійскаго слова» (1783—1784) поѣщены: Опытъ Россійскаго сословика, Поученіе говоренное въ Духовъ ень іерсемъ Василіемъ, Вопросы и исьмо отъ сочинителя вопросовъ къ Автору былей и небылицъ; 10) Письо къ О. И. Козодавлеву о планѣ Россійскаго Словаря (1784); 11) Письма къ сестрѣ изъ втораго путешествія (1784—1785); 12) Отрывокъ изъ журнала путешествія въ Вѣну (1786); 13) Жизнь гр. Н. И. Панина (сочиненіе это въ первый разъ показалось на ранцуз. языкѣ; переведенное съ него І. И. Дмитріевымъ, напечатано въ 787 г.); 14) Въ 1788 г. Фонъ-Визинъ амѣревался издавать журналъ: «Другъ естныхъ людей, или Стародумъ», періодическое изданіе, посвященное стинѣ; намѣреніе его не состоялось, о до насъ дошло нѣсколько статей, риготовленныхъ для сего журнала Письма къ Стародуму отъ сочинителя Недоросля, Софьи и Дурыкина съ отѣтами на нихъ, Всеобщая Грамматика, Переписка Взяткина и Стародума, Разговоръ у княгини Халдиной, Наставленіе дядисвоему племяннику); 5) Каллисѳенъ, греческая повѣсть; 6) Чистосердечное признаніе въ дѣахъ моихъ и помышленіяхъ (не конченная автобіографія, написанная не адолго до кончины); 17) Размышленія о суетной жизни человѣческой (по лучаю смерти Потемкина, 1791); 18) ыборъ гувернера, ком. въ 3 д. (одно зъ послѣднихъ сочиненій автора).— ъ стихахъ: Посланіе къ слугамъ моимъ, Посланіе къ уму, Лисица кознодѣй.

В) Кромѣ изданныхъ сочиненій и переводовъ Фонъ-Визина, въ оставшихся послѣ него бумагахъ найдены кн. Вяземскимъ: 1) Посланіе къ Ямщикову, въ стихахъ (начало); 2) Начало перевода смерти Авеля, поэмы Геснера; 3) Двѣ сцены изъ двухъ комедій (одна безъименная, другая—«Добрый Наставникъ»); 4) Мнѣніе о избраніи піесъ въ «Московскія сочиненія» (отрывокъ); 5) Отрывокъ перевода изъ 6-ой пѣсни Иліады.—Рейхель, редакторъ, въ 1762 г., «Собранія лучшихъ сочиненій», упоминаетъ о переводѣ Фонъ-Визинымъ «Овидіевыхъ превращеній». — Въ «Словарѣ» Новикова говорится о стихотвореніи «Маткшка-Разнощикъ». — Въ каталогѣ Смирдина значится еще одно сочиненіе съ именемъ Фонъ-Визина: «Жизнь нѣкотораго мужа и переводъ куріозной души его чрезъ Стиксъ рѣку», изд. новое 1791 г.; но кн. Вяземскій говоритъ, что оно написано А. В. Олсуфьевымъ, статсъ-секретаремъ при Императрицѣ Екатеринѣ II.

3) Сужденіе. Въ теоріи сатиры было сказано, что одни изъ писателей, вдохновляясь нравственнымъ совершенствованіемъ человѣка, изображаютъ свѣтлую сторону извѣстной эпохи; другіе, напротивъ, изображаютъ уклоненія человѣка отъ нравственнаго идеала. Первые—лирики, вторые—сатирики. Державинъ, принадлежащій къ первымъ, и Фонъ-Визинъ, принадлежащій ко вторымъ, служатъ выразителями того славнаго вѣка, который въ исторіи нашей извѣстенъ подъ именемъ вѣка Екатерины.

Выборъ того или другаго направленія зависитъ отъ наклонности автора; но эта наклонность должна дѣйствовать сознательно, найти себѣ матеріалъ и побужденіе въ обстоятельствахъ. Фонъ-Визинъ врожденнымъ талантомъ былъ постоянно устремляемъ къ сатирѣ, точно также какъ врожденнымъ талантомъ Державинъ стремился къ одѣ. Оба они служатъ достойными

представителями двухъ различныхъ поэтическихъ родовъ, оба выразили двѣ различныя стороны эпохи. Потому безошибочно можно сказать, что произведенія Державина составляютъ противоположность сочиненіямъ Фонъ-Визина. Другими словами: талантъ Державина преимущественно-лирическій, хотя у него и есть оды съ сатирическимъ элементомъ (оды-сатиры); талантъ Фонъ-Визина преимущественно-сатирическій: комизмъ, сатира пробиваются у него даже въ такихъ случаяхъ и при такихъ предметахъ, въ которыхъ они не должны бы были имѣть мѣста. Оригинальность Державина заключается въ соединеній двухъ противоположныхъ поэтическихъ тоновъ: возвышеннаго и шутливаго. Онъ, по собственному его признанію, тѣмъ сталъ извѣстенъ, что первый

..... дерзнулъ «въ забавномъ»
русскомъ слогѣ
О «добродѣтеляхъ» Фелицы возгласить.

Но этотъ забавный тонъ или слогъ занимаетъ второстепенное мѣсто: главное дѣло—тонъ возвышенный, лирическій, произведенный добродѣтелью, нравственной красотой человѣчества. Иногда забава служитъ у Державина только средствомъ для выраженія лирическаго вдохновенія: «въ шуткахъ правду возвѣщу», говоритъ о себѣ поэтъ, опредѣленно сознающій характеръ своей поэтической дѣятельности.—У Фонъ-Визина совершенно напротивъ: у него главное, почти исключительное направленіе—сатирическое.

Сатирическая дѣятельность Фонъ-Визина выразилась преимущественно двумя комедіями: Бригадиромъ и Недорослемъ, и потому опредѣлимъ идею, характеры и художественное значеніе этихъ произведеній.

То самое, противъ чего вооружался Кантемиръ въ своихъ сатирахъ, послужило содержаніемъ и для комедій Фонъ-Визина. Сатиры Кантемира, изъ коихъ первая явилась въ 1729, а послѣдняя въ 1739 г.), изображали два класса: классъ людей невѣжественныхъ и классъ людей получившихъ поверхностное, внѣшнее образованіе. Представителями перваго являются у него, въ первой сатирѣ, Критонъ, Сильванъ, Лука; представителемъ втораго — Медоръ. Эти же классы, только другой эпохи, выведены и въ комедіяхъ Фонъ-Визина: въ Бригадирѣ видимъ поверхностное образованіе въ лицѣ Иванушки, бригадирскаго сына; въ Недорослѣ — гибельные плоды невѣжества, въ лицѣ семейства Простаковыхъ, и преимущественно Митрофана.

И такъ «идея» комедіи «Бригадиръ»—поверхностное внѣшнее образованіе, полагавшееся въ поѣздкѣ въ чужіе краи, въ усвоеніи нѣкоторыхъ чужеземныхъ обычаевъ и въ знаніи французскаго языка.

Главный «характеръ», созданный для выраженія идеи—Иванушка, сынъ Бригадира. Другія лица: Бригадиръ, жена его, Совѣтникъ, Совѣтница, дочь ихъ Софья, г-нъ Добролюбовъ. Въ всѣхъ этихъ лицахъ, исполненныхъ комизма, есть однакожъ много преувеличеннаго, каррикатурнаго. Поэтому кн. Вяземскій справедливо сказалъ: «Бригадиръ болѣе комическая каррикатура, нежели комическая картина; но здѣсь каррикатурный отпечатокъ не признакъ безвкусія, а выраженіе ума оригинальнаго: тутъ есть поэзія веселости. Каррикатурный мастеръ идеализируетъ свой подлинникъ въ смѣшномъ и уродливомъ видѣ, но эта идеализація не измѣняетъ истинѣ». — Уклоненія отъ естественнаго представленія предметовъ въ представленіе гиперболическое, каррикатурное объясняется наклонностію автора къ комизму, въ желаніи его смѣшить зрителей. — Самыя безцвѣтныя лица — Софья и Добролюбовъ: они нужны единственно для романической завязки, которая считалась необходимостью каждаго драматическаго произведенія

дучы узаконена правилами французскихъ эстетиковъ и образцами французскихъ комедій.

Басня, или интрига (сюжетъ), Бригадира бѣдна. Дѣйствія мало; оно лишено движенія. Вотъ почему Бригадиръ не можетъ назваться комедіей: это—сатира въ драматической формѣ, избитой авторомъ для выраженія своихъ мыслей о нѣкоторыхъ предметахъ для представленія лицъ, встрѣченныхъ имъ въ обществѣ.

Языкъ (равно какъ и въ Недорослѣ) натуральный и остроумный, впервые слышанный на нашей сценѣ.

Идея Недоросля — изобразить гибельные плоды невѣжества. Кн. Вяземскій различаетъ въ этой комедіи двѣ стороны: нравственную, или патріотическую, и комическую. Нравственная состоитъ въ томъ, что смѣшное не мѣшаетъ разглядѣть гнусное; что въ содержаніи комедіи и въ лицѣ Простаковой скрываются всѣ пружины, всѣ лютыя страсти, нужныя для изображеній трагическихъ (см., въ 1-ой ч., сужденіе кн. Вяземскаго о Недорослѣ). Глубоко-прискорбное впечатлѣніе, производимое картиною нравственныхъ недостатковъ, есть необходимое свойство важныхъ, такъ называемыхъ общественныхъ комедій. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, комедіи, подобныя Недорослю, приводятъ зрителя къ понятію о томъ, каковъ долженъ быть человѣкъ разумный и нравственный, ибо ясное представленіе одного изъ двухъ прямо-противоположныхъ предметовъ, даетъ уразумѣть столько же сего и другой (см., въ примѣч. къ 1-ой ч., о князѣ Вяземскомъ; въ примѣч. ко 2-ой ч.—о сатирѣ).

Подъ комическою стороною разумѣются интрига, веденіе дѣйствія, лица.

Интрига страдаетъ тѣмъ же недостаткомъ, какъ и въ Бригадирѣ: бѣдностью.—Дѣйствія также мало: едва ли найдется третья часть явленій, необходимо входящихъ въ составъ *самого дѣйствія. — Лица можно* раздѣлить на истинно-комическія (Простаковъ, Простакова, Митрофанъ, Еремеевна, Тришка), вѣрныя дѣйствительности: идея комедіи выражется Простаковой и Митрофаномъ; каррикатурныя (Скотининъ, Вральманъ, Кутейкинъ, Цыфиркинъ); нужныя для романической завязки (Милонъ и Софья — самыя блѣдныя и скучныя лица); резонеровъ (Стародумъ) и необходимыя для развязки дѣйствія (Правдинъ). Сцены, въ которыхъ является Стародумъ, не смотря на отсутствіе въ нихъ дѣйствія, имѣли великое значеніе для современныхъ зрителей (см. означенную статью кн. Вяземскаго о Недорослѣ).

Другія сочиненія Фонъ-Визина:

«Письма изъ Франціи къ гр. П. И. Панину». Вотъ мнѣніе о нихъ кн. Вяземскаго: «Нѣкоторыя изъ наблюденій путешественника справедливы, а именно тѣ, кои относятся до политическаго положенія Франціи. Но за то въ наблюденіяхъ его о характерѣ иностранцевъ — неумѣренность, рѣзкость въ сужденіяхъ, желчь и даже изступленіе.—Многое въ письмахъ Фонъ-Визина заимствовано изъ сочиненія Дюкло: Considérations sur les moeurs de ce siècle.

«Выборъ гувернера, ком. въ 3 д.»—Дѣйствія въ ней совершенно нѣтъ и есть много сходнаго съ Недорослемъ, который написанъ прежде. Но не имѣя художественнаго значенія, комедія замѣчательна по мыслямъ дѣйствующихъ лицъ—Сеума и Нельстецова.

«Коріонъ», переводъ или передѣлка комедіи Грессета: Сидней.—Подлинная драма слаба дѣйствіемъ и вымысломъ: все ея достоинство въ слогѣ. Переводъ не имѣетъ и послѣдняго достоинства. Эта піеса не была извѣстна до 1836 года, въ которомъ она появилась въ Библіотекѣ для Чтенія.

«Чистосердечное признаніе въ дѣлахъ и помышленіяхъ» (автобіографія неконченная). Во вступленіи говорится, что исповѣдь раздѣлена на четыре

смыслъ словъ: «виноватый и правый», въ «Недорослѣ»—смыслъ словъ: «неустрашимость и храбрость».

«Письмо о планѣ Россійскаго Словаря» отличается остроуміемъ и критическимъ искуствомъ. Въ немъ авторъ вошелъ въ состязаніе съ другимъ критикомъ, Болтинымъ.

Весьма важны статьи, приготовленныя Фонъ-Визинымъ для сатирическаго изданія: «Стародумъ», равно какъ и тѣ, которыя помѣщены были въ «Собесѣдникѣ».

Изъ всѣхъ сочиненій Фонъ - Визина видно, что онъ принадлежалъ къ образованнѣйшимъ особамъ Екатеринина вѣка. Тонъ его сатиры — остроумно-ѣдкій и сильный. Источникъ ея — самый благонамѣренный и патріотическій. Разсматривая автора со стороны нравственной и философической, говоритъ кн. Вяземскій, должно сказать съ уваженіемъ, что онъ вездѣ руководимъ былъ истиннымъ патріотизмомъ.

Изъ Комедіи: Пустодомы.

1) Князь Александръ Александровичъ Шаховской, сынъ небогатаго смоленскаго помѣщика, род. въ 1777 г.

да еще мало обращали вним
странныя труппы сосредот
себѣ всю заботливость дире
тому что служили для заба
му обществу. А какъ въ
время, для пополненія ф
труппы, нужны были нѣкот
востепенные артисты, то А
Львовичъ Нарышкинъ (дире
ра) и отправилъ князя Шах
чужіе края, для ангажиров
артистовъ. Болѣе года пров
границей и въ 1803 г. воз
исполнивъ свое порученіе б
нымъ образомъ. Путешеств
его драматическія способнос
ражѣ вздѣлъ онъ всѣ сценич
шенія, произведенныя актер
мою въ костюмахъ и въ чтен
Все это старался онъ тотчас
ти на петербургскихъ теат
особенности на Русскомъ.—
ку свою князь Шаховской п
въ камеръ-юнкеры (1804), и
входъ въ первѣйшіе знат
Онъ познакомился тогда съ
нинымъ, котораго домъ был
чіемъ литературы. Тамъ впе

ъ полезная идея его театральнаго
ленія. Онъ чувствовалъ, что мо-
ые артисты медленно будутъ со-
ершенствоваться, если ихъ застав-
ь играть съ старыми, потому что
ъзя молодымъ неизвѣстнымъ лицамъ
ать первыя роли, когда для этихъ
ей есть первокласные артисты. И
ому молодому артисту приходится
шее время своей художнической
ни проводить на второстепенныхъ
яхъ, не имѣя возможности занять
выя. Чтобы избѣжать этого неудоб-
а въ формированіи юныхъ артистовъ,
Шаховской придумалъ образовать
ъ нихъ особую труппу и заставить
играть на другомъ театрѣ. Въ этихъ
дставленіяхъ образовались многіе
ические таланты. — Въ 1810 г.
Шаховской былъ произведенъ въ
ствительные статскіе совѣтники.
зда начинается второй періодъ его
ельности, ознаменованный полез-
ми трудами и заслуженною извѣст-
тью.

Въ 1812 г. онъ вступилъ въ воен-
ослужбу. Имѣя небольшое помѣстье
тверской губерніи, онъ отправился
да и былъ назначенъ командиромъ
чьяго полка, сформированнаго изъ
шковъ тверскаго ополченія; въ ок-
рѣ того же года первый вошелъ съ
идомъ генералъ-адъютанта Винцен-
оде въ Москву, изъ которой бѣжа-
непріятели. Когда русскія арміи
али преслѣдовать непріятеля, кн.
аховской прибылъ съ своимъ полкъ
въ Ригу и поступилъ подъ началь-
о маркиза Паулуччи, который от-
лалъ его съ особенными поруче-
ми въ Самогитію. По успѣшномъ ис-
полненіи ихъ, Шаховской былъ назна-
ъ дежурнымъ генераломъ при кор-
сѣ, стоявшемъ въ Лифляндіи и Кур-
ліи. Вмѣстѣ съ тѣмъ поручено ему
ло сформировать въ Ригѣ запасную
изію, съ которою онъ и посланъ
ъ въ резервную армію, собиравшую-
въ Польшѣ. Тѣмъ кончились воен-
е его труды. Ни въ 1813, ни въ 1814
онъ III.

году онъ не участвовалъ въ военныхъ
дѣйствіяхъ и, по распущеніи ополченій,
возвратился въ Петербургъ и вступилъ
въ прежнюю свою должность при теат-
ральной дирекціи. Въ 1818 г. вышелъ
изъ нея въ отставку, при директорѣ
театра князѣ Тюфякинѣ. Когда князь
Тюфякинъ отправился въ чужіе края
для ангажированія во французскую
труппу новыхъ сюжетовъ, то петербур-
гскими театрами началъ временно у-
правлять Майковъ, управлявшій Мос-
ковскимъ театромъ. По выходѣ Тюфя-
кина въ отставку, Майковъ назначенъ
въ должность директора. Онъ вскорѣ
объявилъ, что нужны особенныя мѣры
для устройства финансовыхъ дѣлъ ди-
рекціи. Графъ Милорадовичъ, петер-
бургскій военный генералъ-губерна-
торъ, исходатайствовалъ составленіе
комитета для устройства дѣлъ теат-
ральной дирекціи (1824 г.) и въ число
членовъ комитета (названнаго комите-
томъ главной дирекціи) былъ назна-
ченъ кн. Шаховской, который состав-
илъ новый штатъ, Высочайше утвер-
жденный. По кончинѣ Милорадовича,
старшимъ членомъ комитета сдѣлался
кн. Долгоруковъ, и кн. Шаховской
былъ уволенъ (1826). Здѣсь оканчи-
вается служебное его поприще. По-
слѣдніе годы своей жизни провелъ онъ
въ Москвѣ, гдѣ и умеръ въ 1846 г.
(Пантеонъ, 1846 г., статья Р. Зотова).

2) Сочиненія. Въ 1805 г.: Новый
Стернъ, ком. въ 1 д. (насмѣшка надъ
приторною сентиментальностью фран-
цузской литературы, перешедшею къ
намъ въ повѣстяхъ Карамзина и дове-
денною до крайности его бездарными
подражателями). Въ 1806 г.: Русалка,
часть 4 (нѣмецкая сказка, передѣлан-
ная въ сценическій фарсъ, подъ назва-
ніемъ «Дунайская Дѣва», имѣла огром-
ный успѣхъ въ Германіи; Краснопол-
ьскій передѣлалъ ее на русскіе нравы:
изъ Дуная сдѣлалъ Днѣпръ, изъ рыца-
рей — кіевскихъ князей: очарованіе
заключалось въ музыкѣ, машинахъ и
превращеніяхъ, бывшихъ тогда въ мо-

ковинку). Въ 1808: Полубарскія затѣи, оригин. ком. въ 5 д. (цѣлью комедіи, имѣвшей большой успѣхъ, было осмѣять страсть нѣкоторыхъ помѣщиковъ къ домашнимъ театрамъ). Въ 1810: Ссора, или два сосѣда, ком. въ 1 д. (въ ней выведены ничтожныя ссоры и страсть къ тяжбамъ нѣкоторыхъ тогдашнихъ помѣщиковъ). Въ 1811: Козакъ стихотворецъ, вод. въ 2 д. (Идея піесы родилась при чтеніи малорусскихъ пѣсенъ козака Климовскаго, который былъ и музыкантъ, и поэтъ, и воинъ; благодаря сюжету піесы, равно какъ мотивамъ малорусскихъ пѣсенъ, положеннымъ на музыку Кавосомъ, вод. имѣлъ большой успѣхъ). Въ 1814: Урокъ кокеткамъ, или Липецкія воды, оригин. ком. въ 5 д., въ стихахъ (заимствованная изъ французской: La coquette; авторъ умѣлъ воспользоваться великими политическими событіями, недавно совершившимися, и его дѣйствующія лица вспоминаютъ про Лейпцигъ, Кульмъ, Парижъ); Ломоносовъ, или рекрутъ стихотворецъ, вод. въ 3 д. (сюжетъ взятъ изъ жизни Ломоносова, который попалъ было въ руки прусскихъ вербовщиковъ). Въ 1818: Своя семья, ком. въ 3 д., въ стихахъ (два явленія въ ней написаны Грибоѣдовымъ и Хмѣльницкимъ). Въ 1819: Пустодомы, ком. въ 5 д., въ стихахъ (картина жизни многихъ русскихъ баръ, проживавшихся на новыхъ проэктахъ и улучшеніяхъ, не примѣненныхъ къ мѣстности). Въ 1820: Какаду, или слѣдствіе урока кокеткамъ, ком. въ 1 д., въ стихахъ (продолженіе Липецкихъ водъ). — Въ 1822: Аристофанъ, или Всадники, ком. въ 3 д. (сюжетомъ послужило первое представленіе комедіи Аристофана: «Всадники». Поэтъ вывелъ на сцену Клеона, народнаго оратора той эпохи. Его пороки и грабительство явно изображены были народу; но въ день представленія не *только никто* изъ аѳинскихъ актеровъ *не хотѣлъ* играть Клеона, боясь его *мщенія, но* и скульпторы отказались дѣлать маску, которую тогда надѣ[вали] ли актеры во время спектакля. Арис[тофанъ] фанъ рѣшается самъ играть роль К[леона], она, зазваннаго Алкиноей въ гос[ти]. Піеса была принята съ полнымъ во[сторгомъ], торгомъ, и приверженцы Клеона, [хотѣвшіе] тѣвшіе уронить комедію, не смѣли [начать] чать шума въ отсутствіе Клеона); Ѳ[едоръ] доръ Григорьевичъ Волковъ, драма [въ] 3 д. (главное лицо — основатель рус[скаго] ского театра, сынъ костромскаго куп[ца]ца); Двумужница, оригин. романт. дра[ма] ма въ 2 ч. — Кромѣ того: Чванст[во] Транжирина (подр. Полубарскимъ за[тѣямъ]тѣямъ); Эзопъ у Ксанѳа, вод. (здѣ[сь] вставлены цѣликомъ многія басни Дми[трі]ріева и Крылова), и проч. Изъ недр[укоматическихъ] матическихъ сочиненій извѣстны: Ра[зхищенныя] хищенныя шубы (ком. поэма въ 4 пѣ[снях]няхъ), сатиры и разныя мелкія стих[отворенія] творенія (въ Драматическомъ Вѣстн[икѣ], 1808), Письма изъ Италіи къ Н. [И.] С. (въ Сынѣ Отечества, 1818 г.), о[тр]рывокъ изъ романа: Ломоносовъ ([въ] Москвитянинѣ).

3) Кн. Шаховской есть плодовитѣ[йшій] шій изъ нашихъ драматическихъ писа[телей]телей. Число піесъ, имъ написанныхъ [простирается] простирается до 80. Такое значител[ьное] ное количество, съ одной стороны, по[казываетъ] казываетъ любовь къ искуству, гибку[ю] разнообразную способность, а съ дру[гой] гой невозможность надлежащей отдѣл[ки] ки въ каждомъ произведеніи.

Не удовлетворяя требованіямъ ис[тинно-драматической] тинно-драматической поэзіи, комед[іи] его выказываютъ, однакожъ, умѣн[іе] владѣть языкомъ, вести естественн[ый] разговоръ, легкость, иногда пріятн[ое] остроуміе. Лучшія изъ нихъ: Полуба[рскія] скія затѣи, Пустодомы, Аристофан[ъ], Ссора или два сосѣда, Ѳ. Г. Волков[ъ]. Достоинству его піесъ вредятъ два о[бстоятельства]стоятельства: во первыхъ, желаніе д[ать] ставить имъ успѣхъ сценическій, ч[то] заставило его сочинять главныя ро[ли] для извѣстныхъ актеровъ, соображая [ихъ] съ ихъ талантами и средствами; [во] вторыхъ, желаніе изображать не тол[ь]ко характеры и событія, но и лиц[а]

учаи, извѣстные автору или публи-
ъ. При такихъ условіяхъ и еще при
ѣшности работы произведеніе мо-
ъ имѣть временный успѣхъ, но ли-
ается существеннаго достоинства,
торое остается при хорошей драма-
ческой піесѣ навсегда, независимо
ъ искусныхъ актеровъ и чѣмъ ни-
удь замѣчательныхъ лицъ.

Изъ Комедіи: Горе отъ Ума.

1) Грибоѣдовъ (Александръ Сергѣе-
чъ) род. 1795 г., воспитывался въ
осквѣ, прежде въ домѣ родителей
оихъ, которые не щадили никакихъ
ожертвованій для образованія своего
ына, а потомъ въ Университетѣ, от-
уда выпущенъ кандидатомъ. Онъ ока-
алъ большіе успѣхи въ наукахъ, и
егда съ благодарностью вспоминалъ
любимомъ своемъ профессорѣ Бу-
е, извѣстномъ исторіею философіи.
ъ искуствъ страстно любилъ музы-
у и съ самыхъ юныхъ лѣтъ превос-
одно игралъ на фортепіано. При раз-
ообразныхъ научныхъ свѣдѣніяхъ, онъ
алъ въ совершенствѣ нѣсколько язы-
овъ: нѣмецкій, франц., итал. и англ.,
понималъ латинскій. Въ 1812 г., сем-
адцатилѣтній Грибоѣдовъ вступилъ
орнетомъ въ гусарскій полкъ, форми-
овавшійся графомъ Салтыковымъ. По
ерти графа и по распущеніи его пол-
а, Грибоѣдовъ перешелъ въ иркутскій
усарскій полкъ и отправился въ свой
скадронъ, принадлежавшій къ резерв-
ому кавалерійскому корпусу, кото-
ый былъ расположенъ въ Литвѣ. Од-
акожъ онъ не успѣлъ присоединить-
я къ дѣйствующей арміи и не уча-
твовалъ въ битвахъ. По окончаніи
ойны жилъ въ Брестѣ-Литовскомъ,
дѣ находился его полкъ. Оттуда, въ
814 г., написалъ онъ письмо къ из-
ателю Вѣстника Европы, о праздни-
ѣ, который давали офицеры коман-
овавшему кавалерійскими резервами,
енералу Кологривову. Письмо со-
тоитъ изъ стиховъи прозы. Нѣкоторые
тихи, въ шутливомъ тонѣ, удачны.
При обязанностяхъ службы, въ удале-
ніи отъ столицъ, Грибоѣдовъ не могъ
слѣдить за успѣхами русской литера-
туры, которую любилъ, и рѣшился пе-
реѣхать въ Петербургъ, куда и при-
былъ въ 1815 г., привезя съ собою не-
большую комедію: Молодые супруги
(переводъ французской: Le secret du
ménage). Въ Петербургѣ жили тогда
извѣстные драматическіе писатели:
Хмѣльницкій, Жандръ, Катенинъ. —
Грибоѣдовъ сошелся съ ними. Съ кня-
земъ А. А. Шаховскимъ онъ познако-
мился еще прежде (*). Всѣ они дѣя-
тельно трудились для театра, и Гри-
боѣдовъ участвовалъ въ общемъ же-
ланіи оживить сцену пьесами, сообраз-
ными состоянію искуства. Въ 1815 г.,
представлена была его піеса: «Моло-
дые супруги»; въ 1817 г., переведен-
ная вмѣстѣ съ г. Жандромъ, комедія
Барта: «Притворная невѣрность»; въ
1818 г., комедія: «Своя семья» (въ ко-
торой принадлежитъ ему нѣсколько
сценъ). Въ 1817 г., поступилъ онъ въ
иностранную коллегію, съ чиномъ гу-
бернскаго секретаря, а въ 1818 опре-
дѣленъ секретаремъ персидской миссіи
съ чиномъ титулярнаго совѣтника и
уѣхалъ въ Таврисъ, гдѣ совершенно
посвятилъ себя службѣ, изученію пер-
сидскаго языка и пользѣ отечества.
Наслѣдникъ персидскаго престола,
Аббасъ-Мирза, любилъ его, находилъ
удовольствіе бесѣдовать съ нимъ и
доставилъ ему отъ шаха орденъ льва
и солнца второй степени. Въ 1822 г.,
произведенъ за отличіе въ коллежскіе
ассессоры и опредѣленъ по диплома-
тической части къ главнокомандовав-
шему въ Грузіи, генералу А. П. Ермо-
лову. Первая мысль комедіи: «Горе отъ
ума», явилась автору ся, когда онъ
былъ еще въ Персіи (1821). Кончилъ
онъ ее въ Тифлисѣ (1822), но по пріѣз-
дѣ въ Москву, гдѣ провелъ нѣсколько

(*) Въ Сынѣ Отеч., 1816 г., Грибоѣдовъ защищалъ Катенина отъ критики на его балладу Ольга (подражаніе Бюргеровой Ленорѣ).

мѣсяцевъ 1823 г., почти совершенно передѣлалъ ее и написалъ многія сцены вновь. Онъ читалъ ее въ дружескихъ обществахъ и болѣе и болѣе совершенствовалъ, вглядываясь въ живые портреты. Въ тоже время онъ участвовалъ съ кн. П. А. Вяземскимъ въ сочиненіи водевиля: «Братъ и сестра». Въ 1824 г., получилъ позволеніе отъ начальства отправиться за границу, но прожилъ въ Петербургѣ, около года, въ совершенномъ уединеніи, чуждаясь шумныхъ обществъ и посвящая все свое время ученью и бесѣдѣ съ избранными литераторами. Въ это время написалъ онъ нѣсколько стихотвореній и перевелъ прологъ къ Фаусту, гдѣ разговариваютъ содержатель театра, поэтъ и весельчакъ. Прожив долгое время въ Петербургѣ, Грибоѣдовъ отказался отъ путешествія за границу и воротился въ Грузію, гдѣ, въ 1825 г., былъ въ экспедиціи генерала Вельяминова противъ Горцевъ, и въ виду непріятельскаго стана, надъ которымъ господствовали вершины Кавказа, написалъ стихотвореніе: «Хищники на Чечнѣ» (напечатанное въ Сѣверной Пчелѣ). Въ началѣ 1826 г. онъ былъ вызванъ въ Петербургъ, имѣлъ счастіе представляться Государю Императору, удостоился милостиваго Его вниманія и произведенъ въ надворные совѣтники. Онъ воротился въ Тифлисъ почти при самомъ началѣ войны съ Персіею и находился при особѣ Главнокомандующаго Графа Паскевича Эриванскаго, который возлагалъ на него многія занятія, и тѣмъ далъ ему случай развернуть блестящія дипломатическія способности. Труды его были награждены чиномъ коллежскаго совѣтника (1827). Въ началѣ 1828 г. Грибоѣдовъ принималъ дѣятельное участіе въ переговорахъ о мирѣ, ѣздилъ въ лагерь Аббаса-Мирзы и занимался составленіемъ Туркманчайскаго договора, съ которымъ былъ отправленъ къ Государю Императору. Тогда (1828 г.). *получилъ* онъ чинъ статскаго совѣтника, орденъ св. Анны 2-й степе
крашенный алмазами, медаль за п
скую войну и 4,000 червонны
апрѣлѣ тогожъ года назначенъ
мочнымъ министромъ при двор
сидскомъ. Онъ уѣхалъ изъ Пете
въ іюнѣ мѣсяцѣ. Не смотря на б
щія ожиданія, онъ съ грустью
лялъ Россію и съ мрачнымъ пр
ствіемъ сказалъ друзьямъ: «Та
могила! Чувствую, что не увижу
Россіи». Во время проѣзда через
лисъ, онъ женился на княжнѣ
вадзевой. Казалось, счастіе поз
ло полное: слава, значительно
ложенія, радости семейной жи
все соединилъ для него 1828-
Но въ письмахъ къ друзьямъ с
говоря о счастіи, онъ не скры
мрачныхъ своихъ мыслей. Пр
ствія его, къ сожалѣнію, сбыл
1829 г. получили въ Петербур
вѣстіе о его смерти. Онъ былъ
въ Тегеранѣ взбунтовавшимися
янами. Прахъ его покоится въ
сѣ, въ монастырѣ св. Давида, пос
номъ на крутой, безплодной го
мыкающей городъ Тифлисъ къ
Мѣстоположеніе его всегда ир
Грибоѣдову, который называ
поэтическою принадлежностью
са и упоминаетъ о немъ въ т
своей «Грузинская ночь», нача
Тифлисѣ, но неконченной. Над
хомъ Грибоѣдова супруга его в
ла памятникъ, на пьедесталѣ к
съ одной стороны, подъ портр
написано: «Александръ Серг
Грибоѣдовъ, родился 1795 год
ря 4 дня; убитъ въ Тегеранѣ,
января 30 дня», а на другой:
дѣла твои безсмертны въ памя
ской; но для чего пережила те
бовь моя!» (О жизни и сочи
А. С. Грибоѣдова, статья К. По
при комедіи: Горе отъ ума,
Воспоминанія о Грибоѣдовѣ, г.
рина). Для пополненія свѣдѣ
обстоятельствахъ жизни и ха
Грибоѣдова прочти еще статьи

ia (Христ., ч. 1, «Грибоѣдовъ»). Вотъ
е нѣсколько извѣстій изъ статьи К.
левaго: «Его обращеніе всегда отли-
лось рѣдкимъ свойствомъ, какою-то
ренностью, которая однакожъ не
реходила свѣтскихъ формъ. Слушая
ибоѣдова, можно было вѣрить каж-
му слову его потому, что онъ не
рибѣгъ преувеличеній и будто мыс-
ли въ слухъ, не скрывая своихъ
ѵствъ. Образованность и свѣтскость
идавали ему характеръ обворожи-
льный. Еще больше увидѣлъ я спра-
ѣдливость своихъ замѣчаній, встрѣ-
вшись съ Грибоѣдовымъ у князя В.
. Одоевскаго. Разговоры и сужденія
рибоѣдова были чрезвычайно замѣча-
ельны. Между прочимъ рѣчь зашла о
ласти человѣка надъ самимъ собою.
рибоѣдовъ утверждалъ, что власть
го ограничена только физическою не-
озможностью, но что во всемъ дру-
омъ человѣкъ можетъ повелѣвать со-
ою совершенно и даже сдѣлать изъ
ебя все. «Говорю такъ потому (соб-
твенныя слова Грибоѣдова), что мно-
ое испыталъ надъ самимъ собою. На
римѣръ, въ послѣднюю персидскую
ампанію, во время одного сраженія,
мѣ случилось быть вмѣстѣ съ княземъ
уворовымъ. Ядро съ непріятельской
атареи ударилось подлѣ князя, осы-
ало его землей, и въ первый мигъ я
ѳдумалъ, что онъ убитъ. Это разлило
о мнѣ такое содроганіе, что я задро-
алъ. Князя только оконтузило, но я
ѵствовалъ невольный трепетъ и не
огъ прогнать гадкаго чувства робос-
и. Это ужасно оскорбило меня самого.
гало быть я трусъ въ душѣ? Мысль
естерпимая для порядочнаго человѣ-
а, и я рѣшился, чего бы то ни стоило,
злечить себя отъ робости. Я хотѣлъ
е дрожать передъ ядрами, въ виду
мерти, и при первомъ случаѣ сталъ
ъ такомъ мѣстѣ, куда доставали вы-
трѣлы съ непріятельской батареи.
амъ сосчиталъ я назначенное мной
амимъ число выстрѣловъ и потомъ ти-
о поворотилъ лошадь и спокойно отъ-
ѣхалъ прочь. Знаете ли, что это про-
гнало мою робость? Послѣ я не робѣлъ
ни отъ какой военной опасности. Но
поддайся чувству страха — оно усили-
тся и утвердится». — «Главными, отличительными его свойствами были большая сила воли и самостоятельность въ сужденіи и образѣ жизни. Онъ не находилъ ничего невозможнаго для ума и воли: не хотѣлъ, чтобы человѣкъ робѣлъ передъ непріятельскою батареею, или, потворствуя лѣни, читалъ въ переводѣ то, что можетъ читать въ подлинникѣ. Блестящія обстоятельства не перемѣнили его образа жизни. Въ немъ также не было ни малѣйшаго признака несноснаго, притворнаго желанія играть роль свѣтскаго человѣка и поэта, которое прививается ко многимъ отличнымъ людямъ. А между тѣмъ, онъ былъ и поэтъ и свѣтскій человѣкъ самой высшей степени. Искренность, простота и благородство его характера привязывали къ нему неразрывною цѣпью уваженія; всякій, кто былъ къ нему близокъ, любилъ его искренно».

2) Сочиненія: Молодые супруги, ком. въ 1 д., въ стихахъ (1815.); Притворная невѣрность, ком. въ 1 д., въ стих., переведенная вмѣстѣ съ Жандромъ (1818); нѣсколько сценъ въ комедіи: «Своя семья, или замужняя невѣста», сочиненной кн. Шаховскимъ (1818); Горе отъ ума, ком. въ 4 д., въ стихахъ, съ приложеніемъ статьи К. Полеваго: «О жизни и сочиненіяхъ А С. Грибоѣдова (2-е изд. 1839); нѣсколько стихотвореній, переводныхъ и оригинальныхъ, помѣщенныхъ въ журналахъ и сборникахъ; участвовалъ съ кн. Вяземскимъ въ сочиненіи водевиля: «Братъ и сестра», гдѣ нѣсколько куплетовъ и арій, имъ написанныхъ, полны силы и жизни; началъ писать трагедію: «Грузинская ночь», отъ которой уцѣлѣли только отрывки.

3) Знаменитая извѣстность Грибоѣдова пріобрѣтена комедіей «Горе отъ ума»: слѣд. означить его дѣятельность,

комедіи; другіе, напротивъ, встрѣтили его съ враждою: они находили въ немъ какую-то дикость, странность, и не могли понять его совершенно оригинальныхъ красотъ. Причина дурнаго пріема справедливо объяснена авторомъ статьи: «О жизни и сочиненіяхъ Грибоѣдова». Время появленія комедіи было временемъ (хотя и послѣднимъ) французскаго классицизма въ нашей словесности. Всѣ образованные люди усвоили французскую литературу. Законы ея, преданія, достоинства и недостатки переходили къ намъ во всей цѣлости, упрочивались въ умахъ поколѣній и въ началѣ 19-го вѣка были достояніемъ общимъ. Писатели вѣка Лудовика XIV и послѣдователи ихъ, даже второстепенные стихотворцы, были изучаемы и обращались въ примѣры для подражанія. Нужно ли было писать поэму? въ образецъ брали Генріаду. Для трагедій служили руководствомъ Корнель, Расинъ и Вольтеръ, а для комедій Мольеръ и нѣсколько второкласныхъ авторовъ. Въ теоріи поэтическаго искуства господствовалъ Буало: стихами изъ его L'art poëtique доказывали справедливость утверж-

ными понятіями. «Горе отъ ум рѣшительнымъ ударомъ для старыхъ комедій, списанныхъ с цузскихъ образцовъ. Оно отл отъ нихъ и по составу, и по и по выраженію. Авторъ упо въ немъ не шестистопный ямбъ номѣрные стихи; вмѣсто искусте книжнаго языка, ввелъ живой, разговорный, повидимому са брежный и часто погрѣшающій грамматики языкъ; уничтожил принятую завязку драмъ, резо наперсниковъ или наперсницъ, механизмъ старинныхъ комедій дый стихъ его произведенія искренней сатирой, дышалъ к кою жизнью, поражалъ неожид оборотомъ или неожиданнымъ ческимъ образомъ.... однимъ с все въ его комедіи, и внѣшняя ренняя сторона ея, отличались нальностью, которую можетъ п дить только необыкновенный т и которая вмѣстѣ съ тѣмъ стан въ противорѣчіе съ существов образцами и понятіями и потом лась незаконнымъ созданіемъ чества для тѣхъ, кто видѣлъ

и: первая — противоположность
у двумя понятіями о жизни. Одно
тихъ понятій принадлежитъ Чац-
, другое Фамусову. Авторъ изо-
лъ недостатки московскаго обще-
въ первую четверть текущаго
ѣтія. Въ образцовой сатирической
инѣ представилъ онъ пустоту
и, состоящей изъ ничтожныхъ от-
ній, неспособной къ трудамъ воз-
нымъ и дѣльнымъ. Проникнутыя
ородным чувствомъ и сильной
ей, рѣчи Чацкаго поражаютъ
нія людей отъ нравственнаго до-
ства человѣка. Въ комедіи «Горе
ума» — по словамъ Гоголя — не
я насмѣшки надъ смѣшными сто-
ми, а духовныя болѣзни, энерги-
и выставленныя. Потому-то кн.
мскій назвалъ ее и комедію Недо-
ь двумя современными трагедіями.
орая мысль — дурно-понятое об-
ваніе, которое поставлялось въ
мъ заимствованіи европейскихъ
аевъ, блеска чужеземной жизни.
ръ изобразилъ смѣшное и вмѣстѣ
ное пристрастіе къ иностранному;
возсталъ противъ отсутствія са-
тности въ его соотечественни-
, и рѣчи его то вооружены язви-
ной насмѣшкой, то проникнуты
мъ высокаго, патріотическаго чув-
. Вотъ что говоритъ вышеуказан-
статья объ этой сторонѣ комедіи:
боѣдовъ видѣлъ недостаточность
го образованія, блестящаго, мно-
оронняго, но больше свѣтскаго,
ли ученаго. Какъ человѣкъ съ
ною волею, онъ рѣшился преобра-
ть себя. Для того вырвался онъ
вихря свѣта, покинулъ всѣ оболь-
я столицы, удалился отъ всѣхъ
леченій. Въ глуши Азіи, въ уеди-
и, углубился онъ въ изученіе лю-
лхъ предметовъ и всего больше
ысль о Россіи. Справедливо го-
тъ, что предметы становятся
веннѣе и понятнѣе въ нѣкоторомъ
леніи. Въ Таврисѣ и въ Грузіи,
оѣдовъ понялъ свое отечество,
увидѣлъ прекрасныя его стороны,
почувствовалъ и нѣкоторые недостат-
ки русскаго общества—лучше, нежели
иной могъ бы узнать и почувство-
вать въ самомъ средоточіи русской
жизни. Главный недостатокъ нашъ:
слабое сознаніе своихъ силъ, и отъ
того привязанность къ иностранному.
Зачѣмъ до такой рабской подража-
тельности перенимаемъ мы ихъ внѣш-
нюю жизнь? Это не признакъ истинна-
го просвѣщенія, но игра, противная и
просвѣщенію и патріотическому чув-
ству. Грибоѣдовъ вполнѣ понималъ
слѣдствія чужеземнаго воспитанія и
видѣлъ вредъ французской мишуры,
которая во многихъ семействахъ со-
ставляетъ весь ихъ европеизмъ, мѣ-
шая образованію ума и нравственно-
сти. Мысль, сильно почувствованная,
всегда опережаетъ обыкновенныя по-
нятія современниковъ, и вотъ отъ че-
го Грибоѣдовъ, прежде реформы въ
нашей эстетикѣ, сбросилъ съ себя
всѣ оковы французскаго классицизма.
Въ 1823 г. было написано «Горе отъ
ума», а у насъ еще господствовали на
сценѣ французскія трагедіи и комедіи,
въ книгахъ французскія теоріи, а въ
журналахъ только начинались сомнѣ-
нія въ непогрѣшительности Горація и
Боало. Не думая быть преобразова-
телемъ, Грибоѣдовъ сдѣлался имъ, и
далъ оригинальную комедію. Онъ не
могъ слѣдовать условнымъ размѣрамъ
и приличіямъ французской драмы». —
Въ отношеніи ко второй мысли, Горе
отъ ума представляетъ большое сход-
ство съ Бригадиромъ (Фонъ-Визина).
Въ той и другой поражается безсмы-
сленная переимчивость, усвоеніе внѣш-
няго европеизма, и отчужденіе отъ ис-
тиннаго образованія. Фонъ-Визинъ, въ
лицѣ Иванушки, бригадирскаго сына,
и Совѣтницы, вывелъ на сцену тѣхъ
людей послѣдней половины 18-го вѣ-
ка, которые полагали просвѣщеніе въ
знаніи французскаго языка и въ
усвоеніи парижскихъ модъ. Грибоѣдовъ
вывелъ на сцену Иванушекъ и Совѣт-

ицъ двадцатыхъ годовъ 19-го сто-
ѣтія, изобразилъ — какъ выражается
оголь—принятіе глупыхъ свѣтскихъ
бычаевъ на мѣсто главнаго, несвя-
авшуюся смѣсь обычаевъ, сдѣлавшую
усскихъ не Русскими, или, какъ го-
оритъ самъ авторъ—смѣсь француз-
каго съ нижегородскимъ.

Главное дѣйствующее лицо—Чац-
ій. Въ немъ представлено все, чего
елалъ авторъ отъ истинно-образо-
аннаго человѣка. Онъ негодуетъ на
юдей съ одной стороны за ихъ не-
ѣжество, съ другой за ихъ поверх-
ностное образованіе или полупросвѣ-
щеніе и вообще за пустоту жизни,
лишенной нравственнаго смысла, об-
щеполезнаго значенія. Просвѣщенный,
мный, напитанный благородными пра-
илами, но брошенный въ кругъ лю-
дей, совершенно на него непохожихъ,
онъ вооружается противъ нихъ спра-
ведливымъ негодованіемъ. Откровен-
ная сатира его, почерпающая свою
силу въ святости нравственныхъ за-
коновъ, пренебрегаетъ приличіями, и
всѣ смотрятъ на него, какъ на чело-
вѣка несноснаго, безнравственнаго,
сумасшедшаго, находя въ немъ со-
вершенное противорѣчіе съ своимъ
образомъ мыслей и поступковъ. Какъ
лицо драмы, онъ не выполняетъ тре-
бованій искуства. Авторъ вывелъ его
для того только, чтобы устами его
высказать свои собственныя чувства.
Самыя чувства благородны и возвы-
шенны, но созданное лице грѣшитъ
противъ эстетики. Кн. Вяземскій спра-
ведливо судитъ за это автора, говоря:
«Герой комедіи, молодой Чацкій, по-
хожъ на Стародума. Благородство
правилъ его почтенно; но способ-
ность, съ которою онъ ex-abrupto
проповѣдуетъ, не рѣдко утомительна.
Слушающіе рѣчи его точно могутъ
примѣнить къ себѣ названіе комедіи,
говоря: горе отъ ума. Умъ, каковъ
Чацкаго, не есть завидный ни для се-
бя, ни для другихъ. Въ этомъ главный
порокъ автора, что, посреди глупцовъ
разнаго свойства, вывелъ онъ одного
умнаго человѣка, да и то бѣшенаго.
Мольеровъ Альцестъ въ сравненіи съ
Чацкимъ настоящій Филинтъ, образ-
цъ терпимости. Пушкинъ прекрасно
характеризовалъ сіе твореніе, сказавъ: «Чацкій совсѣмъ не умный че-
ловѣкъ, но Грибоѣдовъ очень уменъ»
(Христ. ч. I, «Грибоѣдовъ»).—Но какъ
не художественно-созданное лице ко-
медіи, а выразитель мыслей и чувствъ
автора, Чацкій представляется съ
другой точки зрѣнія. Всѣ его понятія
выходятъ изъ благороднаго начала.
Его сарказмы—плодъ энергическаго
негодованія противъ того, что унижа-
етъ человѣческое достоинство. И
потому его монологи, его рѣчи, обра-
тились въ пословицы, поговорки, при-
мѣненія, эпиграфы, афоризмы житей-
ской мудрости.

Второе лице — Фамусовъ соеди-
няетъ въ себѣ суетность, тщеславіе и
совершенную пустоту души съ лице-
мѣрною наклонностью къ морали, съ
соблюденіемъ внѣшнихъ приличій свѣ-
та. Для него важна только формальная
сторона его положенія, и онъ нисколь-
ко не думаетъ объ истинныхъ, внутрен-
нихъ обязанностяхъ. Въ существѣ сво-
емъ, говоритъ Гоголь, это—одно изъ
тѣхъ лицъ, въ которыхъ, при всемъ ихъ
свѣтскомъ comme il faut, не осталось
ровно ничего. Обязанности отца огра-
ничиваетъ онъ принятіемъ въ домъ ма-
дамы; какъ чиновникъ, боится только
того, чтобы не накопилось много бу-
магъ; въ позорѣ дочери тревожитъ и
сокрушаетъ его не угрызеніе совѣсти
за дурное воспитаніе, не скорбь роди-
теля, а боязнь пересудовъ и дурной
славы. Комическое Фамусова заклю-
чается въ томъ, что, воспитанный и по-
старѣвшій во лжи своего положенія,
онъ дѣйствуетъ добродушно, отъ чи-
стаго сердца убѣжденный въ превос-
ходствѣ своей философіи, и не пони-
маетъ вреда, который творитъ вокругъ
себя такимъ образомъ дѣйствій. Въ
этой наивности вреднаго человѣка кн.

Вяземскій видитъ преимущественно злую сатиру автора: «Замѣчательно (слова кн. Вяземскаго), что сатрическое искуство автора отзывается не столько въ колкихъ и рѣзкихъ эпиграммахъ Чацкаго, сколько въ добродушныхъ рѣчахъ Фамусова. Продолжительная иронія утомительна; порицаніе подъ видомъ похвалы скоро становится приторно, но здѣсь авторъ такъ искусно, такъ глубоко вошелъ въ характеръ Фамусова, что никакъ не различишь насмѣшливости комика отъ искренняго чувства комическаго лица».

Лице Софіи, въ которой, подъ нѣжными формами и романтическою чувствительностью, скрывается будущая Хлестова или Хрюмина, коварная, злорѣчивая и безчувственная, заставило кн. Вяземскаго произнести строгое сужденіе о Горѣ отъ ума: «Комедія Грибоѣдова не комедія нравовъ, а разъ обычаевъ. Если искать вывѣски современныхъ нравовъ въ Софіи, единственномъ характерѣ комедіи, коей всѣ прочія лица портреты въ профиль, въ бюстъ, или во весь ростъ, то должно сказать, что это поклепъ на нравы, или исключеніе, неумѣстное на сценѣ».

Другія лица комедіи начертаны мастерски, хотя и не въ равной степени превосходства съ Фамусовымъ: Скалозубъ, въ добродушныхъ рѣчахъ котораго (по словамъ кн. Вяземскаго) выказывается также сатрическое искуство автора, какъ и въ рѣчахъ Фамусова; Молчалинъ — безмолвный (поэтому и получилъ свое названіе) и низкій, Загорѣцкій—лгунъ и плутъ, Рететиловъ—всесвѣтный другъ, рыцарь пустоты во всѣхъ ея отношеніяхъ (*).

Замѣтимъ, что типическія лица, изображенныя Грибоѣдовымъ, сошли уже со сцены: они существовали въ извѣстную эпоху, которую такъ живо изобразилъ авторъ.

Относительно художественнаго значенія, комедія Грибоѣдова представляетъ и достоинства и недостатки.

Первое и главное достоинство, въ этомъ отношеніи, заключается въ самобытности творенія. Геніальный умъ автора понялъ ничтожность искуственной и уже наскучившей всѣмъ интриги, выбросилъ, какъ мы замѣтили, наперсниковъ и резонеровъ и весь пошлый механизмъ французскихъ комедій. Развязка комедіи оригинальна: не прибѣгая ни къ какимъ стороннимъ средствамъ, авторъ, помощію одной искусно устроеной сцены, ставитъ главныя дѣйствующія лица въ такое положеніе, что они сами не могутъ не чувствовать позорныхъ слѣдствій своего ложнаго поведенія. Явленіе разъѣзда въ сѣняхъ (говоритъ кн. Вяземскій), сіе послѣднее дѣйствіе свѣтскаго дня, издержаннаго на пустяки, хорошо и смѣло повизною своею. На театрѣ оно живописно и производитъ сильное дѣйствіе.—Второе достоинство относится къ характерамъ комедій, представленнымъ истинно, въ ихъ естественныхъ размѣрахъ, а не въ преувеличенномъ видѣ. Какъ бы ни было поразительно сходство лицъ, выведенныхъ Грибоѣдовымъ, съ ихъ оригиналами, въ самомъ обществѣ, но эти лица не рабскіе списки съ подлинниковъ, а живыя поэтическія созданія. Нѣтъ нужды знать подлинники: всякій вѣритъ ихъ существованію—такъ естественны и полны жизни его изображенія или характеры. Третье достоинство — образцовый, неподражаемый языкъ комедіи, совершенство въ своемъ родѣ. Авторъ усвоилъ своему стиху всю гибкость, простоту, легкость, наивную безъискуственность языка разговорнаго, стихъ, въ которомъ онъ умѣлъ схватить выраженіе изустное и придать ему силу и живость языка поэтическаго. Читая Горе отъ ума, трудно замѣтить размѣръ стихотворной рѣчи: такъ авторъ искусно владѣлъ ею и такъ она вѣрна

*) Выбранныя мѣста изъ Переписки съ друзьями, Н. Гоголя, стр. 249—255.

у него свойствамъ рѣчи разговорной. Самобытность языка показалась многимъ, при появленіи комедіи, небрежностью, неправильностью: заблужденіе очень естественное и почти необходимое въ то время, когда отъ всѣхъ произведеній словесности требовали книжнаго языка, отличающагося мертвою искуственностью.

Недостатки «Горя отъ ума» заключаются въ недостаткѣ общаго дѣйствія и завязки. Въ ней нѣтъ того, что называется полнотою содержанія, необходимостію каждаго лица и явленія для развитія дѣйствія, почему она и не можетъ быть названа художественнымъ созданіемъ. Выписываемъ слова кн. Вяземскаго: «Дѣйствія въ драмѣ (Горе отъ ума), какъ и въ твореніяхъ Фонъ-Визина, нѣтъ или еще и менѣе. Здѣсь почти всѣ лица эпизодическія, всѣ явленія выдвижныя: ихъ можно выдвинуть, перемѣстить, пополнить, и нигдѣ не замѣтить ни трещины, ни придѣлки». Авторъ имѣлъ цѣлью—написать сатиру, и выбралъ для этого средствомъ комедію. Слѣдов. «Горе отъ ума» есть не комедія собственно, а сатира въ формѣ комедіи. Князь Вяземскій называетъ ее «сатирой, обдуманной лучше и жарче всѣхъ сатиръ». Вотъ почему главное дѣйствующее лице ея (Чацкій) говоритъ языкомъ автора, а не своимъ собственнымъ. Огонь сатиры и сила комизма не страдаютъ отъ того нисколько, но комедія не выполняетъ своихъ условій, какъ художественное произведеніе.

Заключаемъ: піеса Грибоѣдова, не выполняя условій художественной комедіи, по важности идеи, по разительному изображенію нравовъ извѣстнаго круга, по мастерскому представленію типическихъ характеровъ, по язвительной и остроумной сатирѣ, наконецъ по благородной, патріотической цѣли, *принадлежитъ къ важнѣйшимъ произведеніямъ поэзіи*. Это—историческая, *истинно-общественная* комедія, изобразившая общество въ извѣстну эпоху.

Примѣч. Хотя Грибоѣдова обыкн венно относятъ къ Пушкинскому п ріоду нашей словесности, но изъ эт го не слѣдуетъ, что онъ находил подъ вліяніемъ Пушкина. Грибо довъ—писатель оригинальный, сам бытный. Комедія его была конче еще въ 1822 г., когда отъ Пушки мы имѣли только Руслана и Людмил

Изъ Воздушныхъ замковъ.

Хмѣльницкій (Николай Иванович род. въ Петербургѣ 1789 г. Отец его (Иванъ Парфентьевичъ) получи званіе доктора кенигсбергскаго ун верситета и заслужилъ особенное вн маніе Императрицы Екатерины II; о написалъ диссертацію на лат. язык «Объ основаніяхъ философіи» и «Во раженіе на Шлегеля», помѣщенныя гамбургскихъ газетахъ; кромѣ тог онъ много переводилъ и писалъ русскомъ языкѣ; труды его съ л бовью принимались Русскою Акад мією.—Николай Ивановичъ первон чальное образованіе получилъ въ р дительскомъ домѣ, подъ руководст вомъ своего родственника, извѣстна литератора, Н. Ѳ. Эмина; потомъ об чался въ Горномъ кадетскомъ корп сѣ; окончивъ курсъ наукъ, начал службу въ иностранной коллегіи, г своими способностями и дѣятельност обратилъ на себя вниманіе начальс ва. Въ 1808 г., въ званіи переводчи коллегіи иностранныхъ дѣлъ, бы откомандированъ по Высочайшему п велѣнію, для иностранной перепис къ главнокомандующему финляндск арміею гр. Буксгевдену; въ 1811 п решелъ въ министерство юстиціи. 1812 г., имѣя чинъ коллежскаго а сессора, поступилъ штабъ-офицеро въ петербургское ополченіе. Онъск ро былъ замѣченъ начальствомъ, поступилъ адъютантомъ къ команд вавшему ополченіемъ, Кутузову, потомъ къ преемнику его, Меллер Закомельскому. Въ кампанію 1813 г

Хмѣльницкій состоялъ приген. Опперманѣ, бывшемъ тогда начальникомъ штаба одной изъ дѣйствующихъ армій, и отличился въ сраженіяхъ подъ Лейпцигомъ, Дрезденомъ и Гамбургомъ. Въ это время узналъ его гр. Милорадовичъ и оцѣнилъ его способности. По взятіи Парижа, Хмѣльницкій возвратился въ Петербургъ, гдѣ поступилъ на службу къ Милорадовичу, назначенному сперва главнокомандующимъ, а потомъ генералъ-губернаторомъ Петербурга, и былъ при немъ чиновникомъ особыхъ порученій, а въ послѣдствіи занялъ должность правителя канцеляріи. Въ это время онъ написалъ проэктъ, Высочайше одобренный: «обратить въ казну частныя суммы (болѣе 700,000 р. ас.), лежавшія въ разныхъ присутственныхъ мѣстахъ болѣе 10 лѣтъ и никѣмъ не требованныя въ теченіе этого срока». Эта сумма послужила основаніемъ капитала комитета, Высочайше учрежденнаго для заслуженныхъ гражданскихъ чиновниковъ. Въ 1824 г., Хмѣльницкій перешелъ въ министерство внутреннихъ дѣлъ. Въ 1829 г. назначенъ губернаторомъ въ Смоленскъ, который не оправился еще отъ бѣдствій 1812 г. Сознавая, что возсоздать его изъ полуразрушеннаго состоянія могли только Царскія щедроты, Хмѣльницкій исходатайствовалъ у Государя Императора разныя льготы и средства для устройства, которое и было дѣятельно произведено. Въ 1837, изъ Смоленска переведенъ въ Архангельскъ, но оставался тамъ не долго: обстоятельства и разстроенное здоровье заставили его оставить службу. Въ 1842 г. ѣздилъ онъ за границу. Умеръ 1846 г. (Справоч. Энц. Лексиконъ, т. XI; Пантеонъ 1848, № 8 и 9; Воспомин. о Хмѣльницкомъ, Аладьина; Сочин. Хмѣльницкаго, 1849).

2) Сочиненія Хмѣльницкаго (въ Полномъ собр. сочин. Рус. автор., изд. Смирдина, 1849) состоятъ изъ трехъ томовъ. *Они дѣлятся на три отдѣла*: а) переводы, б) передѣлки и подражанія, в) оригинальныя пьесы. Къ первымъ относятся двѣ комедіи Мольера (Тартюфъ и Школа женщинъ) и одна Реньярова (Шалости влюбленныхъ); ко вторымъ: Говорунъ, Воздушные замки, Бабушкины попуган, Новый Парисъ, Карантинъ и др.; къ третьимъ: Нерѣшительный, Свѣтскій случай, Актеры между собою, отрывокъ изъ комедіи: Арзамасскіе гуси, нѣсколько сценъ (въ томъ числѣ сцена экзамена Наташи) въ комедіи: Свои семья, планъ которой составленъ имъ вмѣстѣ съ Грибоѣдовымъ и кн. Шаховскимъ. Въ послѣднее время занимался онъ попытками исторической комедіи: Царское Слово, Оберъ-кухмейстеръ Фельтенъ, Русскій Фаустъ и Богданъ Хмѣльницкій.

Главная дѣятельность Хмѣльницкаго относится къ двадцатымъ годамъ (первая комедія его: Говорунъ, играна въ 1817 г.). Онъ занимаетъ почетное мѣсто въ литературѣ, какъ даровитый переводчикъ или передѣлыватель французскихъ комедій и водевилей. Русскій репертуаръ одолженъ ему многими піесами, которыя публика смотрѣла всегда съ удовольствіемъ въ ту эпоху, когда въ главѣ сценическаго искуства были кн. Шаховской и Кокошкинъ, даровитые драматическіе писатели. Конечно, въ этихъ піесахъ нѣтъ ни собственнаго творчества, ни національныхъ элементовъ драмы: онѣ суть плодъ подражательнаго направленія нашего театра, который переносилъ къ себѣ произведенія французской драматической литературы: но въ нихъ видѣнъ неоспоримый талантъ беллетриста и образованный вкусъ. Піесы Мольера и Реньяра переведены очень хорошо; водевили переданы искусно: въ нихъ нѣтъ грязныхъ каламбуровъ, пошлыхъ двусмысленностей или грубыхъ шутокъ, оскорбляющихъ образованное чувство; куплеты ихъ отличаются легкостью и часто граціознымъ оборотомъ. Пародія: «Греческія бредни, или Ифигенія въ Тавриѣ»

дѣ на изнанку», хотя не показываетъ въ авторѣ сочувствія къ греческой поэзіи, которое не допустило бы его тратить время на искаженное представленіе высокихъ созданій древняго искуства, но, по крайней мѣрѣ, отличается непринужденною весслостью.

Главная же заслуга Хмѣльницкаго состоитъ въживомъ, легкомъ разговорномъ языкѣ и въ свободномъ стихосложеніи. Въ этомъ отношеніи онъ принадлежитъ къ тѣмъ литераторамъ, которые, въ слѣдъ за Карамзинымъ и другими писателями его школы, болѣе и болѣе вводили естественный складъ рѣчи въ письменность. Надобно замѣтить однакожъ, что легкій, безъ труда читаемый стихъ не долженъ сохранять небрежность обыкновенной рѣчи: искуство, воспроизводя разговорный языкъ, должно положить на него печать вкуса и извѣстной красоты. Иначе объ естественныхъ и легкихъ, но безцвѣтныхъ стихахъ, можно выразиться словами одного литератора: «такими стихами не только писать, но и говорить очень легко.»

Изъ Комедіи: Ревизоръ.

1) Николай Васильевичъ Гоголь-Яновскій родился 19 марта 1808 г., полтавской губерніи миргородскаго уѣзда, въ деревнѣ Васильевкѣ(*). Отецъ его, небогатый помѣщикъ, былъ человѣкъ замѣчательный: онъ обладалъ даромъ разсказывать занимательно о чемъ бы ему ни вздумалось и приправлялъ свои разсказы врожденнымъ малорусскимъ юморомъ. Въ этой первоначальной школѣ талантъ Гоголя, безъ сомнѣнія, получилъ первыя характеристическія черты свои. Впослѣдствіи сцена его наблюденій и переимчивости расширилась: въ сосѣдствѣ деревни Васильевки поселился Д. П. Трощинскій, бывшій министромъ юстиціи. Отецъ Гоголя былъ у него домашнимъ человѣкомъ, дирижеромъ его театра и главнымъ актеромъ, и ставилъ на сцену пьесы собственнаго сочиненія на малорусскомъ языкѣ. Такимъ образомъ можно сказать, что Гоголь подъ домашнимъ еще кровомъ получилъ первые уроки въ литературѣ, декламаціи и сценическихъ пріемахъ.

Сначала обучался онъ въ полтавской гимназіи, откуда поступилъ въ гимназію высшихъ наукъ князя Безбородко, что нынѣ нѣжинскій лицей. Въ сношеніяхъ съ товарищами постоянно выказывалось благородство его натуры, чуждавшейся всего низкаго и коварнаго; онъ никому не дѣлалъ зла. Касательно же успѣховъ его въ ученіи надобно замѣтить, что онъ мало вынесъ познаній изъ гимназіи, хотя и развился въ ней необыкновенно. Онъ почти вовсе не занимался уроками, особенно не любилъ математики. Въ языкахъ былъ слабъ, такъ что едва ли могъ понимать безъ пособія словаря французскую книгу; къ нѣмецкому и англійскому языкамъ питалъ и впослѣдствіи какое-то отвращеніе. За то въ русской словесности сдѣлалъ онъ большіе успѣхи. Первые опыты Гоголя-ученика, извѣстные его сотоварищамъ, были: стихотворная баллада «Двѣ рыбки,» въ которой изобразилъ онъ судьбу свою и своего брата (умершаго въ Полтавѣ); трагедія «Разбойники», написанная пятистопными ямбами». Онъ началъ также издавать журналъ: «Звѣзда», гдѣ между прочимъ помѣщена была повѣсть его: «Братья Твердиславичи». Рано развилась въ немъ страсть къ театру: воротясь однажды, послѣ каникулъ, въ гимназію онъ привезъ на малорусскомъ языкѣ комедію, которую играли на домашнемъ театрѣ Трощинскаго, и изъ журналиста сдѣлался директоромъ театра. Начальство гимназіи воспользовалось этою страстью, чтобы заохотить воспитанниковъ къ изученію французскаго языка и ввело въ репертуаръ Гоголева

(*) Въ 121-мъ N Москов. Вѣдом. 1852 г. сказано, что Гоголь родился въ сель Сорочинцахъ.

ра французскія пьесы: тутъ и Го- пришлось познакомиться съ фран- кимъ языкомъ.

ончивъ курсъ въ нѣжинской ги- іи въ 1828 г., съ правомъ на 14-й съ, Гоголь уѣхалъ на родину, а да, въ началѣ 1829 г., въ Петер- ъ. Повинуясь прежнему настроенію и, онъ намѣревался здѣсь посту- на сцену въ число актеровъ, но ыдержалъ пробы (что надобно при- ть робости молодаго человѣка, ідавшаго свѣта) и оставилъ театръ ѣ первой, неудачной репетиціи. 1830 г., онъ опредѣлился на служ- ъ департаментъ удѣловъ и занялъ го столоначальника; но оставался ь недолго. Онъ былъ рекомендо- Жуковскому, который поручилъ одаго человѣка П. А. Плетневу, съ ьбою позаботиться о немъ. Г. Плет- доставилъ ему мѣсто старшаго еля въ патріотическомъ Институтѣ, рое онъ и занялъ въ 1831 году. 834-мъ онъ былъ опредѣленъ адъ- томъ по каѳедрѣ всеобщей исто- іи с. п.бургскомъ университетѣ и вался въ этой должности около тора года. Вышелъ въ отставку 5 г. съ чиномъ коллежскаго ас- ора, и съ этого времени началась странническая жизнь. Въ первый онъ уѣхалъ за границу въ 1836 воротился въ послѣдній разъ въ 3-мъ, проведя за границею, съ про- тками его пріѣздовъ на родину, о двѣнадцати лѣтъ. Умеръ въ квѣ, 1851 г. февраля 21, на сорокъ ертомъ году отъ роду.

Сочиненія. Первое стихотворное неніе, которымъ Гоголь началъ печатное поприще, была идиллія артинахъ: Ганцъ Кюхельгартенъ, санная въ 1827 году; авторъ из- ее вскорѣ по пріѣздѣ въ столицу 1829 г.), подъ псевдонимомъ В. а. Къ этому же времени относит- безъименное его стихотвореніе, лія», помѣщенное въ Сынѣ Отече- *1829 г., но написанное* еще въ Нѣжинѣ. Въ Отечествен. Запискахъ 1830 г. явилась безъ подписи повѣсть Гоголя: Бисаврюкъ, или вечеръ наканунѣ Ивана Купала (перепечатанная потомъ «въ Вечерахъ на Хуторѣ близь Диканьки», съ измѣненіями). Въ концѣ 1830 г., напечатана была въ Сѣверныхъ Цвѣтахъ на 1831 г. его статья, подъ заглавіемъ: Глава изъ историческаго романа; въ 1-мъ № Литерат. газеты на 1831 годъ пьеса: «Учитель», изъ малороссійской повѣсти Страшный Кабанъ (подъ псевдонимомъ Глечикъ); въ томъ же № другая статья его: Нѣсколько мыслей о преподаваніи дѣтямъ «Географіи» (подписано: Г. Яновъ); въ 4-мъ статья „«Женщина» уже подъ его собственнымъ именемъ.

Сочин. «Гоголя»: 1) Соч. издан. въ 1842 г. въ 4т. Въ трехъ первыхъ помѣщены повѣсти, въ четвертомъ комедіи и драматическіе отрывки. «Первый» томъ— Вечера на Хуторѣ близь Диканьки, повѣсти, изд. Пасичникомъ Рудымъ Панькомъ (Сорочинская ярмарка, Вечеръ на канунѣ Ивана Купалы, Майская ночь или утопленница, Ночь передъ Рождествомъ, Страшная месть, Иванъ Ѳедоровичъ Шпонька и его тетушка, Заколдованное мѣсто). «Второй» томъ— Миргородъ (Старосвѣтскіе помѣщики, Тарасъ Бульба, Вій, Повѣсть о томъ, какъ Иванъ Ивановичъ поссорился съ Иваномъ Никифоровичемъ). «Третій»—Невскій проспектъ, Носъ, Портретъ, Шинель, Коляска, Записки сумасшедшаго, Римъ (отрывокъ). «Четвертый» — Комедіи (Ревизоръ, Женитьба, Игроки), Драматическіе отрывки и отдѣльныя сцены (Утро дѣловаго человѣка, Тяжба, Лакейская, Отрывокъ, Театральный разъѣздъ послѣ перваго представленія комедіи); 2) Мертвыя Души, поэма, т. 1; 3) Выбранныя мѣста изъ переписки съ друзьями.

3) Немного такихъ писателей, которые умѣютъ смотрѣть на самихъ себя вѣрнымъ глазомъ, сознаютъ въ точно-

сти характеръ своей литературной дѣятельности. Къ числу такихъ немногихъ принадлежитъ Гоголь. Онъ опредѣлилъ сущность своей поэзіи въ четырехъ письмахъ къ разнымъ лицамъ по поводу «Мертвыхъ Душъ» (см. Выбранныя мѣста изъ переписки съ друзьями), и справедливое сужденіе о немъ должно быть не другимъ чѣмъ, какъ только отчетливымъ развитіемъ его собственнаго. Вотъ что говоритъ онъ во второмъ письмѣ: «Обо мнѣ много толковали, разбирая кое-какія мои стороны, но главнаго существа моего не опредѣлили. Его слышалъ одинъ только Пушкинъ. Онъ мнѣ говорилъ всегда, что еще ни у одного писателя не было этого дара выставлять такъ ярко пошлость жизни, умѣть очертить въ такой силѣ пошлость пошлаго человѣка, чтобы вся та мелочь, которая ускользаетъ отъ глазъ, мелькнула бы крупно въ глаза всѣмъ. Вотъ мое главное свойство, одному мнѣ принадлежащее, и котораго точно нѣтъ у другихъ писателей. Оно въ послѣдствіи усугубилось во мнѣ еще сильнѣе отъ соединенія съ нимъ нѣкотораго душевнаго обстоятельства. Это свойство выступило съ большею силою въ «Мертвыхъ Душахъ». Мертвыя Души не потому такъ испугали многихъ и произвели такой шумъ, чтобы онѣ раскрыли какія нибудь раны общества, или внутреннія болѣзни, и не потому также, чтобы представили потрясающія картины торжествующаго зла и страждующей невинности. Ничуть не бывало. Герои мои вовсе не злодѣи: прибавь я только одну добрую черту любому изъ нихъ, читатель помирился бы съ ними всѣми. Но пошлость всего вмѣстѣ испугала читателей. Испугало ихъ то, что одинъ за другимъ слѣдуютъ у меня герои одинъ пошлѣе другаго, что нѣтъ ни одного утѣшительнаго явленія, что негдѣ даже и приотдохнуть, или перевести духъ бѣдному читателю и что по прочтеніи всей книги кажется, какъ бы точно вышелъ изъ какого-то душнаго погреба н Божій свѣтъ. Мнѣ бы скорѣе простили если бы я выставилъ картинныхъ изверговъ, но пошлости не простили мнѣ Вотъ въ чемъ мое главное достоинство» (стр. 141—143).

Признанное самимъ авторомъ достоинство, какъ отличительное свойство его таланта, заключается въ воззрѣніи на одну изъ сторонъ человѣческой жизни и въ способѣ раскрывать эту сторону. Говоря о Пушкинѣ, мы указали противоположность его поэтическаго направленія тому же направленію Гоголя. Въ сужденіи о Вяземскомъ (см. Примѣчанія къ 1-ой части и о сатирѣ (см. въ Примѣч. ко 2-ой ч.) было говорено о двухъ способахъ изображать изящное, о значеніи сатиры вообще.—Сатира Гоголя устремилась къ вѣрному показанію людской пошлости и средствами для того взяла комизмъ и юморъ. Подъ комическимъ разумѣется изображеніе смѣшнаго. Но всякое изображеніе смѣшнаго принадлежитъ къ художественнымъ произведеніямъ. Есть литературные фарсы, производящіе смѣхъ безъ всякаго отношенія къ чувству или мысли. Истинно-комическое служитъ только средствомъ для выраженія предметовъ противоположныхъ пошлости: послѣ смѣха, возраждается у насъ отвращеніе къ пустотѣ, ярко представленной и живая потребность истинно-человѣческаго образа дѣйствій. Юморъ есть такое состояніе души, въ которомъ нераздѣльно сливаются и непритворная веселость, возбужденная противорѣчіями жизни, и горькое чувство сожалѣнія о пустотѣ жизненныхъ явленій, объ уклоненіяхъ человѣка отъ его высокаго назначенія. Выраженный въ поэзіи, онъ производитъ юмористическія созданія. Въ соединеніи слезъ и смѣха, скорби и веселости заключается сущность юмора. Разложить его двойственную природу — значитъ уничтожить самую его сущность. Въ немъ объ противоположности

ются одна другую такъ быстро, что
ыкъ не въ состояніи довольно вѣр-
о выразить эту тѣсную связь или это
строе чередованіе противополож-
ыхъ ощущеній. Каждый изъ элементовъ
войственной натуры юмора распа-
ается въ свою очередь также на два
емента или степени: чувство грусти
ожетъ, съ одной стороны, восходить
о трагической скорби и возвышенна-
го сѣтованія, съ другой — являться
ѣжной чувствительностью, кроткимъ
ушніемъ; равнымъ образомъ, на-
ѣшка то восходитъ до самаго горь-
аго сарказма, до самой язвительной
атиры, то становится легкой, свѣт-
ой ироніей. Тотъ и другой элементъ
одлежитъ повышенію и пониженію.
арказмъ чаще всего соединяется съ
рагическою скорбью, а легкій смѣхъ
ъ чувствомъ тихой, кроткой грусти.
оголь поэтически охарактеризовалъ
свойство юмора вообще и свойство
воего таланта въ особенности, ска-
авъ, что ему опредѣлено «озирать
изнь сквозь видный міру смѣхъ и
евримыя, невѣдомыя ему слезы». Эта
корбь, какъ одинъ изъ элементовъ
мора, тѣмъ глубже и сильнѣе, что
она сокрыта подъ наружностью смѣха,
тѣмъ многозначительнѣе, что она вы-
звана яснымъ сознаніемъ противорѣчій
нашей жизни съ идеаломъ жизни нрав-
ственной. А смѣхъ, второй элементъ
мора (беремъ опять выраженіе Го-
голя), достоинъ стать рядомъ съ вы-
сокимъ лирическимъ движеньемъ: цѣ-
лая пропасть между нимъ и крив-
ляньемъ балаганскаго скомороха; въ
глубинѣ его текутъ горячія слезы
вѣчной, могучей любви.

И такъ существенный характеръ
оэзіи Гоголя—«юмористическое изо-
браженіе пошлости жизни». Юморомъ
отличается онъ отъ другихъ писате-
лей, равныхъ ему по направленію и
неподдѣльному таланту, наприм. отъ
Грибоѣдова. Оба они одинаково пора-
жены ложью и пустотою человѣческой
жизни; но эта ложь и пустота произ-
вели въ Грибоѣдовѣ чувство негодо-
ванія, до того сильное, что авторъ
самъ, въ лицѣ Чацкаго, выходитъ на
сцену и вооружается противъ выстав-
ленныхъ имъ оригиналовъ пошлости
а въ Гоголѣ породили онѣ болѣе спо-
койное, хотя не менѣе глубокое, чув-
ство грусти, которое даетъ свободу
комическому смѣху, скрываясь въ
глубинѣ его, какъ горькое зерно со-
крыто подъ красивой оболочкой. Вдох-
новеніе одного — собственно сатири-
ческое, вдохновеніе другаго—юмори-
стическое. Юморъ Гоголя имѣетъ свои
особенныя, оригинальныя принадлеж-
ности: спокойное, объективное, истин-
но-художественное созерцаніе жизни.
Только «въ Мертвыхъ Душахъ» дозво-
лилъ себѣ авторъ лирическія от-
ступленія, которыя самъ въ послѣдст-
віи призналъ слабою частію поэмы. Въ
этомъ отношеніи, онъ нисколько не
походитъ на Жанъ-Поля Рихтера, ко-
торый часто бросается въ идеализмъ
и никакъ не можетъ отдѣлиться отъ
своего собственнаго существа. Прав-
да, субъективность нѣмецкаго юмори-
ста можетъ оправдаться тѣмъ, что въ
самопознаніи таится ключъ къ позна-
нію людей, и что двойственная, тра-
гикомическая природа внѣшняго міра
отражаетъ въ себѣ двойственную при-
роду нашего собственнаго я; но, съ
другой стороны, она чрезвычайно мѣ-
шаетъ объективности изображеній,
вѣрно-художественному представле-
нію характеровъ и событій. Вторая
черта юмора Гоголя — простодушіе,
наивность изображенія, особенно въ
первыхъ его сочиненіяхъ.

Юмористическій талантъ Гоголя
развивался постепенно, переходя отъ
простодушной шутки къ серьзному
комизму, и отъ серьезнаго комизма къ
глубокому юмору. Послѣдовательное
его развитіе представило до сихъ
поръ три степени, и каждая степень
выразилась особеннымъ рядомъ произ-
веденій. Первымъ рядомъ были раз-
сказы, изданные подъ именемъ «Ве-

черовъ на 'хуторѣ близь Диканьки«; вторымъ — повѣсти, извѣстныя подъ названіемъ «Миргорода»; третьимъ — комедія «Ревизоръ» и поэма «Мертвыя Души». Прочія сочиненія Гоголя относятся къ этимъ тремъ разрядамъ.

«Вечера на Хуторѣ» познакомили публику съ Гоголемъ. Въ нихъ, какъ въ произведеніи рѣшительнаго и яркаго, но молодаго, не успѣвшаго еще окрѣпнуть, таланта, болѣе свободной игры фантазіи, нежели истиннаго творчества (*). Авторъ изображаетъ здѣсь исключительно жизнь своей родины— Малороссіи. Общій характеръ «Вечеровъ»—наивность, задушевная веселость. Юморъ ихъ простодушенъ, какъ юморъ народа, и потому, послѣ чтенія ихъ, становится свѣтло и легко на душѣ читателя, какъ было свѣтло и легко на душѣ самого поэта.

Въ «Миргородѣ» талантъ Гоголя созрѣлъ до истиннаго творчества. Это уже не разсказы, оставляющіе по себѣ простодушный, веселый смѣхъ, а превосходныя поэтическія созданія, равно поражающія и силою основной мысли, и рѣдкою выдержанностью характеровъ, и необыкновеннымъ искусствомъ завязать и развязать драму. И здѣсь авторъ не выходитъ изъ Малороссіи; но содержаніе этихъ малороссійскихъ разсказовъ общечеловѣческое, приводящее насъ къ идеѣ нравственнаго величія человѣка. Такова повѣсть «Старосвѣтскіе Помѣщики», повѣсть—портретъ, простая, но вѣрная и полная важнаго смысла картина изъ быта старыхъ малороссійскихъ помѣщиковъ; она смѣшитъ читателя до конца, и между тѣмъ возбуждаетъ искреннее сочувствіе къ доброй четѣ, хотя это сочувствіе не мѣшаетъ видѣть пустоты ихъ жизни, проходящей

(*) Авторъ съ несправедливою строгостью судитъ „Вечера на Хуторѣ," называя ихъ первоначальными, ученическими опытами, недостойными строгаго вниманія читателя.

въ мелкихъ хозяйственныхъ
тахъ, угощеніи сосѣдей,
стулѣ, и пр. Тарасъ Буль
другое, высшее достоинство.
стороны, это превосходное
сказаніе о временахъ Запор
личавая поэма, въ которой
разилась эпоха удальства
говъ казачества; съ другой—
драма съ ея сильными хара
роковою развязкою. Въ «Ві
хотѣлъ снова перенестись в
фантастическаго, но фантазія
лась служить ему съ прежне
дой: онъ запутался въ из
подробностей, и потому п
производитъ сильнаго впе
Достоинство ея—занимател
кая картина кіевской бурсы
вой жизни бурсаковъ. «Сс
Ивановича съ Иваномъ Ник
чемъ» есть какъ бы переход
рой степени развитія талан
къ третьей: она исполнена ко
оканчивается воплемъ на ску
Въ заключительныхъ словахъ
но на этомъ свѣтѣ, господа»,
ся жалоба на безплодное суш
віе дѣйствующихъ лицъ повѣ

«Ревизоромъ» начинается и
выми Душами» заключается
степень художественныхъ
Гоголя. Въ первомъ пром
одинъ только смѣхъ являет
нымъ (и вмѣстѣ карающимъ)
А во второмъ, между дѣйст
лицами, взятыми изъ пошлой
человѣческой жизни, является
кинъ, нисшедшій до ничтожно
лочности, гадости. Образы о
людей онъ нравственнаго вели
ставлены еще въ другихъ д
медіяхъ: Женитьба и Игрок
какъ и въ повѣстяхъ: Невс
спектъ, Портретъ, Записки Су
шаго и Шинель. Главное лице
ней (Акакій Акакіевичъ) дох
такой степени мелкости, что
ная вещь становится для нег
шкомъ сильной радости и гн

горя, играя какъ бы роль судьбы въ жизни разумнаго существа.

Юмористическое изображеніе людской пошлости, приводя насъ къ идеѣ истинной жизни, къ понятію о совершенствѣ человѣка, даетъ Гоголю высокое мѣсто между поэтами. Комизмъ его служитъ средствомъ къ прекрасному, потому что «правится мыслью о прекрасномъ.» Эта мысль лежитъ въ основѣ всѣхъ его комедій, повѣстей и поэмъ. Онъ не ограничивается типическими лицами своихъ созданій, какъ единичными образами, не имѣющими отношенія къ общему. Для него лицо важно, какъ представитель извѣстной сферы. Онъ тогда только вдохновляется индивидуальнымъ частнымъ, когда чувствуетъ возможность проникнуть съ нимъ въ кругъ болѣе обширный. Собраніе его сочиненій можно назвать художественной статистикой. Въ «Мертвыхъ Душахъ» есть строки, показывающія, что мысль о несовершенствѣ одного общества приводила его къ мысли о несовершенномъ состояніи всего человѣчества. Онъ говоритъ: «какія искривленныя, глухія, узкія, непроходимыя, заносящія далеко въ сторону дороги избирало человѣчество, стремясь достигнуть вѣчной истины, тогда какъ передъ нимъ весь былъ открытъ прямой путь.»

Важнѣйшія изъ сочиненій Гоголя: «Ревизоръ» и «Мертвыя Души». «Ревизоръ» есть художественная картина провинціальнаго общества. По идеѣ, развитію дѣйствія, занимательности положеній, полнотѣ характеровъ, эта піеса стоитъ на ряду съ образцовыми произведеніями нашей поэзіи. Основная идея состоитъ въ представленіи эгоизма и своекорыстія подъ личиною усердія къ общей пользѣ. Завязкою служитъ, какъ говоритъ самъ авторъ, страхъ идущаго вдали закона. Онъ воспользовался для этого однимъ старымъ анекдотомъ и развилъ изъ него превосходное комическое дѣйствіе, не прибѣгая ни къ какимъ театральнымъ эффектамъ. Нѣкоторые находятъ завязку неправдоподобною; но, во-первыхъ, авторъ не самъ изобрѣлъ ее: она существовала до него; во-вторыхъ—онъ вовсе не хотѣлъ доказать правдоподобія завязки, а только весьма искусно воспользовался ею, чтобы однимъ узломъ связать все комическое піесы. Лица дѣйствующія чрезвычайно разнообразны, въ чемъ особенно выразилась сила творческаго таланта Гоголя. Выводя на сцену провинціаловъ, онъ хотѣлъ въ ихъ лицѣ изобразить недостатки общіе, свойственные въ извѣстной мѣрѣ всѣмъ классамъ. Съ этой стороны «Ревизоръ» имѣетъ, какъ мы выше замѣтили, весьма важное значеніе. Самъ авторъ указываетъ на представленіе общаго въ индивидуальномъ, разсуждая такъ о Хлестаковѣ: «это лицо должно быть типомъ многаго, разбросаннаго въ разныхъ русскихъ характерахъ, но которое здѣсь соединилось случайно въ одномъ лицѣ, какъ весьма часто попадается и въ натурѣ. Всякій хоть на минуту, если не на нѣсколько минутъ, дѣлался или дѣлается Хлестаковымъ, но натурально въ этомъ не хочетъ только признаться; онъ любитъ даже и посмѣяться надъ этимъ фактомъ, но только конечно въ кожѣ другаго, а не въ собственной. Словомъ, рѣдко кто Хлестаковымъ не будетъ хоть разъ въ жизни,—дѣло только въ томъ, что вслѣдъ за тѣмъ очень ловко повернется, и какъ будто бы и не онъ.» (Письмо послѣ перваго представленія Ревизора).

«Мертвыя Души» совершенно отчетливо разсмотрѣны въ критической статьѣ г-на Шевырева (Москвит., 1843, №№ 7 и 8), изъ которой сокращенно извлекаемъ то, что относится къ идеѣ, содержанію и характерамъ поэмы.

Краткое содержаніе «Мертвыхъ Душъ» изложено выше (Примѣч. ко 2-й ч.) — Герой поэмы, Чичиковъ, есть плутоватый человѣкъ, какъ вс-

разился самъ авторъ. Внутренняя наклонность, уроки отца и обстоятельства воспитали въ немъ страсть къ пріобрѣтенію, почему можно назвать его также пріобрѣтателемъ. Другія дѣйствующія лица: Маниловъ, Коробочка, Ноздревъ, Собакевичъ, Плюшкинъ, кучеръ Селифанъ и лакей Петрушка. Маниловъ представляетъ многое множество людей, о которыхъ можно сказать вмѣстѣ съ авторомъ: люди такъ себѣ, ни то ни се, ни въ городѣ Богданъ, ни въ селѣ Селифанъ. Они вообще добрые люди, но пустые; все и всѣхъ хвалятъ, но въ ихъ похвалахъ нѣтъ никакого толку. Живутъ въ деревнѣ, хозяйствомъ не занимаются, а предаются праздными мечтаніямъ. Пустота ихъ сладкой и приторной жизни отзывается баловствомъ въ дѣтяхъ и дурнымъ воспитаніемъ. Мечтательное ихъ бездѣйствіе отражается на всемъ ихъ хозяйствѣ.—Коробочка—типъ дѣятельной помѣщицы-хозяйки; она вся живетъ въ своемъ хозяйствѣ, и ничего другаго не знаетъ. Ноздревъ—разбитной малый; къ нему также идутъ эпитеты: безалаберный, взбалмошный, хвастунъ, забіяка, враль. «Душа Собакевича», говоритъ самъ Гоголь, «казалось, закрыта такою толстою скорлупою, что все, что ни ворочалось на днѣ ея, не производило рѣшительно никакого потрясенія на поверхности». Тѣло, медвѣжьяго устройства, осилило въ немъ все, заволокло всего человѣка и ужъ стало не способно къ выраженію душевныхъ движеній. Онъ обжорливъ и жаденъ къ деньгамъ. Умъ дѣйствуетъ въ немъ на столько, на сколько нужно сплутовать и зашибить деньгу. Онъ — человѣкъ-кулакъ; его тугая натура любитъ торговаться, но ужъ за то, сладивъ дѣло, можно было оставаться спокойнымъ; ибо Собакевичъ человѣкъ солидный и твердый. Плюшкинъ—типическое лицо *скупца*. Поэтъ разсказываетъ его *психологическую* метаморфозу: какъ *скупость покорила* себя его душу, уничтожила всѣ чувства и превратила человѣка въ животное. — Есть еще живущее въ поэмѣ своею полною, ною жизнію и созданное комич фантазіею поэта. Это лицо есть г N. Оно сложено изъ многихъ дан которыя, будучи подмѣчены наб тельностью автора въ разныхъ мѣ и прошедъ чрезъ его комическій к слились въ одной цѣлое.—Въ с жаніи «Мертвыхъ Душъ» глубок житъ матеріальная сторона жи даетъ поэмѣ весьма важное, ст смѣшное, въ глубинѣ грустное ченіе. Поэтъ обѣщаетъ предста другую сторону жизни, разобл предъ нами сокровища русской конецъ его поэмы исполненъ б роднаго, высокаго предчувствія свѣтлой половины бытія. И так держаніемъ «Мертвыхъ Душъ»—в веденія, по обширности и гл превышающаго всѣ прежнія про денія автора,—должна быть вся ская жизнь. Представленіе общ индивидуальномъ, о чемъ мы гов выше, указано и самимъ авт Мертвыхъ Душъ и его критико «Ужъ полно нѣтъ ли въ каждом насъ какой-нибудь части Чичи восклицаетъ первый, изобразив рактеръ своего героя. Второй, х теризуя Манилова, говоритъ: «К не тысячи лицъ сведены въ лицѣ; Маниловъ представляетъ м множество людей».

До сихъ поръ мы разсматр отличительное свойство талант голя, имъ самимъ признанное и боромъ его сочиненій обнаруж мое. Но это свойство есть толь личительная, преимущественная, сдинственная его принадлежност не исключаетъ другой стороны таланта—умѣнья творчески воспр водить возвышенное жизни, рис картины душевной силы и нравс наго достоинства. Эта другая ст ясно открывается и собственными вами автора, который говоритъ

ным ключемъ грозная вьюга вдох-
венья поднимется изъ облеченной
святой ужасъ и въ блистанье гла-
, и почуютъ въ смущенномъ трепетѣ
личавый громъ другихъ рѣчей», и
о обѣщаніемъ представить, въ слѣ-
ующихъ томахъ Мертвыхъ Душъ, свѣт-
ую половину жизни, и его глубокою
умчивостью въ великое будущее
ашего отечества, и высоколириче-
кими мѣстами перваго тома поэмы,
ставленными въ разсказъ, и тѣми от-
адными образами добра, красоты,
лы и величія, которые художествен-
ю представлены имъ въ нѣкоторыхъ
очиненіяхъ (въ Тарасѣ Бульбѣ, Римѣ
другихъ). Высокій талантъ автора
учается, что и трагическое, граціоз-
ое, величественное изобразятся имъ
е ниже комическаго, безобразнаго,
ошлаго.

Раскрывъ господствующее свойство
аланта Гоголя и содержаніе его со-
иненій, покажемъ и другія черты его
ъ отношеніи къ художественному
аченію піесъ.

Гоголь есть истинный поэтъ — ху-
ожникъ. По силѣ творчества, онъ
тоитъ на ряду съ извѣстнѣйшими
оэтами. Онъ одаренъ могучимъ яс-
овидѣніемъ жизни, необыкновеннымъ
аромъ постиженія. Психологическій
ализъ характеровъ, имъ создавае-
ыхъ, изумляетъ своею глубиною и
ѣрностью. Многіе упрекали автора
теперь эти упреки сдѣлались крайне
езразсудны) за то, что онъ выбираетъ
ошлое и низкое предметомъ для сво-
го искуства. Пошлая жизнь, какъ и
е въ мірѣ, имѣетъ свое мѣсто въ ис-
уствѣ. Не въ томъ дѣло, «что» изо-
разилъ художникъ, а въ томъ,
акъ» онъ изобразилъ это. Гоголь не
опируетъ низкой дѣйствительности, а
оспроизводитъ ее, «возводитъ ее въ
ерлъ созданія». Гоголь вѣрно и бла-
ородно показалъ истинность и важ-
ость юмористическаго изображенія, и
лова его служатъ самымъ лучшимъ
проверженіемъ *неразумныхъ* упре-
ковъ. Въ одномъ мѣстѣ Мертвыхъ Душъ сличаетъ онъ судьбу двухъ писателей, изъ которыхъ одинъ взялъ на свою долю свѣтлую, возвышенную, героическую сторону жизни, а другой — «дерзнулъ вызвать наружу все, что ежеминутно передъ очами и чего не зрятъ равнодушныя очи, всю страшную тину мелочей, опутавшихъ нашу жизнь, всю глубину повседневныхъ характеровъ, которыми кишитъ наша земная дорога». Вотъ что говоритъ онъ о созданіяхъ послѣдняго: «равно чудны стекла, озирающія солнце, и передающія движенья незамѣченныхъ насѣкомыхъ; много нужно глубины душевной, дабы озарить картину, взятую изъ презрѣнной жизни, и возвести ее въ перлъ созданья; высокій восторженный смѣхъ достоинъ стать рядомъ съ высокимъ лирическимъ движеньемъ».

Созданія Гоголя разнообразны какъ относительно описываемымъ мѣстъ, такъ относительно и лицъ изображаемыхъ. У него и различныя ступени общества и различныя картины природы: читатель видитъ Великороссію и Малороссію, столицу и провинцію, нравы города и деревенскіе обычаи. Замѣчательно глубокое, вполнѣ-поэтическое сочувствіе къ природѣ. Оно высказывается въ описаніи украинскихъ ночей, Днѣпра, степи, сада Плюшкина, дороги, и пр. Не менѣе замѣчательно и постиженіе пластической красоты, ярко-обнаруженное въ созданіи Аннунціаты (Римъ). Эти двѣ симпатіи: къ природѣ и пластической красотѣ человѣка, соотвѣтствуютъ сознанію нравственнаго достоинства нашего, сочувствію къ красотѣ душевной, которая лежитъ въ основаніи всѣхъ его созданій, есть, такъ сказать, цѣль и результатъ его юмористическихъ изображеній пошлаго.

Изображенія Гоголя истинны: въ нихъ изображена существенная жизнь, а не мечты о жизни. Нѣкоторое почитали и почитаютъ изображенія его ка-

рикатурными. Мнѣніе несправедливое. Оно происходитъ, большею частью, отъ малаго вниманія нашего къ различнымъ сферамъ и степенямъ жизни, такъ что мы не знаемъ и не хотимъ знать того, что лежитъ внѣ нашей собственной жизни. Упрекали его также за цинизмъ картинъ: упрекъ несправедливый. Если картина, вѣрная дѣйствительности, не выступаетъ изъ предѣловъ изображенія, полагаемыхъ законами изящнаго, тогда она оправдана. Кто вооружается противъ нея, тотъ высказываетъ ложное направленіе вкуса.

Наконецъ изображенія Гоголя національны, по духу и формѣ, по содержанію и языку. Что Крыловъ выразилъ въ тѣсной сферѣ басни, то самое Пушкинъ и Гоголь выразили въ сферѣ болѣе обширной: они распространили вліяніе народности на всю словесность.

Остается показать свойства выраженія Гоголя. Здѣсь надобно отличить строеніе рѣчи отъ слога. Подъ рѣчью разумѣются общія свойства выраженія, а подъ слогомъ особенный, личный способъ выраженія, зависящій отъ духовныхъ способностей. Если первомъ отношеніи встрѣчаются у Гоголя нѣкоторые недостатки (нап точное употребленіе словъ, ош противъ управленія и согласо словъ), то, въ другомъ, слогъ представляетъ важныя досто ва (*). Существенныя его отличія обыкновенная изобразительность; нообразіе въ разговорахъ лицъ, в да живо-изображающее особенный рактеръ каждаго, и особенная въ мѣстахъ патетическихъ, когда п воодушевленъ чувствомъ или мы какъ наприм. въ лирическихъ от кахъ «Мертвыхъ Душъ» и въ нѣкото письмахъ. Послѣднее сочиненіе бранныя мѣста изъ переписки друзьями) представляетъ много об цовъ одушевленнаго, поэтичес краснорѣчія.

(*) Легко исправить ошибки противъ с нія рѣчи, трудно пріобрѣсть отличи ный слогъ. Прочти, для примѣра, саніе сада Плюшкина (Христ. ч. 2), живопись до малѣйшихъ подробно которая дается только писателю, од ночу сильной фантазіей, хотя оби число придаточныхъ предложеній, прерывныя причастія на «шій» и «щ дѣлаютъ рѣчь нелегкою и неглад

КОНЕЦЪ.

UNIVERSITY OF MICHIGAN
3 9015 02765 7389

DO NOT REMOVE
OR
MUTILATE CARD